

Эдгар Берроуз

ТАРЗАН

Том первый

Тарзан, приёмш обезьяны

I

В МОРЕ

Я был в гостях у одного приятеля и слышал от него эту историю.

Он рассказал мне ее просто так, безо всякого повода. Мог бы и не рассказывать. Начал он ее под влиянием винных паров, а потом, когда я сказал, что не верю ни одному его слову, это удивило его, и он, подстрекаемый моим недоверием, счел себя вынужденным рассказать все до конца.

Человек он был радушный, но гордый и обидчивый до нелепости. Задетый моим скептицизмом, он, для подкрепления своих слов, представил мне какую-то засаленную рукопись и кипу старых сухих отчетов Британского Министерства Колоний.

Однако, я и теперь не решусь утверждать, что все в этом рассказе достоверно. Ведь событий, изображаемых здесь, я не видел своими глазами. А может быть это и правда, кто знает! Я, по крайней мере, счел благоразумным дать главным героям рассказа вымышленные имена и фамилии.

Засаленная рукопись, с заплесневелыми и пожелтевшими листьями, оказалась дневником одного человека, которого давно уже нет в живых. Когда я прочитал этот дневник, и познакомился с отчетами Министерства Колоний, я увидел, что эти документы вполне подтверждают рассказ моего гостеприимного хозяина.

Таким образом, то, что вы прочтете на дальнейших страницах, тщательно проверено мною и заимствовано из разных источников.

Если же этот рассказ не внушит вам большого доверия, вы все же согласитесь со мною, что он — изумительный, интересный, диковинный.

Из записок человека, которого давно нет в живых, а также из отчетов Министерства Колоний мы узнаем, что один молодой английский офицер (мы назовем его Джоном Клейтоном, лордом Грейстоком) был послан в Западную Африку, в одну из британских прибрежных колоний, произвести там исследование весьма деликатного свойства.

Дело в том, что жители этой колонии были народ простодушный; и вот, одна из европейских держав, пользуясь их наивностью, стала вербовать их в солдаты для своей колониальной армии, причем эта армия только и делала, что отнимала резину и слоновую кость у дикарей, живущих по берегам Арувими и Конго.

Несчастные жители британской колонии жаловались, что вербовщики, соблазняя тамошнюю молодежь идти в солдаты, сулили ей золотые горы, а между тем немногие из этих доверчивых рекрутов вернулись назад.

Англичане, жившие в этой колонии, подтвердили жалобы туземцев и прибавили со своей стороны, что чернокожие солдаты, завербованные иностранной державой, в действительности стали рабами: пользуясь их невежеством, белые офицеры не отпускают их на родину по истечении срока службы, а говорят им, что они должны прослужить еще несколько лет.

Ввиду этого, Министерство Колоний послало Джона Клейтона в Африку, предоставив ему новый пост, причем конфиденциально ему было поручено сосредоточить все свое внимание на жестоком обращении офицеров дружественной европейской державы с чернокожими британскими подданными.

Впрочем, нет надобности распространяться о том, зачем и куда был послан Джон Клейтон, так как в конце концов он не только не расследовал этого дела, но даже не доехал до места своего назначения.

Клейтон был из тех англичан, которые издревле прославили Англию своими геройскими подвигами в морских боях и на поле сражения, — мужественный, сильный человек, сильный и душою и телом.

Росту он был выше среднего. Глаза серые. Лицо правильное, резко очерченное. В каждом движении чувствовался крепкий, здоровый мужчина, прошедший многолетнюю военную выправку.

Он был честолюбив. Ему хотелось играть роль в политике. Оттого он и перевелся из офицеров в чиновники Министерства Колоний и взялся исполнить то поручение весьма деликатного свойства, о котором мы сейчас говорили.

Когда Джон Клейтон узнал, какие задачи возлагает на него Министерство, он был и польщен и обрадован, но в то же время весьма опечален. Ему было приятно, что его многолетняя служба в

армии оценена по заслугам, что за свои труды он получает такую большую награду, что перед ним открывается широкое поприще для дальнейшей карьеры;

Но ехать теперь в Африку ему не хотелось: ведь не прошло и трех месяцев с тех пор, как он женился на красавице Элис Рутерфорд, и ему казалось безумием везти свою молодую жену в тропическую глушь, где лютые опасности подстерегают человека на каждом шагу.

Ради любимой женщины он охотно отказался бы от возложенной на него миссии, но леди Элис и слышать об этом не хотела. Напротив, она требовала, чтобы он отправился в Африку и взял ее с собою.

Конечно, у юной четы были матери, братья, сестры, тетки, кузены, кузины, и каждый и каждая из них выражали свои мнения по этому поводу; но каковы были эти мнения, история умалчивает. Да это и не существенно.

Нам известно лишь одно: что в 18** году, в одно прекрасное майское утро лорд Грейсток и его супруга, леди Элис, выехали из Дувра в Африку.

Через месяц они прибыли в Фритаун, где зафрахтовали небольшое суденышко «Фувальду», которое должно было доставить их к месту назначения.

Ничего больше неизвестно о лорде Джоне Грейстоке и его супруге, леди Элис. Они сгинули, исчезли, пропали!

Через два месяца после того, как «Фувальда» подняла якорь и покинула гавань Фритауна, около полудюжины британских военных судов появились в водах Южного Атлантического океана, тщетно пытаясь отыскать хоть какой-нибудь след погибших именитых путешественников. Не прошло и нескольких дней, как у берегов острова св. Елены этой эскадре удалось обрести осколки какого-то разбитого судна, и все тотчас уверовали, что это — осколки «Фувальды», что «Фувальда» утонула со всем своим экипажем. Поэтому дальнейшие поиски были приостановлены в самом начале, хотя много было любящих сердец, которые все еще надеялись и ждали.

«Фувальда», парусное трехмачтовое судно, не больше ста тонн, было самым заурядным кораблем в тех местах: тысячи таких суденышек обслуживают местную торговлю и шныряют вдоль всего побережья. Их команда обычно состоит из отчаянных головорезов и беглых каторжников — всех народов и всех племен.

«Фувальда» не была исключением из общего правила; на судне процветал мордобой. Матросы ненавидели начальство, а начальство ненавидело матросов. Капитан был опытный моряк, но со своими подчиненными обращался, как зверь. Разговаривая с ними, он знал только два аргумента: либо плеть, либо револьвер. Да и то сказать, этот разноплеменный сброд вряд ли мог бы уразуметь какой-нибудь другой разговор.

На второй же день после того, как лорд Грейсток и леди Элис отъехали из Фритауна, им, довелось быть свидетелями таких отвратительных сцен, разыгравшихся на борту их судна какие они издавна привыкли считать выдумкой досужих беллетристов.

То, что произошло в этот день рано утром на палубе «Фувальды», явилось, как это ни странно сказать, первым звеном в той цепи удивительных событий, которая завершилась самым неожиданным образом: некто, еще не рожденный, очутился в такой обстановке, в какой не был еще ни один человек, и ему была назначена судьбою такая необыкновенная жизнь, какой, кажется, не изведал никто с тех пор, как существует человеческий род. Началось это так.

Два матроса мыли палубу «Фувальды»; капитан стоял тут же, на палубе и разговаривал о чем-то с лордом Клейтоном и его юной супругой.

Все трое стояли спиною к матросам, которые мыли палубу. Ближе и ближе придвигались матросы; наконец, один из них очутился за спиной у капитана. Как раз в эту минуту капитан, окончив разговор с лордом и леди, сделал шаг назад, чтобы уйти. Но наткнувшись на матроса, он упал и растянулся на мокрой палубе, причем зацепил ногой за ведро; ведро опрокинулось и окатило капитана грязной водой.

На минуту вся сцена показалась забавной, но только на минуту.

Капитан рассвирепел. Он чувствовал себя опозоренным. Весь красный, от унижения и ярости, с целым градом бешеных ругательств, накинулся он на несчастного матроса и нанес ему страшный удар кулаком. Тот так и рухнул на палубу.

Матрос был худой, маленького роста, уже не молодой, тем постыднее казалась расправа, которую учинил капитан. Но другой матрос был широкоплечий детина, здоровенный медведь, усы черные, шея воловья.

Увидев, что его товарищ упал, он присел к земле, зарычал, как собака, и одним ударом кулака повалил капитана на пол.

Мгновенно лицо капитана из пунцового сделалось белым. Бунт! Это был бунт! Усмирять бунты зверю-капитану приходилось не раз. Ни минуты не медля, он выхватил из кармана револьвер и выстрелил в упор в своего могучего врага. Но Джон Клейтон оказался проворнее: чуть только он увидел, что оружие сверкнуло на солнце, он подбежал к капитану и ударил его по руке, вследствие чего пуля угодила матросу не в сердце, а гораздо ниже — в колено.

В очень резких выражениях Клейтон тотчас же поставил капитану на вид, что он не допустит такого зверского обращения с командой и считает его возмутительным.

Капитан уже открыл было рот, чтобы ответить ругательством на замечание Клейтона, но вдруг его словно осенила какая-то мысль, и он не сказал ничего, а круто повернулся и, с невнятным рычаньем, мрачно ушел на корму.

Он понимал, что не слишком выгодно раздражать британского чиновника, ибо могучая рука королевы может скоро направить на него грозное и страшное орудие кары — вездесущий британский флот.

Матросы приподнялись с палубы: пожилой помог своему раненому товарищу встать. Широкоплечий великан, который среди матросов был известен под кличкой Черный Майкэл, попытался двинуть простреленной ногой; когда оказалось, что это возможно, он повернулся к Клейтону и довольно неуклюже выразил ему свою благодарность.

Слова его были грубы, но в них звучало искреннее чувство.

Он резко оборвал свою краткую речь и зашагал, прихрамывая, по направлению к кубрику, показывая этим, что лорд Клейтон не должен отвечать ему ни слова.

После этого ни Клейтон, ни его жена не видали его несколько дней. Капитан не разговаривал с ними, а когда ему приходилось по службе сказать им несколько слов, он сердито и отрывисто буркал.

Они завтракали и обедали в капитанской каюте, потому что так у них повелось еще до этого несчастного случая, но теперь капитан не появлялся к столу, всякий раз ссылаясь на какое-нибудь неотложное дело.

Помощники капитана, все как на подбор, были неграмотные бесшабашные люди, чуть-чуть почище того темного сброда матросов, над которым они так злодейски тиранствовали. Эти люди, по весьма понятным причинам, при всяких встречах с прекрасно воспитанным лордом чувствовали себя не в своей тарелке и потому избегали какого бы то ни было общения с ним.

Таким образом, Клейтоны — муж и жена — очутились в полном одиночестве.

В сущности, это одиночество им было только приятно, но, к сожалению, они таким образом стали отрезаны от жизни своего корабля и оказались неподготовленными к той страшной кровавой трагедии, которая разыгралась через несколько дней.

А между тем, уже тогда можно было предвидеть, что близка катастрофа. Внешним образом жизнь на корабле шла по-прежнему, но внутри что-то разладилось и грозило великой бедой. Это инстинктивно ощущали и лорд Клейтон, и его жена, но друг другу об этом не говорили ни слова.

На другой день после того, как пуля капитана прострелила Черному Майкэлу ногу, Клейтон, выйдя на палубу, увидел, что четыре матроса, с угрюмыми лицами, несут какое-то бездыханное тело, а сзади шествует старший помощник, держа в руке тяжелую нагайку.

Клейтон предпочел не вникать в это дело, но на следующий день, увидев на горизонте очертания британского военного судна, решил потребовать, чтобы капитан немедленно причалил к нему. Лорду Клейтону было ясно, что при тех мрачных порядках, которые установились на «Фувальде», вся его экспедиция может окончиться только несчастьем.

Около полудня они подошли так близко к военному судну, что могли бы вступить в переговоры с ним; но как раз в ту минуту, когда Клейтон вознамерился обратиться к капитану с изъявлением своего желания покинуть «Фувальду», ему пришло в голову, что все его страхи вздор и что капитан только посмеется над ним.

В самом деле, какие были у него основания просить офицера, командующего военным кораблем великобританского флота, изменить свой рейс и вернуться туда, откуда он только что прибыл?

Конечно, Клейтон может сказать, что он не пожелал остаться на борту своего корабля, так как его капитан сурово наказал двух

нарушивших дисциплину матросов. Но такое объяснение покажется офицерам военного судна смешным, и они втихомолку позабавятся над чувствительным лордом, а, пожалуй, сочтут его трусом.

Ввиду таких соображений, Джон Клейтон, лорд Грейсток, не стал просить, чтобы его доставили на военный корабль; но уже к вечеру, когда трубы броненосца скрылись за далеким горизонтом, он стал раскаиваться в своей излишней боязни показаться смешным, так как на «Фувальде» разыгрались ужасные события.

Случилось так, что часа в два или три пополудни тот самый пожилой матрос невысокого роста, которого несколько дней тому назад капитан ударил по лицу кулаком, чистил на палубе медные части. Приблизившись к Клейтону, он пробормотал еле слышно:

— Будет ему нахлобучка... Помните мое слово: будет... Это ему даром не пройдет...

— Что вы хотите сказать? — спросил у него Клейтон.

— А разве вы сами не видите, какие тут у нас заварилась дела? Этот сатана-капитан и его мерзавцы-подручные чуть не всю команду искалечили до смерти... Вчера двоих, да сегодня троих. Но Черный Майкэл опять на ногах; погоди, он покажет им, как измываться над нами. Уж он расправится с ними, помяните мое слово.

— Вы хотите сказать, — спросил Клейтон, — что команда корабля затевает мятеж?

— Мятеж! — воскликнул старый матрос. — Какой там мятеж! Не мятеж, а убийство! Уж мы его укокошим, я вам это говорю!

— Когда?

— Скоро! А когда, не скажу, я и так наболтал слишком много. Но вы хороший господин, вы тогда вступились за меня и за Черного Майкэла, и потому я сказал вам словечко. Но держите язык за зубами, и когда услышите выстрелы, ступайте в трюм и оставайтесь там, а не то попадет и вам.

И старик, закончив работу неподалеку от лорда, направился дальше к другим, еще невычищенным, медным частям.

Леди Элис стояла тут же и слышала каждое слово матроса.

— Недурные развлечения у нас впереди! — сказал иронически Клейтон.

— Нужно сейчас же предупредить капитана, — воскликнула леди Клейтон. — Может быть, ему удастся отвлечь катастрофу.

— Пожалуй, это будет самое лучшее, — отозвался лорд, — хотя, чтобы сохранить свою шкуру, я должен бы держать язык за зубами. Теперь, что бы ни случилось на судне, матросы не тронут ни тебя, ни меня, потому что они видели, как я заступился за этого старика и за Черного Майкэла. Но если они узнают, что я предатель, что я разболтал обо всем капитану, нам обоим не будет пощады.

— Но, милый Джон, — возразила жена, — если ты не предупредишь капитана о готовящемся на него покушении, ты тем самым окажешься виновным в убийстве, ты будешь соучастником этих злодеев.

— Ты не знаешь, что ты говоришь, моя милая, — ответил Клейтон. — Ведь я забочусь только о тебе. Капитан сам виноват, он заслужил эту кару; зачем же я стану подвергать опасности мою жену ради спасения такого жестокого зверя? Ты не можешь себе представить, мой друг, как ужасна будет наша жизнь, если «Фувальда» окажется во власти этих головорезов и каторжников!

— Долг есть долг, — заявила жена, — никакие софизмы не помогут тебе уклониться от выполнения долга. Я была бы недостойна тебя, если бы из-за меня тебе пришлось хоть раз изменить своему долгу. Конечно, я знаю, что последствия могут быть ужасны, но я безбоязненно встречу их рядом с тобою. Лучше самая ужасная опасность, чем позор. А ты только подумай, как велики будут твои угрызения совести, если с капитаном, действительно, случится несчастье!

— Ну, будь по-твоему, Элис! — ответил, улыбаясь, Джон Клейтон. — Может быть, мы напрасно тревожимся... Конечно, дела на корабле идут не важно, но мы, кажется, сгущаем краски. Весьма возможно, что этот старый матрос сообщал нам не реальные факты о положении вещей, а только свои мечты и желания! Ему хочется отомстить обидевшему его капитану, вот он и сочиняет, будто эта месть неизбежна... Вообще мятежи на кораблях уже вышли из моды. Лет сто тому назад они были заурядным явлением, а теперь о них давно не слышать... Но вот капитан идет к себе в каюту. Я пойду к нему сейчас и скажу ему о том, что я слышал, так как мне хочется кончить это гнусное дело скорее. Не очень-то мне приятно разговаривать с этим животным.

Сказав это, он с беззаботным видом направился к каюте капитана и постучал к нему в дверь.

— Войдите! — сердито зарычал капитан. Когда Клейтон вошел в каюту и закрыл за собою дверь, капитан рявкнул отрывисто:

— Ну?

— Я пришел сообщить вам, что сегодня я случайно подслушал один разговор, из которого мне стало ясно, что ваши люди затевают мятеж и замышляют убийство.

— Ложь! — заревел вне себя капитан. — И если еще раз у вас хватит нахальства лезть не в свое дело и подрывать дисциплину на моем корабле, я не поручусь за последствия! Черт вас возьми! Вы думаете, я очень боюсь, что вы лорд? Наплевать мне на лорда! Я — капитан корабля и никому не позволю совать нос в мои распоряжения.

К концу этой яростной речи взбешенный капитан потерял всякий контроль над собою, лицо у него покраснело, и последние слова он выкрикнул громким фальцетом, стуча одним кулаком по столу, а другим потрясая перед самым носом Клейтона.

Кулаки у него были огромные.

Клейтон не шелохнулся. Он спокойно стоял и смотрел разъяренному капитану в глаза, как будто ничего не случилось.

— Капитан Виллинг, — сказал он, наконец, — простите, пожалуйста, мою откровенность, но я позволю себе высказать вам, что, по-моему, вы — осел!

Сказав это, он немедленно повернулся и вышел из каюты своей обычной непринужденной, спокойной походкой. Эта походка несомненно должна была вызвать в таком вспыльчивом человеке, каким был капитан, новые приступы ярости.

Если бы Клейтон ничего не сказал капитану, весьма возможно, что капитан через минуту раскаялся бы в своей излишней горячности; но своим поведением Клейтон раз и навсегда уничтожил всякую возможность примирения.

Теперь уже нельзя было надеяться, что, в случае каких-нибудь несчастий, капитан окажется союзником Клейтона и вместе с ним примет меры для самозащиты от взбунтовавшихся матросов.

— Ну, Элис, — сказал Клейтон, вернувшись к жене, — ничего хорошего не вышло. Этот молодец оказался неблагодарной свиньей. Накинулся на меня, как бешеный пес ... А пускай матросы делают с

ним, что хотят, мы должны позаботиться о себе сами. Первым делом идем к себе в каюту. Я приготовлю мои револьверы. Жаль, что наши ружья и снаряды находятся внизу, в багаже.

Когда они пришли к себе в каюту, они нашли там страшный беспорядок. Кто-то рылся у них в чемоданах и разбросал по каюте их платье. Даже койки, и те были сломаны, а постель валялась на полу.

— Очевидно, — воскликнул Клейтон, — кому-то наши вещи показались очень интересны. Интереснее даже, чем нам. Но что искали эти люди? Посмотри, чего не хватает. Клейтон перебрал все имущество, которое было в каюте.

Все оказалось в целости. Ничего не пропало. Исчезли только два револьвера да пули.

— Жаль, — сказал Клейтон. — Они взяли наиболее ценное. Теперь уже нельзя сомневаться, что нам угрожает бунт.

— Что же нам делать, Джон? — воскликнула жена. — Теперь я не стану настаивать, чтобы ты пошел к капитану, потому что не хочу, чтобы ты снова подвергся оскорблению. Может быть, будет лучше всего, если мы останемся нейтральны. Предположим, что победит капитан. Тогда все пойдет по-прежнему, и бояться нам нечего. А если победят матросы, будем надеяться (хотя, кажется, надежда плоха), что они не тронут нас, так как увидят, что мы не мешали им действовать.

— Хорошо, Элис! Будем держаться по середине дороги! Они стали приводить свою каюту в порядок и только тогда заметили, что из-за двери торчит клочок какой-то бумажки. Клейтон нагнулся поднять ее, но с изумлением увидел, что она сама пролезает в дверь. Было ясно, что кто-то просовывает ее с той стороны.

Он ринулся вперед и уже взялся за ручку, чтобы распахнуть дверь и настигнуть неизвестного человека врасплох, но жена схватила его за руку.

— Не надо! — шепнула она. — Ведь ты хотел держаться «по середине дороги».

Клейтон улыбнулся, и рука у него опустилась. Муж и жена стояли рядом и смотрели, не двигаясь, как вползает к ним в комнату маленькая, беленькая бумажка. Наконец, она остановилась. Клейтон нагнулся и поднял ее. Это была сложенная вчетверо, грубая шершавая бумажка.

Развернув ее, Клейтоны увидели какие-то малограмотные каракули, выведенные рукой, явно непривычной к перу.

Эти каракули предупреждали Клейтона, чтобы он не смел сообщать капитану о пропаже револьвера и также не говорил никому о своем разговоре с матросом. Иначе и ему и его жене — смерть.

— Ну, что ж, будем паиньки, — сказал Клейтон с горькою усмешкой.

— Нам ничего другого не осталось, как сидеть смирно и ждать своей участи.

II

ДИКОЕ УБЕЖИЩЕ

Ждать им пришлось недолго. На следующее утро Клейтон вышел из своей каюты, чтобы прогуляться по палубе перед завтраком. Вдруг раздался выстрел. За ним еще и еще.

Посередине судна стояла маленькая кучка начальствующих. Матросы обступили их пестрой толпой; Черный Майкэл впереди всех.

Стреляли офицеры. После первого же выстрела матросы разбежались и попрятались, кто за мачту, кто за каюту. Из-под прикрытий они стали палить в ненавистных пятерых человек, которые командовали ими.

Капитан убил двоих из револьвера. Трупы убитых остались валяться на палубе.

Старший помощник капитана зашатался и упал ничком. Черный Майкэл скомандовал: «вперед!» — и бунтовщики кинулись на четырех офицеров. Ружей и револьверов у них было всего шесть штук, и поэтому в ход пошли багры, топоры и кирки.

Капитан выстрелил из револьвера, и пока он заряжал его, матросы кинулись в атаку. Ружье второго помощника дало осечку. Оставалось всего только два револьвера, чтобы встретить натиск мятежников. Последние быстро подошли к офицерам, и те подались назад перед бешеной атакой команды.

С той и с другой стороны сыпались страшные проклятья. Ругательства, треск выстрелов, стоны и вопли раненых превратили палубу «Фувальды» в подобие сумасшедшего дома.

Едва офицеры успели отступить на несколько шагов, как матросы бросились на них. Дюжий негр взмахом топора раскрыл капитану голову от лба до подбородка; минуту спустя, и остальные офицеры пали мертвые или раненые под градом ударов и пуль.

Мятежники действовали быстро и решительно. Во время свалки Джон Клейтон стоял, небрежно облокотясь у прохода, и задумчиво курил трубку, как будто присутствуя на состязании в крикет.

Когда упал последний офицер, Клейтон решил, что ему пора спуститься вниз, к жене; он боялся, что мятежники ворвутся в каюту и

застанут ее там одну.

Хотя по внешности Клейтон казался совершенно спокоен и безразличен, в душе он был сильно встревожен. Судьба бросила их во власть разнузданных зверей, и он боялся за безопасность жены.

Когда он повернулся, чтобы спуститься к ней в каюту, он, к своему изумлению, увидел ее стоявшую почти рядом с ним.

— Ты здесь давно, Элис?

— С самого начала, — ответила она. — Как страшно, Джон! О, как страшно! Что с нами будет в руках таких людей и на что мы можем рассчитывать?

— Мы можем, надеюсь, рассчитывать получить от них завтрак, — сказал он, спокойно шутя, чтобы ободрить ее, и добавил: — Во всяком случае, я сейчас же иду на разведку. Пойдем со мной, Элис. Мы должны им показать, что не боимся и что заранее уверены в их корректном обращении с нами.

Матросы столпились вокруг мертвых и раненых офицеров. Безо всякой жалости выкидывали они мертвых и даже еще живых своих начальников за борт. Впрочем, они обошлись так же бессердечно и со своими ранеными и убитыми.

Один из бунтовщиков, заметив приближавшихся Клейтонов, закричал:

— К рыбам и этих двух! — и бросился на них, взмахнув топором.

Но Черный Майкэл не зевал. Его пуля уложила матроса на месте. Затем, указывая на лорда и леди Грейсток, он громко крикнул, привлекая внимание остальных матросов:

— Эй вы! Эти оба — мои друзья. Их не трогать! Поняли? Я теперь здесь капитан, и мое слово — закон, — и, обращаясь к Клейтону, он добавил: — Держитесь в стороне, и никто вас не тронет. — С этими словами он сердито взглянул на своих товарищей.

Клейтоны постарались в точности исполнить совет Черного Майкэла; они ни на кого не обращали внимания и ничего не знали о дальнейших планах бунтовщиков.

По временам к ним доносились слабые отзвуки ссор и споров, а два раза злобное щелканье взведенных курков прорезало тихий воздух. Но Черный Майкэл был подходящим вождем для этого разношерстного сброда головорезов и вместе с тем умел держать их в строгом повиновении.

На пятый день после убийства офицеров вахтенный крикнул, что видна земля. Был ли это остров или материк, — Черный Майкэл не знал. Но он объявил Клейтону, что если эта местность окажется обитаемой, лорд и леди Грейсток будут высажены на берег со всем своим имуществом.

— Вы тут недурно проживете несколько месяцев, — объяснил он. — А за это время мы сумеем отыскать где-нибудь пустынный берег и разбредемся в разные стороны. Я обещаю осведомить правительство о том, где вы находитесь, и оно тотчас вышлет за вами военный корабль. Думаю, что вы нас не выдадите. Но высадить вас в цивилизованную местность для нас совсем неподходящее дело. К нам сразу же привяжутся с кучей вопросов, ответить на которые нам будет не слишком удобно.

Клейтон понятно протестовал против бесчеловечной высадки их на пустынный берег, где они либо станут добычей диких зверей, либо, быть может, еще более диких людей.

Но протест его не имел успеха и только рассердил Черного Майкэла. Волей-неволей Клейтон вынужден был покориться и постарался примириться со своим безвыходным положением.

В три часа пополудни они подошли к красивому лесистому берегу против входа в закрытую бухту. Черный Майкэл спустил небольшую шлюпку с матросами, чтобы исследовать глубину и решить вопрос, может ли «Фувальда» безопасно войти в бухту.

Час спустя люди вернулись и доложили, что дно глубокое как в проходе, так и в самом заливе.

И прежде, чем наступила темнота, парусник, мирно став на якорь, отражался в гладкой зеркальной поверхности бухты.

Берег, раскинувшийся впереди, утопал в прекрасной полутропической зелени. Вдали рисовались холмы и плоскогорья, почти сплошь покрытые первобытным лесом.

Не было и признака жилья. Но человеческое существование было здесь возможным. Обилие птиц и животных, которых было видно даже с палубы «Фувальды», обеспечивали пропитание, а сверкающая маленькая речка, впадавшая в бухту, обещала в изобилии пресную воду.

На землю спустилась темная ночь. Клейтон и леди Элис все еще стояли у борта в молчаливом созерцании местности, где им суждено

было жить. Из мрака девственного леса доносился страшный вой диких зверей: глухое рычанье льва и, по временам, пронзительный визг пантеры.

Женщина боязливо прижалась к мужчине. Она предвидела те ужасы, которые стерегли их во мгле грядущих ночей, когда они окажутся одни на этом диком и пустынном побережье.

Черный Майкэл подошел к ним и заявил, чтобы они готовились сойти утром на берег. Они пытались упросить его, чтобы он высадил их ближе к цивилизованной местности, откуда со-временем можно было надеяться попасть на родину. Но ни мольбы, ни угрозы, ни обещания вознаграждения не смогли поколебать Черного Майкэла. Он ответил им:

— Кроме меня на судне нет ни одного человека, который не предпочел бы видеть вас обоих мертвыми ради своей безопасности. Хоть я и сам знаю, что это единственный разумный способ застраховать наши шеи, не такой человек Черный Майкэл, чтобы забыть одолжение. Вы спасли мне жизнь, — в отплату за это, я спасу вашу. Но это все, что я могу для вас сделать.

— Команда больше ждать не согласна и, если я вас завтра же не высажу, они могут передумать и отказаться оказать вам даже эту услугу. Я выгружу ваш багаж и дам вам еще кухонные принадлежности и несколько старых парусов на палатки. Кроме того, я снабжу вас провизией на первое время, пока вы не найдете себе дичи и плодов. Вы, значит, сможете здесь недурно устроиться, пока не явится помощь. Когда я буду уже в безопасности, то извещу британское правительство о том, где вы находитесь. Хотя — клянусь жизнью — я и сам не знаю в точности, что это за место! Но они сумеют вас отыскать.

Когда он ушел, Клейтоны молча спустились в свою каюту, оба погруженные в мрачные предчувствия.

Клейтон не верил тому, что Черный Майкэл имеет хотя бы малейшее намерение известить британское правительство об их местопребывании. Он не был даже особенно уверен и в том, не злоумышляют ли мятежники какого-нибудь предательства по отношению к ним на следующее утро, когда они должны были очутиться одни с матросами на берегу.

Без присмотра Черного Майкэла, любой матрос мог их убить. Совесть же Черного Майкэла этим не отягощалась.

Но, положим, они избегнут этой опасности. Разве им не придется тогда стоять лицом к лицу с опасностями, еще более страшными? Если бы еще Клейтон был один, он мог бы надеяться прожить долгие годы, потому что он сильный, атлетического сложения человек.

Но что будет с Элис и тем другим крохотным существом, которому предстояло уже скоро появиться на свет среди лишений и страшных опасностей первобытного мира?

Клейтон вздрогнул, представив себе несказанные трудности и полную безвыходность своего положения. К счастью, им не было дано предвидеть ту по истине ужасную судьбу, которая должна была стать их уделом в страшных глубинах мрачного леса.

Рано поутру на следующий день их многочисленные сундуки и ящики были подняты на палубу в ожидании шлюпок для перевозки их на берег.

У них было очень много багажа, и притом самого разнообразного. Клейтоны рассчитывали пробыть на новом месте служения семь-восемь лет и, кроме всяких необходимых вещей, они везли много предметов роскоши.

Черный Майкэл твердо решил, что ни одна вещь, принадлежащая Клейтонам, не должна оставаться на борту. Делал ли он это из сострадания к ним, или просто в виду собственных интересов — трудно решить. Но несомненно, что присутствие на борту вещей, принадлежавших пропавшему британскому чиновнику, вызвало бы нежелательные толки в любом цивилизованном портовом городе.

Черный Майкэл с таким рвением приводил в исполнение свое решение, что заставил даже матросов вернуть Клейтону похищенные у него револьверы.

В шлюпки были погружены солонина и сухари. Кроме того, их снабдили небольшим запасом картофеля, бобов, спичек, кухонными принадлежностями, ящиками, инструментами и обещанными Черным Майкэлом старыми парусами.

По-видимому, глава мятежников опасался того же самого, чего боялся и Клейтон. Поэтому он сам проводил их на берег и сел в последнюю лодку только после того, как все шлюпки, захватив свежей воды, отчалили к ждущей их «Фувальде».

Клейтон и его жена молча стояли на берегу и смотрели вслед уходящим лодкам. В груди у обоих теснилось предчувствие неминуемого несчастья и ощущение горькой безнадежности.

А в это время из-за небольшого пригорка следили за ними другие глаза, близко посаженные, — глаза, злобно сверкавшие под густыми бровями.

Когда «Фувальда» прошла узкий пролив и скрылась из вида за мысом, леди Элис охватила руками шею мужа и разразилась неудержимыми рыданиями.

Она вынесла храбро опасность бунта; с героической твердостью смотрела на грозное будущее; но сейчас, когда они очутились в полном одиночестве, ее измученные нервы не выдержали страшного напряжения.

Он не пытался остановить ее слезы. Слезы могли облегчить и успокоить ее. Прошло много минут, прежде чем молодая женщина снова стала владеть собой.

— О, Джон, — простонала она, — какой ужас! Что нам делать? Что нам делать?

— Нам остается одно, Элис, — он говорил так же спокойно, как если бы они сидели в своей уютной гостиной, — нам остается только одно: работать. Работа должна быть нашим спасением. Не надо давать себе времени думать, потому что это поведет к безумию! Мы будем трудиться и ждать. Даже если Черный Майкэл не сдержит своего обещания, то я уверен, что помощь придет, и придет скоро, как только станет известным, что «Фувальда» пропала.

— Дорогой мой Джон, если бы дело шло только о тебе и обо мне, — зарыдала она, — мы бы вынесли все, я знаю, но ...

— Да, дорогая, — ответил он нежно, — я тоже думал об этом. Но мы должны и это встретить мужественно, веря в наше умение справиться со всем, с чем нам суждено столкнуться. Подумай! Сотни тысяч лет тому назад, в далеком и туманном прошлом, наши предки стояли перед теми же задачами, перед которыми стоим мы теперь, — может быть даже в этих самых первобытных лесах. И то, что мы с тобой сейчас очутились здесь — живое свидетельство о том, что они победили. Неужели мы не сделаем того, что сделали они, и даже лучше их? Ведь мы вооружены высшим знанием! У нас есть способы защиты, которые дала нам наука и о которых они не имели понятия.

Элис, мы можем добиться, чего добились они, вооруженные жалкими орудиями из костей и камня!

— Ах, Джон, я хотела бы быть мужчиной. Я, может быть, также бы думала, но я женщина и вижу скорее сердцем, чем головой. А все, что я вижу, слишком ужасно, слишком невысказанно, чтобы выразить словами. Хочу надеяться, что ты прав, Джон. Я сделаю все, чтобы быть храброй, первобытной женщиной, достойной подругой первобытного мужчины!

Первой мыслью Клейтона было соорудить временное убежище для защиты их во время сна от зверей, которые уже высматривали легкую добычу.

Он открыл ящик, в котором лежали его ружья и патроны, чтобы иметь их всегда под рукой на случай неожиданного нападения, и они отправились на поиски места для их первой ночевки.

В ста ярдах от берега они нашли маленькую ровную поляну, почти свободную от деревьев; здесь именно и решили они выстроить свое будущее постоянное жилище. Но сейчас им обоим пришла мысль, что лучше всего соорудить небольшую площадку на деревьях — повыше, так, чтобы до них не могли добраться крупные хищные звери, в царстве которых они находились.

Клейтон выбрал для этой цели четыре дерева, составлявшие приблизительно четырехугольник в восемь квадратных футов, и, срезав длинные ветви с других деревьев, он устроил в десяти футах над землею раму из брусьев. Он крепко привязал концы веток к деревьям веревками, которыми в числе других запасов снабдил их Черный Майкэл. Поперек этого остова Клейтон положил более мелкие ветки. Затем он устлав всю эту платформу исполинскими листьями лопуха, в изобилии росшего вокруг, а поверх листьев положил большой парус, свернутый много раз.

Семью футами выше Клейтон построил такую же, хотя и более легкую платформу, которая должна была служить им крышей, а по сторонам вместо стен повесил остатки парусов.

В конце концов, у них оказалось довольно уютное маленькое гнездышко. Он перенес туда одеяла и часть ручного багажа.

День клонился уже к вечеру, но, пока еще было светло, Клейтон соорудил грубую лестницу, по которой леди Элис могла взобраться в свое новое помещение.

Весь день кругом них летали и щебетали птицы в ярком оперении и прыгали болтливые мартышки, с изумлением и сильнейшим интересом следившие за появившимися среди них новыми существами и за постройкой их странного гнезда.

Несмотря на то, что оба они, и Клейтон и его жена, все время держались настороже, они не видели крупных животных. Но два раза маленькие соседки их — мартышки — с криком и визгом убегали с близлежащего холмика, бросая назад испуганные взгляды. Было ясно, — как если бы они говорили это словами, — что они спасаются от чего-то ужасного, притаившегося за холмом.

Как раз перед наступлением сумерек Клейтон кончил постройку лестницы, и, наполнив большую чашу водой из близлежащего ручья, оба, муж и жена, поднялись в свою, сравнительно безопасную, воздушную комнату.

Было очень тепло, и Клейтон откинул полог; они уселись по-турецки на своих одеялах, и леди Элис стала пристально всматриваться в сгущающиеся тени леса. Вдруг она вздрогнула и схватила Клейтона за руку.

— Джон, — шепнула она, — смотри, что это такое? Человек?

Клейтон взглянул в указанном направлении и увидел смутно обрисовывающийся на темном фоне силуэт... Какая-то темная фигура стояла во весь рост на холме.

Одно мгновение она стояла, как бы прислушиваясь, а затем медленно повернулась и исчезла в тенях джунглей.

— Что это, Джон?

— Не знаю, Элис, — ответил он серьезно. — Слишком темно, чтобы разглядеть. Быть может, — просто тень, брошенная луной.

— Нет, Джон! Если это не человек, то это какая-то огромная и отвратительная пародия на человека. Мне страшно!

Он крепко обнял ее и шептал ей слова любви и мужества. Для Клейтона самым большим горем в их несчастье была душевная тревога его молодой жены. Сам он был храбр и бесстрашен, но он обладал способностью понимать, какие ужасные мучения может причинить страх более слабой натуре. Это редкое качество было одной из многих прекрасных сторон характера, которые завоевали молодому лорду Грейстоку любовь и уважение всех знавших его.

Вскоре затем Клейтон спустил полог, крепко привязав его к деревьям, так что, за исключением маленького отверстия к морю, они были закрыты со всех сторон.

Теперь в их маленьком воздушном гнездышке было совсем темно; они улеглись на одеяла и постарались найти во сне хоть короткий отдых и забвение.

Клейтон лежал лицом к отверстию с ружьем и парой револьверов в руках.

Не успели они закрыть глаза, как из джунглей за их спиной донесся ужасающий крик пантеры. Этот крик все приближался; наконец, они услышали его как раз под собой. В продолжение часа, а то и больше, пантера обнюхивала и царапала деревья, поддерживавшие их жильё. Наконец, она удалилась вдоль берега, и Клейтон ясно разглядел ее там под яркой луной: это было огромное, красивое животное, самое большое из виденных им до тех пор.

В долгие часы темноты они только урывками засыпали. Непривычные ночные звуки необозримых джунглей, наполненных мириадами животной жизни, держали их истрепанные нервы все время настороже. Сотни раз вскакивали они от пронзительных визгов или крадущихся движений каких-то таинственных существ.

III

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ

Всю ночь они почти не смыкали глаз и с большим облегчением встретили рассвет.

После скудного завтрака, состоявшего из соленой свинины, кофе и сухарей, Клейтон начал работать над сооружением постоянного жилища: он ясно понял, что они не могут надеяться на безопасность и спокойствие, пока не отгородят себя от джунглей четырьмя крепкими стенами.

Работа оказалась нелегкой. На постройку маленькой хижины в одну небольшую комнату ушел почти целый месяц, Клейтон строил ее из бревен около шести дюймов в диаметре, а промежутки замазывал глиной, которую нашел на глубине нескольких футов под поверхностью почвы. На одном конце комнаты он поставил печь из небольших валунов, собранных на взморье. Когда дом был готов, он обмазал его со всех сторон четырехдюймовым слоем глины.

Оконный переплет Клейтон устроил из веток около дюйма в диаметре, тесно переплетенных крест-накрест в виде крепкой решетки, способной противостоять натиску могучих зверей. Такая решетка не препятствовала доступу свежего воздуха в хижину и, в то же время, являлась надежной защитой.

Двускатная крыша была крыта мелкими ветками, плотно пригнанными друг к другу, а сверху была устлана толстым слоем длинных трав джунглей и пальмовых листьев. Затем крыша была также густо обмазана глиной.

Дверь Клейтон сколотил из досок тех ящиков, в которых были упакованы их вещи. Он прибавал доски крест-накрест до тех пор, пока не получилось такое массивное сооружение, что, взглянув на него, они оба расхохотались.

Но тут Клейтон встретил самое большое затруднение: у него не было петель, чтобы приставить массивную дверь у входа. Однако, после двухдневного упорного труда, ему удалось соорудить две огромные и неуклюжие деревянные петли, на которые он и повесил дверь так, что она свободно закрывалась и открывалась.

Штукатурные и другие работы были завершены уже после того, как Клейтоны перебрались в хижину. А это они сделали тотчас же, как только была закончена крыша. Дверь они заставляли на ночь сундуками и ящиками, и, таким образом, получалось сравнительно безопасное и довольно уютное жилище.

Изготовление кровати, стульев, стола и полок было делом сравнительно легким, и в конце второго месяца лорд и леди Грейсток были довольно недурно обставлены. Если бы не постоянная боязнь нападения диких зверей и не все растущая тоска одиночества, они примирились бы со своим положением.

Ночью большие звери рычали и ревели вокруг их маленькой хижины, но к часто повторяемым звукам и шуму можно до такой степени привыкнуть, что вскоре перестанешь обращать на них внимание. В конце концов, Клейтоны привыкли к ночным крикам и крепко спали всю ночь.

Трижды случалось им видеть мимолетные образы больших человекоподобных фигур, похожих на ту, которую они видели в первую ночь, но никогда эти видения не подходили к ним настолько близко, чтобы они могли сказать наверное: люди ли это или звери?

Блестящие птицы и маленькие обезьяны привыкли к своим новым знакомым. Они, по-видимому, до тех пор никогда не встречали людей, и теперь, когда первый их страх рассеялся, они стали подходить к ним все ближе и ближе. Их влекло к человеку то странное любопытство, которое управляет дикими существами лесов, джунглей и степей. Спустя месяц, многие из птиц прониклись таким доверием, что брали пищу из рук Клейтона.

Однажды к вечеру, когда Клейтон работал над рубкой деревьев (он собирался прибавить еще несколько комнат к своей хижине), его маленькие друзья — мартышки с визгом бросились прочь от холма и попрятались в джунглях. Они кидали назад испуганные взгляды и, становясь около Клейтона, возбужденно затараторили, как бы предупреждая его о приближающейся опасности.

И он увидел то, чего так боялись маленькие обезьяны: человека-зверя, то загадочное существо, чья фигура уже не раз мелькала перед ними в мимолетных полуфантастических образах. Зверь шел через джунгли полувыпрямившись, время от времени касаясь земли своими

сжатыми кулаками. Это была большая обезьяна-антропоид; приближаясь, она яростно рычала и иногда глухо лаяла.

Клейтон находился довольно далеко от хижины и ревностно рубил выбранное им для постройки дерево. Месяцы, в продолжение которых ни одно страшное животное при дневном свете не осмеливалось приблизиться к хижине, приучили его к беззаботности. Он оставил все свои ружья и револьверы в хижине. И теперь, когда он увидел большую обезьяну, направляющуюся прямо к нему через кустарник, он понял, что путь к отступлению отрезан, и почувствовал, как по его спине пробежала легкая дрожь. Он был вооружен одним топором и прекрасно сознавал, что его шансы на успех в борьбе с этим жестоким чудовищем были совершенно ничтожны. — «А Элис, о, боже!» — подумал он, — «что будет с Элис?»

Ему, может быть, удастся еще добежать до хижины. На бегу он крикнул жене, чтобы она вошла в дом и закрыла за собою дверь.

Леди Грейсток сидела неподалеку от хижины. Услышав крик мужа, она подняла голову и увидела, что обезьяна с поразительной для такого большого и неуклюжего животного скоростью прыгнула наперерез Клейтону.

Элис с криком побежала к хижине. Вбежав в нее, она оглянулась и у нее захолонуло сердце от ужаса: страшный зверь уже пересек путь ее мужу. Теперь Клейтон стоял перед обезьяной, схватив обеими руками топор и готовый ударить им разъяренного зверя, когда тот на него накинется.

— Запри дверь на засов, Элис! — закричал Клейтон. — Я могу топором справиться с этой обезьяной.

Но он знал, что его ждет верная смерть, и она тоже это знала.

Напавшая на него обезьяна была большим самцом; она весила, вероятно, не менее трехсот фунтов. Из-под косматых бровей злобно сверкали маленькие, близко посаженные глаза, а острые волчьи клыки свирепо оскалились, когда зверь на мгновение остановился перед своей жертвой. За спиной обезьяны Клейтон видел, не далее как в 20 шагах дверь хижины и волна ужаса нахлынула на него, когда он увидел, что его молодая жена снова выбежала из хижины, вооруженная его винтовкой.

Она, которая всегда так боялась огнестрельного оружия, что не решалась даже дотронуться до него, бросилась теперь к обезьяне с

бесстрашием львицы, защищающей своих детенышей.

— Элис! Назад! — крикнул Клейтон — Бога ради, назад!

Но она не слушала, и в ту же минуту обезьяна накинулась на Клейтона и ему уже было не до разговоров.

Человек взмахнул топором изо всей силы, но могучее животное своими страшными лапами схватило топор, вырвало его из рук Клейтона и отшвырнуло далеко в сторону.

Со свирепым рычанием кинулся зверь на беззащитную жертву, но прежде, чем его клыки коснулись горла человека, раздался громкий выстрел, и пуля попала обезьяне в спину между лопатками.

Отшвырнув Клейтона наземь, зверь обратился против нового врага. Теперь перед ним стояла до смерти перепуганная молодая женщина и тщетно пыталась выстрелить еще раз. Она не знала механизма ружья, и ударник беспомощно бил по пустой гильзе.

С ревом бешенства и боли обезьяна бросилась на хрупкую фигуру — и Элис упала в обморок.

Почти одновременно Клейтон вскочил на ноги и, ни минуты не думая о том, что его помощь совершенно бесполезна, бросился вперед, чтобы оттащить обезьяну от неподвижного тела жены. И ему это удалось почти без усилия. Громадная обезьяна безжизненно рухнула на траву перед ним — она была мертва. Пуля сделала свое дело.

Быстро осмотрев жену, он убедился, что она жива и невредима, и решил, что огромный зверь умер в минуту прыжка на него.

Осторожно поднял он все еще бессознательное тело жены и снес его в хижину; но прошло добрых два часа, пока, наконец, Элис пришла в себя.

Первые же слова ее наполнили смутным опасением душу Клейтона. Она говорила:

— О, Джон, как уютно нам дома! Мне снился страшный сон! Мне казалось, мой милый, будто мы вовсе не в Лондоне, а в какой-то ужасной, дикой местности и что на нас нападают страшные звери.

— Да, да, хорошо, Элис! — сказал он, глядя ее по лбу. — А все-таки попробуй-ка снова заснуть и не думай о снах!

Этой ночью в крошечной комнате на опушке первобытного леса, в ту пору, когда леопард визжал перед дверью, а из-за холма доносился глухой рев льва, — у четы Клейтон родился маленький сын.

Леди Грейсток так и не оправилась от потрясения, вызванного нападением большой обезьяны. Она жила еще год после того, как родился ребенок, но уже ни разу не выходила из хижины и не сознавала, что она не в Англии.

Иногда она задавала Клейтону вопросы относительно страшных ночных шумов, спрашивала, почему нет прислуги, и куда девались все знакомые. Говорила о странной обстановке своей комнаты. Но хотя Клейтон и не пытался скрывать от нее правды, она не могла понять его слов.

В других отношениях она была, впрочем, совершенно нормальна. А радость и счастье, доставляемые ей ее маленьким сыном, и постоянное внимание и попечение о ней ее мужа сделали этот год для нее очень счастливым — самым счастливым в ее молодой жизни.

Клейтон хорошо понимал, что если бы она владела вполне своими умственными способностями, то этот год был бы для нее непрерывным мучительным чередованием тревог и волнений. Поэтому, хотя он и горько страдал, видя ее в таком состоянии, но временами был почти рад тому, что она не может сознавать настоящего положения вещей.

Он давно уже отказался от всякой надежды на спасение. Спасти их могла лишь какая-нибудь случайность. Все с тем же рвением трудился он над усовершенствованием внутренности хижины. Шкуры львов и пантер устилали пол; стены были украшены полками и шкафчиками. Прекрасные цветы тропинкой распускались в причудливых вазах, сделанных его руками из глины. Занавеси из трав и бамбука закрывали окна и — что было труднее всего при том скудном подборе инструментов, которыми он располагал, — ему удалось гладко обстругать доски для обшивки стен, потолка и пола.

То, что он оказался способен своими руками исполнить такую непривычную для него работу, служило ему постоянным источником радостного удивления. Он любил свою работу; ведь он исполнял ее для жены и для крошки, который был отрадой им обоим, хотя и увеличивал в сотни раз ответственность и ужас его положения.

В этом году на Клейтона несколько раз нападали большие обезьяны. Эти страшные человекоподобные бродили теперь, по-видимому, в большом числе по окрестностям. Но так как Клейтон

никогда уже не выходил без ружья и револьверов, он не очень боялся этих огромных зверей.

Он укрепил решетки окон и приделал к двери деревянный замок. Когда он уходил на охоту за дичью, или собирал плоды для поддержания запасов питания, он уже не боялся вторжения зверей в маленькую хижину.

Первое время он убивал дичь прямо из окон хижины, не выходя из дома, но под конец животные стали бояться и избегать странного логовища, из которого вылетал ужасающий гром его ружья.

В свободное время Клейтон часто читал вслух жене книги, взятые им с собой из Англии. В их числе было много детских книг с картинками и азбуки. Они рассчитывали при отъезде, что, прежде чем они смогут вернуться в Англию, их ребенок успеет достаточно подрасти для такого чтения.

В свободные часы Клейтон иногда писал свой дневник, — по своей привычке всегда по-французски. Он заносил в дневник все подробности их странной жизни; эту тетрадь держал он запертой в маленькой металлической шкатулке.

Ровно через год после рождения маленького сына, леди Элис тихо скончалась. Ее смерть была до того спокойной, что прошло несколько часов прежде, чем Клейтон понял, что жена его действительно умерла.

Ужас его положения не сразу проник в его сознание. Он, по-видимому, не вполне оценил значение этой утраты и страшную ответственность, связанную с заботами о маленьком грудном ребенке, выпавшую на его долю.

Последняя запись в его дневнике была сделана утром сразу после смерти жены; в ней он сообщает печальные подробности случившегося... Сообщает деловым тоном, в котором сквозит страшная усталость, апатия и безнадежность, и который еще усиливает трагический смысл написанного.

— Мой маленький сын плачет, требуя пищи. О, Элис, Элис, что мне делать?

Когда Джон Клейтон написал эти слова — последние, которые ему было суждено написать, — он устало опустил голову на руки и склонился над столом, сделанным им для той, которая лежала теперь неподвижная и холодная в постели около него.

Долгое время ни один звук не нарушал мертвой тишины джунглей, кроме жалобного плача ребенка.

IV

ОБЕЗЬЯНЫ

В лесу на плоскогорье, на расстоянии одной мили от океана, старый Керчак, глава обезьяньего племени, рычал и метался в припадке бешенства.

Более молодые и проворные обезьяны взобрались на самые высокие ветви громадных деревьев, чтобы не попасться ему в лапы. Они предпочитали рисковать жизнью, качаясь на гнувшихся под их тяжестью ветках, чем оставаться поблизости от старого Керчака во время одного из его тяжелых припадков неукротимой ярости.

Другие самцы разбежались по всем направлениям. Взбешенное животное успело переломить позвонки одному из них своими громадными забрызганными пеной клыками.

Несчастливая молодая самка сорвалась с высокой ветки и свалилась на землю к ногам Керчака.

Он бросился на нее с диким воплем и вырвал могучими клыками громадный кусок мяса из ее бока. Затем, схватив сломанный сук, он принялся злобно бить ее по голове и плечам, пока череп не превратился в мягкую массу.

И тогда он увидел Калу. Возвращаясь со своим детенышем после поисков пищи, она не знала о настроении могучего самца. Внезапно раздавшиеся пронзительные предостерегающие крики ее соплеменников заставили ее искать спасения в безумном бегстве.

Но Керчак погнался за ней и почти схватил ее за ногу; она сделала отчаянный прыжок в пространство с одного дерева на другое — опасный прыжок, который обезьяны делают, только когда нет другого исхода.

Прыжок удался ей, но когда она схватилась за сук дерева, внезапный толчок сорвал висевшего на ее шее детеныша, и бедное существо, вертясь и извиваясь, полетело на землю с высоты тридцати футов.

С тихим стоном, забыв о страшном Керчаке, бросилась Кала к нему. Но когда она прижала к груди крохотное изуродованное тельце, жизнь уже оставила его.

Она сидела печально, качая маленькую обезьяну; и Керчак уже не пытался ее тревожить. Со смертью детеныша припадок демонического бешенства прошел у него так же внезапно, как и начался.

Керчак был огромный обезьяний царь, весом, быть может, в триста пятьдесят фунтов. Лоб он имел низкий и покатый, глаза налитые кровью, очень маленькие и близко посаженные у широкого плоского носа; уши широкие и тонкие, но размерами меньшие, чем у большинства его племени.

Его ужасный нрав и могучая сила сделали его властелином маленького племени, в котором он родился лет двадцать тому назад.

Теперь, когда он достиг полного расцвета своих сил, во всем огромном лесу не было обезьяны, которая осмелилась бы оспаривать у него право на власть. Другие крупные звери тоже не тревожили его.

Из всех диких зверей один только старый слон Тантор не боялся его — и его одного лишь боялся Керчак. Когда Тантор трубил, большая обезьяна забиралась со своими соплеменниками на вторую террасу деревьев. Племя антропоидов, над которыми, благодаря своим железным лапам и оскаленным клыкам, владычествовал Керчак, насчитывало шесть или восемь семейств. Каждое из них состояло из взрослого самца с женами и детенышами, так что всего в племени было от шестидесяти до семидесяти обезьян.

Кала была младшей женой самца по имени Тублат, что обозначало «сломанный нос», и детеныш, который насмерть разбился у нее на глазах, был ее первенцем. Ей самой было всего девять или десять лет.

Несмотря на молодость, это было крупное, сильное, хорошо сложенное животное с высоким, круглым лбом, который указывал на большую смышленость, чем у остальных ее сородичей. Она обладала поэтому также и большей способностью к материнской любви и материнскому горю.

И все же она была обезьяной, — громадным, свирепым, страшным животным из породы, близкой к породе горилл, — правда, несколько более смышленной, чем сами гориллы, что в соединении с силой Керчака делало ее племя самым страшным изо всех племен человекообразных обезьян.

Когда племя заметило, что бешенство Керчака улеглось, все медленно спустились со своих древесных убежищ на землю и принялись снова за прерванные занятия.

Детеныши играли и резвились между деревьями и кустами. Взрослые обезьяны лежали на мягком ковре из гниющей растительности, покрывавшем почву. Другие переворачивали упавшие ветки и гнилые пни в поисках маленьких насекомых и пресмыкающихся, которых они тут же поедали. Некоторые обследовали деревья и кусты, разыскивая плоды, орехи, маленьких птичек и яйца.

Они провели в этих занятиях около часа; затем Керчак созвал всех и приказал следовать за ним по направлению к морю.

В открытых местах обезьяны шли большею частью по земле, пробираясь по следам больших слонов — этим единственным проходам в густо перепутанной массе кустов, лиан, вьющихся стволов и деревьев. Их походка была неуклюжа, медленна; они переваливались с ноги на ногу, ставя суставы сжатых рук на землю и вскидывая вперед свое неловкое тело.

Но когда дорога вела через молодой лес, они передвигались гораздо быстрее, перепрыгивая с ветки на ветку с ловкостью своих маленьких сородичей-мартышек. Кала все время несла крохотное мертвое тело детеныша, крепко прижимая его к груди.

Вскоре после полудня шествие достигло холма, господствовавшего над взморьем, откуда виднелась маленькая хижина. А к ней и направлялся Керчак.

Он видал, как многие из его племени погибали от грома, исходившего из маленькой черной палочки в руках белой обезьяны, обитающей в странном логовище.

В своем грубом уме, Керчак решил во что бы то ни стало добыть эту палку, несущую смерть, и исследовать снаружи и внутри таинственную берлогу.

Он горел желанием впиться в шею страшного животного, которого он боялся и ненавидел. Часто выходил он со своим племенем на разведку, выжидая момента, когда белая обезьяна попадетя врасплох.

За последнее время обезьяны не только перестали нападать, но даже и показываться около хижины. Они заметили, что каждый раз маленькая черная палочка с громом несла им смерть.

В этот день они не видели человека. Дверь хижины была открыта. Медленно, осторожно и безмолвно поползли обезьяны сквозь джунгли к маленькой хижине. Не слышно было ни рычания, ни криков

бешенства — маленькая черная палочка научила их приближаться тихо, чтобы не разбудить ее.

Ближе и ближе подходили они, пока Керчак не подкрался к самой двери и не заглянул в нее. Позади него стояли два самца и Кала, крепко прижимавшая к груди мертвое тельце.

Внутри берлоги они увидели белую обезьяну; она лежала почти поперек стола, с головой, опущенной на руки. На постели виднелась другая фигура, прикрытая парусом, в то время как из крошечной деревянной колыбели доносился жалобный плач малютки.

Керчак неслышно вошел и приготовился к прыжку. Но в эту минуту Джон Клейтон встал и обернулся к обезьянам.

Зрелище, которое он увидел, заледенило всю кровь в его жилах. У дверей стояло трое самцов-обезьян, а за ними столпились другие, — сколько их там было всего, он так никогда и не узнал. Револютеры и ружья висели далеко на стене. Керчак кинулся на него.

Когда царь обезьян отпустил безжизненное тело того, кто еще за минуту перед тем был Джон Клейтоном, лордом Грейстоком, он обратил внимание на маленькую колыбель и потянулся к ней. Но Кала предупредила его намерения. Прежде чем успели ее остановить, она схватила маленького живого младенца, шмыгнула в дверь и забралась со своей ношей на дерево.

Она оставила в пустой колыбели своего мертвого детеныша. Плач живого ребенка возбудил в ней материнскую нежность, которая была уже не нужна мертвому.

Усевшись высоко среди могучих ветвей, Кала прижала плачущего ребенка к груди; он инстинктивно почувствовал мать и затих.

Сын английского лорда и английской леди стал кормиться грудью большой обезьяны Калы.

Между тем звери осматривали все находившееся внутри странной берлоги.

Убедившись, что Клейтон умер, Керчак обратил внимание на предмет, лежавший на постели и прикрытый парусом.

Он осторожно приподнял край покрывала, увидел под ним тело женщины, грубо сорвал с него полотно, схватил огромными волосатыми руками неподвижное белое горло и бросился на нее.

Он глубоко запустил свои клыки в холодное тело, но понял, что женщина мертва, отвернулся, заинтересованный обстановкой комнаты

— и больше уже не тревожил ни леди Элис, ни лорда Джона.

Ружье, висевшее на стене, более всего привлекало его внимание.

Он много месяцев мечтал об этой странной палке.

Теперь она была в его власти, а он не смел до нее дотронуться.

Осторожно подошел он к ружью, готовый удрать, как только палка заговорит оглушительным, рокочущим голосом, как часто говорила она тем из его племени, кто по незнанию, или по необдуманности, нападали на ее белого хозяина.

В его зверином рассудке глубоко таилось нечто, подсказывающее ему, что громоносная палка была опасна только в руках того, кто умел с нею обращаться. Но прошло несколько минут, пока, наконец, он решился до нее дотронуться.

Он ходил взад и вперед мимо палки, поворачивая голову так, чтобы не спускать глаз с интересовавшего его предмета.

Мощный царь обезьян бродил по комнате на своих длинных лапах, как человек на костылях, качаясь на каждом шагу, и издавал глухое рычанье, прерываемое пронзительным воем, страшнее которого нет в джунглях.

Наконец, он остановился перед ружьем. Он медленно поднял огромную лапу и прикоснулся к блестящему стволу, но сразу отдернул ее и снова заходил по комнате. Казалось, будто огромное животное диким рычанием старалось возбудить свою смелость до того, чтобы взять ружье в свои лапы.

Он остановился, вновь еще раз заставил свою руку неуверенно дотронуться до холодной стали, и почти тотчас же снова отдернул ее и возобновил свою тревожную прогулку.

Это повторилось много раз, и движения животного становились все увереннее; наконец, ружье было сорвано с крюка. Громадный зверь зажал его в своей лапе. Убедившись, что палка не причиняет ему вреда, Керчак занялся подробным осмотром ее. Он ощупал ружье со всех сторон, заглянул в черную глубину дула, потрогал мушку, ремень и, наконец, курок.

Забравшиеся в хижину обезьяны сидели в это время у двери, наблюдая за своим главой. Другие толпились снаружи у входа, вытягивая шеи и стараясь заглянуть внутрь. Случайно Керчак нажал курок. Оглушительный грохот пронесся по маленькой комнате, и

звери, бывшие у дверей и за дверями, повалились, давя друг друга в безумной панике.

Керчак был тоже испуган — так испуган, что забыл даже выпустить из рук виновника этого ужасного шума и бросился к двери, крепко сжимая ружье в руке.

Он выскочил наружу, но ружье зацепилось за дверь, и она плотно захлопнулась за улепетывающими обезьянами.

На некотором расстоянии от хижины Керчак остановился, всмотрелся — и вдруг заметил, что все еще держит в руке ружье. Он его отбросил торопливо, как будто железо было раскалено докрасна. Ему уже не хотелось взять палку. Зверь не выдержал ужасного грохота. Но зато он убедился, что страшная палка сама по себе совершенно безвредна.

Прошел целый час, прежде чем обезьяны набрались храбрости и снова приблизились к хижине. Но когда они, наконец решились, то к своему огорчению увидели, что дверь была закрыта так крепко и прочно, что никакие усилия открыть ее не привели ни к чему. Хитроумно сооруженный Клейтоном замок запер дверь за спиной Керчака, и все попытки обезьян проникнуть сквозь решетчатые окна тоже не увенчались успехом.

Побродив некоторое время в окрестностях, они отправились в обратный путь в чашу леса, к плоскогорью, откуда пришли.

Кала ни разу не спустилась на землю со своим маленьким приемыш, но когда Керчак приказал ей слезть, она, убедившись, что в его голосе нет гнева, легко спустилась с ветки на ветку и присоединилась к другим обезьянам, которые направлялись домой.

Тех из обезьян, которые пытались осмотреть ее странного детеныша, Кала встречала оскаленными клыками и глухим, угрожающим рычанием.

Когда ее стали уверять в том, что никто не хочет нанести вред детенышу, она позволила подойти поближе, но не дала никому прикоснуться к своей ноше.

Она чувствовала, что детеныш слаб и хрупок, и боялась, что грубые лапы ее соплеменников могут повредить малютке.

Ее путешествие было особенно трудным, так как она все время цеплялась за ветки одною рукою. Другой она отчаянно прижимала к себе нового детеныша, где бы они ни шли. Детеныши других обезьян

сидели на спинах матерей, крепко держась руками за волосатые их шеи и обхватывая их ногами под мышки, — и не мешали их движениям. Кала несла крошечного лорда Грейстока крепко прижатым к своей груди, и нежные ручонки ребенка цеплялись за длинные черные волосы, покрывавшие эту часть ее тела.

Кале было трудно, неудобно, тяжело. Но она помнила, как один ее детеныш, сорвавшись с ее спины, встретил ужасную смерть, и уже не хотела рисковать другим.

V

БЕЛАЯ ОБЕЗЬЯНА

Нежно вскармливала Кала своего найденыша, втихомолку удивляясь лишь тому, отчего он не делается сильным и ловким, как маленькие обезьянки других матерей.

Прошел год с того дня, как ребенок попал ей в руки, а он только что начинал ходить. А в лазанье по деревьям он был уже совсем бестолковый!

Иногда Кала говорила со старшими самками о своем милом ребенке; ни одна из них не могла понять, почему он такой отсталый и непонятливый, хотя бы, например, в таком простом деле, как добывание себе пищи.

Он не умел находить себе еду, а уже больше двадцати лун прошло с того дня, как Кала взяла его к себе.

Знай она, что ребенок уже прожил на свете целых тринадцать лун прежде, чем попасть в ее руки, — она сочла бы его совершенно безнадежным. Ведь маленькие обезьяны ее племени были более развиты после двух или трех лун, чем этот маленький чужак после двадцати пяти.

Муж Калы, Тублат, испытывал величайшую ненависть к этому детенышу, и если бы самка не охраняла его самым ревностным и заботливым образом, он давно бы нашел случай убрать малютку со своей дороги.

— Он не будет никогда большой обезьяной, — рассуждал Тублат. — И тебе, Кала, вечно придется таскать его на себе и заботиться о нем. Какая польза от него для нас и для нашего племени? Лучше всего бросить его, когда он уснет, в траве, а ты выносишь сильных обезьян, которые сумеют оберегать нашу старость.

— Нет, Сломанный Нос, ни за что, — возражала Кала, — если бы мне пришлось даже всю жизнь носить его!

Тогда Тублат обратился к самому Керчаку и потребовал, чтобы царь своею властью заставил Калу отказаться от Тарзана. Так назван был маленький лорд Грейсток. Имя это означало «белая кожа».

Но когда Керчак заговорил с Калой о ребенке, она заявила, что убежит из племени, если ее с ее детенышем не оставят в покое. А так как каждый из обитателей джунглей имеет право уйти из племени, если оно ему не по душе, то Керчак ее больше не беспокоил, боясь потерять Калу — красивую, хорошо сложенную, молодую самку.

Но Тарзан подрастал; он все быстрее и быстрее развивался и догонял в успехах своих сверстников-обезьян. Когда ему минуло десять лет, он уже превосходно лазил по деревьям, а на земле мог проделывать такие фокусы, которые были не по силам его маленьким братьям и сестрам.

Он отличался от них во многом. Часто они дивились его изумительной хитрости. Но он был ниже их ростом и слабее. В десять лет человекообразные обезьяны уже совсем взрослые звери, и некоторые из них догоняют к этой поре шести футов. Тарзан же все еще был подростком-мальчиком. Но зато каким мальчиком!

С первых дней детства он научился ловко пускаться в дело руки, когда прыгал с ветки на ветку, по примеру своей гигантской матери. Подрастая, он ежедневно целыми часами гонялся по верхушкам деревьев за своими братьями и сестрами.

Он выучился делать прыжки в двадцать футов на головокружительной высоте и мог с безошибочной точностью и без видимого напряжения ухватиться за ветку, бешено раскачивающуюся от вихря. Он мог на высоте двадцати футов перебрасываться с ветки на ветку, молниеносно спускаясь на землю, и был в состоянии с легкостью и быстротой белки взбираться на самую вершину высокого тропического гиганта.

Ему было всего десять лет, а он уже был силен, как здоровый тридцатилетний мужчина, и обладал несравненно большей подвижностью, чем тренированный атлет. И день ото дня силы его прибывали.

Жизнь Тарзана среди этих свирепых обезьян текла счастливо, потому что он не помнил иной жизни и не знал, что во вселенной есть что-нибудь, кроме необозримых лесов и зверей джунглей.

Когда ему исполнилось десять лет, он начал понимать, что между ним и его товарищами существует большая разница. Маленькое его тело, коричневое от загара, стало вдруг вызывать в нем острое чувство

стыда, потому что он заметил, что оно совершенно безволосое и голое, как тело презренной змеи или другого пресмыкающегося.

Он пытался поправить дело, обмазав себя с ног до головы грязью. Но грязь пересохла и облупилась. Вдобавок это причинило ему такое неприятное ощущение, что он решил лучше переносить стыд, чем подобное неудобство.

На равнине, которую часто посещало его племя, было маленькое озеро, и в нем впервые увидел Тарзан свое лицо отраженным в зеркале светлых, прозрачных вод.

Однажды в знойный день, в период засухи, он и один из его сверстников отправились к озеру пить. Когда они нагнулись, в тихой воде отразились оба лица: свирепые и страшные черты обезьяны рядом с тонкими чертами аристократического отпрыска старинного английского рода.

Тарзан был ошеломлен. Мало еще того, что он был безволосым! У него оказывается такое безобразное лицо! Он удивился, как другие обезьяны могли переносить его.

Какой противный маленький рот и крохотные белые зубы! На что они были похожи рядом с могучими губами и клыками его счастливых братьев?

А этот тонкий нос — такой жалкий и убогий, словно он исхудал от голода! Тарзан покраснел, когда сравнил свой нос с великолепными широкими ноздрями своего спутника. Вот у того, действительно, красивый нос! Он занимает почти половину лица! — «Хорошо быть таким красавцем!» — с горечью подумал бедный маленький Тарзан.

Но когда он рассмотрел свои глаза, то окончательно пал духом. Темное пятно, серый зрачок, а кругом одна белизна! Отвратительно! Даже у змеи нет таких гадких глаз, как у него!

Он был так углублен в осмотр своей внешности, что не услышал шороха высоких трав, раздвинутых за ним огромным зверем, который пробирался сквозь джунгли. Не слышал ничего и его товарищ-обезьяна: он в это время жадно пил, и чмокание сосущих губ заглушало шум шагов тихо подкрадывающегося врага.

Позади них, на берегу, шагах в тридцати, притаилась Сабор, большая свирепая львица. Нервно подергивая хвостом, она осторожно выставила вперед большую мягкую лапу и бесшумно опустила ее на

землю. Почти касаясь брюхом земли, ползла эта хищная большая кошка, готовая прыгнуть на свою добычу.

Теперь она была на расстоянии всего каких-нибудь десяти футов от обоих, ничего не подозревавших, подростков. Львица медленно подобрала под себя задние ноги, и большие мускулы красиво напряглись под золотистой шкурой.

Она так плотно прижалась к траве, что, казалось, будто вся расплющилась; только изгиб спины возвышался над почвой.

Хвост больше не двигался. Он лежал сзади нее, напряженный и прямой, как палка.

Одно мгновение она выжидала, словно окаменев. А затем с ужасающим ревом прыгнула.

Львица Сабор была мудрым охотником. Менее мудрому свирепый рев ее, сопровождавший прыжок, мог бы показаться глупым. Разве не вернее напасть на жертву, прыгнув на нее безмолвно?

Но Сабор знала быстроту обитателей джунглей и почти невероятную остроту их слуха. Для них внезапный шорох травяного стебля был таким же ясным предостережением, как самый громкий вой. Сабор понимала, что ей все равно не удастся бесшумно прыгнуть из-за кустов.

Не предостережением был ее дикий крик. Она испустила его, чтобы бедные жертвы оцепенели от ужаса на тот краткий миг, пока она не запустит своих когтей в их мягкое тело.

Поскольку дело касалось обезьяны, Сабор рассудила правильно. Звереныш оцепенел на мгновение, но этого мгновения оказалось вполне достаточно для его гибели.

Но то Тарзан, дитя человека. Жизнь в джунглях, среди постоянных опасностей, приучила его отважно встречать всякие случайности, а более высокий ум его выявлял себя в такой быстроте соображения, которая была не по силам обезьянам.

Вой львицы Сабор наэлектризовал мозг и мускулы маленького Тарзана, и он приготовился к моментальному отпору.

Перед ним были глубокие воды озера, за ним неизбежная смерть, жестокая смерть от когтей и клыков.

Тарзан всегда ненавидел воду и признавал ее только как средство для утоления жажды. Он ненавидел ее, потому что связывал с ней

представление о холоде, о проливных дождях, сопровождаемых молнией и громом, которых он боялся.

Его дикая мать научила избегать глубоких вод озера; разве он не видел сам, несколько недель до того, как маленькая Пита погрузилась под спокойную поверхность воды и больше не вернулась к племени?

Но из двух зол быстрый его ум избрал меньшее. Не успел замереть крик Сабор, нарушивший тишину джунглей, как Тарзан почувствовал, что холодная вода сомкнулась над его головой.

Он не умел плавать, а озеро было глубокое; но он не потерял ничего от своей обычной самоуверенности и находчивости. Эти черты являлись отличительными признаками его изобретательного ума.

Он стал энергично барахтаться руками и ногами, пытаясь выбраться наверх, и инстинктивно стал делать движения, подобные движениям плывущих собак. Через несколько секунд нос его оказался над поверхностью воды, и он понял, что продолжая такого рода движения, он сможет держаться на воде и даже двигаться в ней.

Тарзан был изумлен и обрадован этим новым познанием, так неожиданно приобретенным им, но у него не было времени долго об этом думать.

Он плыл теперь параллельно берегу и видел жестокого зверя, который притаившись над безжизненным телом его маленького приятеля, схватил бы, конечно, и его.

Львица напряженно следила за Тарзаном, очевидно, предполагая, что он вернется на берег; но мальчик и не думал это делать. Вместо того, он испустил громкий предостерегающий крик своего племени.

Почти немедленно издали донесся ответ, и тотчас же сорок или пятьдесят обезьян помчались по деревьям к месту трагедии.

Впереди всех неслась Кала, потому что она узнала голос своего любимого детеныша, а с нею была и мать той маленькой обезьянки, которая уже лежала мертвой под жестокой Сабор.

Огромная львица, лучше вооруженная для сражения, чем человекоподобные, все же не желала встретить этих бешеных взрослых самцов.

Яростно рыча, она быстро прыгнула в кусты и скрылась.

Тарзан подплыл теперь к берегу и поспешно вылез на сушу. Чувство свежести и удовольствия, доставленное ему холодной водой, наполняло его маленькое существо радостным изумлением.

Впоследствии он никогда не упускал случая окунуться в озеро, реку или океан, как только предоставлялась возможность.

Долгое время Кала не могла привыкнуть к такому зрелищу, потому что, хотя обезьяны и умеют плавать, когда бывают вынуждены к этому, но избегают погружаться в воду и никогда не делают этого добровольно.

Приключение с львицей стало одним из приятных воспоминаний Тарзана: такого рода происшествия нарушали однообразие повседневной жизни. Без таких случаев, его жизнь являлась бы лишь скучной чередой поисков пищи, еды и сна.

Племя, к которому принадлежал Тарзан, кочевало по местности, простиравшейся на двадцать пять миль вдоль морского берега и на пятьдесят миль приблизительно вглубь страны. Изо дня в день бродили обезьяны по этой территории, по временам оставаясь целые месяцы в одном и том же месте. Но так как они передвигались по деревьям гораздо быстрее, чем по земле, они часто проходили это расстояние и в несколько дней.

Переходы и остановки зависели от обилия или недостатка пищи, от природных условий местности и от наличия опасных зверей. Следует, однако, сказать, что Керчак зачастую заставлял обезьян делать длинные переходы только по той причине, что ему было скучно долго оставаться на одном и том же месте.

Ночью они спали там, где их застигала темнота, спали, лежа на земле и иногда покрывая себе голову, а изредка и все тело большими листьями громадного лопуха. Чаще, если ночи были холодные, то, чтобы согреться, они лежали, прижавшись друг к другу, по-двое или по-трое; таким образом и Тарзан все эти годы по ночам спал в объятиях Калы.

Не было никаких сомнений, что огромное свирепое животное горячо любило своего белого детеныша. Он, со своей стороны, платил большому волосатому зверю всей той нежностью, которая была бы обращена к его прекрасной молодой матери если бы она не умерла.

Правда, когда Тарзан не слушался Калы, она слегка его шлепала, но гораздо чаще ласкала, чем наказывала.

Однако Тублат, ее муж, продолжал ненавидеть Тарзана и искал случая покончить с белой обезьяной.

Со своей стороны, и Тарзан пользовался всяким удобным случаем, чтобы показать, что и он отвечает полной взаимностью на чувства своего приемного отца. Если только он мог безопасно досадить ему, состроить рожу или послать бранное слово, находясь в надежных объятиях матери, он это делал непременно.

Изобретательный ум и хитрость помогали Тарзану измышлять сотни дьявольских проделок, чтобы насолить Тублату и отравить его и без того тяжелое обезьянье существование.

Еще в раннем детстве Тарзан научился вить веревки, скручивая и связывая длинные травы. Этими веревками он при всяком удобном случае стегал Тублата, или пытался схватить его под мышки и подвесить на низких ветвях дерева.

Играя постоянно с веревками, Тарзан научился вязать грубые узлы и делать затяжные петли, чем забавлялись вместе с ним и маленькие обезьяны. Они пытались подражать Тарзану, но он один изобретал и доводил выдумки до совершенства.

Однажды, играя таким образом, Тарзан закинул петлю на одного из бежавших с ними товарищей, придерживая другой конец веревки в своей руке. Петля случайно обвилась вокруг шеи обезьяны, принудив ее круто остановиться среди разбега самым неожиданным образом.

— Ага, вот новая игра, и хорошая игра! — подумал Тарзан в тотчас же попытался повторить эту штуку. После того, постоянной практикой и старательными упражнениями, он отлично научился искусству закидывания на шею жертвы петли аркана.

И вот тогда-то жизнь Тублата превратилась в какой-то кошмар. Спал ли он, шел ли он ночью и днем, он никогда не мог быть уверен, что невидимая беззвучная петля не охватит его шеи и не задушит его.

Кала наказывала Тарзана, Тублат клялся жестоко отомстить ему, даже старый Керчак обратил внимание на его шалости, предостерегал его, грозил, но все было напрасно — Тарзан никого не слушался, и тоненькая крепкая петля охватывала шею Тублата, когда тот меньше всего ожидал нападения.

Другим обезьянам эти вечные проделки Тарзана с Тублатом казались забавными, так как «Сломанный нос» был тяжелый старик, которого никто не любил.

В светлой головке Тарзана зарождались новые мысли, созданные его человеческим разумом.

Если он мог ловить своих соплеменников-обезьян длинным арканом из трав, почему бы не попытаться ему поймать им и львицу Сабор?

Это был лишь зародыш мысли, и ей суждено было медленно созреть и таиться в его подсознании, пока, наконец, эта идея не осуществилась самым блистательным образом.

Но случилось это уже много позже.

VI

БОЙ В ДЖУНГЛЯХ

Постоянные скитания часто приводили обезьян к запертой и безмолвной хижине у маленькой бухты. Ее таинственность была для Тарзана неиссякаемым источником интереса.

Он заглядывал в занавешенные окна, или взбирался на крышу и смотрел в черное отверстие трубы, тщетно ломая себе голову над неведомыми чудесами, заключенными среди этих крепких стен.

Его детское воображение создавало фантастические образы удивительных существ, находящихся внутри хижины. Особенно подзадоривала его вторгнуться в закрытую дверь полная невыполнимость этого плана.

Он лазил часами вокруг крыши и окон, пытаясь найти вход, но почти не обратил внимания на дверь, потому что она, по внешнему виду, мало отличалась от массивных и неприступных стен.

Вскоре после своего приключения со старой Сабор, Тарзан снова посетил хижину и, подойдя к ней, заметил, что, с некоторого расстояния, дверь казалась как бы отдельной частью строения, независимой от прилегающих к ней стен. Впервые ему пришла мысль, что, быть может, здесь-то и кроется так долго ускользавший от него способ вторжения в хижину.

Он был один, что случалось часто, когда он бродил около хижины, потому что обезьяны ее избегали. История о палке, извергающей грома, еще жила в их памяти, и пустынное обиталище неведомого белого человека оставалось окутанным атмосферой ужаса и тайны.

О том, что он сам был найден здесь — Тарзан не знал. Эта история ему не была никем рассказана. В обезьяньем языке так мало слов, что их хватало самое большее на то, чтобы поведать о палке с громом. Но для описания неведомых странных существ, их обстановки и вещей язык обезьян был бессилён. И поэтому, задолго перед тем, как Тарзан вырос настолько, чтобы понять эту историю, она была попросту забыта племенем.

Кала туманно и смутно объяснила Тарзану, что отец его был странной белой обезьяной, но мальчик не знал, что Кала не была ему

родной матерью.

Итак, он в тот день направился прямо к двери и провел много часов, исследуя ее; он долго возился с петлями, с ручкой, с засовом. Наконец, он попал на правильный прием, и дверь с треском раскрылась перед его удивленными взорами.

Несколько минут он не решался войти, но когда, наконец, его глаза свыклись с тусклым светом комнаты, он медленно и осторожно пробрался туда.

Посреди пола лежал скелет, без малейших следов плоти на костях; к костям налипли истлевшие, покрытые плесенью остатки того, что когда-то было одеждой. На постели Тарзан заметил другой такой же страшный предмет, но уже меньшего размера, а в крошечной колыбели около кровати лежало третье, крохотное подобие скелета.

Мальчик только мимоходом обратил внимание на эти свидетельства страшной трагедии давно минувших дней. Джунгли приучили его к зрелищу мертвых и умирающих животных. Если бы он даже знал, что он смотрит на останки родного отца и матери, и тогда он не был бы очень потрясен.

Внимание его привлекла обстановка и находившиеся в комнате предметы. Он стал подробно и внимательно рассматривать все это: странные инструменты, оружие, книги, бумаги, одежду — то немногое, что уцелело от разрушительного действия времени в сырой атмосфере прибрежных джунглей.

Затем он открыл те ящики и шкафы, с которыми смог справиться благодаря только что приобретенному опыту. То, что он нашел в них, сохранилось гораздо лучше.

В числе других вещей там был охотничий нож, об острое лезвие которого Тарзан немедленно порезал себе палец. Нимало не смущаясь, он продолжал свои опыты и убедился, что этой штукой можно откалывать щепки от столов и стульев.

Долгое время это занятие забавляло его, но наконец наскучило, и он продолжал свои поиски. В одном из наполненных книгами шкафов ему попала книга с ярко раскрашенными картинками. Это была детская иллюстрированная азбука.

С А начинается Аист, Гнездо свое вьет он на крыше. С Б начинается Башня, Домов всех вокруг она выше.

Картинки его увлекли необычайно.

Он увидел много белых обезьян, похожих на него лицом.

Дальше в книге он нашел несколько маленьких мартышек, похожих на тех, которых он видел прыгающими на деревьях первобытного леса. Но нигде он не встретил обезьян своего племени; во всей книге не было видно ни Керчака, ни Тублата, ни Калы.

Сначала Тарзан пытался снять пальцами маленькие фигурки со страниц, но быстро понял, что они не настоящие. Он не имел понятия о том, что они такое, и не находил в своем первобытном языке слов, чтобы назвать их.

Пароходы, поезда, коровы и лошади не имели для него никакого смысла, они скользили мимо внимания и не беспокоили его. Но что особенно заинтересовало Тарзана и даже сбивало его с топку, это многочисленные черные фигурки внизу и между раскрашенными картинками, — что-то вроде букашек, подумалось ему — потому что у многих из них были ноги, но ни у одной не было ни рук, ни глаз. Это было его первое знакомство с буквами алфавита. Ему было тогда уже больше десяти лет от роду.

Он, никогда не выдавший ничего печатного, никогда не говоривший с кем-либо, кто имел бы хотя отдаленное представление о существовании писанной речи, никак не мог угадать значение этих странных фигурок.

В середине книги он нашел своего старого врага Сабор, львицу, а затем и змею Хисту, свернувшуюся клубком.

О, как это было занимательно! Никогда за все десять лет своей жизни он не испытывал такого огромного удовольствия. Он так увлекся, что даже не обратил внимания на приближающиеся сумерки, пока они не надвинулись на него и не смешали во тьме все рисунки.

Тарзан положил книгу назад в шкаф и притворил дверь, потому что не хотел, чтобы кто-нибудь другой нашел и уничтожил его сокровище. Выйдя в сгущающуюся тьму, он закрыл за собой большую дверь хижины так, как она была закрыта раньше. Но прежде чем уйти, он заметил охотничий нож, лежавший на полу. Он поднял его и взял с собою, чтобы показать своим товарищам.

Едва только он вступил в джунгли, как из тени низкого куста встала пред ним огромная фигура. Сначала он принял ее за обезьяну своего племени, но через мгновение сообразил, что перед ним Болгани, громадная горилла.

Мальчик стоял так близко к ней, что бежать было уже невозможно, и маленький Тарзан понял, что единственный выход — остаться на месте и биться, биться насмерть, потому что эти большие звери были смертельными врагами его соплеменников и, встретившись с ними, никогда не просили и не давали пощады.

Если бы Тарзан был взрослым самцом обезьяньего племени Керчака, он был бы серьезным противником для гориллы, но он был лишь маленьким английским мальчиком, правда — необычайно крепким и мускулистым для своего возраста, и конечно не мог сравниться со своим страшным противником.

Но в его жилах текла кровь того народа, в среде которого много могучих бойцов и ловких спортсменов, к тому же у него была еще и собственная тренировка, приобретенная им в его жизни среди хищных зверей джунглей.

Тарзану было чуждо понятие страха так, как его понимаем мы; его маленькое сердце билось учащенно, но от одного возбуждения. Если бы представилась возможность бежать, он конечно воспользовался бы этой возможностью, но только потому, что рассудок ему говорил, что он неровня громадному зверю. Когда же разум подсказал ему, что бегство немислимо, Тарзан смело и храбро встретил гориллу. Ни один мускул не дрогнул на его лице, — бесстрашно встретился он с ужасной обезьяной. Он схватился со зверем, едва тот прыгнул на него, и бил его громадное тело своими кулаками, разумеется — столь же безрезультатно, как если бы муха ударила слона. Но в одной руке Тарзан все еще держал нож, подобранный им в хижине отца, и когда зверь, кусаясь, опять бросился на него, мальчик случайно ударил острием ножа волосатую грудь гориллы. Нож глубоко вонзился в тело, и зверь завыл от боли и бешенства.

В один миг мальчик узнал употребление своей острой блестящей игрушки. Он немедленно воспользовался этим новым знанием, и когда терзающий, кусающийся зверь повалил его на землю, он несколько раз погрузил ему нож в грудь по самую рукоять.

Горилла, сражаясь по приемам своей породы, наносила мальчику ужасающие удары лапой и терзала ему горло и грудь своими могучими клыками. Некоторое время они катались по земле в диком бешенстве сражения. Истерзанный и залитый кровью ребенок все слабее и слабее наносил удары длинным лезвием своего ножа, затем маленькая

фигурка судорожно вытянулась, и Тарзан, молодой лорд Грейсток, покатился без признаков жизни на гниющую растительность, устилавшую почву его родных джунглей.

Племя Керчака услышало издали свирепый вызов гориллы, и, как всегда, когда угрожала опасность, Керчак сейчас же собрал свое племя отчасти для взаимной защиты от общего врага, так как горилла могла быть не одна, отчасти — чтобы сделать проверку, все ли члены племени налицо.

Скоро выяснилось, что отсутствует Тарзан. Тублат, страшно обрадовавшись случаю, изо всех сил противился посылке помощи. Сам Керчак, тоже недолголюбивший странного маленького найденыша, охотно послушал Тублата и, пожав плечами, вернулся к груде листьев, на которых приготовил себе постель.

Но иначе думала Кала. Не успела она узнать, что Тарзан исчез, как она уже мчалась по спутанным ветвям к тому месту, откуда еще ясно доносились крики гориллы.

Темнота окутала землю, и только что взошедшая луна струила свой неверный свет, бросая уродливые тени на пышную листву.

Редкие матовые лучи ее проникали до земли, но этот свет только сгущал крошечную тьму джунглей.

Неслышно, подобно огромному призраку, перебрасывалась Кала с ветви на ветвь. Она то быстро скользила по большим сучьям, то кидалась далеко в пространство с одного дерева на другое и быстро приближалась к месту происшествия. Ее опыт и знание джунглей говорили ей, что место боя близко.

Крики гориллы извещали, что страшный зверь находится в смертельном бою с каким-то другим обитателем дикого леса. Внезапно крики эти смолкли, и гробовая тишина воцарилась по всему лесу.

Кала ничего не могла понять: крик Болгани был несомненно криком страданий и предсмертной агонии, но до нее не доходило ни единого звука, по которому она могла бы определить, кто же был противником гориллы?

Было совершенно невероятным, чтобы ее маленький Тарзан мог уничтожить большую обезьяну-самца. И потому, когда она приблизилась к месту, откуда доносились звуки борьбы, Кала стала продвигаться осторожнее, а под конец совсем медленно и опасно пробиралась по нижним ветвям, тревожно вглядываясь в обрызганную

лунным светом темноту и отыскивая хоть какой-нибудь признак бойцов. Вдруг на открытой полянке, залитой ярко блестящей луной, она увидела маленькое, истерзанное тело Тарзана и рядом с ним большого самца-гориллу, уже совершенно мертвого и окоченевшего.

С глухим криком бросилась Кала к Тарзану, прижала белое окровавленное тело к своей груди, прислушиваясь, не бьется ли в нем еще жизнь, и с трудом расслышала слабое биение маленького сердца.

Осторожно и любовно понесла его Кала через чернильную тьму джунглей к своему племени. Долгие дни и ночи пришлось ей просидеть около него, принося ему пищу и воду и отгоняя мух от его жестоких ран.

Бедняжка не имела понятия о медицине; она могла только вылизывать раны и таким способом держала их в относительной чистоте, пока целительные силы природы делали свое дело.

Первое время Тарзан не принимал пищи и метался в бреду и лихорадке. Но он поминутно просил пить и она носила ему воду тем единственным способом, который был в ее распоряжении, т. е. в собственном рту.

Ни одна женщина не сумела бы проявить большего самозабвения и самоотверженной преданности к маленькому найденышу, чем это бедное, дикое животное.

Наконец лихорадка прошла, и мальчик начал поправляться. Ни одной жалобы не вырвалось из его крепко сжатых губ, хотя его раны мучительно болели.

Часть его груди оказалась разодранной до костей, и три ребра были переломлены могучими ударами гориллы. Одна рука была почти перегрызена огромными клыками, и большой кусок мяса вырван из шеи, обнажив главную артерию, которую свирепые челюсти не перекусили лишь чудом.

Со стоицизмом, перенятым от воспитавших его зверей, Тарзан молча выносил боль, предпочитая уползти в заросли высоких трав и безмолвно лежать там, свернувшись в клубок, чем выставлять напоказ свои страдания.

Одну лишь Калу Тарзан был всегда рад видеть около себя. Но теперь, когда ему стало лучше, она уходила на более продолжительное время для поисков пищи. Пока Тарзану было плохо, преданное

животное питалось кое-как, чтобы только поддержать свое существование. И теперь Кала от худобы стала тенью самой себя.

VII

СВЕТ ПОЗНАНИЯ

Прошло много времени, и оно показалось целою вечностью маленькому страдальцу, — пока, наконец, он встал на ноги и мог снова ходить. Но с этих пор выздоровление его пошло уже так быстро, что через месяц Тарзан был таким же сильным и подвижным, как прежде.

Во время своего выздоровления он много раз восстанавливал в памяти бой с гориллой. И первой его мыслью было снова отыскать то чудесное маленькое оружие, которое превратило его из безнадежного слабого и хилого существа в победителя могучего зверя, наводившего страх на джунгли.

Кроме того, он всей душой стремился снова побывать в хижине и продолжать осмотр тех диковинных вещей, которые находились там.

Однажды рано утром он отправился на розыски. Он скоро увидел начисто обглоданные кости своего противника, и тут же, рядом, прикрытый опавшими листьями валялся его нож, весь заржавленный от запекшейся крови гориллы и от долгого лежания на влажной почве.

Ему не понравилось, что прежняя блестящая поверхность ножа так изменилась, но все-таки в его руках это было достаточно грозное оружие, которым он решил воспользоваться при первом случае. У него мелькнула даже мысль, что отныне он уже не должен будет спасаться бегством от наглых нападений старого Тублата.

Через несколько минут Тарзан был уже около хижины, опять открыл ее дверь и вошел. Его первой заботой было изучить механизм замка, и пока дверь была открыта, он внимательно осмотрел его устройство. Ему хотелось точно узнать, что собственно держит дверь закрытой и каким образом она открывается, как только прикоснешься к замку?

Тарзан увидел, что изнутри тоже можно притворить и запереть дверь на замок. Он так и сделал, чтобы никто не мог потревожить его во время занятий.

Тогда он приступил к систематическому осмотру хижины; но его внимание было опять главным образом приковано к книгам. Казалось, они имели на него какое-то странное, непреодолимое влияние. Он не

мог сейчас заняться ничем иным — до такой степени захватила его увлекательная сила и изумительная тайна книг.

Здесь был букварь, несколько элементарных детских книжек, какие-то многочисленные книги с картинками и большой словарь. Тарзан рассмотрел их все. Больше всего ему понравились картинки, но и маленькие странные букашки, покрывавшие страницы, где не было рисунков, возбуждали в нем удивление и будили его мысль.

Сидя с поджатыми ногами на столе в хижине, построенной его отцом, склонившись своим стройным и нагим телом над книгой, этот маленький первобытный человек с густой гривой черных волос и блестящими умными глазами представлял собою трогательную и прекрасную живую аллегория первобытного стремления к знанию сквозь черную ночь умственного небытия.

Лицо его поражало выражением напряженной мысли. Каким-то не поддающимся анализу путем, он уже нащупал ключ к столь смущавшей его загадке о таинственных маленьких букашках.

Перед ним лежал букварь, а в букваре был рисунок, изображавший маленькую обезьяну. Эта обезьяна походила на него самого, но, за исключением рук и лица, была покрыта каким-то забавным цветным мехом. Тарзан принимал за мех костюм человека! Над картинкой виднелись семь маленьких букашек:

М-а-л-ь-ч-и-к.

И он заметил, что в тексте, на той же странице, эти семь букашек много раз повторялись в том же порядке.

Затем он постиг, что отдельных букашек было сравнительно немного, но что они повторялись много раз — иногда в одиночку, а чаще в сопровождении других.

Он медленно переворачивал страницы, вглядываясь в картинки и текст и отыскивал повторение знакомого сочетания м-а-л-ь-ч-и-к. Вот он снова нашел его под другим рисунком: там опять была маленькая обезьяна и с нею какое-то неведомое животное, стоявшее на всех четырех лапах и походившее на шакала. Под этим рисунком букашки слагались в такое сочетание:

М-а-л-ь-ч-и-к и с-о-б-а-к-а.

Итак эти семь маленьких букашек всегда сопровождали маленькую обезьяну!

Таким образом шло вперед учение Тарзана. Правда, оно шло очень, очень медленно, потому что, сам того не зная, он задал себе трудную и кропотливую работу, которая вам или мне показалась бы невозможной: он хотел научиться читать, не имея ни малейшего понятия о буквах или письме и никогда не слышав о них.

Тарзану долго не удавалось справиться с поставленной им себе задачей. Прошли многие месяцы и даже годы, пока он разрешил ее. Но спустя долгое время, он все-таки постиг тайну маленьких букашек. И когда ему исполнилось пятнадцать лет, он уже знал все комбинации букв, сопровождавшие ту или иную картинку в маленьком букваре и в двух книжках для начального чтения.

Разумеется, он имел лишь самое туманное представление о значении и употреблении союзов, глаголов, местоимений, наречий и предлогов.

Как-то раз (ему было тогда около двенадцати лет) в одном из ящичков стола он нашел несколько карандашей. Случайно проведя концом одного из них по столу, он с восхищением увидел, что карандаш оставляет за собой черный след.

Тарзан так усердно занялся этой новой игрушкой, что поверхность стола очень скоро покрылась линиями, зигзагами и кривыми петлями, а кончик карандаша стерся до дерева. Тогда Тарзан принялся за новый карандаш. Но на этот раз он уже имел в виду определенную цель.

Ему пришлось в голову самому изобразить некоторые из маленьких букашек, которые ползали на страницах его книг.

Это было трудное дело, прежде всего уже потому, что он держал карандаш так, как привык держать рукоять кинжала, что далеко не способствовало облегчению письма или разборчивости написанного.

Однако, Тарзан не бросил своей затеи. Он занимался письмом всякий раз, когда приходил в хижину, и в конце концов практический опыт указал ему такое положение карандаша, при котором ему легче было направлять и водить его. И тогда он получил возможность воспроизвести некоторые из маленьких букашек.

Таким путем он стал писать.

Срисовывая букашки, он научился и другой вещи — их числу. И хотя он не мог считать в нашем смысле этого слова, он все же имел

представление о количестве, в основе которого лежало число пальцев на одной руке.

Роясь в разных книгах, Тарзан убедился в том, что ему теперь известны все породы букашек, появляющихся в разных комбинациях. Он тогда без труда расположил их в должном порядке. Ему было легко это сделать, потому что он часто перелистывал занимательный иллюстрированный букварь.

Его образование, таким образом, шло вперед. Но самые важные познания он приобрел в неистощимой сокровищнице громадного иллюстрированного словаря. Даже после того, как он понял смысл букашек, он продолжал гораздо больше учиться по картинкам, чем с помощью чтения.

После того, как он открыл расположение букв в алфавитном порядке, он с наслаждением искал и находил знакомые ему комбинации. Слова, сопровождавшие их, и их определения увлекали его все дальше и дальше в громадную область знания.

К семнадцати годам Тарзан научился читать детский букварь и вполне понял удивительное значение маленьких букашек.

Он уже больше не презирал своего голого тела, не приходил в отчаяние при виде своего человеческого лица; он знал теперь, что он принадлежит к совсем иной породе, чем его дикие и волосатые сотоварищи.

Он был ч-е-л-о-в-е-к, а они о-б-е-з-ь-я-н-ы. Маленькие же обезьяны, скачущие по верхушкам деревьев, были м-а-р-т-ы-ш-к-и. Тарзан узнал также, что старая Сабор л-ь-в-и-ц-а, Хиста з-м-е-я, а Тантор с-л-о-н.

Таким образом он научился читать.

С того времени его успехи шли очень быстро. С помощью большого словаря и упорной работы здорового разума, Тарзан, унаследовавший способность к мышлению, свойственную высокой расе, часто догадывался о многом, чего в действительности не мог понять, и почти всегда его догадки были близки к истине.

В его учении случались большие перерывы, так как племя иногда далеко уходило от хижины, но, даже вдали от книг, его живой ум продолжал работать над этими таинственными и увлекательными вопросами.

Куски коры, плоские листья и даже гладкие участки земли служили Тарзану тетрадами, в которых острием охотничьего ножа он выцарапывал уроки.

Но в то время, как он следовал своей склонности к умственному труду, он не пренебрегал и суровыми жизненными знаниями.

Он упражнялся с веревкой и играл со своим охотничьим ножом, который научился точить о плоские камни.

Племя окрепло и увеличилось со времени, когда поступил в него Тарзан.

Под предводительством Керчака ему удалось изгнать другие племена из своей части джунглей, так что у племени была теперь в изобилии пища и почти не приходилось терпеть от дерзких набегов соседей.

И потому, когда молодые самцы вырастали, они находили более удобным для себя брать жен из собственного племени, а если и брали в плен чужих самок, то приводили их к Керчаку, предпочитая подчиниться ему и жить с ним в дружбе, чем устраиваться самостоятельно.

Изредка какой-нибудь самец, более свирепый, чем его товарищи, пытался оспаривать власть у Керчака, но еще никому не удалось одолеть эту свирепую и жестокую обезьяну.

Тарзан находился в племени на особом положении. Хотя обезьяны и считали его своим, но Тарзан слишком заметно от них отличался, чтобы не быть одиноким в их обществе. Старшие самцы уклонялись от сношений с ним и либо не обращали на него внимания, либо относились к нему с такой непримиримой ненавистью, что если бы не изумительная ловкость мальчика и не защита могучей Калы, которая оберегала его со всем пылом материнской любви, — он был бы убит еще в раннем возрасте.

Самым свирепым и постоянным его врагом был Тублат. Но когда Тарзану минуло около тринадцати лет, преследования его врагов внезапно прекратились, его оставили в покое и даже стали питать к нему род уважения. Тарзан мог наконец рассчитывать на спокойную совместную жизнь с племенем Керчака, за исключением тех случаев, когда на кого-нибудь из самцов нападал припадок безумного неистовства, которыми страдают в джунглях самцы диких зверей. Но тогда никто из обезьян не был в безопасности.

Виновником этого счастливого для Тарзана поворота был никто иной, как тот же Тублат.

Произошло это событие следующим образом. Однажды, все племя Керчака собралось в маленьком естественном амфитеатре, лежащем среди невысоких холмов, на широкой и чистой поляне, свободной от колючих трав и ползучих растений.

Площадка была почти круглой. Со всех сторон амфитеатр замыкали мощные гиганты девственного леса; их огромные стволы были сплетены такой сплошной; стеной кустарника, что доступ на маленькую гладкую арену был возможен лишь по ветвям деревьев. Здесь, в безопасности от какого-либо вторжения, устраивало свои собрания племя Керчака. В середине амфитеатра возвышался один из тех страшных земляных барабанов, из которых антропоиды извлекают адскую музыку при совершении своих обрядов. Из глубины джунглей глухие удары их иногда доносятся до человеческого слуха, но никто из людей, никогда не присутствовал на этих ужасных празднествах. Многим путешественникам удалось видеть эти диковинные барабаны обезьян. Иные из них слышали даже грохот свирепого, буйного разгула громадных человекообразных, этих первых властителей джунглей. Но Тарзан, лорд Грейсток, был несомненно первым человеческим существом, которое когда-либо само участвовало в опьяняющем разгуле Дум-Дум.

Этот первобытный обряд послужил прототипом для всех служб, церемоний и торжеств, какие устраивались и устраиваются церковью и государством. На заре человеческого сознания, в седой глубине веков, за далекой гранью зарождающегося человечества, наши свирепые волосатые предки при ярком свете луны выплясывали обряды Дум-Дум под звуки своих земляных барабанов, в глубине величавых джунглей, которые остались такими же и поныне. Все наши религиозные таинства и обряды начались в ту давно забытую ночь, в тусклой дали давно минувшего мертвого прошлого, когда первый мохнатый наш предок, раскачав своею тяжестью ветку тропического дерева, легко спрыгнул на мягкую траву, на место первого сборища.

В тот день, когда произошло событие, после которого Тарзан добился, наконец, прекращения тех преследований, которым он подвергался в течение первых двенадцати лет своей жизни, племя Керчака, состоявшее теперь уже из целой сотни обезьян, шло молча

толпою по нижним ветвям деревьев и бесшумно спустилось на арену амфитеатра.

Празднества Дум-Дум устраивались обычно по случаю того или иного важного события в жизни обезьян, например — победе над враждебным племенем, захвата пленника, умерщвлении или поимки какого-нибудь крупного хищника джунглей и, наконец, по случаю смерти или воцарения владыки — главы племени. Каждый такой случай сопровождался торжественными обрядами и особым церемониалом Дум-Дум.

В этот день, праздновалось убийство гигантской обезьяны из другого племени. И когда обезьяны Керчака заняли арену амфитеатра, два могучих самца принесли труп побежденного.

Они положили свою ношу перед земляным барабаном и уселись на корточках возле него в виде стражи. Остальные участники торжества разлеглись в густой траве, чтобы подремать, пока не взойдет луна. При ее свете должна была начаться дикая оргия.

Долгие часы на поляне царила полнейшая тишина, нарушаемая лишь нестройными криками пестрых попугаев и щебетом тысячи птиц, которые стаями порхали среди ярких орхидей и гирлянд огненно-красных цветов, ниспадавших с покрытых мохом пней и стволов.

Наконец, когда над джунглями спустилась ночь, обезьяны зашевелились, поднялись и расположились вокруг земляного барабана. Самки и детеныши длинной вереницей уселись на корточках с внешней стороны амфитеатра, взрослые самцы расположились внутри полянки, прямо против них. У барабана заняли место три старые самки, и каждая из них имела в руках толстую суковатую ветку длиной около пятнадцати дюймов.

С первыми слабыми лучами восходящей луны, посеребрившей вершины окружающих деревьев, старые самки стали медленно и тихо ударять по звучащей поверхности барабана.

Чем выше поднималась луна и чем ярче освещался ее сиянием лес, тем сильнее и чаще били в барабан обезьяны, пока, наконец, дикий ритмический грохот не наполнил собою всю окрестность на много миль во всех направлениях. Хищные звери джунглей приостановили свою охоту и, насторожив уши и приподняв головы, с любопытством

прислушивались к далеким глухим ударам, указывавшим на то, что у больших обезьян начался праздник Дум-Дум.

По временам какой-нибудь зверь испускал пронзительный визг или громовый рев в ответ на дикий грохот праздника антропоидов. Но никто из них не решался пойти на разведки или подкрасться для нападения, потому что большие обезьяны собравшиеся всей своей массой, внушали лесным соседям глубокое уважение.

Грохот барабана достиг, наконец, силы грома; тогда Керчак вскочил на середину круга, в открытое пространство между сидящими на корточках самцами и барабанщицами.

Выпрямившись во весь рост, он откинул голову назад и, взглянув прямо в лицо восходящей луне, ударил в грудь своими большими волосатыми лапами и испустил страшный, рычащий крик.

Еще и еще пронесся этот наводящий ужас крик над притихшими в безмолвии ночи и словно мертвыми джунглями.

Затем Керчак ползком, словно крадучись, безмолвно проскочил мимо тела мертвой обезьяны, лежавшей перед барабаном, не сводя с трупа своих красных, маленьких, сверкавших злобою глаз, и, прыгая, побежал вдоль круга.

Следом за ним на арену выпрыгнул другой самец, закричал, и повторил движения вождя. За ним вошли в круг и другие, и джунгли теперь уже почти непрерывно оглашались их кровожадным криком.

Эта пантомима изображала вызов врага.

Когда все возмужалые самцы присоединились к хороводу кружащихся плясунов, — началось нападение.

Выхватив огромную дубину из груды кольев, нарочно заготовленных для этой цели, Керчак с боевым рычанием бешено кинулся на мертвую обезьяну и нанес трупу первый ужасающий удар. Барабанный грохот усилился, и на поверженного врага посыпались удар за ударом. Каждый из самцов, приблизившись к жертве обряда, старался поразить ее дубиной, а затем уносился в бешеном вихре Пляски Смерти.

Тарзан тоже участвовал в диком, скачущем танце. Его смуглое тело, испещренное полосами пота, мускулистое тело блестело в свете луны и выделялось гибкостью и изяществом среди неуклюжих, грубых, волосатых зверей.

По мере того, как грохот и быстрота барабанного боя увеличивались, плясуны пьянели от его дикого ритма и от своего свирепого воя. Их прыжки становились все быстрее, с оскаленных клыков потекла слюна, и пена выступила на губах и груди.

Дикая пляска продолжалась около получаса. Но, вот, по знаку Керчака прекратился бой барабана. Самки-барабанщицы торопливо пробрались сквозь цепь плясунов и присоединились к толпе зрителей. Тогда самцы, все, как один, ринулись на тело врага, превратившееся под их ужасающими ударами в мягкую волосатую массу.

Им не часто удавалось есть в достаточном количестве свежее мясо. Поэтому дикий разгул их ночного праздника всегда кончался пожиранием окровавленного трупа. И теперь они все яростно кинулись на мясо.

Огромные клыки вонзались в тушу, разрывая кровавое битое тело. Более сильные хватали отборные куски, а слабые вертелись около дерущейся и рычащей толпы, выжидая удобный момент, чтобы втереться туда хитростью и подцепить лакомый кусочек, или стащить какую-нибудь оставшуюся кость прежде, чем все исчезнет.

Тарзан еще больше, чем обезьяны, любил мясо и испытывал в нем потребность. Плотоядный по природе, он еще ни разу в жизни, как ему казалось, не поел мяса досыта. И вот теперь, ловкий и гибкий, он пробрался глубоко в массу борющихся и раздирающих мясо обезьян. Он стремился хитростью добыть себе хороший кусок, который ему трудно было бы добыть силой.

С боку у него висел охотничий нож его неведомого отца, в самодельных ножнах. Он видел образчик их на рисунке в одной из своих драгоценных книг.

Проталкиваясь в толпе, он, наконец, добрался до быстро исчезающего угощения и своим острым ножом отрезал изрядный кусок; он и не надеялся, что ему достанется такая богатая добыча — целое предплечье, просовывавшееся из-под ног могучего Керчака. Последний был так занят своим царственным обжорством, что даже не заметил содеянного Тарзаном оскорбления величества...

И Тарзан благополучно ускользнул из борющейся массы со своей добычей.

Среди обезьян, которые тщетно вертелись за пределами круга пирующих, был и старый Тублат. Он очутился одним из первых на

пиру и захватил уже раз отличный кусок, который спокойно съел в сторонке. Но этого ему показалось мало, и теперь он снова пробивал себе дорогу, желая еще раз раздобыть хорошую порцию мяса.

Вдруг он заметил Тарзана: мальчик выскочил из царапающейся и кусающейся кучи переплетенных тел с полосатым предплечьем, которое он крепко прижимал к груди.

Маленькие тесно посаженные, налитые кровью свинные глазки Тублата засверкали злобным блеском, когда они увидели ненавистного приемыша. В них загорелась также и жадность к лакомого куску в руках мальчика.

Но и Тарзан заметил своего злейшего врага. Угадав его намерение, он быстро прыгнул к самкам и детенышам, надеясь скрыться среди них. Тублат быстро погнался за ним по пятам. Убедившись, что ему не удастся найти место, где он мог бы спрятаться, Тарзан понял, что остается одно — бежать.

Со всех ног помчался он к ближайшим деревьям, ловко прыгнул, ухватившись рукой за ветку, и с добычей в зубах стремительно полез вверх, преследуемый Тублатом.

Тарзан поднимался все выше и выше на раскачивающуюся верхушку величавого гиганта лесов. Тяжеловесный преследователь не решился гнаться за ним туда, и, усевшись на вершине, мальчик кидал оскорбления и насмешки разъяренному, покрытому пеной животному, которое остановилось на пятьдесят футов ниже его.

И Тублат впал в бешенство.

С ужасающими воплями и рычанием низвергнулся он наземь в толпу самок и детенышей и накинулся на них. Он перегрызал огромными клыками маленькие слабые детские шеи и вырывал целые куски мяса из спин и животом самок, попадавших в его когти.

Луна ярко озаряла эту кровавую оргию бешенства. И Тарзан все это видел.

Он видел, как самки и детеныши бежали, что было сил, в безопасные места на деревьях. А затем и большие самцы, что сидели посреди арены, почувствовали могучие клыки своего обезумевшего товарища. И тогда все обезьяны поспешно скрылись среди черных теней окрестного леса.

В амфитеатре, кроме Тублата, оставалось только одно живое существо — запоздавшая самка, быстро бежавшая к дереву, на

верхушке которого сидел Тарзан. За ней близко по пятам гнался страшный Тублат.

Это была Кала. Как только Тарзан увидел, что Тублат ее настигает, он, с быстротою падающего камня, бросился с ветки на ветку на помощь своей приемной матери.

Она подбежала к дереву. Как раз над нею сидел Тарзан, затаив дыхание, выжидая исхода этого бега взапуски.

Кала подпрыгнула вверх и зацепилась за ниже висевшую ветку. Она оказалась почти над самой головой Тублата и была здесь уже в безопасности. Но раздался сухой, громкий треск, ветка обломилась, — и Кала свалилась прямо на голову Тублата, сбив его с ног.

Оба вскочили на мгновение, но Тарзан еще быстрее спустился с дерева, и громадный разъяренный обезьяний самец внезапно очутился лицом к лицу с человеком-ребенком.

Ничто не могло быть более на руку злобному зверю. С ревом торжества обрушился он на маленького лорда Грейстока. Но клыкам его все же не было суждено вонзиться в это крошечное коричневое тело цвета ореха.

Мускулистая рука с молниеносной быстротой схватила Тублата за волосатое горло. Другая рука вонзила несколько раз острый охотничий нож в широкую, мохнатую грудь. Удары падали, словно молнии, и прекратились только тогда, когда Тарзан почувствовал, что ослабевшее вялое тело рушится на землю.

Когда труп упал, Тарзан, обезьяний приемыш, поставил ногу на шею своего злейшего врага, поднял глаза к полной луне и, откинув назад буйную, молодую голову, испустил дикий и страшный победный крик своего народа. Друг за другом, из своих древесных убежищ, спустилось все племя. Они окружили стеной Тарзана и его побежденного врага, и когда все оказались налицо, Тарзан обратился к ним.

— Я Тарзан, — крикнул он. — Я великий боец. Все должны почитать Тарзана и Калу, его мать. Среди вас нет никого, кто может сравниться с ним в силе! Пусть берегутся его враги!

Устремив пристальный взгляд в злобно-красные глаза Керчака, молодой лорд Грейсток ударил себя по могучей груди и испустил еще раз свой пронзительный крик вызова.

VIII

ОХОТА НА ВЕРШИНАХ ДЕРЕВЬЕВ

На следующее утро после Дум-Дум, обезьяны медленно двинулись назад к берегу, через лес. Мертвый Тублат остался лежать там, где он был убит, потому что племя Керчака не ест своих.

Поход на этот раз был весь занят поисками пищи. Капустные пальмы, серые сливы, визанг и сентамин встречались в изобилии; попадались также дикие ананасы, а иногда обезьянам удавалось находить мелких млекопитающих, птиц, яйца, гадов и насекомых. Орехи обезьяны раскалывали своими могучими челюстями, и только когда они оказывались слишком твердыми, они разбивали их камнями.

Однажды путь их пересекла старая Сабор. Встреча с львицей заставила обезьян поспешно искать убежище на высоких ветвях.

Правда, Сабор относилась с уважением к их численности и острым клыкам, но и обезьяны, со своей стороны, проявили неменьшую почтительность к ее силе и свирепости.

Тарзан сидел на низко опущенной ветке. Львица, пробираясь через густые заросли, оказалась как раз под ним. Он швырнул в исконного врага своего народа бывший у него под рукою ананас. Величественное животное остановилось и, обернувшись, окинуло взглядом дразнившую ее сверху человеческую фигуру.

Сердито вильнув хвостом, Сабор обнажила свои желтые клыки и сморщила, огрызаясь, щетинистую морду. Злобные глаза ее превратились в две узкие щелки, в которых горели бешенство и ненависть.

С прижатыми ушами львица посмотрела прямо в глаза Тарзану, найденьшу обезьян, и испустила пронзительный боевой вызов.

И, сидя под нею на ветке, человек-обезьяна ответил ей страшным криком своего племени.

Несколько мгновений они молча смотрели друг на друга. А через минуту громадная кошка повернула в джунгли, и лесная чаща поглотила ее, как океан поглощает брошенный в него камень.

Но в уме Тарзана зародился серьезный план. Он убил, ведь, свирепого Тублата, значит, он стал могучим бойцом? А, вот, теперь он

выследит хитрую Сабор и убьет ее тоже. Тогда он станет великим охотником.

В глубине его маленького европейского сердца таилось сильное желание прикрыть одеждой свою наготу.

Из своих книжек с картинками он узнал, что все люди прикрыты одеждой, тогда как мартышки и обезьяны ходят голые. Одежда — знак силы, отличительный признак превосходства человека над всеми созданиями. Не могло, конечно, быть другой причины для того, чтобы носить такие отвратительные вещи.

Много лун тому назад, когда он был гораздо моложе, Тарзану очень хотелось иметь шкуру львицы Сабор, или льва Нумы, или пантеры Шиты, для прикрытия своего безволосого тела. Тогда, по крайней мере, он перестал бы походить на отвратительную змею Хисту. Но нынче Тарзан гордился своею гладкою кожей, потому что она означала его происхождение от могучего племени. В нем боролись два противоположных желания — ходить свободно голым, по примеру племени Керчака, или же, сообразуясь с обычаями своей породы, носить неудобную одежду. И оба желания попеременно одерживали в нем верх.

В течение всего того времени, когда, после бегства Сабор, племя продолжало свой медленный переход через джунгли, голова Тарзана была полна широкими планами выслеживания и убийства львицы. Много дней прошло, а он только об этом и думал.

Но внимание его было однажды отвлечено страшным явлением.

Среди белого дня внезапно темнота спустилась на джунгли; звуки стихли. Деревья стояли неподвижно, словно парализованные ожиданием надвигающейся катастрофы. Вся природа как бы замерла. И вот издалека слабо донеслось какое-то тихое, печальное стонание. Ближе и ближе звучало оно, разрасталось и становилось все более оглушительным.

Большие деревья разом погнулись, словно их пригнетала к земле чья-то могучая рука. Они склонялись все ниже и ниже, и все еще не было слышно другого звука, кроме глухого и страшного стога ветра. И вдруг великаны джунглей выпрямились и закачали могучими вершинами, как бы выражая этим свой гневный протест. Из несущихся вихрем черных туч сверкнул яркий, ослепительный блеск. Раскаты

грома потрясли воздух, как канонада. Затем сразу хлынул потоп, и джунгли превратились в настоящий ад.

Обезьяны, дрожа от холодного ливня, сбились в кучу и жались к стволам деревьев. При свете молний, пронизывавших тьму, видны были дико-качавшиеся ветки, льющиеся потоки воды и стволы, гнущиеся от ветра.

Время от времени один из древних лесных патриархов, пораженный ударом, с треском ломался на тысячи кусков и рушился, повергая за собой бесчисленные ветки окружавших его деревьев и множество мелких тварей. Большие и малые сучья, оторванные свирепым вихрем, кружились и летели в неистовой пляске на землю, неся гибель несчастным тварям подлесья.

Долго бесновался ураган, и обезьяны в смятении жались друг к другу, подвергаясь постоянной опасности от падающих стволов и ветвей, парализованные яркими вспышками молний и раскатами грома. Они притаились в ужасе и безмолвно страдали, выжидая конца бури.

Конец был такой же внезапный, как и начало. Ветер прекратился мгновенно, выглянуло солнце, и природа снова улыбнулась.

Мокрые листья и влажные лепестки чудесных цветов засияли в лучах солнца. Природа смягчилась, и все живое простило ей гнев и причиненное ею зло и занялось своими обычными делами. Хлопотливая жизнь опять потекла своей чередой, как до наступления бури.

Но для Тарзана забрезжил свет неожиданного откровения:

он постиг тайну одежды. Как ему было бы тепло и уютно во время дождя под тяжелой шкурой Сабор! И эта мысль была еще одной побудительной причиной выполнить затеянный замысел.

В продолжение нескольких месяцев племя бродило близ отлогого берега, где находилась хижина Тарзана, и он посвящал большую часть своего времени учению. Но когда он скитался по джунглям, то постоянно держал наготове веревку, и немало мелких животных попало ему в петлю.

Однажды аркан обвил жесткую шею кабана Хорта. Зверь бешено прыгнул в попытке сбросить его и стащил Тарзана с ветки, на которой тот лежал в это время.

Зверь услышал шум падения, обернулся и, увидев легкую добычу — молодую обезьяну, нагнул голову и кинулся на захваченного врасплох юношу.

Но Тарзан, к счастью, не пострадал; он по-кошачьи упал на четвереньки, широко расставив ноги. Очутившись перед кабаном, он мгновенно вскочил, прыгнул с обезьяньей ловкостью на дерево и оказался в безопасности в то время, как разъяренный Хорта тяжело промчался под ним.

Благодаря этому случаю, Тарзан на опыте узнал, чего можно ждать и чего следует бояться при употреблении петли.

Он лишился своей длинной веревки, но зато понял, что если бы с ветки стащила его Сабор, то исход был бы совсем иной, и он несомненно был бы убит.

Ему потребовалось довольно много дней, чтобы свить новую веревку. Когда она была наконец готова, Тарзан отправился на затеянную охоту и залег настороже среди густой листвы на большой ветке, как раз над звериной тропой к водою. Много мелких зверей прошло под ним невредимо. Мелкая дичь сейчас не интересовала Тарзана. Для достижения своей цели ему надо было крупное животное.

И вот, наконец, появилась та, которую он ждал. Играя мышцами под бархатной пышной шкурой, жирная и блестящая, шла львица Сабор.

Ее большие лапы мягко ступали по узкой тропе. Она шла с высоко поднятой головой, чутко и зорко следя за каждым движением и шорохом; медлительными и красивыми движениями извивался ее длинный хвост.

Ближе и ближе подходила львица к месту, где Тарзан подстерегал ее на ветке, уже держа наготове сложенный кольцами длинный аркан.

Тарзан сидел неподвижный, как бронзовый идол, и непреклонный, как смерть. Сабор прошла под ним. Она сделала шаг, другой, третий — и длинная веревка взвилась над ней.

Широкая петля со свистом охватила ее голову. И когда Сабор, встревоженная шумом, подняла голову, петля уже обвилась вокруг ее горла. Тарзан крепко затянул аркан на глянцевиной шее, а затем отпустил веревку и уцепился обоими руками за поддерживавшую его ветку.

Сабор была поймана.

Испуганный зверь кинулся бешеным прыжком в джунгли. Но Тарзану не хотелось терять веревки, как в первый раз. Наученный опытом, Тарзан крепко привязал конец аркана к стволу, на котором сидел. Не успела львица сделать скачок, как почувствовала, что веревка стягивает ей шею. Она перевернулась в воздухе и тяжело свалилась на землю.

План его, по-видимому, был удачен. Но когда он схватил веревку, упираясь в разветвление двух могучих суков, то увидел, что очень трудно подтащить к дереву и повесить тело такого мощного зверя, и притом зверя, который яростно сопротивлялся, кусался, царапался и выл.

Тяжесть старой Сабор была громадная, и когда она упиралась своими огромными лапами, пожалуй, только слон Тантор мог бы стащить ее с места.

Львица стала метаться на веревке и снова попала на ту тропинку, откуда она могла видеть виновника нанесенной ей обиды. Воя от бешенства, она внезапно прыгнула высоко вверх по направлению к Тарзану. Но когда она всей тяжестью ударилась о ветку, на которой он сидел, ее обидчика там уже не было.

Он успел перебраться на более тонкую ветку, футов на двадцать выше, и его разъяренная пленница опять оказалась под ним. Одно мгновение Сабор висела поперек ветки, а Тарзан издевался над ней и бросал сучья и ветки в ее ничем не защищенную морду.

Затем животное снова соскочило на землю, и Тарзан быстро схватил веревку; но Сабор догадалась уже, что ее держало, и, схватив тонкую веревку в свои огромные челюсти, она перегрызла ее прежде, чем Тарзан успел вторично затянуть петлю.

Тарзан был очень огорчен; так хорошо задуманный план пропал. Он сидел на ветке, бранился и визжал на рычавшее под ним животное и, издеваясь над львицей, строил ей гримасы.

Сабор целых три часа расхаживала взад и вперед под деревом. Четыре раза приседала она и прыгала на кривлявшегося вверху, высоко над нею, оскорбителя. Но это было столь же бесцельно, как гоняться за ветром, который шептался и шелестел в верхушках деревьев.

Наконец, мальчику приелась эта забава. С пронзительным вызовом, он ловко запустил в львицу спелым плодом, который густо и клейко

размазала на ее огрызающейся морде. Затем Тарзан быстро помчался по деревьям на высоте ста футов над землей и в скором времени оказался среди своих соплеменников

Он рассказал им о своем приключении. Грудь его вздымалась от гордости, и он так фанфаронил и хвастался, что произвел впечатление даже на своих самых заядлых врагов, а Кала простодушно плясала от радостной гордости.

IX

ЧЕЛОВЕК И ЧЕЛОВЕК

Тарзан, обезьяний приемыш, продолжал жить своей первобытной жизнью в джунглях еще несколько лет почти без перемен. Перемена была лишь в том, что он становился сильнее и умнее, и многое узнал из своих книг о диковинных краях, находящихся где-то за пределами его леса.

Его жизнь никогда не казалась ему ни однообразной, ни бесплодной. У него всегда находилось занятие. Всегда можно было охотиться, искать плоды, ловить в многочисленных ручейках и озерах рыбу Низу. Кроме того приходилось постоянно остерегаться Сабор и ее свирепых сородичей. И эта постоянная опасность придавала остроту и вкус каждой минуте жизни.

Часто звери охотились за ним, а еще чаще он охотился за зверями. И хотя их жестокие, острые когти еще ни разу не коснулись его, однако бывали жуткие мгновения, когда расстояние было так мало, что едва можно было просунуть толстый лист между их когтями и его гладкой кожей.

Быстра была львица Сабор, быстры были и Нума и Шита, но Тарзан был настоящей молнией.

Он сдружился со слоном Тантором. Как? Об этом не спрашивайте. Но обитатели джунглей знали, что часто, в лунные ночи, Тарзан, обезьяний приемыш, и слон Тантор подолгу вместе гуляли. И там, где путь по лесу был свободен, Тарзан ехал, сидя высоко на могучей спине Тантора.

Но все остальные звери в джунглях были его врагами, — все, за исключением его собственного племени, среди которого он теперь имел много сторонников.

За эти годы Тарзан много дней провел в хижине своего отца, где все еще лежали нетронутыми кости его родителей и маленький скелет детеныша Калы. Восемнадцати лет отроду Тарзан уже свободно читал и понимал почти все в разнообразных книгах, которые хранились на полках в хижине.

Он мог также и писать, и писал отчетливо и быстро, но только по-печатному. Рукописных букв он почти не усвоил, потому что, хотя среди его сокровищ и было много тетрадей, но он считал лишним затруднять себя этой другой формой письма. Позднее, впрочем, он кое-как научился разбирать рукописи, но лишь с большим трудом.

Итак, в восемнадцать лет это был молодой английский лорд, который не мог говорить по-английски, но тем не менее умел читать и писать на родном языке. Никогда не видел он никакого другого человеческого существа, кроме себя, потому что та небольшая область, где кочевало его племя, не была перерезана ни одной большой рекой, по которой могли бы спуститься к ним хотя бы дикие туземцы из глубины страны.

Высокие холмы закрывали ее с трех сторон, и океан — с четвертой. Она была населена лишь львами, леопардами, ядовитыми змеями. Девственные леса джунглей до той поры не видели еще ни одного существа из породы тех зверей, которые зовутся людьми.

Но однажды, когда Тарзан-обезьяна сидел в хижине своего отца, погруженный в тайны книги, произошло роковое событие, и прежнее безлюдие джунглей было нарушено навсегда.

Он увидел вдали на восточной окраине странное шествие: оно двигалось гуськом по гребню невысокого холма.

Впереди шли пятьдесят черных воинов, вооруженных длинными копьями, с железными остриями; кроме того, каждый нес большой лук с отравленными стрелами. На спинах висели овальные щиты, в носках были продеты большие кольца, а на сбитых, как шерсть, волосах красовались пучки ярких перьев.

Лбы их были татуированы тремя параллельными цветными полосками, а грудь тремя концентрическими кругами. Их желтые зубы были отточены, как клыки хищников, а большие и отвислые губы придавали еще более зверский вид их внешности.

За ними плелись несколько сотен детей и женщин. Последние несли на головах всевозможный груз: кухонную посуду, домашнюю утварь и большие тюки слоновой кости. В приергарде шла сотня воинов, точно таких же, как и неродовой отряд. Они, по-видимому, больше опасались нападения и погони сзади, чем встречных врагов. Об этом свидетельствовало самое построение колонны. Так оно и было. Чернокожие спасались бегством от солдат белого человека,

который так грабил и притеснял их, отнимая слоновую кость и резину, что в один прекрасный день они восстали на своих насильников, убили белого офицера и перебили весь маленький отряд его черного войска. После того они несколько дней объедались их мясом; но внезапно ночью другой, более сильный, отряд солдат напал на их поселок, чтобы отомстить за смерть своих товарищей.

В ту зловещую ночь черные солдаты белого человека, в свой черед, в изобилии поели мяса, а жалкий остаток когда-то могущественного племени скрылся в мрачных джунглях — на пути к неизвестности и свободе.

Но то, что означало свободу и поиски счастья для этих чернокожих дикарей, несло ужас и смерть для многих из диких обитателей их новой страны.

Три дня медленно пробирался отряд сквозь дебри непроходимого леса. Наконец, рано утром на четвертый день они добрались до небольшого участка близ реки, который казался менее густо заросшим, чем все местности, встреченные ими до тех пор.

Здесь чернокожие пришельцы занялись постройкой жилищ. Через месяц ими уже была расчищена большая площадка, были выстроены хижины, кругом поселка вырос крепкий частокол; было посеяно просо, ямс и маис, и дикари зажили прежней жизнью в своей новой отчизне. Здесь не было ни бедных людей, ни черных войск; не было сборов ни слоновой кости, ни резиной для жестоких и корыстных хозяев.

Но прошло немало месяцев прежде, чем черные отважились забраться подальше в леса, окружавшие их новый поселок. Многие из них уже пали жертвами старой Сабор. Джунгли были полны свирепыми и кровожадными кошками, львами и леопардами, и черные воины опасались уходить далеко от своих надежных палисадов.

Но однажды Кулонга, сын старого вождя, Мбонги, зашел далеко к западу. Он осторожно шел в густых зарослях, держа копьё наготове, и крепко прижимал левой рукой к своему стройному черному телу длинный овальный щит.

За спиной у него висел лук, а колчан был полон прямыми стрелами, старательно смазанными темным, смолистым веществом, благодаря которому даже легкий укол становится смертельным.

Ночь застигла Кулонгу далеко от поселка отца, все на том же пути по направлению к западу. Он влез на разветвление большого дерева и устроил себе здесь нечто вроде площадки, на которой и улегся спать.

На расстоянии трех миль к западу от него ночевало племя Керчака.

На следующее утро с зарею обезьяны поднялись и разбрелись по джунглям в поисках пищи. Тарзан, по своему обыкновению, пошел к хижине. Он хотел по дороге найти какую-нибудь дичь и насытиться раньше того, как он доберется до берега.

Обезьяны разошлись по окрестностям в одиночку, подвое и по-трое по всем направлениям, но все же старались держаться поблизости друг от друга, чтобы в случае опасности можно было крикнуть и быть услышанным.

Кала медленно брела по слоновой тропе в направлении к западу и была поглощена переворачиванием гнилых веток, в поисках грибов и съедобных насекомых. Вдруг какой-то странный шум привлек ее внимание.

Впереди нее на протяжении пятидесяти ярдов путь шел совершенно открытый, и она из своего листового туннеля увидела подкрадывающуюся фигуру страшного, невиданного существа.

Это был Кулонга.

Кала не стала терять времени на разглядывание его, она повернулась и быстро двинулась назад по тропе. С ее стороны это вовсе не было бегством. По обыкновению своих соплеменников, которые благоразумно уклоняются от нежелательных столкновений, пока в них не заговорит страсть, она стремилась не убежать от опасности, а избежать ее.

Но Кулонга не отставал... Он почуял мясо... Он мог убить ее и отлично поест в этот день. И он бежал за Калой с копьем, уже занесенным для удара.

На повороте тропы Кале удалось было скрыться, но Кулонга опять заметил ее на прямом участке. Рука, держащая копье, откинулась далеко назад, и мускулы в одно мгновение напряглись под гладкой кожей. Затем рука выпрямилась, и копье полетело в Калу. Но удар был плохо рассчитан. Копье только оцарапало ей бок.

С криком ярости и боли бросилась обезьяна на своего врага. И в то же самое мгновение деревья затрещали под тяжестью ее товарищей.

Племя уже спешило сюда, прыгая с ветки на ветку в ответ на крик Калы.

Кулонга с невероятной быстротой выхватил лук из-за плеч и вложил в него стрелу. Далеко оттянув тетиву, он послал отравленный метательный снаряд прямо в сердце огромного человекоподобного зверя.

И Кала с ужасающим воплем упала ничком на глазах всех изумленных членов своего племени.

С ревом и воем кинулись обезьяны на Кулонгу, но осторожный дикарь помчался вниз по тропе, словно испуганная антилопа. Он достаточно знал о свирепости этих диких, волосатых людей, и его единственным желанием было как можно больше увеличить пространство между собою и ими.

Обезьяны преследовали его на довольно далеком расстоянии, стремительно прыгая по деревьям, но, наконец, одна за другой, они бросили погоню и вернулись к месту трагедии.

Никто из них до сих пор не видал другого человека, кроме Тарзана, и потому все смутно удивлялись, что это за странное существо появилось в их джунглях.

Вдали на берегу, около маленькой хижины, Тарзан слышал слабые отзвуки стычки. И догадавшись, что с его племенем случилось нечто серьезное, он поспешил туда, где раздавался шум борьбы.

Когда он добежал до места происшествия, то он застал здесь все племя. Обезьяны в большом волнении кричали и суетились вокруг тела его убитой матери.

Горе и злоба Тарзана были безграничны. Он несколько раз проревел свой страшный боевой клич и бил себя в грудь сжатыми кулаками, а потом бросился на труп Калы и горько рыдал над ней, изливая скорбь своего одинокого сердца.

Утрата единственного существа во всем мире, питавшего к нему дружбу и нежность, была действительно великим несчастьем для него. Что из того, что Кала была свирепым и страшным зверем! Для Тарзана она была нежной, близкой, а потому и прекрасной.

Не сознавая того сам, он расточал ей все то почитание, уважение и любовь, которые всякий английский мальчик питает к своей родной матери. Тарзан никогда не знал иной матери и безмолвно отдал Кале

все, что принадлежало бы прекрасной леди Элис, если бы она была в живых.

После первого взрыва отчаяния, Тарзан опомнился и взял себя в руки. Расспросив соплеменников, бывших свидетелями убийства Калы, он узнал все, что их бедный лексикон позволял передать ему.

Однако, и этого было вполне достаточно. Он узнал, что странная, безволосая черная обезьяна с перьями, растущими из головы, бросила в Калу смерть из гибкой ветки и затем бежала с быстротой оленя Бары по направлению к восходящему солнцу.

Тарзан вскочил и, забравшись на ветки, быстро понесся по лесу. Он хорошо знал все изгибы слоновой тропы, по которой бежал убийца, и шел напрямик по джунглям, чтобы пересечь дорогу черному воину, который не мог идти иначе, как по извилистым изгибам.

На бедре Тарзана висел нож, унаследованный им от отца, а на плечах лежала его длинная веревка, свитая в круги.

Через час человек-обезьяна снова спустился на тропу и принялся внимательно осматривать землю.

В тонкой грязи на берегу крошечного ручейка он нашел такие следы ног какие во всех здешних лесах оставлял лишь он, но они были гораздо крупнее его следов. Сердце Тарзана сильно забилося. Неужели он преследует человека, представителя своей собственной породы?

Здесь были две дорожки следов указывающие на противоположные направления.

Итак, жертва, за которой он гнался, прошла здесь и вернулась той же тропой. Вглядевшись в более свежий след, Тарзан заметил маленькую частицу земли, которая катилась с края одного из следов в его углубление, — это значило, что след был совсем свежий и что таинственное существо, за которым гнался Тарзан, прошло здесь только что.

Тарзан снова вскочил на деревья и быстро, почти бесшумно понесся высоко над тропой.

Он не пробежал и мили, как действительно увидел черного воина. Воин стоял на открытой поляне. В руке у него был его гибкий лук со стрелой, которую он готов был спустить.

Против него стоял готовый кинуться вепрь Хорта, с опущенной головой и с покрытыми пеной клыками.

Тарзан с удивлением смотрел на странное чернокожее существо. Оно так походило на него общим обликом и все же отличалось лицом и цветом кожи. Правда, в книжках своих он встречал рисунки, изображавшие негра, дикаря, но как непохожи были те мертвенные отпечатки на это лоснящееся, черное, ужасное существо, дышавшее жизнью!

К тому же, этот человек с туго натянутым луком напомнил Тарзану не столько «негра», сколько «стрелка» из его иллюстрированного букваря:

С С начинается стрелок.

Как все это было удивительно! Тарзан пришел в такое возбуждение от своего открытия, что чуть было не выдал своего присутствия.

Но на полянке перед его глазами происходило нечто совсем новое и невиданное.

Мускулистая рука сильно натянула тетиву; вепрь бросился вперед, и тогда черный человек спустил маленькую отравленную стрелу. И Тарзан увидел, как стрела полетела с быстротой молнии и вонзилась в щетинистую шею вепря.

Едва стрела была спущена с тетивы, как Кулонга положил на нее вторую, но не успел спустить ее, как вепрь стремительно бросился на него. Тогда чернокожий перескочил через зверя одним прыжком, с невероятной быстротою всадил в спину Хорте вторую стрелу и почти мгновенно вскочил на дерево.

Хорта повернулся, чтобы еще раз броситься на врага, сделал несколько колеблющихся шагов, словно удивившись чему-то; качнулся и упал на бок. Несколько мгновений мышцы его еще судорожно сокращались, но скоро он уже лежал неподвижно.

Кулонга слез с дерева.

Ножом, висевшим у него на боку, он вырезал на теле вепря несколько больших кусков. Он ловко и быстро развел огонь посреди тропы и стал жарить и есть это мясо. Остальную часть вепря он оставил там где она лежала.

Тарзан крайне заинтересовался всем виденным. Желание убить яростно пылало в его свирепой груди, но желание научиться кое-чему новому было еще сильнее. Он решил выследить это дикое существо и узнать, откуда оно явилось. Убить его он решил на досуге когда-нибудь потом, когда лук и смертоносные стрелы будут отложены в сторону.

Покончив свою еду, Кулонга исчез за ближайшим поворотом тропы, а Тарзан спокойно спустился на землю. Своим ножом он тоже отрезал несколько кусков мяса от туши Хорта, но не стал их жарить.

Тарзан видел и прежде огонь, но только когда Ара, т. е. молния, сжигала какое-нибудь большое дерево. Но для Тарзана было непостижимо, чтобы какое-нибудь существо из джунглей могло добывать красно-желтые острые клыки, пожирающие деревья и ничего не оставлявшие после себя, кроме тонкой пыли. А для чего черный воин испортил свое восхитительное кушанье, отдав его в зубы огню, — было уже совершенно вне понимания Тарзана. Быть может, Ара была союзницей стрелка, и он делил с нею свою пищу?

Уж конечно он, Тарзан, никогда не, испортит так глупо хорошего мяса. Поэтому он поел попросту и без затей сырого кабана. Остальную же часть туши зарыл близ тропы так, чтобы можно была ее найти после своего возвращения.

Вдоволь покушав, лорд Грейсток вытер жирные, пальцы о свои голые бедра и снова отправился по следам Кулонги, сына вождя Мбонги. В это же самое время в далеком Лондоне лорд Грейсток, младший брат настоящего лорда Грейстока, отослал обратно клубному повару поданные ему котлеты, заявив, что они недожарены. А потом, окончив свой обед, окунул пальцы в серебряный сосуд, наполненный душистой водой, и вытер их куском белоснежного камчатного полотна.

Весь день выслеживал Тарзан Кулонгу, летал над ним по веткам, словно злой дух лесов. Еще два раза видел он, как Кулонга метал свои стрелы: один раз в Данго, гиену, а другой раз в мартышку Ману. В обоих случаях животное умирало почти мгновенно. Яд Кулонги, очевидно, был свеж и очень силен.

Тарзан много думал об этом изумительном способе убийства в то время, как, раскачивая ветки, он следовал за чернокожим воином в безопасном расстоянии от него. Он понимал, что маленький укол стрелы не мог сам по себе так быстро убивать диких обитателей джунглей. Лесные звери бывали в сражениях со своими врагами истерзаны, расцарапаны, изгрызаны в кровь самым страшным образом — и тем не менее часто выживали.

Нет, в этих маленьких деревянных щепочках крылось что-то таинственное. Недаром же одной царапиной они могли причинять смерть. Тарзан должен обследовать это дело.

В ту ночь Кулонга опять спал в разветвлении большого дерева. А высоко над ним притаился Тарзан.

Когда Кулонга проснулся, то увидел, что его лук и стрелы исчезли. Черный воин был взбешен и испуган. Больше испуган, чем взбешен. Он обыскал землю под деревом, осмотрел все ветки, но нигде не было и следа ни лука, ни стрел, ни таинственного ночного грабителя.

Панический страх охватил Кулонгу. Он был безоружен! Ведь он оставил свое копьё в теле Калы. А теперь, когда его лук и стрелы пропали, он был совсем беззащитен. У него оставался лишь нож. Его единственной надеждой на спасение было — как можно скорее добраться до селения Мбонги.

Он был уверен, что поселок недалеко, и быстрой рысью пустился по дороге.

Тогда из густой зелени непроницаемой листвы, на расстоянии нескольких ярдов от него, показался Тарзан и спокойно понесся за ним по деревьям.

Лук и стрелы Кулонги были крепко привязаны им к вершине гигантского дерева. У подножия этого дерева Тарзан срезал острым ножом полосу коры со ствола, и повыше надломил ветку. Это были отметки, которыми он обозначал те места, где у него хранились какие-либо запасы.

Кулонга продолжал свое путешествие, а Тарзан все ближе и ближе пододвигался к нему, пока, наконец, не оказался почти над головой чернокожего. Он держал теперь наготове в правой руке свою сложенную кольцом веревку.

Тарзан только потому откладывал этот момент, что ему очень хотелось выследить, куда направляется черный воин, и вскоре он был вознагражден за терпение: перед ним открылась внезапно большая поляна, на которой виднелось множество странных логовищ. Лес кончился, и между джунглями и поселком тянулись около двести ярдов обработанного поля.

В этот момент Тарзан находился прямо над головой Кулонги. Ему надо было действовать быстро, иначе добыча могла ускользнуть. Жизнь в джунглях приучила Тарзана во всех критических обстоятельствах, так часто возникавших перед ним, действовать с молниеносной быстротой прежде еще, чем мысль созрела.

И вот, когда Кулонга выступил на простор из лесной чащи, тонкие извилистые круги веревки полетели на него с нижней ветки могучего дерева у самой окраины полей Мбонги. И прежде, чем сын вождя успел сделать несколько шагов по открытому месту, ловкая петля стянула ему шею.

Тарзан, обезьяний приемыш, так сильно дернул свою добычу, что крики испуга были мгновенно подушены в горле Кулонги. Быстро перебирая руками веревку, Тарзан тянул отчаянно упиравшегося чернокожего, подтащил его к дереву и повесил его в воздухе за шею. Затем он взобрался повыше и втащил все еще бившуюся жертву в густой шатер листвы. Он крепко привязал веревку к громадному суку, спустился и всадил свой охотничий нож в самое сердце Кулонги. Кала была отомщена.

Тарзан тщательно осмотрел чернокожего. Никогда еще не видел он человеческого существа. Нож с ножнами и поясом немедленно привлекли его внимание, и Тарзан забрал их себе. Медный обруч тоже понравился ему, и он надел его себе на ногу. Затем он пришел в восхищение от татуировки на груди и на лбу дикаря, полюбовался на остро отточенные зубы, осмотрел и присвоил себе головной убор из перьев. После всего этого Тарзан решил пообедать, так как он был голоден, а здесь имелось мясо — мясо убитой им жертвы. Этика джунглей позволила ему есть это мясо.

Можем ли мы судить его? И какое мерило могли бы мы приложить к этому человеку-обезьяне, с наружностью и мозгом английского джентльмена и с воспитанием дикого зверя?

У него даже не мелькнула никогда мысль съесть Тублата, которого он ненавидел и который ненавидел его, хотя он и убил его в честном бою. Это было бы для него так же возмутительно, как людоедство для нас.

Но кто был ему Кулонга, что его нельзя было съесть так же спокойно, как вепря Хорту или оленя Бару? В глазах Тарзана он был просто одним из тех бесчисленных диких существ, которые нападали друг на друга для удовлетворения голода.

Но какое-то странное сомнение внезапно остановило Тарзана. Может быть, благодаря своим книгам, он понял, что перед ним был человек? Может быть, он догадался, что «стрелок» тоже человек?

Едят ли люди людей? Этого он не знал. Чем же объяснялось его колебание? Он сделал усилие над собой, желая отрезать мясо Кулонги, но им овладел внезапный приступ тошноты. Тарзан не понимал, что с ним. Он знал только, что он не в состоянии попробовать мяса черного человека.

Наследственный инстинкт, воспитанный веками, овладел его нетронутым умом и уберег Тарзана от нарушения того всемирного закона, о самом существовании которого он не знал ничего.

Он быстро спустил тело Кулонги на землю, снял с него петлю и вновь взобрался на деревья.

Х

ТЕНИ СТРАХА

Усевшись на высокой ветке, Тарзан рассматривал селение состоявшее из тростниковых хижин. За ними тянулись возделанные поля.

В одном месте лес подходил к самому поселку. Заметя это, Тарзан направился туда, привлеченный каким-то лихорадочным любопытством. Ему так хотелось посмотреть животных своей породы, узнать, как они живут, и взглянуть поближе на странные логовища, в которых они обитают.

Жизнь среди свирепых тварей леса невольно заставляла его видеть врагов в этих чернокожих существах. Хотя они и походили на него своим внешним видом, Тарзан несколько не заблуждался относительно того, как встретят его эти первые виденные им люди, если откроют его.

Тарзан, приемыш обезьяны, отнюдь не страдал сентиментальностью. Он ничего не знал о братстве людей. Все, кто только не принадлежали к его племени, были его исконными врагами, с самыми лишь незначительными исключениями, вроде, например, слона Тантора.

Он создавал все это без злобы и ненависти. Умерщвление — закон того дикого мира, в котором он жил. Удовольствий в его первобытной жизни было мало, и самыми большими из них были охота и убийство. Но Тарзан и за другими признавал право иметь такие же удовольствия

и желания, даже в том случае, если он сам становился предметом их посягательств.

Его странная жизнь не сделала его ни угрюмым, ни кровожадным. То обстоятельство, что он убивал с радостным смехом, — вовсе не доказывало его прирожденной жестокости. Чаще всего он убивал, чтобы добыть пищу. Правда, будучи человеком, он убивал иногда и для своего удовольствия, чего не делает никакое другое животное. Ведь из всех созданий в мире одному лишь человеку дано убивать бессмысленно, с наслаждением, только ради удовольствия причинить страдания и смерть.

Когда Тарзану приходилось убивать из мести или для самозащиты, он это делал спокойно, без угрызений совести. Это был простой деловой акт, отнюдь не допускавший легкомыслия.

И потому теперь, когда он осторожно приближался к поселку Мбонги, он просто и естественно приготовился к тому, чтобы убивать или быть убитым, если его откроют. Он крался чрезвычайно осторожно, так как Кулонга внушил ему глубокое уважение к маленьким острым деревянным палочкам, так верно и быстро приносившим смерть.

Наконец, Тарзан добрался до большого, необычайно густолиственного дерева, с ветвей которого свисали тяжелые гирлянды гигантских ползучих растений. Он притаился в этом непроницаемом убежище, приходившемся почти над самой деревней, и стал созерцать все происходившее внизу под ним, изумляясь каждой подробности этой новой для него и диковинной жизни.

Голые ребятишки резвились на деревенской улице. Женщины толкли сушеное просо в грубых каменных ступах или пекли из муки лепешки. Вдали, на полях, другие женщины копали землю мотыгами, пололи и жали.

Какие-то странные, торчащие подушки из сушеной травы закрывали их бедра, и у многих были медные и латунные запястья с гремучими кольцами. На черных шеях висели забавно свитые круги проволоки. Вдобавок у многих в носы были вдеты огромные кольца.

Приемыш обезьяны смотрел с возрастающим изумлением на этих странных созданий. Он увидел также и мужчин, которые дремали в тени. А на самом краю открытой поляны Тарзан заметил вооруженных

воинов. Они, очевидно, охраняли поселок от неожиданного нападения врага.

Ему бросилось в глаза, что трудились одни женщины. Никто из мужчин не работал ни в поселке, ни на полях.

Наконец, глаза Тарзана остановились на старухе, сидевшей внизу прямо под ним.

Перед нею, на маленьком костре, был прилажен небольшой котелок, и в нем кипела густая, красноватая, смолистая масса. Рядом лежала груда отточенных деревянных стрел. Женщина брала их одну за другой, обмакивала в дымящуюся массу их острия и складывала на узкие козлы из веток, стоявшие по другую сторону костра.

Тарзан пришел в большое волнение. Пред ним раскрывалась тайна разрушительной силы маленьких метательных снарядов Стрелка. Он заметил, что женщина очень старается не коснуться руками кипящего в котле вещества; и один раз, когда крошечная капля брызнула ей на палец, она немедленно окунула его в сосуд с водой и быстро стерла маленькое пятнышко пучком листьев.

Тарзан не имел никакого понятия о ядах, но его острое соображение подсказало ему, что убивает именно это смертельное вещество, а не маленькая стрела, которая только несет страшный состав в тело жертвы.

Ему страстно захотелось получить побольше этих маленьких смертоносных лучинок! Если бы женщина хоть на минуту оставила свою работу, он бы сейчас же спустился на землю и сумел захватить пучок стрел и снова вернуться на дерево прежде, чем она успела бы вздохнуть. Он уже обдумывал, как отвлечь ее внимание, как вдруг дикий крик донесся с конца открытой поляны. Тарзан взглянул туда. Под деревом, на том самом месте, где час тому назад был умерщвлен убийца Калы, стоял черный воин.

Воин кричал и размахивал над головою копьем. По временам он указывал на что-то лежащее у его ног.

Весь поселок мгновенно поднялся. Вооруженные люди выбегали из хижин и мчались, сломя голову, через поля к возбужденному воину. За ними побрели старики, побежали женщины, дети, и в мгновение селение опустело.

Тарзан, обезьяний приемыш, понял, что они нашли труп его жертвы, но совсем не это интересовало его сейчас. В деревне не

осталось никого, кто мог бы помешать ему набрать соблазнявший его запас стрел. Быстро и безмолвно спустился он на землю около котла с ядом. С минуту он стоял неподвижно, с интересом рассматривая селение своими живыми, блестящими глазами. Не было видно никого. Взгляд его остановился на открытой двери ближайшей хижины. Тарзану захотелось заглянуть в нее, и он осторожно подошел к строению с низкой крышей.

Сперва он постоял у входа, чутко прислушиваясь. Ни звука! Тогда он скользнул в полумрак хижины.

По стенам висело оружие — длинные копья, странного вида ножи и два узких щита. В середине хижины стоял котел, а у дальней стены лежала подстилка из сухих трав, покрытая плетеными циновками, очевидно служившими владельцам постелью и одеялом. На полу лежало несколько человеческих черепов.

Тарзан не только ощупал каждый предмет, но и перенюхал их, потому что он «видел» главным образом своими высокоразвитыми ноздрями. Он решил было взять одно из длинных острых копий, снятых со стены, но не мог захватить всего за раз из-за стрел, которые ему непременно хотелось унести. Он снимал со стены одну вещь за другой и складывал их в груды посередине комнаты. Поверх всего он поставил перевернутый котелок, а на котелке водрузил один из ухмыляющихся черепов и надел на него головной убор убитого им Кулонги.

Затем он отошел в сторону, чтобы полюбоваться на свое произведение, и усмехнулся. Приемьш обезьян любил шутить.

Но в то же мгновение он услышал снаружи множество голосов; раздавался долгий жалобный вой и громкие причитания. Тарзан встревожился.

Не слишком ли долго пробыл он здесь? Быстро выскочив из дверей, он взглянул вдоль улицы по направлению к воротам.

Туземцев еще не было видно, хотя он ясно слышал, что они приближаются полями. Голоса их раздавались где-то совсем близко.

Как молния прыгнул он к груды стрел. Ухватив все, что можно было унести одной рукой, он опрокинул ногой кипящий котел и исчез в листве дерева как раз в тот момент, когда первый дикарь уже входил в ворота на другом конце поселка. Качаясь на ветке, как дикая птица,

готовая слететь при первой опасности, Тарзан стал наблюдать за тем, что теперь происходит в деревне.

Улица была запружена народом. Четверо туземцев несли мертвое тело Кулонги. За ними шли женщины, испускавшие страшные вопли и громко рыдавшие. Передняя часть шествия подошла к дверям хижины Кулонги — той самой, на которую Тарзан произвел свой набег, и вошла в нее. Но вошедшие почти тотчас же, в диком смятении, выскочили из нее обратно, возбужденно тараторя. Все сразу окружили их. Все яростно жестикулировали и голосили, указывая на хижину, пока несколько воинов не подошли и не заглянули туда.

Наконец, один из них вошел в хижину: это был старик, обвешанный металлическими украшениями, с ожерельем из сухих человеческих рук, ниспадавшими на грудь.

Это был сам Мбонга, король, отец убитого Кулонги. В течение нескольких минут все молчали. Вскоре Мбонга вышел из хижины с выражением гнева и суеверного страха, сквозившем на его страшном лице. Он сказал что-то воинам, и в одно мгновение они бросились обыскивать каждую хижину и каждый уголок поселка.

Едва начались поиски, как был замечен опрокинутый котелок, а заодно была обнаружена и пропажа отравленных стрел. Однако, ничего больше они не нашли, и, несколько минут спустя, вокруг вождя собралась перепуганная толпа дикарей.

Мбонга никак не мог объяснить этот ряд страшных и таинственных происшествий. находка на самой границе их полей еще теплого трупа его сына, Кулонги, зарезанного и обобранного чуть ли не на пороге отцовского дома, была сама по себе достаточно загадочна; но страшные открытия в самом поселке и в хижине мертвого Кулонги наполнили сердца дикарей несказуемым смятением и вызвали в их бедном мозгу самые удивительные и суеверные объяснения.

Столпившись кучками, они говорили вполголоса, испуганно вращая по сторонам белками своих вытаращенных глаз.

Тарзан все это время наблюдал за ними со своей высокой ветки. Много в их поведении было для него непонятно, так как он не знал суеверия, а о страхе имел лишь очень смутное представление.

Солнце высоко стояло в небе. Тарзан сильно проголодался, а до того места, где была им зарыта початая поутру туша вепря, было еще много миль.

И потому он повернулся спиной к поселку Мбонги и пропал в густолиственной чаще леса.

XI

ОБЕЗЬЯНИЙ ЦАРЬ

Тарзан еще засветло добрался до своего племени, хотя он останавливался по дороге, чтобы съесть остатки закопанного дикого вепря и чтобы снять лук и стрелы Кулонги с вершины, на которой он их запрятал.

Тяжело нагруженный, спрыгнул он с дерева посреди племени Керчака.

Гордо выпятив грудь, принялся он за рассказ о славных своих приключениях и гордо хвастался своею добычей.

Керчак ворча, отвернулся, он завидовал этому странному члену племени. В своем маленьком злом мозгу он давно искал какой-нибудь предлог, чтобы излить на него свою ненависть.

На следующее утро, при первых лучах зари, Тарзан принялся упражняться в стрельбе из лука. Сначала он давал почти сплошные промахи, но постепенно научился направлять маленькие стрелы, как следует. Не прошло и месяца, как он уже метко стрелял. Но его успехи обошлись ему дорого: он извел почти весь свой запас стрел.

Племя Керчака продолжало кочевать вдоль берега моря, так как охота здесь была хороша, и Тарзан чередовал свои упражнения в стрельбе с чтением имевшихся в отцовской хижине книг.

Как раз в это время молодой английский лорд нашел в хижине запрятанную в глубине одного из ящичков металлическую шкатулку. Ключ был в замке, и после недолгого обследования Тарзану удалось успешно раскрыть это хранилище.

В нем он нашел поблекшую фотографию гладко выбритого молодого человека, осыпанный бриллиантами, золотой медальон на короткой золотой цепочке, несколько писем и маленькую книжку.

Тарзан рассмотрел все это очень внимательно. Ему больше всего понравилась фотография, потому что глаза молодого человека улыбались, а лицо было открытое и приятное. Ему, конечно, и в голову не приходило, что это его отец.

Медальон тоже понравился ему. Тарзан немедленно повесил его себе на шею, в подражание украшениям, которые он видел у черных

людей. Сверкающие камни странно блестели на его гладкой, смуглой коже.

Содержания писем он так и не смог разобрать, потому что почти вовсе не знал рукописных букв; он положил их назад в шкатулку вместе с фотографией и обратил свое внимание на книжку.

Она была почти вся исписана тонким почерком, и хотя все маленькие букашки были ему знакомы, но их сочетания казались ему странными и совершенно непонятными. Тарзан давно уже научился пользоваться словарем и хотел применить его; но, к его огорчению, словарь оказался тут бесполезным. Во всей книге он не нашел ни одного понятного ему слова и спрятал ее обратно в металлический ларец, отложив разгадку этих тайн на дальнейшие времена.

Бедный маленький обезьяний приемыш! Если бы только он знал, что эта маленькая книжечка заключала в своем крепком переплете из тюленьей кожи ключ к его происхождению и ответ на всю загадку его странной жизни! Это был дневник Джона Клейтона, лорда Грейстока, написанный по-французски.

Тарзан поставил шкатулку в шкаф, но с той поры уже не забывал милого и мужественного лица своего отца, и затаил в мозгу твердое решение разгадать тайну странных слов, начертанных в маленькой черной книжке.

Но сейчас перед ним стояла важная и неотложная задача. Весь запас его стрел кончился, и ему предстояло возобновить этот запас, сделав набег на поселок черных людей.

Он отправился в путь на следующий день рано утром, и еще до полудня очутился у деревни чернокожих. Он влез на то же большое дерево и, как в прошлый раз, его глазам представились женщины работавшие на полях и перед хижинами; и опять, как тогда, прямо под ним на земле бурлил котелок с ядом.

Несколько часов пролежал на ветке Тарзан, выжидая удобный момент, когда поблизости никого не будет, чтобы захватить стрелы. Но теперь не случилось ничего такого, что могло бы отвлечь жителей из поселка. Улица была все время полна народу. День уже угасал, а Тарзан все еще лежал, притаившись над головою ничего не подозревавшей женщины, которая хлопотала у котла.

С полей вернулись работницы. Охотники потянули из леса и, когда все вошли в палисад, ворота были накрепко заперты. По всей деревне

зажглись костры и появились котелки над огнями. Перед каждой хижиной сидела женщина и варила похлебку, и у всех в руках были видны лепешки из манноки и проса.

Неожиданно с лесной опушки послышался окрик.

Тарзан взглянул.

Это был отряд запоздавших охотников, возвращающихся с севера. Они с трудом тащили за собой какое-то упирающееся животное.

Когда они приблизились к деревне, ворота распахнулись, чтобы впустить их. Рассмотрев жертву охоты, чернокожий народ вождя Мбонги испустил неистовый крик радости: дичь была человеком.

Когда пленника, все еще противящегося, потащили по улице, женщины и дети набросились на него с палками и камнями. И Тарзан, обезьяний приемыш, молодой и дикий зверь джунглей, удивился жестокому зверству животных своей породы.

Из всех обитателей джунглей одни только леопард Шита мучил свою добычу. Этика всех других тварей предписывала быструю и милосердную смерть.

Тарзан из своих книг извлек лишь отрывочные и скудные сведения об образе жизни человеческих существ.

Когда он гнался в лесу за Кулонгой, то думал, что его след приведет или к городу странных домов на колесах — домов, пускавших клубы черного дыма из большого дерева, воткнутого в крышу одного из них, или к морю, покрытому большими плывучими зданиями, которые, как он знал, назывались различно: судами, парусниками, пароходами и барками.

Поэтому он был очень разочарован жалким тростниковым поселком, который ютился в его родных джунглях и где не видно было ни одного дома хотя бы даже такой величины, как его собственная хижина на далеком берегу.

Тарзан убедился, что народ этот еще более злой, чем его обезьяны, и жестокий, как сама Сабор, и он переставал относиться с прежним уважением к своей породе.

Между тем чернокожие притащили пойманную жертву в середину деревни, привязали ее к большому столбу, прямо против хижины Мбонги, и воины, потрясая копьями и ножами, образовали вокруг него пляшущий и воющий хоровод.

Вокруг танцующих воинов уселись женщины: они били в барабаны и выли. Это сразу напомнило Тарзану Дум-Дум, и теперь, он уже знал, что последует дальше. Но все же сомнение закралось в него: не кинутся же чернокожие внезапно на мясо еще живой жертвы? Обезьяны никогда не делали этого.

Кольцо вокруг пленника все суживалось и суживалось в то время, как они скакали в разнузданной пляске под умопомрачительный грохот барабанов. Вдруг мелькнуло копье и укололо жертву. Это послужило сигналом для пятидесяти других копий.

Глаза, уши, ноги и руки пленника были проколоты; каждый дюйм его трепещущего тела стал мишенью жестоких ударов. Дети и женщины визжали от восторга. Воины облизывали толстые губы в предвкушении ожидавшего их угощения и соперничали друг перед другом в гнусности омерзительных жестокостей, которые они изобретали, пытая несчастного, все еще не потерявшего сознания.

Тогда Тарзан, обезьяний приемщик, решил, что удобное время настало. Глаза всех были устремлены на жуткое зрелище у столба. Дневной свет сменился тьмою безлунной ночи, и только горящие костры бросали тревожные блики на дикую сцену.

Человек-обезьяна гибко спрыгнул на мягкую землю в конце деревенской улицы. Он быстро собрал стрелы — на этот раз все, так как принес с собой длинные волокна, чтобы связать их в пучок. Он связал их накрепко, не спеша, и уже собирался уйти, как вдруг словно какой-то озорной бесенок залез ему в душу.

Ему захотелось сыграть какую-нибудь ловкую шутку над этими уродливыми созданиями, чтобы они снова почувствовали его присутствие среди них.

Положив связку стрел у подножия дерева, Тарзан стал пробираться по затененной стороне улицы, пока не дошел до той самой хижины, в которой он уже побывал, однажды.

Внутри была полная тьма, но, пошарив, он нашел предмет, который искал, и не медля повернулся к дверям.

Но выйти он не успел. Его чуткие уши уловили где-то совсем близко звук приближающихся шагов. Еще минута — и фигура женщины заслонила вход в хижину.

Тарзан безмолвно прокрался к дальней стене, и рука его нащупала длинный, острый охотничий нож. Женщина быстро прошла на

середины хижины и на мгновение остановилась, ища руками вещь, за которой пришла. Очевидно, вещи этой не было на обычном месте, и женщина в поисках все ближе и ближе подвигалась к стене, у которой стоял Тарзан.

Она подошла теперь так близко, что обезьяна-человек чувствовал животную теплоту ее голого тела. Он замахнулся охотничьим ножом, но женщина как раз в это мгновение отодвинулась в сторону, и ее спокойное гортанное восклицание обнаружило, что поиски ее, наконец, увенчались успехом.

Она повернулась и вышла из хижины, и когда проходила в дверях, Тарзан разглядел, что она несет в руках горшок для варки пищи.

Он пошел за ней по пятам и, выглянув в дверь, увидел, что все женщины торопливо шли к хижинам и выходили из них с горшками и котелками. Они наполняли их водой и ставили на костры близ столба, где еще висела неподвижная окровавленная, истерзанная масса.

Выбрав минуту, когда, как ему казалось, никого поблизости не было, Тарзан поспешил обратно в конец улицы к своей связке стрел под большим деревом. Как и в прошлый раз, он опрокинул котел, а затем гибким кошачьим прыжком взобрался на нижние ветви лесного гиганта.

Бесшумно поднялся он выше, пока не нашел места, откуда сквозь просвет в листве мог свободно видеть все, что происходило внизу.

Женщины рубили истерзанное тело пленника на куски и раскладывали их по горшкам. Мужчины стояли кругом, отдыхая от разгульного танца. В деревне воцарилось сравнительное спокойствие.

Тогда Тарзан высоко поднял предмет, взятый им из хижины, и с меткостью, достигнутой годами упражнений в швырянии плодов и кокосовых орехов, бросил его в группу дикарей.

Предмет упал среди них, ударив одного из воинов по голове и сбив его с ног. Затем он покатился среди женщин и остановился у полуистерзанного тела, которое они приготавливали для пиршества.

Оцепенев, в ужасе смотрели на него чернокожие.

Это был человеческий череп, который лежал на земле, скалил на них зубы. Падение его с ясного неба казалось чудом. И чудо это охватило чернокожих страшным суеверным страхом. Все, как один, разбежались по своим хижинам. Своею хорошо рассчитанной выходкой Тарзан

внушил дикарям вечный ужас перед какой-то невидимой и неземной силой, подстерегающей их в лесу вокруг их поселка.

Позже, когда они нашли перевернутый котел и увидели, что стрелы их снова украдены, в их бедном мозгу людоедов зародилась мысль, что они оскорбили какого-то могущественного бога, правящего этой частью джунглей. Он мстит им за то, что, выстроив здесь поселок, они не подумали умиловить его предварительно богатыми дарами. С той поры народ Мбонги стал ежедневно оставлять пищу под большим деревом, откуда исчезли стрелы. Это была попытка задобрить таинственного Могучего.

Семя страха было глубоко посеяно в дикарях, и Тарзан, обезьяний приемыш, сам не зная того, положил этим основу многих будущих несчастий для себя и для своего племени.

В ту ночь он спал в лесу, недалеко от поселка, и следующим утром на заре медленно двинулся в обратный путь. Он был страшно голоден, а ему как раз попались только несколько ягод и подобранные на листьях гусеницы... Увлеченный поисками еды, он случайно поднял голову над пнем, под которым он рылся, и вдруг на тропе, менее, чем в двадцати шагах от себя, он увидел львицу Сабор.

Большие желтые глаза ее были устремлены на него с злобным и мрачным блеском; красный язык жадно облизывал губы, Сабор тихо кралась, почти касаясь земли животом.

Тарзан и не думал бежать. Он был рад случаю, которого искал все прошлые дни. А ведь теперь он был вооружен не одной лишь травяною веревкой.

Быстро снял он лук со спины и вложил в него стрелу, тщательно смазанную ядом. Когда Сабор прыгнула, маленькая острая палочка встретила ее на полпути, а Тарзан в то же мгновение отскочил в сторону. Громадная кошка со всего размаху уткнулась в землю около него, а другая охваченная смертью стрела глубоко вонзилась ей в бедро.

С ревом зверь обернулся и прыгнул еще раз — и опять неудачно; третья меткая стрела попала ей прямо в глаз. Но на этот раз львица оказалась слишком близко к обезьяне-человеку, чтобы тот мог увильнуть от падающего на него тела.

Тарзан рухнул под тяжестью огромной туши своего врага, но высвободил при этом свой нож и успел нанести львице несколько ран. Одно мгновение они оба неподвижно лежали; наконец обезьяний

приемыш понял, что безжизненная масса, упавшая на него, никогда больше не сможет повредить ни человеку, ни обезьяне.

С трудом выкарабкался он из-под тяжелого звериного тела и, выпрямившись, смотрел на свой трофей. Мощная волна ликования нахлынула на него.

Глубоко дыша, он поставил ногу на тело могучего врага и, откинув назад красивую молодую голову, проревел страшный победный клич обезьяны-самца.

Лес отозвался на дикий крик торжества. Птицы умолкли, а крупные хищные звери отошли, оглядываясь, подальше, так как мало кто в джунглях искал ссоры с большими антропоидами.

А в Лондоне в это время другой лорд Грейсток держал речь к людям своей породы в палате лордов, и никто не дрожал от звуков его приятного, мягкого голоса.

Сабор была совсем невкусной едой даже для Тарзана, но голод — лучшая приправа для жесткого и горького мяса, и вскоре обезьяна-человек исправно набил себе желудок и приготовился заснуть. Однако, он сперва решил снять шкуру с львицы, это была ведь одна из причин, ради которых он добивался умертвить Сабор.

Тарзан проворно снял ее большую шкуру, потому что хорошо набил себе руку на маленьких животных, и повесил свой трофей на разветвление высокого дерева. Затем, свернувшись поудобнее, заснул глубоким сном без сновидений.

Недосыпавший в прежние дни, утомленный и плотно поевший, Тарзан проспал целый солнечный круг и проснулся лишь около полудня следующего дня. Он тотчас же спустился вниз к освежеванной туше Сабор, но, к досаде своей, нашел от нее одни кости, чисто обглоданные другими голодными обитателями джунглей.

Через полчаса неторопливого шествия по лесу он увидел молодого оленя, и прежде чем маленькое существо узнало о близости врага, острая стрела вонзилась ему в шею.

Яд подействовал так быстро, что, едва сделав несколько прыжков, олень пал мертвым в кустарнике. Тарзан опять хорошо поел, но на этот раз не ложился спать.

Он спешил туда, где кочевало его племя, и, встретив обезьян, с гордостью показал им шкуру Сабор.

— Обезьяны Керчака, — кричал он, — смотрите! Смотрите, что сделал Тарзан, могучий убийца! Кто из вас когда-либо убил хоть одного из племени Нумы? Тарзан сильнее вас всех, так как Тарзан не обезьяна. Тарзан... — но тут он был принужден прервать свою речь, потому что на языке антропоидов не существовало слова для обозначения человека, и сам Тарзан мог только писать это слово, да и то по-английски, а произнести его не умел.

Все племя собралось вокруг. Обезьяны слушали его речь, созерцая доказательство его удивительного подвига.

Только Керчак остался стоять в стороне, кипя от ненависти и бешенства.

Внезапно что-то сорвалось в тупом мозгу антропоида. С бешеным ревом бросился зверь на толпу.

Кусаясь и колотя своими огромными руками, он убил и искалечил дюжину обезьян, прежде чем остальные успели спастись на верхние ветки деревьев.

В безумии своего бешенства Керчак с визгом осматривался кругом, ища глазами Тарзана, и вдруг заметил его сидящим поблизости на ветке.

— Спустишь-ка теперь, великий убийца, — вопил Керчак, — спустись и почувствуй клыки более великого! Разве могучие бойцы забираются на деревья и трясутся при виде опасности? — И Керчак вызывающе испустил боевой клич племени.

Тарзан спокойно сошел наземь. Еле дыша, смотрело племя со своих высоких насестов, как Керчак, продолжая реветь, бросился на легкую фигуру противника.

Несмотря на свои короткие ноги, Керчак достигал почти семи футов в высоту. Его огромные плечи были оплетены громадными мускулами, а короткая шея казалась сзади глыбой железных мышц, так что голова его представлялась как бы небольшим шаром, выступающим из большой горы мяса. Оттянутые вниз губы оскалили боевые клыки, а маленькие, злобные, налитые кровью глаза сверкали страшным огнем безумия.

Выжидая его, стоял Тарзан — тоже крупное и мускулистое животное. Но его рост и сильные мышцы казались жалкими рядом с исполинской фигурой зверя.

Его лук и стрелы лежали в стороне — там, где он их оставил, когда показывал шкуру Сабор своим соплеменникам. Он стоял лицом к лицу с Керчаком, вооруженный одним охотничьим ножом и человеческим разумом.

Когда его противник с яростным ревом бросился на него, лорд Грейсток вынул из ножен свой длинный нож и с таким же неистовым вызовом быстро бросился вперед навстречу противнику. Он был достаточно ловок, чтобы не позволить длинным волосатым рукам схватить себя. В то мгновение, когда тела их должны были столкнуться, Тарзан сжал кисть одной из рук своего противника и, легко отскочив в сторону, вонзил по самую рукоятку свой нож в тело обезьяны, пониже сердца.

Но прежде, чем он успел выдернуть нож, быстрое движение Керчака, пытавшегося схватить его в свои ужасные объятия, вырвало оружие из рук Тарзана.

Обезьяна готовила ужасающий удар в голову ладонью — удар, который, если бы попал в цель, легко проломил бы череп юноши.

Но человек был проворнее и, пригнувшись, сам нанес зверю могучий удар сжатым кулаком под ложечку.

Керчак зашатался; к тому же смертельная рана под сердцем почти что лишала его сознания. Но он приободрился на одно мгновение, как раз достаточное, чтобы вырвать свою руку у Тарзана, и вступил с ним врукопашную.

Крепко прижав обезьяну-человека к себе, свирепый самец пытался поймать своими громадными клыками горло Тарзана, но мускулистые пальцы молодого лорда успели схватить шею Керчака.

Так боролись они: один — стараясь перекусить шею соперника своими страшными зубами, другой силясь — сжать дыхательное горло врага своей рукой, в то же время отстраняя от себя оскаленную пасть зверя. Более мощная обезьяна начинала, казалось, медленно брать верх, и зубы надрывавшегося из последних сил зверя были уже в дюйме от горла Тарзана. Но вдруг Керчак содрогнулся всем своим грузным телом — на одно мгновение как бы замер, а затем безжизненно свалился на землю.

Он был мертв.

Вытащив нож, который так часто давал ему победу над мускулами более могучими, чем его собственные, Тарзан поставил ногу на шею

побежденного врага, и снова громко, на весь лес, раздался свирепый крик победителя.

Таким образом молодой лорд Грейсток сделался царем обезьян.

ХИ

УМ ЧЕЛОВЕКА

Среди подданных Тарзана был один самец, который дерзал оспаривать его власть. Это был сын Тублата, Теркоз. Но он так боялся острого ножа и смертоносных стрел нового властелина, что осмеливался проявлять свое недовольство только в мелочном непослушании и в постоянных коварных проделках. Тарзан знал, однако, что Теркоз только выжидает подходящего случая, чтобы внезапной изменой вырвать власть из его рук, и потому всегда держался настороже против возможного нападения врасплох.

В течение долгих месяцев жизнь обезьяньего племени протекала по-прежнему. Нового было только то, что, благодаря выдающемуся уму Тарзана и его охотничьей ловкости, снабжение продовольствием шло теперь гораздо успешнее, и еды было больше, чем когда-либо прежде. И потому большинство обезьян было очень довольно сменой правителя.

Тарзан по ночам водил племя на поля черных людей. Здесь, по указаниям своего мудрого вождя, обезьяны досыта ели, но никогда не уничтожали того, что не могли съесть, как это делает мартышка Ману и большинство других обезьян.

Поэтому, хотя чернокожие и досадовали на постоянный грабеж их полей, но набеги обезьян не отбивали у них охоты обрабатывать землю, что несомненно случилось бы, если бы Тарзан позволил своему народу бесчинно разорять плантации.

В продолжение этого времени Тарзан много раз посещал по ночам поселок для другой — личной своей цели. Он время от времени возобновлял там свой запас стрел. Скоро заметил он и пищу, которую негры теперь постоянно ставили под деревом, и стал съедать все, что чернокожие оставляли для него.

Когда дикари убедились, что пища исчезает за ночь, они пришли в еще больший ужас, так как ставить пищу для снискания благосклонности бога или черта — это одно, но уже совершенно другое, когда дух действительно является в поселок и поедает

приносимую пищу! Это было неслыханно и наполнило их суеверные умы всякого рода смутными страхами.

Периодическое исчезновение стрел и странные проделки, творимые невидимым существом, довели чернокожих до такого состояния, что жизнь их в новом поселке сделалась невыносимой. Мбонга и его старейшины стали усиленно поговаривать о том, чтобы навсегда оставить деревню и искать новую более спокойную местность поглубже в джунглях.

Черные воины, в поисках места, забирались все дальше и дальше на юг, в самую глубь лесов.

Появление этих разведчиков стало все чаще беспокоить племя Тарзана. Тихое уединение первобытного леса было нарушено новыми, странными криками. Не было больше покоя ни для зверей, ни для птиц. Пришел человек...

Другие животные приходили и ночью и днем, скитаясь по джунглям, — свирепые, жестокие звери; но более слабые их соседи только на время убегали от них, чтобы тотчас же вернуться, когда минует опасность.

Не то с человеком. Когда он приходит, многие из более крупных пород инстинктивно покидают местность и чаще всего уже никогда более не возвращаются; так всегда было с большими антропоидами. Они бежали от человека, как человек бежит от чумы.

Некоторое время племя Тарзана еще держалось вблизи бухты, потому что их новый царь и думать не хотел о том, чтобы навсегда бросить сокровища, собранные им в маленькой хижине.

Однажды, несколько из человекоподобных встретили многочисленных чернокожих на берегу маленькой речки, в продолжение многих поколений служившей привычным местом водопоя, и увидели, что черные люди расчищают джунгли и сооружают множество хижин. После этого обезьяны не захотели больше оставаться у бухты, и Тарзан увел их вглубь страны, на много переходов дальше, в место, еще не оскверненное ногой человеческого существа.

Но раз в месяц Тарзан, быстро перепрыгивая с ветки на ветку, мчался в свою хижину, чтобы провести там день с книгами, а также чтобы пополнить запас стрел. Последняя задача становилась все более

и более трудной, так как черные стали прятать на ночь свои стрелы в житницы и жилые хижины.

Тарзан за день должен был усиленно наблюдать, куда будут спрятаны стрелы. Дважды входил он в хижины, пока их обитатели спали на своих циновках, и похищал стрелы из-под самого носа воинов. Но этот способ показался Тарзану слишком опасным, и потому он предпочитал ловить одиноких охотников своими длинными смертоносными петлями. Обобрав с них оружие и украшения, он бросал ночью эти трупы с высокого дерева на середину улицы поселка.

Эти разнообразные случаи опять до того напугали чернокожих что если бы не месячная передышка между посещениями Тарзана, внушавшая им каждый раз надежду, что больше набегов не будет, то они вскоре опять покинули бы свой новый поселок.

Чернокожие еще не заметили хижины Тарзана на далеком берегу, но обезьяна-человек жил в постоянном страхе, что во время его отсутствий они найдут ее и ограбят его сокровища. Поэтому с течением времени он стал проводить все больше и больше времени близ жилища своего отца и все реже и реже бывал среди обезьян. И вот, члены его общины стали страдать от его пренебрежения к ним; то и дело возникали ссоры и распри, которые только верховный вождь мог мирно уладить.

Наконец, некоторые из старейших обезьян завели разговор с Тарзаном по этому поводу, и он после того целый месяц оставался без отлучек из племени.

Обязанности верховного вождя у антропоидов не трудны и не многочисленны. После полудня придет, например, Така, и пожалуется на то, что старый Мунго украл у него его новую жену. Тогда дело Тарзана, созвать всех обезьян — и если окажется, что жена предпочитает своего нового супруга прежнему мужу, он приказывает, чтобы так и было, или же велит Мунго дать Таке в обмен одну из своих дочерей.

Обезьяны считают окончательным всякое решение вождя — каково бы оно ни было, и, удовлетворенные, возвращаются к своим занятиям.

А то прибежит с криком Тана, прижав руку к боку, из которого хлещет кровь. Она жалуется, что Гунто, муж ее, зверски ее укусил. А

вызванный Гунто говорит, что Тана ленива, не хочет носить ему жуков и орехов, или отказывается чесать ему спину.

И Тарзан бранит их обоих, грозя Гунто смертоносными стрелами, если он будет продолжать истязать Тану, а Тана, со своей стороны, должна дать обещание исправиться и лучше исполнять свои женские обязанности.

Так все и идет. По большей части, это все маленькие семейные распри, которые, если их не уладить, могут однако привести к значительным партийным ссорам и даже иногда к расчленению племени.

Но Тарзану это стало надоедать. Он понял, что верховная власть значительно ограничивает его свободу. Его страстно тянуло к морю, озаренному ласковым солнцем, к прохладной комнате уютно построенного дома и к нескончаемым чудесам многочисленных книг.

Когда Тарзан стал старше, он понял, что становится чужим в своем племени. Их интересы все больше расходились с его интересами. Обезьянам были чужды многие странные и чудесные грезы, которые мелькали в деятельном мозгу их человека-вождя. Их язык был так беден, что Тарзан даже не мог говорить с ними о многих новых истинах и о широких горизонтах мысли, которые чтение раскрыло перед его жадными взорами. Он не мог сообщить им и о честолюбии, тревожившем его душу.

У него уже давно не было друзей и товарищей. Ребенок может водить знакомство со многими странными и простыми существами, но для взрослого человека необходимо некоторое, хотя бы внешнее равенство ума, как основа для дружбы.

Будь жива Кала, Тарзан всем бы пожертвовал, чтобы остаться вблизи нее. Но теперь, когда ее не было, а резвые друзья его детства превратились в свирепых и грубых животных, он чувствовал, что ему гораздо более по душе спокойное одиночество своей хижины, чем докучливые обязанности вождя стаи диких зверей.

Однако желание Тарзана отказаться от своего верховенства над племенем сильно задерживалось ненавистью и завистью Теркоза, сына Тублата. Как упрямый молодой англичанин, Тарзан не мог заставить себя отступить перед лицом злорадствующего врага.

Тарзан знал отлично, что на его место будет избран вождем Теркоз, так как свирепое животное уже давно установило право своего

физического превосходства над немногими самцами-обезьянами, которые осмеливались восстать против его жестоких задираний.

Тарзану хотелось сломить этого злобного зверя, не прибегая к ножу или стрелам. Его сила и ловкость настолько возросли вместе с его возмужалостью, что он стал подумывать: не сможет ли он победить грозного Теркоза в рукопашной схватке? Если бы только не огромные боевые клыки, дававшие такое превосходство антропоиду перед плохо вооруженным в этом отношении Тарзаном!..

Но однажды, силою обстоятельств, это дело было выхвачено из рук Тарзана, и он мог спокойно избирать свой путь и либо остаться в племени, либо уйти из него, не запятнав свою честь дикаря.

Случилось это так:

Племя спокойно искало себе пищу. Все разбрелись в разные стороны, когда вдруг пронзительный крик раздался к востоку от того места, где Тарзан, лежа на животе около прозрачного ручья, пытался поймать увертывающуюся рыбу своими быстрыми коричневыми руками.

Как один, все члены племени быстро помчались по направлению к испуганным крикам и здесь нашли Теркоза, державшего за волосы старую самку. Он бил ее своими большими руками.

Тарзан подошел к нему и поднял руку в знак того, что Теркоз должен перестать драться. Самка принадлежала не ему, а бедному старому самцу, боевые дни которого уже давно миновали и который не мог защищать свою семью.

Теркоз знал, что поступает против законов своего племени, избивая чужую жену. Но, будучи забиякой, он воспользовался слабостью мужа самки, чтобы наказать ее за то, что она не захотела уступить ему нежного молодого грызуна, пойманного ею.

Когда Теркоз увидел Тарзана, приближающегося к нему без стрел в руках, он принялся еще сильнее колотить бедную самку, надеясь этим вызвать на бой ненавистного властителя.

Тарзан не повторил своего предупреждения, а вместо того просто кинулся на Теркоза.

Никогда, с этого давно минувшего дня, когда Болгани, вождь горилл, так страшно истерзал его, не приходилось Тарзану выдерживать такого боя.

На этот раз нож Тарзана едва ли мог возместить собой сверкающие клыки Теркоза, зато небольшое превосходство обезьяны над ним в смысле силы было почти уравновешено изумительной ловкостью и быстротой человека.

Но все же, в конечном счете, антропоид имел на своей стороне некоторое преимущество, и если бы не оказалось на лицо другой силы, которая повлияла на исход битвы, Тарзан, приемыш племени обезьян, молодой лорд Грейсток, так и умер бы, как он и жил, неведомым диким зверем в экваториальной Африке.

Но налицо было то, что возвышало Тарзана над всеми его товарищами джунглей — искра, в которой сказывается вся разница между человеком и зверем — разум. Разум уберег Тарзана от железных мускулов и жадных клыков Теркоза.

Их схватка едва продолжалась несколько секунд, а они уже катались на земле, колотя, терзая и разрывая друг друга, — два большие свирепые зверя, бьющиеся насмерть.

Теркоз имел дюжину ножевых ран на голове и груди, а Тарзан был весь растерзан и обливался кровью. Его скальп был в одном месте сорван с головы и висел над глазом, заслоняя ему зрение. Но молодому англичанину удавалось до сих пор удержать ужасные клыки противника, рвущиеся к его шее, и теперь, во время легкой передышки, Тарзан придумал хитрый план. Он обойдет Теркоза и, вцепившись ему в спину зубами и ногтями, будет до тех пор наносить ему раны ножом, пока враг не перестанет существовать.

Этот маневр был выполнен им легче, чем он думал, потому что глупое животное, не поняв его намерения, не думало пытаться предупредить его.

Но когда, наконец, Теркоз понял, что его противник схватил его так, что он не мог достать его ни зубами, ни кулаками, то он стремительно бросился на землю. Тарзану оставалось только отчаянно цепляться за скачущее, вертящееся, изгибающееся тело. А прежде, чем он успел нанести ему хоть один удар, нож был выбит у него из рук тяжелым толчком о землю, и Тарзан остался беззащитным.

В следующее мгновение, когда оба противника катались клубком по земле, Тарзан должен был несколько ослабить свою хватку, пока, наконец, случайное обстоятельство в этой быстрой смене постоянно меняющихся эволюций позволило ему сделать новое нападение правой

рукой, после которого, как он тотчас понял, его позиция стала совершенно неприступной. Его рука оказалась пропущенной сзади под рукой Теркоза, а предплечье и кисть легли кругом его шеи. Это был полу-Нельсон, современный прием борьбы, на который случайно натолкнулся несведущий обезьяна-человек. Но божественный разум мгновенно подсказал ему, насколько ценно сделанное им открытие. От этого приема зависели жизнь или смерть.

Он постарался добиться подобного же положения для левой руки, и через несколько минут бычья шея Теркоза затрещала под целым Нельсоном.

Теркоз перестал вертеться. Оба они лежали совершенно тихо на земле, Тарзан на спине Теркоза. И медленно круглая голова обезьяны была вынуждена пригибаться к его груди все ниже и ниже.

Тарзан знал, чем все это кончится. Еще минута — и сломается шея. И вот тогда, на счастье Теркоза, в Тарзане заговорила та самая способность, которая помогла ему одолеть обезьяну, — способность рассуждения.

— Если я его убью, — подумал Тарзан, — какая мне будет от этого польза? Лишу племя могучего бойца, вот и все. Если Теркоз будет мертв, он ничего не будет знать о моем превосходстве, а живой — он всегда будет примером для других обезьян.

— Ка-го-да? — зашипел Тарзан в ухо Теркозу, что в вольном переводе значит: «сдаешься?». Нет ответа, и Тарзан слегка прибавляет давление, вызвав ужасающий крик боли у большого зверя.

— Ка-го-да? — повторил Тарзан.

— Ка-го-да! — закричал Теркоз.

— Слушай, — сказал Тарзан, несколько отпустив его, но не освобождая рук. — Я, Тарзан, верховный вождь обезьян, могучий охотник, могучий боец. Во всех джунглях нет никого столь великого, как я. Ты сказал мне: «ка-го-да». Это слышали все. Не ссорься больше ни со своим вождем, ни со своими соплеменниками, или в следующий раз я убью тебя. Понял?

— Ху, — подтвердил Теркоз.

— Ну, теперь довольно с тебя?

— Ху, — сказала обезьяна.

Тарзан выпустил его, и через несколько минут все занялись опять своими делами, как будто не случилось ничего, нарушающего

спокойствие в их первобытном лесном пристанище.

Но в сознании обезьян глубоко укрепилось убеждение, что Тарзан — могучий боец и странное создание. Странное потому, что в его руках была жизнь врага, и, вместо того, чтобы его убить, он позволил ему жить невредимым.

На закате дня, когда все племя вместе собралось, по своему обычаю, перед тем, как темнота опустилась на джунгли, Тарзан, раны которого были омыты в прозрачных водах ручья, созвал вокруг себя старых самцов.

— Вы опять видели сегодня, что Тарзан, вождь обезьян — самый великий среди вас, — сказал он.

— Ху, — ответили они в один голос, — Тарзан великий.

— Тарзан, — продолжал он, — не обезьяна. Он не похож на свой народ. Его пути не ваши пути, и потому Тарзан возвратится в логовище своего рода близ вод большого озера. Вы должны избрать себе нового вождя. Тарзан больше не вернется.

И, таким образом, молодой лорд Грейсток сделал первый шаг к той цели, которую он себе поставил — отысканию белых людей, подобных ему.

ХІІІ

ЕГО СОБСТВЕННЫЙ РОД

Следующим утром Тарзан, сильно страдавший от нанесенных ему Теркозом ран, направился на запад к морскому берегу.

Он двигался очень медленно, провел ночь в джунглях, и добрался до своей хижины лишь поздно следующим утром.

В течение нескольких дней он выходил очень мало и только для того, чтобы собрать нужное ему для утоления голода количество плодов и орехов.

Но через десять дней Тарзан был уже совершенно здоров. На его лице остался только ужасный полузаживший шрам, который, начинаясь над левым глазом, шел поперек всей головы и кончался над правым ухом. Это был след, оставленный Теркозом, когда тот сорвал с него скальп.

В период выздоровления Тарзан пытался смастерить плащ из шкуры Сабор, пролежавшей все время в хижине. Но он увидел, что кожа тверда, как дерево. А так как он ничего не знал о дублении, то ему и пришлось отказаться от взлелеянного плана.

И вот он решил отобрать хоть какую-нибудь одежду у кого-нибудь из чернокожих в поселке Мбонги, потому что Тарзан, питомец обезьян, решил всеми возможными способами отметить свою эволюцию из существ низшего порядка. А по его мнению не было более отличительного признака человеческой породы, как украшения и одежда.

С этой целью он собрал различные украшения для рук и ног, снятые им с черных воинов, погибших от его быстрой и бесшумной петли. Все это он надел так, как видел на других.

На шею он повесил золотую цепочку с осыпанным брильянтами медальоном его матери, леди Элис, а за спиной, на ремне, колчан со стрелами, тоже снятый им с какого-то из побежденных им чернокожих.

Талию он украсил поясом из небольших полосок необделанной кожи. Он сам смастерил себе этот пояс для самодельных ножен, в которые вкладывал охотничий нож своего отца. Длинный лук, принадлежавший Кулонге, висел за его левым плечом.

Молодой лорд Грейсток представлял оригинальную и воинственную фигуру. Его густые черные волосы падали ему сзади на плечи, а спереди были им неровно срезаны охотничьим ножом, чтобы не лезли в глаза.

Его прямая и прекрасная фигура, мускулистая, как у лучших древних римских гладиаторов, но вместе с тем с мягкими и нежными очертаниями эллинского бога, говорила с первого же взгляда об удивительном соединении огромной силы с гибкостью и ловкостью.

Тарзан, приемыш обезьяны, был олицетворением первобытного человека, охотника, воина.

С благородной посадкой красивой головы на широких плечах, с огнем жизни и ума в прекрасных и ясных глазах, он легко мог показаться полубогом в дышащем древностью первобытном лесу.

Но Тарзан и не думал об этом. Он досадовал, что у него не было одежды и что он не может показать всем обитателям джунглей, что он человек, а не обезьяна. Часто в его ум закрадывалось серьезное сомнение, не может ли он еще превратиться в обезьяну.

Разве волосы не начали пробиваться у него на лице? У всех обезьян волосатые лица, а единственные люди, которых он видел — чернокожие — совершенно безволосые, за немногими исключениями.

Правда, в книжках ему приходилось видеть рисунки людей с массой волос на губах, щеках и подбородке, но тем не менее Тарзан брился. Почти ежедневно точил он свой острый нож и соскабливал и выскребывал свою молодую бороду, чтобы с корнем уничтожить этот унижительный признак обезьяны.

И, таким образом, он научился бриться, — правда, грубо и мучительно, но тем не менее удачно.

Когда он почувствовал, что совершенно поправился после кровавого боя с Теркозом, Тарзан однажды утром направился к поселку Мбонги. Он шел небрежно по извилистой тропе в джунглях, вместо того, чтобы передвигаться по деревьям, как вдруг очутился лицом к лицу с черным воином.

Взгляд изумления дикаря был почти комичен, и прежде, чем Тарзан успел снять свой лук, воин повернул и побежал по тропе с криком тревоги, как будто обращался к другим товарищам.

Тарзан бросился в погоню по деревьям и через несколько минут увидел впереди отчаянно бегущих людей.

Их было трое, и они безумно неслись гуськом через густой кустарник.

Тарзан их легко обогнал, и они не заметили ни того, как он бесшумно несся над их головами, ни того, как он притаился на низкой ветке, под которой пролегал троп.

Тарзан дал пройти двум первым воинам, но когда третий бегом приблизился, тихая петля охватила черное горло и была затянута ловким движением.

Негр испустил душераздирающий крик, и его товарищи, обернувшись, увидели, что содрогающееся тело, точно по волшебству, медленно поднимается в густую листву над ними.

С криками ужаса они бросились бежать еще быстрее, надеясь спастись.

Тарзан молчаливо и быстро покончил со своим пленником, снял с него оружие, украшения и — о, счастье! — прекрасную замшевую повязку с бедер. Он тотчас же надел ее на себя.

Вот теперь он, наконец, одет так, как подобает быть одетым человеку. Никто не сможет больше сомневаться в его высоком происхождении. Как приятно было бы вернуться сейчас к своему племени, выставив напоказ перед их завистливыми глазами этот удивительный наряд!

Взвалив тело черного на плечо, он неторопливо двинулся по деревьям к маленькому, обнесенному частоколом, поселку, потому что опять нуждался в стрелах.

Совсем близко подойдя к палисаду, Тарзан увидел возбужденную группу, окружавшую обоих беглецов, которые, дрожа от страха и усталости, едва могли рассказать неслыханные подробности своего приключения.

— Мирандо, — говорили они, — шел впереди них, не на далеком расстоянии, но внезапно он прибежал к ним с криком, что страшный человек белый и голый преследует его. Все втроем бросились тогда бежать со всех ног.

Потом опять раздался пронзительный крик ужаса Мирандо, а когда они повернули головы, то увидели ужасающее зрелище — тело их товарища летело вверх, в деревья; руки и ноги его судорожно бились в воздухе, а язык высывался из открытого рта. Ни одного звука не произнес он больше, и около него не было видно решительно никого.

В поселке началась паника. Но мудрый старый Мбонга сделал вид, что не верит их рассказу.

— Вы рассказали нам длинную сказку потому, что не посмели сказать правды. Вам стыдно признаться, что когда лев прыгнул на Мирандо, вы удрали, бросив его. Трусы вы!

Едва Мбонга кончил последнее слово, как над ним в ветвях дерева, раздался громкий треск. Все с новым страхом взглянули вверх. Зрелище, представившееся их глазам, заставило содрогнуться даже мудрого старого Мбонгу, так как, переворачиваясь и извиваясь, с вершины летело мертвое тело Мирандо и с хрустом распласталось на земле у их ног.

Как один, все чернокожие бросились врассыпную и исчезли в густой тени окружающих зарослей.

Тогда Тарзан смело вошел в поселок, возобновил свой запас стрел и съел пищу, заготовленную дикарями для усмирения гнева таинственного злого духа.

Прежде чем уйти, он перенес тело Мирандо к воротам поселка и поставил его стоймя у изгороди так, что казалось, будто его мертвое лицо смотрит из-за ограды вдоль тропы, ведущей в джунгли.

Много раз пытались безумно напуганные черные войти в поселок мимо страшного, скалившего зубы лица мертвого их товарища, пока, наконец, все же осмелились это сделать. Когда они увидели, что пища и стрелы исчезли, то поняли, что Мирандо погиб потому, что видел страшного духа джунглей.

Это объяснение показалось им самым разумным. Все, кто встречал этого ужасного бога лесов, умирали: из живых никто не видал его. Вид его — приносил верную смерть.

Они подумали также, что пока они будут снабжать божество стрелами и пищей, оно им не будет вредить, если только им не глядеть на него. И потому Мбонга постановил, чтобы, в дополнение к приношениям пищи, клали и приношение стрелами этому Мунанго Ксевати. И с тех пор так и делали.

Если вам когда-либо случится побывать в этом поселке, затерянном в африканских пустынях, то и вы несомненно увидите перед крошечной тростниковой хижинкой, построенной как раз за оградой поселка, небольшой железный горшок с пищей, а рядом колчан с хорошо смазанными отравой стрелами.

Тем временем Тарзан шел домой, не торопясь и охотясь по пути. Когда он подошел к отлогому берегу, где стояла его хижина, его глазам представилось необычайное зрелище.

На зеркале тихих вод бухты стояло большое судно, а на берег была вытащена маленькая лодка.

Но самое удивительное было то, что между берегом и его хижиной двигалось несколько, подобных ему, белых людей.

Тарзан увидел, что во многом они были похожи на рисунки в его книгах. Он подкрался к ним по деревьям, пока не очутился почти что над ними.

Их было десять человек. Смуглые, загорелые от солнца и какие-то гнусные с виду люди. Они столпились вокруг лодки, громко и сердито говоря и сильно жестикулируя. Один из них, маленький, чернобородый человек со скверным, подлым лицом, напомнивший Тарзану крысу-Намба, положил руку на плечо гиганту, стоявшему рядом с ним и с которым все остальные спорили и ссорились.

Маленький человек указал вглубь страны, так что гигант должен был отвернуться от других, чтобы взглянуть, по указанному направлению; тогда маленький человек с подлым. лицом, выхватил из-за пояса револьвер и выстрелил в спину гиганта.

Великан всплеснул руками над головой, колена его подогнулись, и, без единого звука, он свалился на землю мертвым.

Выстрел, первый, когда-либо слышанный Тарзаном, вызвал в нем удивление, но и этот непривычный звук не мог заставить вздрогнуть его здоровые нервы и навести на них даже подобие паники.

Поведение белых чужеземцев — вот что более всего смутило его. Он сдвинул брови и нахмурился с видом глубокой задумчивости. — «Хорошо сделал я, — подумал Тарзан, — что сдержал свой первый порыв броситься вперед и приветствовать этих белых людей, как братьев!»

Очевидно, они ничем не отличались от черных людей и были не более цивилизованы, чем обезьяны, и не менее жестоки, чем Сабор.

Одно мгновение остальные стояли и молча смотрели на маленького человека с отталкивающим лицом и на великана, лежавшего мертвым на берегу.

Затем один из них засмеялся и хлопнул маленького человека по спине. Опять пошли длинные разговоры и жестикуляции, но ссор было

меньше.

Потом спустили лодку, все прыгнули в нее и стали грести по направлению к большому кораблю, на палубе которого Тарзан мог разглядеть много других фигур.

Когда люди с лодки поднялись на борт, Тарзан спрыгнул на землю за большим деревом и пополз к хижине, стараясь, чтобы она всегда приходилась между ним и кораблем.

Скользнув в хижину, он увидел, что здесь все было перерыто и разбросано. Его книги и карандаши валялись на полу, его оружие и другие его маленькие запасы сокровищ тоже были всюду раскиданы.

Когда он увидел этот разгром, свежий шрам на лбу его внезапно выступил от гнева ярко-малиновой полосой на смуглой коже.

Быстро подбежал Тарзан к шкафу и стал там искать в далеком углублении на нижней полке. — «А!..» — облегченно вздохнул он, когда вынул оттуда металлический ларчик и, открыв его, нашел нетронутыми свои величайшие сокровища.

Фотография улыбающегося молодого человека с энергичным лицом и загадочная черная книжечка были целы.

Но что это?

Чуткое ухо его уловило слабый, но незнакомый звук.

Подбежав к окну, Тарзан взглянул по направлению к бухте. С большого корабля была спущена на воду рядом с первой еще другая шлюпка. Вскоре он увидел многих людей, перелезавших через борт большого судна и садившихся в лодки. Они возвращались на землю еще более многочисленные.

В продолжение нескольких минут Тарзан следил, как с борта корабля спускались разные ящики и тюки и ожидавшие лодки. Когда шлюпка отчалила от корабля и направилась к берегу, обезьяна-человек схватил кусок бумаги и написал на нем карандашом несколько строк прекрасно выведенными печатными буквами. Эту записку он прикрепил к двери коротким осколком дерева; затем, взяв драгоценный жестяной ларчик, стрелы и столько копий и луков, сколько смог унести, он поспешил к двери и исчез в лесу.

Когда обе лодки врезались в серебристый песок, на берег высадилась необычайно разнокалиберная публика.

Их было всего душ двадцать, если считать, что и те пятнадцать грубых матросов с отталкивающими лицами обладали той же

бессмертной искрой человеческого духа. Но, по правде говоря, они сразу казались позорным сбродом отъявленных негодяев.

Остальные зато были совсем в другом роде.

Один из них был пожилой человек с седыми волосами и с большими очками в широкой оправе. Его слегка сутулые плечи были облачены в дурно сидящее на нем, но безукоризненно чистое пальто. Блестящий шелковый цилиндр на голове еще больше подчеркивал нелепость его одеяния в глуши африканских джунглей.

Вторым высадился высокий молодой человек в парусиновом костюме, а непосредственно после него — другой пожилой человек с очень высоким лбом и суетливыми манерами.

После них вышла на берег громадного роста негритянка, необычайно пестро и крикливо одетая. Она испуганно таращила глаза на джунгли и на толпу ссорившихся матросов, которые выгружали из лодок тюки и ящики.

Последней вышла на берег молодая девушка, лет девятнадцати. Молодой человек, стоявший у носа лодки, высоко поднял ее над волною и поставил на сухой берег. Она поблагодарила его славной улыбкой, но и он и она молчали.

Все общество безмолвно направилось прямо к хижине. Было очевидно, что у этих людей все было уже решено прежде, чем они оставили корабль. Итак, они подошли к двери домика, впереди матросы с ящиками и тюками, а за ними эти пятеро, столь непохожие на них. Матросы опустили свои ноши на землю, и тогда один из них заметил записку, прибитую Тарзаном на двери.

— Стой, товарищи! — крикнул он. — Что это такое? Этой бумаги здесь не было час тому назад.

Остальные матросы столпились вокруг, вытягивая шеи над плечами передних. Но так как мало кто из них мог читать, один из матросов обратился под конец к низенькому старику в пальто и цилиндре.

— Эй, вы, профессор! — подозвал он его насмешливо, — шагните вперед и разберите-ка эту дурацкую записку.

Окликнутый таким образом, старик медленно подошел к матросам в сопровождении своих спутников. Поправив очки, он взглянул на прибитое к дверям объявление и затем пробормотал себе под нос, уходя: «Весьма замечательно, весьма замечательно».

— Стойте, старое ископаемое! — крикнул матрос, обратившийся к нему за помощью, — разве мы вас позвали, чтобы вы про себя читали, что ли? Вернитесь назад, старая развалина, и прочтите нам записку громко!

Пожилой господин остановился и, повернувшись, сказал:

— Ах, и то правда! Милостивый государь, тысячу раз прошу извинения. Это была рассеянность с моей стороны, да, сильная рассеянность. Записка в высшей степени замечательна, в высшей степени замечательна!

Он опять взглянул на записку, перечел ее про себя и по всей вероятности повернулся бы и снова отошел, размышляя над ее содержанием, если бы матрос не схватил его грубо за ворот и не проревел ему в самое ухо:

— Громко читайте, старый идиот! Громко!

— Ах, да, в самом деле, в самом деле! — мягко ответил профессор и, еще раз поправив очки, прочел вслух:

Это дом Тарзана, убийцы зверей и многих черных людей. Не портите вещи, принадлежащие Тарзану. Тарзан следит.

Тарзан из племени обезьян.

— Что за черт такой Тарзан? — крикнул матрос, говоривший раньше:

— Он очевидно знает по-английски, — ответил молодой человек.

— Но что значит: «Тарзан из племени обезьян»? — воскликнула молодая девушка.

— Не знаю, мисс Портер, — ответил молодой человек. — Может быть, мы открыли обезьяну, сбежавшую из лондонского Зоологического Сада, которая привезла в свои родные джунгли европейское образование. Каково ваше мнение об этом, профессор Портер? — добавил он, обращаясь к старику. Профессор Архимед Кв. Портер поправил очки:

— Да, в самом деле, это в высшей степени замечательно, в высшей степени замечательно! — сказал он. — Но я ничего не могу добавить к тому, что уже говорил в объяснение этого поистине странного случая.

И с этими словами профессор медленно направился к джунглям.

— Но, папа, — воскликнула девушка, — вы еще ничего не объяснили нам!

— Тише, тише, дитя, — ответил профессор Портер ласковым и снисходительным тоном. — Не затрудняйте вашу хорошенькую головку такими тяжеловесными и отвлеченными проблемами. — И он опять медленно зашагал, но в другом направлении, устремляя глаза под ноги и заложив руки под развевающиеся фалды своего пальто.

— Думаю, что выживший из ума старый чудака столько же знает об этом, сколько и мы, — проворчал матрос с крысыным лицом.

— Извольте быть вежливы, — крикнул молодой человек, побледнев от гнева, возмущенный оскорбительным тоном матроса. — Вы убили своих офицеров и ограбили нас. Мы в вашей власти, но я заставлю вас относиться с должным почтением к профессору Портеру и к мисс Портер, или я голыми руками сверну эту вашу подлую шею, безразлично, есть ли у вас ружье или нет!

И молодой человек так близко подошел к матросу, что последний, хотя у него и было два револьвера и достаточно неприятного вида нож за поясом, отступил в смущении.

— Проклятый трус! — крикнул ему вслед молодой человек. — Вы никогда не посмеете убить никого, пока он не повернется к вам спиной. Да и тогда даже вы не осмелитесь в меня выстрелить. — И, сказав эти слова, он демонстративно повернулся спиной к матросу и беспечно пошел, как бы испытывая его.

Рука матроса медленно потянулась к рукоятке одного из его револьверов, и злые глаза блеснули, поглядывая на удаляющуюся фигуру молодого англичанина. Его товарищи смотрели на него, но он все колебался. В душе он был еще большим трусом, чем предполагал Уильям Сесиль Клейтон.

Что бы он сделал, — так и осталось неизвестным, потому что налицо оказалась еще одна сила, о существовании которой никто не подозревал, но которая должна была иметь огромное значение в жизни этой горсти людей, затерянных на негостеприимном берегу Африки.

Из густой листвы находящегося вблизи дерева два зорких глаза внимательно следили за каждым движением каждого из пришельцев.

Тарзан видел, какое изумление было вызвано его запиской, и хотя он и не мог понять ни одного слова из разговорного языка этих странных людей, но жесты и выражения лиц сказали ему многое.

Поступок маленького матроса с крысиным лицом, убившего одного из своих товарищей, уже тогда вызвал в Тарзане сильное отвращение.

А теперь, когда он увидел, что матрос ссорится с красивым молодым человеком, враждебность его к нему еще усилилась.

Тарзан никогда до того дня не видел действия огнестрельного оружия, хотя знал об этом кое-что из книг. Но когда он заметил, что «крысья морда» хватается за рукоять револьвера, он вспомнил ссору у лодки и, конечно, счел, что молодой человек будет так же убит, как перед тем великан-матрос.

И вот, Тарзан положил отравленную стрелу на свой лук и нацелился в неприятного матроса. Но зелень была так густа, что он тотчас же понял, что стрела непременно будет отклонена листьями или маленькой веткой. И тогда вместо стрелы он пустил со своего воздушного наседа тяжелое копьё.

Клейтон отошел на какие-нибудь десять шагов. Матрос с крысиным лицом вытащил наполовину свой револьвер, остальные матросы с напряженным вниманием следили за происходившим.

Профессор Портер уже исчез в джунглях, куда за ним последовал и суетливый Самюэль Т. Филандер, его секретарь и ассистент.

Негритянка Эсмеральда выбирала багаж своей госпожи из груды тюков и ящиков у дверей хижины, а мисс Портер повернувшись, пошла за Клейтоном, когда вдруг что-то заставило ее обернуться к матросу.

И тогда почти одновременно случились три вещи: матрос выхватил свой револьвер и прицелился в спину Клейтона, мисс Портер вскрикнула, и длинное, с металлическим острием, копьё сверкнуло сверху, как молния, и пронзило насквозь правое плечо человека с крысиным лицом.

Револьвер бесцельно разрядился в воздух, а матрос весь съежился и вскрикнул от боли и ужаса.

Клейтон обернулся и побежал к месту происшествия.

Перепуганные матросы с револьверами в руках вглядывались в джунгли. Раненый стонал и корчился на земле.

Клейтон незаметно поднял упавший револьвер и спрятал его у себя на груди, затем подошел к группе матросов.

— Кто это мог быть? — шепнула Джэн Портер, и молодой человек, обернувшись, увидел, что она стоит почти рядом, с широко раскрытыми от изумления глазами.

— Думаю, что этот Тарзан, из племени обезьян, хорошо следит за всеми нами, — ответил он неуверенным тоном.

— Не знаю, для кого было предназначено это копьё. Если для Снайпса, в таком случае наш обезьяний друг — друг на самом деле. Но, клянусь Юпитером, где ваш отец и мистер Филандер? Здесь есть кто-то или что-то в этих джунглях, и это что-то, кто бы оно ни было, вооружено. Мистер Филандер! Профессор! Мистер Филандер! Сюда! — крикнул молодой Клейтон.

Ответа не было.

— Что же нам делать, мисс Портер? — продолжал молодой человек с лицом, омраченным выражением недоумения и нерешительности. — Я не могу оставить вас здесь одну с этими разбойниками, и вы, конечно, не можете рисковать идти со мной в джунгли. Но кто-нибудь должен отправиться на поиски вашего отца. Он более чем способен бесцельно бродить, не обращая внимания на опасность и на выбор дороги. А м-р Филандер лишь чуточку менее непрактичен, чем он. Вы простите меня за откровенность, но жизнь всех нас в такой опасности здесь, что, когда мы разыщем вашего отца, ему надо будет внушить, какому риску он подвергает и нас и самого себя своею рассеянностью.

— Вполне согласна с вами, — ответила девушка, — и нимало не обижаюсь. Бедный, милый папа отдал бы жизнь за меня, не колеблясь ни минуты, если бы только ему удалось на мгновение задержать свое внимание на таком легкомысленном предмете. Но удержать его от опасности можно — разве только приковав его на цепь к дереву. Бедный, милый папа, он такой непрактичный!

— Нашел! — вдруг воскликнул Клейтон. — Умеете ли вы обращаться с револьвером?

— Умею. Почему вы спрашиваете?

— У меня есть револьвер. С ним вы и Эсмеральда будете в сравнительной безопасности в хижине, я же пока пойду разыскивать вашего отца и м-ра Филандера. Итак, позовите Эсмеральду, а я поспешу на розыски. Они еще не могли уйти далеко.

Джэн Портер сделала так, как ей посоветовали, и когда Клейтон увидел, что дверь плотно закрылась за женщинами, он направился в джунгли.

Некоторые из матросов пытались вытащить копьё из раны их товарища. Клейтон подошел и попросил одолжить ему на время

револьвер, пока он будет разыскивать в джунглях профессора.

Когда матрос с крысыим лицом убедился, что он еще жив, к нему вернулось все его бывшее нахальство. Со страшными ругательствами он отказал Клейтону от имени всех своих товарищей дать какое бы то ни было огнестрельное оружие.

С тех пор как убили их прежнего предводителя, этот Снайпс взял на себя роль вождя, и никто из товарищей еще не оспаривал его авторитета.

Клейтон только пожал плечами, но когда он отошел немного, то подобрал копье, которое пронзило Снайпса, и, вооруженный этим первобытным оружием, сын тогдашнего лорда Грейстока пошел в непроходимые джунгли.

Каждые несколько минут он громко звал по имени профессора и его ассистента. Следившие за ним из хижины женщины слышали, как звук его голоса становился все слабее и слабее, пока, наконец, его совсем поглотили мириады шумов первобытного леса.

Когда профессор Архимед Кв. Портер и его ассистент, Самюэль Т. Филандер, после долгих настойчивых уговоров последнего, решились, наконец, повернуть свои стопы к лагерю, то они, хотя этого и не сознавали, безнадежно заблудились в диком и запутанном лабиринте джунглей.

Еще чудо, что они направились к западному берегу Африки, а не к Занзибару на противоположной стороне Черного Континента.

Когда они добрались до берега и не нашли лагеря, Филандер стал уверять, что они находятся к северу от места своего назначения, в то время, как на самом деле они были в двухстах ярдах на юг от него.

В голову этих непрактичных теоретиков ни разу не пришло громко крикнуть, чтобы привлечь внимание своих друзей. Вместо того, с непоколебимой уверенностью, созданной дедуктивными рассуждениями, основанными на ложной предпосылке, мистер Самюэль Т. Филандер крепко ухватил за руку профессора Архимеда Кв. Портера и, несмотря на слабый протест старого джентльмена, повлек его по направлению Кантоуна, находящегося в тысячи пятистах милях к югу.

Когда Джэн Портер и Эсмеральда увидели себя в безопасности за дверью хижины, первой мыслью негритянки было забаррикадировать дверь изнутри. Она обернулась, чтобы поискать что-нибудь

подходящее для этой цели. Но взгляд, брошенный во внутренность хижины, вызвал у нее крик ужаса, и, подобно испуганному ребенку, громадная черная женщина побежала к своей госпоже, чтобы спрятать лицо на ее плече.

Джэн Портер, обернувшись на этот крик, увидела причину его — лежащий ничком на полу скелет мужчины. Другой взгляд — и она увидела второй скелет на постели.

— В каком мы ужасном месте! — прошептала пораженная ужасом девушка. Но в страхе ее не было паники.

Наконец, освободившись от неистовых объятий все еще орущей Эсмеральды, Джэн Портер перешла через всю комнату, чтобы заглянуть в маленькую колыбель, уже зная наперед, что она увидит, раньше, чем крошечный скелетик открылся перед нею во всей своей жалостной и трогательной хрупкости.

О какой страшной трагедии говорили эти бедные кости? Девушка вздохнула, при мысли о том, какие случайности могут ожидать ее и ее друзей в этой роковой хижине, какие признаки таинственных и, быть может, враждебных существ реют над нею.

Но она пересилила себя и, нетерпеливо топнув маленькой ножкой, постаралась отогнать мрачные предчувствия. Затем, обратясь к Эсмеральде, велела ей прекратить свои вопли.

— Молчите, Эсмеральда, молчите сию же минуту! — крикнула она. — От вашего крика только хуже. Господи, я никогда не видела такого большого младенца!

Она dokonчила эти слова с грехом пополам и с маленькой дрожью в собственном голосе, вспомнив о трех мужчинах, на покровительство которых она рассчитывала и которые скитались теперь в глубинах ужасного леса.

Вскоре девушка увидела, что дверь была снабжена внутри тяжелой деревянной перекладной, и, после нескольких попыток, соединенные силы обеих женщин помогли, наконец, им вдвинуть ее на место в первый раз после двадцати лет.

Тогда они, обнявшись, сели на скамейку и стали ждать.

XIV

ВО ВЛАСТИ ДЖУНГЛЕЙ

После того, как Клейтон исчез в зарослях, бунтовщики принялись спорить о своих дальнейших намерениях. В одном они все были согласны, что им следует поспешить вернуться на стоящий на якоре «Арроу», где они могли быть в полной безопасности по крайней мере от копий незримого врага. Итак, пока Джэн Портер с Эсмеральдой баррикадировались в хижине, трусливая шайка поспешно гребла к своему кораблю в двух лодках, доставивших их на берег.

В этот день Тарзан увидел столько всего, что его голова шла кругом. Но самое удивительное зрелище из всех было для него — лицо прекрасной белой девушки.

Наконец, тут одна из его собственной породы, — в этом он не сомневался! И молодой человек и оба старика также были именно такими, какими он рисовал себе людей.

Наверно и они так свирепы и жестоки, как и другие люди, которых он видел. Тот факт, что они были безоружны, служил вероятно объяснением, почему они еще никого не убили. Быть может, они были совсем другими, если бы у них в руках оказалось оружие.

Тарзан видел, как молодой человек поднял упавший револьвер раненого Снайпса и спрятал его у себя на груди, и он видел также, как он осторожно передал его девушке, когда та входила в хижину.

Тарзан не понимал ничего в их мотивах, но так или иначе, интуитивно, молодой человек и оба старика ему нравились, а к молодой девушке он чувствовал странное влечение, которое он едва понимал. Что же касается большой черной женщины, она, очевидно, каким-то образом имела отношение к молодой девушке, и потому она тоже ему нравилась.

К матросам, и в особенности к Снайпсу, Тарзан определенно чувствовал ненависть. Он знал по их угрожающим жестам и по выражению их скверных лиц, что они были врагами той другой группы, и потому решил тайно за ними присматривать.

Тарзан дивился, почему мужчины пошли в джунгли, но ему и в голову не могло прийти, что можно заблудиться в спутанной чаще

низколесья, которая для него была также ясна, как для вас главная улица в родном вашем городе.

Когда он увидел, что матросы отплыли к кораблю, и сообразил, что девушка и ее спутница в безопасности в хижине, Тарзан решил пойти в джунгли вслед за молодым человеком и узнать, какое у него могло быть там дело. Он быстро помчался по направлению, избранному Клейтоном, и вскоре услышал слабые из-за расстояния и теперь уже лишь редкие оклики англичанина.

Вскоре Тарзан настиг белого человека; почти доведенный до истощения, тот прислонился к дереву, вытирая со своего лба пот. Обезьяна-человек, безопасно скрытый за ширмой листвы, сидел и внимательно изучал этот новый экземпляр своего собственного рода.

По временам Клейтон громко кричал, и, наконец, Тарзан понял, что он ищет стариков.

Тарзан собрался-было сам идти на поиски за ними, как вдруг заметил желтый блеск гладкой лоснящейся шкуры, осторожно пробиравшейся сквозь джунгли к Клейтону. Это был леопард Шита. Теперь Тарзан слышал тихое шуршание трав и удивлялся, почему белый молодой человек не насторожился. Могло ли быть, чтобы он не слышал громких шагов? Никогда раньше Тарзан не видел Шиту таким неуклюжим. Но нет, белый человек ничего не слышал. Шита приготовился к прыжку, и тогда, в тишине джунглей, раздался пронзительный и леденящий кровь боевой крик человека-обезьяны.

Шита повернулся и, с треском ломая ветви, исчез в кустах.

Клейтон вскочил, содрогаясь. Кровь застыла у него в жилах. Никогда во всей его жизни такой ужасающий крик не раздирал ему уши. Он далеко не был трусом, но если когда-либо мужчина чувствовал ледяные пальцы страха на своем сердце, Уильям Сесиль Клейтон, старший сын лорда Грэйсто-ка из Англии, почувствовал их в этот день в глуши африканских лесов.

Треск кустов под прыжком громадного тела, кравшего так близко рядом с ним, и звук ужасного крика сверху — испытали до последних пределов мужество Клейтона. Он не мог знать, что этому крику он был обязан жизнью и что, издавший его был его двоюродным братом, настоящим лордом Грейстоком.

День склонялся к закату, и Клейтон, растерянный и упавший духом, был в страшном затруднении, как ему лучше поступить,

продолжать ли поиски профессора Портера, подвергая себя почти верной гибели в джунглях ночью, или же вернуться в хижину, где, по крайней мере, он мог быть полезен, защищая Джэн Портер от опасностей, угрожавших ей со всех сторон.

Ему не хотелось возвращаться в лагерь без ее отца; а еще более не хотелось ему оставлять ее одну беззащитной среди бунтовщиков с «Арроу» и сотни других неведомых опасностей джунглей.

— «Возможно ведь», думал он, — «что профессор и Фи-ландер уже вернулись. Да, это более чем правдоподобно». Он решил во всяком случае идти к лагерю и убедиться в этом прежде, чем продолжать дальнейшие поиски. И, таким образом, спотыкаясь в густом и спутанном низколесье, он двинулся по направлению, где, как ему казалось, находилась хижина.

К своему удивлению, Тарзан увидел, что молодой человек идет все дальше — прямо к поселку Мбонги, и его проницательный ум подсказал ему, что пришелец просто заблудился.

Это казалось почти невероятным; но его разум подсказывал ему, что ни один человек не отважится сознательно идти в поселок жестоких чернокожих, вооруженный одним лишь копьем, которое, по-видимому, было непривычным оружием для белого человека. Он отходил к тому же и от следа стариков. Этот след он почему-то оставил далеко позади, хотя он был ясный и свежий перед глазами Тарзана.

Тарзан недоумевал. В свирепых джунглях, незащищенный чужеземец явится легкой добычей, если его не довести быстро до берега.

Вот уже лев Нума выслеживает белого человека в двенадцати шагах от него справа!

Клейтон слышал, что какое-то большое животное идет параллельно с ним. Внезапно в вечернем воздухе раздался громовый рев зверя. Человек остановился с поднятым копьем, лицом к кусту, из которого раздался ужасный звук. Тени сгущались, темнота спускалась на землю.

Боже! Умереть здесь одному, под клыками диких зверей; быть истерзанным и изорванным, чувствовать горячее дыхание зверя на своем лице в то время, как громадные лапы раздавят ему грудь!

Одно мгновение все было тихо. Клейтон стоял неподвижно, с поднятым копьем. Теперь слабый шорох в кустах известил его, что животное крадется к нему. Оно уже готовилось прыгнуть. И вот он

увидел его всего в двадцати шагах от себя, — извилистое длинное мускулистое тело и бурую голову громадного льва с черной гривой.

Животное лежало на брюхе, двигаясь вперед очень медленно. Когда глаза его встретили глаза Клейтона, лев остановился и осторожно подобрал под себя задние лапы.

В порыве мучительного отчаяния человек ждал, боясь бросить копье, не имея сил бежать.

В ветвях над его головой раздался шум. — «Новая опасность» — мелькнуло у него в уме, но он не решился отвести глаз от горевших перед ним желто-зеленых зрачков. Раздался резкий звук, словно порвалась струна мандолины, и стрела вонзилась в желтую шкуру льва.

С ревом боли и гнева животное прыгнуло, но Клейтон как-то отскочил в сторону, и когда он обернулся снова к обезумевшему царю зверей, то был ошеломлен представившимся его взорам зрелищем. В тот момент, когда зверь повернулся, чтобы возобновить свое нападение, голый гигант спрыгнул с дерева прямо на его спину.

Как молния, рука, свитая из железных мускулов, окружила громадную шею, и большое животное, рычащее и рвущее когтями воздух, было поднято так ловко, как Клейтон поднял бы комнатную собачку.

Зрелище, которому он был свидетелем здесь, в сумеречной глуши африканских джунглей, навсегда врезалось в памяти англичанина.

Стоящий перед ним человек являлся олицетворением физического совершенства и гигантской силы. Но не на этом зиждилась его уверенность в бою с большой кошкой, потому что, как бы ни были могучи его мускулы, они были ничто по сравнению с мускулами Нумы. Ловкости, уму и своему длинному острому ножу был он обязан своим превосходством.

Он охватил правой рукой шею льва, в то время как левая рука несколько раз кряду всаживала нож в незащищенный бок зверя у его левого плеча. Разъяренное животное, поднятое на дыбы, беспомощно боролось в этом неестественном положении.

Если бы бой продлился еще несколько секунд, исход его мог быть иным. Но все произошло так быстро, что, прежде чем лев оправился от столь неожиданного нападения, он свалился мертвым на землю.

Тогда странная фигура победителя выпрямилась во весь рост над трупом льва и, откинув назад дикую и прекрасную голову, издала тот самый страшный крик, который несколько минут перед тем так испугал Клейтона.

Он видел перед собой молодого человека, совершенно голого, за исключением повязки на бедрах и нескольких варварских украшений на руках и ногах. На груди, ярко выделяясь на гладкой коричневой коже, сверкал драгоценный брильянтовый медальон. Охотничий нож был уже вложен в самодельные ножны, и человек поднимал с земли свой лук и стрелы, брошенные перед прыжком на льва.

Клейтон заговорил с незнакомцем по-английски, благодаря его за смелое спасение и приветствуя изумительную силу и ловкость, выказанные им. Но единственным ответом был уверенный взгляд и легкое пожимание могучих плеч, которое могло означать или пренебрежение оказанной услугой, или незнание языка Клейтона.

Закинув за плечи лук и колчан, дикий человек — таким Клейтон считал его теперь — снова вытащил нож и ловко вырезал дюжину широких полосок из туши льва. Тогда, усевшись, на корточки, он принялся поедать мясо, сделав сначала знак Клейтону, чтобы и он присоединился к нему.

Крепкие зубы с явным удовольствием вонзались в сырое мясо, с которого еще капала кровь. Но Клейтон не мог заставить себя разделить это пиршество со своим странным хозяином. Он наблюдал за ним, и у него зародилось убеждение, что это и есть Тарзан, записку которого этим утром он видел прибитой к двери хижины.

Если это так, то он должен говорить по-английски. Снова Клейтон пытался завести разговор с обезьяной-человеком; но ответы, теперь устные, были сказаны на странном языке, похожем на бормотание мартышек, смешанное с рычанием какого-нибудь дикого зверя.

Нет, это не мог быть Тарзан; было очевидно, что английского языка он совершенно не знает.

Когда Тарзан кончил есть, он встал и, указывая на совершенно другое направление, чем то, по которому шел Клейтон, пошел вперед сквозь джунгли.

Ошеломленный Клейтон колебался, следовать ли за ним, потому что он боялся, не ведет ли его дикарь еще глубже в чащу лесов. Но обезьяна-человек, видя, что он не идет, вернулся и, схватив его за

платье, тащил за собой до тех пор пока Клейтон понял, что от него требуется; тогда ему позволили идти добровольно.

Придя к заключению, что он в плену, англичанин не видел иного исхода, как следовать за тем, кто взял его в плен. Таким образом они медленно пробирались по джунглям, в то время как мягкая мантия непроницаемой лесной ночи легла на них. Кругом раздавались крадущиеся шаги мягких лап, смешанные с хрустением ломающихся веток и с дикими зовами лесных тварей, которые, как казалось Клейтону, окружили его со всех сторон.

Внезапно Клейтон услышал слабый звук огнестрельного оружия. Последовал один только выстрел, и затем наступила тишина.

В хижине на берегу две смертельно напуганные женщины прижимались друг к другу на низенькой скамейке в сгущающейся темноте.

Негритянка истерично рыдала, оплакивая несчастный день своего отъезда из дорогого родного Мэриленда, а белая девушка, с сухими глазами и внешне спокойная, мучилась внутренними страхами и предчувствиями. Она боялась и за себя и за тех трех человек, скитающихся в бездонной глубине диких джунглей, из которых теперь доносились почти непрерывные крики и рев, лай и рычание страшных обитателей джунглей, искавших добычу.

И вдруг послышался звук тяжелого тела, которое терлось о стены хижины. Девушка различала крадущиеся, мягкие шаги. На мгновение наступила тишина. Даже дикие крики в лесу стихли до слабого шепота. А затем она ясно услышала фырканье животного у двери, не дальше двух футов от того места, где она притаилась. И инстинктивно девушка содрогнулась и прижалась ближе к черной женщине.

— Тс... тише! — шепнула она, — тише, Эсмеральда, — так как стоны и рыдания женщины, казалось, привлекали зверя за тонкой стеной.

У двери раздался слабый звук царапанья. Зверь пытался насильно ворваться в хижину; но скоро бросил, и опять девушка услышала, как огромные лапы мягко крадутся кругом хижины. Снова шаги остановились — на этот раз под окном, и туда теперь устремились испуганные взоры девушки.

— Боже! — шепнула она в ужасе. В маленьком квадрате окна, силуэтом на освещенном луной небе, вырисовывалась голова

громадной львицы. Горящие глаза ее были со сосредоточенной яростью устремлены на девушку.

— Эсмеральда, смотрите, — шепнула она. — Боже мой! Что нам делать? Смотрите! Скорей! Окно!

Эсмеральда, еще ближе прижимаясь к своей госпоже, бросила один испуганный взгляд на маленький квадрат лунного света как раз, когда львица издала глухое, свирепое рычанье.

Зрелище, представившееся глазам бедной негритянки, было чересчур потрясающее для ее натянутых нервов.

— О, Габерелле! — завопила она и скользнула на пол неподвижной и бесчувственной массой.

Долго, бесконечно долго стояла львица у окна, положив на подоконник лапы, и смотрела во все глаза в комнату. И вот она попробовала своими большими когтями крепость решетки.

Девушка почти перестала дышать, когда, к ее облегчению, голова зверя исчезла и она услышала его удаляющиеся шаги. Но шаги снова приблизились к двери, снова началось царапание, — на этот раз — со все растущей силой, пока, наконец, зверь не стал рвать массивные доски в полном бешенстве от желания схватить беззащитную жертву.

Если бы Джэн Портер знала о невероятной крепости двери, сколоченной часть за частью, она бы меньше опасалась за нападение львицы с этой стороны.

Могло ли прийти в голову Джону Клейтону, когда он сколачивал эту грубую, но могучую дверь, что, двадцать лет спустя, она защитит от клыков и когтей львицы прекрасную американскую девушку, тогда еще не родившуюся?

Целые двадцать минут зверь фыркал и бился около двери, по временам издавая дикий, свирепый рев обманутого бешенства. Под конец он бросил здесь свои попытки, и Джэн Портер услышала, что львица возвращается к окну, под которым она остановилась на мгновение, а затем бросилась всей своей огромной тяжестью на ослабевшую от времени решетку.

Девушка слышала, как скрипели деревянные брусья под напором; но они удержались, и огромное тело зверя свалилось обратно на землю.

Львица повторяла этот маневр, пока, наконец, перепуганная пленница не увидела, что часть решетки поддалась, и через мгновение

большая лапа и голова животного пролезли в комнату.

Могучая шея и плечи медленно раздвигали брусья, и гибкое тело старалось проникнуть все дальше и дальше.

Словно в исступлении девушка встала, держа руку на груди, с широко раскрытыми от ужаса глазами, устремленными на оскаленную морду зверя, стоявшего не дальше десяти футов от нее. У ног Джэн лежало бесчувственное тело негритянки. Если бы только ей удалось привести ее в чувство, быть может, их объединенными усилиями удалось бы заставить отступить вторгшегося к ним свирепого и кровожадного врага.

Джэн Портер склонилась к служанке и схватила ее за плечи, сильно тряся ее.

— Эсмеральда! Эсмеральда! — кричала она. — Помоги мне, или мы погибли.

Эсмеральда медленно открыла глаза. Первый предмет, который она увидела, были покрытые пеной клыки громадного зверя.

С криком ужаса бедная женщина встала на четвереньки и забегала в этом положении по комнате, пронзительно вопя:

«О, Габерелле! О, Габерелле!».

Эсмеральда весила около двухсот восьмидесяти фунтов, что не способствовало воздушной стройности ее фигуры, даже когда она ходила выпрямившись. Но ее суетливость, соединенная с ее крайней тучностью, производили невыразимо комическое впечатление, когда Эсмеральда находила нужным передвигаться на четвереньках.

Львица на одно мгновение затихла, пристально устремив глаза на мелькавшую Эсмеральду, избравшую, по-видимому, свою целью шкаф, в который она намеревалась всунуть свое огромное тело. Но так как полки были лишь на расстоянии девяти или десяти дюймов друг от друга, ей удалось всунуть туда только голову, после чего с таким неистовым визгом, перед которым бледнели все крики джунглей, она снова упала в обморок.

Когда Эсмеральда утихла, львица возобновила свои усилия пролезть сквозь ослабевшую решетку.

Девушка стояла бледная и неподвижная у задней стены и искала со все возрастающим ужасом какую-либо лазейку для спасения. Внезапно рука ее, крепко прижатая к груди, нащупала твердые очертания револьвера, который Клейтон уходя оставил ей. Быстро

выхватив его из-за корсажа, она, целясь прямо в морду львицы, спустила курок.

Блеснуло пламя, послышался грохот выстрела и ответный на него рев боли и гнева зверя.

Джэн Портер увидела, что большая туша исчезла из окна, и тогда и она упала в обморок, уронив револьвер.

Но Сабор не была убита. Пуля лишь нанесла ей болезненную рану в плечо; только неожиданность ослепительной вспышки огня и оглушающий грохот были причиной ее поспешного, но временного отступления. Еще мгновение, и она с удвоенной яростью вернулась к решетке и принялась рвать ее когтями, но с меньшим успехом, чем прежде, так как раненая лапа была почти бесполезна.

Она видела перед собой свою добычу — двух женщин, распростертых на полу; здесь не нужно будет больше бороться, сопротивления не будет. Мясо лежало перед ней готовое, и Сабор оставалось только пробраться через решетку, чтобы схватить его.

Дюйм за дюймом, с трудом протискивала она через отверстие свое большое туловище. Вот прошла голова, вот пролезло одно большое предплечье, и затем она осторожно подняла раненую лапу, чтобы втиснуть ее между узкими брусками.

Еще минута — и длинное гибкое тело и узкие бедра быстро скользнут в хижину.

XV

ЛЕСНОЙ БОГ

Когда Клейтон услышал выстрел, им овладели мучительные опасения. Он знал, что кто-нибудь из матросов мог произвести этот выстрел, но мысль, что он дал револьвер Джэн Портер и его расстроенные нервы вызвали в нем болезненную уверенность, что именно ей угрожает какая-то большая опасность и что, быть может, теперь она пытается защитить себя от нападения человека или зверя.

Какие мысли мелькали у странного похитителя или спутника его, Клейтон мог только предполагать; но то, что он слышал выстрел и был им почему-то сильно возбужден, было вполне очевидно; он настолько

ускорил шаг, что Клейтон, спотыкаясь в темноте, ежеминутно падал в тщетном усилии поотстать и скоро все же остался безнадежно позади.

Боясь снова заблудиться, он громко крикнул дикому человеку впереди него и через минуту с радостью убедился, что тот легко спрыгнул с дерева рядом с ним.

С минуту Тарзан пристально глядел на молодого человека, точно не зная, как лучше поступить. Затем, согнувшись перед Клейтоном, он показал ему жестом, чтобы тот схватил руками его шею и с белым человеком на спине Тарзан понесся по деревьям.

Следующие затем мгновения были такие, что молодой англичанин не мог их забыть никогда. Высоко среди гнущихся и раскачивающихся веток он несся с быстротой казавшейся ему невероятной, в то время как Тарзан был недоволен медленностью своего продвижения.

Таинственное существо, неся его на спине, легко перебрасывалось по головокружительной дуге с одной высокой ветки на другую, затем на протяжении, быть может, ста ярдов шло верными шагами через лабиринт переплетенных деревьев, балансируя, как веревочный плясун, высоко над черными глубинами зеленых зарослей внизу.

От первого ощущения холодящего страха Клейтон перешел к чувству пылкого восхищения и зависти к гигантским мускулам и изумительному инстинкту или знанию, которое вело лесного бога сквозь чернильную темноту ночи так легко и верно, как сам Клейтон мог прогуливаться по лондонским улицам в яркий полдень.

По временам они выходили на места, где нависавшая листва была реже и яркие лучи месяца освещали перед изумленными взорами Клейтона тот странный путь, по которому они шли.

В такие минуты у Клейтона захватывало дух при виде страшных глубин под ним. Тарзан выбирал самый краткий путь, который часто шел на сотни футов над землей.

И все же, несмотря на всю кажущуюся спешность, Тарзан на самом деле двигался сравнительно медленно, постоянно выбирая ветви достаточно крепкие для поддержания их двойного веса.

Но вот они добрались до поляны у берега. Чуткий слух Тарзана уловил странные звуки, производимые усилиями Сабор, протискивающейся через решетку, и Клейтону показалось, что они мигом слетели на сто футов, — так быстро спустился Тарзан. Однако, когда они коснулись земли, Клейтон едва почувствовал толчок;

спрыгнув со спины обезьяны-человека, он увидел, как тот с быстротою белки метнулся к противоположному фасаду хижины.

Англичанин кинулся за ним как раз вовремя, чтобы увидеть задние лапы какого-то громадного зверя, готовящегося исчезнуть в окне хижины.

Когда Джэн Портер открыла глаза и снова увидела перед собой угрожающую ей гибель, ее смелое молодое сердце отказалось от последнего призрака надежды и она наклонилась, чтобы подобрать упавший револьвер, решив прибегнуть к милосердной смерти от револьвера прежде, чем жестокие клыки будут рвать ее тело.

Львица уже почти вся вошла в комнату через отверстие прежде, чем Джэн нашла оружие, и она быстро приложила его себе к виску, чтобы навсегда избежать ужасных челюстей, уже раскрывшихся, чтобы схватить свою добычу.

Одно мгновение девушка колебалась. В эту минуту глаза ее упали на бедную Эсмеральду, которая лежала неподвижно у шкафа.

Может ли Джэн оставить бедное, преданное ей существо в добычу беспощадным желтым клыкам? Нет, она должна сперва выпустить одну пулю в лежащую в обмороке женщину, а уже потом обратить дуло револьвера на себя.

Какая ужасная обязанность! Но было бы в тысячу раз менее простительной жестокостью дать негритянке, воспитавшей ее с детских лет со всей заботливостью и нежностью матери, прийти к сознанию под терзающими когтями большой кошки.

Джэн Портер решительно встала на ноги и подбежала к Эсмеральде. Она плотно прижала дуло револьвера к преданному ей сердцу, закрыла глаза и ...

Сабор издала ужасающий вой.

Девушка, ошеломленная, спустила курок и, обернувшись к зверю, тем же движением подняла револьвер и приложила его к своему виску.

Она не выстрелила во второй раз потому, что с изумлением увидела, что кто-то медленно вытаскивает огромное животное обратно через окно, за которым в лунном свете она рассмотрела головы и плечи двух мужчин.

Когда, обежав вокруг хижины, Клейтон увидел исчезающее в окне животное, он увидел также, как обезьяна-человек, схватив обоими

руками длинный хвост и упираясь ногами в стены хижины, напряг всю свою богатырскую силу в попытке вытащить зверя из комнаты.

Клейтон быстро подбежал на помощь ему, но обезьяна-человек протараторил ему что-то повелительным и непреклонным тоном, и Клейтон понял, что это приказание, хотя не мог разобрать его.

Наконец, под рывками огромное тело стало все больше и больше выходить из окна, и тогда только Клейтон понял, насколько был дерзок и смел поступок его спутника.

Поступок голого человека, тянущего за хвост упирающееся и ревущее чудовище, для спасения чужой ему белой девушки, был действительно последним словом героизма.

Что же касалось Клейтона, тут дело обстояло иначе, так как девушка не только принадлежала к его расе, но была единственной женщиной во всем мире, которую он любил. И хотя он знал, что львица быстро покончит с ними обоими, он тащил ее за хвост, желая удержать ее от Джэн Портер. Затем он вспомнил бой между этим человеком и огромным львом с черной гривой и стал чувствовать большую уверенность.

Тарзан все еще отдавал приказания, которые чужестранец никак не мог понять.

Он пытался растолковать глупому человеку, чтобы тот вонзил его смертоносные стрелы в спину и бока Сабор и всадил ей в сердце длинный острый нож, висевший у его бедра. Но человек не понимал, а Тарзан не смел отпустить могучую Сабор, чтобы сделать это самому, потому что он видел, что тщедушному белому человеку ни за что не удержать львицу.

Она медленно появлялась из окна. Наконец, ее плечи оказались снаружи.

И тогда Клейтон увидел нечто, чего вечные небеса никогда не видели до тех пор. Тарзан, напрягая свой мозг в поисках найти средство справиться в единоборстве с разъяренным зверем, внезапно вспомнил свою битву с Теркозом. И когда большие плечи высунулись из окна так, что львица висела на подоконнике только своими передними лапами, Тарзан внезапно выпустил зверя из рук.

Быстро, как стрела, вскочил он на спину Сабор.

Он вспомнил прием, которому был обязан победой над свирепым Теркозом, и руки его протянулись над мышцами зверя, охватив его

шею.

Львица с воем повернулась на спину и навалилась всей тяжестью на врага. Но черноволосый гигант только крепче сжал ее своими руками.

Терзая землю лапами, Сабор каталась и бросалась туда и сюда в попытке сбросить с себя странного противника. Но все крепче и крепче напрягались стальные мышцы и все больше и больше пригибали вниз голову зверя.

Стальные предплечья обезьяны-человека забирались все выше к затылку Сабор. Усилия львицы становились слабее.

Наконец, Клейтон увидел под серебристым светом луны, как огромные мускулы Тарзана вздулись узлами на его предплечьях. Еще одно долгое, нечеловеческое усилие — и позвонки шеи Сабор переломились с резким хрустом.

Тарзан мгновенно вскочил на ноги, и Клейтон опять услышал дикий небесный рев самца-обезьяны. Затем раздался мучительный крик Джэн Портер.

— Сесиль м-р Клейтон! О, что это такое, что это такое? Клейтон подбежал к двери хижины, крикнул, что все хорошо, и просил впустить его. Джэн, как только могла быстрее, подняла тяжелый брус и почти втащила Клейтона в комнату.

— Что это был за страшный крик? — шепнула она, близко прижимаясь к нему.

— Победный крик человека, который только что спас нам жизнь, мисс Портер. Подождите, я позову его, чтобы вы могли его поблагодарить.

Испуганная девушка не хотела оставаться одна и пошла вместе с Клейтоном к стене хижины, где лежало мертвое тело львицы. Тарзан скрылся. Клейтон позвал его несколько раз, но ответа не было, и они оба вернулись в хижину, где все были в сравнительной безопасности.

— Что за крик! — сказала Джэн Портер. — Я содрогаюсь при одной мысли о нем. Не говорите мне, что этот отвратительный крик был издан человеческим голосом.

— Но это так, мисс Портер, — ответил Клейтон, — или во всяком случае, если не человеческим горлом, то горлом лесного бога.

И затем он рассказал ей о своих приключениях с этим странным существом, — как дикий человек дважды спас ему жизнь, — о его

изумительной силе, быстроте и храбрости, о его смуглой коже и прекрасном лице.

— Я ничего не могу понять во всем этом, — объявил он в заключение. — Сначала я думал, что это быть может, Тарзан из обезьяньего племени. Но он не говорит и не понимает по-английски, так что это предположение не подходит.

— Что ж, кто бы он ни был, — воскликнула девушка, — мы обязаны ему спасением нашей жизни, и да благословит его бог и хранит его в безопасности в его диких и свирепых джунглях.

— Аминь, — сказал горячо Клейтон.

— Господи боже, жива ли я еще? — раздался подле них голос.

Оба обернулись и увидели, что Эсмеральда сидит на полу, вращая туда и сюда свои большие глаза, и как будто не может поверить их свидетельству о том месте, где она находится.

Рев львицы спас жизнь негритянке, потому что, вздрогнув, девушка повернула дуло револьвера в другую сторону, и пуля попала в пол.

А теперь для Джэн Портер наступила реакция, и она бросилась на скамейку с истерическим хохотом.

XVI

«В ВЫСШЕЙ СТЕПЕНИ ЗАМЕЧАТЕЛЬНО»

В нескольких милях на юг от хижины, на песчаной косе пустынного берега, стояли два старых джентльмена и рассуждали.

Перед ними расстилался безбрежный Атлантический океан; за их спиною был Черный Континент, а вокруг, в неясных очертаниях, надвигалась, непроницаемая темнота джунглей.

Дикие звери ревели и рычали, шумы отвратительные и жуткие осаждали им уши. Они сделали уже несколько миль в поисках лагеря, но все время в ложном направлении. Они блуждали так же безнадежно, как если бы их внезапно переселили в другой мир.

Положение было жуткое, и, несомненно, каждый фибр их соединенных мыслительных способностей должен был быть сосредоточен на решении жизненного вопроса данной минуты, от которого зависели для них жизнь или смерть, — а именно вопроса о возвращении в лагерь.

Самюэль Т. Филандер ораторствовал:

— Но, дорогой мой профессор, я продолжаю отстаивать свою точку зрения, что, если бы не победа Фердинанда и Изабеллы над маврами пятнадцатого века в Испании, то мир в настоящий момент стоял бы на неизмеримо более высокой ступени культуры. Мавры по существу были терпимым и либеральнейшим народом земледельцев, ремесленников и торговцев — то есть тем типом народа, который создал цивилизацию подобную той, что мы видим теперь в Европе и Америке, — в то время, как...

— Ой, ой, дорогой м-р Филандер, прервал его профессор Портер, — сама религия их уже безусловно исключала ту возможность, на которую вы намекаете. Ислам был, есть и всегда будет могилой научного прогресса, который, как я отметил...

— Господи боже, профессор, — прервал м-р Филандер, обративший случайно свои взоры на джунгли, — к нам точно кто-то подкрадывается.

Профессор Архимед Кв. Портер рассеянно обернулся в направлении, указанном близоруким мистером Филандером.

— Ой, ой, м-р Филандер! — пожурил он. — Как часто должен я побуждать вас добиваться той полной сосредоточенности ваших умственных способностей, которая одна позволяет нам направить всю силу нашего интеллекта на многозначительные проблемы, выпадающие на долю высоких умов! Я снова ловлю вас на прямом нарушении вежливости. Вы прерываете мою ученую речь, — и только для того, чтобы обратить мое внимание на простое четвероногое *genus Felis*. Как я уже говорил, м-р...

— Господи боже, профессор, ведь это — лев! — крикнул м-р Филандер, напрягая свое слабое зрение в сторону смутных очертаний зверя на фоне темных тропических кустарников.

— Ну, да, м-р Филандер, лев — если вы настаиваете на употреблении просторечия в вашем разговоре. Но, как я говорил...

— Ради бога, профессор! — снова прервал его м-р Филандер.

— Позвольте мне вам заметить, что мавры, разбитые в пятнадцатом веке, вряд ли потерпят особый ущерб, если мы отложим вопрос о них до того времени, когда этот великолепный экземпляр *Felis carnivora* будет от нас подальше.

В это время лев подошел и с величавым спокойствием остановился в десяти шагах от людей, с любопытством следя за ними.

Лунный свет обливал берег, и странная группа рельефно выделялась на желтом песке.

— Крайне предосудительно, крайне предосудительно! — воскликнул профессор Портер, с легкой ноткой раздражения в голосе. — Никогда, м-р Филандер, никогда в жизни не случилось мне видеть, чтобы этим зверям позволяли выходить из клетки и бродить на свободе. Обязательно доложу о возмутительной небрежности директорам ближайшего зоологического сада.

— Вполне справедливо, — согласился м-р Филандер, — и чем скорее вы это сделаете, тем лучше. Пойдемте сейчас же!

Схватив профессора за руку, м-р Филандер начал удаляться от зверя.

Они прошли несколько шагов, когда, бросив взгляд назад, м-р Филандер открыл, что лев следует за ними. Он крепче прижал к себе руку протестующего профессора и ускорил походку.

— Как я уже говорил ... — снова начал профессор Портер. М-р Филандер бросил назад еще один быстрый взгляд.

Лев также припустил скорость и упрямо поддерживал то же расстояние.

— Он идет за нами! — крикнул м-р Филандер, бросаясь бежать.

— Ах, м-р Филандер, м-р Филандер — увещевал профессор.

— Эта неприличная поспешность совсем не к лицу ученым. Что будут думать о нас наши друзья, если случайно встретят нас на улице и будут свидетелями наших легкомысленных прыжков? Прошу вас, давайте идти с большим достоинством.

М-р Филандер бросил тайком еще один тревожный взгляд назад.

Ужас! Лев мчался легкими прыжками не дальше, как в пяти шагах от них.

Тогда, бросив руку профессора, м-р Филандер понесся вперед с такой лихорадочной быстротой, которая бы сделала ему честь на состязании в беге.

— Как я говорил, м-р Филандер ... — повторил профессор Портер, и вдруг тоже пустился со всех ног. Бросив беглый взгляд назад, он увидел в угрожающей близости к своей особе сверкание жестоких желтых глаз и огромную разинутую пасть.

С развевающимися фалдами пальто и освещенный луною мчался профессор Архимед Кв. Портер в своем блестящем цилиндре по следам улепетывающего м-ра Самюэля Т. Филандера.

Перед ними выдавался узкий мысок, заросший деревьями, и к этому-то убежищу и направил м-р Самюэль Т. Филандер свои изумительные прыжки, в то время как из тени этой рощи два зорких глаза с интересом наблюдали за паническим бегом стариков.

Это был Тарзан, который улыбаясь забавлялся этой странной игрой в перебежку. Он знал, что оба джентльмена были вне опасности от непосредственного нападения. Тот факт, что Нума воздержался от такой легкой добычи, говорил лесной мудрости Тарзана, что брюхо льва уже полно.

Лев может выслеживать их, пока не проголодается вновь, но были шансы и за то, что, если его не рассердят, он скоро утомится забавой и скроется в свое логовище в джунглях.

Единственной действительной опасностью являлось то, что один из стариков мог споткнуться и упасть, и тогда желтый дьявол будет на

нем в тот же миг, и радость убийства окажется слишком большим искушением, чтобы от нее воздержаться.

Итак Тарзан быстро спустился на более низкую ветку. И когда м-р Самюэль Филандер, запыхавшись и отдуваясь, очутился под ним уже слишком усталый, чтобы сделать еще одно усилие и искать безопасности на ветвях дерева, Тарзан перегнулся, схватил его за ворот и поднял на ветку рядом с собой.

Еще минута — и профессор в свою очередь, оказался в сфере достижения дружеской руки, и он тоже был подтянут вверх, как раз когда Нума, обманутый в своих ожиданиях, с ревом прыгнул, чтобы вернуть себе исчезающую добычу.

Несколько минут двое беглецов, порывисто дыша, цеплялись за большую ветку, в то время как Тарзан, усевшись спиной к стволу дерева, наблюдал их со смесью любопытства и веселости.

Первым прервал молчание профессор:

— Я глубоко огорчен, м-р Филандер, что вы проявили такое отсутствие мужества и смелости в присутствии одного из низших существ и вашей необычайной робостью заставили меня догонять вас и принять такое несоответствующее моему достоинству положение. Но возвращаюсь к нашей теме... Как я говорил, м-р Филандер, когда вы прервали меня, мавры...

— Профессор Архимед Кв. Портер! — перебил м-р Филандер ледяным тоном. — Настает время, когда терпение уже становится преступлением, а желание оскорбить облекается в мантию добродетели. Вы обвиняете меня в трусости. Вы намекаете, будто вы бежали только для того, чтобы догнать меня, а не для того, чтобы спастись от когтей льва. Берегитесь, профессор Архимед Кв. Портер! Я человек, впавший в отчаяние. Даже червяк, и тот, раздраженный долгим терпеливым страданием, поднимает свою голову.

— Тише, тише, м-р Филандер, — удерживал его профессор, — вы забываетесь.

— Я пока еще не забываюсь, профессор Архимед Кв. Портер, но, верьте мне, милостивый государь, я почти готов забыть ваше высокое положение в мире науки и ваши седые волосы!

Профессор несколько минут сидел молча, и темнота скрыла грозное выражение, появившееся на его морщинистом лице. И вот он заговорил:

— Послушайте, Скиппи Филандер, — сказал он воинственным тоном, — если вы ищете драки, то снимите свой сюртук и спуститесь на землю, и я пробью вам голову, как сделал это шестьдесят лет тому назад в переулке за гумном Норка Эванса.

— Арк! — воскликнул удивленный м-р Филандер. — Господи, как мило то, что вы говорите! Когда вы человечны, Арк, я люблю вас всем сердцем; но иногда мне кажется, что за последние двадцать лет вы забыли, что значит быть человечным.

Профессор протянул худую старческую руку, пока в темноте она не нащупала плечо своего друга.

— Простите, меня, Скиппи! — сказал он мягко. — Это было не совсем двадцать лет тому назад, и одному богу известно как усиленно я старался быть человечным ради Джэн.

Другая старая рука протянулась со стороны м-ра Филандера, и пожалала ту, которая лежала на его спине, и ничего не могло лучше передать вести одного сердца к другому.

Они молчали в продолжение нескольких минут. Лев под ними нервно шагал взад и вперед. Третье существо на дереве было скрыто густой тенью ствола. Оно тоже молчало, неподвижное, как резное изображение.

— Вы подняли меня на дерево как раз вовремя, — сказал, наконец, профессор. — Мне надо поблагодарить вас. Вы спасли мне жизнь.

— Но я не поднимал вас на дерево, профессор! — сказал м-р Филандер. — О, господи! Возбуждение той минуты почти заставило меня забыть, что и меня самого подняла сюда какая-то посторонняя рука. Кто-нибудь или что-нибудь находится с нами вместе здесь, на этом дереве!

— Э... — протянул профессор. — Вполне ли достоверно это ваше утверждение, м-р Филандер?

— Как нельзя более достоверно, профессор, — ответил м-р Филандер, — и — добавил он-я думаю, нам следует поблагодарить это третье лицо. Оно, быть может, сидит как раз рядом с вами теперь, профессор.

— Э! Что это такое? Ой, ой, м-р Филандер, ой, ой! — сказал профессор Портер, осторожно подвигаясь ближе к м-ру Филандеру.

Как раз тогда обезьяний приемыш решил, что Нума достаточно долго рыскает под деревом, и потому он поднял молодую свою голову

к небу, и затем в ушах перепуганных стариков раздался страшный предупреждающий крик антропоидов.

Оба приятеля, дрожа, прижимались друг к другу на своем ненадежном насесте; они увидели, что большой лев в беспокойстве остановился под деревом, когда крик, замораживающий кровь, поразил его слух, затем быстро скользнул в джунгли и мгновенно пропал из виду.

— Даже лев, и тот дрожит, — шепнул м-р Филандер.

— В высшей степени замечательно, в высшей степени замечательно! — пробормотал профессор, отчаянно хватаясь за м-ра Филандера, чтобы восстановить равновесие, которое потерял от страха. К несчастью для обоих, центр равновесия м-ра Филандера был сдвинут в сторону, так что понадобился лишь незначительный толчок профессора Портера, чтобы столкнуть с ветки преданного секретаря.

Одно мгновение они неуверенно балансировали, и вдруг с общим жалобным криком слетели головами вниз с дерева, крепко сцепившись в отчаянном объятии.

Прошло несколько минут прежде, чем кто-либо из них двинулся, так как оба были уверены, что такая попытка обнаружит у них столько переломов и вывихов, что всякое передвижение окажется невозможным.

Наконец, профессор Портер попытался двинуть одной ногой. К его удивлению, нога повиновалась его воле, как в былые дни. Тогда он согнул другую ногу и снова вытянул ее.

— В высшей степени замечательно, в высшей степени замечательно! — пробормотал он.

— Слава богу, профессор, — шепнул горячо м-р Филандер, — вы значит живы?

— Тише, м-р Филандер, тише, — предостерег его профессор, — я еще доподлинно этого не знаю.

С бесконечными предосторожностями профессор Портер рискнул согнуть правую руку: о, счастье, — она была невредима! Еле дыша, он махнул левой рукой над своим распростертым телом — и рука махала! — В высшей степени замечательно, в высшей степени замечательно! — повторял он.

— Кому вы сигнализируете, профессор? — спросил м-р Филандер возбужденным тоном.

Профессор Портер не снизошел до ответа на такой ребяческий вопрос. Вместо того он осторожно приподнял с земли голову и закачал ею взад и вперед.

— В высшей степени замечательно, — чуть слышно шепнул он. — И она осталась цела!

М-р Филандер не двинулся с того места, куда упал; он не осмеливался сделать такую попытку. Как можно, в самом деле, двигаться, когда руки и ноги и спина, — все сломано?

Один глаз его был залеплен мягкой глиной, а другой скосившись, устремился на странные вращательные движения профессора Портера.

— Какая жалость, промолвил вполголоса м-р Филандер — сотрясение мозга вызвало в нем полную умственную аберрацию! Действительно, очень, очень грустно! Особенно для такого еще молодого человека!

Профессор Портер лег на животе и осторожно выгнул спину, пока не стал похож на огромного кота, стоящего перед лающей собакой. Затем он сел и начал себя со всех сторон ощупывать.

— Все на месте! — воскликнул он. — В высшей степени замечательно!

После того он встал и, бросив неодобрительный взгляд на все еще распростертую фигуру м-ра Самюэля Т. Филандера, сказал: — Ой, ой, м-р Филандер, сейчас совсем не время валяться! Нужно вставать и действовать.

М-р Филандер снял глину со своего второго глаза и взглянул на профессора Портера с безмолвным бешенством. Затем он попытался встать, и вряд ли человек мог быть более изумлен, чем он, когда его усилия немедленно увенчались полнейшим успехом.

Он все еще был преисполнен бешенства, вызванного жестоким и несправедливым замечанием профессора Портера, и готовился едко возразить ему, когда взгляд его упал на странную фигуру, стоявшую в нескольких шагах от них и внимательно их рассматривавшую. Профессор Портер поднимал свой блестящий шелковистый цилиндр, заботливо чистил его рукавом пальто и надевал на голову, когда он заметил, что м-р Филандер указывает на что-то позади него. Он обернулся и увидел неподвижно стоявшего перед ним гиганта, совершенно голого, за исключением повязки на бедрах и нескольких металлических украшений на руках и ногах.

— Добрый вечер, милостивый государь! — сказал профессор и поднял шляпу.

В ответ гигант указал знаками, чтобы они шли за ним, и направился в сторону берега, откуда они только что пришли.

— Думаю, что было бы разумно следовать за ним, — сказал м-р Филандер.

— Пойдите! — возразил профессор, — вы же сами недавно представили мне весьма логические аргументы для подтверждения вашей теории о том, что лагерь лежит от нас к югу! Я сперва относился скептически, но в конце концов вы меня убедили, и потому теперь я положительно утверждаю, что мы должны идти на юг, чтобы добраться до наших друзей. И потому я буду продолжать идти на юг.

— Но, профессор Портер, возможно, что этот человек знает лучше, чем вы или я. Он, по-видимому, туземец, уроженец этой части света. Попробуем, по крайней мере, последовать за ним.

— Ой, ой, м-р Филандер, — повторил профессор, — я человек, которого трудно убедить, но если я уже раз убедился в чем-либо, то мое решение остается неизменным. Я пойду в прежнем направлении, хотя бы мне пришлось обойти кругом весь Черный Континент, чтобы дойти до цели.

Но дальнейшая аргументация ученого была прервана Тарзаном, который, увидев, что эти странные люди стоят на месте, вернулся к ним.

Он снова знаками пригласил их идти за собою, но они продолжали стоять и припираться.

Наконец, глупость этих невежд взорвала Тарзана. Он схватил испуганного ассистента за плечо, и прежде, чем этот достойный джентльмен мог понять, убит ли он, или только искалечен на всю жизнь, Тарзан крепко привязал один конец веревки к шее м-ра Филандера.

— М-р Филандер, — вещал ему профессор Портер, — с вашей стороны крайне неприлично подчиняться такому унижению.

Но едва эти слова вылетели из его уст, как он тоже был схвачен и та же веревка крепко обмоталась вокруг его шеи. Тогда Тарзан пошел по направлению к северу, ведя за собой совершенно перепуганного профессора и его секретаря.

Усталым старикам казалось, что они шли уже целые часы. Они молчали, полные отчаяния. Но вот внезапно, поднявшись на небольшой холмик, они увидели не дальше, как в ста ярдах, маленькую хижину, покинутую ими утром, и сердца их забились от радости.

Здесь Тарзан освободил их и, указывая на маленькое строение, исчез в ближайших кустах.

В высшей степени замечательно, в высшей степени замечательно! — с трудом произнес профессор. — Но вы видите теперь, м-р Филандер, что, как всегда, я был совершенно прав. Если бы не ваше упорное своеволие, мы избежали бы целого ряда крайне унижительных, чтобы не сказать — опасных, приключений. Прошу вас в следующие разы, когда вы будете нуждаться в мудром совете, подчиниться руководству более зрелого и практичного ума.

М-р Самюэль Т. Филандер был слишком обрадован счастливым исходом их приключений, чтобы чувствовать себя задетым язвительной шуткой профессора. Вместо того, он схватил за руку своего приятеля и быстро повел его по направлению к хижине.

Небольшое общество этих растерявших друг друга людей было очень успокоено и обрадовано, когда, наконец, все оказались вместе. Заря застала их еще за пересказом различных приключений и за рассуждениями о тождественности страшного защитника и покровителя, найденного ими на этот диком берегу.

Эсмеральда не сомневалась, что это был никто иной, как ангел господень посланный со специальной миссией оберегать их.

— Если бы вы видели, Эсмеральда, как он пожирал сырое львиное мясо, — смеялся Клейтон, — вы бы убедились, что этот небесный дух достаточно материален.

— Я ничего об этом не знаю, масса Клейтон! — возразила служанка. — Но я предполагаю, что господь мог просто забыть дать ему с собой спички. Ведь его послали на землю так наспех, чтобы оберегать нас! И он, наверно, не мог ничего сжарить, не имея спичек, просто не мог.

— В его голосе тоже ничего небесного не было, — сказала Джэн Портер, слегка вздрогнув при воспоминании об ужасающем реве, раздавшемся вслед за убийством львицы.

— Моим незабываемым понятиям о достоинстве небесных посланцев, — заметил профессор Портер, — совершенно не соответствует его манера действовать. Этот джентльмен связал двух чтимых и просвещенных ученых за шеи и погнал их сквозь джунгли, как коров!

XVII

ПОХОРОНЫ

Между тем, уже почти совсем рассвело, и после бессонной ночи общество, из которого никто ничего не ел с предыдущего утра, принялось за приготовление завтрака.

Бунтовщики с «Арроу» выгрузили небольшой запас сушеного мяса, консервированных супов и овощей, галетов, муки, чая и кофе для пяти человек, которых они высадили на необитаемом берегу. Все это было поспешно вынута для удовлетворения требования изголодавшихся желудков.

Затем следовало привести хижину в жилой вид, и для этой цели решено было тотчас же убрать мрачные остатки трагедии, разыгравшейся здесь в давно минувшие дни.

Профессор Портер и м-р Филандер были глубоко заинтересованы осмотром скелетов. Оба большие скелеты, по их мнению, принадлежали мужчине и женщине одного из высших племен белой расы.

Маленькому скелету было уделено весьма незначительное внимание, так как самое присутствие его в колыбели не оставляло сомнений в том, что это был младенец, рожденный от несчастной четы.

Подняв большой скелет, Клейтон нашел массивное кольцо, очевидно находившееся на пальце мужчины в момент его смерти, так как одна из тонких костей кисти еще была продета в золотую безделушку.

Клейтон поднял кольцо, чтобы рассмотреть его, и вскрикнул от изумления: на перстне был вырезан его собственный герб!

В то же время Джэн Портер обнаружила в шкафу книги и, открыв заглавный лист одной из них, увидела надпись:

«Джон Клейтон. Лондон». Во второй книге, которую она поспешно осмотрела, было одно только имя «Грейсток».

— Слушайте, м-р Клейтон, — крикнула она, — что это значит? На этих книгах имена ваших родственников!

— А здесь, — ответил он с серьезным видом, — большой родовой перстень Грейстоков, который был утерян с тех пор как дядя мой Джон Клейтон, бывший лорд Грейсток, исчез погибнув, как предполагали, в море.

— Но как вы объясняете себе нахождение этих вещей здесь, в африканских джунглях?

— Только одним предположением можно объяснить себе это, мисс Портер, — сказал Клейтон. — Покойный лорд Грейсток не утонул. Он умер здесь, в этой хижине, и эти останки на полу, — все, что осталось от него.

— В таком случае, это должны быть останки леди Грейсток, — сказала Джэн Портер, с благоговением указывая на бедную грудку костей на кровати.

— Прекрасной леди Элис, — ответил Клейтон, — о качествах и об изумительном личном обаянии которой я не раз слышал от родителей. Несчастливая леди! — грустно прошептал он.

С большою торжественностью останки покойных лорда и леди Грейсток были погребены у стен маленькой хижины, а между ними был уложен скелетик детеныша Калы.

Когда мистер Филандер завертывал хрупкие кости младенца в кусок парусины, он подробно осмотрел его череп. Затем позвал профессора Портера, и они вполголоса говорили вдвоем несколько минут.

— В высшей степени замечательно, в высшей степени замечательно! — сказал профессор Портер.

— Господь бог мой! — воскликнул м-р Филандер, — мы должны сообщить м-ру Клейтону о нашем открытии.

— Потише, м-р Филандер, потише, — остановил его профессор Архимед Кв. Портер. — Пусть мертвое прошлое хоронит своих мертвецов.

И седовласый старик прочел похоронную службу над этой странной могилой в то время, как остальные стояли низко склонив головы, и молились.

С верхушек деревьев Тарзан, обезьяний приемыш, наблюдал торжественный и непонятный обряд; но дольше всего не спускал он глаз с милого лица и изящной фигуры Джэн Портер.

В его наивной душе просыпались новые чувства. Он удивлялся, почему его так интересуют эти люди, почему он взял на себя столько труда, чтобы спасти от гибели в джунглях мужчин? Но он не удивлялся, почему он оторвал Сабор от нежного тела этой чужой девушки.

Несомненно, мужчины были и глупы и смешны и трусливы. Даже мартышка Ману была сообразительней их. Если таковы образчики его собственной породы, ему, пожалуй, нечего гордиться своим происхождением.

Но девушка — ах, это совсем иное дело! Здесь он не рассуждал. Он знал, что она создана, чтобы быть под защитой, а он создан, чтобы защищать ее.

Его удивило, что они вырыли в земле большую яму только для того, чтобы спрятать там кости. Это было очевидно бессмысленным: кому понадобится украсть сухие кости?

Другое дело, если бы на них было мясо, — Тарзан понял бы это, так как только так можно уберечь мясо от гиены Данго и других воров джунглей.

Когда могила была засыпана землею, маленькое общество направилось к хижине, и Эсмеральда, все еще горько плакавшая по покойным, о которых она ничего не слышала до сегодняшнего дня, случайно взглянула на бухту. Ее слезы вдруг прекратились.

— Взгляните-ка на этот белый сброд, — взвизгнула она отчаянно, указывая по направлению к «Арроу». — Они уходят, оставив нас на этом ужасном острове!

И, действительно, корабль медленно направлялся из бухты к открытому морю.

— Они обещали оставить нам огнестрельное оружие и запасы патронов, — сказал Клейтон. — Безжалостные скоты!

— Все это дело рук матроса, которого они зовут Снайпсом, я в этом уверена, — заявила Джэн Портер. — Кинг был негодяем, но он обладал хоть маленькой долей человечности. Если бы они не убили его, я уверена, что он позаботился бы о том, чтобы снабдить нас всем необходимым прежде, чем покинуть нас на этом необитаемом острове.

— Жаль, что они не посетили нас перед своим отплытием, — сказал профессор Портер. — Я намеревался просить их оставить наш

клад, потому что, если он пропадет, я буду совершенно разоренным человеком.

Джэн Портер с грустью посмотрела на отца.

— Не жалеете об этом, дорогой, — сказала она. — Это не привело бы ни к чему хорошему. Ведь только из-за этого клада убили они своих офицеров и высадили нас на этот ужасный берег.

— Потише, дитя, потише, — возразил профессор Портер. — Вы добрая дочь, но в практических делах неопытны. — И профессор Портер повернулся, медленно направился к джунглям, сложив руки сзади под длинными фалдами пальто и опустив глаза к земле.

Дочь его следила за ним с трогательной улыбкой на устах, и затем, обращаясь к м-ру Филандеру, шепнула:

— Пожалуйста, не давайте ему скитаться в джунглях опять, как он это делал вчера. Вы знаете, мы рассчитываем на вас, что вы будете хорошо его охранять.

— Каждый день становится труднее смотреть за ним, — ответил м-р Филандер, со вздохом покачивая головой. — Думается мне, он теперь направляется к директорам зоологического сада с докладом, что один из львов был на свободе прошлой ночью. О, мисс Джэн, вы не знаете, сколько мне приходится выносить от него!

— Нет, я знаю, м-р Филандер; но, хотя мы все любим его, вы один умеете ходить за ним. Несмотря на все, что он может наговорить вам, он искренне уважает вас за вашу большую ученость и имеет безграничное доверие к вашему суждению. Бедный папа не делает различия между эрудицией и здравым смыслом.

М-р Филандер, с несколько озадаченным выражением на лице, обернулся, чтобы идти вслед за профессором Портером, стараясь разрешить вопрос: чувствовать ли ему себя польщенным или обиженным двусмысленным комплиментом Джэн Портер.

Тарзан заметил выражение ужаса на лицах маленькой группы следившей за «Арроу». И так как корабль сам по себе был для него интересной новинкой, то он решил отправиться к северу от входа в бухту, осмотреть его вблизи и, если возможно, узнать, куда он направляется. Переносясь по деревьям с величайшей быстротой, он достиг мыска одновременно с тем, как корабль вышел из бухты, так что ему были прекрасно видны все чудеса плавучего дома.

Около двадцати человек бегали взад и вперед по палубе и возились с канатами.

Дул легкий береговой ветер, и судно шло по проливу почти без парусов. Но теперь, когда оно миновало мысок, на нем подняли все паруса, чтобы ускорить ход.

Тарзан следил за плавными движениями корабля с глубоким восхищением, и ему страшно хотелось быть на борту его. Но вот его острое зрение заметило на далеком северном горизонте легкий намек на дым, и он удивился причине такого явления на безбрежном пространстве воды. Почти одновременно с ним, должно быть, и вахтенный на «Арроу» тоже заметил дымок. Несколько минут спустя Тарзан увидел, что паруса были вновь спущены и закреплены. Судно повернуло, и теперь Тарзан знал, что оно возвращается к берегу.

Человек на носу все время опускал в море веревку, к концу которой был привязан какой-то небольшой предмет. Тарзан не понимал, какая может быть цель этого странного действия? Наконец, судно встало прямо против ветра; якорь был брошен, и паруса убраны. На палубе началась суматоха. Была спущена лодка и в нее поставлен большой сундук. Дюжина матросов наклонилась над веслами, и лодка быстро понеслась к тому месту, где Тарзан прятался в ветвях дерева.

У руля Тарзан узнал человека с крысыим лицом.

Лодка причалила к берегу. Матросы выскочили из нее и вытащили на песок большой сундук. Они находились на северной стороне мыска, так что их присутствие было скрыто от обитателей хижины.

Матросы сердито спорили между собой несколько мину г. Потом человек с крысыим лицом, в сопровождении товарищей, поднялся на высокий пригорок, на котором росло дерево. На нем-то и сидел притаившись Тарзан. Несколько минут матросы смотрели по сторонам.

— Здесь хорошее место, — сказал человек с крысыим лицом, указывая на местечко под деревом Тарзана.

— Такое же хорошее, как и всякое другое, — ответил один из его спутников. — Если они застигнут нас с кладом на борту, его тотчас же конфискуют. Мы можем закопать его хоть здесь; быть может, кто-нибудь из нас избежит виселицы и, вернувшись сюда, воспользуется кладом.

Человек с крысыим лицом позвал людей, оставшихся в лодке, и они медленно подошли к тому месту, неся лопаты и кирки.

— Поторапливайтесь! — закричал один из матросов сердитым тоном. — Каждая мразь из себя адмирала корчит!

— А все-таки я — капитан и заставлю вас признавать это, швабра вы этакая! — кричал Снайпс, извергая поток ужасающих проклятий.

— Спокойней, товарищи, — вступился один из матросов, молчавший до тех пор. — Какой прок из того, если мы тут перегрыземся между собой?

— Правильно, — согласился матрос, рассердившийся на повелительный тон Снайпса. — Но по той же причине не годится, чтобы кто бы то ни было строил из себя начальство в честной нашей компании!

— Вы, товарищи, копайте вот здесь, — сказал Снайпс, указывая на местечко под деревом. — А когда вы будете копать, Питер сделает карту этой местности, чтобы мы могли найти ее потом. Вы, Том и Биль, возьмите еще двух или трех людей с собой и тащите сюда сундук.

— А вы что будете делать? — спросил спорщик. — Хозяина разыгрывать?

— Делайте свое дело, — ворчал Снайпс. — Так вы думали, что ваш капитан будет работать лопатой, что ли?

Все кругом сердито посмотрели на Снайпса. Никто не любил его, и его постоянное выставление напоказ своей власти с тех пор, как он убил Кинга, действительного главаря и предводителя бунтовщиков, только подливало масла в огонь.

— Значит, вы не желаете взять лопаты в руки и помочь работе? Ваше плечо не так уже сильно пробито копьем.

— Ив голову мне не приходит, — ответил Снайпс, нервно потрагивая рукоять револьвера.

— Тогда, клянусь богом, — крикнул Тарант, — если вы не хотите взять лопату, то попробуйте кирки!

С этими словами он высоко поднял свою кирку и могучим ударом всадил ее острие в мозг Снайпса.

На минуту все окаменели и смотрели на жертву гнева их товарища; затем один из матросов сказал:

— Так ему, мерзавцу, и следовало!

Другой спокойно принялся рыть землю киркой. Земля была мягкая, и он, отбросив кирку в сторону, взялся за лопату.

Тогда и остальные последовали его примеру. Об убийстве не было больше речи, но люди работали дружнее и веселее, чем когда Снайпс командовал ими.

Когда яма была достаточно велика, чтобы зарыть в нее сундук, Тарант посоветовал увеличить ее еще и тут же закопать поверх сундука тело Снайпса.

— Это может одурачить тех, которые вздумали бы рыть в этом месте, — объяснил он.

Другие нашли, что это хитро выдуманно, и яма была вырыта по длине тела, а в середине ее было сделано углубление для сундука, предварительно обернутого в брезент, причем когда его спустили в яму, крышка оказалась на один фут ниже дна могилы. Его засыпали и хорошо утрамбовали землю, так что дно могилы стало ровным и гладким.

Тогда двое из матросов весьма бесцеремонно скатили в нее тело человека с крысым лицом, сняв сначала с него оружие и еще некоторые вещицы, после чего они забросали могилу землей и старательно утоптали ее.

Остаток вырытой земли они разбросали во все стороны, и раскидали над свежей могилой массу сухих листьев и валежника, чтобы наиболее естественным образом замаскировать ее и скрыть место, где земля была только что вскопана.

Сделав свое дело матросы вернулись к маленькой лодке и стали быстро грести к кораблю.

Ветер крепчал, и так как дымок на горизонте вырос, и подымался теперь большими клубами, бунтовщики, не теряя времени, подняли все паруса и поплыли на юго-запад.

Тарзан — страшно заинтересованный непонятной сценой, очевидцем которой ему пришлось быть — сидел, раздумывая о странных поступках этих существ.

Люди оказывается действительно более глупы и более жестоки, чем звери в джунглях. Как он счастлив, живя один в тишине и безопасности громадного леса! Тарзан старался догадаться, что такое было в сундуке, зарытом матросами? Ведь если сундук им не был нужен, зачем же они не бросили его в воду? Это было бы гораздо легче

сделать. — Нет, — подумал он, — видно сундук им нужен. Они спрятали его здесь потому, что хотят потом за ним вернуться.

Тарзан спустился с дерева и стал осматривать землю вокруг могилы. Он хотел убедиться, не потеряли ли эти существа какую-нибудь вещь, которая могла бы ему пригодиться. Он скоро нашел лопату, спрятанную в грудe валежника, наваленного на могилу.

Он взял и попытался работать ею так, как работали матросы. Это оказалось нелегко, и он повредил себе голую ногу, но упорствовал, пока не отрыл труп. Тогда он вытащил его и положил в сторону.

Он продолжал рыть, пока не откопал сундук. И его он вытащил и поставил рядом с трупом. Затем он засыпал яму от сундука, уложил тело обратно в могилу, засыпал кругом землей и, прикрыв ветками кустарника, занялся сундуком. Четверо матросов изнемогали под его тяжестью. Тарзан поднял его, как будто это был пустой упаковочный ящик, и, привесив лопату на спину, понес его в самую глухую часть джунглей.

Он не мог удобно идти по деревьям с такой неуклюжей ношей, но держался знакомых троп, так что все же двигался достаточно быстро.

Через несколько часов ходьбы, все время в северо-восточном направлении, он дошел до непроницаемой стены спутанной и переплетенной густой растительности. Тогда он взобрался на нижние ветви и через четверть часа вышел к амфитеатру, где обезьяны собирались для советов или для празднования обрядов Дум-Дум. Он начал рыть яму почти в центре арены, не далеко от барабана. Это было много труднее, чем раскапывать свежерырытую могилу; но Тарзан был упорен и продолжал трудиться, пока не был вознагражден видом ямы, достаточно глубокой для того, чтобы опустить в нее сундук и скрыть его от взоров.

Зачем взял он на себя всю эту работу, не зная ценности содержимого в сундуке?

Обезьяний приемщик Тарзан был человек, умом и телом, но был обезьяной по воспитанию и по всей обстановке жизни. Его мозг говорил ему, что в сундуке нечто ценное, иначе люди не стали бы его так старательно прятать. Воспитание научило его, не задумываясь, подражать всему новому и необычайному. Теперь естественное любопытство, общее и людям и обезьянам, возбуждало его открыть сундук и рассмотреть его содержимое.

Но железный замок и кованая железная обивка не поддавались ни хитростям, ни огромной физической силе, и он был вынужден зарыть сундук, так и не узнав его содержания.

Когда Тарзан, все время охотясь, чтобы отыскать себе пропитание, вернулся к хижине, было уже почти совсем темно.

В маленьком домике горел свет, потому что Клейтон нашел там непечатую еще жестянку керосина, простоявшую нетронутой в продолжение двадцати лет. То была часть припасов, оставленных Клейтону Черным Майкэлом. Лампы тоже были годны для употребления, и, таким образом, перед изумленным взором Тарзана внутренность хижины явилась светлой, как днем!

Он часто ломал себе голову, как пользоваться лампой? Чтение и картины сказали ему, что такое были лампы, но он не знал, как поступить с ними, чтобы они начали проливать удивительный солнечный свет, который, как он видел на картинках, они иногда изливали на все окружавшие предметы.

Когда он подошел к окну, ближайшему к двери, он увидел, что хижина разделена надвое грубой перегородкой из жердей и парусов.

В переднем помещении находились трое мужчин; двое старших были углублены в горячие споры, в то время как младший, сидевший на импровизированном стуле, прислонившись к стене, был совершенно поглощен чтением одной из книг Тарзана.

Тарзан, однако, не особенно интересовался мужчинами и потому перешел ко второму окну. Тут была девушка. Какие у нее прекрасные черты! Как нежна белоснежная кожа!

Она писала у окна за столом Тарзана. В дальнем конце комнаты на ворохе травы лежала спящая негритянка.

Целый час, пока писала девушка, глаза Тарзана наслаждались ее видом. Как ему хотелось бы заговорить с нею, но он не смел попытаться это сделать, так как был уверен, что и она, подобно молодому человеку, не поймет его, и к тому же он боялся, что может ее испугать.

Наконец, она поднялась, оставив рукопись на столе. Подойдя к постели, покрытой несколькими слоями мягких трав, она их поправила. Затем распустила шелковистую массу золотистых волос, венчавших ей голову; словно волны сверкающего водопада, превращенного в полированный металл лучами заходящего солнца,

обрамляли они ее овальное лицо и скатывались волнистыми линиями ниже пояса.

Тарзан стоял, как зачарованный. Она потушила лампу, и вдруг все в хижине сразу оказалось окутанным тьмою первобытных времен.

Тарзан все еще стоял у окна. Подкравшись к нему вплотную, он ждал, прислушиваясь около получаса. Наконец, он расслышал звуки ровного дыхания, которое означает сон.

Осторожно просунув руку сквозь перекладыны решетки до самого плеча, он тихо шарил по столу. Наконец, нащупав рукопись Джэн Портер, он так же острожно вытащил руку, зажав в ней драгоценное сокровище.

Тарзан сложил листы в маленький сверток, который засунул в колчан со стрелами. Затем он исчез в джунглях тихо и безмолвно, как тень.

XVIII

ЖЕРТВА ДЖУНГЛЕЙ

Рано утром на следующий день, Тарзан проснулся с тою же мыслью, с которой заснул накануне; — мыслью об удивительной рукописи, спрятанной в его колчане.

Торопливо достал он ее, надеясь, против всякого вероятия, что сможет прочесть то, что написала прекрасная белая девушка.

При первом взгляде, брошенном на рукопись, он испытал величайшее разочарование своей жизни. Никогда раньше не желал он чего-нибудь так страстно, как желал теперь прочесть послание золотоволосой богини, которая так внезапно и неожиданно вторглась в его существование.

Что из того, что это послание не предназначается ему? Во всяком случае, оно было выражением ее мыслей, и этого было вполне достаточно для Тарзана. И вдруг быть обманутым странными неуклюжими знаками, подобных которым он раньше никогда не видел! Ведь они даже наклон имели противоположный тому, что он наблюдал в печатных книгах и в самых трудных рукописях! Даже маленькие букашки непонятной черной книжки были ему знакомы и дружественны, хотя сочетания их ничего не говорили ему; но эти букашки были и новы, и неведомы.

Двадцать минут пристально изучал он их, как вдруг они стали принимать знакомые, хотя и искаженные образы. Ах, это были его старые друзья, но жестоко искаленные!

И вот он начал разбирать одно слово здесь, одно слово там. Сердце у него прыгало от радости. Он может читать! Он прочтет!

Еще полчаса — и он быстро подвигался вперед, хотя то в одном, то в другом месте и встречалось какое-нибудь совсем непонятное слово. Тарзан увидел, что ему нетрудно разобрать письмо.

Вот то, что он прочел:

Западный берег Африки, около 10 градусов южной широты (так говорит м-р Клейтон). 8-го (?) февраля 18** г.

Дорогая моя Элоиза! Быть может, и не умно писать вам, так как письмо мое по всей вероятности не попадет в ваши руки; но я просто должна рассказать кому-нибудь наши ужасные испытания с тех самых пор, как мы отплыли из Европы на злосчастном «Арроу».

Если мы никогда не вернемся к цивилизации, что теперь кажется более, чем вероятным, это письмо явится, по крайней мере, кратким протоколом тех событий, которые приведут нас к окончательной нашей судьбе, какова бы она ни оказалась.

Вам известно, что мы предполагали отправиться в научную экспедицию в Конго. Думали, что папа намерен доказать существование какой-то неслыханно древней цивилизации, остатки которой скрываются где-то в долине Конго. Но когда мы вышли в море, истина всплыла.

Оказывается, что какая-то старая книжная крыса, владеющая в Балтиморе магазином книг и редкостей, нашла между страницами старинной испанской рукописи письмо, написанное в 1550 г. В этом письме рассказывалось подробно о приключениях взбунтовавшегося экипажа испанского галиона, шедшего из Испании в Южную Америку с большим грузом «дублонов» и «монет в восемь», — я быть может ошибаюсь? — потому что эти названия действительно звучат как-то по-пиратски и немного волшебным.

Автором письма был один из матросов галиона и адресовал он его своему родному сыну. А тот был хозяином торгового судна.

Много лет прошло со времени изложенных в письме событий, и старик сделался спокойным и уважаемым гражданином маленького испанского городка. Но любовь к золоту была в нем еще так сильна, что он рискнул всем, чтобы ознакомить сына со способами для достижения баснословного богатства.

Письмо содержит жуткую повесть о том, как, неделю спустя после отплытия из Испании, экипаж взбунтовался и перебил офицеров и всех тех, кто сопротивлялся им. Этой бессмысленной жестокостью они расстроили и свои собственные планы: у них не осталось никого, кто бы мог вести судно в открытом море.

Их бросало как щепку туда и сюда в продолжении двух месяцев, пока, наконец, больные, умирающие от цинги, жажды и голода они не были выброшены на маленький островок. Галион был выкинут волной на берег, где и разбился вдребезги, но выжившим — их было

всего десять душ — удалось все же спасти один из сундуков с золотом.

Они зарыли его на острове и в продолжении трех лет жили там, в постоянной надежде на спасение.

Один за другим они болели и умирали, пока, наконец, в живых остался только тот, который написал письмо.

Из обломков галиона ими была сколочена лодка, но, ни имея представления о местонахождении острова, они не решались пуститься в открытое море.

Однако, когда все умерли, исключая одного, страшное одиночество стало до того угнетать его душу, что он не в силах был больше выносить этой жизни и предпочел опасность смерти в открытом море сумасшествию на пустынном острове. После почти целого года полного одиночества он поднял парус на своей маленькой лодке.

К счастью, он поплыл на север и через неделю попал в полосу рейсов испанских торговых судов, плававших между Вест-Индией и Испанией. Его подобрал корабль, возвращающийся на родину.

Он рассказал обычную историю о кораблекрушении, в котором все за немногими исключениями погибли, а оставшиеся в живых добрались до острова, и умерли все, кроме его одного. Он не упомянул ни о мятеже, ни о зарытом сундуке с кладом.

Хозяин торгового судна уверил его, что судя по тому месту, где его подобрали, и подувшим за последнюю неделю ветрам место их кораблекрушения могло быть лишь на одном из островов группы Зеленого Мыса, расположенных у западного берега Африки около 16 или 17 градусов северной широты.

Это письмо подробнейшим образом описывает и сам остров, и место, где зарыт клад. В виде добавления он прилагает маленькую старую карту, самую грубую и забавную, какую я когда-либо видела; все деревья и скалы помечены на ней нацарапанными X-ми для указания точного места, где зарыто сокровище.

Когда папа объяснил мне истинную цель нашей экспедиции, сердце мое так и упало, потому что я хорошо знала, каким непрактичным мечтателем был всегда мой милый отец. Я боялась, что его опять обманули, в особенности, когда узнала от него, что он заплатил тысячу долларов за письмо и карту.

А тут еще выяснилось, что он, кроме того, занял целых десять тысяч долларов у Роберта Канлера и дал ему вексель на эту сумму.

М-р Канлер не потребовал обеспечения, и вы знаете, дорогая, что грозит мне в том случае, если папа не заплатит по векселю. О, как я ненавижу этого человека!

Мы все же старались смотреть бодро на вещи и не впадать в отчаяние, но мистер Филандер и м-р Клейтон, — последний присоединился к нам в Лондоне просто из жажды приключений, — так же скептически отнеслись к делу, как и я.

И вот, чтобы кратко рассказать вам всю эту длинную историю, мы нашли остров и нашли клад: большой, обитый железом дубовый сундук, завернутый в несколько слоев промасленной парусины, такой же крепкой и плотной, каким его зарыли почти четыреста лет тому назад.

Он был доверху набит золотыми монетами и такой тяжелый, что четыре матроса еле несли его.

Злосчастный клад этот, по-видимому, не приносит ничего кроме несчастий тем, кто имеет с ним дело, потому что три дня спустя, как мы отошли с островов Зеленого Мыса, наш экипаж тоже взбунтовался и перебил всех своих офицеров.

О, это было самое ужасающее испытание, которое можно себе вообразить, — я даже не в силах писать об этом.

Они собирались убить и нас, но один главарь их, по имени Кинг, не допустил этого. Итак они поплыли на юг, вдоль берега, до пустынного места, где нашли хорошую бухту, и здесь они сошли на берег и высадили нас.

Сегодня они отплыли, увезя с собой клад, но м-р Клейтон говорит, что их ждет та же участь, как бунтовщиков старого галиона, потому что Кинг, единственный человек на корабле, имевший понятие о навигации, был убит на берегу одним из матросов в тот день, когда нас высадили.

Хотелось бы мне, чтобы вы познакомились с м-ром Клейтоном; он — милейший человек и, если я не ошибаюсь, очень сильно влюбился в вашу несчастную подругу.

М-р Клейтон — единственный сын лорда Грейстока и в будущем наследует титул и поместья. К тому же он и лично обладает большим состоянием. Но тот факт, что он будет английским лордом,

меня очень печалит — вы знаете мое отношение к американским девушкам, выходящим замуж за титулованных иностранцев. Ах, если бы он был простым американским джентльменом!

Правда бедняга в этом не виноват! И во всем остальном, кроме происхождения, он может лишь делать честь моей милой, дорогой родине, — а это самый лестный отзыв, какой я могу дать о ком бы то ни было.

Мы испытали множество изумительных приключений с тех пор, как высадились здесь. Папа и м-р Филандер заблудились в джунглях, и за ними охотился настоящий лев.

М-р Клейтон тоже заблудился, и дважды на него нападали дикие звери. Эсмеральда и я — мы были осаждены в старой хижине очень страшной людоедкой-львицей. О, это было просто «одна ужась», как сказала бы Эсмеральда.

Но самое страшное из всех происшествий — это изумительное существо, которое нас всегда спасало. Я его не видела, но папа и м-р Филандер видели и говорят, что он — богоподобный белый человек, загоревший до темно-коричневого цвета. Обладает он силой дикого слона, подвижностью обезьяны и храбростью льва.

Он не говорит по-английски и исчезает так быстро и таинственно после того, как совершит какой-нибудь доблестный поступок, словно он какой-то бесплотный дух.

У нас есть еще другой таинственный сосед. Он прекрасно написал печатными буквами записку по-английски и прибил ее к двери своей хижины, которую мы заняли, предостерегая нас, чтобы мы не портили его вещей, и подписался: «Гарзан, из племени обезьян».

Его мы еще не видели, хотя думаем, что он где-нибудь поблизости, так как, когда один из матросов собрался выстрелить м-ру Клейтону в спину, то он получил копье в плечо от чьей-то незримой руки в джунглях.

Матросы оставили нам очень мало провианта и мы, имея лишь всего один револьвер с тремя патронами к нему, не знаем, как будем добывать себе мясо, хотя м-р Филандер и говорит, что мы сможем просуществовать до бесконечности на диких плодах и орехах, которыми изобилуют джунгли.

А теперь я очень устала и потому пойду спать в свою забавную постель из трав, собранных для меня м-ром Клейтоном. От времени до времени я буду приписывать к этому письму, что с нами случится.

Любящая вас Джэн Портер. Элоизе Стронг, Балтимора, М.
Мэриленд.

Тарзан сидел, погруженный в мрачную задумчивость, долгое время после того, как прочел письмо. В нем было столько новых и удивительных вещей, что голова шла кругом, когда он пытался во все вникнуть.

Итак, они не знают, что он-то и есть Тарзан, из племени обезьян! Он им скажет.

На своем дереве он соорудил в защиту от дождя грубый навес из листьев и сучьев, под которыми спрятал немногие сокровища, унесенные им из хижины. Между ними было несколько карандашей.

Тарзан взял один из них и под подписью Джэн Портер написал:

«Я Тарзан, из племени обезьян».

Он подумал, что этого будет вполне достаточно. Немного погодя, он отнесет письмо в хижину.

— Что касается пищи, — подумал Тарзан, — им нечего беспокоиться; об этом я позабочусь. — Так он и сделал.

На следующее утро Джэн Портер нашла пропавшее письмо на том самом месте, откуда оно исчезло две ночи тому назад. Она была изумлена; но когда увидела печатные буквы под своей подписью, то холодная, влажная дрожь пробежала по ее спине. Джэн показала письмо или, вернее, приписку к нему Клейтону.

— Подумать только, — сказала она, — что это страшное существо, по-видимому, следило за мной, когда я писала. О! Я содрогаюсь при одной лишь мысли об этом!

— Но, должно быть, существо это дружелюбно относится к нам, — стал ее успокаивать Клейтон — оно вернуло вам ваше письмо, не причиняет вам никакого вреда и, если я не ошибаюсь, оставило этой ночью у нашей двери весьма ощутительный знак своего благоволения: я только что нашел там тушу дикого кабана.

С тех пор редкий день проходил без того, чтобы они не получали приношения дичью или другой провизией. Иногда то был молодой олень, или большое количество странной готовой пищи — лепешки из

манноки, похищенные из поселка Мбонги, иногда вепрь или леопард, а один раз лев.

Тарзану доставляло величайшее удовольствие охотиться за дичью для чужестранцев. Он чувствовал, что ни одна земная радость не может сравниться с заботой о благополучии и безопасности прекрасной белой девушки.

Как-нибудь, он отважится пойти в лагерь днем и поговорить с этими людьми путем маленьких букашек, знакомых и им, и ему.

Но ему было страшно трудно преодолеть свою робость дикого лесного существа, и так день шел за днем, а Тарзан все не осуществлял своего намерения.

Обитатели лагеря, осмелевшие благодаря привычке, забирались уже дальше и дальше в джунгли в поисках за орехами и плодами. Не проходило дня без того, чтобы профессор Портер с озабоченно-безучастным видом не шел прямо в пасть смерти. А м-р Самюэль Филандер, который никогда не был крепким, теперь превратился в тень своей собственной тени от постоянного беспокойства и душевной тревоги, вызванных его сверхчеловеческими усилиями охранять профессора.

Прошел месяц. Тарзан, наконец, окончательно решился посетить лагерь днем.

Полдень уже миновал. Клейтон ушел на северный мыс бухты, чтобы сторожить проходящие суда. У него была собрана там огромная груда сухих веток, которые он мог зажечь в виде сигнала в то мгновение, когда на дальнем горизонте появится пароход или парусник.

Профессор Портер бродил вдоль берега к югу от лагеря с м-ром Филандером, который шел рядом с ним и уговаривал его повернуть обратно, прежде чем они оба сделаются снова потехой какого-нибудь дикого зверя.

Когда остальные ушли, Джэн Портер и Эсмеральда тоже отправились в поиски плодов, все дальше и дальше углубляясь в джунгли.

Тарзан безмолвно ждал их возвращения у дверей маленького домика. Мысли его были устремлены к прекрасной белой девушке. Его мысль теперь всегда была с нею. Он только боялся, не испугается ли она его, и это опасение чуть не заставило его оставить свое намерение.

Им овладело нетерпеливое ожидание ее возвращения. Тарзану так хотелось насладиться ее присутствием, ее близостью! Быть может, ему даже удастся коснуться ее. Этот обезьяна-человек ничего не знал о боге, но он был так полон поклонения своему божеству, как едва ли кто-либо из смертных.

В ожидании ее, он занялся писанием печатными буквами послания к ней. Намеревался ли он сам отдать его ей, — он не знал; но ему доставило бесконечное удовольствие видеть свои мысли выраженными на бумаге, — а в этом деле в конце концов он совсем не был уж таким дикарем!

Он писал:

Я — Тарзан, из племени обезьян. Я хочу вас. Я ваш. Вы моя. Мы будем здесь всегда жить вместе в моем доме. Я буду носить вам самые лучшие плоды, самых нежных оленей, самую вкусную дичь, которая скитается по джунглям. Я буду охотиться для вас. Я — величайший из охотников джунглей. Я буду сражаться за Вас. Я — самый могучий из бойцов джунглей. Вы Джэн Портер — я это узнал из вашего письма. Когда вы увидите это, вы будете знать, что это для вас и что Тарзан, из племени обезьян, любит вас.

В то время, как он стройный, словно молодой индеец, стоял в ожидании у ее дверей, кончив свое письмо, его чуткие уши уловили знакомый звук. В лесу по нижним ветвям передвигалась большая обезьяна.

Одно мгновение он напряженно прислушивался. Внезапно из джунглей донесся раздирающий душу крик женщины, и Тарзан, уронив на землю свое первое любовное послание, кинулся в лес.

Клейтон тоже услышал крик, так же, как и профессор Портер, и м-р Филандер. Через несколько минут все они, запыхавшись, собрались у хижины, забрасывая друг друга набегу перекрестным градом вопросов. Взгляд, брошенный в хижину, подтвердил их худшие опасения. Джэн Портер и Эсмеральды в ней не было. Немедленно Клейтон бросился в джунгли в сопровождении обоих стариков, громко окликавая девушку по имени. Около получаса носились они по лесу, пока Клейтон не наткнулся на распростертое тело служанки.

Он нагнулся к ней, пощупав ее пульс и послушал биение сердца. Она была жива. Он стал трясти ее.

— Эсмеральда! — кричал он ей в ухо. — Эсмеральда! бога ради, скажите, где мисс Портер? Что случилось? Эсмеральда! Негритянка медленно открыла глаза. Она увидела Клейтона, увидела кругом себя джунгли.

— О, Габерелле! — простонала она и снова упала в обморок.

К этому времени подошли профессор Портер и м-р Филандер.

— Что нам делать, мистер Клейтон? — спросил старый профессор. — Где нам искать ее? Бог не может быть настолько жестоким, чтобы отнять теперь у меня мою дочку.

— Мы, должны прежде всего привести в чувство Эсмеральду, — ответил Клейтон. — Она может сообщить нам, что случилось. — Эсмеральда! — крикнул он снова, грубо трясая негритянку за плечи.

— О, Габерелле! Хоть бы умереть! — вопила бедная женщина, крепко зажмурив глаза. — Дай мне умереть, господи, но не дай мне видеть опять эту ужасную образину. Зачем послал ты дьявола за бедной старой Эсмеральдой? Она никому зла не сделала, никому, господи, никому. Она совершенно неповинна ни в чем, господи, да, неповинна ни в чем!

— Ну, ну, Эсмеральда, — прикрикнул Клейтон, — перед вами не бог, а мистер Клейтон. Откройте глаза. Эсмеральда исполнила, что ей было велено.

— О, Габерелле! Слава господу богу! — проговорила она.

— Где мисс Портер? Что случилось? — спрашивал Клейтон.

— Разве мисс Джэн нету здесь?.. — воскликнула Эсмеральда, поднимаясь с изумительной быстротой для особы ее объема. — О, господи, теперь я вспомнила. Должно быть, оно унесло ее. — И негритянка принялась рыдать и вопить причитания.

— Кто унес? — крикнул профессор Портер.

— Большое толстое животное, покрытое волосами.

— Горилла, Эсмеральда? — спросил м-р Филандер, и трое мужчин затаили дыхание, когда он высказал ужасающую мысль.

— Я думала, это был дьявол, но, должно быть, это был один из тех, кого вы зовете горильмантами. О, моя бедная крошка, моя маленькая птичка, бедная... — И снова Эсмеральда разразилась несдерживаемыми рыданиями.

Клейтон немедленно стал искать следы, но не мог найти ничего, кроме массы примятой поблизости травы, а его лесные понятия были

слишком ничтожны для истолкования того, что он видел.

Весь остаток дня трое мужчин занимались поисками в джунглях. Но когда спустилась ночь, они волей-неволей были вынуждены с отчаянием в сердце прекратить эти поиски, потому что они не знали даже куда, по какому направлению унесло Джэн Портер животное.

Было уже далеко после захода солнца, когда они добрались до хижины. Убитое горем небольшое общество сидело теперь безмолвно в маленькой комнате.

Наконец, профессор Портер прервал молчание. Тон его голоса уже не был тоном ученого педанта, разводящего теории об абстрактном и неведомом. Это был тон человека действия — тон решительный, но вместе с тем проникнутый таким неопишимо-безнадежным горем, что вызвал ответную волну отчаяния в душе Клейтона.

— Я прилягу, — сказал старик, — и постараюсь заснуть. Завтра рано утром, как только рассветет, возьму с собой столько пищи, сколько могу снести, и пойду искать Джэн, пока не найду ее. Без нее не вернусь!

Его спутники не сразу ответили. Каждый из них был поглощен в свои печальные мысли, и каждый знал, как знал это и старый профессор, что означали его последние слова: профессор Портер никогда не вернется из джунглей.

Наконец, Клейтон встал и, нежно положив на руку сгорбленное плечо старого профессора, сказал:

— Я, конечно, пойду с вами. И не говорите мне, что я не должен этого делать.

— Я знал, что вы это предложите, что вы захотите идти, м-р Клейтон, но право — не делайте этого. Джэн теперь вне человеческой помощи. Я просто потому иду, чтобы вместе с нею погибнуть, а также чтобы сознавать, что та, которая была так недавно моей дорогой маленькой дочуркой, не лежит одиноко и покинутая всеми в страшных джунглях. Одни и те же стебли и листья покроют нас с нею и одни и те же дожди будут поливать нас. Нет, я должен идти один, потому что она была моей дочерью, единственным, что оставалось у меня на свете и что я любил!

— Я пойду с вами, — просто сказал Клейтон. Старик поднял голову и внимательно посмотрел на энергичное, красивое лицо Уильямса Сесилия Клейтона. Быть может, впервые он прочел на этом

лице любовь, таившуюся в сердце молодого человека, — любовь к его дочери.

Обычно профессор Портер был слишком занят своими собственными учеными мыслями, чтобы замечать мелкие факты, случайные слова, которые бы давно подсказали всякому другому, что молодые люди все ближе и ближе тяготеют друг к другу. Теперь он стал припоминать все, одно за другим.

— Как хотите, — согласился он наконец.

— Вы можете рассчитывать также и на меня, — заявил м-р Филандер.

— Нет, мой дорогой старый друг, — возразил профессор Портер, — всем нам идти не следует. Было бы большой жестокостью оставить бедную Эсмеральду здесь одну; да и всем троим не достигнуть большего результата, чем одному. Без того достаточно уже мертвых в этом жестоком лесу. Пойдемте, господа, попытаемся немного заснуть.

XIX

ЗОВ ПЕРВОБЫТНОСТИ

С того времени, как Тарзан, приемыш обезьян, ушел из племени больших антропоидов, оно было раздираемо постоянными распрями и ссорами. Теркоз оказался жестоким и капризным царем; многие из более старых и слабых обезьян, на которых он чаще всего привык обрушивать свой зверский нрав, ушли далеко вглубь страны, забрав с собой свои семьи, в поисках тишины и безопасности.

Но, наконец, и оставшиеся были доведены до отчаяния постоянными придирками Теркоза, и тут один из них вспомнил прощальный совет Тарзана.

— Если у вас будет жестокий повелитель, — сказал он, покидая их, — не поступайте так, как поступают другие обезьяны, — пусть никто из вас не пытается восстать против него в одиночку. Вместо того, пусть двое, или трое, или четверо соберутся вместе и все сразу нападут на него. Тогда ни один властитель не осмелится быть иным, чем ему следует, потому что четверо всегда справятся с любым вождем.

Вспомнив этот мудрый совет, обезьяна повторила его многим из своих товарищей, так что, когда Теркоз вернулся домой, то его ждал теплый и дружный прием.

Особых формальностей не было. Как только Теркоз приблизился к сборищу, пять огромных волосатых зверей бросились на него.

В душе Теркоз был отъявленным трусом, какими обыкновенно бывают нахалы и среди обезьян, и среди людей. Поэтому Теркоз не принял боя, исход которого был для него ясен, но вырвался и скрылся в ветвях деревьев.

Он сделал еще две попытки вернуться в племя, но всякий раз на него нападали и прогоняли его. Наконец, поняв, что его никогда не примут обратно, он ушел в джунгли, горя ненавистью и бешенством.

Несколько дней он там без цели бродяжничал. Гнев его все разрастался, и он искал какое-нибудь слабое существо, на котором он мог бы излить всю душившую его злобу.

В таком состоянии духа это ужасное человекоподобное чудовище, перекидываясь с ветки на ветку, неожиданно встретило в джунглях обеих женщин.

Он был как раз над ними, когда заметил их. Первое указание на его присутствие Джэн Портер получила только тогда, когда большое волосатое тело прыгнуло на землю рядом с нею, и она увидела его страшную образину, его оскалившийся отвратительный рот, не дальше фута от себя.

Пронзительный крик вырвался у Джэн, когда рука зверя схватила ее за плечо. Потом она увидела ужасные клыки, которые разверзлись над ее горлом. Но прежде, чем они коснулись прекрасной кожи, антропоид уже передумал.

Его жены остались в племени. Он должен заменить их другими. Эта белая безволосая обезьяна будет первой в его новом хозяйстве. Он грубо вскинул ее на свои волосатые плечи и вспрыгнул на ветку, готовя Джэн участь, которая в тысячу раз хуже смерти.

Крик ужаса негритянки раздался только один раз вместе с криком Джэн Портер, а потом, — как это всегда полагалось у Эсмеральды в критических моментах, требовавших полного присутствия духа, — она упала в обморок.

Но Джэн Портер ни разу не теряла сознания. Правда, что страшная образина, прижимавшаяся близко к ее лицу, и зловонное дыхание, обдававшее ее ноздри, парализовали ее. Но сознание ее было ясно, и она понимала все, что происходило когда зверь нес ее. Все же она не кричала и не боролась. Внезапное появление обезьяны до такой степени сбilo ее с толку, что ей стало теперь казаться, что ее несут к берегу.

Она решила сохранить свою энергию и силу голоса до той поры, когда увидит, что они достаточно близко от лагеря, чтобы привлечь оттуда столь желанную ей помощь.

Бедное дитя! Если бы она знала, что ее несут все дальше и дальше в непроходимую глушь джунглей!

Крик, который встревожил Клейтона и обоих стариков, привел Тарзана, приемыша обезьян, прямо туда, где лежала Эсмеральда. Но не на Эсмеральде сосредоточился его интерес, хотя он и удостоверился, что она невредима.

Одно мгновение Тарзан исследовал землю и ближайшие деревья, пока инстинкт обезьяны, соединенный с разумом человека, не рассказали ему, так изумительно знавшему жизнь лесов, все происшествие так же ясно, как будто он видел его своими глазами.

И тотчас помчался он по свежему следу, который никакой другой человеческий глаз не мог бы заметить, и тем более объяснить. Больше всего следов на концах ветвей, где антропоид перебрасывался с ветки на ветку, но по ним трудно установить его направление, потому что под тяжестью его тела ветвь склоняется вниз и неизвестно, подымалась или спускалась по ней обезьяна; зато ближе к стволу, где следы слабее, направление яснее означено. Вот тут, на ветке, большой лапой беглеца была раздавлена гусеница, и Тарзан инстинктивно чувствует, куда ступит теперь та же большая лапа — и действительно он находит там микроскопическую частичку уничтоженного червя, иногда простой влажный след.

Дальше, маленький кусочек коры отодран когтем, а направление излома указывает на направление беглеца. Там и сям на какой-нибудь большой ветке или на стволе дерева, которых коснулось волосатое тело, застрял крошечный обрывок волос. По тому, как он втиснут под корой, он говорит Тарзану, что он идет правильно.

Он не замедляет своего бега, чтобы подметить все эти, на вид столь слабые, признаки зверя. Для Тарзана они ярко выделяются среди мириады других повреждений, шрамов и знаков на ветвистом пути. Но больше всего помогает ему запах, потому что Тарзан преследует по ветру, и его развитые ноздри так же чувствительны, как ноздри собаки.

Есть люди, которые думают, что существа низшего порядка специально одарены природой лучшими обонятельными нервами, чем человек, — но это только дело развития.

Жизнь людей — не в такой сильной зависимости от совершенства их чувств. Способность к рассуждению освободила человека от многих обязанностей; чувства до известной степени атрофировались, так же как мышцы, двигающие уши и волосяной покров головы, атрофировались от недостаточного употребления.

Мышцы именуются и у ушей и под кожей головы, но они недоразвиты оттого, что в них не нуждаются.

Но, то с Тарзаном, обезьяньим приемышем. С первых дней детства его существование неизмеримо больше зависело от остроты его

зрения, слуха, обоняния, осязания и вкуса, чем от более медленно развивающегося органа разума.

Менее всего у Тарзана было развито чувство вкуса, и он мог с почти одинаковым удовольствием есть роскошные плоды и сырое мясо, долго пролежавшее в земле; в этом, впрочем, он мало чем отличался от наших утонченных гурманов!

Почти бесшумно мчался Тарзан по следу Теркоза и его добычи; но звук его приближения все же достиг до ушей убежавшего зверя и заставил его еще быстрее бежать.

Три мили были покрыты, прежде чем обезьяна-человек настиг их и Теркоз, видя, что ему не уйти, соскочил на открытую небольшую поляну, чтобы сразиться здесь за свою добычу, или же, бросив ее, спастись бегством.

Он еще прижимал к себе огромной лапой Джэн Портер, когда Тарзан, точно леопард, прыгнул на арену, которую природа как бы нарочно создала для этого первобытного боя.

Когда Теркоз увидел, кто его преследовал, он сразу подумал, что похищенная им самка — жена Тарзана: они, очевидно, были той же породы — оба белые и безволосые. И Теркоз был в восторге от возможности больно отомстить ненавистному врагу.

Внезапное появление таинственного богоподобного человека подействовало как бодрящее вино на измученные нервы Джэн Портер.

По описаниям Клейтона, своего отца и м-ра Филандера она догадалась, что должно быть это и есть то самое изумительное существо, которое спасло их, и она видела в нем друга и защитника.

Но когда Теркоз грубо толкнул ее в сторону, чтобы броситься навстречу Тарзану, Джэн Портер рассмотрела огромные размеры обезьяны, ее могучие мускулы и огромные клыки, и сердце ее упало. Разве мог человек, каков бы он ни был, победить такого мощного противника?

Они сшиблись, как два разъяренных быка и, как два волка, старались добраться до горла друг друга. Против длинных клыков обезьяны у человека было узкое лезвие ножа.

Джэн Портер всем своим гибким, молодым телом прильнула к стволу большого дерева, прижав крепко руки к нервно дышащей груди, и с широко раскрытыми глазами, в которых отражалась смесь

ужаса и восхищения, смотрела на бой первобытной обезьяны с первобытным человеком за обладание женщиной — за обладание ею.

Когда большие мускулы спины и плеч человека вздулись от напряжения и огромный бицепс и предплечье остановили страшные клыки, завеса веков цивилизации и культуры разверзлась перед отуманенным взором девушки из Балтиморы.

А когда длинный нож раз десять упился горячей кровью Теркоза и громадная туша его безжизненно пала на землю, первобытная женщина с распростертыми объятиями бросилась к первобытному мужчине, который сражался за нее и завоевал ее.

А Тарзан?

Он сделал то, что сделал бы на его месте всякий мужчина, у которого течет в жилах красная кровь. Он взял женщину в свои объятия и стал осыпать поцелуями ее трепещущие губы.

Одно мгновение Джэн Портер лежала в его объятиях с полузакрытыми глазами. Одно мгновение — первое в ее молодой жизни — она узнала, что такое любовь.

Но завеса упала так же внезапно, как поднялась. Сознание оскорбления покрывало лицо Джэн Портер ярко вспыхнувшим румянцем. Женщина оттолкнула от себя Тарзана, человека-обезьяну, и закрыла лицо свое руками.

Тарзан был изумлен, когда девушка, которую он безотчетно любил какой-то отвлеченной любовью, вдруг очутилась добровольной пленницей в его объятиях. Теперь он был не менее изумлен тем, что она отталкивает его.

Он приблизился к ней еще раз и взял ее за руку. Она бросилась на него, как тигрица, нанося своими крошечными руками удары в его большую грудь.

Тарзан не мог ничего понять.

Еще за минуту до того, он был намерен как можно скорее вернуть Джэн Портер ее родственникам, но эта минута уже канула в смутном и невозвратном прошлом, а вместе с нею кануло и его доброе намерение.

Тарзан, обезьяний приемыш, преобразовался в один миг, когда почувствовал теплое гибкое тело, крепко прижавшееся к нему.

Прекрасные губы слились с его губами в жгучих поцелуях и выжгли глубокое клеймо в его душе — клеймо, отметившее нового Тарзана.

Он снова положил руку на ее плечо. Она оттолкнула его. И тогда Тарзан, обезьяний приемыш, поступил как раз так, как это сделал бы его отдаленный предок.

Он поднял свою женщину и понес ее в джунгли.

Рано утром на следующий день, четверо людей, оставшиеся в хижине у моря, были разбужены пушечным выстрелом. Клейтон выбежал первым и увидел, что там, за входом в маленькую бухту, стоят на якоре два судна.

Одно было «Арроу», а другое — небольшой французский крейсер, на борту которого толпилось много людей, смотревших на берег. Клейтон, как и остальные, которые теперь присоединились к нему, ясно понимал, что пушечный выстрел имел целью привлечь их внимание, если они еще оставались в хижине.

Оба судна стояли на значительном расстоянии от берега, и было сомнительно, чтобы даже в подзорную трубу они могли заметить четыре фигурки, махавшие шляпами так далеко за мысами бухты.

Эсмеральда сняла свой красный передник и бешено размахивала им над головой; но Клейтон, опасаясь, что даже и это может остаться незамеченным, бегом бросился к северному мысу бухты, где им был приготовлен сигнальный костер.

Ему, так же как и тем, кто, затаив дыхание, остались ждать у хижины, показалось, что прошла целая вечность, пока, наконец, он добрался до огромного вороха сухих ветвей и кустарника.

Выйдя из густого леса на открытое место, с которого можно было различить суда, Клейтон был страшно поражен, увидев, что на «Арроу» поднимают паруса, а крейсер уже двинулся вперед. Быстро зажег он костер со всех сторон и помчался на самую крайнюю точку мыса, где, сняв с себя рубашку и привязав ее к упавшей ветке, он долго стоял, размахивая ею над головой.

Но суда все удалялись, и он уже потерял всякую надежду, когда вдруг огромный столб дыма, поднявшийся над лесом густой отвесной колонной, привлек внимание дозорного на крейсере, и тотчас же дюжина биноклей была направлена на берег.

Оба судна повернули обратно: «Арроу» спокойно стал, покачиваясь на волнах океана, а крейсер медленно направился к берегу.

На некотором расстоянии он остановился, и шлюпка была спущена и послана к берегу. Когда она подошла, из нее выпрыгнул молодой

офицер.

— Мосье Клейтон, я полагаю? — спросил он.

— Слава богу, вы пришли! — был ответ Клейтона, — может быть, даже и теперь еще не поздно!

— Что вы хотите этим сказать, мосье? — спросил офицер. Клейтон рассказал о том, что Джэн Портер похищена и что им нужны вооруженные люди, чтобы продолжать поиски в джунглях.

— Mon Dieu! — печально воскликнул офицер. — Вчера — еще не было бы слишком поздно, а сегодня — быть может, было бы лучше, чтобы бедная девушка не была найдена... Это ужасно, monsieur! Это просто ужасно!

От крейсера отплыло еще несколько шлюпок. Клейтон указав офицеру вход в бухту, сел в его шлюпку и она была направлена в закрытый заливчик, куда за ней последовали и другие лодки.

Вскоре все высадились у того места, где стояли профессор Портер, м-р Филандер и плачущая Эсмеральда.

Среди офицеров последней, отчалившей от крейсера, шлюпки был и сам командир корабля. Когда он услышал историю о похищении Джэн Портер, он великодушно вызвал охотников сопровождать профессора Портера и Клейтона в их поисках.

Не было ни одного офицера или матроса среди этих храбрых и симпатичных французов, кто не вызвался бы в охотники.

Командир выбрал двадцать матросов и двух офицеров — лейтенанта д'Арно и лейтенанта Шарпантье. Шлюпка пошла на крейсер за продовольствием, патронами и ружьями; матросы уже были вооружены револьверами.

Тогда на вопросы Клейтона, как случилось, что они бросили якорь в открытом море и дали им пушечный сигнал, командир, капитан Дюфрен, объяснил, что с месяц тому назад они впервые увидели «Арроу», шедший на юго-запад под значительным количеством парусов. Когда они сигнализировали судну подойти, он поднял еще новые паруса и ушел. Они гнались за ним до захода солнца, стреляя в него много раз, но на следующее утро судна нигде не было видно. В продолжение нескольких недель кряду они крейсировали вдоль берега и уже забыли о приключении с недавней погоней, как вдруг рано утром, несколько дней тому назад, дозорный заметил судно, бросаемое

из стороны в сторону среди сильной зыби; руль его бездействовал, и никто не управлял парусами.

Подойдя ближе к брошенному судну, они с удивлением узнали в нем то самое, которое скрылось от них несколько недель тому назад. Его фок-шток и контр-бизань были подняты, как будто были сделаны усилия поставить его носом по ветру, но шторм разодрал в клочья полотнища парусов.

При страшном волнении попытка перевести команду на судно была чрезвычайно опасной. И так как на палубе его не было видно никакого признака жизни, то было сперва решено переждать, пока ветер уляжется. Но как раз тогда заметили человеческую фигуру, цепляющуюся за перила и слабо махавшую им в отчаянном призыве.

Тотчас же была снаряжена шлюпка и сделана удачная попытка причалить к «Арроу». Зрелище, встретившее взоры французов, когда они вскарабкались через борт судна, было потрясающее.

Около дюжины мертвых и умирающих людей катались туда и сюда при килевой качке по палубе, живые попеременно с мертвыми. Среди них были два трупа, обглоданные точно волками.

Призовая команда скоро поставила на судне необходимые паруса, и еще живые члены злосчастного экипажа были снесены вниз на койки.

Мертвых завернули в брезенты и привязали к палубе, чтобы товарищи могли опознать их прежде, чем они будут брошены в глубь моря.

Когда французы поднялись на палубу «Арроу», никто из живых не был в сознании. Даже бедняга, давший отчаянный сигнал о бедствии, впал в беспамятство прежде, чем узнал, помог ли его призыв или нет.

Французскому офицеру не пришлось долго задумываться о причинах ужасного положения на судне, потому что, когда стали искать воды или водки, чтобы восстановить силы матросов, оказалось, что ни того, ни другого не было, — не было и признака какой-либо пищи.

Офицер тотчас просигнализировал крейсеру просьбу прислать воду, медикаменты, провизию, и другая шлюпка совершила опасный переход к «Арроу».

Когда подкрепляющие средства были применены, некоторые из матросов пришли в сознание и вся история была рассказана. Часть ее

нам известна вплоть до убийства Снайпса и зарытая его труп поверх сундука с золотом.

По-видимому, преследование крейсера до того терроризировано бунтовщиков, что они продолжали идти в Атлантический океан в течение нескольких дней и после того, как потеряли крейсер из вида. Но, обнаружив на судне скудный запас воды и припасов, они повернули назад на восток.

Так как на борту не было никого, кто бы мог управлять судном, то скоро начались споры о том, где они находятся и какой курс следует держать. Три дня плыли они на восток, но земли все не было видно; тогда они повернули на север, боясь, что дувшие все время сильнейшие северные ветры отнесли их к югу от южной оконечности Африки. Два дня шли они на курс северо-восток и тогда попали в штиль, продолжавшийся почти неделю. Вода иссякла, а через день кончились и запасы пищи.

Положение быстро менялось к худшему. Один матрос сошел с ума и прыгнул за борт. Вскоре другой матрос вскрыл себе вены и стал пить собственную кровь.

Когда он умер, они тоже бросили его за борт, хотя некоторые из них требовали, чтобы трупы держали на борту. Голод превращал их в диких зверей.

За два дня до того, как их встретил французский крейсер, они до того ослабели, что не могли уже управлять судном; в тот же день у них умерло еще три человека. На следующее утро оказалось, что один из трупов частью съеден.

Весь тот день люди лежали и сверкающими глазами смотрели друг на друга, как хищные звери. А на другое утро уже два трупа оказались обглоданными почти до костей.

Но эта еда каннибалов их мало подкрепила, потому что отсутствие воды было куда более сильной пыткой, чем голод. И тогда появился крейсер.

Когда те, кто мог, поправились, вся история бунта была рассказана французскому командиру, но матросы «Ароу» оказались слишком невежественными, чтобы суметь указать, в каком именно месте берега были высажены профессор и его спутники. Поэтому крейсер медленно плыл вдоль всего побережья, изредка давая пушечные сигналы и исследуя каждый дюйм берега в подзорные трубы.

Ночью они становились на якорь, чтобы обследовать все части берега при свете дня. И случилось так, что предшествующая ночь привела их как раз на то самое место берега, где находился маленький лагерь, который они искали.

Сигнальные выстрелы, данные ими накануне после полудня, не были услышаны обитателями хижины, — потому что те вероятно были в это время в глубине джунглей в поисках Джэн Портер, и шумный треск сучьев под их ногами заглушил слабые звуки далеких пушек.

К тому времени, как обе стороны рассказали друг другу свои приключения, шлюпка с крейсера вернулась с продовольствием и оружием для отряда.

Через несколько минут выделилась маленькая группа матросов, и оба французских офицера вместе с профессором Портером и Клейтоном отправились на свои безнадежные и зловещие поиски.

XX

НАСЛЕДСТВЕННОСТЬ

Когда Джэн Портер поняла, что странное лесное существо, которое спасло ее от когтей обезьяны, несет ее куда-то, как пленницу, она стала делать отчаянные попытки от него вырваться. Но сильные руки только немного крепче прижали ее к себе.

Тогда она отказалась от бесплодных попыток и стала лежать спокойно, разглядывая из-под полуопущенных век лицо того человека, который, неся ее на руках, так легко шагал через запутанные заросли кустарников.

Лицо его было необычайной красоты. Оно являлось идеальным типом мужественности и силы, не искаженным ни беспутной жизнью, ни зверскими и низменными страстями. Хотя Тарзан и был убийцей людей и животных, он убивал бесстрастно, как убивает охотник, за исключением тех редких случаев, когда он убивал из ненависти. Впрочем сама ненависть эта была не той злобной и долго таящейся ненавистью, которая навсегда оставляет страшную печать на чертах ненавидящего.

Тарзан убивал со светлой улыбкой на устах, а улыбка — основание красоты.

В тот миг, когда Тарзан напал на Теркоза, девушку поразила яркая красная полоса на его лбу, идущая от левого глаза до начала волос. Теперь, когда она внимательно рассматривала его черты, она увидела, что эта полоса исчезла, и только узкий, белый шрам отмечал еще место, где она выступала.

Джэн Портер не вырывалась и Тарзан слегка ослабил железное кольцо своих рук.

Раз он взглянул ей в глаза и улыбнулся — и девушке пришлось закрыть свои глаза, чтобы победить чары этого прекрасного лица.

Тарзан поднялся на деревья, и у Джэн Портер, не чувствовавшей никакого страха, от этой необычайной дороги, мелькнула мысль, что во многих отношениях она никогда за всю свою жизнь не была в такой безопасности, как теперь, когда лежала в объятиях этого сильного,

дикого существа, которое несло ее, неизвестно куда и неизвестно для чего, через все более глухие заросли первобытного леса.

Иногда она закрывала глаза и со страхом думала о том, что ее ждет. Живое воображение подсказывало ей тогда всевозможные ужасы; но стоило ей поднять веки и взглянуть на прекрасное лицо, низко склоненное над нею, чтобы все опасения рассеивались.

Нет, ей не следует его бояться! В этом она все более и более убеждалась, пытливо разглядывая тонкие черты и честный взгляд, которые свидетельствовали о рыцарстве и благородстве натуры.

Они все глубже и глубже забирались в лес, смыкавшийся вокруг них неприступной, как ей казалось, стеной, но перед лесным богом, словно по волшебству, всякий раз открывался проход, который тотчас же и закрывался за ними.

Редкая ветка слегка касалась ее, — а между тем, и сверху и снизу, и спереди и сзади, глазам представлялась одна сплошная масса тесно сплетенных ветвей и ползучих растений.

Во время этой дороги Тарзан, идя упрямо вперед, был полон многими новыми мыслями. Перед ним встала задача, какой он еще никогда не встречал, и он скорее чувствовал, чем понимал, что должен разрешить ее как человек, а не как обезьяна.

Передвижение по средней террасе, по которой Тарзан прошел большую часть пути, помогло охладить пыл его первой неистовой страсти, так внезапно загоревшейся.

Теперь он стал размышлять об участи, которая выпала бы на долю девушки, если бы он не спас ее от Теркоза.

Он знал, почему тот не убил ее, и стал сравнивать свои намерения с намерениями обезьяны.

Правда, по обычаю джунглей, самец брал себе самку силой. Но может ли Тарзан в этом случае руководствоваться законом зверей? Разве Тарзан не человек? А как поступают в таких случаях люди? Он был в большом затруднении, потому что не знал.

Очень хотелось ему спросить об этом девушку; потом ему пришло в голову, что она уже ответила, сопротивляясь и пытаясь оттолкнуть его...

Наконец, они достигли своего назначения, и Тарзан, обезьяний приемщик, с Джэн Портер в своих сильных объятиях, легко спрыгнул

на дерн той арены, где собирались для совета большие обезьяны и где они плясали в диких оргиях Дум-Дум.

Хотя они прошли много миль, день все еще не клонился к вечеру, и амфитеатр был облит полусветом, проникавшим сквозь чашу листвы.

Зеленый дерн казался мягким, прохладным и звал отдохнуть. Мириады шумов джунглей доносились издали и казались далеким звуком прибоя.

Чувство мечтательного спокойствия овладело Джэн Портер, когда она опустилась на дерн и взглянула на большую фигуру Тарзана, стоявшую возле нее. К этому прибавилось еще непонятное ощущение полнейшей безопасности.

Она следила за ним из-под полуопущенных век, пока Тарзан переходил через маленькую круглую полянку, направляясь к деревьям у дальнего края. Она отметила изящную величавость его походки, совершенную симметрию его величественной фигуры и гордую посадку его прекрасной головы на широких плечах.

Что за изумительное создание! Ни жестокость, ни низость не могут таиться под этой богоподобной внешностью. Никогда еще, думала она, подобное совершенство не попирало ногами землю.

Тарзан вскочил одним прыжком на дерево и исчез. Джэн Портер недоумевала: зачем он ушел? Неужели он оставил ее здесь, покинув ее судьбе в пустынных джунглях?

Она нервно оглянулась. Каждый стебель, каждый куст казались ей засадой какого-нибудь огромного и ужасного зверя, подстерегающего ее и только ждущего мгновения, чтобы вонзить блестящие клыки в ее нежное тело. Каждый звук превращала она в своем воображении в скрытое, незаметное приближение гибкого и злобного существа.

Какая разница во всем с тех пор, как он ее оставил!

Она сидела четыре или пять минут, показавшихся ей часами, с напряжением ожидая прыжка притаившегося животного, который положил бы конец ее муке.

Она почти молила о жестоких клыках, которые принесли бы ей смерть и отвратили бы эту агонию страха.

Услышав вновь легкий шорох позади себя, она с криком вскочила на ноги и обернулась лицом к ждущему ее концу.

Перед ней стоял Тарзан, и в руках у него была целая груда роскошных спелых плодов.

Джэн Портер пошатнулась и упала бы, если бы Тарзан, бросив свою ношу, не удержал ее в своих объятиях. Она не потеряла сознания, но крепко прижалась к нему, вздрагивая и дрожа, как испуганная лань.

Тарзан, приемыш обезьян, тихо гладил ее шелковистые волосы и старался успокоить и утешить ее, как это делала Кала с ним, когда, маленькой обезьянкой, он пугался змеи Хисты или львицы Сабор.

Раз он слегка приник к ее лбу, и она не шелохнулась, только вздохнула и закрыла глаза.

Джэн никак не могла понять, что с ней делается.

Джэн чувствовала себя в безопасности в этих сильных объятиях, и ей этого было достаточно. О будущем не хотелось думать, и она покорялась судьбе. За несколько истекших часов, она вдруг стала доверять этому загадочному существу лесов, как доверяла бы лишь очень немногим знакомым ей мужчинам. Ей пришло в голову, что все это очень странно, и вдруг в ее душе родилась догадка, что это необыкновенное состояние может быть ничем иным, как настоящей любовью... Ее первой любовью! Она вспыхнула и улыбнулась. Джэн Портер слегка отодвинулась от Тарзана и, глядя на него с полуулыбающимся и полунасмешливым выражением, придававшим ее лицу полнейшую обворожительность, она указала на плоды в траве и села на край земляного барабана антропоидов, так как голод давал себя знать.

Тарзан быстро собрал плоды и, принеся их, положил к ее ногам; а затем и он тоже сел на барабан, рядом с нею, и стал ножом разрезать и готовить для нее пищу.

Они ели вместе и молчали, время от времени украдкой бросая друг на друга лукавые взгляды, пока, наконец, Джэн Портер не разразилась веселым смехом, к которому присоединился и Тарзан.

— Как жаль, что вы не говорите по-английски, — сказала девушка.

Тарзан покачал головой, и выражение трогательной и жадной пытливости омрачило его смеющиеся глаза.

Тогда Джэн Портер пыталась заговорить с ним по-французски, а потом по-немецки, но сама рассмеялась над своими ошибками при попытке говорить на последнем языке.

— Во всяком случае, — сказала она ему по-английски, — вы понимаете мой немецкий язык так же хорошо, как меня понимали в Берлине!

Тарзан давно уже пришел к решению относительно того, каким должен быть его дальнейший образ действий. Он имел время вспомнить все прочитанное им в книгах об обращении мужчин и женщин. И он поступит так, как он воображал, что поступили бы мужчины, если бы были на его месте.

Он снова встал и пошел к деревьям, но сначала попытался объяснить знаками, что скоро вернется, и так хорошо сделал это, что Джэн Портер поняла и не испугалась, когда он ушел.

Только чувство одиночества охватило ее, и она нетерпеливо смотрела на то место, где он исчез, ожидая его возвращения. Как и прежде, она была извещена о его присутствии легким шорохом за своей спиной и, обернувшись, увидела его, идущего по дерну с огромной ношей веток.

Он принес затем большое количество мягких трав и папоротников. Еще два раза уходил он, пока у него не оказалась под руками целая грудa материалов. Тогда он разостлал папоротники и траву на земле в виде мягкой, ровной постели, а над нею соорудил шалаш из веток в несколько футов высоты. Ветки образовали как бы двухскатную кровлю, поставленную прямо на землю. На них он положил толстый слой огромных листьев слоновьего уха и накрыл ветвями и листьями один конец маленького убежища.

Они снова уселись вместе на край барабана и попытались разговаривать знаками.

Великолепный бриллиантовый медальон, висевший на шее Тарзана, оказался для Джэн Портер источником величайшего изумления. Она указала на него, и Тарзан снял хорошенькую безделушку и передал ей.

Джэн увидела, что оправа — работы искусного ювелира и что бриллианты прекрасной игры, но по гранению камней было видно, что работа несовременная.

Она заметила также, что медальон открывается, нажала скрытую пружину, и обе половины отпрянули. В каждой створке оказалось по миниатюре на слоновой кости.

На одной было изображение молодой красавицы, а другая представляла почти точный портрет сидевшего рядом с ней Тарзана, за исключением едва уловимой разницы в выражении.

Она посмотрела на Тарзана и увидела, что, склонившись к ней, он с удивлением устремил глаза на миниатюры. Протянув руку за медальоном, он отнял его у нее и принялся рассматривать миниатюры с очевидными признаками изумления и интереса. Его манеры ясно указывали, что он никогда до того не видел их и не думал, что медальон открывается.

Этот факт вызвал Джэн Портер на дальнейшие размышления, и воображение ее стало рисовать ей, как это прекрасное украшение попало в собственность дикого и непросвещенного существа неисследованных джунглей Африки.

Но еще более удивительно было то обстоятельство, что в медальоне оказалось изображение человека, который мог бы быть братом или, вернее, отцом этого лесного полубога.

Тарзан все еще пристально рассматривал оба изображения. Вдруг он снял с плеча колчан и, высыпав стрелы на землю, достал со дна мешкообразного вместилища плоский предмет, завернутый в несколько слоев мягких листьев и перевязанный длинными травами.

Осторожно развернул он листья, слой за слоем, пока, наконец, в его руках не очутилась фотография. Указывая на миниатюру мужчины в медальоне, он передал фотографию Джэн Портер.

Фотография привела девушку в еще большее удивление, так как она, очевидно, была лишь другим изображением того же самого мужчины, миниатюра которого находилась в медальоне рядом с миниатюрой молодой женщины.

Тарзан смотрел на нее с выражением недоумевающей растерянности в глазах, когда она взглянула на него. Казалось, на губах его шевелился какой-то вопрос.

Девушка указала на фотографию, потом на миниатюру и потом на него, как бы желая сообщить, что она думает, что это его изображение. Но он только покачал головой, и затем пожав своими могучими плечами, взял у нее фотографию и, заботливо завернув ее, опять спрятал на дно колчана.

Несколько минут он сидел молча, устремляя глаза в землю, в то время как Джэн Портер, держа маленький медальон в руке, рассматривала его со всех сторон, стараясь отыскать какое-нибудь указание, которое могло бы привести к установлению подлинности первоначального его собственника. Наконец, ей в голову пришло простое объяснение.

Медальон принадлежал лорду Грейстоку и миниатюры были его самого и леди Элис.

Это дикое существо просто нашло медальон в хижине на берегу. Как глупо было с ее стороны сразу не подумать об этом!

Но объяснить странное сходство лорда Грейстока с лесным богом — это было выше ее сил. Естественно, чего она не могла и представить себе, что этот голый дикарь в действительности сын лорда.

Наконец, Тарзан взглянул на девушку, рассматривавшую медальон. Он не мог проникнуть в значение миниатюр, но мог прочесть интерес и восхищение на лице живого молодого существа рядом с ним.

Она заметила, что он следит за ней, и, подумав, не желает ли он получить обратно свое украшение, протянула его ему. Он взял медальон и надел его ей на шею, улыбаясь выражению ее изумления при неожиданном подарке.

Джэн Портер горячо потрясла головой в знак отказа и попыталась снять золотые звенья со своей шеи, но Тарзан не допустил этого. Он взял ее руки в свои и, когда она стала настаивать на своем, он крепко держал их, чтобы помешать ей.

Наконец, она согласилась, с легким смехом поднесла медальон к губам и, встав, сделала Тарзану маленький реверанс.

Тарзан не знал точно, что она хочет этим сказать, но правильно догадался — это ее способ выразить признательность за подарок. Итак, он тоже встал и, взяв медальон в руки, склонился с важностью старинного придворного и прижал свои губы к тому месту, которого коснулись ее губы.

Величавый и любезный поклон его был исполнен с грацией и достоинством полнейшей бессознательности. Это была печать его происхождения, естественное проявление утонченного воспитания многих поколений и наследственный инстинкт приветливости, которых не смогли искоренить грубое воспитание и дикая среда.

Становилось уже темно, и они снова принялись за плоды, которые были для них одновременно и пищей, и питьем. Потом Тарзан встал и повел Джэн Портер к маленькому убежищу, сооруженному им, попросив ее знаком войти в него.

В первый раз после нескольких часов ощущение страха вновь охватило Джэн, и Тарзан почувствовал, что она пятится назад, как

будто опасаясь его.

Часы, проведенные с этой девушкой, сделали Тарзана совершенно иным, чем он был утром. Теперь в каждой фибре его существа наследственность говорила громче, чем воспитание.

Он, конечно, не переродился в одно мгновение из дикой обезьяны в утонченного джентльмена, но инстинкт последнего стал преобладать; он весь горел желанием понравиться женщине, которую он любил, и не уронить себя в ее глазах!

Итак, Тарзан, обезьяний приемыш, сделал единственную вещь, которая могла убедить Джэн Портер в ее безопасности. Он вынул из ножен свой нож и передал его ей рукояткою вперед снова указывая знаком войти в убежище.

Девушка поняла и, взяв длинный нож, вошла в шалаш и улеглась на мягкие травы, в то время как Тарзан растянулся на земле поперек входа.

Так застало их восходящее утро.

Когда Джэн Портер проснулась, она не сразу припомнила удивительные происшествия минувшего дня, и потому изумилась, увидав странную обстановку, окружающую ее: маленький лиственный шалаш, мягкие травы ее постели и незнакомый вид кругом из отверстия в шалаше.

Медленно восстанавливала она все обстоятельства ее теперешнего положения. И тогда огромное изумление родилось в ее сердце и ее охватила могучая волна благодарности за то, что, хотя она и подверглась ужасной опасности, но осталась невредимой.

Она двинулась к выходу из своего шалаша, чтобы взглянуть, где Тарзан. Его не было; но на этот раз страх не напал на нее: она была уверена, что он вернется!

На траве, у входа в беседку, она увидела отпечаток его тела в том месте, где он лежал всю ночь, охраняя ее. Она знала, что именно его присутствие здесь позволило ей спать в такой мирной безопасности.

Имея его вблизи, кто бы мог бояться? Она сомневалась, чтобы был еще другой человек на земле, с которым девушка могла чувствовать себя вне всякой опасности в диких африканских джунглях. Даже львы и пантеры ей теперь не страшны.

Она взглянула вверх и увидела, как его гибкая фигура легко спрыгнула с близ стоящего дерева. Когда он поймал ее глаза на нем,

лицо его озарилось той открытой, сияющей улыбкой, которая накануне завоевала ее доверие.

Он подошел — и сердце Джэн Портер забилося сильнее и глаза ее заблестели, как никогда не блестили прежде, когда к ней приближался мужчина.

Он опять собрал плодов и сложил их у входа в шалаш. Еще раз уселись они, чтобы вместе поесть.

Джэн Портер стала раздумывать, какие же у него планы? Доставит ли он ее назад на берег, или будет держать здесь? И вдруг она осознала, что это обстоятельство, по-видимому, не очень ее тревожит. Неужели возможно, что ей это все равно?

Она начала также понимать, что, сидя здесь, рядом с улыбающимся гигантом, и кушая восхитительные плоды в лесном раю, скрытом в отдаленных глубинах африканских джунглей — она была и довольна, и очень счастлива.

Она никак не могла уразуметь этого. Казалось бы, что она должна быть измучена разными страхами, что должна бы впасть в уныние от мрачных предчувствий, а вместо всего этого сердце в груди ее ныло, и она улыбалась человеку, сидевшему рядом и отвечавшему ей улыбкой!

Когда они кончили завтрак, Тарзан вошел в ее шалаш и взял оттуда свой нож. Девушка совсем и забыла о нем! Она поняла, что это случилось потому, что она забыла страх, побудивший ее взять этот нож.

Сделав ей знак следовать за ним, Тарзан направился к деревьям на краю арены и, охватив ее сильной рукой, вспрыгнул на верхние ветки.

Девушка знала, что он несет ее к родным местам, и не могла понять внезапного чувства одиночества и печали, охватившего ее.

Несколько часов они медленно двигались вперед. Тарзан не спешил. Он пытался как можно дольше продлить сладостное удовольствие этого путешествия, в котором дорогие ему руки обвивали его шею, и потому он уклонился далеко к югу от прямого пути к берегу.

Много раз они останавливались для короткого отдыха, в котором Тарзан совсем не нуждался, а в полдень они остановились на целый час у небольшого ручья, где поели и утолили свою жажду.

Таким образом солнце было уже близко к закату, когда они подошли к поляне и Тарзан, спрыгнув на землю у большого дерева,

раздвинул высокую траву и указал ей на маленькую хижину.

Она взяла его за руку, чтобы отвести туда и рассказать отцу, что этот человек спас ее от смерти и ужаса худшего, чем смерть, и что он охранял ее нежно и бережно, как мать.

Но на Тарзана, приемыша обезьян, опять нахлынула робость дикого существа перед человеческим жильем. Он покачал головой и отступил.

Девушка подошла к нему близко и смотрела ему в лицо просящими глазами. Ей почему-то была невыносима мысль, что он вернется один в ужасные джунгли.

Но он продолжал качать головой и, наконец, нежно привлек ее к себе и наклонился, чтобы поцеловать ее, но раньше посмотрел ей в глаза, чтобы узнать, будет ли ей это угодно, или она оттолкнет его.

Одно лишь мгновение колебалась девушка, затем порывисто обвила его шею руками, привлекла его лицо к своему и смело поцеловала его.

— Я люблю вас, люблю вас, — шепнула она.

Издали донесся слабый звук многих ружейных выстрелов. Тарзан и Джэн Портер подняли головы. Из хижины вышли м-р Филандер и Эсмеральда.

С того места, где находились Тарзан и девушка, они не могли видеть обоих судов, стоящих в бухте на якоре.

Тарзан указал по направлению к звукам, коснулся рукой своей груди и снова указал в том же направлении. Она поняла. Он уходил, и почему-то ей стало ясно, что он это делает, думая, что люди ее народа в опасности.

Он опять поцеловал ее.

— Возвращайтесь ко мне, — шепнула она. — Я буду ждать вас, ждать всегда.

Тарзан исчез — и, обернувшись Джэн Портер пошла через поляну к хижине.

М-р Филандер первый увидел ее. Было темно, а м-р Филандер был очень близорук.

— Скорей Эсмеральда! — крикнул он. — Бегите в хижину. Это львица! господи! господи!

Эсмеральда не стала ломать себе голову над проверкой сказанного м-ром Филандером. Его тона было достаточно. Она мигмом очутилась в

хижине и заперла за собою дверь раньше, чем он кончил произносить ее имя. Его «господи, господи» — было вызвано тем, что Эсмеральда в излишней торопливости заперлась, оставив снаружи как его, так и быстро приближающуюся львицу.

Он яростно забарабанил по тяжелой двери.

— Эсмеральда! — вопил он. — Эсмеральда! Впустите! Лев уже почти съел меня!

Эсмеральда поняла, что шум у двери производит львица, и, по своему обычаю, упала в обморок.

М-р Филандер бросил назад испуганный взгляд. Ужас! Зверь был совсем близко. М-р Филандер попытался вскарабкаться по стене хижины и ему удалось ухватиться за легкий выступ тростниковой крыши. С минуту он висел, цепляясь, как кошка, на веревке, натянутой для просушки белья. Но вдруг кусок тростниковой крыши рухнул, и м-р Филандер стремительно свалился на спину.

В то мгновение, когда он падал, в его уме блеснуло замечательное сведение из естественной истории. Если верить изменчивой памяти м-ра Филандера, львы и львицы никогда не тронут человека, притворившегося мертвым.

Итак, м-р Филандер продолжал лежать там, где упал, леденея от страха. Так как его руки в момент падения были вытянуты кверху, то эта поза смерти не была слишком убедительной.

Джэн Портер следила на всеми его выходками с кротким удивлением. Теперь же она засмеялась легким, заглушенным смехом; но этого было достаточно. М-р Филандер повернулся набок и осмотрелся кругом. Наконец, он разглядел ее.

— Джэн! — крикнул он. — Джэн Портер! господи, помилуй! Он вскочил на ноги и бросился к ней. Ему не верилось, что это она и что она жива.

— Помилуй, господи! Откуда вы? Где же вы были? Как?..

— Смилуйтесь, м-р Филандер, — прервала его девушка. — Мне не разобраться в такой куче вопросов!

— Хорошо, хорошо, — сказал м-р Филандер. — Господи, помилуй! Я так исполнен удивления и безграничного восторга видеть вас невредимой и здоровой, что, верите ли, едва сам понимаю, что говорю. Но идите скорее, расскажите все, что с вами случилось!

XXI

ДЕРЕВНЯ ПЫТОК

По мере того, как маленький отряд матросов с трудом пробирался сквозь густые заросли джунглей, бесполезность их поисков все более и более выяснялась. Но горе старика и безнадежный взгляд молодого англичанина удерживали д'Арно от отказа продолжать поиски.

Он думал, что все же есть некоторая возможность найти тело девушки или, вернее, остатки его, так как он не сомневался в том, что хищные звери ее растерзали. Он развернул своих людей длинной цепью разведчиков с того места, где была найдена Эсмеральда, и в таком растянутом построении они, обливаясь потом и задыхаясь, продвигались вперед сквозь спутанные, выющиеся стволы и крепкие ползучие растения.

Это было тяжелой работой. Полдень заставал их отошедшими всего лишь на несколько миль вглубь страны. Пройдя еще некоторое расстояние, после краткого отдыха, один из матросов открыл хорошо протоптанную тропу.

Это была старая слоновая тропа, и д'Арно, посоветовавшись с профессором Портером и Клейтоном, решил пойти по ней.

Тропа извивалась в северо-восточном направлении, и отряд двигался по ней гуськом.

Лейтенант д'Арно был впереди всех и шел быстро, потому что дорога была здесь сравнительно легкая. Тотчас позади него шел профессор, но д'Арно опередил его на сотню ярдов, когда внезапно с полдюжины черных воинов окружили его. Д'Арно крикнул предостереженно своему отряду, но, прежде чем он смог выхватить револьвер, его связали и поволокли в кустарник.

Крик его встревожил матросов, и около двенадцати человек кинулись, обогнав профессора Портера, на помощь своему офицеру. Они не знали причины окрика офицера, но понимали, что это несомненно предостережение об опасности впереди.

Они уже пробежали то место, где д'Арно был схвачен, как вдруг брошенное из джунглей копьё пронзило одного из них, и вслед затем их осыпал град стрел.

Матросы подняли ружья и выстрелили в кустарник по направлению, откуда летели метательные снаряды.

К ним подоспел остаток отряда, и залп за залпом были пущены в невидимого врага. Эти-то выстрелы и слышали Тарзан и Джэн Портер.

Лейтенант Шарпантье, находившийся в тылу, бросился к месту происшествия и, узнав все подробности засады, приказал матросам следить за ним и быстро нырнул в спутанные заросли.

Стрелы и пули посыпались густо и часто, и через миг матросы бились в рукопашную с полусотней черных воинов из поселка Мбонги. Страшные африканские ножи и приклады французов смешались в яростной схватке, но вскоре туземцы бежали в джунгли, оставив французов считать свои потери.

Четверо из двадцати матросов были убиты, с дюжину ранены, а лейтенант д'Арно пропал. Ночь быстро спускалась, и их положение еще ухудшалось тем, что они не могли найти слоновую тропу, по которой шли до тех пор.

Оставалось одно: разбить лагерь и ждать до рассвета в том месте, где они находились. Лейтенант Шарпантье приказал расчистить небольшое открытое место и возвести вокруг лагеря ограду из срубленных деревьев.

Работа эта была окончена уже ночью: матросы развели большой костер в середине поляны, чтобы работать при его свете.

Когда они оказались, насколько возможно, защищенными от нападения негров и хищных зверей, лейтенант Шарпантье расставил часовых вокруг маленького лагеря, и голодные, усталые люди бросились на землю, надеясь заснуть.

Стоны раненых, вой и рычанье хищных зверей, привлеченных шумом и огнем костров, отгоняли сон от усталых глаз. С чувством тоски и голода пролежали люди всю эту долгую ночь, молясь о рассвете и лишь моментами забываясь в тяжелом кошмаре.

Чернокожие, схватившие д'Арно, не участвовали в последовавшей затем схватке; они волокли своего пленника некоторое время сквозь джунгли, а затем вышли на тропу дальше того места, где происходил бой.

Они быстро подгоняли пленника, и звуки сражения становились все слабее и слабее по мере того, как они от него удалялись. И вот,

неожиданно, перед глазами д'Арно открылась большая поляна, в одном конце которой стоял обнесенный частоколом тростниковый поселок.

Было уже темно, но часовые у ворот увидели приближавшуюся группу и разобрали, что ведут пленника, прежде чем группа дошла до них.

За палисадом раздался крик. Толпа женщин и детей выбежала навстречу идущим.

И тогда началось для французского офицера самое ужасающее испытание, которому может подвергнуться человек: прием белого пленника в поселке африканских каннибалов. Дьявольскую злобу их еще разжигало горькое воспоминание о жестоких варварствах, примененных к ним самим и к их племени белыми офицерами Леопольда II Валмийского, этого низкого лицемера, из-за зверств которого они покинули свободное государство Конго и бежали жалким остатком некогда сильного племени.

Пустив в ход зубы и ногти, женщины и дети накинулись на д'Арно, его били палками и камнями и терзали руками. Всякий признак одежды был сорван с него, и их беспощадные удары падали на его голое и дрожащее тело. Но ни разу француз не крикнул от боли. Он воссылал лишь безмолвную молитву, чтобы скорей быть избавленным от этой пытки.

Но смерть, о которой он молил, не могла ему достаться легко. Вскоре воины отогнали женщин от пленника. Его нужно было сохранить для более благородной забавы, чем эти; и когда первая вспышка их ненависти утихла, они ограничились тем, что выкрикивали насмешки и оскорбления и плевали на него.

Теперь они добрались до середины поселка. Здесь д'Арно был крепко привязан к тому большому столбу, с которого еще ни один живой человек никогда не смог освободиться.

Часть женщин рассыпалась по хижинам за горшками и водой, другие зажгли ряд костров, чтобы сварить часть мяса для пира, в то время как остальная часть должна была быть медленно высушена впрок длинными ломтями; ожидали, что и другие воины вернутся и приведут еще много пленных. Пиршество было отложено до возвращения воинов, оставшихся для схватки с белыми, так что было поздно, когда все собрались и закружились в пляске смерти вокруг обреченного.

В полуобмороке от боли и истощения, д'Арно смотрел из-под полуопущенных век на то, что казалось ему причудливым бредом или же страшным ночным кошмаром, от которого он должен проснуться.

Размалеванные скотские физиономии, громадные рты и вялые, обвисшие губы, остро отточенные желтые зубы, вытарщенные дьявольские глаза, лоснящиеся гладкие тела, жестокие копья — несомненно такие создания не могут существовать на земле, все это должно быть сном!

Дикий, вертящийся круг дикарей все более приближался. Вот сверкнуло копьё и оцарапало ему руку. Острая боль и ощущение горячей, капающей крови убедили его в ужасающей реальности его безнадежного положения.

Еще одно копьё и еще одно вонзились в него. Он закрыл глаза и крепко стиснул зубы! Он не крикнет, нет! Он-солдат Франции и покажет этим скотам, как умирает офицер и джентльмен ...

Тарзан, обезьяний приемыш, не нуждался в толкователе, который объяснил бы ему смысл этих далеких выстрелов. С поцелуями Джэн Портер, еще горящими на устах, он мчался как вихрь по деревьям прямо к поселку Мбонги.

Самая схватка его мало интересовала; он решил, что она скоро кончится. Тем, которые были убиты, он все равно не может помочь, а тем, которые успели спастись, тоже не нужна его помощь.

Он торопился к тем, кто не был убит и не спасся. И он знал, что найдет их у большого столба в середине поселка Мбонги.

Много раз Тарзан видел, как черные отряды возвращались с набегов на север, ведя пленников, и каждый раз те же сцены разыгрывались у зловещего столба в ослепительном блеске ряда зажженных костров.

Он знал также, что они редко теряют много времени в приготовлениях, и потому опасался, что на этот раз опоздает и сможет лишь отомстить.

Тарзан смотрел сквозь пальцы на их прежние оргии и только по временам вмешивался ради удовольствия дразнить чернокожих; жертвами их всегда были черные люди.

А этой ночью дело обстояло иначе: белые люди, — люди одного рода с Тарзаном, — быть может, терпят как раз теперь предсмертные муки пыток в этом страшном застенке джунглей.

Он мчался вперед. Ночь спустилась, и он продвигался по верхней террасе, где роскошная тропическая луна освещала его головокружительный путь по слегка волнистым веткам верхушек деревьев.

И вот, он увидел отражение отдаленного пламени. Оно лежало вправо от его пути. Это должно быть зарево от костра, которое пленники разложили прежде, чем они подверглись нападению, — подумал он; Тарзан ничего не знал о присутствии моряков.

Тарзан был так уверен в своем знании джунглей, что не отклонился от своего пути, а промчался мимо яркого света на расстоянии полумили. Это был сторожевой огонь французов.

Через несколько минут Тарзан парил на деревьях над самым поселком Мбонги. Ага! Значит он не очень опоздал! Или все-таки?.. Он не мог решить; фигура у столба была совершенно безмолвна, а между тем черные воины еще только слегка покалывали ее.

Тарзан хорошо знал их обычай. Смертельный удар еще не был нанесен, и он мог бы с точностью почти до минуты сказать, как долго продолжается танец. Еще одно мгновение — и нож Мбонги отсекает одно ухо у жертвы, и это отметит начало конца, так как очень скоро после того от пленника останется лишь судорожно корчащаяся груда изувеченного тела.

В нем и тогда еще будет искра жизни, но спасти его было бы уже бессмысленным и смерть являлась бы единственным, желанным благодеянием.

Столб стоял на расстоянии сорока футов от ближайшего дерева. Тарзан развернул свой аркан. И над дьявольскими криками пляшущих демонов вдруг неожиданно раздался боевой вызов обезьяны-человека.

Плясавшие остановились, словно окаменев.

Веревка взвилась с певучим жужжанием высоко над головами чернокожих. Ее совсем не было видно при ослепительном огне костров. Д'Арно открыл глаза. Огромный чернокожий, стоявший прямо перед ним, упал навзничь, словно сбитый с ног незримой рукой. Он барахтался и кричал, а его тело, перекатывающееся из стороны в сторону, быстро двигалось в тень под деревьями.

Чернокожие с глазами, выскакивавшими из орбит от ужаса, казались словно околдованные.

Очутившись под деревом, тело взвилось стрелою ввысь, и когда оно исчезло в листве, терроризированные негры с криками ужаса понеслись в бешеной скачке к воротам.

Д'Арно остался один.

Он был храбр, но почувствовал, как зашевелились короткие волосы на его затылке около шеи, когда тот зловещий крик раздался в воздухе.

Когда извивающееся тело чернокожего поднялось будто сверхъестественной силой в густую листву леса, д'Арно показалось, что тень смерти встала из темной могилы и коснулась липким пальцем его плоти.

В том месте, где тело скрылось в листву, д'Арно услышал шорох. Ветки закачались как бы под тяжестью человеческого тела, послышался треск, и чернокожий полетел, растянувшись, на землю и остался неподвижно лежать там, куда упал. Тотчас после него скатилось и белое тело, но оно вскочило на ноги. Что это могло значить? Кто это мог быть? Нет сомнения, что и это существо несет ему новые пытки и новую гибель!

Д'Арно ждал. Его взор ни на секунду не покидал лица приближавшегося человека. Он увидел открытые, ясные глаза, которые не дрогнули под его пристальным взглядом. Д'Арно успокоился: хотя он не имел никакой надежды, но смутно чувствовал, что такое лицо не таит никакой жестокости.

Не говоря ни слова, Тарзан перерезал веревки, которыми был привязан француз. Тот, ослабев от страданий и потери крови, упал бы, если бы сильные руки не поддержали его.

Он почувствовал, что его поднимают с земли. Потом явилось ощущение как бы от полета, и он потерял сознание.

XXII

РАЗВЕДЧИКИ

Когда рассвет взглянул на маленький французский лагерь, затерянный в джунглях, он увидел печальный и впавший в уныние отряд.

Как только стало достаточно светло, чтобы различать окружающую местность, лейтенант Шарпантье разослал по три разведчика по разным направлениям, чтобы отыскать тропу. Через десять минут она была найдена, и вся экспедиция поспешила назад к берегу.

Они шли очень медленно, потому что несли тела шести мертвых, — двое раненых умерли за ночь, и многие из тех, которые были ранены, нуждались в поддержке даже, чтобы идти не спеша.

Шарпантье решил вернуться в лагерь за подкреплением и тогда сделать попытку выследить туземцев и спасти д'Арно.

Было поздно, когда изнеможенные люди добрались до поляны у берега, но двоим из них возвращение принесло такую большую радость, что все их страдания и раздирающее душу горе были мгновенно забыты.

Маленький отряд выступил из джунглей на поляну, и первое лицо, которое увидели профессор Портер и Сесиль Клейтон, была Джэн Портер, стоявшая у двери хижины.

Она бросилась им навстречу с криком радости и облегчения, обвила руками шею отца и, в первый раз с тех пор, как они были высажены на этот ужасный берег, залилась слезами.

Профессор Портер старался мужественно подавить свое волнение, но напряжение его нервов и упадок сил были слишком сильны. Он долго крепился, но наконец, уткнув свое старое лицо в плечо дочери, он тихо заплакал, как усталый ребенок.

Джэн Портер повела его к хижине, а французы направились к берегу, откуда шли им навстречу многие из их товарищей.

Клейтон, желая оставить наедине отца с дочерью, присоединился к морякам и разговаривал с ними, пока их шлюпка не отплыла к крейсеру, где лейтенант Шарпантье должен был доложить о неудачном исходе предприятия.

Тогда Клейтон медленно повернул к хижине. Его сердце было преисполнено счастья. Женщина, которую он любил, была спасена!

Он дивился, каким чудом удалось ей спастись? Видеть ее в живых казалось почти невероятным.

Когда он подошел к хижине, он увидел выходящую оттуда Джэн Портер. Она поспешила к нему навстречу.

— Джэн! — крикнул он. — Бог был поистине милосерден к вам. Скажите, как спаслись вы? Какой облик приняло провидение, чтобы сохранить вас для нас?

Никогда прежде не называл он ее по имени, и, сорок восемь часов тому назад, Джэн Портер залилась бы нежным румянцем удовольствия, услышав это обращение из уст Клейтона — теперь оно испугало ее.

М-р Клейтон! — сказала она, спокойно протягивая ему руку: — прежде всего позвольте мне поблагодарить вас за вашу рыцарскую преданность моему дорогому отцу. Он рассказал мне, какой вы были самоотверженный и смелый. Как сможем мы отплатить вам за это?

Клейтон заметил, что она не ответила на его дружеский привет, но он не почувствовал никаких опасений по этому поводу. Она столько вынесла... Он сразу понял, что не время навязывать ей свою любовь.

— Я уже вознагражден, — ответил он, — тем, что вижу в безопасности и вас и профессора Портера, и тем, что мы вместе. Я думаю, что я не мог бы вынести дольше вида сдержанного и молчаливого горя вашего отца. Это было самое печальное испытание во всей моей жизни, мисс Портер. А к этому добавьте и мое личное горе — самое большое горе, которое я когда-либо знал. Скорбь отца вашего была так безнадежна, что я понял, что никакая любовь, даже любовь мужа к жене, не может быть такой глубокой, полной и самоотверженной, как любовь отца к своей дочери.

Девушка опустила взор. Ей хотелось задать один вопрос, но он казался почти святотатственным перед лицом любви этих двух человек и ужасных страданий, перенесенных ими в то время, как она счастливая сидела, смеясь, рядом с богоподобным лесным существом, ела дивные плоды и смотрела глазами любви в отвечающие ей такой же любовью глаза.

Но любовь странная властелин, а природа человека еще более странная вещь. И Джэн все же спросила, хотя и не попыталась

оправдать себя перед своей собственной совестью. Она себя прямо ненавидела и презирала в тот момент, но тем не менее продолжала свой вопрос:

— Где же лесной человек, который пошел вас спасать? Почему он не здесь?

— Я не понимаю, — ответил Клейтон. — О ком вы говорите?

— О том, кто спас каждого из нас, — кто спас и меня от гориллы.

О! — крикнул с удивлением Клейтон. — Это он спас вас? Вы ничего не рассказали мне о вашем приключении? Пожалуйста, расскажите!

— Но, — допытывалась она, — разве вы его не видели? Когда мы услышали выстрелы в джунглях, очень слабые, очень отдаленные, он оставил меня. Мы как раз добрались до открытой поляны, и он поспешил по направлению к схватке. Я знаю, что он пошел помогать вам.

Тон ее был почти молящий, выражение — напряженное от сдерживаемого волнения. Клейтон не мог не заметить этого и смутно удивлялся, почему она так сильно взволнована, так озабочена тем, где находится это странное существо. Он не догадывался об истине, и как мог он о ней догадаться?

Однако, он ощутил смутное предчувствие какого-то грозящего ему горя, и в его душу бессознательно проник зародыш ревности и подозрения к обезьяне-человеку, которому он был обязан спасением своей жизни.

— Мы его не видели, — ответил он спокойно. — Он не присоединился к нам. — И после минуты задумчивого недоумения добавил: — Возможно, что он ушел к своему племени — к людям, которые напали на нас.

Клейтон не знал сам, почему он это сказал: ведь он сам не верил этому; но любовь — такой странный властелин!

Девушка глядела на него широко раскрытыми глазами.

— Нет! — воскликнула она пылко, — слишком уж пылко — подумалось ему. — Это невозможно. Они — негры, а он ведь белый и джентльмен!

Клейтон смутился, но его соблазнил маленький зеленоглазый чертенок.

— Он странное, полудикое существо джунглей, мисс Портер. Мы ничего не знаем о нем. Он не говорит и не понимает ни одного европейского языка, и его украшения и оружие — украшение и оружие дикарей западного побережья.

Клейтон говорил возбужденно.

— На сотни миль вокруг нас нет других человеческих существ, мисс Портер, одни дикари! Он наверное принадлежит к племени, напавшему на нас, или к какому-нибудь другому, но столь же дикому, — он, может быть, даже каннибал.

Джэн Портер побледнела.

— Я этому не верю, — прошептала она как бы про себя. — Это неправда. Вы увидите, — сказала она, обращаясь к Клейтону, — что он вернется и докажет вам, что вы не правы. Вы его не знаете так, как я его знаю. Говорю вам, что он джентльмен.

Клейтон был великодушный, рыцарски настроенный человек, но что-то в ее тревожной защите лесного человека подстрекало его к безрассудной ревности. Он вдруг забыл все, чем они были обязаны этому дикому полубогу, и ответил Джэн Портер с легкой усмешкой:

— Возможно, конечно, что вы правы, мисс Портер, — сказал он, — но я не думаю, чтобы кому-нибудь из нас стоило особенно беспокоиться об этом молодце, поедающем падаль. Конечно, может быть, что он полупомешанный, потерпевший когда-то крушение, но он забудет вас так же скоро, как и мы забудем его. В конце концов это только зверь джунглей, мисс Портер!

Девушка не ответила, но почувствовала, как больно сжалось ее сердце. Гнев и злоба, направленные на того, кого мы любим, ожесточают наши сердца, но презрительная жалость заставляет нас пристыженно молчать.

Джэн знала, что Клейтон говорил только то, что думает, и в первый раз попыталась подробно разобраться в своей новой любви и подвергнуть объект ее критике.

Медленно отвернувшись она от молодого человека и пошла в хижину, напряженно раздумывая. Она попыталась представить себе лесного своего бога рядом с собою в салоне океанского парохода. Она вспомнила, как он ест руками, разрывая пищу, словно хищный зверь, и вытирает затем свои жирные пальцы о бедра, — и содрогнулась.

Она пыталась вообразить, как она его представляет своим светским друзьям — его, неуклюжего, неграмотного, грубого человека.

Джэн задумчиво вошла в свою комнату, села на край постели из трав, прижав руку к тревожно дышащей груди, и вдруг почувствовала под блузой твердые очертания его медальона.

Джэн Портер вынула медальон и с минуту смотрела на него затуманенными от слез глазами. Потом прижала его к губам, зарыла лицо свое в папоротники и зарыдала.

— Зверь? — прошептала она. — Пусть тогда бог тоже обратит меня в зверя; потому что, человек ли он или зверь — я его!

В тот день она не видела больше Клейтона. Эсмеральда принесла ей ужин, и она велела ей передать отцу, что ей нездоровится.

Следующим утром Клейтон рано ушел со спасательной экспедицией в поиски за лейтенантом д'Арно. На этот раз отряд состоял из двухсот человек, при десяти офицерах и двух врачах. Провианта было заготовлено на неделю.

Были взяты с собой постельное белье и койки — для переноса больных и раненых.

Это был решительный и свирепый отряд — карательная, а вместе с тем и спасательная экспедиция. Они добрались до места схватки вскоре после полудня, потому что шли теперь по знакомой дороге и не теряли времени в разведках.

Оттуда слоновая тропа прямо вела в поселок Мбонги. Было всего два часа, когда голова экспедиции остановилась на опушке.

Лейтенант Шарпантье, командовавший отрядом, тотчас же послал часть его через джунгли к противоположной стороне поселка. Другая часть была послана занять позицию перед его воротами, в то время, как сам лейтенант с остатком отряда остался на южной стороне поляны. Было условлено, что откроет нападение тот отряд который должен был занять северную, наиболее отдаленную позицию, чтобы дать ему время дойти. Их первый залп должен был служить сигналом для одновременной атаки со всех сторон, чтобы сразу штурмом овладеть поселком.

Около получаса отряд с лейтенантом Шарпантье ждал сигнала, притаившись в густой листве джунглей. Эти полчаса показались целыми часами матросам. Они видели, как туземцы работают на полях и спуют у ворот поселка.

Наконец, раздался сигнал — резкий ружейный выстрел, и ответные залпы дружно понеслись из джунглей к западу и к югу.

Туземцы в панике побросали свои орудия и кинулись к палисаду. Французские пули косили их, и матросы, перепрыгивая через простертые тела, бросились прямо к воротам.

Нападение было так внезапно и неожиданно, что белые докатились до ворот прежде, чем испуганные туземцы успели забаррикадироваться, и в следующую минуту улица наполнилась вооруженными людьми, сражавшимися вруклопашную в безвыходной путанице хижин.

Несколько минут черные стойко сражались при входе на улицу, но револьверы, ружья и кортики французов смяли туземцев копейщиков и перебили черных стрелков с их полунатянутыми тетивами.

Скоро бой перешел в преследование и затем в страшную резню: французские матросы нашли обрывки мундира д'Арно на некоторых из черных противников.

Они щадили детей и тех женщин, которых они не были вынуждены убивать для самозащиты. Но, когда, наконец, они остановились, задыхаясь, покрытые кровью и потом, — во всем диком поселке Мбонги не осталось ни одного воина. Тщательно обыскали каждую хижину, каждый уголок поселка, но не могли найти ни малейшего следа д'Арно. Знаками они допросили пленных, и, наконец, один из матросов, служивший во французском Конго, заметил, что они понимают ломаное наречие, бывшее в ходу между белыми и наиболее низко стоящими племенами побережья. Но даже и тогда они не смогли узнать ничего положительного о судьбе д'Арно.

На все вопросы о нем им отвечали возбужденной жестикуляцией или гримасами ужаса. Наконец, они убедились, что все это лишь доказательство виновности этих демонов, которые две ночи тому назад умертвили и съели их товарища.

Потеряв всякую надежду, они стали готовиться к ночевке в деревне. Пленных собрали в трех хижинах, где их сторожил усиленный караул. У загороженных ворот были поставлены часовые, и весь поселок погрузился в молчание сна, нарушаемое лишь плачем туземных женщин о своих мертвецах.

На следующее утро экспедиция двинулась в обратный путь. Моряки предполагали сначала сжечь поселок дотла, но эту мысль не

выполнили и не взяли с собой пленных. Они остались в поселке плачущие, но все же имея крышу над головой и палисады для защиты от диких зверей.

Экспедиция медленно шла по вчерашним следам. Десять нагруженных коек задерживали ее ход. В восьми койках лежали наиболее тяжело раненные, а двое гнулись под тяжестью мертвецов.

Клейтон и лейтенант Шарпантье шли в тылу отряда; англичанин молчал из уважения к горю своего спутника, так как д'Арно и Шарпантье были с детства неразлучными друзьями.

Клейтон не мог не сознавать, что француз тем более остро чувствует свое горе, что гибель д'Арно была совершенно напрасной; Джэн Портер оказалась спасенной прежде, чем д'Арно попал в руки дикарей и, кроме того, дело, в котором он потерял жизнь, было вне его службы и было затеяно ради чужих. Но когда Клейтон высказал все это лейтенанту Шарпантье, тот покачал головой:

— Нет, *monsieur*, — сказал он. — Д'Арно захотел бы умереть так. Я огорчен лишь тем, что не мог умереть за него, или, по крайней мере, вместе с ним. Жалею, что вы его не знали ближе, *monsieur*. Он был настоящим офицером и джентльменом — вполне предоставленное многим, но заслуженное очень немногими. Он не умер бесполезно, потому что смерть его за дело чужой американской девушки заставит нас, его товарищей, встретить смерть еще смелее, какова бы она ни была.

Клейтон не ответил, но в нем зародилось новое чувство уважения к французам, оставшееся с тех пор и навсегда непомраченным.

Было очень поздно, когда они дошли до хижины на берегу. Один выстрел перед тем, как они вышли из джунглей, известил бывших в лагере и на корабле, что д'Арно не спасен; было заранее условлено, что когда они будут в одной или двух милях от лагеря, один выстрел будет означать неудачу, а три — удачу, в то время как два выстрела означали бы, что они не нашли ни д'Арно, ни его черных похитителей.

Их встретили печально-торжественно, и не много слов было произнесено, пока мертвые и раненные, заботливо размещенные на шлюпках, не были тихо отвезены на крейсер.

Клейтон, изнуренный пятидневной трудной ходьбой по джунглям я двумя схватками с черными, вошел в хижину, чтобы съесть что-нибудь и отдохнуть на сравнительно удобной постели из трав.

У дверей стояла Джэн Портер.

— Бедный лейтенант! — сказала она. — Нашли ли вы хоть след его?

— Мы опоздали, мисс Портер, — ответил он печально.

— Говорите мне все! Что с ним случилось?

— Не могу, мисс Портер! Это слишком ужасно.

— Неужели они пытали его? — прошептала она.

— Мы не знаем, что они делали с ним перед тем, как убили его, — ответил Клейтон с выражением жалости на измученном лице, делая ударение на «перед тем».

— «Перед тем', как они убили его? Что вы хотите сказать? Они не? ... Они не? ... — Она подумала о том, что Клейтон сказал о вероятных отношениях лесного человека с этим племенем, и не могла произнести ужасного слова.

— Да, мисс Портер, они — каннибалы, — сказал он почти с горечью, потому что и ему пришла в голову мысль о лесном человеке, и страшная беспричинная ревность, испытанная им два дня тому назад, снова охватила его.

И тогда с внезапной грубостью, столь же чуждой Клейтону, как вежливая предупредительность чужда обезьяне, — он сгоряча сказал:

— Когда ваш лесной бог ушел от вас, он, наверное, торопился на пир.

Об этих словах Клейтон пожалел еще раньше, чем договорил их, хотя и не знал, как жестоко они уязвили девушку. Его раскаяние откосилось к тому безосновательному вероломству, которое он проявил по отношению к человеку, спасшему жизнь каждому из них и ни разу не причинившему никому из них вреда.

Девушка гордо вскинула голову.

— На ваше утверждение мог бы быть один подходящий ответ, м-р Клейтон, — сказала она ледяным тоном, — и я жалею, что я не мужчина, чтобы дать вам такой ответ. — Она быстро повернулась к ушла в хижину.

Клейтон был медлителен, как истый англичанин, так что девушка успела скрыться из глаз прежде, чем он успел сообразить, какой ответ дал бы мужчина.

— Честное слово, — сказал он грустно, — она назвала меня лгуном! И мне сдается, что я заслужил это, — добавил он

задумчиво. — Клейтон, мой милый, я знаю, что вы утомлены и издерганы, но это не причина быть ослом. Идите-ка лучше спать!

Но прежде чем лечь, он тихонько позвал Джэн Портер из-за парусиновой перегородки, потому что желал извиниться. Однако с таким же успехом он мог бы обратиться и к сфинксу! Тогда он написал записочку на клочке бумаги и просунул ее под перегородку.

Джэн Портер увидела бумажку, притворилась, что не заметила ее, потому что была очень рассержена, обижена и оскорблена; но — она была женщиной и потому скоро как бы случайно подняла ее и прочла:

Дорогая мисс Портер, у меня не было никакого основания сказать то, что я сказал. Единственное мое извинение — что, должно быть, нервы мои расшатались окончательно; впрочем, это вовсе не извинение! Пожалуйста, постарайтесь думать, что я этого не говорил совсем. Мне очень стыдно. Я никак не хотел обидеть вас, — вас менее, чем кого бы то ни было на свете! Скажите, что вы прощаете меня.

Ваш Сесиль Клейтон.

— Нет, он думал так, иначе он никогда бы этого не сказал, — рассуждала девушка; — но это не может быть правдой, и, я знаю, что это неправда!

Одно выражение в записке испугало ее: „Я никак не хотел обидеть вас, — вас менее, чем кого бы то ни было на свете!“

Еще неделю тому назад это выражение наполнило бы ее радостью, теперь — оно угнетало ее.

Она жалела, что познакомилась с Клейтоном. Она жалела, что встретила с лесным богом, — нет, этому она была рада. А тут еще та, другая записка, которую она нашла в траве перед хижиной после своего возвращения из джунглей, любовная записка, подписанная Тарзаном из племени обезьян.

Кто бы мог быть этот новый поклонник? Что, если это еще один из диких обитателей страшного леса, который может сделать все, что угодно для обладания ею?

— Эсмеральда! Проснитесь! — крикнула она. — Как вы раздражаете меня тем, что можете спокойно спать, зная, что кругом горе!

— Габерелле! — завопила Эсмеральда, приняв сидячее положение. — Что тут опять? Гиппосорог? Где он, мисс Джэн?

— Вздор, Эсмеральда, никого тут нет. Ложитесь опять! Вы достаточно противны, когда спите, но еще несносней, когда проснетесь!

— Деточка вы моя сладкая, да что с вами, мое сокровище? Вы сегодня будто не в себе, — сказала служанка.

— Ах, Эсмеральда, я сегодня вечером совсем гадкая. Не обращайтесь вы на меня внимания — это будет самое лучшее с вашей стороны.

— Хорошо, сахарная моя, ложитесь-ка вы лучше всего спать. Ваши нервы издерганы. Со всеми этими рассказами массы Филандера о ринотамах каких-то людоедских гениях оно и не удивительно!

Джэн Портер засмеялась, подошла к кровати Эсмеральды и, поцеловав щеку преданной негритянки, пожелала ей спокойной ночи.

XXIII

БРАТСТВО

Когда д'Арно пришел в сознание, он оказался лежащим на постели из мягких лопухов и трав в шалаше, построенном из веток в виде маленького Л.

В отверстие шалаша открывался вид на луг, покрытый зеленым дерном, за которым довольно близко подымалась плотная стена кустарников и деревьев.

Он был весь разбит и очень слаб. Когда сознание полностью вернулось к нему, он почувствовал острую боль многих жестоких ран и тупую боль в каждой кости, в каждом мускуле тела — последствия ужасных побоев, перенесенных им.

Даже повернуть голову — и это вызывало в нем такое безумное страдание, что он долго пролежал неподвижно, закрыв глаза.

Он пытался по частям воссоздать подробности того, что с ним случилось до той минуты, когда он потерял сознание, чтобы найти объяснение своего теперешнего положения; старался понять, среди друзей ли он, или среди врагов.

Наконец, ему вспомнилась вся ужасающая сцена у столба и странная белая фигура, в объятиях которой он впал в бессознательное состояние.

Д'Арно не знал, какая участь ожидает его. Он не видел и не слышал кругом никаких признаков жизни.

Беспрестанный гул джунглей — шорох листьев, жужжание насекомых, голоса птиц и обезьянок, — казалось, смешались в баюкающее ласковое мурлыканье. Казалось, будто он лежит в стороне, далеко от мириады жизней, звуки которых долетают до него только как смутный отголосок.

Наконец, он впал в спокойный сон и проснулся уже после полудня.

Опять испытал он странное чувство полнейшей растерянности, которое отметило и его первое пробуждение; но теперь он скоро припомнил недавнее прошлое и, взглянув через отверстие шалаша, увидел фигуру человека, сидящего на корточках.

К нему была обращена широкая мускулистая спина, и хотя она была сильно загорелой, д'Арно увидел, что это спина белого человека, и он возблагодарил судьбу.

Француз тихо окликнул Тарзана. Он обернулся и, встав, направился к шалашу. Его лицо было прекрасно — самое прекрасное, — подумал д'Арно, — какое он когда либо видел в жизни.

Нагнувшись, он вполз в шалаш к раненому офицеру и дотронулся холодной рукой до его лба. Д'Арно заговорил с ним по-французски, но человек только покачал головой с некоторой грустью, как показалось французу.

Тогда д'Арно попробовал говорить по-английски, но человек снова покачал головой. Итальянский, испанский и немецкий языки привели к тому же результату. Д'Арно знал несколько слов по-норвежски, по-русски и по-гречески и имел поверхностное представление о наречии одного из негритянских племен западного побережья — человек отверг их все.

Осмотрев раны д'Арно, незнакомец вышел из шалаша и исчез. Через полчаса он вернулся с каким-то плодом, вроде тыквы, наполненным водой.

Д'Арно жадно напился, но ел немного. Его удивляло, что у него не было лихорадки. Опять попытался он говорить со своей странной сиделкой, но его попытка оказалась опять безрезультатной.

Внезапно человек вышел из шалаша и через несколько минут вернулся с куском коры и, — о, чудо из чудес, — с графитным карандашом! Усевшись на корточки рядом с д'Арно, он несколько минут писал на гладкой внутренней поверхности коры; затем передал ее французу. Д'Арно был изумлен, увидев написанную четкими печатными буквами записку по-английски:

— Я, Тарзан из племени обезьян. Кто вы? Можете вы читать на этом языке?

Д'Арно схватил карандаш и приостановился. Этот странный человек писал по-английски. Очевидно, он — англичанин!

— Да, — сказал д'Арно, — я читаю по-английски. Я и говорю на этом языке. Значит, мы можем говорить с вами! Прежде всего позвольте мне поблагодарить вас за все, что вы для меня сделали.

Человек только покачал головой и снова указал на карандаш и кору.

— Mon Dieu! — воскликнул д'Арно. — Если вы англичанин, почему же вы не можете говорить по-английски?

И у него блеснула мысль: человек вероятно немой, возможно даже — глухонемой.

Итак д'Арно написал на коре по-английски:

— Я, Поль д'Арно, лейтенант французского флота. Благодарю вас за все, что вы для меня сделали. Вы мне спасли жизнь, и все, что мне принадлежит — все ваше! Но разрешите ли спросить: как человек, который пишет по-английски, не говорит на этом языке?

Ответ Тарзана привел д'Арно в полное изумление:

— Я говорю только на языке моего племени — больших обезьян, которыми правил Керчак. Говорю немножко на языке слона Тантора и льва Нумы и понимаю также языки прочих народов джунглей. С человеческом существом я никогда не говорил, исключая одного раза с Джэн Портер и то знаками. Это первый раз, что я говорю с другим из моей породы путем переписки.

Д'Арно был поражен. Казалось невероятным, чтобы на земле существовал взрослый человек, который никогда не говорил с другим человеком, и казалось еще более нелепым, чтобы такой человек мог писать и читать! Он снова взглянул на послание Тарзана: „исключая одного раза с Джэн Портер“. Это была американская девушка, унесенная в джунгли гориллой.

Внезапный свет начал брезжить в голове д'Арно: — так вот она „горилла!“ . Он схватил карандаш и написал:

— Где Джэн Портер?

И Тарзан подписал внизу:

— Она вернулась к родным, в хижину Тарзана из племени обезьян.

— Значит она жива? Где же она была? Что случилось с ней?

— Она жива. Теркоз взял ее себе в жены, но Тарзан отнял ее у Теркоза и убил его раньше, чем он успел повредить ей. Никто в джунглях не может вступить в бой с Тарзаном и остаться живым. Я, Тарзан, из племени обезьян, могучий боец!

Д'Арно написал:

— Я рад, что она в безопасности. Мне больно писать. Я отдохну немного.

И Тарзан ответил:

— Отдохните! Когда поправитесь, я отнесу вас к вашим.

Много дней пролежал д'Арно на своей постели из мягких папоротников. На второй день началась лихорадка, и д'Арно думал, что это означает заражение, и был уверен, что он умрет.

Ему пришла одна мысль в голову. Он удивился, как раньше не подумал об этом?

Он позвал Тарзана и знаками показал, что хочет писать. А когда Тарзан принес кору и карандаш, д'Арно написал следующее:

— Не можете ли вы сходить к моим и привести их сюда? Я напишу записку, и они пойдут за вами.

Тарзан покачал головой и, взяв кору, ответил:

— Я подумал об этом в первый же день, но не смел. Большие обезьяны часто приходят сюда, и если они найдут вас здесь одного и раненого, они вас убьют.

Д'Арно повернулся набок и закрыл глаза. Он не хотел умирать, но чувствовал, что наступает конец, потому что жар все повышался и повышался. В ту ночь он потерял сознание.

Три дня он бредил, а Тарзан сидел около него, мочил ему голову и руки и омывал его раны.

На четвертый день лихорадка прошла так же внезапно, как и началась, но от д'Арно осталась одна тень. Он страшно исхудал и ослабел. Тарзан должен был поднимать его, чтобы он мог пить из тыквы.

Лихорадка не была вызвана заражением, как думал лейтенант, а была одной из тех лихорадок, которую обыкновенно схватывают европейцы в джунглях и которая или убивает их, или же внезапно покидает, что и было с д'Арно.

Два дня спустя француз бродил, шатаясь, по амфитеатру, и сильная рука Тарзана поддерживала его, чтобы он не упал.

Они уселись в тени большого дерева, и Тарзан добыл несколько кусков гладкой коры, чтобы они могли разговаривать.

Д'Арно написал первую записку:

— Чем могу отплатить вам за все, что вы для меня сделали?

Тарзан ответил:

— Научите меня говорить языком людей.

Д'Арно начал тотчас же, показывая на обычные предметы и повторяя их названия по-французски, потому что он думал, что ему

легче всего будет научить этого человека своему родному языку, который он сам знал лучше всех остальных.

Для Тарзана это было, конечно, безразлично, потому что он не мог отличать один язык от другого. Когда он указал на слово „man“ — „человек“, которое он написал по-английски на коре печатными буквами, то д'Арно научил его произносить homme, и таким же образом научил произносить ape — singe — обезьяна, и three — arbre — дерево.

Тарзан был очень ревностным учеником, и через два дня настолько освоился с французским языком, что мог произносить маленькие предложения, вроде: „это дерево“, „это трава“, „я голоден“ и тому подобное; но д'Арно нашел, что трудно учить французскому построению речи на основе английского языка.

Лейтенант писал маленькие уроки по-английски, а Тарзан должен был произносить их по-французски; но так как буквальная перевод оказывался из рук вон плохо, то Тарзан часто становился в тупик.

Д'Арно понял теперь, что он сделал большую ошибку, но ему казалось уже слишком поздно начинать все сызнова и переучивать Тарзана, особенно потому, что они уже быстро подходили к возможности разговаривать друг с другом.

На третий день после прекращения лихорадки д'Арно, Тарзан написал записку, спрашивая его, чувствует ли он себя достаточно окрепшим, чтобы его можно было отнести в хижину. Тарзан так же сильно стремился туда, как и д'Арно: ему так хотелось снова увидеть Джэн Портер!

Ему было нелегко оставаться с французом все эти дни, когда все его существо рвалось к маленькому домику у моря, и то, что он это так самоотверженно делал, говорило более ярко о благородстве его характера, чем даже спасение им французского офицера из когтей Мбонги.

Д'Арно, только и желавший этого, написал:

— Но вы не сможете нести меня все это расстояние через этот дремучий лес! Тарзан засмеялся.

— Mais oui, — сказал он, и д'Арно тоже громко засмеялся, услышав от Тарзана эту фразу, которую он так часто употреблял.

Итак, они отправились в путь, и д'Арно так же, как и Клейтон и Джэн Портер, изумился поразительной силе и ловкости обезьяны-

человека.

Довольно поздно после полудня добрались они до открытой поляны, и когда Тарзан спустился на землю с ветвей последнего дерева, сердце его громко стучало в груди в ожидании так скоро увидеть вновь Джэн Портер. Но около хижины не было заметно никого, и д'Арно недоумевал, увидав, что ни крейсер, ни „Арроу“ не стоят на якоре в бухте.

Чувство одиночества было разлито по всей местности и внезапно сообщилось обоим мужчинам, направлявшимся к хижине.

Оба молчали, но оба еще раньше, чем открыли запертую дверь, знали уже, что они найдут за нею. Тарзан поднял щеколду, и тяжелая дверь повернулась на своих деревянных петлях. Оказалось то, чего они так боялись: хижина была пуста!

Мужчины обернулись и посмотрели друг на друга. Д'Арно понял, что товарищи считают его мертвым, но Тарзан думал только о женщине, которая с любовью целовала его, а теперь бежала, пока он оказывал услугу одному из ее же породы!

Великая горечь поднималась в его сердце. Он скроется в джунгли и вернется к своему племени. Никогда не захочет он вновь увидеть кого-либо из своей породы; мысль о возвращении в хижину — тоже невыносима для него. Навсегда оставит он ее позади себя, вместе с безумной надеждой, которую он здесь вскормил, надеждой найти свой собственный род и сделаться человеком среди людей.

А француз? А д'Арно? Что ж такое? Пусть идет он своей дорогой, как и Тарзан. Видеть его Тарзан больше не желает. Он хочет одного — уйти, уйти от всего, что может напомнить ему Джэн Портер!

Пока Тарзан стоял на пороге, погруженный в свои мысли, д'Арно вошел в хижину. Он увидел, что в ней значительно больше вещей, чем раньше. Немало предметов оказалось тут с крейсера — походная кухня, посуда, ружье и значительное количество патронов, консервы, одеяло, два стула, койка, несколько книг и журналов, большей частью американских.

— Они намерены вернуться, — подумал д'Арно. Он подошел к столу, который столько лет тому назад смастерил Джон Клейтон в виде пюпитра, и увидел на нем две записки, адресованные Тарзану из племени обезьян.

Одна была написана твердым мужским почерком. Другая, написанная женским почерком, была запечатана.

— Здесь есть два послания вам, Тарзан! — крикнул д'Арно, обернувшись к двери, но его спутника не было.

Д'Арно подошел к двери и выглянул. Тарзана нигде не было видно. Д'Арно громко позвал его, но не получил ответа.

— Mon Dieu, — воскликнул д'Арно, — он бросил меня! Я это чувствую. Он вернулся в джунгли и покинул меня здесь одного.

И тогда он вспомнил взгляд Тарзана, вошедшего в пустую хижину — такой взгляд бывает у раненого оленя, которого так весело подстрелил охотник.

Тарзану был нанесен жестокий удар. Д'Арно это было ясно теперь, — но почему? Он не мог понять.

Француз посмотрел кругом себя. Одинокость и ужас местности начинали действовать на его нервы, уже ослабленные страданиями и болезнью.

Быть оставленным здесь совершенно одиноким, рядом со страшными джунглями, никогда не слышать человеческого голоса, не видеть человеческого лица — в непрерывном страхе перед дикими зверями и еще более страшными дикими людьми — и погибнуть от одинокости и безнадежности! Это было ужасно!

А там далеко к востоку Тарзан, обезьяний приемыш, мчался по средним террасам ветвей назад к своему племени. Он никогда не путешествовал с такой безрассудной поспешностью, как теперь. Тарзан чувствовал, что он бежит от самого себя, — что, несясь по лесу, как испуганная белка, он спасается от собственных мыслей. Но как быстро он не мчался, мысли не отставали от него.

Тарзан пролетел над гибким телом львицы, шедшей в обратном направлении — к хижине, покинутой им.

Что мог предпринять д'Арно против Сабор? Что сделает он, если горилла Болгани нападет на него? Или лев Нума, или жестокая Шита?

Тарзан приостановил свое бегство.

— Кто вы такой, Тарзан? — спросил он громко. — Обезьяна, или человек? Если вы обезьяна, то поступайте, как поступают обезьяны, оставляя одного из своих умирать в джунглях. Если же вы человек, то вернитесь, чтобы защитить своего соплеменника. Вы не должны убегать от одного из своих, потому что другой сбежал от вас.

Д'Арно крепко запер дверь. Он был очень нервен. Даже храбрые люди, — а д'Арно был храбр, — иногда боятся одиночества.

Он зарядил одно из ружей и положил его поблизости от себя. Тогда он подошел к пюпитру и взял незапечатанное письмо, адресованное Тарзану. Быть может, в нем было сообщение, что корабли только временно покинули бухту. Он чувствовал, что не будет нарушения этики, если он прочтет письмо, и потому он вынул его из конверта и стал читать:

Тарзану, из племени обезьян. Благодарим вас за то, что мы пользовались вашей хижинкой, и огорчены тем, что вы нас лишили удовольствия видеть вас и поблагодарить лично. Мы ничего не испортили у вас и оставили много вещей для удобства и безопасности вашей в вашем одиноком доме.

Если вы знаете странного белого человека, который столько раз спасал нам жизнь и приносил нам пищу, и если вы общаетесь с ним, поблагодарите и его от нашего имени за его доброжелательность к нам.

Мы отплываем через час, чтобы никогда больше не вернуться; но хотелось бы нам, чтобы вы и другой наш друг в джунглях знали, что мы всегда будем вам благодарны за все, что вы сделали для чужестранцев на вашем берегу; а также, что и мы сумели бы гораздо лучше отблагодарить вас обоих, если бы вы только доставили нам для этого благоприятный случай.

С уважением Уильям Сесиль Клейтон.

— „Чтобы никогда больше не вернуться“, — повторил д'Арно и бросился ничком на койку.

Час спустя он вскочил и прислушался. За дверью был кто-то, пытавшийся войти.

Д'Арно достал заряженное ружье и взял на прицел.

Уже смеркалось, и в хижине было очень темно: но он видел, что щеколда двигается со своего места.

Он почувствовал, как волосы стали подниматься дыбом у него на голове.

Дверь осторожно приотворилась, и сквозь тонкую щель можно было видеть что-то стоящее как раз за дверью. Д'Арно навел в щель вороненое дуло ружья — и спустил курок.

XXIV

ПРОПАВШЕЕ СОКРОВИЩЕ

Когда экспедиция вернулась после бесполезных попыток спасти д'Арно, капитан Дюфрен выразил желание отплыть как можно скорее, и все были с этим согласны, исключая одной Джэн Портер.

— Нет, — решительно сказала она капитану Дюфрену, — я не поеду, и вам не следовало бы ехать. В джунглях осталось два наших друга, которые придут оттуда, надеясь на то, что их будут ждать. Один из них ваш офицер, а другой — лесной человек, который спас жизнь каждому из членов экспедиции моего отца. Он простился со мной на краю джунглей два дня тому назад, чтобы поспешить, как он думал, на помощь моему отцу и м-ру Клейтону, и остался, чтобы спасти лейтенанта д'Арно; в этом вы можете быть уверены! Если бы его помощь лейтенанту оказалась запоздалой, он давно уже был бы здесь. Тот факт, что он этого не сделал, служит для меня вернейшим доказательством того, что или лейтенант д'Арно ранен и он задерживается с ним, или же, что он должен был разыскивать его похитителей дальше поселка, который атаковали ваши матросы.

— Но ведь мундир бедного д'Арно и все принадлежащее ему было найдено в этом поселке, мисс Портер, — возразил капитан, — и туземцы выказали большое возбуждение, когда их спрашивали о судьбе белого человека.

— Да, капитан, но они не признали, что он убит! А что касается его одежды и вещей, — что же? И более цивилизованные народы, чем эти бедные негры, отбирают у своих пленных все ценное, собираются ли они их убивать или нет. Даже солдаты моего родного Юга грабили не только живых, но и мертвых. Я готова согласиться с вами, что это очень важная улика, но ведь это еще не достоверное доказательство!

— Возможно, что и сам лесной ваш человек попался в плен к дикарям, или был ими убит, — намекнул капитан.

Девушка засмеялась.

— Вы его не знаете! — возразила она, чувствуя, как легкая дрожь гордости пробежала по всем ее нервам при мысли, что она говорит о том, кто принадлежит ей.

— Пожалуй, что этого вашего сверхчеловека, и правда, стоило бы подождать, — сказал капитан, смеясь, — я очень бы желал видеть его.

— В таком случае подождите его, дорогой мой капитан, — настаивала девушка. — Я во всяком случае останусь!

Француз был бы до крайности удивлен, если бы мог вникнуть в истинное значение слов девушки.

Они шли от берега к хижине, разговаривая таким образом, и теперь присоединились к маленькой группе, сидящей на походных стульях в тени большого дерева у хижины.

Тут были профессор Портер и м-р Филандер и Клейтон с лейтенантом Шарпантье и двумя из его товарищей офицеров, а Эсмеральда ходила тут же, вставляя время от времени свои замечания. Офицеры встали и отдали честь, когда приблизился их начальник, а Клейтон уступил Джэн Портер свой походный стул.

— Мы только что обсуждали судьбу бедного Поля, — сказал капитан Дюфрен. — Мисс Портер настаивает на том, что у нас нет положительных доказательств его смерти, и действительно их у нас нет. С другой стороны мисс Портер уверяет, что продолжительное отсутствие нашего всемогущего друга в джунглях указывает на то, что д'Арно еще нуждается в его помощи или как потому, что он ранен, или потому, что он все еще в плену в более отдаленном поселке туземцев.

— А тут предполагали, — заявил лейтенант Шарпантье, — что дикий человек, быть может, состоял членом племени чернокожих, напавших на наш отряд, и что он спешил помогать им.

Джэн Портер бросила быстрый взгляд на Клейтона.

— Это имеет все данные казаться правдоподобным, — сказал профессор Портер.

— Я не согласен с вами, — возразил м-р Филандер. — Он имел полнейшую возможность сам повредить нам, или же повести против нас свое племя. Вместо того, в продолжение долгого нашего пребывания здесь, он никогда не изменил своей роли нашего защитника и поставщика.

— Это правда, — вмешался Клейтон, однако мы не должны пренебречь тем фактом, что за исключением его, на сотни миль кругом, единственные человеческие существа — дикие каннибалы. Он был вооружен совершенно так же, как они, а это предполагает поддержку с ними каких-то постоянных отношений. Самый факт, что

он — единственный белый среди, возможно, тысячи чернокожих, указывает на то, что отношения эти едва ли могли быть иными, как только дружескими!

— Да, если так, то конечно невероятно, чтобы он не имел связи с ними, — заметил капитан, — возможно даже, что он сам — член этого племени!

— Или, — добавил один из офицеров, — что он достаточно времени прожил среди диких обитателей джунглей — зверей и людей, чтобы стать искусным в стрельбе и охоте и в употреблении африканского оружия.

— Не прилагайте к нему вашего собственного мерил, — сказала Джэн Портер. — Заурядный белый человек, вроде любого из вас, — простите, я неловко выразилась, — вернее, белый человек, стоящий выше заурядного в физическом и умственном отношении, никогда бы не смог, уверяю вас, прожить целый год один и голый в этих тропических джунглях! Но этот человек не только превосходит заурядного белого человека в силе и ловкости, он настолько выше даже наших тренированных атлетов и сильных людей, насколько они превосходят новорожденного младенца, а его смелость и свирепость в бою равняют его с диким зверем.

— Он несомненно приобрел себе верного поборника, мисс Портер, — промолвил, смеясь, капитан Дюфрен. — Я уверен, что каждый из нас здесь охотно согласился бы сто раз идти навстречу смерти, чтобы заслужить похвалы хотя вполтину столь преданного и столь прекрасного защитника...

— Вы не удивились бы, что я его защищаю, — сказала девушка, — если бы вы видели его, как его видела я, сражающимся за меня с огромным волосатым зверем. Он бросился на это чудовище, как бык мог бы броситься на дряхлого старика, — без малейшего признака колебаний или страха; если бы вы это видели, вы бы тоже сочли, что он сверхчеловек. Если бы вы видели его могучие мускулы напрягающимися под коричневой кожей, если бы вы видели, как он отражал страшные клыки, — вы бы тоже сочли его непобедимым. А будь вы свидетелями его рыцарского обращения со мною, незнакомой девушкой, — вы бы чувствовали к нему то же безграничное доверие, которое к нему чувствую я.

— Вы выиграли ваше дело, прекрасный адвокат, — крикнул капитан. — Суд признает подсудимого невиновным, и крейсер останется еще на несколько дней, чтобы дать ему возможность вернуться и благодарить прекрасную Норцию.

— Ради господ бога! — воскликнула Эсмеральда, — неужели вы, мое сокровище, хотите сказать мне, что останетесь еще, в этой стране зверей-людоедов, когда у нас удобный случай вырваться отсюда! Не говорите вы мне этого, цветочек!

— Эсмеральда! — воскликнула Джэн Портер, — как вам не стыдно? Так то вы высказываете благодарность этому человеку? Ведь он вам два раза спасал жизнь?

— Правда, мисс Джэн, все что вы говорите — правда, но уж поверьте мне, что этот лесной джентльмен вовсе не спасал нас для того, чтобы мы здесь оставались! Он спас нас, чтобы мы могли уехать отсюда. Мне думается, он был бы страх как сердит, если бы узнал, что мы до того одурели, что остались еще здесь после того, как он помог нам уехать. А я-то надеялась, что уж не придется мне больше ночевать в этом геологическом саду и слушать все эти скверные шумы, которые поднимаются в джунглях, когда становится темно.

— Я несколько не осуждаю вас, Эсмеральда, — сказал Клейтон. — И вы действительно попали в точку, сказав „скверные“ шумы. Я никогда не мог подобрать настоящего слова для них, а это, знаете ли, очень меткое определение: именно „скверные“ шумы.

— Тогда вам с Эсмеральдой лучше всего перебраться на крейсер и жить там, — заявила Джэн Портер насмешливо. — Что бы вы сказали, если бы должны были прожить всю жизнь в джунглях, как жил наш лесной человек?

— Боюсь, что я оказался бы далеко не блестящим образчиком дикого человека, — с горечью рассмеялся Клейтон. — От этих ночных шумов у меня волосы на голове поднимаются дыбом. Понимаю, что мне следовало бы стыдиться такого признания, но это правда.

— Не знаю, — сказал лейтенант Шарпантье. — Я никогда не думал много о страхе и подобного рода вещах; никогда не пытался выяснить, трус я, или храбрый человек. Но в ту ночь, когда мы лежали в лесу после того, как бедный д'Арно был взят в плен и шумы джунглей подымались и падали вокруг нас, я стал думать, что я в самом деле трус! Меня не столько пугал рев хищных зверей, сколько эти

крадущиеся шорохи, которые вы неожиданно слышите рядом с собой и затем ждете повторения их, — необъяснимые звуки почти неслышно движущегося огромного тела, и сознание, что вы не знаете, как близко оно было и не подползло ли оно еще ближе за то время, когда вы перестали слышать его. Вот эти шумы и глаза ... Mon Dieu! Я никогда не перестану видеть эти глаза в темноте, — глаза, которые видишь, или которые не видишь, но чувствуешь; ах, это самое ужасное...

Все с минуту молчали, и тогда заговорила Джэн Портер:

— И он там! — она сказала это стихнувшим от ужаса голосом. — Эти сверкающие глаза будут ночью глядеть на него и на вашего товарища, лейтенанта д'Арно. Неужели вы можете бросить их, джентльмены, не оказав им, по крайней мере, пассивную помощь, задержавшись с крейсером еще на несколько дней?

— Погоди, дитя, погоди, — сказал профессор Портер. — Капитан Дюфрен согласен остаться, а я со своей стороны тоже согласен, вполне согласен, как всегда, когда дело шло о подчинении вашим детским причудам.

— Мы могли бы использовать завтрашний день для перевозки сундука с кладом, — сказал м-р Филандер.

— Совершенно верно, совершенно верно, м-р Филандер; я почти что забыл о кладе! — воскликнул профессор Портер. Быть может, капитан Дюфрен одолжит нам в помощь несколько матросов и одного пленного с „Арроу“, который укажет местонахождение сундука.

— Конечно, дорогой профессор, мы все к вашим услугам, — ответил капитан.

Итак, было условлено, что на следующее утро лейтенант Шарпантье возьмет взвод из десяти человек и одного из бунтовщиков с „Арроу“ в качестве проводника и они откопают клад, а крейсер простоят еще целую неделю в маленькой бухте. По окончании этого срока можно будет считать, что д'Арно действительно мертв, а лесной человек не хочет вернуться, пока они еще остаются здесь, и тогда оба судна уйдут со всей экспедицией.

Профессор Портер не сопровождал кладоискателей на следующее утро, но, увидев, что они возвращаются около полудня с пустыми руками, поспешно бросился им навстречу. Его обычная рассеянная озабоченность совершенно исчезла и сменилась нервностью и возбуждением.

— Где клад? — крикнул он Клейтону еще с расстояния ста футов. Клейтон покачал головой.

— Пропал, — сказал он, подойдя ближе.

— Пропал? Этого быть не может. Кто мог взять его? — воскликнул профессор Портер.

— Одному богу известно, профессор, — ответил Клейтон. — Мы могли бы подумать, что проводник наш солгал относительно его местонахождения, но изумление и ужас его при виде исчезновения сундука из-под тела убитого Снайпса были слишком неподдельны, чтобы быть притворными. И кроме того, под телом действительно было что-то зарыто, потому что под ним имелась яма, закиданная рыхлой землей.

— Но кто же мог взять клад? — повторил профессор.

— Подозрение могло бы, конечно, пасть на матросов с крейсера, — сказал лейтенант Шарпантье. — Но младший лейтенант Жавье уверяет, что никто из команды не имел отпуска на берег и что никто из них с тех пор, как мы встали на якорь, не был на берегу иначе, как под начальством офицера. Я и не предполагал, чтобы вы стали подозревать наших матросов, но очень рад, что фактически доказана полная несостоятельность такого подозрения, — закончил он.

— Мне никогда и в голову не приходила мысль подозревать людей, которым мы стольким обязаны, — любезно возразил профессор Портер. — Я скорей готов был бы подозревать дорогого моего Клейтона, или м-ра Филандера.

Французы улыбнулись — как офицеры, так и матросы. Было ясно, что эти слова облегчили им душу.

— Сокровище пропало уже некоторое время тому назад, — продолжал Клейтон. — Когда мы вынули труп, то он развалился, а это указывает, что тот, кто взял клад, сделал это еще тогда, когда труп был свежий, потому что, когда мы отрыли его, он был целый.

— Похитителей должно было быть порядочно, — сказала подошедшая к ним Джэн Портер. — Вы помните, что потребовалось четыре человека для перенесения сундука.

— Клянусь Юпитером, — крикнул Клейтон, — это верно! Сделали это, должно быть, чернокожие. Вероятно кто-нибудь из них видел, как матросы зарывали сундук, после чего немедленно вернулся с помощниками, и они унесли сундук.

— Всякие такие соображения ни к чему не ведут, — печально сказал профессор Портер. — Сундук пропал. Мы его никогда больше не увидим, как не увидим и клада, бывшего в нем.

Одна только Джэн Портер понимала, что эта утрата означала для ее отца, но никто не знал, что она означала для нее.

Шесть дней спустя, капитан Дюфрен объявил, что выход в море назначен на следующее утро.

Джэн Портер стала бы еще просить о дальнейшей отсрочке, если бы сама не начинала думать, что ее лесной возлюбленный не вернется.

Вопреки самой себе, ее стали мучать сомнения и страхи. Разумность доводов этих беспристрастных французских офицеров помимо ее воли, действовала на ее убеждение.

Что он каннибал, — этому она никак не могла поверить; но в конце концов ей стало казаться возможным, что он — приемный член какого-нибудь племени дикарей. Мысли, что он мог умереть, она не допускала; было невозможно представить себе, чтобы то совершенное тело, полное торжествующей жизни, могло перестать существовать.

Допустив такие мысли, Джэн Портер невольно постепенно стала подпадать под власть других.

Если он принадлежит к племени дикарей, он, должно быть, имеет жену-дикарку, быть может — целую дюжину жен и диких полукровных детей. Девушка содрогнулась, и когда ей сообщили, что крейсер на утро уходит, она была почти рада. Тем не менее, именно она подала мысль, чтобы в хижине были оставлены оружие, патроны, припасы и много различных предметов, якобы для неуловимой личности, которая подписалась Тарзаном из племени обезьян, и для д'Арно, если он еще жив и доберется до хижины. В действительности же она надеялась, что эти вещи достанутся ее лесному богу, даже если бы он оказался простым смертным.

И в последнюю минуту она оставила ему еще весточку, передать которую поручила Тарзану.

Джэн последняя покинула хижину, вернувшись туда под каким-то пустым предлогом после того, как все остальные направились к шлюпке.

Она стала на колени у постели, в которой провела столько ночей, вознесла к небу молитву за благополучие своего первобытного человека и, крепко прижав к губам его медальон, шепнула:

— Я люблю тебя и верю в тебя! Но если бы даже и не верила, я все же любила бы. Пусть бог сжадется над моей душой за это признание! Если бы ты вернулся ко мне, не было бы другого исхода, и ушла бы за тобой, навсегда ушла в джунгли.

XXV

НА КРАЮ СВЕТА

Когда д'Арно выстрелил, дверь распахнулась настежь, и какая-то человеческая фигура грохнулась ничком, растянувшись во весь рост, на пол хижины.

Француз, охваченный паникой, только-что собрался вторично выстрелить в лежащего, как вдруг он увидел, что это белый. Еще одно мгновение — и д'Арно понял: он застрелил своего друга, своего защитника, Тарзана из племени обезьян!

С мучительным криком отчаянья бросился д'Арно к обезьяне-человеку. Став на колени, он поднял черноволосую голову и прижал ее к своей груди, кромко называя Тарзана по имени. Ответа не было. Тогда д'Арно приложил ухо к его сердцу. С радостью услышал он, что сердце работает равномерно и стойко. Он заботливо поднял Тарзана и уложил его на койку, а затем, торопливо заперев и заложив дверь, он зажег одну из ламп и осмотрел рану. Пуля слегка лишь задела Тарзана по голове. Рана была поверхностная, хотя и безобразная на вид, но не было признаков перелома черепа.

Д'Арно облегченно вздохнул и стал смывать кровь с лица своего друга.

Вскоре холодная вода привела его в чувство и, открыв глаза, он с изумлением взглянул на д'Арно.

Последний перевязал рану кусочками полотна и, увидев, что Тарзан пришел в себя, написал записку, которую и передал обезьяне-человеку. В этом послании д'Арно объяснял ужасную ошибку, которую он сделал, и говорил, как он счастлив, что рана оказалась не столь серьезной.

Тарзан, прочитав написанное, сел на край койки и рассмеялся.

— Это ничего, — сказал он по-французски. Потом, так как запас его слов истощился, он написал:

— Вы бы видели, что Болгани сделал со мной, а также Керчак и Теркоз, прежде чем я убил их, — тогда бы вы не смеялись над такой маленькой царапиной.

Д'Арно передал Тарзану оба письма, оставленные на его имя.

Тарзан прочел первое с выражением печали на лице. Второе он долго переворачивал на все стороны, не зная, как его открыть. Тарзан никогда не видал до тех пор заклеенного письма.

Д'Арно наблюдал за ним и понял: его привел в замешательство конверт. Казалось так странно, чтобы для взрослого белого человека конверт был загадкой! Д'Арно вскрыл его и передал письмо Тарзану.

Усевшись на походный стул, обезьяна-человек разложил перед собой исписанные листы и прочел:

Тарзану, из племени обезьян. Прежде, чем я уеду, позвольте мне присоединить мою благодарность к благодарности м-ра Клейтона за данное вами любезно разрешение пользоваться вашей хижиной,

Мы очень сожалеем о том, что вы так и не пришли познакомиться с нами. Мы были бы так рады посидеть и поблагодарить нашего хозяина!

Есть еще другой, которого я тоже хотела бы поблагодарить, но он не вернулся, хотя я не могу поверить, что он умер.

Его имени я не знаю. Он — большой, белый гигант, носивший брильянтовый медальон на груди. Если вы знаете его и можете говорить на его языке, передайте ему мою благодарность и скажите, что я семь дней ждала его возвращения. Скажите ему также, что я живу в Америке, в городе Балтимора. Там он всегда будет для меня желанным гостем, если пожелает навестить меня.

Я нашла записку, которую вы мне написали. Она лежала между листьями над деревом около хижины. Не знаю, как вы, никогда не говорящий со мною, сумели полюбить меня? И я очень огорчена, если это правда, потому что я свое сердце отдала другому.

Но знайте, что я всегда останусь вашим другом.

Джэн Портер

Тарзан почти целый час сидел, устремив взгляд на пол. Из писем ему стало очевидно, что они не знали, что он и Тарзан — один и тот же человек. — „Я отдала мое сердце другому“ — повторял он снова и снова про себя.

Значит, она не любит его! Как могла она притворяться, что любит, и вознести его на такую высоту надежды только для того, чтобы сбросить в бездну отчаяния?

Быть может, ее поцелуи были только знаком дружбы? Что может знать он, он, который ничего не знает о человеческих обычаях?

Неожиданно он встал и, пожелав д'Арно доброй ночи, как тот научил его, бросился на постель из папоротников, на которой спала Джэн Портер.

Д'Арно потушил лампу и тоже лег.

Целую неделю они почти только и делали, что отдыхали и д'Арно учил Тарзана французскому языку. К концу недели они уже могли кое-как объясняться.

Раз, поздно вечером, когда они сидели в хижине, собираясь ложиться спать, Тарзан бросился к д'Арно.

— Где Америка? — спросил он. Д'Арно показал на северо-запад.

— Во многих тысячах миль за океаном. Для чего вам это?

— Я собираюсь туда. Д'Арно покачал головой.

— Это невозможно, друг мой, — сказал он.

Тарзан встал и, подойдя к одному из шкафов, вернулся с основательно зачитанной географией в руках. Раскрыв карту всего мира, он сказал:

— Я никогда не мог хорошенько понять всего этого, объясните, пожалуйста!

Д'Арно исполнил его просьбу, сказав, что синяя краска означает всю воду на земле, а пятна других цветов — континенты и острова. Тарзан попросил указать место, где они теперь находятся.

Д'Арно это сделал.

— Теперь укажите, где Америка, — сказал Тарзан. И когда д'Арно дотронулся пальцем до Северной Америки, Тарзан улыбнулся и, положив на страницу ладонь, измерил ею Атлантический океан, лежащий между обоими материками.

— Вы видите, это не далеко; моя рука шире! Д'Арно рассмеялся. Как бы заставить понять этого человека?

Он взял карандаш и сделал крошечную точку на берегу Африки.

— Этот маленький знак на карте, — сказал он, — во много раз больше, чем ваша хижина на земле. Видите вы теперь, как это далеко?

Тарзан задумался.

— Живут ли белые люди в Африке? — спросил он.

— Живут.

— Где живут самые близкие?

Д'Арно указал на карте точку к северу от них.

— Так близко? — с удивлением спросил Тарзан.

— Да, — ответил д'Арно, — но это совсем не близко.

— А у них есть большие суда для переезда через океан?

— Есть.

— Мы пойдем туда завтра, — заявил Тарзан. Д'Арно улыбнулся и покачал головой.

— Это слишком далеко! Мы умрем много раньше, чем доберемся туда.

— Вы хотите остаться здесь навсегда? — спросил Тарзан.

— О, нет, — ответил д'Арно.

— Ну, тогда мы завтра двинемся с места. Здесь мне больше не нравится. Я готов скорее умереть, чем оставаться здесь.

— Хорошо, — ответил д'Арно, пожав плечами. — Не знаю, друг мой, но и я тоже скажу, что предпочел бы умереть, чем жить здесь. Если вы уйдете, и я уйду с вами.

— Значит, решено, — сказал Тарзан. — Завтра я отправлюсь в Америку.

— Как же вы поедете в Америку без денег? — спросил д'Арно.

— Что такое деньги? — удивился Тарзан. Потребовалось немало времени, чтобы он хоть смутно понял.

— Как люди добывают деньги? — спросил он, наконец.

— Они их зарабатывают.

— Отлично. Я заработаю.

— Нет, друг мой, — возразил д'Арно. — О деньгах вы не должны беспокоиться и вам не нужно будет зарабатывать. У меня их достаточно для двух, достаточно для двадцати, — гораздо больше денег у меня, чем это полезно для одного человека. И вы будете иметь все, что пожелаете, если мы когда-нибудь доберемся до цивилизации.

Итак, на следующее утро они двинулись в путь вдоль берега. Каждый нес ружье и патроны, а также постель и немного провизии и кухонных принадлежностей.

Последние показались Тарзану совершенно бесполезным бременем, и он выбросил свои.

— Но вы должны научиться есть вареную пищу, мой друг, — усовещевал его д'Арно. — Ни один цивилизованный человек не ест мясо сырым!

— Хватит у меня времени научиться, когда я доберусь до цивилизации. Мне эти вещи не нравятся; они только портят вкус хорошего мяса.

Целый месяц шли они к северу, иногда находя себе пищу в изобилии, а иногда голодая по нескольку дней.

Они не встречали и признаков туземцев, а дикие звери их не беспокоили. В общем их путешествие было необыкновенно удачно.

Тарзан закидывал товарища вопросами и его познания быстро увеличивались. Д'Арно учил его тонкостям цивилизации, даже употреблению ножа и вилки. Но иногда Тарзан с отвращением бросал их, и схватив пищу сильными, загорелыми руками, рвал ее коренными зубами, как дикий зверь.

Тогда д'Арно сердился и говорил:

— Вы не должны есть, как скот, Тарзан, когда я так стараюсь сделать из вас джентльмена. Mon Dieu! Джентльмены не делают этого — это просто ужасно!

Тарзан улыбался смущенно и снова брался за вилку и нож, но в душе он их ненавидел.

По дороге он рассказал д'Арно о большом сундуке, о том, как матросы зарыли его, и о том, как он его отрыл, перенес на сборное место обезьян и там зарыл снова.

Должно быть это сундук с кладом профессора Портера, — сообразил д'Арно. — Это очень, очень не хорошо, но, конечно, вы не знали!

Тарзан тут только вспомнил и понял письмо, написанное Джэн Портер ее приятельнице, украденное им у нее в первый же день, когда пришельцы устроились в его хижине. Теперь он знал, что это было в сундуке и что он значил для Джэн Портер!

— Завтра мы вернемся назад за сундуком, — объявил он, обращаясь к д'Арно.

— Назад? — воскликнул д'Арно. — Но дорогой мой, мы теперь уже три недели в пути; нам придется употребить еще три недели для обратного путешествия за кладом. И затем, при огромном весе сундука, нести который потребовались четыре матроса, месяцы пройдут раньше, чем мы опять дойдем до этого места.

— Но это нужно, друг мой, — настаивал Тарзан. — Идите дальше к цивилизации, а я вернусь за кладом. Один я смогу идти куда скорее.

— У меня есть план получше, Тарзан! — воскликнул д'Арно. — Мы вместе дойдем до ближайшего поселения. Там мы найдем гребное судно и вернемся за сокровищем морем вдоль берега, таким образом доставка его будет гораздо легче. Это и быстрее и безопаснее и не заставит нас разлучаться. Что вы думаете о моем плане, Тарзан?

— Идет! — сказал Тарзан. — Сокровище окажется на месте, когда бы мы ни явились за ним; и хотя я мог бы сходить туда теперь и нагнать вас через месяц или два, но буду более спокоен за вас, зная, что вы не один в дороге. Когда я вижу, до чего вы беспомощны д'Арно, я часто удивляюсь, как человеческий род мог избежать уничтожения за все те века, о которых вы мне говорили. Одна Сабор могла бы истребить тысячи таких, как вы.

д'Арно засмеялся:

— Вы будете более высокого мнения о своем роде, когда увидите его армии и флоты, огромные города и могучие механические приспособления. Тогда вы поймете, что ум, а не мускулы, ставит человеческое существо выше могучих зверей ваших джунглей. Одинокий и безоружный человек, конечно, не равен по силе крупному зверю; но если десять человек соберутся, они соединят свой ум и свои мускулы против диких врагов, в то время как звери, неспособные рассуждать, никогда не задумаются о союзе против людей. Если бы было иначе, Тарзан, сколько прожили бы вы в диком лесу?

— Вы правы, д'Арно, — ответил Тарзан. — Если бы Керчак пришел на помощь Тублату в ночь Дум-Дума, мне был бы конец. Но Керчак не сумел воспользоваться таким подходящим для него случаем! Даже Кала, моя мать, не могла строить планов вперед. Она просто ела, сколько ей было нужно и когда она хотела есть. Даже находя пищу в изобилии в такие времена, когда мы голодали, она никогда не собирала запасов. Помню, она считала большой глупостью с моей стороны обременять себя излишней пищей во время переходов, хотя бывала очень рада есть вместе со мной, когда случайно на пути у нас не встречалось продовольствия.

— Значит, вы знали вашу мать, Тарзан? — спросил с удивлением д'Арно.

— Знал. Она была большая, красивая обезьяна, больше меня ростом и весила вдвое по сравнению со мной.

— А ваш отец? — спросил д'Арно.

— Его я не знал. Кала говорила, что он был белая обезьяна и безволосый, как я. Теперь знаю, что должно быть он был белым человеком.

Д'Арно долго и пристально рассматривал своего спутника.

— Тарзан, — сказал он наконец, — невозможно, чтобы обезьяна Кала была вашей матерью. Если бы это было так, вы унаследовали бы хоть какие-нибудь особенности обезьян. А у вас их совсем нет. Вы — чистокровный человек и, вероятно, сын высококультурных родителей. Неужели у вас нет хотя бы слабых указаний на ваше прошлое?

— Нет никаких, — ответил Тарзан.

— Никаких записок в хижине, которые могли бы пролить какой-либо свет на жизнь ее прежних обитателей?

— Я прочел все, что было в хижине, за исключением одной книжки, которая, как я знаю теперь, была написана не по-английски, а на каком-то другом языке. Может быть, вы сумеете прочесть ее.

Тарзан вытащил со дна своего колчана маленькую черную книжку и подал ее своему спутнику.

Д'Арно взглянул на заглавный лист.

— Это дневник Джона Клейтона, лорда Грейстока, английского дворянина, и он написан по-французски, — сказал он, и тут же принялся читать написанный свыше двадцати лет тому назад дневник, в котором передавались подробности истории, уже нам известной — истории приключений, лишений и горестей Джона Клейтона и его жены Элис со дня их отъезда из Англии. Оканчивался дневник за час до того, как Клейтон был сражен насмерть Керчаком.

Д'Арно читал громко. По временам его голос срывался и он был вынужден остановиться. Какая страшная безнадежность сквозила между строками!

По временам он взглядывал на Тарзана. Но обезьяна-человек сидел на корточках неподвижный, как каменный идол.

Только когда началось упоминание о малютке, тон дневника изменился и исчезла нота отчаяния, вкраившаяся в дневник после первых двух месяцев пребывания на берегу. Теперь тон дневника был окрашен каким-то подавляющим счастьем, производимым еще более грустное впечатление, чем все остальное.

В одной из записей звучал почти бодрый дух:

Сегодня моему мальчику исполнилось шесть месяцев. Он сидит на коленях Элис у стола, за которым я пишу; это счастливый, здоровый, прекрасный ребенок.

Так или иначе, даже против всякой правдоподобности, мне представляется, что я вижу его взрослым, занявшим в свете положение отца, и этот второй Джон Клейтон покрывает новую славой род Грейстоков.

И вот, как будто для того, чтобы придать моему пророчеству вес своей подписью, он схватил мое перо в пухленький кулачок и поставил на странице печать своих крошечных пальчиков, перепачканных в чернилах.

И тут же, на поле страницы, были видны слабые и наполовину замазанные отпечатки четырех крошечных пальчиков и внешняя часть большого пальца.

Когда д'Арно кончил читать, оба человека просидели несколько минут молча.

— Скажите, Тарзан, о чем вы думаете? — спросил д'Арно. — Разве эта маленькая книжечка не раскрыла перед вами тайну вашего происхождения? Да ведь вы же лорд Грейсток!

Голова Тарзана поникла.

— В книжке все время говорят об одном ребенке, — ответил он. — Маленький скелетик его лежал в колыбели, где он умер, плача о пище. Он лежал там с первого дня, как я вошел в хижину, и до того дня, когда экспедиция профессора Портера похоронила его рядом с его отцом и матерью, у стены хижины. Это-то и был ребенок, упоминаемый в книжечке, и тайна моего происхождения еще темнее, чем была прежде, потому что последнее время я сам много думал о возможности, что эта хижина была местом моего рождения. Я думаю, что Кала говорила правду, — грустно заключил Тарзан.

Д'Арно покачал головой. Он не был убежден, и в уме его зародилось решение доказать правильность своей теории, потому что он нашел ключ, который мог открыть тайну.

Неделю спустя путники неожиданно вышли из леса на поляну.

В глубине высились несколько зданий, обнесенных крепким частоколом. Между ними и оградой расстиралось возделанное поле, на котором работало множество негров.

Оба остановились на опушке джунглей. Тарзан уже готов был спустить отравленную стрелу со своего лука, но д'Арно ухватил его за руку.

— Что вы делаете, Тарзан? — крикнул он.

— Они будут пытаться убить нас, если увидят, — ответил Тарзан. — Я предпочитаю быть сам убийцей.

— Но, может быть, они нам друзья, — возразил д'Арно.

— Это черные люди, — было единственным ответом Тарзана. И он снова натянул тетиву.

— Вы не должны этого делать, Тарзан! — крикнул д'Арно — Белые люди не убивают зря. Мон Шеи, сколько вам еще осталось учиться! Я жалею того буяна, который рассердит вас, мой дикий друг, когда я привезу вас в Париж. У меня будет дела полон рот, чтобы уберечь вас от гильотины.

Тарзан улыбнулся и опустил лук.

— Я не понимаю, почему я должен убивать чернокожих в джунглях и не могу убивать их здесь? Ну, а если лев Нума прыгнул бы здесь на нас, я, видно, должен был бы сказать ему: „С добрым утром, мосье Нума, как поживает мадам Нума?“

— Подождите, пока чернокожие на нас бросятся, — возразил д'Арно, — тогда стреляйте. Но пока люди не докажут, что они ваши враги — не следует предполагать этого.

— Пойдемте, — сказал Тарзан, пойдемте и представимся им, чтобы они сами убили нас! — И он прямо пошел поперек поля, высоко подняв голову, и тропическое солнце обливало своими лучами его гладкую, смуглую кожу.

Позади него шел д'Арно, одетый в платье, брошенное Клейтоном в хижине после того, как французские офицеры с крейсера снабдили его более приличной одеждой.

Но вот, один из чернокожих поднял глаза, увидел Тарзана, вернулся и с криком бросился к частоколу.

В один миг воздух наполнился криками ужаса убежавших работников, но прежде, чем они добежали до палисада, белый человек появился из-за ограды с ружьем в руках, желая узнать причину волнения.

То, что он увидел перед собой, заставило его взять ружье на прицел, и Тарзан, из племени обезьян, вторично попробовал бы

свинца, если бы д'Арно не крикнул громко человеку с наведенным ружьем:

— Не стреляйте! Мы друзья!

— Ни с места, в таком случае! — послышался ответ.

— Стойте, Тарзан! — крикнул д'Арно. — Они думают, что мы враги.

Тарзан приостановился, а затем он и д'Арно стали медленно подходить к белому человеку у ворот... Последний рассматривал их с изумлением, граничащим с растерянностью.

— Что вы за люди? — спросил он по-французски.

— Белые люди, — ответил д'Арно. — Мы долго скитались по джунглям.

Тогда человек опустил ружье и подошел к ним с протянутой рукой.

— Я отец Константин из здешней французской миссии, — сказал он, — и рад приветствовать вас.

— Вот это мосье Тарзан, отец Константин, — ответил д'Арно, указывая на обезьяну-человека; и когда священник протянул руку Тарзану, д'Арно добавил: — А я, — Поль д'Арно, из французского флота.

Отец Константин пожал руку, которую Тарзан протянул ему в подражание его жесту, и окинул быстрым и пронизательным взором его великолепное сложение и прекрасное лицо.

Тарзан, обезьяний приемщик, пришел на первый передовой пост цивилизации.

Они пробыли здесь с неделю, и обезьяна-человек, до крайности наблюдательный, многому научился из обычаев людей. А в это время черные женщины шили для него и для д'Арно белые парусиновые костюмы, чтобы они могли продолжать свое путешествие в более пристойном виде.

XXVI

НА ВЫСОТЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Месяц спустя они добрались до маленькой группы строений на устье широкой реки. Глазам Тарзана представилось большое количество судов, и снова присутствие множества людей исполнило его робостью дикого лесного существа.

Мало-помалу он привык к непонятным шумам и странным обычаям цивилизованного поселка, и никто не мог бы подумать, что этот красивый француз в безупречном белом костюме, смеявшийся и болтающий с самыми веселыми из них, еще два месяца тому назад мчался нагишом через листву первобытных деревьев, нападая на неосмотрительную жертву и пожирая ее сырьем!

С ножом и вилкой, которые он так презрительно отбросил месяц тому назад, Тарзан обращался теперь столь же изысканно, как и сам д'Арно.

Он был необычайно способным учеником, и молодой француз упорно работал над быстрым превращением Тарзана, приемьша обезьян, в совершенного джентльмена в отношении манер и речи.

— Бог создал вас джентльменом в душе, мой друг, — сказал д'Арно, — но нужно, чтобы это проявилось и во внешности вашей.

Как только они добрались до маленького порта, д'Арно известил по телеграфу свое правительство о том, что он невредим, и просил о трехмесячном отпуске, который и был ему дан.

Он протелеграфировал также и своим банкирам о высылке денег. Но обоих друзей сердило вынужденное бездействие в продолжение целого месяца, происходившее от невозможности раньше зафрахтовать судно для возвращения Тарзана за кладом.

Во время их пребывания в прибрежном городе, личность мосье Тарзана сделалась предметом удивления и белых и черных из-за нескольких происшествий, казавшихся ему самому вздорными пустяками.

Однажды огромный негр, допившийся до белой горячки, терроризировал весь город, пока не забрел на свое горе на веранду

гостиницы, где, небрежно облокотившись, сидел черноволосый французский гигант.

Негр поднялся, размахивая ножом, по широким ступеням и набросился на компанию из четырех мужчин, которые, сидя за столиком, прихлебывали неизбежный абсент.

Все четверо убежали со всех ног с испуганными криками, и тогда негр заметил Тарзана. Он с ревом набросился на обезьяну-человека, и сотни глаз устремились на Тарзана, чтобы быть свидетелями, как гигантский негр зарежет бедного француза.

Тарзан встретил нападение с вызывающей улыбкой, которою радость сражения всегда украшала его уста.

Когда негр на него бросился, стальные мускулы схватили черную кисть руки с занесенным ножом. Одно быстрое усилие — и рука осталась висеть с переломленными костями.

От боли и изумления чернокожий мгновенно отрезвел, и когда Тарзан спокойно опустился в свое кресло, негр с пронзительным воплем кинулся со всех ног к своему родному поселку.

В другой раз Тарзан и д'Арно сидели за обедом с несколькими другими белыми. Речь зашла о львах и об охоте за львами.

Мнения разделились насчет храбрости царя зверей; некоторые утверждали, что лев — отъявленный трус, но все соглашались, что когда ночью около лагеря раздается рев монарха джунглей, то они испытывают чувство безопасности, только хватаясь за скорострельные ружья.

Д'Арно и Тарзан заранее условились, что прошлое Тарзана должно сохраняться в тайне, и кроме французского офицера никто не знал о близком знакомстве Тарзана с лесными зверями.

— Мосье Тарзан еще не высказал своего мнения, — промолвил один из собеседников. — Человек с такими данными, как у него, и который провел, как я слышал, некоторое время в Африке, непременно должен был так или иначе столкнуться со львами, не так ли?

— Да, — сухо ответил Тарзан. — Столкнулся настолько, чтобы знать, что каждый из вас прав в своих суждениях о львах, которые вам повстречались; но с таким же успехом можно судить и о чернокожих по тому негру, который взбесился здесь на прошлой неделе, или решить сплеча, что все белые — трусы, встретив одного трусливого европейца. Среди низших пород, джентльмены, столько же

индивидуальностей, сколько и среди нас самих. Сегодня вы можете натолкнуться на льва с более чем робким нравом, — он убежит от вас. Завтра вы нарветесь на его дядю, или даже на его братца-близнеца, и друзья ваши будут удивляться, почему вы не возвращаетесь из джунглей. Лично же я всегда заранее предполагаю, что лев свиреп, и всегда держусь настороже.

— Охота представляла бы немного удовольствия, — возразил первый говоривший, — если бы охотник боялся дичи, за которой охотился!

Д'Арно улыбнулся: Тарзан боится!

— Я не вполне разумею, что вы хотите сказать словом страх, — заявил Тарзан: — Как и львы, страх тоже различен у различных людей. Но для меня единственное удовольствие охоты заключается в сознании, что дичь моя настолько же опасна для меня, насколько я сам опасен для нее. Если бы я отправился на охоту за львами с двумя скорострельными ружьями, с носильщиком, и двадцатью загонщиками, мне думалось бы, что у льва слишком мало шансов, и мое удовольствие в охоте уменьшилось бы пропорционально увеличению моей безопасности.

— В таком случае остается предположить, что мосье Тарзан предпочел бы отправиться на охоту за львами нагишом и вооруженный одним лишь ножом? — рассмеялся говоривший раньше, добродушно, но с легким оттенком сарказма в тоне.

— И с веревкой, — добавил Тарзан.

Как раз в эту минуту глухое рычание льва донеслось из далеких джунглей, словно бросая вызов смельчаку, который решил бы выйти с ним на бой?

— Вот вам удобный случай, мосье Тарзан, — посмеялся француз.

— Я не голоден, — просто ответил Тарзан.

Все рассмеялись, за исключением д'Арно. Он один знал, насколько логична и серьезна эта причина в устах обезьяны-человека.

— Признайтесь, вы боялись бы, как побоялся бы каждый из нас, пойти сейчас в джунгли нагишом, вооруженный только ножом и веревкой, — сказал шутник.

— Нет, — ответил ему Тарзан. — Но глупец тот, кто совершает поступок без всякого основания.

— Пять тысяч франков — вот вам и основание, — сказал другой француз. — Бьюсь об заклад на эту сумму, что вы не сможете принести из джунглей льва при соблюдении упомянутых вами условий: нагишом и вооруженный ножом и веревкой.

Тарзан взглянул на д'Арно и утвердительно кивнул головой.

— Ставьте десять тысяч, — предложил д'Арно.

— Хорошо, — ответил тот. Тарзан встал.

— Мне придется оставить свою одежду на краю селения, чтобы не прогуляться нагишом по улицам, если я не вернусь до рассвета.

— Неужели вы пойдете сейчас? — воскликнул бившийся об заклад. — Ведь темно?

— Почему же нет? — спросил Тарзан. — Нума бродит по ночам, будет легче найти его.

— Нет, — заявил тот. — Я не хочу иметь вашу кровь на совести. Достаточно риска, если вы пойдете днем.

— Я пойду сейчас! — возразил Тарзан и отправился к себе в комнату за ножом и веревкой.

Все остальные проводили его до края джунглей, где он оставил свою одежду в маленьком амбаре.

Но когда он собрался вступить в темноту низких зарослей, они все пытались отговорить его, и тот, кто бился об заклад, больше всех настаивал на том, чтобы он отказался от безумной затеи.

— Я буду считать, что вы выиграли, — сказал он, — и десять тысяч франков ваши, если только вы откажетесь от этого сумасшедшего предприятия, которое обязательно кончится вашей гибелью.

Тарзан только засмеялся, и через мгновение джунгли поглотили его.

Сопровождавшие его постояли молча несколько минут и затем медленно пошли назад, на веранду отеля.

Не успел Тарзан войти в джунгли, как он взобрался на деревья и с чувством ликующей свободы помчался по лесным ветвям.

Вот это — жизнь! Ах, как он ее любит! Цивилизация не имеет ничего подобного в своем узком и ограниченном кругу, сдавленном со всех сторон всевозможными условностями и границами. Даже одежда была помехой и неудобством.

Наконец он свободен! Он не понимал до того, каким пленником он был все это время!

Как легко было бы вернуться назад к берегу и двинуться на юг к своим джунглям и к хижине у бухты!

Он издали почуял запах Нумы потому, что шел против ветра. И вот его острый слух уловил знакомый звук мягких лап и трение огромного, покрытого мехом, тела о низкий кустарник.

Тарзан спокойно перепрыгивал по веткам над ничего не подозревавшим зверем и молча выслеживал его, пока не добрался до небольшого клочка, освещенного лунным светом.

Тогда быстрая петля обвила и сдавила бурое горло, и подобно тому, как он это сотни раз делал в былые времена, Тарзан прикрепил конец веревки на крепком суку и, пока зверь боролся за свободу и рвал когтями воздух, Тарзан спрыгнул на землю позади него и, вскочив на его большую спину, вонзил раз десять длинное узкое лезвие в свирепое сердце льва.

И тогда, поставив ногу на труп Нумы, он громко издал ужасный победный крик своего дикого племени.

С минуту Тарзан стоял в нерешительности под наплывом противоречивых душевных стремлений: верность к д'Арно боролась в нем с порывом к свободе родных джунглей. Наконец, воспоминание о прекрасном лице и горячих губах, крепко прижатых к его губам, победило обворожительную картину прошлого, которую он нарисовал себе. Обезьяна-человек вскинул себе на плечи неостывшую еще тушу и опять прыгнул на деревья.

Люди на веранде сидели почти молча в продолжение часа.

Они безуспешно пытались говорить на разные темы, но неотвязная мысль, которая мучила каждого из них, заставляла их уклоняться от разговора.

— Боже мой! — произнес, наконец, бывший об заклад. — Я больше не могу терпеть. Пойду в джунгли с моим скорострельным ружьем и приведу назад этого сумасброда.

— Я тоже пойду с вами, — сказал один.

— И я, и я, и я, — хором воскликнули остальные. Эти слова как будто нарушили чары какого-то злого ночного кошмара. Все бодро поспешили по своим комнатам и затем, основательно вооруженные, направились к джунглям.

— Господи! Что это такое? — внезапно крикнул один англичанин, когда дикий вызов Тарзана слабо донесся до их слуха.

— Я слышал однажды нечто подобное, — сказал бельгиец, — когда я был в стране горилл. Мои носильщики сказали мне, что это крик большого самца-обезьяны, убившего в бою противника.

Д'Арно вспомнил слова Клейтона об ужасном реве, которым Тарзан возвещал о своей победе, и он почти улыбнулся, несмотря на свой ужас, при мысли, что этот раздирающий душу крик вырвался из человеческого горла — и из уст его друга!

В то время, когда все собравшееся общество остановилось на краю джунглей и стало обсуждать, как лучше распределить свои силы, все вдруг содрогнулось, услышав рядом с собою негромкий смех, и, обернувшись, увидели, что к ним, перекинув на плечи львиную тушу, приближается гигантская фигура.

Даже д'Арно был как громом поражен, потому что казалось невозможным, чтобы с тем жалким оружием, которое взял Тарзан, он мог так быстро покончить со львом, или чтобы он один мог принести огромную тушу сквозь непроходимые заросли джунглей.

Все окружили Тарзана, засыпая его вопросами, но он только пренебрежительно усмехался, когда ему говорили о его подвиге.

Тарзану казалось, что это все равно, как если бы кто стал хвалить мясника за то, что он убил корову. Тарзан так часто убивал ради пищи или при самозащите, что его поступок нисколько не казался ему замечательным. Но в глазах этих людей, привыкших охотиться за крупной дичью, он был настоящим героем; кроме того, он неожиданно приобрел десять тысяч франков, потому что д'Арно настоял на том, чтобы он их взял себе.

Это было очень существенно для Тарзана, потому что он начинал понимать, какая сила кроется в этих маленьких кусочках металла или бумажках, которые постоянно переходят из рук в руки, когда человеческие существа ездят, или едят, или спят, или одеваются, или пьют, или работают, или играют, или отыскивают себе приют от холода, дождя и солнца.

Для Тарзана стало очевидным, что без денег прожить нельзя. Д'Арно говорил ему, чтобы он не беспокоился, так как у него денег больше, чем нужно для обоих. Но обезьяна-человек многому научился и, между прочим, и тому, что люди смотрят сверху вниз на человека, который берет деньги от других, не давая взамен ничего равноценного.

Вскоре после эпизода с охотой за львом, д'Арно удалось зафрахтовать старый парусник для каботажного рейса в закрытую бухту Тарзана.

Это было счастливое утро для них обоих, когда, наконец, маленькое судно подняло парус и вышло в море.

Плавание вдоль берегов совершилось благополучно, и на утро после того, как они бросили якорь перед хижиной, Тарзан с лопатой в руках отправился один в амфитеатр обезьян, где был зарыт клад. На следующий день он вернулся к вечеру, неся на плечах большой сундук; при восходе солнца маленькое судно вышло из бухты и пустилось в обратный путь на север.

Три недели спустя Тарзан и д'Арно уже были пассажирами на борту французского парохода, шедшего в Лион. И, проведя несколько дней в этом городе, д'Арно повез Тарзана в Париж.

Приемыш обезьян страстно стремился скорей уехать в Америку, но д'Арно настоял на том, чтобы он сперва съездил с ним в Париж, и не хотел объяснить ему, на какой безотлагательной надобности основана его просьба.

Одним из первых дел д'Арно по приезде в Париж был визит старому приятелю, крупному чиновнику департамента полиции, — куда он взял с собой и Тарзана.

Д'Арно ловко переводил разговор с одного вопроса на другой, пока чиновник не объяснил заинтересовавшемуся Тарзану многие из современных методов или захвата и опознавания преступников.

Тарзана особенно поразило изучение отпечатков пальцев, применяемое этой интересной наукой.

— Но какую же ценность могут иметь эти отпечатки, — спросил Тарзан, — если через несколько лет линии на пальцах будут совершенно изменены отмиранием старой ткани и нарастанием новой?

— Линии не меняются никогда, — ответил чиновник. — С детства и до старости отпечатки пальцев каждого индивида меняются только в величине, ну и разве что поранения изменяют петли и изгибы. Но если были сняты отпечатки большого пальца и всех четырех пальцев обеих рук, индивид должен потерять их все, чтобы избежать опознания.

— Изумительно! — воскликнул д'Арно. — Хотел бы я знать, на что похожи линии на моих пальцах?

— Это мы можем сейчас увидеть, — объявил полицейский чиновник, и на его звонок явился помощник, которому он отдал несколько распоряжений. Чиновник вышел из комнаты, но тотчас вернулся с маленькой деревянной шкатулкой, которую он и поставил на пюпитр своего начальника.

— Теперь, — сказал чиновник, — вы получите отпечаток ваших пальцев в одну секунду.

Он вынул из маленькой шкатулки квадратную стеклянную пластинку, маленькую трубочку густых чернил, резиновый валик и несколько белоснежных карточек.

Выжав каплю чернил на стекло, он раскатал ее взад и вперед резиновым валиком, пока вся поверхность стекла не была покрыта очень тонким и равномерным слоем чернил.

— Положите четыре пальца вашей правой руки на стекло, вот так, — сказал чиновник д'Арно. — Теперь большой палец... Хорошо. А теперь, в таком же положении, опустите их на эту карточку, сюда, нет, немного правее. Мы должны оставить еще место для большого пальца и для четырех пальцев левой руки. Так! Теперь то же самое для левой руки.

— Тарзан, идите сюда, Тарзан! — крикнул д'Арно. — Посмотрим, на что похожи ваши петли.

Тарзан тотчас же согласился, и во время операции забросал чиновника вопросами.

— Показывают ли отпечатки пальцев различие рас? — спросил он. — Могли ли бы вы например определить только по отпечаткам пальцев, принадлежит ли субъект к черной или к кавказской расе?

— Не думаю, — ответил чиновник, — хотя некоторые утверждают, будто у негра линии менее сложны.

— Можно ли отличить отпечатки обезьяны от отпечатков человека?

— Вероятно да, потому что отпечатки обезьяны будут куда проще отпечатков более высокого организма.

— Но помесь обезьяны с человеком может ли выказать отличительные признаки каждого из двух родителей?

— Думаю, что да, — ответил чиновник, — но наука эта еще не достаточно разработана, чтобы дать точный ответ на подобные вопросы. Лично я не могу довериться ее открытиям дальше распознавания между отдельными индивидами. Тут она абсолютна.

Вероятно, во всем мире не найдется двух людей с тождественными линиями на всех пальцах. Весьма сомнительно чтобы хоть один отпечаток человеческого пальца мог сойтись с отпечатком иным, как только того же самого пальца.

— Требует ли сравнение много времени и труда? — спросил д'Арно.

— Обыкновенно лишь несколько минут, если отпечатки отчетливы.

Д'Арно достал из своего кармана маленькую черную книжку и стал перелистывать страницы.

Тарзан с удивлением взглянул на книжечку. Каким образом она у д'Арно?

И вот д'Арно остановился на странице, на которой было пять крошечных пятнышек.

Он передал открытую книжку полицейскому чиновнику.

— Похожи ли эти отпечатки на мои, или мосье Тарзана? Не тождественны ли они с отпечатками одного из нас?

Чиновник вынул из конторки очень сильную лупу и стал внимательно рассматривать все три образца отпечатков, делая в то же время отметки на листочке бумаги.

Тарзан понял теперь смысл посещения ими полицейского чиновника.

В этих крошечных пятнах лежала разгадка его жизни.

Он сидел, напряженно наклонившись вперед, но внезапно как-то сразу опустил и откинулся, печально улыбаясь, на спинку стула.

Д'Арно взглянул на него с удивлением.

— Вы забываете, — сказал Тарзан с горечью, — что тело ребенка, сделавшего эти отпечатки пальцев, лежало мертвым в хижине его отца, и что всю мою жизнь я видел его лежащим там.

Полицейский чиновник взглянул на них с недоумением.

— Продолжайте, продолжайте, мосье, мы расскажем вам всю эту историю потом, если только мосье Тарзан согласится.

Тарзан утвердительно кивнул головой и продолжал настаивать.

— Вы сошли с ума, хороший мой д'Арно! Эти маленькие пальцы давно похоронены на западном берегу Африки.

— Я этого не знаю, Тарзан, — возразил д'Арно. — Возможно, что так. Но если вы не сын Джона Клейтона, тогда скажите мне именем

неба, как вы попали в эти богом забытые джунгли, куда не ступала нога ни одного белого, исключая его?

— Вы забываете Калу, — сказал Тарзан.

— Я ее даже вовсе не принимаю в соображение! — возразил д'Арно.

Разговаривая, друзья отошли к широкому окну, выходящему на бульвар. Некоторое время они простояли здесь, вглядываясь в кишашую внизу толпу; каждый из них был погружен в свои собственные мысли.

— Однако, сравнение отпечатков пальцев берет немало времени, — подумал д'Арно и обернулся, чтобы посмотреть на полицейского чиновника.

К своему изумлению он увидел, что тот откинулся на спинку стула и спешно и тщательно исследует содержание маленького черного дневника.

д'Арно кашлянул. Полицейский взглянул и, встретив его взгляд, поднял палец, приглашая молчать.

д'Арно снова отвернулся к окну, и тогда полицейский чиновник заговорил:

— Джентльмены!

Оба они повернулись к нему.

— Очевидно, от точности этого сравнения зависит многое. Поэтому прошу вас оставить все дело в моих руках, пока не вернется мосье Дескер, наш эксперт. Это будет делом нескольких дней.

— Я надеялся узнать немедленно, — сказал д'Арно. — Мосье Тарзан уезжает завтра в Америку.

— Обещаю вам, что вы сможете протелеграфировать ему отчет не позже как через две недели, — заявил чиновник. — Но сказать, какой будет результат, я сейчас не решусь. Сходство есть несомненно, по пока лучше это оставить на усмотрение мосье Дескера.

XXVII

ОПЯТЬ ВЕЛИКАН

Перед старомодным домом одного из предместий Балтимора остановился таксомотор.

Мужчина около сорока лет, хорошо сложенный, с энергичными и правильными чертами лица, вышел из автомобиля и, заплатив шоферу, отпустил его.

Минуту спустя, приехавший входил в библиотеку старинного дома.

— А! М-р Канлер! — воскликнул старик, вставая навстречу ему.

— Добрый вечер, мой дорогой профессор! — сказал гость, радушно протягивая ему руку.

— Кто вам открыл дверь? — спросил профессор.

— Эсмеральда.

— В таком случае она сообщит Джэн о вашем приезде, — заявил старик.

— Нет, профессор, — ответил Канлер, — потому что я первоначально хотел повидаться именно с вами.

— А, очень польщен, — сказал профессор Портер.

— Профессор! — начал Канлер с большой осторожностью, старательно взвешивая свои слова. — Я пришел сегодня, чтобы поговорить с вами относительно Джэн. Вам известны мои стремления, и вы были достаточно великодушны, чтобы одобрить мое ухаживание.

Профессор Архимед Кв. Портер вертелся на своем кресле. Этот сюжет разговора был ему всегда неприятен. Он не мог понять — почему. Канлер, ведь, был блестящей партией!

— Но, — продолжал Канлер, — я не могу понять Джэн. Она откладывает свадьбу то под одним предлогом, то под другим. У меня всякий раз такое чувство, что она с облегчением вздыхает, когда я с ней прощаюсь.

— Не волнуйтесь, — сказал профессор Портер, — не волнуйтесь, м-р Канлер! Джэн в высшей степени послушная дочь. Она исполнит то, что я ей скажу.

— Значит, я все еще могу рассчитывать на вашу поддержку? — спросил Канлер с тоном облегчения в голосе.

— Несомненно, милостивый государь, несомненно! — воскликнул профессор Портер. — Как могли вы сомневаться в этом?

— А вот этот юный Клейтон, знаете, — заметил Канлер, — он болтается здесь целые месяцы. Я не говорю, что Джэн им интересуется; но помимо его титула, он, как слышно, унаследовал от отца очень значительные поместья, и не было бы странным, если бы он в конце концов не добился своего, разве только ... — и Канлер остановился.

— Ой, ой, м-р Канлер, разве только что?

— Разве только вы нашли бы удобным потребовать, чтобы Джэн и я, мы, повенчались тотчас же, — медленно и определенно договорил Канлер.

— Я уже намекал Джэн, что это было бы желательно! — печально проговорил профессор Портер. — Мы не в состоянии больше содержать этот дом и жить сообразно с требованиями ее положения.

— И что же она вам ответила? — спросил Канлер.

— Она ответила, что еще ни за кого не собирается выходить замуж, — сказал профессор, — и что мы можем перебраться жить на ферму в северном Висконсине, которую ей завещала мать. Ферма эта приносит немножко больше того, что нужно на жизнь. Арендаторы жили на этот доход и могли еще посылать Джэн какую-то безделицу ежегодно. Она решила ехать туда в начале будущей недели. Филандер и м-р Клейтон уже там, чтобы все приготовить к нашему приезду.

— Клейтон поехал туда? — воскликнул Канлер, видимо огорченный. — Отчего мне не сказали? Я тоже с радостью поехал бы и принял все меры, чтобы все устроить удобно.

— Джэн считает, что мы и так уже слишком в долгу у вас, м-р Канлер, — ответил профессор Портер.

Канлер только что собирался возразить, когда раздалась из приемной шаги, и Джэн Портер, вошла в комнату.

— О, прошу извинить меня! — воскликнула она, останавливаясь на пороге. — Я думала, что вы один, папа!

— Это только я, Джэн, — заявил Канлер, вставая. — Не хотите ли вы войти и присоединиться к семейной группе? Как раз была речь о вас.

— Благодарю вас, — сказала Джэн Портер, входя и взяв стул, придвинутый для нее Канлером. — Я только хотела сказать папа, что

Тобей придет завтра из колледжа и упакует книги. Очень бы я желала, папа, чтобы вы определенно указали, без чего вы можете обойтись до осени! Пожалуйста, не тащите за собою всю библиотеку в Висконсии, как вы бы потащили ее в Африку, если бы я не помешала этому.

— Тобей здесь? — спросил профессор Портер.

— Да, я только что говорила с ним. Он и Эсмеральда заняты теперь своими религиозными диспутами у черной лестницы.

— Ну, ну, — я должен еще повидать его, — крикнул профессор.

— Извините меня, дети, я на минуточку уйду, — и старик поспешно вышел из комнаты.

Как только он ушел настолько, что ничего не смог слышать, Канлер обратился к Джэн Портер.

— Вот что, Джэн, — сказал он грубо. — Долго будете вы еще оттягивать? Вы не отказались выйти за меня замуж, но и не обещали определенно. Я хочу завтра получить разрешение, и тогда, не дожидаясь оглашения, мы могли бы спокойно обвенчаться до вашего отъезда в Висконсин. Обвенчаемся без треска и шума; я уверен, что и вы это предпочтете.

Девушка вся похолодела, но храбро подняла голову.

— Ваш отец желает этого, — добавил Канлер.

— Да, я знаю.

Она говорила почти шепотом.

— Понимаете ли вы, м-р Канлер, что вы меня покупаете? — сказала она, наконец, ровным, холодным голосом. — Покупаете за несколько жалких долларов? Конечно, вы это знаете, Роберт Канлер! Надежда на такое стечение обстоятельств несомненно была у вас на уме, когда вы дали пале денег взаймы на сумасбродную экспедицию, которая чуть было не кончилась так неожиданно блестяще. Но если бы нам повезло, то вы, м-р Канлер, были бы поражены больше всех! Вам и в голову не приходило, что эта затея может оказаться удачной. Для этого вы слишком хороший делец. И не в вашем духе давать деньги на поиски зарытых в землю кладов, или давать деньги взаймы без обеспечения, если вы не имеете каких-нибудь особых видов! Но вы знали, что без обеспечения честь Портеров вернее у вас в руках, чем с обеспечением. Вы знали, что это лучший способ, не подавая и виду, принудить меня выйти за вас замуж. Вы никогда не упоминали о долге. Во всяком другом человеке я сочла бы это за великодушие и

благородство. Но вы себе на уме, м-р Роберт Канлер! Я вас лучше знаю, чем вы думаете. Мне, конечно, придется выйти за вас замуж, если не будет другого выхода, но надо нам раз и навсегда понять друг друга.

Пока она говорила, Роберт Канлер попеременно то краснел, то бледнел, а когда она окончила, он встал и с наглой улыбкой на энергичном лице сказал:

— Вы меня удивляете, Джэн. Я думал, что у вас больше самообладания, больше гордости. Конечно, вы правы: я вас покупаю и я знал, что вы это знаете, но я думал, что вы предпочтете делать вид, что это не так. Я хотел думать, что самоуважение и гордость Портеров не допустят вас до признания даже себе самой, что вы продажная женщина. Но пусть будет по вашему, деточка, — добавил он весело. — Вы будете моей, и это все, что мне надо!

Не говоря ни слова, Джэн повернулась и вышла из комнаты.

Джэн Портер не вышла замуж перед своим отъездом с отцом и Эсмеральдой в маленькую висконсинскую ферму, и когда она из вагона отходящего поезда холодно попрощалась с Робертом Канлером, он крикнул ей, что присоединится к ним через неделю или две.

На станции их встретил Клейтон и м-р Филандер в огромном дорожном автомобиле, принадлежавшем Клейтону, и они быстро помчались через густые северные леса к небольшой ферме, которую девушка ни разу не посетила после раннего детства.

Домик мызы, стоявший на маленьком пригорке, на расстоянии каких-нибудь ста ярдов от дома арендатора, испытал полное превращение за три недели, проведенные там Клейтоном и м-р Филандером.

Клейтон выписал из отдаленного города целый отряд плотников, штукатуров, паяльщиков и маляров. И то, что представляло собой лишь развалившийся остов, когда они приехали, являлось теперь уютным, маленьким, двухэтажным домиком со всеми современными удобствами, которые можно было достать в такое короткое время.

— Что ж это такое, м-р Клейтон, что вы сделали? — крикнула Джэн Портер. И сердце у нее упало, когда она прикинула в уме вероятный размер сделанных затрат.

— Т-с... — предупредил Клейтон, — не говорите ничего вашему отцу. Если вы не скажете ему, он никогда не заметит, а я просто не мог

допустить мысли, чтобы он жил в той ужасной грязи и запустении, которые м-р Филандер и я застали здесь. Я сделал так мало, когда бы мне хотелось сделать так много, Джэн. Ради чего, прошу вас, никогда не упоминайте об этом.

— Но вы знаете, что мы не сможем отплатить вам! — крикнула девушка. — Зачем вы хотите так ужасно меня обязать?

— Не надо, Джэн, — сказал Клейтон печально. — Если бы это было только для вас, поверьте, я не стал бы этого делать, потому что с самого начала знал, как это повредит мне в ваших глазах. Но я просто не мог представить себе дорогого старика живущим в дыре, которую мы здесь нашли. Неужели вы мне не верите, что я это сделал именно для него, и не доставите мне по крайней мере это маленькое удовольствие?

— Я вам верю, м-р Клейтон, — ответила девушка, — потому что знаю, что вы достаточно щедры и великодушны, чтобы сделать все именно ради него, — и, о, Сесиль, я бы хотела отплатить вам, как вы того заслуживаете и как вы сами желали бы!

— Почему вы этого не можете, Джэн?

— Я люблю другого.

— Канлера?

— Нет.

— Но вы выходите за него замуж! Он сказал мне это перед моим отъездом из Балтимора.

Девушка вздрогнула.

— Я не люблю его, — объявила она почти гордо.

— В таком случае из-за денег, Джэн?

Она кивнула.

— Значит, я менее желателен, чем Канлер? У меня денег довольно, более чем достаточно для всяких нужд, — промолвил он с горечью.

— Я не люблю вас, Сесиль, — возразила она, — но я уважаю вас. Если я должна унижить себя торговой сделкой с каким-нибудь мужчиной, я предпочитаю, чтобы это был человек, которого я и без того презираю. Я чувствовала бы отвращение к тому, которому продалась бы без любви, кто бы он ни был. Вы будете счастливее без меня, сохранив мое уважение и дружбу, чем со мною, если бы я стала вас презирать.

Он не стал больше настаивать, но если когда-либо человек таил жажду убийства в груди, то это был Уильям Сесиль Клейтон, лорд Грейсток, когда неделю спустя Роберт Канлер подъехал к домику мызы в своем шестицилиндровом автомобиле.

Прошла неделя без всяких приключений, но напряженная и неприятная для всех обитателей маленького дома висконсинской мызы.

Канлер не переставал настаивать на том, чтобы Джэн немедленно с ним обвенчалась.

Наконец, она уступила просто из отвращения к его непрерывной и ненавистной докучливости.

Было условлено, что следующим утром Канлер поедет в город и привезет разрешение и священника.

Клейтон хотел уехать, как только узнал о принятом решении; но усталый, безнадежный взгляд девушки удержал его. Он не в силах был ее бросить.

Что-нибудь могло еще случиться, — старался он мысленно утешить себя. А в душе он знал, что достаточно пустяка, чтобы его ненависть к Канлеру перешла в действие.

Рано утром на следующий день Канлер уехал в город.

На востоке, низко над лесом, стлался дым, лес горел уже целую неделю недалеко от них, но ветер все время продолжал быть западным, и опасность им не угрожала.

Около полудня Джэн Портер пошла на прогулку. Она не позволила Клейтону сопровождать ее.

— Мне хочется побыть одной, — сказала она, и он подчинился ее желанию.

Дома профессор Портер и м-р Филандер были погружены в обсуждение какой-то серьезной научной проблемы. Эсмеральда дремала на кухне, а Клейтон, сонный после проведенной без сна ночи, бросился на кушетку в столовой и вскоре погрузился в беспокойный сон.

На востоке черные клубы дыма поднялись выше, неожиданно повернули и стали быстро нестись к западу.

Все ближе подходили они. Семьи арендатора не было, так как был базарный день, и никто не видел быстрого приближения огненного демона.

Вскоре пламя перебросилось через дорогу и отрезало путь поворота Канлеру. Легкий ветер направил огонь к северу, затем повернул назад, и пламя стало почти неподвижно, будто какая-то властная рука держала его на привязи.

Неожиданно с северо-востока показался бешено мчавшийся большой черный мотор.

Он остановился перед коттеджем. Черноволосый гигант выскочил из него и бросился к двери. Не останавливаясь, вбежал он в дом. На кушетке лежал спящий Клейтон. Человек содрогнулся от изумления, но одним прыжком очутился около спавшего.

Он его резко потряс за плечо и крикнул:

— Боже мой, Клейтон, вы здесь все с ума сошли? Разве вы не знаете, что вы почти окружены огнем? Где мисс Портер?

Клейтон вскочил на ноги. Он не узнал человека, но понял слова и бросился на веранду.

— Скотт! — крикнул он арендатора, и затем, вбегая в комнату: — Джэн! Джэн! Где вы?

В одну минуту сбежались Эсмеральда, профессор Портер и м-р Филандер.

— Где мисс Джэн? — закричал Клейтон, схватив Эсмеральду за плечи и грубо тряс ее.

— О, Габерелле! Масса Клейтон, мисс Джэн пошла прогуляться.

— Она еще не вернулась? — и, не дожидая ответа, Клейтон помчался во двор, сопровождаемый другими.

— В какую сторону пошла она? — спросил черноволосый гигант Эсмеральду.

— Вот по этой дороге! — крикнула испуганная негритянка, указывая на юг, где взор встречал сплошную, высокую стену ревущего пламени.

— Сажайте всех в ваш автомобиль, что стоит под навесом, — закричал незнакомец Клейтону — и везите их по северной дороге. Мой автомобиль оставьте здесь. Если я найду мисс Портер, он нам понадобится. А не найду — никому он не будет нужен. Делайте, как я сказал, — добавил он, заметив, что Клейтон колеблется. И вслед затем они увидели, как гибкая фигура метнулась через поляну к северо-востоку, где лес еще стоял нетронутый огнем.

В каждом из присутствовавших поднялось непостижимое чувство облегчения, будто большая ответственность была снята с их плеч; чувствовалось нечто вроде безотчетной веры в незнакомца: он спасет Джэн Портер, если ее еще можно спасти.

— Кто это? — спросил профессор.

— Не знаю, — ответил Клейтон. — Он назвал меня по имени, и он знает Джэн, потому что назвал ее. И Эсмеральду он назвал по имени.

— В нем что-то поразительно знакомое, — воскликнул м-р Филандер, — а между тем я знаю, что никогда раньше не видел его.

— Да! — крикнул профессор Портер. — В высшей степени замечательно! Кто бы это мог быть, и почему я чувствую, что Джэн спасена теперь, когда он отправился за нею в поиски?

— Не могу сказать вам, профессор, — ответил Клейтон задумчиво, — но я испытываю такое же странное чувство.

— Однако, пойдете! — воскликнул он, — мы сами должны выбираться отсюда, или будем отрезаны. — И все присутствовавшие поспешили к автомобилю Клейтона.

Когда Джэн Портер повернулась, чтобы идти домой, она испугалась, заметив, как близко подымался теперь дым лесного пожара. Она торопливо пошла вперед, и скоро испуг ее перешел почти в панику. На глазах у нее громадные языки пламени быстро прокладывали себе дорогу между ней и коттеджем. Путь был отрезан!

Джэн свернула в густой кустарник, пытаясь пробить себе дорогу на запад, обойдя огонь, и таким образом добраться до дому.

Но скоро бесплодность ее попыток стала очевидной, она поняла, что ее единственная надежда — повернуть назад на дорогу и бежать к югу по направлению к городу. Она снова бросилась назад. Ей понадобилось не менее двадцати минут, чтобы выбраться на дорогу, — но и за эти двадцать минут огонь успел снова отрезать ей отступление.

Пробежав немного вниз по дороге, ей пришлось остановиться в полнейшем ужасе; перед нею подымалась сплошная стена огня. Полоса пламени перекинулась на полмилю к югу от главного очага пожара, захватив и этот небольшой участок дороги в свои неумолимые объятия.

Джэн Портер поняла, что пробраться через кустарник невыносимо. Уж раз пыталась она это сделать, и ей это не удалось. Теперь она видела ясно, что через несколько минут протянутые с севера и юга

горящие щупальцы сольются в сплошную массу волнующегося пламени.

Девушка спокойно стала на колени в пыли дороги и стала просить небо о том, чтобы оно дало ей сил мужественно встретить свою судьбу и чтобы оно спасло отца и друзей от смерти.

Она и не подумала о спасении себя самой, — так очевидно было, что никакой надежды нет и что даже сам бог не мог бы теперь спасти ее.

Внезапно она услышала, что кто-то громко зовет ее по имени.

— Джэн! Джэн Портер! — прозвучало сильно и громко, но голос был незнакомый.

— Здесь! Здесь! — крикнула она в ответ. — Здесь! На дороге!

И тогда увидела она, что по веткам деревьев к ней мчится с быстротой белки какая-то исполинская фигура.

Порыв ветра обволок их облаком дыма, и она потеряла из вида человека, который спешил к ней. Но вдруг ее охватила большая рука и подняла куда-то вверх. Она почувствовала напор ветра и изредка легкое прикосновение ветки в быстром полете вперед.

Она открыла глаза.

Далеко под ней расстилались мелколесье и земля.

Вокруг струилась листва.

Гигантская фигура, которая несла Джэн Портер, перепрыгивала с дерева на дерево, и ей казалось, что она в каком-то сне, снова переживает приключение, выпавшее на ее долю в далеких африканских джунглях.

О, если бы это был тот самый человек, который тогда нес ее сквозь запутанную зелень листвы! Но это невозможно. И однако, кто же другой во всем мире достаточно силен и ловок, чтобы делать то, что делает сейчас этот человек?

Она украдкой бросила взгляд на лицо, близко склонившееся к ее лицу, и у нее вырвался слабый, испуганный вздох — это был он.

— Мой возлюбленный! — шепнула она. — Нет, это предсмертный бред!

Должно быть, она сказала это громко, потому что глаза, по временам скользившие по ней, засветились улыбкой.

— Да, ваш возлюбленный, Джэн, ваш дикий, первобытный возлюбленный, явившийся из джунглей потребовать свою подругу —

потребовать женщину, которая от него убежала, — добавил он почти свирепо.

— Я не убежала, — прошептала она. — Я согласилась уехать только после того, как целую неделю прождали вашего возвращения.

Они уже выбрались из полосы огня, и он повернул обратно к поляне. Они шли теперь рядом к коттеджу. Ветер опять повернул, и огонь гнало обратно; еще час — и все должно было погаснуть.

— Отчего вы тогда не вернулись? — спросила она.

— Я ухаживал за д'Арно. Он был тяжело ранен.

— Ах, я знала это! — воскликнула она. — А они уверяли, будто вы присоединились к неграм и что вы были из их племени.

Он засмеялся.

— Но вы им не верили, Джэн?

— Нет! Как мне звать вас? — спросила она. — Я не знаю, как вас зовут.

— Я был Тарзан из племени обезьян, когда вы меня впервые узнали, — сказал он.

— Тарзан из племени обезьян? — крикнула она. — Так это была ваша записка, на которую я уезжая ответила?

— Да! Чья же еще она могла быть?

— Я не знала; только она не могла быть вашей: ведь Тарзан, из племени обезьян, писал по-английски, а вы не понимали ни слова ни на каком языке!

Он опять засмеялся.

— Это длинная история: я написал то, чего не мог сказать, а теперь д'Арно еще ухудшил дело, выучив меня говорить на французском языке вместо английского.

— Идем! — добавил он. — Садитесь в мой автомобиль, мы должны догнать вашего отца; они лишь немного впереди нас. Когда они отъехали, он снова обратился к ней:

— Значит, когда вы написали в записке к Тарзану, что любите другого, вы подразумевали меня?

— Да, — ответила она просто.

— Но в Балтиморе, — о, как я искал вас там, — мне сказали, что вы, быть может, теперь уже замужем! Что человек, по имени Канлер, приехал сюда, чтобы повенчаться с вами! Правда ли это?

— Правда.

— Вы его любите?

— Нет.

— Любите ли вы меня, Джэн? Она закрыла лицо руками.

— Я дала слово другому. Я не могу ответить вам, Тарзан! — крикнула она.

— Вы мне ответили. Теперь скажите мне, как вы решаетесь выйти замуж за человека, которого вы не любите?

— Мой отец ему должен много денег.

В памяти Тарзана неожиданно всплыло письмо, которое он прочел, и имя Роберта Канлера, и то горе, на которое она намекала в письме и которое он тогда не мог понять. Он улыбнулся.

— Если бы ваш отец не потерял своего клада, вы были бы все же вынуждены сдержать ваше обещание этому Канлеру?

— Я могла бы просить его вернуть мне мое слово.

— А если бы он отказал?

— Я дала свое слово.

С минуту они молчали. Автомобиль бешено мчался по изрытой неровной дороге, потому что огонь снова стал угрожать им справа и новая перемена ветра могла мгновенно перебросить его через этот единственный путь к спасению.

Наконец, они миновали опасное место и Тарзан замедлил ход.

— Предположим, что я его попрошу? — предложил Тарзан.

— Едва ли он согласится исполнить просьбу незнакомца, — ответила девушка, — особенно такого, который сам желает меня получить.

— Теркоз согласился, — мрачно промолвил Тарзан.

Джэн Портер вздрогнула и с испугом взглянула на него.

— Здесь не джунгли, — сказала она, — и вы уже больше не дикий зверь. Вы джентльмен, а джентльмены не убивают хладнокровно и зря.

— Я все еще дикий зверь в душе, — проговорил он тихо, как бы про себя.

Они снова помолчали некоторое время.

— Джэн Портер! — сказал наконец Тарзан, — если бы вы были свободны, вышли бы вы за меня?

Она не ответила сразу, но он ждал терпеливо.

Девушка старалась собраться с мыслями. Что знала она о странном существе, сидящем рядом с нею? Что знал он сам о себе? Кто был он?

Кто были его родители?

Даже имя его было отзвуком его таинственного происхождения и его дикой жизни.

У него не было человеческого имени. Могла ли она быть счастлива с мужем, который всю жизнь провел на вершинах деревьев в африканских пустынях, который с детства играл и сражался с антропоидами, вырывая куски из трепещущего бока свежееубитой добычи и вонзал крепкие зубы в сырое мясо, в то время как товарищи его рычали и дрались кругом него за свою часть? Мог ли он когда-нибудь подняться до ее общественного круга? Могла ли она вынести мысль о том, чтобы спуститься до его уровня? Будет ли кто-нибудь из них счастлив в таком ужасном неравном браке?

— Вы не ответили, — сказал он. — Вы боитесь причинить мне боль?

— Я не знаю, что ответить, — печально проговорила Джэн Портер. — Я не могу разобраться в своих мыслях.

— Значит, вы меня не любите? — спросил он ровным голосом.

— Не спрашивайте меня. Вы будете счастливее без меня. Вы не созданы для мелочных ограничений и условностей общества. Цивилизация скоро стала бы вам невыносима, и вы стали бы рваться к свободе вашей прежней жизни — жизни, к которой я так же не приспособлена, как и вы к моей.

— Я думаю, что понял вас, — спокойно ответил он. — Я не буду больше настаивать. Для меня важнее видеть вас счастливой, чем быть счастливым самому. Я сам понимаю теперь, что вы не смогли бы быть счастливой — с обезьяной!

В его голосе прозвучала слабая нотка горечи.

— Не надо, — умоляюще проговорила она. — Не говорите так! Вы не поняли!

Но прежде, чем она успела сказать что-либо дальше, неожиданный поворот дороги привез их в середину маленького лагеря.

Перед ними стоял автомобиль Клейтона, окруженный всем обществом, которое он привез из коттеджа.

XXVIII

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При виде Джэн Портер, крики облегчения и восторга сорвались со всех уст, и когда автомобиль Тарзана остановился рядом с другим автомобилем, профессор Портер схватил дочь в свои объятия.

Одну минуту никто не обратил внимания на Тарзана, который продолжал молча сидеть на своем месте. Первым вспомнил о нем Клейтон и, обернувшись, протянул ему руку.

— Как сумеем мы когда-либо отблагодарить вас? — воскликнул он. — Вы спасли всех нас. В коттедже вы назвали меня по имени, но я никак не могу припомнить, где мы встречались, и как вас зовут, хотя в вас есть что-то очень знакомое. Мне кажется, что я вас знал при совершенно других обстоятельствах и много времени тому назад.

Тарзан улыбнулся и пожал протянутую руку.

— Вы правы, мосье Клейтон, — ответил он по-французски. — Простите, что не говорю с вами по-английски. Как раз учусь этому языку и, хотя понимаю его очень хорошо, но говорю на нем еще очень плохо.

— Но кто же вы? — спросил Клейтон, на этот раз по-французски.

— Тарзан, из племени обезьян. Клейтон отшатнулся от удивления.

— Клянусь Юпитером, — воскликнул он, — верно! И профессор Портер и м-р Филандер продвинулись вперед, чтобы присоединить свою благодарность к благодарностям Клейтона и высказать Тарзану свое изумление и удовольствие встретить своего друга из джунглей так далеко от его дикой родины. Все пошли в бедную деревенскую гостиницу, где Клейтон тотчас же сделал распоряжение, чтобы их устроили и накормили.

Они сидели в убогой маленькой гостиной, когда их внимание было привлечено отдаленным пыхтением приближающегося автомобиля. М-р Филандер, стоявший у окна, выглянул в то время, как мотор остановился перед гостиницей рядом с другими автомобилями.

— Господь мой, — сказал м-р Филандер с тенью неудовольствия в голосе. — Это м-р Канлер. А я-то уж надеялся... Я думал ... Э ...

Впрочем мы все очень рады, конечно, что он не попал в полосу пожара, — закончил он с грехом пополам.

— Ой, ой, м-р Филандер, — сказал профессор Портер. — Ой, ой! Я часто увещевал моих учеников считать до десяти, прежде чем начинать говорить. Будь я на вашем месте, м-р Филандер, я считал бы, по крайней мере, до тысячи, и все же даже и после того хранил бы скромное молчание!

— Спаси, господи! Вы правы, — сконфуженно согласился м-р Филандер. — Но что это с ним за джентльмен крерикального вида.

Джэн побледнела.

Клейтон беспокойно задвигался на стуле.

Профессор Портер нервно снял очки, подышал на них и надел их снова на нос, забыв протереть стекла.

Вездесущая Эсмеральда заворчала. Только один Тарзан не понимал ничего. И вот Роберт Канлер влетел в комнату.

— Слава богу, — крикнул он. — Я боялся наихудшего, пока не увидел вашего автомобиля, Клейтон! Пожар отрезал меня на южной дороге, и мне пришлось вернуться в город, а оттуда направиться на запад по этой дороге. Я уже думал, что никогда не доберусь до коттеджа.

Никто не выказал большого восторга. Тарзан наблюдал за Робертом Канлер, как Сабор наблюдает за своей добычей. Джэн Портер взглянула на него и нервно кашлянула.

— М-р Канлер, — сказала она, — это мосье Тарзан, старый Друг.

Канлер обернулся и протянул руку. Тарзан встал и поклонился так, как только один д'Арно мог научить джентльмена кланяться; но, казалось, он не заметил протянутой руки Канлера.

Канлер, по-видимому, не обратил на это внимания.

— Вот пастор, почтенный м-р Туслей, Джэн, — объявил Канлер, повернувшись к священнику, стоявшему позади него. — М-р Туслей, мисс Портер!

М-р Туслей поклонился и засиял.

Канлер познакомил его и с остальным обществом.

— Джэн, обряд венчания может быть совершен немедленно, — сказал Канлер. — Тогда мы сможем еще с вами поспеть на ночной поезд в город.

Тут Тарзан сразу все понял. Он посмотрел из-под полуопущенных век на Джэн Портер, но не шевельнулся.

Девушка колебалась. Комната была полна напряженного молчания. Все нервы были натянуты.

Все глаза обратились к Джэн Портер, ожидая ее ответа.

— Нельзя ли подождать еще несколько дней? — промолвила она наконец. — Я так потрясена! Столько пришлось мне пережить сегодня.

Канлер почувствовал враждебность, исходящую от всех присутствовавших. Это его разозлило.

— Мы ждали до тех пор, покуда я соглашался ждать, — резко ответил он. — Вы обещали выйти за меня замуж. Я не позволю дольше играть собой. У меня в руках разрешение, и тут вот священник. Идемте, мистер Туслей! Идем, Джэн! Свидетелей здесь довольно, даже больше, чем надо, — добавил он неприятным тоном. И, взяв Джэн Портер за руку, он повел ее к уже ожидавшему священнику.

Но едва успел он сделать шаг, как тяжелая рука опустилась ему на плечо, сжав его плотно стальными пальцами. Другая рука схватила его за горло и мгновение спустя так легко тряхнула его в воздухе, как кошка может трясти мышь.

Джэн Портер в ужасе и изумлении обернулась к Тарзану.

И когда она взглянула ему в лицо, то увидела на его лбу красную полосу, которую уже видела в далекой Африке в тот раз, когда Тарзан, из племени обезьян, вышел на смертный бой с большим антропоидом — Теркозом.

Она знала, это в этом диком сердце таится убийство, и с легким криком ужаса бросилась вперед, чтобы упросить обезьяну-человека отказаться от своего намерения. Но она боялась больше за Тарзана, чем за Канлера. Живо представила она себе суровое возмездие, которым правосудие цивилизованных стран наказывает убийцу.

Однако, прежде чем она что-либо сказала, Клейтон уже подскочил к Тарзану и попытался вырвать Канлера из его тисков.

Одним взмахом могучей руки англичанин был отброшен, полетев через всю комнату. И тогда Джэн Портер твердо положила белую ручку на кисть руки Тарзана и взглянула ему в глаза.

— Ради меня, — сказала она только.

Рука немного отпустила сжатое горло Канлера.

— И вы желаете, чтобы вот это жило? — спросил он с удивлением.

— Я не желаю, чтобы он умер от ваших рук, мой друг, — возразила она. — Не желаю, чтобы вы стали убийцей. Тарзан снял руку с горла Канлера.

— Освобождаете ли вы ее от обещания? — спросил он. — Это цена вашей жизни.

Канлер, с трудом дыша, утвердительно кивнул головой.

— Вы обещаете уйти и никогда больше ее не тревожить?

Канлер опять кивнул головой. Лицо его было еще искажено страхом смерти, которая так близко к нему подошла.

Тогда Тарзан отпустил его совсем; Канлер, шатаясь, направился к двери. Еще мгновение — и он ушел, а за ним вышел и пораженный ужасом пастор.

Тарзан обернулся к Джэн Портер.

— Могу я минуту поговорить с вами наедине? — спросил он.

Девушка кивнула головой и направилась к двери, которая вела на узкую веранду гостиницы. Она ушла туда, чтобы там объяснить с Тарзаном, и потому не слышала последовавшего разговора.

— Стойте! — крикнул профессор Портер, когда Тарзан направился идти вслед за Джэн.

Профессор совершенно терялся от невероятного темпа событий, сменившихся за эти несколько последних минут.

— Прежде чем входить в дальнейшие разговоры, милостивый государь, я желал бы получить объяснение того, что случилось. По какому праву вы, милостивый государь, решились вмешаться в отношения между моей дочерью и м-ром Канлер? Я обещал ему ее руку, милостивый государь, и, не взирая на то, нравится ли он нам или не нравится, обещание необходимо сдержать.

— Я вмешался, профессор Портер, — ответил Тарзан, — потому, что ваша дочь не любит м-ра Канлера, она не желает выйти замуж за него. Для меня этого вполне достаточно.

— Вы не знаете, что вы сделали, — сказал профессор Портер. — Теперь он без сомнения откажется жениться на ней.

— Непременно откажется, — заявил Тарзан выразительно и энергично, и добавил:

— Вам не следует бояться, что гордость ваша может пострадать, профессор Портер! Вы будете иметь возможность уплатить этому Канлеру все, что вы ему должны, в ту же минуту, как вернетесь домой.

— Ну, ну, милостивый государь! — воскликнул профессор Портер. — Что вы этим хотите сказать?

— Ваш клад найден, — заявил Тарзан.

— Что, что вы сказали? — крикнул задыхаясь профессор. — Вы с ума сошли! Это невозможно.

— Однако, это так. Сокровища ваши украл я, не зная ни ценности клада, ни кому оно принадлежит. Я видел, как матросы зарывали его; я по-обезьяньи вырыл его и снова закопал, но уже в другом месте. Когда д'Арно сказал мне, что это такое и что эти деньги ваши, я вернулся в джунгли и достал его. Этот клад причинил так много преступлений, страданий и горя, что д'Арно счел лучшим не пытаться привезти его сюда, как я намерен был сделать. Вот почему я привез только аккредитив. Возьмите его, профессор Портер, — и Тарзан, вынув из кармана конверт, передал его изумленному профессору. — Тут двести сорок одна тысяча долларов. Клад был тщательно оценен экспертами, но на случай, если у вас могли бы появиться какие-либо сомнения, д'Арно сам купил его и хранит для вас.

— К без того уже огромной тяжести нашего долга перед вами, — сказал профессор Портер дрожащим голосом, — вы добавили еще одну величайшую услугу. Вы даете мне возможность спасти мою честь.

Клейтон, вышедший из комнаты минуту спустя после Канлера, теперь вернулся.

— Извините, — сказал он, — я думаю, что лучше попытаться добраться в город еще засветло и выехать с первым поездом из этого леса. Туземец, только что приехавший верхом с севера, сообщил, будто пожар медленно движется уже в этом направлении.

Заявление Клейтона прервало дальнейшие разговоры, и все общество направилось к ожидавшим моторам.

Клейтон с Джэн Портер, профессором и Эсмеральдой заняли автомобиль Клейтона, а Тарзан взял с собою ассистента.

— Спаси, господи! — воскликнул м-р Филандер, когда мотор их двинулся за автомобилем Клейтона. — Кто мог когда-либо считать это возможным! Последний раз, когда я видел вас, вы были настоящим диким человеком, прыгавшим среди ветвей тропического африканского леса; а теперь вы везете меня по висконсинской дороге

во французском автомобиле. Господь бог мой! Но ведь это в высшей степени замечательно!

— Да, — согласился Тарзан и, после некоторого молчания, добавил: — Филандер, можете ли вы припомнить подробности относительно нахождения и погребения трех скелетов, лежавших в моей хижине на краю африканских джунглей?

— Могу и очень точно, милостивый государь, очень точно! — ответил м-р Филандер.

— Не было ли чего-нибудь особенного в одном из скелетов?

М-р Филандер пристально взглянул на Тарзана.

— Отчего вы это спрашиваете?

— Для меня это имеет очень большое значение, — возразил Тарзан. — Ваш ответ разъяснит тайну. Во всяком случае, он не может сделать что-либо худшее, как только оставить тайну тайной. За последние два месяца у меня в мыслях была своя теория относительно этих скелетов, и я прошу вас ответить мне открыто и начистоту: были ли все скелеты, которые вы похоронили, человеческими скелетами?

— Нет, — ответил м-р Филандер, — самый маленький скелет, найденный в колыбели, был скелетом обезьяны-антропоида.

— Благодарю вас! — сказал Тарзан.

В автомобиле ехавшем впереди, Джэн Портер лихорадочно обдумывала свое положение. Она поняла намерения Тарзана, когда он попросил позволения сказать ей несколько слов, и она знала, что должна быть готова дать ему ответ.

Он не такой человек, от которого можно было отделаться кое-как! И вдруг эта мысль вызвала в ней удивление и она усомнилась, не боится ли она его на самом деле?

А могла ли она любить того, кого боялась?

Она понимала, очарование, овладевшее ею в глубине столь далеких джунглей, но здесь в прозаичном Висконсине не могло быть такой сказочной любви. И безусловно одетый молодой француз не будил в ней первобытную женщину, как тот лесной бог.

Любила ли она его? Этого она сама теперь не знала!

Она украдкой взглянула на Клейтона. Вот человек, воспитанный в той же среде и обстановке, в которых была воспитана она; человек с таким общественным положением и культурой, которые она была приучена считать главной основой для подходящего брака. Неужели ее

чутье не указывало на этого английского джентльмена? Ведь его любовь была такой, какую ищет всякая цивилизованная женщина в своем товарище жизни...

Могла ли она полюбить Клейтона. Она не видела причины, по которой не могла бы. Джэн Портер не была по природе существом холодно-рассудочным, но воспитание, обстановка и наследственность — все совместно научили ее рассчитывать даже и в сердечных делах.

То, что она была так безумно увлечена силой молодого гиганта, когда его большие руки обнимали ее в далеких африканских джунглях и сегодня в лесу Висконсина, могло, как ей начинало казаться, быть приписано только временному возврату к прототипу, к психологическому отклику первобытной женщины, таившейся в ней, на зов первобытного мужчины.

— Если он никогда больше не коснется ее, — рассуждала она, — она никогда не почувствует к нему влечения. А в таком случае она, значит, не любит его. Это было не более, как временная галлюцинация, вызванная возбуждением и физическим контактом, но, если бы она вышла за Тарзана замуж, то все очарование окончательно притупилось бы в совместной жизни.

Она опять взглянула на Клейтона. Он был красив и был джентльменом с головы до ног. Таким мужем она могла бы очень гордиться!

И в это время он заговорил — минутой раньше или минутой позже, и три жизни пошли бы совершенно иначе; но судьба вмешалась и указала Клейтону психологический момент.

— Теперь вы свободны, Джэн, — заявил он. — Скажите „да“, и я посвящу всю свою жизнь, чтобы сделать вас вполне счастливой.

— Да, — шепнула она.

В тот же вечер, в маленьком зале для ожидающих на станции, Тарзану удалось застать Джэн Портер одну.

— Теперь вы свободны, Джэн, — сказал он, — и я пришел сквозь века, из далекого и туманного прошлого, из логовища первобытного человека, чтобы требовать вас себе по праву: ради вас я сделался цивилизованным человеком, ради вас я переправился через океан и материки, ради вас я сделаюсь тем, чем вы захотите, чтобы я был! Я могу дать вам счастье, Джэн, в той жизни, которую вы знаете и которую любите. Выйдете вы за меня замуж?

В первый раз она поняла глубину его любви к ней и все, что он из-за любви совершил в столь короткое время. Она отвернулась и закрыла лицо руками.

Что она сделала! Оттого, что испугалась возможности уступить зову этого гиганта, она сожгла за собой все мосты, и, от страха сделать жизненную ошибку, сделала ошибку еще более ужасающую!

И тогда она сказала ему все, сказала ему всю правду, слово в слово, не пытаясь обелить себя или оправдать свой поступок.

— Что же нам делать? — спросил он. — Вы признались, что любите меня. Вы знаете, что я люблю вас, но я не знаю этики общества, которою вы руководствуетесь. Оставляю решение вопроса в ваших руках, потому что вы лучше понимаете, что может устроить ваше благополучие!

— Я не могу отказать ему, Тарзан! — заявила она. — Он тоже любит меня, и он хороший человек. Я никогда не смогу взглянуть в лицо ни вам, ни другому честному человеку, если я откажу Клейтону. Мне придется сдержать данное слово, и вы должны помочь мне нести это бремя, хотя, быть может, мы больше не увидим друг друга после сегодняшнего вечера.

В это время вошли в комнату остальные, и Тарзан отошел к окошку.

Но он ничего не видел. Перед его глазами неотступно стояла залитая солнцем лужайка, окаймленная спутанной массой роскошных тропических растений, над ней колебалась листва могучих деревьев, а над всем этим сверкала лазурь экваториального неба.

В центре лужайки сидела молодая женщина на маленьком земляном валу и рядом с ней молодой гигант. Они ели чудесные плоды, смотрели друг другу в глаза и улыбались. Они были очень счастливы и были одни.

Мысли его прервал приход станционного служащего, который спросил, нет ли тут джентльмена, по имени Тарзан.

— Я — мосье Тарзан, — сказал обезьяна-человек.

— Вам депеша из Парижа, пересланная из Балтимора. Тарзан взял конверт и вскрыл его. Депеша была от д'Арно. В ней значилось:

Отпечатки пальцев доказывают, что вы Грейсток. Поздравляю!

Д'Арно.

Когда Тарзан прочел телеграмму, вошел Клейтон и направился к нему с протянутой рукой. Тарзан смотрел на него.

Вот человек, который носит титул Тарзана, владеет его поместьями! Он женится на женщине, которую любит Тарзан и которая любит Тарзана. Одно лишь слово его перевернет жизнь этого человека. Оно отнимет у него титул, отнимет поместья и замки, оно отнимет их также и у Джэн Портер.

— Знаете ли, старина? — крикнул Клейтон. — Я все еще не имел случая благодарить вас за то, что вы для нас сделали. Вы только и делали, что спасали нам жизнь и в Африке и здесь. Страшно рад, что вы сюда приехали. Мы должны поближе познакомиться. Знаете ли, я часто думал о вас и о замечательных обстоятельствах окружающей вас обстановки. Хотелось бы мне спросить вас, если позволите: каким образом, черт возьми, попали вы в те далекие страшные джунгли?

— Я там родился, — спокойно ответил Тарзан. — Моя мать была обезьяна и, само собой разумеется, не могла мне много об этом рассказать. Отца своего я никогда не знал.

Возвращение в джунгли

I

НА ПАРОХОДЕ

— Magnifique!^[1] — вырвалось восклицание у графини де Куд.

— Что такое? — удивился граф, обернувшись к молодой жене. — Что приводит вас в восхищение? — И граф повел взглядом вокруг.

— О, пустяки, дорогой мой, — ответила графиня, и краска залила ей лицо, на котором и до того играл румянец. — Я только вспомнила умопомрачительные нью-йоркские «небоскребы», как их там называют, — и хорошенькая графиня глубже откинулась в удобном кресле и снова взялась за журнал, который только что «из-за пустяков» уронила на колени.

Муж снова зарылся в книгу, не преминув, однако, кротко изумиться в душе, что, спустя три дня после отъезда из Нью-Йорка, графиня вдруг прониклась восхищением перед теми самыми зданиями, которые недавно называла безобразными.

Вскоре граф опустил книгу.

— Скучно, Ольга, — сказал он. — Я думаю поискать товарищей по несчастью и предложить им сыграть в карты.

— Вы не особенно любезны, мой супруг, — отозвалась, улыбаясь, молодая женщина. — Но я прощаю вам, потому что и мне все надоело. Ступайте, займитесь вашими скучными картами.

Когда он ушел, она исподтишка бросила взгляд в сторону высокого молодого человека, лениво развалившегося в кресле невдалеке.

— Magnifique! — снова шепнула она.

Графине Ольге де Куд двадцать лет. Ее мужу — сорок. Она жена верная и честная, но в выборе мужа ей не пришлось принимать никакого участия, а потому весьма вероятно, что она не питает безумной любви к мужу, который дан ей судьбой и волей титулованного отца — знатного русского барина. Однако, из того, что у нее вырвалось одобрительное восклицание при виде великолепного молодого чужестранца, — еще не следует, что она мысленно предала мужа. Она восторгалась, как восторгалась бы прекрасным экземпляром любого вида. К тому же молодой человек бесспорно привлекал внимание.

Пока она рассматривала его профиль, он встал и ушел с палубы. Графиня де Куд подозвала проходившего мимо лакея.

— Кто этот господин? — спросила она.

— Он записан под именем г. Тарзана из Африки, сударыня, — отвечал тот.

— Владение довольно обширное, — подумала молодая женщина, и любопытство разгорелось в ней еще сильнее.

По дороге в курительную комнату, у самых дверей, Тарзан поравнялся с двумя мужчинами, которые о чем-то оживленно шептались. Он не обратил бы на них никакого внимания, если бы не виноватый взгляд, который один из них бросил в его сторону. Они напомнили ему мелодраматических злодеев, которых он видел на парижских сценах. Оба были смуглые, темноволосые, а взгляды, которыми они обменивались исподтишка, видимо о чем-то сговариваясь, еще более довершали сходство.

Тарзан вошел в курительную и разыскал себе кресло немного в стороне от других. Ему не хотелось разговаривать, и, потягивая маленькими глотками свой абсент, он с грустью мысленно возвращался к только что пережитым дням. И снова и снова спрашивал себя — разумно ли он поступил, отказавшись от своих прав в пользу человека, которому ничем не обязан. Не ради Вильяма Сесилия Клейтона, лорда Грейстока, он отрекся от своего происхождения. А ради женщины, которую любят они оба — и он, и Клейтон, и которая по странному капризу судьбы досталась Клейтону, а не ему.

Она любит его, Тарзана, и поэтому примириться еще трудней, но все-таки он знает, что не мог бы поступить иначе, чем поступил тогда, вечером, на маленькой железнодорожной станции в глубине Висконсинских лесов. Важнее всего для него — ее счастье, а из краткого своего знакомства с цивилизацией и цивилизованными людьми он вынес убеждение, что без денег и известного положения жизнь кажется большинству из них невыносимой.

У Джэн Портер с детства было и то, и другое, и если бы Тарзан отнял их теперь у ее будущего мужа, она несомненно была бы несчастна. Тарзану ни на минуту не приходила в голову мысль, что она могла бы отказаться от Клейтона, если бы тот лишился титула и поместий. Верный и честный по природе, он не сомневался в том, что и другим присущи эти качества. И в данном случае он не ошибался.

Ничто не могло бы связать сильнее Джэн Портер с Клейтоном, как если бы на последнего обрушилось несчастье.

От прошлого мысли Тарзана обратились к будущему. Он старался с удовольствием думать о возвращении в джунгли, где родился и вырос, — в жестокие, коварные джунгли, в которых провел двадцать лет из двадцати двух. Но кто будет рад ему там, когда он вернется? Никто. Разве Тантор-слон останется ему другом. Все остальные будут убегать от него или преследовать его, как делали когда-то.

Даже обезьяны его собственного племени вряд ли протянут ему руку дружбы.

Цивилизация пока немного дала Тарзану, но она научила его искать общества себе подобных и испытывать искреннее удовольствие от тепла товарищеского общения. И жизнь, лишенная такого общения, уже казалась ему страшной. Ему было трудно представить себе мир, в котором у него не было бы ни единого друга, ни одного живого существа, говорящего на тех новых языках, которые Тарзан так полюбил. Вот почему Тарзан не находил облегчения в мыслях о том будущем, которое сам себе уготовил.

Погруженный в свои мысли, с папиросой в зубах, он сидел в своем углу, как вдруг его взгляд упал на зеркало, висевшее напротив него и отражавшее стол, за которым четверо мужчин играли в карты. В это время один из играющих поднялся, собираясь уходить, и подошел другой, с вежливым поклоном, по-видимому, предлагая занять освободившееся место, чтобы игра могла продолжаться. Это был один из тех двоих людей, которых Тарзан видел шептавшимися у дверей курительной, — тот, что поменьше ростом.

Это обстоятельство немного заинтересовало Тарзана, и, продолжая раздумывать о будущем, он начал следить, глядя в зеркало, за группой у стола, позади него. Из всех играющих, Тарзан знал по имени только одного игрока, графа Рауля де Куд, на которого чрезмерно внимательный лакей указал ему как на своего рода знаменитость — человека, занимающего высокий пост во французском военном министерстве. Граф сидел напротив только что примкнувшего к игре пассажира.

Вдруг отражающаяся в зеркале картина сильно привлекла внимание Тарзана. Вошел второй заговорщик и стал за креслом графа. Тарзан видел, как он, обернувшись, украдкой оглядел комнату, но не

достаточно всмотрелся в зеркало и не заметил в нем внимательных глаз Тарзана. Украдкой он вытащил что-то из кармана, что именно, Тарзан не мог разглядеть: рука закрывала вынутый предмет.

Рука медленно приблизилась к графу и бесшумно опустила в карман его сюртука то, что держала. Человек не тронулся с места, продолжая смотреть в карты французу. Изумленный Тарзан, весь внимание, старался не пропустить ни одной подробности.

Минут десять игра продолжалась по-прежнему, пока граф не выиграл крупную ставку у недавно присоединившегося партнера; тогда — Тарзан это ясно видел — человек, стоявший позади графа, кивнул своему сообщнику. Тот тотчас встал, указывая пальцем на графа.

— Если бы я знал, что этот господин — профессиональный шулер, я не дал бы вовлечь себя в игру, — заявил он. В один миг граф и два других игрока были на ногах. У графа лицо побледнело.

— Что это значит, сэр? — крикнул он. — Знаете ли вы, с кем говорите?

— Я знаю, что я говорю — и в последний раз — с человеком, плутующим в карты.

Граф перегнулся через стол и ладонью ударил говорящего по губам. Их окружили.

— Тут недоразумение, сэр, — кричал один из игроков. — Ведь это же граф де Куд, из Франции.

— Если я ошибся, — заявил обвинитель, — я охотно принесу извинения. Но пусть сначала господин граф объяснит — что это за карты он опустил к себе в карман.

Тут человек, который на глазах Тарзана положил карты в карман графа, попытался выскользнуть из комнаты, но, к великому своему неудовольствию, увидел, что в дверях стоит высокий сероглазый незнакомец.

— Pardon? — сказал этот человек, стараясь обойти Тарзана.

— Подождите, — отвечал Тарзан.

— Но почему? — задорно воскликнул тот. — Разрешите мне пройти!

— Погодите! — повторил Тарзан. — Мне думается, что вы можете кое-что разъяснить.

Молодец потерял терпение и, пробормотав сквозь зубы проклятие, попробовал оттолкнуть Тарзана. Человек-обезьяна только улыбнулся и, повернув верзилу, схватил его за шиворот и потащил к столу, не обращая внимания на его проклятия, удары и старания вырваться. В первый раз Николай Роков имел дело с мускулами, благодаря которым их обладатель вышел победителем из стычек с Нумой-львом и с Теркозом — гигантской обезьяной-самцом.

Человек, бросивший де Куду обвинение, и два другие игрока вопросительно глядели на графа. Другие пассажиры столпились вокруг, ожидая разъяснения.

— Этот человек сошел с ума, — говорил граф. — Джентльмены, прошу вас, общите меня.

— Обвинение смехотворно, — сказал один из игроков.

— Стоит вам только засунуть руку в карман сюртука графа, и вы убедитесь, что обвинение правильное, — настаивал негодяй и, так как остальные не решались, он сделал шаг по направлению к графу, — ну что же, я сам это сделаю, раз вы не хотите.

— Нет, — возразил де Куд. — Обыскать себя я позволю только джентльмену.

— Бесплезно обыскивать графа. Карты у него в кармане. Я сам видел, как они были положены туда.

Все обернулись с удивлением в сторону говорящего — молодого человека крупного телосложения, держащего за шиворот выбивающегося пленника.

— Тут заговор, — сердито крикнул де Куд. — У меня нет никаких карт, — и с этими словами он опустил руку в карман. Мертвая тишина воцарилась на мгновение. Граф мертвенно побледнел и медленно вынул руку, в которой были три карты.

Он обвел всех взглядом, полным немого ужаса, и мало-помалу краска обиды залила ему лицо. Сострадание и презрение читалось в чертах людей, присутствующих при обещении мужчины.

— Это заговор, мсье, — говорил сероглазый незнакомец. — Джентльмены, — продолжал он, — господин граф не знал, что у него в кармане есть карты. Они были положены туда без его ведома, во время игры. С того места, где я сидел, вон в том кресле, я в зеркало видел все происходящее. Вот этот господин, которому я сейчас помешал скрыться, положил карты в карман графа.

Де Куд перевел глаза с Тарзана на человека, которого тот держал.

— Бог мой! Николай! — воскликнул он. — Вы?

Потом, обернувшись к своему обвинителю, он пристально всмотрелся в него.

— А вас, сударь, я не узнал без бороды. Это сильно меняет вас, Павлов. Теперь мне все понятно. Все ясно, господа.

— Что же нам делать с ними, мсье? — спросил Тарзан. — Не передать ли их капитану?

— Нет, друг мой, — заторопился граф. — Это дело личное, и я прошу вас ничего не предпринимать. Достаточно того, что я очищен от подозрения. Чем меньше мы будем иметь дело с этими типами, тем лучше. Но как мне благодарить вас за вашу огромную услугу? Позвольте мне передать вам мою карточку, и если когда-нибудь я смогу быть вам полезен, помните, что я в вашем распоряжении.

Тарзан отпустил Рокова, быстро вышедшего из курительной вместе со своим сообщником. В дверях Роков обернулся к Тарзану:

— Мсье будет не раз иметь случай пожалеть, что впутался в чужое дело.

Тарзан улыбнулся и, поклонившись графу, протянул ему свою карточку. Граф прочел:

Г. Жан К. Тарзан.

— Г. Тарзан, — сказал он, — вы в самом деле должны пожалеть, что помогли мне, потому что вы навлекли на себя ненависть двух самых отъявленных негодяев Европы, могу вас уверить. Избегайте их, мсье, как только возможно.

— Дорогой граф, — отвечал Тарзан со спокойной улыбкой, — я знавал более страшных и внушающих ужас врагов, но и сейчас я жив и невредим. Я думаю, что этим двум никогда не удастся причинить мне зло.

— Будем надеяться, мсье. Но не повредит, если вы будете настороже и будете помнить хотя бы, что с сегодняшнего дня у вас есть враг, который ничего не забывает, никогда не прощает, и что в его отравленном злобой мозгу вечно зарождаются планы новых жестокостей против тех, кто в чем-нибудь помешал ему или чем-нибудь оскорбил. Дьявол — милый проказник по сравнению с Николаем Роковым.

В этот вечер, войдя к себе в комнату, Тарзан нашел на полу записку, подсунутую, очевидно, под дверь.

Развернув ее, он прочел:

«Г. Тарзан, несомненно, вы не отдавали себе отчета в том, какое серьезное оскорбление вы нанесли, иначе вы не сделали бы того, что сделали сегодня. Я готов верить, что вы поступили так по неведению и без намерения оскорбить незнакомого вам человека. В виду этого я охотно позволю вам принести извинения, и если вы дадите мне обещание, что не будете больше вмешиваться в дела, вас не касающиеся, буду считать дело ликвидированным. Иначе... впрочем, я уверен, — вы поймете, что наиболее разумно выбрать путь, который я предлагаю.

С полным уважением Николай Роков».

Злая усмешка заиграла на минуту на губах у Тарзана, но он сейчас же перестал думать о происшедшем и лег спать.

В одной из соседних кают графиня де Куд говорила со своим мужем.

— Почему вы так мрачны, дорогой Рауль? — спрашивала она, — весь вечер вы были очень удручены. Что вас беспокоит?

— Ольга, Николай здесь, на пароходе. Вы этого не знали?

— Николай! — воскликнула она. — Но это невозможно, Рауль, не может быть. Он сидит в тюрьме в Германии.

— Я и сам так думал до сегодняшнего дня, пока не увидел его и того другого негодяя — Павлова. Ольга, я не могу долгие выносить его преследований. Не могу, даже ради вас. Рано или поздно я передам его властям. Я даже на половину решился уже рассказать обо всем капитану до того, как мы подойдем к берегу. На французском пароходе мне ничего не стоило бы, Ольга, выполнить эту роль Немезиды.

— Ах, нет, Рауль! — с этим восклицанием графиня опустилась на колени перед мужем, сидевшим на диване с опущенной головой. — Не делай этого. Вспомни, ты обещал мне. Скажи, что ты этого не сделаешь. Не пугай меня, Рауль.

Де Куд взял обеими руками руки жены и некоторое время молча смотрел в ее побледневшее расстроенное лицо, словно стараясь прочесть на нем, почему она, в сущности, защищает этого человека.

— Пусть будет так, как ты хочешь, Ольга, — наконец сказал он. — Я не понимаю. Он потерял всякое право на твою верность, любовь, уважение. Он постоянно угрожает твоей жизни и чести, жизни и чести твоего мужа. Будем надеяться, что ты никогда не пожалеешь о том, что защищаешь его.

— Мне кажется, Рауль, — резко перебила она его, — что я ненавижу его не меньше, чем ты, но... кровь гуще воды...

— Я не прочь был бы сегодня исследовать состав его крови, — проворчал де Куд свирепо. — Они определенно старались запятнать мою честь, Ольга, — и он рассказал ей все, что произошло в курительной комнате.

— Если бы не этот незнакомец, их замысел имел бы успех. Кто поверил бы мне на слово, раз карты, оказавшиеся при мне, говорили против меня? Я уж и сам готов был усомниться в себе, когда этот г. Тарзан притащил к столу вашего драгоценного Николая и разъяснил всю их трусливую махинацию.

— Г. Тарзан? — переспросила явно удивленная графиня.

— Да. Вы знаете его, Ольга?

— Я видела его. Лакей как-то показал его мне.

— Я не знал, что он так известен.

Ольга де Куд перевела разговор на другие темы. Она вдруг поняла, что не так просто объяснить, почему лакей показал ей г. Тарзана. Возможно, что она чуть-чуть покраснела: граф, ее муж, смотрел на нее со странно ироническим выражением. — Ах, — подумала она, — нечистая совесть всюду находит пищу для подозрений.

II

ЗАВЯЗЫВАЮТСЯ УЗЫ НЕНАВИСТИ

И.?

Только поздно вечером на другой день Тарзан встретил тех двух пассажиров, в дела которых он вмешался, движимый негодованием. Совершенно неожиданно он опять наткнулся на них в тот момент, когда те меньше всего этого желали.

Они стояли на палубе в уединенном месте и в то время, как Тарзан с ними поравнялся, горячо спорили с какой-то женщиной. Тарзан обратил внимание, что она богато одета и молода, судя по стройной, хорошо сложенной фигуре; но лицо у нее было закрыто густой вуалью, скрывающей черты лица. Все они стояли спиной к Тарзану, — мужчины по обе стороны женщины, — и он незаметно мог подойти к ним совсем близко. Он понял, что Роков угрожает, женщина молит; но говорили они на незнакомом ему языке, и только по внешнему виду молодой женщины было ясно, что она испугана.

В манере Рокова была такая определенная угроза физического насилия, что человек-обезьяна на мгновение приостановился и, подойдя к ним вплотную, инстинктивно почувял атмосферу опасности. Он еще колебался, когда мужчина грубо схватил женщину выше кисти и стал крутить ей руку, как будто рассчитывая таким способом вырвать у нее обещание. Что случилось бы, если бы Рокову не помешали — об этом можно строить различные предположения. Но тут стальные пальцы схватили его за плечо, и сильная рука бесцеремонно заставила его обернуться и встретить холодные серые глаза незнакомца, который уже один раз встал на его пути.

— Sapristi!^[2] — прошипел разъяренный Роков. — Что это значит? С ума вы сошли, что ли, что снова оскорбляете Николая Рокова?

— Вот мой ответ на вашу записку, мсье, — спокойно ответил Тарзан, отбросив от себя негодяя с такой силой, что тот ударился о перила...

— Тысяча чертей! — завопил Роков. — Скотина, ты мне жизнью заплатишь за это! — И, вскочив на ноги, он бросился на Тарзана,

стараясь на ходу вытащить револьвер из кармана.

Женщина в ужасе отпрянула.

— Николай! — крикнула она. — Не делай, о! Не делай этого! Скорее, мсье, бегите, или он убьет вас.

Но вместо того, чтобы обратиться в бегство, Тарзан спокойно пошел навстречу нападающему.

— Не строите из себя посмешища, мсье, — сказал он.

Роков вне себя от ярости из-за того унижительного положения, в которое поставил его незнакомец, в конце концов вытащил револьвер. Остановившись, он хладнокровно поднял его на уровень груди Тарзана и потянул собачку. Курок щелкнул по пустой камере, рука человека-обезьяны быстро выбросилась вперед, как голова рассерженного пифона: легкое усилие — и револьвер полетел далеко за борт и упал в Атлантический океан.

Мгновение они стояли оба лицом к лицу. Наконец, Роков овладел собой. Он заговорил первый:

— Вам уже дважды было угодно, мсье, впутаться в дела, которые вас не касаются. Дважды вы позволили себе унижить Николая Рокова. На первый раз я решил оставить дело без внимания, полагая, что мсье действовал по неведению, но на этот раз я не забуду. Если мсье неизвестно, что за человек Николай Роков, то я могу его уверить: из-за этой последней своей дерзкой выходки у него будут основательные причины узнать и запомнить это раз и навсегда.

— Вы трус и негодяй, мсье, — отвечал Тарзан, — и больше мне нечего знать о вас, — и он обернулся к женщине, чтобы спросить, не повредил ли ей Роков, но она исчезла. Тогда, не удостоив больше ни единым взглядом Рокова и его товарища, Тарзан продолжал свою прогулку по палубе.

Тарзан не мог не спрашивать себя с удивлением, что за заговор тут устраивается. Что замышляют эти люди? В общем облике женщины под вуалью, которой он только что помог, было что-то знакомое, но, не видев ее лица, он не мог решить, встречался ли с ней раньше. Единственное, что он заметил, — это кольцо своеобразной работы на одном из пальцев той руки, которую схватил Роков; и Тарзан решил обратить внимание на руки всех пассажиров, с которыми ему придется столкнуться, чтобы установить, кого преследует Роков, и справиться, не было ли у нее от него новых неприятностей.

Тарзан вернулся к своему креслу на палубе и погрузился в размышления и воспоминания о тех уже многочисленных образчиках людской жестокости, людского себялюбия, злобы, свидетелем которых ему пришлось быть с того дня, когда четыре года тому назад, в джунглях, его взор впервые упал на другое человеческое существо — на черного Кулонгу, копьё которого положило конец жизни Калы, огромной обезьяны-самки, и тем самым лишило юного Тарзана единственной матери, которую он знал.

Он вспомнил, как краснокожие убили Кинга, как мятежники «Стрелы» бросили на произвол судьбы профессора Портера и его спутников, как жестоко расправлялись со своими пленниками черные вожди и женщины племени Мбонга; как много мелочной зависти проявляли военные и гражданские чиновники колоний Западного Берега, в лице которых он впервые столкнулся с представителями цивилизованного мира.

— Боже! — говорил он себе. — Они все одинаковы. Плутуют, убивают, лгут, обманывают, и все это из-за того, от чего отказались бы звери джунглей: из-за денег, которые могут доставить им утонченные наслаждения немощных. Жалкие привычки делают их рабами их несчастной участи, а они твердо убеждены в том, что они цари творения, наслаждающиеся единственно ценным в жизни. В джунглях вряд ли один уступил бы спокойно другому свою подругу. Жалкий мир, неразумный мир, и Тарзан от обезьян был безумцем, когда решился променять на него свободу и счастье джунглей.

Вдруг, во время этих размышлений, его охватило ощущение, что сзади на него устремлены чьи-то глаза; старый инстинкт дикого зверя выбился из-под оболочки цивилизации, и Тарзан обернулся так быстро, что молодая женщина, украдкой разглядывающая его, не успела даже отвести взгляда, и серые глаза человека-обезьяны с выражением вопроса встретились прямо с ее глазами. Затем она опустила глаза, и Тарзан увидел, как слабая краска залила отвернувшееся личико.

Он незаметно усмехнулся: вот к чему привело его некультурное и негалантное поведение, ведь он не опустил глаз, когда встретился взглядом с молодой женщиной. Она была очень молода, что заставляло Тарзана ломать себе голову: где он видел ее раньше? Он принял прежнее положение и скоро заметил, что она поднялась и ушла с

палубы. Когда она проходила мимо, Тарзан обернулся, рассчитывая, что ему удастся по какому-нибудь признаку установить, кто она.

Он не разочаровался. Проходя, она подняла руку к черной волнистой массе волос, спускающихся узлом на затылок, — присущий женщинам жест, когда они чувствуют, что сзади их провожает одобряющий взгляд, — и Тарзан увидел на одном из пальцев этой руки кольцо своеобразной работы, которое он незадолго до того видел на руке женщины под вуалью.

Так вот кого преследует Роков! Эту молодую красивую женщину! Тарзан лениво раздумывал, кто бы она могла быть и какие отношения могли связывать такую милую женщину с этим угрюмым бородатым русским.

После обеда в тот же вечер Тарзан прошел на нос судна и оставался там, пока совсем не стемнело, беседуя с младшим офицером; когда последний был отозван к своим обязанностям в другое место, Тарзан лениво облокотился о перила, любясь переливами луны на волнах. Он стоял в тени боканца, и идущие по палубе двое мужчин не заметили его. Тарзан, однако, успел уловить из их разговора достаточно, чтобы это заставило его бесшумно последовать за ними, чтобы выяснить, какая новая дьявольская штука у них на уме. Он узнал голос Рокова и узнал в его спутнике Павлова.

Тарзан расслышал всего несколько слов: «И если она закричит, ты можешь душить ее, пока...». Но этого было достаточно, чтобы в нем загорелось желание приключения, и он не упускал из виду двух мужчин, которые теперь быстрыми шагами шли по палубе. Он дошел с ними до дверей курительной комнаты, где они задержались на минуту, словно желая убедиться в присутствии какого-то лица.

Затем они прямо направились к каютам первого класса на верхней палубе. Тут Тарзану труднее было остаться незамеченным, но это ему все-таки удалось. Когда они остановились у одной из полированных дверей, он проскользнул в боковой проход, на расстоянии десяти — двенадцати футов.

В ответ на стук в дверь, из каюты раздался женский голос, спросивший по-французски: «Кто там?».

— Ольга, это я, Николай, — был ответ уже знакомым горловым звуком Рокова.

— Почему ты не оставишь меня в покое, Николай? Когда ты перестанешь меня мучить? — послышался голос женщины сквозь тонкую перегородку. — Ведь я тебе ничего дурного не сделала.

— Ну, Ольга, Ольга, — убеждал тот миролюбивым тоном, — мне надо только сказать тебе пару слов. Я тебе ничего не сделаю, даже не войду в каюту. Но не могу же я кричать через дверь.

Тарзан услышал звук поворачиваемого ключа. Он выдвинулся вперед настолько, чтобы разглядеть, что произойдет, когда откроется дверь, потому что в ушах его еще звучали злополучные слова: «И если она закричит, ты можешь душировать ее».

Роков стоял прямо перед дверью. Павлов прижался вплотную к стене коридора рядом. Дверь открылась. Роков остановился на пороге, прислонившись спиной к дверям, и шепотом говорил с женщиной, которая Тарзану не была видна. Потом Тарзан услышал голос женщины, пониженный, но достаточно громкий, чтобы можно было разобрать слова:

— Нет, Николай, — говорила она, — это бесполезно. Грози, чем хочешь, я никогда не соглашусь. Выйди из комнаты. Ты не имеешь права входить сюда. Ты обещал, что не войдешь.

— Прекрасно, Ольга, я не войду, но раньше, чем я покончу с тобой, ты тысячу раз пожалеешь, что не исполнила моей просьбы. В конце концов я все равно добьюсь своего, так лучше было бы, если бы ты сберегла мне время и хлопоты, себя избавила от бесчестья, а твоего...

— Николай, Николай! — перебила женщина, и Тарзан видел, как Роков, посторонившись, кивнул Павлову, а тот одним прыжком бросился к дверям каюты мимо Рокова, предупредительно распахнувшего ему дверь. Роков быстро попятился назад. Дверь захлопнулась. Тарзан услышал звук поворачиваемого внутри ключа. Роков продолжал стоять у дверей, наклонив голову, словно стараясь не пропустить ни одного слова. Скверная усмешка скривила его губы под бородой.

Тарзан слышал, как женщина требовала, чтобы Павлов вышел из каюты.

— Я вызову мужа, — кричала она. — Он вас не пощадит.

Из-за дверей донесся насмешливый хохот Павлова.

— Комиссар судна приведет вашего супруга, сударыня, — заявил он. — Этот офицер уже предупрежден, что вы в отсутствие мужа

принимаете какого-то мужчину в своей каюте при запертых дверях.

— Муж поймет, в чем дело!

— Весьма возможно, но комиссар зато не поймет, а равно и газетные репортеры, которые таинственным образом будут обо всем осведомлены, как только мы высадимся на берег. Они найдут, что это презанимательная история, и то же подумают ваши друзья, когда прочтут об этом за завтраком — дайте высчитать... сегодня вторник... — да, за завтраком в пятницу утром. Интерес ничуть не уменьшится от того, что они узнают, что человек, которого женщина принимала у себя в каюте, — русский слуга, лакей ее брата, выражаясь точно.

— Алексей Павлов, — раздался голос женщины, холодный и бесстрашный, — вы трус, стоит мне прошептать вам на ухо одно имя, и вы откажетесь и от требований, и от угроз и тотчас оставите мою каюту с тем, чтобы и впредь, надеюсь, больше не попадаться мне на глаза.

После этого на мгновение все затихло; женщина, должно быть, наклонилась к негодяю и шептала ему на ухо то, на что сейчас намекала. Минута молчания, потом изумленное проклятие мужчины, шум борьбы, вопль женщины — и снова молчание.

Крик не успел еще отзвучать, как человек-обезьяна выскочил из своего укромного местечка. Роков бросился бежать, но Тарзан схватил его за ворот и потянул назад. Ни один из них не произнес ни слова, оба чувствовали инстинктивно, что там, за дверью, происходит убийство. Тарзану было ясно, что Роков не думал идти так далеко: его цели были гораздо глубже, — глубже и, может быть, страшнее, чем грубое, хладнокровное убийство.

Не колеблясь и не окликая, человек-обезьяна оперся огромным плечом о тонкую панель и под дождем разлетевшихся щепок вбежал в каюту, таща за собой Рокова. Перед ним на кровати лежала женщина, а Павлов сжимал пальцами нежную шею, в то время как жертва то била его по лицу, то тщетно старалась оторвать от своей шеи свирепые пальцы, несшие ей смерть.

Шум заставил Павлова вскочить на ноги. При виде Тарзана глаза у него загорелись ненавистью и угрозой. Женщина, шатаясь, приподнялась на койке. Одной рукой она держалась за горло, дыхание с трудом вырывалось из груди. Хотя она была растрепана и смертельно

бледна, Тарзан узнал в ней молодую женщину, которую он видел утром на палубе.

— Что все это значит? — сказал Тарзан, повернувшись к Рокову, в котором он инстинктом чувствовал зачинщика. Тот молчал, нахмуренный.

— Нажмите кнопку, пожалуйста, — продолжал человек-обезьяна, — нам надо вызвать сюда одного из офицеров — дело зашло слишком далеко.

— Нет, нет, — вскричала женщина, разом вскочив на ноги. — Прошу вас не делать этого. Я уверена, что мне, в сущности, не хотели причинить вреда. Я рассердила этого господина, и он потерял самообладание, — вот и все. Мне не хотелось бы, чтобы делу был дан ход, прошу вас, мсье, — и голос ее звучал так умоляюще, что Тарзан не решился настаивать, хотя здравый смысл подсказывал ему, что во всем этом кроется нечто, о чем должны были быть осведомлены надлежащие власти.

— Вы, значит, хотите, чтобы я ничего не предпринимал? — спросил он.

— Ничего, прошу вас, — отвечала она.

— Вы согласны и в дальнейшем подвергаться преследованиям этих двух негодяев?

Она не находила ответа и выглядела очень несчастной и расстроенной. Тарзан видел, как лукавая, торжествующая усмешка скривила губы Рокова. Женщина, очевидно, боялась, не решилась откровенно высказаться в присутствии этих двух негодяев.

— В таком случае, — сказал Тарзан, — я буду действовать на собственный страх и риск. Вас, — продолжал он, обернувшись к Рокову, — и вашего сообщника, я предупреждаю, что отныне и до конца переезда я не выпущу вас из виду и если случайно узнаю, что один из вас, хотя бы косвенно, причиняет неприятности этой молодой особе, я тотчас непосредственно призову вас к ответу, и не думаю, чтобы вы остались довольны.

— Теперь вон отсюда, — и, схватив Рокова и Павлова за шеи пониже затылка, он выбросил их с силой за дверь, ударив при этом каждого ногой, чтобы они подальше откатились в проходе. Затем он обернулся к женщине. Она смотрела на него, широко раскрыв глаза от удивления.

— А вы, сударыня, сделаете мне огромное одолжение, если дадите мне знать, как только кто-нибудь из этих прохвостов станет снова беспокоить вас.

— Ах, мсье, — отвечала она, — я надеюсь, что вам не придется пожалеть о вашем добром деле. Вы приобрели злого и изобретательного врага, который не остановится ни перед чем, пока не удовлетворит свое чувство мести. Вы должны быть, право, очень осторожны, мсье...

— Простите, сударыня, меня зовут Тарзан...

— Мсье Тарзан. А из того, что я не хотела вызвать офицера, не делайте заключения, будто я недостаточно благодарна вам за смелую и рыцарскую защиту. Спокойной ночи, мсье Тарзан, я никогда не забуду, чем обязана вам, — и с очаровательной, подкупающей улыбкой, обнаружившей два ряда чудесных зубок, молодая женщина поклонилась Тарзану. Он пожелал ей спокойной ночи и вышел на палубу.

Он был очень удивлен, что здесь на пароходе уже двое — граф де Куд и эта девушка — терпели низости Рокова и его товарища и не соглашались передать их в руки правосудия. Прежде чем лечь спать, он мыслями часто возвращался к красивой молодой женщине; жизнь ее, очевидно, опутана какой-то сетью, соприкоснуться с которой судьба заставила и его. Он вспомнил, что даже не знает, как ее зовут. Что она замужем, ясно по узкому золотому кольцу на среднем пальце левой руки. Он невольно спрашивал себя: кто этот счастливец?

Тарзан не видел больше ни одного из участников маленькой драмы, которую мельком наблюдал, до последнего вечера переезда. Уже стемнело, когда он неожиданно оказался лицом к лицу с молодой женщиной. Они оба вынесли свои кресла с разных направлений к одному и тому же месту. Она встретила его милой улыбкой и почти сразу заговорила о том, чему он был свидетелем в ее каюте два дня тому назад.

Казалось, что ее смущает, как бы знакомство с такими людьми, как Роков и Павлов, не очернило ее в его глазах.

— Я надеюсь, что мсье не судил обо мне, — начала она, — по той несчастной случайности, во вторник вечером. Я много перемучилась из-за этого: я в первый раз после того решила выйти из каюты. Мне было стыдно, — просто закончила она.

— Никогда не судят о газели по тем львам, которые нападают на нее, — возразил Тарзан. — Я видел раньше тех двоих за работой, в курительной комнате, накануне того дня, когда они напали на вас, насколько помнится; и, ознакомившись с их методами, я пришел к убеждению, что сама их вражда служит лучшей рекомендацией тому, кого они преследуют. Люди, им подобные, прилепляются только к злumu и низкому и ненавидят все прекрасное и благородное.

— Вы очень добры, давая этому такое объяснение, — ответила она, улыбаясь. — Я уже слышала о том, что произошло за картами. Муж все рассказал мне. Он говорил о необычайной силе и смелости г. Тарзана, перед которым он вечно будет чувствовать себя в долгу.

— Ваш муж? — переспросил Тарзан.

— Да. Я — графиня де Куд.

— Я вдвойне вознагражден, сударыня, раз я оказал услугу супруге графа де Куд.

— Увы, мсье, я уже настолько обязана вам, что вряд ли когда-нибудь рассчитаюсь, — не увеличивайте же тяжести моих обязательств, — и она одарила Тарзана такой прелестной улыбкой, что он почувствовал: мужчина может решиться на гораздо больший подвиг только для того, чтобы заслужить такую улыбку.

В тот день он больше не видел ее и в суете приезда, на следующее утро, упустил ее из виду. Но в выражении ее глаз, когда они расставались накануне, было что-то преследовавшее его. В них была печальная задумчивость, когда они говорили о том, как легко и странно завязываются дружеские отношения во время океанских путешествий, и как одинаково легко эти отношения обрываются раз навсегда.

Тарзан думал, увидит ли он ее еще когда-нибудь...

III

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ НА УЛИЦЕ МОЛЬ

Приехав в Париж, Тарзан направился прямо к своему старому другу д'Арно и получил от морского офицера основательную взбучку за то, что отказался от титула и поместий, которые по праву принадлежали ему — сыну Джона Клейтона, покойного лорда Грейстока.

— Надо быть сумасшедшим, друг мой, — говорил д'Арно, — чтобы так легко отказаться не только от богатства и положения, но и от возможности неоспоримо доказать, что в жилах ваших течет кровь двух наиболее благородных английских семей, а не кровь дикой обезьяны-самки. Просто невероятно, как они могли поверить вам, в особенности мисс Портер.

Ведь я-то никогда не сомневался в вашем происхождении, даже тогда, когда в делях ваших африканских джунглей вы, подобно хищному зверю, сильными челюстями разрывали сырое мясо своей добычи и вытирали сальные руки о свои бедра. Даже тогда, хотя я не имел ни малейших доказательств, я знал, что вы ошибаетесь, считая себя сыном Калы.

А теперь, имея в руках дневник вашего отца, описывающий ужасную жизнь, которую он и ваша мать вели на диком африканском берегу; имея запись о вашем рождении и самое убедительное и важное доказательство — отпечаток ваших детских пальчиков на странице дневника, вы соглашаетесь оставаться бродягой без денег, без имени — это уму непостижимо.

— Мне не нужно лучшего имени, чем Тарзан, — возразил человек-обезьяна, — а что касается того, чтобы оставаться бродягой без гроша денег, то это вовсе не входит в мои планы. В самом деле, ближайшая и, я надеюсь, последняя дружеская услуга, о которой я хочу просить вас — это найти мне занятие.

— Вот еще! — проворчал д'Арно. — Вы отлично знаете, что я не подумаю искать вам место. Разве я не говорил вам тысячу раз, что у меня хватит на двадцать человек? И что половина всего, что принадлежит мне, — ваше? И отдай я вам все целиком, оно и на одну

десятью не вознаградило бы вас, Тарзан, за вашу дружбу и за то, что вы сделали для меня в Африке! Я не забыл, друг мой, что если бы не вы и ваша изумительная смелость, я погиб бы на костре в деревне людоедов Мбонга. Не забываю я также, что только благодаря вашему самоотверженному уходу, я вылечился от тех ужасных ран, которые они мне нанесли, — только позже я понял, что значило для вас оставаться в то время со мной в амфитатре обезьян, тогда как сердце рвалось на берег.

Когда мы, наконец, добрались туда и увидели, что мисс Портер и ее спутники уехали, я начал понимать, чем поступились вы ради совершенно незнакомого человека. Я и не думаю деньгами вознаграждать вас, Тарзан. Случайно, сейчас могут понадобиться деньги. Если бы вам понадобилась какая-нибудь жертва с моей стороны, было бы то же самое. Я всегда буду вам другом, потому что вкусы у нас одинаковые, и потому что я восхищаюсь вами. Это все вне моей власти, но деньги я могу вам дать и даю.

— Хорошо, — засмеялся Тарзан, — не будем ссориться из-за денег. Мне нужно жить и, следовательно, нужны деньги. Но я рад был бы что-нибудь делать. Вы не можете дать лучшего доказательства своей дружбы, чем найти мне занятие. В бездействии я очень скоро пропаду. А что касается моих родовых прав, — они в хороших руках. Клейтон их не отнял у меня. Он уверен, что будет лучшим английским лордом, чем человек, родившийся и выросший в африканских джунглях. Вы знаете, что я и сейчас только наполовину культурный человек. Если бы, хотя бы на минуту, я пришел в ярость, — инстинкт дикого зверя, которым я, в сущности, остался, сметет весь мой небольшой запас мягких и утонченных приемов культуры. Но мало того, — предъяви я свои права, я бы лишил любимую женщину состояния и положения, которое ей теперь обеспечит замужество с Клейтоном. Этого я сделать не мог, — не правда ли, Поль?

— Не говоря уже о том, — продолжал он, не ожидая ответа, — что вопрос о происхождении не имеет для меня серьезного значения. Условия, в которых я рос и воспитывался, привили мне сознание, что в человеке, как и в животном, ценно только то, в чем сказывается его духовная и физическая доблесть. И я так же охотно признаю своей матерью Калу, как и бедную, несчастную маленькую англичанку, которая умерла через год после того, как произвела меня на свет. Кала,

дикая и жестокая, была по-своему всегда добра ко мне. Я, верно, кормился у ее волосатой груди с того дня, как умерла моя мать. Она со всей яростью подлинной материнской любви сражалась за меня с дикими обитателями леса и с членами ее собственного племени. И я, со своей стороны, я тоже любил ее, Поль. И сам не понимал — насколько сильно любил, пока безжалостное копье и отравленные стрелы черного Кулонги не отняли ее у меня. Я был еще ребенком тогда, и я бросился на бездыханный труп и рыдал в отчаянии, как рыдает дитя над родной матерью. Вам, друг мой, она показалась бы отвратительным, безобразным существом, я же находил ее красивой, — так любовь преображает то, что любишь. И я вполне доволен тем, что навсегда останусь сыном Калы, обезьяны-самки.

— Я восхищаюсь вашей верностью прошлому, — отвечал д'Арно. — Но наступит час, когда вам захочется вернуть себе свои права. Запомните то, что я говорю, и будем надеяться, что и тогда это будет также легко осуществимо, как сейчас. Вы не должны забывать, что только два человека в мире — профессор Портер и м-р Филандер могут клятвенно подтвердить, что маленький скелет, который был найден в хижине вместе со скелетом вашего отца и вашей матери, был скелетом детеныша антропоидной обезьяны, а не потомка лорда и леди Грейсток. Это свидетельство весьма важно. Оба они уже не молоды, может быть недолго проживут. А, кроме того, вам разве не приходило в голову, что, узнай мисс Портер истину, она бы порвала с Клейтоном? Вы могли бы иметь богатство, титул и женщину, которую вы любите, Тарзан. Неужели вы об этом не подумали?

Тарзан покачал головой.

— Вы не знаете ее, — промолвил он. — Ничто не могло бы сильнее связать ее, чем удар судьбы, обрушившийся на Клейтона. Она родом из старинной южно-американской семьи, а южане гордятся своей верностью друзьям в несчастье.

Первые три недели Тарзан употребил на то, чтобы возобновить свое прежнее мимолетное знакомство с Парижем. Днем он посещал библиотеки и бродил по картинным галереям. Он буквально пожирал книги, и мир возможностей, которые раскрывались перед ним в этой области культуры, приводил его в трепет, когда он думал, какие ничтожные крохи общей суммы человеческих знаний может усвоить отдельный индивидуум, даже если он всю жизнь посвятит

исследованию и изучению; однако, он учился, сколько мог, днем, а по ночам искал отдыха и развлечений, причем, конечно, и для ночных его занятий Париж представлял ничуть не менее богатое поле.

Если он выкуривал слишком много папирос и выпивал слишком много абсента, то он делал это потому, что брал цивилизацию такой, какая она есть, и что так делали, как он убедился, все его цивилизованные братья. Жизнь эта манила его новизной, возбуждала его; к тому же, в сердце у него жила большая печаль и большое желание, которое никогда не может быть утолено, — и он старался в этих двух крайностях — работе и развлечениях — уйти от прошлого и свыкнуться с мыслью о будущем.

Однажды вечером он сидел в мюзик-холле, потягивая абсент и любуясь пляской русской танцовщицы, как вдруг он поймал быстро скользнувший по нему взгляд двух злых черных глаз. Человек отвернулся и смешался с толпой у выхода раньше, чем Тарзан успел его хорошенько рассмотреть, но он остался в уверенности, что не в первый раз видит эти глаза и что не случайно они следили за ним весь вечер. Уже некоторое время у него было смутное ощущение, что за ним следят, и, повинувшись сильному в нем животному инстинкту, он обернулся и перехватил устремленный на него взгляд.

Еще до ухода из мюзик-холла Тарзан совершенно забыл о происшедшем, не обратил он внимания и на подозрительного субъекта, который глубже отодвинулся в тень подъезда на противоположной стороне улицы, как только Тарзан вышел из ярко освещенного здания.

Тарзан и не подозревал, что его не раз провожали таким образом и из этого, и из других мест развлечений. Но он никогда почти не бывал один. На этот раз д'Арно был приглашен в другое место, и Тарзан шел один.

Когда Тарзан повернул в том направлении, каким он всегда возвращался домой из этой части города, следивший за ним с противоположного тротуара выскочил из засады и быстро побежал вперед.

Тарзан привык проходить улицей Моль по ночам. Тихая и темная, она больше напоминала ему родные джунгли, чем шумные и блестящие окрестные улицы. Если вы хорошо знаете Париж, вы вспомните узкую, не внушающую доверия улицу Моль. Если вы не

знаете Парижа, вам стоит только спросить полисмена, и вы услышите, что нет другой улицы в Париже, которую следовало бы старательней обходить с наступлением темноты.

В эту ночь Тарзан прошел пролета два в густой тени грязных старых зданий, окаймляющих невзрачную улицу, как вдруг услышал крики и вопли о помощи, доносившиеся из третьего этажа противоположного дома. Голос был женский. Не успело умолкнуть эхо первого вопля, как Тарзан бросился вверх по лестнице и вдоль темного коридора, туда, где требовалась помощь.

В конце коридора на третьем этаже одна дверь была чуть приоткрыта, и из-за двери слышался тот же голос, что заставил его броситься сюда.

Еще миг — и он стоял в середине слабо освещенной комнаты. Керосиновая лампа горела на высокой каминной полке, отбрасывая тусклый свет на полдюжины отвратительных фигур, — мужчин, за одним исключением. Женщине было лет тридцать. Лицо ее, носящее отпечаток беспутной жизни и дурных страстей, сохранило все-таки следы былой миловидности. Она стояла, прижавшись к стене, с рукою у горла.

— Спасите, мсье, — крикнула она глухо, когда Тарзан вошел в комнату. — Они хотели убить меня.

Обернувшись к мужчинам, находившимся в комнате, Тарзан увидел обычные типы уголовных преступников. Его удивляло, что они не старались улизнуть. Шорох позади заставил его обернуться. Глазам его представились две вещи, сильно его поразившие: один человек украдкой старался выскользнуть из комнаты, но даже и по беглому впечатлению Тарзан узнал в нем Николая Рокова.

Но то, что он еще увидел, представляло более актуальный интерес: огромный верзила на цыпочках подходил к нему сзади с тяжелой дубинкой в руках, а как только и он, и его товарищи увидели, что намерения их раскрыты, — они все разом бросились на Тарзана. Некоторые вытащили ножи. Другие схватили стулья, а верзила с дубинкой занес ее высоко над головой, чтобы с размаху ударить Тарзана и размозжить ему голову.

Но с мозгом, смелостью, мышцами, которые в глубине диких джунглей выдерживали единоборство с мощной силой Теркоза и

свирепым лукавством Нумы, не так легко было справиться, как рассчитывали парижские апаши.

Выбрав самого сильного противника — малого с дубинкой, — Тарзан бросился на него со всей яростью и, увернувшись от опустившейся дубинки, нанес ему такой удар, что тот свалился на пол, выбитый из строя.

Затем он повернулся к другим. Тут пошла просто игра. Он наслаждался радостью битвы и хотел крови. Как легкая скорлупа, которая разлетается при первом резком движении, слетел с него тонкий налет цивилизации, и десять дюжих мерзавцев оказались заключенными в маленькой комнате вместе с диким зверем со стальными мышцами, с которым им и думать нечего было справиться.

В конце коридора у наружных дверей стоял Роков, ожидая исхода дела. Он хотел до своего ухода убедиться в том, что Тарзан погиб, но в его расчеты вовсе не входило присутствовать при убийстве.

Женщина все еще стояла на том же месте, где Тарзан застал ее войдя, но за несколько истекших минут выражение лица у нее менялось несколько раз. Притворное отчаяние, которое было на нем написано, когда Тарзан увидел ее, сменилось выражением коварства, когда Тарзан повернулся к нападающим; но эта перемена ускользнула от Тарзана.

Позже — выражения изумления и ужаса сменялись одно другим. И не удивительно! Безупречный джентльмен, которого она своими криками заманила на верную гибель, внезапно превратился в демона-мстителя. Не дряблые мускулы и слабое сопротивление, как они ожидали, а настоящий разъяренный Геркулес.

— Боже! — крикнула она. — Это зверь!

И в самом деле, крепкие белые зубы человека-обезьяны впились в горло одного из нападавших, и Тарзан боролся так, как он научился бороться с огромной обезьяной-самцом из племени Керчака.

Он был одновременно в разных местах, бросаясь взад и вперед по комнате гибкими прыжками, напоминая женщине пантеру, которую она видела в зоологическом саду. Чья-то кость затрещала под его железной рукой, здесь вывихнуто плечо, когда он отрывал от себя чью-то руку.

С воплями боли негодяи, один за другим, спешили выскочить из комнаты: но раньше, чем появился первый, окровавленный и

изломанный, Роков успел сообразить, что не Тарзану придется лежать здесь мертвым этой ночью, и он поспешил к ближайшему притону и сообщил в полицию, что на улице Моль, № 27, третий этаж совершается убийство.

Когда явилась полиция, она нашла трех человек, которые стонали, лежа на полу, перепуганную женщину, забившуюся на грязную кровать, и хорошо одетого джентльмена по середине комнаты, по-видимому, поджидающего подкрепления, которое должно было явиться в лице полицейских, шаги которых он слышал издалека. Но в последнем они ошибались: сквозь прищуренные веки на них смотрели серо-стальные глаза дикого зверя. Как только послышался запах крови, последний след культурного налета слетел с Тарзана, и теперь он стоял наготове, как лев, оцепленный охотниками, поджидая первого нападения, готовый броситься на первого напавшего.

— Что здесь произошло? — коротко спросил один из полицейских.

Тарзан объяснил в двух словах, но, когда он обернулся к женщине за подтверждением, он был поражен ее ответом.

— Он лжет! — пронзительно закричала она, обращаясь к полицейским. — Он вошел ко мне, когда я была одна, с дурными намерениями. Когда я оттолкнула его, он убил бы меня, если бы мои крики не привлекли сюда проходивших мимо господ. Это дьявол, господа. Он один чуть не убил десять человек — руками и зубами.

Тарзан был так поражен ее неблагодарностью, что на мгновение был ошеломлен. Полиция была настроена скептически — ей уже приходилось иметь дело с этой самой особой и ее милой компанией. Но тем не менее — полицейские — не судьи, а потому они решили арестовать всех, находившихся в комнате, с тем, чтобы те, кто к этому приставлен, отделили правых от виноватых.

Но они вскоре убедились, что легко сказать этому хорошо одетому молодому человеку что он арестован, но совершенно другое — заставить его повинаться.

— Я ни в чем не виноват, — заявил он спокойно. — Я только защищался. Не знаю, почему женщина сказала вам то, что она сказала. Она не должна ничего иметь против меня, потому что я ни разу не видал ее, пока не вошел в эту комнату, привлеченный ее криками о помощи.

— Хорошо, хорошо, — сказал один из полицейских, — на то есть судьи, чтоб выслушать все это, — и он двинулся вперед, чтобы положить руку на плечо Тарзана. В следующее мгновение он лежал, скорчившись в углу комнаты, а когда его товарищи бросились на человека-обезьяну, они испытали на себе то же, что только что перед тем испытали апаши. Он расправился с ними так быстро и грубо, что они не успели даже вытащить свои револьверы.

В течение короткого боя Тарзан обратил внимание на открытое окно и, по ту сторону окна, на что-то — не то дерево, не то телеграфный столб — он не мог хорошенько разобрать. Когда последний полицейский был брошен на пол, один из его товарищей, успевший вытащить револьвер, выстрелил в Тарзана. Он дал промах, а раньше, чем он успел выстрелить вторично, Тарзан сбросил лампу с камина, — комната погрузилась во мрак.

Вслед за этим присутствующие увидели, как легкая фигура прыгнула на подоконник раскрытого окна и одним прыжком, как пантера, перенеслась на столб по ту сторону улицы. Когда полицейские оправились и спустились на улицу, их пленника нигде не было видно.

Нельзя сказать, чтобы они очень кротко обошлись с женщиной и с теми из мужчин, которые не удрали, когда они доставили их в участок; теперь они представляли собой очень жалкий и потрепанный полицейский отряд. Им не улыбалась перспектива донести начальству, что один невооруженный человек всех их разбросал по полу и затем исчез с такой легкостью, будто их тут и вовсе не было.

Полицейский, остававшийся на улице, клялся, что никто не выпрыгнул из окна и не вышел из дому со времени их прихода. Его товарищи склонны были думать, что он лжет, но доказательств у них не было.

Спустившись со столба за окном, Тарзан, повинувшись инстинкту джунглей, посмотрел вниз раньше, чем спуститься. И он был прав — внизу, у самого столба, стоял полицейский. Вверху не было никого, и Тарзан полез вверх. Верхушка столба была вровень с крышей дома; мускулам, которые годами помогали ему перебрасываться с одного дерева на другое в девственных лесах его родины, ничего не стоило перенести его через пространство, отделяющее столб от крыши. С

одного здания он перебрался на другое, пока на одном из перекрестков не заметил такого же столба, по которому он и спустился.

Несколько пролетов он быстро пробежал. Затем зашел в маленькое ночное кафе и в умывальной комнате смыл и счистил с рук и с платья все следы своего путешествия по крышам. Выйдя оттуда через несколько минут, он медленно, шагом празднующегося, направился домой.

Недалеко от дома, когда он пересекал ярко освещенный бульвар и ему пришлось приостановиться под блестяще освещенной аркой, пропуская приближающийся лимузин, он услышал, как нежный женский голос окликнул его по имени. Подняв глаза, он встретил улыбающийся взгляд Ольги де Куд, наклонившейся вперед с заднего сиденья автомобиля. Он низко поклонился, отвечая на ее дружеское приветствие. Когда он выпрямился, автомобиль был уже далеко.

— Роков и графиня де Куд — две встречи в один вечер, — рассуждал он сам с собой. — Париж, очевидно, не так уж велик.

IV

ГРАФИНЯ ОБЪЯСНЯЕТ

— Ваш Париж гораздо опаснее моих диких джунглей, Поль, — заключил Тарзан на другой день свой рассказ о вчерашнем приключении с апашами и полицией на улице Моль. — Зачем они заманили меня? Разве они были голодны?

Д'Арно изобразил притворный ужас, но не мог не рассмеяться наивному вопросу.

— Трудно отказаться от мерки джунглей и рассуждать, исходя из навыков цивилизованных людей, неправда ли, друг мой? — шутливо справился он.

— Цивилизованные навыки, — боже упаси, — проворчал Тарзан. — Правила джунглей не допускают бесцельных жестокостей. Там мы убиваем ради пищи, из самозащиты, или сражаясь за своих подруг и защищая детенышей. Всегда, как видите, в полном согласии с нашим высшим естественным законом. А здесь! Фи! Ваш культурный человек более жесток, чем звери. Он убивает шутя и, хуже того, он пользуется благородным чувством, чувством братства, чтобы заманить свою жертву. Ведь я спешил в ту комнату, где меня поджидали убийцы, в ответ на зов о помощи человека.

Я не понял сразу, я долго не мог понять, как женщина могла пасть так низко, чтобы зовом своим влечь на смерть человека, готового защитить ее. Но, очевидно, дело обстояло именно так, в этом убеждает и участие Рокова, и то, как женщина позже отреклась от меня перед полицией. Роков, очевидно, знал, что я часто прохожу по улице Моль. Он устроил засаду, разработав весь план до мельчайших деталей, вплоть до того, что должна была говорить женщина в случае, если бы что-нибудь помешало выполнению программы. Все это теперь совершенно ясно для меня.

— Хорошо, — сказал д'Арно, — вы убедились теперь, между прочим, в том, что я тщетно уже давно доказываю вам, что улицу Моль следует избегать с наступлением темноты.

— Напротив, — возразил Тарзан, улыбаясь, — происшедшее убедило меня в том, что это единственная улица в Париже, на которой

стоит бывать. Я никогда не упущу случая пройти по ней, потому что она доставила мне первое настоящее развлечение со времени моего отъезда из Африки.

— Она, пожалуй, доставит вам больше, чем нужно, развлечений и без нового визита, — проговорил д'Арно. — Не забывайте, что вы еще не покончили с полицией. Я достаточно хорошо знаю парижскую полицию и могу вас уверить, что они не скоро забудут, как вы обошлись с ними. Рано или поздно, дорогой мой Тарзан, они доберутся до вас и запрут дикого лесного человека за железные решетки. Как это вам понравится?

— Они никогда не запрут Тарзана от обезьян за железные решетки, — мрачно запротестовал тот.

В голосе было что-то, заставившее д'Арно пристально взглянуть на друга. То, что он прочел в плотно стиснутых челюстях и в холодных серых глазах, пробудило в молодом французе тревогу за этого большого ребенка, не признающего никаких законов, кроме права собственной физической доблести. Он понял, что надо что-нибудь предпринять, чтобы помирить полицию с Тарзаном раньше, чем они снова столкнутся.

— Вам еще многое надо усвоить себе, Тарзан, — заговорил он серьезно. — Закон, людьми установленный, надо уважать — даже если он вам и не нравится. Если вы будете продолжать дразнить полицию, вы навлечете неприятности на себя и на своих друзей. Один раз мне удастся, я думаю, разъяснить в чем дело, и я сделаю это сегодня же, но после того вы должны считаться с законом. Если его представители говорят: «идите», — вы должны идти, если они скажут — «уйдите», — должны уйти. Теперь отправимся к моему другу в министерство и постараемся ликвидировать дело на улице Моль. Пойдем!

Спустя полчаса они вместе входили в канцелярию полицейского комиссара. Он был очень любезен. Припомнил первое посещение Тарзана, несколько месяцев тому назад, по делу об отпечатках детских пальчиков.

Когда д'Арно закончил повествование о событиях предыдущей ночи, на губах комиссара заиграла лукавая улыбка. Он нажал кнопку у себя под рукой и до прихода позванного чиновника внимательно пересмотрел лежащие перед ним на столе бумаги и отделил ту, которая была ему нужна.

— Вот, Жубен, — сказал он вошедшему конторщику. — Вызовите ко мне тотчас этих полицейских, — и он передал вошедшему разысканную бумагу. Затем он обернулся к Тарзану.

— Вы совершили крупный проступок, мсье, — сказал он без недоброжелательства, — и если бы не разъяснения нашего друга, я склонен был бы осудить вас беспощадно. А вместо этого я готов допустить нечто неслыханное. Я вызвал сюда полицейских, с которыми вы так сурово обошлись ночью. Пусть они выслушают рассказ лейтенанта д'Арно, и я предоставлю им решить — привлекать ли вас к ответственности, или нет.

Вам многому еще надо учиться в нашей цивилизованной стране. Вещи, которые кажутся вам странными или ненужными, вы должны принимать, пока не сможете сами судить о мотивах, которые за ними кроются. Полицейские, на которых вы вчера напали, только выполняли свой долг. Им не надлежало рассуждать. Каждый день они рискуют жизнью, защищая жизнь и собственность других. То же они сделали бы и для вас. Они славные и смелые люди и глубоко оскорблены, что один невооруженный человек оказался сильнее их всех, вместе взятых.

Помогите им примириться со случившимся. Если я не ошибаюсь, вы сами очень храбрый человек, а храбрые люди обычно великодушны.

Разговор был прерван появлением четырех полицейских. Когда они узнали Тарзана, на лицах у них ярко выразилось изумление.

— Дети мои, — сказал комиссар, — вот джентльмен, которого вы встретили на улице Моль прошлой ночью. Он пришел добровольно отдаться нам в руки. Я желаю, чтобы вы внимательно выслушали лейтенанта д'Арно, который расскажет вам кое-что из истории этого господина. Это может служить объяснением его вчерашнего поведения. Начните, дорогой лейтенант.

Д'Арно рассказывал полицейским около получаса. Он говорил о жизни Тарзана в диких джунглях. Объяснил им, что он привык бороться как дикий зверь для самозащиты. Для них стало ясно, что, нападая на них, Тарзан руководился не столько умыслом, сколько инстинктом. Он не понял их намерений, не сумел отличить их от тех многообразных форм жизни, к которым он привык в родных джунглях, где был со всех сторон окружен врагами.

— Ваше самолюбие задето, — сказал д'Арно в заключение. — Задевает вас, главным образом, тот факт, что один человек оказался сильнее вас. Но вам нечего стыдиться. Вы не нуждались бы в оправданиях, если бы вас заперли в небольшую комнату с африканским львом или с большой гориллой из джунглей. А вы сражались с мышцами, которые победоносно выдерживали состязание с этими страшилищами черного континента. Нет ничего обидного в том, чтобы уступить нечеловеческой силе Тарзана от обезьян.

В то время, как четверо людей в недоумении поглядывали то на Тарзана, то на свое начальство, человек-обезьяна сделал то, что должно было потушить в них последнюю искру недоброжелательности против него, — он подошел к ним с протянутой рукой.

— Я жалею о сделанной ошибке, — просто сказал он. — Будем друзьями.

И этим закончилось все дело, если не считать, что Тарзан стал предметом оживленных разговоров в полицейских казармах, и что число его друзей увеличилось еще четверьмя.

По возвращении с Тарзаном домой, д'Арно застал ожидавшее его письмо от друга — Вильяма Сесилия Клейтона, лорда Грейстока. Они поддерживали переписку с самого начала их дружеских отношений — со времени несчастной экспедиции на поиски Джэн Портер, унесенной Теркозом, обезьяной-самцом.

— Они обвенчаются в Лондоне, месяца через два, — закончил д'Арно передачу содержания письма. Тарзану незачем было подчеркивать, кого надо подразумевать под словом «они». Он ничего не ответил, но был молчалив и задумчив весь день.

В этот вечер они были в опере. Тарзан еще был погружен в мрачные мысли. Он почти не обращал внимания на то, что делалось на сцене. Перед глазами у него постоянно проносился милый образ красивой американской девушки, и он слышал только грустный, нежный голосок, говорящий о том, что он любим. И она будет женой другого!

Он постарался отогнать тяжелые мысли, и вдруг почувствовал, что кто-то смотрит на него. По свойственному ему инстинкту, он круто повернулся и сразу встретился с устремленными на него глазами. Графиня де Куд ласково улыбалась ему. Отвечая на ее кивок, Тарзан

прочел в ее взоре приглашение, почти мольбу. В следующем антракте он сидел в ложе возле нее.

— Мне так хотелось вас видеть, — говорила она, — меня очень мучило, что после тех услуг, которые вы оказали и моему мужу, и мне, вы не получили никаких объяснений тому, что должно было показаться вам неблагодарностью с нашей стороны, — нашему нежеланию предпринять какие-нибудь шаги, чтобы гарантировать себя от новых нападений со стороны этих двух человек.

— Вы обижаете меня, — возразил Тарзан. — Я всегда вспоминал вас с большим удовольствием. Я не жду от вас никаких объяснений и не вправе рассчитывать на них. Причиняли ли они вам снова неприятности?

— Они никогда не перестают, — грустно отвечала она. — Я чувствую, что я должна с кем-нибудь поделиться, и я не знаю никого, кто бы больше вас заслуживал доверия. Вы должны позволить мне рассказать вам все. Это может вам пригодиться, потому что я слишком хорошо знаю Николая Рокова и знаю, что он еще напомним вам о себе. Он найдет способ отомстить вам. То, что я расскажу, может помочь вам расстроить какие-нибудь его мстительные планы. Сейчас я не могу говорить с вами об этом, но завтра, в пять часов, я буду дома, г. Тарзан.

— Время до пяти часов завтрашнего дня покажется мне вечностью, — сказал он, прощаясь с ней.

Из укромного угла театра Роков и Павлов видели, как Тарзан сидел в ложе графини, и оба улыбнулись.

В половине пятого на другой день смуглый, бородатый мужчина звонил у задних дверей дворца графа де Куд. Открывший ему лакей удивленно поднял брови, узнав посетителя. Между ними завязался разговор вполголоса.

Вначале лакей отклонял предложения бородатого, но вслед за этим что-то перешло из руки посетителя в руку слуги. Последний повернул и провел гостя кружным путем к маленькой, закрытой занавесями нише в той гостиной, где обычно графиня разливала чай.

Спустя полчаса в комнату был введен Тарзан, и вслед за ним вошла хозяйка, улыбаясь и протягивая ему руки.

— Я так рада, что вы пришли, — сказала она.

— Ничто не могло бы меня задержать, — возразил он. Несколько минут они говорили об опере и обо всем том, что интересуется сейчас

Париж, о том, как приятно возобновить знакомство, завязавшееся при таких странных обстоятельствах; таким образом, они подошли к теме, о которой думали оба.

— Вы, верно, удивлялись, — сказала, наконец, графиня, — чего добивается Роков, преследуя нас. Это очень просто. Граф располагает многими важными данными военного министерства. У него бывают в руках бумаги, за которые иностранные державы дали бы целое состояние — государственные тайны, узнать которые их агенты готовы ценою злодеяний, убийств и того хуже.

В настоящее время у него есть материал, который обеспечил бы богатство и положение любому русскому, раздобывшему его для своего правительства.

Роков и Павлов — русские шпионы. Они не остановятся ни перед чем, чтобы получить нужные сведения. Дело на пароходе — я говорю об истории за картами — было подстроено, чтобы путем шантажа добиться нужных сведений от моего мужа.

Если бы установили, что он плурует в карты, карьера его была бы кончена. Ему пришлось бы уйти из министерства... Он подвергся бы общественному ostracism. Они построили такой план: как плату за признание с их стороны, что граф стал жертвой мстительного заговора, с целью обесчестить его, — он должен выдать нужные им бумаги.

Вы помешали им. Тогда они придумали новую комбинацию, при которой подвергалась риску не честь графа, а моя. Войдя ко мне в каюту, Павлов мне так это и разъяснил. Если я дам им сведения, он обещал ничего больше не предпринимать, если же я откажусь, — Роков, стоящий снаружи, тотчас сообщит комиссару, что я принимаю постороннего мужчину в своей каюте, при запертых дверях. Он постарается также широко разгласить эту историю по всему пароходу, а по приезде сообщит ее в газеты.

Не ужасно ли все это? Но мне известно о г. Павлове кое-что такое, из-за чего он попал бы на русскую каторгу, если бы о том знала петербургская полиция. Я выразила сомнение в том, чтобы ему удалось выполнить свой план, и затем, нагнувшись к нему, прошептала одно имя. — Вот так, — она щелкнула пальцами, — он, как безумный, бросился ко мне и схватил меня за горло. Он убил бы меня, если бы вы не вмешались.

— Животное! — прошептал Тарзан.

— Хуже того, друг мой, — сказала она. — Они — демоны. Я боюсь за вас, потому что вы навлекли на себя их ненависть. Я хочу, чтобы вы постоянно были настороже. Обещайте мне это для меня, а то я никогда не прощу себе, если вы пострадаете из-за услуги, которую оказали мне.

— Я не боюсь их, — возразил он. — Я пережил врагов, более свирепых, чем Роков и Павлов. — Он понял, что она ничего не слышала о происшествии на улице Моль и не стал ей рассказывать, не желая тревожить ее.

— Почему ради собственной безопасности, — продолжал он, — вы не передадите мерзавцев в руки властей? Они быстро справились бы с ними.

Она поколебалась минуту, прежде чем ответила.

— Есть две причины, — наконец проговорила она. — Одна из них та, которая мешает графу проделать это. Другая — истинная причина, почему я не хочу выдавать их, — о ней я никогда не говорила. Ее знает только Роков и я. Странно... — и она остановилась, пристально всматриваясь в него некоторое время.

— Странно?.. — повторил он, улыбаясь.

— Я удивляюсь, почему мне хочется сказать вам то, что я не решаюсь открыть даже моему мужу. Я надеюсь, что вы поймете и посоветуете, как мне лучше поступить. Я надеюсь, что вы не осудите меня слишком строго.

— Боюсь, что я плохой судья, сударыня, — возразил Тарзан, — если бы вы совершили убийство, я, должно быть, сказал бы, что жертва должна быть вам благодарна за такой сладостный конец.

— О, милый, нет, — воскликнула она, — это не так страшно. Но дайте мне сначала сказать вам, почему граф не преследует этих двух людей; потом, если хватит мужества, я скажу вам и то, что не решаюсь вымолвить. Итак, первая причина та, что Николай Роков — мой брат. Мы русские. Николай был дурным человеком, сколько я помню его. Его исключили из русской армии, в которой он дослужился до чина капитана. Разыгрался скандал, вскоре частью забытый, и отцу удалось устроить его в министерство внутренних дел.

Николая обвиняли во многих тяжких преступлениях, но ему всегда удавалось избежать руки правосудия. В последний раз он прибег с этой целью к лжесвидетельству, которым было установлено, что его

партия злоумышляет против царя, и русская полиция, которая всегда рада возложить подобное обвинение на всех и вся, приняла такое объяснение и освободила его.

— Разве его преступные покушения на вас и вашего супруга не уничтожили всякое его право на родственное снисхождение? — спросил Тарзан. — То, что вы его сестра, не помешало ему пытаться очернить вас. Вам незачем быть верной ему.

— Ах, вот тут-то и выступает вторая причина. Если трудно требовать от меня верности ему, хотя он и был мой брат, то я не могу освободиться от страха, который я питаю к нему из-за одного эпизода моей жизни, который стал ему известен.

— Я, пожалуй, скажу вам сразу, — после некоторого молчания снова заговорила она, — потому что чувствую, что рано или поздно расскажу все равно. Я выросла в пансионе при монастыре. Там я встретила с человеком, которого приняла за джентльмена. Я ничего не знала о мужчинах и еще меньше о любви. Я забила себе взбалмошную головку, что я люблю этого человека и что необходимо как можно скорее бежать с ним, чтобы потом обвенчаться.

Я провела с ним всего три часа. Все время — днем и в общественных местах: на железнодорожных станциях и в поезде. Когда мы прибыли к месту назначения, где нас должны были обвенчать, два жандарма подошли к моему спутнику и арестовали его. Они забрали и меня, но, когда я рассказала им свою историю, они отпустили меня и с дуэньей отправили обратно в монастырь. Оказалось, что человек, увлекший меня, дезертировал из армии и скрывался вместе с тем от уголовного суда. Не было, кажется, страны в Европе, полиции которой он не был бы знаком.

Администрация монастыря замяла дело. Даже родители мои ничего не узнали. Только Николай позже как-то встретился с тем человеком и от него узнал все. Теперь он грозит мне все рассказать графу, если я не исполню его требований.

Тарзан засмеялся.

— Вы еще совсем маленькая девочка. То, что вы мне рассказали, не бросает никакой тени на вашу репутацию, и если бы душою вы не были еще ребенком, вы давно бы это поняли. Сегодня же идите расскажите все мужу, так же точно, как рассказали мне. Я твердо уверен, что он посмеется над вашими страхами и завтра же

позаботится о том, чтобы ваш драгоценный братец был упрятан в тюрьму, где ему давно надлежит быть.

— Я рада была бы решиться, — отвечала она, — но я боюсь. Я слишком рано начала бояться мужчин, — сначала отца, потом Николая. Почти все мои приятельницы боятся своих мужей — почему мне быть исключением?

— Но это совсем неправильно, — женщины не должны бояться мужчин, — заявил Тарзан, озадаченный. — Я, конечно, лучше знаю нравы обитателей джунглей, и там мы видим обратное, если не считать чернокожих людей, которые, на мой взгляд, во многих отношениях стоят ниже животных. Нет, я не могу понять, почему цивилизованные женщины боятся мужчин, призванных защищать их. Меня мучила бы мысль, что какая-нибудь женщина боится меня.

— Не думаю, чтобы вас боялась какая-нибудь женщина, друг мой, — мягко сказала Ольга де Куд. — Я недавно встретила с вами, но, как ни странно это звучит, вы единственный мужчина, которого я, как мне кажется, никогда не боялась бы, — это в особенности странно потому, что вы ведь очень сильный. Я удивлялась, как свободно вы действовали с Николаем и с Павловым той ночью, в моей каюте. Это было чудесно!

Когда Тарзан прощался с ней немного позже, он чуть-чуть удивился, почему ее рука задержалась в его руке, и почему она так настаивала, чтобы он обещал снова прийти завтра.

Весь день ему помнились полужакрытые глаза и прекрасного рисунка губы Ольги, когда она, прощаясь, улыбалась ему. Ольга де Куд была очень красивой женщиной, а Тарзан от обезьян — очень одиноким молодым человеком, с сердцем, требующим лечения, и вылечить его могла бы только женщина.

Когда графиня после ухода Тарзана повернула от дверей, она оказалась лицом к лицу с Николаем Роковым.

— С каких пор вы здесь? — крикнула она, отпрыгнув от него.

— Еще до прихода вашего возлюбленного, — прозвучал ответ, сопровождаемый гадким подмигиванием.

— Молчать! — приказала она. — Как смеете вы говорить подобные вещи мне, своей сестре?

— Ну, милая Ольга, если он не возлюбленный твой — прими мои извинения, но, по правде сказать, если так обстоит дело, то это не по

твоей вине. Если бы он знал женщин хотя бы на десятую долю того, как знаю их я, то ты сейчас лежала бы в его объятиях, Ольга. Еще бы! Каждое твое слово и движение было открытым призывом, а он ничего не разглядел!

Женщина закрыла уши руками.

— Я не хочу слушать. Гадко говорить такие вещи. Как бы ты ни грозил мне, ты знаешь, что я не плохая женщина. С завтрашнего дня тебе не придется больше преследовать меня, — я все расскажу Раулю. Он поймет меня, а там, господин Николай, — берегитесь!

— Ты ничего не скажешь ему, — сказал Роков. — Я могу использовать теперь это дело, и с помощью одного из ваших слуг, которому я доверяю, все подробности с клятвенным подтверждением будут сообщены твоему мужу. Старая история сослужит свою службу. Теперь у нас есть нечто осязаемое, Ольга. Настоящее дело, а ты к тому же жена, пользующаяся доверием. Стыдно, Ольга, — и негодяй захохотал.

Итак, графиня ничего не рассказала графу и попала в еще худшее положение. От смутных опасений она перешла к вполне реальным страхам. А, может быть, при свете ее совести, они непропорционально выросли.

V

НЕУДАВШИЙСЯ ЗАМЫСЕЛ

В течение месяца Тарзан был постоянным и очень желанным гостем у прекрасной графини де Куд. Нередко он встречался с другими членами маленького избранного кружка, собиравшимися к пятичасовому чаю. Но чаще Ольга находила предлоги, чтобы побыть с Тарзаном с глазу на глаз.

Некоторое время она оставалась под впечатлением инсинуаций Николая. До того она думала об этом крупном молодом человеке разве только как о друге, но сила внушения, заключающаяся в злых словах брата, заставила ее задуматься над тем, что так неудержимо влечет ее к этому сероглазому чужестранцу. Она не хотела любить его и не хотела его любви.

Она была гораздо моложе мужа, и сама, не отдавая себе в том отчета, тосковала по дружбе с человеком одних с нею лет. Двадцатилетнему трудно делиться сокровенными мыслями с сорокалетним. Тарзан был старше ее всего на два года. Он мог понять ее, она это чувствовала. К тому же он был рыцарем, честным и чистым. Она не боялась его, и с самого начала инстинктивно чувствовала, что может доверять ему.

В отдалении Роков с лукавым злорадством следил за тем, как подвигается вперед их сближение. С тех пор, как он узнал, что Тарзану известна его роль русского шпиона, к той ненависти, какую он уже питал к человеку-обезьяне, присоединились опасения, что тот выдаст его. Он только выжидал удобного момента для решительного удара. Он хотел отделаться от Тарзана раз и навсегда и в то же время с избытком вознаградить себя за унижения и неудачи, которые он терпел из-за него.

Тарзан никогда еще, с того самого момента, когда мир и спокойствие джунглей были нарушены появлением покинутой на острове партии профессора Портера, никогда не чувствовал себя настолько хорошо.

Ему доставляло удовольствие светское общение с друзьями Ольги, а дружба, завязавшаяся у него с прекрасной графиней, сама по себе

была источником неисчерпаемых радостей. Она рассеяла его мрачные мысли и целительным бальзамом прошлась по раненому сердцу.

Иной раз его сопровождал к де Куд д'Арно, давно знавший и Ольгу, и графа. Порой появлялся де Куд, но многообразные требования его официального положения и политических дел большей частью заставляли его возвращаться домой только поздно вечером.

Роков почти не выпускал Тарзана из виду, выжидая тот момент, когда можно будет неожиданно вызвать де Куду к себе во дворец в ночное время, — но ожидания его не оправдывались. Не раз Тарзан провожал графиню из оперы, но неизменно прощался с ней у подъезда, к полному неудовольствию ее преданного братца.

Убедившись, что Тарзана невозможно захватить врасплох по собственной его неосторожности, Роков и Павлов соединенными силами изобрели план, благодаря которому человек-обезьяна должен был быть скомпрометирован самыми явными уликами.

Несколько дней они неотступно следили за каждым шагом Тарзана и де Куд и также внимательно просматривали газеты. Наконец, их старания были вознаграждены. В одной из газет вскользь было упомянуто, что на следующий день предстоит банкет для мужчин в германском посольстве. В числе приглашенных значился и де Куд. Если он примет участие, он вернется домой только за полночь.

В вечер банкета Павлов занял место на перекрестке против германского посольства и внимательно всматривался в лица всех подъезжавших. Ему пришлось ждать недолго: автомобиль де Куды подъехал к дому, и граф прошел в подъезд. Этого было достаточно. Павлов поспешил к себе, где его ждал Роков. Подождав до одиннадцати часов с лишним, Павлов позвонил по телефону.

— Квартира лейтенанта д'Арно? — спросил он, когда его соединили. — Известие для г. Тарзана — пусть будет так любезен и подойдет.

Минутное молчание.

— Г. Тарзан?

— Да, мсье, это Франсуа, слуга графини де Куд. Может быть, мсье сделал бедняге Франсуа честь и запомнил его?

— Да, мсье. У меня есть поручение, спешное, от графини. Она просит вас тотчас явиться к ней. У нее неприятности.

— Нет, мсье, Франсуа ничего не знает. Могу я передать графине, что мсье тотчас приедет?

— Благодарю вас, мсье. Да благословит вас бог. Павлов повесил трубку и обернулся с неприятным смехом к Рокову.

— Ему понадобится полчаса, чтобы приехать к ней. Если ты будешь в германском посольстве через пятнадцать минут, де Куд может быть дома, примерно, через три четверти часа. Все зависит от того, пробудет ли там этот дурак пятнадцать минут после того, как выяснится, что над ним подшутили. Но, или я ничего не понимаю, или Ольга не захочет так скоро отпустить его. Вот записка для графа. Живо!

Павлов, не теряя времени, явился к германскому посольству. В дверях он подал лакею записку: «Для графа де Куд, очень срочно, позаботьтесь, чтобы тотчас была вручена ему лично», и он опустил серебряную монету в руку лакея, который, видимо, ничего не имел против. А затем вернулся домой.

Минутой позже де Куд, извинившись перед хозяином, вскрыл конверт. Лицо у него побледнело и руки задрожали, когда он прочел:

«Господин граф де Куд!

Некто, желающий спасти честь вашего имени, настоящим предупреждает вас, что в данный момент святость вашего очага подвергается опасности.

Известное вам лицо, последние месяцы постоянно посещавшее в ваше отсутствие графиню, находится с ней сейчас. Если вы прямо направитесь в будуар вашей жены, вы найдете их вместе.

Друг».

Через двадцать минут после того, как Павлов звонил Тарзану, Роков соединился с частной линией Ольги. Ее горничная подошла к телефону, стоявшему в будуаре графини.

— Но madame уже легла, — сказала девушка в ответ на заявление Рокова, что он хочет говорить с Ольгой.

— Дело очень спешное, и передать его я могу только графине лично, — возразил Роков, — скажите ей, чтобы она встала, что-нибудь накинула на себя и подошла к телефону. Я снова позвоню через пять минут.

Затем он повесил трубку. Вслед за этим вернулся Павлов.

— Граф получил письмо? — спросил Роков.

— Он уже, наверное, на пути домой, — отвечал Павлов.

— Хорошо! Мадам тоже должно быть уже у себя в будуаре, в самом соблазнительном неглиже. Через несколько минут верный Жак введет к ней без доклада г. Тарзана. Еще несколько минут уйдет на объяснение. Ольга будет выглядеть прелестно в своем воздушном ночном туалете, еще меньше скрывающем ее формы, чем обычное платье в обтяжку. Ольга будет удивлена, но отнюдь не неприятно.

— Если в жилах этого человека есть хоть капля красной крови, то граф попадет через пятнадцать минут на самую нежную любовную сцену. Я думаю, мы подстроили все великолепно, дорогой мой Алексей. Пойдем же выпьем за здоровье г. Тарзана доброго Планконовского абсента; не следует забывать, что граф де Куд один из лучших фехтовальщиков Парижа и чуть ли не лучший стрелок во всей Франции.

Когда Тарзан приехал к Ольге, у входа его ждал Жак.

— Сюда, мсье, — сказал он и повел его по широкой мраморной лестнице. Затем он распахнул дверь и, приподняв тяжелую портьеру, с почтительным поклоном пропустил Тарзана в слабо освещенную комнату, после чего сам исчез.

В конце комнаты Тарзан увидел Ольгу, сидевшую у маленького столика, на котором стоял телефон. Она нетерпеливо постукивала пальцами по лакированной доске стола и не слышала, как он вошел.

— Ольга, — сказал он, — что случилось?

Она обернулась к нему, испуганно вскрикнув.

— Жан! Что вы здесь делаете? Кто впустил вас? Что это значит?

Тарзан стоял пораженный, но вскоре истина блеснула перед ним.

— Разве вы не вызывали меня, Ольга?

— Вызывала вас? В такое время! Боже! Жан, вы считаете меня сумасшедшей?

— Франсуа только что звонил мне, что у вас неприятности и вам нужна моя помощь.

— Франсуа? Бога ради, что это за Франсуа?

— Он сказал, что служит у вас, и говорил так, будто я должен его помнить.

— У нас нет никого, кто носил бы такое имя. Кто-то подшутил над вами, Жан, — засмеялась Ольга.

— Боюсь, что шутка эта может оказаться очень мрачной, Ольга, — возразил он. — Тут больше злого умысла, чем юмора.

— Что вы хотите этим сказать? Не думаете же вы...

— Где граф? — перебил он ее.

— В германском посольстве.

— Это новая шутка вашего уважаемого братца. Завтра граф узнает все. Расспросит слуг. Все будет за то... в чем Роков хочет убедить графа.

— Ах, негодяй! — крикнула Ольга. Она поднялась, близко подошла к Тарзану и остановилась, подняв к нему лицо. Она была испугана. В глазах у нее было выражение несчастной загнанной лани — удивленное, вопрошающее. Она дрожала и, ища опоры, положила руки к нему на широкие плечи.

— Как нам быть, Жан? — шепнула она. — Это ужасно. Завтра весь Париж прочтет. Николай об этом позаботится.

В ее взоре, позе, в ее словах сквозил первобытный призыв беззащитной женщины к ее естественному покровителю — мужчине. Тарзан взял в свою сильную руку одну из маленьких теплых ручек на его груди. Движение было произвольное, и почти также произвольно инстинкт защищающего заставил его обнять плечи женщины своей рукой.

Как электрическая искра пробежала между ними. Он никогда раньше не стоял к ней так близко. Они сразу виновато посмотрели друг другу в глаза, и в тот момент, когда Ольге де Куд надо было призвать все свои силы, она оказалась слабой, — она теснее прижалась к Тарзану и обвила руками его шею. А Тарзан от обезьян? Он схватил трепещущую женщину в свои объятия и осыпал горячие губы поцелуями.

Рауль де Куд, прочитав письмо, поданное ему дворецким посланцем, торопливо извинился перед хозяином. Чем он объяснил свой уход, этого он никогда припомнить не мог. Все сливалось у него перед глазами, пока он не очутился на пороге собственного дома. Тут он сразу успокоился и стал действовать медленно и осторожно. По какой-то необъяснимой причине, Жак открыл ему дверь раньше, чем он поднялся до верху лестницы. В тот момент он не придавал этому значения, но позже вспомнил необычное обстоятельство.

Осторожно, на цыпочках, он поднялся по лестнице и прошел галереей до дверей будуара жены. В руках у него была тяжелая палка, с которой он обыкновенно гулял.

Ольга первая увидела его. С криком ужаса она вырвалась из рук Тарзана, и человек-обезьяна успел вовремя обернуться, чтобы отвести удар, который де Куд собирался ему нанести по голове. Раз, два, три — тяжелая палка опустилась с молниеносной быстротой, и каждый удар ускорял возвращение человека-обезьяны к прежнему первобытному состоянию.

С низким горловым рычанием обезьяны-самца он прыгнул на француза. Он выхватил у него из рук толстую палку, переломил ее легко как спичку, отбросил в сторону и, как разъяренный зверь, схватил противника за горло.

Ольга де Куд оставалась несколько мгновений безмолвным и пораженным ужасом свидетелем страшной сцены, потом бросилась к Тарзану, который убивал ее мужа, — вытряхивал жизнь из него, — почти как фокстерьер из пойманного мышонка.

Она бешено вцепилась в его огромные лапы.

— Мать божия! — кричала она. — Вы убиваете его, вы убиваете его! О, Жан! Вы убиваете моего мужа!

Тарзан в ярости ничего не слышал. Вдруг он уронил тело противника на пол и, поставив ногу ему на грудь, поднял голову вверх. И по всему дворцу графов де Куд пронесся страшный, вызывающий рев обезьяны-самца, одолевшего врага. От погреба и до чердака крик слышали все слуги и побледнели, задрожав. Женщина в комнате опустилась на колени подле тела мужа и начала молиться.

Медленно и постепенно красная пелена перед глазами Тарзана начала рассеиваться, он снова превращался в цивилизованного человека. Глаза его остановились на женщине, опустившейся на колени. «Ольга», — шепнул он. Она взглянула на него, думая увидеть в его глазах тот же маниакальный, смертоносный огонь. И вместо этого прочла в них только печаль и огорчение.

— О, Жан! — зарыдала она. — Взгляните, что вы наделали. Он был мне мужем. Я любила его, и вы его любили.

Тарзан бережно поднял безжизненное тело графа де Куд и перенес его на диван. Потом он приник ухом к его груди.

— Немного водки, Ольга, — сказал он.

Она принесла водку, и они вдвоем влили графу несколько капель. С побледневших губ сорвался легкий вздох. Де Куд шевельнулся и застонал.

— Он не умрет, — сказал Тарзан, — благодарение богу!

— Зачем вы это сделали, Жан? — спросила она.

— Не знаю. Он ударил меня, и я обезумел. Я видел, как обезьяны моего племени проделывали то же самое. Я никогда не рассказывал вам своей истории, Ольга. Было бы лучше, если бы вы знали — ничего бы этого не произошло. Я не знал никогда своего отца. Не знал другой матери, кроме свирепой обезьяны-самки. До пятнадцати лет я не видел ни одного человеческого существа и только в двадцать увидел первого белого. Немного больше года тому назад я бродил по африканским джунглям обнаженным хищным зверем. Не судите меня слишком строго. Два года — слишком короткий срок, чтобы в одном индивидууме произвести те перемены, на которые для всей белой расы потребовался ряд веков.

— Я не осуждаю вас вовсе, Жан. Виновата я. Вам надо уйти. Он не должен видеть вас, когда придет в себя. Прощайте.

Грустный, с поникшей головой, возвращался Тарзан из дворца графов де Куд.

Но уже на улице мысли его приняли иное направление, и минут двадцать спустя он входил в полицейский комиссариат близ улицы Моль. Там он вскоре нашел одного из полицейских, участвовавших в столкновении с ним несколько недель тому назад. Полицейский искренно обрадовался встрече с человеком, так круто с ним обошедшимся. Потолковав с ним немного, Тарзан спросил, не слышал ли он чего-нибудь о неких Николае Рокове и Алексее Павлове.

— Очень часто слышал, разумеется, мсье. Они оба известны полиции и, хотя сейчас им ничто специально не инкриминируется, но мы считаем необходимым не упускать их из виду, чтобы знать, где можно их найти в случае надобности. Это те же меры предосторожности, что мы принимаем, относительно всех известных преступников. Почему мсье спрашивает?

— Они мне знакомы, — отвечал Тарзан. — Я хотел бы увидеть Рокова по одному делу: если бы вы указали мне, где он живет, я был бы вам благодарен.

Через несколько минут он расстался с полицейским и, с клочком бумажки, на котором значился адрес в пределах довольно сомнительного квартала, он быстро направился к ближайшей стоянке такси.

Роков и Павлов вернулись домой и обсуждали вместе вероятную развязку событий сегодняшнего вечера. Они позвонили в редакции двух утренних газет и с минуты на минуту ждали появления репортеров, чтобы сообщить им скандальное известие, которое завтра взволнует весь парижский свет.

Тяжелые шаги раздались на лестнице.

— Ну и проворны же эти газетчики, — воскликнул Роков и отозвался на стук в дверь: — Войдите.

Приветливая улыбка застыла на лице русского, когда он встретился взглядом с суровыми, серыми глазами посетителя.

— Тысяча чертей! — завопил он, вскакивая на ноги. — Что вам здесь нужно?

— Сядьте, — проговорил Тарзан, так тихо, что оба негодяя едва расслышали, но таким тоном, что Роков моментально опустил на стул, а Павлов не двинулся с места.

— Вы отлично знаете, зачем я здесь, — продолжал он тем же тоном. — Я должен убить вас, но я не делаю этого только потому, что вы брат Ольги де Куд, не делаю, по крайней мере, сейчас.

Я дам вам возможность еще пожить. Павлов — в счет не идет, он просто глупая игрушка в ваших руках, а потому его я не трону до тех пор, пока позволю жить вам. Но для того, чтобы я вышел из комнаты, оставив вас обоих живыми, вы должны сделать две вещи. Во-первых, написать подробный отчет о вашей сегодняшней проделке и подписать его.

Во-вторых, — под страхом смерти обязаться, что ни один звук о происшедшем не попадет в газеты. Если то и другое не будет выполнено, ни одного из вас не будет в живых, когда я выйду из этой комнаты. Вы поняли меня? — И, не ожидая ответа: — Торопитесь, вот тут, перед вами, чернила, перо и бумага.

Роков принял независимый вид, рассчитывая, таким образом, показать, что он не придает значения угрозам Тарзана. Миг спустя он почувствовал у себя на шее стальные пальцы человека-обезьяны, а Павлов, который попытался их отодрать и затем выскочить из комнаты,

был брошен в беспмятстве в угол. Когда Роков начал синеть, Тарзан отпустил его и толкнул на стул. Прокашлявшись, Роков мрачно уставился на стоявшего перед ним человека. Павлов тоже пришел в себя и, повинуясь Тарзану, вернулся, хромая, на прежнее место.

— Теперь пишите, — сказал человек-обезьяна. — Если придется снова поучить вас, я уж не буду так снисходителен.

Роков взялся за перо и начал писать.

— Смотрите, не пропустите ни одной подробности, ни одного имени, — предупреждал Тарзан.

Неожиданно в дверь постучали.

— Войдите, — сказал Тарзан.

Вошел вертлявый молодой человек.

— Я из газеты «Matin», — заявил он. — По-видимому, у г. Рокова есть для меня какое-то сообщение?

— Произошла ошибка, мсье, — отвечал Тарзан. — Ведь у вас нет никакого сообщения, дорогой Николай?

Роков поднял голову от бумаги:

— Нет, — угрюмо пробурчал он. — Мне нечего сообщить вам для печати сегодня.

— И впредь, дорогой Николай, — репортер не заметил, как загорелись злым огнем глаза человека-обезьяны, но от Николая Рокова это не ускользнуло.

— И впредь, — торопливо подтвердил он.

— Очень жаль, что вас побеспокоили, мсье, — сказал Тарзан, обернувшись к репортеру. — Доброго вечера, — и он с поклоном довел вертлявого молодого человека до дверей и захлопнул за ним дверь.

Час спустя Тарзан, с довольно объемистым манускриптом в кармане, повернул к выходу.

— На вашем месте, — сказал он, — я уехал бы из Франции, потому что рано или поздно я найду какой-нибудь способ убить вас, не причиняя неприятностей вашей сестре.

VI

ДУЭЛЬ

Д'Арно спал, когда Тарзан вернулся от Рокова. Тарзан не стал его будить, но на следующий день утром рассказал ему, ничего не упустив, о происшествии предыдущего вечера.

— Какой я дурак, — заключил он. — Я был дружен и с графом, и с его женой. И чем я отблагодарил их? Едва-едва не убил графа. Бросил тень на доброе имя женщины. Возможно, что расстроил их семейное счастье.

— Вы любите Ольгу де Куд? — спросил его д'Арно.

— Если бы я не был твердо уверен в том, что она не любит меня, я не мог бы ответить вам на этот вопрос, Поль. Но сейчас я могу сказать со спокойной совестью, что я не люблю ее, и она не любит меня. Мы на мгновение поддались опьянению — это не любовь, — и прошло бы это так же быстро и бесследно, как налетело на нас, не войди в это время де Куд. Как вы знаете, я мало знал женщин. Ольга де Куд очень красива; ее красота, полумрак, вся обстановка, и эта мольба беззащитной о покровительстве — передо всем этим мог бы разве устоять человек более культурный, но моя культурность даже кожи не коснулась — ее хватает ровно на толщину платья.

Париж — не для меня. Я постоянно буду попадать в ловушки, все более и более опасные. Все запреты, наложенные человеком, скучны и надоедливы. Я вечно чувствую себя пленником. Я не могу дольше выносить этого, друг мой, и, я думаю, мне лучше вернуться в родные джунгли и вести там жизнь, для которой господь предназначил меня, приведя меня туда.

— Не принимайте всего этого так близко к сердцу, — успокаивал его д'Арно. — Вы вышли из положения лучше, чем это сделало бы большинство «культурных» мужчин в аналогичных условиях. А что касается вашего отъезда из Парижа, то я склонен думать, что на этот счет явятся возражения со стороны Рауля де Куд и мы скоро об этом узнаем.

Д'Арно не ошибся. Спустя неделю, часов в одиннадцать утра, Тарзан и д'Арно сидели за завтраком, когда им доложили о приходе

господина Флобера. Последний производил впечатление безукоризненно вежливого человека. С целым рядом поклонов он передал г. Тарзану вызов графа де Куд и выразил надежду, что г. Тарзан позаботится, чтобы друг, которому он поручит свои интересы, встретился с ним, г. Флобером, возможно скоро для обсуждения деталей и разрешения всех вопросов к обоюдному удовольствию.

Разумеется, г. Тарзан охотно и безоговорочно доверяет свои интересы своему лучшему другу, лейтенанту д'Арно. Порешили на том, что д'Арно отправится к г. Флоберу в два часа, и вежливый г. Флобер, не переставая кланяться, вышел из комнаты.

Когда они остались одни, д'Арно, усмехаясь, поглядел на Тарзана.

— Ну? — сказал он.

— Теперь мне предстоит к своим грехам прибавить убийство или самому быть убитому, — отозвался Тарзан. — Я делаю быстрые успехи в усвоении навыков моих культурных братьев.

— Какое оружие вы выберете? — спросил д'Арно. Де Куд мастерски владеет шпагой и великолепно стреляет.

— Я охотнее всего выбрал бы отравленные стрелы с расстояния в двадцать шагов или копьё на таком же расстоянии, — засмеялся Тарзан. — Остановимся на пистолетах, Поль.

— Он убьёт вас, Жан.

— Не сомневаюсь. Но ведь умереть все равно когда-нибудь надо.

— Я предпочёл бы шпагу, — предложил д'Арно. — Он ограничился бы тем, что ранил вас, и меньше шансов, что рана была бы смертельна.

— Пистолет, — решительно заявил Тарзан. Д'Арно пытался уговорить его, но не имел успеха, остановились на пистолетах.

Д'Арно вернулся от г. Флобера после четырех часов.

— Все решено, — сказал он. — Жаловаться не на что. Завтра утром на рассвете, в уединенном месте, на дороге вблизи Этамп. Почему-то г. Флобер выбрал это место. Я не возражал.

— Хорошо. — Тарзан не проронил больше ни слова. И не возвращался к вопросу, даже косвенно. Вечером он написал несколько писем, прежде чем лег спать. Запечатав их, он вложил их в один конверт на имя д'Арно. Позже д'Арно слышал, как он напевает шансонетку, раздеваясь.

Француз выбранился сквозь зубы. Он чувствовал себя очень несчастным, потому что был уверен, что на следующий день восходящее солнце осветит уже только труп Тарзана. Его мучило, что Тарзан так беспечен.

— Весьма не культурный час, чтобы убивать друг друга, — заметил человек-обезьяна, когда его подняли из удобной кровати при сером свете едва зарождающегося дня. Он спал прекрасно, и поэтому ему казалось, что не успел он голову опустить на подушку, как его разбудили. Слова его относились к д'Арно, который стоял, совсем одетый, в дверях спальни Тарзана.

Д'Арно всю ночь почти не сомкнул глаз. Он нервничал и раздражался.

— Я уверен, что вы спали, как младенец, всю ночь, — сказал он.

Тарзан засмеялся.

— По вашему тону я заключаю, Поль, что вы ставите мне это в вину. Но я, право, ничего не мог поделать.

— Нет, Жан, это не то, — запротестовал д'Арно, сам улыбаясь. — Но вы так равнодушно все это воспринимаете, что я выхожу из себя. Можно было бы подумать, что вы отправляетесь стрелять в цель, а не подставлять свой лоб под дуло лучшего стрелка Франции.

Тарзан пожал плечами.

— Я иду с тем, чтобы загладить большую вину, Поль. Необходимое для этого условие — мастерство моего противника. Могу ли я, в таком случае, жаловаться? Ведь вы же сами сказали мне, что граф де Куд изумительный стрелок?

— Вы хотите сказать, что надеетесь быть убитым? — в ужасе воскликнул д'Арно.

— Не скажу, чтобы я надеялся. Но, согласитесь, много ли оснований думать, что я не буду убит?

Если бы д'Арно знал, что на уме у человека-обезьяны, что было у него все время на уме с тех пор, как он услышал первый намек на то, что граф де Куд пришлет ему вызов, — д'Арно пришел бы в еще больший ужас.

Они молча уселись в большой автомобиль д'Арно и также молча ехали в предрассветной мгле по дороге, ведущей в Этамп. Каждый был занят своими мыслями, д'Арно был очень опечален, потому что искренне любил Тарзана. Дружба, связавшая этих двух людей, которые

жили и воспитывались в таких различных условиях, еще окрепла при совместной жизни, потому что оба они были людьми, одинаково преданными идеалам мужественности, личной доблести и чести. Они понимали друг друга и гордились друг другом.

Тарзан от обезьян унесся мыслями в прошлое; в памяти всплывали счастливые события его прежней жизни в джунглях. Он вспоминал часы, которые мальчиком проводил, сидя, поджав ноги, на столе в хижине отца, наклонившись смуглым туловищем над заманчивыми картинками, по которым он сам безо всякой помощи, доискался тайны языка печати задолго до того, как уши его восприняли звук человеческой речи. Мягкая, довольная улыбка осветила его суровое лицо, когда он вспомнил тот исключительный, не похожий на все другие, день, который он провел один на один с Джэн Портер в чаще девственного леса.

Нить мыслей его была оборвана остановкой автомобиля, — они прибыли к назначенному месту. Тарзан вернулся к настоящему. Он знал, что сейчас умрет, но не чувствовал страха. Для обитателя жестоких джунглей смерть — дело обычное. Закон природы велит им упорно держаться за жизнь, но он не учит их бояться смерти.

Д'Арно и Тарзан приехали на поле чести первыми. Немного позже явились де Куд, г. Флобер и третий господин, который был представлен д'Арно и Тарзану в качестве доктора.

Д'Арно и Флобер некоторое время говорили шепотом друг с другом. Тарзан и граф де Куд стояли в стороне, на разных концах площадки. Секунданты подозвали их. Д'Арно и г. Флобер осмотрели пистолеты. Два человека, которые должны были стать лицом к лицу через несколько минут, молча и неподвижно выслушивали условия дуэли, которые им сообщил г. Флобер.

Они станут спинами друг к другу. По сигналу, данному г. Флобером, каждый из них пойдет вперед, держа пистолет в опущенной руке. Когда оба сделают по десять шагов, д'Арно даст последний сигнал, тогда они должны обернуться и стрелять до тех пор, пока один из них не упадет или пока каждый не выпустит по три пули.

Пока г. Флобер разъяснял, Тарзан вытащил из портсигара папироску и закурил ее. Де Куд был воплощенным хладнокровием — недаром ведь он считается лучшим стрелком во Франции!

Наконец, г. Флобер кивнул д'Арно и каждый из них отвел своего дуэлянта на место.

— Вы вполне готовы, господа? — спросил г. Флобер.

— Вполне, — отвечал де Куд.

Тарзан кивнул. Г. Флобер дал сигнал, вместе с д'Арно отступил немного в сторону за пределы линии огня. Шесть! Семь! Восемь! Слезы выступили у д'Арно на глазах. Он так любил Тарзана. Девять! Еще один шаг, и бедный лейтенант дал сигнал, которого ему так не хотелось давать. Он прозвучал для него как погребальный звон над его лучшим другом.

Де Куд быстро обернулся и выстрелил. Тарзан слегка вздрогнул. Пистолет он все еще держал опущенным. Де Куд приостановился, как будто ожидая, что противник его сейчас свалится наземь. Француз был слишком опытным стрелком и не мог не знать, что он не дал промаха. Но Тарзан все-таки не поднимал оружия. Де Куд выстрелил еще раз, но небрежная поза человека-обезьяны и полное равнодушие, с которым он продолжал попыхивать папироской, сбили с толку лучшего стрелка Франции. На этот раз Тарзан даже не вздрогнул, а де Куд все-таки знал, что он опять не промахнулся.

Внезапно ему пришло в голову такое объяснение: его противник спокойно рискует, рассчитывая, что ни одним из трех выстрелов он не будет ранен смертельно, а потом, не спеша, спокойно и хладнокровно застрелит его, де Куд. Мурашки пробежали по спине француза. Замысел — коварный, дьявольский. Что это за человек, который может стоять невозмутимо с двумя пулями в теле, спокойно поджидая третью.

На этот раз де Куд тщательно прицелился, но нервы у него разошлись, и он явно промахнулся. Тарзан ни разу не поднял руки с пистолетом.

Одно мгновение они смотрели друг другу прямо в глаза. На лице Тарзана отразилось самое искреннее разочарование. По лицу де Куд медленно разливалось выражение ужаса, даже страха.

Он не мог дольше вынести.

— Матерь божия! Да стреляйте же! — закричал он. Но Тарзан не поднял пистолета, а сделал несколько шагов по направлению к де Куду, когда же д'Арно и г. Флобер, не поняв его намерения, хотели броситься между ними, он знаком руки остановил их.

— Не бойтесь, — сказал он, — я ничего ему не сделаю. Это было против всяких правил. Но они остановились. Тарзан подошел вплотную к де Куду.

— Ваш пистолет, должно быть, не в порядке, мсье, — сказал он. — Или вы нездоровы. Возьмите мой, и начнем снова. — И Тарзан, к величайшему изумлению графа, протянул ему свой пистолет ручкой вперед.

— Mon Dieu!^[3] — крикнул граф. — Вы с ума сошли, должно быть?

— Нет, мой друг, — возразил человек-обезьяна. — Но я заслужил кары. Только таким путем я могу загладить зло, причиненное хорошей женщине. Возьмите пистолет и послушайте меня.

— Это было бы убийством, — запротестовал де Куд. — И затем — какое зло вы причинили моей жене? Она поклялась мне...

— Я не это хочу сказать, — быстро перебил его Тарзан. — Между нами не произошло ничего хуже того, чему вы сами были свидетелем. Но и этого достаточно, чтобы бросить тень на ее имя и разбить счастье человека, против которого я ничего не имею. Вина была всецело моя, и я надеялся, что искуплю ее своей смертью сегодня. Я разочарован, что граф не такой хороший стрелок, как меня уверяли.

— Вы говорите, что виноваты были вы? — быстро спросил де Куд.

— Всецело я, мсье. Жена ваша чистая женщина. Она любит вас. В том, чему вы сами были свидетелем, виноват один я. Но попал я к вам не по собственному желанию и не по желанию графини де Куд. Вот эти бумаги вам это подтвердят, — и Тарзан вынул из карманов показания Рокова, подписанные им.

Де Куд развернул и прочел. Д'Арно и г. Флобер, заинтересованные свидетели странного окончания странной дуэли, подошли ближе. Никто не произнес ни слова, пока де Куд не дочитал до конца. Тогда он взглянул на Тарзана.

— Вы смелый и рыцарски благородный человек, — сказал он. — Я благодарю бога, что не убил вас.

Де Куд был импульсивен, как все французы. Он обнял Тарзана и поцеловал его. Г. Флобер обнял д'Арно. Некому было обнять доктора. Возможно, поэтому он из досады подошел и попросил разрешения перевязать раны Тарзана.

— Этот господин получил одну пулю во всяком случае, — заявил он, — а может быть и три.

— Две, — поправил Тарзан, — в левое плечо и в левый бок, обе раны поверхностные, как мне кажется. — Но доктор настоял на том, чтобы он растянулся на траве и возился с ним до тех пор, пока не промыл обе раны и не остановил кровь.

В конце концов они все вместе вернулись в город в автомобиле д'Арно лучшими друзьями. Де Куд был так доволен, получив двойное свидетельство в пользу верности жены, что у него не осталось никакого недоброжелательства против Тарзана. Положим, Тарзан принял на себя большую долю вины, чем та, какая в сущности падала на него, но маленькую ложь можно ему простить, потому что он солгал ради женщины и солгал как джентльмен.

Человек-обезьяна был уложен в постель на несколько дней. Он считал, что это глупо и излишне, но доктор и д'Арно так волновались, что он уступил, чтобы сделать им удовольствие, хотя сам не мог не смеяться.

— Смешно лежать в постели из-за булавочного укола, — говорил он д'Арно. — Разве, когда Болгани, король горилл, почти растерзал меня, еще мальчика, у меня была мягкая постель? Нет, только сырая, прелая листва джунглей. Дни и недели я лежал под защитой какого-нибудь куста, и только Кала, бедная, верная Кала, ходила за мной, отгоняя насекомых от моих ран и отпугивая хищных зверей.

Когда я просил пить, она приносила мне воду во рту — другого способа она не знала. Не было ни стерилизованной ваты, ни антисептических бинтов, — наш милый доктор с ума сошел бы от ужаса. И тем не менее я поправился, поправился для того, чтобы улечься в постель из-за пустой царапины, на которую никто из жителей джунглей и внимания не обратил бы, разве она была бы у него на носу.

Но время шло, и Тарзан поправился. Де Куд навещал его несколько раз во время болезни и, узнав, что Тарзану хотелось бы найти какую-нибудь службу, он обещал позаботиться о нем.

В первый же день, когда Тарзану разрешено было выйти из дому, он получил от графа приглашение явиться к нему в канцелярию.

Де Куд встретил его приветливо и искренне порадовался, что снова видит его на ногах. Ни один из них с того самого дня не вспоминал о дуэли или о том, что послужило для нее поводом.

— Мне кажется, я нашел как раз то, что вам нужно, г. Тарзан, — сказал граф. — Роль доверенную и ответственную, требующую при том значительной физической силы и смелости. Мне трудно представить себе человека, который лучше подходил бы к ней, дорогой г. Тарзан. Она связана с необходимостью путешествовать, а позже может доставить вам лучшее место, — быть может, и по дипломатической части. Сначала вы будете просто агентом военного министерства. Пойдемте, я провожу вас к человеку, который будет вашим начальством. Он лучше разъяснит вам ваши обязанности, и вы сможете решить, подойдут ли они вам.

Де Куд сам проводил Тарзана к генералу Рошеру, начальнику Бюро, к которому Тарзан должен был быть прикомандирован, если бы он согласился взять место. Затем граф расстался с ним, предварительно яркими чертами описав генералу те свойства человека-обезьяны, которые делают его особенно подходящим для данной роли.

Спустя полчаса Тарзан вышел из министерства, в первый раз в жизни получив официальное положение. На следующий день ему надлежало вернуться за дальнейшими инструкциями, но генерал Рошер дал ему понять, что он должен быть готов немедленно, быть может завтра же, выехать из Парижа.

С чувством огромного облегчения он спешил домой, чтобы поделиться новостью с д'Арно. Наконец-то и он будет что-нибудь значить в мире. Будет зарабатывать деньги и, что еще лучше, будет путешествовать и ездить по свету.

Он еще с порога прокричал д'Арно радостную весть. Но д'Арно не был доволен.

— Вас, очевидно, радует, что вы уезжаете из Парижа и что мы целыми месяцами не будем видеться, Тарзан, — вы неблагодарное животное! — и д'Арно расхохотался.

— Нет, Поль. Я только ребенок. У меня новая игрушка, и я горд необычайно.

Итак, на следующий день Тарзан выехал из Парижа в направлении на Марсель и Оран.

VII

ТАНЦОВЩИЦА ИЗ СИДИ-АИССЫ

Первая миссия Тарзана не обещала быть ни особенно увлекательной, ни особенно важной. Был некий лейтенант в армии спаги, которого правительство подозревало в сомнительного рода сношениях с одной из великих европейских держав. Лейтенант Жернуа, недавно назначенный в Сиди-бель-Абесс, был перед тем прикомандирован к генеральному штабу, и тогда через его руки проходили чрезвычайно ценные, с военной точки зрения, материалы. Вот из-за этих-то материалов, как предполагали, великая держава старается установить с ним сношения.

Совершенно случайный намек, оброненный одной популярной парижанкой в ревнивую минуту, навлек подозрение на лейтенанта. Но генеральные штабы так тщательно охраняют свои тайны, а предательство — проступок такой серьезный, что в таком деле нельзя пренебрегать и намеком. И вот почему Тарзан попал в Алжир под видом американца-охотника, с тем чтобы не спускать с лейтенанта Жернуа глаз.

Он с радостью думал о том, что снова увидит любимую Африку, но северная часть этого континента так мало напоминала родные тропические джунгли, что он также мало испытал эмоций возвращения на родину, как если бы вернулся в Париж. В Оране он бродил весь день по узким извилистым улочкам арабского квартала, любясь незнакомыми картинами. Следующий день застал его уже в Сиди-бель-Абесс, где он вручил военным и гражданским властям свои рекомендательные письма, в которых не было ни намека на настоящую цель его приезда.

Тарзан достаточно хорошо владел английским языком, чтобы среди арабов и французов сойти за американца, а больше ничего не требовалось.

Встречаясь с англичанами, он говорил по-французски, чтобы не выдать себя, а иногда говорил по-английски и с иностранцами, знающими язык, но не настолько, чтобы уловить недостатки произношения.

Тут он познакомился со многими из французских офицеров и скоро сделался их любимцем. Встретился он и с Жернуа, угрюмым диспептиком, лет около сорока, мало поддерживающим общение с товарищами.

В течение месяца не было никаких событий. Жернуа, по-видимому, не принимал никаких посетителей, а когда бывал в городе, встречался только с людьми, в которых даже при самом пылком воображении нельзя было усмотреть агентов иностранной державы. Тарзан начинал уже надеяться, что слухи были ложны, как вдруг Жернуа получил приказ перебраться далеко на юг в Бу-Саад в Малой Сахаре.

Малый отряд спаги с тремя офицерами должен был прийти на смену ранее стоявшему. По счастью один из прежних офицеров, капитан Жерар, сильно подружился с Тарзаном, и потому заявление последнего, что он отправится с ними в Бу-Саад, где думает поохотиться, не вызвало ни малейшего подозрения.

В Буире отряд оставил поезд и конец дня провел уже в седлах. Пока Тарзан в Буире торговал себе лошадь, он поймал устремленный на него взгляд человека в европейском платье, стоявшего в дверях туземной кофейни, но как только Тарзан обратил на него внимание, человек отвернулся и вошел в низкую сводчатую комнату, и если бы не навязчивое впечатление, что в лице или фигуре есть что-то ему знакомое, Тарзан больше о нем и не вспомнил бы.

Переход до Омаля утомил Тарзана, его верховая езда ограничивалась пока уроками в парижском манеже, а потому он сильно обрадовался комфортабельной комнате и кровати в отеле Гресля, тогда как офицеры и солдаты расположились в зданиях военного поста.

Хотя Тарзана на другой день разбудили рано, но спаги уже выступили, когда он только начинал свой завтрак. Он торопливо допивал кофе, чтобы солдаты не успели слишком далеко уйти вперед, когда взгляд его упал на дверь смежного со столовой бара.

К его удивлению, он увидел Жернуа, разговаривающего с незнакомцем, которого Тарзан видел накануне у дверей кофейни в Буире. Ошибки быть не могло, потому что нечто знакомое чувствовалось в нем и сейчас, хотя он и стоял спиной к Тарзану.

Пока он смотрел на них, раздумывая, Жернуа поднял глаза и уловил внимательное выражение на лице Тарзана. В это время

иностранец что-то говорил шепотом, но Жернуа перебил его, и они оба разом повернули и скрылись из виду.

То был первый подозрительный факт, связанный с Жернуа, замеченный Тарзаном. Но было совершенно ясно, что оба человека вышли из бара только потому, что Жернуа заметил взгляд Тарзана. А тут еще это неотвязчивое впечатление чего-то знакомого — оно только увеличивало уверенность Тарзана в том, что тут будет над чем понаблюдать.

Через минуту Тарзан вошел в бар, но ни там, ни на улицах не было и следов двух человек, а между тем Тарзан, прежде чем пуститься догонять отряд, уже значительно ушедший вперед, побывал во всевозможных магазинах и на базарах. Он догнал отряд только у Сиди-Аиссы вскоре после полудня, когда солдаты остановились на час на привал. Он нашел Жернуа при отряде, но иностранца не было видно.

В Сиди-Аиссе был торговый день. Многочисленные караваны верблюдов, стягивающихся из пустыни, толпы шумных арабов на рыночных площадях, — все это вызывало в Тарзане страстное желание задержаться здесь на один день, чтобы ближе присмотреться к этим сынам пустыни. И отряд спаги ушел в этот день в направлении на Бу-Саад без него.

До темноты он бродил по базарам в сопровождении юного араба, по имени Абдул, рекомендованного ему содержателем постоялого двора в качестве надежного слуги и переводчика.

Здесь Тарзан купил лошадь лучше той, которую приобрел в Буире, и, разговорившись со стройным арабом, продававшим ее, узнал, что он Кадур бен Саден, шейх племени, кочующего в пустыне далеко к югу от Джельфы. Через посредство Абдула Тарзан пригласил шейха отобедать с собой. Когда они втроем пробирались в толпе торговцев, верблюдов, мулов и лошадей, заполняющих рынок и оглашающих его всевозможными звуками и голосами, Абдул потянул Тарзана за рукав:

— Оглянись, господин, — и он пальцем указал на фигуру, которая скрылась за каким-то верблюдом как только Тарзан обернулся. — Он ходил за нами следом все время после обеда, — пояснил Абдул.

— Я успел только заметить араба в темно-синем бурнусе и белом тюрбане, — отвечал с сомнением Тарзан. — Ты его имеешь в виду?

— Да, я подозреваю его, потому что он здесь, очевидно, чужой, и у него нет никакого другого дела, как только следить за нами, чем

никогда не занимают честные арабы; и потом — он закрывает всю нижнюю часть лица, видны одни только глаза. Он, наверное, дурной человек, иначе он знал бы чем заняться.

— Ну, значит, он попал на неверный след, Абдул, — успокоил его Тарзан, — потому что здесь нет никого, кто мог бы желать мне зла. Я в первый раз в вашей стране, и никто здесь не знает меня. Он скоро убедится в своей ошибке и перестанет сопровождать нас.

— Если только он не замышляет грабежа, — возразил Абдул.

— Тогда единственное, что мы можем сделать, это выждать, пока он запустит руку, — засмеялся Тарзан. — И я ручаюсь, что он пресытится грабежом раз навсегда, раз мы предупреждены. — С этими словами он перестал думать о незнакомце, не подозревая, что через несколько часов, и при самых неожиданных обстоятельствах, ему придется вспомнить о нем.

Кадур бен Саден, плотно пообедав, простился со своим хозяином. С полными достоинства заверениями дружбы он приглашал Тарзана навестить его в его пустынных владениях, где столько антилоп, оленей, кабанов, пантер и львов, что самый ярый охотник останется доволен.

После его ухода человек-обезьяна, вместе с Абдулом, снова отправился бродить по улицам Сиди-Аиссы и скоро был привлечен диким грохотом каких-то медных инструментов, раздающимся из одного из многочисленных «мавританских» кафе. Было часов восемь и танцы были в полном разгаре, когда Тарзан вошел. Комната была битком набита арабами. Все они курили и пили густой, горячий кофе.

Тарзан и Абдул разыскали место в центре комнаты, хотя любящий тишину человек-обезьяна предпочел бы устроиться где-нибудь в стороне, подальше от музыкантов, производящих невероятнейший шум на своих арабских барабанах и рожках. Танцевала довольно хорошенькая девушка, которая, обратив внимание на европейца и рассчитывая на щедрую благодарность, перебросила ему через плечо шелковый платочек, за что получила франк.

Когда ее место заняла другая девушка, быстроглазый Абдул заметил, что первая остановилась с двумя арабами в конце комнаты, возле боковой двери, ведущей во внутренний двор, в котором на галерее, его окружающей, были расположены комнаты девушек, танцующих в кафе.

Вначале он не придавал этому значения, но потом уголком глаза подметил, что один из мужчин кивнул в их сторону, а девушка обернулась и украдкой глянула на Тарзана. Потом арабы перешагнули порог и потонули во мраке двора.

Когда снова дошла очередь до той же девушки, она танцевала близко около Тарзана и дарила ему самые нежные улыбки. Угрюмо косились на высокого европейца смуглые, темноглазые сыны пустыни, но на Тарзана, видимо, не действовали ни улыбки, ни злые взгляды.

Девушка снова перебросила платочек ему на плечо и снова получила франк. Приложив его ко лбу, по обычаю ее сестер, она низко нагнулась возле Тарзана и быстро прошептала ему на ухо ломаным французским языком:

— Во дворе есть два человека, которые хотят причинить зло мсье. Я сначала обещала им заманить вас, но вы были добры ко мне, и я не могу этого сделать. Уходите скорее, пока они не заметили, что я выдала их вам. Они, наверное, дурные люди.

Тарзан поблагодарил девушку, уверил ее, что будет осторожен, и, окончив свой танец, она через маленькую дверь исчезла во дворе. Но Тарзан не ушел из кафе, как она его просила.

Следующие полчаса все шло спокойно, потом в кафе вошел с улицы мрачного вида араб. Он остановился возле Тарзана и начал делать бесцеремонные и оскорбительные замечания по адресу европейцев, но так как он говорил на своем родном языке, Тарзан абсолютно ничего не понимал, пока Абдул не взялся просветить его.

— Этот человек хочет затеять ссору, — предупредил Абдул. — Он не один, да в сущности, в случае стычки, все были бы против вас. Лучше уйти спокойно, господин.

— Спроси этого человека, что ему нужно? — приказал Тарзан.

— Он говорит, что собака-христианин оскорбил девушку, которая ему принадлежит. Он ищет ссоры.

— Скажи ему, что я не оскорбил ни его девушку и никакую другую, пусть он уйдет и оставит меня в покое. Мне не из-за чего ссориться с ним, и ему со мной тоже.

— Он говорит, — повторил Абдул, — передав слова Тарзана, — что вы сами собака, и сын собаки, а бабушка ваша — гиена. А между прочим — вы лжец.

Инцидент уже начал привлекать внимание окружающих, и взрыв хохота, которым был встречен этот поток ругательств, достаточно показал, на чьей стороне симпатии аудитории.

Тарзан не любил, когда над ним смеются, не нравились ему и выражения, употребленные арабом, но он не проявил никаких признаков гнева и спокойно поднялся со своего места. На губах у него играла полуулыбка, но вдруг сильный кулак опустился на лицо хмурого араба.

Как только человек упал, с полдюжины юрких его соотечественников влетели в комнату с улицы, где, очевидно, поджидали своей очереди. С криками: «Смерть неверному!» и «Долой собаку-христианина!» они бросились прямо на Тарзана.

Несколько арабов помоложе, из бывших в комнате, тоже вскочили на ноги, чтобы присоединиться к нападающим на безоружного белого. Тарзана и Абдула массовым напором отбросили в конец комнаты. Юный араб остался верен своему господину и сражался рядом с ним с ножом в руке.

Страшными ударами человек-обезьяна сбивал с ног каждого, приближавшегося к его мощным рукам. Он боролся спокойно и не произнося ни одного слова, а на губах у него играла та же улыбка, с какой он встал и нанес удар оскорбившему его. Казалось невероятным, чтобы он или Абдул могли уйти живыми от этого моря разъяренных людей, размахивающих саблями и кинжалами, но многочисленность нападающих отчасти служила защитой. Толпа, вопящая и кипящая, сбилась так тесно, что невозможно было пустить в ход оружие, и никто из арабов не решался стрелять, чтобы не ранить своих.

Наконец, Тарзану удалось свалить одного из самых настойчивых противников. Быстрым движением он обезоружил беднягу и затем, держа его перед собой, в качестве щита, медленно начал отступать вместе с Абдулом по направлению к двери, ведущей во внутренний двор. На пороге он остановился и, подняв над своей головой выбивающегося араба, бросил его с силой заряда, вылетевшего из орудия, в лицо своих преследователей.

Тарзан и Абдул проникли во двор. Перепуганные танцовщицы прижались в конце лестницы, ведущей к их комнатам. Двор освещался только свечами, которые каждая девушка прилепила к перилам балкона

напротив своей комнаты, чтобы проходящие по двору могли лучше рассмотреть ее прелести.

Не успели Тарзан и Абдул выйти во двор, как тут же, за их спиной, из темноты у одной из лестниц, щелкнул курок, и две закутанные фигуры бросились к ним, продолжая стрелять. Тарзан прыгнул навстречу этим новым противникам. Одна секунда — и противник лежал в грязи, обезоруженный и со сломанной костью. Нож Абдула настиг другого в тот момент, когда он собирался разрядить револьвер в лоб верного араба.

Обезумевшая толпа бросилась теперь из кафе, преследуя добычу. Девушки потушили свечи по данному одной из них знаку, и двор освещался чуть-чуть только светом, выбивающимся из наполовину заслоненной народом двери кафе. Тарзан снял саблю с человека, павшего под ударом ножа Абдула, и теперь стоял, ожидая волну людей, которая мчалась на него из темноты.

Вдруг он почувствовал как легкая рука легла ему на плечо, и женский голос прошептал: «Скорей, мсье, сюда. Следуйте за мной».

— Идем, Абдул, — шепотом позвал Тарзан. — Хуже, чем здесь, быть не может.

Женщина повернула и повела их вверх по узкой лестнице, которая вела к ее комнате. Тарзан шел вслед за ней. Он видел, как блестели золотые и серебряные браслеты на голых руках, золотые монеты на ее головном уборе. Он слышал, как шелестел ее пышный наряд. Он знал, что она одна из танцовщиц, и инстинктивно чувствовал, что это та самая, которая раньше прошептала ему на ухо предостерегающие слова.

Поднимаясь по лестнице, они слышали, как ищет их во дворе сердитая толпа.

— Они скоро начнут свои поиски здесь, — шепнула девушка. — Не надо, чтобы они нашли вас, потому что в конце концов они все-таки убьют вас, хотя вы боретесь за десятерых. Спешите! Вы можете выпрыгнуть на улицу из окна моей комнаты. Пока они сообразят, что вас нет внутри здания, вы уже будете в безопасности у себя в отеле.

Но не успела она закончить, как несколько человек уже бросились на лестницу, на которой они стояли. Раздался торжествующий крик. Их открыли. Толпа стремительно бросилась на лестницу. Первый

взбежал быстро вверх, но там его встретил меч, на который он не рассчитывал: добыча раньше не была вооружена.

С криком нападающий упал назад на тех, кто поднимался сзади; как булавки, посыпались они вниз. Старое и расшатанное строение не могло выдержать необычную нагрузку и раскачивание. С треском и стуком ломающегося дерева лестница обломилась под арабами, и только Тарзан, Абдул и девушка остались наверху, на узенькой площадке.

— Идем! — крикнула девушка. — Они поднимутся по соседней лестнице. Нельзя терять ни минуты.

Но как только они вошли в комнату, Абдул услышал со двора крик, что нужно спешить на улицу и отрезать им путь.

— Мы пропали, — просто сказала девушка.

— Мы? — переспросил Тарзан.

— Да, мсье, — отвечала она. — Они убьют и меня. Ведь я помогла вам.

Дело принимало новый оборот. До сих пор Тарзан наслаждался возбуждением опасности стычки. Он ни минуты не подозревал, что Абдул или девушка могут пострадать, разве случайно. Бежать он думал только в том случае, если не будет никакой надежды спастись иначе.

Один он мог бы спрыгнуть на этот клубок людей и разметать их так, как это делает Нума-лев: он так озадачил бы арабов, что ускользнуть было бы не трудно. Теперь он должен прежде всего позаботиться об этих двух верных друзьях.

Он подошел к окну, выходящему на улицу. Еще миг и враги появятся внизу. Слышен уже топот ног на соседней лестнице, они будут здесь в одну минуту. Он облокотился на подоконник и выглянул, но посмотрел не вниз, а вверх. Над ним была видна крыша строения, за которую можно было ухватиться рукой. Он подозвал девушку. Она подошла и стала возле него. Он обнял ее рукой и перекинул через плечо.

— Подожди, пока я вернусь за тобой, — сказал он Абдулу, — а пока придвинь к этой двери все, что найдешь в комнате. Это их немного задержит. — Затем он поднялся на узкий подоконник, придерживая девушку у себя на плече. — Держись крепче, —

предупредил он ее, и с гибкостью и ловкостью обезьяны он полез на крышу.

Посадив девушку, он тихо окликнул Абдула. Юноша подбежал к окну.

— Дай руку, — шепнул Тарзан.

Внизу, в комнате, толпа колотила в дверь. Вдруг дверь разлетелась в щепки, и в то же мгновение Абдул как перышко взвился вверх. Все это было сделано как раз вовремя, потому что в то время, как толпа с лестницы ворвалась в комнату, несколько десятков человек обогнули угол улицы и прибежали под окно комнаты.

VIII

БОЙ В ПУСТЫНЕ

Сидя, поджав ноги, на крыше, они слышали, как ругались арабы в комнате. Абдул время от времени переводил Тарзану их слова.

— Они винят тех, внизу, что они выпустили нас. А те отвечают, что мы не прыгали вниз, что мы еще внутри здания, но что верхние — трусливы, боятся напасть на нас и поэтому уверяют их, что мы убежали. Еще немножко — и там начнется общая потасовка.

Вскоре те, что были в комнате, перестали искать и вернулись в кафе. Несколько человек остались на улице, курили и беседовали.

Тарзан обратился к девушке, благодаря ее за жертву, которую она принесла ему — чужестранцу.

— Вы мне понравились, — просто ответила она. — Вы не похожи на тех, кто бывает всегда в кафе. Вы не говорили со мною грубо и в том, как вы бросили мне деньги, не было ничего обидного.

— Что вы будете делать теперь? — спросил он. — Вам нельзя вернуться в кафе. Можно ли вам без риска остаться в Сиди-Аиссе?

— Завтра все забудется, — возразила она. — Но я рада была бы никогда не возвращаться в кафе, ни в это, ни в другое. Я была там не по собственному желанию, а потому, что меня захватили силой и держали как пленницу.

— Как пленницу! — недоверчиво воскликнул Тарзан.

— Рабыню, пожалуй, — это вернее, — отвечала она. — Меня выкрала ночью из douag'a^[4] отца шайка грабителей. Они привезли меня сюда и продали арабу, который держит это кафе. Прошло уже больше двух лет, как я не видела никого из близких. Они далеко на юге и никогда не бывают в Сиди-Аиссе.

— Вы хотели бы вернуться к своим? — спросил Тарзан. — Тогда я обещаю доставить вас, по крайней мере, в Бу-Саад. Там вы, вероятно, сможете выхлопотать, чтобы комендант отправил вас дальше!

— О, господин! — воскликнула она, — как мне благодарить вас? Неужто вы сделаете так много для простой бедной танцовщицы? Но отец мой может вознаградить вас и, наверное, вознаградит, — разве он не великий шейх? Его зовут Кадур бен Саден.

— Кадур бен Саден! — изумился Тарзан, — да ведь Кадур бен Саден сейчас здесь, в Сиди-Аиссе. Он обедал со мной несколько часов тому назад.

— Отец мой здесь? — воскликнула пораженная девушка. — Хвала Аллаху! Я в самом деле спасена!

— Тсс! — предупредил Абдул. — Слушайте!

Снизу доносились голоса, совершенно отчетливые в ночном воздухе.

Тарзан снова не понимал, но Абдул и девушка переводили.

— Они ушли, — сказала последняя. — Это все было из-за вас. Один сказал, что иностранец, который обещал деньги за то, чтобы вас убили, лежит в доме Ахмета дин Сулефа с переломанной кистью, но обещает еще большую награду, если они устроят засаду на дороге в Бу-Саад и убьют вас.

— Вот он-то и следил за нами на рынке сегодня, — торжествовал Абдул. — И позже я видел его в кафе вместе с другими, и они ушли во двор, поговорив вот с этой девушкой. Они-то напали на нас и стреляли, когда мы выбежали из кафе. Почему они хотят убить вас, мсье?

— Не знаю, — отвечал Тарзан и, помолчав: — разве что, — но он не закончил, потому что его предположение как будто могло дать ключ к разрешению тайны, но в то же время казалось совершенно невероятным.

Люди на улице разошлись. Двор и кафе опустели. Тарзан осторожно нагнулся к окну комнаты девушки. В комнате не было никого. Он вернулся на крышу и спустил Абдула, потом передал ему на руки молодую девушку. С подоконника Абдул спрыгнул на улицу, а Тарзан взял девушку на руки и спрыгнул, как не раз прыгал в родных лесах с ношей на руках.

Девушка слегка вскрикнула, но Тарзан опустился на улицу совсем мягко и поставил ее на ноги невредимой.

Она на минуту прижалась к нему.

— Какой мсье сильный и ловкий! Он не уступает даже el adrea — черному льву.

— Хотел бы я встретиться с вашим el adrea, — сказал Тарзан. — Я так много слышал о нем.

— Если вы придете в douar к моему отцу, вы его увидите, — объявила девушка. — Он живет на вершине горы, к северу от нас, и по

ночам спускается вниз из своего логова, чтобы грабить стада моего отца. Одним ударом своей сильной лапы он сносит череп быку, и горе запоздалому путнику, который повстречается с el adrea ночью.

Они добрались до гостиницы без дальнейших приключений. Заспанный хозяин долго отказывался организовать поиски Кадур бен Садена раньше утра, но при виде золотой монеты его точка зрения изменилась, и, спустя несколько минут, слуга отправился в обход небольших туземных гостиниц, где, как можно было рассчитывать, шейху пустыни легче было найти компанию по душе. Тарзан считал необходимым найти отца девушки тотчас, так как боялся, чтобы он не пустился в путь слишком рано поутру.

Они ждали не более получаса, как посланный вернулся с Кадур бен Саденом. Старый шейх вошел в комнату с недоумевающим выражением на гордом лице.

— Господин оказал мне честь... — начал он, и вдруг его взгляд упал на девушку. Он бросился к ней через комнату с протянутыми руками. — Дочь моя! — крикнул он, — аллах милосерден! — и слезы затуманили мужественные глаза старого воина.

Когда Кадур бен Саден выслушал рассказ о похищении девушки и о ее спасении, он протянул Тарзану руку.

— Все, что имеет Кадур бен Саден, — все твое, друг мой, и сама его жизнь тоже, — сказал он просто, но Тарзан знал, что это не пустые слова.

Было решено немного поспать и выехать рано утром и попытаться проделать весь путь до Бу-Саада в один день. Для мужчин это было относительно не трудно, но для девушки путешествие, конечно, будет утомительно.

Но она-то больше всего и настаивала, чтобы ехать как можно раньше, — так ей хотелось поскорей увидеть семью и друзей, от которых она была оторвана более двух лет.

Тарзану казалось, что не успел он закрыть глаза, как его уже разбудили, а через час отряд уже двигался в направлении к югу, по дороге на Бу-Саад. Первые несколько миль дорога была хорошая, и они быстро продвигались вперед. Потом началась песчаная пустыня, и лошади глубоко вязли в песке. Кроме Тарзана, Абдула, шейха и его дочери, с ними ехали четверо арабов из племени шейха, сопровождавшие его в Сиди-Аиссу. Итого, семь ружей, — бояться

дневного нападения было нечего, а если все будет идти хорошо, к ночи они будут уже в Бу-Сааде.

Сильный ветер гнал им навстречу летучий песок пустыни, и губы у Тарзана пересохли и потрескались. То, что он видел вокруг, было далеко не привлекательно, — огромное пространство волнообразной земли, с небольшими голыми холмиками и кое-где рассеянными группами жалких кустарников. Далеко к югу виднелись смутные очертания гор Сахары. Как мало это похоже, думал Тарзан, на прекрасную Африку его юных лет!

Абдул, всегда настороже, посматривал назад не реже, чем вперед. Вверху каждого холмика, на который ему приходилось подниматься, он придерживал коня и тщательно осматривал расстилающееся перед ним пространство. Наконец, его бдительность была вознаграждена.

— Взгляните! — крикнул он. — Шесть всадников едут за нами!

— Ваши вчерашние приятели, очевидно, мсье, — сухо сказал Тарзану Кадур бен Саден.

— Несомненно, — ответил человек-обезьяна. — Я очень жалею, что мое присутствие делает небезопасным ваше путешествие. В ближайшем селении я задержусь и осведомлюсь у этих джентльменов о том, что им нужно. Мне нет необходимости быть в Бу-Сааде непременно сегодня, но я не вижу оснований, почему бы вам не продолжать свой путь вполне спокойно.

— Если вы остановитесь, остановимся и мы, — возразил Кадур бен Саден.

— Пока вы не будете в безопасности со своими друзьями, или пока враг не перестанет преследовать вас, мы будем с вами. Об этом нечего больше говорить.

Тарзан только кивнул головой. Он не тратил слов попусту, и, может быть, потому отчасти Кадур бен Саден так привязался к нему, — араб больше всего на свете презирал болтливых людей.

Весь день Абдул не переставал посматривать на всадников, едущих сзади. Они оставались все время на одном и том же расстоянии, не приближаясь даже во время случайных остановок или большого полуденного отдыха.

— Они ждут наступления темноты, — говорил Кадур бен Саден.

И мрак спустился на землю раньше, чем отряд шейха с Тарзаном успел добраться до Бу-Саада. Последний раз, когда перед тем как

стемнело, Абдулу удалось рассмотреть мрачные, одетые в белое фигуры, сопровождающие их, они быстро нагоняли расстояние, отделявшее их от намеченной добычи. Он шепотом, чтобы не испугать девушку, сообщил об этом Тарзану, и человек-обезьяна придержал коня.

— Поезжай вперед с другими, Абдул, — сказал он. — Этот спор касается только меня. Я подожду в первом подходящем месте и порасспрошу этих господ.

— Тогда и Абдул будет ждать с вами, — заявил юный араб, и ни угрозы, ни приказания не могли заставить его отказаться от своего решения.

— Ну, хорошо, — согласился Тарзан. — Вот место, лучше которого и желать трудно, — эти скалы наверху холма. Мы спрячемся здесь и напомним о себе этим господам, когда они появятся.

Они отвели лошадей и спешили. Остальная группа уже скрылась из виду в темноте. Впереди внизу мерцали огоньки Бу-Саада. Тарзан вынул ружье из чехла и отстегнул кобуру револьвера. Он приказал Абдулу отодвинуться за скалы вместе с лошадьми, чтобы быть под прикрытием, в случае если неприятель откроет огонь. Юный араб сделал вид, что повинуется, но, привязав хорошенько лошадей к низкому кустарнику, он приполз обратно и лег на живот в нескольких шагах от Тарзана.

Человек-обезьяна стоял, выпрямившись, на середине дороги, выжидая. Впрочем ждать пришлось недолго. Топот скачущих лошадей сразу вырвался снизу, из темноты, и вслед за этим Тарзан различил движущиеся пятна более светлого оттенка, вырисовывающиеся на фоне ночного мрака.

— Стой! — закричал он. — Или мы будем стрелять.

Белые фигуры сразу стали, и несколько мгновений царило полное молчание.

Потом — совещание шепотом, и призрачные всадники, как духи, рассеялись в разные стороны. Снова вокруг одна немая пустыня, но в зловещем безмолвии ее чувствуется опасность.

Абдул поднялся на одно колено. Тарзан насторожил тренированные в джунглях уши и скоро расслышал топот тихо приближающихся лошадей, — с востока, запада, севера и юга, — их окружали. Потом раздался выстрел оттуда, куда он смотрел, пуля просвистела у него над

головой, и он выстрелил по тому же направлению, где при выстреле вспыхнул огонек.

Тотчас трескотня ружей дробью рассыпалась в беззвучной пустыне.

Абдул и Тарзан стреляли только тогда, когда вспыхивали огоньки ружей: они все еще не видели своих врагов. Скоро обнаружилось, что атакующие стягивают круг, сближаясь все больше и больше, по мере того, как начинали понимать, как малочислен противник.

Но один подошел слишком близко. Тарзан не даром привык изоощрять зрение во мраке лесной ночи — большего мрака по эту сторону могилы быть не может; раздался крик — и одно седло опустело.

— Шансы начинают уравниваться, Абдул, — со смехом произнес Тарзан вполголоса.

Но шансы были далеко еще не равны, и когда пять оставшихся всадников по данному сигналу повернули и устремились прямо на них, казалось, что бою сейчас наступит конец. Тарзан и Абдул оба бросились к скале, чтобы враг не мог обойти их сзади. Дикий топот скачущих лошадей, град выстрелов с обеих сторон. Потом арабы снова отъехали назад, чтобы повторить тот же маневр, но на этот раз их было уже только четверо против двоих.

Несколько минут ни одного звука не доносилось из окружающего мрака.

Тарзан не знал, значит ли это, что арабы, удовлетворившись понесенными потерями, отказались от боя, или же они решили перехватить их дальше по дороге к Бу-Саад. Он недолго оставался в неведении; вскоре донеслись звуки новой атаки, но не успел прогреметь первый выстрел, как позади арабов раздалось до дюжины выстрелов. В шум их стычки влились голоса нового отряда и топот ног большого числа лошадей, скачущих по дороге со стороны Бу-Саада.

Арабы не стали выжидать, чтобы установить, кто спешит на место боя. Выпустив последний залп, они промчались мимо Тарзана и Абдула и ускакали по дороге в направлении на Сиди-Аиссу.

Спустя несколько минут примчался Кадур бен Саден со своими людьми.

Старый шейх был очень обрадован, когда убедился, что Тарзан и Абдул не получили ни единой царапины. Даже ни одна из лошадей не

была ранена. Они разыскали двух человек, павших под выстрелами Тарзана и, убедившись в том, что они мертвы, оставили их на месте.

— Почему вы не сказали мне, что решили подстеречь этих молодцов? — спросил шейх обиженным тоном. — Мы бы со всеми расправились, если бы встретили их всемером.

— Тогда незачем было бы и останавливаться, — возразил Тарзан, — потому что, продолжай мы свой путь на Бу-Саад, они настигли бы нас теперь, и всем пришлось бы участвовать в бою. Мы для того-то и задержались с Абдулом, чтобы не перекладывать на чужие плечи мой собственный спор. Затем, — надо было подумать о вашей дочери. Я не имел права подвергать ее опасности.

Кадур бен Саден пожал плечами. Он был недоволен, что ему помешали принять участие в бою.

Маленькое сражение, разыгравшееся так близко от Бу-Саада, привлекло внимание гарнизона. Тарзан и его спутники встретили отряд солдат у самого города. Офицер, командовавший отрядом, остановил их и спросил, что значила донесшаяся к ним стрельба.

— Кучка мародеров, — объяснил Кадур бен Саден, — напала на двоих из моих друзей, случайно отставших, но быстро рассеялась, как только мы поспешили на помощь. Грабители потеряли двух человек убитыми. В моем отряде никто не пострадал.

Объяснение, по-видимому, удовлетворило офицера, и, переписав членов отряда, он повел своих людей на место стычки, чтобы забрать убитых и, если окажется возможным, установить их личности.

Через два дня Кадур бен Саден с дочерью и спутниками через ущелье Бу-Саад поехали на юг к родным пустыням. Шейх уговаривал Тарзана сопровождать его, и дочь присоединяла свои просьбы к увещаниям отца, но, хотя Тарзан не мог объяснить им, в чем дело, его обязанности при свете происшествий последних дней начали приобретать особо важное значение, и нечего было и думать оставить сейчас свой пост даже на самый короткий срок. Но он обещал им приехать позже, если это будет возможно, и им пришлось довольствоваться таким обещанием.

Последние два дня Тарзан буквально все время проводил с Кадур бен Саденом и его дочерью. Его очень заинтересовала эта раса суровых и полных чувства собственного достоинства воинов, и он пользовался случаем познакомиться, благодаря своим дружеским с

ними отношениям, с их нравами, обычаями, с их образом жизни. Он даже начинал усваивать, при помощи черноглазой девушки, кое-какие слова из нового для него языка.

Он искренне жалел, когда ему пришлось расстаться с ними, и верхом на лошади у входа в ущелье, до которого он доехал с ними, Тарзан долго провожал маленький отряд глазами, пока тот не скрылся из виду.

Вот люди, которые ему по сердцу! Их дикая, суровая жизнь, полная трудов и опасностей, говорила сердцу этого полудикаря гораздо больше, чем все то, что он видел в центрах утонченной культуры, которые он посетил. Эта жизнь имела преимущества даже перед жизнью в джунглях, так как тут он был бы в обществе людей, настоящих людей, которых он мог бы уважать и почитать, и вместе с тем жил бы одной жизнью с дикой природой, которую так любил. В голове у него шевелилась мысль по завершении своей миссии подать в отставку и до конца своей жизни поселиться вместе с племенем Кадур бен Садена.

Повернув своего коня, он медленно поехал обратно в Бу-Саад.

В гостинице «Малая Сахара», где остановился Тарзан по приезде в Бу-Саад, на улицу выходили бар, две столовые и кухня. Обе столовые смежны с баром, причем одна из них предоставлена офицерам местного гарнизона. Стоя в баре, можно при желании видеть то, что делается в обеих столовых.

Проводив Кадур бен Садена и его отряд, Тарзан отправился в бар. Было раннее утро, Кадур хотел уехать подальше за этот день, и, когда Тарзан вернулся, он застал многих еще за завтраком.

Заглянув случайно в офицерскую столовую, Тарзан увидел кое-что, зажегшее огоньки у него в глазах. В столовой сидел лейтенант Жернау; в тот самый момент, когда Тарзан взглянул в дверь, к лейтенанту подошел араб в белой одежде и, нагнувшись, прошептал ему на ухо несколько слов. Затем он вышел в другую дверь. В этом как будто не было ничего странного. Но когда араб наклонился, разговаривая с офицером, и бурнус случайно распахнулся, Тарзан увидел, что у араба левая рука в повязке.

IX

НУМА «ЭЛЬ АДРЕА»

В день, когда Кадур бен Саден уехал на юг, дилижанс с севера привез Тарзану письмо от д'Арно, пересланное из Сиди-бель-Аббеса.

Письмо растравило старую рану, о которой Тарзан старался забыть; и все-таки он не жалел, что получил его, — одна из затронутых в нем тем, во всяком случае, интересовала его по-прежнему.

Вот что писал д'Арно:

«Мой дорогой Жан, со времени моего последнего письма, мне по делам пришлось побывать в Лондоне. Я провел там всего три дня. В первый же день я совершенно неожиданно встретился на улице с вашим старым другом. Вы ни за что не угадаете — с кем. С м-ром Самуэлем Т. Филандером, собственной персоной. Представляю себе ваше удивление. Но это еще не все. Он настоял, чтобы я отправился вместе с ним в отель, и там я увидел остальных: профессора Архимеда К. Портер, мисс Портер и эту огромную черную женщину, служанку мисс Портер, Эсмеральду, если вы припомните. Вскоре после меня пришел Клейтон. Они скоро обвенчаются, очень скоро, извещения можно ждать со дня на день. В виду недавней смерти его отца, свадьба будет скромна, — никого, кроме ближайших родственников.

Пока я был с глазу на глаз с м-ром Филандером, старичок пустился в откровенности. Рассказал мне, что мисс Портер уже трижды откладывала свадьбу под разными предлогами. Он поверил мне, что она, по-видимому, вообще не очень стремится выйти за Клейтона; но на этот раз дело все-таки, очевидно, дойдет до конца.

Разумеется, все осведомлялись о вас, но, считаясь с вашими желаниями в вопросе о вашем происхождении, я говорил только о настоящем положении вещей.

Мисс Портер особенно интересовалась тем, что я рассказывал о вас, и задавала мне много вопросов. Боюсь, я испытывал не великодушное наслаждение, расписывая ваше желание и решение окончательно вернуться в родные джунгли. Позже я пожалел,

потому что ее как будто серьезно встревожила мысль о тех опасностях, которым вы опять будете подвергаться. «И все-таки», — сказала она мне, — «бывают участи более несчастные, чем та, какую готовят мсье Тарзану суровые и страшные джунгли. По крайней мере, совесть у него будет покойна, ему не в чем упрекать себя. И там бывают минуты необычайного покоя и тишины, и есть изумительно красивые места. Вам может показаться странным, если я, пережившая такие ужасы в этих страшных лесах, скажу вам, что временами меня тянет туда, и я не могу забыть, что там я пережила самые счастливые минуты своей жизни».

Когда она говорила это, по лицу у нее разлилось выражение бесконечной грусти, и было ясно: она угадала, что мне известна ее тайна, и выбрала такой способ, чтобы передать вам нежный привет от сердца, еще полного вами, хотя и отданного формально другому.

Клейтон видимо нервничал и смущался, когда заходила о вас речь.

Он выглядит усталым и измученным. Но тем не менее он с интересом расспрашивал о вас. Хотел бы я знать — не подозревает ли он истины?

Вместе с Клейтоном пришел Теннингтон, вы ведь знаете, что они большие друзья. Он скоро отправляется в одно из своих нескончаемых плаваний на своей яхте и уговаривал всех присоединиться к нему. Попытался и меня соблазнить. Думает на этот раз обогнуть Африку. Я сказал ему, что его дорогая игрушка в один прекрасный день отправит на дно морское его самого и кого-нибудь из его друзей, если он не выбросит из головы раз и навсегда, будто она не то броненосец, не то океанский пароход.

Я вернулся в Париж третьего дня и встретил вчера на бегах графа и графиню де Куд. Они справились о вас. Де Куд вас в самом деле очень любит; недоброжелательства не осталось и следа. Ольга хороша по-прежнему, но чуть-чуть укрощена. Мне кажется, за время своего знакомства с вами она получила хороший урок, который пригодится ей в жизни. Счастье ее и де Куд, что попались вы, а не другой, более испорченный человек.

Она просила меня сообщить вам, что Николай уехал из Франции. Она заплатила ему за это двадцать тысяч франков, с тем чтобы он не возвращался. Она рада, что отделалась от него, пока он не успел

привести в исполнение свою угрозу убить вас при первом удобном случае. Она сказала, что ей тяжело было бы, если бы ваши руки были обагрены кровью ее брата, так как она очень любит вас, — и она, не смущаясь, заявила это при графе! По-видимому, она совершенно не допускает возможности другого исхода столкновения между вами и Николаем. И граф в этом с ней согласился. Он добавил, что на то, чтобы убить вас, понадобился бы целый полк Роковых. У него весьма здравый взгляд на вашу доблесть.

Получил приказ вернуться к себе на корабль. Он отплывает из Гавра через два дня; назначение неизвестно. Но письма, адресованные на корабль, будут в конце концов попадать ко мне. Напишу вам, как только представится возможность.

Ваш искренний друг

Поль д'Арно».

— Боюсь, — вполголоса протянул Тарзан, — что Ольга выбросила зря двадцать тысяч франков.

Он несколько раз перечел ту часть письма д'Арно, где тот передает свой разговор с Джэн Портер. Письмо принесло ему радость, близкую к страданию, но все-таки радость.

Следующие три недели протекли совершенно спокойно, без всяких событий. Тарзан несколько раз видел таинственного араба, один раз — снова разговаривающим с лейтенантом Жернуа. Но как ни старался Тарзан проследить, он никак не мог открыть, где проживает араб.

Жернуа, и раньше не особенно дружелюбный, стал еще больше отдаляться от Тарзана со времени эпизода в столовой гостиницы в Омале. Его манера держать себя с Тарзаном в тех редких случаях, когда они сталкивались, была определено враждебна.

В соответствии со своей ролью американца-охотника, Тарзан много времени проводил, охотясь в окрестностях Бу-Саада. Он целыми днями бродил между холмами, надеясь натолкнуться на газелей, но в тех редких случаях, когда подходил достаточно близко к красивым маленьким животным, он неизменно предоставлял им возможность уйти, не делая ни одного выстрела. Человек-обезьяна не находил никакой прелести в том, чтобы убивать только ради самого процесса самых безобидных и беззащитных божьих созданий.

В самом деле, Тарзан никогда не убивал ради удовольствия и не находил удовольствия в убийстве. Он любил только радость честного боя — экстаз победы. Любил и охоту для добывания пищи, при которой он состязался с другими в ловкости и умении. Но выйти из города, где пищи вдоволь, с тем чтобы убить хорошенькую газель с нежными глазами, — это по жестокости хуже предумышленного и хладнокровного убийства человека. Тарзан не стал бы этого делать, а потому он охотился один, чтобы не было свидетелей его уловок.

Однажды, потому, вероятно, что он был один, он едва не лишился жизни. Он ехал медленно небольшим оврагом, когда за спиной раздался выстрел, и пуля пронзила его пробковый шлем. Хотя он сразу повернул и галопом выскочил на край оврага, никаких следов неприятеля не было видно, и до самого Бу-Саада он не встретил ни живой души.

— Да, — размышлял он, вспоминая этот случай. — Ольга, конечно, зря выбросила свои двадцать тысяч.

В этот вечер он обедал у капитана Жерара.

— Охота не очень удачна теперь? — спросил один офицер.

— Да, — отвечал Тарзан. — Дичь здесь боязлива, да я и не большой любитель охотиться на птицу и на антилоп. Я думаю перебраться южнее и попытаться счастья с вашими алжирскими львами.

— Прекрасно! — воскликнул капитан. — Мы выступаем завтра в Джельфу. Мы будем вам попутчиками по крайней мере до тех пор. Лейтенант Жернуа и я получили приказ обследовать один из южных округов, где хозяйничают грабители. Быть может, нам удастся вместе поохотиться на льва — как знать?

Тарзан был очень обрадован и не замедлил сказать это; но капитан сильно изумился бы, если бы знал подлинную причину радости Тарзана. Жернуа сидел против человека-обезьяны. Ему, видимо, совсем не понравилось предложение капитана.

— Охота на львов покажется вам более интересной, конечно, — продолжал капитан Жерар, — чем охота на газелей, но... и более опасной.

— Иногда и охота на газелей бывает не безопасна, — возразил Тарзан. — В особенности, если едешь один. Мне пришлось в этом убедиться сегодня. И я нашел при этом, что газель, пожалуй, самое робкое животное, но зато не самое трусливое.

При этих словах он как бы случайно скользнул взглядом по Жернуа, ему не хотелось, чтобы тот догадался, что его подозревают, что за ним следят; но, с другой стороны, по тому впечатлению, какое это замечание произвело бы на него, можно было бы судить, имеет ли он отношение к случившемуся или нет. Тарзан увидел, как темно-красная волна медленно поползла от шеи к лицу Жернуа. Он был удовлетворен и быстро переменял тему.

Когда отряд выехал на другой день из Бу-Саада, направляясь на юг, в хвосте отряда ехало шесть арабов.

На вопрос Тарзана, Жерар объяснил, что арабы не принадлежат к отряду, а только сопровождают его для компании.

Тарзан за время своего пребывания в Алжире успел достаточно узнать арабов, которые склонны скорее избегать общества чужестранца, в особенности французских солдат. Такое объяснение показалось ему сомнительным, и он решил зорко следить за маленькой группой, сопровождавшей отряд на расстоянии примерно четверти мили. Но арабы не приближались даже во время привалов, и ему не удалось внимательней присмотреться к ним.

Он давно уже убедился, что его преследуют наемные убийцы, и ничуть не сомневался, что виной всему Роков. Мстил ли он за прежние случаи, когда Тарзан разрушал его планы и унижал его, или же он имел какое-нибудь отношение к делу Жернуа, — этого пока Тарзан не мог решить.

Во втором случае, а это казалось весьма правдоподобным, ему придется иметь дело с двумя сильными противниками, а в диких пустынях Алжира, куда они направлялись, нетрудно найти случай, чтобы, спокойно и не привлекая внимания, отделаться от опасного врага.

Простояв в Джельфе два дня, отряд отправился на юго-запад, откуда были получены известия, что грабители нападают на племена, живущие у подножья гор.

Группа арабов, провожавших отряд из Бу-Саада, внезапно исчезла в тот вечер, когда был дан приказ о выступлении утром из Джельфы.

Тарзан расспрашивал кое-кого из солдат, но никто не мог ему сказать, почему они ушли и в каком направлении. Все это ему не нравилось, в особенности из-за того, что он видел, как один из них разговаривал с Жернуа спустя полчаса после того, как капитан Жерар

распорядился о перемене маршрута. Только Жернуа и Тарзан знали новое направление. Солдат же просто предупредили, что лагерь должен свернуться рано утром. Тарзан задавал себе вопрос, не сообщил ли Жернуа арабам, куда они направляются.

Вечером в первый день перехода отряд расположился лагерем в небольшом оазисе, где стоял «дуар» того шейха, у которого грабили скот и убивали пастухов. Арабы вышли из своих палаток из козьих шкур и окружили солдат, задавая им всевозможные вопросы на туземном наречии, так как и солдаты в большинстве были туземцы. Тарзан, при помощи Абдула уже накопивший порядочный запас арабских слов, расспросил одного из молодых арабов, сопровождавших шейха, в то время как шейх выражал свои чувства уважения капитану Жерару.

Нет, он не видел шестерых всадников, едущих со стороны Джельфы. Кругом много оазисов, возможно, что они направились в один из них. Затем, в горах есть грабители, они часто ездят небольшими партиями на север к Бу-Сааду, и даже дальше — до Омаля и Буиры. Возможно, что это и были грабители, возвращавшиеся к своей шайке после увеселительной поездки в какой-нибудь из северных городов.

На следующий день поутру капитан Жерар разбил свой отряд на две части, и командование одной из них поручил лейтенанту Жернуа, командование другой оставил за собой. Оба отряда должны были обыскать два противоположных склона горы.

— С которым из отрядов поедете вы, г. Тарзан? — спросил капитан. — Или, быть может, вы вовсе не хотите охотиться на грабителей?

— Напротив, с удовольствием, — поспешил ответить Тарзан. Он искал предлога, чтобы остаться при отряде Жернуа. Помощь пришла оттуда, откуда меньше всего можно было ожидать, — заговорил Жернуа.

— Если капитан согласится пожертвовать на этот раз удовольствием, которое ему доставляет общество г. Тарзана, то я сочту за честь для себя, если г. Тарзан поедет со мной, — заявил он самым дружелюбным тоном. Тарзан нашел даже, что Жернуа немного переиграл, но, как бы то ни было, удивленный и обрадованный, он поспешил выразить свое согласие.

Вот каким образом Тарзан и лейтенант Жернуа оказались рядом во главе маленького отряда спаги. Любезность Жернуа была недолговечна. Как только отряд капитана Жерара скрылся из виду, он сделался мрачен и угрюм по обыкновению.

По мере того как они подвигались вперед, дорога становилась хуже, постепенно поднимаясь; около полудня она привела их к узкому ущелью. Жернуа приказал расположиться на отдых у небольшого ручейка. Солдаты подкрепились довольно скудной пищей и наполнили водой свои фляжки.

Отдохнув около часа, они двинулись вдоль по ущелью и скоро выехали на небольшую долину, от которой отходило несколько скалистых расщелин. Здесь они задержались, и Жернуа внимательно осмотрел окружающие высоты.

— Здесь мы разделимся, — сказал он, — по каждой из этих расщелин поедет одна партия, — затем он начал делить отряд и давать инструкции сержантам, которые должны были командовать отдельными частями, после того обратился к Тарзану. — Будьте любезны остаться здесь, пока мы не вернемся.

Тарзан запротестовал, но офицер оборвал его.

— Какой-нибудь партии придется, быть может, выдержать стычку, и присутствие гражданских лиц стесняет войска во время действия.

— Но, дорогой лейтенант, — убеждал его Тарзан. — Я охотно буду повиноваться приказаниям и сражаться наряду с другими. Ведь я для этого и поехал с вами.

— Я был бы рад, если бы это было так, — возражал Жернуа с усмешкой, которую он даже не старался замаскировать, и добавил коротко: — Вы под моим началом и останетесь здесь, пока мы не вернемся. Покончим. — И с этими словами он повернулся и ускакал во главе своего отряда. Еще несколько минут — и Тарзан остался один среди безлюдных каменных громад.

Солнце сильно жгло, и он отошел под защиту близстоящего дерева, к которому привязал лошадь, опустил на землю и закурил. В душе он проклинал Жернуа за шутку, которую он с ним сыграл.

— Жалкая месть, — думал Тарзан, но вдруг ему пришло в голову, что Жернуа — не дурак и не станет таким мелочным способом сводить счеты. За этим кроется что-то посерьезнее. С этой мыслью он поднялся и вынул ружье из чехла, осмотрел затворы и убедился, что

ружье заряжено. Потом освидетельствовал свой револьвер. Приняв такие предосторожности, он подробно осмотрел блестящие скалы и те места, где начинались расщелины; он твердо решил не дать застать себя врасплох.

Солнце опускалось все ниже и ниже, но не было никаких признаков возвращения отрядов. Наконец, долина погрузилась во мрак. Тарзан был слишком горд, чтобы возвратиться в лагерь, не дожидаясь возвращения отрядов спаги в долину, где, как он думал, они все должны были съехаться снова. С наступлением темноты он чувствовал себя в большей безопасности. Он привык к мраку. Он знал, что его чувствительный слух вовремя предостережет его, как бы осторожно к нему ни подкрадывались; и видит он ночью хорошо, а обоняние предупредит его задолго, если только враг будет наступать с подветренной стороны.

Считая себя поэтому сравнительно в безопасности, он прислонился к дереву и заснул.

Спал он, должно быть, несколько часов, потому что, когда его разбудил испуганный крик и прыжки лошади, луна заливала светом всю долину, и перед ним, на расстоянии десяти шагов, стояла причина испуга его лошади, — великолепный, величественный Нума «эль адреа» — черный лев, устремивший на свою добычу взгляд огненных глаз. Легкий трепет радости пробежал по нервам Тарзана. Словно двое друзей встретились после долгой разлуки. Мгновение он не шевелился, наслаждаясь прекрасным зрелищем, которое представлял собой царь пустыни.

Но вот Нума пригнулся для прыжка. Тарзан медленно-медленно поднял ружье к плечу. Он до сих пор не убил из ружья еще ни одно крупное животное, раньше он действовал копьем, отравленными стрелами, веревкой, ножом или голыми руками. Инстинктивно он пожалел, что у него нет с собой ни стрел, ни ножа; он чувствовал бы себя уверенней.

Нума теперь совсем приник к земле, только голова приподнималась. Тарзан предпочел бы стрелять немного сбоку, потому что знал, что может наделать лев, если проживет хотя бы две минуты, даже минуту, после того, как пуля попадет в него. Лошадь вся дрожала в ужасе.

Человек-обезьяна осторожно сделал шаг в сторону. Нума проводил его глазами, не двигаясь. Еще один шаг, и еще один. Нума не шевельнулся. Теперь можно целиться между ухом и глазом.

Он нажал курок, и одновременно раздался выстрел, и Нума прыгнул. В этот самый момент перепуганная лошадь сделала отчаянное усилие, привязь лопнула, и лошадь умчалась галопом вниз по ущелью, к пустыне.

Нет человека, который мог бы избежать страшных когтей Нумы, если он прыгнет с такого короткого расстояния, но Тарзан не был обыкновенным человеком. С самого раннего детства жестокие требования жизни приучили его мышцы действовать с быстротой мысли. Как не был проворен «эль адреа», Тарзан был еще проворнее, и огромный зверь, рассчитывая почувствовать под своими лапами мягкое тело человека, ударился ими о твердый ствол дерева, а в это время Тарзан, в нескольких шагах вправо, выпустил еще одну пулю, которая заставила Нуму упасть на бок, храпя и царапая землю когтями.

Тарзан сделал еще два выстрела, один за другим, и «эль адреа» затих. Не было больше г. Жана Тарзана. Тарзан от обезьян поставил ногу на труп убитого хищного врага и, подняв лицо к луне, мощным голосом бросил страшный вызов, боевой клич его рода — обезьяний самец убил свою добычу. И дикие звери в диких горах приостановили охоту и затрепетали при звуке незнакомого страшного голоса, а внизу, в пустыне, дети пустыни вышли из своих палаток из козьих шкур и смотрели на горы, спрашивая друг друга — что за новый дикий зверь угрожает их стадам.

За полмили от долины, в которой стоял Тарзан, несколько одетых в белое фигур, с длинными зловещими ружьями в руках, приостановились, услышав этот крик и вопросительно посмотрели друг на друга. Но крик не повторился больше, и они продолжали молча и тихо продвигаться к долине.

Тарзан окончательно убедился, что Жернуа вовсе не имел намерения возвращаться за ним, но не мог еще уяснить себе, почему офицер бросил его здесь, откуда ему нетрудно вернуться в лагерь. Не имея лошади, он решил, что нелепо оставаться в долине дольше, и направился к ущелью, по которому шла дорога в пустыню.

Не успел он войти в ущелье, как белые фигуры вошли в долину с противоположной стороны. В первый момент они осмотрели

котловину, скрываясь в тени скал, но, убедившись, что нет никого, двинулись вперед.

Под одним из деревьев они наткнулись на труп «эль адреа». С подавленными восклицаниями они обступили его. Еще минута — и они побежали к ущелью, в которое немного раньше вошел Тарзан.

Двигались они бесшумно, стараясь держаться в тени скал, как это делают люди, когда они устраивают облаву на человека.

Х

В ДОЛИНЕ ТЕНЕЙ

Тарзан шел по ущелью в ослепительном сиянии африканской луны, и джунгли звали его и говорили с ним. В безмолвии ночи в пустыне, свободный и одинокий, он жил и ликовал. Он был прежним Тарзаном от обезьян: весь настороженный, чтобы враг не мог захватить врасплох, он шел легкой и гибкой походкой, высоко подняв голову в сознании своей силы.

Ночные голоса гор были незнакомы ему, но он ловил их слухом, как нежные звуки полузабытой любви. Некоторые он угадывал интуитивно, — вот звук совсем знакомый: это кашляет Шита, леопард; только странная заключительная нота вызвала сомнение, — то была пантера.

И вдруг — новый звук, мягкий, приглушенный, вклинился между другими. Из всех людей только человек-обезьяна мог различить его. Не сразу определил его, но, наконец, понял, что это шелест голых ног нескольких человек. Шаги — за ним, неторопливые, спокойные шаги.

Его преследуют.

Так вот почему Жернуа оставил его в долине. Очевидно, арабы задержались и запоздали. Шаги подходили все ближе и ближе. Тарзан приостановился и с ружьем наготове повернулся к ним лицом. Мелькнул белый бурнус. Тарзан окликнул по-французски. В ответ грянул выстрел, и Тарзан от обезьян упал ничком наземь.

Арабы не сразу подбежали к нему; они выждали некоторое время, но так как их жертва не поднималась, они вышли из-за прикрытия и нагнулись над ней. Нетрудно было заметить, что Тарзан жив. Один из арабов приставил дуло ружья к затылку Тарзана, чтобы прикончить его, но другой оттолкнул его. — Награда будет больше, если мы доставим его живым, — напомнил он.

Они связали ему руки и ноги, и четверо арабов понесли его. Они пошли дальше по ущелью, по направлению к пустыне, но, спустившись с гор, повернули к югу и на рассвете подошли к тому месту, где их поджидали лошади под охраной других двух арабов.

Теперь они стали подвигаться быстрее. Тарзана, который пришел в сознание, они привязали к свободной лошади, очевидно, специально припасенной на этот случай. Рана у него была пустая, пуля скользнула по виску. Кровь не шла больше, но лицо и платье были испачканы запекшейся кровью. Он не произнес ни слова с тех пор, как попал в руки арабов; они, со своей стороны, не говорили с ним, если не считать нескольких коротких приказаний.

Часов шесть они ехали быстро по жгучей пустыне, избегая оазисов, мимо которых проезжали. Около полудня они приехали в «дуар», насчитывавший до двадцати палаток. Тут они остановились. Пока один из арабов отпускал веревки из волокон растения альфа, которыми Тарзан был привязан к седлу, толпа мужчин, женщин и детей окружила их. Многие члены племени, женщины в особенности, с видимым удовольствием осыпали пленника бранью, а некоторые осмелели до того, что бросали в него камнями и ударяли палками, как вдруг появился старый шейх.

— Али бен Ахмед говорил мне, — обратился он к толпе, — что этот человек один в горах убил «эль адреа». Чего хочет от него чужеземец, который послал нас за ним, я не знаю, и что он сделает с ним, когда мы передадим его ему, — не мое дело. Но пленник — смелый человек, и пока он в наших руках, с ним должны обращаться с тем уважением, которого заслуживает тот, кто охотится на «большеголового царя» в одиночку и ночью, охотится и — убивает.

Тарзан слышал, что человек, убивший льва, пользуется большим почетом у арабов, и не пожалел, что случай помог ему по крайней мере избавиться от назойливых приставаний толпы.

Вскоре после того его отвели в палатку из козьих шкур у верхнего конца «дуара». Там его накормили и, основательно связав, положили на циновку туземной работы в палатке.

Больше в палатке никого не было. У дверей непрочной темницы сидел страж. Но никаких предосторожностей вообще не требовалось, веревки, связывающие Тарзана, не поддались бы никаким усилиям; даже его железным мышцам невозможно было справиться с ними, он в этом сразу убедился.

Начинало смеркаться, когда несколько человек подошли к палатке и вошли в нее. Все были в арабских бурнусах, но один из них, подойдя к Тарзану, опустил складки, закрывавшие ему нижнюю часть лица, и

человек-обезьяна увидел искаженные злобой черты Николая Рокова. На губах его играла скверная улыбка.

— Ах, мсье Тарзан, — сказал он, — какая приятная неожиданность?.. Но почему вы не встаете и не приветствуете гостя? — Потом, со скверным ругательством: — Вставай, собака! — и, отнеся назад ногу в тяжелом сапоге, он с размаху ударил Тарзана в бок, в голову, опять в бок. — И вот еще, вот еще, еще, — повторял он. — По удару за каждое унижение.

Человек-обезьяна не отвечал, он даже не удостоивал русского взглядом, после того как узнал его. Наконец, вступился шейх, остававшийся некоторое время немым и недовольным свидетелем низкого нападения.

— Довольно! — приказал он. — Убей его, если хочешь, но я не допущу, чтобы в моем присутствии так обращались с храбрым человеком. Я не прочь бы развязать его, — посмотрел бы я тогда, как бы ты ударил его.

Эта угроза сразу подействовала на Рокова, у него не было ни малейшего желания видеть Тарзана освобожденным и попасть в его сильные руки.

— Хорошо, — сказал он арабу, — я скоро убью его.

— Не в пределах моего «дуара», — возразил шейх. — Отсюда он должен уйти живым. Что вы сделаете с ним в пустыне, меня не касается, но я не хочу, чтобы из-за твоей ссоры кровь француза пала на головы моего племени, — сюда пришли бы солдаты, перебили много народу, сожгли наши палатки и угнали наш скот.

— Пусть так, — проворчал Роков, — я заберу его в пустыню позади «дуара» и там покончу с ним.

— Ты увезешь его на день пути от моей земли, — твердо сказал шейх, — и кто-нибудь из моих поедет с тобой, чтобы проследить, как ты выполнил то, чего я требую, иначе — в пустыне останутся трупы двух французов.

Роков содрогнулся. — Ну, так я подожду до утра. Уже темнеет.

— Как знаешь, — сказал шейх. — Но через час после восхода солнца вас не должно быть в «дуаре». Я не очень-то люблю неверных и совсем не люблю трусов.

Роков хотел что-то ответить, но остановился, потому что сознавал, что нужно немного, чтобы шейх обратился против него. Они вместе

вышли из палатки. У выхода Роков не устоял перед искушением и обернулся к Тарзану:

— Высыпайтесь, мсье, и не забудьте хорошенько помолиться, потому что вы умрете завтра в таких мучениях, что вам будет не до молитв.

Никто не позаботился принести Тарзану поесть или напиться, и жажда сильно мучила его. Он спрашивал себя — стоит ли попросить караульщика принести ему воды, но после двух-трех попыток, не получая никакого ответа, отказался от этой мысли.

Далеко в горах раздавался львиный рев. Логовища хищных зверей — более безопасны, чем людские жилища, рассуждал Тарзан. В джунглях за двадцать лет его жизни его ни разу не преследовали так неутомимо, как среди цивилизованных людей, за несколько последних месяцев. Никогда он не бывал там так близок к смерти.

Лев снова заревел, уже ближе. В Тарзане заговорило старое, примитивное желание ответить ему боевым кличем обезьяньего рода. Его рода? Он почти забыл, что он не обезьяна, а человек. Он попробовал высвободиться. Боже, если бы он мог вцепиться в веревки своими крепкими зубами. Он чувствовал, как волна безумия заливает его мозг по мере того, как гаснет надежда на освобождение.

Нума рычит, почти не переставая. Ясно, что он спускается с гор в пустыню на охоту. Так рычит голодный лев. Тарзан завидует ему, ведь он свободен. Никто не свяжет его веревками и не убьет, как овцу. Это-то и раздражает человека-обезьяну. Умереть не страшно, но пережить перед тем унижение поражения, не иметь даже возможности сразиться за свою жизнь...

Теперь около полуночи, думал Тарзан. Ему осталось жить несколько часов. Может быть, он найдет все-таки способ забрать с собой Рокова в неведомый путь. Царь пустыни уже совсем близко. Должно быть, он вынюхивает себе ужин в одном из загонов внутри «дуара».

На некоторое время все затихло, как вдруг тонкое ухо Тарзана уловило звук медленно и осторожно подвигающегося по земле тела, оно приближалось к задней стенке палатки, со стороны гор. Все ближе и ближе. Он напряженно прислушивался, выжидая. Несколько мгновений царило полное безмолвие, странное безмолвие, и Тарзан

удивлялся, что не слышит дыхания зверя, который, наверное, пригнулся к земле у задней стенки палатки.

Вот шевельнулся опять. Подползает ближе. Тарзан поворачивает голову на звук. В палатке темно. Медленно отделяется от земли полотнище палатки, приподнятое головой, потом плечами проникшего в палатку существа. Снаружи проникает теперь в палатку слабый свет, там горят звезды пустыни.

Мрачная улыбка заиграла на губах Тарзана. По крайней мере Роков обманется в ожиданиях. Вот то-то будет взбешен! И смерть все-таки будет легче той, какую придумал бы для него русский.

Полотнище палатки опустилось снова до земли и снова кругом темно, и что-то — неизвестно что — тут, в палатке, вместе с ним. Оно подползает ближе, оно уже рядом. Он закрывает глаза и ждет удара мощной лапы. Повернутого вверх его лица касается мягкая рука, ощупывающая в темноте, и голос девушки едва слышным шепотом называет его по имени.

— Да, это я, — шепчет он в ответ. — Но, во имя неба, кто вы такая?

— Девушка из Сиди-Аиссы, — отзывается она. И Тарзан чувствует, что она старается освободить его. Вот холодная сталь ножа чуть резнула его. Минута — и он свободен!

— За мной! — шепчет она.

На четвереньках выползают они из палатки, тем же путем, каким она пришла. Она ползет дальше, совсем прикинувшись к земле, пока не добирается до кустарника. Тут она поджидает его. Он глядел на нее молча некоторое время, прежде чем заговорить.

— Я не могу понять, — произнес он, наконец, — как вы сюда попали? Откуда вы узнали, что я здесь пленником и в этой палатке? Как могло случиться, что именно вы спасли меня?

Она улыбнулась. — Я проделала большой путь ночью, — сказала она, — и нам предстоит пройти немало. Идем, я расскажу вам дорогой.

Они поднялись и двинулись по направлению к горам.

— Я не была уверена, что вообще доберусь к вам, — говорила она. — «Эль адреа» бродит сегодня вокруг и, когда я слезла с лошади, мне кажется, он почуял меня, я очень боялась.

— Какая смелая девушка, — сказал он. — И все это ради чужеземца, ради неверного?..

Она гордо выпрямилась.

— Я дочь шейха Кадура бен Садена. Я была бы недостойной его дочерью, если бы побоялась рискнуть жизнью для того, чтобы спасти человека, который спас мне жизнь еще в то время, когда считал меня простой танцовщицей.

— И все-таки, — настаивал он, — вы смелая девушка. Но как же вы узнали, что я здесь, в заключении?

— Ахмет дин Тайеб, мой родственник с отцовской стороны, был в гостях у друзей, принадлежащих к тому племени, которое захватило вас. Он был в «дуаре», когда вас привезли. Вернувшись, он рассказывал нам о большом французе, которого захватил Али бен Ахмет для другого француза, чтобы тот мог убить его. По описанию я догадалась, что это вы. Отца не было дома. Я пробовала уговорить кое-кого из мужчин спасти вас, но они не согласились, говоря:

— Пусть неверные убивают друг друга, если хотят. Нас это не касается, а если мы помешаем Али бен Ахмету — начнется распря между нашими племенами.

— И вот, когда стемнело, я выехала одна, прихватив другую лошадь для вас. Они привязаны недалеко отсюда. К утру мы будем в «дуаре» моего отца. Он уже вернется к тому времени, тогда пусть попробуют взять друга Кадура бен Садена!

Несколько минут они шли молча.

— Мы должны быть уже недалеко от лошадей, — проговорила девушка. — Как странно, что я их не вижу.

Немного дальше она остановилась с легким криком огорчения.

— Они ушли! Я здесь их привязала.

Тарзан нагнулся и осмотрел землю. Оказалось, что большой куст вырван с корнем. Потом он заметил еще кое-что. Когда он выпрямился, на лице у него блуждала кривая улыбка. Он повернулся к девушке:

— Здесь был «эль адреа». По некоторым признакам я думаю, что добыча от него ускользнула. На открытом месте им нетрудно было уйти от него, если он их не сразу заметил.

Ничего не оставалось другого, как только продолжать путь пешком. Дорога шла невысокими горными отрогами, но девушка знала путь не хуже, чем лицо матери. Они шли легким, размашистым шагом, Тарзан чуть-чуть позади девушки, стараясь приноровиться к ее шагу. На ходу они перебрасывались замечаниями, а временами останавливались и прислушивались — нет ли погони.

Была прекрасная лунная ночь. Воздух был свежий и бодрящий. Позади расстилалась в бесконечной перспективе пустыня, с черными точками оазисов. На маленьком плодородном клочке, от которого они уходили, купы финиковых пальм и палатки из козьих шкур резко выделялись на желтом песке — призрачный островной рай на призрачном море. Впереди поднимались угрюмые и безмолвные горы. Кровь быстрее заструилась по жилам Тарзана. Вот это жизнь! Он взглянул сверху вниз на девушку, идущую возле него — дочь пустыни вместе с сыном джунглей на мертвой земле! Он улыбнулся при этой мысли. Он хотел бы, чтобы у него была сестра и чтобы она была похожа на эту девушку. Каким бы она была славным и задорным товарищем!

Они вошли в горы и продвигались вперед медленнее, потому что каменистая дорога поднималась круто вверх.

Они примолкли. Девушка думала о том, удастся ли им дойти до «дуара» ее отца раньше, чем их настигнет погоня. Тарзан рад был бы идти так вечно. Если бы она была мужчиной, это было бы возможно. Ему нужен друг, который так же, как и он, любил бы дикую свободную жизнь. Он научился дорожить общением с людьми, но беда его в том, что мужчины, каких он встречал, очевидно, предпочитали, как это ни странно, белоснежное белье первобытной нагоде и свои клубы — джунглям.

Тарзан и девушка только что вышли из-за скалы, которую огибала тропинка, и разом стали. Прямо перед ними, по середине дорожки стоял Нума «эль адреа», черный лев. Зловеще горели его зеленые глаза, и он обнажал зубы, сердито похлопывая себя хвостом по бокам. И вдруг он зарычал страшным, вселяющим ужас рычанием голодного и вместе с тем сердитого льва.

— Нож, — сказал Тарзан, протянув руку. Она вложила рукоятку в его раскрытую ладонь. Зажав его в руке, он потянул ее назад, заслонив собой. — Бегите к пустыне, как можно скорей. Если я позову, значит все хорошо, и вам можно вернуться.

— Бесполезно, — покорно возразила она. — Это — конец.

— Слушайтесь! — приказал он. — Скорей! Он сейчас прыгнет.

Девушка отступила на несколько шагов и остановилась в ужасе перед тем, чему ей придется быть свидетельницей.

Лев медленно приближался к Тарзану, опустив голову и задрав высоко хвост.

Человек-обезьяна стоял, пригнувшись, и длинный арабский нож блестел при свете луны. Дальше вырисовывалась напряженная фигура девушки, неподвижной, как изваяние. Она чуть наклонилась вперед, широко раскрыв глаза, восхищаясь смелостью человека, который решается стоять лицом к лицу с «большеголовым царем», вооруженный только ничтожным ножом. Человек ее народа давно бы уже преклонил колени в мольбе и без сопротивления погиб бы под этими ужасными когтями. Результат будет в обоих случаях один и тот же — это несомненно, но она трепетала от восторга, глядя на героическую фигуру впереди. Ни малейшей дрожи во всем крупном теле — в позе его столько же вызова и угрозы, как у самого «эль адреа». Лев уже совсем близко, в нескольких шагах, вот он присел и с оглушающим ревом прыгнул.

XI

ДЖОН КАЛЬДУЭЛЛ ИЗ ЛОНДОНА

Когда Нума «эль адреа» метнулся, широко раздвинув лапы и выпустив когти, он рассчитывал, что и этот жалкий человек будет такой же легкой добычей, как многие другие, которые раньше попадались ему на пути. Человек, на его взгляд, — неуклюжее, медлительное, незащитное творение, — он не заслуживает уважения.

Но на этот раз оказалось, что судьба свела его с существом, таким же проворным и быстрым, как он сам. Когда тело его ударилось о то место, где только что стоял человек, того там уже не было.

Наблюдающая девушка окаменела от изумления, видя, как легко этот согнувшийся человек ускользнул от страшных когтей. А теперь, о Аллах! Он обежал «эль адреа» раньше, чем зверь успел повернуться, и схватил его за гриву. Лев вздыбился, как лошадь, Тарзан этого, очевидно, ожидал и приготовился. Мощная рука охватила горло зверя под черной гривой, и раз, два, десятки раз острое лезвие вонзилось повыше плеча.

Бешено прыгал Нума, страшным ревом боли и ярости оглашал горы, но не мог сбросить с себя гиганта, уцепившегося сзади, и не мог задеть его ни когтями, ни клыками. Жизнь быстро покидала «большеголового царя». Он был мертв, когда Тарзан от обезьян разжал руки и стал на ноги. И тогда дочь пустыни услышала то, что испугало ее больше, чем даже появление «эль адреа».

Человек поставил ногу на труп убитого зверя и, подняв красивое лицо к луне, испустил самый страшный крик, какой когда-либо долетал до ее ушей.

С легким испуганным возгласом она отшатнулась от него, подумав, что напряжение борьбы свело его с ума. Когда последние отзвуки последних нот боевого клича замерли вдали, человек опустил глаза, и взгляд его остановился на девушке.

Тотчас лицо у него осветилось ласковой улыбкой, свидетельствующей о том, что он вполне здоров, и девушка еще раз облегченно перевела дух и улыбнулась в ответ.

— Что вы за человек? — спросила она. — То, что вы сделали, неслыханно. Я и сейчас не могу поверить, чтобы человек, вооруженный только ножом, мог бороться один на один с «эль адреа» и победить его, оставшись невредимым! А этот нечеловеческий крик!

Тарзан покраснел. — Я забываю иногда, — сказал он, — что я цивилизованный человек. Когда я убиваю, я превращаюсь в другое существо. — Он ничего не прибавил больше, потому что ему всегда казалось, что женщина не может смотреть без отвращения на того, кто так недалеко еще ушел от зверя.

Они вместе продолжали путь. Прошел час после восхода солнца, когда они снова вступили в пустыню, спустившись с гор. Около небольшого ручейка паслись лошади девушки. Они направлялись домой и, успокоившись, начали кормиться.

Тарзан и девушка без труда поймали их и поскакали пустыней к «дуару» шейха Кадур бен Садена.

Не было никаких признаков погони, и часов в девять они спокойно добрались до места назначения. Шейх только что перед тем вернулся. Он был вне себя от горя, не застав дочери, так как думал, что ее опять похитили грабители, и с пятьюдесятью верховыми собирался ехать на поиски, когда Тарзан и девушка въехали в «дуар».

Его радость при виде дочери и благодарность к Тарзану, охранившему ее от всех опасностей этой ночи, были безграничны, также как и удовольствие от того, что она вовремя подросла на помощь человеку, которому уже однажды обязана была жизнью.

Кадур бен Саден не пренебрегал никакими знаками внимания, которые могли бы выразить его уважение и дружеское расположение к человеку-обезьяне. Когда девушка рассказала, как Тарзан убил «эль адреа», его окружила толпа арабов, благоговейно на него взиравших, — трудно было представить себе более верный способ заслужить их уважение и восхищение.

Старый шейх настаивал, чтобы Тарзан оставался у него неопределенное время. Он даже хотел принять его в племя, и одно время человек-обезьяна наполовину решил принять его предложение и остаться жить с этим диким народом, которого он понимал и который понимал его. Его дружба с девушкой немало побуждала его к такому решению.

Будь она мужчиной, рассуждал Тарзан, он не колебался бы, потому что был бы друг ему по душе, с которым он мог бы скакать по пустыне и охотиться вволю. Но сейчас им мешали бы всякие условности, которые соблюдаются дикими кочевниками пустыни строже, чем их более цивилизованными братьями и сестрами городов. А скоро ее выдали бы замуж за одного из этих смуглых воинов, и дружбе их настал бы конец. Он порешил отказаться от предложения шейха, но прогостил у него неделю.

Кадур бен Саден и пятьдесят воинов в белых бурнусах проводили его до Бу-Саада. Перед отъездом их из «дуара» шейха, девушка пришла проститься с Тарзаном.

— Я молилась, чтобы вы остались с нами, — сказала она, когда он, нагнувшись с седла, протянул ей руку, — а теперь я буду молиться, чтобы вы вернулись.

Печально глядели ее красивые глаза, и уголки губ трогательно опустились. Тарзан был тронут.

— Кто знает? — и с этими словами он повернул лошадь и поскакал вслед арабам.

Не доезжая до Бу-Саада, он простился с Кадур бен Саденом и его людьми, потому что хотел возможно незаметнее проникнуть в город. Шейх вполне согласился с ним, когда услышал его мотивы. Арабы должны были въехать первыми, ничего о нем не упоминая, а Тарзан — позже, один, и сразу отправиться на плохонький туземный постоялый двор.

Он добрался туда в сумерках, действительно никем не замеченный. Пообедав с Кадур бен Саденом как его гость, он кружным путем прошел в свой прежний отель, вошел с «черного хода», разыскал хозяина, который был очень изумлен при виде его.

Да, письма есть; он сейчас принесет их. Хорошо, он ничего никому не скажет о возвращении мсье. Он скоро вернулся с пачкой писем. Одно из них заключало в себе приказ отложить свое настоящее дело и спешить в Канштадт первым пароходом, на который удастся попасть. Дальнейшие инструкции он найдет на месте, у другого агента, адрес и имя которого прилагались. Коротко, но ясно. Тарзан принял меры, чтобы выехать из Бу-Саада на следующий день утром. Затем он отправился к капитану Жерару, который, по словам хозяина гостиницы, накануне вернулся в город со своим отрядом.

Он застал этого офицера у себя на квартире. Жерар выразил удивление и искреннее удовольствие, увидев Тарзана живым и невредимым.

— Когда лейтенант Жернуа вернулся и доложил, что не нашел вас на том месте, где вы захотели переждать, пока отряд будет обследовать горы, я очень встревожился. Мы несколько дней обыскивали горы. Потом дошли слухи, что вас растерзал лев. В доказательство нам доставили ваше ружье. Лошадь ваша вернулась в лагерь на другой день после вашего исчезновения. Сомнений быть не могло. Лейтенант Жернуа был убит горем, он считал себя виновным. Он взял на себя руководство поисками, и он же нашел араба с вашим ружьем. Он будет очень обрадован, узнав, что вы живы.

— Вряд ли, — усмехнулся хмуро Тарзан.

— Он сейчас в городе, а то я послал бы за ним, — продолжал капитан Жерар. — Но я сообщу ему, как только он вернется.

Капитан остался в уверенности, что Тарзан заблудился и в конце концов вышел к «дуару» Кадур бен Садена, который и проводил его до Бу-Саада. Тарзан как можно скорее распрощался с офицером и поспешил обратно в город. На постоялом дворе он получил от Кадур бен Садена интересные сведения, касающиеся белого человека с черной бородой, переодевающегося арабом. У него недавно была повреждена кисть руки, некоторое время его не было в Бу-Сааде, но теперь он вернулся. Тарзан узнал, где он скрывается, и направился прямо туда.

Он пробирался ощупью грязными, узкими, совершенно темными проходами и поднялся по расшатанной лестнице, в конце которой была дверь и маленькое окошечко без стекол. Окно было высоко, под самым потолком глинобитного здания. Тарзан едва мог достать до подоконника. Он медленно приподнялся на руках и заглянул внутрь. Комната была освещена, и у стола сидели Роков и Жернуа. Говорил Жернуа.

— Роков, вы — дьявол! Вы преследовали меня, пока я не утратил последние проблески чести. Вы довели меня до убийства, потому что кровь этого человека, Тарзана, на мне. Если бы не то, что другой негодяй, Павлов, тоже знает мою тайну, я сегодня же убил бы вас, вот этими самыми руками.

Роков засмеялся. — Вы бы этого не сделали, дорогой лейтенант, — сказал он. — Как только стало бы известно о том, что я убит, наш милый Алексей немедленно представил бы военному министерству все данные по делу, которое вы так тщательно хотите скрыть, и, сверх того, возбудил бы дело по обвинению вас в убийстве Рокова. Будьте же разумны, я ваш лучший друг. Разве я не защищал вашу честь, как свою собственную?

Жернуа оскалил зубы и выбранился.

— Еще одна небольшая сумма, — продолжал Роков, — и бумаги, какие мне нужны, и, даю вам слово, я не потребую больше от вас ни единого цента и никаких сведений.

— И вполне резонно, — проворчал Жернуа. — У меня не останется больше ни одного цента и никаких стоящих военных сведений. Вы должны бы платить мне за информирование, а не брать у меня деньги.

— Я плачу вам, держа язык за зубами, — возразил Роков. — Однако покончим с этим. Да или нет? Даю вам три минуты на размышление. Если вы не согласитесь, ваше начальство получит сегодня же сообщение, и тогда — участь Дрейфуса, с той только разницей, что Дрейфус пострадал невинно.

Несколько мгновений Жернуа просидел, понуриив голову. Потом поднялся и вынул из кармана две бумаги.

— Вот, — сказал он безнадежно, — я приготовил их, потому что знал, что у меня нет другого выхода, — и протянул их русскому.

Жестокое лицо Рокова просияло злорадной улыбкой. Он схватил бумаги.

— Вы хорошо сделали, Жернуа, — сказал он. — Я больше не стану вас беспокоить, разве если вы накопите еще денег или новые сведения, — и он захохотал.

— Никогда больше, собака! — взвизгнул Жернуа. — В следующий раз я убью вас. Я был близок к этому сегодня. Я целый час сидел у себя за столом с этими двумя бумагами и заряженным револьвером перед собой. Я не знал, что из двух мне захватить с собой. Вы были близки к смерти сегодня, Роков, не искушайте судьбы в другой раз.

Жернуа поднялся, Тарзан едва успел спрыгнуть на площадку и прижаться в тени, подальше от дверей. Двери тотчас распахнулись, вышел Жернуа, за ним Роков. Оба молчали. Жернуа сделал несколько

шагов вниз по лестнице, остановился, повернул и поднялся на несколько ступенек.

Тарзан знал, что его присутствие неизбежно должно быть обнаружено. Роков все еще стоял на пороге комнаты, но смотрел он мимо него, по направлению к Жернуа. Потом офицер, видимо, передумал и снова начал спускаться по лестнице. Тарзан слышал, как Роков облегченно вздохнул. Русский вернулся в комнату и захлопнул дверь.

Тарзан выждал, пока Жернуа не удалился достаточно, толкнул дверь и вошел в комнату. Он был подле Рокова прежде, нежели тот успел подняться со стула, на котором сидел у стола, рассматривая бумаги. Увидав человека-обезьяну, он побледнел, как полотно.

— Вы! — с трудом проговорил он.

— Я! — отвечал Тарзан.

— Что вам надо? — прошептал Роков, не выдержав взгляд человека-обезьяны. — Вы пришли убить меня? Этого нельзя. Они гильотинируют вас. Вы не смеете.

— Я могу убить вас, Роков, — возразил Тарзан, — потому что никто не знает, что вы здесь, никто не знает, что я здесь, а Павлов расскажет, что это сделал Жернуа. Я слышал, как вы это только что говорили. Но для меня это не важно, Роков. Не важно, чтобы не знали, что я вас убил, — за всякую кару я был бы вознагражден тем удовольствием, которое это мне доставило бы. Вы самый презренный трус и негодяй, о каком я когда-либо слышал. Мне было бы очень приятно убить вас. — И Тарзан подошел ближе.

Нервы Рокова были натянуты до последней степени. Он с криком бросился к соседней комнате, но человек-обезьяна настиг его на полпути и свалил на пол. Железные пальцы искали его горла, и трус визжал, как поросенок, которого режут, пока не оборвался голос. Потом человек-обезьяна поднял его на ноги, не переставая душить. Русский тщетно пытался вырваться — он был беспомощным ребенком в мощных руках Тарзана от обезьян.

Тарзан посадил его на стул и задолго до того, как могла бы наступить смерть, разжал пальцы. Когда у Рокова прошел приступ кашля, Тарзан опять заговорил с ним.

— Я дал вам попробовать, что такое смерть, — сказал он. — Но я не убью вас на этот раз. Я щажу вас только ради очень хорошей

женщины, которая имела несчастье родиться от одной матери с вами. Но я щажу вас в последний раз. Если я услышу когда-нибудь, что вы причиняете неприятность ей или ее мужу, если вы будете снова надоедать мне, если я услышу, что вы вернулись во Францию или появились в каких-нибудь французских владениях, я поставлю себе целью разыскать вас и додуть до конца. — После этого он обернулся к столу и взял лежащие на нем бумаги. Роков замер в ужасе.

Тарзан заглянул в бумаги. Он был поражен сведениями, которые в них заключались. Роков успел прочесть кое-что, но Тарзан понимал, что невозможно запомнить цифры, которые, главным образом, и представляли интерес для враждебной державы.

— Это заинтересует генеральный штаб, — сказал он, опуская бумаги в карман.

Роков зарычал, но не решился выбраться вслух. На другой день Тарзан отправился на север — к Буире и Алжиру. Когда он проезжал мимо гостиницы, на веранде стоял лейтенант Жернуа. При виде Тарзана он стал блее мела. Человек-обезьяна охотно избежал бы встречи, но делать было нечего. Поравнявшись, он поклонился. Жернуа ответил машинально, но широко раскрытые глаза, в которых ничего не было, кроме ужаса, проводили всадника.

В Сиди-Аиссе Тарзан встретил французского офицера, с которым познакомился при первом своем пребывании там.

— Вы рано выехали из Бу-Саада, — спросил офицер, — и верно не слышали о несчастном Жернуа?

— Его-то я и видел последним, уезжая, — отвечал Тарзан. — А что такое?

— Он умер. Застрелился часов в восемь утра.

Через два дня Тарзан приехал в Алжир и узнал, что ему придется прождать два дня парохода, идущего на Канштадт. Он составил подробный отчет о своем путешествии. Но забранных у Рокова бумаг к нему не приложил, так как боялся выпустить их из рук, пока не будет уполномочен передать их другому агенту или самому отвести в Париж. Когда Тарзан садился на пароход после долгого, как ему показалось, ожидания, на него смотрели с верхней палубы двое мужчин, изысканно одетых и гладко выбритых. У более высокого были пепельные волосы, но очень черные брови. Позже они повстречались Тарзану на палубе, но один из них быстро отозвал другого, чтобы

показать ему что-то на море, и они отвернули лица от Тарзана: он не успел рассмотреть их, да и не обратил на них никакого внимания.

Следуя полученным инструкциям, Тарзан записался на пароход под вымышленным именем Джона Кальдуэлла из Лондона. Ему была неясна причина, он чувствовал себя стесненным и задумался над тем, что ожидает его в Канштадте.

— По крайней мере, — думал он, — я отделался от Рокова, хвала создателю! Он начинал надоедать мне. Уж не начинаю ли я в самом деле цивилизовываться, что у меня появляются нервы? С ним не мудрено, — он играет нечисто. Никогда не знаешь, откуда ждать удара. Вот если бы Нума-лев уговорил Тантора-слона и Гисту-змею соединиться с ним, чтобы убить меня, — я не знал бы, когда, кто и где нападет на меня следующий раз. Но звери благороднее людей, они не снисходят до трусливых интриг.

Вечером в этот день Тарзан имел своей соседкой молодую женщину, сидящую по левую руку капитана, который и познакомил их.

Мисс Стронг! Где он слышал раньше это имя? Мать девушки помогла ему, назвав дочь Газель.

Газель Стронг! Какие воспоминания связаны с этим именем! Письмо к ней, написанное красивым почерком Джэн Портер, было для него первой вестью от женщины, которую он любил. Как живо он помнит ту ночь, когда он выкрал его с конторки хижины своего давно умершего отца, где Джэн Портер писала до поздней ночи, в то время, как он, сгорбившись, сидел снаружи в темноте. В какой ужас пришла бы она тогда, если бы знала, что зверь джунглей тут, под окном, следит за каждым ее движением.

Так это Газель Стронг! — лучшая подруга Джэн Портер!

ХИ

СУДА, КОТОРЫЕ ВСТРЕЧАЮТСЯ

Вернемся несколько назад, на маленькую, ветрам открытую платформу железнодорожной станции северного Висконсина. Низко висит над окрестностями дым от лесных пожаров, разъедая глаза маленькой группе из шести человек, ожидающих поезд, который должен увезти их на юг.

Профессор Архимед К. Портер ходит взад и вперед, заложив руки за полы длинного сюртука, под охраной заботливых взглядов своего верного и неутомимого секретаря, м-ра Самуэля Т. Филандера, который за несколько последних минут уже дважды возвращал рассеянного профессора, когда тот, перешагнув через полотно, направлялся к близлежащему болоту.

Джэн Портер, дочь профессора, поддерживает натянутый и вялый разговор с Вильямом Сесилем Клейтоном и с Тарзаном от обезьян. Всего несколько минут тому назад в маленьком зале ожидания прозвучали слова любви и отречения, которые отняли жизнь и счастье у двух из шестерых, но не у Вильяма Сесилия Клейтона, лорда Грейстока.

Позади мисс Портер — матерински заботливая Эсмеральда. Она счастлива, ведь она возвращается в свой любимый Мэриленд! Она уже видит сквозь облако дыма смутные очертания подходящего поезда и огни локомотива. Мужчины начинают собирать багаж. Вдруг Клейтон восклицает:

— Да ведь я оставил свой плащ в зале ожидания, — и спешит за ним.

— Прощайте, Джэн, — говорит Тарзан, протягивая руку. — Да благословит вас бог!

— Прощайте, — едва слышно отвечает девушка, — и постарайтесь забыть меня, — нет, только не это, я не могла бы с этим примириться...

— Нечего бояться этого, милая, — отвечает он. — Я благодарил бы создателя, если бы мог забыть. Легче было бы жить, чем с этой постоянной мыслью о том, что могло бы быть... Вы будете счастливы.

Вы скажете остальным, что я решил отвезти автомобиль в Нью-Йорк — я не в силах прощаться с Клейтоном. Я буду вспоминать его тепло, но боюсь, во мне слишком много зверя, чтобы меня можно было долго оставлять вместе с тем, кто стал между мною и единственным человеком во всем мире, который мне нужен.

Когда Клейтон вошел в зал ожидания за своим плащом, он увидел на полу телеграфный бланк. Он нагнулся, поднял его, думая, что кто-нибудь обронил его нечаянно. Бросив беглый взгляд, он вдруг забыл и о своем плаще, и о подходящем поезде, обо всем на свете, кроме этого маленького кусочка желтой бумаги, который он держал в руке. Он дважды перечел, прежде чем схватил все значение этого известия для самого себя.

Когда он нагибался за телеграммой, он был еще английским лордом, гордым и богатым владельцем обширных поместий, — когда он прочел ее, миг спустя, — он знал, что он нищий, без титула и денег. То была телеграмма д'Арно Тарзану:

«Отпечатками пальцев установлено вы Грейсток. Поздравляю.
Д'Арно».

Клейтон зашатался, как смертельно раненый. И вдруг услышал, что его зовут — поезд остановился у маленькой платформы. Как во сне, он забрал свой плащ и выбежал. Он скажет им о телеграмме в поезде. Был уже дан второй свисток, когда он выбежал на платформу. Компания столпилась на площадке пультмановского вагона, торопя его. Прошло минут пять, пока они уселись по своим местам, и только тогда Клейтон увидел, что с ними нет Тарзана.

— Где Тарзан? — спросил он Джэн Портер. — В другом вагоне?

— Нет, — отвечала она, — в последнюю минуту он решил отвезти свой автомобиль в Нью-Йорк. Ему хочется увидеть в Америке больше, чем можно рассмотреть из окна вагона. Ведь он возвращается во Францию.

Клейтон промолчал. Он искал слова, чтобы рассказать Джэн Портер о несчастье, которое свалилось на него и на нее. Как это подействует на нее? Согласится ли она все-таки выйти за него и быть просто мистрис Клейтон? И вдруг он понял, какой страшной жертвы требует судьба от одного из них. Потом выплыл вопрос: предъявит ли Тарзан свои права? Человек-обезьяна знал содержание телеграммы до

того, как спокойно заявил, что матерью его была Кала, обезьяна, и тем отрекся от всякого другого родства. Не сделал ли он это из любви к Джэн Портер?

Другого разумного объяснения быть не могло. А если так, не следует ли предположить, что он не станет предъявлять свои родовые права? И тогда в праве ли он, Вильям Сесиль Клейтон, идти наперекор его желаниям, мешать этому странному человеку принести себя в жертву? Если Тарзан от обезьян делает это ради счастья Джэн Портер, может ли он, Клейтон, которому она доверила свою судьбу, действовать в ущерб ее интересам?

Он рассуждал таким образом до тех пор, пока первый великодушный импульс, побуждавший его тотчас объявить правду и отказаться от титула и владений в пользу законного собственника, был погребен под целой массой софистических соображений, удобных для его личных интересов. Но до конца поездки и некоторое время после того он был в дурном настроении и выведен из равновесия.

Через несколько дней по приезде в Балтимор Клейтон заговорил с Джэн о свадьбе, прося ее ускорить день.

— Что вы понимаете под словом «ускорить»? — спросила она.

— Ближайшие дни. Мне надо сейчас же выехать в Англию. Я хотел бы выехать вместе с вами, дорогая.

— Я не могу собраться так скоро, — запротестовала Джэн. — Мне нужен месяц, по крайней мере.

Она обрадовалась, подумав, что дела, отзывающие его в Англию, могут затянуться, и свадьба отодвинется. Она заключила невыгодную сделку, но хотела честно выполнить свою роль до конца, как бы она ни была для нее горька, и все-таки, если отсрочка радовала ее, на то были вполне извинительные причины, она это прекрасно сознавала. Его ответ разочаровал ее.

— Хорошо, Джэн, — сказал он. — Я отложу поездку в Англию на месяц, и тогда мы поедем вместе.

Но когда месяц истекал, она нашла новый предлог для отсрочки, и, наконец, Клейтон, обескураженный и сомневающийся, вынужден был уехать в Англию один.

Письма, которыми они затем обменялись, не приблизили Клейтона к осуществлению его надежд, и он написал в конце концов профессору Портеру, прося его похлопотать. Старик всегда был благосклонен к

нему и одобрил этот союз. Клейтон ему нравился, а как представитель старинной южно-американской семьи, он придавал скорей преувеличенное значение преимуществам титула, которые так мало ценила или совсем почти не ценила его дочь.

Клейтон уговаривал профессора согласиться приехать погостить к нему в Лондон, вместе с м-ром Филандером, Эсмеральдой, со всеми. Молодой человек думал, что в Англии, вдали от обычной обстановки, Джэн не так будет пугаться того шага, который она никак не решается сделать.

В тот же вечер, когда профессор Портер получил письмо Клейтона, он объявил, что они уезжают в Лондон на будущей неделе.

Но и в Лондоне с Джэн было не легче справиться, чем в Балтиморе. Она находила один предлог за другим, а когда, наконец, лорд Теннингтон пригласил всю компанию проехаться на его яхте вокруг Африки, она с восторгом ухватилась за эту мысль, но категорически отказалась обвенчаться до возвращения в Лондон. На поездку должно было уйти около года, так как предполагалось останавливаться на неопределенное время в различных интересных местах, и Клейтон в душе проклинал Теннингтона за его затею.

По плану лорда Теннингтона они должны были объездить Средиземное море, а потом Красным морем и Индийским океаном проехать вдоль восточного берега Африки, заходя во все интересные порты.

Таким образом, в один прекрасный день, два судна шли Гибралтарским проливом. То, что поменьше, легкая белая яхта, спешило на восток, и на палубе сидела молодая женщина, устремив печальные глаза на усыпанный бриллиантами медальон, который она держала в руках. Мыслями она унеслась далеко, в чащу тропических джунглей, где сквозь густую листву слабо пробивался солнечный свет, и сердце тянулось мыслям вослед.

Она старалась угадать, вернулся ли в дикие леса человек, который подарил ей эту красивую безделушку, значащую для него гораздо больше, чем то, во сколько она могла быть оценена.

На палубе большего судна, пассажирского парохода, направлявшегося на запад, этот самый человек сидел подле другой молодой женщины, и они болтали, строя предположения относительно

изящного суденышка, грациозно скользившего по едва подернутому рябью морю.

Когда яхта прошла, мужчина вернулся к прерванному ее появлением разговору:

— Да, — говорил он, — я очень люблю Америку, а значит люблю и американцев, потому что каждая страна — это то, что из нее сделал народ. Я встречался там с очень приятными людьми. Я помню одну семью из вашего же города, мисс Стронг, которая мне особенно понравилась — профессор Портер и его дочь.

— Джэн Портер! — воскликнула девушка. — Вы хотите сказать, что знакомы с Джэн Портер? Но ведь у меня нет лучше друга во всем мире. Мы росли вместе, мы знаем друг друга целые века.

— В самом деле? — засмеялся он. — Трудно в этом убедить человека, который видел вас обеих...

— Ну, я поправлюсь, — согласилась она со смехом. — Мы знали друг друга два века — ее и мой. Но, в самом деле, мы любим друг друга, как сестры, и у меня сердце разрывается, когда я думаю, что скоро потеряю ее.

— Потеряете ее? — воскликнул Тарзан. — Что вы хотите этим сказать? Ах, да, понимаю. Вы хотите сказать, что теперь, когда она вышла замуж и живет в Англии, вы редко будете встречаться с ней?

— Да, — отвечала она. — И самое грустное то, что она выходит замуж не за того, кого любит. О, это ужасно! Выйти замуж из чувства долга. Я нахожу, что это дурно, я так ей и сказала, и хотя только я одна, кроме ближайших родственников, должна была быть на свадьбе, я просила ее не звать меня — я не хотела присутствовать на такой свадьбе — это насмешка! Но Джэн такая положительная! Она уверила себя, что это единственно возможный благородный выход, и ничто не могло бы помешать ей выйти за лорда Грейстока, разве он умер бы или сам отказался!

— Меня это очень огорчает, — сказал Тарзан.

— А я огорчена за человека, которого она любит, — продолжала девушка, — потому что и он любит ее. Я с ним никогда не встречалась, но, судя по рассказам Джэн, это необыкновенный человек. По-видимому, он родился в африканских джунглях, и воспитала его свирепая, человекообразная обезьяна.

Он ни разу не видел белого человека до того, как профессор Портер и его спутники были высажены пиратами на берег, у самого порога его крохотной хижины. Он спасал их от всевозможных страшных зверей и выполнял самые невообразимые подвиги, а в довершение всего влюбился в Джэн, а она в него, хотя она сама об этом не подозревала до тех пор, пока не дала слово лорду Грейстоку!

— Замечательно! — пробормотал Тарзан, тщетно напрягая мозги, чтобы придумать новую тему для разговора. Он любил, когда Газель Стронг рассказывала о Джэн, но неловко было слушать ее рассуждения о себе самом. На его счастье к ним присоединилась мать девушки, и разговор сделался общим.

Следующие дни протекли безо всяких инцидентов. Море было спокойно, небо ясно. Пароход, не останавливаясь, шел на юг. Тарзан проводил тихие часы с мисс Стронг и ее матерью; они читали, сидя на палубе, беседовали, делали снимки фотоаппаратом мисс Стронг, а после захода солнца гуляли.

Как-то Тарзан застал мисс Стронг беседующей с каким-то незнакомцем, которого он до сих пор не видел. Когда Тарзан подошел к ним, незнакомец откланялся девушке и хотел отойти.

— Погодите, мсье Тюран, — сказала мисс Стронг. — Надо познакомить вас с м-ром Кальдуэллом.

Мужчины пожали друг другу руки. Взглянув в глаза г. Тюрану, Тарзан удивился — до чего знакомо ему их выражение.

— Я имел уже честь встречаться с вами, я в этом уверен, — сказал Тарзан, — но при каких обстоятельствах — не припомню.

Мсье Тюран был, видимо, смущен.

— Не скажу, мсье, — возразил он. — Возможно. У меня у самого иногда появлялось такое ощущение при встрече с незнакомыми людьми.

— Мсье Тюран разъяснил мне некоторые тайны мореплавания, — пояснила девушка.

Тарзан мало внимания обратил на то, что говорилось затем, он старался вспомнить, где встречался раньше с этим человеком. Ясно, что это было при исключительных обстоятельствах. В это время солнце подобралось к ним, и мисс Стронг попросила мсье Тюрана отодвинуть ее кресло в тень. Тарзан смотрел на него в это время и заметил, как неловко обращался он со стулом. Кисть левой руки была у

него неподвижна. Этого признака было достаточно, несколько ассоциаций восстановили всю связь.

Мсье Тюран искал предлога, чтобы грациозно удалиться. Он воспользовался перерывом в разговоре, вызванном переменной мест, и откланялся. Низко поклонившись мисс Стронг и кивнув Тарзану, он отошел от них.

— Одну минуту, — сказал Тарзан, — пусть мисс Стронг извинит меня, я хочу проводить вас. Я вернусь через несколько минут, мисс Стронг.

Мсье Тюран чувствовал себя, видимо, не по себе. Когда они отошли настолько, что девушке не было их видно, Тарзан остановился и опустил на его плечо тяжелую руку.

— Какую игру вы ведете сейчас, Роков? — спросил он.

— Я уезжаю из Франции, как обещал вам, — возразил тот угрюмо.

— Это-то я вижу, — продолжал Тарзан, — но я настолько хорошо знаю вас, что мне трудно поверить, будто простая случайность свела нас на одном пароходе. Если бы я даже склонен был верить этому, то сам факт вашей гримировки достаточно показателен.

— Что ж, — проворчал Роков, пожимая плечами, — не знаю, что вы сможете сделать. Пароход этот под английским флагом. Я имею такое же право быть на нем, как и вы, а, судя по тому, что вы записаны под чужим именем, пожалуй, и больше права.

— Не будем спорить, Роков. Я хотел только предупредить вас, чтобы вы держались подальше от мисс Стронг, она порядочная женщина.

Роков побагровел.

— Если вы не слушаетесь меня, — продолжал Тарзан, — я выброшу вас за борт. Не забывайте, что я лишь ищу предлога. — С этими словами он повернулся на каблуках и отошел от Рокова, которого от ярости била дрожь.

В течение нескольких дней он не встречал Рокова, но тот не дремал. Сидя с Павловым в своей каюте, он курил и бранился, грозил самой страшной мезтью.

— Я бы сбросил его за борт сегодня же, — кричал он, — если бы я был уверен, что он не держит при себе этих бумаг. Я не могу рисковать выбросить их в океан вместе с ним. Если бы ты не был таким

трусливым болваном, Алексей, ты сумел бы проникнуть к нему в каюту и поискать документы.

Павлов улыбнулся:

— Говорят, вы — мозг нашей фирмы, дорогой Николай, — заявил он. — Почему бы вам не найти способа проникнуть в каюту м-ра Кальдуэлла?

Два часа спустя судьба была к ним благосклонна: Павлов, все время выслеживающий, видел, как Тарзан вышел из комнаты, не заперев за собой дверей. Через пять минут Роков стоял настороже, чтобы дать сигнал, в случае появления Тарзана, а Павлов неслышно обыскивал чемоданы человека-обезьяны.

Он готов был бросить поиски, как вдруг заметил сюртук, который только что перед этим был на Тарзане. Миг — и он почувствовал под рукой пакет казенного образца. Быстро ознакомившись с его содержанием, он весь расплылся улыбкой.

После его ухода из каюты сам Тарзан не сказал бы, что кто-нибудь прикасался к его вещам, Павлов был мастер своего дела.

Когда у себя в каюте он передал пакет Рокову, тот позвонил и приказал лакею подать бутылку шампанского.

— Надо отпраздновать, дорогой Алексей, — сказал он.

— Повезло, Николай, — рассказывал Павлов. — Очевидно, документы эти всегда при нем; совершенно случайно он забыл переложить их, когда только что переодевался. Но что-то будет, когда он заметит пропажу! Боюсь, он сразу припишет ее вам, раз знает, что вы на борту.

— Кого он будет подозревать — будет уже не важно... после сегодняшнего вечера... — отвечал Роков со скверной усмешкой.

В этот вечер, когда мисс Стронг спустилась к себе, Тарзан остановился у борта, глядя вдаль на воду. Он каждый вечер стоял так, иногда часами. И человек, который, не переставая, следил за ним с того самого момента, когда Тарзан в Алжире сел на пароход, знал его привычку.

И на этот раз те же глаза следили за ним. Вот ушел с палубы последний праздношатающийся. Ночь была светлая, хотя и безлунная, все предметы на палубе были отчетливо видны.

Две фигуры отделились от тени кают и стали медленно подкрадываться сзади к человеку-обезьяне. Плеск волн о бока корабля,

шум винта, стук машины заглушали едва слышные шаги.

Они совсем близко уже... Вот один поднял руку, как будто считая: раз, два, три! Оба негодяя разом бросились на свою жертву. Каждый схватил Тарзана от обезьян за одну ногу и, при всем его проворстве, не успел он оглянуться, как перевалился через низкий борт и полетел в Атлантический океан.

Газель Стронг смотрела в окошечко своей каюты на море. Вдруг темный предмет мелькнул перед ее глазами, падая в море, очевидно, с верхней палубы. Он упал так быстро вниз, в темные воды, что она не успела разглядеть, что это такое, но это мог быть и человек. Она прислушалась, не раздастся ли всегда жуткий крик: «Человек за бортом!», — но никто не крикнул. Тихо было на судне вверху, тихо и внизу на воде.

Девушка решила, что кто-нибудь из команды просто выбросил мешок отбросов, и через несколько минут спокойно улеглась.

ХІІІ

КРУШЕНИЕ «ЛЕДИ АЛИСЫ»

На следующее утро за завтраком место Тарзана не было занято. Мисс Стронг немножко удивилась, потому что м-р Кальдуэлл всегда ждал ее и ее мать, чтобы завтракать вместе с ними. Позже, когда она сидела на палубе, к ней подошел г. Тюран и обменялся с ней несколькими словами. Он был, по-видимому, в прекрасном настроении и удивительно любезен. Когда он отошел, мисс Стронг подумала, какой милый человек мсье Тюран.

День тянулся вяло. Ей доставало спокойного общества м-ра Кальдуэлла, в нем было что-то, сразу понравившееся девушке. Он рассказывал так интересно о местах, где он бывал, о людях и обычаях, о диких зверях. И у него была странная манера всегда проводить параллели между дикими животными и цивилизованными людьми, манера, выдававшая, что он хорошо знает первых и верно, хотя не без некоторого цинизма, судит о вторых.

Когда перед обедом мсье Тюран опять остановился поболтать с ней, она обрадовалась маленькому разнообразию за весь скучный день. Но она начинала сильно недоумевать по поводу продолжающегося отсутствия м-ра Кальдуэлла и почему-то смутно ассоциировала его с испугавшим ее ночью явлением. Она заговорила об этом с мсье Тюраном. Видел ли он м-ра Кальдуэлла сегодня? Нет. Почему?

— Его не было сегодня за завтраком, — говорила девушка. — Я не видела его со вчерашнего дня. Мсье Тюран выслушал очень внимательно.

— Я не имел удовольствия близко знать м-ра Кальдуэлла, — произнес он, — но он показался мне очень почтенным джентльменом. Быть может, он заболел и не выходит из каюты. В этом не было бы ничего необычайного.

— Разумеется, — отвечала девушка, — но по какой-то непонятной причине у меня есть предчувствие, что с м-ром Кальдуэллом что-то неблагополучно. Странное ощущение — будто я знаю, что его нет на судне.

Мсье Тюран приятно засмеялся.

— Пощадите, дорогая мисс Стронг. Где же ему быть? Мы уже несколько дней не видим берегов.

— Конечно, это глупо с моей стороны, — соглашалась она. А потом: — не стану больше ломать себе голову, попробую узнать, где м-р Кальдуэлл, — и она подозвала проходившего мимо лакея.

— Это будет потруднее, пожалуй, чем ты воображаешь, милая девица, — подумал про себя г. Тюран, а вслух сказал: — Ну, разумеется.

— Найдите мне м-ра Кальдуэлла, пожалуйста, — сказала она слуге, — и скажите, что его продолжительное отсутствие начинает беспокоить его друзей.

— Вы очень любите м-ра Кальдуэлла? — спросил мсье Тюран.

— Он великолепен, — заявила девушка. — Мама совсем влюблена в него. Это один из тех людей, с которым чувствуешь себя, как за каменной стеной, ему нельзя не доверять.

Через несколько минут лакей вернулся и сообщил, что м-ра Кальдуэлла нет в его каюте.

— Я не мог найти его, мисс Стронг, — и — он заколебался, — я узнал, что он не ложился сегодня ночью. Я думаю, мне следует доложить об этом капитану...

— Ну, разумеется, — воскликнула мисс Стронг. — Я сама пойду с вами к капитану. Это ужасно! Я чувствую, случилось что-то страшное. Мои предчувствия меня не обманули.

Совсем перепуганная юная особа явилась несколько минут спустя вместе с лакеем к капитану. Он молча выслушал их рассказ, и тревожное выражение появилось у него на лице, когда слуга уверил его, что побывал уже повсюду, где мог бы быть пассажир.

— А вы уверены, мисс Стронг, что видели, как какое-то тело упало в воду ночью? — переспросил он.

— Не может быть ни малейшего сомнения, — подтвердила она. — Я не стала бы утверждать, что это был человек, не слышно было никакого крика. Но если м-ра Кальдуэлла нет на борту, я буду убеждена в том, что видела именно его падающим в воду.

Капитан приказал немедленно обыскать судно, с носа до кормы и сверху донизу, не пропустив ни одного уголка, ни одного чулана. Мисс Стронг ждала в капитанской каюте результатов поисков. Капитан задал

ей ряд вопросов, но она ничего не могла сказать ему о пропавшем человеке, кроме того, что слышала от него самого за время их короткого знакомства на пароходе.

В первый раз она сама обратила внимание, как мало говорил ей м-р Кальдуэлл о самом себе и своей прошлой жизни. Она почти ничего не знала, кроме того, что он родился в Африке, а воспитывался в Париже, и то эти сведения она получила только в ответ на ее удивленное замечание, как это англичанин говорит по-английски с акцентом француза.

— Не упоминал ли он, что у него есть враги? — спросил капитан.

— Никогда.

— Был ли он знаком еще с кем-нибудь из пассажиров?

— Ровно столько же, как со мной — случайные пароходные знакомства...

— Гм... Не думаете ли вы, мисс Стронг, что он выпивал лишнее?

— Не думаю, чтобы он вообще пил... и во всяком случае еще за полчаса до падения в воду тела он не пил ничего.

— Все это очень странно, — раздумывал капитан. — Он не был похож, по-моему, на человека, подверженного головокружениям, обморокам и т. п. Да и в таком случае маловероятно, чтобы он упал за борт, он скорее свалился бы внутрь. Если его нет на судне, мисс Стронг, его, значит, выбросили за борт, а тот факт, что вы не слышали крика, показывает, что сбросили его, предварительно убив.

Девушка содрогнулась.

Прошел час, прежде чем вернулся старший офицер, руководивший поисками.

— М-ра Кальдуэлла нет на судне, сэр, — объявил он.

— Я боюсь, м-р Брэнтли, что тут не просто несчастный случай, — сказал капитан. — Я хотел бы, чтобы вы лично пересмотрели все вещи м-ра Кальдуэлла, — не найдется ли каких-нибудь признаков, дающих основание думать, что тут убийство или самоубийство. Будьте возможно внимательней.

— Хорошо, сэр, — отозвался м-р Брэнтли и ушел, чтобы заняться осмотром.

Газель Стронг получила тяжелый удар. Два дня она не выходила из каюты. А когда опять появилась на палубе, была совсем бледная, осунувшаяся, с большими темными кругами под глазами. И во сне, и

наяву ей постоянно чудилось темное тело, падающее быстро и молча в холодный суровый океан.

Вскоре после ее первого появления на палубе, к ней подошел мсье Тюран, всячески выражая ей свое внимание и сочувствие.

— В самом деле это ужасно, мисс Стронг, — сказал он. — Я не могу забыть об этом.

— И я тоже, — устало проговорила девушка. — Я чувствую, что могла бы спасти его, если бы только подняла тревогу.

— Вы не должны упрекать себя, дорогая мисс Стронг, — успокаивал ее Тюран. — Каждый на вашем месте поступил бы так же. Кому бы пришло в голову, что это падает человек? Да если бы вы и подняли тревогу, результат был бы такой же — сначала они усомнились бы в ваших словах, сочли, что это просто нервная галлюцинация женщины, а если бы вы настаивали, то пока пароход остановили бы, пока спустили бы лодки, и они прошли бы на веслах несколько миль до места происшествия, — спасать было бы уже поздно. Нет, вы не должны упрекать себя. Вы больше всех нас сделали для м-ра Кальдуэлла, вы одна хватились его и заставили произвести поиски.

Девушка не могла не чувствовать к нему благодарности за ласковые и успокаивающие слова. Он часто, почти постоянно, проводил с ней время до конца их путешествия и все больше начинал нравиться ей. Мсье Тюран узнал, что красивая мисс Стронг из Балтимора — богатая невеста, и от раскрывающихся перед ним перспектив у него дух захватывало.

Г. Тюран намеревался сойти с судна в первом же порту, в который они зайдут после исчезновения Тарзана. Разве не лежали у него в кармане именно те документы, из-за которых он сел на пароход? Ничто больше не задерживало его здесь. Ему следовало спешить на континент и сесть на первый экспресс в Петербург.

Но теперь у него возникла новая идея, которая быстро отодвинула первоначальный проект на второй план. Нельзя было пренебречь американскими капиталами, да и собственница их представляла не малую приманку.

— Черт побери! Да она сенсацию произвела бы в Петербурге! — И он тоже, при помощи ее приданого.

После того, как г. Тюран мысленно разбросал несколько миллионов долларов, он убедился, что занятие настолько ему по вкусу, что решил доехать до Канштадта, где у него внезапно оказались срочные дела, требующие его присутствия неопределенное время.

Мисс Стронг рассказала ему, что она едет с матерью к дяде, проживающему там, и что они еще не решили, сколько времени там пробудут, может быть, несколько месяцев.

Она очень обрадовалась, узнав, что мсье Тюран тоже едет туда.

— Я надеюсь, мы будем поддерживать наше знакомство, — сказала она, — вы должны сделать визит маме, как только мы устроимся.

Г. Тюран был в восторге и не замедлил выразить его. Мистрис Стронг относилась к нему далеко не так благосклонно, как дочь.

— Не знаю, почему я не доверяю ему, — сказала она как-то Газели. — Он как будто настоящий джентльмен, но иногда у него появляется в глазах какое-то странное, бегущее выражение, которое я не умею объяснить, но от которого я чувствую себя не по себе. Дочь рассмеялась.

— Ах вы, глупенькая моя, милая мама, — сказала она.

— Возможно. Но я предпочла бы общество м-ра Кальдуэлла.

— Да и я тоже, — согласилась дочь.

Г. Тюран сделался частым гостем в доме дяди Газель Стронг в Канштадте.

Он ухаживал совершенно открыто, но так умел предупреждать каждое желание девушки, что она все меньше могла без него обходиться. Нуждалась ли она, или ее мать, или кто-нибудь из кузин в провожатом, надо ли было оказать дружескую услугу, вездесущий и обходительный мсье Тюран бывал всегда под рукой. Дядя и вся его семья полюбили его за неизменную галантность и услужливость. Мсье Тюран начинал становиться необходимым. Наконец, выбрав удобный момент, он сделал предложение. Мисс Стронг была поражена, она не знала, что сказать.

— Я никогда не думала, что у вас могут быть ко мне чувства такого рода, — отвечала она. — Я всегда видела в вас только милого друга. Я не могу сразу дать вам ответ. Забудьте, что вы просили меня быть вашей женой. Будем продолжать по-прежнему. И я попробую подойти к вам с иной точки зрения. Может быть, я приду к заключению, что

чувство мое к вам больше дружбы. Мне, конечно, ни разу не приходило в голову, что я могу полюбить вас.

Мсье Тюран вполне согласен с такой постановкой вопроса. Он сожалеет, что поторопился, но он так давно и так преданно любит ее, что, ему казалось, это всем ясно.

— Я полюбил вас с первой минуты, как увидел вас, Газель, — говорил он, — и я готов ждать, потому что уверен, что такая сильная и чистая любовь не может не быть вознаграждена. Все, что я хочу знать — это что вы не любите другого. Можете вы мне это сказать?

— Я никогда в жизни никого не любила, — отвечала она, и он удовлетворился.

По дороге домой он купил паровую яхту и выстроил виллу, стоимостью в несколько миллионов долларов, на берегу Черного моря.

На следующий день Газель Стронг пережила одну из самых радостных неожиданностей: выходя из ювелирного магазина, она столкнулась лицом к лицу с Джэн Портер.

— Как, Джэн Портер! — крикнула она. — Откуда ты свалилась? Я не верю своим глазам!

— Ну, в самом деле! — воскликнула не менее изумленная Джэн. — А я-то в воображении рисую себе, как вы все живете там, в Балтиморе! — И она еще раз обняла приятельницу и осыпала ее поцелуями.

Когда кончились взаимные объяснения, Газель узнала, что яхта лорда Теннингтона остановилась в Канштадте на неделю, по крайней мере, а затем будет продолжать свой путь вверх вдоль западного берега Африки, и обратно в Англию. — Где, — закончила Джэн, — мы обвенчаемся.

— Так значит ты еще не замужем? — спросила Газель.

— Нет еще, — подтвердила Джэн и прибавила совсем некстати, — я хотела бы, чтобы до Англии было бы много миллионов миль.

Произошел обмен визитами между яхтой и родственниками Газель. Устраивались сообща обеды, прогулки за город для развлечения гостей. Мсье Тюран каждый раз был желанным гостем. Он и сам устроил обед для мужской половины компании и сумел заслужить расположение лорда Теннингтона разными услугами.

До сведения г. Тюрана дошли кое-какие слухи о возможных последствиях стоянки яхты в Канштадте, и он не хотел быть

исключенным. Однажды, оставшись наедине с англичанином, он дал ему понять, что помолвка его с мисс Стронг будет оглашена, как только они вернутся в Америку. — Но ни слова об этом, дорогой Теннингтон, ни слова.

— Разумеется, я прекрасно понимаю, друг мой, — ответил Теннингтон. — Но вас можно поздравить — чудная девушка, право!

На следующий день мистрис Стронг, Газель и мсье Тюрэн были в гостях на яхте. Мистрис Стронг говорила, что она очень довольна своим пребыванием в Канштадте и очень жалеет, что письмо из Балтимора от ее адвоката заставляет ее сократить свой визит.

— Когда вы отплываете?

— В начале будущей недели, должно быть.

— В самом деле! — воскликнул мсье Тюрэн. — Как я счастлив! Я тоже должен возвращаться и могу проводить вас и быть вам полезным дорогой.

— Это очень мило с вашей стороны, мсье Тюрэн, — заметила мистрис Стронг. — Мы, конечно, с радостью отдадимся под ваше покровительство. — Но в глубине души, не зная сама почему, она предпочла бы обойтись без него.

— Бог мой! — воскликнул, немного погодя, лорд Теннингтон. — Прекрасная идея!

— Ну, конечно, Теннингтон, — вставил Клейтон, — идея должна быть прекрасна, раз она пришла вам в голову, но все-таки — в чем дело? Проехаться в Китай по дороге к южному полюсу, да?

— Ну, знаете, Клейтон, нечего злиться на человека только потому, что не вы предложили эту поездку, с самого нашего отплытия вы не перестаете ворчать.

— Нет, сэр, — продолжал он, — идея прекрасная, и на этот раз даже вы с этим согласитесь. Идея заключается в том, чтобы захватить с собой, до самой Англии, мистрис Стронг и мисс Стронг, и Тюрэна, если он захочет! Ну, что ты теперь скажешь?

— Прошу прощения, Тенни, старичина, — крикнул Клейтон. — Идея в самом деле блестящая — я от вас этого никогда не ожидал. Вы твердо уверены, что она не заимствованная?

— И мы отплывем в начале недели или вообще в день, удобный для мистрис Стронг, — закончил любвеобильный англичанин таким тоном, будто вопрос только в дне отплытия.

— Пощадите, лорд Теннингтон, вы не дали нам возможности даже поблагодарить вас, а тем более решить — можем ли мы принять ваше любезное приглашение, — взмолилась мистрис Стронг.

— Ну, разумеется, вы можете, — решил за нее Теннингтон. — Мы будем в пути не дольше любого пассажирского парохода, и вам будет не менее удобно. А, сверх того, вы нужны нам, и мы не принимаем отказа.

Итак, было решено, что яхта отплывет в ближайший понедельник.

Два дня спустя после выхода в море, девушки сидели в каюте Газель, рассматривали фотографии. Это были снимки, сделанные за все время пути, начиная с отъезда из Америки, и девушки погрузились в их рассматривание, причем Джэн задавала массу вопросов, а Газель отвечала целым потоком пояснений, касающихся разных сцен и лиц.

— А это, — вдруг сказала она, — это человек, которого ты знаешь. Бедный, я часто хотела расспросить тебя о нем, но всегда забывала, когда мы встречались.

Она держала фотографию так, что Джэн не могла видеть, кто на ней изображен.

— Его звали Джон Кальдуэлл, — продолжала Газель. — Ты помнишь его? Он англичанин, встречался с тобой в Америке.

— Я не помню такого имени, — ответила Джэн. — Дай мне взглянуть на карточку.

— Бедный, он свалился за борт, когда мы шли сюда вдоль Африки. — И с этими словами она протянула карточку Джэн.

— Свалился за борт. — Как! Газель! Газель! Не говори, что он утонул. Газель! Ведь ты шутишь? Скажи, что ты пошутила. — И прежде чем испуганная мисс Стронг успела ее подхватить, Джэн Портер упала на пол в обмороке.

Когда Газель привела подругу в чувство, она долго молча смотрела на нее. Джэн тоже не заговаривала.

— Я не знала, Джэн, — натянуто начала, наконец, Газель, — что ты знала м-ра Кальдуэлла настолько близко и что его смерть могла нанести тебе такой удар.

— М-ра Кальдуэлла? — переспросила Джэн. — Неужели ты хочешь сказать, что не знаешь, кто он?

— Да, я прекрасно знаю, Джэн, кто он такой — его звали Джон Кальдуэлл, из Лондона.

— О, Газель, как бы мне хотелось верить этому, — простонала девушка. — Хотелось бы верить, но его черты так глубоко врезались в мое сердце и в мою память, что я узнала бы его в любом месте и из тысячи других. Все могли бы спутать, но не я.

— Что ты хочешь сказать, Джэн? — вскричала Газель, окончательно встревоженная. — За кого ты его принимаешь?

— Ни за кого не принимаю. Я знаю, что это портрет Тарзана от обезьян.

— Джэн!

— Я не могу ошибиться. О, Газель, уверена ли ты, что он умер? Нет ли тут ошибки?

— Увы, нет, дорогая моя, — печально ответила она. — И хотя мне хотелось бы, чтобы ты ошибалась, но я вспоминаю сейчас сотни маленьких подробностей, которые тогда не имели для меня значения, потому что я считала его Джоном Кальдуэллом, из Лондона. Он говорил, например, что родился в Африке, а воспитывался во Франции.

— Да, это подходит, — шепнула Джэн мрачно.

— Старший офицер, просматривавший его вещи, не нашел ничего, устанавливающего личность Джона Кальдуэлла, из Лондона. Буквально все его вещи были куплены или сделаны в Париже. Все, на чем были инициалы, было помечено буквами «Ж. К. Т.» или просто «Т.». Мы думали, что он почему-то путешествует инкогнито, под первым именем — К — Кальдуэлл.

— Тарзан от обезьян принял имя Жана К. Тарзана, — сказала Джэн тем же безжизненным тоном. — И он умер! О, Газель, это ужасно! Один, в этом страшном океане! Не верится, чтобы это смелое сердце перестало биться, чтобы эти сильные мышцы навсегда успокоились и окоченели! Он, который был олицетворением жизни, здоровья, мужской силы, станет добычей... О! — Она не могла продолжать и со стоном, закрыв лицо руками, опустилась, рыдая, на пол.

Долгие дни Джэн была больна и никого не хотела видеть, кроме Газель и верной Эсмеральды. Когда она вышла, наконец, на палубу, все были поражены происшедшей в ней грустной переменой. Не было больше прежней живой, веселой красавицы-американки — красавицы, пленявшей и радовавшей всех, кто знал ее. Вместо нее — тихая и печальная маленькая девушка, с выражением безнадежной грусти на

лице, выражением, происхождение которого никто, кроме Газель Стронг, не мог объяснить.

Остальные прилагали все усилия, чтобы развлечь и развеселить ее, но все было напрасно. Иногда веселому лорду Теннингтону удавалось вызвать бледную улыбку на ее лице, но по большей части она сидела молча, глядя широко раскрытыми глазами на океан.

С началом болезни Джэн Портер яхту начали преследовать несчастья. Сначала испортилась машина, и яхта два дня носилась по ветру, пока не произвели починку. Потом неожиданно налетел шквал и снес с палубы буквально все, что могло быть снесено. Наконец, двое матросов затеяли в кубрике драку, и один был тяжело ранен ножом, а другого пришлось заковать в кандалы. Наконец, помощник капитана свалился ночью за борт и пошел ко дну раньше, чем ему успели оказать помощь. Яхта крейсировала на месте часов десять, но не было ни малейшего признака упавшего в море человека.

После всех этих бед все, и команда, и гости, были в мрачном, подавленном состоянии. Все боялись, что худшее еще впереди, особенно моряки, вспоминая всякого рода страшные предзнаменования, которые имели место в первой половине пути, и которые сейчас они считали предвестниками какой-то страшной грядущей трагедии.

Недолго пришлось ждать зловещим пророкам. На вторую ночь после гибели помощника капитана, около часа ночи, страшный толчок, от которого содрогнулась вся яхта от носа до кормы, выбросил из постелей и коек спящих гостей и команду; машина остановилась.

На несколько мгновений яхта повисла под углом в сорок пять градусов, потом с жалобным, душераздирающим стоном опустилась на воду и выпрямилась.

Немедленно все мужчины, а вслед за ними и женщины, выбежали на палубу. Хотя ночь была туманная, но ветра не было, море было спокойно, и было достаточно светло, чтобы различить на воде у самого носа какую-то черную массу.

— Наносной остров, — коротко объяснил офицер, стоявший на вахте.

В это время на палубу выбежал машинист, разыскивая капитана.

— Заплата, которую мы наложили на котел, сорвана, — заявил он, — и от носа судно быстро наполняется водой. Еще через минуту

прибежал снизу матрос.

— Господа! — кричал он, — внизу весь киль сорван. Яхта не продержится и двадцати минут.

— Молчи! — заорал Теннингтон. — Леди, спуститесь вниз и соберите немного вещей. Дело, может быть, и не так плохо, но придется, возможно, перейти в лодки. Лучше быть наготове. Не медлите, пожалуйста. А вы, капитан Жерольд, будьте добры послать в трюм кого-нибудь, понимающего, чтобы точно установить степень опасности. Тем временем надо приготовить лодки.

Ровный низкий голос владельца значительно успокоил всех, и каждый занялся своим делом. К тому времени, как женщины вернулись на палубу, лодки были снаряжены, а вслед за тем вернулся офицер, который осматривал повреждения. Но его мнения уже и не требовалось в подтверждение того, что конец «Леди Алисы» близок.

— Итак, сэр? — спросил капитан, видя, что офицер колеблется.

— Мне не хотелось бы пугать дам, сэр, — отвечал тот, — но пробоина так велика, что, по-моему, мы не продержимся и двенадцати минут.

За последние пять минут «Леди Алиса» начала быстро погружаться носом, корма уже поднялась высоко, и на палубе трудно было устоять на ногах. При яхте было четыре лодки, их нагрузили и спустили благополучно. Пока они быстро удалялись от маленького судна, Джэн Портер оглянулась, чтобы еще раз посмотреть на яхту. В это самое время раздался сильный взрыв, треск и шипение внутри судна — котлы взорвались, и от взрыва разлетелись перегородки и переборки; корма быстро поднималась все выше; на мгновение яхта замерла в вертикальном положении, в виде огромной колонны, поднимающейся прямо из глубины океана, потом быстро погрузилась головой вперед.

В одной из лодок славный лорд Теннингтон сморгнул слезу — для него не так важно было, что целое состояние погружается в воду, больно было расставаться с дорогим прекрасным другом, которого он нежно любил.

Наконец, долгая ночь кончилась, и солнце тропиков зажгло гребни плавно катящихся волн. Джэн Портер слегка задремала, яркие солнечные лучи разбудили ее. Она огляделась кругом. В лодке, кроме нее, были три матроса, Клейтон и Тюран. Она оглянулась назад, ища другие лодки, но ничто не нарушало страшного однообразия водной

пустыни — они были одни в маленькой лодочке на огромном Атлантическом океане.

XIV

СНОВА В ПЕРВОБЫТНОЕ СОСТОЯНИЕ

Когда Тарзан упал в воду, первой его мыслью было отплыть подальше от парохода и от его опасных винтов. Он знал, кому он обязан своим настоящим положением, и когда лежал на воде, чуть помогая себе руками, то больше всего был огорчен тем, что так легко дал Рокову обойти себя.

Он лежал таким образом некоторое время, глядя, как постепенно уменьшались и исчезали в отдалении огни парохода, и ему даже в голову не пришло крикнуть о помощи. Он никогда не обращался ни к кому за помощью, и ничего нет удивительного, что не подумал об этом и сейчас. Всегда он рассчитывал только на собственную смелость и находчивость, да и не было у него, со времени Калы, никого, кто мог бы отозваться на его зов. Когда он спохватился, было уже поздно.

Один шанс из ста, думал Тарзан, что меня подберут, еще меньше шансов самому добраться до земли. Чтобы не потерять ни одного шанса, он решил медленно плыть по направлению к берегу, может быть, скоро пройдет какое-нибудь судно.

Он легко взмахивал руками, далеко загребая, пройдет много часов, пока эти мощные мышцы почувствуют усталость. Ориентируясь по звездам, он медленно продвигался вперед; заметил, что ему мешают сапоги, и сбросил их. За ними пошли брюки, и он сбросил бы пиджак, если бы не вспомнил, что в кармане у него драгоценные документы. Чтобы успокоиться за них, он пощупал рукой, но, к величайшему его смущению, их не оказалось.

Теперь он понял, что не только из-за мести сбросил его Роков, а потому, что снова овладел бумагами, которые Тарзан отобрал у него в Бу-Сааде. Человек-обязьяна послал проклятие и сбросил в Атлантический океан пиджак и рубаху. Еще немного — и он освободился от остальной одежды и поплыл к востоку, ничем не стесняемый.

Звезды бледнели при первых лучах рассвета, когда прямо впереди себя он увидел на воде какую-то черную массу. Несколько сильных взмахов привели его к ней, — это было днище корабельного остова.

Тарзан взобрался на него, ему хотелось отдохнуть, по крайней мере, до тех пор, пока совсем рассветет. Он не думал оставаться здесь долго — в жертву жажде и голоду. Если умирать, то лучше умереть действуя, делая какие-нибудь попытки спастись.

Море было спокойно, и плавно покачивался остов, убаюкивая пловца, не спавшего вот уже двадцать часов. Тарзан от обезьян свернулся на покрытых тиной досках и скоро заснул.

Горячие солнечные лучи разбудили его задолго до полудня. Первым ощущением, заговорившим в нем, была жажда, выраставшая до размеров настоящего страдания, по мере того, как к нему возвращалось сознание. Но скоро и жажда была забыта в радости, которую ему доставили два открытия, сделанные одновременно: кругом плавала масса обломков и между ними перевернутая вверх дном спасательная лодка, а к востоку на горизонте смутно маячил отдаленный берег.

Тарзан спустился в воду и поплыл между обломками к спасательной лодке. Прохладные воды океана освежили его почти так же, как это сделал бы стакан воды, и он с обновленными силами притянул небольшую лодку к остову и после нескольких геркулесовских усилий втащил ее на скользкое днище. Здесь он перевернул и осмотрел ее. Лодка была совершенно цела и скоро благополучно качалась между обломками. Затем Тарзан выбрал несколько обломков, которые могли заменить весла, и через несколько минут он был уже на пути к отдаленному берегу.

Перевалило далеко за полдень, когда он приблизился настолько, что мог различать предметы на берегу и общие контуры берега. Перед ним открывалось нечто вроде маленькой, защищенной бухты. Лесистая вершина, расположенная к северу, показалась ему странно знакомой. Возможно ли, что судьба выбросила его у самого порога его родных, горячо любимых джунглей! Но как только нос лодки прошел устье бухты, всякие сомнения рассеялись: перед ним, на дальнем берегу, в тени девственного леса, стояла его собственная хижина, выстроенная еще до его рождения руками давно умершего отца его, Джона Клейтона, лорда Грейстока.

Сильными взмахами мускулистых рук Тарзан гнал маленькое суденышко к берегу. Едва нос его коснулся земли, как человек-обезьяна выскочил на берег, сердце у него билось радостно и с

восторгом по мере того, как глазам открывалось давно знакомое: хижина, взморье, маленький ручей, густые джунгли, черный, непроницаемый лес. Мириады птиц с блестящим оперением, роскошные тропические цветы на гирляндах лиан, громадными петлями свисавших с исполинских деревьев...

Тарзан от обезьян вернулся домой и, чтобы оповестить об этом весь мир, он откинул назад молодую голову и испустил пронзительный и дикий клич своего племени. На один миг джунгли замерли, потом раздался ответный вызов — низкий и колдовской — то рычал Нума, лев, а издалека чуть слышно донесся ответный рев обезьяны-самца.

Тарзан прежде всего подошел к ручью и утолил жажду. Потом он направился к своей хижине. Дверь все еще оставалась запертой так, как они с д'Арно оставили ее. Он приподнял затвор и вошел. Ничто не было тронут. Все оставалось на местах: стол, кровать и маленькая колыбель, сделанные его отцом, полки и ящики — точь в точь так, как они стояли двадцать три года тому назад, как он оставил их два года тому назад.

Порадовав свои взоры, Тарзан почувствовал, что желудок предъявляет свои права, и, мучимый голодом, отправился на поиски. Ни в хижине, ни при нем не было никакого оружия, но на стене висела одна из его волокнистых веревок. Когда-то он не бросил ее, заменив другой, лучшей, потому что она в нескольких местах была порвана и связана узлами. Тарзан пожалел, что у него нет ножа. Но, надо думать, еще задолго до захода солнца у него будет и нож, и копье, и лук со стрелами, об этом позаботится его лассо, а пока оно раздобудет ему пищу. Он тщательно натер веревку и, забросив ее на плечо, вышел, притворив за собой дверь.

Джунгли начинались у самой хижины, и Тарзан от обезьян вступил в них осторожно и бесшумно, снова превратившись в дикого зверя, вышедшего на охоту. Первое время он держался земли, но, не найдя ничьих следов и никаких утешительных признаков, перешел на деревья. При первых же головокружительных перелетах с дерева на дерево в нем проснулась прежняя радость жизни. Забыты были бесполезные сожаления и тупая сердечная боль. Он снова жил, снова наслаждался полной свободой. Кто захочет вернуться в душные, злые города цивилизованного человека, когда огромные пространства великих джунглей обещают покой и свободу? Во всяком случае, не он.

Было еще светло, когда Тарзан добрался до водопада на берегу реки джунглей. Здесь был брод, и с незапамятных времен лесные звери приходили сюда на водопад. Здесь можно было всегда застать ночью то Сабор, то Нуму, которые, пригнувшись в густой листве джунглей, подкарауливали антилоп или оленей. Сюда приходил кабан Хорта, и сюда же пришел Тарзан от обезьян, потому что он был очень голоден.

Он растянулся на низкой ветке над тропинкой. Прошло около часа. Смеркалось. Чуть в стороне от брода, где чаща особенно густа, мягкие лапы переступали по земле, и большое тело терлось о высокие травы и спутанные лианы. Никто, кроме Тарзана, этого не услышал бы. Но Тарзан слышал и понял: это Нума, лев, как и он, вышел на промысел. Тарзан улыбнулся.

Вдруг он услышал, что какое-то животное осторожно приближается по тропинке к водопаду. Еще минута — и показался Хорта, кабан. Чужое мясо. У Тарзана потекли слюнки. В той стороне, где лежал Нума, все затихло, зловеще затихло. Хорта прошел мимо Тарзана. Еще несколько шагов, и он будет на радиусе прыжка Нумы. Тарзан представлял себе, как горят у Нумы глаза, как он уже вбирает в себя воздух для того, чтобы испустить тот страшный рев, от которого у его жертвы кровь застывает в жилах на тот короткий миг, который проходит от прыжка до того момента, когда клыки вонзаются между раздробленных костей.

Но... только Нума подобрался, в воздухе просвистела веревка, брошенная с низко нависшей над дорожкой ветки близстоящего дерева. Петля обвилась вокруг шеи Хорты. Испуганное хрюканье, визг, и Нума видел, как его добыча поддалась назад по тропинке, а когда он прыгнул, Хорта-кабан взлетел вверх мимо его лап на дерево, и с дерева глянуло на него, поддразнивая, и засмеялось чье-то лицо.

Тогда-то Нума заревел. Сердитый, голодный и грозный, он ходил взад и вперед под издевающимся над ним человеком-обезьяной. Вот он остановился, и, упершись задними лапами о ствол дерева, на котором сидел его враг, стал точить свои когти о кору, отрывая большие куски коры и обнажая белый ствол.

А тем временем Тарзан дотащил упирающегося Хорту до соседней с собой ветки. Мускулистые пальцы закончили то, что начала петля. У человека-обезьяны не было ножа, но природа снабдила его орудием, которым он мог вырывать себе куски пищи, и сверкающие зубы

погрузились в сочное мясо; а снизу беснующийся лев смотрел на то, как другой лакомится обедом, который он уже считал своим.

Уже совсем стемнело, когда Тарзан насытился. И до чего это было вкусно! Он никак не мог привыкнуть к испорченному мясу, которыми питаются цивилизованные люди, и в глубине своего дикого сердца постоянно таил желание полакомиться теплым мясом только что убитого зверя и вкусной красной кровью.

Он вытер свои испачканные руки пучком листьев, забросил остатки добычи себе за плечо и полетел лесом до своей хижины, а в это время Джэн Портер и Вильям Сесиль Клейтон встали из-за роскошного обеда на яхте «Леди Алиса», за тысячу миль отсюда к востоку, в Индийском океане.

Вслед за Тарзаном, только внизу, у подножья деревьев, двигался Нума, лев, и когда человек-обезьяна взглядывал вниз, он видел мрачные зеленые глаза, следившие за ним из темноты. Нума больше не рычал, а шел едва слышно, как тень большой кошки. Но все-таки ни один его шаг не ускользал от тонкого слуха человека-обезьяны.

Тарзан задавался вопросом, пойдет ли он за ним до самых дверей хижины. Тарзану это не улыбалось, предвещая ночь в скрюченном положении где-нибудь в развилине дерева, а он предпочитал постель из травы у себя дома. Но если бы понадобилось, он знал и подходящее дерево, и удобное место на нем. Сотни раз и в прежние времена его провожала домой какая-нибудь большая кошка джунглей и вынуждала искать на этом дереве убежища, пока перемена настроения или восход солнца не освобождали его от врага.

Но на этот раз Нума отказался от преследования и, испустив несколько кровожадных рычаний, сердито повернул и отправился на поиски обеда. Тарзан достиг хижины беспрепятственно и через несколько минут растянулся на совсем почти истлевших остатках травяной постели.

Итак, господин Жан К. Тарзан сбросил с себя тонкую оболочку своей искусственной культурности и погрузился, счастливый и довольный, в глубокий сон дикого зверя, насытившегося до пресыщения. А между тем, скажи одна женщина «да» — и он навсегда был бы связан с той другой жизнью и с отвращением вспоминал бы об этой, дикой и первобытной.

На следующее утро Тарзан проснулся поздно, так как он был очень утомлен ночью и днем, проведенными на океане, а также прогулкой по джунглям, которая задала работу его мышцам, два года уже не упражнявшимся.

Проснувшись, он прежде всего подбежал к ручью напиться. Потом бросился в море и проплавал с четверть часа. Вернувшись в хижину, он позавтракал мясом Хорты и зарыл остатки мяса себе на ужин у стены хижины в песок.

Снова он взялся за веревку и отправился в джунгли. На этот раз он охотился за более благородной дичью — человеком; хотя, если бы вы справились о его мнении, он, наверное, назвал бы вам с дюжину обитателей лесов, на его взгляд более благородных, чем те люди, за которыми он охотился. Сегодня Тарзан отправился раздобыть оружие. Интересно знать, остались ли хотя бы женщины и дети в селении Мбонг после того, как карательная экспедиция с французского крейсера перебила всех воинов в наказание за предполагаемое умерщвление д'Арно? Он надеялся, что там снова есть воины, иначе ему пришлось бы бог знает как долго искать.

Человек-обезьяна быстро подвигался по лесу и около полудня подошел к тому месту, где раньше стояло селение, но к величайшему его разочарованию джунгли уже захватили все поля, а хижины пришли в разрушение, следов человека не было. Он сначала лазал по развалинам, надеясь найти какое-нибудь забытое оружие, но поиски его были тщетны, и, отказавшись от своей мысли, он пошел вдоль по берегу ручья, протекавшего в направлении с юго-востока. Он знал, что вблизи проточной воды, по всей вероятности, будет другой поселок.

Дорогой он охотился, как охотился со своим племенем обезьян в прежние времена, как Кала учила его охотиться, выворачивая трухлявые пни, где бывают приятные на вкус насекомые, поднимаясь высоко на деревья, чтобы ограбить птичье гнездо или же бросаясь с быстротою кошки на маленького грызуна. Ел он и другое, но чем меньше останавливаться на перечислении меню обезьяны, тем лучше, а Тарзан снова стал обезьяной, такой же свирепой, грубой человекообразной обезьяной, какую воспитала в нем Кала, какой он был первые двадцать лет своей жизни.

Он улыбнулся, вспомнив случайно некоторых друзей, которые сидят сейчас, невозмутимые и безупречные, в помещениях избранного

парижского клуба, как сидел он сам несколько месяцев тому назад; иногда он внезапно останавливался, как окаменевший, уловив обонянием доносимый легким ветерком запах новой добычи или опасного врага.

Эту ночь он провел далеко от берега и от своей хижины, в надежном убежище — развилине гигантского дерева, футов на сто от земли. Он опять поел вволю, на этот раз мяса Бара — оленя, которого поймал своим быстрым лассо.

На следующий день он с утра пустился снова в путь, держась по-прежнему течения потока. Три дня продолжал он свои поиски, пока не пришел в такую часть джунглей, где никогда не бывал. Здесь местность была выше и лес реже, а вдаль, в просвете между деревьями, виднелась широкая равнина и цепь мощных гор за ней. Тут, на открытых полянах, попадалась новая дичь — бесконечное число антилоп и большие стада зебр.

На четвертый день ноздри его неожиданно втянули совершенно новый запах, пока еще едва уловимый, то был запах человека, но на большом расстоянии. Человек-обезьяна затрепетал от удовольствия. Все чувства у него были напряжены, когда он быстро и ловко втихомолку подвигался между деревьями туда, где была добыча. Он скоро нагнал его — одинокого воина, мягко шагающего в джунглях.

Тарзан следовал поверху шаг за шагом, поджидая, пока деревья расступятся и удобнее будет метнуть веревку. Пока он преследовал ничего не замечающего человека, новые мысли зашевелились у человека-обезьяны, мысли, источник которых надо было искать во влиянии цивилизации. Он вспомнил, что цивилизованный человек никогда не убивает другого без всякого повода, хотя бы незначительного. Положим, Тарзану нужны были оружие и украшения этого человека, но разве нельзя получить их, не убивая?

Чем больше он об этом думал, тем более отвратительным казалось ему без надобности прекратить жизнь человеческую. И пока он обсуждал сам с собой, как ему поступить, они вышли на поляну, на противоположном конце которой стояло обнесенное частоколом селение, состоящее из хижин формы пчелиного улья.

Когда воин вышел из лесу, Тарзан уловил взглядом внизу бурое тело, ползшее по его следам в траве — это был Нума-лев. Он тоже преследовал черного. В одну минуту Тарзан сообразил, какой

опасности подвергается туземец, и отношение его к тому, в ком он недавно еще видел добычу, сразу изменилось: теперь это был уже свой брат-человек, которому угрожает общий враг.

Нума вот-вот бросится, некогда было перебирать разные способы и взвешивать возможные результаты. И сразу, почти одновременно, лев выпрыгнул из кустов за уходящим черным, Тарзан испустил предостерегающий крик, черный обернулся и увидел, что Нума остановлен на полпути волокнистой веревкой, петля которой обвилась вокруг его шеи.

Человек-обезьяна действовал так быстро, что не успел приготовиться, чтобы устоять против толчка и перевеса, который получился, когда веревка натянулась под огромной тяжестью Нумы; веревка действительно задержала льва, и он не успел вонзить своих когтей в тело черного человека, но Тарзан потерял равновесие и полетел на землю в шести шагах от взбешенного зверя. С быстротой молнии Нума бросился на нового врага, и беззащитный Тарзан был на этот раз к смерти ближе, чем когда-либо. Спас его черный воин. Сразу поняв, что он обязан жизнью этому странному белому человеку, он понял в то же время, что только чудом тот может уйти от страшных острых клыков, которые чуть было не вонзились в его собственное тело.

С быстротой мысли он отнес свое копье назад и затем изо всех сил, со страшным напряжением мышц, отчетливо обнаружившихся под отливающей как эбеновое дерево кожей, бросил его в зверя. Окованное железом оружие не дало промаху и пронзило гладкое туловище Нумы от правого бока до левого плеча. С ревом ярости и боли зверь обернулся и бросился опять на черного. Не успел сделать дюжину шагов, как веревка Тарзана снова остановила его, а когда он повернул к человеку-обезьяне, он зарычал от новой боли: зубчатая стрела до половины вошла в его тело; опять он остановился, но тут Тарзан успел уже дважды обежать с веревкой вокруг ствола большого дерева и закрепить конец.

Черный понял, в чем дело, и ослабил, но Тарзан знал, что надо торопиться прикончить Нуму, пока ему не удастся ухватить зубами тонкую веревку. Подбежать к черному и вытащить длинный нож у него из ножен, было делом одной секунды. Потом он знаками показал черному, чтобы тот продолжал выпускать в зверя стрелы, пока он

попытается подобраться к нему с ножом. И пока один, стоя с одной стороны, усиливал мучения зверя, другой осторожно подползал с другой. Нума неистовствовал, он выл, рычал, ревел в ярости и, поднимаясь на задние лапы, старался дотянуться то до одного, то до другого из своих мучителей.

Наконец, ловкий человек-обезьяна улучил момент и бросился слева к зверю. Огромная рука обвила бурую шею, и длинное лезвие погрузилось с неумолимостью рока прямо в лютое сердце.

Тарзан поднялся, и белый человек и черный человек, стоя над трупом убитого зверя, посмотрели друг другу прямо в глаза, потом черный сделал знак мира и дружбы, и Тарзан от обезьян ответил ему тем же.

XV

ОТ ОБЕЗЬЯНЫ ДО ДИКАРЯ

Шум борьбы Тарзана с Нумой привлек взволнованную толпу дикарей из селения, и через несколько минут после того, как лев умер, их окружили гибкие, черные воины, которые жестикулировали и засыпали их тысячами вопросов, не давая им времени отвечать.

Потом появились женщины и дети — живые, любопытные — и при виде Тарзана, вопросы посыпались еще неутомимей. Наконец, новому другу человека-обезьяны удалось заставить себя слушать, и, когда он закончил, между жителями селения началось соревнование: кто больше почестей воздаст странному существу, спасшему их товарища и сразившемуся один на один с лютым Нумой.

В конце концов они повели его к себе в деревню и натаскали ему даров: птиц, и коз, и вареной пищи. Когда он указал на их оружие, мужчины поспешили принести копье, щит, лук и стрелы. А его первый приятель подарил ему нож, которым Тарзан убил Нуму. Не было ничего, чего бы ему не отдали, скажи он одно слово.

— «Насколько это проще», — думал Тарзан, — «чем убивать и грабить для удовлетворения своих нужд». Как близок он был к тому, чтобы убить этого человека, которого до того никогда не видел и который сейчас всеми имеющимися у него примитивными способами выражает свою дружбу и расположение к нему, чуть было его не убившему. Тарзану от обезьян было стыдно. Впредь он будет убивать людей только, если узнает, что они того заслуживают.

Тут он вспомнил Рокова. Хотелось бы ему остаться с глазу на глаз с русским в темных джунглях, хотя бы на несколько минут. А если бы он мог видеть, как в это самое время Роков с увлечением отдается задаче заслужить расположение красивой мисс Стронг, он, вероятно, еще сильнее пожелал бы отмерить негодяю ту кару, которой он заслуживал.

Первая ночь Тарзана среди дикарей прошла в дикой оргии в его честь. Было пиршество, потому что охотники принесли антилопу и зебру, и было поглощено много штофов слабого туземного вина. Когда воины плясали при свете костров, Тарзан снова изумился пропорциональности их фигур и правильности черт, типичных для

Западного Берега плоских носов и толстых губ не было и в помине. В состоянии покоя на лицах мужчин лежало выражение ума и достоинства, многие женщины очень располагали в свою пользу.

Во время плясок Тарзан впервые обратил внимание, что на некоторых из мужчин и на многих женщинах были золотые украшения, главным образом, браслеты и запястья, очень тяжелые, очевидно, кованые. Когда он выразил желание осмотреть их, собственница одного из таких браслетов сняла его и, протянув Тарзану, знаками дала понять, что просит его принять браслет в подарок. При ближайшем осмотре оказалось, что украшение сделано из самородного золота, что очень удивило Тарзана, так как он никогда не видел золотых украшений на дикарях Африки, разве мелкие безделушки, которые прибрежные жители покупают, выменивают или выкрадывают у европейцев. Он пробовал узнать у своих хозяев, откуда они берут этот металл, но они не понимали его.

Когда пляски закончились, Тарзан собрался уходить, но они почти умоляли его воспользоваться их гостеприимством и поселиться в большой хижине, которую вождь отвел специально для него, в стороне от остальных. Он пробовал объяснить им, что вернется утром, но они не понимали. Когда он наконец отошел от них и направился в конец поселка, в противоположную от ворот сторону, они еще больше недоумевали.

Но Тарзан прекрасно знал, что делает. Опыт прошлого научил его, что туземные селения всегда наводнены насекомыми и мелкими грызунами, он предпочитал искать убежища на качающемся дереве под открытым небом, чем забираться в отравленную атмосферу грязной хижины.

Туземцы шли за ним следом до того места, где над частоколом нависли ветви большого дерева, а когда он подпрыгнул и, схватившись за одну из веток, исчез наверху в листве, точь-в-точь, как Ману-мартышка, раздались громкие возгласы удивления. С полчаса они звали его, уговаривая спуститься обратно, но так как он не отзывался, то они разбрелись по своим хижинам и улеглись на циновках.

Тарзан ушел глубже в лес, пока не отыскал дерева, удовлетворявшего его примитивным требованиям; тогда, свернувшись в большой развилине, он немедленно уснул крепким сном.

На следующее утро он спрыгнул в поселок так же неожиданно, как исчез накануне. Сначала туземцы были поражены и испуганы, но, узнав своего вчерашнего гостя, встретили его радостными криками и хохотом. В этот день он участвовал вместе с черными воинами в большой охоте на равнине, и их уважение к нему и восторги еще возросли, когда они увидели, как ловко он справляется с их грубым оружием.

Тарзан целые недели жил со своими дикими друзьями, охотясь с ними на буйволов, антилоп и зебр ради мяса, на слонов ради слоновой кости. Он быстро научился их речи, узнал их наивные обычаи и этику примитивно дикой жизни. Он убедился, что они не людоеды и с отвращением и презрением смотрят на тех, кто ест человеческое мясо.

Бузули, воин, которого он преследовал до деревни, рассказал ему много легенд своего племени: как много лет тому назад народ его пришел с севера, после долгих дней пути, как они были некогда великим и могущественным племенем, и как охотники за рабами произвели среди них такие опустошения своими смертоносными ружьями, что численно сохранились только жалкие остатки их племени, а прежней мощи нет и в помине.

— Они охотились на нас, как охотятся на диких зверей, — говорил Бузули, — они не знали жалости. Они приходили, если не за рабами, то за слоновой костью, а чаще за тем и за другим. Мужчин наших они убивали, женщин угоняли, как овец. Мы много лет боролись с ними, но наши копья и стрелы ничего не могли сделать с их палками, из которых вылетал огонь и свинец, несшие смерть на гораздо большее расстояние, чем то, с которого самые сильные наши воины могли достать своими копьями или стрелами. Наконец, когда отец мой был еще молод, арабы пришли снова, но воины наши задолго узнали об их приближении, и тогда Човамби, который был тогда вождем, сказал своему народу, чтобы они собрали свое имущество и шли за ним, что он поведет их далеко на юг, пока не найдется такого места, куда арабские наездники не могли бы добраться.

И они сделали, как он повелел им, собрав все свое имущество и много слоновых клыков. Месяцы шли они, терпя неслыханные лишения, потому что путь их вел через густые джунгли и высокие горы, но, в конце концов, они пришли сюда, и, хотя пытались искать дальше, но лучшего места найти не могли.

— А наездники арабские вас так и не разыскали? — спросил Тарзан.

— С год тому назад небольшая кучка арабов и мануемов появилась здесь, но мы прогнали их, многих убив. Много дней мы преследовали их, как диких зверей, какие они и есть, убивая их по одиночке, пока осталась только небольшая горсточка, но она ушла от нас.

Рассказывая, Бузули потрагивал тяжелый золотой браслет, охватывающий блестящую черную кожу его левой руки. Тарзан смотрел на браслет, но мыслями был далеко. Но вдруг вспомнил о вопросе, который задавал, когда впервые попал к этому племени, но на который тогда не получил ответа. За последние недели в его памяти не было места для таких тривиальных вещей, как золото, он был настоящим первобытным человеком, занятым заботой только о сегодняшнем дне. Но внезапно вид золота пробудил дремавшего в нем цивилизованного человека с его алчностью.

Этот урок Тарзан прошел основательно за короткое свое знакомство с жизнью цивилизованных людей. Он знал, что золото дает власть и удовольствия. Он показал на украшение.

— Откуда у вас этот желтый металл, Бузули? — спросил он.

Черный указал на юго-восток.

— Одну луну надо пройти, может быть немного больше, — отвечал он.

— Ты был там?

— Нет, но кое-кто из наших был, много лет назад, когда мой отец был еще молодой. Один из тех отрядов, которые искали нового местоположения для племени, попал к странному народу, у которого было много украшений из желтого металла. И копья, и стрелы у них были окованы этим металлом, и пищу они варили в котлах из такого же крепкого металла, как мой браслет.

Они жили большим селением, и хижины их были выстроены из камня, а кругом высокие стены. Они были очень свирепы, и, выбежав, напали на наших воинов, даже не дав им времени сказать, что пришли они с мирными целями. Наших было немного, но они твердо держались на вершине маленького скалистого холма, пока свирепые люди с заходом солнца не ушли обратно в город. Тогда наши воины спустились с холма и, сняв много украшений из желтого металла с

трупов убитых врагов, ушли из долины, и с тех пор никто из наших туда не возвращался.

Они злой народ, не белый и не черный, и все покрыты волосами, вот как Болгани-горилла. Да, это скверные люди, и Човамби был рад, когда выбрался из их страны.

— Не осталось ли в живых кого-нибудь из тех, кто ходил с Човамби и видел этих странных людей и их удивительный город? — спросил Тарзан.

— Наш вождь, Вазири, был там, — отвечал Бузули, — он был тогда очень юн, но сопровождал Човамби, своего отца.

В этот же вечер Тарзан расспросил Вазири, теперь уже старика, и узнал от него, что путь дальний, но дорога не трудная, и Вазири ее хорошо запомнил.

— Десять дней мы шли вдоль реки, что протекает вблизи нашего селения. Мы поднимались к ее истокам, пока на десятый день не подошли к маленькому источнику высоко на склоне величавой горы, одной из гор целого хребта. От этого источника берет начало наша река. На следующий день мы перевалили через вершину горы, и на той стороне нашли узенькую речушку, по берегу которой мы и пошли. Она привела нас в большой лес. Много дней держались мы речки, следуя за всеми ее изгибами, она сначала обратилась в настоящую реку, а потом привела нас к большой реке, в которую она вливалась.

Большая река протекала через обширную равнину. Мы пошли по берегу ее, вверх по течению, рассчитывая выйти на более открытую местность. Спустя двадцать дней с того времени, как мы перевалили гору и вышли за пределы своей страны, мы подошли к новому горному хребту и стали подниматься по склону горы. Тут уже не большая река, а маленькая речонка служила нам проводником, потом она обратилась в ручеек, и, наконец, мы подошли к небольшому подъему у самой верхушки горы. Отсюда брала начало большая река.

Помню, недалеко от этого водоема мы расположились лагерем в последнюю ночь, и было очень холодно, потому что гора была высокая. На следующий день мы поднялись на самую верхушку с тем, чтобы посмотреть, что за земля лежит по ту сторону и, если она окажется не лучше тех мест, какие мы проходили, вернуться к своим и сказать им, что самое лучшее место в мире то, на котором они уже живут.

Взобравшись по скалам на вершину, где была небольшая площадка, мы увидели неглубоко внизу очень узкую долину, на дальнем конце которой стояло большое селение, выстроенное из камня, причем часть зданий уже успела разрушиться.

Кончался рассказ Вазири буквально так, как то, что Тарзан слышал от Бузули.

— Я хотел бы пойти посмотреть на этот город, — сказал Тарзан, — и получить немного желтого металла от его свирепых жителей.

— Путь дальний, — отвечал Вазири, — и я уже стар, но если ты подождешь, когда кончится время дождей и реки войдут в свои берега, я возьму с собой несколько человек воинов и пойду с тобой.

И Тарзану пришлось довольствоваться таким решением, хотя он, как нетерпеливый ребенок, предпочел бы пуститься в путь на другой же день. Тарзан от обезьян в самом деле был ребенком или первобытным человеком, что в некоторых отношениях одно и то же.

Через день несколько человек охотников вернулись в селение с юга с известием, что в расстоянии нескольких миль есть большое стадо слонов. Влезая на деревья, они хорошо рассмотрели стадо, в котором, по их словам, было несколько больших самцов с клыками, много самок, молодых слонят и молодых, но уже выросших самцов, кость которых особенно хороша.

Конец дня и вечер ушли на приготовления к охоте. Натачивали копья и стрелы, перетягивали луки, наполняли колчаны; а тем временем местный колдун ходил в толпе, предлагая заклинания и амулеты, которые предохраняют от ранений или приносят счастье на охоте.

На рассвете охотники отбыли. Всего шло пятьдесят черных воинов и среди них, гибкий и подвижный как молодой лесной бог, шел Тарзан от обезьян, и его смуглая кожа резко выделялась на фоне эбеновых тел его спутников. Только цветом кожи он и отличался от них. Он был так же вооружен, как они, на нем были надеты такие же украшения, он говорил на их языке, смеялся и шутил с ними, и не хуже их перед уходом из деревни с криком скакал в дикой пляске. Дикарь среди дикарей. И не может быть сомнения, что, задай он себе этот вопрос, он, наверное, признал бы, что чувствует себя ближе этим людям и их жизни, чем своим парижским друзьям, привычкам которых он по-обезьяньи успешно подражал в течение нескольких месяцев.

Он вспомнил д'Арно, и веселая улыбка раздвинула губы, показав ряд крепких белых зубов: что бы изобразилось на лице безукоризненного француза, если бы он мог каким-нибудь способом увидеть Тарзана в эту минуту. Бедный Поль, который гордился тем, что искоренил в своем друге последние следы дикого человека.

— Как быстро я опять пал! — думал Тарзан, но в глубине души он не считал это падением, — наоборот, он жалел несчастных парижан, под бдительными взглядами полисменов следящих за тем, чтобы они только и делали то, что скучно и надумано.

Через два часа они дошли до той местности, где накануне видны были слоны. Отсюда они пошли медленней, высматривая следы больших животных. Наконец попали на хорошо заметную тропинку, по которой стадо прошло не очень давно. С пол часа они гуськом шли по ней. Первым поднял руку Тарзан в знак того, что добыча близко, его острое обоняние предупредило его.

Черные отнеслись к его словам недоверчиво.

— За мной, — сказал Тарзан, — тогда вы увидите.

С ловкостью белки он вспрыгнул на дерево и быстро пробежал до верхушки, один из черных следовал за ним медленно и осторожно. Когда он добрался до ветки рядом с той, на которой сидел человек-обезьяна, тот показал ему по направлению к югу, и там, на расстоянии нескольких сот ярдов, черный увидел много больших черных спин, двигавшихся взад и вперед над высокими травами джунглей. Он знаками показал направление внизу стоящим и на пальцах пересчитал, сколько видно животных.

Охотники немедленно двинулись вперед; черный, влезший на дерево, поспешил спуститься, а Тарзан выбрал излюбленный им путь — по деревьям, средним ярусом.

Охотиться на диких слонов с примитивным оружием первобытного человека — дело не шуточное. Тарзан знал, что из туземцев немногие племена на это решаются, и испытывал некоторое чувство гордости от сознания, что его племя принадлежит к этим немногим, он уже начинал мысленно причислять себя к этой маленькой общине.

Подвигаясь вперед по деревьям, Тарзан видел, как черные воины, расположившись полукругом, ползком подбираются к ничего не подозревающим слонам. Наконец, они приблизились настолько, что слоны не могли не видеть их. Тогда, наметив себе двух крупных,

старых слонов, по данному сигналу, все пятьдесят человек выскочили из травы, в которой скрывались, и метнули свои тяжелые боевые копья в двух отмеченных исполинских животных. Одно из них так и не двинулось с того места, где стояло, когда дождь прекрасно нацеленных копий осыпал его, потому что два особенно метких копья проникли ему в сердце, колени у него подогнулись, и оно без сопротивления рухнуло наземь.

С другим, стоящим на одну голову ближе к охотникам, дело обошлось не так просто; хотя ни одно копьё не дало промаха, в большое сердце не проникло ни одного.

Несколько мгновений огромный самец стоял не двигаясь, только яростно трубил от боли и злобы и ворочал маленькими глазками. Черные скрылись в джунглях раньше, чем слабые глаза чудовища успели их разглядеть, но он уловил звук их передвижения и бросился на звук, ломая кустарники и небольшие деревья.

Случилось, что на пути ему попался Бузули, и он нагонял его так быстро, что казалось, будто черный стоит на месте, тогда как он развивал всю возможную скорость, чтобы уйти от неминуемой смерти, которая гналась за ним по пятам. Тарзан, наблюдая с одной из веток близстоящего дерева, был свидетелем всей сцены и, видя угрожающую его другу опасность, побежал по направлению к взбешенному животному, рассчитывая громкими криками отвлечь его внимание.

Но не стоило стараться: животное ничего не слышало и не видело, кроме того одного существа, которое взбесило его, а теперь убегало от него со всех ног. Тарзан понял, что только чудо может спасти Бузули, и так же бессознательно, как раньше когда-то бессознательно преследовал этого самого человека, Тарзан бросился навстречу слону, чтобы спасти черного воина.

Он еще держал в руках свое копьё. Тантор был всего шагах в шести — семи от своей жертвы, как вдруг перед ним очутился, словно с неба упавший, мускулистый белый воин. Слон уклонился немного вправо, чтобы расправиться сначала с дерзким, который посмел встать между ним и намеченной им жертвой, но он не учел, с какой молниеносной быстротой могут быть приведены в действие эти стальные мускулы, с быстротой, которая может привести в недоумение даже более острые глаза, чем танторовские.

Слон не успел еще даже сообразить, что новый его враг отскочил в сторону, как Тарзан направил свое копьё с железным наконечником из-за огромного плеча прямо в сердце, и колоссальное толстокожее свалилось у самых ног человека-обезьяны.

Бузули не успел заметить, каким образом был спасен, но Вазири, старый вождь, видел все, видели и некоторые воины, и все они с восторгом приветствовали Тарзана, столпившись вокруг него и убитого им животного.

Когда он вскочил на труп и испустил боевой клич, которым всегда оповещал о победе, черные в страхе отпрянули, потому что им этот крик напоминал жестокого Болгани, которого они боялись не меньше, чем боялись Нуму-льва, притом страхом, к которому примешивалось своего рода почтение к человекообразному существу, обладавшему, по их мнению, сверхъестественной силой.

Но когда Тарзан опустил закинутую вверх голову и улыбнулся им, они успокоились, хотя и не поняли. Не пришлось им никогда понять вполне странное существо, которое бегало по деревьям так же быстро, как Ману, а на земле чувствовало себя свободнее их; которое отличалось от них только цветом кожи, но сильнее было в десять раз и могло выходить один на один против самых свирепых обитателей свирепых джунглей.

Когда собрались все охотники, охота возобновилась опять, началось преследование уходящего стада. Но не прошли они и нескольких сотен ярдов, как сзади издалека донеслось странное щелканье.

На мгновение все замерли, напряженно прислушиваясь. Потом Тарзан заговорил.

— Ружья! — сказал он. — Напали на селение.

— Назад! — крикнул Вазири. — Арабские наездники со своими рабами-людоедами вернулись за нашей слоновой костью и нашими женщинами.

XVI

НАБЕГ

Воины Вазири быстрым шагом направились джунглями к селению. Вначале резкое щелканье ружей впереди заставляло их торопиться, но скоро общая стрельба сменилась одиночными выстрелами, потом смолкли и те, признак не менее зловещий, потому что маленький отряд, спешивший на помощь, мог объяснить такое затишье только тем, что плохо защищенное селение отдано во власть врага, располагающего превосходящими силами.

Возвращающиеся охотники прошли немного больше трех миль из пяти, отделявших их от селения, когда им стали попадаться первые беглецы, спасшиеся от пули или рук неприятеля. Около дюжины женщин, юношей и девушек, настолько взволнованных, что трудно было понять их, когда они пытались рассказать Вазири о беде, свалившейся на его народ.

— Их столько, сколько листьев в лесу, — кричала одна из женщин, — много арабов и несметное число мануемов, и все с ружьями. Они подкрались к деревне незаметно для нас и бросились на нас, убивая мужчин, женщин и детей. Кто мог, бежал в джунгли, но большинство убито. Не знаю, брали ли они пленников, мануемы кричали, что всех нас перебьют и съедят за то, что мы убили их друзей в прошлом году.

Движение к селению возобновилось медленнее и с большими предосторожностями, потому что Вазири знал, что уже поздно спасать, остается только мстить. Встретилось еще несколько десятков беглецов, среди них были мужчины, и отряд Вазири усиливался.

Несколько воинов были посланы ползком на разведку. Вазири остался с главными силами, которые он вытянул в одну линию, широким полукругом охватывавшую лес. Тарзан шел рядом с вождем.

Один из разведчиков вернулся. Он побывал вблизи селения.

— Они в ограде, — шепнул он.

— Хорошо! Мы бросимся на них и перебьем их, — сказал Вазири и готов был отдать распоряжение, но Тарзан удержал его.

— Погоди, — остановил он его. — Если в ограде хотя бы пятьдесят ружей, нас отбросят и перебьют. Я сначала один проберусь по деревьям и узнаю точно, сколько их и может ли наше нападение сколько-нибудь рассчитывать на успех. Если нет никакой надежды, безумно терять зря хотя бы одного человека. Я думаю, нам легче будет взять их хитростью, чем силой. Вы подождете?

— Хорошо! Иди! — отвечал вождь.

Тарзан прыгнул на дерево и исчез по направлению к селению. Он двигался еще осторожнее обычного, потому что знал, что эти люди вооружены ружьями, которые достанут его и на верхушке дерева. А когда Тарзан от обезьян хотел быть осторожным, он двигался так бесшумно и так умел спрятаться от взоров врагов, что ни одно существо в джунглях не могло бы в этом сравниться с ним.

В пять минут он уже добрался до большого дерева, нависшего над частоколом в конце селения, и оттуда посмотрел внутрь ограды. Он насчитал пятьдесят арабов, а мануемов было примерно раз в пять больше. Последние насыщались и на глазах у своих белых повелителей готовили страшное блюдо, которое является обязательной принадлежностью их пиршеств каждый раз, когда после победы тела побежденных остаются у них в руках.

Человек-обезьяна увидел ясно, что напасть на эту дикую орду, вооруженную ружьями и забаррикадировавшуюся за запертыми воротами селения, было бы задачей неблагоприятной; он вернулся к Вазири и посоветовал ему выждать, так как он, Тарзан, придумает лучший план.

Но перед этим один из беглецов рассказал Вазири, как была убита его старая жена, и обезумевший от ярости старик забыл всякую осторожность. Собрав вокруг себя своих воинов, он приказал им идти в атаку, и маленький отряд, немногим более ста человек, размахивая копьями, с дикими воплями ринулся к воротам селения. Не добежали они и до середины поляны, как арабы открыли из-за частокола уничтожающий огонь. При первом же залпе пал Вазири, нападающие замедлили ход, следующий залп выбил человек шесть из их рядов. Немногие добежали до запертых ворот и тут же были убиты, не было ни тени надежды проникнуть внутрь. Атака кончилась неудачей, и оставшиеся воины рассыпались по лесу.

Когда они повернули к лесу, арабы открыли ворота и бросились их преследовать, чтобы окончательно перебить все племя. Тарзан направился к лесу одним из последних; он не спешил и время от времени оборачивался, чтобы послать хорошо нацеленную стрелу в одного из преследователей.

В джунглях он увидел небольшую кучку черных, с решительным видом поджидающих приближающуюся шайку. Тарзан крикнул им, чтобы они рассеялись и держались подальше до темноты, когда можно будет собрать свои силы.

— Слушайте меня, — убеждал он их, — и мы победим неприятеля. Ночью соберитесь кружными путями к тому месту, где мы сегодня били слонов. Там я объясню вам свой план, и вы увидите, что он хорош. Нельзя с вашими малыми силами и простым оружием бороться против такого количества арабов и мануемов с ружьями.

В конце концов они согласились.

— Если вы рассеетесь, — в заключение объяснил им Тарзан, — неприятелю тоже придется рассеяться для погони, а тогда, пожалуй, вы можете подстрелить своими стрелами не одного мануема, если сами будете хорошо скрываться за деревьями.

Только они отошли подальше в лес, как первые преследователи вошли с поляны на опушку.

Тарзан пробежал немного вниз, потом поднялся на деревья, на верхний ярус и, повернув назад, направился к селению. Он скоро убедился, что все арабы и мануемы ушли в погоню, в деревне остался только один часовой и закованные пленники.

Часовой стоял у открытых ворот, глядя в лес, и не видел ловкого гиганта, соскочившего с дерева у противоположного конца деревенской улицы. С луком наготове человек-обезьяна крался неслышно.

Пленники узнали его и широко раскрытыми, загоревшимися надеждой глазами следили за ним. Вот он уже остановился в десяти шагах от ничего не подозревающего мануема. Древко отнесено назад на уровне серого глаза, бегающего по его гладкой поверхности. Вот смуглые пальцы разжались, и часовой упал лицом вперед без единого звука. Копье пронзило сердце.

Тогда Тарзан обратился к женщинам и юношам, прикованным затылок к затылку к длинной невольничей цепи. Их было около

пятидесяти. Не было времени разбивать замки, и человек-обезьяна предложил им идти, как они есть, и подобрав ружье и сумку с патронами убитого часового, он вывел их из ворот селения в лес, в противоположную от деревни сторону поляны.

Они продвигались вперед медленно и с трудом, потому что люди не привыкли к невольничьим кандалам, некоторые падали и увлекали за собой других. Кроме того, Тарзану пришлось делать крюк во избежание встречи с возвращающимися врагами. Он ориентировался по отдельным выстрелам, которые показывали, что арабская шайка еще в соприкосновении с туземцами; но Тарзан знал, что, если последние послушались его совета, потери могут быть только на стороне грабителей.

В сумерки стрельба прекратилась, и Тарзан таким образом знал, что арабы вернулись в селение. Он с трудом подавил торжествующую улыбку, когда вспомнил, в какое они придут неистовство, когда увидят, что часовой убит, а пленные уведены. Тарзан охотно забрал бы и запасы слоновой кости, находившиеся в деревне, хотя бы для того, чтобы еще сильнее раздражить врага, но невозможно было взваливать на измученных женщин и подростков тяжелую ношу. Кроме того, Тарзан рассчитывал спасти слоновую кость другим способом.

Было около полуночи, когда Тарзан вместе со своей медленно движущейся вереницей вышел к тому месту, где лежали слоны. Еще издали им показывали путь большие костры, которые туземцы развели посреди наскоро устроенной «бомы», частью, чтобы согреться, частью, чтобы отпугивать львов.

Когда они близко подошли к лагерю, Тарзан окликнул, чтобы те знали, что идут друзья. Радостно был встречен маленький отряд, когда свет костров упал на длинную вереницу скованных родственников и друзей. Их уже считали погибшими и Тарзана тоже.

Довольные черные не прочь были бы всю ночь пропировать, угощаясь мясом слона, но Тарзан настоял, чтобы они постарались выспаться возможно лучше, так как на следующий день начнется работа.

Впрочем, уснуть было не так просто: женщины, потерявшие мужей или детей, непрерывно вопили и выли. Наконец, Тарзану удалось заставить их замолчать, сказав, что своими криками они привлекут арабов, которые всех перебьют.

Рассветало, и Тарзан объяснил воинам свой план военных действий, с которым все согласились; это был единственно возможный способ отделаться от непрошенных посетителей и отомстить за убитых.

Прежде всего женщины и дети под охраной двадцати стариков и юношей были отправлены к югу, за пределы боевой зоны. Им было сказано устроить временные хижины и окружить их «бомой» из ветвей колючих кустарников, потому что план, который предложил Тарзан, мог потребовать для своего осуществления несколько дней, а, может быть, и недель, и все это время воины не будут к ним присоединяться.

Часа через два после восхода солнца черные воины редким кольцом окружили деревню. С промежутками они были размещены высоко на деревьях. Вот упал внутри ограды один мануем, пронзенный стрелой. Никаких обычных признаков: ни диких боевых криков, размахивания копьями, без чего не обходится ни одна атака дикарей, — только молчаливый вестник смерти из молчаливого леса.

Беспримерный случай привел в бешенство арабов и мануемов. Они бросились к воротам, чтобы наказать дерзкого, но оказалось, что они не знают, в какой стороне может быть враг. Пока они обсуждали положение, араб из их же группы молча опустил наземь с тонкой стрелой в груди.

Тарзан разместил на окружающих деревьях лучших стрелков племени, приказав им не выдавать ни в коем случае своего присутствия. Выпустив своего вестника смерти, черный скрывался за ствол дерева и не показывался до тех пор, пока зоркий глаз не убеждал его, что никто не смотрит в его сторону.

Трижды бросались арабы через поляну в ту сторону, откуда, как им казалось, летели стрелы, но каждый раз новая стрела, посланная сзади, выхватывала кого-нибудь из их рядов. И они поворачивали и бросались в другую сторону. Наконец, они решили обыскать лес, но черные рассыпались во все стороны, и никаких следов неприятеля арабы не нашли.

Но вверху, из густой листвы гигантского дерева следила за ними мрачная фигура: Тарзан от обезьян парил над ними, как тень смерти. Вот один мануем шел впереди своих товарищей, невозможно было сказать, откуда пришла смерть, но пришла она быстро, и сзади идущие споткнулись о тело товарища с неизбежной стрелой в груди. Такой

способ ведения военных действий скоро начал надоедать белым, и не удивительно, что среди мануемов вскоре началась паника.

То одного, то другого смерть выхватывала из общих рядов, и каждый раз в теле находили страшную стрелу, посланную с точностью сверхчеловеческой прямо в сердце жертвы. И хуже всего было то, что ни разу за все утро, они не видели и не слышали ничего, что выдавало бы присутствие врага, ничего, кроме этих безжалостных стрел.

И в самом селении, когда они вернулись туда, было не лучше. Нет-нет с различными промежутками то один, то другой падали мертвыми. Черные уговаривали своих белых господ уйти скорей из этого страшного места, но арабы не решались пуститься в путь лесом, полным новыми и страшными врагами, притом пуститься нагруженными большими запасами слоновой кости, которые они нашли в деревне; бросить же слоновую кость они ни за что не согласились бы.

В конце концов все участники набега попрятались в соломенных хижинах — там их, по крайней мере, не достанут стрелы. Тарзан со своего дерева наметил себе хижину, в которую ушел предводитель арабов и, покачиваясь на свисающей ветке, он со всей силой своих исполинских мышц бросил копьё сквозь соломенную крышу. Болезненный крик показал, что копьё попало в цель. Показав таким образом, что нет им нигде защиты, Тарзан вернулся в лес, собрал своих воинов и отошел с ними на милю в сторону, чтобы отдохнуть и поесть. На нескольких деревьях он оставил часовых, но погони не было.

Осмотрев свои силы, он убедился, что нет никаких потерь, никто даже не был ранен, а по самому скромному подсчету пало не меньше двадцати врагов, пронзенных стрелами. Они были вне себя от восторга и хотели непременно закончить день блестящим набегом на селение, чтобы покончить с врагами. Они даже говорили о мучениях, каким подвергнут мануемов, которых они особенно возненавидели, когда Тарзан положил конец их мечтаниям.

— С ума вы сошли, — крикнул он. — Я показал вам, как надо сражаться с этими людьми. Вы уже убили двадцать человек, не потеряв ни одного, а вчера, действуя по-своему, как вы хотите действовать сейчас, вы потеряли дюжину, не убив ни одного араба или

мануема. Вы будете сражаться так, как я говорю, или я уйду в свою землю.

Они испугались его угрозы и обещали слушаться его во всем.

— Хорошо, — сказал он, — на сегодняшнюю ночь мы вернемся в прежний лагерь. Я хочу дать арабам маленький урок, чтобы они знали, что их ожидает, если они останутся здесь. Но помощников мне не нужно. Они начнут успокаиваться, и тем хуже подействует на них переход опять к страху.

Вернувшись во вчерашний лагерь, они развели большие костры и до глубокой ночи ели и рассказывали друг другу происшествия сегодняшнего дня. Тарзан проспал до полуночи, потом поднялся и скрылся во мраке леса. Час спустя он был на поляне у селения. Внутри ограды был разведен огонь. Человек-обезьяна подполз к самой решетке и в промежутке между кольями увидел одинокого часового, сидящего у огня.

Тарзан спокойно направился к дереву в конце улицы, неслышно взобрался на свое место и вставил стрелу в лук. Несколько минут он прицеливался в часового, но вскоре убедился, что благодаря качанию веток и мельканию огня, слишком много шансов промахнуться, а надо попасть прямо в сердце для того, чтобы удалось провести задуманный план.

Он принес с собой кроме лука и стрел свое лассо и ружье, которое отобрал накануне у убитого часового. Спрятав все это в одной из развилин дерева, он легко соскочил наземь внутрь ограды, вооружившись только своим длинным ножом. Часовой сидел к нему спиной. Как кошка подползал Тарзан к дремлющему человеку. Он был уже в двух шагах от него, еще миг — и нож неслышно вонзится в сердце.

Тарзан приготовился к прыжку — быстрому и верному способу нападения зверя джунглей — как вдруг часовой, предупрежденный каким-то неясным чувством, вскочил на ноги и повернулся к человеку-обезьяне.

XVII

БЕЛЫЙ ВОЖДЬ ПЛЕМЕНИ ВАЗИРИ

Когда взгляд черного мануема остановился на странной фигуре, стоящей перед ним в угрожающей позе, с ножом в руке, глаза его расширились от ужаса. Он забыл о ружье, которое держал в руке. Забыл, что можно позвать на помощь. Он думал только о том, как бы уйти от этого страшного белого дикаря, от этого гиганта, на массивных мышцах груди которого играл отблеск пламени.

Но не успел он повернуться, как Тарзан был уже возле него, и когда часовой хотел крикнуть, было уже поздно. Большая рука схватила его за Горло и свалила наземь; он боролся изо всех сил, но напрасно: с цепкой свирепостью бульдога ужасные пальцы сжимались все теснее вокруг его горла. Скоро человек-мануем затих.

Человек-обезьяна перебросил тело через плечо и, подобрав ружье часового, неслышно прошел улицей к дереву, благодаря которому так легко проникал внутрь селения. Там он спрятал тело высоко в густой листве, предварительно сняв с него сумку с патронами. Потом с ружьем в руке он продвинулся вперед на ветке, с которой хорошо мог видеть хижины. Тщательно взяв на прицел ульеобразную хижину, в которой помещался предводитель арабов, он нажал на курок, и почти сразу послышался ответный стон. Тарзан улыбнулся. Заряд попал в цель.

После выстрела минуту царило молчание, а потом арабы и мануемы высыпали из хижин как рой рассерженных ос, пожалуй, не столько рассерженных, сколько перепуганных. Напряжение предыдущего сказалось на нервах и белых и черных, и этот единственный выстрел заставил расстроенное воображение заработать, строя самые ужасные предположения.

Когда они заметили, что часовой исчез, страхи отнюдь не улеглись, и для того, чтобы придать себе мужества воинственными действиями, они быстро начали палить сквозь ограду, хотя неприятеля нигде не было видно. Тарзан воспользовался трескотней пальбы, чтобы выстрелить в толпу.

Никто не слышал его выстрела, но близстоящие видели, как один мануем упал наземь; наклонились над ним, но он был мертв. Тогда паника окончательно охватила мануемов, и арабы едва удерживали их от бегства без оглядки в джунгли.

Спустя некоторое время, они начали успокаиваться и подбодрились. Но передышка была непродолжительная. Только они решили, что больше нечего бояться, как Тарзан испустил боевой клич и, когда грабители обернулись на голос, человек-обезьяна, раскачав хорошенько тело убитого часового, вдруг бросил его через их головы.

С воплями ужаса разбежалась толпа в разные стороны, спасаясь от странного, незнакомого существа, которое собирается спрыгнуть на них. Их расстроенное воображение приняло падающее тело часового за какого-то огромного хищного зверя. Спасаясь, некоторые из черных полезли через ограду, другие выламывали колья в воротах и устремлялись через поляну в джунгли.

Несколько минут никто не оборачивался, чтобы взглянуть, что их испугало. Но Тарзан знал, что они не замедлят это сделать, и, убедившись в том, что это тело их же часового, испугаются еще больше, но проделают то, от чего ему может быть плохо. Поэтому он неслышно исчез и, поднявшись на верхний ярус, направился на юг, к лагерю Вазири.

В самом деле, вот один из арабов оглянулся и увидел, что то, что упало с дерева, лежит неподвижно на том самом месте, куда упало, посреди деревенской улицы. Он пополз к нему осторожно и разглядел, что это просто человек, еще миг — он был подле него и узнал в нем мануема, стоявшего на часах.

На его возглас скоро собрались его товарищи, и после оживленного разговора они сделали именно то, что предвидел Тарзан. Подняв ружья, они дали залп за залпом по дереву, откуда упало тело. Останься Тарзан там, он был бы, конечно, изрешечен пулями.

Заметив, что единственные знаки насилия на часовом — следы чьих-то гигантских пальцев на горле, арабы и мануемы пришли в еще большее смятение и отчаяние. Ясно, что они не могут быть в безопасности даже за запертыми воротами ночью. Чтобы враг мог проникнуть в их лагерь и убить часового голыми руками, это казалось ему непостижимым, и суеверные мануемы начинали приписывать свои

несчастья сверхъестественным причинам. Белые же не могли дать никаких правдоподобных объяснений.

Несколько десятков человек металось по джунглям, другие ждали, что враг вот-вот возобновит хладнокровное истребление, и вся шайка головорезов в отчаянии, не ложась, караулила до рассвета.

Оставшихся в селении мануемов арабы несколько успокоили обещанием, что на рассвете все они покинут это место. Даже страх перед жестокими господами не мог заставить победить охвативший их ужас.

Вот почему на другой день утром, когда Тарзан и его товарищи вернулись, чтобы продолжить прежнюю тактику, они застали врага уже уходящим. Мануемы были нагружены краденой слоновой костью. Тарзан, глядя на это, усмехался: он был уверен, что они далеко ее не унесут. Но тут он увидел кое-что, встревожившее его: несколько человек мануемов зажигали факелы у потухающего костра, очевидно, они собирались поджечь селение.

Тарзан сидел на высоком дереве, в нескольких сотнях футов от частокола. Сделав рупор из рук, он громко закричал по-арабски: — Не поджигайте наших хижин, а то мы убьем вас! Не поджигайте наших хижин, а то мы убьем вас!

Повторил раз двенадцать. Мануемы колебались, потом один из них бросил свой факел в огонь. Другие собирались проделать то же самое, когда к ним подскочил араб с палкой и начал их избивать, показывая на хижины и, очевидно, приказывая их поджечь. Тогда Тарзан поднялся во весь рост на качающейся ветке, поднял на плечо одно из арабских ружей и, тщательно прицелившись, выстрелил. Араб, настаивавший на том, чтобы хижины были подожжены, упал замертво, а мануемы побросали факелы и бросились вон из селения. Они бежали без оглядки в джунгли, а прежние их господа, припав на одно колено, стреляли по ним.

Но как ни сердились арабы на неповиновение мануемов, они признали в конце концов, что разумнее отказаться от удовольствия поджечь селение, которое дважды так плохо приняло их. Про себя они клялись вернуться с такими силами, которые дали бы возможность смести с лица земли все на мили кругом, чтобы и следов пребывания человека не осталось.

Они напрасно всматривались в деревья, чтобы разглядеть человека, которому принадлежал голос, так напугавший мануемов. Они видели дымок над деревом после выстрела, свалившего араба, и дали несколько залпов по этому дереву, но не было видно, что залпы достигли цели.

Тарзан был слишком умен, чтобы попасть в такую ловушку, а потому — не успел замереть звук от выстрела, как человек-обезьяна соскочил вниз и перебежал к другому дереву, на расстоянии сотни ярдов. Отсюда он стал продолжать свои наблюдения. Сообразив, что можно доставить себе развлечение, он опять сложил руки в виде рупора и крикнул:

— Оставьте кость! Оставьте кость! Мертвым не нужна кость!

Кое-кто из мануемов, вздрогнув, опустил поклажу. Но этого алчность арабов уже не могла вынести. С громкими проклятиями и криками они схватились за ружья и взяли своих носильщиков на прицел, угрожая убить каждого, кто положит наземь свою ношу. Они могли отказаться от мысли поджечь селение, но бросить такое богатство — это выходило за пределы допустимого — лучше смерть.

Так выступили они из селения Вазири, нагрузив своих рабов таким количеством слоновой кости, какого хватило бы на выкуп многих царей. Они направлялись к северу, назад в свои дикие поселения, в дикой и малоизвестной стране, расположенной по ту сторону Конго, в глубине Великого Леса.

Они шли, и тут же рядом, по обе стороны дороги, двигался невидимый и неутомимый враг.

Под руководством Тарзана черные воины Вазири разместились с промежутками по обе стороны дороги в чаще кустарника. По мере того, как проходила колонна, то тяжелое копье, то острая стрела, пущенные верной рукой, пронизывали мануема или араба. Потом Вазири исчезал в чаще и перебежал вперед, чтобы занять новое место. Они били только наверняка, и только тогда, когда не боялись быть обнаруженными, поэтому стрел и копий выпускалось немного, с большими промежутками, но опасность, упорная и непрестанная, висела все время над колонной, которая продвигалась медленно из-за тяжелого груза, а паника не рассеивалась, паника от того, что только что упал пронзенный товарищ, паника от того, что неизвестно, чья следующая очередь и когда пробьет его час.

Десяток раз мануемы готовы были бросить свою ношу и, как испуганные зайцы, пуститься к северу со всех ног. И арабы с большим трудом, угрозами и убеждениями, удерживали их. Так проходили для грабителей в сплошном кошмаре дни за днями. На ночь арабы разбивали лагерь на какой-нибудь полянке у реки и делали грубую «бому». Но временами ночью пуля пролетала у них над головами, и один из часовых, которых они теперь ставили дюжинами, сваливался наземь. Все это было невыносимо, так они могли быть перебиты один за другим, не причинив ни малейшего урона врагу. И все-таки с алчностью, свойственной белому человеку, арабы никак не хотели расстаться с награбленным и поутру снова вынуждали деморализованных мануемов взваливать на себя ноши и выстраиваться в шеренгу.

Три дня шла колонна, и каждый час приносил с собой смертоносное копье или стрелу. Ночью лаяло невидимое ружье, и назначить человека часовым значило подписать ему смертный приговор.

Утром на четвертый день арабам пришлось застрелить двух своих рабов за неповиновение, а в это время из джунглей прозвучал ясный и сильный голос:

— Сегодня вы умрете, мануемы, если не откажетесь нести кость. Нападайте на своих жестоких господ! Бейте их! Ведь у вас есть ружья, почему вы не воспользуетесь ими? Убейте арабов, и мы не тронем вас. Мы возьмем вас к себе в деревню, накормим и выведем невредимыми из нашей страны. Положите кость и бросайтесь на своих господ — и мы поможем вам, иначе — умрете вы!

Когда умолк голос, караван замер. Арабы смотрели на своих рабов. Мануемы смотрели друг на друга, они только выжидали, чтобы кто-нибудь взял на себя инициативу. Оставалось человек тридцать арабов и около полуторааста черных, все были вооружены, даже у носильщиков за спиной висели ружья.

Арабы сплотились тесней. Шейх приказал мануемам выступить и, отдавая приказание, поднял ружье, но в это самое время один из черных сбросил свою ношу и, вздернув ружье, выстрелил в упор в кучку белых. Вмиг весь лагерь превратился в толпу проклинаящих и вопящих демонов, пускающих в ход ружья, ножи, револьверы. Арабы смело защищали свою жизнь, но свинцовый дождь, которым осыпали

их собственные рабы, и тучи стрел и копий, которые сыпались из окружающих джунглей, делали исход ясным. Через десять минут после начала стычки ни одного араба не было в живых.

Когда стрельба прекратилась, Тарзан снова заговорил:

— Берите нашу кость и несите ее туда, откуда вы утащили ее. Мы не сделаем вам зла.

Мгновение мануемы заколебались. Не было охоты проделывать обратно три дня пути. Они посоветовались шепотом и обратились к джунглям:

— Как мы можем знать, что вы не перебьете нас, если мы вернемся в селение?

— Вы слышали, что мы обещали не делать вам зла, если вы принесете обратно нашу кость, но вы не знаете, что мы можем убить вас всех до единого, если вы не послушаетесь нас. Разве не ясно, что скорее мы убьем вас, если вы рассердите нас, чем если вы исполните то, чего Мы требуем?

— Кто вы, что говорите языком нашего арабского господина? — спросил мануем-парламентер. — Покажитесь, и тогда мы дадим ответ.

Тарзан вышел из джунглей в нескольких шагах.

— Смотрите! — сказал он. Увидев, что он белый, они пришли в ужас, потому что им никогда не приходилось видеть белого дикаря, а его мощная мускулатура и исполинское сложение привели их в восторг.

— Можете верить мне, — сказал Тарзан. — Будете вы слушаться меня и не будете трогать моего народа, и мы не тронем вас. Отнесете вы обратно нашу кость или нам и дальше идти вслед за вами, как мы шли эти дни?

Напоминание об этих ужасных днях заставило мануемов решиться, и, подняв поклажу на плечи, они повернули к селению Вазири.

На третий день караван, вместе с воинами Вазири, вошел в ворота селения, приветствуемый оставшимися в живых жителями, которые вернулись, когда посланные Тарзана сообщили им, что грабители ушли.

Потребовался весь авторитет Тарзана, чтобы спасти мануемов от избиения и растерзания, но когда он объяснил, что дал слово не причинять им вреда, если они принесут обратно кость, когда он напомнил, что победой они обязаны ему, они уступили.

В эту ночь воины Вазири совещались, как им отпраздновать победу и выбрать нового вождя. Со времени смерти Вазири Тарзан руководил военными действиями, и временно предводительство было молча предоставлено ему. Не было времени выбрать нового вождя из их числа, да и с самого начала человек-обезьяна действовал так удачно, что страшно было передавать власть другому, чтобы успехи не сменились неудачами. В самом начале они убедились, как опасно отвергать советы белого дикаря по результатам атаки, затеянной старым Вазири, и потому им нетрудно было склониться перед авторитетом Тарзана.

Самые почтенные воины уселись в кружок вокруг огня, чтобы обсудить достоинства возможных преемников старого Вазири. Первым заговорил Бузули.

— Раз Вазири умер, не оставив сына, то я знаю среди нас только одного, кто, мы это уже испытали, может быть хорошим вождем. Он водил нас против ружей белого человека и дал нам победу без единой потери. Это белый человек, который командовал нами последние дни. И с этими словами Бузули вскочил на ноги и, подняв копье, согнув туловище, начал медленную пляску вокруг Тарзана, напевая в такт шагам: — Вазири, царь Вазири! Вазири, убийца арабов! Царь Вазири!

Один за другим воины выражали свое согласие на выбор Тарзана царем, вступая в торжественный танец. Прибежали женщины и расположились на земле, образуя второй круг, вокруг первого. Они били в там-там, ударяли в ладоши в такт шагам танцующих и подпевали воинам. В центре круга сидел Тарзан от обезьян.

— Вазири, царь Вазири, — подобно предшественнику, он должен был впредь называться по имени племени.

Все быстрее и быстрее плясали танцующие, все громче и громче звучали их дикие крики. Женщины поднялись и запели в унисон, во весь голос. Яростно размахивали воины копьями, а иногда приседали, ударяя щитами о плотно убитую землю деревенской улицы; все вместе давало картину невероятно примитивную и дикую, словно все это происходило на заре человечества, бесконечное число веков тому назад.

Возбуждение росло, и человек-обезьяна не выдержал: он вскочил на ноги и принял участие в диком обряде. В центре круга из блестящих черных тел он скакал и вопил, и потрясал тяжелым копьем с таким же

точно безумным увлечением, как и его товарищи-дикари. Исчезли последние следы цивилизации — он был теперь примитивным человеком в полном смысле слова: наслаждался свободой неистовой дикой жизни, которую любил, радуясь как ребенок своему новому званию царя черных дикарей.

Ах, если бы Ольга де Куд видела его сейчас — узнала бы она в нем хорошо одетого, спокойного молодого человека с породистым лицом и безукоризненными манерами, который так привлекал ее к себе всего несколько месяцев тому назад. А Джэн Портер! Любила бы она дикого вождя диких воинов, который танцевал голый со своими голыми подданными? А д'Арно? Поверил бы д'Арно, что это тот самый человек, которого он ввел в полдюжины самых избранных клубов Парижа? Что бы ответили его коллеги, пэры из Палаты Лордов, если бы им сказали, показав на танцующего, увешанного металлическими украшениями гиганта с густой гривой: «Лорды, это Джон Клейтон, лорд Грейсток!».

Итак, Тарзан от обезьян стал настоящим царем между людьми. Медленно, но верно проделывал он эволюцию, через которую прошли его предки, — ведь и он начал с самых низов.

XVIII

ЛОТЕРЕЯ СМЕРТИ

Джэн Портер первая проснулась в лодке на утро после крушения «Леди Алисы». Остальные члены маленькой компании еще спали, сидя на скамейках или свернувшись в неудобных положениях на дне лодки.

Убедившись, что они отбились от других лодок, молодая девушка сильно встревожилась. Ощущение глубокого одиночества и беспомощности, которое вызывал в ней вид огромной водяной пустыни, подавляло ее, и никаких надежд на будущее не шевелилось в душе. Она была уверена, что они погибли, что помощи ждать неоткуда.

Вскоре проснулся Клейтон. Он не сразу пришел в себя и вспомнил, где он и что произошло ночью. Наконец, его растерянные глаза остановились на девушке.

— Джэн! — крикнул он. — Слава богу, что мы вместе!

— Взгляните, — убито отвечала девушка, апатичным жестом показывая на горизонт. — Мы совсем одни. Клейтон внимательно посмотрел во все стороны.

— Куда они могли деваться? — удивился он. — Они не могли пойти ко дну, потому что не было волнения, а я видел все лодки уже после того, как яхта погрузилась в воду.

Он разбудил остальных и объяснил им положение.

— Это даже хорошо, сэр, что лодки разбрелись, — объяснил один из матросов. — Провизия есть в каждой, так что они друг другу не нужны, в бурю помощи тоже не могли бы друг другу оказать, зато больше шансов, что хотя бы одна будет подобрана, а тогда начнут разыскивать и остальных. Будь мы все вместе, был бы только один шанс на спасение, теперь их четыре.

Это разумное философствование немного подбодрило остальных, но хорошее настроение было непродолжительно: решили взять направление на восток, к континенту, и постепенно продвигаться к земле, но когда хватились весел, оказалось, что их нет; матросы, сидевшие на веслах, уснули во время работы и уронили весла в воду, а волны их отнесли, по крайней мере нигде на воде их не было видно.

Начались попреки, брань, и дело едва не дошло до драки, но Клейтон кое-как успокоил матросов. Впрочем, несколькими минутами позже Тюран чуть было не вызвал нового скандала, сделав какое-то нехорошее замечание по поводу глупости англичан вообще и английских матросов в частности.

— Довольно, молодцы, — остановил других матросов третий, не принимавший участия в перебранке. — Что за толк, если друг другу морды расквасите. Сказал ведь вам Снайдер, что подберут нас. Давайте лучше поедим.

— Неплохая мысль, — поддержал Тюран и обратился к третьему матросу. — Вильсон, милейший, передайте мне одну из этих жестянок.

— Сами берите, — угрюмо проворчал Вильсон. — Я не стану слушаться какого-то... Вы здесь еще не капитан.

В конце концов Клейтону пришлось самому пойти за жестянкой, но тут вспыхнуло новое недоразумение с матросами, заявившими, что Клейтон и Тюран хотят следить за расходом припасов, чтобы самим заполучить львиные доли.

— Надо, чтобы кто-нибудь взял на себя командование, — сказала Джэн Портер, с отвращением наблюдавшая постыдные ссоры, с которых начиналось вынужденное общение, тем более что продлиться ему суждено было, быть может, много дней. — Скверно уже само по себе очутиться в утлой лодке в Атлантическом океане, зачем же увеличивать несчастье и опасности, занимаясь постоянными стычками и перебранками. Мужчины должны выбрать старшего и подчиняться ему во всем. Здесь нужно еще строже соблюдать дисциплину, чем на настоящем большом судне.

Прежде, чем заговорить, она надеялась, что ей совсем не придется подавать голос, что Клейтон сумеет справиться с осложнениями, но приходилось признать, что до сих пор, по крайней мере, он не более других был на высоте положения, разве только старался не обострять со своей стороны отношений, вплоть до того, что передал жестянку матросам, когда они запротестовали против того, чтобы он открывал ее.

Слова девушки временно успокоили мужчин, и в конце концов было решено, что два баллона с водой и четыре жестянки с пищей будут разделены поровну между матросами и пассажирами с тем, чтобы те и другие распоряжались ими по своему усмотрению.

Таким образом, маленькая группа сразу разбилась на два лагеря, и как только припасы разделили, в каждом занялись распределением пищи и воды. Матросы первые открыли одну из жестянок и разразились такими бешеными проклятиями, что Клейтон спросил: — В чем дело?

— Беда! — завопил Снайдер. — Беда! Хуже — смерть! В жестянке — деготь!

Клейтон и Тюрэн торопливо открыли одну из своих жестянок и убедились в страшной правде, что и там тоже деготь! Одна за другой были вскрыты все четыре жестянки, находящиеся в лодке, и каждый раз сердитое ворчание встречало новое подтверждение ужасной действительности: в лодке не было ни одной унции пищи!

— Ну, благодарение богу, у нас есть все-таки вода, — сказал Томпкинс. — Легче обойтись без пищи, чем без воды. Коли до худшего дойдет, можно и сапоги свои съесть, а выпить их не выпьешь.

Пока он говорил, Вильсон пробуравил дырочку в одном из баллонов, и Снайдер подставил жестяную кружку, в которую Вильсон собирался налить драгоценную влагу. Тоненькая струйка черных, сухих крупинок полилась сквозь дырочку на дно кружки. Вильсон со стоном уронил баллон и опустился на скамью, в ужасе глядя на кружку.

— В баллонах — порох, — сказал Снайдер, едва слышно, повернувшись к остальным. Вскрыли другие баллоны — то же самое.

— Деготь и порох! — воскликнул Тюрэн. — Вот так меню для потерпевших крушение!

От одного сознания, что в лодке нет ни воды, ни пищи, люди сразу почувствовали и голод, и жажду; с первого же дня начались, таким образом, их страдания, с первого дня им пришлось переживать все ужасы, какие выпадают на долю потерпевших крушение.

Дни проходили — и положение все ухудшалось. Воспаленные глаза тщетно оглядывали горизонт день и ночь, пока люди, слабые и усталые, не сваливались на дно лодки, ища в коротком, беспокойном сне минутного забвения ужасной действительности.

Матросы в муках голода съели свои кожаные пояса, сапоги, кожаную обшивку шапок, хотя Клейтон и Тюрэн всячески старались уговорить их не делать этого, предупреждая, что этим они еще усилят свои страдания.

Обессиленные и потерявшие надежду, носились они по морю, под безжалостным тропическим солнцем, с высохшими, потрескавшимися губами, распухшими языками, ожидая смерть, в которой начинали видеть избавление. Невыносимые страдания первых дней для трех пассажиров немного притупились, потому что они ничего не ели, но муки матросов были ужасны, когда их слабые, больные желудки пробовали справиться с кусками кожи, которыми они их набили. Томпкинс первый не выдержал. Ровно через неделю после того, как «Леди Алиса» пошла ко дну, матрос умер в страшных конвульсиях.

Несколько часов его тело лежало на корме лодки, откуда матрос как будто издевался, оскалив зубы, над другими. Наконец, Джэн Портер не выдержала.

— Не можете ли вы сбросить его за борт, Вильям? — спросила она.

Клейтон поднялся и, шатаясь, направился к телу. Два оставшихся в живых матроса следили за ним со странным, зловещим огоньком в провалившихся глазах. Тщетно старался англичанин приподнять тело над бортом — задача была ему не по силам.

— Помогите мне, пожалуйста, — сказал он Вильсону, который лежал ближе всех.

— Чего вы хотите его выбрасывать? — проворчал матрос раздраженно.

— Надо сделать это, пока у нас еще хватает сил, — возразил Клейтон. — Под этим солнцем он до завтра будет ужасен.

— Лучше оставьте в покое, — опять проворчал Вильсон. — Он нам самим понадобится до завтра.

Медленно дошли слова матроса до сознания Клейтона. Он понял, наконец, причину протеста.

— Боже! — шепнул Клейтон в ужасе. — Неужели вы хотите сказать...

— А почему нет? — пробурчал Вильсон. — Мы еще живы, а он умер, ему все равно.

— Идите сюда, Тюран, — позвал Клейтон. — Нам придется пережить кое-что похуже смерти, если мы не выбросим этот труп.

Вильсон сделал несколько угрожающих движений, но когда его товарищ Снайдер поддержал Клейтона и Тюрана, он уступил, жадными глазами поглядывая на труп, пока остальные втроем не перевалили его за борт.

После этого весь день Вильсон не спускал с Клейтона глаз, в которых уже притаилось безумие. К концу дня, когда солнце начало садиться, он начал бормотать что-то и смеяться про себя, а глаза его по-прежнему не отрывались от Клейтона.

Уже совсем стемнело, а Клейтон все еще чувствовал на себе этот страшный взгляд. Он старался не засыпать, но благодаря слабости с трудом сохранял сознание. Наконец, не выдержал мучений и, уронив голову на скамейку, уснул. Сколько прошло времени, он не мог припомнить, но вдруг он был разбужен каким-то странным звуком — совсем близко. Взошла луна, и когда Клейтон открыл глаза, он с ужасом увидел осторожно подползающего к нему Вильсона, с раскрытым ртом и вываливающимся оттуда распухшим языком.

Тот же звук разбудил Джэн Портер и, увидев страшное зрелище, она пронзительно закричала, и в ту же минуту матрос ринулся вперед и упал на Клейтона. Как хищный зверь искал он зубами горло Клейтона, но Клейтону, при всей его слабости, удавалось удерживать от себя на расстоянии рот безумного.

На крик Джэн проснулись Тюрэн и Снайдер. Увидев в чем дело, они оба потащились на помощь Клейтону, и втроем им удалось справиться с Вильсоном и сбросить его на дно лодки. Несколько минут он пролежал, болтая и заливаясь хохотом, а потом со страшным криком, раньше, чем спутники его могли ему помешать, вскочил на ноги и прыгнул в воду.

Реакция после ужасного напряжения и возбуждения совсем обессилила оставшихся в живых. Снайдер опустился на дно лодки и заплакал. Джэн Портер молилась, Клейтон задумался, мсье Тюрэн тоже предался размышлениям, опустив голову на руки. Результаты своих размышлений он сообщил на следующий день Клейтону и Снайдеру в виде следующего предложения.

— Джентльмены, — начал он. — Вы видите, что ожидает нас, если нас не подберут в ближайшие два дня, на что, очевидно, надежды мало, судя по тому, что за все эти дни мы не видели ни одного паруса, ни одного дымка на горизонте. Была бы надежда, если была бы пища, а нет пищи — нет и надежды. Остается одна альтернатива, надо выбрать одно из двух: или мы умрем все через несколько дней, или один должен быть принесен в жертву, чтобы остальные остались живы. Вы хорошо понимаете, что я хочу сказать?

Джэн Портер, услышав, пришла в ужас. Если бы предложение исходило от бедного, невежественного матроса, она была бы, вероятно, меньше удивлена, но то, что оно было сделано человеком, выдававшим себя за человека культурного, утонченного даже, за джентльмена, казалось ей почти невероятным.

— Ясно, что мы умрем все, — отвечал Клейтон.

— Решать нужно большинством голосов, — возразил Тюрэн. — Так как жертвой может быть только один из нас, то и решать мы будем троим. Мисс Портер не заинтересована, ей не угрожает опасность.

— А как же мы узнаем, кому быть первым? — спросил Снайдер.

— Это можно решить жеребьевкой, — отвечал Тюрэн. — В кармане у меня есть несколько монет по одному франку; мы наметим себе какой-нибудь год, и тот, кто вытащит монету с этим годом — будет первым.

— Я не хочу иметь ничего общего с этим дьявольским проектом, — тихо заявил Клейтон, — еще может показаться земля или какое-нибудь судно вовремя.

— Вы подчинитесь большинству голосов или вы будете первым, — отвечал Тюрэн, и в голосе прозвучала угроза. — Давайте проголосуем. Я за этот проект, а вы, Снайдер?

— Я тоже, — прозвучал ответ.

— Воля большинства, — объявил Тюрэн. — Теперь приступим, не теряя времени, к жеребьевке. Это одинаково выгодно для всех. Для того, чтобы три человека остались живы, один умрет несколькими часами раньше, чем умер бы и без того.

Он занялся приготовлениями к лотерее, а Джэн Портер широко раскрытыми глазами следила за ним, с ужасом думая, чему придется ей быть свидетельницей. Тюрэн разостлал пиджак на дне лодки и затем из горсти монет выбрал шесть штук. Двое других близко нагнулись, пока он рассматривал их. Потом он протянул их Клейтону.

— Осмотрите их внимательно, — сказал он. — Самая старая — 1875 года, и этого года — только одна.

Клейтон и матрос осмотрели каждую монету. На их взгляд между ними не было никакой разницы, кроме годов. Они остались довольны. Если бы они знали, что прежний опыт мсье Тюрэна по части шулерничества в карты настолько развил его осязание, что он умел отличать карты, касаясь их, они вряд ли нашли план выгодным для

себя. Монета 1875 г. была чуть-чуть тоньше остальных, но ни Клейтон, или Снайдер не могли бы установить это без помощи микрометра.

— В каком порядке мы будем тянуть? — спросил Тюрэн, зная, по опыту, что большинство предпочитает тянуть под конец, в тех случаях, когда вытянуть жребий неприятно: есть шанс и надежда, что жребий будет уже вынут кем-нибудь раньше. Тюрэн же, по причинам ему известным, предпочитал тянуть первым на случай, если бы тянуть пришлось дважды.

И когда Снайдер выразил желание тянуть последним, он любезно предложил, что будет тянуть первым. Рука его исчезла под пиджаком всего на мгновение, но проворные и искусные пальцы успели перебрать все монеты и отодвинуть роковую. Когда он вытащил руку, в ней была монета 1888 года. Потянул Клейтон. Джэн Портер нагнулась вперед с выражением ужаса и напряженного внимания на лице, когда рука человека, за которого она должна была выйти замуж, скрылась под пиджаком. Вот он вытащил руку, держа в ней монету. В первый момент он не решался взглянуть, но мсье Тюрэн, нагнувшись к его руке, крикнул, что все благополучно.

Джэн Портер в изнеможении, вся дрожа, откинулась на борт лодки. Ей было дурно, кружилась голова. Если и Снайдер не вытащит монеты 1875 года, придется сызнова пережить этот ужас.

Матрос уже засунул руку под пиджак. Крупные капли пота выступили у него на лбу. Он дрожал, как в лихорадке, и громко проклинал себя за то, что предпочел тянуть последним: сейчас у него было три шанса против одного, а у Тюрэна их было пять, у Клейтона четыре.

Русский терпеливо выжидал, не торопя матроса, он прекрасно знал, что сам он в безопасности — безразлично, будет ли сейчас вытащена роковая монета или нет. Когда матрос, вытащив монету, взглянул на нее, он повалился без чувств на дно лодки. Клейтон и Тюрэн оба поспешили, насколько позволяли силы, к нему, чтобы взглянуть на монету, которая вывалилась у матроса из рук и лежала подле. Она не была помечена 1875 годом. Реакция после пережитого волнения подействовала на Снайдера так же, как если бы он вытащил роковую монету.

Таким образом, всю процедуру пришлось повторять сызнова. Еще раз русский вынул безвредную монету. Джэн Портер закрыла глаза,

когда рука Клейтона скрылась под пиджаком. Снайдер нагнулся, широко раскрытыми глазами провожая руку, которая должна была решить его участь.

Вот Вильям Сесиль Клейтон, лорд Грейсток, вытянул руку из-под пиджака и, крепко зажав монету так, чтобы никто не видел, взглянул на Джэн Портер. Он не решался разжать руку.

— Живей! — взвизгнул Снайдер. — Боже! Дайте взглянуть...

Клейтон разжал пальцы. Снайдер первый увидел цифру и раньше, чем другие успели угадать его намерение, он поднялся на ноги, перешагнул через борт лодки и исчез навсегда в зеленой бездне — монета была не 1875 года.

Пережитые волнения так подействовали на оставшихся в живых, что весь день, они пролежали в полусознательном состоянии и несколько дней не возвращались к страшному вопросу.

Ужасные дни все увеличивающейся слабости и растущей безнадежности...

Наконец, Тюран подполз к распростертому Клейтону.

— Надо еще раз потянуть жребий, пока мы не ослабели до того, что уже не в состоянии будем есть, — шепнул он.

Клейтон был в таком состоянии, при котором уже нет собственной воли. Джэн Портер уже три дня не говорила. Он знал, что она умирает. Как не страшна была эта мысль, но он подумал, что можно будет вернуть ей силы таким способом, и сразу согласился на предложение русского.

Они потянули так же точно, как в первый раз, и результат был неизбежный — Клейтон вытащил монету 1875 г.

— Когда? — спросил Тюран.

Он уже вытащил из кармана свой перочинный ножик и слабыми пальцами пытался открыть его.

— Сейчас же, — пробормотал он и жадными глазами впился в англичанина.

— Не подождете ли вы до темноты? — спросил Клейтон. — Не надо, чтобы видела мисс Портер. Ведь мы собирались обвенчаться, знаете?

Тень разочарования пробежала по лицу Тюрана.

— Хорошо, — нерешительно отвечал он. — До ночи недолго. Ждал много дней, подожду еще несколько часов.

— Благодарю вас, мой друг, — прошептал Клейтон. — Теперь я пойду к ней и побуду с ней, пока пробьет час. Я хотел бы перед смертью провести с ней час или два.

Когда Клейтон добрался к девушке, он нашел ее без сознания. Он видел, что она умирает, и рад был, что она не увидит и не узнает о страшной трагедии, которая здесь скоро разыграется. Он взял ее руку и поднес к своим потрескавшимся и распухшим губам. Некоторое время он нежно гладил то нечто иссохшееся, похожее на птичью лапку, что было недавно прекрасной, красивой формы белой ручкой балтиморской красавицы.

Уже стемнело, но он ничего не замечал, пока его не привел в себя голос из темноты. То звала его судьба.

— Иду, мсье Тюран, — поспешил он отозваться. Три раза пробовал он повернуть на четвереньках, чтобы ползти навстречу смерти, но за последние часы он настолько ослабел, что уже не мог вернуться к Тюрану.

— Придется вам прийти, мсье, — позвал он слабым голосом. — У меня не хватает сил опуститься на колени.

— Черт возьми! — буркнул Тюран. — Вы намерены надуть меня, отнять у меня мой выигрыш.

Клейтон слышал, как тот волочился по дну лодки. Но вдруг раздался безнадежный стон.

— Я не могу ползти. Поздно. Вы обманули меня, англичанин-собака.

— Я вас не обманул, мсье, — запротестовал Клейтон. — Я всячески старался, я буду пробовать еще, пробуйте и вы; может быть, каждый из нас проползет полпути, и тогда вы получите свой выигрыш.

Снова Клейтон собрался с силами, слыша, что и Тюран напрягает все усилия. Прошло около часу, и англичанину удалось приподняться на колени, но при первом же движении вперед он упал лицом вниз.

Минуту спустя, он услышал довольный возглас Тюрана.

— Иду, — шепнул русский.

Снова попробовал Клейтон двинуться навстречу судьбе и снова растянулся на дне лодки, и уже не мог больше подняться, несмотря на прилагаемые усилия. Последний раз он свалился на спину и лежал, глядя на звезды, а сзади все ближе и ближе слышалось прерывистое дыхание русского, с трудом волочившегося по дну лодки.

Клейтону казалось, что прошло не меньше часу, как он лежал так, поджидая подползающее существо, которое должно было положить конец его мучениям. Оно было совсем близко уже, но проходили все большие и большие промежутки между одним его усилием и следующим, а подвигалось оно каждый раз, как казалось англичанину, на самое ничтожное, почти неуловимое расстояние.

Наконец, он услышал, что Тюрэн тут, возле него. Кудхтающий смех, что-то коснулось его лица, и Клейтон потерял сознание.

XIX

ГОРОД ЗОЛОТА

В ту самую ночь, когда Тарзан от обезьян сделался вождем племени Вазири, женщина, которую он любил, умирала в лодке среди Атлантического океана, в двухстах милях к западу от него. В то время, как он — олицетворение физической силы и совершенства сложения — плясал среди голых дикарей, своих приятелей, и отблески пламени играли на его сильных крутых мышцах, женщина, которую он любил, лежала, исхудавшая и изможденная, в последнем оцепенении, которое предшествует смерти от жажды и истощения.

Первые недели после того, как Тарзан был облечен царской властью над племенем Вазири, ушли на то, чтобы отвести мануемов, как обещал Тарзан, к северным границам земли Вазири. Прежде, чем отпустить их, он потребовал от них клятвенного обещания никогда больше не участвовать в экспедициях против этого племени, и, надо сказать правду, обещание было дано охотно. Они достаточно испытали на себе боевую тактику нового вождя Вазири и не имели ни малейшего желания сопровождать опять каких-нибудь грабителей в пределы его владений.

Почти тотчас по возвращении в деревню Тарзан принялся за приготовления к экспедиции для розысков разрушающегося города золота, который описывал ему старый Вазири. Он выбрал пятьдесят самых смелых воинов, только из тех, которым очень хотелось сопровождать его в трудном походе и делить с ним опасности, ожидающие их в незнакомой и враждебной стране.

С того самого времени, когда Вазири рассказал ему чудесные приключения первой экспедиции, случайно попавшей к древнему городу, Тарзан почти не переставал думать о сказочном богатстве сказочного города. Предпринять экспедицию побуждала Тарзана настолько же любовь к приключениям, как и желание раздобыть золото; и последнее говорило достаточно сильно, потому что, живя среди цивилизованных людей, он узнал, какую волшебную власть дает желтый металл тому, кто им обладает. Что бы он стал делать с золотом в сердце дикой Африки, над этим он не задумывался, достаточно, что у

него будет власть творить чудеса, даже если ему никогда и не предоставится возможность воспользоваться этой властью.

Итак, в одно роскошное тропическое утро Вазири, вождь Вазири, выступил во главе пятидесяти стройных эбеновых воинов, отправляясь искать приключений и сокровищ. Они шли тем путем, который старый Вазири описал Тарзану. Много дней шли они вверх по одной реке, через невысокий водораздел, вниз по другой реке и снова вверх по третьей, пока к концу двадцать пятого дня не расположились лагерем на склоне горы, с вершины которой они рассчитывали увидеть, наконец, чудесный город сокровищ.

На следующее утро они стали взбираться по почти отвесным скалам, составляющим естественный барьер, последнюю преграду, отделяющую их от места, к которому они стремились. Было около полудня, когда Тарзан, идущий впереди всех, поднялся на вершину последней скалы и остановился на маленькой, ровной, как стол, площадке.

Справа и слева от них высились величавые горные вершины, на много тысяч футов выше тех, что замыкали проход, которым они подошли к заветной долине. За ними тянулась лесистая долина, по которой они шли много дней; замыкалась она низким горным хребтом, отграничивавшим их собственную страну.

Но то, что было впереди, больше привлекло внимание Тарзана: пустынная равнина, неглубокая и узкая, с разбросанными по ней чахлыми деревьями, там и сям усеянная большими валунами. А в дальнем конце равнины — величественный город, с толстыми стенами, стройными башнями, минаретами и куполами, пламенеющими в солнечных лучах. Расстояние было слишком велико, чтобы можно было заметить признаки разрушения, и Тарзану город показался дивно прекрасным, а воображение уже рисовало ему широкие улицы и величественные храмы, переполненные оживленной, счастливой толпой.

Около часа отряд отдыхал на вершущке горы, а затем Тарзан повел его вниз, в долину. Дороги не было, но спуск был далеко не такой крутой, каким был подъем с той стороны. Спустившись в долину, они быстро пошли вперед, и было еще светло, когда остановились у стен древнего города.

Наружная стена была футов пятидесяти в высоту там, где она вполне сохранилась, и вообще, насколько они могли охватить взглядом, стена развалилась местами только вверху, не больше чем на двадцать футов от края. Такие стены все еще могли служить прекрасной защитой. Несколько раз Тарзану показалось, что кто-то шевелится в местах, где стена повреждена, как будто живые существа следят за ними из-за старинных бастионов. И часто он чувствовал на себе взгляд невидимых глаз, но ни разу не мог бы сказать с уверенностью, что его не обманывает воображение.

В эту ночь они разбили лагерь у стен города, снаружи. В полночь их внезапно разбудил пронзительный вопль, раздавшийся из-за стен. Он начался на очень высокой ноте и постепенно спускался, пока не перешел в жалобные стоны. Вопль оказал странное действие на черных, почти парализовав их ужасом; и прошло по крайней мере с час, пока лагерь не улегся снова. Поутру влияние испуга еще не рассеялось, и Вазири бросали боязливые, косые взгляды на массивную, зловещего вида твердыню, возвышающуюся перед ними.

Тарзану пришлось долго уговаривать и убеждать, чтобы черные не отказались от предприятия и не поспешили обратно по равнине к скалам, по которым спустились накануне. Но, наконец, то приказаниями, то угрозами, что он пойдет один, он заставил их сопровождать себя.

Они шли минут пятнадцать вдоль стены, пока попали на такое место, через которое можно было проникнуть внутрь. Это была узкая щель, дюймов в двадцать шириной, внутри которой шла бетонная, со ступеньками, вытертыми от времени, лестница, делавшая скоро крутой поворот.

В этот узкий проход вошел Тарзан, протиснувшись боком из-за своих широких плеч. За ним следовали черные воины. За поворотом лестница обрывалась и начиналась ровная дорожка, которая шла, извиваясь и поворачивая спирально, пока вдруг, круто обогнув угол стены, не вывела их на узкий двор, по ту сторону которого поднималась вторая, внутренняя стена, такой же высоты, как и первая. Эта внутренняя стена заканчивалась вверху маленькими круглыми башенками, чередующимися с остроконечными монолитами. Последние местами посваливались, и стена начала разрушаться, но в общем она была в гораздо лучшем состоянии, чем наружная. Проход,

такой же узкий, как и первый, открывался и в этой стене, а, пройдя его, Тарзан со своими воинами очутился в широкой аллее, в конце которой возвышались грозного вида мрачные гранитные здания, начинающие приходить в упадок. Среди обломков вдоль зданий росли деревья и виноград заплетал зияющие отверстия окон. Только здание прямо напротив них заросло меньше других и как будто лучше сохранилось. Это было массивное строение под огромным куполом. По обе стороны высокого входа стояли ряды столбов, из которых каждый завершался огромной фантастической птицей, высеченной прямо в камне монолита.

Пока человек-обезьяна и его спутники осматривались вокруг, выражая различные степени удивления перед тем, что открывалось им в этом древнем городе, расположенном в глубине дикой Африки, многие из них услышали какое-то движение внутри здания, на которое они смотрели. Неясные тени как будто двигались внутри в полумраке. Не было ничего такого, что глаз мог бы отчетливо уловить — только странное ощущение жизни там, где жизни как будто не должно было быть, потому что все живое казалось неуместным в этом заколдованном мертвом городе давно прошедших веков.

Тарзан вспомнил, что читал как-то в Париже, будто была какая-то исчезнувшая белая раса, жившая, по преданиям, в самом сердце Африки. Ему пришло в голову, не видит ли он перед собой развалины цивилизации, которую этот странный народ насадил в дикой обстановке своей странной и дикой родины. Возможно ли, чтобы и сейчас последние представители этой расы жили среди развалин былого великолепия своих предков? Снова он обратил внимание на то, что в большом храме кто-то украдкой двигается.

— Пойдем! — позвал он Вазири. — Посмотрим, что там, за этими разрушающимися стенами.

Его людям очень не хотелось идти за ним, но, когда они увидели, что он бесстрашно углубился в мрачный портал, они пошли за ним на расстоянии нескольких шагов, сбившись в кучку и являя собой все признаки панического ужаса. Один вопль, вроде того, какой они слышали ночью, и они бросились бы, как безумные, к узкой щели, которая вела во внешний мир сквозь толстые стены.

Войдя в здание, Тарзан определенно почувствовал, что на него смотрит много глаз. Во мраке бокового коридора послышался шелест,

и он готов был поклясться, что видел руку человека в амбразуре окна, выходящего вверху в купол ротонды, в которой он стоял.

Пол в комнате был бетонный, стены из полированного гранита, на котором были вырезаны странные фигуры людей и зверей. Местами в стены были вделаны доски желтого металла.

Подойдя поближе к одной из таких досок, Тарзан увидел, что она золотая и испещрена какими-то иероглифами. За этой первой комнатой шли другие, а за ними здание разделялось на два огромных крыла. Тарзан прошел несколько комнат, встречая многочисленные подтверждения слухов о сказочном богатстве первоначальных строителей. В одной комнате было семь столбов массивного золота, в другой золотом был выстлан весь пол.

И все время, пока он осматривал здание, его черные воины кучкой толпились у него за спиной, а странные тени мелькали у них с обеих сторон, впереди и позади, никогда не приближаясь впрочем настолько, чтобы можно было с уверенностью сказать, что в комнате есть еще кто-то.

Нервное напряжение начинало становиться непосильным для черных. Они просили Тарзана вернуться на воздух и солнечный свет. Ничего хорошего не может выйти из прогулки здесь, говорили они, потому что в этих развалинах бродят души умерших, когда-то здесь живших.

— Они следят за нами, о царь, — шептал Бузули. — Они ждут, пока заманят нас в самую глубину своей твердыни, и тогда они бросятся на нас и растерзают нас зубами. Так духи всегда поступают. Мне об этом рассказывал дядя моей матери, он великий колдун.

Тарзан засмеялся. — Дети мои, бегите обратно, на солнце, — сказал он. — Я вернусь к вам, когда обыщу сверху донизу эти развалины и найду золото или приду к заключению, что его нет. Мы можем, впрочем, снять доски со стен, столбы слишком тяжелы для нас; но, я думаю, где-нибудь должны быть большие кладовые, полные золота, которое мы легко могли бы унести с собой. Бегите же пока на воздух, где вы вздохнете свободней.

Часть воинов с радостью последовала приказанию вождя, но Бузули и некоторые другие не решались оставить его, колеблясь между любовью и преданностью к своему царю с одной стороны и суеверным страхом перед неизвестным с другой. И вдруг случилось то, что

разрешило вопрос, исключив возможность дальнейших обсуждений. Среди тишины разрушенного храма прозвенел у самых их ушей тот же отвратительный вопль, который они слышали минувшей ночью, и с криком ужаса черные воины повернули и бросились бежать через пустые залы векового здания.

Тарзан от обезьян остался на том самом месте, где они оставили его, со злой улыбкой на губах поджидая врага, который, он в этом не сомневался, сейчас бросится на него. Но снова воцарилась тишина, если не считать слабого намека на звук шагов босых ног, крадущихся откуда-то поблизости.

Тогда Тарзан повернул и углубился в храм. Он переходил из комнаты в комнату, пока не попал в комнату, в которой еще сохранилась одна толстая запертая дверь. Он оперся об нее плечом, и в это время опять, почти рядом с ним, раздался тот же вопль. Было очевидно, что этим воплем его предупреждают, чтобы он не осквернил этой особой комнаты. А, может быть, именно в ней-то и лежат запасы сокровищ?

Как бы то ни было, раз странные невидимые охранители этого заколдованного места не хотели, чтобы он вошел именно в эту комнату, от этого желание Тарзана проникнуть туда утроилось и, хотя вопли повторялись неустанно, он надавливал дверь плечом до тех пор, пока она с треском не распахнулась, соскочив с петель.

За ней был могильный мрак. Ни одного окна, через которое мог бы проникнуть хотя бы слабый луч света, а так как и в коридоре, куда открывалась дверь, была полутьма, то и распахнутая дверь не помогла. Нащупывая пол впереди рукояткой копья, Тарзан вступил во мрак. Вдруг дверь захлопнулась за ним, и в то же самое время со всех сторон потянулись к нему в темноте чьи-то руки.

Человек-обезьяна боролся с дикой яростью и геркулесовской силой. Но хотя он чувствовал, что удары его не пропадают впустую, хотя он запуская зубы в мягкое тело, каждый раз две новые руки появлялись вместо отброшенных. В конце концов они потянули его вниз и медленно, численным превосходством, одолели его. Потом они связали ему руки сзади и ноги загнули к спине, связав с руками.

Он так и не слышал ни одного звука, кроме тяжелого дыхания своих врагов и шума битвы. Он не знал, что за существа захватили его в плен, и решил, что это люди, только потому, что они связали его.

После этого они подняли его и, то толкая, то волоча по земле, вынесли из темной комнаты во внутренний дворик храма. Тут он увидел своих врагов. Их было около сотни — маленьких коренастых людей, с большими бородами, которые закрывали часть лица и падали на волосатые груди. Густые волосы на голове начинались у самых бровей и падали на спины и плечи. Ноги у них были кривые, короткие и тяжелые, руки — длинные и мускулистые; на поясных у них были надеты шкуры леопардов и львов, и большие ожерелья из когтей этих самых животных свисали на грудь. Массивные обручи из самородного золота украшали руки и ноги. Вооружены они были тяжелыми, узловатыми дубинками, а на перевязях, составлявших их единственную одежду, висели ножи.

Но то, что больше всего произвело впечатление на их пленника, — это их белая кожа; ни в оттенке, ни в чертах лица не было и намека на негритянское происхождение. А между тем низкие лбы, злые, маленькие близко сдвинутые глаза далеко не располагали в их пользу.

Во время борьбы в темной комнате и пока они тащили Тарзана на внутренний дворик, не было произнесено ни единого звука, но сейчас они перекидывались между собой односложными словами на совершенно неизвестном Тарзану языке. Оставив человека-обезьяну на бетонном полу, они прошли один за другим на своих коротеньких ножках в другую часть храма, более отдаленную.

Лежа на спине, Тарзан увидел, что стены храма со всех сторон окружают маленький дворик, величаво поднимаясь вверх. Только на самом верху виден был маленький кусочек голубого неба, да в одном месте, сквозь амбразуру, он увидел зелень, но не мог бы сказать, росла ли она внутри храма или за его пределами.

Кругом дворика, сверху донизу, шли ряды открытых галерей, и по временам пленник улавливал, что с этих галерей на него смотрят острые глазки, сверкающие из-за спускавшихся на лицо волос.

Человек-обезьяна осторожно попробовал крепость связывавших его уз, и, хотя полной уверенности быть не могло, но ему показалось, что им не устоять перед его сильными мускулами, когда придет час вернуть себе свободу; но он не решался испытать их, пока не стемнеет, так как чувствовал на себе стерегущие глаза.

Он пролежал во дворе несколько часов, прежде чем первые лучи солнца стали проникать в этот колодец; почти одновременно он

услышал шлепанье босых ног на галереях над ним и сейчас же увидел, что все они наполнились людьми, а в это время другие люди входили в двери.

На одно мгновение все глаза обратились к полуденному солнцу, и вслед за этим люди на галереях и люди во дворе затаили в унисон на низких нотах какой-то гимн. Окружавшие Тарзана начали танцевать в такт торжественному пению. Они медленно кружились вокруг него, напоминая своими движениями неуклюжих ковыляющих медведей, не глядя на него и не отрывая глаз от солнца.

Минут десять продолжали они монотонно шагать и петь, потом внезапно, все сразу, с поднятыми вверх дубинками, повернулись к своей жертве и, издавая страшный вой, с дьявольскими гримасами, бросились на него.

В этот самый момент в середине кровавадной орды вдруг появилась женская фигура с дубинкой, точно такой же, как у них, но сделанной из золота, и отогнала мужчин.

XX

ЛЭ

В первый момент Тарзан подумал, что по странному капризу судьбы он спасен, но когда он вспомнил, как легко одна девушка отогнала двадцать гориллоподобных мужчин, и когда вслед за этим он увидел, что они снова возобновили свое монотонное кружение вокруг него, причем она обращается к ним с монотонным напевом, он понял, что и это входило в программу церемонии, в которой он был центральной фигурой.

Минуту спустя, девушка вытащила нож из-за своей перевязи и, нагнувшись над Тарзаном, перерезала ремень, которым были связаны у него ноги. Потом, когда мужчины, перестав кружиться, подошли ближе, она знаками приказала ему подняться и, закинув ремень, которым до того были связаны ноги, ему на шею, повела его через двор. Мужчины парами следовали за ними.

Извилистыми коридорами шли они все дальше и дальше, в самую отдаленную часть храма, пока не вошли в большую комнату, в центре которой стоял алтарь. Только тогда Тарзан сообразил, что значил тот странный обряд, который предшествовал их переходу в эту святая святых.

Он попал в руки потомков древних поклонников солнца. Его мнимое спасение одной из жриц было только частью пантомимы, повторяющей старый языческий обряд: солнце, заглянув на него через отверстие между стенами двора, предъявило к нему свои права, и из внутреннего храма явилась жрица, чтобы спасти его от кощунственных рук простых смертных как человеческую жертву пламенеющему божеству.

Если бы ему нужны были еще доказательства правильности его предположения, то достаточно было взглянуть на красно-бурые пятна на камнях алтаря и на полу вблизи него, а также на черепа людей, выглядывавшие из бесчисленных ниш по стенам.

Жрица подвела жертву к ступеням алтаря. Галерея наверху тоже наполнилась зрителями, а сквозь сводчатую дверь в восточном углу комнаты медленно потянулась вереница женщин. Как и мужчины, они

были одеты только в шкуры диких зверей, схваченные у пояса ременными перевязями или золотыми цепями. А черные волосы их были покрыты золотыми уборами, состоящими из множества кружочков и овальных пластинок, искусно соединенных вместе так, что получалось нечто вроде металлической шапочки, от которой свешивались по обе стороны головы до пояса длинные цепочки, состоящие из овальных пластинок.

Женщины были сложены более пропорционально, чем мужчины, черты лица у них были гораздо тоньше, форма головы и большие мягкие черные глаза свидетельствовали о гораздо большей интеллигентности и человечности, чем у их повелителей.

Каждая жрица держала в руках две золотые чаши, и, когда они выстроились в ряд по одну сторону алтаря, мужчины, стоящие напротив, подходили, и каждый брал чашу из рук женщины, стоящей напротив него.

Затем пение возобновилось, как вдруг из темного прохода позади алтаря, из подвала, находящегося под комнатой, появилась еще одна женщина.

Верховная жрица, решил Тарзан. Это была молодая женщина, с лицом даже умным и красивого овала. Украшения на ней были вроде тех, что на других, но более сложно сработанные, а некоторые были усыпаны бриллиантами. Ее белые руки и ноги почти сплошь были покрыты массивными украшениями, а шкура леопарда, составлявшая ее единственное одеяние, сдерживалась плотно охватывающим талию поясом из золотых колец, соединенных в причудливый узор, усеянных бесчисленным количеством маленьких бриллиантов. За поясом у нее был длинный нож, а в руке вместо дубинки тонкий жезл.

Подойдя к алтарю, она остановилась, и пение прекратилось. Жрецы и жрицы преклонили перед ней колени, а она, протянув над ними жезл, читала длинную и скучную молитву. Голос у нее был нежный и музыкальный. Тарзан никак не мог себе представить, что его обладательница в одну минуту, в фанатическом экстазе религиозного рвения, превратится в кровожадного палача и, держа в руках окровавленный нож, первая напьется красной теплой крови из маленькой чаши, стоящей на алтаре.

Окончив молитву, она в первый раз взглянула на Тарзана. С заметным любопытством, она осмотрела его с ног до головы. Потом

заговорила с ним и, кончив, остановилась, как бы поджидая ответа.

— Я не понимаю вашего языка, — сказал Тарзан. — Не можем ли мы найти общий язык? — И он пробовал французский, английский, арабский, Вазири и, наконец, язык метисов Западного Берега. Но она не понимала его.

Она кивнула головой, и голос ее прозвучал как будто устало, когда она предложила жрецам продолжать обряд. Они повторяли свое нелепое кружение, пока жрица не положила ему конец. Она все это время стояла, внимательно разглядывая Тарзана.

По данному ею сигналу, жрецы бросились на человека-обезьяну и, подняв его, положили поперек алтаря так, что голова свешивалась с одной стороны, а ноги с другой. Затем жрецы и жрицы выстроились в два ряда, держа наготове маленькие золотые чаши, чтобы получить свою долю крови жертвы после того, как жертвенный нож сделает свое дело.

В ряду жрецов поднялся спор из-за первого места. Дюжее животное, с интеллектом гориллы, судя по выражению лица, старалось оттолкнуть на второе место человека поменьше, но маленький апеллировал к верховной жрице, и та холодным, не допускающим возражения тоном приказала большому отойти на дальний конец ряда. Тарзан слышал, как тот ворчал и протестовал, переходя на указанное место.

Тем временем жрица, стоя над Тарзаном, начала произносить заклинание, медленно поднимая вместе с тем свой острый, тонкий нож. Человеку-обезьяне казалось, что прошла целая вечность, пока рука перестала подниматься, и нож остановился вверху над его незащищенной грудью.

Потом нож начал спускаться, сначала медленно, а дальше, по мере того, как ускорялся темп заклинания, все скорей и скорей. Тарзан все еще слышал ворчание недовольного жреца в конце ряда. Голос его раздавался все громче и громче. Жрица, стоявшая вблизи от него, строгим голосом сделала ему замечание. Нож опустился уже совсем близко к груди Тарзана, но задержался на мгновение, когда верховная жрица подняла глаза, выразив быстрым взглядом неудовольствие виновнику кощунственного перерыва.

Произошло замешательство среди спорящих, и Тарзан, перекатив голову в том направлении, успел заметить, как большой жрец бросился

на женщину, стоявшую против него, и одним ударом дубинки снес ей череп. И тогда случилось то, чему Тарзан сотни раз был свидетелем среди диких обитателей диких джунглей. Он видел, как это случалось с Керчаком, с Тублатом, с Теркозом и с дюжиной других сильных самцов племени; а также с Тантором, слоном. Вряд ли в лесу был хотя бы один самец, на которого это временами не нападало бы. Жрецом овладело безумие, и он с дубинкой начал гоняться за своими товарищами.

Испуская яростные вопли, он бросался туда и сюда, нанося страшнейшие удары своим исполинским оружием или запуская желтые клыки в тела несчастных жертв. А в это время верховная жрица стояла с занесенным над Тарзаном ножом в руке, расширенными от ужаса глазами глядя на маньяка, который сеял гибель и смерть среди ее паствы.

Скоро в комнате не осталось никого, кроме мертвых и умирающих да жертвы на алтаре, верховной жрицы и безумного. Когда пронзительные глаза последнего остановились на женщине, в них загорелся новый, похотливый огонь. Он медленно пополз к ней и заговорил. И каково было удивление Тарзана, на этот раз понявшего его слова, потому что заговорил он языком, на котором Тарзану никогда не пришлось бы в голову заговорить с человеческим существом — горловым низким лаем племени великих человекообразных — материнским языком Тарзана. И женщина отвечала мужчине на том же самом языке. Он угрожал, она пыталась уговаривать, хотя было очевидно, что она сама не надеется больше на силу своего авторитета. Животное было уже совсем близко, оно подползало и тянулось к ней из-за алтаря руками, сведенными, как когтистые лапы.

Тарзан потянул ремни, которыми были связаны у него руки за спиной. Женщина не замечала этого: она забыла о своей жертве перед опасностью, угрожающей ей самой. Когда безумный прыгнул мимо Тарзана, чтобы схватить свою добычу, человек-обезьяна сделал нечеловеческое усилие и свалился с алтаря в сторону, противоположную от того места, где стояла жрица; ремни упали с его рук, когда он вскочил на ноги и, оглянувшись, он увидел, что остался в храме один — безумный и верховная жрица исчезли.

В это самое время заглушенная жалоба донеслась из отверстия подвала, из черной дыры позади жертвенного алтаря, через которую

жрица появилась в первый раз. Не задумываясь ни на минуту над собственной участью, над возможностью скрыться, которая открывалась, быть может, перед ним, благодаря приятному стечению обстоятельств, Тарзан от обезьян тотчас отозвался на зов женщины, находящейся в опасности. Один легкий прыжок, и он был у начала спуска в подвал, а затем помчался вниз по бетонным ступеням древней лестницы, помчался неизвестно куда.

Слабый свет, проникающий сверху, чуть освещал большой подвал с низкими сводами, из которых несколько дверей вели в абсолютно темные проходы. Искать не пришлось: тут же, перед ним, безумный повалил женщину на пол, а гориллоподобные пальцы судорожно потянулись к ее горлу, тогда как она всеми силами боролась, стараясь уйти от его ярости.

Когда тяжелая рука Тарзана легла ему на плечо, жрец отпустил свою жертву и бросился на того, кто хотел быть ее спасителем. С пеной на губах и оскаленными зубами, безумный почитатель солнца боролся с удесятеренной силой одержимого. Вероятно, в нем заговорила кровожадность, и сразу произошло видоизменение типа — возврат к дикому зверю; забывая о ноже, воткнутом за пояс, он прибежал только к естественному оружию, которым сражались его животные прототипы.

Но если он хорошо умел пользоваться своими руками и зубами, то и противник его не только не уступал ему, а превосходил в искусстве бороться дикими способами, к которым тот вернулся. Тарзан от обезьян схватился с ним, и они покатались на пол, разрывая друг друга, как два обезьяньих самца. А тем временем примитивная жрица стояла, прижавшись к стене, глядя широко раскрытыми, остановившимися от страха глазами на катающихся у ее ног, рычащих зверей.

Наконец, она увидела, что незнакомец одной сильной рукой схватил врага за горло и, откинув ему голову назад, другой рукой наносил ему удар за ударом по лицу. Минуту спустя, он отбросил от себя безжизненное тело и поднялся, встряхиваясь, как большой лев. Он поставил одну ногу на труп и поднял голову, чтобы испустить победный клич, но, случайно взглянув на отверстие вверху, ведущее в храм, где приносятся человеческие жертвы, передумал.

Девушка, во время борьбы мужчин парализованная страхом, начинала сознавать свое положение и соображать, что, избавившись от лап безумного, она попала в руки человека, которого собиралась только что убить. Она искала глазами, куда бы ей скрыться.

Зияющее отверстие темного коридора было недалеко, но, как только она хотела броситься туда, человек-обезьяна одним прыжком очутился возле нее и положил руку ей на плечо.

— погоди! — сказал Тарзан от обезьян на языке племени Керчака.

Девушка изумленно взглянула на него.

— Кто ты? — шепнула она, — что говоришь языком первого человека?

— Я Тарзан от обезьян, — ответил он на жаргоне антропоидов.

— Что тебе надо от меня? — продолжала она. — С какой целью ты спас меня от Та?

— Я не мог допустить, чтобы убивали на моих глазах женщину.

И еще на несколько вопросов пришлось ему ответить ей.

— Но что же ты хочешь сделать со мной теперь? — продолжала она расспрашивать.

— Ничего, но ты могла бы кое-что сделать для меня: ты могла бы вывести меня отсюда на свободу. — Он упомянул об этом, совершенно не рассчитывая на успех. Он был уверен, что жертвоприношение возобновится с того самого места, на каком было прервано, поскольку это зависит от верховной жрицы. Но зато они найдут, вероятно, что Тарзан от обезьян, не связанный и с длинным кинжалом в руках, будет жертвой значительно менее покорной, чем был Тарзан, связанный и обезоруженный.

Девушка, прежде чем заговорить, смотрела на него некоторое время молча.

— Ты удивительный человек, такой человек, которого я мечтала встретить, еще когда была ребенком. Такой, какими были, верно, предки нашего народа, великая раса, построившая этот мощный город в самом сердце дикой страны для того, чтобы из недр земли извлекать те сказочные богатства, ради которых они отказались от своей далекой цивилизации.

Я не могу понять, прежде всего, почему ты меня спас, и не могу понять, почему теперь, когда я в твоих руках, ты не мстишь мне за то,

что я приговорила тебя к смерти, что я чуть было не убила тебя собственной рукой.

— Должно быть, ты только следовала предписаниям своей религии, — отвечал Тарзан. — Как бы я ни смотрел на вашу веру, я не могу осуждать тебя. Но кто вы такие? К какому народу я попал?

— Я — Лэ, верховная жрица храма солнца в городе Опар. Все мы потомки людей, явившихся в этот дикий мир в поисках золота, более десяти тысяч лет тому назад. Города их были расположены на всем пространстве от великого моря Восходящего Солнца до великого моря, в которое солнце опускается ночью, чтоб освежить свое пламенеющее чело. Они были очень богаты и могущественны, но в здешних роскошных дворцах они проживали всего несколько месяцев в году. Остальное время они жили в своей родной стране, далеко, далеко к северу.

Много кораблей прошло взад и вперед между этим новым миром и старым. В дождливые месяцы здесь мало кто оставался, только те, что наблюдали за работой черных рабов в рудниках, да торговцы, которые снабжали их всем необходимым, и солдаты, охранявшие рудники и города.

Вот однажды и разразилась беда. Когда пришло время возвращаться тем тысячам, что все здесь создавали, не приехал никто. Ждали недели. Выслали галеру, чтобы узнать, почему не едет никто, но, хотя галера проездила много месяцев, она не нашла никаких следов той могучей страны, где бесконечное число веков тому назад родилась наша древняя цивилизация, страна эта опустилась на дно морское.

С этого дня начался упадок нашего народа. Несчастные и потерявшие мужество люди скоро сделались жертвами черных орд с севера и с юга. Один за другим города оставлялись или разграблялись. Наконец, последние остатки народа вынуждены были искать убежища в этой сильной горной крепости. Исчезли мало-помалу наша мощь, наша культура, сократилось число, угас интеллект, и сейчас мы всего только небольшое племя диких обезьян.

И в самом деле, целые века уже обезьяны живут вместе с нами. Мы зовем их первыми людьми, мы говорим на их языке так же охотно, как на нашем, и только в религиозных обрядах мы стараемся сохранить наш материнский язык. Но пройдет время — и он забудется, и мы не будем знать другого языка, кроме языка обезьян; пройдет время, и мы

не будем больше изгонять из своей среды тех, кто вступает в союз с обезьянами, и так мы спустимся до тех самых животных, от которых много веков тому назад произошли наши предки.

— Но почему ты сама человечней других? — спросил человек.

— По некоторым причинам женщины наши вообще не так быстро возвращаются в первобытное состояние. Потому, может быть, что в момент катастрофы здесь оставались мужчины только низшего типа, тогда как храмы были переполнены благородными дочерьми нашей расы. Мой род больше других сохранил признаки культурности, потому что с незапамятных времен из него выходили верховные жрицы. Это звание передавалось по наследству от матери к дочери. И в мужья нам выбирали самых благородных мужчин в стране. Самый совершенный духовно и физически человек делается мужем верховной жрицы.

— Судя по джентльменам, которых я видел наверху, — усмехнулся Тарзан, — особого затруднения в выборе быть не может.

Девушка посмотрела на него.

— Не кощунствуй, — сказала она. — Они очень святые люди. Они — жрецы.

— Значит, есть другие, которые выглядят получше? — спросил он.

— А другие все уродливей жрецов, — отвечала она.

Тарзан содрогнулся при мысли о ее судьбе, потому что даже при слабом освещении, царившем в подвале, хотелось любоваться ее красотой.

— Так как же относительно меня? — спросил он вдруг. — Отпустишь ты меня на свободу?

— Тебя выбрал для себя пламенеющий бог, — отвечала она торжественно. — Даже не в моей власти спасти тебя... если они снова найдут тебя. Но я не хочу, чтобы они нашли тебя. Ты спас мне жизнь. Я отплачу тебе тем же. Это будет нелегко. Пройдет, может быть, несколько дней, но, в конце концов, я думаю, мне удастся-таки вывести тебя за стены города. Пойдем, они скоро начнут разыскивать меня, и, если найдут нас вместе, мы пропали оба: они убьют меня, если решат, что я изменила моему богу.

— Тогда ты не должна рисковать, — быстро сказал он. — Я вернусь в храм, и, если мне удастся силой пробить себе путь на свободу, ты будешь вне подозрений.

Но она об этом и слышать не хотела и, наконец, убедила его следовать за ней, сказав, что она и без того пробыла в подвале слишком долго, чтобы не возбудить подозрений, если они вместе вернутся в храм.

— Я спрячу тебя и вернусь одна, — объяснила она. — И скажу, что долго лежала в беспамятстве после того, как ты убил Та, и потому не знаю, каким образом ты бежал.

И она провела его извилистыми мрачными коридорами в небольшую комнату, в которую свет проникал только через каменную решетку в потолке.

— Это комната Мертвых, — сказала она. — Никто не станет искать тебя здесь, они побоятся. Я вернусь, когда стемнеет, а до тех пор придумаю, как освободить тебя.

Она ушла, и Тарзан от обезьян остался один в комнате Мертвых под давно умершим городом Опар.

XXI

ВЫБРОШЕННЫЕ НА БЕРЕГ

Клейтону снилось, что он пьет воду, пьет чистую свежую воду большими, вкусными глотками. Вздвогнув, он раскрыл глаза. Сознание вернулось к нему, и он увидел, что весь насквозь промок от дождя, потоками лившегося ему на тело и на лицо. Тяжелый тропический ливень разразился над ними. Клейтон раскрыл рот ипил. Скоро он настолько ожил и окреп, что был в состоянии приподняться на руки. Поперек ног у него лежал Тюрэн. В нескольких шагах, на дне лодки, маленьким жалким комком упала Джэн Портер — она лежала совсем тихо. Клейтон знал, что она умерла.

После бесконечно долгих усилий, ему удалось высвободиться из-под связывающего его движения тела Тюрэна и он, с обновленными силами, пополз к девушке. Он приподнял ее голову с жестких досок лодки. Может быть, все-таки жизнь еще теплится в этой бедной истощенной оболочке. Он не хотел отказываться от надежды и, взяв тряпку, напитавшуюся водой, он выжал несколько драгоценных капель на распухшие губы уродливого существа, которое всего несколько дней тому назад цвело молодостью и красотой.

Сначала она не подавала никаких признаков жизни, но мало-помалу усилия его были вознаграждены: полуоткрытые веки дрогнули. Он растирал ее худенькие ручки, и влил немного воды в ссохшееся горло. Девушка раскрыла глаза и долго смотрела на него, раньше чем вспомнила все случившееся.

— Вода? — шепнула она. — Разве мы спасены?

— Дождь идет, — объяснил он. — Можно, по крайней мере, напиться. Мы уже ожили от этого.

— А мсье Тюрэн? — спросила она. — Он не убил вас? Он умер?

— Не знаю, — отвечал Клейтон, — если он жив и придет в себя благодаря дождю... — тут он остановился, слишком поздно вспомнив, что нельзя пугать еще больше измученную ужасами пережитого девушку.

Но она догадалась, что он хотел сказать:

— Где он? — спросила она.

Клейтон кивнул головой в сторону распростертого тела. Некоторое время они молчали.

— Надо взглянуть, нельзя ли привести его в чувство, — наконец проговорил Клейтон.

— Нет, — шепнула она, движением руки останавливая его. — Не делайте этого. Он убьет вас, когда вода вернет ему силы. Если он умирает, пусть умрет. Не оставляйте меня одну в лодке с этим чудовищем.

Клейтон колебался. Чувство чести требовало, чтобы он попытался оживить русского, но, с другой стороны, не исключена была возможность и того, что Тюран уже в помощи не нуждается. Продолжая бороться с самим собою, Клейтон поднял глаза от тела лежащего человека; взгляд его скользнул сначала по бугшприту лодки, потом... он с криком радости, шатаясь, вскочил на ноги:

— Земля, Джэн! — почти завопил он. — Благодарение богу, земля!

Девушка тоже взглянула: впереди, на расстоянии каких-нибудь ста ярдов, она увидела желтый песчаный берег и над ним роскошную зелень тропических джунглей.

— Теперь можете привести его в чувство, — сказала Джэн Портер, — и ее также мучила совесть, что она помешала Клейтону помочь их спутнику.

Прошло больше получаса, пока русский пришел в себя и раскрыл глаза, но он долго еще не мог осознать, как изменилось их положение. А лодка уже царапалась потихоньку о песчаное дно бухты.

Благодаря воде, которой он напился, и вернувшимся надеждам, Клейтон нашел в себе достаточно сил, чтобы пробрести водой до берега с веревкой, прикрепленной к носу лодки. Там он закрепил веревку за небольшое дерево, росшее на невысоком берегу. Сейчас было время прилива, но он боялся, чтобы отлив не унес лодку обратно в море прежде, чем у Джэн Портер хватит сил добраться до берега.

После этого он направился то ползком, то кое-как шатаясь, в ближайший лес, где, по всем признакам, должно было быть много тропических плодов. Прежний опыт в джунглях Тарзана от обезьян научил его различать съедобные плоды и, приблизительно час спустя, он вернулся на берег с целой охапкой пищи.

Дождь прекратился, и солнце жгло так немилосердно, что Джэн Портер настояла на том, чтобы сейчас же переправиться на берег.

Подкрепленные пищей, которую принес Клейтон, они все трое добрели до небольшого, отбрасывающего слабую тень дерева, к которому была привязана их лодка. Тут, совершенно изнемогшие, они бросились на песок, чтобы уснуть до вечера.

С месяц они жили на берегу в относительной безопасности. Окрепнув, мужчины выстроили грубый шалаш из веток на дереве, достаточно высоко от земли, чтобы быть вне пределов досягаемости для крупных хищников. Днем они собирали плоды и ловили мелких грызунов, ночью лежали, съезжившись, прислушиваясь во мраке к страшным голосам диких обитателей джунглей.

Спали они на подстилках из лесной травы, а вместо одеяла Джэн Портер пользовалась старым плащом Клейтона, тем самым, который был на нем во время памятной поездки в Висконсинские леса. Клейтон устроил легкую перегородку из веток, которая делила шалаш на две части: в одной помещалась девушка, в другой — двое мужчин. С самого начала русский в полном блеске проявил прекрасные черты своего характера: эгоизм, мужиковатость, нахальство, трусливость и похотливость. Два раза уже между ним и Клейтоном происходили стычки из-за его обращения с девушкой. Клейтон не решался ни на минуту оставлять ее с ним наедине. Жизнь англичанина и его невесты превратилась в сплошной кошмар, но они продолжали жить надеждой, что когда-нибудь придет избавление. Мысли Джэн Портер часто возвращались к тому, что она уже пережила однажды на этом самом диком берегу. Ах, если бы с ними был снова непобедимый лесной бог тех дней. Не надо было бы бояться ни подкарауливающих их зверей, ни мало чем уступающего им русского. Она не могла удержаться, чтобы не сравнивать сомнительную защиту, какую оказывал ей Клейтон, с тем, что она могла бы ожидать, если бы Тарзан от обезьян хотя бы на один миг увидел зловещую и угрожающую манеру держать себя Тюрана. Однажды, когда Клейтон ушел за водой к маленькому потоку и Тюран позволил себе наглубить ей, она вслух высказала то, что думала:

— Счастье ваше, мсье Тюран, что нет здесь с нами бедного мсье Тарзана, пропавшего с корабля, на котором вы с мисс Стронг плыли в Канштадт.

— Вы знали эту свинью? — спросил Тюран насмешливо.

— Я знала этого мужчину, — возразила она, — единственного, пожалуй, мужчину, какого я когда-либо встречала.

В голосе ее было что-то, заставившее русского предположить в ней более нежные чувства к его врагу, чем обыкновенная дружба, и он захотел продлить свою месть, очернив человека, которого он считал мертвым, в глазах девушки.

— Хуже, чем свинья, — крикнул он. — Трус и негодяй! Чтобы избежать справедливого гнева мужа женщины, которую он оскорбил, он всю вину свалил на нее, а когда это ему не удалось, убежал из Франции, чтобы не встретиться с мужем на поле чести. Вот почему он был на судне, на котором мисс Стронг и я плыли в Канштадт. Я знаю, что я говорю, потому что эта женщина — моя сестра. И знаю я еще кое-что, чего никому не говорил: ваш храбрый мсье Тарзан прыгнул за борт в паническом страхе, потому что я узнал его и настаивал, чтобы он дал мне удовлетворение на следующее утро — на ножах, в моей каюте.

Джэн Портер расхохоталась:

— Неужели вы воображаете, хотя бы на минуту, что тот, кто знал мсье Тарзана и знает вас, может поверить такой неправдоподобной истории?

— Так почему же он путешествовал под чужим именем? — спросил Тюрэн.

— Я не верю вам, — крикнула она, но тем не менее семена подозрения были посеяны, потому что, в самом деле, и Газель Стронг знала ее лесного бога только под именем Джона Кальдуэлла из Лондона.

Всего в каких-нибудь пяти милях к северу от их примитивного убежища, но фактически отделенная от них как бы тысячами миль непроходимых джунглей, потому что они об этом не подозревали, стояла маленькая хижина Тарзана от обезьян. А еще дальше по берегу, в нескольких милях от хижины, в грубых, но хорошо сколоченных домиках жило восемнадцать человек — пассажиры трех лодок «Леди Алисы», от которых отбилась лодка Клейтона.

Море было тихое, и они в три дня добрались до берега, не испытав никаких ужасов, какие обыкновенно выпадают на долю потерпевших крушение. Потрясение от пережитой катастрофы и непривычные

лишения, конечно, подействовали на них, но в общем опыт был полезным.

Всех поддерживала надежда, что четвертую лодку подобрали и что уже обыскиваются берега. А так как все оружие и патроны были сложены в лодку лорда Теннингтона, то маленькая компания была гарантирована на случай нападения и могла пополнять свои запасы пищи охотой даже на крупную дичь.

Ближайшей их заботой был в это время профессор Архимед К. Портер. Вполне уверенный в том, что дочь его подобрана каким-нибудь мимо проходившим пароходом, он ничуть не беспокоился о ее благополучии и всецело отдался размышлениям над теми туманными научными проблемами, которые он считал единственно возможной духовной пищей для человека его эрудиции. Внешние условия для него совершенно не существовали.

— Никогда, — говорил однажды измученный м-р Самуэль Т. Филандер лорду Теннингтону, — никогда еще профессор Портер не был таким тяжелым, даже невозможным человеком. Подумать только, сегодня поутру, вынужденный всего на полчаса спустить его с глаз, я по возвращении назад не мог его найти, и — что бы вы думали, где он оказался? В полумиле от берега в океане, на одной из лодок, гребущим за милую душу. Не понимаю, как он прошел от берега даже такое расстояние, потому что у него было всего одно весло, которым он блаженно разводил круги по воде.

Когда один из матросов подвез меня к нему на другой лодке и я упомянул, что надо сейчас же вернуться на берег, он страшно возмутился: — М-р Филандер, — заявил он, — вы удивляете меня, сэр: как человек науки может иметь смелость мешать ее прогрессу? На основании некоторых астрономических явлений, которые я тщательно исследовал в течение последних тропических ночей, я сделал о туманностях совершенно новую гипотезу, которая должна поразить весь ученый мир. Мне необходимо справиться в прекрасной монографии о гипотезе Лапласа, которая, насколько мне помнится, имеется в одной частной коллекции в Нью-Йорке. Ваше вмешательство, м-р Филандер, вызовет нежелательную задержку, так как плыл я именно за этой монографией. — И только с огромными усилиями мне удалось убедить его вернуться на берег, не заставляя меня прибегать к физической силе, — заключил м-р Филандер.

Мисс Стронг и ее мать храбро выносили то нервное состояние, которое создавалось страхом нападения диких зверей. Но нельзя сказать, чтобы они так легко, как остальные, приняли теорию спасения Джэн, Клейтона и Тюрана. А бедная Эсмеральда непрерывно оплакивала жестокую судьбу, разлучившую ее с ее «крошечкой».

Лорд Теннингтон никогда не изменял себе, ровное и веселое настроение не покидало его. Он был по-прежнему радушным хозяином, всегда заботящимся об удобствах и развлечениях своих гостей. В отношении к матросам с яхты он оставался все тем же твердым командиром и в джунглях, не больше, чем на «Леди Алисе», ни разу не возникало ни малейшего сомнения в том, кто является решающей инстанцией во всех важных вопросах и при всех тех обстоятельствах, где нужно разумное и хладнокровное руководство.

Если бы эта хорошо дисциплинированная и сравнительно хорошо обставленная компания выброшенных на берег людей могла увидеть запуганное, обносившееся трио, проживавшее в нескольких милях от них к югу, она вряд ли узнала бы безупречных пассажиров «Леди Алисы», так недавно еще шутивших и игравших на яхте.

Клейтон и Тюран ходили почти совсем обнаженные, настолько они изорвали свое платье о колючие ветки кустарников и переплетающиеся лианы джунглей, сквозь которые им приходилось продирааться в поисках пищи, которую все труднее становилось раздобывать.

Джэн Портер, разумеется, не участвовала в этих утомительных экспедициях, но тем не менее и ее одежда пришла в совсем жалкое состояние.

Клейтон, за неимением других занятий, тщательно собирал шкурки всех зверьков, которых они убивали. Распяливая их на стволах деревьев и тщательно вычищая, он сохранил их в сравнительно хорошем виде, и теперь, когда появилась опасность, что скоро его платье перестанет прикрывать его наготу, он начал мастерить из них грубую одежду, пользуясь вместо иголки острой колючкой, а вместо нитки — крепкой травой и жилами животных.

В результате получилась одежда без рукавов, доходящая до колен. Сделанная из бесчисленного количества мелких шкурок всевозможных грызунов, она представляла собой нечто весьма странное, а неприятный запах, который от нее исходил, делал ее не особенно

желательным прибавлением к гардеробу. Но настало время, когда ему пришлось носить ее пристойности ради, и, несмотря на все их несчастья, Джэн Портер не могла удержаться от хохота, когда в первый раз увидела его одетым таким образом.

Позже и Тюрану пришлось сделать себе подобное одеяние, и со своими голыми руками и ногами, густо обросшими лицами они напоминали двух вновь воплотившихся доисторических предков человеческой расы. Тюран и поведением от них недалеко ушел.

Прошло около двух месяцев. Беды караулили их. Началось с приключения, которое едва не положило конец страданиям двоих из них — ужасный конец, всегда возможный в джунглях.

Тюран лежал в шалаше на дереве в приступе лихорадки. Клейтон ушел за пищей недалеко в джунгли. Джэн Портер вышла его встретить. Позади человека, хитрый и гибкий, полз старый большой лев. Вот уже три дня, как его старые мышцы оказывались не на высоте в вопросах добычи мяса для запавшего живота. Уже несколько месяцев он ест все реже и реже и все дальше приходится ему уходить от привычных мест охоты в поисках более легкой добычи. Но, наконец, он напал на самое слабое и незащищенное творение природы — теперь Нума пообедает.

Клейтон, не подозревая, что смерть идет за ним по пятам, вышел на открытое место навстречу Джэн. Он уже перешел на ее сторону, в нескольких футах от густой заросли джунглей, как вдруг девушка увидела из-за его плеча бурую голову и злые зеленые глаза; трава раздвинулась, и царственное животное вышло на опушку, наклонив голову к земле.

Джэн так окаменела от ужаса, что не могла проронить ни слова, но ее остановившиеся, расширенные глаза достаточно сказали Клейтону. Бросив быстрый взгляд назад, он понял безнадежность своего положения. Лев был от них всего в тридцати шагах, и такое же расстояние отделяло их от шалаша. У мужчины в руках была только палка — оружие настолько же действенное против голодного льва, как игрушечное пробочное ружье.

Нума, безумно голодный, давно уже отказался от привычного воя и рычания при разыскивании добычи, но на этот раз дело было настолько верное, он уже чувствовал нежное тело под своими все еще сильными лапами, что он раздвинул огромные челюсти и дал исход

давно накопившейся ярости, испустив целый ряд оглушительных рычаний.

— Бегите, Джэн! — кричал Клейтон. — Бегите к шалашу!

Но ноги не повиновались ей, и она продолжала стоять, немая в оцепенении, смертельно побледнев, и смотрела, как живая смерть медленно подползает к ним.

Тюран, при звуках страшного рычания подошел ко входу шалаша и при виде представившейся ему картины прыгал на месте и кричал им по-русски:

— Бегите, бегите! А то я останусь один в этом ужасном месте, — и с этими словами он упал на пол и залился слезами.

На мгновение новый голос отвлек внимание льва, и он приостановился, бросив вопросительный взгляд в сторону дерева. Клейтон не мог больше выдержать. Повернувшись к зверю спиной, он закрыл лицо руками и ждал.

Девушка с ужасом смотрела на него. Почему он ничего не делает? Если надо умереть, почему он не умрет, как настоящий мужчина? Не бросится на страшного зверя с палкой, хотя это и было бесполезно? Так ли держал бы себя Тарзан от обезьян? Не умер бы он, по крайней мере, геройски сражаясь до конца?

Вот лев пригнулся для прыжка, который положит конец их молодым жизням под жестокими, терзающими желтыми клыками. Джэн Портер опустилась на колени и молилась, закрыв глаза. Тюран, обессиленный лихорадкой, потерял сознание.

Проходили секунды, за ними минуты — вечность целая — зверь не прыгал. Клейтон почти лишился чувств в этом ожидании — колени у него дрожали, еще минута — и он упал бы в обморок.

Джэн Портер не выдержала больше. Она раскрыла глаза. Не грезит ли она?

— Вильям, — позвала она, — взгляните.

Клейтон кое-как справился с собой, поднял голову и обернулся ко льву. С уст его сорвалось восклицание удивления. У самых их ног зверь лежал мертвый. Тяжелое боевое копьё торчало в буром теле. Оно вошло сзади, повыше правого плеча и, пронзив тело насквозь, попало в сердце.

Джэн Портер поднялась на ноги, Клейтон подходил к ней, когда она зашаталась от слабости. Он подхватил ее, привлек к себе и,

наклонив голову, в порыве благодарности судьбе, поцеловал ее.

— Пожалуйста, не делайте этого, Вильям, — сказала она. — В эти несколько коротких мгновений я пережила целую вечность. Глядя в лицо смерти, я поняла, как надо жить. Я не хотела бы обижать вас больше, чем это абсолютно необходимо, но я не могу оставаться дольше в положении, в которое сама поставила себя из-за ложно понятого чувства долга, обязывающего меня якобы держаться импульсивно данного вам обещания. Последние несколько секунд показали мне, что было бы безобразно продолжать обманывать и себя, и вас, поддерживая в вас уверенность, что я когда-нибудь, когда мы вернемся к цивилизованным условиям жизни, стану вашей женой.

— Как, Джэн, — вскричал он, — что вы хотите этим сказать? Что общего между нашим спасением и переменой в ваших чувствах ко мне? Вы просто потрясены, завтра вы опять будете самой собой.

— В эту минуту я вернее себе, чем за весь прошедший год, — возразила она. — То, что только что происходило, снова напомнило мне, что самый храбрый на свете человек дарил меня своей любовью. Я слишком поздно поняла, что отвечаю ему, и он должен был уйти. Он умер, а я никогда не выйду замуж. Я, во всяком случае, никогда не могла бы выйти за человека, менее храброго, чем он, потому что всегда испытывала бы чувство некоторого презрения к относительной трусости моего мужа. Вы поняли меня?

— Да, — отвечал он, склонив голову, и краска стыда залила ему лицо.

А на следующий день разразилось несчастье.

XXII

ПОДВАЛ СОКРОВИЩ В ОПАРЕ

Совсем уже стемнело, когда Лэ, верховная жрица, вернулась в комнату Мертвых с пищей и питьем для Тарзана. Она не взяла с собой света и ощупью нашла дорогу. Сквозь каменную решетку в потолке тропическая луна тускло освещала комнату.

Тарзан, присев в тени в дальнем конце комнаты, при звуке ее шагов пошел навстречу девушке.

— Они в бешенстве, — сразу начала она. — Никогда до сих пор человеческая жертва не убегала с алтаря. Пятьдесят человек уже отправились в погоню. Храм они обыскали весь, кроме этой комнаты.

— Почему они боятся войти сюда? — спросил он.

— Это Комната Мертвых. Сюда возвращаются мертвые, чтобы совершать обряды. Видишь этот древний алтарь. На нем мертвые приносят в жертву живых, если находят их здесь. Вот почему люди боятся этой комнаты.

— А ты? — спросил он.

— Я — верховная жрица. Только меня одну не трогают мертвые, и я изредка привожу им человеческую жертву, оттуда, сверху. Только я одна могу безопасно входить сюда.

— Почему же меня они не схватили? — спросил он, посмеиваясь над ее суеверием.

Она иронически посмотрела на него несколько секунд. Потом сказала:

— Долг верховной жрицы — наставлять и разъяснять правила веры, установленной другими, более мудрыми, чем она. Но в законе нигде не сказано, что она должна верить сама. Чем больше знаешь о какой-нибудь религии, тем меньше веришь в нее, а я знаю о своей больше, чем какое-либо существо в мире.

— Так что, значит, помогая мне бежать, ты боишься только, чтобы живые не узнали о твоём предательстве?

— Только. Мертвые — мертвы и не могут причинить зла. Нам надо рассчитывать только на самих себя, и, чем скорей мы начнем действовать, тем лучше. Мне трудно было избежать слезки даже

сейчас, когда я несла тебе пищу. Было бы безумием повторять такие попытки каждый день. Идем, посмотрим, много ли нам удастся пройти по пути к свободе на этот раз.

Она привела его обратно в первую комнату подвала, потом повернула в один из начинающихся от нее коридоров, в темноте Тарзан не разглядел в который. Минут десять они шли извилистым проходом, пока не подошли к закрытой двери. Он услышал звук поворачиваемого ключа и стук отодвигаемого засова. Скрипнули заржавленные петли, дверь распахнулась, и они вошли.

— Ты будешь здесь в безопасности до завтрашнего вечера, — сказала она. Затем она вышла и, закрыв дверь, заперла ее снаружи.

Тарзан остался один в полном мраке, в котором не могли ничего разглядеть даже его привычные глаза. Он осторожно двинулся вперед с вытянутыми руками, пока не дотронулся до стены. Потом он обошел всю комнату, придерживаясь за стены. Комната была квадратная, футов двадцати по каждой стороне. Пол был бетонный, стены — такой же каменной кладки, как и наружные стены здания. Небольшие куски гранита различных размеров и форм были искусно сложены вместе, безо всякой известки или цемента.

В первый же раз, как только Тарзан обошел стены, он заметил одно странное явление, странное в особенности, в комнате без окон и с одной только дверью. Он еще раз пошел вокруг, тщательно ощупывая стены. Да, он не ошибся! Он остановился, примерно, у середины стены, лежавшей против двери. Минуту он стоял неподвижно, потом отступил на несколько шагов в сторону, опять вернулся на прежнее место, и опять отступил на несколько шагов, но уже в другую сторону.

Еще раз он обошел комнату кругом, внимательно ощупывая каждый фут стены. Наконец, он опять остановился перед той частью, которая заинтересовала его. Сомнений быть не могло! Ясно ощутимая струя свежего воздуха проникала в комнату в промежутки между камнями именно в этом месте и больше нигде.

Тарзан попробовал несколько кусков гранита, образовывавших стену в этом месте, и, в конце концов, нашел один, довольно легко вынимающийся. Он был дюймов десяти в поперечнике, а в комнату выходил поверхностью от 3 до 6 дюймов шириной. Человек-обезьяна вынимал камни один за другим. Вся стена в этом месте, по-видимому, состояла из таких плит. Он вынул их с дюжину и протянул руку, чтобы

нащупать следующий слой кладки. Но, к удивлению, как он ни вытягивал руку, за вынутым слоем он ничего не мог нащупать.

Вынуть камней столько, чтобы можно было пролезть в отверстие, было уже делом одной минуты. Впереди, так ему казалось, чуть-чуть светлей. Осторожно подвигался он на четвереньках; в расстоянии пятнадцати футов, соответствующем средней толщине стен строения, пол вдруг обрывался. Впереди была пустота.

Нельзя было рассмотреть и дно черной пропасти, развершейся перед ним, хотя, придерживаясь за края, он и опускался на руках во весь свой рост.

Наконец, ему пришло в голову посмотреть вверх, и он увидел над собой сквозь круглое отверстие маленький кружочек звездного неба. Ощупав стены колодца, человек-обезьяна убедился, что вверху стены постепенно сближались, — это открывало некоторую возможность спасения.

Пока он сидел, раздумывая над тем, что это за шахта, вверху в отверстие заглянула луна, и мягкие серебряные лучи проникли в это мрачное место. Происхождение шахты стало тотчас понятно Тарзану, потому что глубоко внизу заблестела вода, — он попал в старинный колодец, но с какой целью было устроено сообщение между колодцем и башней, в которой его спрятала жрица?

Луна, проходя мимо отверстия, залила светом весь колодец, и Тарзан ясно увидел прямо против себя другое отверстие в противоположной стене.

— Не это ли путь спасения? — мелькнуло у него, и он решил произвести расследование.

Быстро вернувшись к стене, которую он разобрал, он вынес камни наружу и с этой стороны сложил их опять. Толстый слой пыли, покрывавший их, когда он сдвигал их с места в первый раз, указывал на то, что теперешние хозяева этих строений, если и знали о существовании потайного хода, то уже поколениями не пользовались им.

Заделав стену, Тарзан повернул к колодцу, который в этом месте был футов пятнадцать в ширину. Перепрыгнуть такое расстояние человеку-обезьяне ничего не стоило, и минуту спустя он уже шел узким туннелем, осторожно переставляя ноги, чтобы не попасть в такой же колодец, как тот, что остался позади.

Футов через сто он подошел к лестнице, спускающейся в темную бездну, потом лестница прекратилась, и опять пошел ровный туннель, и, наконец, путь преградила массивная деревянная дверь, запертая тяжелыми железными засовами с этой стороны. Это навело человека-обезьяну на предположение, что проход, в котором он находится, действительно ведет на свободу, если только за этой дверью нет какого-нибудь каземата.

На засовах тоже лежал толстый слой пыли — новое доказательство, что здесь давно никто не бывал. Когда Тарзан толкнул дверь — петли ее закрипели, словно она жаловалась на дерзкого, нарушающего ее покой.

На мгновение Тарзан приостановился и прислушался, не раздастся ли где-нибудь ответного звука, который указал бы на то, что непривычный ночной шум встревожил обитателей храма, но все было тихо, и он перешагнул порог.

Он попал в большую комнату, вдоль стен которой и внизу на полу были ярусами сложены слитки какого-то металла странной, хотя и однообразной формы. Слитки были тяжелые, и если бы их не было так невероятно много, Тарзан решил бы, что это золото. Но мысль о том, какое сказочное богатство представляли бы собой эти тысячи пудов металла, если бы это действительно было золото, почти убедила его в том, что это другой, менее благородный металл.

В заднем конце комнаты он заметил вторую, также запертую с этой стороны дверь, и снова надежды сильнее заговорили в нем. По ту сторону двери проход шел прямо как боевое копьё, и через полчаса он попал к лестнице, ведущей вверх. Сначала ступени были бетонные, но на середине лестницы голые ноги почувствовали разницу. Бетонные ступени сменились гранитными. Попробовав руками, человек-обезьяна решил, что ступени высечены в скале, потому что нигде не чувствовалось соединений.

Лестница довольно долго поднималась спиралью, и вдруг, после крутого поворота, Тарзан попал в узкую щель между двумя скалами. Над ним сияло звездное небо. Каменистая тропинка круто поднималась вверх. Тарзан пробежал по тропинке и очутился на верхушке огромного гранитного валуна.

На расстоянии мили позади лежал город Опар со своими куполами и башнями, весь залитый мягким светом экваториальной луны. Тарзан

взглянул на слиток, который принес с собой. Несколько секунд он рассматривал его при свете луны, потом, подняв голову, посмотрел в сторону города былого величия.

— Опар, — шептал он. — Опар, заколдованный город мертвого и забытого прошлого. Город красавиц и зверей, город ужаса и смерти, город сказочных богатств. — Слиток был золотым самородком.

Валун, на котором лежал Тарзан, находился на равнине, на полпути между городом и теми скалами, через которые он со своими черными воинами перебрался накануне утром. Спускаться с крутой, обрывающейся скалы было нелегкой задачей даже для человека-обезьяны, но в конце концов он почувствовал под ногами мягкую землю долины и, не оглядываясь больше на Опар, повернул к сторожевым скалам и быстро пересек долину.

Солнце всходило, когда он поднялся на вершину горы, ограничивающей долину с запада. Далеко внизу, у подошвы холмов, он увидел поднимающийся над деревьями дымок.

— Люди, — шепнул он. — А пятьдесят человек отправились за мной в погоню. Неужели это они?

Он быстро спустился со скалы и по узкому оврагу, уходящему в лес, поспешил на дымок. Держась опушки леса, он за четверть мили до того места, где странный столбик поднимался к небу в тихом воздухе, перешел на деревья. Осторожно приближаясь, он вдруг увидел примитивную бому и там, вокруг огня, пятьдесят черных Вазири. Он обратился к ним на их собственном языке.

— Встаньте, дети, и приветствуйте вашего царя!

С возгласами удивления и страха воины повскакали на ноги, не зная, бежать ли им или оставаться. Тогда Тарзан легко соскочил с дерева, прямо к ним в бому. Когда они увидели, что это в самом деле их вождь, целый и невредимый, а не материализованный дух его, они были вне себя от радости.

— Мы были трусами, о Вазири! — воскликнул Бузули. — Мы убежали, предоставив тебя твоей судьбе. Но когда прошел наш испуг, мы поклялись вернуться и спасти тебя или отомстить твоим убийцам. Мы готовились снова перебраться через гору и отправиться пустынной долиной к страшному городу.

— Видели вы, дети мои, пятьдесят страшных человек, спустившихся с горы сюда в лес? — спросил Тарзан.

— Да, Вазири, — отвечал Бузули. — Они прошли мимо нас вчера поздно вечером, когда мы собирались вернуться за тобой. Они совсем не охотники. Мы услышали их издалека, и так как нас ждало другое дело, то мы отодвинулись в лес и пропустили их. Они быстро ковыляли на коротких ногах, а некоторые иногда опускались на четвереньки, как Болгани, горилла. Они в самом деле страшные люди, Вазири.

Когда Тарзан рассказал им о своих приключениях и о находке желтого металла, и предложил вернуться ночью и забрать сколько можно будет из их сокровищ, ни один не отказался. И когда сумерки спустились на песчаную долину Опара, пятьдесят эбеновых воинов легкой рысцой потрусили по пыли к гигантскому валуну, возвышающемуся перед городом.

Если трудно было спуститься со скалы, то, казалось, почти невозможно втащить пятьдесят воинов на вершину. Но задача была выполнена, благодаря геркулесовским усилиям со стороны человека-обезьяны.

Десять копей были связаны вместе, и с этой цепью, привязанной к поясу, Тарзан взобрался-таки наверх. Потом по одному перетащил всех своих воинов. Немедля двинулись они к комнате сокровищ, где каждый взял по два самородка, весом до восьми-десяти фунтов вместе.

В полночь весь отряд был уже у подножья валуна, но только к рассвету взобрались они на скалистую вершину. Домой продвигались медленно — гордые воины не привыкли носить тяжести. Но они не жаловались и к концу тридцатого дня вступили в пределы своей земли.

Здесь Тарзан повел их не на северо-запад к селению, а прямо на запад, и утром на тридцать третий день приказал им сняться и идти к себе в селение, оставив золото там, где они сложили его вечером.

— А ты, Вазири? — спросили они.

— Я останусь здесь еще несколько дней, дети мои. Спешите же к своим.

Когда они ушли, Тарзан взял два слитка и, вспрыгнув на дерево, легко пробежал несколько сот ярдов среди густых нижних ветвей. Внезапно открылась перед ним крутая поляна, окруженная гигантами джунглей, как исполинскими часовыми. В центре этого естественного амфитеатра было маленькое плоское возвышение плотно убитой земли.

Сотни раз до того бывал Тарзан в этом уединенном месте, так густо заросшем колючими кустарниками, виноградниками и огромными лианами, что даже Шита-леопард, при всей своей гибкости, не мог проскользнуть туда, и Тантор-слон, при всей своей гигантской силе, не мог проложить себе дорогу сквозь живую стену, защищающую зал собраний больших обезьян от всех обитателей джунглей, кроме самых безобидных.

Пятьдесят переходов сделал Тарзан, пока перенес все самородки в пределы амфитеатра. Потом из дупла старого, расколотого молнией дерева вытащил ту самую лопатку, которой когда-то выкопал сундук профессора Архимеда К. Портера, им же перед тем здесь зарытый. Вырыв длинную канавку, он сложил туда состояние, которое его черные воины принесли для него из забытой сокровищницы города Опара.

Эту ночь он проспал в амфитеатре, а рано поутру на следующий день отправился навестить свою хижину перед возвращением к Вазири. Найдя все в прежнем виде, он углубился в джунгли поохотиться с тем, чтобы принести добычу в хижину и там спокойно попить и выспаться на удобной постели.

Он блуждал милях в пяти к югу на берегу реки, впадающей в море милях в шести от хижины. Он отошел от берега на полмили, когда вдруг ноздри его втянули запах, который взбудораживает джунгли, — запах человека.

Ветер дул с океана, и Тарзан понял, что источник запаха к западу от него. К запаху человека примешивался, однако, и запах Нумы. Человек и лев.

— Надо спешить, — подумал человек-обезьяна, запах белого человека, — Нума, пожалуй, охотится.

Когда он добежал деревьями до опушки леса, он увидел женщину, опустившуюся на колени в молитве, а перед ней дикого, примитивного вида белого мужчину, закрывшего лицо руками. Позади мужчины старый лев медленно подвигался к легкой добыче. Лицо мужчины было повернуто в сторону, женщина низко нагнула голову. Он не видел черт лица.

Нума уже приготовился к прыжку. Нельзя было терять ни секунды. Тарзан не успел бы снять лук и вправить в него стрелу. Он не мог

пустить в ход ножа. Оставалась только одна надежда, один выход. И человек-обезьяна действовал с быстротой мысли.

Бронзовая рука откинулась назад, на миг копьё легло на плечо гиганта — и затем мощная рука выбросила его вперед, и быстрая смерть из зеленой листвы влетела прямо в сердце прыгнувшего льва. Не издав ни единого звука, он упал мертвый к ногам тех, кто чуть было не сделался его жертвой.

Несколько мгновений ни мужчина, ни женщина не шевелились. Потом она открыла глаза и с изумлением взглянула на мертвого зверя, лежащего позади ее спутника. Когда красивое лицо приподнялось, у Тарзана от обезьян захватило дыхание от изумления: он не верил своим глазам. Неужели он сошел с ума? Не может быть, чтобы это была женщина, которую он любит. Но, конечно, это была она.

И женщина поднялась, а мужчина обнял и поцеловал ее, и тогда сразу кровь бросилась в голову человеку-обезьяне, кровавый туман поплыл перед глазами, и старый шрам на лбу выступил на темной коже ярко-красной полосой.

Страшное выражение появилось на диком лице, когда, подняв лук, он заложил в него отравленную стрелу. Злой огонек блестел в светло-серых глазах, пока он целился в спину ничего не подозревающего человека.

Он бросил взгляд на гладкую стрелу, сильно оттягивая тетиву, чтобы стрела пронзила насквозь сердце, для которого была предназначена.

Но он не выпустил рокового вестника. Медленно опустил лук. Шрам на лбу побледнел, и Тарзан от обезьян, склонив голову, медленно повернул в джунгли.

XXIII

ПЯТЬДЕСЯТ СТРАШНЫХ ЧЕЛОВЕК

Несколько долгих минут простояли молча Джэн Портер и Вильям Сесиль Клейтон у трупа хищного зверя, добычей которого они едва не сделались.

Девушка заговорила первая после молчания, последовавшего за ее неожиданным, импульсивным признанием.

— Кто мог бы это сделать? — шепнула она.

— Бог весть! — только ответил мужчина.

— Если это друг, почему он не покажется? — продолжала Джэн. — Не следует ли окликнуть его? Хотя бы поблагодарить.

Клейтон машинально исполнил ее желание, но ответа не было.

Джэн Портер вздрогнула. — Таинственные джунгли, — прошептала она.

— Странные джунгли. Даже проявления дружбы здесь пугают.

— Вернемся лучше в шалаш, — предложил Клейтон. — Вы будете там, по крайней мере, в безопасности. Я плохой защитник, — с горечью добавил он.

— Не говорите этого, Вильям, — поспешила она перебить его, искренне огорченная, что своими словами ранила его, — вы делали все, что могли; вы вели себя благородно, самоотверженно. Не ваша вина, что вы не сверхчеловек. Только один человек мог сделать больше. В волнении я плохо выбирала слова, но я не хотела обидеть вас. Мне нужно только, чтобы оба мы признали раз навсегда, что я не могу выйти за вас, что это было бы дурно.

— Мне кажется, я понял, — отвечал он, — Не будем больше говорить об этом, — по крайней мере до тех пор, пока не вернемся к культурной жизни.

На следующий день Тюрану стало хуже. Он почти непрерывно бредил. Они ничем не могли помочь ему, да Клейтон и не особенно стремился сделать что-нибудь. Из-за девушки он боялся русского — в глубине души даже желал, чтобы тот умер. Мысль о том, что, случись с ним что-нибудь, она осталась бы всецело во власти этого животного,

пугала его, и он забывал, что совсем одна, на краю этого жестокого леса, она, наверное, погибла бы очень скоро.

Англичанин вытащил тяжелое копьё из трупа льва и теперь, когда по утрам выходил на охоту, чувствовал себя гораздо увереннее, чем раньше, а потому и уходил дальше от шалаша.

Чтобы не слышать бреда больного, Джэн Портер спустилась к подножью дерева, дальше она не решалась отойти. Сидя у грубой лесенки, которую сделал для нее Клейтон, она печально смотрела на море с неугасимой надеждой, что когда-нибудь да покажется желанное судно.

Сидя спиной к джунглям, она не заметила, как раздвинулись травы, и оттуда выглянуло лицо дикаря. Маленькие, налитые кровью, близко посаженные друг к другу глаза внимательно оглядывали ее, по временам шмыгая вдоль берега, чтобы убедиться, нет ли тут еще кого-нибудь.

Вот показалась другая голова, еще одна и еще... Человек в шалаше забредил громче, и головы скрылись так же быстро, как показались. Но вскоре опять выглянули, так как девушка, видимо, не обращала внимания на голос мужчины, доносящийся сверху.

Одна за другой уродливые фигуры поползли из джунглей к ничего не замечающей девушке. Слабый шорох в траве привлек ее внимание, она обернулась и, вскрикнув, вскочила на ноги. Тогда они разом сомкнулись вокруг нее. Один поднял ее своими длинными гориллоподобными руками и понес в джунгли. Волосатая лапа зажала ей рот. После долгих недель страданий, испытание оказалось свыше ее сил, и она потеряла сознание.

Когда она пришла в себя, она лежала в чаще девственного леса. Была ночь. Большой костер ярко горел на маленькой полянке. Кругом разместились несколько десятков человек. Густые волосы на головах у них были спутаны, лица тоже заросли волосами. Они сидели, охватив длинными руками согнутые колени коротких, кривых ног.

Как звери, пожирали они неопратно приготовленную пищу. Над огнем висел котелок, из которого они заостренными палочками доставали себе куски мяса.

Когда они заметили, что их пленница пришла в себя, ближайший к ней лакомка грязной рукой бросил ей кусок отвратительного кушанья.

Кусок упал возле нее, но она только закрыла глаза, почувствовав приступ тошноты.

Много дней шли они густым лесом. Девушка хромала, выбилась из сил. Долгие, жаркие, томительные дни они то тащили ее, то толкали перед собой, а когда она спотыкалась и падала, ближайший давал ей пинка ногой или бил кулаком. Задолго до конца пути башмаки ее отказались служить, платье изодралось в клочья, и сквозь лохмотья просвечивало тело, недавно еще белое и нежное, а теперь огрубевшее, все в ссадинах и царапинах от тех колючих кустарников, сквозь которые приходилось пробираться.

Последние два дня пути она была уже так истощена, что ни побоями, ни бранью нельзя было заставить ее подняться на несчастные окровавленные ноги. Поруганная природа мстила за себя, положив предел выносливости. Девушка физически не могла встать даже на колени.

Животные обступили ее, угрожая и помахивая дубинками, осыпали ее ударами ног и кулаков, но она лежала, закрыв глаза, моля смерть-избавительницу поскорей прекратить ее мучения. Но смерть не приходила, и пятьдесят страшных мужчин, сообразив, наконец, что жертва их не может больше идти, подняли и понесли ее.

Незадолго до захода солнца она увидела впереди стены и развалины величественного города, но она была так слаба и больна, что нисколько не заинтересовалась. Куда бы они ни несли ее, конец среди этих свирепых полуживотных может быть только один.

Наконец, они прошли две стены и очутились внутри разрушающегося города. Они внесли ее в большое здание, и там сотни таких же точно существ окружили ее; но были среди них и женщины, не такие страшные и уродливые. При виде их слабый луч надежды зашевелился у нее в душе. Но ненадолго — женщины не проявляли никакого участия, по крайней мере, не оскорбляли ее.

После того, как все обитатели здания осмотрели ее, к общему удовольствию, ее снесли в темный подвал и там положили на голый пол, поставив около нее металлический сосуд с водой и такую же миску с пищей.

Неделю она видела только некоторых женщин, в обязанности которых входило приносить ей пищу и воду. Силы, хотя медленно, все же возвращались к ней — скоро она будет в состоянии, пригодном для

принесения в жертву пламенеющему богу. По счастью, она не знала, какая участь ожидает ее.

Бросив копьё, которое спасло Клейтона и Джэн Портер от когтей Нумы, Тарзан от обезьян медленно возвращался джунглями, печальный, как человек, сердечная рана которого снова раскрылась.

Он был рад, что вовремя опустил руку и не дал свершиться тому, что задумал в припадке бешеной ревности. Одна секунда отделяла Клейтона от смерти от руки человека-обезьяны. В короткий промежуток времени между тем, как он узнал девушку и ее спутника, и тем, когда он опустил лук с отравленной стрелой, направленной в англичанина, Тарзан был охвачен сильным и диким порывом животного инстинкта.

Он видел женщину, которую желал, свою женщину, свою подругу, в объятиях другого. Согласно безжалостному закону джунглей, которым он руководился теперь, исход мог быть только один; но в последнюю минуту врожденное чувство рыцарства заглушило пылающий огонь страсти и спасло его. Тысячи раз возносил он благодарения за то, что восторжествовал над собой раньше, чем пальцы пустили стрелу.

Вспомнив, что он возвращается к Вазири, он почувствовал, что все его существо возмущается против этого. Он не хотел больше видеть людей. Он поблуждает, по крайней мере, некоторое время в джунглях один, пока горе не притупится немного. Как его друзья-звери, он предпочитал страдать молча, с самим собой наедине.

Эту ночь он снова провел в амфитеатре обезьян и много дней выходил оттуда на охоту, а на ночь возвращался обратно. На третий день он вернулся под вечер довольно рано. Не успел он полежать немного на мягкой траве круглой полянки, как он услышал знакомый звук, доносящийся с юга. Это идет по джунглям толпа больших обезьян, ошибиться невозможно. Несколько минут он прислушивался. Они направлялись к амфитеатру.

Тарзан лениво поднялся и потянулся. Тонким слухом он следил за малейшими движениями приближающегося племени, а скоро почувствовал их запах; впрочем, подтверждения ему уже не требовалось.

Когда они подошли совсем близко к амфитеатру, Тарзан от обезьян спрятался на дереве с противоположной стороны арены. Он хотел оттуда рассмотреть пришельцев. Ждать ему пришлось недолго.

Вот внизу, между ветвями, показалось свирепое волосатое лицо. Злые маленькие глазки одним взглядом охватили всю полянку, потом было протараторено донесение. Тарзан слышал каждое слово. Разведчик сообщал остальным членам племени, что путь свободен и они могут спокойно войти в амфитеатр.

Первым легко прыгнул на мягкий травянистый ковер предводитель, а вслед за ним, одно за другим, до сотни человекообразных. Были тут огромные взрослые обезьяны и много молодых. Несколько младенцев уцепилось за косматые шеи своих диких матерей.

Тарзан узнавал многих членов племени, того самого, в которое он попал крошечным малюткой. Многие из взрослых были еще маленькими обезьянами, когда он был ребенком. В детстве он играл и шалил вместе с ними в этих самых джунглях. Теперь он задавался вопросом, узнают ли они его? У некоторых обезьян память очень короткая, и два года могли показаться им вечностью.

Из их разговоров он узнал, что они собрались, чтобы выбрать нового царя, так как старый погиб, свалившись с высоты ста футов с обломавшейся веткой.

Тарзан подвинулся на самый конец ветви, чтобы лучше их рассмотреть. Быстрые глазки одной из самок первые заметили его. Горловым лаем она обратила внимание других. Несколько огромных самцов выпрямились, чтобы лучше рассмотреть незваного гостя. С оскаленными зубами и ошетилившимися затылками они медленно направились в его сторону, издавая низкое, отвратительное ворчание.

— Карнат, я Тарзан от обезьян, — заговорил человек-обезьяна наречием племени. — Ты помнишь меня? Еще совсем маленькими обезьянками мы вместе дразнили Нуму, бросая в него палочки и орехи с безопасной высоты.

Зверь, к которому он обратился, приостановился, с выражением смутного понимания, смешанного с тупым изумлением.

— А ты, Мгор, — продолжал Тарзан, обращаясь к другому, — разве ты не помнишь вашего прежнего царя? Того, что умертвил могучего Керчака?

Обезьяны толпой подошли ближе не столько с угрожающим, сколько с любопытствующим видом. Они что-то побормотали друг с другом несколько минут.

— Что тебе нужно от нас? — спросил Карнат.

— Только мира, — отвечал человек-обезьяна.

Обезьяны опять посовещались. Наконец, Карнат заговорил:

— Если так, иди с миром, Тарзан от обезьян.

И Тарзан от обезьян легко спрыгнул на траву посреди свирепой и уродливой орды, — он прошел полный цикл, и опять вернулся к зверям, чтобы зверем жить среди них.

Не было взаимных приветствий, как у людей, если бы они не виделись два года. Большинство обезьян вернулось к делам, которые были прерваны появлением человека-обезьяны, и обращали на него так же мало внимания, как если бы он никогда не уходил из племени. Один — два самца, которые были тогда недостаточно взрослыми и не помнили его, подкрались к нему на четвереньках, обнюхивая его, и один из них обнажил клыки и угрожающе зарычал: он хотел сразу поставить Тарзана на свое место. Если бы Тарзан ответил ему таким же ворчанием, молодой самец был бы, вероятно, удовлетворен, но зато в глазах остальных обезьян он имел бы преимущество перед Тарзаном.

Но Тарзан от обезьян не ответил рычанием, а вместо того выбросил свою гигантскую руку со всей силой своих могучих мышц и, поймав молодого самца за голову, бросил его в растяжку на траву. Обезьяна в одну секунду вскочила на ноги и кинулась на него. Они сцепились, действуя пальцами и зубами, по крайней мере, таково было намерение-обезьяны, но не успели они упасть на землю, как пальцы человека-обезьяны впились в горло противника.

Скоро молодой самец перестал бороться и затих. Тогда Тарзан разжал пальцы и поднялся. Убивать он не хотел, а только показать и молодому самцу, и свидетелям этой сцены, что Тарзан от обезьян все еще их господин.

Урок послужил на пользу: молодые обезьяны отодвинулись, как всегда от старших, а старые самцы не оспаривали его прерогатив. Только самки с детенышами несколько дней относились к нему подозрительно и, если он подходил слишком близко, бросались на него с разинутыми пастьями и безобразным ревом. Но Тарзан скромно уходил от беды, таков обычай среди обезьян: только обезумевший самец решится задеть мать. Но в конце концов и они привыкли к нему.

Он охотился с ними, как в былые времена, и, когда они поняли, что, благодаря своему более высокому разуму, он умеет находить лучшие источники пищи, а его ловкая веревка захватывает такую лакомую

дичь, которой им никогда не приходилось пробовать, они снова стали относиться к нему так, как в прежние времена, когда он был у них царем. И раньше, чем уйти из амфитеатра и отправиться в новые странствования, они снова выбрали его своим предводителем.

Человек-обезьяна был вполне доволен своей новой ролью. Он не был счастлив, он вообще никогда не мог быть счастливым, но он, по крайней мере, был далеко от всего того, что могло напомнить ему его горе. Он давно уже решил не возвращаться в цивилизованные страны, а теперь отказался и от мысли вернуться к своим друзьям, черным Вазири. Он отрекся от человека навсегда. Он начал жизнь обезьяной, обезьяной и умрет.

И все-таки он не мог совсем вычеркнуть из памяти того обстоятельства, что женщина, которую он любил, совсем недалеко от мест, по которым кочевало его племя. Не умел он освободиться и от страха, что она постоянно может подвергаться опасностям. Что защитник у нее плохой, в этом он убедился, когда был свидетелем несостоятельности Клейтона. Чем больше думал об этом Тарзан, тем больше мучила его совесть.

Наконец, он начал проклинать себя за то, что из эгоизма и ревности пренебрег защитой Джэн Портер. С каждым днем все больше и больше не давала ему покоя эта мысль, и он решил уже вернуться на берег и заняться охраной Джэн Портер и Клейтона, когда до него дошли вести, которые перевернули все его планы и заставили его помчаться с бешеной быстротой на восток, забывая об опасностях и угрожающей смерти.

Еще до того, как Тарзан вернулся к своему племени, один молодой самец, не найдя для себя подружки в своем племени, по обычаю, отправился бродить по диким джунглям, подобно странствующему рыцарю прежних времен, разыскивая прекрасную даму, чье расположение он мог бы завоевать.

Он только что вернулся со своей невестой и оживленно рассказывал о своих приключениях. Между прочим, он упомянул, что видел большое племя странного вида обезьян.

— Все они волосатые самцы, кроме одной, — говорил он, — а самка цветом светлее даже этого незнакомца, — и он пальцем указал на Тарзана.

В одну минуту человек-обезьяна стал весь — внимание. Он задавал вопросы так быстро, что антропоид-тяжелодум едва успевал отвечать.

— Самцы были короткие, с кривыми ногами?

— Так.

— У них на бедрах шкуры Нумы и Шиты, а в руках палки и ножи?

— Так.

— А на руках и на ногах у них много желтых колец?

— Да.

— А самка была маленькая и тоненькая и очень белая?

— Да.

— Она казалась членом племени или пленницей?

— Они тащили ее за собой, иногда за руку, иногда за длинные волосы на голове, и всегда они толкали и били ее. О, это было очень весело!

— Боже! — прошептал Тарзан.

— Где ты встретил их и какой дорогой они пошли? — продолжал спрашивать человек-обезьяна.

— Они были у второй воды отсюда, — он показал на юг. — Когда они прошли мимо меня, они шли на восход солнца, вверх возле края воды.

— Когда это было? — спросил Тарзан.

— Поллуны тому назад.

Не говоря больше ни слова, человек-обезьяна бросился на дерево и помчался как бесплотный дух на восток по направлению к забытому городу Опару.

XXIV

ТАРЗАН ВОЗВРАЩАЕТСЯ В ОПАР

Когда Клейтон, вернувшись в шалаш, не нашел там Джэн, он был вне себя от страха и горя. Тюрэн был в полном сознании, лихорадка внезапно прекратилась, как это бывает с этой болезнью. Слабый и истощенный, русский лежал в шалаше на своей травяной постели.

Когда Клейтон спросил у него, где Джэн, он выразил искреннее удивление:

— Я не слышал ничего подозрительного, — объяснил он. — Но, правда, я большую часть времени был без сознания.

Если бы не очевидная слабость человека, Клейтон заподозрил бы его в том, что ему известно, где находится девушка. Но было ясно, что Тюрэну не хватило бы сил даже спуститься из шалаша, а тем более взобраться по лесенке обратно.

До поздней ночи обыскивал англичанин ближайшие места в джунглях, ища каких-нибудь следов пропавшей девушки или ее похитителей. Но хотя след, оставленный пятьюдесятью страшными людьми, при их неопытности в охотничьем искусстве, для каждого обитателя джунглей был бы также убедителен, как городская улица для англичанина, Клейтон двадцать раз проходил мимо него, не видя никаких признаков, что много человек проходили здесь всего несколько часов тому назад.

Продолжая искать, Клейтон громко звал девушку по имени, пока, наконец, не привлек внимание Нумы — льва. По счастью, он вовремя заметил ползущую к нему тень и взобрался на дерево. На этом закончились его поиски в тот день, потому что лев проходил взад-вперед под деревом до поздней ночи.

Даже после того, как зверь ушел, Клейтон не решился спуститься во мрак и провел на дереве страшную и тяжелую ночь. На следующее утро он вернулся на берег, отказавшись раз навсегда от надежды оказать помощь Джэн Портер.

В течение следующей недели Тюрэн быстро набирался сил, лежа в шалаше, тогда как Клейтон промышлял на двоих. Мужчины ограничивались только самыми необходимыми фразами. Клейтон

перешел в отделение шалаша, которое занимала раньше Джэн Портер, и видел русского только тогда, когда приносил ему пищу и воду, или оказывал ему, из чувства человеколюбия, другие услуги.

К тому времени, как Тюрэн уже мог принимать участие в добывании пищи, свалился в лихорадке Клейтон. Долгие дни лежал он в бреду и мучился, но русский ни разу не подошел к нему. Пищи англичанин все равно не тронул бы, но жажда превращалась для него в настоящую пытку. Между двумя приступами бреда он умудрялся, при всей своей слабости, раз в день кое-как дотаскиваться до источника, чтобы наполнить водой жестяную кружку, одну из тех, что была в лодке.

Тюрэн в этих случаях следил за ним со злорадным удовольствием, он, видимо, радовался страданиям человека, который недавно еще, при всем своем презрении к нему, старался, по мере возможности, облегчить ему такие же страдания.

Наконец, Клейтон ослабел настолько, что не в состоянии уже был спускаться из шалаша. День он промучился без воды, не обращаясь к русскому, но затем, не выдержав больше, попросил Тюрэна принести ему напиток.

Русский подошел ко входу в комнату Клейтона с кружкой воды в руках. Скверная усмешка искажала его черты.

— Вот вода, — сказал он. — Но я хочу напомнить вам, что вы поносили меня перед девушкой, что вы берегли ее для себя одного, не хотели делиться со мной...

Клейтон перебил его:

— Довольно! — крикнул он. — Довольно! Что вы за мерзавец, что клеветаете на хорошую женщину, которую мы считаем умершей? Боже! Я был безумцем, что не убил вас, вы слишком гадки даже для этой ужасной страны!

— Вот ваша вода, — заявил русский, — вот все, что вы получите. — И с этими словами он поднес кружку к губам и начал пить, а то, что осталось, выплеснул вниз, на землю.

Клейтон откинулся назад и, закрыв лицо руками, отдался на волю судьбы.

На следующий день Тюрэн решил отправиться вдоль берега на север, так как думал, что там скорее можно наткнуться на цивилизованных людей; во всяком случае, хуже, чем здесь, быть не

могло, а бред умирающего англичанина к тому же действовал ему на нервы.

Украва копье Клейтона, он пустился в путь. Он убил бы больного перед уходом, если бы его не удержала мысль, что это было бы действительно добрым делом.

В тот же день он подошел к маленькой хижине у берега и исполнился надежд при виде этого признака близости цивилизованной жизни, потому что решил, что хижина — передовой пост какого-нибудь поселка. Знай он, кому она принадлежит, и то, что собственник всего в нескольких милях, в глубине страны, Николай Роков бежал бы из этого места, как из чумного. Но он ничего не знал и провел несколько дней, наслаждаясь безопасностью и сравнительным комфортом хижины. Потом он продолжал свой путь на север.

В лагере лорда Теннингтона строились зимние помещения и подготавливалась экспедиция на север за помощью.

По мере того, как проходили дни, а помощь не являлась, надежда на то, что Джэн Портер, Клейтон и мсье Тюран спаслись, угасала. Никто больше не заговаривал об этом с профессором Портером, но он был так поглощен своими научными грезами, что не замечал хода времени.

Иногда он бросал несколько фраз: «На днях, наверное, пароход бросит якорь в виду берега, и тогда все счастливо соединятся». Иногда, вместо парохода, он говорил о поезде и выражал сомнение, не задержали ли его снежные заносы.

— Если бы я не успел уже узнать милого старичка так хорошо, — заметил как-то Теннингтон мисс Стронг, — я ничуть не сомневался бы, что он... не совсем...

— Это было бы смешно, если бы не было так трогательно, — грустно отвечала девушка. — Я, зная его всю мою жизнь, я знаю, как он обожает Джэн; но остальные, должно быть, считают его совершенно равнодушным к ее судьбе. А все дело в том, что он так далек от реальной жизни, что даже смерть может осознать только, если увидит несомненные доказательства.

— Вы ни за что не догадаетесь, что он затеял вчера, — продолжал Теннингтон. — Я возвращался один после небольшой охоты, как вдруг встретил его на тропинке, ведущей к лагерю. Он быстро шел, заложив руки за полы своего длинного сюртука, решительно надвинув шляпу

на голову и глядя упорно в землю, шел, должно быть, на верную смерть, если бы я не перехватил его. — «Ради бога, куда вы направляетесь, профессор?» — спросил я его. — «Я иду в город, лорд Теннингтон», — отвечал он самым невозмутимым образом, — «чтобы пожаловаться начальнику почтовой конторы на неаккуратное обслуживание нас сельской почтой. Подумайте, ведь я несколько недель ничего не получаю. Должно быть уже несколько писем от Джэн. Необходимо сейчас же сообщить в Вашингтон». — И, поверите ли, мисс Стронг, — закончил Теннингтон, — что мне чертовски трудно было убедить старичка, что нет здесь сельской почты, и нет никакого города, и что Вашингтон совсем на другом континенте и в другом полушарии. Когда он понял, в чем дело, он забеспокоился о дочери, пожалуй, он в первый раз отдал себе отчет о нашем положении и допустил мысль, что мисс Портер, быть может, и не спаслась.

— Мне тяжело думать об этом, — сказала девушка, — и я не могу все-таки думать ни о чем другом, как только об отсутствующих членах нашей компании.

— Будем надеяться на лучшее, — возразил Теннингтон. — Вы сами подаете такой пример мужества, ведь вы, пожалуй, потеряли больше всех.

— Да, — подтвердила она, — я не могла бы любить Джэн Портер сильнее, даже если бы мы были родными сестрами.

Теннингтон ничем не проявил своего изумления. Он совсем не это имел в виду. Со времени крушения «Леди Алисы» Теннингтон много времени проводил с красавицей из Мэриленда и недавно признался самому себе, что полюбил ее сильнее, чем следовало в интересах собственного душевного спокойствия, так как он не переставая помнил сообщение под секретом мсье Тюрана о том, что он обручен с мисс Стронг. У Теннингтона, впрочем, начинали появляться сомнения в правдивости Тюрана. Ни разу молодая девушка не проявила по адресу отсутствующего ничего, что выходило бы за пределы просто дружеских чувств.

— А затем гибель мсье Тюрана, если они все погибли, была бы для вас тяжелым ударом, — осторожно заметил он.

— Мсье Тюран — очень милый друг, — сказала она. — Я очень любила его, хотя знала недолго.

— Разве вы не были помолвлены с ним? — неожиданно выпалил он.

— О небо! — воскликнула она. — Конечно, нет. Я вовсе не так любила его.

Лорд Теннингтон хотел что-то сказать Газели Стронг, очень хотел, и сказать сейчас же; но почему-то слова застревали у него в горле. Он несколько раз неуверенно начинал, откашливался, краснел и кончил замечанием, что рассчитывает покончить с постройкой домиков до начала периода дождей.

Но, сам того не зная, он сказал девушке то именно, что хотел сказать, — и она была счастлива, так счастлива, как никогда в жизни.

На этот раз их прервало появление на опушке джунглей с южной стороны странной и страшной фигуры. Теннингтон и девушка одновременно заметили ее. Англичанин схватился за револьвер, но, когда полуобнаженное, обросшее волосами существо окликнуло его по имени и бросилось к ним, он опустил руку и пошел навстречу.

Трудно было узнать в грязном, изможденном создании, покрытом только каким-то странным одеянием, сделанным из маленьких шкур, безукоризненного мсье Тюрана, которого они все видели в последний раз на палубе «Леди Алисы».

Прежде чем остальные члены маленькой общины узнали о его прибытии, Теннингтон и мисс Стронг расспросили его об остальных пассажирах лодки.

— Все умерли, — объяснил Тюран. — Три матроса — еще в море. Мисс Портер унес в джунгли какой-то хищный зверь в то время, как я бредил в лихорадке. Клейтон умер от лихорадки несколько дней тому назад. И подумать только, что все это время мы были от вас на расстоянии нескольких миль — меньше дня пути. Это ужасно!

Джэн Портер не могла отдать себе отчета, сколько времени она пролежала в подвале под храмом древнего города Опара. Одно время ее била лихорадка, она бредила, но затем начала медленно поправляться. Женщины, приносившие ей пищу, каждый день предлагали ей подняться, но она знаками давала им понять, что еще слишком слаба.

Но, в конце концов, она могла подняться на ноги, а там и сделать, шатаясь, несколько шагов, придерживаясь за стены. Ее похитители

присматривались к ней с возрастающим интересом. День приближался, жертва крепла и поправлялась.

День, наконец, наступил, и молодая женщина, которую Джэн Портер не видела до тех пор, с несколькими другими вошла к ней в подвал. Был проделан какой-то религиозный обряд — именно религиозный, в этом девушка не сомневалась, и это сразу подбодрило ее. Она радовалась, что попала к людям, которым, очевидно, знакомо облагораживающее и смягчающее влияние религии, — они обойдутся с ней гуманно, она в этом уверена.

Поэтому, когда ее вывели из подвала и длинными, темными коридорами, а потом бетонной лестницей провели в залитый светом двор, она шла охотно, даже радовалась: ведь она была среди слуг божьих... Возможно, конечно, что их представление о верховном существе несколько иное, чем ее собственное, но довольно уже того, что они признают бога, а, следовательно, не могут быть злыми и жестокими.

Но когда она увидела каменный алтарь в центре двора и красно-бурые пятна на нем и возле него на бетонном полу, она удивилась и заколебалась. А когда они связали ей ноги и связали руки за спиной, сомнение перешло в испуг. Еще минута — и ее подняли и положили на спину поперек алтаря, надежда угасла окончательно, и она забилась в страхе.

Во время начавшегося затем танца верных она лежала, оцепенев от ужаса, догадавшись, какая участь ее ожидает, раньше, чем увидела занесенный над нею в руке верховной жрицы тонкий нож.

Рука начала опускаться, и Джэн Портер закрыла глаза и вознесла молчаливую молитву к создателю, перед которым скоро должна была предстать; тут нервы ее не выдержали, и она потеряла сознание.

Дни и ночи мчался Тарзан от обезьян девственным лесом к городу развалин, в котором любимая женщина заключена в неволе, если еще не умерла.

За одни сутки он покрыл расстояние, которое пятьдесят страшных человек шли почти неделю, потому что он двигался по среднему ярусу ветвей, над той чашей, через которую так трудно было пробираться идущим по земле.

Рассказ молодого обезьяньего самца не оставлял никаких сомнений в том, что пленная девушка — Джэн Портер, потому что в джунглях не

было другой маленькой белой самки. В самцах он узнал, по грубому описанию обезьяны, карикатуры на людей, обитающих в развалинах Опара. Он так ясно представлял себе участь девушки, как если бы видел все собственными глазами. Когда они положат ее на тот страшный алтарь, он не мог сказать с уверенностью, но нисколько не сомневался, что, в конце концов, ее дорогое, хрупкое тело окажется на алтаре.

Наконец, после долгих часов, которые показались вечностью нетерпеливому человеку-обезьяне, он перевалил через скалистый барьер, отграничивающий долину отчаяния, и увидел у ног своих страшные и суровые развалины Опара. Быстрым шагом направился он по пыльной и сухой, усеянной валунами равнине к цели своих стремлений.

Придет ли он вовремя? Во всяком случае, он отомстит, и в гневе он чувствовал в себе достаточно сил, чтобы уничтожить все население ужасного города. Около полудня он подошел к огромному валуну, на вершине которого заканчивался потайной ход к подземельям города. Как кошка взобрался он по отвесной гранитной стене. Спустя минуту уже бежал в темноте по прямому туннелю к подвалу сокровищ, пробежал подвал и вышел к шахте-колодцу, по той стороне которого стояла башня с разборной стеной.

Когда он приостановился на мгновение на краю колодца, слабые звуки донеслись к нему сверху. Его тонкий слух тотчас разобрал их: это был танец смерти, предшествующий жертвоприношению, и ритуальный напев верховной жрицы. Он даже узнал голос Лэ.

Возможно ли, чтобы обряд был связан именно с тем, чему он хочет помешать? Волна безумного страха прошла по нему. Неужели он опоздает ровно на мгновение? Как перепуганный олень, перепрыгнул он через узкую щель. Как одержимый, принялся разбирать стену; как только голова и плечи его могли пройти в отверстие, он всунул их и, гигантским усилием мышц вывалив остальную подвижную часть стены, упал вместе с ней на цементный пол башни.

Одним прыжком подскочил он к дверям и надавил на них всей своей тяжестью. Но тут была преграда непреодолимая. Могучие засовы по ту сторону двери не поддавались даже ему. Он сразу понял тщетность своих усилий. Оставался только один путь: обратно туннелем к валуну, около мили до городской стены, затем — в

отверстие в стене, через которое он в первый раз проник со своими Вазири.

Ясно было, что он не успел бы уже спасти девушку, если это действительно она лежит сейчас на алтаре. Но другого пути как будто не было, и он выскочил через разобранную стену. В колодце он опять услышал монотонный голос верховной жрицы. Когда он взглянул вверх, отверстие футов в двадцати вверху показалось ему таким близким, что он готов был сделать сумасшедшую попытку и прыгнуть вверх, чтобы таким образом быстрее попасть во внутренний двор.

Если бы он мог хотя бы как-нибудь закрепить конец своей веревки за край того искушающего его отверстия! Один миг — и новая мысль блеснула у него в голове. Надо попробовать. Вернувшись к стене, он схватил одну из плоских плит, из которых она была сделана. Наскоро привязав к ней один конец своей веревки, он вернулся в колодец и, свернув остальную веревку на полу около себя, человек-обезьяна взял тяжелую плиту обеими руками и, взмахнув ею несколько раз, чтобы лучше наметить направление, бросил ее слегка под углом так, чтобы она не вернулась обратно в колодец, а задела край отверстия, перевалившись на ту сторону, ко двору.

Тарзан подергал несколько раз свисающий конец веревки, пока не почувствовал, что плита застряла довольно основательно наверху шахты. Тогда он повис над бездной. В тот момент, когда он повис на веревке всей тяжестью, он почувствовал, что веревка немного спустилась. Он выждал в страшной нерешительности несколько минут, пока она медленно ползла вниз, дюйм за дюймом. Плита поднималась вдоль каменной кладки вверху колодца: зацепится ли она у края, или он стащит ее вниз своей тяжестью и вместе с ней полетит в неведомую глубину?

XXV

В ДЕВСТВЕННОМ ЛЕСУ

Несколько мучительных мгновений Тарзан чувствовал, как скользит вниз веревка, на которой он висит, как царапает каменная плита о каменную стену вверху.

Потом вдруг веревка остановилась: камень зацепился у самого края стены. Осторожно лез человек-обезьяна по непрочной веревке. Минута — и голова его показалась в отверстии шахты. Во дворе никого не было. Все жители Опара собрались на жертвоприношение. Тарзан слышал голос Лэ, доносившийся из близлежащего двора жертвоприношений. Танец уже прекратился. Нож уже опускается. С этими мыслями Тарзан быстро бежал на голос верховной жрицы.

Судьба привела его прямо к дверям большой комнаты без потолка. Его отделял от алтаря длинный ряд жрецов и жриц, ожидающих с золотыми чашами в руках, чтобы пролилась теплая кровь жертвы.

Рука Лэ медленно опускалась к груди хрупкой неподвижной фигурки, лежащей на жестком камне. У Тарзана вырвался не то вздох, не то рыдание, когда он узнал любимую девушку. И опять шрам на лбу побагровел, перед глазами поплыл красный туман, и со страшным ревом взбесившегося обезьяньего самца он, как огромный лев, прыгнул в толпу верных.

Вырвав из рук ближайшего жреца дубинку, он как демон пробивал себе дорогу к алтарю. Рука Лэ задержалась, как только раздался шум. Когда она увидела, кто вызвал перерыв, она вся побледнела. Она никак не могла понять тайны исчезновения белого человека из башни, в которую она его заперла.

Она вовсе не думала выпускать его из Опара, потому что смотрела на этого красивого гиганта глазами не жрицы, а женщины.

Умная и сообразительная, она приготовила целый рассказ об откровении, которое она получила от пламенеющего бога, приказавшего принять этого белого человека как своего вестника к своему народу. Люди Опара этим удовлетворились бы, она это знала. А человек тоже предпочел бы, она была в том уверена, стать ее мужем, чем вернуться «а жертвенный алтарь».

Но когда она направилась к нему, чтобы объяснить ему свой план, она не нашла его, он исчез, хотя дверь была заперта снаружи. И вот он вернулся, материализованный из воздуха, и убивает ее жрецов, как овец. На мгновение она забыла о своей жертве и не успела еще овладеть собой, как огромный белый человек уже стоял возле нее, держа в руках женщину, которая только что лежала на алтаре.

— В сторону, Лэ, — крикнул он. — Ты спасла мне однажды жизнь, и я не могу причинить тебе зла, но не задерживай меня и не преследуй, а то мне придется убить и тебя.

И с этими словами он шагнул мимо нее ко входу в подземелье.

— Кто она? — спросила верховная жрица, указывая на женщину в обмороке.

— Она моя, — отвечал Тарзан от обезьян.

На миг девушка из Опара широко раскрыла глаза. Потом в них появилось выражение безнадежного отчаяния, и она со слезами опустила на пол, а в это время свора отвратительных мужчин ринулась мимо нее вслед за человеком-обезьяной.

Но внизу они не нашли Тарзана от обезьян. Легкими прыжками он исчез в проходе к нижним подземельям. Но они только посмеялись, совершенно спокойные, ведь они знали, что из подземелий нет другого выхода, кроме того, каким они пришли, и что ему все равно придется вернуться сюда, — они подождут.

И вот почему Тарзан от обезьян с Джэн Портер на руках, все еще не приходящей в сознание, прошел подземелья Опара под храмом пламенеющему богу, никем не преследуемый. Но когда люди Опара обсудили дело получше, они вспомнили, что этот самый человек уже однажды ушел из их подземелья, хотя они точно также сторожили у выхода, и что сегодня он вбежал снаружи. Они решили опять послать в долину пятьдесят человек, чтобы они поймали и привели обратно этого святотатца.

Когда Тарзан добрался до колодца по ту сторону разобранной стены, он настолько был уверен в счастливом исходе своего бегства, что задержался и собрал опять стену, чтобы местные жители не узнали тайны забытого хода и не добрались бы сами до сокровищницы. Он думал еще раз вернуться в Опар и забрать состояние еще больше того, что зарыто уже в амфитеатре обезьян.

Так шел он туннелями, через первую дверь и комнату сокровищ, через вторую дверь и длинный прямой туннель, ведущий к потайному выходу из города. Джэн Портер все еще не приходила в себя.

На вершине громадного валуна он приостановился и оглянулся на город. Через равнину продвигалась шайка отвратительных мужчин Опара. На минуту он заколебался. Спуститься ли вниз и попробовать добежать до скал в конце долины? Или же спрятаться до ночи? Одного взгляда на бледное лицо девушки было достаточно, чтобы решиться. Он не может оставлять ее здесь, не может допустить, чтобы враги лишили их свободы. Почему знать, не нашли ли они все-таки прохода? Тогда враг будет у него и спереди, и сзади, и уйти будет почти невыносимо, тем более, что он не может силой прокладывать себе путь с девушкой в обмороке на руках.

Спуститься с отвесного валуна с Джэн Портер было нелегко, но он привязал ее себе на плечи своей веревкой и спустился все-таки в долину раньше, чем опариане поравнялись со скалой. Так как спускался он со стороны, противоположной городу, погоня ничего не видела и не подозревала, что добыча так близко от нее.

Стараясь держаться под прикрытием валунов, Тарзан пробежал около мили, прежде чем преследователи, обогнув часовых, увидели впереди беглеца. С громкими криками дикого восторга они пустились бегом, не сомневаясь, очевидно, что быстро догонят отягченного ношей человека. Но они недооценили силы человека-обезьяны и переоценили возможности собственных коротких, кривых ножек.

Без особого напряжения Тарзан удерживал их все время на одном и том же расстоянии. Порой он наклонялся к головке, лежащей у него на груди. Если бы не слабое биение сердца у самого его сердца, он не знал бы, жива ли она, так осунулось и побледнело бедное, измученное личико.

Так добрались они до горы со срезанной верхушкой и до скалистого барьера. Последнюю часть пути Тарзан бежал во всю, как быстроногий олень, чтобы выгадать время и спуститься с горы раньше, чем опариане взберутся наверх, откуда они могут сбрасывать камни ему вслед. И он спустился уже вниз на полмили, по крайней мере, когда маленькие свирепые люди показались на верху горы.

С криками ярости и разочарования они выстроились на вершине, потрясая своими дубинками и прыгая на месте от злости. Но на этот

раз они не решились преследовать беглецов за пределами собственной страны. Потому ли, что они не забыли недавние поиски, долгие и утомительные, потому ли, что, убедившись, с какой легкостью мчится человек-обезьяна, и какую, судя по последнему концу, он может развить скорость, решили, что преследование бесполезно.

Во всяком случае, Тарзан не успел еще добежать до опушки леса, начинающегося у подножия холмов, как люди Опара повернули обратно.

У самой опушки леса, откуда можно было наблюдать за скалистым барьером, Тарзан опустил свою ношу на землю и, принеся из ближнего ручья воды, омыл ей лицо и руки. Но когда и это не привело девушку в себя, он снова поднял ее своими сильными руками и поспешил с ней на запад.

Солнце уже садилось, когда сознание начало возвращаться к Джэн Портер. Она не сразу раскрыла глаза, стараясь сначала припомнить последние сцены, какие видела. Да... алтарь, страшная жрица, опускающийся нож. Она чуть вздрогнула и подумала, умерла ли она уже? Или же нож вонзился в сердце и у нее предсмертный бред?

Потом, собравшись с мужеством, она все-таки раскрыла глаза, но то, что она увидела, только подтвердило ее догадки: она увидела, что ее несет в своих объятиях зеленым раем любимый, который умер раньше нее.

— Если это смерть, — шепнула она, — благодарение богу, что я умерла.

— Вы говорите, Джэн, — воскликнул Тарзан. — Вы пришли в себя!

— Да, Тарзан, — отвечала она, и после долгих месяцев в первый раз лицо у нее осветилось улыбкой счастья и покоя.

— Слава богу! — воскликнул человек-обезьяна, спускаясь на маленькую густо заросшую травой полянку, по которой протекал ручей. — Я все-таки пришел вовремя.

— Вовремя? Что вы хотите сказать? — спросила она.

— Вовремя, чтобы спасти вас от смерти на алтаре, дорогая. Вы разве не помните?

— Спасти меня от смерти? — удивленным тоном переспросила она. — Но разве мы оба не умерли, Тарзан?

Он уже опустил ее на траву, прислонив спиной к стволу громадного дерева. При ее словах он отступил немного, всматриваясь ей в лицо.

— Умерли? — повторил он и захохотал. — Вы не умерли, Джэн. И если вы вернетесь в город Опар и спросите его жителей, они ответят вам, что я не был мертв несколько часов тому назад. Нет, дорогая моя, мы оба совсем-совсем живые.

— Но и Газель, и мсье Тюран говорили мне, что вы упали в океан за много миль от берега, — настаивала она, словно убеждая его в том, что он на самом деле умер. — Они говорили, что не было ни малейшего сомнения в том, что это были вы, а тем более в том, что вы не могли остаться в живых и что вас не могли подобрать.

— Как мне убедить вас, что я не дух? — спросил он, смеясь. — Действительно меня столкнул за борт прелестный мсье Тюран, но я не утонул, — потом я все вам расскажу, — и сейчас я почти совсем такой же дикарь, каким вы узнали меня в первый раз, Джэн.

Девушка медленно поднялась на ноги и подошла к нему.

— Мне еще не верится, — прошептала она. — Не может быть, чтобы пришло такое счастье после всего того страшного и гадкого, что я пережила за эти ужасные месяцы после крушения «Леди Алисы».

Она еще ближе подошла к нему и положила ему на руку свою дрожащую, нежную ручку.

— Это сон, наверное, и я проснусь и увижу страшный нож, направленный в сердце, — поцелуй меня, дорогой, один раз поцелуй, пока я не проснулась.

Тарзан не заставил себя просить. Он обнял любимую девушку своими сильными руками и поцеловал ее не раз, а сотни раз, пока она не замерла, трепещущая в его объятиях; когда он отпустил ее, она сама обвила руками его шею и, притянув его к себе, прижалась губами к его губам.

— Ну, что же? — спросил он. — Сон ли я? Или живой, реальный человек?

— Если ты не живой человек, муж мой, — отвечала она, — то я молю бога, чтобы он послал мне смерть раньше, чем я проснусь для ужасной действительности.

Несколько минут они молча смотрели друг другу в глаза; каждый как будто задавался вопросом, реально ли изумительное счастье, которое послала им судьба. Забыто было прошлое, с его

разочарованиями и ужасами; будущее не принадлежало им, но настоящее — никто не мог отнять его у них. Первая прервала молчание девушка:

— Куда мы идем, дорогой? — спросила она. — Что мы будем делать?

— Куда вы хотите идти? — отвечал он вопросом. — Что вы хотите делать?

— Идти — куда идешь ты, муж мой; делать то, что захочешь ты, — отвечала она.

— А Клейтон? — спросил он. На мгновение он как будто забыл, что есть кто-нибудь на земле, кроме их двоих. — Мы забыли о вашем муже.

— Я не замужем, Тарзан, — крикнула она. — Я даже не помолвлена. Накануне того дня, когда эти чудовища похитили меня, я сказала м-ру Клейтону, что люблю вас, и он понял, что я не могу сдержать слова, которое я дала ему, что это было бы дурно с моей стороны. Это случилось после того, как мы чудесным образом были спасены от когтей льва. — Она вдруг остановилась и вопросительно посмотрела на него. — Тарзан! — воскликнула она, — это сделали вы? Только вы один и могли это сделать.

Он опустил глаза, ему было стыдно.

— Как вы могли уйти и оставить меня одну? — упрекнула она его.

— Не надо, Джэн, — просил он. — Не надо, прошу вас! Вы не можете себе представить, как я страдал с тех пор, как упрекал себя за этот жестокий поступок, но вы не можете себе представить и того, как я страдал тогда, сначала от бешеной ревности, потом от обиды на судьбу, которая послала мне незаслуженное горе. После этого я опять вернулся к обезьянам, Джэн, с тем, чтобы никогда больше не видеть человеческого существа.

Он рассказал ей затем о своей жизни в джунглях со времени возвращения, о том, как он падал все ниже и ниже, как гиря, увлекаемая собственной тяжестью: от культурного парижанина до дикого воина Вазири, и от Вазири — до зверя, одного из тех зверей, среди которых он вырос.

Она задавала ему много вопросов и, наконец, самый страшный — о той женщине в Париже, о которой ей говорил Тюрэн. Тарзан рассказал ей подробно всю историю своей цивилизованной жизни, не упустив ни

одной детали, — ему нечего было скрывать, сердцем он всегда оставался верен ей. Когда он закончил, он посмотрел на нее, словно ожидая приговора.

— Я знала, что он лжет, — сказала она. — О, что за отвратительное создание!

— Так вы не сердитесь на меня?

И ответ ее, хотя не вполне логичный, звучал совсем по-женски:

— А Ольга де Куд очень красива? — спросила она. И Тарзан, засмеявшись, снова поцеловал ее:

— В десять раз менее красива, чем вы, дорогая.

Она довольно вздохнула и опустила голову к нему на плечо. Он понял, что прощен.

В этот вечер Тарзан построил уютную маленькую хижину высоко среди качающихся ветвей исполинского дерева, и там уснула усталая девушка, а человек-обезьяна поместился в развилине дерева, возле нее, даже во сне готовый защищать.

Много дней шли они к берегу. Когда дорога была легкая, они шли рука об руку под зелеными сводами могучего леса, как ходили, должно быть, в давно прошедшие времена их первобытные предки. Когда внизу чаща заплеталась, он брал ее на руки и легко переносил с дерева на дерево. И все дни казались такими короткими — они были счастливы. Они готовы были продлить этот путь до бесконечности, если бы не беспокойство о Клейтоне и желание помочь ему.

В последний день, когда они уже подходили к берегу, Тарзан услышал запах людей — черных. Он предупредил девушку, чтобы она молчала.

— В джунглях мало друзей, — сухо сказал он.

Через полчаса они осторожно приблизились к маленькой группе черных воинов, направлявшихся на запад. Увидев их, Тарзан радостно вскрикнул. Это был отряд его Вазири. Был тут Бузули и многие другие из тех, что ходили с ним в Опар. При виде его они начали плясать и кричать в восторге. Они ищут его уже целые недели, говорили они.

Черные проявили большое удивление, видя, что с ним белая девушка, а когда они узнали, что она будет его женой, один перед другим старались как можно сильнее выразить ей свое почитание. Окруженные счастливыми Вазири, смеющимися и пляшущими, они подошли к шалашу на берегу.

Не было никаких признаков жизни. Никто не отзывался. Тарзан быстро взобрался в хижину из древесных ветвей и сейчас же выглянул оттуда с пустой кружкой в руках.

Бросив ее Бузули, он просил его принести воды, а Джэн предложил подняться наверх.

Они вместе нагнулись над исхудавшим существом, которое было некогда английским лордом. Слезы навернулись у девушки на глаза при виде несчастных запавших щек, провалившихся глаз и печати страдания на недавно еще молодом и красивом лице.

— Он еще жив, — сказал Тарзан. — Мы сделаем все, что возможно, но, боюсь, мы пришли слишком поздно.

Когда Бузули принес воду, Тарзан влил несколько капель между потрескавшимися, распухшими губами, помочит горячий лоб, освежил исхудавшие члены.

Клейтон раскрыл глаза. Слабый отблеск улыбки осветил его лицо, когда он узнал склонившуюся над ним девушку. При виде Тарзана на лице у него выразилось изумление.

— Все в порядке, старый друг, — сказал человек-обезьяна. — Мы вовремя нашли вас. Теперь все будет хорошо, и вы сами не заметите, как будете на ногах.

Англичанин слабо качнул головой:

— Слишком поздно, — прошептал он. — Но так лучше. Я хочу умереть.

— Где мсье Тюран? — спросила девушка.

— Он бросил меня, когда болезнь разыгралась. Он дьявол. Когда я просил у него воды, потому что был слишком слаб, чтобы сходить за ней, он напился, стоя возле меня, вылил остатки наземь и рассмеялся мне в лицо. — И словно мысль об этом человеке вернула ему силы, он приподнялся на локтях. — Да, — почти прокричал он. — Я хочу жить. Я хочу жить, чтобы разыскать и убить это чудовище! — Но от сделанного усилия он еще больше ослабел и откинулся назад на траву, которая когда-то, вместе со старым плащом, служила постелью Джэн Портер.

— Не волнуйтесь из-за Тюрана, — сказал Тарзан, и успокаивающим движением положил руку на голову Клейтона. — Он принадлежит мне, и я, в конце концов, разделаюсь с ним.

Долгое время Клейтон лежал неподвижно. Тарзан несколько раз прикладывал ухо к запавшей груди, стараясь уловить слабое биение отработавшего сердца. Перед вечером Клейтон опять слегка приподнялся.

— Джэн, — шепнул он. Девушка ниже наклонила голову, чтобы не пропустить ни одного слова. — Я виноват перед вами и перед ним, — он кивнул в сторону человека-обезьяны. — Я так сильно любил вас, — это, конечно, слабое оправдание. Но я не мог примириться с мыслью, что потеряю вас. Я не прошу у вас прощения. Я только хочу сделать сейчас то, что должен был сделать год назад.

Он порылся в кармане плаща, лежавшего возле него, и вытащил оттуда то, что нашел там недавно, между двумя приступами лихорадки, — маленький измятый кусочек желтой бумаги. Он протянул его девушке, и когда она взяла его, рука Клейтона упала безжизненно к ней на грудь, голова откинулась, и с легким вздохом он вытянулся и затих. Тогда Тарзан от обезьян концом плаща закрыл ему лицо.

Несколько минут они простояли на коленях, девушка читала про себя молитву. Потом они поднялись по обе стороны уже успокоившегося навеки Клейтона. На глаза человека-обезьяны навернулись слезы: собственные страдания научили его состраданию к другим.

Сквозь слезы девушка прочла то, что было написано на желтой бумажке, и глаза у нее широко раскрылись. Дважды прочла она поразившие ее слова, прежде чем поняла их значение.

Отпечатки пальцев доказывают вы Грейсток. Поздравляю.

Д'Арно.

Она протянула бумажку Тарзану.

— И он знал это все время? — проговорила она, — и не сказал нам?

— Я узнал об этом первый, Джэн, — возразил тот, — не знаю, каким образом телеграмма попала к нему. Должно быть, я обронил ее в зале ожидания. Я там получил ее.

— И после того вы сказали нам, что матерью вашей была обезьяна и что вы никогда не знали своего отца? — недоверчиво спросила она.

— На что мне были титул и поместья без вас, моя дорогая? А если бы я отнял их у него, — я ограбил бы женщину, которую люблю, — понимаете, Джэн? — Казалось, что он оправдывается перед ней.

Она взяла его руки в свои.

— А я чуть было не отказалась от такой любви! — шепнула она.

XXVI

НЕТ БОЛЬШЕ ЧЕЛОВЕКА-ОБЕЗЬЯНЫ

На следующее утро они двинулись в путь к хижине Тарзана. Четверо Вазири несли тело англичанина. Это человеку-обезьяне пришла мысль похоронить Клейтона рядом с покойным лордом Грейстоком у опушки джунглей около хижины, выстроенной старшим.

Джэн Портер была рада этому, и в глубине души она удивлялась необыкновенной чуткости этого удивительного человека, который, воспитанный зверями и среди зверей, отличался истинным рыцарством и нежностью, обычно считающимися прерогативами людей высшей культуры.

Они прошли около трех миль из пяти, отделяющих их от собственного берега Тарзана, когда Вазири, шедшие впереди, внезапно остановились, удивленно показывая на приближающуюся к ним вдоль берега странную фигуру. Это был мужчина с блестящим цилиндром на голове, он шел медленно, опустив голову и заложив руки за полы своего длинного черного сюртука.

При виде его Джэн Портер радостно вскрикнула и быстро побежала ему навстречу. При звуке ее голоса мужчина поднял голову и, узнав ее, в свою очередь закричал, счастливый и довольный. Когда профессор Архимед К. Портер заключил дочь в объятия, слезы заструились по его морщинистому лицу, и прошло несколько минут, пока он был в состоянии заговорить.

Когда затем он узнал Тарзана, пришлось долго убеждать, что горе не помутило его рассудка, потому что он, как и другие члены партии, был твердо убежден в том, что человек-обезьяна умер, и примирить это убеждение с весьма реальной внешностью лесного бога Джэн было довольно трудно. Старик был очень растроган известием о смерти Клейтона.

— Не понимаю, — говорил он. — Ведь мсье Тюран уверил нас, что Клейтон умер много дней назад.

— Тюран с вами? — быстро спросил Тарзан.

— Да, он недавно разыскал нас и привел к вашей хижине. Мы стояли лагерем немного севернее. То-то будет обрадован, увидев вас обоих.

— И удивлен, — добавил Тарзан.

Немного погодя странная группа подошла к полянке, на которой стояла хижина человека-обезьяны. Взад и вперед ходили люди, и одним из первых Тарзан увидел д'Арно.

— Поль! — крикнул он. — Во имя здравого смысла, что вы здесь делаете?! Уж не сошли ли мы все с ума!

Все быстро разъяснилось, как и многое другое. Корабль д'Арно крейсировал вдоль берега, неся сторожевую службу, и, по предложению лейтенанта, бросил якорь в маленькой бухте, чтобы взглянуть на хижину и джунгли, в которых два года тому назад многие офицеры и матросы пережили такие необычайные приключения. Высадившись на берег, они нашли партию лорда Теннингтона и условились забрать их всех с собой на следующий день и доставить в цивилизованные страны.

Газель Стронг и ее мать, Эсмеральда и м-р Самуэль Т. Филандер не могли прийти в себя от счастья, что Джэн Портер вернулась невредимая. Ее спасение казалось им почти чудом, и все в один голос утверждали, что сделать такой подвиг мог только один Тарзан от обезьян. Они засыпали чувствующего себя неловко человека-обезьяну похвалами и всяческими знаками внимания, так что он был бы не прочь перенестись в амфитеатр обезьян.

Все заинтересовались его дикими Вазири и немало подарков получили черные от друзей их царя, но когда они узнали, что он думает уехать от них в большой лодке, которая стоит на якоре в миле от берега, они опечалились.

Пока вновь пришедшие еще не видели лорда Теннингтона и Тюрана. Они ушли на охоту рано поутру и еще не вернулись.

— Как будет удивлен этот человек, которого зовут Роковым, как вы говорите, увидев вас, — сказала Джэн Портер Тарзану.

— Удивление его будет кратковременно, — отвечал человек-обезьяна сурово, и в тоне его было что-то, заставившее ее испуганно

взглянуть на него. То, что она прочла в его лице, очевидно, только подтвердило ее опасения, потому что она положила руку ему на плечо и начала упрашивать его передать Рокова в руки правосудия во Франции.

— В сердце джунглей, дорогой, — говорила она, — где нет другого права и правосудия, кроме собственных сильных мышц, вы могли бы сами вынести этому человеку приговор, который он заслуживает. Но, имея в своем распоряжении сильную руку цивилизованного правительства, вы не можете уже действовать так, — это было бы убийством. Даже вашим друзьям пришлось бы примириться с вашим арестом, а если бы вы сопротивлялись, мы опять были бы все несчастны. Я не в силах снова потерять вас, Тарзан. Обещайте мне, что вы передадите его капитану Дюфрэн, и пусть закон делает свое дело, — не стоит рисковать нашим счастьем из-за этого чудовища.

Он понял, что она права, и дал ей обещание. Полчаса спустя Роков и Теннингтон вышли из джунглей. Они шли рядом. Теннингтон первый заметил присутствие в лагере посторонних. Он увидел черных воинов, беседующих с матросами крейсера, и стройного бронзового гиганта, разговаривающего с лейтенантом д'Арно и капитаном Дюфреном.

— Кто это, хотел бы я знать? — сказал Теннингтон Рокову, и когда русский поднял глаза и встретился с устремленными ему прямо в лицо глазами человека-обезьяны, он пошатнулся и побледнел.

— Черт возьми! — вскрикнул он и раньше, чем Теннингтон успел сообразить, что он делает, он вскинул ружье на плечо и, целясь в упор в Тарзана, нажал курок. Но англичанин стоял совсем близко, так близко, что рука его коснулась ствола ружья раньше, чем стукнул курок, и пуля, которая была предназначена сердцу Тарзана, безобидно пролетела у него над головой.

Прежде, чем русский успел выстрелить снова, человек-обезьяна был уже рядом с ним и вырвал оружие у него из рук. Капитан Дюфрен, лейтенант д'Арно и дюжина матросов бросились на выстрел, и Тарзан передал им Рокова, не говоря больше ни слова. Он до его прихода объяснил французу-командиру, в чем дело, и тот распорядился, чтобы Рокова немедленно заковали в кандалы и посадили в заключение на крейсере.

Когда стража направилась с арестованным к лодке, чтобы перевезти его во временную тюрьму, Тарзан попросил разрешения

обыскать Рокова и, к величайшему своему изумлению, нашел у него выкраденные бумаги.

Выстрел вызвал из хижины вместе с другими и Джэн Портер, и, когда волнение немного улеглось, она поздоровалась с удивленным лордом Теннингтоном. Тарзан подошел к ним, и Джэн Портер представила его Теннингтону. — Джон Клейтон, лорд Грейсток, — сказала она. Несмотря на невероятные усилия сохранить благопристойность, лорд Теннингтон не мог скрыть своего удивления и пришлось много раз повторить историю человека-обезьяны и ему самому, и Джэн Портер, и лейтенанту д'Арно, пока лорд Теннингтон поверил, что он имеет дело не с сумасшедшими.

Солнце садилось, когда они похоронили Клейтона рядом с могилой его дяди и тети — покойных лорда и леди Грейсток. И по просьбе Тарзана три залпа прозвучали над местом последнего успокоения смелого человека, смело встретившего смерть.

Профессор Портер, который в молодости был священнослужителем, провел простую заупокойную службу. Вокруг могилы стояли, склонив головы, французские офицеры и матросы, два английских лорда, несколько американцев и кучка африканских дикарей — самое странное сочетание, наверное, какое когда-либо видели под луной.

После похорон Тарзан обратился к капитану Дюфрену с просьбой отложить дня на два отплытие крейсера, пока он доставит свое имущество, и офицер охотно согласился.

К вечеру на следующий день Тарзан и его Вазири вернулись с первой партией имущества, и, когда компания увидела странные золотые самородки, она засыпала Тарзана вопросами; но он, смеясь, уклонился от ответа и не хотел сделать ни малейшего намека, где разыскал такие невероятные сокровища.

— На каждый унесенный мною на месте остались тысячи других, — объяснял он, — и когда я эти истрачу, я, пожалуй, смогу вернуться за новым запасом.

На другой день доставили оставшиеся слитки, и когда их поместили на корабль, капитан Дюфрен сказал, что чувствует себя в положении командира старинной испанской галеры, возвращающейся из города сокровищ ацтеков:

— Я каждую минуту должен быть готов, что команда перережет мне горло и захватит корабль.

Наступило утро, и начались приготовления к посадке на корабль. Улучив минуту, Тарзан робко поделился с Джэн своим желанием.

— Диким зверям не полагается быть сентиментальными, — сказал он, — но мне все-таки хотелось бы обвенчаться в хижине, где я родился, возле могил моей матери и моего отца и на пороге диких джунглей, которые заменили мне домашний очаг.

— Можно ли это, дорогой? — спросила она. — Если это возможно, то я охотнее всего обвенчалась бы с моим лесным богом в сени девственного леса.

Когда они заговорили об этом с другими, то их уверили, что все будет в порядке и что это будет прекрасным эпилогом необыкновенного романа. Через несколько минут вся компания собралась в хижине и у ее дверей, чтобы присутствовать на второй церковной службе, которую служил профессор Портер за три дня.

Д'Арно должен был быть шафером, а Газель Стронг — подружкой невесты, но в последнюю минуту лорду Теннингтону пришла одна из его блестящих идей.

— Если мистрис Стронг ничего не имеет против, — сказал он, взяв за руку подружку невесты, — то мы с Газель тоже хотели бы обвенчаться. Мы думаем, что двойная свадьба — это будет великолепно!

На следующий день они отплыли, и когда крейсер медленно поворачивал в открытое море, у борта стоял высокий мужчина в белоснежном фланелевом костюме, а около него грациозная девушка. Они смотрели на уходящий берег, на котором двадцать обнаженных черных воинов Вазири плясали, размахивая копьями над головами, и криками посылали приветствия их отъезжающему царю.

— Мне тяжело было бы думать, что я вижу джунгли в последний раз, дорогая, — сказал мужчина, — если бы я не знал, что меня ждет целый новый мир счастья с тобой навсегда, — и, наклонившись, Тарзан поцеловал в губы свою подружку.

Тарзан и его звери

I

ЛОВУШКА

— Все это дело покрыто какой-то тайной, — сказал д'Арно. — Я знаю из самых достоверных источников, что ни полиция, ни агенты генерального штаба не имеют ни малейшего представления о том, как ему удалось это сделать. Они знают только одно — то же самое, что и мы: Николай Роков бежал...

Джон Клейтон, лорд Грейсток, тот, который был прежде известен под именем Тарзана от обезьяньего племени, сидел молча в гостях у своего друга, лейтенанта Поля д'Арно, в Париже, и созерцал носок своего безукоризненно вычищенного ботинка.

Лорд был погружен в размышления: Николай Роков, его злейший враг, был приговорен к пожизненному заключению на основании свидетельских показаний Тарзана-обезьяны. И вот, оказывается, он бежал из французской военной тюрьмы.

Тарзан вспоминал о бесчисленных покушениях Рокова на его жизнь. Ну, теперь Роков покажет себя! Теперь он ни перед чем не остановится, лишь бы отомстить Тарзану за свое заточение!

Тарзан недавно привез жену и маленького сына в Лондон, так как в Африке, где они до этого жили, начинался дождливый период, чрезвычайно вредный для здоровья.

После этого он поспешил в Париж навестить своего старого друга д'Арно, и здесь известие о побеге Рокова отравило радость встречи. И он уже подумывал о немедленном возвращении в Лондон.

— Я не за себя боюсь, Поль! — сказал он после долгого молчания, — из всех столкновений с Роковым я всегда выходил победителем. Теперь мне приходится думать о других. Я знаю этого человека; я уверен, что он захочет нанести удар не мне лично, а моей жене или маленькому Джеку. Он прекрасно знает, что для меня этот удар будет больше всего. Нет, Поль, я должен немедленно вернуться в Лондон. Я останусь со своими близкими, пока Роков не будет вновь арестован и обезврежен навсегда.

* * *

В то время, когда происходил в Париже этот разговор, два субъекта подозрительного вида беседовали друг с другом в невзрачном домишке на глухой окраине Лондона. Их мрачные, жестокие лица обличали в них иностранцев. Один из них был смуглый, бородатый мужчина; у другого было бледное, изможденное лицо, какое бывает после долгого заключения в тюрьме; лишь несколько дней назад он сбрил свою черную бороду. Говорил последний:

— Ты должен тоже непременно остричь бороду, Алексей, иначе он тебя сразу узнает. Мы расстанемся здесь, а когда встретимся вновь на палубе «Кинкэда», нужно надеяться, с нами будут еще два «почетных гостя». Они, конечно, и не подозревают о том приятном путешествии, которое мы для них придумали.

Через два часа я буду с одним из них в Дувре, а завтра вечером, если ты будешь следовать моим указаниям, ты приведешь с собой второго, при условии, конечно, если он вернется в Лондон так скоро, как я предполагаю. Я уверен, что наши усилия увенчаются успехом, и мы из этого извлечем большую выгоду. Благодаря глупости французских властей, скрывших на несколько дней факт моего побега, я имел возможность разработать каждую деталь нашего плана так тщательно, что ничто не может помешать его выполнению. Ну, а теперь до свидания, Алексей, желаю успеха.

Три часа спустя, почтальон поднимался по лестнице в парижской квартире Поля д'Арно.

— Телеграмма для лорда Грейстока, — сказал он лакею, вышедшему на звонок. — Он здесь?

Лакей ответил утвердительно и, расписавшись в получении телеграммы, отнес ее Тарзану, который был занят приготовлениями к отъезду в Лондон.

Тарзан вскрыл телеграмму. Лицо мгновенно покрылось смертельной бледностью.

— Прочтите, Поль! — сказал он, протягивая телеграмму д'Арно. — Уже началось!

Д'Арно прочел следующее:

«Джек украден при участии нового лакея. Возвращайся немедленно.

Джэн».

Когда Тарзан взбежал на ступеньки своего лондонского дома, он был встречен в дверях женой; Джэн Клейтон мужественно переносила несчастье: ни одна слеза не показалась из ее глаз, и только маленькие руки сжимались от негодования.

Она торопливо рассказала все, что знала о похищении мальчика.

Няня вывезла ребенка в коляске на утреннюю прогулку и катала его перед домом, по солнечной стороне. Закрытый таксомотор подъехал к углу дома. Няня не обратила на это особого внимания; она заметила только, что из автомобиля никто не вышел и что мотор продолжал работать, как будто шофер поджидал седока из дома, перед которым остановился.

Почти немедленно вслед за этим новый лакей Грейстоков. Карл, выбежал к няне, крича ей, что барыня требует ее немедленно к себе и что маленького Джека она может оставить на его попечении до своего возвращения. Это не возбудило в няне никакого подозрения; она направилась к дому и уже дошла до крыльца, но ей пришло в голову предупредить лакея, чтобы он не поворачивал коляски, иначе солнце будет бить ребенку в глаза. Она обернулась, чтобы крикнуть ему об этом, и с изумлением увидела, что Карл быстро катит коляску к углу дома. В ту же минуту открылась дверца таксомотора, и в ней на мгновение мелькнуло чье-то смуглое лицо. Почувствовав, что ребенку угрожает опасность, няня с криком бросилась к автомобилю, но Карл успел вскочить в него с ребенком и захлопнуть за собой дверцу. В ту же минуту шофер двинул рычаг, чтобы дать ход. В моторе что-то было неисправно: шоферу пришлось повернуть рычаг в обратную сторону и дать машине задний ход. Благодаря этому, няня успела добежать до автомобиля и вскочить на подножку.

С громкими криками о помощи няня всеми силами старалась выхватить ребенка из рук похитителей, но напрасно... Автомобиль помчался вперед, увозя ее с собой. Вися на подножке, она цеплялась за дверцу и с отчаянием продолжала звать на помощь, все еще не теряя надежды спасти маленького Джека. Только когда таксомотор отъехал уже далеко от дома Грейстока, Карлу удалось сильным ударом кулака сбросить ее на мостовую.

Крики няни привлекли внимание прохожих. Леди Грейсток, услышав крики няни, также выскочила из дома. Она увидела самоотверженную борьбу няни со злоумышленниками и сама

бросилась догонять мотор, но он мчался так быстро, что сейчас же скрылся из глаз.

Вот все, что леди Грейсток могла рассказать мужу. Она не понимала, кому могло понадобиться похитить ее маленького Джека, и ей это стало ясно только тогда, когда Тарзан сообщил о том, что Роков бежал из тюрьмы.

В то время, как Тарзан с женой обсуждали, что им предпринять для спасения ребенка, раздался звонок телефона в кабинете. Тарзан быстро подошел к аппарату.

— Лорд Грейсток? — спросил мужской голос.

— Да.

— Вашего сына похитили, — говорил торопливо незнакомый голос, — и только я могу помочь вам вернуть его. Я хорошо осведомлен о планах похитителей, так как должен признаться, сам принимал участие в деле. Я должен был, знаете ли, получить свою долю награды, но вижу, что меня собираются оставить в дураках. Но я не дам себя провести; я покажу им свои когти! Послушайте, лорд, я хочу помочь вам вернуть вашего сына, но только с условием, что вы не будете преследовать меня за соучастие в похищении. Идет?

— Если вы в самом деле укажете мне, где находится мой сын, — отвечал Тарзан, — вам нечего опасаться. Больше того, я вас щедро награжу, если при вашей помощи верну мальчика.

— Хорошо, — ответил голос, — я назначу вам место встречи, но имейте в виду, что вы должны прийти один. Достаточно того, что я доверяюсь вашему слову; доверять другим я не могу.

— Когда же и где мы встретимся? — спросил нетерпеливо Тарзан.

Таинственный голос назвал харчевню в Дуврском порту, представлявшую излюбленное место сборища моряков.

— Вы должны прийти около десяти часов вечера. Не стоит приходить раньше: ваш сын будет в безопасности. Когда мы встретимся, я провожу вас тайком к тому месту, где он припрятан. Но предупреждаю вас еще раз: вы должны явиться один и отнюдь не пытаться вмешивать сюда полицию; я хорошо знаю вас в лицо и буду следить за каждым вашим шагом. Если кто-либо будет вас сопровождать или я замечу поблизости переодетых агентов полиции, я к вам не подойду, и ваша единственная надежда вернуть сына будет потеряна.

Не дожидаясь ответа, незнакомец повесил трубку.

Тарзан передал содержание разговора своей жене. Она просила позволить ей сопровождать его, но он наотрез отказался, боясь, что незнакомец, увидев лишнего человека, приведет свою угрозу в исполнение и не подойдет к нему.

Нежно простившись с женой, Тарзан поспешил в Дувр; Джэн осталась дома ожидать результатов его поездки. Никто из них не знал и не предчувствовал того, что им предстояло пережить раньше, чем они снова увидят друг друга...

* * *

Прошло минут десять после отъезда Тарзана. Джэн Клейтон не могла найти себе места; тревожно шагала она взад и вперед по мягким коврам кабинета. Ее материнское сердце то мучительно сжималось, то разрывалось на части от волнения. Она старалась уверить себя, что все окончится благополучно, но ее угнетало какое-то тяжелое предчувствие...

Чем больше думала она обо всем случившемся, тем с большим ужасом убеждалась, что разговор по телефону был каким-то ловким маневром со стороны похитителей, быть может, для того, чтобы подольше удержать родителей в бездеятельности, пока преступники успеют увезти мальчика из Англии. А, может быть, это была ловушка, задуманная коварным Роковым для пленения Тарзана?

Оглушенная этой мыслью, она в ужасе остановилась.

— Да, это несомненно так! Боже праведный, как мы были слепы! — Джэн бросила взгляд на большие часы, стоявшие в углу кабинета.

Было слишком поздно. Поезд, на котором должен был уехать Тарзан, уже отошел. Но через час шел другой, которым она могла добраться до Дувра еще до назначенного незнакомцем часа.

Вызвав прислугу и шофера, она отдала необходимые распоряжения. Десять минут спустя, автомобиль уносил ее по шумным и людным улицам Лондона к вокзалу.

* * *

В три четверти десятого Тарзан подходил к грязной харчевне на Дуврской набережной. Когда он вошел в эту зловонную трущобу,

какая-то фигура, закутанная в плащ, проскользнула мимо него к выходу.

— Следуйте за мной, лорд! — шепнул ему властно незнакомец. Тарзан молча повернулся и пошел за ним. Выйдя из харчевни, незнакомец повел Тарзана по мрачным неосвещенным улицам по направлению к пристани, утопавшей во мгле среди высоко нагроможденных тюков, ящиков и бочек. Здесь он внезапно остановился.

— Где мой мальчик? — спросил Тарзан, не понимая, куда его ведет незнакомец.

— Вон на том пароходе. Его огни видны отсюда! — отвечал тот мрачно.

Тарзан силился различить в темноте черты своего спутника; он казался ему совершенно незнакомым. Если бы лорд Грейсток знал, что его проводником был не кто иной, как Алексей Павлов, он догадался бы сразу, что его ожидает предательский удар и что грозная опасность нависла над его жизнью.

— Вашего сына сейчас никто не стережет! — продолжал Павлов, — похитители уверены, что теперь никто уже не сумеет его найти. На борту «Кинкэда» теперь нет никого, если не считать двух человек команды, которых я снабдил достаточным количеством джина, чтобы мы могли считать их неопасными на несколько часов. Мы можем без всякого риска пробраться на пароход, взять ребенка и вернуться с ним на берег.

Тарзан кивнул головой в знак согласия.

Спутник его направился к небольшой шлюпке, стоявшей у пристани. Они вошли в нее, и Павлов торопливыми взмахами весел направил лодку к пароходу. Казалось бы, густой черный дым, вырывающийся из трубы парохода, должен был навести Тарзана на подозрения, на мысль о ловушке, но он ничего не замечал... Он весь был поглощен мыслью об опасности, угрожавшей его маленькому Джеку.

С борта парохода свешивалась веревочная лестница; оба они быстро взобрались по ней на палубу. Здесь спутник Тарзана увлек его за собою к люку, отверстие которого зияло посреди палубы.

— Мальчик здесь, — таинственно сказал он, оглядываясь по сторонам. — Знаете что? Лучше бы вам одному спуститься вниз, а то,

пожалуй, он испугается, закричит и разбудит матросов. Тогда все пропало. Я лучше останусь здесь... постерегу...

Тарзан был так углублен в мысль об освобождении сына, что не обратил внимания на странную тишину, царившую на палубе «Кинкэда»: кругом не видно было ни души, несмотря на то, что пароход был уже под парами. По густым клубам дыма, с искрами вылетающим из трубы, можно было заключить, что пароход готов к отплытию. Но все это совершенно ускользнуло от внимания Тарзана...

Думая лишь о том, что через минуту он прижмет своего любимого сына к груди, он начал спускаться по крутой лестнице в трюм...

Но едва он очутился внизу, как тяжелая крышка люка предательски захлопнулась над ним.

И только тогда, в это роковое мгновение, он понял, что сделался жертвой злодейского умысла! Он не только не освободил сына, но и сам попал в западню своего заклятого врага. Но было уже поздно...

Он бросился к крышке люка, стараясь приподнять ее своими могучими плечами, но все его усилия были тщетны... Он зажег спичку и начал исследовать помещение. Маленькая каморка, куда он попал, была отделена перегородкой от главной части трюма; крыша над головой была единственным выходом из этой тюрьмы. Было очевидно, что помещение приготовлено специально для него. Если его ребенок и был на борту этого парохода, то, во всяком случае, где-то в другом месте...

* * *

Все свое детство и юность, со дня рождения до двадцатилетнего возраста, Тарзан провел в диких африканских джунглях, не подозревая даже, что он человек, так как ему не пришлось ни разу встретить ни одного человеческого существа. Он получил воспитание среди человекообразных обезьян. От них он усвоил все их нравы и привычки. Жизнь в диких первобытных лесах, среди тысячи опасностей, развила в нем сверхчеловеческую силу и ловкость, за что его прозвали впоследствии «человеком-обезьяной».

В самый впечатлительный период жизни он научился переживать радости и печали один, не делясь ни с кем — так же, как поступают свободные звери джунглей.

Поэтому и теперь он не выражал своего отчаяния ни слезами, ни безрассудным буйством, а терпеливо ждал дальнейших событий. В то же время он не оставался бездеятельным; голова его непрерывно работала над изысканием способов выбраться из темницы: он тщательно осмотрел помещение, ощупал толстые доски, из которых были сколочены стены, измерил расстояние от пола до крышки.

Внезапно до его слуха донеслись перебои вращающегося винта парохода; все задрожало от пущенной в ход машины. Пароход отчаливает. Куда его увозят и какая судьба ожидает его?

Едва он задал себе этот вопрос, как услышал звук, покрывший собою грохот машины. От этого звука кровь застыла у него в жилах. С палубы над его головой ясно донесся пронзительный женский крик, крик отчаяния и ужаса...

II

БРОШЕН НА НЕОБИТАЕМЫЙ ОСТРОВ

Когда Тарзан и его спутник скрылись в вечерней мгле, там, где они только что были, в темном узком переулке появилась фигура стройной женщины. Лицо ее было покрыто густой вуалью. Она шла очень быстро, почти бежала. У входа в харчевню она на минуту остановилась, огляделась по сторонам, а затем решительно вошла в грязный притон.

Десятка два подвыпивших матросов и подозрительных субъектов удивленно взглянули на нее — слишком необычно было видеть в этой грязной обстановке прилично одетую даму.

Торопливыми шагами дама подошла к стоявшей за прилавком буфетчице. Последняя оглядела странную гостью с ног до головы не то с завистью, не то с неприязнью.

— Скажите, пожалуйста, не заходил ли сюда сейчас высокий господин? — спросила дама. — Он должен был встретиться здесь с одним человеком и вместе с ним куда-то отправиться.

Буфетчица отвечала утвердительно. Но она не могла указать направления, по которому ушли эти двое. Один из матросов, стоявший неподалеку, вмешался в разговор: он вспомнил, что у входа в харчевню он только что столкнулся с двумя мужчинами, направлявшимися к гавани.

— Проведите меня туда, я вам хорошо заплачу, — с оживлением воскликнула женщина, суя моряку в руку золотую монету.

Тот не заставил себя долго упрашивать и, выйдя из харчевни, повел женщину в гавань.

Добравшись до набережной, они увидели на некотором расстоянии от берега небольшую шлюпку: она быстро удалялась по направлению к ближайшему пароходу.

— Вот они! — воскликнул матрос.

— Десять фунтов стерлингов, если вы сейчас же найдете лодку и доставите меня на пароход! — сказала женщина, вглядываясь в две мужские фигуры на шлюпке.

— В таком случае надо поторопиться, — отвечал расторопный моряк, — пароход уже три часа под парами и каждую минуту может

отчалить.

Он поспешно направился к пристани. Женщина не отставала от него. У причала была привязана шлюпка, тихо колыхавшаяся в волнах. Сесть в нее и отчалить было делом одной минуты; моряк взялся за весла, и они бесшумно поплыли к пароходу.

Через несколько минут моряк подтянул лодку у борту парохода и потребовал обещанной платы; женщина, не считая, сунула ему в руку пачку кредитных билетов, и беглый взгляд, брошенный матросом на деньги, убедил его, что его труд щедро вознагражден. Он вежливо помог женщине взобраться по веревочной лестнице на палубу, а сам остался около парохода, надеясь, что щедрая дама пожелает вернуться на берег.

Но в этот момент раздался шум машины, пущенной в ход, и грохот цепей; на «Кинкэде» подымали якорь. Минуту спустя вода забурлила под ударами винта, и матрос увидел, что пароход медленно поворачивается к выходу из гавани.

Едва он взялся за весла, чтобы плыть к берегу, как с палубы парохода донесся отчаянный женский крик; он услышал неясный шум борьбы, а затем все стихло.

— Черт возьми! — проворчал матрос с негодованием. — Работу перебили, не сумел я воспользоваться случаем!..

Взобравшись на пароход, Джэн Клейтон нашла палубу совершенно пустой. С минуту стояла она озадаченная. Где же ей искать сына и мужа? Она заметила большую каюту, наполовину возвышавшуюся над палубой, и смело бросилась туда; сердце ее тревожно билось, когда она спускалась по узкой крутой лестнице. Она очутилась в длинном узком коридоре, по обе стороны которого находились каюты, по-видимому, принадлежащие команде парохода. Она пробежала по всему коридору, останавливаясь у каждой двери и стараясь уловить какой-нибудь звук.

Зловещее молчание царило повсюду... У Джэн начинала кружиться голова и ее испуганному воображению казалось, что биение ее сердца наполняет громовым грохотом все судно.

Она принялась осторожно приоткрывать одну дверь за другой; все каюты были пусты. Мысли начинали путаться в голове бедной Джэн. Где же ей еще искать? Охваченная все возрастающей тревогой за сына и мужа, она даже не почувствовала, как начал подрагивать весь корпус судна, и не обратила внимания на шум машины, пущенной в ход.

Еще одна каюта оставалась необследованной. Она приоткрыла дверь, но навстречу ей выскочил какой-то смуглый мужчина; грубо схватив ее за руку, он втащил ее в каюту. Перепуганная неожиданным насилием, Джэн Клейтон пронзительно вскрикнула, но в ту же минуту человек крепко зажал ей рот рукой.

— Когда мы отъедем от берега, дорогая моя, — сказал он, — можете кричать, сколько вашей душе будет угодно, а пока...

Леди Грейсток обернулась, чтобы взглянуть на бородатое лицо, близко наклонившееся к ней, и сейчас же с ужасом отпрянула: она узнала ненавистные черты человека, подлость которого ей не раз пришлось испытать на себе.

— Николай Роков! Мсье Тюран! — прошептала она, содрогаясь.

— Ваш покорный слуга и поклонник! — отвечал Роков, отвешивая низкий поклон.

— Мой сын? Где мой сын? — застонала она, не замечая его насмешливого тона. — Умоляю вас, отдайте мне сына, Роков, ведь вы же человек, в вас должна оставаться хоть капля жалости. Скажите мне, ради бога, скажите, где он? Если в вашей груди бьется сердце, не мучьте меня больше, отведите меня к моему ребенку.

— Вы должны беспрекословно повиноваться моим приказаниям, и тогда с ним ничего дурного не случится, — желчно проговорил Роков. — Вам не мешало бы помнить, сударыня, что вас никто не приглашал на судно и что бы ни случилось, извольте пенять на себя.

Он повернулся к ней спиной и быстро вышел из каюты, заперев за собою дверь на ключ.

После этого Джэн не пришлось видеть его в течение нескольких дней.

Дело в том, что Роков был плохим мореплавателем и не выносил морской качки, а между тем в первый же день поднялась такая большая волна, что он свалился на койку в сильнейшем приступе морской болезни.

Единственным посетителем леди Грейсток был в эти дни грязный швед, повар с «Кинкэда», который приносил ей пищу. Звали его Свэн Андерсен.

Это был тощий верзила, с длинными рыжими усами, с желтым, болезненным цветом лица, с черными ногтями на грязных заскорузлых

пальцах. Один вид его отбивал всякий аппетит у несчастной женщины, когда он приносил ей в каюту пищу.

Его маленькие бесцветные глаза как-то странно бегали в узких щелках; во всей его наружности, в жестах, в кошачьей походке сквозила скрытность и какое-то смутное коварство. Засаленная веревка служила ему поясом; на поясе висел отвратительно-грязный передник, а за поясом всегда был длинный нож, еще усиливающий то отталкивающее впечатление, которое внушал этот субъект. Хотя нож являлся несомненной принадлежностью его профессии, но Джэн не могла отделаться от мысли, что это оружие, при малейшем поводе с ее стороны, могло быть пущено в ход совсем не для кулинарных целей.

Повар обращался с леди Грейсток с угрюмой молчаливостью; она же, напротив, постоянно встречала его приветливой улыбкой и не забывала благодарить за принесенную пищу, хотя большей частью ей приходилось выплескивать содержимое котелка в иллюминатор каюты.

В первые дни своего заточения — ужасные дни тревоги и одиночества — два вопроса неотступно сверлили ей мозг: жив ли ее муж и где ее ребенок? Что-то подсказывало ей в глубине души, что сын ее находится тут же на пароходе и что он жив. Но сохранили ли злодеи жизнь Тарзану? Самые мрачные предчувствия терзали ее...

Леди Грейсток знала о том, какую непримиримую, животную ненависть питал Роков к ее мужу и с каким вожделением он думал о мести. И ей казалось ясным, что злодей заманил Тарзана на пароход не иначе, как затем, чтобы удовлетворить свою жажду мести и навсегда покончить со своим врагом.

Тарзан в это время лежал в грязном трюме, не подозревая, что его жена находится так близко от него. Тот же долговязый швед, который навещал Джэн, приносил пищу и ему; Тарзан несколько раз пытался втянуть его в разговор, но все усилия оставались бесплодными. Как узнать у него, действительно ли Джэн находится на борту парохода? Но этот бестолковый верзил на все расспросы отвечал, варварски коверкая английский язык, неизменной фразой:

«Я тумай, ветер скоро туть сильно». И Тарзану пришлось волей-неволей отказаться от дальнейших попыток завязать с ним беседу.

Так прошло несколько недель. Несчастливым пленникам они показались месяцами. В каком направлении шел пароход, куда их

везли и что их ожидало? Все эти вопросы оставались без ответа...

За все время плавания «Кинкэд» остановился только один раз, очевидно, чтобы погрузить уголь; затем он сейчас же продолжил свой путь, и несчастным, тоскующим заключенным казалось, что этому плаванию не будет конца.

Однажды к Джэн Клейтон явился Роков; это был первый его визит с тех пор, как он запер ее в маленькой каюте. Он был весь желтый, осунувшийся после долгой морской болезни.

Войдя в каюту, он запер за собой дверь и немедленно приступил к делу: он предложил леди Грейсток выписать на его имя чек на довольно крупную сумму; он заявил ей, что она, наверное, не откажет ему в этой пустяковой просьбе, взамен чего гарантировал ей неприкосновенность и свободу и обещал доставить ее в Лондон.

Джэн серьезно его слушала.

— Я согласна, мсье Роков, — сказала она. — Я выплачу вам сумму вдвое больше этой, но при единственном условии, если вы высадите меня с мужем и сыном в какой-нибудь цивилизованной стране, — до тех пор вы не получите от меня ни гроша. Ни о каких других условиях я и слышать не хочу.

— Вы дадите мне чек сейчас же! — сказал Роков угрожающим тоном, — иначе ни вам, ни вашему мужу, ни ребенку больше не придется увидеть землю.

— Поступайте, как вам угодно, я чека не подпишу! — твердо сказала леди Грейсток. — Какая у меня гарантия, что вы, получив чек, не поступите с нами так, как вам заблагорассудится?

— Итак, вы отказываетесь исполнить мое требование? — желчно проговорил Роков, поворачиваясь к двери. — Ладно, пусть будет по-вашему; но помните, что жизнь вашего сына в моих руках, и если вы услышите его предсмертные стоны, знайте, что ваше упрямство и скупость — причина его смерти.

— Нет, нет, только не это! — воскликнула несчастная мать. — Вы не будете, вы не можете быть до такой степени жестоки!

— Не я жесток, а вы, сударыня! — возразил Роков спокойно. — Пустячной суммой денег вы можете спасти своему ребенку жизнь.

Разговор, как и следовало ожидать, окончился тем, что Джэн Клейтон выписала чек на требуемую сумму и передала его Николаю

Рокову. Последний, получив то, чего добивался, немедленно покинул каюту с торжествующей улыбкой.

На другой день после этого разговора Тарзан услышал над своей головой чьи-то шаги, а затем скрип открываемой крышки.

Он взглянул вверх и увидел просунувшуюся в светлое отверстие люка гнусную физиономию Павлова.

— Ну, вылезайте! — скомандовал тот. — Имейте в виду, что при малейшей попытке напасть на меня или на кого-либо другого из находящихся здесь, вы будете пристрелены, как бешеная собака.

Тарзан-обезьяна, не говоря ни слова, по звериному легко выпрыгнул на палубу. Он быстро оглянулся вокруг, щуря глаза от яркого дневного света. На почтительном расстоянии от него толпилось около десятка матросов, вооруженных винтовками и револьверами. Перед ним стоял Павлов.

Тарзан продолжал оглядываться, ища глазами Рокова; он не сомневался, что его враг должен быть на пароходе; но, к его удивлению, Рокова не было видно нигде.

— Лорд Грейсток! — торжественно обратился к нему Павлов. — В течение последних двух лет вы изволили непрерывно совать нос в дела мистера Рокова, которые вас совершенно не касались. Вполне естественно, что ему пришлось принять меры для ограждения себя от вашего непрошеного вмешательства, и вам остается обвинять себя самого в тех несчастьях, которые обрушились на вас и на вашу семью. С другой стороны, вы не можете не понять, что такая экспедиция обошлась Рокову в немалую сумму денег, а так как вы являетесь единственным ее виновником, то он, естественно, ожидает от вас покрытия всех расходов по экспедиции. Я заявляю вам, лорд Грейсток, что только при условии выполнения справедливого требования мистера Рокова, вы можете оградить свою жену и ребенка от весьма неприятных последствий, а также сохранить свою жизнь и даже получить свободу.

— Сколько? — деловым тоном спросил Тарзан. И прибавил:

— Я прошу сказать, какую я могу получить гарантию, что вы выполните ваши обещания. У меня очень мало оснований доверять таким подлецам, как вы и мистер Роков.

Павлова всего передернуло при этих словах.

— Вы не в таких условиях, чтобы позволить себе бросать людям оскорбления, — сказал он, повышая голос. — Я отказываюсь дать вам иную гарантию, кроме моего слова, но зато у вас может быть полная гарантия, что мы сумеем быстро расправиться с вами, если вы сейчас же не подпишете требуемого чека. Если вы не совсем еще потеряли рассудок, вы можете понять, каким большим удовольствием было бы для нас отдать приказание этим молодцам пристрелить вас. И если мы сохраняем вам жизнь, то только потому, что придумали для вас другое наказание, и ваша смерть не входит в наши планы.

— Ответьте мне только на один вопрос, — сказал Тарзан угрюмо. — Находится ли мой сын на этом пароходе или нет?

— Его здесь нет! — ответил Павлов. — Ваш сын в полной безопасности в другом месте. Если вы сейчас же беспрекословно исполните наши справедливые требования, мы его не тронем. Если же ваше упрямство заставит нас разделаться с вами, нам придется прикончить и ребенка, потому что нам тогда незачем его держать. Вы видите, что вы можете спасти вашего сына от смерти, только сохранив свою жизнь, а сохранить свою жизнь вы можете не иначе, как подписав чек немедленно.

— Хорошо, я согласен, — сказал Тарзан после минуты раздумья.

Он слишком хорошо представил себе, что негодяи не остановятся перед исполнением своей угрозы. Было ясно, что, согласившись на их требования, он, быть может, сохранит жизнь ребенку.

Но в то же время он ни минуты не сомневался, что как только он подпишет чек, они убьют его.

Сознание его было ясным, мысли уверенны и спокойны. Он твердо решил умереть с достоинством и бороться до последней минуты. Он постарается задать им перед смертью — такой урок, какого они никогда не забудут, и уже наметил первой жертвой стоявшего перед ним Павлова. Он еще несколько раз огляделся кругом, сожалея, что не было на палубе Рокова.

Тарзан медленно вынул из кармана чековую книжку и автоматическое перо.

— Сколько? — спросил он спокойно.

Павлов назвал громадную сумму. Тарзан едва удержался от улыбки: алчность этих субъектов переходила всякие границы. Сумма была значительно больше того, что было у него на текущем счету, и он знал,

что такой чек не будет оплачен банком. Он сделал вид, что колеблется, и начал торговаться, но Павлов неумолимо стоял на своем. Тарзану пришлось, в конце концов, выписать чек на всю сумму.

Когда он повернулся, чтобы передать Павлову бумажку, не имевшую ровно никакой цены, он случайно взглянул за борт «Кинкэда». К величайшему изумлению он увидел, что пароход находился недалеко от какого-то берега. Почти к самой воде подходили густые тропические джунгли, а позади виднелись гористые склоны, покрытые лесом.

Павлов заметил, с каким напряженным интересом вглядывался Тарзан в расстилавшуюся перед ним местность.

— Здесь вам придется высадиться! — сказал он.

Тарзан с недоверием посмотрел на Павлова. Он не мог себе представить, что его враги оставляют ему жизнь. Но зачем бы стали они его обманывать? Его мускулы, напрягшиеся для последней борьбы, постепенно разжимались.

Он думал, что видит перед собою берег Африки, и знал, что, если его здесь высадят, он сравнительно легко сумеет добраться до цивилизованных стран.

Павлов взял написанный чек.

— А теперь извольте скинуть одежду, — сказал он лорду Грейстоку, — она вам здесь не понадобится.

Тарзан медлил. Павлов молча кивнул в сторону вооруженных матросов. Тогда Тарзан начал медленно раздеваться.

Вслед за этим была спущена на воду шлюпка, и Тарзан, под сильной охраной, был отвезен на берег. Полчаса спустя, матросы вернулись на пароход. И пароход тотчас же двинулся в путь.

Тарзан стоял на узкой полосе отмели, собираясь прочесть записку, переданную ему на берегу одним из матросов. Вдруг до него донеслись какие-то крики с удалявшегося парохода; он невольно поднял голову и увидел на палубе человека, криками старавшегося обратить на себя его внимание.

Это был Роков. С отвратительным хохотом он поднимал высоко над головой ребенка...

У Тарзана помутилось в глазах; он инстинктивно бросился вперед, чтобы догнать пароход, но бессильно остановился у самой воды.

Он стоял долго, не сводя глаз с «Кинкэда», пока очертания судна не скрылись за мысом.

Позади него на высоких ветвях деревьев пищали и ссорились мартышки; из глубины девственного леса доносился зловещий вой пантеры.

Но Джон Клейтон, лорд Грейсток, погруженный в свое горе, ничего не слышал, ничего не замечал вокруг себя.

Из чащи джунглей за его спиной высунулась отвратительная косматая морда; злые, налитые кровью глаза наблюдали из-под нависших бровей за новым пришельцем.

Тарзан продолжал стоять в каком-то оцепенении. Его терзали муки сожаления, зачем он пропустил случай посчитаться со своими врагами?

— Единственное утешение, — подумал он, — что Джэн в безопасности в Лондоне. Какое счастье, что она не попала в лапы этих мерзавцев.

Косматое чудовище бесшумно подкрадывалось сзади к нему.

Тарзан медленно разворачивал бумажку...

Куда же девалось тонко развитое чутье дикого человека-обезьяны? Где было его тонкое обоняние? Где был его острый слух, которому мог некогда позавидовать любой из обитателей джунглей?

III

ГРОЗА ДЖУНГЛЕЙ

Тарзан развернул записку и стал читать ее. Вначале он почти не понимал, что было в ней написано: его разум и чувства были притуплены горем. Но по мере чтения сознание возвращалось к нему, и вся гнусность плана мести вставала перед его глазами.

Текст записки был таков:

«Вы найдете здесь подробное изложение моих намерений относительно Вас и Вашего сына.

Вы родились обезьяной, и Вам, по-видимому, всегда нравилось бродить голым по джунглям; мы Вас и возвращаем к той жизни, для которой Вы созданы и которая Вам по вкусу. Что же касается Вашего наследника, то мы, считаясь со всемирным законом эволюции, полагаем, что он должен стоять несколько выше своего отца.

Отец был человекообразным животным; сын займет следующую ступень в развитии. Он не будет голым зверем, живущим на деревьях в чаще джунглей; он будет ходить по земле на задних конечностях, носить передник и бронзовые браслеты, а, может быть, и кольцо, продетое в нос. Мы сделаем из него почти человека, отдав его на воспитание племени людоедов... Нам думается, что способствуя такой естественной эволюции, мы вполне угодим сиятельному лорду-обезьяне...

Я мог бы Вас убить, лорд Грейсток, но я считаю такое наказание слишком мягким для того, кто был моим злейшим врагом. Будучи мертвым, Вы не чувствовали бы никаких мучений, никакой тревоги за участь своего ребенка. Нет, я оставляю Вам жизнь вместе с приятным сознанием, что судьба Вашего сына в моих руках: я надеюсь, что это сознание так украсит Вашу одинокую жизнь, что смерть покажется Вам приятнее всего на свете...

В этом мое мщение, лорд Грейсток, за то, что Вы осмелились поднять руку против нижеподписавшегося

Н. Р.

Р. С. В программу моей мести входят также и некоторые сюрпризы, ожидающие Вашу уважаемую супругу, но догадываться о них я предоставляю Вашему воображению».

Едва он окончил чтение записки, как легкий шорох за его спиной заставил его быстро обернуться. Перед ним стояла во весь рост громадная обезьяна-самец, готовая броситься на него. Чувство самосохранения мгновенно пробудило в Тарзана все его прежние инстинкты, воспитанные джунглями.

Два года, протекшие с тех пор, как Тарзан покинул африканский берег, не ослабили в нем той необычайной физической силы, которая сделала его некогда непобедимым властелином джунглей. Напротив, ему часто приходилось упражняться и развивать свою силу и ловкость, правда, в более мирной обстановке, в его обширных владениях в области Узири.

Мышцы Тарзана мгновенно напряглись: он бесстрашно готовился встретить зверя, голый и безоружный, хотя рассудок подсказывал ему всю нелепость борьбы с косматым гигантом.

Другого выхода не было — нужно было принять неравный бой, пользуясь теми орудиями защиты, которыми наделила его природа, и постараться возможно дороже отдать свою жизнь.

Взглянув на опушку леса, Тарзан заметил за спиной обезьяны еще целую дюжину таких же страшных человекоподобных; это его, однако, нисколько не устрасило: он хорошо знал нравы антропоидов, никогда не нападающих стаями; их слабо развитые умственные способности, к счастью, не умеют оценить преимущества общего нападения на врага; иначе, благодаря своей необычайной силе и могучим клыкам, они бы давно сделались господствующими животными в джунглях.

С глухим гортанным рычаньем зверь бросился на Тарзана, но человек не растерялся: за время своего пребывания среди цивилизованных людей он научился многим приемам борьбы, неизвестным обитателям джунглей.

В прежнее время он ответил бы на грубое нападение грубой силой; теперь же он сделал легкий шаг в сторону и, когда зверь со всего размаху пролетел мимо, он, с ловкостью лучшего боксера Англии, нанес ему сильный удар в область живота.

Обезьяна взвыла от ужасной боли и, скрючившись, упала на землю, но тотчас же готова была вновь подняться.

Однако человек предупредил ее: повернувшись быстрее молнии, он с диким криком бросился на антропоида. Его крепкие зубы яростно впились в горло зверя, чтобы перекусить сонную артерию. Мускулистыми руками он наносил ему страшные удары по голове. Могучий самец потрясал воздух криками боли и ярости, и морда его покрылась кровавой пеной.

Племя обезьян, расположившееся вокруг, с видимым удовольствием следило за борьбой. Животные что-то бормотали и издавали глухие звуки одобрения, когда боровшиеся вырывали друг у друга куски мяса и клочья шерсти. Вдруг они застыли от удивления: могучая белая обезьяна вскочила их царю на спину и, продев свои могучие лапы под мышцы противника, с огромной силой нажала сплетенными кистями на шейные позвонки. Царь обезьян взвыл от боли и, как сноп, повалился в густую траву джунглей.

В годы своей дикой жизни, несколько лет тому назад, Тарзан во время борьбы с исполинской обезьяной, Теркозом, случайно применил этот прием борьбы цивилизованных людей — «двойной нельсон».

Как и тогда, этот прием решил исход борьбы.

Небольшая кучка зрителей — свирепых антропоидов — услышала звук хрустнувших позвонков, страшный вой их вождя и его предсмертное хрипение. Затем голова обезьяны беспомощно повисла, и хрип прекратился.

Маленькие быстрые глазки зрителей перебежали с неподвижного тела их предводителя на белую обезьяну, которая теперь поднялась во весь рост, поставила ногу на шею сраженного противника и, откинув голову назад, испустила дикий пронзительный вой — победный крик обезьяны-самца. Тогда только они сообразили, что царь их убит.

Мартышки на верхушках деревьев внезапно оборвали свою болтовню, замолкли звонкие голоса ярко-сверкающих птиц, и только издали донесся протяжный вой леопарда и глухое рычанье льва.

Это был прежний Тарзан; он окинул испытующим взором кучку обезьян, стоявших вокруг него, и потряс головой, как бы для того, чтобы откинуть густую гриву, спадающую ему на лицо, — старая привычка, оставшаяся у него с того времени, когда густые черные волосы свешивались ему на плечи и часто спадали на глаза.

Человек-обезьяна знал, что теперь он может ежеминутно ожидать нападения со стороны сильнейшего самца племени, чувствующего

себя способным занять место царя. В то же время ему был отлично известен закон обезьян, согласно которому, кто угодно, совершенно чужой, мог взять на себя предводительство над племенем, если он победил царя. Ему оставалось только пожелать — и он стал бы царем этого племени, как был им некогда, в годы ранней юности.

Но Тарзан знал по опыту, какие неприятные обязанности налагает положение царя и как оно стесняет свободу; он был готов отказаться от своих привилегий, полагая, что в этом случае вопрос о первенстве будет решаться в племени единоборством сильнейших его представителей.

Эти мысли промелькнули в голове Тарзана в течение одной минуты. Он не успел опомниться после своей победы над врагом, как к нему медленно приблизился крупный молодой самец. Сквозь его обнаженные боевые клыки раздавалось временами глухое ворчание.

Тарзан следил за каждым движением нового противника, стоя неподвижно, как истукан. Сделай он шаг назад, он ускорил бы этим нападение зверя; бросившись вперед, он также ускорил бы решительную схватку, если только нападение не устрасило бы сразу самца и не обратило бы его в бегство. Поэтому он стоял неподвижно.

Когда внимание обезьяны бывает привлечено каким-нибудь неизвестным ей предметом или животным, она обычно подходит совсем близко к предмету своего любопытства, грозно при этом ворчит и скалит клыки, покрытые пеной, а затем медленно обходит его кругом. Так поступила и эта обезьяна.

Самец начал ходить вокруг Тарзана, устремив в него налитые кровью глаза.

Тарзан поворачивался также медленно, оставаясь лицом к лицу со зверем и не сводя своих глаз с глаз противника.

Он заметил, что зверь был ростом выше сажени и удивительно хорошо сложен, хотя ноги у него были короткие, слегка согнутые. Его длинные волосатые руки почти достигали земли, когда он стоял, выпрямившись во весь рост, и его боевые клыки были необычайно длинны и остры. Этот экземпляр был совершенно непохож на тех обезьян, среди которых вырос Тарзан.

Тарзан увидел, что имеет дело с совершенно другой породой обезьян, но ему хотелось узнать, не сходно ли их наречие с языком племени Керчака. Он обратился к зверю на языке своего детства.

— Кто ты такой? — глухо спросил он. — Как ты смеешь угрожать Тарзану из обезьяньего племени?

Косматый противник посмотрел на него с удивлением и любопытством:

— Я — Акут! — ответил он на первобытном языке, совершенно схожем с родным наречием Тарзана.

Тарзан молчал.

— Я — Акут! — говорил самец с ворчанием. — Молак убит. Акут теперь — царь. Ступай прочь или я убью тебя!

— Ты видел, как Тарзан убил Молака, — отвечал человек-обезьяна. — Он мог бы так же легко убить и тебя, если бы захотел быть царем. Но Тарзан из обезьяньего племени не хочет быть царем над племенем Акута. Тарзан хочет жить в мире в этой стране. Тарзан из обезьяньего племени может быть полезным для вас, и вы можете быть полезными Тарзану.

— Ты не можешь убить Акута! — сказал молодой самец. — Никого нет сильнее Акута. Если бы ты не убил Молака, Акут убил бы его сам. Акут будет царем!

Вместо ответа человек-обезьяна одним прыжком бросился на громадного зверя, ослабившего во время разговора свою бдительность. В мгновение ока он схватил кисть Акута и, не дав ему времени опомниться, вспрыгнул на его широкую спину.

Оба повалились на землю; но Тарзан хорошо рассчитал свое нападение: прежде чем они коснулись земли, он успел добиться такого же положения рук, какое сломало шею Молака.

Медленно и неумолимо усиливал он свой нажим на шею противника... Еще минута и захрустят позвонки под его могучими руками. Человек-обезьяна вспомнил, как он некогда дал возможность Теркозу сдаться; также и на этот раз он решил предложить Акуту выбор между жизнью в дружбе с Тарзаном и смертью...

— Ка-года? — прошептал он на ухо зверю, бессильно бившемуся под ним. Это был тот же вопрос, который он задал некогда Теркозу, и на языке обезьян это означало: «Сдаешься?».

Акут вспомнил хрустящий звук, раздавшийся перед тем, как переломилась могучая шея Молака, и содрогнулся. Сильнейшему в племени все же не хотелось лишиться своих прав вождя: он сделал еще отчаянную попытку вырваться из цепких объятий противника; но

новый сильный нажим на его позвоночник вырвал едва слышный ответ: «Ка-года».

Тарзан ослабил немного свою хватку, но все еще не выпускал противника из своих могучих рук.

— Ты все же можешь быть царем, Акут! — проговорил он. — Тарзан сказал, что он не хочет быть царем. Если даже кто-нибудь будет оспаривать право Акута, Тарзан из обезьяньего племени поможет Акуту в его борьбе.

Тарзан выпустил самца, и тот медленно поднялся на ноги. Потряхивая своей огромной головой и сердито ворча, он пошел вперевалку к своему племени. Он испытующе посмотрел на одного, потом на другого из самых крупных самцов, чтобы убедиться, не оспаривает ли кто-нибудь его первенство?

Самцы боязливо отошли в сторону, когда он приблизился, и Акут был признан царем.

Через несколько минут племя двинулось в джунгли и оставило Тарзана в одиночестве на берегу моря.

Раны, нанесенные Молаком, причиняли ему сильную боль, но он привык к физическим страданиям и переносил их с терпеливостью диких зверей, научивших его этому в джунглях.

Тарзан подумал о том, что прежде всего ему необходимо обзавестись оружием для защиты и нападения. Первая встреча с обезьянами и доносившийся дикий рев льва Нумы и пантеры Шиты были для него достаточным предупреждением, что ему предстояла не очень безмятежная жизнь.

Это было возвращение к прежней жизни, полной опасностей и кровавых столкновений, возвращение к жестокой борьбе за существование: отныне опять либо он будет охотиться за кем-нибудь, либо кто-нибудь будет охотиться за ним. Он знал, что каждую минуту, днем и ночью, он может оказаться лакомой приманкой для хищника и что, рано или поздно, он попадет кому-нибудь на обед. Это почти неизбежно случится, если он не раздобудет оружие, которое можно противопоставить клыкам и когтям своих врагов. И Тарзан, не медля ни минуты, отправился на поиски.

На берегу моря ему удалось найти каменную глыбу вулканического происхождения. После долгих усилий он сумел отколоть продолговатый кусок длиной дюймов в двенадцать и в четверть дюйма

толщиной, один край которого был слегка заострен. Для начала этот осколок мог заменить ему нож.

С этим примитивным оружием он отправился в джунгли на поиски особой знакомой ему породы крепкого дерева. Он скоро нашел одно такое упавшее дерево, срезал с него небольшой прямой сучок и заострил палочку с одного конца, с помощью только что сделанного ножа.

После этого он выдолбил в стволе лежавшего дерева небольшое чашеобразное углубление, в которое насыпал мелконакрошенную сухую кору. Сев затем верхом на ствол, он вставил заостренный конец палочки в углубление и принялся быстро вращать прут между ладонями.

Через несколько минут показался дымок, а затем и пламя. Собрав сухих веток и положив их на огонь, Тарзан вскоре развел большой костер, в пламя которого он положил свой каменный нож, а сам отправился к морю, чтобы зачерпнуть немного воды.

Когда он вернулся, камень был накален докрасна. Тарзан вынул его и брызнул на него водой неподалеку от края. Несколько крупинки откололось от песчаной поверхности камня. Тарзан снова сунул камень в огонь и снова капнул на него водой. Он повторял эту кропотливую операцию множество раз, и в конце концов его примитивный охотничий нож стал довольно острым.

Тарзан испытал большое удовлетворение, когда ему удалось заострить каменный клинок на протяжении нескольких дюймов. Он тут же срезал длинный гибкий прут для лука, рукоятку для своего ножа, крепкую дубину и несколько стрел.

Все это имущество он спрятал в дупле высокого дерева, близ небольшого ручейка. На верхних его ветвях он устроил небольшую горизонтальную площадку для сна, а несколько выше крышу из пальмовых листьев.

Занятый своей работой, он и не заметил, как наступили сумерки, и почувствовал сильный голод.

Еще раньше он обратил внимание на протоптанную тропу, неподалеку от его нового жилища, которая вела к ручью. По многочисленным следам было видно, что по этой тропе разные животные спускаются к водопою. К этому-то месту и направился, перебираясь с дерева на дерево, голодный Тарзан.

Он лазил по верхним ветвям деревьев с ловкостью обезьяны и, если бы его не угнетало тяжелое чувство при воспоминании о недавних событиях, он был бы вполне счастлив. Его грудь наполнялась диким ощущением свободы, его память невольно обращалась к радостным картинам детства.

К нему вновь возвращались инстинкты прежней жизни, которая в действительности была ему ближе, чем культурная жизнь с ее привычками, приобретенными им за последние два года общения с людьми. О, если бы его приятели — чопорные сэры палаты лордов — могли видеть, как он прыгает по деревьям!

Он лег на нижнюю ветку высокого дерева, свешивающуюся над тропой, и стал вглядываться в сторону джунглей, откуда должно было появиться какое-нибудь животное, обреченное ему на ужин.

Ему не пришлось долго ждать. Едва он удобно устроился, поджав под себя ноги, как заметил грациозную лань Бару, медленно направляющуюся к водопою.

Тонкое чутье сразу подсказало Тарзану, что Бара была не одна: какой-то хищник преследовал стройное животное, не подозревавшее об опасности. Тарзан не мог определить, кто именно подкрадывался к лани из глубины джунглей, но ему было ясно, что это был крупный хищник, выслеживавший Бару с той же целью, что и он сам; вероятнее всего лев Нума или пантера Шита.

Во всяком случае жертва могла бы ускользнуть от Тарзана, если бы Бара продолжала двигаться к воде так же медленно, как теперь.

Но, очевидно, какой-то звук или шорох предупредил лань об опасности; она на мгновение остановилась и затем быстрыми прыжками понеслась прямо к ручью, чтобы, перебежав через него, спастись на противоположном берегу.

Из чащи джунглей, на расстоянии сотни шагов от мчавшейся лани, вдруг выпрыгнула темная фигура льва Нумы. Тарзан ясно видел своего соперника. Бара должна была пробежать под деревом, на котором сидел человек-обезьяна. Сможет ли он вырвать у льва его добычу? Но раньше, чем голодный человек сам ответил себе на этот вопрос, он спрыгнул с ветки на спину перепуганной лани.

Еще минута — и Нума мог получить сразу две добычи, и, если Тарзан хотел сегодня поужинать, он должен был действовать быстро.

Он схватил лань за рога и молниеносным движением скрутил ей шею, так что хрустнул позвоночник.

Затем он перебросил добычу через плечо и, схватив в зубы ее переднюю ногу, вскочил на ближайшую ветку.

Лев приближался гигантскими прыжками, рыча от ярости при виде ускользавшей от него добычи. Тарзан схватился обеими руками за ветку, и в ту минуту, когда Нума прыгнул вверх за ним, человек со своей добычей был вне его досягаемости.

Ошеломленный этой неслыханной дерзостью, лев упал на землю, а Тарзан, устроившись поудобнее на более безопасном месте, стал гримасами и криками дразнить разъяренного зверя. А тот яростно бил себя по бедрам своим жестким хвостом и втягивал ноздрями запах перехваченной у него добычи.

Своим новым ножом Тарзан отрезал сочный кусок от задней части лани и, в то время как лев с рычаньем ходил внизу взад и вперед, лорд Грейсток с жадностью рвал зубами теплое мясо с дымящейся кровью. Ни одно изысканное блюдо в самом шикарном лондонском ресторане не казалось ему таким вкусным.

Кровь его добычи перепачкала ему лицо. От нее шел острый запах, столь привлекательный для хищных зверей.

Насытившись вдоволь, Тарзан нанизал остатки мяса на острые сучья дерева, а затем отправился по верхним ветвям к своей площадке; Нума, горевший жаждой мести, продолжал следить за ним снизу.

Добравшись до площадки на верхушке дерева, Тарзан лег и заснул глубоким сном. Проснулся он лишь на следующее утро, когда солнце стояло уже высоко.

IV

ШИТА

В течение последующих дней Тарзан был занят совершенствованием своего оружия и исследованием джунглей. Он сделал тетиву для лука из сухожилий лани, которая послужила ему ужином в первый день его пребывания на необитаемом острове. Он предпочел бы для тетивы жилу Шиты, но это приходилось отложить до более удобного случая.

Он свил также длинную веревку из сухой травы, наподобие той, которой он много лет тому назад дразнил злого Тублата и которая впоследствии сделалась в ловких руках мальчика-обезьяны замечательным арканом.

Он смастерил также ножны и рукоятку для своего охотничьего ножа и колчан для стрел, а из кожи Бары вырезал себе кушак и передник на бедра.

Затем Тарзан отправился на исследование незнакомой местности. Он определил сразу, что это не был родной ему западный берег Африки, так как в этой местности солнце вставало со стороны моря.

Но это не мог быть и восточный берег Африки, так как он был убежден, что «Кинкэд» не проходил через Средиземное море, Суэцкий канал и Красное море, а для того, чтобы обогнуть мыс Доброй Надежды потребовалось бы значительно больше времени. И он тщетно терялся в догадках, куда его закинула судьба?

Ему приходило в голову, что пароход пересек Атлантический океан и высадил его на каком-нибудь диком берегу Южной Америки; но присутствие льва с несомненностью доказывало, что это не так.

Одинок бродя по джунглям, вдоль побережья, Тарзан чувствовал сильное желание иметь около себя какое-нибудь живое существо и начинал жалеть, что не остался в стаде обезьян. Ему не пришлось их больше видеть после той первой встречи, когда он победил Молака.

Теперь он почти совершенно стал прежним Тарзаном и, хотя сознавал, как мало общего между ним и большими антропоидами, все же он предпочел бы их общество полному одиночеству.

Во время своих скитаний он питался попадавшимися ему плодами и крупными насекомыми, которых он находил в трухлявых, гниющих

деревьях. Насекомые казались ему таким же лакомым блюдом, как и в счастливое время его детства.

Когда он прошел милю или две, его ноздри уловили отчетливый запах пантеры Шиты, доносившийся к нему поверху. Тарзан особенно обрадовался встрече с Шитой. Он намеревался добыть у нее не только крепкую жилу для тетивы своего лука, но и красивую пятнистую шкуру, чтобы смастерить себе новый колчан и передник.

Перед этим Тарзан шел спокойно и беззаботно; теперь он пригнулся к земле и стал красться ползком, чутко прислушиваясь к малейшему шороху. Легко и неслышно скользил он сквозь чащу леса, выслеживая дикую кошку. Теперь он был, несмотря на человеческое происхождение, такой же дикий и свирепый зверь, как и тот, за которым он охотился.

Приблизившись к Шите, он сразу заметил, что пантера, со своей стороны, тоже кого-то выслеживает, и в тот же момент порыв ветра донес до его ноздрей запах больших обезьян.

Подкравшись совсем близко к обезьянам, пантера вспрыгнула на дерево; Тарзан подошел еще ближе и увидел племя Акута, расположившееся на небольшой лужайке. Некоторые из обезьян дремали, прислонившись к пням, другие бродили около поваленных деревьев, обдирая их кору и лакомясь вкусными гусеницами и жуками.

Сам Акут был всего в нескольких шагах от Шиты.

Большая кошка лежала, пригнувшись, на толстом суке, скрытая от глаз обезьяны густой листвой. Она терпеливо выжидала, когда антропоид приблизится к ней на расстояние ее прыжка.

Тарзан совершенно бесшумно занял позицию на том же дереве, немного выше пантеры. В левой руке он сжимал свой новый охотничий нож. Он предпочел бы применить здесь свой аркан, но листва, окружавшая зверя, мешала ему пустить его в ход.

Акут тем временем подошел совсем близко к дереву, где его подстерегала смерть. Шита медленно подтянула под себя задние лапы и со страшным ревом бросилась на обезьяну. Но одним мгновением ранее другой хищный зверь прыгнул сверху, и его боевой крик смешался с ревом пантеры.

При этом ужасном звуке Акут поднял голову и увидел падающую прямо на него пантеру, а на спине ее белую обезьяну, ту самую, которая победила его у залива несколько дней назад.

Зубы человека-обезьяны вонзились Шите в горло; его правая рука обвила могучую шею зверя, левая наносила каменным ножом сильные удары в бок, под левое плечо.

Акут с быстротой молнии отскочил в сторону, чтобы не очутиться под борющимися, и в ту же секунду они шумно упали на землю у его ног. Шита оглашала лес диким ревом и визгом, но белая обезьяна неумолимо добивала свою жертву.

Глубоко в тело вонзился его безжалостный каменный нож, и с воем смертельной боли упала большая кошка на бок; после нескольких судорожных подергиваний пантера уже неподвижно лежала в траве.

Тогда человек-обезьяна вскочил на тело убитого врага, и поднял голову; снова пронесся по джунглям его дикий победный крик.

Акут и другие обезьяны стояли пораженные, глядя то на мертвое тело Шиты, то на гибкую фигуру человека, который ее победил в смертельном поединке.

Тарзан заговорил первый. Он спас жизнь Акута с определенной целью и, зная, как ограничены умственные способности у обезьян, счел нужным объяснить им свою мысль.

— Я — Тарзан из обезьяньего племени, — сказал он, — я великий охотник, могучий боец. В бою с Акутом я подарил ему жизнь, хотя и мог отнять ее и сделаться царем. Теперь я спас Акута от смерти, от когтей кровожадной Шиты. Тарзан — друг племени Акута: если Акут или кто-либо другой из его племени будет в опасности, пусть позовет Тарзана вот таким криком!

И Тарзан издал пронзительный звук, которым племя Керчака при приближении опасности созывало своих членов.

— И если вы услышите, что так кричит где-либо Тарзан, — продолжал он, — вспомните, что он для вас сделал, и стремглав спешите ему на помощь. Сделаете ли вы, как говорит Тарзан?

— Хух! — ответил Акут и остальные самцы его племени подтвердили обещание единодушным «хух!».

Затем, как будто ничего и не случилось, они спокойно вернулись к своим ленивым занятиям на лужайке, и к ним присоединился Джон Клейтон, лорд Грейсток.

Он скоро заметил, что Акут все время старался держаться около него и какое-то новое странное выражение появлялось в маленьких глазках самца, когда он взглядывал на Тарзана. И один раз Акут сделал

то, чего Тарзану не приходилось ни разу наблюдать за всю свою жизнь среди обезьян: он нашел особенно вкусное насекомое и передал его Тарзану.

Позднее, в часы, когда стадо охотилось, в гуще коричневых волосатых тел всегда выделялось светлым пятном гладкое и чистое тело Тарзана. Он шел с ними бок о бок и прикасался своим атласным телом к грубой щетине своих новых друзей; мало-помалу его присутствие сделалось для них чем-то обычным, и они стали смотреть на него, как на члена своего племени.

Если он случайно слишком близко подходил к самке, державшей детеныша, она оскаливала клыки и рычала на него. Рычал также, выражая свое неудовольствие, и молодой забияка самец, в особенности, если Тарзан приближался к нему, когда тот был занят едой. Но так же они рычали в подобных случаях и на других обезьян своего стада; и Тарзана это нисколько не обижало. Он быстро отскакивал в сторону от самки-матери, встревоженной за своего малыша, и сам рычал на ретивых молодых обезьян, оскаливая зубы не хуже их. Но в то же время, он чувствовал себя в полной безопасности среди этих могучих и свирепых предков первобытного человека.

Быстро свыклся он с образом жизни своей ранней юности и чувствовал себя в обществе обезьян так, как будто никогда и не знал общества себе подобных.

Пять или шесть дней он бродил по джунглям со своими новыми друзьями, отчасти, чтобы не чувствовать так остро своего одиночества, но главным образом для того, чтобы обезьяны окончательно свыклись с его обществом и хорошенько его запомнили. Это требовало немало времени, так как у обезьян память в большинстве случаев очень короткая.

Из опыта прежней жизни Тарзан хорошо знал, какую пользу сумеет ему принести племя могучих и страшных зверей в минуту опасности.

Убедившись, что его образ достаточно запечатлелся в их памяти, он решил на время отделиться от стада, чтобы продолжать исследование местности. Однажды рано утром он отправился в путь, держась недалеко от берега по направлению к северу. Целый день он двигался вперед высоко над землей, перепрыгивая с дерева на дерево, и только с наступлением сумерек отыскал удобное дупло, где и устроился на ночь.

На следующее утро, когда взошло солнце, он с удивлением увидел, что оно встает из-за моря не прямо перед ним, как это было во все предыдущие дни, а с правой стороны. Из этого он заключил, что береговая линия сильно свернула к западу. Весь следующий день он продолжал свое путешествие вдоль побережья и к вечеру заметил, что солнце закатилось как раз против берега. Результаты исследования были теперь для него ясны: он находился не на африканском материке, а на острове. Он выяснил также и то, что на острове нет никаких признаков присутствия человека.

Обо всем этом он мог бы догадаться уже в первый день из записки Рокова; ведь в том и заключалась ужасная месть его жестокого врага, чтобы оставить Тарзана на всю жизнь на необитаемом острове...

Тарзан продолжал припоминать детали этого дьявольского плана мести: сам Роков, без сомнения, отправился к африканскому берегу, чтобы отдать маленького Джека на воспитание диким кровожадным людоедам...

Тарзан весь содрогнулся при мысли о тех ужасных мучениях, которые ожидали его нежного мальчика. Даже в самом лучшем случае, если бы он попал к дикарям, наделенным чувством человечности, и если бы они привязались к маленькому, беспомощному существу, даже и тогда его жизнь была бы далеко не сладкой. Тарзан был достаточно хорошо знаком с условиями жизни африканских дикарей: это была сплошная цепь жестоких лишений и опасностей, постоянной угрозы смерти и бесконечных страданий. И, увы, в этих суровых условиях борьбы за существование именно те из дикарей, которые отличались мягкостью и человечностью и способны были испытывать чувство жалости при виде чужих страданий, именно они, как наименее приспособленные, терпели больше всего невзгод.

А какая ужасная судьба ожидает ребенка, когда он станет взрослым. Ведь те инстинкты и склонности, которые воспитает в нем жизнь среди каннибалов, навсегда вырвут у него возможность общения с культурными людьми.

Людоед! Его маленький сын превратится в людоеда! Эта страшная мысль стальным буравом сверлила мозг Тарзана.

Подпиленные зубы, изуродованный, сплюснутый нос, лицо, изрезанное безобразной татуировкой! Несчастный отец переходил от

глубокого отчаяния к взрывам бессильной ярости. О, если бы он мог почувствовать шею Рокова в своих цепких пальцах!

А Джэн? Как она должна терзаться, бедняжка, от неизвестности и тревоги. Тарзану казалось, что она была даже еще в худшем положении, чем он; ведь он может быть спокоен, что, по крайней мере, одно из любимых им существ находится в безопасности у себя дома; а она теперь томится в полном одиночестве, не имея ни малейшего представления, где ее сын и муж.

Это было поистине счастьем для лорда Грейстока, что он не знал ничего о судьбе своей жены, участь которой была не легче, чем у него. Знай он это, он впал бы в такую глубину безысходного отчаяния, что нравственные мучения парализовали бы совершенно его энергию, и он недолго мог бы бороться за свое безрадостное существование.

Углубленный в эти мрачные мысли, Тарзан медленно продвигался в джунглях.

Внезапно его ухо уловило какой-то странный звук, как бы царапанья когтей о дерево. Что бы это могло быть?

Осторожно ступая, двинулся он в направлении, откуда послышался звук, и вскоре открыл его причину: огромная пантера, великолепного золотистого цвета, как-то странно билась у упавшего дерева.

При приближении Тарзана она обернулась и, оскалив зубы, грозно заворчала. Тарзан увидел, что она не могла выбраться из-под дерева; большой сук придавил ей обе лапы.

Человек-обезьяна стоял перед беззащитным животным. Попавшая в капкан пантера была обречена на смерть от голода или безжалостных зубов другого хищника; Тарзан вынул стрелу из колчана и уже натянул свой лук, чтобы ускорить ее смерть, но внезапная мысль остановила его.

Это так легко — оборвать жизнь несчастного животного в расцвете сил и красоты... Это была бы холодная, бездушная жестокость в отношении отважного хищника, попавшего в беду.

У Тарзана возникло острое желание поступить так, как он поступил бы, если бы стоял перед человеком, а именно: вернуть пантере жизнь и свободу. Он обошел вокруг дерева на почтительном расстоянии от хищника, держа свой лук наготове. Позвоночник был несомненно цел, передние лапы крепко ущемлены, так что животное не могло ими шевельнуть, но возможно, что и они не были сломаны.

Тарзан положил стрелу обратно в колчан, перекинул лук через плечо и подошел ближе; он начал мурлыкать, как мурлыкают кошки, когда они чем-нибудь довольны. Это было самое приветливое обращение, которое Тарзан мог произнести на языке Шиты.

Пантера тотчас же перестала ворчать и с каким-то странным выражением глубоких зеленых глаз посмотрела на человека-обезьяну, как бы прося помочь ей. Чтобы приподнять громадное дерево, нужно было подойти вплотную к пантере, сильно рискуя попасть в ее опасные объятия. Но Тарзану из племени обезьян чувство страха не было знакомо.

Без колебания подошел он к груде переплетенных сучьев, продолжая дружески мурлыкать. Шита повернула голову к Тарзану, продолжая смотреть в глаза умоляющим взором. Время от времени она, впрочем, оскаливала беззвучно свои страшные клыки, но скорее для предостережения, чем для угрозы.

Тарзан уперся плечом под ствол дерева; он касался ногой мягкой шелковистой шерсти пантеры, и ему было приятно это ласкающее прикосновение.

Медленно напрягал Тарзан свои могучие мышцы, и громадное дерево с переплетающимися ветвями постепенно приподнималось над землей. Почувствовав, что тяжесть, давившая на лапы, ослабевает, пантера отползла в сторону. Тарзан опустил дерево на землю и, освободившись из сети ветвей, встал во весь рост, сжимая рукоятку ножа.

Человек и пантера стояли друг против друга, и каждый ожидал, что сделает сейчас другой.

Тарзан хорошо знал, что, освобождая хищника джунглей, он не на шутку рисковал жизнью, его нисколько не удивило бы, если бы громадная кошка, получив свободу, бросилась на него. Ведь она, наверное, была голодна.

Но этого не случилось. Пантера остановилась в нескольких шагах от дерева и спокойно следила за движениями человека.

Тарзан, стоя неподвижно в трех шагах от Шиты, решил, что в случае опасности он прыгнет на ветви ближайшего дерева. Это будет для него спасением, так как леопарды не умеют лазить на деревья так высоко, как умел человек-обезьяна. Но какой-то дух удальства заставил его подойти ближе к пантере; Тарзан словно желал убедиться,

способен ли зверь на проявление черной неблагодарности по отношению к своему спасителю.

Когда человек приблизился, Шита осторожно и молчаливо отошла в сторону; Тарзан не остановился; он прошел мимо пантеры, едва не коснувшись ее влажной морды, а затем, не оборачиваясь, зашагал и дальше. Пантера одну минуту смотрела ему вслед, как будто о чем-то раздумывая, а затем медленно поплелась за ним, как собака, идущая по следам своего хозяина.

Шагая по лесу, Тарзан слышал, что пантера следит за ним, но не мог решить, с дружескими ли намерениями, или с враждебными. Он представлял себе, что пантера не хочет упустить лакомого куска и выслеживает добычу, чтобы наброситься на нее, как только почувствует в себе силы. Но вскоре он убедился, что это предположение неверно.

Уже смеркалось. Тарзан почувствовал голод. Он спрятался в густых ветвях дерева, держа наготове аркан. Шиты он не видел нигде поблизости: по-видимому, она спряталась в зарослях, когда увидела, что он остановился.

Тарзану не пришлось долго ждать; через полчаса петля затянулась на шее проходившей под деревом лани; он быстро принялся сдирать шкуру с помощью своего ножа, а затем, вспомнив о своем четвероногом спутнике, решил позвать его, чтобы разделить с ним трапезу. Он принялся мурлыкать так же, как он это делал утром, когда хотел успокоить опасения зверя, но немного громче и внушительнее.

Он не раз слышал, что именно подобное мурлыканье издают пантеры, охотящиеся парами, когда одна из них поймает добычу и хочет позвать свою подругу. В ответ на призыв Тарзана раздался треск в кустах и из зарослей показалось гибкое золотистое туловище странного спутника Тарзана.

Заметив убитую лань, пантера на минуту остановилась, раздувая ноздри и втягивая аппетитный запах свежей крови; затем, издав пронзительный визг, она побежала рысцой на зов человека, и оба, расположившись рядом на траве, принялись насыщаться свежим мясом.

После совместного ужина Шита совсем привыкла к человеку и следовала за ним по пятам.

Несколько дней бродила эта странная пара в джунглях. Когда одному из них удавалось поймать добычу, он подзывал другого, чтобы разделить ее с ним; охотясь таким образом, они доставляли себе обильную пищу.

Однажды после удачной охоты новые друзья расположились под деревом и закусывали мясом вепря; острый запах крови привлек внимание льва Нумы. Неслышно подкравшись, он внезапно выскочил из чащи переплетающихся лиан и с яростным ревом бросился вперед, чтобы, пользуясь правом царя зверей, отогнать своих слабых подданных от вкусной добычи. Увидев раздраженного льва, Шита прыгнула в кусты, а Тарзан проворно вскарабкался на дерево. Нума медленно принялся раздирать когтями добычу и проглатывать ее огромными кусками; а в это время человек-обезьяна устроился на ветке, свешивавшейся над пирующим львом, и спокойно разворачивал свой аркан.

Выбрав момент, он ловко накинул петлю на шею Нумы. Затем, затянув ее резким движением, поднял барахтавшегося льва кверху так, что только задние ноги животного касались земли. В то же время он не переставал звать Шиту.

Быстро прикрутив веревку к крепкому суку, он спрыгнул на землю и со своим ножом набросился на пойманного льва с одной стороны, в то время, как прибежавшая на зов пантера кинулась на него с другой.

Пантера рвала и терзала Нуму, а человек-обезьяна несколько раз всаживал ему в бок каменный нож, и раньше, чем владыка зверей мог своими могучими клыками перегрызть веревку, тело его повисло беспомощно и неподвижно на суку.

И тогда победный клич человека-обезьяны слился с торжествующим ревом пантеры в один могучий крик, громовыми раскатами пронесшийся по джунглям.

Когда последнее эхо этого крика замирало в воздухе, к берегам необитаемого острова причаливали на длинной пироге два десятка чернокожих.

V

МУГАМБИ

Исследовав береговую полосу острова и обойдя его вдоль и поперек во время своих многочисленных экскурсий в глубь девственного леса, Тарзан окончательно убедился в том, что он был единственным человеческим существом на острове.

Нигде не нашел он ни малейшего признака хотя бы временного пребывания человека; впрочем, он не мог бы с уверенностью сказать, что никогда человеческая нога здесь не ступала, так как знал, как быстро роскошная тропическая растительность сглаживает всякие человеческие следы, но он убедился в том, что на этом острове никогда не существовало постоянных человеческих поселений.

На следующий день после столкновения с Нумой Тарзан, сопровождаемый по-прежнему Шитой, повстречался с племенем Акута. При виде пантеры обезьяны обратились в паническое бегство, и Тарзану стоило больших трудов их успокоить и созвать обратно.

Ему пришло в голову произвести опыт: примирить этих наследственных врагов. Тарзан хватался за все, чем можно было убить время и отвлечься от мрачных мыслей.

Уговорить обезьян заключить мир с Шитой и не нападать на нее оказалось, к его радости, делом нетрудным, несмотря на недостаток слов на обезьяньем языке. Но утвердить в мозгу злобной и ограниченной Шиты, что она должна охотиться вместе с обезьянами, а не на обезьян, было задачей почти непосильной даже для человека-обезьяны.

Среди прочего оружия у Тарзана была длинная толстая дубина. Обвив свой аркан вокруг шеи пантеры, он с помощью этой дубинки старался вдолбить в сознание ворчливой громадной кошки, что она не должна нападать на громадных косматых обезьян. Обезьяны, видя аркан на шее у своего врага, расхрабрились и подошли поближе и с удивлением смотрели на невиданное зрелище.

Обезьянам показалось необъяснимым, почему пантера Шита не набрасывалась на белую обезьяну. Но все объяснялось просто: когда пантера огрызалась и рычала, Тарзан ударял ее по носу, внушая таким образом страх и уважение к дубинке.

Труднее было объяснить привязанность, которую пантера питала к человеку-обезьяне. Вероятно, что-то подсознательное в этом примитивном разуме, подкрепленное к тому же еще вновь возникшей привычкой, заставляло ее подчиняться своему спасителю. К этому, конечно, присоединялась сила человеческого духа, имеющего всегда такое сильное влияние на существа низшего порядка. В результате все это складывалось в могущественный фактор, который доставил Тарзану господство над Шитой, как доставлял и раньше влияние на всех зверей джунглей, с которыми ему приходилось сталкиваться.

Настойчиво продолжая свой эксперимент, Тарзан добился в конце концов того, что человек, пантера и обезьяны бродили бок о бок по диким джунглям, охотясь сообща за добычей и деля ее между собой; эта разношерстная компания представляла собою как бы первобытную коммуны. И кто мог бы узнать в главном члене этой страшной коммуны светского джентльмена, который только несколько месяцев тому назад был желанным гостем всех модных лондонских салонов и клубов?

Иногда члены коммуны отделялись на некоторое время друг от друга, чтобы следовать свойственным каждому из них желаниям. Так однажды Тарзан отправился бродить по берегу моря и прилег на песке погреться на солнышке. Он уже задремал, убаюканный мелодичными звуками прибоя, как вдруг из-за невысокой горки ближнего леса показалась чья-то черная голова.

Пара глаз с удивлением смотрела на гигантскую фигуру белого человека, раскинувшегося в лучах жаркого тропического солнца. Затем голова обернулась назад, делая знаки кому-то, стоявшему позади. Через минуту уже две пары глаз наблюдали за человеком-обезьяной; затем появились новые головы, еще и еще... Наконец, на фоне неба появилось около двадцати фигур, которые начали красться к спящему, пригнувшись к земле; это были чернокожие огромного роста; тела их были ярко разрисованы, а лица изрезаны татуировкой, что придавало им чрезвычайно свирепый вид; странные головные уборы, металлические украшения на руках и ногах и в носсах и длинные копы дополняли воинственный вид негров.

Лица черных воинов были обращены к ветру, так что их запах не доносился до Тарзана. Лежа к ним спиной, он не мог видеть, как они перебрались через гребень мыса и затем бесшумно поползли по густой траве к песчаному берегу, где он дремал.

Душевные муки, испытанные Тарзаном, несколько ослабили его обычную бдительность; дикари были уже совсем близко от него, когда он инстинктивно почувствовал опасность и проснулся.

Увидев, что белый их заметил, негры разом поднялись во весь рост и с поднятыми копьями бросились на свою добычу, издавая пронзительные боевые крики.

Тарзан мгновенно вышел из оцепенения; он вскочил на ноги и, схватив дубинку, принялся отражать неожиданное нападение. Первые ловкие удары сразили ближайших врагов; окруженный со всех сторон, Тарзан продолжал отбиваться, нанося удары направо и налево с такой яростью и силой, что сразу выбил из строя человек семь и внес панику в ряды остальных.

Дикари немного отступили, стали о чем-то совещаться; человек-обезьяна стоял неподвижно, скрестив руки на груди и, улыбаясь, смотрел на них. Через минуту нападавшие выстроились полукругом и начали новую атаку. Тарзан почувствовал, что положение становится серьезным: теперь дикари были раздражены и мало-помалу приводили себя в исступление; они все быстрее и быстрее кружились вокруг человека-обезьяны в фантастической боевой пляске, потрясая тяжелыми копьями, издавая дикий протяжный вой и высоко подпрыгивая вверх.

Внезапная мысль осенила Тарзана; до сих пор он молчаливо и спокойно стоял в центре дикой пляски, непрерывно поворачиваясь, чтобы оставаться лицом к лицу с нападавшими. Он испустил вдруг пронзительный крик, который покрыл весь оглушительный боевой шум чернокожих; как пригвожденные к месту, дикари остановились и с недоумением посмотрели друг на друга. Этот звериный крик, до такой степени страшный, что кровь невольно похолодела у них в жилах, не мог исходить из человеческого горла!

Немного оправившись от испуга, дикари принялись снова за своеобразное наступление и уже занесли было копья, чтобы броситься на врага, но внезапный шум в джунглях позади них снова остановил их. Оглянувшись, они увидели картину, от одного вида которой застыла бы кровь и у более храбрых воинов, чем воины племени Вагамби.

Из чащи джунглей выпорхнула громадная пантера с оскаленной мордой и горящими глазами; за ней следовали десятка два больших

косматых обезьян. Пантера быстро и бесшумно скользила, пригнувшись к траве, обезьяны бежали вприпрыжку на согнутых ногах, размахивая длинными руками и ударяя себя в грудь с глухим, злобным ворчаньем.

Звери Тарзана явились на его зов.

Раньше, чем чернокожие успели оправиться от испуга, странная орда набросилась на них с одной стороны, а Тарзан с другой. Дикари с отчаянием защищались, и их копья поразили немало обезьян; но никакая человеческая сила не могла противостоять свирепому натиску зверей, опьяненных запахом свежей крови.

Страшные зубы и цепкие когти Шиты рвали и терзали черные тела; могучие клыки обезьян впивались в шейные артерии, а Тарзан из обезьяньего племени носился в гуще сражения, как бог войны, подбодряя и поощряя свое звериное воинство и поражая врагов длинным каменным ножом.

Схватка длилась недолго; чернокожие в паническом ужасе бросились в бегство, стараясь унести свои жизни; но из двадцати человек лишь одному удалось избежать зубов разъяренных зверей.

Это был рослый дикарь в ярком головном уборе и с причудливой татуировкой. Он был готов уже скрыться в густой растительности за гребнем холма, но зоркие глаза человека-обезьяны заметили беглеца.

Оставив свою банду насыщаться мясом убитых, Тарзан бросился по следам чернокожего, единственного человека, оставшегося в живых. За холмами он увидел фигуру воина, который несся во весь опор по направлению к длинной пироге, лежавшей на песке у воды.

Бесшумно, как тень, бежал человек-обезьяна за чернокожим. При виде пироги он едва не вскрикнул от радости. Ведь на этой лодке он сумеет добраться до той земли, откуда явились эти люди. Если даже они приехали не с материка, а с острова, то ведь этот остров был населен человеческими существами и, вероятнее всего, имел сообщение с материком, а, может быть, — кто знает? — это туземцы африканского побережья?

Тяжелая рука опустилась на плечо убегающего воина, даже и не подозревавшего, что его преследуют. Он обернулся, чтобы броситься на своего преследователя, но железные пальцы сжали ему кисти, и прежде чем он мог высвободить руки, чтобы защищаться, он был повален на землю, и белый человек уселся на него верхом.

Тарзан обратился к лежавшему под ним человеку на языке западного берега.

— Кто ты?

— Я — Мугамби, вождь племени Вагамби! — отвечал чернокожий.

— Я оставлю тебе жизнь, — сказал Тарзан, — если ты обещаешь помочь мне выбраться с этого острова. Каков твой ответ?

— Я не могу помочь тебе, — ответил Мугамби, — ты убил всех моих воинов, и мне самому теперь не выбраться с твоего острова. Нет более в живых ни одного гребца, а без гребцов мы не можем воспользоваться пирогой.

Тарзан встал и позволил своему пленнику подняться. Это был рослый и сильный человек, великолепного телосложения, в физическом отношении — черный двойник белого гиганта, стоявшего перед ним.

— Идем! — сказал человек-обезьяна и двинулся туда, откуда доносилось рычание и визг пирующей своры зверей. Но Мугамби стоял, как вкопанный, и на лице его был написан суеверный ужас.

— Они... набросятся на нас, — сказал он, запинаясь.

— Нет, — ответил Тарзан, — они мои.

Чернокожий все же не решался возвращаться к ужасным существам, пожиравшим тела его воинов. Тарзан принудил его следовать за собою, и когда они вышли из джунглей, их глазам представилась ужасная картина кровавого пира, от которой волосы встали дыбом у черного вождя.

При виде людей звери подняли головы с угрожающим ворчанием, но Тарзан бесстрашно приблизился к ним, таща за собой Мугамби, дрожавшего всем телом.

Как Тарзан заставил недавно антропоидов принять в свое общество Шиту, так ему удалось, и даже еще легче, приучить их к Мугамби.

С Шитой, впрочем, дело обошлось не так просто: пантера долго не могла понять, почему она не имеет права обойтись с Мугамби так же, как она поступила с его воинами. Но она была вполне сыта и только кружилась около чернокожего, издавая глухое рычание и не сводя с него сверкающих глаз.

Мугамби, полумертвый от страха, цеплялся за Тарзана, еле удерживающегося от смеха при виде плачевного положения предводителя черного племени. Наконец, Тарзан схватил пантеру за

загрюбок, подтащил ее вплотную к Мугамби и принялся щелкать ее сильно по носу каждый раз, когда она начинала рычать на чернокожего.

При виде человека, справляющегося голыми руками с самым свирепым и кровожадным хищником джунглей, глаза Мугамби чуть не выскочили из орбит. Он был готов пасть ниц перед белым гигантом, который казался ему каким-то богом джунглей.

Дрессировка Шиты так быстро подвигалась вперед, что вскоре Мугамби перестал быть предметом ее внимания, и к вечеру он уже чувствовал себя в некоторой безопасности в ее обществе.

Несмотря на это, новая компания не приходилась, видимо, ему по душе, и он боязливо вращал белками каждый раз, когда тот или другой из звериной банды слишком близко подходил к нему.

Когда солнце уже закатилось, Тарзан, Мугамби, Шита и Акут легли в засаду у водооя и скоро заметили приближавшуюся лань; когда по знаку, данному человеком-обезьяной, все четверо бросились разом на не ожидавшее нападения животное, Мугамби решил, что бедная лань умерла от испуга раньше, чем ее коснулись звери.

Добыча была тотчас же поделена между участниками охоты, и дикарь развел костер, чтобы поджарить свою часть добычи; Тарзан же, Шита и Акут принялись поедать мясо в сыром виде, разрывая его своими острыми зубами и ворча друг на друга, если кто-либо завладевал чужим куском.

Едва ли нужно удивляться тому, что белый человек оказался ближе к зверям, чем чернокожий дикарь. Мы все рабы привычек, усвоенных воспитанием с детского возраста, и, когда отпадают внешние обстоятельства, заставляющие преодолевать их, мы легко возвращаемся вновь к тому, с чем сроднились и связаны неразрывными узами.

Мугамби от роду не ел никогда сырого мяса, в то время, как Тарзан до двадцати лет не пробовал жареной или вареной пищи и только последние три или четыре года приобщился к столу цивилизованных людей. Но не только привычка детства заставляла его предпочитать сырое мясо; нет, он находил, что вкус его в значительной мере портился от жарения, и гораздо более любил сочное мясо свежееубитой, еще теплой добычи.

Представителям культурного человечества, конечно, внушило бы ужас и отвращение то, что Тарзан находил тонкий вкус в сыром мясе и считал лакомством каких-то гусениц. Но мне думается, если бы и мы с детства питались подобной пищей и привыкли бы видеть, что все окружающие едят то же, то чувствовали бы к лакомствам Тарзана не больше отвращения, чем чувствуем к изысканным гастрономическим деликатесам, которые способны вызвать рвоту у африканского каннибала. Все дело здесь исключительно в привычке: близ озера Рудольфа, например, живет племя, которое не ест ни баранины, ни мяса крупного скота, в то время, как у соседних племен — это обычная пища. Недалеко от них другое племя любит ослиное мясо, от одного вида которого ближайшие их соседи чувствуют тошноту.

Можно ли после этого принять как абсолютную истину, что устрицы и лягушечьи ножки вкусны, а гусеницы и жуки совершенно несъедобны или что сырая устрица, проглоченная живьем, вызывает меньше отвращения, чем чистое, нежное мясо свежеубитой лани?

* * *

В течение следующих дней Тарзан был занят одной мыслью — найти способ использовать пирогу, чтобы добраться до материка. Он делал попытки научить обезьян управлять веслами; несколько раз он сажал некоторых из них в легкую лодку и давал им уроки гребного искусства в бухте, защищенной каменной грядой, где море было всегда спокойно.

Дав обезьянам в руки весла, он объяснял им, что они должны подражать его движениям. После двух-трех неудачных опытов он убедился, что потребуются долгие недели терпеливой дрессировки, чтобы сделать из них гребцов, так трудно обезьянам сосредоточиться на определенном деле и так быстро им надоедает однообразное занятие.

Впрочем, из всех антропоидов один составлял счастливое исключение — это был Акут. С самого начала он выказывал интерес к новому спорту. Казалось, он сразу понял назначение весел, что доказывало в нем более развитые умственные способности, чем у его сородичей, и Тарзан старался на скудном языке обезьян дать понять ему, каким образом нужно управлять веслами.

Отчаявшись в возможности выучить обезьян грести, Тарзан решил приспособить пирогу под парус и принялся плести большое полотнище из древесного лыка.

Распрашивая Мугамби, Тарзан узнал, что материк лежит не на очень значительном расстоянии от острова. Чернокожий вождь рассказал, что страна племени Вагамби расположена в глубине материка, на верховьях реки Угамби, и никто из его племени до сего времени не добирался до океана: на этот раз его воины добрались до устья реки и отъехали слишком далеко от берега на своем утлом суденышке. Захваченные отливом и сильным береговым ветром, они вскоре потеряли из виду землю. Они пробыли в открытом море целую ночь и не переставали грести, как им казалось, по направлению к родному берегу. Увидев при восходе солнца землю, они очень обрадовались, считая, что перед ними материк. Только от Тарзана Мугамби узнал, что он попал на остров.

Чернокожий вождь с опаской и недоверием смотрел на парус, который Тарзан смастерил из столь ненадежного материала; он находил, что плетение рассыплется при первом сильном порыве ветра.

Однако Тарзан надеялся, что, если ветер будет ему благоприятствовать, он успеет на своем маленьком паруснике добраться до континента даже при малой затрате сил. Он считал, что во всяком случае лучше погибнуть в открытом море, чем оставаться на этом пустынном островке без надежды когда-либо выбраться отсюда, так как было ясно, что остров этот не нанесен на морские карты.

В течение нескольких дней пирога была оснащена, на ней был поставлен парус, и при первом же попутном ветре она приняла на свой борт странный и страшный экипаж, какого никогда не бывало ни на одном судне в мире.

Экипаж этот составляли, не считая самого Тарзана: Мугамби, Акут, пантера Шита и дюжина громадных обезьян-самцов из племени Акута.

VI

СТРАШНАЯ КОМАНДА

По узкому проливу между рифами медленно двигалась пирога со страшной командой. Она должна была выйти отсюда в открытое море. Тарзан, Мугамби и Акут сидели на веслах: воспользоваться парусом было нельзя, потому что высокий берег задерживал порывы ветра.

Шита лежала, свернувшись у ног Тарзана. Он решил держать дикого зверя подальше от других путешественников: малейшего повода было бы достаточно, чтобы Шита набросилась на кого-нибудь из них. Только на белого человека она смотрела с покорностью, как на своего господина.

Мугамби сидел на корме судна, напротив него скорчился на дне пироги Акут, а между Акутом и Тарзаном помещалось двенадцать волосатых антропоидов, подозрительно озирающихся по сторонам и с вожделением смотревших на родной берег.

Все шло хорошо, пока лодка не вышла в открытое море. Но вот берег остался позади, ветер вырвался на простор, натянув с силою парус, и легкое судно понеслось по волнам, колыхаясь, как маленькая щепка.

И чем дальше несло оно в море, тем выше и выше вздымались волны.

В лодке началась паника. Волны и качка привели обезьян в ужас.

Вначале они беспокойно оглядывались и вертелись, а потом начали визжать и реветь. С большим трудом Акут удерживал их в повиновении, но когда одна особенно сильная волна приподняла судно, обезьянами овладело такое отчаяние, что, вскочив на ноги, они чуть не опрокинули пирогу. Тарзану и Акуту еле-еле удалось успокоить их. Но все-таки мало-помалу спокойствие было восстановлено, и постепенно обезьяны стали привыкать к качке.

Путешествие прошло без приключений, ветер был благоприятный, и после часового плавания Тарзан заметил темную полосу берега. Из-за ночной темноты нельзя было определить, тут ли устье Угамби? На всякий случай Тарзан решил причалить к ближайшему месту и там ждать рассвета.

Лодка толкнулась носом о песок, повернулась бортом к берегу и опрокинулась, вывалив всю команду. Волны прибоя окатывали людей и зверей, и лишь с большим трудом удалось добраться до берега.

Всю ночь обезьяны сидели в кучке, тесно прижавшись друг к другу и стараясь согреться. Мугамби развел костер и лег около огня. Тарзан и Шита, мучимые голодом, отправились в ближайший лес за добычей.

Они не боялись ночной темноты и шли рядом друг с другом, когда тропа была достаточно широкой или гуськом, когда она суживалась.

Вскоре Тарзан почувствовал запах какого-то животного. Крадучись, подобрался он с Шитой к густым зарослям камыша близ реки и вдруг увидел там крупную, неподвижную, темную фигуру. Это был огромный буйвол. Он спокойно сидел в самой чаще тростника.

Все ближе и ближе подползали они к ничего не подозревавшему быку; Шита с правой стороны, а Тарзан — с левой. Они часто так охотились вместе, подбадривая изредка Друг друга тихим мурлыканьем.

На мгновение они притаились, а затем, по мановению Тарзана, Шита прыгнула буйволу на спину и вонзила свои острые зубы ему в шею. Животное с ревом вскочило, но Тарзан в ту же минуту бросился на него и несколько раз всадил ему под левое плечо свой каменный нож, цепляясь другой рукой за густую гриву. Бык бешено помчался в камыши, потащив его за собой. Шита мертвой хваткой вцепилась ему в горло, стараясь перегрызть шейную артерию.

Бык с ревом протащил обоих напавших на него врагов на несколько сажений, но скоро в сердце ему вонзился нож, и он с ревом упал на землю.

Тарзан и Шита освеживали быка, наелись до полного насыщения свежего мяса, а затем улеглись на отдых в чаще леса, через несколько минут голова человека покоилась мирным сном на темно-бурой шерсти пантеры.

Когда наступил рассвет, они проснулись и вернулись к берегу. И повели остальных членов отряда к убитой вчера добыче.

Прикончив буйвола, звери заснули, а Тарзан и Мугамби отправились искать реку Угамби. Пройдя не более пятидесяти сажений, они действительно достигли широкого потока, и негр сразу признал в ней ту реку, по которой он со своими злополучными товарищами пустился недавно в океан.

Путешественники прошли по берегу до самого устья и увидели, что оно находилось на расстоянии меньше одной мили от того места, куда пристала их лодка.

Тарзан был очень доволен этим открытием. Он был уверен, что, следуя по большой реке, они встретят туземцев, а от них он надеялся узнать что-либо о Рокове и своем сыне. Он был убежден, что Роков не решался забраться далеко в глубь материка, а постарался как можно скорее избавиться от ребенка после того, как высадили Тарзана на необитаемый остров.

Тарзан и Мугамби сдвинули пирогу с берега и долго возились с ней, стараясь спустить ее в море. Им мешал сильный прибой, и только после долгих усилий им, наконец, удалось протащить пирогу через бурун на глубокое место и сесть в нее; и они отправились, наконец, вдоль берега к только что найденному устью Угамби. Здесь опять они испытали большие затруднения: сильное течение реки и наступивший отлив не давали им возможности войти в реку.

Только после долгих усилий, держась самого берега, где течение было более слабое, они смогли подняться вверх. И лишь вечером, в сумерки, они, наконец, достигли места, где поутру оставили свою звериную команду. Крепко привязав лодку к толстому суку, путники вошли в джунгли. Все двенадцать обезьян были налицо. Они лакомились плодами. Но Шиты нигде не было видно. Не вернулась она и к ночи, и Тарзан подумал, что пантера, повинувшись голосу инстинкта, бросила своего хозяина и отправилась на поиски себе подобных.

На следующий день рано утром Тарзан повел свою команду к реке. По дороге он несколько раз останавливался и пронзительно кричал. И вот, издали послышался ответный крик, и гибкая фигура Шиты выпрыгнула из кустов на берег как раз в ту минуту, когда Тарзан, Мугамби и звери осторожно влезали в лодку.

Мурлыкая, как котенок, большая пантера подошла к Тарзану и потерлась о него своими боками; затем по одному слову обезьяны-человека Шита легко прыгнула в пирогу и заняла свое прежнее место на носу судна.

Когда все были уже на местах, оказалось, что двух больших обезьян не хватало. Царь обезьян и Тарзан кричали и звали их целый час. Но ответа не было, и лодка отплыла без них. Это были как раз те обезьяны, которых было особенно трудно убедить покинуть родной

остров. Они же проявляли особый страх перед морским путешествием и наиболее беспокоило вели себя во время качки. Поэтому Тарзан не без оснований решил, что они намеренно скрылись и умышленно не откликались на призывы.

Около полудня лодка пристала к берегу, и путники отправились искать пищу.

В это время какой-то стройный голый дикарь выследил их из-за густой береговой растительности и исчез раньше, чем кто-либо из зверей и людей его заметил.

Как быстроногий олень понесся он по узкой тропинке вверх по реке и в страшном возбуждении примчался в туземный поселок в нескольких милях выше того места, где в это время охотился Тарзан со своей командой. Прибежав к предводителю, который лежал у входа в свою круглую хижину, дикарь закричал:

— Другой белый человек пришел! Другой белый человек и с ним много воинов. Они приехали в большой военной пироге! Они убьют нас и ограбят, как это сделал чернобородый!..

Кавири, предводитель чернокожих и глава поселка, вскочил на ноги.

Он только недавно испытал много несчастий от белого человека, и его сердце было полно ненависти и злобы. В одну минуту загремел грохот боевых барабанов, созывая охотников из леса и пахарей с поля. Быстро были спущены семь боевых лодок. В них уселись воины с раскрашенными лицами и с перьями на головах. Неуклюжие боевые суда, управляемые сильными мускулами лоснящихся черных рук, оцетинились длинными копьями и бесшумно скользили по поверхности воды.

Кавири был хитрый полководец. Он не приказал бить в тамтам или трубить в рог. Бесшумно хотел он напасть со своими семью боевыми судами на лодку белого человека и победить врага численностью, раньше чем ружья последнего могли принести смерть его воинам.

Судно Кавири шло на некотором расстоянии впереди других и, обогнув крутую извилину реки, почти столкнулось с плывущей навстречу лодкой.

Кавири успел только заметить белое лицо человека, сидящего на носу лодки. В следующее же мгновение лодки столкнулись, и

чернокожие вскочили со своих мест, издавая угрожающие крики и потрясая длинными копьями.

Но минутой спустя, когда Кавири был уже в состоянии рассмотреть, какой командой управляется лодка белого человека, он отдал бы все свои бусы и все украшения за возможность остаться у себя в поселке как можно дальше отсюда.

Едва лодки столкнулись, как со дна пироги белого человека поднялись во весь рост страшные обезьяны Акута.

С диким рычаньем и лаем они в несколько мгновений своими длинными волосатыми руками выхватили копья из рук чернокожих.

Воины Кавири были объаты ужасом, но им ничего не оставалось другого, как защищаться.

В это время подоспели на помощь другие боевые суда.

Они окружили лодку Тарзана, но, увидев, какой неприятель находится перед ними, все, кроме одной, повернули обратно и быстро поплыли вверх по реке. Только одно судно подошло близко к пироге Тарзана, и лишь тогда находившиеся на этом судне воины заметили, что их товарищи сражаются не с людьми, а с какими-то «демонами». Тарзан кивнул Шите и Акуту, и те, не давая воинам возможности отплыть, набросились на них с леденящими душу криками. И тут произошло что-то неопишваемое.

На одном конце судна громадная пантера рвала людей на куски, брызжа кровью, а на другой стороне Акут впивался могучими клыками в горла воинов и выбрасывал их одного за другим за борт.

Кавири был так поглощен отчаянной борьбой с «демонами», прыгнувшими к нему на лодку, что не мог оказать помощь воинам другой лодки. Гигантский «белый демон» выхватил из его руки копье с такой легкостью, как будто он, могучий Кавири, был ребенком. Волосатые чудовища убивали его воинов, а чернокожий великан, подобный самому Кавири, неистовствовал рядом с этой страшной звериной шайкой, как будто сам он был зверем.

Кавири храбро боролся со своим противником. Он знал, что смерть неизбежна, и хотел как можно дороже продать свою жизнь. Но он вскоре убедился, что вся его сила ничтожна в сравнении со сверхчеловеческими мышцами и проворством его противника. Этот последний, наконец, схватил его за горло и бросил на дно лодки.

Голова Кавири закружилась, все предметы завертелись у него перед глазами, он почувствовал сильную боль в груди, а затем потерял сознание.

Когда он открыл глаза, то увидел, что лежит на дне своей собственной лодки. Руки и ноги у него были связаны. Большая пантера сидела рядом и пристально на него смотрела.

Кавири содрогнулся и закрыл глаза, ожидая, что свирепый зверь вот-вот накинется на него и положит конец его существованию.

Но все было тихо. Спустя некоторое время, Кавири снова решился открыть глаза. Теперь он увидел, что рядом с пантерой сидит белый человек — тот самый, который победил его. Этот человек греб. Далее Кавири увидел кое-кого из своих воинов, которые тоже гребли, а позади них сидели, скорчившись, волосатые обезьяны.

Увидев, что чернокожий предводитель пришел в себя, Тарзан обратился к нему.

— Твои воины сказали мне, что ты предводитель многочисленного племени и что твое имя Кавири.

— Да, — ответил чернокожий.

— Почему ты напал на меня? Я ведь пришел с мирными намерениями.

— Другой белый человек тоже пришел «с мирными намерениями» три месяца тому назад, — ответил Кавири. — Мы принесли ему в подарок козу и молоко, а он стал в нас стрелять из ружей и убил многих из моего племени, а затем ушел, забрав всех наших коз, а также много молодых мужчин и женщин.

— Я не такой, как тот белый человек, — сказал Тарзан. — Я бы не сделал вам никакого зла, если бы ты не напал на меня. Скажи мне, что это был за человек? Я тоже ищу одного белого, который мне причинил много зла. Быть может, это тот же самый?

— У него было нехорошее лицо с большой черной бородой, и он был очень, очень злой. Да, очень злой!

— Не было ли с ним маленького белого мальчика? — спросил Тарзан, и сердце у него замерло в ожидании ответа.

— Нет, бвана^[5], — ответил Кавири, — белого мальчика с ним не было. Белый мальчик был с другими!

— С другими! — воскликнул Тарзан. — С какими другими?

— Их было трое: белый человек, женщина и ребенок, а кроме того шестеро черных носильщиков. Они прошли вверх по реке за три дня до злого белого человека. Они, должно быть, бежали от него.

Белый человек, женщина и ребенок!

Тарзан был прямо ошеломлен этим известием. Ребенок был, несомненно, его маленький Джек; но кто была женщина? Кто мужчина? Может быть, кто-либо из сообщников Рокова вошел в соглашение с какой-нибудь женщиной из компании Рокова и украл у него ребенка!

В таком случае они, вероятно, решили вернуть ребенка в Англию и требовать там награды или же держать его у себя до получения выкупа.

Теперь, когда Рокову удалось загнать их далеко внутрь страны, Тарзан сумеет, быть может, настичь их, если только они не попадут в плен и не будут убиты людоедами, живущими вверх по Угамби. Тарзан был убежден, что именно этим-то людоедам Роков и хотел отдать ребенка.

Во время разговора с Кавири все три судна продолжали свой путь вверх по реке по направлению к поселку. Воины Кавири гребли, бросая искоса взгляды, полные ужаса, на страшных спутников. Три обезьяны из племени Акута были убиты во время сражения, и, не считая Акута, осталось еще семь страшных зверей, а кроме того еще была пантера Шита и, наконец, Тарзан и Мугамби, которые казались дикарям страшнее зверей.

Воины Кавири во всю свою жизнь не видели такой страшной команды. Они все время боялись, что кто-либо из зверей набросится на них. Действительно, Тарзану с трудом удавалось успокаивать злобных животных и удерживать их от нападения на чужих чернокожих.

Добравшись до селения Кавири, Тарзан сделал небольшую остановку. Он хотел поесть и поговорить с предводителем, чтобы тот дал дюжину гребцов для его лодки.

Кавири охотно согласился на все требования обезьяны-человека, так как это ускорило отъезд страшной банды. Но предводителю скоро пришлось убедиться, что легче обещать гребцов, чем доставить их. Узнав о намерениях Тарзана, те чернокожие, которые еще не успели бежать в джунгли, поспешили убежать теперь. И когда Кавири хотел

указать, кто именно из людей назначен сопровождать Тарзана, то оказалось, что только он один, Кавири, и остался в селении...

Тарзан не мог скрыть улыбки.

— Они не очень жаждут сопровождать нас! — сказал он. — Но ты оставайся дома, Кавири: ты очень скоро увидишь, как твое племя опять явится к тебе.

Человек-обезьяна встал и, приказав Мугамби остаться с Кавири, скрылся в джунглях с Шитой и обезьянами.

С полчаса молчание громадного леса прерывалось только обычными звуками джунглей. Кавири и Мугамби сидели одни в селении, за высоким частоколом.

Вдруг издалека раздался зловещий звук. Мугамби узнал страшный боевой крик обезьяны-человека. И немедленно с разных концов раздались такие же крики. А время от времени в них вторгался и сопровождал их вой голодной пантеры...

VII

ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Оба дикаря, Кавири и Мугамби, лежали у входа в хижину. Когда в джунглях послышались неистовые крики, они посмотрели друг на друга, и Кавири с плохо скрываемым страхом спросил:

— Что это такое?

— Это бвана Тарзан и его команда, — ответил Мугамби, — но я не знаю, что они делают; может быть, они пожирают твоих беглецов!

Кавири содрогнулся и с тревогой посмотрел по направлению к джунглям. За всю свою жизнь в диких лесах ему ни разу не приходилось слышать такого ужасающего крика.

Ближе и ближе слышались эти вопли. К ним примешивались испуганные крики женщин и детей. Минут двадцать продолжался этот ужасающий хаос диких звуков, пока кричавшие не приблизились на расстояние брошенного камня. Кавири встал и хотел бежать, но Мугамби схватил его и не пускал — таково было приказание Тарзана.

Еще минуту спустя из джунглей выскочили насмерть перепуганные дикари и бросились спасаться в своих хижинах. Они бежали словно испуганные овцы, а позади них шли Тарзан, Шита и страшные обезьяны Акута и погоняли беглецов.

Тарзан встал перед Кавири со своей привычной спокойной улыбкой и сказал:

— Твой народ вернулся, и теперь ты можешь выбрать гребцов, которые должны меня сопровождать.

Дрожа и шатаясь, Кавири пошел созывать свой народ из хижин, но никто не отозвался на его зов.

— Скажи им, — приказал Тарзан, — что если они не выйдут, то я вышлю за ними свою команду.

Кавири исполнил приказание; спустя очень короткое время, все обитатели селения вышли на улицу. Они дрожали и вращали широко раскрытыми испуганными глазами.

Военачальник торопливо указал на двенадцать воинов. Их он избрал для сопровождения Тарзана. Несчастные почти побелели от ужаса при одной мысли, что им предстоит сидеть рядом со страшными обезьянами и пантерой в узкой пироге. Но Кавири заявил им, что

другого выхода все равно нет и что бвана Тарзан будет преследовать их со своей страшной командой при первой попытке бежать. Тогда они послушно и угрюмо направились к реке и заняли места в лодке.

С чувством большого облегчения Кавири следил, как лодка удалялась вверх по реке от его селения и, наконец, исчезла.

* * *

Прошло три дня. Странное общество плыло все дальше и дальше в глубь дикой страны, лежащей по обе стороны Угамби — этой почти не исследованной еще реки.

По дороге троим из двенадцати воинов удалось бежать, но так как некоторые из обезьян научились управлять веслами, то Тарзана не очень смущала эта потеря.

Они, конечно, продвинулись бы быстрее, идя пешком по берегу, но Тарзан думал, что на лодке ему будет легче держать свою дикую команду в повиновении. Два раза в день они высаживались на берег для охоты, а ночь проводили или на берегу, или на одном из многочисленных островков, которыми была усеяна река.

Всюду при их приближении туземцы бежали в паническом страхе, и Тарзан находил на своем пути лишь покинутые селенья.

Его это тревожило и приводило в смущение.

Ему крайне необходимо было навести справки у какого-нибудь дикаря, живущего на берегу реки, но благодаря исчезновению жителей до сих пор это ему не удавалось.

Видя, что ничего другого не остается, он решил высадиться и идти в одиночестве по берегу с тем, чтобы его команда следовала за ним в лодке. Он объяснил Мугамби свое намерение и приказал Акуту следовать указаниям чернокожего.

— Я присоединюсь к вам через несколько дней, — сказал он, — я должен идти вперед, чтобы найти того белого человека, о котором я рассказывал тебе.

На следующей же остановке Тарзан остался на берегу и вскоре скрылся из глаз своей команды.

Первые селения, встреченные им на пути, были также покинуты обитателями, так быстро распространилась весть о лодке со страшной командой. Но к вечеру он подошел к поселку, состоящему из многочисленных тростниковых хижин и обнесенному грубым

частоколом. Этот поселок не был покинут. Здесь было налицо около двухсот туземцев.

Расположившись в ветвях гигантского дерева, которое свешивалось над частоколом, Тарзан увидел женщин: они готовили ужин.

Обезьяна-человек терялся в догадках, каким образом войти в сношения с туземцами, не пугая их и не пробуждая в них дикой склонности сейчас же вступить с ним в бой. Теперь, когда ему каждый день был дорог, у Тарзана не было ни малейшей охоты вступить в борьбу с каждым племенем, встретившимся ему на пути.

Наконец, его осенила оригинальная мысль. Убедившись, что он был хорошо скрыт листвой от взглядов туземцев, он закричал так, как кричит разъяренная пантера. Ему был хорошо знаком этот крик. Намерение его было достигнуто: внимание всех жителей поселка обратилось к нему.

Уже становилось темно, и взгляд дикарей не мог проникнуть сквозь густую зелень, скрывавшую обезьяну-человека. Увидев, что он возбудил их внимание, Тарзан издал еще более пронзительный крик, а затем почти бесшумно спрыгнул на землю и быстро подбежал к воротам деревни.

Здесь он начал стучаться в ворота, крича на туземном языке, что он пришел как друг и просит пищи и ночлега.

Тарзан хорошо знал характер чернокожих. Крики пантеры напрягли их нервы до крайности, а неожиданный ночной стук в ворота еще более усилил их страх.

Его несколько не удивило, что они не сразу отозвались на его зов: туземцы боятся всяких звуков, исходящих из темноты, приписывая их злым демонам.

— Впустите меня, друзья мои! — продолжал он. — Я преследую того злого белого человека, который проходил здесь несколько дней тому назад. Я хочу наказать его за все зло, которое он сделал мне, а может быть, и вам. Если хотите, я вам докажу свою дружбу тем, что прогоню с дерева пантеру, раньше чем она успеет напасть на вас. Если же вы не обещаете впустить меня к вам и обращаться со мной, как с другом, я оставлю пантеру на дереве, и пусть она сожрет вас.

Минуту длилось молчание. Затем послышался голос старого человека.

— Если ты действительно белый человек и друг нам, мы тебя впустим, но сначала прогони пантеру!

— Хорошо, — ответил Тарзан, — слушайте: через несколько минут ее здесь уже не будет!

Человек-обезьяна быстро вернулся к дереву и на этот раз с большим шумом влез на дерево. Он зловеще рычал, прекрасно подражая пантере, и туземцы были уверены, что зверь все еще находится там.

Добравшись до ветвей, нависших над частоколом деревни, Тарзан разыграл там целое представление: он кричал на пантеру, пантера отвечала ему злобным ворчаньем и ревом. Он сильно тряс дерево, как бы пугая зверя. Потом подражал испуганному бегству пантеры и торжествующе кричал, словно празднуя победу.

Когда воображаемая пантера убежала, Тарзан снова спрыгнул с дерева и побежал в сторону джунглей, громко стуча о стволы и подражая удаляющемуся рычанию пантеры.

Несколько минут спустя, задыхаясь, он вернулся к воротам деревни и сказал:

— Я прогнал пантеру, теперь впустите меня!

Внутри слышались возбужденные голоса спорящих между собой туземцев, но, наконец, подошло несколько воинов. Приоткрыв ворота, они с трепетом заглянули в темноту. Вид белого, почти обнаженного человека не особенно успокоил их, но Тарзан уверил их спокойным голосом в своей дружбе, и они, наконец, впустили его.

Как только ворота были вновь закрыты, к туземцам вернулась их самонадеянность, и толпа любопытных проводила Тарзана к хижине предводителя.

Переговорив с последним, Тарзан убедился, что Роков действительно проходил здесь неделю назад. Предводитель сообщил ему также, что на лбу у чернобородого белого были большие рога, и что его сопровождала тысяча чертей. Дикарь прибавил еще, что злой белый человек оставался целый месяц в его деревне.

Тарзана несколько не удивило полное несоответствие этого рассказа с утверждениями Кавири, который говорил, что Роков проходил через его поселок только три дня тому назад и что отряд его был гораздо меньше. Он привык уже к странной особенности дикарей

уснащать действительные факты всякими небылицами и путать числа и количества.

Ему было важно лишь проверить, находится ли он на верной дороге. Убедившись в том, что он действительно идет по следам Рокова, он теперь был уже уверен, что последнему не избежать встречи с ним. Путем перекрестных вопросов, Тарзан узнал, что несколькими днями раньше Рокова здесь проходила другая партия: в ней было трое белых — мужчина, женщина с ребенком и несколько туземцев.

Тарзан объяснил предводителю, что его отряд следует за ним в лодке и прибудет, вероятно, на следующий день. Он просил принять отряд ласково и без опасений и уверил своего собеседника, что сам будет следить, чтобы его команда не причинила никакого зла здешним людям, если только прибывшим будет оказан ласковый прием.

— А теперь, — сказал Тарзан, — я улягусь под дерево спать. Я очень устал. Скажи, чтобы мне не мешали.

Предводитель предложил ему переночевать в хижине, но Тарзан, зная, какой тяжелый воздух в жилищах туземцев, предпочел улечься под открытым небом. К тому же у него возник некий план; этот план легче было привести в исполнение, если оставаться вне хижины. Предводителю же он объяснил, что хочет быть наготове в случае возвращения пантеры, и предводитель с удовольствием разрешил ему спать под деревом.

Тарзан всегда находил самым выгодным для себя производить на туземцев впечатление существа, обладающего чудесной сверхъестественной силой. Он считал, что внезапное и необъяснимое исчезновение всегда производит самое сильное впечатление на их наивный ум. Поэтому, как только деревня погрузилась в сон, он тихо встал, вскочил на дерево и бесшумно исчез в таинственном мраке джунглей.

Весь остаток ночи человек-обезьяна быстро двигался вперед в глубь страны. Его путь пролегал по верхней и средней террасе леса. Он предпочитал верхние ветви гигантских деревьев, так как там его путь был освещен луной.

На рассвете он остановился, чтобы отдохнуть и с новыми силами продолжать свои поиски. Дважды он встретил враждебно настроенных туземцев.

С большим трудом ему удалось склонить их к мирной беседе, и от них он узнал, что действительно идет по следам Рокова — «чернобородого белого».

* * *

Два дня спустя, все еще пробираясь вверх по Угамби, он подошел к большой деревне. Предводитель местного племени, свирепого вида человек с остро подпиленными зубами, что часто встречается у людоедов, принял его с показной любезностью.

Обезьяна-человек чувствовал большую усталость и решил остаться здесь на некоторое время на отдых, чтобы быть свежим и сильным при встрече с Роковым. Эта встреча должна была, по его расчетам, произойти не сегодня — завтра.

Предводитель подтвердил, что бородатый белый человек покинул деревню сегодня утром и что бвана Тарзан, без сомнения, настигнет его через самое короткое время. Другой же партии белых предводитель не видел и ничего не слышал о ней. Так по крайней мере он говорил.

Тарзан не чувствовал особого доверия к этому острозубому человеку, но он так нуждался в отдыхе, что решил все-таки остаться. Не испытывая ни малейшего страха, он доверчиво расположился в тени хижины и спокойно заснул.

Как только предводитель удостоверился в том, что Тарзан спит, он позвал двух своих воинов, показал пальцем на спящего белого человека и шепотом передал им какое-то приказание. Минуту спустя стройные черные силуэты уже бежали по береговой тропинке вверх по реке.

Затем предводитель позвал, кого следует, и дал приказ соблюдать полную тишину в поселке: он запретил песни, громкие разговоры и никому не позволял приближаться к спящему. Он проявлял особую заботу о своем госте.

Три часа спустя, на Угамби появилось несколько лодок. Они быстро двигались вниз по течению, управляемые ловкими и сильными чернокожими. На берегу стоял предводитель: когда лодки подъехали, он поднял свое копье горизонтально над головой. Это был знак, что белый незнакомец все еще спит спокойно в поселке.

В лодках находились его гонцы. Предводитель послал их перед этим к отряду белых людей, находившемуся в этот день вблизи

поселка. Гонцы возвращались теперь именно с этими белыми людьми. Они увидели знак предводителя и объяснили своим белым спутникам его значение. Лодки были вытащены на берег, и туземцы и белые выпрыгнули из них. Белых людей было около шести. Это были угрюмые люди с отталкивающими лицами. Особенно отвратителен был среди них чернобородый мужчина, который ими командовал.

— Где белый человек, о котором говорили твои гонцы? — спросил он у предводителя.

— Здесь, бвана, — ответил дикарь. — Я поддерживал тишину в деревне, чтобы он не проснулся до твоего прихода. Я не знаю, для чего он ищет тебя. Но он подробно расспрашивал меня о тебе. Кроме того, он очень похож по твоему описанию на того человека, которого ты посадил на пустой остров. Если бы ты мне ничего о нем не говорил, я не узнал бы его, и тогда он пошел бы вслед за тобой и, может быть, убил бы тебя. Если даже он тебе и не враг, то все-таки, мне кажется, хорошо сделал, что послал за тобой, бвана. А если окажется, что он и вправду твой враг, то я хочу получить от тебя в услугу ружье и снаряды.

— Ты, во всяком случае, хорошо сделал, что позвал меня, — ответил белый человек. — Все равно, друг он мне или враг, ты получишь за это ружье и снаряды, если обещаешь и дальше держать мою сторону.

— Да, я буду стоять за тебя! — сказал предводитель. — А теперь пойдем смотреть на чужого человека.

С этими словами он повернулся и пошел к хижине, у которой мирно спал ничего не подозревавший Тарзан.

За двумя вождями шли молча и остальные белые и два десятка черных. Когда они подошли к хижине, на губах у белого появилась противная улыбка при виде спящего Тарзана.

Предводитель дикарей посмотрел вопросительно на своего спутника. Последний кивнул головой в знак того, что предводитель не ошибся в своих подозрениях. Затем, повернувшись к воинам, он указал на спящего человека и знаками приказал схватить и связать его.

Немедленно двенадцать воинов накинулись на спящего Тарзана и крепко связали его. Все это произошло в один миг — раньше, чем Тарзан мог сделать малейшую попытку к своему спасению. Бросив

взгляд на окружающую его толпу, он сразу увидел злобное лицо Рокова.

Ехидная улыбка искривила лицо Рокова. Он подошел близко к Тарзану и сказал:

— Ну и дурак! Опять попался мне в руки!

Он ударил лежащего человека по лицу ногой и сказал:

— Вот тебе мое приветствие. Сегодня вечером, перед тем, как мои черномазые друзья скушают тебя, я, так и быть, расскажу тебе, что случилось с твоею супругой и твоим милым наследником и что их ожидает впереди.

VIII

ПЛЯСКА СМЕРТИ

Сквозь пышную растительность джунглей в глубоком мраке ночи пробирался большой гибкий зверь, бесшумно ступая своими бархатными лапами.

Иногда две горящие при свете экваториальной луны желто-зеленые точки пронизывали густую листву, чуть-чуть шелестевшую от ночного ветра.

По временам зверь останавливался, приподнимал голову и обнюхивал воздух. Иногда быстрый, короткий скачок на верхние ветки на несколько минут замедлял его путь к востоку. Его чувствительные ноздри различали легкий запах многочисленных четвероногих; запах этот вызывал слюну голода у свирепого зверя.

Но он упорно продолжал свой одинокий путь, не обращая внимания на сильные позывы голода, которые в другое время заставили бы его мгновенно впиться клыками в чье-нибудь горло.

Всю ночь бежал зверь, сделав лишь утром небольшую остановку, чтобы утолить голод. Он разорвал на куски случайную добычу и сожрал ее с угрюмым ворчанием...

Уже наступили сумерки, когда дикое животное подошло к частоколу, окружающему большую туземную деревню. Быстро и молчаливо зверь обошел вокруг деревни, бросая зловещую тень на деревянный частокол. Он усиленно втягивал в ноздри воздух и, насторожив уши, прислушивался к малейшему шороху.

Человеческий слух не расслышал бы никакого звука, но тончайшие звериные органы слуха и обоняния восприняли нечто такое, что заставило его остановиться. Вся фигура его внезапно преобразилась.

Как на стальных пружинах зверь быстро и бесшумно вспрыгнул на частокол, словно громадная кошка, и исчез в темном пространстве между оградой и стеной хижины.

* * *

В деревне на главной улице женщины разводили костры и наполняли котлы водой. Они кипятили воду для большого пиршества, которое должно было произойти ближайшей ночью. Около большого

столба, что возвышался среди костров, стояли группой и беседовали чернокожие воины. Их тела были размалеваны широкими полосами белого, синего и желтого цвета: глаза, губы, груди и живот были обведены цветными кругами. На волосах, обмазанных глиной, торчали яркие перья и куски проволоки.

Деревня готовилась к празднеству; а в это время в одной из хижин лежала связанная жертва. Она была предназначена для предстоящей оргии, и ее ожидала смерть. И какая смерть!

Тарзан-обезьяна напрягал свои могучие мускулы, стараясь разорвать опутывавшие его веревки, но они были так крепко стянуты, что даже гигантские мышцы обезьяны-человека не могли с ними справиться.

Смерть!

Тарзану часто приходилось в своей жизни смотреть в глаза ужасной маске смерти, и всегда он улыбался при этом. Он бы и в данном случае отнесся спокойно к предстоящей гибели, если бы не был озабочен судьбой близких ему существ: ведь им предстояло так много испытаний в случае его смерти...

Джэн никогда не узнает, какой смертью он умер; за это он благодарил небо. Его утешала мысль, что она в безопасности у себя дома, среди любящих друзей; они помогут ей перенести горе.

Но мальчик! Бедный мальчик! Что будет с ним?

Тарзан весь сжимался от душевных мук при этой мысли. Он — могучий властелин джунглей, единственный, кто мог бы спасти ребенка от ужасов, которые готовил ему проклятый Роков, лежит связанный, как беспомощное, попавшее в силки животное!

Роков в течение этого дня несколько раз заходил к нему и осыпал его ругательствами и побоями; но ни одно слово, ни один стон жалобы и муки не вырвались из уст гордого пленника.

Наконец, Роков оставил его в покое. Он решил приберечь к концу самую сильную душевную пытку, придуманную для своего врага: перед тем, как копыта людоедов нанесут последний удар Тарзану, он откроет ему страшную тайну о его жене...

Сумерки окутали деревню. До слуха обезьяны-человека достигал шум приготовлений к его предстоящей пытке. Он ясно представлял себе картину этой «пляски смерти»; ему приходилось неоднократно присутствовать на подобных празднествах в бытность свою в Африке.

И вот теперь ему самому предстояло быть главным лицом в этой ужасающей забаве, центральной фигурой, привязанной к столбу!

Его не ужасала сама по себе пытка медленной смертью, когда пляшущие в хороводе воины отрезают куски мяса от живого тела жертвы. Он привык переносить всякие физические боли и страдания. Но в нем жила неукротимая любовь к жизни, и до последнего мгновения теплилась надежда на избавление от смерти. Ослабь они свою бдительность хотя бы на одну минуту, его быстрый ум и стальные мускулы, наверное, нашли бы путь к спасению и мести.

* * *

Лежа на земле в тяжком раздумье, он внезапно почувствовал знакомый запах.

Он насторожился, и до его напряженного слуха донесся легкий, почти неслышный шум. Он сразу догадался, от кого исходил этот шум...

Тарзан зашевелил губами, издавая слабые, человеческим слухом даже невоспринимаемые звуки... Но он знал что тот, кто находился в недалеком от него расстоянии, все-таки услышит его.

И, действительно, минуту спустя за стеной послышался легкий шорох бархатных лап: зверь перелезал через забор. А затем обнюхивающая морда стала отыскивать удобное место, через которое можно было бы пролезть внутрь хижины.

Это была Шита, его верный друг. Она подошла к Тарзану, терлась об него и тыкала своим холодным носом в лицо и шею.

Она внимательно обнюхала и его самого, и веревки, которыми он был связан. Она как будто старалась понять, что ожидает ее господина.

Ее появление обрадовало Тарзана. Это было доброе предзнаменование. Но сможет ли пантера помочь ему? Как внушить ей, чтобы она помогла ему? Тарзан в упор глядел на нее и властно твердил зверю: «Перегрызи веревки! Перегрызи веревки!»... Но Шита его не понимала и только покорно и ласково лизала ему руки.

Послышались приближающиеся шаги. Шита глухо зарычала и забилась в темный угол. В хижину вошел высокий обнаженный дикарь и, подойдя к Тарзану, кольнул его копьем. Тарзан испустил неистовый крик, и как бы по сигналу в ту же секунду из темного угла на дикаря

накинулась пантера и вонзила в него свои стальные когти и страшные клыки...

Дикий крик ужаса смешался с алчным визгом пантеры, а затем наступила жуткая зловещая тишина, прерываемая лишь хрустом костей и звуком раздираемого мяса.

Крики Тарзана и дикаря были услышаны в деревне и вызвали всеобщее смятение. Послышались испуганные голоса и шаги: к хижине приближалась толпа.

Услышав шум, пантера бросила свою окровавленную и растерзанную добычу и бесшумно ускользнула в отверстие, откуда она пришла.

Туземцы подошли ко входу в хижину. Двое из них, вооруженные копьями, с зажженными связками прутьев в руках, испуганно заглядывали внутрь. Они боязливо жались к задним рядам, а те, что стояли сзади, подталкивали их вперед.

Визг пантеры и вопли ее жертвы смутили и обескуражили празднично настроенную толпу. Люди робко молчали — и жуткая тишина погруженной во мрак хижины казалась еще более зловещей.

Никто не знал, какая опасность таится в безмолвной глубине хижины. Быстрым движением руки один из воинов бросил горящий факел в открытую дверь. На несколько секунд пламя осветило внутренность хижины и погасло.

И те, кто стоял впереди, на мгновение увидели лежащего на земле крепко связанного белого человека. Поодаль от него посреди хижины лежала другая неподвижная фигура с перегрызанным горлом и разодранной грудью.

Это зрелище навело на суеверных дикарей гораздо больший ужас, чем если бы они увидели самую пантеру. Они поняли, что кто-то напал на их товарища. Но кто именно, этого они не могли постичь, и их испуганная мысль готова была приписать это страшное дело сверхъестественной силе.

Они в ужасе бросились бежать, толкая и опрокидывая друг друга.

В течение целого часа Тарзан слышал отдаленные голоса, доносившиеся откуда-то с противоположного конца деревни. Очевидно, дикари совещались и возбуждали в себе смелость для вторичного обследования хижины. Это новое обследование не заставило себя ждать.

Опять за дверями хижины послышались шаги и шум толпы. Первыми вошли двое белых с горящими факелами и ружьями в руках. Рокова среди них не было. Тарзан нисколько не был этим удивлен. Он был готов держать пари, что никакая земная сила не заставит его, подлого труса, пойти на разведку, угрожающую опасностью.

Увидев, что на вошедших в хижину белых людей никто не нападает, толпа туземцев приободрилась. Несколько человек в свои черед вошли в хижину и невольно застыли от ужаса при виде искалеченного тела их товарища. Они молча, с тупым страхом созерцали страшную окровавленную фигуру воина и связанного белого человека. А двое белых людей допрашивали Тарзана о том, что здесь случилось. Но все их старания выведать что-либо остались бесплодными. Тарзан не отвечал им ни слова.

Наконец, раздвинув толпу, вошел и Роков.

Взгляд его упал на окровавленный труп чернокожего, и он побледнел как полотно.

— Пойдем! — сказал он предводителю. — Пойдем, покончим с этим дьяволом! Иначе он погубит у тебя еще и других людей...

Предводитель приказал поднять Тарзана и отнести его к столбу.

Однако, несмотря на суровый тон приказания, чернокожие долго не решались исполнить его и робко мялись на месте: так пугал их связанный таинственный пленник. Наконец, четыре молодых воина набрались храбрости, грубо схватили Тарзана и с большой опаской вытащили его из хижины.

Выйдя наружу из пугавшего их жилища, туземцы, казалось, освободились от одурманивавшего их ужаса. Десятка два чернокожих с диким воем окружили узника, подталкивали и били его.

Затем они поставили его на ноги и крепко привязали к столбу, что стоял среди разложенных на лужайке костров с кипящими котлами.

Роков видел это — и к нему вернулось самообладание и обычная наглость. Крепко привязанный к смертному столбу, беспомощный, лишенный всякой надежды на спасение Тарзан, конечно, теперь уже не был опасен.

Он приблизился к человеку-обезьяне и, выхватив копьё из рук ближайшего дикаря, нанес первый удар беззащитной жертве. Струйка багряной крови потекла из раны по белой коже гиганта, но ни один

звук страдания не вырвался из его уст. Роков взглянул в лицо своей жертвы и невольно содрогнулся: Тарзан улыбался!

Эта презрительная улыбка привела Рокова в совершенное бешенство. С залпом проклятий бросился он на беззащитного пленника и стал наносить ему кулаками удар за ударом в лицо, но и этого ему показалось мало, и он начал пинать Тарзана ногами в живот и грудь, лягаясь, словно взбесившаяся лошадь.

Задыхаясь от ярости, он поднял тяжелое копье и прицелился в могучее сердце Тарзана, но к нему подскочил предводитель и оттащил его от жертвы.

— Стой, белый человек! — закричал он. — Если ты лишишь нас этого пленника и нашей «пляски смерти», то ты сам попадешь на его место!

Эта угроза подействовала на Рокова, и он воздержался от дальнейших посягательств на пленника. Он встал в стороне и принялся осыпать своего врага ругательствами и насмешками. Он говорил Тарзану, что на предстоящем пиру съест его сердце. Он подробно со зловещими ужимками рисовал картину той жизни, которая ожидала сына Тарзана, и намекнул, что месть коснется и жены его, Джэн Клейтон.

— Вы думаете, что она живет у себя в Англии? — насмешливо спросил он. — Как вы глупы! Она находится теперь в руках у одной темной личности за тридевять земель от Лондона! Я не хотел говорить вам об этом раньше; но теперь, когда вас ждет смерть, — и какая смерть! — пусть известие о страданиях жены дополнит ваши последние мучения, пока последний удар копья не освободит вас навсегда и от них, и от самой жизни!

«Пляска смерти» между тем уже началась. Чернокожие людоеды закружились с диким воем в хороводе вокруг костров, и их вопли помешали Рокову продолжать нравственную пытку.

Пляшущие дикари, мерцающие огни костров, отблеск багрового пламени на раскрашенных телах — все закружилось в вихре вокруг несчастной жертвы у столба, и у Тарзана потемнело в глазах.

В его памяти воскресла такая же сцена, когда он спас д'Арно из подобного же ужасного положения в самый последний момент перед смертельным ударом. Кто может теперь освободить его? На всем свете нет никого, кто бы мог спасти его от мучений и смерти!

Но мысль, что он будет съеден этими дьяволами, не вызывала в нем чувства ужаса или отвращения. Всю свою жизнь он видел зверей джунглей, пожирающих мясо своей добычи, а потому и думы о предстоящем отвратительном надругательстве над его телом не увеличивали его страданий, как это случилось бы с обыкновенными белыми людьми.

Разве он сам не дрался из-за куска мяса какой-то отвратительной обезьяны в те давно минувшие дни, когда он победил злобного Тублата и приобрел уважение всех обезьян племени Керчака?

Танцующие приближались прыжками к Тарзану. Копья уже касались его тела, уже наносили первые мучительные уколы, предшествующие более серьезным поражениям. Пляшущие разгорячились, кровь возбудила их... Приближался конец «пляски смерти» и вместе с тем конец Тарзана.

И человек-обезьяна ждал и жаждал последнего удара, который прекратил бы его мучения...

Вдруг из таинственной тишины джунглей донесся пронзительный крик, так хорошо ему знакомый...

На минуту дикари остановились, и в наступившем молчании с губ крепко привязанного белого человека сорвался ответный крик, еще более зловещий и ужасный.

Прошло несколько минут. Чернокожие колебались, но, побуждаемые Роковым и предводителем, они вновь завывали и закричали, торопясь закончить пляску и заколоть жертву.

Но копья еще не успели коснуться Тарзана, как из хижины, в которой Тарзан был перед тем заключен, молниеносным прыжком выскочила темно-бурая пантера с зелеными горящими глазами. Еще мгновение — и Шита, верный друг Тарзана, стояла около своего господина и грозно, с неутомимой свирепостью рычала на всех окружающих.

И чернокожие, и белокожие окаменели на месте, объятые ужасом. Глаза всех были устремлены на дикого зверя; его белые клыки сверкали в блеске костров и гипнотизировали всех окружающих.

И только один Тарзан-обезьяна видел, как из темной внутренности хижины появились еще какие-то фигуры.

IX

БЛАГОРОДСТВО ИЛИ ПОДЛОСТЬ

Джэн Клейтон видела из своей маленькой каюты на «Кинкэде», как ее мужа отвезли на зеленый берег острова Джунглей. А затем пароход поплыл далее.

Несколько дней никто не входил в ее каюту, кроме Свэна Андерсена, угрюмого и несловоохотливого повара. Она спросила его, как называется местность, где высадили ее мужа?

Швед, как всегда, ответил идиотской фразой:

— Я тумаю, ветер скоро туть сильно! Ничего больше она не могла от него добиться. Джэн решила, что это единственная английская фраза, которую знает повар, а потому больше его не расспрашивала.

Это не мешало ей, однако, всегда любезно встречать его и ласково благодарить за отвратительное кушанье, которое он ежедневно приносил ей в определенный час.

Дня через три после того, как Тарзан был высажен на необитаемый остров, «Кинкэд» бросил якорь в устье какой-то большой реки. Вскоре после этого в каюту Джэн вошел Роков.

— Ну-с, моя дорогая, мы приехали! — сказал он, бросая на нее гадкий взгляд. — Вам сейчас будет предоставлена свобода, и вы будете находиться в полной безопасности! Мне стало жаль вас, и я постараюсь улучшить ваше положение, как только могу. Ваш муж — грубое животное, вам это лучше знать, чем кому-либо другому, потому что вы сами нашли его голым в джунглях, таскающимся со своими товарищами-зверями! А я джентльмен не только по рождению, но и по воспитанию. Я предлагаю вам, дорогая Джэн, любовь настоящего культурного человека. В ваших отношениях к несчастной обезьяне, за которую вы вышли замуж только из какой-то прихоти, вам не хватало общения с утонченным культурным человек. Я люблю вас, Джэн! Достаточно сказать вам одно слово, и ни одна печаль не коснется вас. Даже ребенок вам будет возвращен немедленно.

У дверей каюты, снаружи, остановился Свэн Андерсен с обедом для леди Грейсток. Его голова на длинной жилистой шее была наклонена набок, близко сидящие друг к другу глаза были полузакрыты; его уши, казалось, приподнялись от напряженного

внимания, а длинные рыжие усы повисли — он весь превратился в слух.

Выражение удивления на лице Джэн Клейтон сменилось гримасой отвращения. Она невольно вздрогнула.

— Я не удивилась бы, мистер Роков, — ответила она, — если бы вы даже силой постарались принудить меня подчиниться вашим желаниям, но я никогда не могла себе представить, что вы можете подумать, что я, жена лорда Грейстока, добровольно соглашусь на ваше предложение даже ради спасения своей жизни. Я вас всегда считала подлецом, мистер Роков, но до настоящего времени я не знала, что кроме этого вы — идиот!

Краска гнева залила бледное лицо Рокова, и он угрожающе приблизился к ней.

— Мы увидим, кто из нас идиот! — прошептал он. — Вот когда я подчиню вас своей воле и когда ваше американское упрямство будет вам стоить всего, что вам дорого, даже жизни вашего ребенка, тогда вы заговорите иначе! Клянусь мощами св. Петра, я вырежу сердце мальчишки перед вашими глазами, и тогда вы узнаете, что значит оскорблять Николая Рокова!

Джэн Клейтон гадливо отвернулась от него.

— Не распространяйтесь! — сказала она. — Зачем мне знать, до каких низостей может дойти ваша мстительная натура! Все равно вы не можете подействовать на меня ни угрозами, ни низкими поступками! Мой сын не может еще ничего решать сам, но я, его мать, могу с уверенностью сказать, что если бы ему было суждено дожить до зрелого возраста, он добровольно пожертвовал бы своей жизнью за честь матери. Поэтому, как сильно я ни люблю его, я не могу купить его жизнь такой ценой.

Роков был взбешен. Он никак не ожидал, что эта женщина устоит перед такими угрозами. Что же еще могло заставить ее покориться его воле?

Правду говоря, он ее ненавидел, ни о какой «любви» и речи быть не могло! Но в его планы входило показаться в Лондоне и других столицах Европы с женой лорда Грейстока как своей любовницей. Тогда чаша мщения была бы полна.

С минуту он колебался. Но потом оглянулся и вдруг решился...

Его злобное лицо передергивалось от бешенства. Как дикий зверь прыгнул он на нее и, сжимая ей горло своими пальцами, повалил ее на койку.

В эту минуту дверь каюты с шумом отворилась. Роков вскочил и обернувшись, увидел повара. Маленькие глазки шведа выражали полнейшее бессмыслие, и он, как ни в чем не бывало, стал сервировать обед для леди Грейсток на маленьком столике каюты.

Роков с яростью накинулся на него.

— Это что такое?! — закричал он. — Как ты смел войти без предупреждения? Убирайся вон!

Повар обратил на Рокова свои водянистые глаза, бессмысленно улыбнулся и сказал:

— Я тумая ветер скоро туть сильно. И он опять начал флегматично переставлять блюда и тарелки.

— Убирайся прочь, говорят тебе, или я выброшу тебя отсюда, болван! — закричал Роков, угрожающе придвигаясь к шведу.

Андерсен продолжал на него глядеть с ничего не выражающей идиотской улыбкой, но вдруг как бы невзначай схватился за рукоятку длинного острого ножа, висевшего сбоку. Роков внезапно остановился и замолчал.

Затем он повернулся к Джэн Клейтон и сказал:

— Я даю вам время до завтрашнего дня обдумать ваш ответ на мое предложение. Если вы будете продолжать упрямяться, то завтра днем вся пароходная команда будет отправлена на берег. На пароходе останутся только я, Павлов, ваш сын и вы... И тогда вы можете стать свидетельницей смерти вашего сына.

Он сказал это по-французски, чтобы повар не мог понять его, и быстро вышел из каюты.

Едва он скрылся, Свэн Андерсен повернулся к леди Грейсток и, хитро улыбаясь, сказал:

— Он тумать я турак! Он сама турак! Я понимать французски.

Джэн Клейтон посмотрела на него с удивлением. Обычное бессмысленное выражение исчезло с его лица — он весь преобразился.

— Значит, вы поняли, что он сказал?

Андерсен осклабился:

— Та, я поняла!

— И вам известно все, что здесь происходило? Вы пришли меня защитить?

— Вы были хороший ко мне, — пояснил швед, — а он обращался со мной, как с собак. Я хочу помогать вам, леди. Я был западный берег много раз.

— Но как вы можете мне помочь, Свэн, — спросила она, — когда все эти люди против меня?

Свэн Андерсен опять принял прежний вид.

— Я тумую, ветер скоро туть сильно!

С этими словами он повернулся и вышел из каюты.

Джэн Клейтон сомневалась в способности повара оказать ей помощь; тем не менее она была ему глубоко благодарна за то одно, что он уже сделал для нее. Сознание, что среди всех этих негодяев она имела одного несомненного доброжелателя, было для нее первым лучом надежды на избавление.

Весь этот день никто не являлся к ней, и только вечером Свэн принес ей ужин. Она пыталась втянуть его в разговор, хотела узнать что-нибудь о его планах, но он ограничился опять своим стереотипным бессмысленным пророчеством о погоде...

Казалось, им овладела его обычная тупая бестолковость.

Однако, немного погодя, когда он уходил из каюты с пустыми блюдами, он еле слышно шепнул ей:

— Не раздевайтесь и сверните ваша одеяло. Я за вами скоро приду!

Он хотел выскользнуть из каюты, но Джэн удержала его за рукав.

— Мой ребенок? — спросила она. — Где он? Я не могу уйти без него.

— Вы телайте, что я сказать! — возразил Андерсен, нахмутив брови. — Я вам хочу помогайт; не надо делайт глупо!

Он ушел. Джэн Клейтон опустилась на койку в полном отчаянии. Что ей делать? В уме у нее возникли смутные подозрения относительно намерений шведа. Не будет ли еще хуже, если она последует за ним?

Она с силой сжала руки.

Нет, даже в обществе самого дьявола не могло быть хуже, чем с Николаем Роковым! Ведь даже сам черт, по крайней мере, в английском представлении, имеет репутацию джентльмена.

Она осталась одетой, как ей советовал швед. Одеяло ее было свернуто и перевязано крепким ремнем.

Около полуночи послышался легкий стук в ее дверь.

Быстро вскочив, она открыла задвижку. Дверь бесшумно распахнулась; на пороге показалась закутанная фигура шведа. В одной руке у него был сверток, похожий на одеяло. Он подошел к ней и прошептал:

— Несить это, но не телайт шум — это ваша ребенка! Быстрые руки выхватили сверток у повара, и мать крепко прижала спящего ребенка к своей груди. Горячие слезы радости текли по ее щекам. Все ее существо содрогалось от невыразимого волнения.

— Идем! — сказал Андерсен. — Мало времени! Он взял ее сверток с одеялом и, захватив в коридоре у двери свой узел, осторожно повел Джэн к борту парохода. Здесь он взял ребенка к себе на руки и помог ей спуститься по веревочной лестнице в стоявшую внизу шлюпку. А затем быстро и бесшумно перерезал веревку, которой шлюпка была привязана и, нагнувшись над веслами, беззвучно поплыл к берегам Угамби.

Андерсен греб сильно и уверенно. Лодка быстро скользила по воде.

Из-за туч показалась луна, и путники увидели устье притока, впадающего в Угамби. К этой узкой речке швед и направил шлюпку.

Джэн Клейтон мучил вопрос: куда он ее везет? Знакомо ли ему это место? Она не знала, что по своим обязанностям повара, швед уже был сегодня на этой речке, в маленькой деревушке; он покупал там у туземцев провизию и, воспользовавшись случаем, столкнулся с ними насчет бегства Джэн.

Несмотря на то, что луна ярко светила, поверхность реки казалась совершенно темной. Гигантские деревья местами сплетались над серединой реки, образуя как бы густой и темный свод. Огромные ползучие растения вились причудливыми сплетениями вокруг толстых стволов до самого верха деревьев и ниспадали оттуда длинными прядями до самой поверхности реки.

Река была спокойна, и тишина нарушалась лишь плеском весел да возней купающихся гиппопотамов: фыркающая и пыхтя, неповоротливые животные ныряли с песчаной отмели в прохладную и темную глубину реки и плескались, словно купающиеся люди.

Из густых джунглей с обоих берегов реки доносились жуткие ночные крики хищников: можно было различить бешеный вой гиены, рев пантеры и глухое рычание льва. Кроме них слышались странные, непередаваемые звуки, которые Джэн не могла приписать какому-либо определенному ночному хищнику и которые, благодаря своей таинственности, казались ей сверхъестественными и необычайно жуткими.

Она сидела на самой корме лодки, крепко прижав к груди своего ребенка. Близость и теплота маленького, нежного, беспомощного тельца пробуждали в ее сердце такую радость, какой она давно уже не чувствовала во все эти печальные дни.

Она не знала, какая судьба ее ожидает. Новое, еще неизвестное, тяжелое несчастье могло разразиться над ней, но сейчас она была счастлива и благодарила небо за этот, может быть, короткий миг, когда она могла вновь обнять своего ребенка. Она с лихорадочным нетерпением ожидала рассвета, чтобы увидеть милое личико своего маленького черноглазого Джека.

Она напрягала свое зрение, стараясь разглядеть любимые ею черты, но все ее усилия были напрасны.

Было около трех часов утра... Лодка внезапно зашелестела днищем по песку. Показался еле различаемый берег, и Андерсен причалил к отмели.

Наверху при бледном лунном свете нелепо обрисовывались очертания туземных хижин, окруженных колючей изгородью — бома. Андерсен громко позвал кого-то. Потом еще раз крикнул. Но лишь через некоторое время из деревни послышался ответный человеческий крик. Появление Андерсена отнюдь не было здесь неожиданностью. Его ждали. Но негры страшно боятся всяких звуков в ночной темноте.

Швед помог Джэн Клейтон с ребенком выйти на берег, привязал лодку к небольшому кусту и, захватив одеяла, повел ее к изгороди.

У ворот деревни они были встречены туземной женщиной. Это была жена предводителя, с которым Андерсен стоваривался днем. Она повела их к своей хижине, но Андерсен заявил, что они намерены устроиться на ночлег прямо под открытым небом.

Швед объяснил Джэн, что хижины туземцев не отличаются чистотой и кишат разными насекомыми, а поэтому он и предпочел спать на земле.

С непривычки и от пережитого волнения Джэн долго не могла заснуть на твердой земле: но сильное утомление взяло верх — и, обняв ребенка, она, наконец, крепко заснула.

Когда она проснулась, уже светало. Около нее столпилась куча любопытных туземцев — большею частью мужчин. У негритянских племен сильный пол наделен любопытством в гораздо большей степени, чем женщины.

Джэн Клейтон инстинктивно прижала крепче к себе ребенка, но вскоре она убедилась, что чернокожие ничуть не намереваются сделать зла ни ей, ни ребенку.

Один из них предложил ей даже молока в каком-то грязном, закопченном сосуде. Доброе намерение глубоко тронуло ее, и она приветливо улыбнулась туземцу. Она взяла кувшин и, чтобы не обидеть чернокожего, поднесла молоко к губам, с трудом удерживая тошноту от противного запаха.

Заметив это, Андерсен вывел ее из неловкого положения: он взял от нее кувшин, хладнокровно выпил молоко и, вернув кувшин туземцу, подарил ему за это несколько голубых бус, что привело дикаря в совершенное восхищение.

Солнце ярко светило. Ребенок все еще спал, прикрытый от солнца одеялом, и Джэн с нетерпением ждала возможности взглянуть на любимое личико своего сына. Поодаль от нее Андерсен разговаривал с туземным предводителем. Последний что-то крикнул чернокожим, и те отошли от Джэн.

Она невольно была поражена тем, что повар разговаривал с предводителем на туземном языке.

Какой удивительный человек!

Все время она считала его круглым невеждой и идиотом. Сегодня она узнала, что он говорит не только по-английски и по-французски, но знаком даже с языком дикарей западного берега Африки.

До этого времени он казался ей хитрым, жестоким, не заслуживающим никакого доверия человеком. Сегодня он проявил себя совсем другим. Она даже не верила, что он служил ей из чисто благородных побуждений. Весьма возможно, что у него были другие планы и намерения, которых он пока еще не раскрывал.

Раздумывая об этом, Джэн взглянула на него, на его хитрые глаза, на его отталкивающее лицо, и вдруг невольно вздрогнула. Что-то

смутно шепнуло ей, что под такой отвратительной внешностью не могут скрываться высокие бескорыстные побуждения.

Из свертка, лежавшего на ее коленях, раздался слабый писк. Ее сердце радостно затрепетало. Это был голос ее сына!

Ребенок проснулся!

Быстро отдернула она покрывало с личика ребенка; Андерсен стоял рядом и смотрел на нее.

Он увидел, как она пошатнулась и, держа ребенка на вытянутых вперед руках, с глазами полными ужаса, пристально смотрела на маленькое лицо.

А затем с жалобным стоном упала без сознания на землю.

Х

ШВЕД

Когда воины, сбившиеся в беспорядочную толпу около Тарзана и Шиты, увидели, что их «пляску смерти» прервала обыкновенная живая пантера, а не сверхъестественное чудовище, они ободрились. Перед их многочисленными копьями даже и свирепая Шита была неизбежно осуждена на смерть.

Роков подстрекал предводителя поскорее закончить метание копий и хороводную пляску. Чернокожий властитель хотел уже приказать это своим воинам, но в это мгновение его взгляд случайно упал на необычайную группу, которая виднелась вдали.

С криком ужаса он повернулся и пустился что было силы бежать. Удивленные воины оглянулись, завизжали и тоже побежали вслед за ним, толкая и давя друг друга. А за ними, тяжело переваливаясь, бежали чудовищные косматые фигуры обезьян, ярко озаряемые луной и колеблющимся светом догорающих костров.

Дикий крик человека-обезьяны покрыл собою вопли чернокожих, и в ответ на этот боевой клич Шита и обезьяны бросились с ревом за беглецами. Некоторые из воинов остановились и повернулись к разъяренным животным, угрожая им копьями, но нашли кровавую смерть в объятиях страшных обезьян.

«Пляска смерти» превратилась в другое, не менее страшное зрелище, в котором тоже царила и свирепствовала смерть. Но у нее теперь были уже другие жертвы — и многочисленные, а не одна, как раньше!

Когда вся деревня опустела и последний чернокожий скрылся в кустах, Тарзан созвал к себе свою дикую команду. Он с огорчением убедился, что никому, даже сравнительно понятливому Акуту, совершенно невозможно внушить мысль освободить его от веревок, привязывающих его к столбу.

Потребуется, очевидно, слишком много времени, пока эта догадка осенит их неразвитый мозг, а за это время он все еще будет томиться, привязанный к столбу. И кто знает, что может теперь случиться. Разве не могут вернуться сюда и дикари, и белые, и разве у белых нет такой надежной защиты против животных, как ружья? Но даже если люди и

не явятся сюда, он сам может умереть с голода раньше, чем тупоумные обезьяны сообразят, что нужно перегрызть веревки.

Шита, конечно, еще меньше понимала это, чем обезьяны. Тем не менее Тарзан не мог не удивляться тем качествам, которые она уже проявила. Нельзя было сомневаться в ее действительной привязанности к Тарзану. После того, как чернокожие были прогнаны, она бродила с удовлетворенным видом взад и вперед у столба, терлась своими боками о ноги обезьяны-человека и мурлыкала, как довольный котенок. Тарзан был уверен, что она по собственному побуждению привела обезьян для его спасения. Он с любовной гордостью убеждался, что его Шита была воистину настоящим сокровищем.

Отсутствие Мугамби немало беспокоило Тарзана. Он старался разузнать от Акута, что случилось с чернокожим? Были некоторые основания опасаться, что звери в его отсутствие напали на Мугамби и растерзали его. Но на все его расспросы Акут неизменно указывал молча назад, в том направлении, откуда они вышли из джунглей. И Тарзан терялся в догадках...

Всю ночь он провел по-прежнему, крепко привязанный к столбу. С рассветом он, к своей досаде, убедился, что его опасения оправдались: из джунглей показались голые черные фигуры, они осторожно подкрадывались к дереву. Чернокожие возвращались! Наступал день. Им теперь казалось уж не так страшно, как ночью, схватиться со стаей зверей, выгнавших их так позорно из деревни. Борьба могла кончиться для чернокожих успешно: их было много; у них были длинные копья и отравленные стрелы. Нужно было только постараться победить суеверный страх.

Спустя некоторое время, Тарзан заметил, что чернокожие стали действительно готовиться к нападению. Они собрались на полянке, как и вчера, раскрашенные, в перьях и украшениях, и начали дикий военный танец, потрясая своими копьями и испуская громкие боевые крики.

Тарзан знал, что эти предварительные маневры обычно продолжаются до тех пор, пока чернокожие не доведут себя до иступления; тогда, раздраженные, бешеные, они уже не боятся ничего и кидаются прямо на врага.

Он полагал, что при первом натиске они еще не прорвутся в деревню; их храбрость выдохнется, пока они добегут до ворот. Но

вторая и третья попытки могут кончиться печально для Тарзана и его зверей! Действительно так и случилось! Взвинченные своей дикой пляской воины со страшным воем бросились сломя голову к деревне, но пробежали только до половины полянки: пронзительный, зловещий боевой клич человека-обезьяны привел их в такой ужас, что храбрость у них сразу выдохлась. Тогда они вернулись на прежнее место набираться нового запаса мужества. С полчаса они вновь завывали и скакали, чтобы поднять дух, а затем опять бросились дикой ордой на деревню.

На этот раз они подошли уже к воротам деревни, но потерпели новую неудачу. Шита и чудовищные обезьяны храбро кинулись на них и вторично отогнали их в джунгли. Снова начались пляски и дикие взвизгивания. Тарзан не сомневался, что на этот раз они уже войдут в деревню и закончат свое кровавое дело, которое горстью решительных белых людей было бы доведено до успешного конца. Его приводила в отчаяние мысль, что спасение его было так близко и в то же время так недоступно и только потому, что его бедные дикие друзья не могли догадаться освободить его от пут! Но он не осуждал их: они сделали для него все, что могли. Он знал также, что и они умрут с ним в бесплодной попытке его защитить.

Чернокожие готовились к последнему натиску. Несколько воинов вышли вперед и побуждали товарищей следовать за ними. Еще минута — и вся орда хлынет через ворота в деревню.

Тарзан думал в эти минуты о своем маленьком сыне. Он знал, что ребенок находится где-то здесь же, в этой дикой стране. Сердце отца разрывалось на части от тоски по любимому мальчику: он не может уже ни спасти его, ни облегчить мучения Джэн! О себе Тарзан не думал. Он считал себя уже погибшим. Эти минуты были последние в его жизни. Помощь пришла к нему слишком поздно и слишком неудачно. Никакой надежды на спасение больше уже не было.

Чернокожие в третий раз бросились на деревню. Тарзан мысленно прощался с жизнью. Отвернувшись от бегущей орды дикарей, он стал смотреть на своих обезьян: одна из них показалась ему какой-то странной. Взгляд ее был неподвижно устремлен в одну точку. Тарзан посмотрел в том же направлении, и вдруг все в нем просияло и расцвело: с облегченным сердцем увидел он дюжую фигуру Мугамби; черный гигант во весь дух бежал к нему.

Огромный чернокожий тяжело дышал от сильного утомления и нервного возбуждения. Собрав последние силы, он бросился к Тарзану и, когда первый из дикарей достиг ворот деревни, Мугамби мгновенно перерезал веревки, привязывавшие Тарзана к столбу.

На главной улице вокруг костров лежали тела дикарей, убитых зверями в ночной схватке. Тарзан взял у одного из убитых копье и толстую дубину и, разминая быстрыми движениями затекшие члены, приготовился к бою. И во главе рычащей команды он и Мугамби встретили хлынувших в деревню дикарей.

Долго и жестоко дрались противники, но в конце концов дикари все-таки потерпели поражение и были изгнаны из деревни. На их стороне было гораздо большая физическая сила, но при виде двух великанов, чернокожего и белого, сражающихся в обществе пантеры и чудовищных обезьян, их опять охватил панический суеверный ужас...

В руки Тарзана попал один пленник. Его оставили в живых, и от него обезьяна-человек пытался узнать, что произошло с Роковым и его командой и куда они исчезли. Он обещал пленнику свободу за точные сведения, и перепуганный чернокожий рассказал все, что знал относительно Рокова.

Рано поутру сегодня предводитель людоедов уговаривал белых вернуться в деревню, чтобы перебить ружейным огнем страшную звериную команду, но Роков выказал больше страха перед белым гигантом и его диковинными товарищами, чем сами чернокожие.

Он ни за что не соглашался вернуться в деревню. У него были совсем другие намерения: он собрал своих людей, поспешил с ними к реке, и там они утащили несколько спрятанных туземных челноков, спустили их в воду и быстро уплыли вверх по реке.

И Тарзану-обезьяне теперь приходилось снова пуститься на поиски своего сына и в погоню за его похитителем.

День за днем они шли по почти необитаемой стране, и в конце концов Тарзан узнал, к крайнему своему огорчению, что они идут по ложному пути. Это было для него большим ударом. Ему вообще не везло: его немногочисленная команда еще уменьшилась: три обезьяны из племени Акута погибли в последней схватке с чернокожими. Теперь, считая самого Акута, оставалось всего пять больших обезьян.

Сбившись с верного пути, Тарзан, конечно, не мог получить никаких сведений о тех трех белых, которые шли впереди Рокова. Кто

были мужчина и женщина, он не мог ни от кого добиться, но что-то говорило ему, что ребенок был его сын, и мысль об этом заставляла его продолжать свои поиски. Он был уверен, что Роков гонится за этими тремя белыми, а потому, идя по следам Рокова, он мог добраться и до той второй партии и спасти сына от угрожающей ему опасности.

Убедившись в том, что он потерял след Рокова, Тарзан решил, что ничего другого не остается, как вернуться назад, к тому месту, откуда он начал поиски. Он так и сделал и вновь добрался до места своей прежней стоянки на берегу реки. Тарзан предполагал, что Роков пошел на север. Вероятно, и те белые, которые шли с ребенком, свернули с реки в этом направлении.

Однако он нигде не мог добыть точных сведений о том, что партия белых с его сыном действительно идут в северном направлении. Ни один туземец, которого ему приходилось расспрашивать, не видел и не слышал о них ничего, хотя почти все они так или иначе вступали в сношение с самим Роковым. Тарзану это казалось очень странным. Ему было очень нелегко добиваться общения с туземцами: уже один вид его спутников сразу обращал негров в бегство. Поневоле приходилось идти впереди одному, без зверей, и подстерегать в джунглях какого-нибудь случайного туземца, вовлекать его в беседу и подвергать допросу.

Однажды, выследив одного такого бродячего туземца, он застиг его в тот момент, когда дикарь нацеливался копьем в какого-то раненого белого человека, лежащего в кустах у тропинки. Тарзан всмотрелся — и пришел в крайнее изумление: он узнал этого белого человека. Это был повар с «Кинкэда»...

Да, это был он! Его отталкивающие черты глубоко врезались в память Тарзана: близко сидящие водянистые глаза, хитрое выражение и свешивающиеся рыжие усы...

Тарзану мгновенно пришло в голову, что повара не было в числе тех белых, которые были тогда в деревне с Роковым. Он их тогда всех видел, а этого человека не видел — значит, это именно о нем упоминал Роков, когда мучил Тарзана моральной пыткой. И значит, в руках этого повара были жена и ребенок Тарзана!

От сильного гнева у Тарзана ярко выступила на лбу широкая багровая полоса — там, где был шрам от скальпа, сорванного с его черепа Теркозом много лет тому назад.

Убить этого негодяя! Отомстить за жену!

Но где оружие? Тарзан бросился на чернокожего и выбил у него из рук копье. Взбешенный дикарь выхватил нож и, повернувшись к Тарзану, вырвал копье обратно и в свою очередь кинулся на него.

Лежащий в кустах раненый швед был свидетелем страшного поединка: голый чернокожий сражался врукопашную с полуобнаженным белым человеком, у которого единственным оружием были зубы и кулаки.

Андерсен стал присматриваться к нему, и его глаза широко раскрылись от удивления. Этот рычащий и кусающийся зверь был не кто иной, как тот хорошо одетый и благовоспитанный английский джентльмен, который был пленником на борту «Кинкэда».

Бой кончился. Вооруженный дикарь уступил страшной силе невооруженного белого человека. Тарзан убил своего противника, не пожелавшего сдаться. И швед увидел, как белый человек вскочил на ноги и, положив одну ногу на шею убитого врага, издал ужасающий победный клич обезьяны-самца.

Андерсен содрогнулся от ужаса. Тарзан же, оставив поверженного дикаря, повернулся к шведу и крикнул:

— Где моя жена? Где ребенок?

Андерсен хотел ответить, но внезапный припадок кашля помешал ему. Из груди его торчала стрела, и когда он закашлялся, из пронзенного легкого хлынула горлом кровь.

Тарзан молча ждал, когда раненый снова сможет говорить. Как величавый истукан стоял он перед беспомощным человеком. Он вырвет из него нужные ему сведения и затем убьет его!

Кашель прекратился. Тарзан, наклонившись над раненым шведом, повторил:

— Жена и ребенок? Где они? Андерсен еле слышно прошептал:

— Мистер Роков брал их...

— Как вы сюда попали? — продолжал Тарзан. — Почему вы не с Роковым?

— Я бежал с вашим женой и сыном от Роков. Они поймали нас.

— Что вы хотели сделать с ними и куда вы их дели? — спросил Тарзан, глядя на него глазами, полными ненависти. — Какое зло вы причинили моей жене и ребенку? Говорите скорее, или я разорву вас на клочья!

Лицо Андерсена выразило полнейшее изумление:

— Я ничего им не делал! Я хотел спасти их от Роков! — прошептал он.

Что-то было в голосе и в выражении шведа, что убедило Тарзана в правдивости его слов. Еще больше значения придавало его словам то, что он не казался испуганным.

Тарзан опустился перед ним на колени и сказал:

— Мне очень жаль вас. Я встречал в обществе Рокова одних только негодяев. Теперь я вижу, что был неправ. Я хотел бы перенести вас в удобное место и промыть вашу рану. Я хочу, чтобы вы поправились как можно скорее!

Швед безнадежно покачал головой и тихо простонал:

— Идите искать вашу жену и ребенка. Я уже умираю... После некоторого колебания он прибавил:

— Я боюсь гиены. Прошу вас убить меня! Тарзан содрогнулся. Несколько минут тому назад он хотел убить этого человека как злоумышленника, теперь же он не в состоянии был поднять руки против него.

Он приподнял голову шведа, чтобы переменить положение и облегчить ему страдание. Но с ним сделался опять припадок удушья и кровь снова хлынула горлом. Когда припадок прошел, Андерсен лежал с закрытыми глазами.

Тарзан думал, что он уже умер, но швед внезапно открыл глаза, посмотрел на обезьяну-человека и еле слышно прохрипел:

— Я гадю ветер скоро туть сильно! И это были последние слова злополучного шведа.

XI

ТАМБУДЖА

Тарзан вырыл в лесу неглубокую могилу и похоронил Андерсена. Это было все, что он сделать в джунглях для человека, отдавшего свою жизнь за его жену и сына.

Теперь, когда он наверное знал, что белая женщина была Джэн и что она снова попала с сыном в руки Рокова, он решил с удвоенной энергией преследовать этого негодяя.

С трудом напал он на верный след. В этом месте через джунгли проходило много тропинок, перекрещивающихся в разных направлениях, и везде на них были бесчисленные следы проходивших здесь туземцев, белых людей и диких зверей.

Тарзан очень внимательно изучал все следы не только своим прекрасным зрением, но и очень развитым чувством обоняния. Однако, несмотря на все предосторожности, он должен был к вечеру убедиться, что заблудился и находится на совершенно ложном пути.

Он знал, что его звери будут идти по его пути, и потому старался как можно отчетливее оставлять здесь свои следы. Для этого на перекрестках он терся по обеим сторонам тропы о лианы и ползучие растения и глубоко вдавливал ноги в вязкую почву, словно отпечатывая таким образом свой путь. Он знал, что его звери легко разберут эту печать в огромной книге джунглей.

К ночи пошел проливной дождь и обезьяне-человеку не оставалось ничего другого, как обождать до утра под защитой огромного дерева.

Но и с рассветом ливень не прекратился. Это была настоящая беда для Тарзана. Начался период дождей. Целую неделю солнце было скрыто тяжелыми тучами и дождь лил как из ведра. Ливни смыли последние остатки следов, которые Тарзан продолжал упорно, но тщетно разыскивать. Он стал опасаться, что его звери потеряют и его след во время этих страшных ливней.

Местность была для него совершенно незнакомая, а из-за непогоды он не мог направлять свой путь ни по солнцу, ни по луне, ни по звездам. Первый раз в жизни Тарзан заблудился в джунглях!..

И это случилось как раз в то время, когда его жена и сын находились в когтях его злейшего врага. Какие ужасные испытания

должны были они перенести в течение этого времени!

Тарзан хорошо знал своего врага; он не сомневался, что Роков, взбешенный бегством Джэн и зная, что Тарзан идет на выручку, не замедлит привести в исполнение свои планы мщения.

Дождь прошел. Солнце опять светило по-прежнему. Но обезьяна-человек все еще был в неведении, какого направления ему держаться. Он знал, что Роков оставил Угамби; но весь вопрос был в том, будет ли его враг продолжать идти в глубь страны или же опять вернется (а может быть, уже вернулся) к берегам Угамби.

В том месте, где он покинул реку, Угамби становилась узкой и пороги препятствовали судоходству. Рокову не было смысла плыть далее по реке. Однако, если он не вернулся к реке, то в каком же направлении мог он пойти?

Следовать по направлению, которое взял, было, Андерсен, Роков вряд ли счел возможным, так как пересечь материк по направлению к Занзибару было очень затруднительно, в особенности имея на руках женщину и ребенка.

Но страх все-таки мог принудить его к этой попытке, страх перед зловещей командой человека-обезьяны, которая шла по его следам, и еще больший страх перед справедливой мстью Тарзана...

После долгих размышлений человек-обезьяна остановил свой выбор на северо-восточном направлении, на пути к восточным германским колониям. Он решил идти вперед до тех пор, пока не добудет от туземцев хоть каких-нибудь сведений относительно Рокова.

На второй день по наступлении хорошей погоды он подошел к туземной деревне. Ее обитатели при виде Тарзана обратились по обыкновению в бегство. Тарзан преследовал их и после непродолжительной погони поймал одного молодого воина. Негр был до такой степени перепуган, что бросил свое оружие и, упав на колени, смотрел на обезьяну-человека глазами, полными ужаса, как на самую судьбу или всемогущего демона.

С большим трудом удалось Тарзану успокоить молодого человека. Только после долгих уговоров тот вновь получил дар слова и мог дать более или менее связное объяснение.

Тарзан в конце концов узнал от него, что несколько дней тому назад через их деревню проходила компания белых. Эти белые говорили, что их преследует страшный белый дьявол, и советовали

туземцам держаться настороже, потому что «белый дьявол» шел в сопровождении ужасной шайки демонов.

Чернокожий юноша, напуганный этими рассказами и предупреждениями, счел Тарзана именно за этого «белого дьявола» и с ужасом ждал появления «демонов» в образе обезьян и пантеры.

Во всей этой истории Тарзан усмотрел военную хитрость Рокова: последний, очевидно, всеми средствами старался затруднить ему путешествие и возбудить против него туземцев.

Молодой воин проговорился, что белый человек, который был во главе компании, обещал неграм большую награду, если они убьют «белого дьявола».

Видя, что человек-обезьяна не замышляет ничего дурного, туземец повел Тарзана в деревню, созывая по дороге своих товарищей и уверяя их, что «белый дьявол» обещал не делать им зла, если только они будут правдиво отвечать на его вопросы.

Один за другим они возвращались в деревню, но страх их еще не прошел. Это было заметно по их искаженным физиономиям и, в особенности, по вращающимся белкам их глаз.

Предводитель вернулся одним из первых в деревню, и его-то больше всего и хотел расспросить Тарзан. Это был маленький толстый мужчина с длинными обезьяноподобными руками. Лицо его не обещало ничего доброго: на нем лежал отпечаток лживости и низости.

Только суеверный страх, вызванный сказками о белом дьяволе и демонах, удерживал его от намерения немедленно кинуться на Тарзана с самыми кровожадными намерениями. Это был отъявленный людоед, равно как и все его племя.

Тарзан подробно расспросил предводителя и, сравнив его показания с показаниями молодого воина, убедился, что Роков и его сафари^[6] скрылись в паническом страхе по направлению к далекому восточному берегу.

Многие из носильщиков Рокова, по словам дикаря, уже бежали от него. Пятерых он повесил за воровство.

Судя по рассказам этих двух дикарей, а также и других жителей деревни Ваганвазам, все спутники Рокова решили бежать от своего грубого и бесчеловечного господина, бросив его на произвол судьбы. Предводитель М'ганвазам отрицал присутствие белой женщины с ребенком в этой партии, но Тарзан был убежден, что он лжет.

Несколько раз человек-обезьяна старался подходить к этому вопросу с разных сторон, но все-таки ему не удалось ни разу уличить хитрого каннибала в том, что тот говорит неправду.

Тарзан попросил поесть, но получил еду лишь после некоторых переговоров и колебаний. Во время завтрака он старался выведать что-либо еще и у других находящихся здесь дикарей, но присутствие М'ганвазама парализовало им язык.

Убедившись в том, что эти люди знают о намерениях Рокова и о судьбе Джэн и ребенка гораздо больше, чем они говорят об этом, он решил переночевать в деревне, надеясь за это время узнать еще какие-нибудь важные подробности.

Когда он объявил предводителю свое решение, он был удивлен резкой переменой, происшедшей в обращении с ним чернокожего. Вместо прежнего подозрения и недоброжелательства М'ганвазам вдруг стал проявлять льстивую предупредительность и любезность.

Обезьяне-человеку была предложена лучшая хижина в деревне; оттуда прогнали главную жену М'ганвазама, а сам предводитель перебрался временно в хижину одной из своих младших жен.

Если бы Тарзан вспомнил о награде, которая была обещана за его убийство, он бы понял роковое значение этой перемены в обращении М'ганвазама.

То обстоятельство, что Тарзан оставался на ночлег в хижине М'ганвазама, чрезвычайно облегчало последнему задачу в деле заработка награды. Поэтому он настойчиво приглашал Тарзана, уставшего от долгого пути, пожаловать как можно скорее на отдых в его «дворец».

Человек-обезьяна обычно избегал ночлега в туземных хижинах из-за присущего им зловония, дыма и чада, но на этот раз он решил сделать исключение в надежде поговорить с каким-нибудь молодым негром и узнать от него всю правду. Поэтому Тарзан довольно любезно принял приглашение ночевать в хижине молодых воинов, и ему было жаль выгонять на холод жену предводителя.

Беззубая безобразная старуха, супруга предводителя, была очень довольна. Поэтому предводитель не настаивал на своем предложении, тем более что желание Тарзана только помогало ему привести свой план в исполнение.

Тарзан был помещен в хижине вблизи деревенских ворот и оставлен в ней один. В эту ночь устраивались пляски в честь вернувшихся охотников, и все молодые воины, по словам М'ганвазама, должны были принять участие в празднике.

Как только человек-обезьяна был приведен в хижину, М'ганвазам созвал к себе молодых воинов и приказал им провести ночь в обществе белого дьявола.

Никто из них, конечно, не был особенно обрадован этим приказанием, но слово М'ганвазама было законом для его племени, и тут уже возражать и противиться, конечно, не приходилось.

М'ганвазам сидел с воинами у костра и шепотом сообщал им план затейного им убийства. Старая женщина, которая благодаря Тарзану осталась на ночь в своей хижине, подошла к костру, якобы для того, чтобы подбросить дров, на самом же деле, чтобы подслушать речи заговорщиков. Они не обратили на нее никакого внимания.

Несмотря на оглушительный шум и гвалт праздника и крики пирующих, Тарзан заснул крепким сном. Проспав около двух часов, он почувствовал, что в хижину кто-то вошел. Огонь в очаге потух, и все кругом было погружено в глубокий мрак. Однако человек-обезьяна был уверен, что кто-то крадется к нему впотьмах.

Это не мог быть воин, возвращающийся с празднества, потому что праздник еще продолжался: дикие крики плясунов и шум тамтама все еще доносились с улицы. Кто же это мог быть?

Тарзан-обезьяна вскочил и бесшумно и легко отпрыгнул в противоположную сторону хижины, держа наготове копье.

— Кто подкрадывается ко мне? Кто ползет, как голодный зверь? — спросил он.

— Тише, бвана! — ответил старческий голос. — Это старая Тамбуджа, которую ты не захотел выгнать на холод из ее хижины.

— Что хочет Тамбуджа от меня? — спросил человек-обезьяна.

— Ты был ко мне добр, — ответила старуха, — поэтому и я хочу сделать тебе добро. Я пришла предупредить тебя.

— Предупредить? О чем? — спросил Тарзан.

— М'ганвазам приказал нескольким молодым воинам лечь спать в твоей хижине. Когда пляски поутру кончатся, они придут в эту хижину. Если ты будешь спать, М'ганвазам приказал убить тебя. Если же ты не будешь спать, они будут ждать, пока ты не заснешь, и тогда

они набросятся на тебя и убьют. М'ганвазам непременно хочет получить награду, которую обещал за тебя белый человек.

— Я совсем забыл про награду, — промолвил Тарзан. И прибавил:

— Но как же М'ганвазам надеется получить награду, если белые ушли, и он даже не знает, где они теперь находятся?

Тамбуджа возразила:

— Они еще недалеко ушли и идут медленно. И наши гонцы могут легко догнать их. Я не могу объяснить тебе, где их лагерь, но могу отвести тебя к ним.

Занятые разговором, они не заметили, как в хижину прокрался в темноте какой-то мальчуган и так же бесшумно и незаметно выскользнул.

Это был маленький Булао, сын предводителя от одной из его младших жен — мстительный, скверный мальчишка, всегда шпионивший за Тамбуджой и наущивавший на нее отцу.

— Так пойдем же скорее! — воскликнул Тарзан.

Этих последних слов Булао не слышал, так как он уже бежал со всех ног по деревенской улице на площадь, где его свирепый родитель пил туземное пиво и восхищался танцами своих подчиненных. Они дико орали, кружились и высоко прыгали, размахивая копьями. Тамтам и три священных барабана аккомпанировали их пляске.

Когда Тарзан и Тамбуджа осторожно вышли из деревни и скрылись во мраке джунглей, почти одновременно с ними два стройных и легких черных гонца отправились в том же направлении, хотя и по другой дороге.

Через некоторое время, уже отойдя достаточно далеко от деревни, Тарзан спросил старуху, видела ли она сама белую женщину и ребенка?

— Да, бвана, — ответила Тамбуджа. — Я видела их: у нас в деревне была белая женщина и маленький ребенок. Ребенок умер от лихорадки, и они похоронили его здесь!

ХП

ЧЕРНЫЙ НЕГОДЯЙ

Когда Джэн Клейтон пришла в себя после продолжительного обморока, ее снова охватило отчаяние. Она с ужасом и тоской смотрела на Андерсена, который держал на руках ребенка.

— Что с вами? — спросил он. — Ви больная?

— Где мой сын? — закричала несчастная женщина, не обращая внимания на его вопрос.

Андерсен протянул ей ребенка, но она, покачав головой, сказала:

— Это не мой сын, вы это прекрасно знали! Вы такой же негодяй, как и Роков.

Маленькие глазки Андерсена расширились от удивления.

— Не ваша сын? — спросил он. — Ви сам сказал, что ваша ребенок на «Кинкэд».

— Это не мой ребенок! — печально возразила Джэн. — Где же мой?

— Там не буль другая ребенка. Я тумаль этот ваша. Я ошень жаль.

Андерсен беспокойно переступал с ноги на ногу. Было очевидно, что он действительно не знал, что ребенок чужой.

Ребенок на руках у Андерсена запищал и потянулся ручонками к молодой женщине.

Никакая мать в мире не могла бы противостоять этому призыву. И схватив чужого ребенка, она прижала его к груди и, спрятав свое лицо в платице ребенка, тихо заплакала.

Слезы немного облегчили ее. После первого сильного потрясения, вызванного разочарованием, в ней пробудилась надежда: может быть, в последнюю минуту, перед самым отходом «Кинкэда» из Англии, каким-нибудь чудом Джек был вырван из рук Рокова и подменен этим ребенком.

— Вы не знаете, чей это ребенок? — спросила она Андерсена.

Швед покачал головой.

— Если ета не ваша сын, я не знаю, чей ета ребенка. Мистер Роков говорила ета ваша сын! Я не могу ходить на «Кинкэд»: Роков меня убиваль! Но ви может туда ходить: я вас буду проводить до моря, а там чернокожий возиль вас до «Кинкэд».

— Нет, нет! — закричала Джэн. — Ни за что на свете! Лучше умереть, чем опять попасть в руки этих негодяев. Нет, пойдете дальше и возьмем с собою этого ребенка. С божьей помощью мы как-нибудь отыщем моего Джека!

* * *

И они пустились в дальнейший поход через дикую страну!

С ними шло шесть туземцев. Эти «сафари» несли провизию и палатки, захваченные предусмотрительно Андерсеном с «Кинкэда».

Дни и ночи непрерывных мучений, которые переживала молодая женщина, слились для нее в один непрерываемый кошмар. Она потеряла всякий счет времени. Единственным утешением в этой жизни, полной непрерывных страхов и страданий, был ребенок, к которому Джэн успела привязаться. Он до некоторой степени заполнил пустоту в ее сердце после того, как она была лишена своего ребенка. Джэн нашла существо, на которое могла изливать свою материнскую любовь. Иногда она закрывала глаза и мечтала в сладком и печальном самообмане, что ребенок у ее груди ее собственный.

Первое время они продвигались внутрь страны чрезвычайно медленно. Время от времени случайно попадавшиеся им навстречу туземцы доставляли кое-какие сведения, по которым можно было предполагать, что Роков еще не напал на их след. Это последнее обстоятельство, а равно и желание Андерсена как можно более облегчить молодой и нежной женщине тяготы путешествия, заставили их идти медленнее, чем следовало, и часто останавливаться на отдых.

Швед проявлял свою заботливость к Джэн, чем только мог.

Он до сих пор был очень огорчен и страдал от своей невольной ошибки с ребенком. И Джэн была вполне убеждена в его благородных побуждениях.

При остановках Андерсен тщательно следил за тем, чтобы палатка для Джэн и ребенка была разбита на самом удобном месте; колючая изгородь — бома — вокруг нее изготовлялась как можно прочнее и непроницаемее.

Все, что было лучшего в их скромных продовольственных запасах, Андерсен предоставлял Джэн и ребенку. Но более всего успокаивало и трогало ее его почтительное и вежливое с ней обращение.

Она часто удивлялась, как могло такое врожденное благородство характера скрываться под такой отталкивающей внешностью? В конце концов Джэн даже перестала замечать его уродливость. Швед казался ей почти красавцем.

* * *

Однажды им пришлось испытать большое волнение.

Прохожие дикари сообщили им сведения, из которых несомненно следовало, что Роков напал на их след и находится уже в нескольких переходах от них.

Беглецы тогда решили изменить направление и повернули к реке Угамби.

Купив в одной деревне, лежавшей на притоке Угамби, лодку, они двинулись по этой речонке к Угамби, а затем поплыли вверх по этой реке. Они так быстро продвигались вперед, что долгое время ничего не слышали о своих преследователях. Достигнув места, где река переставала быть судоходной, они покинули лодку и опять вошли в джунгли. И здесь их путь снова стал опасным и трудным.

На второй день после того, как они покинули Угамби, случилась новая беда: ребенок захворал лихорадкой. Андерсен хорошо знал, что печальный исход неизбежен, но не решался сказать это Джэн. Он видел, что молодая женщина уже всем сердцем привязалась к ребенку.

Вскоре ребенку стало так плохо, что пришлось сделать остановку. Андерсен немного отступил в сторону от главной дороги, по которой они следовали, и разбил лагерь на лужайке, на берегу небольшой речки.

Джэн ухаживала за маленьким больным, и вся была поглощена этим делом. А между тем ее ожидало новое испытание. Один из черных носильщиков вдруг прибежал с известием, что «белый дьявол» Роков со своим караваном находится здесь, совсем близко! Чернокожий «сафари» едва не натолкнулся на их лагерь.

Очевидно, Роков каким-то образом напал на их след.

Беглецам пришлось немедленно сняться с лагеря и спешно продолжать бегство, несмотря на то, что ребенку становилось все хуже и хуже. Джэн Клейтон достаточно хорошо знала Рокова. Она была уверена, что первым же его делом при их поимке было бы разлучить ее с ребенком; а это означало бы верную смерть последнего.

Они двинулись вперед через густые заросли по старой, почти заросшей тропе. Туземные носильщики один за другим покинули их и куда-то таинственно исчезли. Они служили им верно и преданно только до тех пор, пока не было опасности попасть в руки Рокову. Они так много слышали о его жестокости и чувствовали к нему такой неопределенный страх, что без малейшего угрызения совести бросили своих хозяев, едва только узнали, что «белый дьявол» гонится за ними.

Тем не менее Андерсен и молодая женщина продолжали свое путешествие. Швед шел впереди, чтобы прорубать дорогу в тех местах, где тропа совершенно заросла; молодая женщина с ребенком держались сзади.

Так шли они весь день, а к вечеру поняли, что все их усилия спастись напрасны. Временами ветер доносил до них совершенно отчетливо голоса приближавшегося каравана.

Скорбные, изнемогавшие от усталости и волнения, они остановились. Андерсен приступил к последним приготовлениям.

Он посоветовал Джэн приютиться позади большого дерева и тщательно укрыл ее и ребенка сухим валежником и травой.

Оставив ей на всякий случай ружье и сумку с патронами и немного пищи, он дал ей кое-какие указания относительно дальнейшего. После прохода каравана Рокова Джэн должна была направиться в деревушку на расстоянии одной мили отсюда, а затем пройти обратно к устью Угамби и ждать попутного парохода, чтобы можно было оттуда пробраться на родину.

— А теперь прощайте, леди! — сказал Андерсен. — Желаю вам счастья!

И он протянул ей руку.

— Но куда же вы идете, Свэн? — спросила удивленно Джэн. — Почему вы не хотите тоже спрятаться здесь? Почему вы не хотите идти со мной к океану?

— Я хочу сказать Рокову, что вы умирали, и он больше вас не искал! — сказал швед. Джэн воскликнула:

— Но вы идете на верную смерть! Остановитесь! Мы найдем какой-нибудь способ к побегу!

— Это не помогут! — возразил Андерсен. — Они нас оба будут поймать, и тогда я не могу вам ничего сделать, леди.

Указав на тропинку, по которой они только что пришли, он посоветовал хранить полное молчание и тишину.

Через мгновение он уже шел спокойно и уверенно по этой тропинке навстречу приближающемуся каравану Рокова. Она следила за ним, пока поворот тропы не скрыл его из ее глаз...

Первым ее побуждением было бежать за ним, возратить ему ружье или уговорить вернуться. Ей было до отчаяния жаль его. Да и мысль остаться одной, без друга, в страшных африканских джунглях, была слишком ужасна.

Джэн тихонько приподнялась, чтобы вылезти из своего убежища. Прижав ближе к себе ребенка, она взглянула ему в личико. Оно было багрово-красного цвета. Ребенок горел как в огне.

С криком ужаса Джэн Клейтон вскочила на ноги. Ружье и сумка с патронами лежали забытые под валежником. Она забыла все: и Андерсена, и Рокова, и страшную опасность, которая ей угрожала. Ее мозг сверлила только одна мысль: ребенок захворал страшной тропической лихорадкой, и она не может ничего сделать, чтобы облегчить его страдания!

Нельзя было терять ни минуты времени. Скорее в деревню, в жилье, к людям, где может найтись хоть какое-нибудь целебное средство! Взяв на руки ребенка, она побежала по тропинке, которую указал ей Андерсен.

Далеко позади нее послышались крики и выстрелы, а затем наступила тишина. Новая тоска сжала ей сердце: она знала, что Андерсен встретился с Роковым.

Полчаса спустя, еле держась на ногах от усталости, она добежала до маленькой деревушки. К ней навстречу высыпала целая толпа: мужчины, женщины, дети. Любопытные туземцы засыпали ее вопросами, кто она, что ей надо, что с ней случилось? Но Джэн не знала их языка.

Она только с ужасом указывала на жалобно стонавшего на ее руках ребенка и повторяла: «Лихорадка, лихорадка!».

Чернокожие не поняли ее слов, но какая-то молодая негритянка догадалась, что ребенок болен. Она схватила Джэн за руку и потащила к себе в хижину. Женщины окружили Джэн и старались успокоить ее и помочь ребенку.

Позванный ими знахарь развел в хижине огонь, повесил над ним глиняный небольшой горшок и начал варить в нем какое-то странное зелье, делая магические жесты и бормоча монотонные заклинания. Затем он опустил в горшок хвост зебры и с заклинаниями и бормотаниями обрызгал им лицо ребенка.

После его ухода негритянки уселись в круг и начали вопить и причитать. Джэн думала, что она сойдет с ума, но зная, что все это проделывалось женщинами из добрых побуждений, она молча и терпеливо переносила этот ночной кошмар.

Около полуночи она услышала внезапное движение в деревне. Слышались голоса спорящих туземцев, но она не могла понять их слов и не догадывалась, в чем дело. Вскоре послышались приближающиеся к хижине шаги. Джэн сидела, скорчившись на полу около огня, держа ребенка на коленях. Ребенок лежал тихо с полуоткрытыми закатившимися глазами. Дыхания почти не было слышно.

Джэн Клейтон с тоскою и ужасом смотрела на маленькое личико. Это не был ее ребенок, это не была ее плоть и кровь, и все же как дорог и близок ей этот бедный безвестный мальчик!

Смерть приближалась! Она видела это и, несмотря на все свое горе, она считала эту смерть благодетельной, потому что она прекращала мучения маленького страдальца.

Шаги остановились у дверей. Послышался тихий разговор, и, минуто спустя, вошел М'ганвазам, предводитель племени. Джэн мельком видела его накануне вечером, перед тем как женщины увели ее в хижину.

К ней наклонилось зверское коварное раскрашенное лицо дикаря, в котором не было ничего человеческого; Джэн Клейтон показалось даже, что он больше походит на гориллу, чем на человека.

Дикарь попробовал объясниться с ней, но видя безуспешность своих попыток, обернулся к двери и позвал кого-то. В хижину немедленно вошел другой негр, сильно отличавшийся по внешности от М'ганвазама и, по-видимому, принадлежавший к другому племени. Он понимал по-английски и мог служить переводчиком.

С первого же вопроса, предложенного М'ганвазамом, Джэн Клейтон почувствовала, что дикарь допрашивает ее с какой-то определенной, пока еще непонятной ей целью. Он проявлял особый интерес к ее намерениям, расспрашивал, с какой целью и куда она

путешествовала и почему ее путешествие было прервано здесь в его деревне? Не видя причин скрывать правду, она рассказала все, как было. На его вопрос, не было ли у ней с мужем условлено встретиться здесь в деревне, она покачала отрицательно головой. Тогда он изложил ей при помощи переводчика главную цель своего визита:

— Я только что узнал, — сказал он, — от людей, живущих на берегу Угамби, что ваш муж шел вдогонку за вами вверх по реке. Он прошел уже далеко по стране, но негры недавно напали на него и убили. Я говорю вам это затем, чтобы вы не теряли времени на розыски мужа; лучше возвращайтесь назад к реке. Вам больше нечего делать в этой стране!

Джэн шепотом поблагодарила М'ганвазама за его внимание. У ней не хватило голоса. Ее сердце окаменело от нового удара. С опущенной головой сидела она, глядя отсутствующим взглядом на ребенка. М'ганвазам беззвучно, как кошка, вышел из хижины. Немного погодя послышался шум у входа: кто-то еще вошел в хижину.

Женщины-негротянки по-прежнему сидели у огня; одна из них подбросила сухих веток на догорающие уголья. Внезапно вспыхнуло пламя и осветило, как по волшебству, хижину изнутри.

Джэн Клейтон онемела от ужаса: ребенок был мертв! Когда он умер, она даже не заметила. Беззвучные рыдания подступили к ее горлу, ее голова упала на маленький сверток у ее груди. С минуты в хижине царил полная тишина. Затем туземные женщины разразились ужасным воплем.

Мужчина, стоявший некоторое время безмолвно в хижине, кашлянул и тихо произнес:

— Леди Клейтон!

Она испуганно подняла глаза и увидела перед собой насмешливое лицо Николая Рокова.

ХІІІ

БЕГСТВО

Прошло несколько минут...

Роков стоял молча с наглой усмешкой на губах; его взор упал на небольшой сверток на коленях молодой женщины. Джэн прикрыла углом одеяла лицо ребенка; было похоже, что он просто спит.

— Вы, сударыня, напрасно причинили себе столько хлопот! — иронически промолвил Роков. — К чему вам было лично везти сына к людоедам? Я сам бы охотно доставил его сюда. Вы могли бы этим избавить себя от опасностей и трудностей путешествия. В общем я, впрочем, очень благодарен вам за это. По крайней мере, мне не пришлось возиться с вашим ребенком во время трудных и подчас опасных переходов.

Он помолчал и после небольшой паузы продолжал с той же гадкой улыбкой:

— Уже с самого начала я предназначал вашего сына именно для этой самой деревни. М'ганвазам тщательно будет следить за его воспитанием и сделает из него бравого людоеда. Если вам удастся вернуться в Англию, то, без сомнения, вам будет приятно вспомнить, что ваш сын в полной сохранности живет здесь в избранном людоедском обществе. Еще раз от всей души благодарю вас, леди Грейсток, за то, что вы так любезно доставили сами вашего сына сюда. А теперь я должен просить Вас вручить его мне, чтобы я мог передать его приемным родителям.

Роков цинично усмехнулся и протянул руки к ребенку. К его удивлению, Джэн Клейтон встала и без единого слова протеста положила маленький сверток к нему на руки.

— Возьмите его! — сказала она. — Слава богу, он теперь уже не в вашей власти!

Сразу поняв значение этих слов, Роков скинул одеяло с лица мертвого ребенка; он хотел удостовериться, правда ли это.

Все эти дни Джэн ломала себе голову над вопросом, знал ли Роков о том, что ребенок чужой. Теперь ее сомнение рассеялось при виде злобы, перекосившей лицо Рокова. Негодяй не мог скрыть своей

досады на то, что судьба помешала ему осуществить затеянное мщение.

Он бросил трупик ребенка обратно на руки Джэн, топнул ногой и стал расхаживать взад и вперед по хижине. Не желая и не умея сдерживаться, он ругался и размахивал кулаками. Наконец, он остановился перед молодой женщиной и близко склонился над ней:

— Вы смеетесь надо мной! — закричал он. — Вы думаете, вы меня победили? Вздор! Я покажу вам, что значит иметь дело с Николаем Роковым. Я лишился ребенка, которого я предназначал в сыновья к каннибалу, но, — он сделал паузу для того, чтобы придать больше веса своим дальнейшим словам, — но я могу вместо этого сделать мать этого ребенка женой каннибала и, клянусь мощами св. Петра, я это сделаю! Но только сделаю это после того, как получу от вас то, что мне хочется!

Если он думал возбудить в Джэн ужас, то жестоко ошибся. Она была выше этого: ее рассудок и нервы до того притупились, что уже не воспринимали больше страданий и горя. К крайнему его удивлению он заметил у нее довольную улыбку. Она в душе торжествовала: этот бедный маленький мертвец был совершенно чужим ей, и Роков этого и не подозревал!

Она, конечно, с радостью бы бросила ему правду в лицо, но пусть будет так! — так лучше, так безопаснее Джеку, где бы он сейчас ни был.

Она не знала, где ее сын, не знала даже, жив ли он, но у нее все-таки была слабая надежда, что он жив. Разве не могло случиться, что без ведома Рокова, кто-нибудь из его соучастников подменил ребенка с целью передать его друзьям Грейстоков в Лондоне за большой выкуп? Джэн все время нынче разукрашивала эту мечту разными подробностями, и это была ее единственная отрада!

Нет, Роков никогда не узнает, что это чужой ребенок!

Джэн прекрасно сознавала, что ее положение со смертью Андерсена стало не только плохо, но безнадежно. Роков угрожал ей не попусту! Она была уверена, что он постарается во что бы то ни стало исполнить свою угрозу. Ей оставалось одно — найти способ покончить с собой раньше, чем Роков приведет в исполнение свой постыдный план.

Но для этого ей требовалось время, нужно было все обдумать и подготовиться к смерти. Она чувствовала, что не сможет сделать этого последнего и решительного шага, не испробовав всех способов и возможностей к побегу. Она не дорожила жизнью, но в ней теплилась надежда, что каким-нибудь образом она сможет вернуться к своему сыну, к своим материнским обязанностям. Но она твердо знала, что не задумается при выборе двух решений — Николай Роков или самоубийство!

— Ступайте прочь! — крикнула она в исступлении. — Оставьте меня с моим умершим ребенком. Разве вы еще не достаточно причинили мне страданий и горя? Что я вам сделала? За что вы продолжаете преследовать меня?

— Вы страдаете за обезьяну-человека, любовь которого вы предпочли любви джентльмена! — ответил он. — Но не будем об этом говорить. Мы сначала похороним здесь вашего ребенка, и затем вы пойдете со мной в мой лагерь, а завтра утром я вас приведу обратно и передам очаровательному М'ганвазаму.

Он хотел взять ребенка, но она отвернулась с ним от него.

— Я сама похороню его! — сказала она. — Прикажите вырыть могилу за деревней.

Роков хотел поскорее покончить с этим делом, чтобы отвести затем ее в лагерь. Он видел в ее апатии полную покорность судьбе и внутренне торжествовал.

Позвав несколько человек чернокожих, он проводил Джэн за деревню. Там под большим деревом чернокожие вырыли маленькую могилу. Завернув трупик в одеяло, Джэн тихо положила его в подготовленную яму и, встав на колени, произнесла тихую молитву над могилой безвестного младенца.

Спокойная, с сухими глазами, она встала и последовала за своим мучителем в глубокий мрак джунглей по узкой тропе, которая соединяла деревню Ваганвазама с лагерьем международного проходимца и мошенника Николая Рокова...

Тропа представляла собою как бы узкий коридор, стены его составляли густые заросли, переплетающиеся сверху и не пропускающие лунного света. Молодая женщина слышала, как трещит валежник под ногами крупных зверей, и до слуха ее доносилось глухое рычанье охотившегося льва, похожее на гром, от которого дрожала

земля. Носильщики зажгли связки тростника и размахивали ими, чтобы напугать хищников и держать их на почтительном расстоянии. Роков торопил людей, и по дрожащему тону его голоса Джэн поняла, что он трусит.

Ночные звуки джунглей вызвали у нее воспоминание о тех днях и ночах, которые она проводила в подобных же лесных зарослях со своим лесным богом — бесстрашным и непобедимым Тарзаном из племени обезьян. У нее не было и мысли о страхе, несмотря на то, что звуки джунглей были тогда еще новыми для нее.

Как чудесно все изменилось бы, если бы только она знала, что он тоже здесь, в этой дикой стране, и ищет ее! Тогда было бы, для чего жить, и была бы надежда на помощь! Мысль, что он умер, не могла уместиться в ее сознании. Она не могла себе представить, что это огромное тело, эти могучие мышцы навсегда оцепенели в мертвом покое. Неужели он в самом деле умер? Верить этому или нет? Но для неверия не было оснований. Если бы Роков сказал ей, что Тарзан умер, она, конечно, сочла бы это ложью без малейшего колебания. А зачем было М'ганвазаму обманывать ее? Джэн, конечно, не могла знать, что последний говорил просто по наущению Рокова.

Они достигли колючей изгороди, которой был окружен лагерь Рокова. Там царило какое-то смятение. Джэн не знала, что это значит, но, очевидно, случилось что-то особенное и притом крайне неприятное для Рокова: все лицо его исказилось от злобы. Немного позже по обрывкам разговоров она догадалась, что за время его отсутствия несколько человек из его отряда бежали, захватив большую часть припасов и снаряжения.

Излив свою ярость на оставшихся, Роков вернулся к Джэн, которую охраняли двое белых матросов. Он грубо схватил ее за руку и потащил к своей палатке. Джэн изо всех сил отбивалась, стараясь вырваться, а матросы стояли в сторонке и потешались над интересным зрелищем. Видя сопротивление Джэн, Роков ударил ее несколько раз по лицу и в полусознательном состоянии втащил ее в палатку.

Слуга зажег лампу, а затем, по знаку своего господина, вышел. Джэн упала на пол посреди палатки. Немного придя в себя, она быстро обвела глазами внутренность палатки, не упуская из вида ни малейшей подробности.

Роков приподнял ее с пола и потащил к походной кровати. На поясе у него висел большой револьвер. Джэн видела его. Она ждала удобного случая овладеть этим оружием. Она сделала вид, что лишилась сознания, но через полузакрытые веки продолжала следить за Роковым. Воспользовавшись ее «обморочным состоянием», Роков отнес ее на кровать; но вдруг какой-то шум снаружи заставил его оглянуться.

Удобный случай, наконец, представился: ловким и быстрым движением Джэн выхватила револьвер. Когда испуганный взгляд Рокова повернулся к Джэн, она подняла револьвер и изо всей силы ударила им насильника между глаз. Роков как сноп повалился на землю и потерял сознание. Молодая женщина легко вздохнула: она была спасена от мерзких объятий!

Шум, привлечший внимание Рокова, продолжался. Джэн боялась, что сию минуту сюда войдет слуга и увидит, что случилось. Она быстро подошла к столику, на котором стояла чадившая лампа, и потушила ее. Очутившись в полном мраке, она стала обдумывать дальнейший план действия.

Она была во враждебном лагере. А за пределами этого лагеря лежали дикие джунгли, населенные страшными хищниками и еще более страшными людьми. Было слишком мало шансов, что ей удастся остаться в живых среди всех этих опасностей. Но мысль, что она уже прошла невредимой через столько опасностей и что где-то там далеко ожидает сын, придала ей решимость. Что бы ни случилось, что бы ей ни грозило, она все-таки постарается пересечь эту страну ужасов и выйти к свободному океану...

Палатка Рокова стояла почти в центре лагеря. Вокруг нее стояли палатки его белых спутников и туземцев. Пройти мимо них и пробраться сквозь колючую изгородь казалось задачей почти невыполнимой; но другого выхода у нее не было. Остаться в палатке до тех пор, пока ее не обнаружат, было нелепо. Это погубило бы все то, что она уже сделала для завоевания своей свободы.

Крадущимися шагами подошла она к стене палатки и ощупью искала двери, но их не было. Тогда она вернулась к лежащему Рокову, ощупью отыскала у пояса рукоятку ножа и прорезала им полотно палатки. Снаружи она остановилась. С облегчением она увидела, что в лагере уже все спали. Только один часовой сидел на противоположной

стороне изгороди. Стараясь идти таким образом, чтобы палатки скрывали ее от глаз часового, она подошла к колючей изгороди.

Из мрака джунглей доносились ей таинственные жуткие ночные звуки и грозное рычание львов. С минуту она колебалась. Мысль о хищниках приводила ее в ужас. Здесь в темноте их голоса казались особенно страшными. Но минута колебания прошла — Джэн энергично потрясла головой и начала раздирать колючую бому своими нежными руками. Она не обращала внимания на раны и кровь. Часовой на другом конце лагеря ничего не видел и не слышал, и она продолжала работать, пока не проделала в изгороди достаточно большое отверстие, через которое она могла пролезть.

И вот она очутилась уже по ту сторону изгороди. То, что осталось позади, было хуже, чем смерть. Впереди ее тоже ожидала верная смерть, но, во всяком случае, это была быстрая, милосердная и чистая смерть. Без сожаления и колебания она отошла от лагеря, и минуту спустя ее скрыла таинственная темнота джунглей.

XIV

ОДНА В ДЖУНГЛЯХ

Тамбуджа повела Тарзана по извилистой тропе к лагерю Рокова; она шла очень медленно: ее старые ноги плохо уже служили ей. Поэтому гонцы, посланные М'ганвазаном для того, чтобы предупредить Рокова о прибытии Тарзана, пришли в лагерь значительно раньше Тарзана и его спутницы.

Гонцы застали лагерь белого человека в полном смятении. Роков был найден раненым и в бессознательном состоянии в своей палатке. Когда он пришел в себя и увидел, что Джэн Клейтон скрылась, он пришел в ярость. Вне себя от бешенства, он бегал по лагерю с винтовкой и грозил пристрелить туземных часовых, по оплошности которых молодой женщине удалось бежать. В конце концов его же подчиненные матросы обезоружили его из опасения, что и последние туземцы разбегутся от страха.

Между тем прибыли гонцы М'ганвазама. Едва они успели передать Рокову свое сообщение, как прибежали два других гонца. Они еле дышали от быстрого бега и, волнуясь, сообщили, что произошло страшное событие: белый великан убежал ночью от М'ганвазама и теперь идет к лагерю белых, чтобы отомстить своим врагам.

В лагере поднялась страшная тревога. Чернокожих охватил панический страх при одной мысли о близости «белого дьявола» с его бандой свирепых зверей. Этот почти мистический страх был так велик, что дикари попрятались где попало: в лесу, на побережье, в кустах, на деревьях. В лагере вскоре не осталось никого из негров. Но, несмотря на всю поспешность, они не забыли захватить с собой все, наиболее ценное, что было в лагере у Рокова.

Таким образом Роков и его семь матросов были и ограблены, и покинуты туземными работниками. Видя свое безвыходное положение, Роков, как всегда, со злобой накинулся на своих спутников, обвиняя их одних во всем происшедшем. Но на этот раз матросы вовсе не были расположены сносить его оскорбления и ругательства. Тиранические выходки и бешеный характер Рокова довели его подчиненных до того, что они стали открыто возмущаться. И даже более того: один из матросов вытащил в пылу гневных пререканий

револьвер и выстрелил в Рокова. Хотя он и промахнулся, но все-таки выстрел произвел на Рокова сильное впечатление; попросту говоря, он перетрусил и поспешил к себе в палатку.

Но его ждало еще одно сильное потрясение. Не успел он дойти до своего убежища, как буквально оцепенел от ужаса: на опушке леса из густых зарослей появилась гигантская фигура почти обнаженного белого человека. Роков со всех ног бросился в свою палатку; там, в задней стене, все еще оставался незашитым длинный разрез, который сделала ночью Джэн. Объятый ужасом, Роков воспользовался этим отверстием, выскочил наружу и исчез в джунглях, не заметив, что он бежит по следам Джэн Клейтон.

При виде обезьяны-человека все матросы обратились в такое же паническое бегство. Тарзан увидел, что Рокова среди них не было, и потому не пустился за ними в погоню. Ему был нужен только Роков; он надеялся найти его в палатке. Что касается матросов, то он был уверен, что в джунглях они все равно понесут справедливое наказание за все свои деяния. Джунгли сами воздадут им должное... И он не ошибся: он был последним белым человеком, который видел их на этом свете.

Тарзан вошел в палатку Рокова, но там никого не было, и человек-обезьяна, рассерженный этой неудачей, хотел немедленно пуститься в погоню за Роковым. Тамбуджа удержала его от этого, советуя ему вернуться в их деревню.

— Он, наверное, там! — сказала старуха. — Пойдем туда поскорее!

Предположение старухи показалось Тарзану правдоподобным, и вместо того, чтобы отыскивать здесь следы Рокова, он отправился с нею обратно к деревне Ваганвазам. Он надеялся, что Джэн была еще жива. Если, к счастью, это так, то через какой-нибудь час ему удастся, наконец, вырвать ее из рук Рокова! Тарзан очень сожалел, что с ним не было Мугамби, Шиты, Акута и прочей его команды. Вот когда бы пригодилась их помощь!

К своему удивлению, он не нашел здесь в деревне и признаков пребывания ни Джэн, ни Рокова. Но, зная лживость предводителя, он не стал терять времени на бесплодные расспросы и поспешил обратно к покинутому лагерю, чтобы отыскать там хоть какие-нибудь следы Рокова и Джэн. Он тщательно обошел вокруг колючей изгороди и нашел здесь кое-что, привлечшее его внимание. Изгородь в одном

месте была разломана и разорвана, и по некоторым признакам можно было предположить, что кто-то пролез через это отверстие из лагеря и, очевидно, бежал в джунгли.

Превосходно развитое чувство обоняния подсказало Тарзану, что те двое, кого он ищет, бежали здесь из лагеря и притом бежали в одном направлении. Минуту спустя, он пошел по той же дороге, отыскивая слабые следы на земле.

* * *

В это время вдали от лагеря, в глухих зарослях девственного леса, пробиралась по узкой тропе объятая ужасом молодая женщина. Каждую минуту она боялась очутиться лицом к лицу с диким зверем или с таким же диким человеком. Она шла по узкой тропе наугад, надеясь, что тропинка приведет ее к большой реке. И вдруг остановилась в недоумении: окружающая местность показалась ей странно знакомой. Что это значит?

По одну сторону тропы, под гигантским деревом лежала куча валежника. Джэн с минуту подумала, и внезапно в ней проснулось воспоминание: да ведь здесь ее спрятал Андерсен! Здесь он отдал свою жизнь после бесплодной попытки спасти ее, Джэн, от посягательства негодяя! Да! Этого места в джунглях ей никогда не забыть — на всю жизнь оно врезалось в ее память.

При виде валежника Джэн вспомнила о винтовке и патронах, которые ей оставил в последнюю минуту злополучный швед. Ее рука все еще сжимала револьвер, выхваченный ею у Рокова. Револьвер, правда, хорошая защита, но в нем было только шесть зарядов, а это слишком мало для ее длинного пути к океану.

С замиранием сердца просунула она руку под валежник. Там ли клад, оставленный ею? К великой своей радости она нащупала ствол винтовки и сумочку с патронами и вытащила и то и другое из-под груды сухих ветвей. Джэн повесила сумку через плечо и взяла наперевес тяжелое ружье. Вооруженная таким образом, она почувствовала себя увереннее и с новой надеждой на успех продолжала свой путь.

Ночь она провела на деревьях, а рано утром отправилась дальше.

Днем, пересекая небольшую поляну, Джэн чуть было не наткнулась на громадную обезьяну, которая вышла навстречу из джунглей. Ветер

дул поперек лужайки, и Джэн догадалась встать так, чтобы очутиться против ветра. Она успела спрятаться в густом кустарнике и держала наготове свою винтовку.

Чудовище медленно двигалось по полянке, время от времени обнюхивая землю и как бы отыскивая чьи-то следы. И еще не успел этот гигантский антропоид сделать несколько шагов, как из чащи джунглей показался второй такой же, а затем еще и еще, и вскоре перед испуганной молодой женщиной предстали целых пять свирепых зверей.

К ее удивлению, обезьяны, словно в нерешительности, остановились посреди полянки. Они собрались в кучу и оглядывались назад, как бы ожидая еще кого-то.

Джэн страстно молила бога, чтобы они ушли как можно скорее. Каждую минуту случайный ветерок мог донести ее запах к обезьянам, и тогда никакое ружье в ее руках не помогло бы ей.

Она взглянула по тому направлению, куда глядели животные, и ей показалось, что она поняла, почему они толпятся здесь на лужайке, словно прячась от кого-то. Очевидно, их выслеживал хищник... И, действительно, через несколько минут Джэн увидела гибкую сильную пантеру: громадная кошка бесшумно выскользнула из джунглей, оттуда же, откуда вышли и обезьяны.

Но каково было удивление Джэн, когда пантера вместо того, чтобы кинуться на обезьян, близко подошла к обезьянам и, спокойно усевшись рядом с ними, стала со спокойно заботливым видом облизываться.

Но еще через несколько минут удивление Джэн сменилось уже страхом: из джунглей появился высокий чернокожий и приблизился к группе зверей. Она была уверена, что еще секунда — и от человека останутся одни клочья. Но черный человек спокойно подошел к странной компании и, что еще страннее, заговорил с ними...

Вскоре все это диковинное общество двинулось дальше и скрылось в противоположной стороне джунглей. Со вздохом облегчения вскочила Джэн на ноги и постаралась как можно дальше убежать от страшной банды; она ничего не понимала, и вскоре ей стало казаться, что она просто видела странный сон...

* * *

На той же дороге, за полмили назад, другой человек лежал на земле полумертвый от страха. Он спрятался за огромным муравейником и видел ту же банду. Это был Роков. Для него это звериное общество не было ни новостью, ни загадкой. Он узнал страшных союзников Тарзана. И как только звери прошли мимо него, он первым же делом вскочил и бросился со всех ног бежать. Он бежал по направлению к берегам Угамби.

Туда же шла и Джэн Клейтон. И когда она добралась, наконец, до реки, Роков был так близко к ней, что они могли встретиться каждую минуту.

На берегу молодая женщина увидела большой челн, наполовину вытасченный на берег и привязанный к дереву. Это была желанная находка! Если бы только Джэн смогла спустить челн в воду! Быть может, ей удалось бы добраться до океана! Отвязав веревку, Джэн схватилась за нос челна; толкая и раскачивая его, она старалась столкнуть ладью в воду; но все ее усилия были напрасны. Ей пришлось тогда в голову навалить на корму лодки какую-нибудь тяжесть и раскачивать челн до тех пор, пока он не спустится в воду.

Она нашла несколько тяжелых обрубков, с большим трудом подкатила их к челноку, втащила в него и уложила на корме. И с радостью заметила, что челн стал действительно опускаться в воду.

Она была так занята этой работой, что не заметила, как неподалеку от нее появился какой-то мужчина. Он следил за Джэн — и на его смуглом лице играла хитрая и недобрая усмешка.

Челн был уже в воде. Джэн вскочила в него, положила туда же ружье и сумку и уже хотела оттолкнуться веслом от берега. Вдруг в глаза ей бросилась какая-то мужская фигура. Легкий крик ужаса вырвался у молодой женщины: перед ней стоял Роков!

Он подбежал к берегу и, угрожая смертью, заставлял ее остановиться. Джэн Клейтон ничего не знала о неудачах, постигших Рокова со времени ее бегства из лагеря. Она была убеждена, что при нем есть оружие и что его люди следуют за ним. Но она твердо решила не попадаться ему в руки. Лучше смерть, чем то, что ее ожидает. Еще минута, и челн понесется по волнам! Только бы попасть на середину реки, а там она уже вне власти Рокова. На берегу не было другой лодки, и ни один человек, тем более такой трус, как Роков, не решится броситься вплавь в реку, кишашую крокодилами.

Роков был, в сущности, более всего поглощен своим бегством. Он охотно отказался бы от всех своих намерений по отношению к Джэн и даже наобещал бы ей что угодно, если бы только она позволила и ему воспользоваться драгоценной лодкой. Он подбежал к самой воде и протянул руку, чтобы схватить нос судна. Но в эту минуту Джэн Клейтон напрягла все свои силы и оттолкнула челн от берега.

Она на мгновение почти потеряла сознание от того страшного напряжения, в котором находилась последние минуты. Но, слава богу, она спасена!

Но не успела она опомниться, как увидела торжествующую улыбку на хитром лице Рокова. Он быстро нагнулся и с ликующим видом поднял еще остававшийся на берегу конец веревки, которой челн был привязан к дереву.

Джэн Клейтон с широко раскрытыми от ужаса глазами смотрела на Рокова. В последнюю минуту, когда, казалось, все шло благополучно, ее опять постигла неудача, и она вновь оказалась во власти негодяя.

XV

ВНИЗ ПО УГАМБИ

На середине дороги между Угамби и деревней Ваганвазам Тарзан встретился со своей дикой командой, которая медленно шла по его старым следам. Мугамби едва мог поверить, что Роков и жена его господина Джэн Клейтон прошли так близко от звериной команды. Ему казалось совершенно невероятным, чтобы два человеческих существа могли пройти мимо них, не будучи замеченными чуткими зверями. А между тем их следы неопровержимо доказывали это.

Тарзан, однако, сразу определил, что Джэн и Роков шли отнюдь не вместе, а порознь. След ясно указывал, что молодая женщина шла впереди на большом расстоянии от Рокова, но затем становилось столь же очевидным, что Роков быстро настигал свою жертву.

Вначале следы диких зверей виднелись поверх отпечатков ног Джэн Клейтон, между тем как следы Рокова доказывали, что последний проходил по тропе уже после того, как дикие звери оставили отпечатки своих лап. Но чем дальше, тем меньше было заметно следов зверей между отпечатками ног Джэн и Рокова, и, дойдя до реки, Тарзан установил, что Роков был только на несколько десятков саженей позади молодой женщины.

Он был убежден, что они здесь, совсем недалеко от него. Дрожа от нетерпения и ожидания, он опередил свою команду. Он несся по деревьям, перебрасываясь с ветки на ветку, и вышел к берегу как раз в том месте, где Роков догнал Джэн. На песке побережья он нашел ясные отпечатки следов тех двух людей, которых он искал, но ни лодки, ни людей не было.

Тарзан не сомневался, что они уплыли по реке в каком-нибудь туземном челноке. Зоркий глаз обезьяны-человека быстро окинул взором течение реки. Вдали, где река делала изгиб, Тарзан увидел челн, плывущий у берега под тенью густо нависших деревьев. На корме виднелась фигура мужчины.

Вышедшая на берег вслед за своим предводителем звериная команда видела, как он проворно помчался по болотистому грунту, перепрыгивая с кочки на кочку, к небольшому мысу на повороте реки.

Тяжелые неповоротливые обезьяны не могли идти по вязкому берегу; Шита тоже не любила такой ходьбы. Поэтому они пошли в обход по лесу. Мугамби тоже последовал за ними.

После получасового быстрого бега Тарзан достиг мыса. Отсюда открывался далекий вид на извилистую реку. И на ее светлой поверхности Тарзан сразу увидел челн и в нем Николая Рокова. Роков был один. Джэн не было с ним. При виде своего заклятого врага, широкая полоса на лбу обезьяны-человека побагровела от гнева, и он испустил страшный звериный крик обезьяны-самца. Роков содрогнулся при этом зловещем крике. Прижавшись ко дну лодки, стуча от ужаса зубами, он, не отрывая глаз, смотрел на человека, которого боялся больше всего на свете.

Находясь в челне на середине реки, Роков считал себя в безопасности; но уже один вид Тарзана приводил его в трепет. Трудно описать, что стало с ним, когда он увидел, что белый гигант бесстрашно нырнул в жуткие волны тропической реки и поплыл к лодке...

Рассекая волны быстрыми движениями рук, человек-обезьяна приближался к плывущему по течению челноку. Роков схватил лежащее на дне весло и, дико глядя на своего преследователя, гнал, что было сил, неповоротливый челн. А с противоположного берега на обнаженного пловца уже надвигалась зловещая рябь.

Тарзан достиг кормы судна. Вытянув руку, он схватился за борт. Роков сидел, не шевелясь, словно парализованный ужасом...

Что-то плеснуло за спиной у Тарзана. Он недоумевающе обернулся и увидел предательскую рябь. И понял, что это значит. В ту же минуту могучие челюсти обхватили его правую ногу. Он с силой рванулся, стараясь освободиться и влезть в челн. Страшная боль мутила его сознание. Роков вскочил и тяжелым веслом изо всех сил ударил своего врага по голове... Руки человека-обезьяны соскользнули с лодки, и он погрузился снова в воду.

На поверхности воды закипела и угасла недолгая борьба... Запенилась в круговороте вода, всплыли пузыри, разошлись на воде сглаживаемые течением круги. И этот водоворот, и эти пузыри, и круги отметили то место, где Тарзан из племени обезьян скрылся в зловещих водах Угамби...

* * *

Подкошенный пережитыми волнениями и смертельной усталостью, Роков в изнеможении повалился на дно лодки. В первый момент он не мог дать себе даже отчета о случившемся. Потом, поняв все значение выпавшей на его долю удачи, он торжествующе улыбнулся. Но радость его была непродолжительной. Лишь только у него мелькнула мысль о том, что теперь можно уже считать вполне безопасным дальнейшее путешествие до океана, как с берега до него донесся дикий рев.

Он оглянулся: на берегу, в густой листве сверкали устремленные на него злые глаза пантеры. Из-за нее выглядывали страшные обезьяны, а впереди этого кошмарного звериного воинства чернела мощная фигура чернокожего гиганта, который кричал и выразительно грозил Рокову кулаками...

* * *

Это было какое-то сумасшедшее бегство вниз по Угамби... Фантастическая орда гналась за лодкой Рокова днем и ночью. Иногда преследователи шли почти наравне с ним, иногда на время пропадали в лабиринте джунглей, чтобы вновь появиться с воплями гнева, с угрозами, с щелканьем клыков и диким воем. Это путешествие превратило крепкого, здорового Рокова в изнуренного, седого, полубезумного старика...

Он плыл мимо населенных поселков. Неоднократно туземные воины пытались в своих челнах перехватить его. Но всякий раз из джунглей появлялась страшная команда и отгоняла испуганных чернокожих обратно на берег.

Нигде на своем пути Роков не встречал следов Джэн Клейтон. Он не видел ее с того момента, когда схватил конец веревки, привязанной к лодке, и смеялся от мысли, что она опять находится в его власти. Но это был лишь один момент. В следующую же секунду молодая женщина схватила со дна челна ружье и прицелилась ему в грудь...

Быстро выпустил он тогда веревку, и челн с Джэн уплыл вниз по течению. Он же побежал по берегу вверх по реке к устью одного маленького притока: там был спрятан его челн, в котором он и его люди плыли во время преследования Андерсена и Джэн.

Что с ней? Роков не сомневался, что она попала в руки дикарей в какой-нибудь из деревень, мимо которых она плыла к океану.

Добравшись, наконец, до устья Угамби, Роков воспрял духом: там на желтых водах бухты стоял на якоре «Кинкэд».

Перед своей поездкой вверх по реке он отослал пароход грузиться углем, оставив его на попечение Павлова. Он чуть не вскрикнул от радости, когда увидел, что пароход уже вернулся и нагруженный стоял на рейде. Усиленно он начал грести к пароходу, время от времени оборачиваясь и громко крича, чтобы привлечь внимание экипажа. Но его крики не вызывали никакого ответа с палубы молчаливого судна. Роков бросил беглый взгляд на берег: страшная команда уже обогнала его и находилась на морском побережье.

Но что стало с теми, кого он оставил на «Кинкэде»? Где Павлов? Неужели судно брошено экипажем? Неужели ему, пережившему все эти кошмарные дни и ночи, предстоят еще новые испытания? Роков вздрогнул: ему вдруг почувствовалось дыхание смерти.

Однако он продолжал грести и, спустя короткое время, нос челна стукнулся о борт парохода. На одной стороне свешивалась веревочная лестница. Но, когда Роков обеими руками схватился за нее, он услышал с палубы грозный предостерегающий окрик и, подняв голову, увидел холодное, безжалостное дуло ружья.

* * *

После того, как Джэн Клейтон насмерть перепугала на берегу Угамби своей винтовкой Рокова и ей удалось, благодаря этому «жесту», ускользнуть в челноке от его преследования, она все время держалась самого сильного течения.

Все эти длинные дни и тяжелые ночи она держала лодку на страже. Только в самые жаркие часы дня она ложилась на дно лодки, прикрыв лицо большим пальмовым листом, и отдавалась течению. Это были ее единственные часы отдыха, в другое же время она гребла, стараясь увеличить быстроту движения.

Напротив того, Роков, плывя следом за ней по той же реке, держался все время в струе слабого течения, так как он старался уклоняться как можно дальше от того берега, по которому шли его страшные преследователи, и попадал в тихие заводи противоположного берега.

Таким образом, хотя Роков отплыл вниз по Угамби почти одновременно с Джэн, она достигла бухты двумя часами раньше его.

Увидев стоявший на якоре пароход, она невольно прослезилась от радости и надежды. Но радость сменилась тяжелым раздумьем, когда Джэн увидела, что это «Кинкэд»: тот самый «Кинкэд», на котором она уже перенесла столько испытаний!

Но у нее была надежда, что теперь, когда Рокова там нет и не будет, ей удастся уговорить экипаж отвезти ее за большое вознаграждение в ближайший цивилизованный портовый город. Во всяком случае, ей стоило пойти даже на риск — только бы добраться до парохода!

Течение быстро несло ее вниз по реке, и она почувствовала, что только при напряжении всех сил ей удастся направить свой неповоротливый челн к «Кинкэду». Она рассчитывала, что с парохода помогут ей, но, к ее удивлению, на борту не было даже признака жизни. Челн несся все ближе и ближе к носу парохода, а между тем никто не окликал ее. Еще минута, и ее отнесет за пароход, и, если не спустят шлюпки для ее спасения, она будет унесена течением в океан.

Джэн начала громко звать на помощь, но в ответ послышался только пронзительный рев зверей из окрестных джунглей. Джэн изо всех сил налегла на весла, чтобы подъехать к пароходу. Но челн относилось течением в сторону, и, казалось, что он ни за что не удержится около парохода и унесется в открытое море.

Но в самую последнюю минуту челн попал в струю водоворота — в одну из тех крутящихся пучин, которых так много в устье быстрой реки. Быстрая кружащаяся струя отбросила челн в сторону, и он попал под самый нос парохода. Джэн успела ухватиться за якорную цепь. Прикрепив конец лодочной веревки к цепи, она пустила челн вдоль борта, пока он не очутился под спускавшейся с борта веревочной лестницей.

С перекинутым через плечо ружьем, она ловко вскарабкалась на палубу парохода. Первым же делом она стала осматривать пароход. Она держала ружье наготове, не без основания опасаясь какого-нибудь нападения. С первого же взгляда Джэн поняла, почему пароход казался покинутым: в кубрике она наткнулась на двух мертвецки пьяных матросов, которым, очевидно, была поручена охрана судна.

Содрогаясь от отвращения, Джэн поспешила взобраться наверх и плотно прикрыла люк над спящими матросами. Затем она отправилась на поиски еды, нашла на кухне кой-какую провизию и, утолив свой

голод, заняла на палубе караульный пост с ружьем в руках. Она решила, что никто против ее воли не причалит к борту «Кинкэда».

Прошло около часа. Ничто не показывалось на реке, что могло бы вызвать у нее тревогу, но вот в излучине реки показался челн. На нем виднелась фигура мужчины. Челн приблизился к пароходу, Джэн узнала Рокова и направила на него дуло ружья...

* * *

Увидев, кто целит в него из винтовки, Роков пришел в неопишемую ярость. Он всячески грозил Джэн и осыпал ее ругательствами. Видя, что это на нее не действует, он переменял тон: начал умолять ее и соблазнять разными обещаниями. На все его предложения Джэн отвечала одно: она никогда не позволит Рокову быть на том же пароходе, где она, и при первой же его попытке взобраться по лестнице, она его застрелит.

Не видя никакого другого выхода из положения, Роков решил, рискуя каждую минуту быть отнесенным в открытое море, высадиться на берег. А на другом берегу по-прежнему стояла и ждала его страшная команда.

К вечеру молодая женщина была сильно встревожена доносившимися с моря криками. Это кричал Роков. Джэн выглянула за борт и с ужасом увидела приближающуюся к «Кинкэду» пароходную шлюпку. В ней сидело несколько мужчин.

XVI

ВО МРАКЕ НОЧИ

Когда Тарзан понял, что его схватили могучие челюсти крокодила, он не покорился судьбе и не оставил надежды на спасение. Так поступил бы только обыкновенный человек, но не Тарзан-обезьяна! Раньше, чем чудовище утащило его в воду, он набрал в легкие как можно больше воздуха, а затем накрепко все свои жизненные силы, чтобы высвободиться из пасти чудовища. Он нащупал свой каменный нож, вытащил его и стал, что было мочи, долбить им толстую кожу пресмыкающегося.

Боль и страх заставили крокодила еще быстрее поплыть в свою берлогу. И в ту минуту, когда человек-обезьяна почувствовал, что уже задыхается, он был выброшен на илистый грунт, а голова оказалась над поверхностью воды. Несколько мгновений Тарзан жадно вдыхал спертый воздух берлоги, лежа на вязком иле. Вокруг него был мрак и безмолвие могилы. Сцепившись с крокодилом, Тарзан некоторое время лежал с ним рядом; он чувствовал прикосновение холодного тела чудовища. Не теряя надежды на спасение, он продолжал вонзать свой каменный нож в брюхо животного, пока не почувствовал, что огромное туловище крокодила конвульсивно затрепетало и замерло в неподвижности.

Высвободив свою ногу из его пасти, человек-обезьяна начал ногами исследовать берлогу. Без сомнения, единственным ее входом и выходом было то отверстие, через которое крокодил протащил его. Его первой мыслью было, конечно, скорее выбраться отсюда, но это оказалось не так-то просто. Он ежеминутно рисковал попасть в зубастую пасть другого такого же страшилища.

Мало того: если бы даже он благополучно выбрался на свободное течение, то и там его каждую минуту ждала опасность нападения. Но другого выбора все равно у него не было, и, наполнив легкие спертым и зловонным воздухом берлоги, Тарзан нырнул в темное отверстие, которого он не мог видеть, а только нащупал своими ногами.

Нога, которая побывала в крокодильей пасти, была сильно разорвана, но кости остались целы. Мышцы и сухожилия были тоже не

настолько повреждены, чтобы нельзя было пользоваться раненой ногой. Тарзан ощущал мучительную боль и только.

Но Тарзан из племени обезьян умел стойко переносить страдания, а потому, исследовав ногу и убедившись в ее относительной целости, он больше не думал о ней.

Быстро пролез и проплыл он через проход, выходящий на илистое дно реки. Вынырнув на поверхность реки, он увидел недалеко от себя головы двух крокодилов. Они быстро приближались к нему... С нечеловеческими усилиями Тарзану удалось уйти от этой погони и, приплыв к берегу, он схватился здесь за свешивающийся сук большого дерева.

Он успел сюда вовремя! Две огромные пасти защелкали под ним зубами, но он был уже в безопасности. От пережитых волнений и усталости он ослабел и прилег на берег, чтобы отдохнуть. Но он не спал: его глаза зорко всматривались в даль... Он искал и ждал Рокова. Но ни лодки, ни Рокова нигде не было видно.

Отдохнув и перевязав свою раненую ногу большим пальмовым листом, Тарзан снова пустился преследовать своего врага. Он оказался теперь не на том берегу, на который он вышел из джунглей, а на противоположном, но это ему показалось безразличным.

Вскоре он с огорчением заметил, что его нога была повреждена гораздо сильнее, чем это ему показалось сначала. Она очень мешала быстроте его передвижения. По земле он еще мог двигаться довольно быстро, хотя и с большим трудом и страданиями. Но прыгать с дерева на дерево во «втором этаже» джунглей оказывалось прямо невозможным. А между тем этот способ передвижения всегда был у Тарзана излюбленным и самым быстрым.

От старой негритянки, Тамбуджи, Тарзан узнал, что белая женщина, хоть и была опечалена смертью ребенка, но будто бы говорила, что этот ребенок не ее, а чужой. Тарзан не видел причины, почему Джэн стала бы отрёкаться от своего ребенка. Единственным объяснением могло быть, что женщина, сопровождавшая вместе со шведом его сына, была вовсе не Джэн.

Чем больше он думал об этом, тем больше он приходил к убеждению, что его сын умер, а жена находится в Лондоне и ничего не знает о судьбе своего Джека. В таком случае, он неверно понял намек Рокова и напрасно все это время так беспокоился за Джэн.

Но мысль о смерти сына повергла его опять в уныние. Несмотря на свою привычку к жестокостям и страданиям, Тарзан содрогался при мысли о страшной судьбе, постигшей ни в чем не повинного ребенка.

В продолжение всего путешествия к океану Тарзан думал о том, сколько зла и горя принес ему и его семье Роков, и широкая багровая полоса, обозначавшая всегда моменты его наивысшей животной ярости, не сходила с его лба. Время от времени он издавал невольный рев или такое свирепое рычание, что мелкие животные джунглей прятались от испуга в свои норы. О если бы ему суждено было схватить этого негодяя!

В пути воинственные туземцы дважды пытались напасть на него, но, услышав страшный обезьяний крик и увидев яростно набрасывавшегося на них белого великана, немедленно обращались в бегство.

Тарзан привык передвигаться с быстротой самых проворных обезьян; ему казалось поэтому, что он движется очень медленно; на самом же деле он двигался почти с такой же скоростью, как Роков. Он подошел к океану в один день с Джэн и с Роковым, но только поздним вечером, когда уже наступила густая темнота. Над черной рекой и прибрежными джунглями навис такой мрак, что даже Тарзан, глаза которого привыкли различать в темноте, едва мог видеть на несколько сажен перед собой.

Он собирался исследовать морской берег в надежде найти следы Рокова и женщины, которая, по его мнению, шла впереди Рокова. Он, конечно, и представить себе не мог, что «Кинкэд» или вообще какой-либо пароход стоит на якоре в нескольких саженях от него. Не единственный огонек не выдавал присутствия парохода. Внезапно внимание его было привлечено шумом весел: кто-то ехал в лодке на недалеком расстоянии от берега. Вскоре этот шум прекратился, и послышались звуки ног, подымавшихся по веревочной лестнице и ударявшихся о стенки корабля. Что бы это могло значить?

Тарзан стоял на самом берегу, напряженно всматриваясь в густой мрак, но нигде не мог обнаружить присутствия парохода. Вдруг грянули выстрелы, и зазвенел отчаянный женский крик. Тарзан из племени обезьян забыл про свою усталость и раны. Не колеблясь ни секунды, он бросился в воду и поплыл в непроницаемой тьме туда, где стреляли и кричала женщина.

* * *

Шлюпка, привлекая внимание Джэн, была также замечена Роковым с одного берега и Мугамби с другого.

Роков подозвал шлюпку и в ней направился к «Кинкэду». Но не прошла она и половины расстояния, как выстрел из ружья, грянувший в темноте, уложил одного из матросов на носу шлюпки. Шлюпка начала двигаться медленнее, ехавшие повернули к берегу и там остановились. Они ровно ничего не могли различить в быстро наступившей темноте.

* * *

Дикая команда Тарзана находилась на противоположном берегу под предводительством Мугамби.

Этот преданный человек знал все обстоятельства, приведшие Тарзана на остров джунглей. Он знал, что его господин искал жену и ребенка, знал, что они были украдены злым белым человеком, которого они преследовали вверх по Угамби, далеко внутрь страны, а теперь обратно до океана. Он полагал, что этот же самый человек убил и белого великана, которого Мугамби почитал и любил преданнее и горячее, чем кого-либо из величайших предводителей своего племени. И Мугамби твердо решил настигнуть злого человека и достойно отомстить ему за убийство своего господина.

Мугамби сообразил, что имея в своем распоряжении небольшое судно, он мог бы быстро расправиться со всеми врагами Тарзана, которые, как он знал, находились на «Кинкэде». Но как добыть это судно?

* * *

Роков и его спутники отступили перед выстрелами Джэн, темнота укрывала их где-то на реке. И Джэн решила использовать темноту и эту временную передышку для последней и решительной попытки к своему спасению. С этой целью она вступила в переговоры с двумя матросами, которых она заперла в каюте; и под угрозой смерти они согласились повиноваться ей.

Становилось уже темно, когда Джэн выпустила их. С револьвером в руках она выводила их по очереди, заставляя поднять руки вверх и тщательно обыскивая их. Удостоверившись, что они безоружны, она

приказала им поднять якорь и пустить пароход свободно по волнам океана.

Она считала безопаснее довериться стихии, чем мстительному и жестокому Рокову. Можно было надеяться, что «Кинкэд» будет замечен каким-нибудь встречным кораблем.

Притом на пароходе имелось достаточное количество съестных припасов и воды — так по крайней мере ее уверили матросы — потому Джэн имела некоторые основания надеяться на успех ее замысла.

Надвигалась ночь... Тяжелые тучи нависли над джунглями и морем, только на западе, на горизонте безбрежного океана, еще виднелась светлая полоса. Темнота ночи благоприятствовала исполнению задуманного ей плана. В темноте враги не заметят, что на пароходе что-то происходит и не смогут определить направление, по которому быстрое течение унесет «Кинкэд» в океан. К рассвету отлив увлечет «Кинкэд» в Бенгуэльское течение, которое направляется вдоль берегов Африки к северу. Так как дул сильный южный ветер, то Джэн надеялась скрыться из бухты Угамби раньше, чем Роков заметит исчезновение парохода.

Джэн с револьвером в руках стояла около работающих матросов и торопила их — и у нее вырвался вздох облегчения, когда якорь был, наконец, поднят к бушприту... Она знала, что теперь она скоро выберется из дикой Угамби.

Все еще угрожая револьвером двум пленникам, Джэн приказала им идти в каюту с намерением опять их запереть. Но они стали так горячо клясться честно и верно служить ей, что она сдалась на их просьбы и разрешила им остаться на палубе. Между тем «Кинкэд» незаметно, но быстро неся по течению. На минуту пароход застрял на мели, но затем, повернувшись носом к берегу, медленно тронулся вновь.

Джэн Клейтон уже поздравляла себя с удачей. Все шло хорошо. Вдруг она услышала трескотню ружей и крик женщины — громкий, пронзительный, перепуганный... Стреляли и кричали в том месте, где перед этим стоял на якоре «Кинкэд». Джэн вся превратилась во внимание: что такое происходило там?

Матросы на «Кинкэде» были убеждены, что выстрелы обозначают появление их командира. Им совершенно не нравился план Джэн носиться по океану по воле ветра и волн. Тихонько — за спиной Джэн

— они сговорились арестовать эту женщину и позвать Рокова и его спутников на помощь. Судьба им благоприятствовала: звук выстрелов отвлек внимание Джэн Клейтон от матросов. Они, крадучись, подошли к ней сзади, схватили ее и связали. Когда матросы вели ее по палубе, Джэн увидела силуэт мужчины, который перелезал через борт «Кинкэда».

После долгих трудов, мук и испытаний ее героическая борьба за свободу потерпела опять неудачу.

XVII

НА ПАЛУБЕ «КИНКЭДА»

Мугамби повернул со своей командой обратно в джунгли не зря: у него была определенная цель. Он хотел раздобыть челн, чтобы переправить зверей Тарзана на борт «Кинкэда». К вечеру он действительно нашел лодку, оставленную кем-то на берегу небольшого рукава Угамби. Не теряя времени, он согнал в лодку всю звериную команду и отчалил от берега. Впотьмах Мугамби не заметил, что на дне лодки спала какая-то женщина.

Не успели они отплыть от берега, как одна из обезьян дико и злобно зарычала и пришла в беспокойство. Мугамби наклонился, чтобы узнать, на кого она рычит, и увидел лежавшую женщину. С трудом ему удалось удержать обезьяну и успокоить женщину. К удивлению Мугамби, это была негритянка. Оказалось, что она бежала из своей деревни, не желая быть выданной замуж за ненавистного ей старого человека, и спряталась на ночь в челне, найденном ей на берегу реки. Она была большой помехой Мугамби, но делать было нечего. Он не хотел терять времени на высаживание ее на берег и позволил ей остаться.

Со всей скоростью, на которую они были только способны, страшные спутники Мугамби мчали лодку ударами своих весел к устью реки и «Кинкэду». Мугамби с большим трудом различал в темноте неясные силуэты парохода.

Чернокожий вождь был крайне удивлен, когда заметил, что пароход движется вниз по течению. Он стал уговаривать свою команду налечь на весла, чтобы нагнать пароход. В этот момент, на расстоянии сажени от его лодки, неожиданно вынырнула из темноты другая шлюпка.

Экипаж этой шлюпки заметил ладью Мугамби, но не успел рассмотреть ее страшных пассажиров. Человек, сидящий на носу чужой шлюпки, крикнул им, желая предупредить столкновение.

В ответ послышалось угрожающее ворчание пантеры, и человек на шлюпке увидел перед собой горящие глаза Шиты. Пантера, положив передние лапы на борт, готовилась прыгнуть на пассажиров шлюпки. Роков (это он был в шлюпке) понял, какая опасность угрожает ему и его спутникам. И он приказал стрелять по встречной лодке.

Эти-то ружейные залпы и крик перепуганной негритянки и слышали в темноте Джэн и Тарзан.

Раньше, чем неповоротливые и неискусные гребцы Мугамби сумели использовать свое преимущество, чужая шлюпка быстро повернулась, и матросы, что было силы, налегли на весла, направляясь к «Кинкэду». Пароход, толкнувшись об отмель, попал в полосу медленного течения, и его относило к южному берегу Угамби. Таким образом «Кинкэд» предавал Джэн Клейтон прямо в руки ее врагов.

В это время Тарзан бросился в воду и поплыл наугад к невидимой цели. Он не видел в темноте парохода, и ему в голову не могло прийти, что совсем близко от него находится большое судно. Плывая во мраке, он руководствовался только звуками, доносившимися к нему с обеих лодок.

В его памяти живо встала его последняя встреча с крокодилом в водах Угамби, и он невольно содрогнулся. Два раза он чувствовал чье-то прикосновение к своим ногам, но никто не схватил его. В темноте перед ним неожиданно выросла бесформенная высокая масса, и, к его удивлению, он нащупал просмоленный борт корабля. С ловкостью обезьяны он ухватился за якорную цепь, перелез через бортовую сетку и выскочил на палубу. На противоположной стороне палубы — он это ясно слышал — происходила какая-то борьба. Тарзан бесшумно побежал туда, спотыкаясь о канаты.

Теперь не было уже так темно, как прежде. Взошла луна. И, хотя во многих местах небо все еще было обложено тучами, мрак не был так непроницаем, как раньше. Зоркие глаза Тарзана увидели на корме фигуры двух мужчин, боровшихся с женщиной.

На пароходе появилась новая неведомая сила... Матросы, тащившие молодую женщину, первые узнали об этом... Эта сила прежде всего обрушилась на них: чьи-то могучие руки схватили их за

плечи. Еще мгновение — и оба матроса были отброшены в сторону с такой легкостью, с какой могучее маховое колесо швыряет в воздух мелкие щепки.

— Джэн!

Молодая женщина сразу узнала своего мужа и с радостным криком бросилась к нему. Развязать ей руки, поднять ее, как ребенка, прижать к груди, расцеловать, было для Тарзана делом одной минуты. Громадное, ослепительное счастье засияло в его сердце...

— Джэн! Джэн! Дорогая, любимая жена!

Но радость свидания была слишком коротка. Не успели оба супруга опомниться, как увидели, что через борт «Кинкэда» лезут какие-то люди. Тучи разошлись, и луна ярко осветила палубу. Перед Тарзаном стояли Роков и его товарищи.

Тарзан быстро втокнул Джэн в каюту, около которой они стояли, а сам, не тратя ни секунды, бросился на Рокова. Двое матросов, стоявших позади Рокова, прицелились в Тарзана и выстрелили.

А в полутьме позади них по веревочной лестнице на борт парохода поднимались еще какие-то фигуры. Это была страшная звериная команда Тарзана! Сначала появились и грозно рычали пять громадных обезьян с оскаленными клыками и покрытыми пеной мордами, а за ними перепрыгнул через борт чернокожий гигант; его длинное копьё сверкало при лунном свете. Позади них карабкался еще один зверь, и из всей этой странной команды он был самый страшный. Это была Шита, пантера, с разинутой пастью и свирепыми глазами, горящими ненавистью и кровожадностью.

Тарзан был жив. Матросы промахнулись: у них дрожали руки при виде приближавшихся свирепых обезьян. Объятый паническим страхом, весь экипаж «Кинкэда» попрятался по разным углам. Четыре матроса кинулись в кубрик и пытались забаррикадироваться.

Там, в темной каюте, сидел, скорчившись, Роков. Возмущенные тем, что он первый убежал и покинул их в минуту опасности, матросы набросились на него с руганью и вышвырнули его обратно на палубу.

Тарзан и его заклятый враг встретились лицом к лицу...

Еще минута — и Тарзан бросился бы на Рокова... Но Шита, следившая за Роковым, предупредила своего хозяина. С оскаленными зубами могучий зверь бесшумно подкрался к объятому ужасом

человеку. Отчаянные крики о помощи огласили воздух, когда Роков увидел, что к нему крадется свирепая пантера.

Тарзан подскочил к Рокову. Его сердце горело яростным огнем мести. Наконец-то убийца его сына в его руках!

Однажды Джэн остановила его руку, когда он хотел покарать Рокова своей властью. Теперь никто не остановит его — он приговорил преступника к давно заслуженной смерти и сам казнит его! Но тут он внезапно увидел Шиту, готовившуюся отнять у него законную жертву его мщения. Тарзан громко прикрикнул на зверя и приказал Шите отойти.

Роков воспользовался удобной минутой и бросился бежать на нос парохода. Шита, не обращая внимания на голос своего господина, бросилась за ним. Тарзан в свою очередь кинулся за ними, но вдруг почувствовал легкое прикосновение к руке. Обернувшись, он увидел испуганную Джэн.

— Не оставляй меня одну, — прошептала она. — Я боюсь твоих зверей.

Тарзан оглянулся. За Джэн стояло несколько обезьян. Две или три из них подкрадывались к молодой женщине с оскаленными клыками и с угрожающим рычанием. Обезьяна-человек отогнал их. Он совершенно упустил из вида, что они не знают Джэн и вообще не умеют различать его врагов от друзей.

Роков забрался на капитанский мостик. Там он стоял у штурвала, дрожа всем телом, и широко раскрытыми глазами глядел на зверя, медленно подкрадывающегося к нему. Пантера ползла, глухо ворча. Роков стоял как окаменелый — его глаза были готовы выскочить из орбит, и холодный пот выступил у него на лбу. Под ним на палубе стояли огромные антропоиды и, словно выжидая момента, высматривали его снизу. Роков потерял всякую надежду на спасение. Его колени дрожали. С его уст срывались какие-то нечленораздельные звуки.

Пантера прыгнула на Рокова и повалила его на спину. Джэн Клейтон невольно отвернулась в ужасе; громадные клыки Шиты разрывали несчастному грудь и шею. Но Тарзан из племени обезьян не отвернулся. Торжествующая улыбка трепетала на его губах. Багровая полоса на его лбу бледнела и, наконец, совсем исчезла.

Роков отбивался, как мог, от рычащей, яростной пантеры, но все было тщетно! Пантера мучила свою жертву, как кот мышонка! Все свои злодеяния он искупил этой страшной смертью.

Когда борьба кончилась, Тарзан, по просьбе Джэн, хотел вырвать тело Рокова из когтей пантеры для погребения; но раздраженная, опьяненная кровью и борьбой, Шита, рыча, встала с ногами на свою добычу и готова была кинуться на своего господина, и Тарзан должен был отказаться от своего намерения.

При свете луны зверь предавался кровавому пиршеству до утра, и когда солнце встало, от злейшего врага Тарзана остались лишь обглоданные кости...

* * *

Из партии Рокова все были налицо, кроме Павлова. Четверо были пленниками на «Кинкэде». Остальные погибли.

С помощью этих четырех уцелевших матросов Тарзан на «Кинкэде» решил отправиться на поиски Острова Джунглей. Случайно остался в живых помощник капитана. Он мог оказать Тарзану большую помощь в плавании.

На рассвете поднялся сильный западный ветер, и помощник не решился выйти в море. Весь день пароход стоял на якоре в устье реки под прикрытием берега. Хотя к вечеру ветер стих, решено было ждать следующего утра для отплытия.

Звериная команда Тарзана днем беспрепятственно расхаживала по палубе парохода — Тарзан и Мугамби внушили ей, что они не смеют трогать никого на «Кинкэде», но на ночь, из предосторожности, их запирали в трюм.

Радость Тарзана была безгранична, когда Джэн сказала ему, что ребенок, умерший в деревне Ваганвазам, был не его сыном. Кто был этот ребенок и что стало с их сыном, они не могли узнать, так как ни Рокова, ни Павлова не было... Но уже надежда на то, что их сын остался в живых, была большим утешением. Очевидно, маленький Джек вовсе не был привезен на борт «Кинкэда», иначе Андерсен знал бы это. Он не переставал уверять Джэн перед своей смертью, что ребенок, переданный им Джэн, был единственным ребенком на борту «Кинкэда».

XVIII

ЗАМЫСЕЛ МЩЕНИЯ

Джэн и Тарзан, сидя на палубе, рассказывали друг другу свои приключения, пережитые каждым из них с того времени, когда они расстались в Лондоне. В это время с берега за ними следила пара злобных глаз.

Пока билось сердце Алексея Павлова, ни один человек, возбудивший к себе его неприязнь, не мог считать себя в безопасности. В мозгу этого человека уже рождались планы, каким образом помешать отъезду Тарзана и его жены на родину!

Он придумывал один план за другим, но ни один не удовлетворял его: то он считал его невыполнимым, то слишком мягким для своей мести. Но при каждом новом плане Павлов приходил к заключению, что он ничего не сможет сделать, пока не попадет сам на пароход, где находятся будущие жертвы его мести. Но как добраться до корабля? Он мог достать лодку только в негритянской деревушке, а Павлов не был уверен, что «Кинкэд» будет все еще стоять здесь на якоре, пока он вернется на лодке.

Однако другого выхода не было. И, погрозив на прощанье Джэн и Тарзану кулаком, Павлов скрылся в густых джунглях. Но по дороге в его уме возник новый план, по его мнению, наиболее целесообразный. Он решил забраться ночью на борт «Кинкэда», отыскать кого-либо из команды, кто остался живым после той страшной ночи, и уговорить их вырвать пароход из рук Тарзана. В его прежней каюте было оружие и патроны, а в одном потайном отделении даже была спрятана адская машина, которую Павлов смастерил еще в то время, когда он был анархистом.

Если бы только добраться до нее! В этом маленьком деревянном ящике было достаточно разрушительной силы, чтобы в одну секунду превратить в прах всех врагов на борту «Кинкэда».

Павлов решительно остановился на этом плане и уже предвкушал сладость мести. И, несмотря на свою усталость, ускорил шаги, чтобы не опоздать и застать «Кинкэд» еще на рейде. Конечно, все зависело от того, когда «Кинкэд» отплывет. Павлов знал, что он ничего не сможет сделать днем, при свете. Только ночью можно рискнуть на такой шаг.

Если только Тарзан или леди Грейсток его увидят, ему ни за что не попасть на судно.

Он догадывался, что «Кинкэд» задержался из-за сильного ветра. Если ветер не стихнет до вечера, то все шансы будут на его стороне. Было слишком мало вероятности, что Тарзан решится отплыть в темноте, так как извилистый рукав Угамби отличался дурным фарватером и в нем было много мелей и островков.

Поздно вечером Павлов добрался до деревушки на берегу Угамби. Чернокожий предводитель встретил его подозрительно и недружелюбно. У него было слишком мало оснований симпатизировать этому белому человеку: он так же, как и все, кто так или иначе приходил в соприкосновение с Роковым или Павловым, пострадал от их алчности, жестокости и распутства.

Павлов обратился к нему с просьбой дать ему челн. Но предводитель угрюмо отказал. А в ответ на дальнейшие просьбы и увещания попросту предложил белому человеку покинуть деревню. Предводитель был окружен свирепыми воинами, которые, казалось, только и ждали повода, чтобы проткнуть незваного гостя копьями. При таких условиях Павлову не оставалось ничего другого, как уйти...

Человек десять вооруженных туземцев проводили его за деревню и на прощанье предложили ему не показываться больше в их соседстве.

Подавив свою злобу, Павлов скрылся в джунглях, но там остановился и стал выжидать, когда уйдут его конвоиры. Он напряженно прислушивался; слышал удалявшиеся голоса чернокожих и, убедившись, что они действительно ушли и никто не следит за ним, пробрался через кусты к берегу реки. Он решил во что бы то ни стало добыть нужный ему челн.

Для него было вопросом жизни попасть на «Кинкэд» и уговорить остаток экипажа перейти на его сторону. Оставаться здесь, среди опасностей африканских джунглей, где он успел возбудить против себя всех туземцев, было равносильно смертному приговору. А к этому присоединялась еще неутолимая жажда мести.

Ему не пришлось долго ждать. Вскоре на поверхности реки показался один из тех небольших неуклюжих челнов, которые мастерят туземцы. Какой-то чернокожий парень выехал на нем из деревушки и, гребя одним веслом, неторопливо направил его к

середине реки. Там он пустил челн плыть по течению, а сам беспечно улегся на дно своего челна.

Не подозревая о том, что с берега жадно следят за ним чьи-то жестокие глаза, молодой негр медленно плыл вниз по течению. А в это время по берегу шел, не отставая от него, Павлов. Чернокожий юноша проехал небольшое расстояние, а затем направил лодку к берегу, где таился Павлов, к большой радости последнего. Павлов спрятался в кустарнике и следил, куда причалит челнок. В этом месте течение реки было очень медленное. Так же медленно приближался и челнок. Парень, не торопясь, направил свою лодку под небольшое, свешивающееся над водой дерево.

Павлов уподобился пресмыкающемуся: он лежал на траве. Жестокие, хитрые глаза были устремлены на желанный челн; он оценивал взглядом фигуру юноши, взвешивал свои шансы на успех в случае возможного столкновения. У него оставалось уже очень мало времени, чтобы попасть на «Кинкэд» до рассвета. Оставит ли когда-нибудь этот чернокожий болван свой челн? Павлов выходил из себя. А юноша, не торопясь, с ленивой медлительностью осмотрел стрелы в колчане, попробовал лук, вынул охотничий нож... Затем он потянулся и зевнул. Посмотрел на берег, передернул плечами и опять улегся на дно, чтобы вздремнуть до заката солнца.

Павлов слегка приподнялся. Он не отрывал глаз от своей жертвы. Чернокожий парень закрыл глаза; он заснул. Павлов встал на ноги. Желанная минута наступила...

Павлов подкрался поближе. Ветка захрустела под тяжестью его ног, и юноша беспокойно повернулся во сне. Павлов вытащил револьвер и нацелился в чернокожего. Он застыл в ожидании, но тот уже опять крепко спал. Белый человек подполз еще ближе. Он знал, что необходимо выстрелить без промаха. Близко наклонившись над спящим, Павлов приставил дуло револьвера к его груди. Молодой негр продолжал безмятежно спать; нежный пушок лежал на его темных щеках; он улыбался во сне.

Рука Павлова не дрогнула при виде картины счастливой безмятежной молодости. С усмешкой на губах надавил он на курок. Послышался негромкий сухой треск, слабо прозвучавший в сыром воздухе. Тело немного приподнялось. Улыбавшиеся губы

конвульсивно передернулись, и безвестный чернокожий мальчик погрузился в глубокий, вечный сон.

Убийца быстро вскочил в челн, схватил мертвого мальчика и без зазрения совести перебросил его за борт в темную, кишевшую крокодилами реку...

Отвязать веревку было делом одной минуты. И, схватив весло, Павлов стал лихорадочно грести по направлению к бухте Угамби. Уже наступила ночь, когда челн выехал из притока на реку Угамби. Павлов напрягал свое зрение, стараясь пронизать быстро сгустившуюся темноту.

Стоял ли еще пароход в водах Угамби, или же Тарзан отважился выйти в море? Это было весьма возможно, так как ветер утих. Эти вопросы сильно тревожили Павлова. Ему казалось в темноте, что он несется с большой скоростью; поэтому он все больше убеждался, что давно должен был достигнуть места стоянки «Кинкэда».

Но вот перед ним показалась светящаяся точка — это был мигающий свет корабельного фонаря. Павлов перестал грести, предоставив челну плыть по течению, изредка погружая бесшумно весло в воду, чтобы направить свое примитивное судно к борту парохода.

Темная масса корабля как-то сразу выросла перед ним в темноте. Ни единого звука не доносилось с палубы. Никем не замеченный, Павлов подплыл вплотную к пароходу. Легкий стук его лодки, ударившейся о борт «Кинкэда» почти не нарушил молчания ночи.

Дрожа от нервного возбуждения, Павлов несколько минут сидел неподвижно в лодке. Наверху было все спокойно, ничто не свидетельствовало о том, что его заметили. Тогда он осторожно направил челн вдоль борта, пока веревочная лестница не оказалась как раз над ним. Привязав лодку, он вылез из нее и поднялся, никем не замеченный, на палубу.

Он чувствовал сильное нервное напряжение. Невольно подумал он о страшной команде, которая сейчас находилась на пароходе, и мурашки забегали у него по спине. Но кругом все было пусто и тихо. Даже вахтенного не было нигде видно.

Павлов бесшумно подкрался к матросской каюте. Там тоже было тихо. Люк был поднят. Заглянув вниз, Павлов увидел матроса: последний читал там книгу при свете фонаря. Павлов хорошо знал

этого матроса. Это был отъявленный мошенник. На него-то, главным образом, он и рассчитывал при составлении своего адского плана.

Осторожно спустился он по узкой и крутой лестнице в каюту. Матрос был так углублен в чтение, что не заметил вошедшего. Только когда тот позвал матроса по имени, последний поднял голову. Его глаза широко раскрылись от удивления при виде знакомого лица, но в следующую секунду он нахмурился и воскликнул:

— Черт возьми! Откуда вы явились? Мы думали, что вы уже давно подошли. Лорд будет очень рад вас видеть, прикажете доложить?

Павлов подошел к матросу с дружеской улыбкой и протянутой рукой с таким видом, как будто встретился с дорогим приятелем. Матрос не обратил внимания на протянутую руку и не улыбнулся в ответ.

— Я пришел вам помочь! — объяснил Павлов. — Я хочу помочь вам отделаться от этой английской обезьяны и его страшной команды, тогда нам нечего будет бояться правосудия, если вернемся опять на родину. Мы можем напасть на них ночью, когда они спят, а затем нетрудно будет справиться и со зверями. Кстати, где они?

— Они внизу, — ответил матрос. — Только знаете что, Павлов! Если вы думаете восстановить нас против нашего нового капитана, то это ровно ни к чему не поведет. Мы уже достаточно натерпелись от вас и от скотины Рокова. Он съеден пантерой, и я готов биться о заклад, что и вас скоро постигнет та же участь. Вы оба обращались с нами, как с собаками, и если вы рассчитываете на нашу привязанность, то очень ошибаетесь.

Павлов спросил:

— Вы хотите сказать, что вы меня выдадите? Матрос утвердительно кивнул головой, но после небольшой паузы добавил:

— Если вы сумеете меня кой-чем заинтересовать, то я, пожалуй, так и быть позволю вам выбраться отсюда...

— Надеюсь, вы не вздумаете выбросить меня на произвол судьбы в африканские джунгли? — сказал Павлов. — Я через неделю там погибну!

Матрос возразил:

— И все-таки у вас больше шансов спастись там, чем здесь. Здесь стоит только мне разбудить товарищей, как они перережут вам глотку

раньше, чем вас увидит наш новый капитан. Вам необыкновенно повезло, что сегодня дежурный я, а не кто-нибудь другой.

— Да вы с ума сошли! — воскликнул Павлов. — Разве вы не понимаете, что при первой возможности англичанин вас выдаст правосудию, и вы все будете повешены!

Матрос улыбнулся.

— Ничего подобного! Он нам при всех объявил, что Роков и вы во всем виноваты, а мы были только слепым орудием в ваших руках! Поняли?

Павлов бесконечно долго упрашивал матроса; то он обещал ему сказочные награды, то стращал его ужасными карами. Матрос был неумолим.

Он заявил Павлову, что перед ним только два решения: или остаться на пароходе, и тогда он будет немедленно выдан лорду Грейстоку, или заплатить матросу за позволение покинуть незамеченным «Кинкэд» и убраться долой! Матрос требовал за это все деньги и все ценности, которые были у Павлова при себе и в его каюте.

— Решайте поскорее! — прибавил матрос. — Я хочу спать!

— Вы поплатитесь за вашу глупость! — сердито промолвил Павлов.

— Замолчите! — крикнул на него матрос. — Если вы будете много разговаривать, я могу передумать и не выпущу вас совсем!

У Павлова не было ни малейшего желания попасть в руки Тарзана. Даже ужасы джунглей казались ему легче, чем смерть, которая его ждала от руки человека-обезьяны.

— Кто-нибудь спит в моей каюте? — спросил Павлов. Матрос покачал головой и сказал:

— Нет! Лорд и леди спят в каюте капитана, помощник у себя, а в вашей никого нет.

— Прекрасно! — промолвил Павлов. — Я спущусь туда и принесу вам деньги и драгоценности.

— Я пойду с вами! — сказал матрос и поднялся вслед за ним на палубу.

У дверей каюты матрос остался сторожить, а Павлов вошел один в свою каюту. Он собрал вещи, за которые хотел купить свою сомнительную свободу, а затем приступил к выполнению своего дьявольского плана. Лицо его осветилось злорадной усмешкой...

Убедившись в том, что его никто не видит, Павлов открыл потайное отделение бюро и вынул из него небольшой черный ящик и открыл его. Ящик имел два отделения: в одном из них был часовой механизм, а в другом небольшая батарея. Соединив провода, он стал ключом заводить механизм, прикрыв ящик пледом, чтобы заглушить шум. Затем установил стрелку на циферблате и, закрыв ящик крышкой, поставил машину опять на прежнее место.

Все с той же злорадной улыбкой Павлов собрал вещи, задул лампу и вышел из каюты к ожидавшему его матросу.

— Вот все мои драгоценности! — сказал он. — Теперь выпустите меня!

Матрос промолчал.

— Хорошо! Но сначала нужно осмотреть еще ваши карманы!

Павлов поморщился.

— Это еще зачем?

Матрос усмехнулся.

— А, может быть, вы там имеете что-либо такое, что в джунглях вам не потребуется, а в Лондоне мне пригодится? Ага! Так и есть!

Матрос вытащил у Павлова из кармана пачку денег. Павлов выругался. Он утешался только тем, что матрос никогда не достигнет Лондона и не насладится плодами своего грабежа.

Немного погодя, он уже греб к берегу. Его там ожидала первая жуткая ночь в джунглях. Если бы он мог хоть немного предвидеть, что его ожидает в последующие долгие годы, он бы предпочел броситься в море.

Убедившись в том, что Павлов отчалил, матрос вернулся в каюту и, спрятав свою неожиданную добычу, мирно улегся спать.

В бывшей каюте Павлова в тишине ночи равномерно тикал небольшой механизм в черном маленьком ящике: там таилась бомба. Она должна была взорваться в известное время и мгновенно уничтожить «Кинкэд» со всем его экипажем.

XIX

ГИБЕЛЬ «КИНКЭДА»

Вскоре после рассвета Тарзан вышел на палубу, чтобы узнать какая погода. Ветер стих. Небо было безоблачное. Условия для путешествия

были вполне благоприятные, и Тарзан решил немедленно отплыть на Остров Джунглей, чтобы высадить зверей. А затем в Англию!

Человек-обезьяна разбудил своего помощника и приказал поторопиться с отплытием. Матросы, которых лорд Грейсток уверил, что они не будут отвечать за поступки Рокова и Павлова, взялись с радостью за свое привычное дело.

Звери, выпущенные из своего заключения, прогуливались по палубе к немалой тревоге экипажа. Матросы слишком хорошо еще помнили жуткую картину ночной борьбы, когда столько людей нашли смерть от клыков и когтей этих самых зверей. Им казалось, что звери и сейчас высматривают себе добычу. Однако под бдительным взором Тарзана и Мугамби обезьяны и Шита должны были смирять свои инстинкты, и матросы работали на палубе среди зверей.

Наконец, «Кинкэд» поднял якорь и вышел из бухты Угамби и поплыл по водам Атлантического океана. Тарзан и Джэн Клейтон внимательно следили за зеленой береговой линией, удалявшейся от них, и в первый раз человек-обезьяна покидал свою родную землю без малейшего сожаления.

Ему казалось, что даже самый быстроходный пароход в мире не мог бы с достаточной быстротой увезти его из дикой Африки... С таким нетерпением рвался Тарзан в Лондон, чтобы возобновить там поиски сына. «Кинкэд» со своим медленным ходом представлялся нетерпеливому Тарзану настоящей черепахой! По мнению Тарзана, он совсем не двигался...

Однако «Кинкэд» все-таки шел вперед, и вскоре на западном горизонте показались низкие холмы Острова Джунглей.

В бывшей каюте Павлова механизм в черном ящике продолжал тикать, и с каждой минутой стрелки приближались все ближе к роковому моменту, когда провода должны были соединиться и произвести взрыв.

Джэн и Тарзан стояли на мостике парохода и беззаботно смотрели на приближающийся берег. Матросы собрались на носу парохода, следя за выплывающей из-за океана землей. Звери забрались в тень на палубе и, свернувшись, спали. Все было тихо и спокойно и на корабле, и на воде...

Внезапно грянул оглушительный треск... Крыша над каютами взлетела на воздух; высоко вверх взвился столб густого дыма. Затем

последовал страшный взрыв, от которого пароход содрогнулся от носа до кормы.

На палубе произошла паника. Обезьяны, перепуганные взрывом, бегали взад и вперед, рыча и ревя. Шита бросалась в разные стороны, издавая отчаянный вой... Мугамби трясся всем телом... Только Тарзан и его жена сохранили присутствие духа. Тарзан немедленно очутился среди зверей, успокаивал их, разговаривал с ними спокойным тоном, глядя их мохнатые тела и уверяя их, что ничего страшного нет.

Через несколько минут стало ясно, что главная опасность заключается теперь в пожаре. Пламя лизало расщепленные доски каюты и оттуда перебросилось уже на палубу. Каким-то чудом ни один человек на пароходе не пострадал от взрыва; причины его никто на пароходе не знал... Никто, кроме одного матроса. Последний сразу догадался, что это дело рук Павлова, однако никому об этом не говорил. Он решил лучше умолчать об этом.

Между тем пламя все разгоралось. Тарзану стало ясно, что им не справиться с огнем. Чем больше они заливали пламя водой, тем оно становилось сильнее, словно в горевшей каюте был какой-то секрет, превращавший воду в огонь...

Прошло с полчаса. Над обреченным пароходом вздымались черные клубы дыма. Пламя достигло уже машинного отделения, и пароход остановился. Судьба «Кинкэда» была решена.

Тарзан сказал своему помощнику:

— Оставаться на пароходе бессмысленно! Нужно спустить шлюпки и, не теряя времени, высадиться на берег.

Другого выхода не было. Почти весь пароход был охвачен огнем. Матросы успели вынести свои пожитки; Другие каюты уже пылали. Немедленно были спущены две лодки. Море было спокойно, переправа на берег произошла без затруднений. Встревоженные звери при приближении к берегу жадно втягивали в себя родной воздух; как только шлюпки пристали, Шита и обезьяны перепрыгнули через борт и помчались в джунгли.

С грустью посмотрел Тарзан им вслед.

— Прощайте, друзья мои! — промолвил он. — Вы были хорошими верными товарищами, и мне без вас будет скучно!

— Они еще вернутся, дорогой мой? Не правда ли? — утешала его Джэн.

— Это неизвестно! — ответил Тарзан. — Им было очень не по себе с тех пор, как они попали в такое многочисленное людское общество. Мугамби и я — мы их меньше стесняли, но ведь мы только наполовину люди. А ты, мой друг, и матросы, вы слишком культурны для моих зверей — они убежали именно от вас? Вероятно, они боялись как-нибудь ненароком соблазниться, видя перед собой такую чудесную пищу...

Джэн засмеялась и сказала:

— А я думаю, они убегают от тебя. Ты так часто не позволял им делать того, что им казалось вполне естественным. Им, как детям, захотелось дать стрекача от родительской опеки!

Смеясь, она прибавила:

— Во всяком случае, я надеюсь, что они не вернуться к нам ночью!

— Или голодными, не правда ли? — засмеялся Тарзан. Небольшая группа людей целых два часа стояла на берегу и смотрела на горевший пароход. Затем донесся слабый звук второго взрыва, и почти немедленно вслед за этим «Кинкэд» погрузился в воду.

Причина второго взрыва не заключала в себе ничего таинственного. Помощник объяснил, что огонь достиг паровых котлов, и их разорвало. Но отчего произошел первый взрыв? Потерпевшие кораблекрушение долго и бесплодно рассуждали об этом...

XX

СНОВА НА ОСТРОВЕ ДЖУНГЛЕЙ

Маленькое общество прежде всего позаботилось о том, чтобы найти пресную воду для питья и разбить лагерь. Все понимали, что пребывание их на Острове Джунглей может затянуться на месяцы и даже годы.

Тарзан знал расположение ближайшей речки и повел к ней немедленно всю партию. Здесь мужчины тотчас же принялись за постройку жилья и за изготовление кое-какой грубой мебели. Тарзан пошел в джунгли за пищей, оставив Джэн на попечение верного Мугамби и негритянки. На матросов «Кинкэда» он положиться не мог.

Леди Грейсток страдала нравственно больше других, потерпевших крушение. Ей казалось, что поиски ее сына бесполезны, и его положение, рисовавшееся ей всегда в самых мрачных красках, не будет улучшено. Более того: ей думалось, что она никогда не узнает ничего о судьбе маленького Джека.

Общество разделило между собой разные обязанности. Было установлено постоянное дежурство на высоком холме, откуда виднелось на далекое расстояние море. Здесь была собрана огромная куча сухого валежника, чтобы в любой момент развести сигнальный костер. На высоком шесте, вбитом в землю, развевался сигнальный флаг. Его смастерили из красной рубахи помощника «Кинкэда».

Но на горизонте не показывались ни паруса, ни дым, и напряженные глаза часовых безнадежно смотрели на пустое, безбрежное пространство океана.

Тарзану пришла мысль построить судно, на котором они могли бы отплыть обратно на материк. Он показал матросам, как смастерить грубые инструменты, и все горячо принялись за работу. Однако, чем дальше, тем очевиднее становилось, что эта работа не под силу такой горсточке людей. Матросы стали раздражаться, и к прежним невзгодам присоединились еще раздоры и подозрительность.

И более, чем когда-либо, Тарзан боялся теперь оставлять Джэн с грубыми матросами. Но ему волей-неволей приходилось по временам покидать ее, уходя в джунгли на охоту: никто не приносил так много дичи, как он. Иногда его заменял Мугамби, но копье и стрелы

чернокожего не давали тех результатов, как аркан и нож человека-обезьяны.

В конце концов матросы побросали свою работу и тоже стали уходить в джунгли для охоты. Все это время в лагере не показывались ни Шита, ни Акут, ни другие большие обезьяны. Но Тарзан иногда встречал их во время охоты в джунглях.

* * *

В лагере злополучных пассажиров «Кинкэда» дела с каждым днем шли все хуже и хуже.

Их лагерь находился на восточном берегу Острова Джунглей. А к северу от них в это время расположился другой лагерь. Здесь, в небольшой бухте, стояла на якоре парусная шхуна «Каури». Несколько дней тому назад на ней произошел бунт матросов, окончившийся убийством офицеров и капитана. Тяжелые дни пришлось пережить «Каури» с тех пор, как на ее борт в числе матросской команды попали такие люди, как швед Густ, араб Момулла Маори и самый главный негодяй во всей этой компании — китаец Кай-Шанг.

Матросов было десять. Это были настоящие отбросы южных гаваней. Густ, Момулла и китаец Кай-Шанг были заправилами и душою их кружка. Бунт был организован ими. Они подстрекали матросов перебить начальство, захватить шхуну и разделить между собой улов жемчуга, составлявший богатство «Каури».

Кай-Шанг убил спящего капитана, а Момулла Маори напал на офицеров и часовых. Густ всегда находил предлоги отказаться от активного выступления, но зато, умело воспользовавшись обстоятельствами, произвел себя в начальники над мятежниками. Он присвоил себе все вещи убитого капитана «Каури» и даже стал носить его мундир, чтобы показать, что он теперь начальник.

Кай-Шангу это было совсем не по душе. Он вообще не признавал никакого начальства, а тем более не хотел подчиняться простому шведскому матросу. Таким образом семена для распри уже были посеяны в лагере мятежников.

Кай-Шанг понимал, что он должен действовать осмотрительно. Из всей этой банды только один Густ имел достаточно знаний по навигации, чтобы вывести их из Атлантического океана и обогнуть

мыс Доброй Надежды. Там они могли найти подходящий рынок для сбыта награбленного имущества и устроить дележку.

За день до того, как они увидели Остров Джунглей и нашли в нем маленькую защищенную от ветра бухту, вахтенный заметил на южном горизонте дым из трубы военного корабля. Никому из них не хотелось встречаться с военными моряками и подвергаться риску быть допрошенными. Поэтому они решили укрыться здесь на несколько дней и переждать опасность.

А теперь Густ уже совсем не желал выходить в море. Он был уверен, что замеченный ими корабль послан специально на их поиски. Кай-Шанг указывал на нелепость подобного предположения: ведь никто, кроме них самих, не мог знать, что произошло на борту «Каури».

Но Густ стоял на своем. Этот алчный по натуре человек лелеял мечту каким-нибудь образом увеличить свою долю добычи. У него созрел такой план. Только он один мог управлять «Каури», и поэтому остальные не могли без него покинуть Остров Джунглей. И вот. Густ собирался в один прекрасный день взять с собой только самое необходимое количество людей и бежать на шхуне от Кай-Шанга, Момуллы Маори и остальных.

Густ только и ждал теперь удобного случая; он надеялся, что когда-нибудь Кай-Шанг, Момулла и трое или четверо из остальных уйдут все вместе из лагеря на охоту, и он воспользуется их отсутствием для внезапного отплытия. И Густ напрягал все силы своего ума, чтобы как-нибудь отвлечь их от места стоянки «Каури». С этой целью он устраивал одну охоту за другой, но подозрительный и хитрый китаец никогда не соглашался охотиться без Густа.

Однажды Кай-Шанг переговорил тайком с Момуллой Маори и сообщил ему свои подозрения относительно шведа. Момулла посоветовал сейчас же расправиться без лишних церемоний с изменником. Правда, у Кай-Шанга не было никаких данных против шведа, и свои подозрения он основывал на догадках. Да и убивать Густа не имело смысла, так как все они зависели от него. Однако он решил его припугнуть и заставить согласиться на их условия.

После этого разговора Момулла стал опять приставать к шведу с требованием немедленно отплыть в море. Но Густ стал приводить свои прежние возражения: военный корабль, вероятно, еще крейсирует в

южных водах и подстерегает их и поймает их прежде, чем они обогнут мыс. Момулла высмеивал его страх; он уверял, что никто ни на одном военном корабле не знает о мятеже. Каким же образом и у кого их шхуна может вызвать подозрение?

— Нет, извините! В этом-то вы и ошибаетесь, — воскликнул Густ. — Ваше счастье, что среди вас находится такой образованный человек, как я! Иначе вы по незнанию попали бы в хорошую переделку! Негры — дикари и ничего не знают о радио.

Момулла Маори вскочил и схватился за рукоятку ножа. Я не негр! — закричал он.

Я только пошутил, — поспешил объяснить швед. — Мы с тобой старые друзья, Момулла, мы не должны ссориться. В особенности теперь, когда Кай-Шанг замышляет украсть весь жемчуг. Если бы только он нашел человека, умеющего управлять шхуной, он в ту же минуту бросил бы нас на произвол судьбы. Он потому-то и говорит так много об отъезде, что хочет как-нибудь отделаться от нас.

Момулла, помолчав, сказал:

— Ты говоришь о радио... При чем тут радио?

— При чем радио?

Густ почесал у себя в затылке. Он соображал, действительно ли Маори настолько невежественен, что поверит такой нелепости.

— Видишь ли, — начал он, — каждый военный корабль имеет радиостанцию. На такой станции имеется аппарат, с помощью которого можно разговаривать с другими судами на расстоянии тысячи миль и слышать все, что говорится на тех судах. Ну, а когда мы стреляли на «Каури» и кричали, шуму, я думаю, было немало. Мне думается, этот военный корабль находился не очень далеко от нас и все слышал. Конечно, они не могли знать названия шхуны, но они безусловно знают, что экипаж какого-то судна взбунтовался и убил своих офицеров. И теперь они будут обыскивать каждое судно.

Швед старался придать своему лицу самый серьезный вид, чтобы не вызвать в своем слушателе подозрений относительно правдивости своих слов. Момулла сидел некоторое время молча, исподлобья глядя на Густа; затем, встав с места, сказал:

— Ты бессовестный лжец! Если ты завтра же не выведешь нас отсюда, то тебе уже никогда не придется больше врать. Знаешь, что я

тебе скажу? Я слышал, как два человека сговаривались всадить тебе нож, если ты будешь еще держать нас на этом проклятом острове!

— А ты пойди и спроси Кай-Шанга, существует ли на военных судах радио! — сказал Густ, обидевшись. — Он тебе тоже скажет, что корабли могут говорить друг с другом на расстоянии тысячи миль. А потом скажи тем двум дуракам, которые собираются меня убить, что им никогда не придется получить своей доли добычи, потому что только я один могу вывести их отсюда!

Момулла действительно отправился к Кай-Шангу и спросил, существует ли такой аппарат, посредством которого корабли могут переговариваться на большом расстоянии. Кай-Шанг подтвердил ему это. Момулла был поражен; однако он все же хотел покинуть остров. Он предпочитал встретиться с какими угодно опасностями в открытом море, чем жить томительно и однообразно на необитаемом острове.

Кай-Шанг сетовал:

— Если бы у нас был кто-нибудь другой, кто мог бы управлять шхуной!

Однажды Момулла отправился на охоту с двумя товарищами. Они направились на юг и еще не успели отойти далеко от лагеря, как вдруг услышали в джунглях звук человеческих голосов.

Они знали, что никто из их компании не пошел в эту сторону. А так как они были убеждены, что остров необитаем, то у них мелькнула мысль, не духи ли это? Может быть, духи убитых офицеров и матросов с «Каури»?

Испугавшись, они хотели бежать, но у Момуллы любопытство пересилило суеверный ужас. Показав жестом своим спутникам, чтобы они следовали за ним, он пополз осторожно на четвереньках по тому направлению, откуда раздавались голоса невидимых людей.

Вскоре он остановился на опушке небольшой полянки и облегченно вздохнул. Это были вовсе не духи! Прямо перед собой он увидел двух белых людей. Они сидели на дереве и были заняты серьезным разговором. Один из них был Шнейдер, помощник с «Кинкэда», а другой — матрос с того же парохода, по имени Шмидт. Шнейдер говорил:

— Мы это сможем легко сделать, Шмидт! Вовсе не так уж трудно построить хороший челн, а трое гребцов смогут в один день доставить челн на материк, если море спокойно и ветер попутный. Зачем нам

ждать, пока этот упрямый англичанин построит большое судно, чтобы забрать всю компанию? Матросы уже устали, ведь им приходится работать весь день не покладая рук. Это совсем не наше дело спасать англичанина. Пусть он сам заботится о себе и устраивается, как хочет! — Шнейдер остановился на минуту, а затем, пристально посмотрев на собеседника, чтобы заметить, какой эффект произведут его слова, продолжал. — Ну, а женщину мы заберем с собой. Было бы глупо оставлять такую хорошенькую бабенку на необитаемом острове, не правда ли?

Шмидт взглянул на него и усмехнулся. — Вот откуда ветер-то дует! — сказал он. — Почему вы это сразу не сказали? Ну, хорошо! А что вы мне дадите за мою помощь?

— Она должна нам отвалить хороший куш, если мы ее доставим обратно в цивилизованные места, — пояснил Шнейдер, — и я товарищески поделюсь с теми двумя матросами, которые мне помогут. Я возьму половину, а они могут разделить другую половину — вы и тот второй, которого мы выберем. Мне до черта надоел этот остров, и чем скорее мы выберемся, тем лучше. Как вы думаете?

— Идет! — ответил Шмидт. — Одному мне не добраться до материка. Да и остальные также не смогут. Только вы знаете толк в этом деле. Значит, можете рассчитывать на меня.

Момулла насторожил уши. Ему не раз приходилось плавать на английских судах. Он понял разговор между Шнейдером и Шмидтом.

Он встал и направился к ним. Шнейдер и его собеседник испуганно вздрогнули, словно перед ними предстало привидение. Шнейдер схватился за револьвер. Момулла поднял правую руку ладонью вперед в знак своих мирных намерений.

— Я друг! — сказал он. — Я слышал, что вы говорили, но не бойтесь, я вас не выдам. Я даже могу вам помочь, а вы за это поможете мне!

Он обратился к Шнейдеру:

— Вы умеете управлять кораблем, но у вас нет корабля. А у нас есть корабль, да управлять некому. Если вы хотите поехать вместе с нами и не будете нас ни о чем спрашивать, мы вас охотно примем к себе. А когда вы нас довезете до нужного нам места, которое мы вам укажем, и нас высадите там, мы отдадим вам и наше судно. Поезжайте тогда на нем, куда хотите.

Он помолчал и прибавил:

— Вы можете взять с собой и женщину, о которой вы говорили. И мы тоже не будем вас ни о чем спрашивать. Идет?

Шнейдер заинтересовался, но хотел иметь более подробные сведения. Момулла заявил, что в таком случае им следует поговорить с Кай-Шангом. Тогда Шнейдер и Шмидт последовали за Момуллой, к которому присоединились и поджидавшие его товарищи. Момулла довел их до своего лагеря, но, не заходя в лагерь, оставил их под присмотром товарищей, а сам отправился на поиски Кай-Шанга.

Вскоре он вернулся с Кай-Шангом, которому уже успел вкратце сообщить о выпавшей на их долю удаче. Китаец вступил в продолжительную беседу со Шнейдером и убедился, что Шнейдер такой же мошенник, как и он сам, и так же страстно желал покинуть остров. Кай-Шанг не сомневался, что Шнейдер примет командование «Каури». В то же время он был уверен, что впоследствии он всегда найдет способ принудить Шнейдера подчиниться его желаниям.

Возвращаясь после этого разговора в свой собственный лагерь, Шнейдер и Шмидт чувствовали большое облегчение. Наконец, у них был вполне осуществимый план выбраться с острова на настоящем судне. Не надо больше мучиться над постройкой, не надо подвергать свою жизнь риску, отправившись в океан на самодельной лодке, у которой больше шансов пойти ко дну, чем достичь материка. Им помогут также захватить женщину или, точнее, женщин. Услышав, что в другом лагере имеется еще и черная женщина, Момулла настоял на том, чтобы и ее захватили.

Кай-Шанг и Момулла со своей стороны были тоже очень довольны. Теперь они не нуждались больше в Густе и могли от него избавиться. Вернувшись в лагерь, они немедленно пошли к нему в палатку. Нужно заметить, что хотя для всей компании гораздо удобнее было бы оставаться на шхуне, но в силу некоторых обстоятельств, по взаимному уговору, было решено расположиться лагерем на берегу.

Дело в том, что никто из матросов «Каури» не доверял друг другу и никто не решился бы сойти на берег, оставляя других на шхуне. Поэтому было решено всем перебраться на берег и не пускать более двух или трех человек за один раз на шхуну.

Направляясь к палатке Густа, Момулла ощупал лезвие своего ножа. Швед почувствовал бы себя очень плохо, если бы ему довелось

увидеть этот многообещающий жест или если бы он мог прочесть мысли этого темнолицего человека.

Густ случайно находился в палатке повара, стоящей в нескольких футах от его собственной палатки, и поэтому он слышал, как сюда идут Кай-Шанг и Момулла, но не подозревал, что им от него надо. На свое счастье, он в этот момент выглянул из палатки и обратил внимание на странные крадущиеся шаги обоих матросов; такую походку отнюдь нельзя было объяснить дружескими намерениями. А когда они проскользнули в его палатку, Густ заметил длинный нож, который Момулла держал за спиной.

Глаза шведа расширились, и волосы зашевелились на голове. Его загорелое лицо побледнело от страха. Поспешно вышел он из палатки повара. Намерения обоих его сотоварищей были слишком очевидны.

То обстоятельство, что он один умел управлять шхуной, было до сих пор достаточной гарантией для его безопасности. Очевидно, случилось что-то такое, что дало им избавиться от него.

Не теряя ни минуты, Густ опрометью пустился через береговую полосу в джунгли. Он чувствовал непреодолимый страх к джунглям, из глубины которых доносились страшные таинственные звуки. Но еще более он боялся Кай-Шанга и Момуллы. Опасность, таившаяся в джунглях, была более или менее вероятной, между тем как опасность, грозившая от его товарищей, была очень реальной. Густ однажды видел, как Кай-Шанг задушил человека в темной аллее. Он одинаково боялся как веревки китайца, так и ножа Момуллы. Поэтому его выбор пал на джунгли.

XXI

ЗАКОН ДЖУНГЛЕЙ

Тарзану удалось, наконец, путем угроз и обещаний значительно подвинуть постройку лодки. Уже был готов весь ее остов. Большая часть работы была сделана самим обезьяной-человеком и Мугамби, несмотря на то, что они же снабжали весь лагерь пищей.

Помощник с «Кинкэда» Шнейдер был один из главных недовольных. Однажды он даже бросил работу и ушел со Шмидтом на охоту в джунгли. Он заявил, что ему нужен отдых, и Тарзан, не желая вызывать лишних разговоров, позволил им обоим уйти.

Однако на следующий день Шнейдер сделал вид, что почувствовал угрызение совести, и сам добровольно принялся за работу. Шмидт тоже работал довольно охотно. Тарзан был очень этому рад. Он решил, что они оба, наконец, осознали необходимость совместной работы и поняли свои обязательства по отношению к остальным членам их маленького общества.

Поэтому с легким чувством, какого он уже давно не испытывал за все последние дни, он отправился в полдень на охоту подальше в джунгли. Он хотел выследить стадо молодых ланей, которых будто бы видели накануне Шнейдер и Шмидт. Шнейдер говорил, что он видел стадо на юго-западе. В этом направлении человек-обезьяна и отправился в путь.

В это время с севера крались по лесу шесть подозрительных субъектов. Они думали, что идут никем не замеченные. Но почти с самого того момента, как они оставили свой лагерь, за ними полз высокий человек. В глазах этого человека была видна ненависть, боязнь и любопытство. В его голове бродили тревожные мысли: зачем крадутся к югу Кай-Шанг, Момулла и остальные? Это неспроста!

И Густ в недоумении покачал головой. Надо это узнать! Он выследит их, узнает, что они затевают, и, если нужно, помешает им. Ему пришлось было в голову, не ищут ли они его? Здравый смысл, однако, подсказал ему, что этого быть не может, раз они уже достигли того, чего желали, т. е. прогнали его из лагеря. Такие люди, как Момулла и Кай-Шанг, идут на убийство только из-за денег, а так как у Густа денег нет, то, очевидно, они ищут кого-то другого.

Вскоре шестеро людей остановились на отдых. Они спрятались в листве, окаймлявшей звериную тропу, по которой они шли. Чтобы удобнее было наблюдать, Густ вскарабкался на дерево, спрятавшись так, чтобы его прежние товарищи не могли видеть. Ему недолго пришлось ждать. Вскоре с южной стороны подошел незнакомый белый человек. Увидев его, Момулла и Кай-Шанг вылезли из своего убежища, поздоровались с ним и вступили в беседу. О чем они говорили, Густ не мог расслышать. Затем белый человек вернулся в том же направлении, откуда пришел.

Это был Шнейдер. Приблизившись к своему лагерю, он обогнул его и вбежал с противоположной стороны. В сильном возбуждении, задыхаясь, словно он только что летел сломя голову, он побежал к Мугамби.

— Эй вы! — закричал он. — Ваши обезьяны схватили Шмидта! Они убьют его! Бегите скорее на помощь! Вы один можете их отозвать... Возьмите с собой в помощь Джонса и Сулливана и идите к Шмидту как можно скорее. Он там, на звериной тропе около мили к югу. Я останусь здесь! Я слишком устал!

И помощник с «Кинкэда» бросился на землю, делая вид, что еле дышит от изнеможения.

Мугамби колебался. Ему поручили охранять обеих женщин. Он не знал, что делать, но Джэн Клейтон, слышавшая рассказ Шнейдера, присоединилась к просьбе последнего.

— Не теряйте времени, — торопила она негра. — Здесь мы в безопасности. С нами останется мистер Шнейдер. Идите, Мугамби. Бедняге в самом деле нужно поскорее помочь!

Шмидт, который в это время лежал за кустом у лагеря, от души смеялся. Он наслаждался этой комедией!

Мугамби чувствовал себя обязанным повиноваться своей госпоже. Он послушно отправился на юг с Джонсом и Сулливаном. Но, уходя из лагеря, он все-таки очень сомневался, умно ли он поступает и к добру ли все это.

Как только они скрылись из вида, Шнейдер вскочил и помчался на север в джунгли. Спустя несколько минут на опушке леса показался Кай-Шанг. Шнейдер увидел китайца и жестом дал ему понять, что дело сделано...

Джэн Клейтон и негритянка сидели у входа в палатку, спиной к приближающимся негодьям. Они узнали о присутствии чужих в лагере только тогда, когда перед ними появились шесть оборванцев.

— Пойдем! — сказал Кай-Шанг, жестом приказывая им встать и следовать за ним.

Джэн Клейтон вскочила и оглянулась, ища глазами Шнейдера. Он стоял с усмешкой на лице позади незнакомцев. Рядом с ним стоял Шмидт. Мгновенно она поняла, что стала жертвой заговора.

— Что это значит? — спросила она, обращаясь к помощнику «Кинкэда».

— Это значит, что мы нашли корабль и можем уехать с Острова Джунглей, — ответил Шнейдер.

— Почему вы отослали Мугамби и двух других в джунгли? — Спросила она.

— Потому что они с нами не поедут. Поедете только вы и негритянка.

— Идем, идем скорей! — повторил Кай-Шанг и схватил Джэн Клейтон за руку.

Момулла с своей стороны потащил негритянку и, когда она начала кричать, закрыл ей ладонью рот.

* * *

Мугамби между тем бежал по лесной тропе на юг. Джонс и Сулливан бежали за ним. Около мили прошел он ради спасения Шмидта, но нигде и следа не было ни человека, ни обезьян. Наконец, он остановился и испустил громкий призывный клич, которым Тарзан и он сзывали антропоидов. Ответа не было. Тогда Мугамби прошел еще с полмили, временами издавая призывный клич.

Вдруг он остановился пораженный. Он понял, что его обманули. Как испуганный олень, помчался он обратно к лагерю. Опасения его подтвердились: леди Грейсток и негритянки не было в лагере, а также и Шнейдера. Мугамби пришел в такую ярость, что хотел убить Джонса и Сулливана, считая их тоже участниками заговора. Им едва удалось убедить чернокожего в своей полной невинности.

Они стояли и обсуждали, куда могли пропасть обе женщины и для какой цели Шнейдер увел их из лагеря. Они были так поглощены

разговором, что не заметили, как Тарзан спрыгнул в это время с ветки дерева и подошел к ним.

С первого же взгляда он увидел, что случилось что-то неладное. Услышав от Мугамби об исчезновении Джэн, он гневно сжал кулак и нахмурил брови.

На что рассчитывал Шнейдер, похищая Джэн? Куда он мог деваться с ней на этом маленьком островке, где ему некуда было уйти от мщения Тарзана? Нет! Тут было что-то не так! Человек-обезьяна не считал его таким наивным. Шнейдер не совершил бы такого поступка, если бы он не был вполне уверен, что имеет возможность покинуть со своими пленницами Остров Джунглей. Но к чему он взял с собой негритянку? Очевидно, с ним был еще какой-то чернокожий, который пожелал иметь туземку.

— Идем! — сказал Тарзан. — Нам остается только одно: идти по их следам!

В это время с северной стороны лагеря из джунглей показался высокий неуклюжий человек и направился к разговаривавшим. Он был совершенно им незнаком: никто из них и не предполагал, что кроме них на этом острове есть еще человеческие существа. Это был Густ.

— Ваши женщины украдены, — сказал он без обиняков. — Если вы хотите их спасти, следуйте, не теряя ни минуты, за мной. Если мы замешкаемся, то уже не застанем «Каури» в бухте, и она выйдет в море.

— Кто вы? — спросил Тарзан. — Что вы знаете о похищении моей жены и чернокожей женщины?

Густ промолвил:

— Я слышал, как китаец Кай-Шанг и Момулла стоваривались с двумя людьми из вашего лагеря. У меня есть с ними кое-какие счеты. Они замыслили убить меня, и я хочу с ними посчитаться! Идемте!

Густ повел всех четырех через джунгли к северу. Они шли, и у всех была одна и та же мысль: придут ли они вовремя?

Когда, наконец, они пробрались через последний ряд густой листвы и перед ними показались бухта и океан, они убедились, что судьба им нанесла жестокий удар. «Каури» с распущенными парусами медленно отплывала в открытое море.

Что они могли сделать?

Широкая грудь Тарзана тяжело подымалась. Этот последний удар был самым жестоким. В жизни Тарзана бывали моменты, когда он терял всякую надежду, но никогда еще они не имели такой остроты и боли, как сейчас, при виде корабля, отвозящего его жену неведомо куда. Джэн была еще так близко от него и вместе с тем так страшно далеко! Молча следил он за шхуной. Он видел, как она повернула к востоку и скрылась за мысом. Он упал на землю и закрыл лицо руками.

Уже совсем стемнело, когда пятеро мужчин вернулись в свой лагерь на восточном берегу. Ночь была жаркая и душная. Не было ни малейшего ветерка. Никогда не видел Тарзан Атлантического океана таким спокойным. Он стоял на берегу у самой воды и смотрел по направлению к материку. Сердце его было полно отчаяния. Неожиданно из джунглей позади лагеря раздался вой пантеры.

Была какая-то знакомая нотка в этом зловещем крике, и Тарзан почти машинально повернулся и ответил таким же криком. Минуту спустя черно-бурая фигура Шиты скользнула в полумрак берега. Луны не было, но все небо горело звездами. Дикий зверь безмолвно подошел к человеку-обезьяне.

Прошло много времени с тех пор, как Тарзан расстался со своим боевым товарищем. Однако нежное мурлыканье убедило его, что зверь помнит узы, связывавшие их прежде. Тарзан положил свою руку на спину Шиты; она прижалась к нему, и он ласкал и гладил дикого зверя.

Вдруг он вздрогнул. Что это там такое? Он напряженно всматривался в морскую даль, а затем позвал людей, сидевших на земле и куривших. Они подбежали к нему, только Густ благоразумно остался в стороне, увидев странного спутника Тарзана.

— Смотрите! — закричал Тарзан.

— Огни! Огни корабля! Это должно быть «Каури». Они попали в штиль!

И весь охваченный возродившейся надеждой, воскликнул:

— Мы можем их настигнуть! Мы доплывем к ним в нашем челне!

Густа взяло сомнение.

— Они хорошо вооружены, — заметил он, — мы не можем захватить шхуну — нас только пятеро.

— Нас теперь уже шесть, — ответил Тарзан, указывая на Шиту, — а через полчаса нас будет еще больше. Шита стоит двадцати человек, а

те остальные, которых я сейчас позову, будут стоять целой сотни. Вы их не знаете...

Человек-обезьяна повернулся к джунглям, закинул голову и прокричал несколько раз призывный клич обезьяны-самца. Вскоре из джунглей послышался ответный крик, затем еще и еще. Густ содрогнулся при мысли, в какую он попал компанию. Не лучше ли было остаться с Кай-Шангом и Момуллой, чем связываться с этим гигантом, который гладил пантеру и звал зверей из джунглей?

Через несколько минут обезьяны Акута появились из кустарников и вышли на берег.

В это время пять мужчин старались спихнуть с берега неуклюжий челн. Понадобились большие усилия, чтобы спустить его в воду. Весла с обеих маленьких шлюпок, бывших на «Кинкэде», служили подпорками для палаток, так как сами шлюпки были унесены волнами в следующую же ночь после высадки на берег. Их взяли сейчас с собой, и когда Акут и его обезьяны вышли на берег, все было готово к отплытию.

Страшная команда снова вступила на службу к своему господину и послушно разместилась в лодке. Густа никакими силами нельзя было уговорить сесть в лодку. Четыре человека взялись за весла, кое-кто из обезьян последовал их примеру, и вскоре неповоротливая ладья медленно вышла в море и направилась к колеблющимся огням.

На палубе «Каури» сонный матрос стоял на вахте... Внизу в каюте Шнейдер расхаживал взад и вперед, гневно споря с Джэн Клейтон. Молодая женщина случайно нашла револьвер в ящике стола в каюте, куда ее заперли, и теперь она держала под прицелом помощника с «Кинкэда»...

Негритянка сидела тут же на полу, а Шнейдер ходил взад и вперед перед дверью, то угрожая, то обещая, то уговаривая, но все безуспешно.

Вдруг с палубы донесся предостерегающий крик и выстрел.

На минуту Джэн ослабила свою бдительность и взглянула наверх на окошечко в потолке. В то же мгновение Шнейдер набросился на нее.

Вахтенный заметил, что к «Каури» приближалось небольшое судно, и почти в тот же момент из-за борта шхуны высунулась голова и плечи какого-то человека. Матрос с криком вскочил на ноги и

прицелился в непрошеного гостя. Этот-то крик и последовавший за ним выстрел были услышаны в каюте.

Прежняя тишина на палубе сменилась всеобщей тревогой. Экипаж «Каури», вооруженный револьверами, саблями и длинными ножами, бросился на палубу, но тревога была поднята слишком поздно. Звери Тарзана уже были на палубе, а с ними Тарзан и два матроса с «Кинкэда».

При виде таких небывалых страшных неприятелей мужество совсем покинуло матросов шхуны. Некоторые из них дали было несколько залпов, но сию же минуту бросились искать убежище. Иные полезли на мачты, но обезьяны лазили гораздо лучше и быстро стащили их с высоких мачт. Тарзан поспешил искать Джэн. Никто не удерживал зверей, и они излили всю ярость своей дикой природы на злополучный экипаж «Каури».

Шита выследила Кай-Шанга, пробиравшегося тайком в свою каюту. С пронзительным воем Шита бросилась за ним, с воем, вызвавшим почти такой же нечеловеческий крик и у обьятого ужасом китайца.

Кай-Шанг добежал до своей каюты на секунду раньше пантеры и, прыгнув в каюту, старался закрыть дверь. Но было уже слишком поздно. Крупное туловище Шиты скользнуло в дверь раньше, чем она была защелкнута на замок. Дрожащий Кай-Шанг забился в угол верхней койки и вопил от ужаса.

Шита без малейшего усилия прыгнула за своей жертвой и перегрызла ей горло, словно маленькой мыши.

* * *

Шнейдер успел вырвать у Джэн револьвер, но в ту же секунду дверь каюты открылась, и высокий полуобнаженный белый человек показался на пороге. Молча и бесшумно прыгнул он в каюту. Шнейдер почувствовал только, как сильные пальцы сжали его горло. Он обернулся, и его глаза расширились от ужаса: он увидел перед собой человека-обезьяну.

Пальцы сжимали все крепче и крепче горло моряка. Он старался кричать, просить, но ни один звук не выходил из его горла, и его глаза выскакивали из орбит.

Джэн Клейтон схватила мужа за руки и старалась оттащить его от задыхающегося человека, но Тарзан потряс головой.

— На этот раз нет! — промолвил он. — Я уже однажды даровал жизнь негодьям, и из-за этого нам обоим пришлось столько страдать. От этого негодья мы должны освободиться навсегда... Мы должны быть уверены в том, что он больше никогда не повредит ни нам, ни кому-либо другому!

И с этими словами быстрым движением он свернул шею матросу. Послышался треск позвоночника, и с отвращением Тарзан отбросил тело в сторону и вышел на палубу с Джэн и негритяжкой.

Борьба кончилась. Только Шмидт, Момулла и еще двое матросов остались в живых: они спрятались в матросской каюте. Все остальные умерли страшной смертью от клыков и когтей зверей Тарзана. Восходящее солнце осветило на палубе «Каури» страшную картину; но на этот раз пролитая кровь была кровью негодяев, а не невинных людей.

Тарзан вытащил из каюты четырех спрятавшихся там матросов. Не обещая им ни освобождения, ни помилования, он заставил их работать на шхуне; иначе грозил им немедленной смертью.

С восходом солнца поднялся сильный ветер. «Каури», распустив все паруса, направилась к Острову Джунглей.

Здесь Тарзан взял на борт Густа и попрощался с Шитой и с обезьянами Акута. Он высадил их на берег, дав им возможность продолжать их дикую привольную жизнь. И, не теряя ни минуты, звери скрылись в прохладной глубине своих любимых джунглей.

Без сомнения, они и не поняли, что Тарзан их покидает. Может быть, лишь Акут, как более развитой, подозревал это. Он единственный остался на берегу, когда маленькая шлюпка направилась обратно к шхуне, отвозя его господина.

Тарзан и Джэн стояли на палубе, и пока берег не скрылся из виду, они видели одинокую фигуру волосатого антропоида, стоящего неподвижно на песчаном берегу Острова Джунглей.

* * *

Три дня спустя, «Каури» встретился с кораблем английского флота «Форватер». Благодаря ему лорд Грейсток мог связаться по радио с Лондоном. Они получили известие, переполнившее их сердца

радостью — маленький Джек находился в лондонском доме Грейстоков. Он был жив и здоров.

По приезду в Лондон Тарзан и Джэн узнали то необычайное сплетение обстоятельств, которое сохранило им ребенка.

Оказалось, что Роков, опасаясь перевезти ребенка днем на борт «Кинкэда», отдал его в убежище для случайно подобранных на улице детей, намереваясь взять его вечером.

Его соучастник и главный помощник, Павлов, превзошел своего патрона в хитрости. Надеясь получить громадный выкуп, если он возвратит ребенка невредимым, он открыл тайну его происхождения начальнице убежища. С ее помощью он заменил Джека другим ребенком. Он был убежден, что Роков никогда и ни за что не догадается о подлоге.

Заведующая убежищем обещала сохранить ребенка до возвращения Павлова в Англию; но и она, со своей стороны, тоже соблазнилась возможностью получить большую награду и вошла в переговоры с доверенными лорда Грейстока.

Эсмеральда, старая негритянка, няня Джэн Клейтон, уезжавшая в Америку на отдых, вернулась и удостоверила личность Джека. Выкуп был уплачен и, спустя десять дней после похищения, будущий лорд Грейсток был благополучно доставлен в отчий дом.

Таким образом, последнее и самое крупное злодеяние Рокова окончилось неудачей, благодаря измене его «единственного» друга.

Лорд и леди Грейсток вполне успокоились, зная, что их злейший враг погиб и не может уже замышлять против них новых козней.

Хотя судьба Павлова была неизвестна, но они имели полное основание думать, что и он погиб в джунглях, и теперь лорд и леди Грейсток с полным правом могли предполагать, что навсегда освободились от этих двух людей, единственных врагов, которых Тарзан опасался.

* * *

Счастливая семья опять собралась в полном своем составе в доме Грейстоков. Это было в день прибытия лорда Грейстока и его жены в Англию.

С ними вместе приехали Мугамби и негритянка, которую Мугамби нашел в лодке на маленьком притоке Угамби. Негритянка заявила, что

ей гораздо больше по душе остаться у своего нового господина, нежели вернуться к старому мужу, от которого она бежала.

Тарзан предложил им поселиться в его доме в обширных африканских поместьях в стране Вазари. В непродолжительном времени чернокожая чета туда и отправилась.

Весьма возможно, что мы еще встретимся с ними в диких страшных джунглях и в бесконечных равнинах, столь любимых Тарзаном из племени обезьян. Кто знает?

Сын Тарзана

I

ЗАГАДОЧНАЯ ОБЕЗЬЯНА

Шлюпка с парохода «Марджори В» неслась по течению широкой реки Угамби. Сидевшие в ней отдыхали: им приходилось много грести против течения, и они были рады, что теперь лодка несется сама, не требуя их усилий. Внизу в трех милях отсюда, стоял на якоре их пароход, готовый пуститься в плавание, как только они пристанут к нему, поднимут шлюпку и укрепят ее на боканцах.

Люди, находившиеся в лодке, либо дремали, либо лениво беседовали. Вдруг все они встрепнулись и стали вглядываться в северный берег реки. Оттуда к ним донесся чей-то хриплый, визгливый голос, и вскоре они увидели какое-то подобие человека, простирившего к ним тощие руки.

— Что за черт! — крикнул один из матросов.

— Белый человек! — сказал помощник капитана. — Налягте на весла, ребята, пристанем к берегу и посмотрим, чего ему надо?

Подойдя к берегу, они увидели какое-то страшное худое существо с жидкими седыми, сильно взлохмаченными волосами. Костлявое, хилое, согбенное тело не было прикрыто одеждой, и только на бедрах висела какая-то тряпка. По впалым, изъеденным оспой щекам струились обильные слезы. Этот живой скелет бормотал что-то невнятное на каком-то странном наречии, которого никто не понимал.

— Должно быть, русский, — соображал помощник капитана. — Не иначе, как русский... Эй, ты! Умеешь говорить по-английски?

Да, он умел говорить по-английски. Но он запинаясь, подыскивал слова, словно уже много лет не говорил на этом языке. Он умолял моряков увезти его из этой ужасной страны.

Очутившись на пароходе, незнакомец рассказал своим спасителям, как он дошел до такого ужасного состояния и сколько в эти последние годы он вынес лишений и мук. О том, как он попал в Африку, он умолчал, предоставляя им думать, что у него изгладились из памяти все те обстоятельства, которые предшествовали его страдальческой жизни. Он даже не сообщил им своего настоящего имени и назвался Михаилом Савровым, да и не было никакого сходства между этой

жалкой развалиной и тем мужественным, но беспринципным Алексеем Павловым, каким мы знали его в прежние годы.

Прошло уже десять лет с тех пор, как Алексей Павлов спасся от участи, постигшей его друга, преступного Рокова. В течение этого времени Алексею Павлову не раз приходилось завидовать Рокову: последний, находясь в могиле, забронирован от ударов судьбы, между тем как ему, Алексею, жизнь наносит такие обиды и раны, которые хуже смерти. Смерть словно нарочно щадила несчастного.

Когда Павлов увидел, что звери Тарзана вместе со своим диким вождем напали на корабль «Кинкэд», он бросился искать спасения в джунглях. Его страх перед Тарзаном был так велик, что он забрался далеко-далеко, в самую густую, непроходимую чащу, и в конце концов попал в руки разъяренных людоедов, которым много пришлось пострадать от зверской жестокости Рокова. Странная прихоть вождя этого племени спасла Павлова от смерти, но сколько страданий и пыток он вынес!

Десять лет он был мучеником целой деревни; женщины и дети колотили его и швыряли в него камнями, а воины кололи копьями и калечили. Самые злые лихорадки одна за другой подтачивали его организм. И все же ему не удалось умереть...

Оспа вонзила в него острые когти и оставила страшное клеймо у него на лице. Он сделался таким уродом, что родная мать не могла бы узнать его. Его лицо словно покрылось отвратительной маской. Клочки желто-белых волос — вот и все, что осталось от его густых и черных локонов. Его скрючило, словно дряхлого старика, руки и ноги у него стали дрожать, походка сделалась неуверенной, старческой. Зубы во рту исчезли — они были выбиты кулаками его диких владык. Даже его рассудок представлял из себя жалкую пародию на тот яркий и смелый ум, которым когда-то отличался Павлов.

Моряки взяли его на корабль, ухаживали за ним, кормили его. Он стал немного бодрее и почувствовал себя лучше, но наружность его осталась все та же: такой же бывший человек, растоптанный и исковерканный жизнью.

Ему еще не было сорока лет, но казалось, что ему не меньше восьмидесяти.

Никакой жажды мести не осталось в сердце у Алексея Павлова, только тупая ненависть. Ненависть к человеку, которого он и Роков

неудачно пытались погубить; ненависть к покойному Рокову, потому что Роков заставил его перенести столько ужасов; ненависть к полиции двух десятков городов, от которой он должен был скрываться; ненависть к закону, ненависть к существующему строю, ненависть ко всему... Каждая минута его жизни была напоена болезненной злобой, и его умственные способности подверглись такому же разрушению, как и его тело, испепеленное злобой.

У него было мало общего, или, вернее, у него ничего общего не было с теми людьми, которым он был обязан своим спасением. Он был слишком слаб и не мог работать; он был слишком угрюм и не мог составить веселое общество; в конце концов, его предоставили себе самому.

«Марджори В» была зафрахтована синдикатом богатых фабрикантов, снабжена лабораторией и целым штатом ученых и отправлена на поиски какого-то продукта местной флоры, который фабриканты были вынуждены до сего времени выписывать из Южной Америки по баснословной цене. Что это был за продукт — никому, кроме ученых, не было известно на борту «Марджори В».

Несколько недель судно стояло на якоре, вдали от берегов. Однообразная жизнь начинала утомлять путешественников. Они стали часто уезжать на берег, и однажды Павлов попросился с ними: раздражающая монотонность жизни на корабле успела утомить его.

Остров густо зарос лесом. Джунгли спускались почти к самому морю. Ученые зашли в глубь острова, продолжая свою погоню за драгоценным товаром: туземцы материка указывали им, что остров богат этим товаром. Экипаж корабля охотился, ловил рыбу и занимался исследованиями. Павлов шатался по берегу или лежал под тенью высоких деревьев на опушке леса.

Однажды все матросы столпились вокруг пантеры, убитой одним из охотившихся. Павлов дремал под деревом. Вдруг кто-то тронул его за плечо. Он проснулся и, приподнявшись, со страхом увидел огромную человекообразную обезьяну, которая сидела на корточках и внимательно рассматривала его. Ужас охватил Алексея Павлова. Он взглянул на матросов — они находились в двухстах шагах от него. Обезьяна опять затеребила его плечо, жалобно бормоча. Во всей позе животного и в его вопросительном взгляде не было угрозы. Павлов медленно поднялся на ноги. Обезьяна встала рядом с ним.

Согнувшись почти вдвое, человек осторожно побрел к матросам. Обезьяна взяла его под руку и зашагала рядом. Они уже почти дошли до маленькой кучки людей, прежде чем их заметили. Павлов успел убедиться, что обезьяна настроена мирно: по-видимому, она привыкла к человеческому обществу. Русский подумал, что она принадлежит к особо разумной породе обезьян, и решил воспользоваться этим для своей выгоды.

Когда люди обернулись и увидели направляющуюся к ним странную пару, они были поражены и бросились к обезьяне, держа оружие наготове. Обезьяна не выказала ни малейшего страха. Напротив, она потрепала каждого матроса по плечу и долго и серьезно смотрела каждому в лицо. Рассмотрев всех, она вернулась к Павлову, и на ее физиономии выразилось сильное разочарование.

Люди принялись потешаться над нею. Они обступили Павлова, задавали ему разные вопросы и разглядывали обезьяну. Русский сказал им, что обезьяна принадлежит ему. Ничего больше он не объяснял, только повторяя снова и снова: «Это — моя обезьяна, это — моя обезьяна». Один из матросов, которому надоела болтовня Павлова, решил позабавиться. Он подошел к обезьяне сзади и ткнул ее булавкой. Как молния она обернулась и ринулась на жестокого шутника; дружелюбное животное превратилось в разъяренного демона! Широкая улыбка, за минуту сиявшая на лице у моряка, сменилась выражением ужаса. Он пытался ускользнуть от могучих длинных рук, хватавших его, на свою беду вздумал при этом вытащить из-за пояса большой нож. В одно мгновение обезьяна вырвала у него оружие, швырнула в сторону, и ее желтые когти вонзились в плечи несчастного.

Схватив ножи и палки, вся команда с гиканьем и бранью кинулась на зверя, а Павлов беспомощно прыгал вокруг матросов, угрожающе наступавших на зверя. Он видел, как его сокровище гибло под ударами.

Но справиться с обезьяной оказалось далеко не легкой задачей, хотя противники были сильнее ее. Оставив моряка, виновника драки, она повернула свою гигантскую спину и обрушилась на двоих его товарищей, подступавших к ней сзади. Могучими ударами открытых ладоней оттолкнула она обоих нападавших, прыгая то туда, то сюда с проворством маленькой мартышки.

Сражение было замечено капитаном и штурманом, которые только что высадились на берег с «Марджори В», и Павлов увидел, что оба они бегут с револьверами в сопровождении двух матросов. Обезьяна остановилась и посмотрела на Павлова, но ждала ли она нового нападения или просто выбирала, на кого бы из врагов броситься раньше, он не мог понять. Он сознавал только, что приближалось мгновение, когда оба офицера будут на расстоянии выстрела и прикончат ее. Надо было что-нибудь предпринять и предпринять очень быстро. До сих пор обезьяна не пыталась кинуться на русского; однако он боялся подойти к дикому животному, полному звериного гнева и почувствовавшему запах пролитой крови; но перед ним снова встали его мечты о богатстве, которое доставит ему это человекоподобное существо, когда он привезет его в одну из столиц мира.

— Посторонись! — крикнул ему капитан, целясь в зверя, но Павлов подошел к обезьяне и, хотя волосы встали у него дыбом, он пересилил свой страх и схватил ее за руку.

— Идем! — приказал он и потащил зверя прочь. На месте сражения остались побитые матросы. Одни сидели на земле, остолбенев от ужаса, другие ползли в сторону на четвереньках.

Обезьяна позволила увести себя и не выказала ни малейшего желания напасть на русского. Капитан остановился в нескольких шагах от странной пары.

— Отойди в сторону, Савров! — закричал он. — Я угощу эту тварь так, что ей не придется больше калечить моряков.

— Она не виновата, капитан, — взмолился Павлов. — Прошу вас, не стреляйте. Матросы сами виноваты, они первые напали на нее. Смотрите, она совершенно смирная. Это моя обезьяна... моя, моя, моя!.. Я ни за что не дам вам убить ее! — закричал он почти истерически. Его расстроенное воображение снова рисовало ему картины всех тех радостей, которые принесут ему в Лондоне деньги; а как иначе может он теперь надеяться раздобыть деньги, если у него не будет обезьяны?

Капитан опустил револьвер.

— Вы говорите, люди первые напали на нее? — переспросил он. — Так ли это? — и он повернулся к морякам, которые тем временем успели подняться с земли. Все они были невредимы, кроме забияки,

всадившего в обезьяну булавку; тому, несомненно, предстояло с неделю возиться со своим поврежденным плечом.

— Симпсон первый задел его, — сказал один из моряков. — Симпсон всадил ему булавку в спину, ну, мохнатый и кинулся на него и потрепал, как следует; и нам попало малость, но бранить мохнача не за что, мы сами на него нападали.

Капитан вопросительно взглянул на Симпсона, и тот коротко подтвердил все сказанное. Затем капитан подошел к обезьяне, как бы для того, чтобы на собственном опыте убедиться, какого она нрава; при этом он предусмотрительно держал револьвер на взводе.

Обезьяна сидела на корточках около Павлова, поглядывая то на одного, то на другого матроса. Когда капитан приблизился к ней, она поднялась и направилась к нему навстречу. На ее физиономии появилось то же странное выражение острого интереса и любопытства, с которым она встречала каждого незнакомого человека. Казалось, она кого-то искала.

Она подошла вплотную к офицеру, положила лапу ему на плечо и принялась изучать черты его лица; затем у нее в глазах появилось выражение разочарования, сопровождаемое тяжелым, почти человеческим вздохом. Она отошла от капитана и начала так же внимательно разглядывать лица штурмана и обоих матросов, прибежавших с офицерами. Каждый раз она вздыхала и опускала глаза и, наконец, снова села рядом с Павловым, не проявляя больше никакого интереса к людям и как будто забыв свое недавнее столкновение с ними.

Когда команда вернулась на корабль, обезьяна пошла вслед за Павловым. Ей как будто очень хотелось ехать вместе с ним. Капитан не препятствовал ей, и, таким образом, человекоподобное животное стало пассажиром корабля. Очутившись среди матросов, обезьяна пристально всматривалась в каждое новое лицо, но всякий раз испытывала, видимо, разочарование. Офицеры корабля и ученые из экспедиции часто беседовали между собой об этом животном, но никак не могли понять, почему обезьяна с таким страстным любопытством относится к каждому человеку, встречаемому впервые. Если бы ее нашли на материке или в такой стране, где обитают люди, можно было бы подумать, что эта обезьяна некогда жила среди людей и теперь разыскивает своего хозяина. Но это объяснение было

неправдоподобно, так как обезьяну нашли на необитаемом острове, куда, очевидно, почти не ступала человеческая нога.

Было несомненно, что обезьяна непрестанно ищет какое-то определенное лицо. В первые дни путешествия она металась по всему кораблю и заглядывала в каждую щель. Но после того, как она перезнакомилась со всеми бывшими на корабле людьми, она, словно отчаявшись найти того, кого искала, впала в апатию и не интересовалась больше ничем. Даже на Павлова, который был во все время путешествия занят исключительно ею, она обращала внимание лишь тогда, когда он приносил ей еду. В остальное время она относилась к нему совершенно равнодушно, не выказывая никаких особых чувств, как, впрочем, ко всякому другому человеку.

Не проявляла она теперь и той ярости, которую возбудили в ней в первый день напавшие на нее матросы.

Целыми днями сидела она у иллюминатора и так смотрела на расстилающийся перед нею горизонт, как будто знала, что корабль направляется туда, где она после долгих поисков встретит нужного ей человека.

Ее называли Аяксом. Все считали ее самой замечательной и самой умной из всех обезьян. Ростом она значительно превосходила других себе подобных. Ее сила внушала ужас. Было ясно, что она стара, но годы не отразились ни на ее теле, ни на остром уме.

Наконец, «Марджори В» прибыл в Лондон. Офицеры корабля и ученые, из сострадания к несчастному калеке, которого им удалось спасти, собрали немного денег, дали их Павлову и пожелали ему успеха с его Аяксом.

В Лондоне Павлов немедленно повел Аякса к известному укротителю зверей. Аякс очень понравился укротителю, и тот согласился обучить его разным штукам, выговорив себе львиную долю предстоящих доходов. Кроме того, он обязался кормить и обезьяну, и ее хозяина.

Так Аякс прибыл в Лондон, и так было выковано новое звено в цепи странных обстоятельств, которые отразились на жизни многих людей.

II

МЕЧТЫ МАЛЕНЬКОГО ЛОРДА

Мистер Гарольд Мур был очень трудолюбивый и добросовестный молодой человек, с желтым лицом, изнуренным болезнью.

Он состоял воспитателем мальчика в семье одного английского лорда и, сознавая, что его ученик не делает тех успехов, которых справедливо ожидали его родители, счел необходимым поговорить с его матерью.

— Дело не в том, что у него нет способностей, — говорил он. — Если бы это было так, я все-таки надеялся бы на успех, потому что мог бы направить всю свою энергию на преодоление его тупости. Но досаднее всего, что он исключительно умный мальчик. В выполненных им заданиях я не могу найти ни одной ошибки. Меня глубоко огорчает то, что он совершенно не проявляет интереса к своим занятиям. К заданным урокам он относится, как к тяжелому труду, который надо окончить возможно скорее. Вряд ли вспоминает он когда-нибудь то, что учил в часы занятий. Его интересуют только разные приключения и геройские подвиги да некоторые повести из жизни животных и дикарей. Звери особенно занимают его: он готов целыми часами вчитываться в записки какого-нибудь исследователя Африки, и были случаи, когда я заставал его ночью, в постели, за чтением книги Карла Хагенбека о зверях и дикарях.

Мать мальчика нервно топнула ногой по предкаминному коврику.

— И вы, конечно, запретили ему это?

Краска выступила на бледном лице мистера Мура. Мистер Мур бормотал в замешательстве:

— Я... я... пробовал взять у него книгу... но, знаете, у вашего сына такие мускулы... Он слишком силен для своих лет.

— Он не дал вам отобрать у него книгу? — спросила мать.

— Да, — признался учитель, — он удержал ее силой. Вообще он мальчик добрый и в этом случае был вполне корректен. Но... он превратил нашу маленькую стычку в игру: он убеждал меня, что он — горилла, а я — шимпанзе, и что я хочу отнять у него добычу. С диким рычанием, какого я еще никогда не слышал, он налетел на меня и, подняв меня в воздух у себя над головой, швырнул к себе на постель.

После этого он сделал вид, будто душил меня, а затем вскочил на мое простертое тело и издал страшный, пронзительный крик, причем объяснил, что так кричат обезьяны самцы, когда торжествуют победу. Закончил он тем, что понес меня к двери, выставил за порог и заперся в своей комнате на ключ...

Несколько минут царило молчание. Наконец, мать мальчика сказала серьезно:

— Вы должны, мистер Мур, сделать все возможное, чтобы прекратить эти выходки, потому что мой Джек...

Но она не закончила фразы, так как в это мгновение за окном раздался громкий протяжный крик: «Хо-о-гоп!»

И дама, и учитель вскочили со своих кресел.

Комната была на втором этаже; перед домом стояло высокое дерево, ветви которого свешивались к самым окнам: среди его листвы сидел тот, о ком сейчас шел разговор, высокий, хорошо сложенный, красивый мальчик. Он с изумительной легкостью балансировал на сгибающейся под его тяжестью ветке. Увидев в окно испуганные лица, он радостно вскрикнул.

Мать и воспитатель кинулись к окну, но едва они сделали несколько шагов, мальчик проворно прыгнул с дерева в комнату.

— Дикарь из Борнео приехал в Лондон! — воскликнул он звонким голосом и пустился исполнять военный танец вокруг встревоженной матери и шокированного учителя. Затем он обхватил ее шею руками и поцеловал в обе щеки.

— О мама! — кричал он. — Вилли Гримсби видел вчера в мюзик-холле удивительную ученую обезьяну. Она делает все, что угодно: ездит на велосипеде, ест ножом и вилкой, считает до десяти и умеет делать еще много-много чудесных вещей! Можно мне пойти посмотреть на нее? О мама, умоляю тебя, мамочка,пусти меня...

Нежно похлопав ребенка по щеке, мать отрицательно покачала головой.

— Нет, Джек, — сказала она, — ты знаешь, я не одобряю подобных зрелищ.

— Я не понимаю, почему ты мне не позволяешь, мама, — отозвался обиженный мальчик. — Всем другим мальчикам позволяют, они часто ходят в зоологический сад, а меня ты даже туда не пускаешь.

Можно подумать, что я — девочка, или... или... трусишка, маменькин сыночек, который боится даже запертых в клетку зверей...

— Ах, папа! — воскликнул он, обращаясь к высокому сероглазому мужчине, который как раз в эту минуту появился в дверях. — Папа, папа, неужели мне нельзя туда пойти?

— Куда, мой мальчик? — спросил отец.

— Он хочет пойти в мюзик-холл, где показывают ученую обезьяну, — пояснила мать, делая отцу предостерегающие знаки.

— Какую обезьяну? Вероятно, Аякса?

Мальчик кивнул головой.

— Я понимаю твоё желание, сынок, — сказал отец улыбаясь. — Я и сам не прочь посмотреть этого удивительного зверя. Говорят, эта обезьяна делает чудеса. Рост у нее тоже необыкновенный: обычно человекообразные бывают гораздо ниже и меньше... Пойдем-ка все мы посмотреть Аякса! Что ты на это скажешь? — обратился он к жене, но та энергично закачала головой и, повернувшись к мистеру Муру, напомнила ему, что Джеку пора идти заниматься.

Когда ученик и учитель вышли, она быстрыми шагами подошла к мужу.

— Джон, надо принять какие-нибудь меры, чтобы отбить, наконец, у Джека охоту мечтать о хищных зверях и девственных лесах. Боюсь, что эти наклонности унаследованы им от тебя. Ты ведь по себе знаешь, как силен бывает этот зов дикой природы и какое требуется напряжение душевных сил, чтобы воспротивиться ему! Сколько пришлось тебе вынести борьбы, чтобы подавить в себе эту безумную, эту болезненную жажду — снова окунуться в жизнь джунглей, где ты провел свое детство! И кому же, как не тебе, знать, какая ужасная судьба грозит Джеку, если он поддастся этому влечению к дикой природе!

— Мне думается, ты сгущаешь краски, милая Джэн, — возразил ее муж. — Такие чувства, как любовь к первобытным лесам, едва ли подчиняются закону наследственности. Я считаю, что под влиянием материнских страхов ты слишком стесняешь свободу Джека. Любовь к природе и к животным присуща каждому здоровому нормальному мальчику, и кто бы в его возрасте не захотел посмотреть эту дрессированную обезьяну? Ведь из того, что Джеку хочется видеть Аякса, отнюдь не следует, что, когда он подрастет, он решит взять себе

в жены гориллу. Не надо же огорчаться, моя дорогая, и не будем лишать нашего мальчика его удовольствий.

И Джон Клейтон, лорд Грейсток, обнял жену за талию, добродушно засмеялся и, нагнувшись, поцеловал ее. Потом он сказал более серьезным тоном:

— А жаль, милая Джэн, что ты никогда не рассказывала Джеку моих приключений в джунглях и мне тоже не позволяла открыть ему эту тайну. Мне кажется, ты делаешь большую ошибку: если бы я рассказал нашему мальчику, как тяжело жилось Тарзану из обезьяньего племени в первобытных лесах Африки, я думаю, это уничтожило бы в нем всякое желание испытать подобную жизнь; ведь она кажется мальчикам такой привлекательной и сказочно-прекрасной только потому, что они не знают ее. Я должен открыть Джеку глаза на то, какова эта жизнь на самом деле, и она раз и навсегда потеряет для него всякую прелесть.

Но леди Грейсток лишь покачала головой. Муж не раз убеждал ее рассказать мальчику историю Тарзана, но она не могла с ним согласиться.

— Нет, нет, Джон, — говорила она. — Я никогда не позволю, чтобы мы сами прививали мальчику те мысли и чувства, от которых хотим его избавить.

Вечером они опять заговорили о том же, но на этот раз вопрос был поднят самим Джеком. Мальчик читал книжку, свернувшись клубочком в большом кресле; вдруг поднял голову и обратился к отцу.

— Ну что же, папа, — спросил он, прямо подходя к делу, — тыпустишь меня посмотреть Аякса?

— Мама не разрешает, — ответил отец.

— А ты?

— Это неважно! — уклончиво ответил лорд Грейсток. — Достаточно того, что мама не позволяет.

Мальчик задумался и несколько минут сидел молча.

— А я все-таки увижу Аякса, — сказал он вдруг решительно. — Я ничем не хуже Вилли Гримсби и других мальчиков, которые ходят смотреть обезьяну. Обезьяна ничего им не сделала, не тронет и меня. Я мог давно уйти без спроса, но не хотел. А теперь я заранее предупреждаю тебя, что Аякса я все-таки увижу.

Ничего вызывающего или непочтительного не было в тоне этих слов. Мальчик спокойно констатировал положение вещей. Отец с трудом сдерживал улыбку: ему не хотелось показать сыну, что он восхищается его мужеством.

— Твоя откровенность мне нравится, Джек, — сказал он. — Я тоже буду откровенен: если ты без позволения уйдешь смотреть Аякса, я накажу тебя; я никогда не применял к тебе телесного наказания, но если ты ослушаешься матери, я буду вынужден применить его.

— Хорошо, папа, — ответил мальчик, а затем прибавил, — я сам приду к тебе за наказанием, папа, как только вернусь от Аякса.

Мистер Мур занимал комнату рядом с комнатой своего юного воспитанника. Каждый вечер перед тем, как Джек ложился спать, мистер Мур заходил к нему. В этот вечер наставнику Джека предстояло исполнить еще одну важную обязанность: как раз перед этим, на семейном совете, отец и мать мальчика настоятельно просили его приложить все усилия, чтобы отвлечь Джека от мысли о посещении Аякса.

Когда в половине девятого мистер Мур отворил дверь в комнату мальчика, он увидел, что будущий лорд Грейсток в пальто и в шапке собирается перелезть через окно своей спальни на улицу; это его совсем не удивило, но он все-таки заволновался.

Мистер Мур поспешно вбежал в комнату. Впрочем, торопиться ему было незачем, потому что чуть только Джек услышал шум и понял, что его побег обнаружен, он прыгнул с подоконника обратно в комнату. Казалось, он решил отказаться от своего намерения.

— Куда вы собрались бежать? — запыхавшись, спросил мистер Мур.

— Я хочу посмотреть Аякса, — спокойно ответил мальчик.

— Вы меня весьма изумляете, — вскричал мистер Мур, но через минуту он был изумлен несравненно более, потому что Джек, подойдя к нему вплотную, неожиданно схватил его за пояс, поднял с земли и бросил лицом вниз на кровать, после чего уткнул его голову в мягкую, глубокую подушку.

— Ни звука, — предупредил победитель, — если вам дорога жизнь!

Мистер Мур отчаянно сопротивлялся, но все его усилия были тщетны. Передал ли сыну Тарзан из обезьяньего племени свою любовь

к дикой природе джунглей или не передал, во всяком случае, его сын унаследовал ту изумительную физическую силу, какой в его возрасте обладал отец. Джек справлялся со своим учителем с такой легкостью, как будто это был комок глины. Склонившись над мистером Муром, он разорвал простыню на полосы и связал его руки за спиной: затем он перевернул его на спину, набил ему в рот тряпок и обвязал лоскутом простыни, закрепив узлом на затылке жертвы. Связывая таким образом учителя, Джек шепотом давал объяснения:

— Я — Вайя, вождь Вайев, а ты — Мохаммед Дуби, арабский шейх; ты убиваешь всегда моих подданных и похищаешь мою слоновую кость.

При этом Джек энергично подтягивал вверх связанные вместе лодыжки мистера Мура, чтобы прикрутить их к связанным кистям его рук.

— Ага, негодный! Наконец-то ты в моей власти! Я уйду теперь, но я еще вернусь! — И сын Тарзана промчался по комнате, вскочил на окно, с окна — на карниз и спустился по водосточной трубе на улицу. Наконец-то он был на свободе!

Мистер Мур бился и катался по кровати. Он был уверен, что задохнется, если помощь не подоспеет вовремя. В безумном страхе он скатился с кровати на пол. Боль и сотрясение вернули ему способность спокойно рассуждать. Он лежал не двигаясь и старался найти выход из своего плачевного положения. Наконец, он вспомнил, что комната, в которой сидели лорд и леди Грейсток, когда он покинул их, находится как раз под комнатой Джека. Он полагал, что с тех пор, как он отправился наверх к Джеку, прошло довольно много времени: минуты, когда он, извиваясь на кровати, пытался освободиться, казались ему долгими часами, и что они за это время могли уйти в другую комнату. Но спасение может прийти только в том случае, если ему удастся привлечь внимание сидящих внизу, а потому он, после многих неудачных попыток, повернулся в такое положение, что мог стучать носком сапога в пол. Он проделывал это с короткими перерывами и, наконец, после томительного, бесконечного, как ему казалось, ожидания, услышал шум шагов по лестнице. Через минуту раздался стук в дверь. Мистер Мур отчаянно заколотил сапогом по полу — другим способом ответить он не мог. В дверь опять постучали. Опять застучал мистер Мур. Откроют ли они, наконец? С огромным трудом

он пополз по направлению к спасителям: если бы ему удалось на спине подобраться к двери, он мог бы стукнуть в дверь ногой, и его непременно услышали бы. С той стороны опять постучали в дверь, немного громче, и раздался голос:

— Мистер Джек!

Это был один из лакеев — мистер Мур узнал его голос. У мистера Мура чуть не лопнули кровяные сосуды, так он напрягал все свои силы, чтобы крикнуть: «Войдите!».

Минуту спустя человек за дверью принялся стучать еще сильнее и опять назвал имя мальчика. Не получив ответа, он нажал ручку, и в эту самую секунду внезапное воспоминание снова переполнило ужасом сердце учителя: он вспомнил, что, войдя в комнату, запер за собой дверь на ключ.

Лакей еще несколько раз пытался открыть дверь, а затем ушел. Мистер Мур лишился чувств...

А в это время Джек мчался к храму своей мечты, чтобы насладиться добытой свободой вовсю!

Он попал в мюзик-холл как раз в ту минуту, когда на сцене появился Аякс. Мальчик взял переднее место в ложе и теперь, опершись на перила, следил с затаенным дыханием за каждым движением большой обезьяны. Глаза его были широко раскрыты.

Человек, показывавший обезьяну, вскоре заметил в ложе мальчика с красивым возбужденным лицом; один из главных номеров представления состоял в том, что Аякс пускался гулять по зрительному залу, заходил в одну, другую ложу, напряженно вглядываясь в лица, причем укротитель обезьяны объяснял публике, что она повсюду ищет своего давно потерянного родственника. Увидев Джека, укротитель сообразил, какой произойдет эффект, когда обезьяна ввалится в ложу к красивому мальчику, и тот закричит от ужаса.

И вот, когда обезьяну вызвали на бис, укротитель обратил ее внимание на мальчика, который один сидел в своей ложе. Как молния ринулась обезьяна со сцены к мальчику. Но надежды дрессировщика на комический эффект не оправдались: мальчик не струсил, широкая улыбка озарила его лицо, когда обезьяна подбежала к барьеру ложи, и он бесстрашно положил свою руку на косматое плечо зверя. Обезьяна тоже положила руки к нему на плечи и принялась долго и пристально разглядывать его, а он говорил ей что-то тихим голосом.

Аякс никогда еще никого так долго не рассматривал. Он был, видимо, озабочен и возбужден, и мурлыкал, и бормотал, и визжал. Дрессировщик никогда не видел, чтобы он так обращался с человеком. Обезьяна влезла в ложу и подошла к мальчику вплотную. Публика была в восторге; но восторг ее утроился, когда укротитель принялся звать Аякса обратно на сцену: обезьяна не хотела уходить! Испуганный хозяин театра умолял дрессировщика увести свою обезьяну, но когда тот попробовал вытащить ее из ложи, он был встречен оскаленными клыками и злобным ворчанием. Публика бесновалась от радости; она рукоплескала обезьяне, она рукоплескала мальчику, она свистала дрессировщику и хозяину, который тоже безрезультатно старался увести обезьяну.

Укротитель пришел в отчаяние; он сообразил, что подобное поведение обезьяны может лишить его в будущем крупных заработков. Он кинулся за кулисы и вернулся в ложу с тяжелым хлыстом. Но, когда он угрожающе подступил к Аяксу, он встретился лицом к лицу с двумя врагами, вместо одного: мальчик стоял, размахивая стулом над головой, готовый защищать своего нового друга; его красивое лицо не улыбалось, в серых глазах сверкал холодный огонь, который заставил укротителя остановиться. А возле него выпрямился во весь рост огромный антропоид, рыча и оскаливая зубы. Что могло бы произойти, если бы в эту минуту не выступило на сцену новое действующее лицо, можно только предполагать; но что дрессировщик получил бы жестокие синяки, если не больше, было ясно написано на лицах обоих его противников.

* * *

Дворецкий с бледным от испуга лицом вошел в библиотеку и доложил милорду, что дверь в комнату Джека заперта и что в ответ на свои стуки и крик он слышал странный шорох, напоминающий шум тела, ползающего по полу.

В четыре прыжка Джон Клейтон взбежал по лестнице. Его жена и слуги спешили за ним. Он кликнул своего сына громким голосом. Не получив ответа, он напряг свои стальные мускулы и навалился всем телом на дверь. Раздался лязг железа, треск дерева — и дверь вылетела.

Падая, дверь покрыла тело мистера Мура, лежавшего у порога в обмороке. Тарзан вскочил в комнату, и через миг она осветилась электрическим светом.

Учитель был найден не сразу, так плотно был он скрыт упавшей дверью. Но в конце концов, его выволокли, освободили от пут и привели в чувство.

— Где Джек? — был первый вопрос Тарзана. — Кто это сделал? — испуганно прибавил он: его мозг пронзило воспоминание о том, как злодей Роков похитил некогда его ребенка...

Мистер Мур медленно поднялся на ноги. Его взор блуждал по комнате. Он собирался с мыслями; он припоминал все пережитое.

— Я прошу уволить меня от занятий с вашим сыном, сэр! — начал он. — Вашему сыну нужен не учитель, а укротитель диких зверей.

— Где он? — вскричала леди Грейсток.

— Он пошел посмотреть Аякса.

Тарзан с трудом сдержал улыбку. Убедившись, что педагог больше напуган, чем ушиблен, он приказал подать карету и отправился в мюзик-холл.

III

ЗОВ ДЖУНГЛЕЙ

В то время как укротитель, угрожающе размахивавший хлыстом, все еще не решался войти в ложу, где его собирались достойно встретить обезьяна и маленький лорд, на пороге появился высокий широкоплечий господин. Краска залила щеки мальчика, едва он увидел вошедшего.

— Папа! — вскричал мальчик.

Обезьяна окинула быстрым взглядом британского лорда и мгновенно прыгнула ему навстречу, выражая свой восторг диким визгом.

Лорд, широко раскрыв от удивления глаза, застыл на месте, как вкопанный.

— Акут! — воскликнул он.

Мальчик растерянно переводил взгляд с отца на обезьяну и с обезьяны на отца. То, что произошло дальше, заставило укротителя застучать зубами: из уст англичанина послышались гортанные звуки; человекообразное чудовище приблизилось к нему вплотную и что-то ласково отвечало на своем языке.

А в это время из глубины кулис старик отвратительной наружности пристально наблюдал за тем, что происходило в ложе; на его искаженном рябом лице, нервно подергивавшемся от волнения, последовательно отражались все чувства — от восторга до ужаса.

— Давно я не видел тебя, Тарзан, — говорил Акут. — Теперь, когда я нашел тебя, я пойду в твои джунгли и останусь с тобой навсегда.

Человек гладил зверя по косматой голове; в его мозгу длинной вереницей проходили воспоминания давно прошедших дней, и он переносился в чащу девственного африканского леса, где это громадное человекоподобное существо сражалось с ним бок о бок; в его памяти вставал черный Мугамби, потрясающий смертоносной дубиной, и рядом с ним свирепая пантера Шита с обнаженными клыками и колючими усами, а затем — страшная орда обезьян племени Акута.

Человек глубоко вздохнул; его вновь охватила с прежней силой тоска по джунглям, которую он считал умершей... Ах, если бы

вернуться туда хоть на один короткий месяц! Снова чувствовать, как щекочет листва голое тело; вдыхать полной грудью пряный запах гниющих растений; улавливать острым слухом бесшумные шаги подкрадывающегося хищника; выслеживать добычу и знать, что тебя выслеживает другой хищник; нападать и защищаться! Картина была так притягательна, что кровь забурлила у него в жилах... Но рядом с этим видением встало другое — любимая женщина с ласковыми глазами, молодая, красивая, маленький сын, друзья, дом... Он бессильно пожал плечами.

— Это невозможно, Акут, — сказал он. — Но, если ты хочешь вернуться в родные джунгли, я помогу тебе. Ты не можешь быть счастлив здесь, а я не могу быть счастлив там.

Укротитель сделал шаг вперед. Обезьяна зарычала, обнажая клыки.

— Иди с ним, Акут, — сказал Тарзан, — завтра я приду навестить тебя.

Зверь мрачно поплелся за укротителем. Джон Клейтон разузнал, где он живет, а затем повернулся к сыну.

— Пойдем! — сказал он, и они вышли из театра. Никто не проронил ни слова. Когда они сели в карету, мальчик первый нарушил молчание.

— Обезьяна узнала тебя, — сказал он, — и вы разговаривали между собой на обезьяньем языке. Откуда это она знает тебя, и как ты выучился говорить по-обезьяньи?

И здесь впервые Тарзан, приемыш обезьяны, рассказал сыну в немногих словах о годах своего детства и юности, о том, как он родился в джунглях, как умерли его родители и как обезьяна Кала, огромная самка, вскормила его своим молоком.

Он старался описать мальчику самыми черными красками, как страшна и опасна жизнь в джунглях, кишаших дикими, кровожадными зверями; он рассказывал об изнурительной засухе и о дождливом периоде, когда свирепствует лихорадка, о голодных временах, о невыносимой жаре; он говорил, что там приходится ходить совершенно нагим, жить в постоянном страхе и лишениях... Изображая эту жизнь, он нарочно выбирал такие картины, которые должны были производить на всякого цивилизованного человека самое ужасное впечатление, надеясь, что эти образы навсегда уничтожат в

сердце мальчика унаследованное им бессознательное влечение к диким лесам.

Но как ни старался он описывать джунгли в самых мрачных красках, из его рассказа джунгли вставали такими, какими они были для него, — джунгли, бесконечно дорогие его сердцу. А кроме того, рассказывая о своей жизни среди диких зверей, он забыл об одном обстоятельстве, забыл о самом главном, что тот мальчик, который, застыв возле него, с жадностью вслушивался в его слова, был сын Тарзана, человека-обезьяны...

По возвращении домой мальчика уложили в постель, освободив от заслуженного наказания. Джон Клейтон рассказал своей жене обо всех событиях этого вечера, причем не скрыл от нее, что он счел нужным познакомить сына со своей прошлой жизнью в африканских лесах. Леди Джэн была убеждена, что мальчик все равно, рано или поздно, узнает истину о тех страшных годах, когда его отец жил жизнью дикого зверя; она только покачала головой и пыталась утешить себя надеждой, что влечение к дикому существованию, которое до сего времени не умерло в груди отца, не передастся его сыну.

Тарзан, согласно своему обещанию, посетил Акута на следующий день; Джека он не взял с собой, несмотря на его настойчивые мольбы.

Рядом с Акутом Тарзан увидел владельца обезьяны, рябого старика, в котором, конечно, не мог узнать прежнего блестящего Алексея Павлова. Растроганный жалобами своего друга Акута, Тарзан предложил хозяину продать ему животное, но Павлов отвечал, что ему необходимо подумать, прежде чем назначить цену.

Когда Тарзан вернулся домой, Джек возбужденно расспрашивал отца обо всех подробностях его свидания с обезьяной и горячо просил его купить Акута и привезти домой. Леди Грейсток пришла в ужас от этого желания, но мальчик продолжал настойчиво умолять отца. Тарзан прикрикнул на него и объяснил, что если он и хотел купить обезьяну, то лишь для того, чтобы вернуть ее в ее родные леса; леди Грейсток одобрила эту мысль. Джек присмирел и только просил позволения посетить обезьяну, но ему в этом было отказано наотрез.

Однако у мальчика был адрес, данный укротителем его отцу; через два дня, воспользовавшись отсутствием своего нового воспитателя (мистер Мур покинул дом сейчас же после скандального происшествия), он выскользнул из дому и, после долгих блужданий по

неизвестной ему части Лондона, отыскал тесную, зловонную трущобу, где жил рябой старик, владелец обезьяны.

Старик сам отворил ему дверь, и когда мальчик объявил, что пришел посмотреть Аякса, впустил его в грязную каморку, где он жил со своей обезьяной. В прежние времена Павлов был опрятен, но десять ужасных лет, проведенных среди людоедов, совершенно изменили его: он был одет в грязные лохмотья, руки у него были немытые, жидкие волосы висели сальными, нечесаными прядями. В комнате царил невообразимый беспорядок.

Когда Джек вошел, обезьяна лежала на кровати, покрытой дырявым зловонным одеялом и кучей какого-то тряпья. Увидев мальчика, она вскочила со своего ложа и стремглав кинулась ему навстречу. Павлов не узнал посетителя и испугался: ему показалось, что животное собирается наброситься на вошедшего; он поспешил заслонить собой мальчика и прикрикнул на обезьяну, чтобы та вернулась в постель.

— Не бойтесь, она не обидит меня! — воскликнул мальчик. — Мы с нею друзья, а еще раньше, давным давно она была в большой дружбе с моим отцом. Они познакомились в джунглях. Мой папа — лорд Грейсток. Он не должен знать, что я пошел сюда, потому что мама запретила мне навещать обезьяну; но мне так хотелось видеть Аякса! Я дам вам денег, сколько вы хотите, только позвольте мне приходить сюда иногда и быть немного с Аяксом!

Когда мальчик назвал свое имя, глаза Павлова превратились в узенькие щелки. После того, как он увидел в мюзик-холле Тарзана, в его расшатанном, одряхлевшем мозгу вспыхнула жажда мести. Слабым и преступным душам свойственно винить других в тех несчастьях, которые явились результатом их собственной подлости: и вот Алексей Павлов начал понемногу припоминать события своей минувшей жизни, и ему стало казаться, что виновником всех его злоключений был отец того мальчика, который теперь так доверчиво беседует с ним.

В его мозгу тотчас же блеснула мысль отомстить Тарзану тем, чтобы нанести удар его единственному сыну, но как привести в исполнение свой план и не попасться при этом самому? И вот, ясно поняв, какие широкие возможности открывает ему случай, который привел сына его врага в его конуру, Павлов решил на всякий случай

поближе сойтись с подростком. Стараясь быть возможно приветливее, он рассказал мальчику все, что знал о жизни его отца; при этом ему удалось обнаружить, что мальчик до последнего времени ничего не знал об этой жизни, что от него все скрывали; он узнал также, что мальчику не разрешали ходить в зоологический сад и что ему пришлось тайком ускользнуть из дому, связав своего воспитателя, чтобы взглянуть на Аякса.

Из всего этого Павлов понял, как страшно боятся родители, чтобы в мальчике не проснулось то самое влечение к джунглям, которое когда-то причинило столько страданий его отцу.

Павлов приглашал мальчика приходить к нему почаще и сумел расположить его к себе увлекательными рассказами о диких странах, с которыми он сам был так хорошо знаком. Часто он подолгу оставлял мальчика наедине с Акутом и после нескольких визитов маленького лорда с удивлением заметил, что тот свободно объясняется с обезьяной: Джеку очень легко удалось усвоить простые слова примитивного языка человекообразных.

В течение этого времени лорд Грейсток тоже несколько раз высказывал намерение купить Аякса и однажды откровенно признался, что к этому его побуждает не только собственное желание выпустить обезьяну на волю в ее родные леса, но также и настояние жены: леди чрезвычайно боится, что Джек может сильно привязаться к обезьяне и вздумает, чего доброго, дать волю своим бродяжьим инстинктам и удрать с обезьяной в Африку. Тарзан объяснил, что страсть к дикой жизни сильно повлияла и на его собственную жизнь.

При этих словах русский с трудом сдерживал улыбку: он вспомнил, как полчаса назад, будущий лорд Грейсток, достойный сын своего отца, дурачился с Аяксом на грязной постели, проявляя чисто обезьянью ловкость.

Во время разговора с Тарзаном в голове у Павлова созрел определенный план действий: за баснословную цену он согласился продать обезьяну и обязался, по получении денег, отправить ее в Дувр на судно, которое через два дня отходит на юг, в Африку.

У Павлова было две причины принять предложение Клейтона. Прежде всего для него теперь было особенно существенно получить кругленькую сумму, так как обезьяна с недавнего времени перестала служить источником дохода. С тех пор как Акут нашел Тарзана, его

никакими средствами нельзя было заставить выступать на подмостках. Со времени своего приезда в Лондон, обезьяна, очевидно, сильно тосковала по родным джунглям и, если она до сих пор позволяла выставлять себя перед тысячами любопытных зрителей, то, казалось, лишь потому, что она старалась отыскать своего давно утраченного друга и господина. Теперь, когда она его нашла, у нее не оставалось желания знаться со стадом обыкновенных людей. Никакими убеждениями нельзя было добиться того, чтобы обезьяна хотя бы на минуту показалась на подмостках мюзик-холла. Павлов попробовал принудить ее к этому силой, но в результате он едва не распрощался с жизнью; на его счастье рядом оказался Джек Клейтон, которому разрешали навещать обезьяну в ее артистической уборной в мюзик-холле: он мгновенно бросился на помощь русскому и предупредил жестокие намерения зверя.

Помимо денежных расчетов, в сердце Павлова жили мечты о мести. Претерпевая неудачи и несчастья, он все пламеннее мечтал отомстить Тарзану, которого считал их виновником. Его последняя неудача, неудача немалая, заключалась в отказе Аякса зарабатывать для хозяина деньги. Эту неудачу он всецело приписывал Тарзану: он уверил себя, что человек-обезьяна надоумил своего дикого друга отказаться выходить на сцену.

Врожденная злобность и коварство Павлова усугублялись немощностью его умственных и физических сил, расшатанных нуждой и страданиями. Холодная, расчетливая, изощренная мстительность Павлова прежних дней выродилась в нервную, ворчливую злобу умственно дефективного человека. Но тем не менее, созданный им план был так удачен, что совсем не вязался с предположением о слабости его умственных способностей. Прежде всего, этот план обеспечивал ему изрядную сумму денег; он получал их от лорда Грейстока за обезьяну, да еще, вдобавок, за ее отправку; затем он жестоко мстил ненавистному Тарзану через его обожаемого сына. Последняя часть плана, правда, отличалась грубой жестокостью — ей недоставало той утонченности, которой в доброе старое время блистали искусные проделки Алексея Павлова, работавшего тогда под руководством такого виртуозного преступника, как Николай Роков, но зато она вполне освобождала Павлова от ответственности за содеянное преступление: все будет свалено на обезьяну, которую, таким образом,

постигнет справедливая кара за отказ добывать пропитание для Павлова.

Дальнейшие события были на руку Павлову. Ему дьявольски везло. Сын Тарзана случайно услышал, как отец рассказывает матери, какие шаги он предпринял, чтобы благополучно доставить Акута на родину, в джунгли. Мальчик снова стал просить и умолять родителей взять обезьяну к себе в дом; Акут был бы его лучшим товарищем. Тарзан готов был на это согласиться, но леди Грейсток и слышать об этом не хотела. Джек слезно упрашивал мать, но леди Джэн была неумолима. В конце концов сын, казалось, покорился решению матери, что обезьяна должна вернуться в Африку, а он — в школу, так как школьные каникулы кончались.

В этот день Джек не пошел к Павлову: вместо этого он занялся какими-то важными делами. У него всегда было много денег, так что он мог при желании свободно истратить несколько сот фунтов. Он принялся ходить по магазинам, закупая какие-то странные вещи, которые умудрился тайком, контрабандой, пронести в свою комнату, когда поздно вечером вернулся домой.

На следующее утро Джек переждал, пока его отец вернулся от Павлова, а затем выбрался украдкой из дома и помчался к русскому. Не будучи достаточно близко знаком с Павловым, мальчик решил не рассказывать ему всего своего плана из опасения, что старик не только откажется ему помочь, но и выдаст его отцу. Он только попросил позволения отвезти Аякса в Дувр; он объяснял старику, что это избавит его от утомительного путешествия, а кроме того будет для него очень выгодно, так как мальчик ему хорошо заплатит.

— Видите ли, — продолжал он, — об этом никто не догадается, так как завтра меня отправляют в школу; родители будут думать, что я с вечерним поездом уехал в школу, а вместо этого, когда они оставят меня на вокзале, я сейчас же прибегу к вам. Я отвезу Аякса в Дувр, а в школу приеду днем позже, никто ничего не узнает, со мной ничего худого не случится, и я проведу лишней денек с Аяксом перед тем, как расстанусь с ним навсегда.

Этот план вполне соответствовал замыслам Павлова, и он живо согласился на предложение Джека. Если бы он знал, что случится через час, он бы совсем отказался от своего плана мести; но человеку не дано предугадывать будущее.

После обеда лорд и леди Грейсток простились с сыном, посадив его в купе первого класса, в котором он должен был доехать до школы. Но едва ушли с перрона, он собрал свои вещи, вышел из вагона и кликнул кэб. Извозчику он сказал адрес Павлова. Смеркалось, Павлов уже ждал его. Он нервно ходил по комнате. Обезьяна крепким канатом была привязана к кровати. Мальчик никогда не видел еще, чтобы старик применял такие меры предосторожности по отношению к Аяксу. Он вопросительно посмотрел на Павлова. Тот невнятно пробормотал, что обезьяна как будто догадывается о предстоящем путешествии и собирается бежать.

Павлов держал другой канат, с петлей на конце, и нервно вертел его в руках. Он продолжал шагать. Его рябое лицо искажалось страшными гримасами. Он что-то бормотал про себя. Мальчик, который никогда не видал его в таком возбуждении, почувствовал себя неловко. Наконец Павлов остановился у стены, подальше от обезьяны.

— Поди сюда! — сказал он Джеку. — Я научу тебя, как справиться с Акутом, если он перестанет повиноваться.

Мальчик засмеялся.

— Я в этом не нуждаюсь, — сказал он. — Аякс сделает все, о чем я его попрошу.

Старик топнул ногой.

— Я говорю тебе, чтобы ты шел сюда! — повторил он. — Если ты не будешь слушаться, я не позволю тебе провожать обезьяну в Дувр. Не стану я возиться с тобой, если она вырвется!

Все еще улыбаясь, мальчик перешел комнату и остановился перед Павловым.

— Повернись ко мне спиной, — приказал тот, — я покажу тебе, как легче связать обезьяну.

Мальчик повернулся. Затем, по предложению Павлова, он сложил руки у себя за спиной. Старик накиннул петлю на одну его руку, обмотал канат вокруг другой его руки и завязал узлом. Когда мальчик был связан, старик внезапно переменил свое отношение: с ругательством повернул он пленника к себе лицом и свирепым ударом сбил его с ног. Мальчик полетел на пол и расшиб себе голову; разъяренный старик вскочил к нему на грудь.

Обезьяна, рыча, боролась со своими путами. Мальчик не кричал: в его жилах струилась кровь Тарзана, а Тарзана хорошо научила его

приемная мать, обезьяна Кала, великому закону джунглей — никто не приходит на помощь к побежденному.

Пальцы Павлова сжали мальчику горло; злобным, хриплым смехом захохотал старик в лицо своей жертве.

— Твой отец погубил меня, — ворчал он. — Так вот ему моя награда. Он будет думать, что это сделала обезьяна. Я скажу ему, что я отлучился на минуту, ты вошел, и обезьяна убила тебя. Я брошу твое тело на кровать, когда вышибу из тебя жизнь. Твой отец найдет обезьяну, склоненную над трупом...

И он снова разразился диким хохотом. Пальцы его сошлись на шее мальчика.

За его спиной ревуший от бешенства зверь бился в стену маленькой комнаты. Мальчик побледнел, но на лице у него не было ни страха, ни растерянности: он был сын Тарзана. Пальцы впивались ему в горло; он дышал с трудом, урывками.

Обезьяна продолжала неистово биться на своем крепком канате. Повернувшись, она намотала его себе на руку, совсем так, как это делают люди, и рванула изо всей силы. Раздался треск ломающегося дерева — канат остался цел, но ножка кровати сломалась.

Павлов обернулся. Его омерзительное лицо побелело от ужаса. Обезьяна была на свободе. Одним прыжком она прыгнула на него. Человек закричал. Она оттащила его от мальчика. Острые когти вонзились ему в грудь. Он беспомощно сопротивлялся. Страшные челюсти раскрылись у его горла, и когда они снова сомкнулись, душа Алексея Павлова отправилась к дьяволам, которые давно уже ждали ее.

Мальчик с помощью Акута встал на ноги. В течение двух часов обезьяна развязывала ему руки. Он помогал ей распутывать узлы. Наконец мальчик был на свободе. Он перерезал веревку, которая все еще болталась на шее обезьяны. Затем он открыл один из своих чемоданов и вынул оттуда какую-то одежду. Его план был хорошо задуман. Он не советовался со зверем, который исполнял все его приказания.

Когда два человека вышли из дому, никто не заметил, что один из них был обезьяна.

IV

НЕОБЫКНОВЕННАЯ БАБУШКА. УБИЙСТВО

Убийство одинокого старика, по имени Михаил Савров, его большой дрессированной обезьяной несколько дней было злободневной темой газет. Лорд Грейсток, прочтя об этом, принял все меры, чтобы его имя не впутывалось в эту историю, и стал внимательно следить за всеми попытками отыскать обезьяну.

Как и для всех, главный интерес происшедшего заключался для него в таинственном исчезновении убийцы. По крайней мере, так было до тех пор, пока он не узнал, что его сын Джек не явился в школу, хотя он, лорд Грейсток, сам усадил его в вагон. Но даже и теперь отец не сразу связал это событие с тайной обезьяны. Только тогда, когда тщательные расспросы и расследования доказали, что мальчик вышел из вагона, и когда был разыскан извозчик, который возил его к Павлову, Тарзан понял, что исчезновение Акута тесно связано с исчезновением его сына.

Что было дальше, после того, как мальчик вышел из кэба, никто не знал. Никто не видел с тех пор ни мальчика, ни обезьяны, по крайней мере, никто из оставшихся в живых.

Хозяин дома, когда ему показали карточку мальчика, сказал, что он не раз встречал его у старика. Больше ничего он не знал. Здесь, в дверях этого мрачного дома, следы терялись...

* * *

На следующий день после загадочной смерти Алексея Павлова красивый юноша, в сопровождении своей больной бабушки, сидел на пароход в Дувре. Лицо старой дамы было закрыто вуалью. Ее пришлось везти на пароход в кресле для больных — так она была слаба от старости и болезни.

Юноша отклонял все услужливые предложения помощи: он сам вкатил на кресле бабушку на борт судна, сам помог ей добраться до каюты и с тех пор никто ее больше не видел до конца путешествия. Даже лакея он не впускал в каюту; он объяснил, что у его бабушки расстройство нервов и что ее раздражает присутствие посторонних.

Никто не знал, что он делал в каюте, но на палубе он был самым обыкновенным, здоровым английским мальчиком. Он болтал со своими ровесниками, сделался любимцем экипажа и завел многочисленных друзей среди матросов. Он держался благородно и непринужденно; это заставляло его новых знакомых относиться к нему с уважением и благосклонностью.

Среди пассажиров был один американец по имени Шендон, шулер и вор, прославившийся своими грабежами во многих городах Соединенных Штатов. Он мало интересовался мальчиком, пока случайно не заметил у него пачку кредиток. После этого Шендон решил обработать юного британца. Ему без труда удалось узнать, что тот едет с бабушкой в маленький порт на западном берегу Африки, близ экватора, что его фамилия Биллингс и что, кроме бабушки, у него на пароходе нет близких. Но как ни старался американец выпытать, с какой целью они едут туда, мальчик упорно отмалчивался. Впрочем, Шендона интересовало нечто другое.

Несколько раз Шендон пытался втянуть мальчика в карточную игру; но его жертва не питала пристрастия к картам; а так как к тому же другие пассажиры стали подозрительно поглядывать на американца, он решил поискать другого способа переложить деньги из кармана мальчика в свой.

Наконец настал день, когда пароход бросил якорь у заросшего лесом мыса, где десятка два каменных домов, с крышами из листового железа, некрасивой кляксой выделявшиеся на фоне чудной тропической природы, давали понять, что цивилизация наложила свою руку и на эти первобытные дебри. Вокруг домов были разбросаны лачуги дикарей, крытые соломой. Они казались весьма живописными: их дикая примитивность вполне гармонировала с окружающим тропическим пейзажем. Рядом с этими лачугами постройки белых людей казались еще безобразнее.

Мальчик не смотрел на человеческий поселок: его глаза жадно пожирали расстилавшийся сзади лес. Легкий холодок пробежал у него по спине, он дрожал от предвкушения счастья. Но, сам того не желая, он вдруг вспомнил любящие глаза матери и строгое лицо отца, которое под мужественной суровостью скрывало глубокую нежность. Тогда Джек начинал колебаться.

Рядом с ним помощник капитана громко отдавал приказания стае туземных челноков, которые кишели вокруг парохода, готовясь перевозить товар в маленькую гавань.

— Когда следующий пароход отходит отсюда в Англию? — спросил мальчик.

— «Эммануэль» приходит всегда одновременно с нами, — ответил моряк. — Я думаю, он уже здесь.

И моряк продолжал громко и раздраженно давать указания дикой орде, которая атаковала пароход.

Спустить бабушку с парохода в шлюпку было делом нелегким. Джек не отходил от нее ни на шаг, а когда, наконец, бабушка была благополучно посажена в парусное суденышко, которое должно было доставить их на берег, ее внук, как котенок, прижался к ней. Он так был занят заботами о бабушке и с такой напряженностью и опаской следил, как ее спускали вниз на стуле, подвешенном к лебедке, что не заметил, как в это время выпал у него из кармана и исчез в волнах небольшой сверток.

В то время как парусник с бабушкой и внуком причаливал к берегу, Шендон на маленьком челноке подъехал к другой стороне корабля и после долгой перебранки с владельцем судна забрал свой багаж и отправился на берег. На берегу он все время шнырял вокруг неказистого двухэтажного здания, которое было украшено вывеской «Отель», заманивавшей простодушных путешественников к своим многообразным неудобствам. Шендон держался в некотором отдалении от «Отеля» и как будто старался кого-то высмотреть в его окнах. На землю уже опустилась ночь, когда американец Шендон решил, наконец, войти в «Отель».

В одном из отдаленных номеров этого «Отеля», на втором этаже, английский юноша не без труда объяснял широкоплечей старушке, что он решил вернуться в Англию со следующим пароходом. Он старался втолковать своей бабушке, что она может остаться в Африке, если желает, но он должен вернуться домой, к папе и маме: сердце подсказывает ему, что и папа, и мама страдают из-за его отсутствия: ведь им неизвестно, что он и бабушка собрались путешествовать по первобытным африканским лесам!

Придя к твердому решению вернуться домой, Джек почувствовал, что с его души скатилось бремя, которое мучило его много бессонных

ночей. Когда он улегся в грязную постель и закрыл глаза, ему приснилось счастливое свидание с милыми сердцу. Но, пока он безмятежно спал, судьба, жестокая и непреклонная, осторожно подкрадывалась к нему по темному коридору того зловонного здания, под кровом которого он спал, — судьба, принявшая образ Шендона, известного американского вора и шулера.

Шендон на цыпочках подкрался к двери того номера, где остановился Джек. Там он долго прислушивался; наконец, вполне убедился, что мальчик и бабушка спят: они ровно и мерно дышали. Он тихонько вставил тоненькую отмычку в замочную скважину. Проворными пальцами, искусными в беззвучных операциях над замками, задвижками и болтами, которые охраняют чужое имущество, Шендон повернул ключ и нажал ручку двери. Он слегка толкнул дверь, и она бесшумно отворилась. Шендон вошел в комнату и мягко закрыл за собой дверь. Как раз в эту минуту облака заслонили луну. Комната погрузилась во мрак. Шендон стал пробираться к постели. В дальнем углу комнаты что-то шевелилось, что-то ползло, но так тихо, так бесшумно, что даже настороженный слух опытного вора не мог уловить никакого шороха. Шендон ничего не слышал: его внимание было устремлено на кровать, где он рассчитывал найти мальчика и его беспомощную, больную бабушку.

Американец мечтал только о кредитных билетах. Если спящие не проснутся, пока он будет разыскивать деньги, отлично, он будет очень рад! Если же он встретит сопротивление... что ж, он готов и на это! Платье мальчика лежало на стуле около кровати. Пальцы американца быстро обшарили платье, но в карманах не было пачки новеньких кредитных билетов. Значит, она — под подушкой. Он подошел к спящему ближе: его рука уже касалась подушки, но вдруг луна вынырнула из-за туч, и комната наполнилась светом. В то же мгновение мальчик открыл глаза и взглянул в глаза Шендону. Американец неожиданно увидел, что мальчик в кровати один. Он схватил свою жертву за горло. Когда мальчик приподнялся, чтобы сопротивляться, Шендон услышал у себя за спиной глухое ворчанье. Мальчик схватил Шендона за руки, и мошенник почувствовал, что в тонких, белых пальцах его противника скрыты стальные мускулы.

В ту же минуту другие пальцы схватили его за горло, жесткие, волосатые пальцы. Он бросил испуганный взгляд назад, и волосы

встали дыбом у него на голове... Его держала за горло огромная человекообразная обезьяна. Мальчик крепко сжимал его руки. Никто из них не проронил ни звука: это была немая борьба. Но где же бабушка? Шендон окинул комнату быстрым, всеохватывающим взглядом: глаза его широко раскрылись, когда он открыл истину... Какую ужасную тайну скрывали эти существа, во власть которых он попал? Он начал вырываться из рук мальчика, чтобы повернуться лицом к зверю, стоявшему у него за спиной. Он высвободил одну руку и нанес мальчику сильный удар по лицу. Казалось, этим ударом он разбудил тысячу дьяволов в волосатом чудовище, которое держало его за горло. Шендон услышал тихое, зловещее рычанье. Это был последний звук, услышанный им в жизни. Потом он был опрокинут на пол, тяжелое тело навалилось на него, мощные зубы вонзились ему в горло, и он погрузился во мрак, который называется вечностью.

Когда обезьяна отошла от его распростертого тела, Шендон уже ничего не чувствовал — он был мертв.

Мальчик в ужасе вскочил с кровати и наклонился над безжизненным телом. Он знал, что Акут совершил убийство, защищая его жизнь. Но что сделают с ним и его верной обезьяной здесь, в дикой Африке, далеко от друзей и родных? Мальчик знал, что убийство по закону карается смертью. Он знал также, что соучастник убийства подвергается казни наравне с убийцей. Кто вступится здесь за него? Полудикие люди поселка, почти нетронутые цивилизацией?.. Утром они вытащат его и Акута из комнаты и повесят на ближайшем дереве... Он читал, что так всегда поступают с убийцами в Америке, а ведь Африка еще глуше, еще некультурнее, чем самый дикий запад той страны, где родилась его мать. О, конечно, утром они будут повешены!

Как избежать ужасной смерти? Несколько минут он молча раздумывал, а потом облегченно вскрикнул, захлопал в ладоши и бросился к стулу, на котором лежало его платье. С деньгами можно добиться всего! Деньги спасут и его, и Акута! Он старался нащупать пачку кредитных билетов в том кармане, где он всегда носил их. Но их там не было! Сначала спокойно, потом постепенно теряя самообладание, он обыскал все карманы. Потом стал на корточки и принялся шарить по полу; зажег лампу, отодвинул кровать и вершок за вершком осмотрел весь пол. Около Шендона он помедлил минуту, затем, пересилив себя, перевернул убитого и обследовал пол под ним.

Денег не было! Джек сообразил, что Шендон приходил обокрасть его, но он был уверен, что вор не успел исполнить свое намерение. Однако денег нигде не было, значит, они у американца. Джек обыскал мертвеца, но напрасно. Снова и снова он осматривал комнату, снова и снова возвращался к мертвому телу, но денег нигде не нашел.

Он впал в отчаяние. Что ему делать? Утром преступление будет обнаружено, и они будут повешены... Несмотря на свой большой рост и чрезвычайную силу, унаследованную от отца, он все-таки был только ребенок, испуганный, тоскующий по родному дому, маленький неопытный мальчик, и рассуждал по-детски. Одно ему было понятно: они убили человека, они находятся среди чужих, среди дикарей, которые жаждут крови несчастной жертвы, посланной им судьбой. Такие воззрения он воспринял из книжек с рассказами о страшных приключениях.

Денег! Только деньги их спасут!

Он опять осмотрел тело. Теперь уже в последний раз. Обезьяна скорчилась в углу и следила за мальчиком. Джек снимал с американца брюки, пиджак, жилет и каждую вещь рассматривал несколько минут. Даже башмаки обыскал он с необычайной тщательностью, а когда последняя вещь была снята и рассмотрена, он бросился в изнеможении на кровать. Он долго лежал на кровати и расширенными от ужаса глазами видел страшное будущее: мерно раскачиваются два тела на суку высокого дерева...

Вдруг он услышал на нижнем этаже какой-то шум. Он быстро вскочил на ноги, задул лампу, тихонько подкрался к двери и запер ее на ключ. Потом решительно подошел к обезьяне.

Вчера вечером он твердо решил вернуться домой при первой возможности и испросить у родителей прощения за свой безумный поступок. Теперь он знал, что никогда не вернется к родным. Его руки обрызганы человеческой кровью!

Он буквально помешался от ужаса и приписывал убийство Шендона себе, а не Акуту. Если бы у него были деньги, он мог бы, конечно, подкупить правосудие, но увы, у него ни гроша!

Куда же девались эти проклятые деньги? Мальчик старался припомнить, когда он держал их в последний раз. Но, как ни напрягал свою память, не мог вспомнить; да если бы и вспомнил, не мог бы

узнать, куда они девались: он не почувствовал в лодке, как маленький сверток выскользнул у него из кармана и шлепнулся в море.

— Идем! — сказал он Акуту на обезьяньем языке. На мальчике была легкая ночная пижама, но он, не одеваясь, направился к открытому окну. Он выглянул в окно и прислушался. В нескольких футах от окна росло огромное дерево. Джек прыгнул и как кошка вцепился в ветку; через минуту он был на земле. За ним спустилась обезьяна. В двухстах шагах от одинокого городка начинались джунгли. Туда-то и направился мальчик. Беглецов никто не видел, а через минуту джунгли поглотили их. Джек Клейтон, будущий лорд Грейсток, неизвестно скрылся от человеческих взоров...

* * *

Было уже довольно поздно, когда на следующий день лакей-туземец постучался в номер к Биллингсам. Ответа не последовало. Тогда лакей попробовал вставить в замочную скважину свой ключ, но и это не удалось ему, так как другой ключ был вставлен в нее изнутри. Он доложил об этом хозяину гостиницы, герру Скопфу. Немец бешено застучал в дверь. Не получив ответа, он нагнулся, дабы посмотреть в замочную скважину. Но он был слишком толст для подобных движений, потерял равновесие, и, чтобы не шлепнуться лицом вниз, ему пришлось упереться в пол ладонью. Под пальцами он почувствовал что-то густое и липкое. Он вздрогнул, поднес пальцы к самому носу и принялся их разглядывать; в полумраке коридора он различил у себя на руке темно-красные пятна крови... Поднявшись, он всем туловищем уперся в дверь. Герр Скопф — человек сильный. По крайней мере, он был сильным в то время; я не видел его с тех пор уже много лет. Дверь рухнула под его тяжестью, и герр Скопф влетел в комнату.

Ничего более загадочного ему никогда не приходилось видеть: на полу у его ног лежит мертвое тело незнакомого ему человека; горло у человека прокусано клыками какого-то дикого зверя; он совершенно гол; его одежда разбросана по полу. Но где же старая дама, где ее маленький внук? Их — нет, они исчезли... Герр Скопф взглянул на окно: оно было открыто; они могли выйти только через окно, потому что дверь была заперта изнутри.

Но как же мог мальчик вытащить свою больную бабушку через окно второго этажа? Этого никак не понять!

Герр Скопф снова осмотрел комнату. Кровать отодвинута от стены, но для чего? Он в третий или четвертый раз нагнулся и посмотрел под кровать. Они исчезли! Но ведь старуха не могла и шагу сделать сама, ведь ее еще вчера втащили наверх носильщики!

Дальнейшие поиски привели только к новым загадкам. Вся одежда и старухи и мальчика была здесь, в комнате: они бежали или нагишом, или в ночном белье. Герр Скопф опустил голову. Затем он обхватил ее обеими руками. Он был подавлен, он был растерян. Все это слишком таинственно. Вряд ли и Шерлок Холмс сумел бы раскрыть эту тайну!

Больная старуха, которую на руках несли с корабля до ее комнаты, и красивый мальчик, ее внук, жили у него в гостинице со вчерашнего дня. Ужинали они у себя в комнате. После их приезда никто их не видал. На следующее утро, в девять часов, в комнате не оказывается никого, кроме тела неизвестного человека. За это время ни одна лодка не покинула гавани. Железной дороги нет на сотни миль кругом. До ближайшего места, населенного белыми, нужно идти несколько дней по диким лесам, в сопровождении вооруженных людей. Очевидно, они растаяли в воздухе, ибо туземец, посланный осмотреть землю под окном, доложил, что нет никаких следов от человеческих ног. Но не могли же они спрыгнуть со второго этажа, не оставив следов на земле! Да, здесь великая тайна. И герр Скопф избегал думать об этом и боялся приближения ночи...

И до сего времени герр Скопф ломает голову над его загадкой.

V

ДЕВОЧКА И КУКЛА

Арман Жако, капитан иностранного легиона, сидел на седельной попоне, разостланной под пальмой. Его коротко остриженная голова и широкие плечи, прислоненные к жесткому стволу пальмы, вкушали сладостную негу отдыха. Его длинные ноги раскинулись на попоне, а шпоры вонзились в песчаную почву маленького оазиса. Капитан отдыхал: целый день он провел в седле, носясь по сыпучим пескам пустыни.

Он лениво курил папиросу, наблюдая, как его денщик готовил ему ужин. Капитан Арман Жако был доволен собой и всем миром. Справа от него шумно суетились его старые солдаты, сожженные солнцем; отдыхая от тяжелых оков дисциплины, они потягивали утомленные члены, смеялись, шутили, курили: двенадцать часов они ничего не ели и теперь предвкушали удовольствие от вкусного ужина. Между ними, безмолвно насупившись, сидели арабы в белых одеждах, связанные и окруженные стражей.

Глядя на своих пленников, капитан Арман Жако чувствовал приятное удовлетворение, ибо он сознавал, что хорошо исполнил свой долг. В течение долгого, жаркого, голодного месяца носился он со своим маленьким отрядом по бесплодной пустыне в погоне за шайкой разбойников, которые не раз нападали на мирные селения и уводили верблюдов, лошадей и коз; каждый грабеж неизменно сопровождался убийствами.

Капитан настиг их неделю тому назад. Битва была жаркая: капитан потерял двоих солдат, но зато разбойники были разбиты. Улизнуло около десятка, не больше; остальные, за исключением пятерых, взятых в плен, искупили свои преступления под пулями его молодцов. Но приятнее было то, что в числе пленных находился их атаман, Ахмет бен Худин.

Затем мысли капитана Жако перенеслись к маленькому дому, где завтра его радостно встретят жена и дочь. Взор его засиял нежностью, как всегда, когда он думал о них. Он ясно представил себе красоту матери, отраженную в детском личике маленькой Жанны. Как они будут смеяться вместе завтра вечером! Он даже почувствовал, как

прижмется мягкая женская щека к его лицу — прикосновение бархата к коже быка.

Его мечтания были прерваны голосом офицера, который звал часового. Капитан Жако открыл глаза. Солнце еще не зашло, но тени деревьев, окружавших источник, и тени лошадей и солдат убегали далеко на восток по золотым пескам. Туда протянул свою руку часовой, туда же, прищурив глаза, смотрел капрал. Капитан Жако вскочил; он не любил смотреть с помощью чужих глаз, он должен посмотреть сам. Он всегда все замечал первый, недаром его называли «ястребом». Он увидел там, куда убегали тени деревьев, дюжину двигающихся точек, то опускавшихся, то поднимавшихся в песках. Точки пропадали и появлялись снова, становясь все больше и больше. Жако сразу узнал их. Это были всадники пустыни, арабы.

Сержант подбежал к капитану. Весь лагерь вглядывался вдаль. Жако отдал сержанту несколько кратких приказаний, сержант приложил руку к козырьку и вернулся к солдатам. Двенадцать человек оседлали лошадей и поскакали навстречу всадникам. Оставшиеся приготовились к сражению. Может быть, всадники, так быстро скачущие к их лагерю, — друзья пленных арабов и хотят освободить своих товарищей внезапным нападением. Впрочем, всадники не старались скрыть своего приближения: на виду у всех они бешено мчались к лагерю. Но «ястреба» не так-то легко обмануть: именно эта откровенность и казалась ему подозрительной.

Сержант со своим отрядом встретил арабов в двухстах ярдах от лагеря. Жако видел, как сержант говорил с высоким, одетым в белое человеком, должно быть, вождем этой шайки. Затем сержант и араб вместе поскакали к лагерю. Жако ждал их. Оба они соскочили с коней перед ним. — Шейх Амор бен Хатур! — возвестил сержант. Капитан Жако внимательно рассматривал шейха. За сотни миль кругом он знал всех арабских вождей; но этого человека никогда не видал. То был высокий, угрюмый старик лет шестидесяти, со следами страстей на вытянутом лице, с узенькими, злобными глазками. Капитану Жако араб сразу же не понравился.

— Что вам угодно? — спросил капитан.

— Ахмет бен Худин — сын моей сестры! — сказал араб. — Отдайте его мне, я буду отвечать за него, и он больше не нарушит французских законов.

Жако покачал головой.

— Этого не будет, — сказал он, — я обязан взять его с собой. Он предстанет перед нашим судом, и его будут судить по закону. Если он ни в чем не виновен, его оправдают.

— А если виновен? — спросил араб.

— Его обвиняют в многочисленных убийствах. Если вина будет доказана, его приговорят к смерти.

Левая рука шейха была спрятана под бурнусом.

Он вытащил из-под бурнуса тяжелую сумку козлиной кожи, наполненную червонцами, развязал ее, зачерпнул оттуда горсть монет и разложил их на ладони правой руки. Это были золотые монеты французского чекана. По величине сумки, по ее раздутым бокам, капитан Жако заключил, что она вмещает немалое богатство. Шейх Амор бен Хатур бросал сверкавшие монеты с ладони обратно в сумку одну за другой. Потом он туго стянул ее ремнями. При этом он не сказал ни слова.

Капитан Жако внимательно смотрел на араба. Они были одни. Представив шейха капитану, сержант отошел на некоторое расстояние и теперь стоял к ним спиной. Шейх, собрав все деньги, протянул тяжеловесную сумку капитану Жако.

— Ахмет бен Худин, сын моей сестры, убежит этой ночью! — сказал он. — Ну?

Капитан Арман Жако покраснел до корней своих коротко остриженных волос. Потом побледнел и со сжатыми кулаками сделал шаг к арабу. Но сейчас же, передумав, остановился и крикнул:

— Сержант! Отвезите эту черную собаку обратно и смотрите, чтобы вся его шайка сейчас же убиралась вон! Если кто-нибудь ночью приблизится к нашему лагерю — стрелять!

Шейх Амор бен Хатур выпрямился во весь рост. Его злобные глаза сверкали. Он потрясал тяжелой сумкой перед лицом капитана.

— Ты дорого заплатишь за жизнь Ахмета бен Худина, во сто крат дороже, чем стоит это золото! — вскричал он. — И еще дороже ты заплатишь за слово, которым обозвал ты меня! За все это ты заплатишь мне бедою и горем!

— Убирайся вон, — закричал капитан Арман Жако, — пока я тебя не вытолкал!

* * *

Все только что описанное произошло за три года до начала моего рассказа. Дело Ахмета бен Худина внесено в судебные протоколы, и кому угодно можно познакомиться с ним. Он был осужден на смерть и встретил ее со стойкостью араба.

А месяц спустя, таинственно исчезла Жанна Жако, маленькая семилетняя дочь капитана Армана Жако. Ни богатства ее родителей, ни могущество великой республики не могли вырвать тайны ее местонахождения из хищных лап пустыни, которая поглотила ее и ее похитителя.

Огромное вознаграждение было обещано тому, кто вернет ее домой. Немало любителей приключений отправилось на поиски. Но поиски в пустыне были совсем не по плечу современным цивилизованным сыщикам; кости многих из них и по сей день белеют под жгучим африканским солнцем в безмолвных песках Сахары.

* * *

Два шведа, Карл Иенсен и Свэн Мальбин, после бесплодных поисков девочки в южной Сахаре, решили заняться более выгодным промыслом — добыванием слоновой кости. Они скоро прославились на весь край своей жестокостью и жадностью. Туземцы боялись и ненавидели их. Европейские правительства, на территориях которых они охотились, не раз старались изловить их. Но безлюдный юг Сахары научил их многому такому, чего не знали их преследователи. Их набеги были внезапны и быстры. Шведы набирали слоновой кости и возвращались на север, в непроходимые дебри раньше, чем охранители ограбленной территории успевали узнать об их посещении. Они неустанно истребляли слонов. Они крали слоновую кость у туземцев. У них было целое войско — более сотни арабов и негров — свирепая шайка головорезов. Запомните их — Карла Иенсена и Свена Мальбина — рыжебородых великанов-шведов — нам еще придется встретиться с ними!

* * *

В самой глубине джунглей, на берегу неисследованного притока огромной реки, впадающей в Атлантический океан, недалеко от экватора, лежит маленькое селение, окруженное крепкой деревянной стеной. Двадцать хижин, крытых пальмовыми листьями и похожих на

улья, укрывают все ее негритянское население. Около десятка арабов ютятся в шатрах из козлиной кожи. Здесь они набирают товары, которые дважды в год сплавляют на север, в Тимбукту.

Перед шатрами арабов играла маленькая десятилетняя девочка, черноволосая, черноглазая; лицо у нее было орехового цвета, осанка грациозная и величавая. «Дитя пустыни» — сказал бы всякий, увидав ее хоть раз.

Она плела рубашку из длинных волокон травы для поломанной куклы, которую сделал ей около года назад один добрый чернокожий раб. Голова куклы была грубо вырезана из слоновой кости, а туловище состояло из крысиной шкурки, набитой травой. Щепочки, пришитые к крысиной шкурке, служили кукле руками и ногами. Кукла была безобразна и грязна, но Мериэм думала, что это самая прекрасная и драгоценная кукла в мире. Во всем мире она любила только ее и доверяла только ей.

Все, с кем встречалась Мериэм, за исключением очень немногих, были жестоки или равнодушны к ней. За ней смотрела старая черная ведьма Мабуну — беззубая, грязная и злая. Она била маленькую девочку, щипала ее и даже два раза сажала на горячие угли. Кроме того, был еще шейх, ее отец. Его она боялась еще больше, чем Мабуну. Он сердился на нее по пустякам и кончал свои длинные выговоры поркой, от которой ее маленькое тельце становилось черным и синим.

Но она была счастлива, когда играла с Джикой, украшая ее волосы дикими цветами, делая ей юбочки из листьев. Когда ее оставляли одну, она всегда была занята и всегда напевала песенку. Никакая жестокость не могла лишить счастья ее маленькое сердечко.

Только при виде шейха она становилась тиха и угрюма. Ее страх перед ним переходил иногда в истерический ужас. Джунглей она тоже боялась, джунглей, которые днем окружали селенье болтовней обезьянок и криками птиц, а по ночам — воем и ревом диких зверей. Да, она боялась джунглей; но шейха она боялась так сильно, что не раз в ее детской головке мелькала мысль бежать в эти ужасные джунгли, чтобы избавиться от постоянного страха перед жестоким отцом.

И вот, сидя у шатра и примеряя рубашку Джике, она вдруг увидела шейха. Счастливая улыбка сразу исчезла с ее лица. Она хотела отскочить в сторону, чтобы не попасть отцу под ноги, но не успела. Араб зверски ударил ее по лицу. Она упала, вся дрожа, но не плача. Он

выругался, не взглянув на нее. Старая черная ведьма громко рассмеялась, обнажив свой единственный желтый клык.

Убедившись, что шейх ушел, девочка пробралась в тень шалаша и прижала Джике к груди. Все ее тело вздрагивало от горьких рыданий. Она не смела плакать громко, так как боялась, что ее услышит отец. Не одна только физическая боль жгла ее сердце, но и другая боль, тоска по любви, которой она никогда не знала.

Маленькая Мериэм не помнила другой жизни. Она знала только бесконечную жестокость шейха и Мабуну. Смутно, в глубине своей детской души, она хранила слабое воспоминание о милой, нежной маме; но Мериэм иногда казалось, что это не воспоминание действительной жизни, а сон, в котором воплотилась ее страстная жажда материнской нежности и ласки...

Сама она была лишена материнских забот, но зато щедро расточала их своей Джике. Джика была ужасно избалованным ребенком. Маленькая мама Джики не следовала примеру своего отца и своей няньки: она воспитывала Джике с изумительной кротостью и снисходительностью. Джика получала тысячу поцелуев в день. Иногда Джика вела себя скверно, но маленькая мама никогда не наказывала ее. Мериэм любила и ласкала свою дочку, потому что ей самой так не доставало любви!..

Она крепче прижала Джике к груди, и ее рыдания постепенно стихали. Немного успокоившись, она стала изливать свое горе своему единственному другу.

— Джика любит Мериэм, — шептала девочка. — Но за что шейх, отец мой, не любит меня? Разве я веду себя дурно? Я стараюсь быть хорошей! Я не знаю, за что он бьет меня. Сейчас он ударил меня очень больно, Джика, но я ничего не сделала плохого, я только сидела перед палаткой и шила тебе юбочку. Наверное, шить нехорошо, потому что он побил меня за это. Но что же здесь плохого? О, милая моя! Я не понимаю, я не знаю, Джика, я так хотела бы умереть! Вчера охотники принесли убитого эль-Адреа^[7]. Эль-Адреа умер. Никогда больше не будет он тихо подкрадываться к беззащитным зверям. Никогда больше не будет его огромная косматая голова наводить ужас на мирно пасущихся животных. Никогда больше не будет его громовой голос потрясать землю. Эль-Адреа умер. Охотники больно колотили его, когда принесли в деревню, но ему было все равно. Он не чувствовал

боли, потому что он умер. Когда я умру, Джика, я тоже не буду чувствовать щипков Мабуну и пинков моего отца, шейха. Тогда я буду счастлива. О Джика, как я хочу умереть!

Быть может, Джика хотела сказать что-нибудь утешительное своей маленькой маме, но ее намерению не суждено было осуществиться, потому что у деревенских ворот вдруг раздались громкие сердитые голоса. Мериэм прислушалась. Она была любопытна, как все дети, и ей очень хотелось побежать к воротам и узнать, в чем дело. Деревенские жители уже бежали туда. Но Мериэм не решилась пойти вместе с ними. Шейх, наверное, там, он увидит ее и опять побьет. Мериэм стала прислушиваться, не двигаясь с места.

Она услышала, что толпа движется к палатке шейха. Девочка осторожно высунулась из палатки. Ей так хотелось узнать, что случилось! Деревенская жизнь протекала однообразно, и Мериэм не имела никаких развлечений.

Она увидела двух белых людей. Их было только двое, но Мериэм слышала, как они говорили окружающим их туземцам, что они приехали с большим караваном, который расположился недалеко от деревни. Белые хотели поговорить с шейхом.

Старый араб встретил их у входа в палатку. Его глаза сердито сверкали, когда он вышел к гостям. Хозяин и гости обменялись приветствиями. Белые сказали, что хотели бы купить слоновой кости. Шейх насупился. Нет у него слоновой кости! Мериэм удивилась. Она знала, что соседняя хижина почти доверху набита клыками слонов. Девочка высунулась из палатки, чтобы лучше разглядеть посетителей. Какая у них белая кожа! Какие светлые бороды!

Один из белых неожиданно глянул в ту сторону, где сидела Мериэм. Она хотела спрятаться, потому что она боялась всех на свете, но было уже поздно, белый увидел ее. Мериэм заметила, что в его взгляде выразилось необыкновенное удивление. Шейх тоже заметил удивление белого.

— Нет у меня слоновой кости, — повторил он. — Я не торгую. Уходите! Убирайтесь!

Они вышли из палатки, и шейх стал подталкивать белых по направлению к воротам. Белые не знали, что им делать, а шейх непрерывно осыпал их бранью. Сопrotивляться было безрассудно, а

потому белые люди ушли из деревни и быстрыми шагами направились к стоянке своего каравана.

Шейх вернулся в палатку... Он бросился к маленькой Мериэм, которая лежала, прижавшись к стене из козлиной кожи. Мериэм затрепетала. Шейх нагнулся, схватил ее за руку, протащил до своей палатки и сильным ударом втолкнул девочку внутрь. Сам он тоже вошел в палатку, опять схватил Мериэм и стал жестоко колотить ее.

— Не смей выходить из палатки! — рычал он. — Если ты еще раз покажешься на глаза чужестранцам, я тебя убью!

Сильным пинком ноги он отбросил ее в дальний угол. Мериэм плакала, а шейх расхаживал взад и вперед и что-то шептал себе под нос. У входа сидела Мабуну, бормоча и посмеиваясь.

В лагере чужестранцев один говорил другому:

— В этом нет сомнения, Мальбин!

— Ни малейшего, — отвечал его товарищ. — Но я одного не могу понять: почему этот старый негодяй не потребовал выкупа?

— Есть нечто более дорогое сердцу араба, чем деньги, Иенсен, — сказал первый. — Это — месть.

— Возможно, — ответил Иенсен. — Но все-таки нужно начать с денег.

Мальбин покачал головой.

— Шейха не подкупишь, — сказал он. — Можно подкупить кого-нибудь из его людей, но сам шейх никогда не променяет мести на золото. Если мы сейчас предложим ему денег, мы только подтвердим те подозрения, которые возбудили в нем, когда разговаривали у палатки. А тогда — наше счастье, если удастся унести головы!

— Что ж, попробуем подкупить другого, — согласился Иенсен.

Но их замысел потерпел жестокое крушение. Много дней пришлось им стоять лагерем вблизи поселка, прежде чем удалось подкупить низкорослого, старого негра, вождя туземных войск шейха; тот соблазнился презренным металлом, потому что жил на берегу и знал великое могущество денег. Он обещал поздно ночью привести им ребенка.

Чуть только стемнело, двое белых отдали приказание собираться в дорогу. К полуночи все было готово. Носильщики прилегли у своей клади, готовые в любую минуту взвалить ее на плечи и двинуться в путь. Вооруженные аскари прятались в кустах между лагерем и

арабской деревней; они должны были прикрывать караван, когда черный вождь принесет их господам то, чего они ждут, и караван двинется.

На тропинке, ведущей от деревни к лагерю, раздалась шаги. Дозорные аскари подняли тревогу; белые насторожились. Они ожидали одного человека, а к ним шли двое. Иенсен сделал несколько шагов вперед и спросил приглушенным шепотом:

— Кто идет?

— Мбида! — был ответ.

Так звали подкупленного негра. Иенсен успокоился, но затем его охватило сомнение: зачем Мбида привел с собой еще другого? И вдруг он понял. То, что принесли эти люди, лежало на длинных носилках. Иенсен разразился проклятиями. Неужели этот осел доставил им мертвое тело? Ему было заплачено за живого ребенка!

Носилки остановились перед белыми людьми.

— Получайте свою покупку! — сказал один из пришедших. Они спустили носилки на землю, повернулись и быстро исчезли в темноте ночи.

Мальбин взглянул на Иенсена, и кривая улыбка исказила его губы. То, что лежало на носилках, было покрыто лоскутом материи.

— Ну, что же? — насмеялся Мальбин. — Сними покрывало и полюбуйся на свою покупочку. Хорошие деньги мы выручим за мертвое тело, особенно после того, как потаскаем его шесть месяцев по пустыне под горячим солнцем!

— Кто же мог знать, что этот болван доставит девчонку мертвой? — проворчал Мальбин. Он отвернул уголок покрывала, а потом сорвал его совсем.

Взглянув на то, что было под покрывалом, они с проклятиями отскочили от носилок: перед ними лежало мертвое тело неверного Мбиды.

Через пять минут верблюды Иенсена и Мальбина мчались во весь опор к западу, а за ними неслись взволнованные аскари, готовясь защищать караван от ожидаемого каждую минуту нападения арабов.

VI

В ДЖУНГЛЯХ

На всю жизнь запомнил сын Тарзана первую ночь, проведенную им в джунглях. Лютые звери не грозили ему ужасной смертью; кровожадные дикари ни разу не выглянули из-за деревьев. Впрочем, может быть, были и звери, и дикари, но мальчик был так углублен в свое отчаяние и в свои тяжелые мысли, что все равно не заметил бы их.

Он думал о своей несчастной маме; сознание огромной вины перед родителями заставляло его невыносимо страдать. Американца ему не было жалко: вор заслужил наказание. Но Джек с ужасом думал о том, что все его планы расстроены теперь убийством Шендона. Теперь ему не вернуться домой! Ужас перед жестоким судом дикарей, о котором он читал в захватывающих, но фантастических рассказах, заставил его бежать без оглядки в джунгли. Но не только за себя он боялся: он боялся доставить своим родителям новое горе и опорочить их честное имя в позорном судебном процессе.

Когда наступило утро, мальчик немного приободрился. Проснулось солнце и вместе с ним в груди у Джека проснулась новая надежда. Он может другим путем вернуться в цивилизованный мир. Кто же сможет догадаться, что он имеет какое-нибудь отношение к убийству незнакомца, в крошечной гостинице на далеком диком берегу?

Мальчик сидел на суку, прижавшись к обезьяне; он не спал почти всю ночь; он совсем продрог. Тонкое белье не защищало его от сырости джунглей. Лохматый бок его друга был его единственной защитой. Как он обрадовался рассвету, сулившему столько тепла, как благословлял он солнце, целителя всех несчастий!

Он разбудил Акута.

— Идем! — сказал он. — Я продрог, я хочу есть. Мы поищем еды там, на солнышке, — и он показал на открытое место, поросшее мелким кустарником и усеянное обломками скал.

Мальчик сразу спрыгнул на землю. Обезьяна же принялась осторожно нюхать утренний воздух. Наконец, убедившись в полной безопасности, она медленно спустилась к мальчику.

— Нума и его подруга Сабор едят тех, которые раньше спускаются, а потом озираются. Те же, кто раньше озирается, а спускается после, сами едят их.

Так обезьяна дала мальчику первый урок мудрости джунглей. Сначала они посидели рядом на открытой поляне, так как сын Тарзана хотел обогреться. Обезьяна учила его выкапывать червяков; но мальчика не прельстила подобная пища. Он нашел несколько птичьих яиц и съел их сырыми. Потом Акут накопал всяких съедобных кореньев. Наконец, они набрали на воду. Это была большая лужа солоноватой, дурно пахнущей жидкости; края ее были утоптаны ногами бесчисленных животных. Табун зебр ускакал при их появлении.

Мальчика мучила жажда, и он, не привередничая, начал пить. Акут тем временем стоял, подняв голову, и прислушивался к каждому шороху. Затем он велел мальчику встать на страже и сам наклонился к воде. Но время от времени он поднимал голову и пристально вглядывался в кусты, которые росли на противоположном берегу этого грязного пруда. Утолив свою жажду, он спросил мальчика:

— Все ли благополучно?

Акут, как всегда, говорил по-обезьянью.

— Да, — отвечал мальчик, — ни один листик не дрогнул, пока ты пил.

— Здесь, если ты хочешь остаться живым, ты должен полагаться не только на свои глаза, но и на свои уши и на свой нос. Главным образом — на нос. Когда я увидел зебр, убежавших от нас, я понял, что нет опасности на этом берегу. Иначе они убежали бы задолго до нашего появления. Но на том берегу может прятаться враг, и я не могу его учуять, потому что ветер дует туда и уносит запах. Поэтому я направляю по ветру свои глаза и уши: куда нельзя проникнуть носом, можно проникнуть глазами.

— И кого же ты увидел там? Никого! — сказал мальчик, смеясь.

— Я увидел там Нуму, он прячется в кустах, вон там, где растет высокая трава, — сказал Акут.

— Там лев? — воскликнул мальчик. — Откуда ты знаешь? Я ничего не вижу.

— Тем не менее, Нума — там, — ответил Акут. — Сначала я услышал его вздох. Теперь ты еще не можешь отличить вздох Нумы от

шелеста ветра, но ты должен со временем научиться узнавать вздох Нумы. Потом я стал смотреть и увидел, что трава движется в одном месте сильнее, чем может колыхать ее ветер. Взгляни, она трепещет под его дыханьем, видишь ты? Видишь, она дрожит у его боков — слева и справа. Так не дрожит трава нигде вокруг.

Мальчик напрягал свое зрение. Его глаза были лучше обычных человеческих глаз. Наконец, он легонько вскрикнул.

— Да, — сказал он шепотом, — я вижу. Лев лежит вон там. Его голова повернута к нам. Он смотрит на нас?

— Нума смотрит на нас, — ответил Акут, — но мы в безопасности, если не подойдем слишком близко. Он лежит на своей добыче. Брюхо его уже почти полно, иначе мы слышали бы хруст костей. Он следит за нами из любопытства. Он либо будет кончать свой обед, либо пойдет пить. Он не станет прятаться от нас, потому что сейчас мы для него не враги и не добыча. Но это прекрасный случай: ты научишься видеть Нуму. А ты должен уметь видеть Нуму, если хочешь жить в джунглях. Нума не трогает обезьян, когда нас много. Клыки у нас длинные и сильные, мы умеем сражаться; но когда нас немного, а он голоден, мы должны быть осторожны. Обойдем его, и ты познакомишься с запахом Нумы. Чем скорее ты выучишься узнавать этот запах, тем лучше. Но держись поближе к деревьям, ибо иногда Нума совершает непредвиденные поступки. Держи уши, глаза и нос открытыми! Помни всегда, что враг может скрываться за каждым кустом, на каждом дереве, в каждой заросли. Спасаясь от Нумы, не попади в зубы к Сабор, его подруге. Иди за мной!

И Акут стал обходить лужу.

Мальчик шел по его следам. Чувства его были напряжены, нервы натянуты. Вот это жизнь! Он забыл о своем решении выйти на берег у какого-нибудь другого порта и вернуться обратно в Лондон. Он думал теперь только о диких радостях жизни, о борьбе с могуществом обитателей джунглей, царивших в лесах и пустынях дикого материка. Он не знал страха. Но честь и совесть он знал, и они причиняли ему немало тревог, когда начинали бороться с любовью к свободе за обладание его душой.

Скоро мальчик почувствовал резкий запах хищника. Он улыбнулся. Что-то подсказало ему, что он узнал бы этот запах среди миллионов других запахов, даже если бы Акут не сказал ему, что лев близко. Было

что-то странно знакомое в этом запахе, что-то сверхчувственно-знакомое, от чего короткие волосы встали у него на затылке и верхняя губа непроизвольно обнажила оскаленные клыки; он почувствовал, что все его мышцы напряглись, как бы готовясь к страшной битве; он испытывал удивительно приятное ощущение, какого никогда раньше не знал. Он стал другим существом — осторожным, проворным, ко всему готовым. Запах Нумы превратил мальчика в зверя.

Он никогда не видел льва, ведь мать запрещала ему ходить в зверинец. Он знал его только по картинкам и жаждал увидеть царя зверей во плоти. Он непрестанно смотрел через плечо Акута, надеясь, что вот-вот Нума встанет с добычи и обнаружит свое присутствие. Потом он замедлил шаги и немного отстал от обезьяны. Вдруг он услышал пронзительный крик своего косматого друга. Мальчик мгновенно повернул голову, и его охватил трепет восторга: полузакрытая кустами стояла перед ним красавица-львица; спина у нее изогнулась; сверкающие зеленоватые глаза глядели прямо в глаза мальчику. Их разделяло не более десяти шагов. Сзади, за спиной у львицы, стоял Акут и старался диким ревом отвлечь ее внимание от мальчика. Он надеялся, что мальчику удастся вскочить на дерево.

Но отвлечь Сабор было невозможно. Она глядела на мальчика. Он стоял между нею и ее мужем, между нею и ее добычей.

Это было подозрительно. Может быть, он таит какие-нибудь замыслы против ее повелителя, или, может быть, он хочет отнять их добычу. Львица была раздражена. Рев Акута злил ее. Она завывала и сделала шаг по направлению к мальчику.

— На дерево! — крикнул Акут.

Мальчик повернулся и кинулся бежать. Дерево было в нескольких шагах от него. Нижняя ветка была высоко над землей. Мальчик и львица прыгнули одновременно: мальчик — к ветке, львица — к мальчику. Как мартышка, вскочил он на дерево. Огромная лапа чуть-чуть задела его. Когти львицы сорвали тесемки, поддерживавшие его панталоны, и панталоны остались в лапах хищника. Мальчик полез вверх полуголый. Львица прыгнула снова.

Акут, сидя на соседнем дереве, громко кричал, награждая львицу самыми обидными прозвищами. Мальчик присоединился к своему другу. Целый поток ругательств обрушивался на голову врага. Но мальчик хотел пустить в ход более существенное оружие. Под руками

у него не было ничего, кроме сухих веток. Он собрал их в охапку и бросил в оскаленную морду Сабор, совершенно так же, как это делал его отец двадцать лет тому назад, когда его преследовали эти большие кошки джунглей.

Львица немного постояла под деревом. Но убедилась ли она в бесполезности подобного времяпровождения, или просто погнал ее голод, она царственной походкой направилась в кусты к своему супругу и больше не показывалась.

Освободившись от врагов, Акут и мальчик спустились на землю, чтобы продолжать прерванное путешествие. Старая обезьяна упрекала мальчика в неосторожности.

— Если бы ты не думал так много о льве, который был у тебя за спиной, тебе удалось бы заметить львицу гораздо раньше, — сказал Акут.

— Но ты сам не заметил львицы и прошел близко-близко от нее, — сказал мальчик.

Акут нахмурился.

— Так и погибают у нас в джунглях, — сказал он. — всю жизнь мы осторожны, внимательны, но вдруг на минутку, на одну маленькую минутку, мы забываем осторожность, и... — Акут мимически показал, как зубы вонзаются в свежее мясо.

— Это хороший урок, — заключил он. — Теперь ты знаешь, как нехорошо, когда нюх, зрение и слух, словом, все твое внимание, слишком долго обращены в одну сторону.

Этой ночью сын Тарзана продрог до костей. Никогда в жизни он не испытывал такого лютого холода. Фланелевые панталоны почти совсем не грели, но все-таки в них было теплее, чем без них. Зато на следующий день Джек снова жарился на солнце, потому что опять шел с Акутом по поляне, где не было ни одного деревца.

Мальчик упорно шел к югу. Он не оставил намерения пробраться кружным путем к какому-нибудь берегу и разыскать лазейку в цивилизованный мир. О своем плане он ничего не говорил Акуту, потому что знал, что Акут будет очень огорчен предстоящей разлукой.

Уже месяц длилось их путешествие, и мальчик быстро усваивал законы джунглей. Мускулы у него укреплялись с каждым днем и постепенно приучались отвечать требованиям, которые предъявляла к ним новая жизнь. Железная сила отца была унаследована сыном, но

чтобы укрепить ее, нужно было ею пользоваться, в один прекрасный день мальчик с восторгом заметил, что прыгать с одного дерева на другое ему совсем не страшно и не трудно. Он стал прыгать по деревьям и через несколько дней уже умел прыгать с очень большой высоты, не испытывая ни малейшего головокружения, а под конец до того наловчился, что стал скакать с ветки на ветку гораздо проворнее, чем тяжеловесный Акут.

Холод, жар и ветер сделали его гладкую белую кожу грубой и коричневой. Однажды Джек снял свою фланелевую курточку, чтобы искупаться в небольшом ручье. Крокодилы там не водились: ручей был слишком мелкий. Джек и Акут с наслаждением плескались в холодной воде; вдруг с дерева спрыгнула мартышка, подхватила лежавшую на земле куртку — последний символ принадлежности Джека к культурному миру — и утащила ее с собой.

Сначала Джеку было трудно без одежды, но постепенно он убедился, что быть голым гораздо удобнее. А через несколько дней он с наслаждением ощущал свободу и ловкость своего обнаженного тела. Как удивились бы школьники, если бы встретили его в таком виде! Он весело улыбался, представляя себе эту встречу. Они, несомненно, позавидовали бы ему! Джек думал о них с высокомерной жалостью, но когда он представлял себе, что они на родине наслаждаются уютом и материнской лаской, тяжелый клубок подступал к его горлу, и у него перед глазами, затуманенными непрошенной влагой, вставало нежное лицо опечаленной мамы. В такие минуты он начинал торопить Акута.

Они уже свернули на восток, по направлению к морю. Старая обезьяна думала, что они разыскивают ее родное племя; Джек не разочаровывал своего друга. Он решил сообщить ему о своем намерении только тогда, когда они доберутся до цивилизованной страны.

Однажды на берегу реки путники неожиданно набрали на туземную деревушку. Несколько черных детей играли у воды. Сильно забилось сердце мальчика — целый месяц он не видел людей. Ничего, что они дикари! Ничего, что у них черная кожа! Они — его братья и сестры! Джек бросился вперед. Акут предостерегающе зарычал и схватил мальчика за руку. Джек вырвался и с радостным криком побежал к играющим детям.

Звук его голоса заставил всех обернуться. С минуту дети смотрели на него расширенными глазами, а потом, громко крича, бросились в деревню. За детьми побежали матери, и в ответ на испуганные крики из ворот деревни выскочило около десятка черных воинов, вооруженных копьями и щитами.

При виде этой суматохи мальчик остановился. Счастливая улыбка соскользнула у него с лица, когда воины с угрожающими жестами и воинственными криками кинулись на него. Акут, сидя на дереве, умолял мальчика скорее вернуться в лес. — Черные люди убьют тебя! — кричал он.

Несколько секунд Джек в оцепенении следил за приближающимися воинами, потом поднял руки вверх и закричал им, что пришел к ним как друг, что хотел только поиграть с их детьми, но не хотел их обидеть. Конечно, чернокожие не поняли ни единого слова и ответили Джеку так же, как отвечали всем диким зверям, которые выскакивали из джунглей и нападали на их жен и детей. Десяток копий полетел в Джека, но ни одно не задело его. По спине мальчика пробежал холодок, и волосы зашевелились на темени. Его глаза сверкнули. Не любовь, а ненависть светилась в этих глазах. С рыданием дикого зверя, которого преследуют охотники, он бросился в джунгли.

Акут поджидал его на дереве. Акут умолял мальчика бежать как можно скорее, потому что старая обезьяна хорошо понимала, что она и безоружный мальчик не могут бороться с вооруженными черными воинами. Акут был убежден, что чернокожие будут преследовать их.

Новые, никогда не испытанные чувства овладели сыном Тарзана. Он пришел с простодушным, открытым сердцем, пришел предложить свою дружбу черным людям, которых он считал своими братьями. Они даже не выслушали его, а встретили недоверием и копьями. Злоба и ненависть охватили Джека. Акут умолял его бежать поскорее, но он рвался назад. Джек хотел сразиться с дикарями. Он отлично сознавал, что это безумие, что голыми руками ему не победить вооруженных людей, но он вспомнил о своих зубах, о своих мощных кулаках, и возможность борьбы ясно представилась ему.

Медленно пробираясь по деревьям, он постоянно оглядывался по сторонам, чтобы враг не захватил его врасплох. Встреча с львицей научила его быть осторожным. Позади были дикари, которые, громко крича и метая копья, быстро продвигались вперед. Вскоре он снова

увидел своих преследователей. Они не заметили его, потому что им не приходило в голову искать человека в ветвях. Мальчик находился как раз над ними. Они прошли еще около мили вперед и, никого не найдя, повернули обратно к своей деревне. Теперь пришел долгожданный случай отомстить. Жажда мести кипела у него в жилах, когда он сквозь пурпурный туман увидел своих преследователей.

Он повернулся и пошел за ними. Скоро он потерял Акута из виду; обезьяна продолжала путь, не замечая, что мальчик отстал; она считала безумием связываться с этими людьми и их смертоносными копьями.

Бесшумно скользя с дерева на дерево, мальчик двигался за воинами. Наконец, один из них отстал от своих товарищей, растянувшись гуськом по узкой тропинке, которая вела в деревню. Мальчик свирепо улыбнулся. Он быстро нагнал негра и принялся преследовать его, осторожно и бесшумно, как Шита-пантера преследует свою добычу. Он не раз уже видел Шиту во время охоты.

Неожиданно и беззвучно прыгнул он на широкие плечи дикаря. Его цепкие пальцы сразу нащупали горло. Тяжесть мальчика опрокинула негра на землю; в его спину уперлись колени, сжимая дыхание. Затем ряд сильных острых зубов вонзился ему в шею, и в то же время железные пальцы сдавили горло. Воин захрипел и начал биться, стараясь сбросить с себя неведомого врага; но мало-помалу он ослабевал, и, наконец, жестокое, безмолвное существо, сидевшее у него на спине, втощило его безжизненное тело в кусты.

VII

ПЕРВАЯ ОБИДА

Обнаружив, что мальчика нет нигде поблизости, Акут повернул обратно и бросился на поиски. Но вскоре он внезапно остановился; он заметил, что сквозь деревья к нему пробирается чья-то фигура. Это был Джек. Но нет, неужели это он? В руках у мальчика было копье. За спиной у него болтался щит. На его руках и ногах висели железные браслеты. Его бедра прикрывал широкий пояс, из-за которого торчал нож.

Увидев своего друга, мальчик живо бросился к нему, чтобы похвастать своими трофеями. Он гордо показывал каждое свое приобретение и с видом знатока объяснял, как надо обращаться с оружием.

— Я задушил его и перегрыз ему горло, — сказал он. — Я хотел подружиться с ними, но они предпочли быть моими врагами. А теперь, когда у меня есть копье, я сумею показать даже Нуме, что значит нападать на нас. Только белые люди и большие обезьяны будут нашими друзьями, Акут! Мы разыщем их. Остальных мы будем или избегать, или убивать. Этому я научился в джунглях.

Они обошли деревню чернокожих и продолжали свое путешествие к морю. Мальчик был горд своим оружием и украшениями. Он учился метать копье, непрерывно упражнялся и вскоре овладел им в совершенстве. В то же время Акут учил его распознавать следы, запахи и звуки. Джунгли сделались для мальчика открытой книгой. То, что совершенно ускользнуло бы от внимания цивилизованного человека, что лишь отчасти улавливал дикарь, было для него полно глубокого смысла. Он различал по запаху все породы травоядных и хищников и узнавал направление их движения по шороху травы и звуку шагов. Он мог, не оборачиваясь, сказать, сколько львов находится за его спиной, обращенной к ветру, — два или четыре, и на каком расстоянии от него, — за сто или за пятьсот миль.

Многому научил его Акут, но еще большему научился он сам, инстинктивно-странной интуицией, унаследованной от отца. Он полюбил жизнь джунглей. Непрестанная борьба со смертельными врагами, державшая в напряжении мышцы и днем, и ночью,

возбуждала в нем любовь к приключениям и опасностям, которая дремлет в глубине души каждого сына Адама. Но, несмотря на любовь к джунглям, он не давал своим эгоистическим желаниям взять верх над чувством долга, которое беспрестанно твердило ему, что он поступил нехорошо, покинув родительский дом. Он любил своих милых родителей и терзался угрызениями совести, что причинил им столько горя своим исчезновением. Он твердо решил добраться до такого места, откуда можно послать им письмо. Они вышлют ему денег, и он вернется в Лондон. Он был уверен, что родители позволят ему потом поселиться в их африканском имении. Это будет так чудно, гораздо лучше, чем жить в цивилизованном мире скучной жизнью пресыщенных богатых людей.

И теперь, когда каждый шаг приближал его к морю, расстояние уже не терзало его, несмотря на то, что он пользовался всеми радостями дикой, привольной жизни: он сознавал, что делает все возможное, чтобы скорее возвратиться домой. Кроме того, ему очень хотелось встретить белых людей — существ одной с ним породы, — ибо общество обезьяны не всегда приходилось ему по душе. Встреча с неграми больно уязвила его. Он пришел к ним с раскрытым сердцем, с такой наивной, детской верой в их радушие, что оказанный ими прием разрушил самые его нежные чувства. Он больше не считал чернокожих своими братьями. Он знал, что эти двуногие — такие же враги, как и те бесчисленные кровожадные звери, которыми кишмя кишели джунгли.

Так проходили дни. Путешествие, охота, прыганье по деревьям настолько укрепили мускулы мальчика, что даже флегматичный Акут поражался успехам своего ученика. И мальчик, уверенный в своей силе и ловкости, забывал всякую осторожность: он ходил по джунглям с гордо поднятой головой, пренебрегая опасностью. Учуяв запах Нумы, Акут сразу вскакивал на дерево, а мальчик смеялся в лицо царю зверей, храбро проходя у него перед носом. Но Джеку всегда сопутствовало счастье: львы, которые встречались ему, бывали, по-видимому, сыты, или, быть может, наглость этого странного существа, дерзавшего врываться в их владения, до того поражала их, что мысль о нападении не приходила им в голову. Как бы там ни было, но мальчик не раз без всякого вреда для себя проходил в нескольких шагах от

огромных львов, которые только провожали его глазами с угрожающим ворчаньем.

Но не у всех львов одинаковый характер. Они так же отличаются друг от друга, как и люди. Недостаточно знать, как поступили десять львов, чтобы предвидеть, как поступит одиннадцатый. Львы нервны и раздражительны. И вот однажды мальчик встретил одиннадцатого льва. Он шел с Акутом по лужайке, заросшей кустами. Мальчик первый заметил Нуму. Обезьяна была в нескольких шагах от него.

— Скорее, Акут, на дерево! — смеясь закричал мальчик. — Нума залег в кустах направо! Беги скорее, Акут! Я, сын Тарзана, буду прикрывать тебя.

И Джек с громким смехом бросился к кусту, в котором прятался Нума.

— Спасайся! — рычала обезьяна, но мальчик взмахнул копьем и закружился в импровизированной военной пляске перед самым кустом, чтобы показать царю зверей свое презрение. Ближе и ближе подходит он к ужасному хищнику... вот он уже в десяти шагах... и вдруг, с громовым ревом, лев вскочил!

Это был лев огромных размеров. Всклокоченная, густая грива разметалась у него по плечам. Мощные челюсти были вооружены смертоносными клыками. Его желто-зеленые глаза сверкали алчностью и злобой.

Мальчик, с жалким копьем в руке, понял сразу, что этот лев не похож на тех львов, с которыми ему приходилось встречаться. Но отступления не было... Ближайшее дерево в нескольких саженях от него — лев настигнет его раньше, чем он пробежит полдороги! Вот-вот он прыгнет — спасения нет!..

Позади льва, в двух шагах, росло терновое дерево. Это было бы самое близкое убежище, ... но на пути к нему стоял лев... Копье, крепко зажатое в руке, и дерево позади льва внушили Джеку дикую мысль, нелепую до смешного мысль, но у мальчика не было времени взвешивать свои мысли. Последняя надежда на спасение — терновое дерево! Когда лев прыгнет, будет поздно: Джек должен действовать немедленно!

И вот, к невыразимому ужасу Акута и к величайшему изумлению Нумы, мальчик бросился прямо на зверя. На одну секунду лев застыл

от неожиданности, и в эту секунду Джек Клейтон проделал штуку, которую часто проделывал в школе.

Он бежал прямо на дикого зверя, целясь в него копьем. Лев, с широко раскрытыми круглыми глазами, ожидал нападения; его задние лапы были напряжены для прыжка; он готовился встретить дерзкое существо страшным ударом, которого не выдержал бы и череп буйвола.

Джек на полном бегу воткнул копьё в землю перед самой мордой зверя, и прежде чем пораженный лев мог что-либо сообразить, перелетел через его голову прямо в колючие объятия тернового дерева.

Он был спасен, но изодрал себе всю кожу.

Акут, незнакомый со спортом, никогда в жизни не видел подобного прыжка. Он был восхищен! Чувствуя себя в безопасности, он радостно прыгал по веткам и выкрикивал хвастливые насмешки посрамленному Нуме; а тем временем мальчик, жестоко исцарапанный и окровавленный, старался найти в своем колючем убежище такое место, где его пытка была бы менее мучительна; он избежал смерти ценой адской боли: содранная кожа висела клочьями, и он весь истекал кровью. Ему казалось, что проклятый зверь никогда не уйдет и будет стеречь его тысячу лет у тернового дерева...

Простояв добрый час под деревом, лев, наконец, покинул свой пост и величественной походкой стал удаляться прочь. Когда он отошел на довольно большое расстояние, измученный мальчик стал слезать с колючего дерева, причиняя новую боль своему израненному телу.

Долго после этого не заживали кровавые раны Джека. Полученный же им урок не изгладился у него из памяти во всю жизнь. Никогда больше он не искал судьбу понапрасну.

На несколько дней мальчик и обезьяна вынуждены были прекратить свое путешествие. Джек должен был оправиться от ран, причиненных острыми иглами тернового дерева. Обезьяна заботливо зализывала раны мальчика, — это было его единственным лекарством; и раны скоро начали заживать, потому что здоровый молодой организм быстро вырабатывал новые ткани.

Когда мальчик немного оправился, они отправились в путь, дальше по направлению к морю. Джек был окрылен сладкой надеждой, что скоро он достигнет заветной цели.

И вот наконец блаженная, долгожданная минута настала. Они пробирались через густые заросли тропического леса, и вдруг зоркие глаза мальчика разглядели на земле свежий след — след, который заставил затрепетать его сердце, след белого человека! Среди бесчисленных отпечатков босых ног ему сразу бросился в глаза хорошо знакомый отпечаток европейского башмака. Здесь прошло много людей, и шли они к северу: их путь под прямым углом пересекал то направление к морю, в котором шли Акут и мальчик.

Наверно, у этих белых людей можно будет расспросить о кратчайшей дороге к берегу! А может быть, они идут туда сами! Во всяком случае, их надо догнать во что бы то ни стало! Ну, хотя бы для того, чтобы на них взглянуть!

Мальчик был возбужден; он страстно желал поскорее пуститься в погоню. Акут колебался. Что ему до людей? Для Акута Джек был не человеком, а такой же обезьяной, как и он сам; это был сын царя обезьян. Акут прилагал все усилия, чтобы отговорить мальчика; он твердил, что скоро они найдут родное обезьянье племя, что Джек вырастет и сделается царем обезьян, как был его отец. Но Джек не сдавался. Он желает непременно повидаться с белыми людьми; он попробует через них послать весточку родителям. Акут внимательно слушал то, что говорил ему Джек, но чутье животного подсказало ему истину: мальчик замышляет вернуться на родину...

Это открытие очень огорчило старую обезьяну. Акут любил Джека и был предан ему, как верная собака хозяину. Его обезьянье сердце лелеяло надежду, что он никогда не расстанется с мальчиком. Теперь эта надежда угасала... Акут был в отчаянии, но он все-таки остался верен своему юному спутнику и с тяжелым сердцем согласился догонять караван белых людей: ему казалось, что это последнее путешествие, которое они совершают вместе.

Следы каравана были совсем недавние. Караван мог находиться от них всего в нескольких часах пути; они без труда догонят его, так как они могут передвигаться по верхушкам деревьев с большой быстротой там, где девственная чаща почти непроходима для белых людей.

Мальчик пробирался впереди. Радостный и возбужденный, он не хотел показывать своего счастья товарищу; тому это счастье могло причинять только горе. И мальчик первый увидел белых людей, к которым он так стремился.

Далеко протянулась длинная цепь тяжело нагруженных черных рабов. Негры падали от усталости и болезней; но вооруженные черные солдаты побоями поднимали их и заставляли идти дальше. Два высоких белых человека шли по сторонам каравана; огромные русые бороды почти скрывали их черты. Мальчик собирался приветствовать белых людей громким, радостным криком, но этот крик замер у него на устах; мальчик увидел, как бородатые люди стегали длинными бичами своих черных носильщиков. Несчастные негры были навьючены кладью, во много раз превышавшей их силы.

Мальчик заметил, что солдаты и белые все время оглядывались назад, словно боясь какой-то опасности. Он приостановился, а затем медленно пошел за ними следом, и в груди его kloкотало негодование при виде жестокого зрелища расправы с рабами. Акут шел рядом с ним. Зверю это не казалось столь ужасным, как мальчику, но и ему внушало отвращение бесцельное избиение беззащитных рабов. Он взглянул на мальчика. Почему же его друг, встретив наконец зверей одной с ним породы, не побежит к ним навстречу?

— Они — враги, — пробормотал мальчик. — Я не могу идти с ними, я убил бы их за такое обращение с людьми; но, — продолжал он, подумав, — я могу спросить у них, как пройти в ближайший порт, и тогда, Акут, мы пойдем туда сами.

Обезьяна ничего не отвечала, и мальчик побежал к каравану. Он не успел пробежать и ста ярдов, когда один из белых его заметил. С тревожным криком он схватил карабин и выстрелил в мальчика. Пуля ударила в землю как раз перед Джеком и осыпала ему ноги сухими листьями. В ту же минуту и второй белый, и черные солдаты принялись лихорадочно обстреливать Джека.

Мальчик мгновенно укрылся за деревом. Очевидно, паническое бегство по джунглям расстроило нервы Карлу Иенсену и Свэну Мальбину: весь отряд был во власти непрерывных страхов. В каждом звуке им мерещилась погоня; им казалось, что вот-вот их настигнет свирепый шейх со своей кровожадной свитой. При таком нервном напряжении не мудрено, что Мальбин, увидев молчаливо бегущего за караваном белого воина, открыл по нему стрельбу. Остальные, не раздумывая, последовали его примеру.

Когда первое возбуждение улеглось, оказалось, что один только Мальбин давал себе ясный ответ в том, зачем он стрелял. Многие

негры утверждали, что они тоже видели врага, но их показания были столь сбивчивы и разноречивы, что Иенсен, который попросту никого не видел, слушал их с недоверчивой улыбкой. Один солдат говорил, что он видел трех странных арабов с длинными черными бородами. Другому воспаленное воображение рисовало чудовище одиннадцати футов в высоту, с человеческим телом и головой слона.

Разведчики, посланные немедленно на розыски, не нашли никого. Акут и мальчик после первых залпов поспешили бежать в глубь джунглей.

Мальчик был опечален. Он еще не успел забыть огорчения, которое ему причинила жестокая встреча, оказанная чернокожими, а теперь белые люди встретили его еще враждебнее.

— Звери, которые слабее меня, в ужасе бегут от меня, — бормотал он вполголоса, — а звери, которые сильнее меня, стремятся разорвать меня на части. Черные люди хотели убить меня копьями и стрелами. Белые люди, люди моей породы, прогнали меня ружейными выстрелами. Неужели все существа в мире — мои враги? Неужели Акут — единственный друг сына Тарзана?

Старая обезьяна подошла к мальчику.

— Есть племя больших обезьян, — сказала она, — только они будут друзьями другу Акута, только они ласково встретят сына Тарзана. Ты видел, что людям нет до тебя дела. Пойдем же искать родное племя больших обезьян!

Язык обезьян состоит из односложных гортанных слов, дополняемых жестами и знаками. Его почти невозможно дословно передать человеческой речью; но таков был смысл сказанного Акутом.

Некоторое время они шли молча. Мальчик был глубоко погружен в свои мысли, в которых преобладали ненависть и жажда мщения. Наконец он заговорил:

— Хорошо, Акут, — сказал он, — мы пойдем искать наших друзей, больших обезьян.

VIII

ОТВЕРЖЕННЫЙ

Год прошел с тех пор, как два шведа в паническом ужасе бежали из страны коварного шейха. Маленькая Мериэм по-прежнему играла со своей Джикой. Джика истрепалась вконец, но для Мериэм она была прекрасна, как всегда. Девочка, склонясь над ее костяной головой, шептала в неслышащие уши обо всех своих страданиях и надеждах, ибо перед лицом безнадежности надежда не покидала ее. Правда, ее мечты были довольно неопределенны: она мечтала о том, как она вместе с Джикой убежит в какое-нибудь уединенное место, где нет ни шейхов, ни злых Мабуну, и станет играть одна среди цветов, среди ярких птиц и веселых маленьких мартышек, резвящихся в чаще деревьев.

В этот день Мериэм сидела в траве на краю селения; она играла в тени развесистого дерева, которое росло за изгородью, окружавшей селение. Она строила для Джики шалаш из листьев. Перед шалашом был посажен лес из маленьких веточек. Камешки служили посудой. Джика готовила обед. Девочка непрерывно беседовала со своей маленькой подругой и была так погружена в домашние заботы Джики, что не заметила, как на дерево как раз над ее головой неслышно вскочило какое-то странное существо.

Два внимательных глаза следили за нею сверху. В этой части деревни не было никого, кроме девочки; шейх несколько месяцев тому назад уехал на север. Маленькая Мериэм беззаботно играла, не подозревая, что в это самое время шейх возвращался домой во главе своего каравана и был в каком-нибудь часе пути от своей деревни...

Год прошел с тех пор, как белые люди пулями прогнали мальчика обратно в джунгли. Он отправился после этого разыскивать племя человекообразных обезьян — это были единственные существа, на дружбу которых он мог рассчитывать. Несколько недель шея он с Акутом на восток, все углубляясь в джунгли. Год прошел для Джека даром: его мускулы приобрели крепость стали; он лазил и скакал по деревьям со сверхъестественной ловкостью; он научился великолепно владеть оружием.

За этот год Джек превратился в могучего силача с хитрым, сметливым умом. В сущности он был еще мальчиком, но когда он принимался, играючи, бороться с огромным человекообразным, он всегда одерживал победу. Акут учил мальчика обезьяньей борьбе, и вряд ли можно было найти лучшего знатока военных приемов первобытного человека, и вряд ли существовал ученик, способный быстрее усваивать уроки своего учителя.

Блуждая по лесу в поисках племени больших человекообразных обезьян, Джек и Акут питались разными произведениями флоры и фауны джунглей. Когда лесные звери беззаботно шли к водопою, два страшных хищника неожиданно падали на них сверху, с нависших ветвей и оглушали их могучими кулаками. Часто Джек пускал в ход свое копьё — антилопы и зебры падали, пораженные метким ударом.

Юноша прикрывал свою наготу леопардовой шкурой, но не стыдливость побуждала его к этому. Враждебная встреча, оказанная ему людьми его расы, разбудила в нем инстинкты дикого зверя. В каждом человеке скрывается зверь, но в крови у Джека звериные инстинкты кипели и бурлили, потому что он унаследовал их от отца, который был воспитан среди диких зверей. Джек носил шкуру леопарда прежде всего как военный трофей, как символ своей доблести: он заколол леопарда ножом в схватке один на один. У него были вкусы первобытного человека, он любил украшать свое тело, а шкура показалась ему очень красивой; это была вторая причина, почему он носил ее. А когда шкура высохла, растрескалась и начала разлезаться, — он не знал искусства дубления и выделки шкур, — он был так опечален, что долго не решался выбросить свой трофей. Когда же, через несколько дней, он заметил на плечах у одного чернокожего такую же шкуру, прекрасную, пушистую, правильно выделанную, он, не раздумывая ни минуты, бросился с ветвей дерева на спину ничего не подозревавшего дикаря, вонзил ему в сердце острый клинок и завладел драгоценной добычей.

Совесть не упрекала его за этот вооруженный грабеж. В джунглях сила есть право, и достаточно одного дня, чтобы эта истина глубоко укоренилась в сознании каждого, кто попадет в этот лес, — будь то человек или зверь. Джек не сомневался, что если бы такой же случай представился дикарю, дикарь поступил бы точно так же. Жизнь мальчика и жизнь чернокожего в джунглях имеют такую же малую

цену, как жизнь льва или буйвола, как жизнь зебры или оленя, как жизнь любой из тех бесчисленных тварей, которые ползают, бегают, прыгают и летают в тенистом сумраке дремучих лесов. Жизнь дана каждому человеку только одна, а врагов, которые стремятся отнять эту жизнь, множество. Чем больше ты уничтожишь врагов, тем больше у тебя шансов сохранить собственную жизнь. Итак, мальчик, улыбаясь, снял с побежденного пеструю красивую шкуру и продолжал с Акутом прерванный путь. Они разыскивали племя больших обезьян, которое, конечно, встретит их с распростертыми объятиями.

И вот в один прекрасный день Акут и Джек нашли тех, кого искали. В самой глубине джунглей, далеко от человеческих взоров, на ровной вершине холма Джек удостоился увидеть дикий танец Дум-Дум, которого не случилось видеть ни одному человеку, тот самый Дум-Дум, который некогда так лихо отплясывал его отец.

Джек и Акут спали в густых ветвях высокого дерева, когда до их слуха донесся далекий гул барабанов. Оба мгновенно проснулись. Акут первый понял, в чем дело.

— Большие обезьяны! — вскричал он. — Они пляшут Дум-Дум! Вставай, Корака, сын Тарзана, идем скорее к нашему народу!

Акут называл мальчика Кораком, потому что не мог выговорить его имени Джек. На языке обезьян Корака значит убийца. Убийца приподнялся с развесистой ветки, на которой он спал, прислонившись к стволу, и, потягиваясь, стал расправлять свое сильное, молодое тело. Его гладкая коричневая кожа лоснилась, освещаемая бледным лунным сиянием, которое лилось сквозь густую листву.

Обезьяна, скорчившись, сидела на ветке. Она тихо и глухо рычала от волнения. Мальчик зарычал в ответ. Обезьяна беззвучно спустилась на землю. Лунный свет серебрил поляну и освещал неуклюжего Акута, со всклокоченной черной шерстью, и стоящего рядом с ним, оттеняя его неуклюжесть, грациозного мальчика, с гладкой, красивой кожей. Мальчик насвистывал веселую песенку, которую распевали его далекие школьные товарищи. Джек был счастлив. Минута, о которой он так долго мечтал, скоро настанет; он найдет, наконец, друзей, он найдет родную среду. Часто в первые месяцы его бродяжьей жизни, когда ему трудно было свыкнуться с постоянными опасностями и лишениями, мальчик вспоминал далекую Англию, вспоминал с тоской родной дом, отца и мать. За последнее время воспоминания эти

потускнели, поблекли, и он уже редко им предавался. Постепенно старая жизнь на родине стала казаться Джеку далеким, полузабытым сновидением, и он уже перестал мечтать о том, чтобы пробраться к какому-нибудь приморскому городу и оттуда в Лондон: прежнее решение превращалось в прекрасную, но несбыточную грезу.

Мысли о Лондоне и о цивилизованном мире были погребены в глубине его сознания и почти никогда не выплывали на поверхность. Только формами тела и более развитым умом он отличался от огромного свирепого животного, которое стояло рядом с ним.

В избытке радостных чувств, Джек звонко шлепнул Акута по затылку. Полусердясь, полушутя, обезьяна обернулась и оскалила пасть; длинные, волосатые руки обхватили мальчика, и оба повалились на землю; они катались по земле, рычали, смеялись, царапались, кусались. Это была их любимая игра, которая в то же время была для них полезной гимнастикой. Мальчик показал Акуту некоторые приемы борьбы, которым научился в школе, и обезьяна быстро их воспринимала.

Но было одно искусство, которым никак не мог овладеть Акут — бокс. Обезьяну всегда поражало, как это мальчику удавалось одним метким ударом кулака лишать ее способности защищаться; это злило ее, и ей подчас приходилось сдерживать себя, чтобы не вонзить зубы в мягкое тело друга, — ибо все же она была обезьяной, с обезьяньим нравом и обезьяньими свирепыми инстинктами; но, на счастье Джека, в такие минуты она совершенно теряла голову от гнева и забывала все правила наступления и защиты; тогда меткие удары начинали сыпаться на нее со всех сторон, и ей приходилось отступать, мрачно ворча, с оскаленными зубами. Всякий раз после такого урока бокса она дулась на мальчика часа два или три.

В эту ночь им не пришлось заняться боксом. Не успели они обменяться несколькими ударами, как запах Шиты, пантеры, заставил их насторожиться. Огромная кошка пробиралась сквозь заросли прямо перед ними. На минуту она остановилась, прислушалась. Мальчик и обезьяна угрожающе закричали, а хищная красавица поспешила скрыться.

Тогда они двинулись на звук Дум-Дума. Барабанный бой становился все громче и громче. Теперь им было слышно рычание пляшущих обезьян, и в ноздри им ударил обезьяний запах. Шерсть на

спине у Акута встала дыбом: проявления страха и радости часто бывают сходны.

Медленно пробирались путники по джунглям, все приближаясь к месту сходбища больших обезьян. И вот внезапно необычайная сцена открылась глазам мальчика. Для Акута это зрелище было знакомо, но Корака никогда не видел ничего подобного: он почувствовал, как холодная дрожь пробежала по его телу. Огромные обезьяны плясали, образуя неправильные круги вокруг утоптаных глиняных барабанов, в которые три старых самца неумоимо колотили палками, почти размочаленными от долгого употребления.

Акут, знавший нравы и обычаи обезьяньей породы, решил не обнаруживать своего присутствия, пока у его сородичей не пройдет дикое исступление пляски. Когда барабаны умолкнут и утробы насытятся, он покажется своему племени. Затем произойдет совещание, после которого он и Корака будут приняты в члены общины. В течение нескольких недель, а, быть может, и месяцев, к ним будут относиться подозрительно и с пренебрежением, но со временем это пройдет.

Акут надеялся, что среди этих обезьян найдутся такие, которые знали и помнят Тарзана; в таком случае ему будет легче представить им мальчика. Затаенной мечтой Акута было сделать Корака обезьяньим царем. Когда мальчик увидел необычайную пляску человекоподобных, он был готов броситься в самую гущу пляшущих; Акуту стоило больших усилий удержать его от этого безумного шага: он знал, что оба они были бы немедленно разорваны на клочки. Обезьяны доводят себя до такого бешенства, что в это время самые сильные и свирепые хищники боязливо обходят стороной место ужасного Дум-Дум.

Луна опустилась к самому горизонту; барабаны зазвучали тише, исступление танцующих начинало слабеть. Наконец, последний удар барабана, и звери принялись за истребление пищи, которую они наготовили для этой оргии.

Акут объявил Кораку, что это был обряд провозглашения нового царя, и указал ему большую фигуру косматого монарха, который овладел скипетром так же, как многие правители человеческой породы: убив своего предшественника.

Когда обезьяны наелись до отвала и многие уже собрались завалиться спать, Акут дернул Корака за руку.

— Идем, — шепнул он. — Следуй за мной! Делай все, что будет делать Акут.

Он медленно стал пробираться через чащу деревьев и остановился на дереве. Здесь он постоял с минуту, а затем тихо завыл. Десятка два обезьян вскочили на ноги. Их маленькие глазки забегали по сторонам. Царь первый заметил две незнакомые фигуры. Он издал зловещее ворчание. Затем он сделал несколько шагов по направлению к пришельцам. Шерсть на нем ошетибилась. Его ноги одеревенели, и он шел неуклюже, прихрамывая. За спиной у него толпилось несколько огромных самцов.

Он остановился, не доходя до пришельцев, как раз на таком расстоянии, чтобы его нельзя было ни схватить, ни ударить. Здесь он остановился и принялся раскачиваться взад и вперед на своих коротких ногах, оскаливая могучие клыки с устрашающими гримасами и издавая по временам грозное ворчанье — в один темп с телодвижениями. Постепенно раскачивания становились все быстрее, и рычание превращалось в один сплошной громовой рев. Акут знал, что он старается привести себя в ярость, чтобы броситься на них. Но старая обезьяна не собиралась сражаться: она пришла с мальчиком к этому племени, чтобы навсегда связать с ним свою судьбу.

— Я — Акут, — сказала она, — он — Корак. Он — сын Тарзана, который был царем обезьян. Я тоже был царем обезьян, которые жили в стране великих вод. Мы пришли, чтобы охотиться вместе с вами, чтобы сражаться бок о бок с вашим племенем. Мы — великие охотники. Мы могучие бойцы. Примите нас с миром!

Царь перестал раскачиваться. Он смотрел на них из-под нависших бровей. Его налитые кровью глаза сверкали жестокой злобой. Он слишком недавно стал царем и ревниво относился к своему званию. Он боялся, что эти две странные обезьяны вздумают оспаривать его права. Гладкое, безволосое существо называлось человек, а человека он боялся и ненавидел.

— Убирайтесь вон! — взревел он. — Убирайтесь, или я убью вас!

Пока обезьяны кончали свою пляску, мальчик, стоя за спиной Акута, дрожал от радостного нетерпения: ему хотелось поскорее спрыгнуть вниз, к косматым чудовищам, и показать им, что он их друг,

что он им родной. Он ждал, что они встретят его с распростертыми объятиями, и теперь слова царя наполнили его сердце скорбью и негодованием. Чернокожие прогнали его. Он пошел к белым, к родным, белым людям, но, вместо приветия и участия, ему ответили градом пуль. Большие обезьяны оставались его последней надеждой. Он пришел искать общества, в котором ему отказали люди. Но и обезьяны отвергли его. Гнев охватил мальчика.

Царь обезьян стоял как раз под веткой, на которой они сидели. Прочие обезьяны полукругом теснились за спиной царя и с любопытством наблюдали за тем, что происходит. Прежде, чем Акут мог понять намерения мальчика и удержать его, мальчик прыгнул на землю прямо перед царем, который теперь принялся вновь раскачиваться, чтобы привести себя в ярость.

— Я — Корака! — закричал мальчик. — Я — Убийца. Я пришел к вам как друг. Вы хотите прогнать меня. Что ж, я уйду. Но раньше я докажу вам, что сын Тарзана — ваш повелитель, такой же повелитель, каким был его отец, и что он не испугался ни вашего царя, ни всех вас!

Царь обезьян на минуту застыл от удивления: он не ожидал от пришельца такой дерзости. Акут был поражен не менее царя: он был в отчаянии, он умолял Корака опомниться, не рисковать своей жизнью, потому что он знал, что сейчас к священной площадке сбегутся все бойцы на помощь царю и беспощадно расправятся с самозванцем. Но вряд ли царю и понадобится помощь! Одно усилие мощных челюстей, и нежная шея мальчика обогрится кровью... Броситься на защиту Корака — значило идти на верную смерть, но преданный Акут не задумался ни на минуту. С глухим рычанием он спрыгнул на землю и встал рядом со своим другом.

Царь сделал шаг по направлению к мальчику и протянул длинные руки, чтобы обхватить его шею. Он широко раскрыл пасть, собираясь вонзить поглубже желтые клыки в гладкое смуглое тело. Корака пригнулся к земле и готовился принять нападение. Он сжался как пружина, стараясь избежать мощных объятий врага, а затем, в одно мгновение выпрямившись, нанес царю бешеный удар кулаком в живот: всю тяжесть своего тела, всю силу своих стальных мышц он вложил в этот удар. С ужасным воем царь обезьян опрокинулся на спину, судорожно цепляясь за своего противника.

Яростное рычание вырвалось из груди у обезьян, когда они увидели, что их царь побежден; они бросились на Корака и Акута, чтобы стереть их с лица земли. Но старая обезьяна была слишком умна и не желала принять такой неравный бой. Уговаривать мальчика бежать было бесполезно, Акут знал это: была только одна надежда на спасение, и он ухватился за нее. Обхватив мальчика вокруг пояса, Акут поднял его с земли и бросился бегом к другому дереву, которое низко опускало над землей свои ветви. Вся свора обезьян с ревом кинулась за беглецами. Но Акут, старый Акут с барахтающимся мальчиком на плече, оказался проворнее своих преследователей.

Одним прыжком вскочил он на дерево и с ловкостью мартышки втащил мальчика на самую вершину. Но и здесь он не остановился. Он бросился дальше по верхушкам деревьев, не выпуская из рук свою драгоценную ношу, и скоро скрылся в ночном сумраке джунглей. Некоторое время обезьяны гнались за ним, но расстояние между ними все увеличивалось; наконец, потеряв его из виду, они остановились, а затем повернули обратно, оглашая ночную тишину ревом неудовлетворенной злобы.

IX

НОВЫЙ ДРУГ

Тяжело было на душе у Корака. Бесцельно бродил он с Акутом по джунглям на другой день после неласкового приема, оказанного ему обезьянами. Разочарование давило его сердце. Жажда мести кипела у него в груди. Он с ненавистью смотрел на всех обитателей джунглей, оскаливая зубы и грозно рыча, когда кто-нибудь попадался ему на глаза. Он выражал свое дурное расположение духа так же, как его выражали дикие звери джунглей, от которых он невольно перенимал их повадки.

Они шли по ветру медленно и осторожно, вглядываясь в заросли перед собой; внезапная опасность могла угрожать им только впереди, так как запах врага был бы унесен от них ветром. Вдруг оба остановились и склонили головы набок. Неподвижно, как каменные изваяния, стояли они и прислушивались. Ни один мускул у них на лице не дрогнул. Вдруг Корак рванулся вперед и вскочил на ближайшее дерево. Акут последовал за ним. Они вспрыгнули так бесшумно, что и в десяти шагах человеческое ухо не могло бы уловить ни малейшего шороха. Они пробирались по деревьям, часто останавливаясь и прислушиваясь. По их смущенным, недоумевающим взглядам было видно, что оба они очень озадачены. Наконец, в ста ярдах от себя мальчик заметил деревянную изгородь, а за нею палатки из козьей кожи и хижины, крытые соломой. Свирепое рычание вырвалось у него из груди. Негры! Он ненавидел их. Он тотчас же кинулся на разведку, крикнув Акуту, чтобы тот подождал его.

Горе обитателю деревни, который попадет на глаза Убийце!

Пробираясь по нижним ветвям, перепрыгивая с одного гигантского дерева на другое, Корак бесшумно подвигался к селению. За изгородью слышался чей-то голос. Корак направил свой путь туда. Большое дерево свешивалось над тем местом, откуда доносился голос. Корак вскочил на это дерево; он держал копьё наготове; он слышал, что человек совсем близко. Наконец, он заметил сквозь листву очертания своей жертвы. С поднятым копьём в руке опускался он ниже и ниже, чтобы лучше разглядеть свою жертву. Сейчас копьё прожужжит и пронзит ее!

Наконец, он увидел спину человека. Он замахнулся копьем, чтобы мощно метнуть его. И вдруг убийца остановился. Он немного подвинулся вперед и стал всматриваться. Хотел ли он лучше прицелиться или, может быть, грациозные линии маленького детского тельца внезапно охладили жажду убийства, kloкотавшую у него в крови?

Он тихо опустил копье, улегся спокойно на длинном суку, глядя широко раскрытыми удивленными глазами вниз на существо, которое он собирался убить, на маленькую девочку со смуглой кожей орехового цвета. Он больше не рычал. Только одно выражение было написано у него на лице — выражение напряженного внимания: он старался понять, что делает девочка? Вдруг лицо его осветилось улыбкой: девочка повернулась, и он увидел Джику, безобразную куклу, с головой из слоновой кости и с телом из крысиной шкурки. Девочка нежно смотрела на куклу; прижимала ее к груди и, качая, пела грустную арабскую колыбельную песенку. Взгляд Убийцы сделался задумчив и нежен...

Быстро летели часы за часами. Корак лежал на своей ветке и наблюдал за играющей девочкой. Он ни разу не видел ее лица: только черные волосы да маленькое загорелое плечико, да красивые круглые колени, выглядывавшие из-под коротенькой юбочки, — вот и все, что он мог рассмотреть. Изредка он мог заметить круглую щечку и нежно очерченный маленький подбородок. Девочка поверяла свое горе Джике.

Корак, забыв о своих кровавых замыслах, слишком слабо сжимал копье; оно выскользнуло у него из руки и ударилось о нижнюю ветку. Этот звук привел Убийцу в себя: он вспомнил, что пришел убить человека, голос которого ему слышался в джунглях; он поймал копье налету, и ненависть вернулась к нему. Корак взглянул на девочку: он представил себе, как копье полетит вниз, как железный наконечник вонзится ей в тельце, как горячая кровь обагрит нежную кожу; эта смешная кукла выпадет из рук девочки, когда она забьется в предсмертных мучениях... Убийца содрогнулся... Затем он гневно взглянул на свое копье, будто оно было живым существом, способным понимать и чувствовать.

Что сделает девочка, если он спустится к ней? Скорее всего заплачет и убежит. Тогда прибегут люди с копьями и ружьями; они

либо убьют его, либо выгонят вон. Какой-то комок подкатился к его горлу; мальчик и сам не подозревал, как ему нужен был товарищ, родной ему по крови. Ему захотелось спуститься вниз и поговорить с девочкой, хотя он знал, что она говорит на каком-то чужом, незнакомом ему языке. Ничего! Можно объясниться с нею жестами! Это не так уж невозможно! Кроме того, ему очень хотелось увидеть ее лицо. Все, что он видел, говорило ему, что она прехорошенькая. Но больше всего его привлекало ее нежное материнское отношение к этой причудливой кукле.

Наконец он решился. Он привлечет к себе ее внимание и издали ободрит ее улыбкой. Медленно стал он спускаться вниз. Корака уже почти слез с дерева, когда он услышал сильный шум, донесшийся с другой стороны селения. Он выглянул из-за ветвей и увидел большие ворота в конце главной улицы; к этим воротам шумной толпой сбегались отовсюду мужчины, женщины и дети. Вот ворота распахнулись, и в деревню вошел караван. Тут были и чернокожие рабы и загорелые арабы северных пустынь; проводники, с проклятиями понукающие верблюдов; перегруженные тяжелой кладью ослы, которые с трогательным терпением переносят жестокие побои погонщиков и только печально шевелят ушами; козы, овцы и лошади. Впереди всех ехал высокий суровый старик. Не отвечая на приветствия толпы поселян, он направился прямо в середину деревни, к большой палатке из козлиных шкур. На пороге стояла старая морщинистая ведьма; высокий старик заговорил с ней.

Из своего скрытого убежища Корака видел все: он видел, что старик расспрашивал о чем-то черную женщину, потом черная женщина ткнула пальцем в направлении дерева, под которым играла девочка. — Наверно, это ее отец! — думал Корака. — Отец надолго уезжал из дому и теперь, вернувшись домой, прежде всего спрашивает о своей маленькой дочке. Как она обрадуется ему! Как весело побежит к нему навстречу, как бросится к нему объятия! С какой любовью прижмет ее отец к груди и будет осыпать поцелуями! — Корака глубоко вздохнул. Он вспомнил о своем отце в далеком Лондоне.

Он взобрался повыше на дерево. Сам он был несчастлив, и ему хотелось насладиться зрелищем счастья других. Что если заговорить со стариком? Может быть, тот поверит добрым намерениям Джека и разрешит ему посещать деревню? Надо попробовать! Мальчик решил,

что он будет смиренно сидеть, пока араб поздоровается с дочерью, а потом слезет с дерева и дружески заговорит с ними.

Араб медленно подкрадывался к девочке. Ага, отец хочет доставить сюрприз своей дочке! Корака представил себе ее радостный испуг, когда она неожиданно увидит отца! Глаза у мальчика заблестели от нетерпения...

Старик уже стоял позади девочки; суровое лицо его не улыбалось. Девочка все еще не замечала его. Она непринужденно болтала со своей бессловесной Джикой. Старик кашлянул. Девочка вздрогнула и быстро обернулась. Корака увидел ее лицо, прелестное, невинное детское личико с большими, темными глазами. Мальчик был уверен, что это личико осветится счастьем, чуть только девочка узнает отца, но не счастье, а ужас прочел он у нее на лице, ужас засветился в ее глазах, ужас искривил ее рот, ужас сковал все ее члены. Злобная улыбка змеилась на тонких губах араба. Девочка пробовала отползти в сторону, но старик грубо ударил ее ногой в бок, и она упала ничком на траву; тогда он впился в ее тельце своими костлявыми пальцами и принялся наносить ей жестокие удары куда попало.

А над ним, в ветвях дерева, притаился зверь, там, где минуту назад лежал улыбающийся мальчик, зверь с раздувающимися ноздрями и оскаленными зубами, зверь, дрожащий от бешенства.

Шейх стоял, наклонившись над девочкой, когда Убийца спрыгнул перед ним на землю. В левой руке у мальчика было зажато копьё, но он позабыл о копьё: его правая рука была сжата в кулак, и в тот момент, когда шейх выпрямился, пораженный неожиданным появлением упавшего с неба голого человека, тяжелый, сокрушающий удар в нижнюю челюсть, удар молодого гиганта, обладавшего почти сверхъестественной силой, свалил его на землю.

Истекая кровью, шейх потерял сознание. Корака подошел к девочке. Она поднялась на ноги и широко раскрытыми, испуганными глазами взглянула сначала на мальчика, а потом на распростертое тело шейха. Невольным движением покровителя Убийца обнял девочку и встал рядом с ней, ожидая, когда шейх очнется. Они стояли минуту молча, потом девочка заговорила.

— Когда он встанет, он убьет меня! — сказала она по-арабски.

Корака не понял ее. Он покачал головой и заговорил с ней сначала по-английски, а потом по-обезьяньи. Но она не поняла ни слова. Она

наклонилась и коснулась рукоятки кинжала, который торчал у араба из-за пояса. Затем она подняла над головой ручку, сжатую в кулак, и погрузила воображаемое лезвие себе в сердце. Корака понял: старик очнется и убьет ее. Девочка, дрожа, стояла около него. Она не боялась его. Зачем ей бояться того, кто спас ее от жестоких побоев шейха? Никто никогда не делал для нее ничего хорошего. Она посмотрела ему в лицо: это было юное, красивое лицо, такое же смуглое, как и ее лицо; ей понравилась пятнистая шкура леопарда, которая покрывала его гибкое тело от плеч до колен; его металлические браслеты и запястья возбудили ее зависть. Она очень любила браслеты, но шейх никогда не позволил ей носить ничего, кроме этого единственного бумажного платья, убого прикрывавшего ее наготу; никогда у маленькой Мериэм не было ни красивых мехов, ни шелковых тканей, ни драгоценных камней; а все это ей так нравилось...

Корака смотрел на девочку. Он с детства относился к девчонкам с презрением; даже мальчики, которые играли с ним, были, по его мнению, маменькими сынками. Он не знал, что ему делать. Не оставить же ее здесь, у старого араба, который зверски изобьет ее или, быть может, убьет! Нет! Но, с другой стороны, может ли он взять ее с собой в джунгли? Легко ли ему будет таскать за собой по джунглям слабую, боязливую девочку? Она будет пугаться своей собственной тени, когда взойдет луна и выползут хищные звери, наполняя рычаньем и воем ночную темноту.

Несколько минут он стоял, погруженный в раздумье. Девочка следила за выражением его лица, стараясь догадаться, о чем он думает. Она тоже думала о будущем: она так боялась остаться здесь, где ее ожидает ужасная месть злобного шейха. Во всем мире она может ждать помощи только от этого полунагого, незнакомого юноши, который так чудесно спустился из облаков, чтобы спасти ее от обычных побоев. А вдруг ее новый друг уйдет? Она внимательно взглянула в его напряженное лицо и затем подошла к нему близко-близко и положила свою смуглую мягкую руку ему на руку. Нежное прикосновение вывело его из задумчивости; он взглянул ей в глаза и обнял ее снова, так как увидел слезы у нее на ресницах.

— Идем! — сказал он. — Джунгли добрее людей. Ты будешь жить в джунглях под защитой Корака и Акута.

Слова его ничего ей не сказали, но она поняла движение его руки. Маленькая ручка обвилась вокруг его талии, и они направились вместе к изгороди.

У дерева, с которого он впервые увидел ее, он взял ее на руки и прыгнул с нею на нижние ветки; девочка доверчиво прижалась к его могучей груди, и рука ее, сжимавшая Джику, свисала за его спиной.

Они прошли небольшое расстояние от деревни, когда Мериэм заметила впереди страшную фигуру Акута. Вскрикнув, девочка еще теснее прижалась к Кораку и со страхом указала пальчиком на обезьяну.

Увидев Корака, возвращающегося с живой ношей, Акут решил, что Убийца принес пленника, и с рычанием кинулся к ним; хрупкая девочка способна была вызвать в сердце зверя не больше жалости, чем побежденный в бою обезьяний самец. Она была чужая и должна быть убита. Он обнажил свои желтые клыки при их приближении, но, к его удивлению, Убийца тоже оскалил зубы, но не на нее, а на Акута, и свирепо при этом зарычал.

— Ага! — подумал Акут. — Убийца достал себе жену! — и, подчиняясь обычаям своего племени, он оставил их наедине, а сам, отвернувшись, занялся вдруг каким-то дождевым червяком, весьма аппетитным на вид. Но уголком глаза он украдкой наблюдал за Кораком. Юноша посадил свою пленницу на большой сук, за который она крепко уцепилась, чтобы не упасть.

— Она пойдет с нами! — сказал Корак Акуту, указывая на девочку пальцем. — Ты ее не трогай! Мы будем оберегать ее.

Акут пожал плечами. Ему вовсе не хотелось обременять себя заботами об этом человечьем детеныше. Она безнадежно беспомощна — он видел это ясно: она боится его, боится сидеть на ветке. Акут держался того мнения, что беспомощных надо истреблять. Но приходилось мириться с ней, раз этого хочет Убийца.

Акуту новое существо совсем не нравилось, это он мог положительно утверждать. Ее кожа была лысая и гладкая, точь-в-точь как у червяка; ее лицо нельзя было назвать привлекательным. Она была далеко не так хороша, как некоторые из обезьяньих самок, которых он заметил прошлой ночью; вот где настоящая красота, вот где грация и женственность! Огромный благородный рот, милые желтые клыки и мягчайшие усы! Акут вздохнул. Затем он выпрямился

во весь рост и принялся прыгать взад и вперед по своей ветке, ибо даже такое никудышное существо, как эта самка Корака, должно было оценить по достоинству его прекрасное сложение и грациозную осанку.

Но бедная маленькая Мериэм только крепче прижималась к Кораку; одну минуту ей даже захотелось обратно в деревню, где условия существования были так знакомы и привычны. Обезьяна пугала ее; обезьяна была слишком велика и имела очень свирепый вид. В движениях Акута ей чудилась угроза: она не понимала, что он хотел понравиться ей; она не могла знать, что узы дружбы связывают это чудовище с богоподобным юношей, спасшим ее от шейха.

Вечер и ночь Мериэм была во власти нескончаемых страхов; Корак и Акут носились по деревьям в поисках добычи и вели девочку головокружительными путями. Один раз они спрятали ее в ветвях дерева, а сами начали подкрадываться к оленю; ей было очень страшно оставаться одной в населенных чудовищами джунглях, но ее страх обратился в ужас, когда она заметила, как мальчик и обезьяна прыгнули с ветвей на спину оленя и свалили его на землю; когда она услышала, как ее прекраснолицый спаситель издал дикое звериное ворчанье; когда она увидела, как его белые, крепкие зубы вонзились в трепещущее тело оленя.

Когда Корак вернулся обратно к Мериэм, его лицо, грудь и руки были запачканы кровью; он предложил ей огромный кусок теплого сырого мяса. Девочка в ужасе отшатнулась от него. По-видимому, Корака очень огорчило ее нежелание отведать мяса; он побежал в лес и принес ей сочных плодов. Девочка снова почувствовала благодарность и уважение к своему спасителю. Она наградила его нежной улыбкой. О, если бы она знала, что значила эта улыбка для одинокого мальчика, жаждавшего любви!

Когда пришло время устраиваться на ночь, Корак был очень озабочен: он боялся, что девочка во сне упадет с дерева; положить ее спать на землю нельзя, ее растерзают дикие звери. И мальчик уложил девочку на широкой ветке между собой и Акутом так, чтобы она не могла упасть и чтобы ей было тепло от их тел.

Мериэм долго не могла уснуть: ее страшила черная бездна, разверзавшаяся под нею, и косматое чудовище, лежавшее рядом; но в

конце концов природа взяла верх над этими страхами, и она забылась в глубоком сне.

Когда она проснулась, солнце было уже высоко на небе. Сначала она не могла решить, проснулась ли она или все еще грезит во сне. Ее голова сползла с плеча Корака, и взор ее упал на волосатую спину обезьяны. Она съежилась от страха. Затем она почувствовала, что кто-то держит ее, и, повернув голову, встретила улыбающийся взор юноши. Когда он улыбался ей, все ее страхи рассеивались. Она крепче прижалась к нему, чтобы быть подальше от ужасной обезьяны.

Корак заговорил с нею на языке обезьян. Но она покачала головой и отвечала ему по-арабски. Арабский язык был также незнаком ему, как ей обезьяний. Акут сел на суку и смотрел на них. Он понимал, что говорил Корак, а девочка издавала какие-то глупые звуки, непонятные и смешные. Акут не понимал, чем она так понравилась Кораку. Он долго и пристально смотрел на нее, внимательно следил за каждым ее движением, затем почесал голову, встал и отряхнулся.

Девочка опять испугалась его. Зверь видел, что она боится его и решил ее немножко попугать: пригнувшись к ветке, он протянул свою длинную косматую лапу, как бы собираясь схватить ее. Глаза у Акута были веселые: он забавлялся. Увлеченный своей шуткой, он не заметил, как у мальчика сузились зрачки, как тот втянул голову в широкие плечи, приготавливаясь к нападению. Едва лапа обезьяны коснулась девочкиной руки, как юноша внезапно вскочил на ноги и испустил короткое ворчание. Перед глазами Мериэм мелькнул кулак и сильно ударил по физиономии удивленного Акута. Акут перевернулся и полетел с дерева вниз.

Корак следил за его падением. Вдруг он услышал странный шорох в ближайших кустах. Девочка тоже посмотрела вниз. Но она не видела ничего, кроме рассерженной обезьяны, с ворчанием встававшей на задние лапы. Внезапно, как стрела из лука, куча пятнистого меха метнулась на спину Акута. То была Шита-пантера.

Х

ЖИЗНЬ ВТРОЕМ. — «МАНГАНИ ИДУТ!»

Когда пантера прыгнула на Акута, Мериэм вскрикнула от неожиданности и ужаса, но не потому, что она испугалась за судьбу обезьяны, а потому, что юноша, только что побивший это чудовище, собирался совершить безумный поступок.

Едва только появился хищник, Корак выхватил свой нож и, прыгнув вниз, повис на ветвях. В то мгновение, когда Шита готовилась вонзить свои острые клыки в тело обреченного Акута, Убийца вскочил ей прямо на спину.

Огромная кошка была поймана в момент прыжка, когда она еще не успела выдрать и клока шерсти из обезьяньей шкуры; с диким воем стала она кружиться, бросаться на спину, стараясь когтями и клыками поймать врага, впившегося зубами ей в затылок и не перестававшего колоть ей бок ударами ножа.

Акут, услышав внезапный шум у себя за спиной, с необычайной ловкостью для такого грузного зверя вскочил на дерево рядом с девочкой; но когда он увидел, что случилось, он мгновенно спрыгнул обратно на землю. Перед лицом опасности, угрожавшей его товарищу, он сразу позабыл недавнюю обиду и так же был готов без раздумья жертвовать собой ради друга, как Корак ради него.

В результате Шита, неожиданно для себя, оказалась между двух взбешенных зверей, которые с остервенением рвали ее на части. Крича, ворча и воя, кружились они втроем в кустах, заставляя дрожать на дереве единственного зрителя этой дикой сцены, маленькую Мериэм, испуганно прижимавшую Джикку к своей детской груди.

Нож мальчика решил исход сражения: пантера конвульсивно вздрогнула в последний раз и безжизненно растянулась в траве. Юноша и обезьяна встали на ноги, и их взоры скрестились над простертым трупом врага. Корак кивнул головой в сторону девочки.

— Не трогай ее больше, — сказал он, — она моя!

Акут молчал, глядя налитыми кровью глазами на труп Шиты. Затем он выпрямился, поднял взор к небесам и издал такой ужасный вой, что девочка снова вздрогнула и съежилась. Это был крик победы. Мальчик одну минуту безмолвно глядел на Акута. Затем он вскочил на

дерево и поспешил к девочке. Акут присоединился к ним. Несколько минут он зализывал свои раны. Затем он отправился искать себе завтрак.

В течение нескольких месяцев странная жизнь втроем протекала без особых происшествий. Вернее, не случилось ничего необыкновенного для юноши и обезьяны: для девочки это был непрерывный кошмар, длившийся много дней и недель, пока она не привыкла спокойно смотреть в безглавый лик смерти и перестала содрогаться при прикосновении ее холодной мантии. Постепенно она выучивалась единственному способу обмена мыслями со своими друзьями — языку обезьян. Гораздо быстрее постигла она искусство джунглей и, в конце концов, часто была им полезной — стояла на страже, пока они спали, помогала им находить след зверей и т. п. Акут разговаривал с ней только в случаях крайней необходимости, но по большей части старался ее избегать. Юноша был всегда добр к ней и готов был переносить ради нее какие угодно неудобства и лишения. Заметив, что она страдает от ночного холода и сырости и что ей очень неудобно спать, он построил для нее маленький шалаш в ветвях испанского дерева. Там маленькая Мериэм спала в тепле, уюте и безопасности. Убийца и обезьяна спали поблизости на голых ветвях. Корак часто устраивался у самого входа в шалаш, чтобы охранять свою подругу от хищных зверей. Шалаш был очень высоко над землей, и им не приходилось бояться Шиты. Но им могла угрожать опасность от Хисты-змеи и от павиана, жившего неподалеку и всегда скалившего зубы при встрече с ними.

С постройкой шалаша их бродяжья жизнь окончилась. К ночи они должны были возвращаться к своему дереву. Река протекала рядом; дичи, плодов и рыбы было кругом в изобилии. Их жизнь протекала в той повседневной суете, которой живут все дикие: они либо искали чего бы поесть, либо спали. Они никогда не думали о завтрашнем дне.

Когда юноше приходила на память его прежняя жизнь в далекой культурной столице, ему казалось, что там жил не он, а какое-то другое существо; он совершенно не надеялся вернуться когда-нибудь в культурные страны. Ибо, стараясь избегать тех, с кем он когда-то хотел подружиться, он зашел так далеко в глубь дикого материка, что чувствовал себя теперь навсегда похороненным в джунглях.

Кроме того, с появлением Мериэм, он обрел то, чего ему больше всего недоставало в джунглях — товарища-человека. В его дружбе с девочкой не было никакого оттенка чувственности: они были друзьями, товарищами — не больше. Они относились друг к другу как два мальчика, если не считать немного внимания и покровительства, которое инстинктивно оказывал ей Корака.

Девочка боготворила его, как боготворила бы преданного брата. Любви они оба не знали; но, по мере того, как юноша становился старше, было ясно, что и его посетит любовь, как всякого другого самца в диких джунглях.

В джунглях у них было много знакомых. Маленькие мартышки часто собирались вокруг них поболтать и попрыгать. Акута они очень боялись и держались от него в стороне. Корака они боялись меньше, но, когда мужчины уходили, мартышки подходили к Мериэм близко-близко, рассматривали ее украшения и играли с Джикой, которая очень забавляла их. Девочка веселилась с мартышками и кормила их. Они развлекали ее в долгие часы, когда Корака не было дома.

Кукла Джика совершенно изменилась с тех пор, как ее маленькая мама покинула деревню шейха. Теперь она была одета так же, как и Мериэм: платье ее составлял лоскуток леопардовой шкуры, прикрывавший ее с плеч до колен. Несколько травинок, вставленных в сбившийся ком волос, заменяли ей перья. Такие же травинки на руках и ногах служили ей браслетами. Джика стала настоящей дикаркой. Но сердце у нее не изменилось: она осталась такой же внимательной слушательницей, как и раньше. Ее драгоценным качеством было то, что она никогда не перебивала и ничего не рассказывала о себе.

Сегодня было все так же, как всегда. В течение часа Джика внимательно слушала Мериэм. Кукла сидела, прислонившись к стволу дерева, а ее хозяйка с кошачьей грацией лежала перед ней на толстой ветке.

— Маленькая Джика, — говорила Мериэм, — наш Корака ушел надолго. Скучно и тоскливо в джунглях, когда с нами нет Корака. Что он принесет нам сегодня? Еще один блестящий браслет для моей ноги? Или мягкий замшевый пояс, который он отнимет у чернокожей женщины? Он говорит, что ему гораздо труднее отнять украшения у женщины, чем у мужчины, потому что женщин он не убивает. Женщины борются с ним и кричат; на их крики прибегают мужчины с

копьями и стрелами; Кораку приходится взбираться на дерево. Иногда он тащит за собой на дерево и женщину и там отнимает у нее украшения для Мериэм. Он говорит, что негры стали бояться его и когда он появляется, все — и мужчины, и женщины — прячутся в своих хижинах. Но он и туда бежит за ними и редко возвращается, не достав стрел для себя и подарков для Мериэм. Корака в джунглях — могучий владыка, это — наш Корака, нет, мой Корака, мой, мой, мой!

Маленькая испуганная мартышка вскочила ей на плечо и оборвала ее излияния:

— Спасайся скорее! — кричала она. — Мангани, Мангани идут!

Мериэм лениво взглянула через плечо на суетливую нарушительницу ее покоя.

— Спасайся сама, маленькая Ману, — сказала она. — Корака и Акут — единственные Мангани в наших джунглях; это они возвращаются с охоты. Ты когда-нибудь увидишь свою тень, маленькая Ману, и перепугаешься до смерти.

Но мартышка закричала еще громче и проворно полезла вверх, к тонким веткам, куда не может добраться Мангани, большая обезьяна.

Мериэм слышала, что кто-то приближался, карабкаясь по ветвям. Она внимательно прислушалась: приближались двое — две больших обезьяны, конечно, Корака и Акут. Для нее Корака был тоже большой обезьяной, Мангани — так они трое всегда называли себя. Человек был их врагом, и они не считали себя больше принадлежащими к человеческому племени. Тармангани, или большую белую обезьяну, как назывался белый человек на их языке, км вообще не приходилось встречать. К Гомангани, большим черным обезьянам, или неграм, никто из них не принадлежал, — так что они звали себя просто Мангани.

Мериэм решила притвориться спящей и подшутить над Кораком. Она легла на спину и крепко закрыла глаза. Она слышала, как они подходят ближе и ближе. Они подошли к самому дереву и вдруг остановились, должно быть, заметили ее; но почему они стоят так тихо? Почему Корака не здоровался с ней, как всегда? Молчание начинало ей казаться подозрительным. Быть может, Корака тихо хочет подшутить над ней? Что же, она перехитрит его! Она чуть-чуть приоткрыла глаза, — и сердце у нее замерло. Огромная обезьяна,

чужая обезьяна, какой она никогда не видела, бесшумно подкрадывалась к ней. За ее спиной виднелась вторая...

С ловкостью белки вскочила Мериэм на ноги. Обезьяна кинулась за ней. Прыгая с ветки на ветку, девочка полетела по джунглям. За ней неслись две огромные обезьяны. Над ними, по верхушкам деревьев, с визгом и писком мчались мартышки, швыряя ветками в Мангани и подбодряя девочку.

С дерева на дерево прыгала Мериэм, стараясь держаться на тоненьких ветках, где не могли пройти ее преследователи. Обезьяны гнались за ней все быстрее и быстрее. Пальцы их уже не раз касались ее, но она ускользала от них, делая самые рискованные прыжки.

Она постепенно пробиралась к верхушкам деревьев. Только бы ей добраться до верхних веток, — и она спасена! Но вдруг, после одного из самых безумных прыжков, ветка под ней подломилась, и она полетела вниз. Ей не раз приходилось падать, и она не боялась падения. Ее огорчало другое: теперь ей не удастся так скоро добраться до верхушки дерева. Ее падение остановил толстый сук, и она за него зацепилась; не медля ни секунды, она вскарабкалась на ветвь и хотела броситься дальше, но в этот момент грузная фигура обезьяны спрыгнула сверху и очутилась рядом с ней. Длинная, волосатая рука обхватила ее талию.

Почти одновременно подбежала вторая обезьяна. Она протянула лапу к Мериэм, но ее похититель, крепко сжимая свою добычу, оскалил зубы и угрожающе зарычал. Мериэм старалась вырваться из цепких объятий: она била кулаками по лохматой груди, по заросшей шерстью щеке. Она вонзила свои крепкие зубы в руку чудовища. Обезьяна ударила ее злобно по лицу, не отворачивая оскаленной морды от своего товарища, который, по-видимому, оспаривал у нее добычу.

Обезьяне, поймавшей Мериэм, было неудобно сражаться на шатком суку. Не выпуская своей жертвы, она спрыгнула на землю. Вторая обезьяна последовала за ней, и они сцепились в яростной схватке. Девочка, пользуясь их ссорой, несколько раз пыталась ускользнуть, но всякий раз, оставив на время свою дуэль, они бросались за ней и ловили ее.

Она не раз получала удары, которые они предназначали друг для друга. Наконец, она упала на траву без чувств. А рядом две обезьяны

дико бились с бешеным ревом.

Над ними благим матом кричали мартышки, шмыгая вверх и вниз по деревьям. Птицы с причудливым оперением слетелись смотреть на сражение. Где-то вдали завыл лев.

Обезьяны катались по земле и рвали друг друга на части. Их лапы сплетались, как руки борющихся людей. Клыки разрывали мясо. Кровь стекала по косматым телам, и земля кругом стала красной.

Мериэм без сознания лежала на земле. Наконец, одна обезьяна стала одолевать, и бойцы упали на землю в последний раз. Несколько минут обезьяны лежали неподвижно. Только одна из них встала после этих объятий; глубокая, кровавая рана зияла у нее на шее. Она принялась медленно похаживать между девочкой и своим поверженным врагом; она попирала его ногами, испуская дикое ворчанье. Мартышки с визгом разбежались. Лев снова завыл вдалеке.

Обезьяна подошла к Мериэм и прислушалась, дышит ли девочка. Девочка была жива. Мартышки стали постепенно возвращаться; они глядели на победителя сверху, отчаянно кривляясь и визжа.

Обезьяна зарычала на них, оскалив клыки; затем она подняла девочку, перекинула ее через плечо и понесла по джунглям.

Мартышки следовали за ней.

XI

ЛЮБОВЬ И БОРЬБА

Когда Корака вернулся с добычей с охоты, он услышал над головой тревожную болтовню мартышек. О чем они тараторят? Что случилось? Наверное, какая-нибудь неосторожная обезьянка попала в холодные объятия удава. Юноша поспешил наверх. Мартышки — любимцы Мериэм; Корака всегда рад помочь им. Он быстро скакал по деревьям. На дереве, где был шалаш Мериэм, он положил свою добычу и громко позвал девочку. Ответа не было. Он спустился ниже. Может быть, девочка спряталась в нижних ветвях?

На толстом суку, на котором любила качаться Мериэм, одиноко сидела Джика, прислонившись к стволу. Что это значит? Мериэм никогда не оставляла свою Джика. Корака взял куклу и сунул ее за пояс. Он громче позвал Мериэм, но Мериэм не отвечала. Визгливая стая мартышек убегала все дальше и дальше, и теперь Корака едва различал их пронзительные, беспокойные крики.

Быть может, есть какая-нибудь связь между тревогой маленьких Ману и непонятным исчезновением Мериэм? Не дожидаясь Акута, который еще не вернулся с охоты, Корака помчался по ветвям догонять возбужденную ватагу мартышек. Он догнал их скоро. Увидя Корака, мартышки завизжали, замахали руками и стали указывать вниз. Он взглянул и понял причину их тревожных криков.

Сердце у юноши замерло, когда он увидел гибкое тело девочки на волосатом плече у большой обезьяны. — Мертвая! — с ужасом подумал он, и в ту же секунду в его душе проснулось новое, незнакомое чувство. Он сам не понимал, что с ним; но он чувствовал, что весь мир заключен для него в этом хрупком, маленьком, нежном тельце, которое так беспомощно, так жалко свисает с могучего плеча обезьяны.

Разве может он жить без Мериэм? Мериэм — его солнце, его луна, его звезды. Мериэм умерла — для него умер свет, умерла ласка, умерло счастье. Стон вырвался из его груди. Затем с рычанием дикого зверя он как стрела помчался за гнусным похитителем.

При звуке угрожающего рева обезьяна оглянулась. Бешенство зажглось в глазах Убийцы, потому что в похитителе он узнал царя

обезьян, того самого царя обезьян, который так жестоко прогнал его, сына Тарзана, когда он всею душою желал побрататься с племенем больших человекообразных.

Царь обезьян положил девочку на траву и приготовился биться за свою драгоценную добычу. Он узнал Корака и был уверен, что легко справиться с ним. Разве он не прогнал мальчишку с круглой поляны, даже не прибегнув к зубам? Зверь втянул голову в плечи и бросился на гладкокожую тварь, у которой хватило наглости оспаривать у царя его добычу.

Они, как два разъяренных буйвола, повалились на траву в смертельной схватке. Корак позабыл о своем ноже: только вкус вражьего мяса, разрываемого алчными челюстями, только потоки горячей крови, обгаряющие обнаженное тело, могли утолить его бешенство. Корак-Убийца не знал, что им руководит не мстительность, не злоба, а более могучее чувство — чувство самца, который бьется с соперником за свою самку.

Царь обезьян не рассчитал нападения и, прежде чем он успел опомниться, Корак сжал его в своих железных объятиях.

Зажмурив глаза в безумном исступлении, юноша искал пальцами волосатую глотку зверя.

В эту минуту Мериэм очнулась. Широко раскрытыми глазами она глядела на разъяренных бойцов.

— Корак! — вскричала она. — Корак! Милый Корак! Я знала, что ты спасешь меня! Убей его, Корак, убей его!

Тяжело дыша, с горящими глазами, она вскочила на ноги и подбежала к Кораку. В траве валялось копьё, брошенное Убийцей. Девочка заметила его. Не бледнея, наблюдала она эту страшную, первобытную схватку. От нервного потрясения, которое она перенесла, когда за ней гналась обезьяна, не осталось и следа. Она была возбуждена, но не чувствовала ни волнения, ни страха. Ее Корак сражался с другим Мангани, который хотел ее украсть, но Мериэм не прыгнула на дерево, чтобы издали, с высокой ветви, в безопасности следить за ходом битвы, как поступила бы самка Мангани. Нет, она схватила копьё и, выбрав удачный момент, вонзила его прямо в сердце дикому зверю. Корак не нуждался в ее помощи, так как царь обезьян уже лежал в последнем издыхании, с перегрызенной глоткой, но, поднявшись на ноги, он с улыбкой поблагодарил свою союзницу.

Какая она красивая и стройная. Неужели она так преобразилась за несколько часов его отсутствия? Или, быть может, схватка с обезьяной сделала его столь впечатлительным? Новая Мериэм явилась его восхищенному взору. И от нервного напряжения он стал видеть все окружающее в ином свете. Сколько дней прошло с тех пор, как он унес маленькую арабскую девочку из ее родной деревушки? Он не знал этого; в джунглях никто не считает времени, и он не замечал уходящих дней. Но теперь он внезапно увидел, как мало эта Мериэм похожа на ту маленькую девочку, которая когда-то няньчилась с Джикой, под тенью высокого дерева, у ограды селения. Наверное, перемена совершалась с большой постепенностью, если он так долго не замечал ее. Что же заставило его теперь так внезапно заметить эту перемену? Его взгляд перебегал с девочки на тело убитого зверя. И вдруг он разгадал истинную причину похищения девочки; его глаза широко раскрылись от внезапно блеснувшей мысли, а затем засверкали от ярости, когда он взглянул на гнусного хищника. Он снова посмотрел на Мериэм, и густая краска залила его щеки. Да, конечно, он смотрел на нее теперь другими глазами — глазами мужчины, который смотрит на женщину.

Пока они стояли, возбужденные, над трупом убитого врага, Акут вернулся с охоты. Увидев поверженного царя обезьян, он с победным рычаньем бросился к трупу, вскочил на него и принялся издеваться над павшим врагом, чванливо выпячивая грудь и кривя свои длинные подвижные губы; шерсть встала на нем дыбом. Он не обращал никакого внимания на Мериэм и Корака. В глубине его сознания зашевелились какие-то давно забытые ощущения, когда он глядел на распростертое тело сородича и втягивал в себя его запах. Животная ярость Акута была только внешним проявлением просыпавшихся в нем чувств, но внутренние ощущения старой обезьяны были совсем иные и притом щекочуще-приятные.

Запах убитой обезьяны и ее огромное волосатое тело пробудили в сердце у Акута страстную тоску по родному племени. Не одному только Кораку приходилось переживать в эти минуты глубокое душевное волнение.

А Мериэм? Мериэм была женщина... Любовь — божественное право женщины. Мериэм всегда любила Корака; но для нее он был старшим братом — и только. Она не испытывала сердечного трепета.

Она любила его по-прежнему, как сестра любит нежного брата, с ним она чувствовала себя счастливой, она очень гордилась им. Разве был кто-нибудь в джунглях сильнее, красивее, отважнее его?

Корак близко подошел к девушке. Новый огонек вспыхнул в его глазах, но Мериэм не поняла его значения. Она еще не могла осознать, что для них обоих пришла пора зрелости, и не подозревала, какую великую перемену в их жизни предвещает новый огонь, запылавший во взгляде у юноши.

— Мериэм! — хрипло прошептал Корак и положил сильную, загорелую руку на ее обнаженное плечо. — Мериэм! — он прижал ее к груди. Она, смеясь, подняла голову и взглянула на него, а он наклонился и поцеловал ее прямо в губы. Она все еще не понимала; она не могла припомнить, чтобы ее когда-нибудь кто-нибудь до сих пор целовал. Ей это показалось очень приятным. Мериэм подумала, что Корак хочет таким способом выразить свою радость; ведь обезьяне не удалось унести Мериэм! Мериэм тоже была рада, и потому она обвила руками шею Убийцы и несколько раз поцеловала его. Потом, заметив свою куклу за поясом у юноши, она схватила ее, прижала к груди и стала осыпать ее лицо такими же поцелуями, какими только что осыпала лицо Корака...

Корак хотел что-то сказать. Он хотел объяснить Мериэм, как он любит ее, но он был так потрясен внезапно нахлынувшим чувством, что не мог говорить... Да и помимо того, в лексиконе Мангани не хватало для этого слов...

Вдруг Акут глухо, предостерегающе зарычал. Корак оторвался от дорогого лица. В нем сразу проснулись привычные ощущения дикого обитателя джунглей. Он весь насторожился. Его ноздри втягивали воздух. Что-то случилось!

Корак подошел ближе к Акуту. Мериэм стояла позади. Все трое не двигались и напряженно вглядывались в густую листву. Треск веток, который привлек их внимание, слышался все ближе и ближе, и вдруг из зарослей выскочила большая обезьяна: увидя их, она остановилась в нескольких шагах от места, где они стояли, и издала глухое, угрожающее рычание: через минуту из кустов выскочил другой самец, а за ним стали появляться и еще самцы и самки с детенышами — всего десятка три больших человекообразных; они полукругом обступили Мериэм, Акута и Убийцу. Это было племя убитого царя.

Акут заговорил первый.

— Корака, могучий боец, убил вашего царя! — прорычал он, указывая на мертвое тело. — Нет никого в джунглях более великого, более сильного, чем Корака, сын Тарзана! Теперь Корака — царь вашего племени. Кто из вас скажет о себе, что он сильнее Корака?

Это был вызов всем, кто осмелился бы оспаривать права Корака на царское звание. Обезьяны заволновались, забормотали; затем молодой самец выступил вперед, переваливаясь на толстых коротких ногах. Он оцетинил шерсть, оскалил зубы и свирепо зарычал.

Это был зверь огромных размеров, в полном расцвете сил. Он принадлежал к тому редкостному типу обезьян, который очень высоко ценится белыми людьми. Белые совершают специальные, иной раз труднейшие экспедиции в самые неприступные чащи джунглей, чтобы добыть такую обезьяну. Даже туземцам редко удается увидеть этих могучих, волосатых первобытных людей.

Корака выступил вперед, чтобы грудью встретить чудовище. Он грозно рычал. В его мозгу быстро созрел план действий. Схватиться с этим здоровенным зверем сейчас же после трудной и ожесточенной борьбы с царем Корака не мог; у него не хватило бы сил. Он должен добиться победы другим более доступным ему путем.

Он пригнулся к земле, готовый встретить врага; ему пришлось, однако, немного подождать: его противник для назидания зрителей, а также для того, чтобы устрашить Корака, счел необходимым перечислить все свои великие подвиги, описать свое могущество и вкратце изложить свои намерения по отношению к ничтожному Тармангани, которого он собирался примерно наказать; окончив свою речь, самец приступил к боевым действиям. Со скоростью курьерского поезда он ринулся на спокойно стоящего Корака. Кулаки обезьяны были сжаты, а пасть широко раскрыта. Корака не двигался, пока длинные руки не потянулись, чтобы обхватить его стан. Тогда юноша проскользнул под протянутыми руками зверя, по пути нанес ему страшный удар в верхнюю челюсть и отскочил в сторону, а разогнавшийся самец пролетел мимо, и его волосатое тело тяжело рухнуло на землю.

Взбешенный зверь взметнулся, чтобы мгновенно вскочить на ноги. Пена покрывала его губы; маленькие глазки налились кровью; кровавая слюна с храпом вырывалась из его пасти. Но Корака стоял над

поверженной обезьяной, и в ту секунду, когда косматая морда поднялась над землей, нанес ему второй удар. Зверь снова упал в траву.

Опять и опять пробовал подниматься с земли самец, но снова могучий кулак Тармангани опрокидывал его на землю. Слабее и слабее становились усилия зверя. Кровь залила ему лицо и грудь. Багровый поток хлынул из носа и изо рта. Толпа, которая раньше подбадривала его сочувственным ревом, теперь осыпала его издевательствами. Симпатии его сородичей перешли на сторону Тармангани.

— Ка-года? — спросил Корака, еще раз опрокидывая на землю самца.

Опять упрямый самец попытался подняться на ноги. И еще раз могучий удар поверг его обратно в траву.

— Ка-года? — спросил Корака. Это значило на обезьяньем языке: сдаешься?

Одну минуту зверь лежал неподвижно, тяжело дыша. Потом с искривленных губ слетело единственное слово: ка-года.

— Вставай и убирайся к своим! — сказал Корака. — Я не желаю быть царем того племени, которое когда-то прогнало меня. Идите своей дорогой, а мы пойдем своей. Быть может, мы будем друзьями, но быть вашим царем я не желаю.

Старый самец медленно приблизился к Кораку.

— Ты убил нашего царя, — сказал он. — Ты победил того, кто мог бы сделаться нашим царем. Ты из милости сохранил ему жизнь. Кто же будет управлять нами?

Корака указал на Акута.

— Вот ваш царь! — сказал он.

Но Акут не хотел расставаться с Кораком, хотя его очень тянуло вернуться к родному народу. Он стал упрашивать Корака поселиться среди обезьян.

Юноша молчал. Он думал о Мериэм. Где ей будет лучше? Где она будет в большей безопасности? Если Акут уйдет к обезьянам, Кораку придется одному, без посторонней помощи охранять Мериэм. Это очень трудно. Если, с другой стороны, он и Мериэм присоединятся к обезьяньему племени, разве сможет Корака спокойно уходить на охоту, оставляя Мериэм одну среди человекообразных? Обезьяны не умеют сдерживать свои дикие страсти. Какая-нибудь самка может из ревности

воспылать злобой к стройной белой девушке и убить ее во время отсутствия Корака.

— Мы будем жить по соседству, недалеко от вас, — наконец сказал Корак. — Когда вы перекочуете на новое место, я и Мериэм перекочуем за вами. Мы всегда будем устраиваться поблизости от вас. Но жить среди вас мы не будем.

Акут не соглашался. Ему не хотелось расстаться с Кораком. Он наотрез отказался вернуться к родному народу; но когда он увидел, как последняя обезьяна исчезает в густых ветвях, когда он увидел нежные взгляды, которые бросила на него молодая самка убитого царя, голос крови заглушил все остальные чувства, и, бросив прощальный взгляд на любимого Корака, Акут ринулся за красивой самкой в темные заросли первобытного леса.

* * *

Когда Корак ушел из негритянской деревни по окончании своей хищнической экспедиции, вопли обобранной им жертвы и прочих женщин и детей заставили встревоженных воинов бросить рыбную ловлю и охоту и поспешить в деревню. Бешенство овладело дикарями, когда они узнали, что белый дьявол опять ворвался в их хижины, до смерти перепугал их жен, украл стрелы, снял с одной из женщин дорогие украшения и разграбил склады съестных припасов.

Они испытывали суеверный ужас перед этим лесным духом, который охотился в сопровождении огромной обезьяны; но их злоба была так велика, что они побороли свои страхи и решили отомстить ему и навсегда избавить джунгли от его зловредного присутствия.

Через несколько минут два десятка разъяренных чернокожих воинов, самых храбрых и проворных из всего племени, пустились в погоню за Кораком и Акутом.

Корак и Акут лениво и медленно перепрыгивали с дерева на дерево. Они не думали о погоне и даже не оглядывались назад. Эта беспечность была понятна: им столько раз безнаказанно сходили с рук их разбойничьи проделки, что они привыкли презрительно относиться к дикарям. Ветер дул им в лицо, и потому они не чувствовали запаха преследователей. Они беззаботно возвращались домой, не догадываясь, что разъяренные дикари, которым не хуже их были

известны все лесные дороги, с настойчивостью гончих следуют за ними по пятам.

Отрядом воинов предводительствовал Ковуду, опытный старый дикарь, который славился среди своего племени хитростью и отвагой. Ковуду напряг все свои душевные силы и способности, и его наблюдательность, нюх и быстрый ум оказали ему блестящую услугу: ему удалось, наконец, напасть на след разбойника.

Шум битвы привел дикарей на поляну, где в это время Корака сражался с царем обезьян. Ковуду был так удивлен, увидев рядом с убийцей прекрасную белую девушку, что не сразу отдал приказ нападать. В эту минуту появились большие обезьяны; черным воинам пришлось временно воздержаться от нападения, и они сделались невольными свидетелями битвы Корака с молодым самцом.

Но большие обезьяны ушли; белый юноша и белая девушка остались одни среди джунглей.

— Смотри, — зашептал один чернокожий, наклонившись над ухом вождя и указывая на какой-то деревянный предмет, который девушка прижимала к груди. — Когда я и мой брат были рабами в арабской деревне, брат вырезал из дерева эту вещицу и подарил ее маленькой дочке шейха. Она целыми днями возилась с этой деревяшкой. И прозвала ее Джикой, — так зовут моего брата. За несколько дней до нашего побега, какой-то дьявол избил шейха и утащил его дочь с собой. Если это она, за нее можно получить большой выкуп у шейха.

Корак обнял Мериэм. У него билось от любви сердце, и кровь шумела в ушах. Он уже не помнил цивилизованного мира, Лондон отошел от него так же далеко, как древний Рим. Во всей вселенной существовали теперь только двое — Корак-Убийца и Мериэм, его самка. Он прижал ее к себе и покрыл ее лицо страстными поцелуями.

Вдруг перед ним разверзся ад: черные воины с победными криками бросились на поляну.

Корак вздрогнул, выпрямился и мгновенно приготовился к битве. Мериэм со своим собственным маленьким легким копьем встала рядом с юношей. Туча стрел полетела в них. Одна стрела попала Кораку в плечо, две вонзились ему в ногу. Он упал на землю.

Мериэм была невредима. Дикари не хотели ранить ее. Воины бросились к Кораку, чтобы прикончить его и овладеть девушкой, но в

эту секунду Акут выскочил из-за кустов, а за ним целое стадо его новых подданных.

С воем и неистовым рычанием налетели обезьяны на чернокожих воинов. Ковуду понял, что схватка с этими мощными человекоподобными вряд ли увенчает его армию новыми лаврами, и предпочел бежать. Он схватил девочку и отдал приказ солдатам, чтобы они отступали. Но отступать было не так-то легко. Обезьяны яростно преследовали бегущих, нескольких искалечили, одного задушили. К счастью для чернокожих солдат, Акут удержал своих подданных от дальнейшей погони. Судьба похищенной девочки мало волновала его; гораздо больше тревоги внушала ему рана Корака. До девочки ему не было дела. Он всегда считал ее лишней обузой.

Корак лежал на земле, истекая кровью. Он был в беспомощности. Акут тотчас же принялся зализывать его раны, потом взвалил его к себе на плечи и унес наверх, в то убежище, которое Корак соорудил для своей подруги. Что еще мог сделать дикий зверь? Природа должна была довершить остальное и излечить раненого, или же Корак должен был умереть.

Но он не умер. Беспомощнее малого ребенка он лежал у себя наверху: его била жестокая лихорадка. Акут и другие обезьяны принимали все меры, чтобы защитить его от назойливых птиц и зверей. Иногда Акут приносил ему сочные плоды, чтобы раненый мог утолить жажду. В конце концов могучий организм победил. Раны, нанесенные острыми стрелами, стали затягиваться. К Кораку вернулась прежняя сила.

В те минуты, когда к нему возвращалось сознание, он страдал не столько от боли, сколько от тревожных мыслей о судьбе Мериэм. Он лежал в ее уютном гнездышке на мягких звериных шкурах и думал только о ней. Где она? Что с нею случилось? Он должен выздороветь ради нее. Ради нее он должен снова сделаться сильным, чтобы разыскать ее и защитить от врагов. Что сделали с нею чернокожие? Жива ли она? Неужели эти мучители, которые с таким сладострастием терзают человеческое тело, уже погубили ее? Увы, Корак слишком хорошо знал жестокие нравы этого племени. Временами он буквально дрожал от ужаса: его умственному взору рисовались самые свирепые пытки, которым могла подвергнуться его любимая девушка.

Томительной чередой тянулись дни, юноша выздоравливал медленно. И прошло немало времени, пока, наконец, он настолько окреп, что мог без посторонней помощи выползть из гнезда и спускаться вниз на землю. Питался он в эти дни почти исключительно сырым мясом, которое добывал ему Акут. Эта здоровая мясная пища ускорила его выздоровление, и в один прекрасный день он почувствовал, что у него достаточно сил, чтобы добраться до деревни чернокожих.

ХП

ПО СЛЕДАМ МЕРИЭМ

Два белых человека — высокие, длиннородые — осторожно пробирались по джунглям. Их лагерь был расположен на берегу широкой реки, но они уходили все дальше от лагеря в чащу.

Один из них был Карл Иенсен, другой — Свэн Мальбин. Их наружность мало изменилась, хотя прошло уже несколько лет с того дня, когда они пережили такой жестокий испуг, встретившись лицом к лицу с Кораком и Акутом. Корака искал тогда у них приюта и убежища, но они и их сафари пришли в панический ужас и прогнали бездомного, жаждущего ласки ребенка.

С тех пор они каждый год регулярно приходили в джунгли — либо торговать с туземцами, либо грабить их. Они охотились и ставили западни, а порою служили проводниками для других белых людей, так как всю эту местность они знали отлично. После того, как им не удалась их махинация с похищением девочки, они старались держаться подальше от территории шейха.

Теперь они опять подошли к его селению. И притом довольно близко. Так близко им еще не случалось приближаться сюда за это время. Но все же они были в безопасности, так как местность, смежная с владениями шейха, была совершенно безлюдна. Кроме того, племя Ковуду питало острую ненависть к шейху; этот хищник в былые годы часто совершал на местное племя набеги и однажды чуть было не истребил его совсем до последнего человека.

Теперь они явились в джунгли, чтобы ставить ловушки для диких зверей. У них было поручение от одного из крупных зоологических садов в Европе достать живые экземпляры некоторых африканских животных. Сегодня оба шведа направлялись к западне, которую они поставили специально для поимки крупных павианов. Еще издали они услышали дикие крики обезьян и поняли, что их надежды сбылись: павиан пойман. Оттого-то так визжат и лают сотни павианов, собравшихся вокруг западни. Очевидно, они выражают свой гнев по поводу беды, приключившейся с их товарищем.

Приблизившись к западне, охотники убедились, что дело обстоит именно так. Огромный самец в неистовой ярости метался по клетке,

пытаясь выломать стальную решетку. А вокруг клетки столпилось множество других павианов, которые с верещанием, ревом и лаем предпринимали целый ряд самых нелепых попыток высвободить его из тюрьмы. Шум стоял невообразимый.

Но ни шведы, ни павианы не заметили, что в листве одного из окрестных деревьев прячется голая фигура подростка. Корака (это был он) подошел к этому месту почти в одно время с Иенсенем и Мальбином и с величайшим любопытством следил за действиями и возней рассерженных павианов.

Нельзя сказать, чтобы отношение Корака к павианам отличалось до сих пор излишней нежностью. При случайных встречах с павианами он держался вооруженного нейтралитета — и только. Акут и павианы, сталкиваясь в джунглях, обычно настораживались и принимались рычать, а Корака, на всякий случай, обнажал свои острые зубы. Поэтому он был не слишком взволнован пленением павианьего царя. Не столько сочувствие, сколько любопытство заставило его остановиться неподалеку от клетки.

Вдруг его быстрые глаза приметили тут же за ближайшим кустом двух белых людей в одежде непривычного цвета.

Он так и встрепенулся. Кто они такие? Кто позволил им вторгаться во владения Мангани? Что они делают тут? Корака неслышно соскользнул на нижние ветви, чтобы внюхаться в запах белых людей и лучше рассмотреть их лица. Спустившись ниже, он мгновенно узнал их обоих: это были те самые люди, которые несколько лет тому назад встретили его ружейными выстрелами. У юноши засверкали глаза. Он почувствовал, что волосы поднялись у него на голове. Он весь съежился, подобрался и принялся следить за каждым движением белых с тем напряженным вниманием, с каким пантера наблюдает за добычей перед тем, как прыгнуть на нее.

Вот белые люди вскочили, подбежали к клетке и пробуют спугнуть павианов криками. Вот один из них поднимает ружье и стреляет в самую середину изумленной и взбешенной стаи. В первую минуту Кораку показалось, что павианы кинутся на охотников и растерзают их в клочья, но после третьего выстрела павианы помчались очертя голову в лес. Тогда европейцы приблизились к клетке. Корака думал, что они намерены убить павианьего царя. К этому царю он не чувствовал жалости, но еще меньше жалости он чувствовал к двум

европейцам. Павианий царь никогда не пытался убить Корака, а эти люди пытались. Павианий царь был законным гражданином джунглей, а эти люди были здесь чужаками. Корак был безусловно на стороне павиана.

Он обернулся назад и увидел, что павианы не убежали отсюда совсем, а столпились на дальнем конце лужайки и ждут, что будет дальше?

Корак громко окликнул их. Он мог свободно объясняться на павианьем наречии: это почти тот же язык, что и у больших обезьян. Белые люди оглянулись: кто это кричит у них за спиной? Они думали, что это какой-нибудь другой павиан, который подкрался к ним сзади. Но как они ни всматривались, они не увидели Корака: густая листва хорошо прикрывала его. Несколько минут он сидел молча, а потом крикнул опять.

— Я — Убийца! Эти люди — враги! И мои враги, и ваши! Я помогу вам спасти вашего царя! Следите за мной, и чуть я наброшусь на этих людей, набрасывайтесь и вы, все разом. Мы прогоним их и выручим вождя!

И хором закричали павианы:

— Мы сделаем, как ты сказал, Корак!

Соскочив с дерева, Корак бросился на шведов, и в ту же минуту все триста павианов последовали его примеру. Иенсен и Мальбин, увидев странную фигуру полуголового белого воина, бегущего прямо на них с поднятым копьём, выстрелили оба сразу в него. Но они были так ошеломлены неожиданностью, что промахнулись. А тем временем павианы с яростными воплями налетели на них бешеной ордой. Шведы пустились бежать, отбиваясь на бегу от нападающих. Звери хватили их сзади; белые отчаянно оборонялись и как сумасшедшие бежали по направлению к чаще. И ни за что бы не спастись белым пришельцам, если бы к ним на выручку не подоспел отряд их вооруженных товарищей.

Увидев, что белые пустились бежать, Корак перестал интересоваться их дальнейшей судьбой. Все его помыслы были теперь обращены к павиану, которого надо было освободить из клетки. Обезьяны своим убогим рассудком не могли додуматься, как им отодвинуть железные засовы западни, но для человеческого мозга Корака здесь не было ни малейшей трудности. Он тронул две-три

скрепы — и дело было сделано! Павианий владыка был свободен! Освобожденный павиан и не думал рассыпаться перед Кораком в благодарностях, да Корака и не ожидал благодарностей. Он и без того знал, что ни один из павианов никогда не забудет оказанного одолжения, хотя, в сущности, это было ему безразлично. То, что он сделал, он сделал не для того, чтобы угодить павианам, а для того, чтобы отомстить белым людям. О павианах он не заботился. Что ему павианы? Какую пользу они могут ему принести? Теперь все они убежали туда, где шла ожесточенная битва между их родичами и отрядом белых незнакомцев. Бой понемногу умолкал в отдалении; Корака, не интересуясь исходом этого боя, двинулся дальше по направлению к деревне Ковуду.

По дороге, на одной из лесных лужаек, ему попалось стадо слонов. Так как в этом месте деревья стояли слишком далеко одно от другого, Корака не мог путешествовать, прыгая по веткам деревьев. Прыгать по верхним веткам он любил больше всего: во-первых, оттуда, с высоты, видны большие пространства; во-вторых, там не царапают нижние заросли; а главное, Кораку было чрезвычайно приятно проявлять свою ловкость и силу. Какая безумная радость носиться над вершинами деревьев, испытывать силу своих удивительных мускулов, наслаждаться свободой! Как весело было Кораку мчаться по верхним террасам великого леса безо всяких остановок и преград, издеваясь над тяжеловесными большими зверями, которым всю жизнь приходилось корпеть там, внизу, на земле, в темноте, в тесноте и в болоте...

Но здесь, на открытой лужайке, где Тантор хлопал своими большими ушами и раскачивался всем туловищем вправо и влево, человек-обезьяна должен был поневоле спуститься на землю — пигмей среди гигантов! Огромный слон, уловив запах пришельца, поднял хобот и хотел издать тихий предостерегающий звук. Обоняние у него было прекрасное, слух тоже отличался большой остротой, но зрение было слабое: напрасно суетились его маленькие глазки, они не могли разглядеть, где Корака. Все стадо слонов беспокойно задвигалось и приготовилось к бою... Их старейшина уловил запах человека.

— Успокойся, Тантор! — крикнул Корака. — Это я, Корака Тармангани.

При этих словах старый слон опустил свой хобот, и все стадо возобновило опять свои прерванные размышления. Всего только один шаг отделял Корака от старого слона. Корака прошел близко-близко, и слон ласково тронул его своим хоботом. Корака в ответ с большой нежностью похлопал гиганта по его могучему плечу. Из всех лесных зверей он больше всего любил эту толстокожую тварь, самую мирную и в то же время самую страшную. Грациозная газель не боялась слона, но Нума, владыка джунглей, убежал от него прочь, куда глаза глядят. Корака без боязни пробирался сквозь толпу слонов, слоних и слонят. То один, то другой из них протягивал к Кораку свой хобот, а один веселый слоненок, балуясь, схватил его за ногу и перевернул кувырком.

* * *

Было уже темно, когда Корака пришел в поселок Ковуду.

Прячась в тени хижин, подальше от человеческих взоров, он начал последовательно обыскивать весь поселок, внюхиваясь, вслушиваясь, всматриваясь. Где Мериэм? Его разведка шла очень медленно: нужно было вести дело так, чтобы даже чуткие дворняжки дикарей не заметили, что в деревне чужой человек. Часто Кораку казалось, что вот-вот его присутствие будет обнаружено: уж очень много было в этом селении псов; иные из них чуяли тревогу и выли.

Но вот, подойдя, к задворкам одной из хижин, в конце главной улицы, Корака внезапно уловил запах похищенной девушки.

С бьющимся сердцем, со страстью гончей собаки, внюхивался он в соломенную стену этой хижины. Его обоняние говорило ему, что Мериэм там, внутри. Но где же вход в эту хижину? Подкравшись к двери, Корака увидел, что у самого входа в эту тюрьму, где томится девушка, сидит на корточках дородный коренастый негр, а в руке у него длинное копье. Негр сидел к нему спиной; его фигура отчетливо вырисовывалась на фоне дальних деревенских костров, на которых туземцы готовили пищу. Он был один. Ближайший из его товарищей сидел у костра — в шестидесяти или семидесяти шагах от него. Для того, чтобы войти в хижину, Корака должен был либо проскользнуть незамеченным, либо заставить часового молчать. А что если часовой закричит? Со всех сторон сбегутся тогда чернокожие воины, вся деревня поднимется на ноги, и плохо придется тогда Кораку. Нет, проскользнуть незамеченным — выше человеческих сил!

Впрочем то, что невозможно для меня и для вас, возможно для Корака, для Убийцы, который так не похож ни на меня, ни на вас.

Между дверью в темницу и широкой спиной часового было добрых двенадцать вершков расстояния. Отблески света, которые играли на черной лоснящейся коже негра, падали также и на смуглую кожу Корака. Стоило только кому-нибудь из стоящих на улице бросить случайный взгляд сюда на крыльцо — и Корак погиб бы. Всякий заметит при таком освещении стройную, светлую, высокую, подвижную фигуру.

Но Корак рассчитывал на то, что занятые беседой туземцы не станут озираться по сторонам. Кроме того, яркое пламя костров вокруг которых они столпились, не дает им возможности хорошо разглядеть, что происходит на другом конце деревни, где Кораку предстояло действовать.

Держась возможно ближе к соломенной стене хижины и в то же время не производя ни малейшего шороха, Корак медленно приближался к часовому. Вот он в двух вершках от его плеча. Вот, извиваясь червем, пробирается он у него за спиной. Его колени ощущают жар, исходящий от разгоряченного голого тела. Он ясно слышит дыхание негра. Он изумляется, почему этот глупец до сих пор не заметил его приближения? Часовой сидит в прежней позе, не догадываясь о присутствии чужого, словно чужого и нет.

С каждым новым усилием Корак продвигался не дальше вершка, а затем останавливался и некоторое время стоял неподвижно. Как раз в ту минуту, когда он очутился за спиной у негра, тот выпрямился, широко открыл свою огромную пасть и зевнул, а потом вытянул свои черные руки у себя над головой. Корак стоял как каменный. Еще один шаг — и он в хижине. Руки чернокожего снова опустились на землю, он снова ослабел и согнулся. За спиной у него была дверь. Часто случалось ему во время дремоты прислоняться головой к двери. Сейчас снова им овладело страстное желание откинуться туда назад всем корпусом, чтобы насладиться запретным сном.

Но не к деревянной двери прикоснулись его плечи и его голова, а к живому, горячему телу — к паре человеческих ног. Из груди у него чуть не вырвался крик удивления, но его горло уже сжимали стальные пальцы, и крик замер у него в груди. Чернокожий пробовал подняться, сбросить с себя таинственное чудовище, освободиться от его могучих

объятий, но тщетно. Железные руки не давали ему шевельнуться. Кричать он не мог. Его глаза выкатились из орбит. Лицо посинело. Он дернулся в последний раз и умер. Корака приподнял мертвое тело и прислонил его к стене около двери. Мертвец, освещаемый луной, казался живым.

— Мериэм! — прошептал Корака.

— Корака! Милый Корака! — раздался ответный шепот. Из опасения разбудить своих тюремщиков девушка подавила радостный крик, который готов был вырваться из ее груди.

Юноша встал на колени и разрезал веревки, которыми были связаны руки и ноги Мериэм. Он помог ей встать, взял ее за руку и повел к двери. Черный мертвец стоял у дверей на страже. У его мертвых ног повизгивала туземная дворняжка. Увидя выходящих из хижины людей, собака тихонько зарычала, а потом, почуяв чужого, громко и взволнованно залаяла. Сидящие у ближнего костра воины оглянулись. Не оставалось никакого сомнения, что они заметят белых беглецов.

Корака быстро юркнул в тень хижины и увлек за собой Мериэм, но было уже поздно. Человек десять воинов подбежали к хижине, чтобы узнать, что случилось. Дворняжка, визжа, вертелась у ног Корака и своим визгом могла выдать беглецов. Юноша замахнулся па собаку копьем, но привыкшая к постоянным побоям дворняжка ловко увильнула от удара и снова пристала к Корака, продолжая громко лаять.

Обеспокоенные топотом ног и криками бегущих воинов, жители деревни проснулись, высыпали на улицу и сбежались к хижине, в которой была заключена Мериэм. Они увидели мертвого часового, а через минуту самый храбрый из них после некоторого колебания вошел в хижину и обнаружил исчезновение пленницы.

Это неожиданное открытие привело чернокожих в бешенство, но виновника они не видели, и им не на кого было излить свою ярость. Один из начальников приказал обойти хижину кругом. Воины с первых же шагов наткнулись на белого человека, а на руках у него была их пленница. В белом человеке они сразу узнали виновника многочисленных грабежей, убийств и разбоев и, сообразив, что он один, а их много, и что он держит на руках девушку и потому не может защищаться, они бросились на него.

Корак, увидя себя окруженным, взвалил Мериэм на плечи и помчался к дереву, рассчитывая скрыться в лесу. Ноша мешала ему бежать. Мериэм сама бежать не могла, потому что грубые веревки, которые так долго скручивали ее, остановили кровь в ногах, и ноги у нее одеревенели. Если бы не это, беглецы спаслись бы наверняка, так как Мериэм скакала по деревьям не менее проворно, чем Корак. Но с девушкой на плечах было невозможно ни бежать, ни драться, и потому, когда деревенские дворняжки, возбужденные криками людей, стали хватать его за ноги, он не мог отогнать их и стал бежать совсем медленно. Наконец он споткнулся, упал, и собаки, как алчные гиены, вцепились в его тело. А когда он расправился с собаками, вскочил и бросился снова бежать, чернокожие нагнали его.

Двое дикарей схватили Мериэм. Она царапалась и брыкалась. Они оглушили ее ударом кулака по голове. С Кораким справиться было труднее. На него наскочили собаки и вооруженные воины, но он все-таки умудрился подняться на ноги. Направо и налево раздавал он смертоносные удары черным людям; наиболее надоедливых собак хватал за горло и душил быстрым движением руки.

Черные на собственной шкуре узнали всю бесконечную мощь гладких, выпуклых мускулов, трепетавших под бархатной, смуглой кожей белого богатыря. Он боролся, как взбешенный слон. Он метался по улице, опрокидывая тех немногих, которые имели мужество нападать на него, и скоро черным воинам стало ясно, что если чье-нибудь случайное копьё не поразит Корака в сердце, он разгромит всю деревню и унесет Мериэм.

Но старый Ковуду не мог допустить, чтобы девушка, за которую он может получить столько денег, вырвалась у него из рук. Он восстановил порядок среди растерявшихся воинов и, поставив их около бесчувственной девушки, приказал не нападать на Корака, а только отражать его нападения. Он знал, что юноша будет рваться к Мериэм.

Снова и снова бросался Корак на людей, плотной стеной окружающих девушку. Снова и снова вонзались в его тело блестящие острия копий. Он обливался кровью и вскоре начал ослабевать. С горестью понял он, что ему не спасти Мериэм.

Неожиданная мысль пришла ему в голову. Он громко закричал: Мериэм!

Девушка уже пришла в себя и откликнулась.

— Корак уходит! — закричал он, — но вернется и уведет тебя от Гомангани. До свидания, Мериэм! Корак скоро придет за тобой.

— До свидания! — крикнула девушка. — Мериэм будет ждать тебя!

Прежде чем дикари могли понять, в чем дело, Корак повернулся, как ветер промчался по деревне и скрылся в густой листве высокого дерева, которое служило ему входом в деревню Ковуду. Десятки копий полетели ему вдогонку, но единственное, чего они достигли, был презрительный хохот, загремевший раскатами в темноте джунглей.

ХІІІ

В ПЛЕНУ

Чернокожие снова связали Мериэм и, усилив стражу, поместили девушку в хижине Ковуду.

Она ждала Корака с минуту на минуту, но прошла ночь, прошел день, а Корака не было.

Она нисколько не сомневалась, что Корак явится снова, и была твердо уверена, что он без труда освободит ее из заточения. В ее глазах Корак был почти всемогущ. Он воплощал для нее все лучшее, сильнейшее, прекраснейшее, что только могло существовать в окружающем ее диком мире. Она гордилась тем, что он так храбр, и боготворила его за то, что он так внимателен и нежен по отношению к ней.

Теперь, лежа в своей тюрьме, связанная по рукам и ногам, она непрестанно думала о нем. Как много значил он в ее жизни. Она сравнивала его с шейхом, своим отцом, и при одном воспоминании об этом угрюмом седом арабе дрожь пробегала по всему ее телу. Даже чернокожие дикари, и те были менее жестоки: они не так обижали ее. Она не понимала языка дикарей, а потому не могла дознаться, зачем они держат ее взаперти. Она знала, что люди нередко едят людей, и вначале думала, что ее тоже съедят. Но вот она пробыла у них несколько дней и осталась цела и невредима. Очевидно, они добрее, чем она думала.

Она не знала, что дикари в первый же день отправили гонца в далекий поселок к шейху с извещением, что его дочка находится в их руках, и с требованием крупного выкупа за нее. Точно также не могла она знать, что посланному так и не довелось добраться до шейха, ибо по дороге его перехватили сафари Иенсена и Мальбина. Этого не знал и чернокожий начальник, Ковуду. Посланный был болтлив (все туземцы болтливы, когда говорят со своими) и в разговоре с двумя черными слугами шведов разболтал им о цели своего путешествия. Те, конечно, немедленно донесли обо всем своим господам, и не успел гонец отойти от стоянки шведов на сто шагов, как у него за спиной грянул выстрел, и он мертвый свалился на землю.

Через несколько минут Мальбин вошел в лагерь с ружьем за плечами и говорил окружающим, что он охотился сейчас за здоровенным кабаном, стрелял в него, но промахнулся. Он и его соотечественник знали, что весь отряд питает к ним лютую ненависть, и поэтому действовать открыто против Ковуду было опасно: дикари скоро донесли бы последнему о вероломном поступке шведов, и тот жестоко отомстил бы им. А ружей и снарядов у них было мало, да и нельзя было полагаться на туземный отряд — на то, что он останется верен своим ненавистным начальникам.

Вскоре после этого случая шведы столкнулись с павианами и с тем странным белым дикарем, который заключил союз со зверями против людей. Только благодаря чрезвычайно ловким маневрам и беспрестанной пальбе из ружей, шведам удалось спастись от разъяренной стаи обезьян. Но даже тогда, когда они укрылись в своем лагере, обезьяны не отстали от них. Пять или шесть часов подряд сотни этих разъяренных дьяволов с диким рычаньем и визгом осаждали лагерь белых людей.

С винтовками в руках шведы отражали бесчисленные атаки обезьян. Нападения человекообразных были ужасны; казалось, обезьяны сметут лагерь с лица земли, но у них не было предводителя, и потому они ничего не могли добиться. Иногда шведы замечали белое тело таинственного дикаря, мелькающее в лесу среди павианов, и тогда они с ужасом думали о том, что станет с ними, если этот белый гигант опять поведет павианов в атаку? Ах, как им хотелось пустить ему пулю в лоб. Ведь ему — и только ему — они обязаны грозным нападением павианов на их лагерь.

— Да ведь это тот самый дьяволенок, в которого мы стреляли несколько лет назад! — вдруг вспомнил Мальбин. — Еще тогда с ним таскалась горилла. Ты его помнишь, Карл?

— Помню! — ответил Иенсен. — Еще бы! Он был в двух шагах от меня, когда я заряжал винтовку. Мне кажется, он европеец и совсем еще мальчишка. Он не похож на слабоумного или дегенерата. Бывает иногда, что какой-нибудь идиот поселится в лесу, начнет шляться голый, обрастет волосами и получит прозвище «дикого» у местных крестьян. Ну, а этот не таков. Тут что-то другое, и его следует бояться. Нам плохо придется, Свэн, если мы не подстрелим его сразу, когда он пойдет еще раз на нас со своими павианами.

Но белый богатырь не повел павианов в атаку, и свирепые звери, оставив в покое перепуганных сафари, вернулись в джунгли.

На следующий день шведы подъезжали к деревне Ковуду, где томилась в заключении белая девушка. У них был очень хитрый план. Они решили в разговоре с Ковуду ни словом не обмолвиться о девушке, как будто они о ней ничего никогда и не слышали.

Приехав в поселок, шведы, по обычаю, обменялись подарками со старым вождем, причем долго торговались с послами Ковуду о цене получаемых и подносимых даров, так как неожиданная щедрость с их стороны могла бы возбудить подозрения.

После взаимных льстивых приветствий Мальбин и Иенсен стали расспрашивать старого вождя о соседних деревнях, о жителях, о приезжих. Ковуду давал им подробные сведения, говорил охотно и много, но о своей белой пленнице не упомянул ни разу. Несмотря на любезный прием, оказанный белым, несмотря на богатые подарки, которые послал им вождь, шведам было ясно, что Ковуду хочется поскорее избавиться от них. Они решили, что настала пора действовать. Вскользь, среди разговора, Мальбин упомянул о смерти шейха. Ковуду сразу заволновался.

— Как? Вы не знали? — спросил Мальбин. — Странно. Целый месяц прошел с тех пор. Шейх упал с лошади. Когда сбежались люди, он был уже мертв.

Ковуду почесал затылок. Он был огорчен. Шейх умер. Прощай, драгоценный выкуп! Теперь девушка и ломаного гроша не стоит. Что с ней делать? Съесть ее или взять себе в жены?

Вдруг счастливая мысль пришла ему в голову. Он ударил кулаком по столу и раздавил маленького жучка, который барахтался в пыли. Он внимательно посмотрел на Мальбина. Чудаки, эти белые люди. Уезжают из дому и не берут с собой женщин. Но женщин они все-таки любят. Только дорого ли они за них платят? — вот вопрос, который крайне интересовал Ковуду.

— А у меня есть белая девушка! — неожиданно сказал Ковуду. — Я дешево возьму. Мальбин покачал головой.

— У нас и так достаточно дела, Ковуду, — сказал он. — Очень нам нужна старая жена... Да еще платить за нее.

Мальбин насмешливо щелкнул пальцами.

— Молодая, — возразил Ковуду, — и красивая! Шведы расхохотались.

— В джунглях не водятся красивых белых женщин, Ковуду! — сказал Иенсен. — И тебе не стыдно надувать старых друзей?

Ковуду вскочил на ноги.

— Идемте! — вскричал он. — Я докажу вам, что она такая, как я говорю!

Мальбин и Иенсен встали, чтобы идти за Ковуду. Их глаза встретились, и Мальбин незаметно подмигнул товарищу.

Они прошли по улице и вошли в хижину. В темноте можно было с трудом различить женщину, опутанную веревками и лежащую на плетеном коврике.

Мальбин еле взглянул на нее и вышел.

— Ей тысяча лет, Ковуду! — сказал он.

— Я вам говорю, она молодая! — вскричал разъяренный дикарь. — Там темно, и ты не рассмотрел. Подожди, я приведу ее сюда, здесь светло! — и он приказал двум воинам, охраняющим хижину, перерезать веревки и вывести девушку напоказ.

Мальбин и Иенсен проявляли полное равнодушие, хотя на самом деле сгорали от любопытства: поскорее бы заполучить ее! Пусть будет у нее обезьянья рожа, а фигура, как у старика Ковуду, все равно. Только бы это оказалась действительно та самая девушка, которая была похищена у шейха несколько лет назад.

Когда Мериэм вывели из хижины на свет, шведы притворились, что она не производит на них никакого впечатления. А впечатление было сильное. Мальбин с трудом удержался от восторженного возгласа. При виде ее красоты у него замерло сердце, но он быстро оправился от смущения и вошел в свою прежнюю роль.

— Сколько? — равнодушно спросил он.

— Ну что? Разве она не красивая? Разве она не молодая? — спросил Ковуду.

— Да, она еще не стара, — сказал Мальбин, — но все же она будет нам только обузой. Нам незачем ездить сюда за женами, у нас на севере и своих достаточно.

Мериэм храбро смотрела на белых людей. Но она не ждала от них ничего хорошего — они были такими же врагами, как и негры. Она их боялась и терпеть не могла.

Мальбин заговорил с ней по-арабски:

— Мы твои друзья. Хочешь, мы освободим тебя отсюда?

Напряженно вслушиваясь в его слова, с усилием вспоминала она наречие, когда-то знакомое ей.

— Отпустите меня, — сказала она, — я хочу вернуться к Кораку.

— Хочешь ты идти с нами? — повторил Мальбин.

— Нет! — сказала Мериэм. Мальбин обернулся к Ковуду.

— Она не хочет идти с нами! — сказал он.

— Вы — мужчины! — ответил негр. — Разве вы не можете взять ее с собой силой?

— Она не нужна нам. Только лишнее беспокойство в дороге, — ответил швед. — Но если ты хочешь отделаться от нее, мы ее уведем, потому что мы твои друзья.

Ковуду понял, что с ним торгуются. Он не стал особенно настаивать на своей цене, и Мериэм была продана за шесть аршин сукна, три пустых патрона и один перочинный ножик.

Все, кроме Мериэм, были чрезвычайно довольны сделкой.

Рано утром европейцы покинули деревню. Ковуду торопил их с отъездом. Он уверял их, что если друг девочки возобновит свои попытки освободить ее — им не сдобровать.

Мериэм снова связали и посадили под стражу, но теперь уже в палатке шведов. Мальбин не раз принимался разговаривать с ней. Он хотел уговорить ее идти с ними по доброй воле, уверяя ее, что они вернут ее в родную деревню. Но когда хитрый швед убедился, что девушка скорее готова умереть, чем вернуться к шейху, он, наоборот, стал уверять, что ни за что не повезет ее туда. Он восхищался ею. Мериэм была поистине прекрасна. Она стала высокой, стройной девушкой, совсем не такой, как много лет назад, у шейха, где он впервые видел ее. До этого времени у него были чисто практические планы относительно девушки: он считал, что такую рабыню можно продать за большие деньги, а потому и старался приобрести ее. Теперь у него в голове возникли другие желания и планы. Он подошел к ней ближе и коснулся ее рукой. Девочка отпрянула от него. Он схватил ее и наклонился, чтобы поцеловать.

Иенсен вошел в палатку.

— Мальбин! — вскричал он. — Ты глуп! Свэн Мальбин опустил руки и повернулся к товарищу. Лицо его было красно от стыда.

— Что ты собрался с нею делать, черт возьми? — закричал Иенсен. — Ведь эдак нам не заплатят за нее ни гроша. Я не знал, что ты так глуп, Мальбин!

— Что же, я ведь тоже человек, а не дерево, — проворчал тот.

— Жаль, что ты не дерево! — ответил Иенсен. — Тебе следовало быть, по меньшей мере, дубиной, хотя бы до тех пор, пока мы вернем ее в целости и сохранности.

— Черт побери! — вскричал Мальбин. — Не все ли равно? Они будут счастливы, когда снова увидят ее, а она скоро поймет, что лучше помалкивать. Почему бы нам не побаловаться с девчонкой?

— Потому, что я не позволяю! — ответил Иенсен. — Я никогда не мешал тебе делать все, что ты хочешь, Свэн. Но ведь это совсем особый случай, и ты это понимаешь так же хорошо, как и я.

— С каких это пор ты стал таким добродетельным? — ворчал Мальбин. — Ты думаешь, я забыл про дочь трактирщика или про ту негритянку, которую...

— Молчать! — крикнул Иенсен. — Ты отлично понимаешь, что тут дело не в добродетели. Я не хочу ссориться с тобой, Свэн, но если, не приведи господи, ты хоть пальцем тронешь эту девчонку, я убью тебя. Я достаточно намучился за последние десять лет, чтобы плоды трудов и лишений потерять из-за того, что ты больше похож на животное, чем на человека. Я повторяю тебе, Свэн... — И он многозначительно положил руку на свой револьвер, висящий у него за поясом.

Мальбин угрюмо посмотрел на товарища, пожал плечами и вышел. Иенсен взглянул на Мериэм.

— Если он опять будет приставать к тебе, позови меня! — сказал он ей. — Я всегда где-нибудь тут поблизости.

Мериэм не понимала, из-за чего ссорились ее хозяева (они говорили между собой по-шведски). Но когда Иенсен заговорил с ней по-арабски, она догадалась, в чем дело. Она стала доверчивее относиться к Иенсену и наивно умоляла его опустить ее на свободу, к Кораку, в джунгли. Но Иенсен на это только расхохотался. Он заявил, что если она вздумает убежать, он отдаст ее Мальбину и позволит ему делать с ней, что он захочет...

Всю ночь она ждала Корака. Джунгли были так близко. Ее чуткое ухо различало звуки, которых в лагере не слышал никто, кроме нее. Она понимала эти звуки так же, как мы понимаем речь друга. Но

Корак не приходил. Она знала, что он должен прийти. Ничто, кроме смерти, не может задержать его. Что же он медлит?

Даже утром ее вера в Корака не поколебалась. Не мог же в самом деле он погибнуть! Ведь он столько лет живет невредимо в джунглях.

Но утро прошло, завтрак был съеден, караван выступил в путь, на север, а девочка все еще была в плену.

И потом дни проходили за днями, а Корак так и не являлся освободить свою маленькую подругу, которая так терпеливо ждала его.

Мальбин был все время угрюм и мрачен. Он избегал разговаривать с Иенсеном. С Мериэм он не говорил никогда, но она не раз замечала, как жадно поглядывает он на нее исподтишка. Она крепче прижимала к груди свою Джикку и часто жалела, что у нее нет ножа; нож отнял у нее Ковуду.

На четвертые сутки Мериэм стала терять надежду. Очевидно, что-то случилось с Кораком, и она больше никогда не увидит его, и эти люди увезут ее далеко, далеко. В этот день шведы сделали привал, чтобы отдохнуть после слишком быстрого пути. Мальбин и Иенсен ушли на охоту, каждый в свою сторону. Но через час после их ухода дверь отворилась и в палатку Мериэм неожиданно вошел Мальбин. Он смотрел на нее, как зверь.

XIV

НЕЖДАННЫЙ ИЗБАВИТЕЛЬ

Мериэм смотрела ему прямо в глаза, как смотрит обреченный зверь в гипнотические глаза змеи, готовящейся обвить свои кольца вокруг добычи. Руки девочки были свободны. Шведы заковали ее в цепь, как в древние времена заковывали рабов: один конец цепи охватывал ее шею, и на другом был большой винт, глубоко вогнанный в землю.

Медленно пятилась Мериэм к противоположному углу палатки. Мальбин наступал на нее; он расставил руки, чтобы схватить ее; рот у него был открыт, он дышал часто, прерывисто.

Девочка вспомнила, что Иенсен велел позвать его, если Мальбин будет ей досаждать. Но Иенсен был в джунглях на охоте, — Мальбин все рассчитал! Она все-таки закричала, громко и отчаянно, закричала несколько раз, прежде чем Мальбину удалось зажать ей рот своими грязными пальцами. Она сопротивлялась; она боролась, как борются в джунглях — зубами и когтями. Он с трудом справлялся с ней. В этом стройном, девичьем теле, под нежной, бархатной кожей скрывались мускулы львицы. Но и Мальбин был не из слабых. Он был груб по характеру и внешности; он был огромного роста и обладал страшной силой. Медленно валил он девочку на спину, ударяя ее по лицу всякий раз, когда ей удавалось поцарапать или укусить его. Мериэм отчаянно билась и старалась подняться, но она чувствовала, что его пальцы сжимают ей горло и что она теряет силы...

Иенсен тем временем успел убить в джунглях двух оленей. Ему не пришлось сильно углубляться в лес, да он и не хотел уходить далеко от лагеря. Он боялся, как бы Мальбин не воспользовался его отсутствием. Он вспомнил, что Мальбин отказался охотиться вместе с ним, и это показалось ему подозрительным. Поэтому, убив оленей, он немедленно повернул обратно, приказав своим неграм тащить добычу в лагерь.

Он уже прошел половину пути, когда до него донесся со стороны лагеря отчаянный крик. Он остановился, прислушиваясь. Крик повторился. Затем все смолкло. Бормоча ругательства, он бросился бежать к лагерю. Нет, он не опоздает! Что за остолоп этот Мальбин! Рисковать богатством из-за своих животных инстинктов!

Не один только Иенсен услышал крики Мериэм: слышал их другой белый человек, который охотился в это время в лесу в сопровождении нескольких черных воинов. Он даже и не подозревал о близости лагеря белых. Это, без сомнения, был голос женщины, которой угрожает опасность. И он, не раздумывая, пустился бежать на звук голоса. Но он был дальше, чем Иенсен, и Иенсен прибежал первым.

То, что он увидел, не вызвало жалости в его черством сердце; но его охватила бешеная злоба против товарища, который готов был разрушить все их планы. Мериэм все еще сопротивлялась. Мальбин наносил ей удар за ударом. Когда Иенсен с криком ворвался в палатку, Мальбин оставил свою жертву, быстро повернулся к взбешенному товарищу и выхватил револьвер из кобуры. Иенсен отступал, тоже вытаскивая револьвер. Оба выстрелили одновременно. Иенсен остановился и выронил револьвер. Мальбин всадил одну за другой еще две пули в тело своего друга. Мериэм, смотревшая с ужасом на эту сцену, была поражена живучестью Иенсена: его глаза закрылись, голова опустилась на грудь, но он все еще стоял на ногах и дико рычал. Мальбин продолжал стрелять; только после четвертой пули Иенсен покачнулся и упал лицом вниз. Мальбин подошел к нему и с отвратительным ругательством ударил ногой безжизненное тело. Затем он вернулся к Мериэм. Он снова схватил ее, но в эту минуту полог палатки бесшумно отвернулся, и на пороге появился высокий белый человек. Ни Мериэм, ни Мальбин не заметили его. Мальбин стоял спиной к незнакомцу и заслонял его от Мериэм.

Вошедший быстро шагнул вперед, переступив через тело Иенсена. Тяжелая рука опустилась Мальбину на плечо. Он обернулся и увидел перед собой высокого черноволосого мужчину, с серыми глазами, одетого в хаки, с пробковым шлемом на голове. Мальбин снова схватился за револьвер. Но его противник оказался проворнее: в одно мгновение револьвер был выбит у него из рук и отлетел далеко в сторону.

— Что это значит? — обратился он к Мериэм, но она не поняла его. Она покачала головой и ответила по-арабски. Незнакомец повторил свой вопрос на ее родном языке.

— Эти люди увели меня от моего Корака! — ответила девочка. — Один из них, вот этот, очень скверно обращался со мной. Второй, которого он только что убил, хотел помешать ему. Они оба — дурные

люди; но вот этот гораздо хуже того. Если бы мой Корака был здесь, он убил бы его. Ты, должно быть, не такой же, как они, если ты его не убиваешь.

Незнакомец улыбнулся.

— Да, его следовало бы пристрелить, — сказал он. — Он, несомненно, заслуживает того. Когда-нибудь я убью его, только не сейчас. Но я позабочусь, чтобы он никогда больше не обижал тебя.

— Ты заслужил смерть, — сказал незнакомец Мальбину, — но я не судья. Я знаю вас обоих и знаю, что вы за птицы. У тебя и у твоего друга здесь самая постыдная слава. Ты нам не ко двору, убирайся! На этот раз я тебя отпускаю; но не смей больше возвращаться в эти края, иначе я возьму на себя роль правосудия. Понял?

Мальбин пришел в бессильную ярость, изрыгая проклятья и награждая своего противника самыми нелестными прозвищами. Но тот, схватив его за шиворот, так основательно встряхнул его, что у негодя застучали зубы. Сведущие люди говорят, что из всех телесных наказаний, не причиняющих человеку увечья, эта добрая старая встряска есть самая мучительная кара. Такую-то встряску и задал теперь незнакомец Мальбину.

— А теперь убирайся-ка поскорее отсюда! — крикнул он. — В другой раз будешь знать, с кем имеешь дело!

И он шепнул Мальбину свое имя; едва только негодяй услышал это имя, его лицо побледнело и вытянулось, и он вдруг присмирел.

Это имя подействовало на него сильнее, чем десяток ударов кулаком.

После этого незнакомец дал шведу такого пинка, что тот стрелой вылетел из палатки и растянулся за десять шагов на траве.

— А теперь, — сказал незнакомец, обращаясь к Меризм, — не знаешь ли, где находится ключ от этой штучки, которая у тебя на шее?

Девушка показала пальцем на мертвого Иенсена.

— Ключ был у него, — сказала она. — Он всегда носил этот ключ при себе.

Незнакомец наклонился над трупом и, обыскав платье Иенсена, нашел ключ в одном из карманов. Еще минутой — и Меризм была на свободе.

— Ты отпустишь меня к моему Кораку? — спросила она.

— Я помогу тебе вернуться к твоему народу, — ответил он. — Откуда ты? Где твое селение?

Он с удивлением смотрел на ее странный, варварский наряд. Он считал ее арабской девушкой, потому что она говорила по-арабски, но он никогда не видел, чтобы арабские женщины одевались так странно.

— Какого ты племени? Кто этот Корака? — снова спросил он.

— Корака? Корака — обезьяна. У меня нет другой родни. Мы с Кораком живем одни в джунглях, с тех пор, как Акут стал царем обезьян. Мой Корака должен был быть царем, но он не хотел.

Незнакомец с удивлением смотрел на нее.

— Ты говоришь, что Корака — обезьяна. А кто же ты?

— Я — Мериэм. Я — тоже обезьяна.

— Гм! — сказал незнакомец и не прибавил ни слова. Но по его глазам, которые с жалостью смотрели на девочку, можно было отчасти понять, что он думал. Он подошел к ней и коснулся рукой ее лба. Она отскочила назад с диким рычаньем. Он улыбнулся.

— Не бойся меня, — сказал он. — Я тебя не обижу. Я только хочу узнать, здорова ли ты, нет ли у тебя жара. Если ты здорова, мы вместе пойдем искать Корака.

Мериэм взглянула в его пронизательные серые глаза. Она увидела в них доброту и благородство и позволила ему положить ладонь к ней на лоб и пощупать ее пульс. Она казалась вполне здоровой.

— Давно ли ты стала обезьяной? — спросил человек.

— Я была тогда совсем маленькой девочкой, много, много лет тому назад. Корака пришел и отнял меня у отца, который бил меня. С тех пор я и жила на деревьях с Кораком и Акутом.

— Где же в джунглях живет Корака? — спросил незнакомец.

Мериэм сделала широкий жест рукой, который указывал, по крайней мере, на половину Африки.

— Могла бы ты найти дорогу к нему?

— Я не знаю, — ответила она, — но он найдет дорогу ко мне.

— Я придумал! — сказал незнакомец. — Я живу недалеко отсюда. Я возьму тебя к себе, и моя жена будет о тебе заботиться, пока мы не найдем Корака или... пока Корака не найдет нас. Если он может найти тебя здесь, он найдет тебя и в моей деревне. Неправда ли?

Незнакомец оставался в палатке, пока Мальбин и его отряд не скрылись в джунглях. Мериэм покорно стояла рядом с ним, прижимая

тонкой загорелой ручкой свою милую Джику к груди. Они беседовали. Незнакомец удивлялся, с каким трудом и напряжением девочка говорит по-арабски; он приписывал это ее умственной неразвитости. Ведь он не мог знать, что уже много лет она не говорила ни одного слова на человеческих языках; впрочем, была еще одна причина, почему она с трудом говорила на языке шейха; но об этой причине она и сама не подозревала.

Он пробовал уговорить ее поселиться у него в деревне, т. е. в дуаре, по-арабски; но она умоляла его немедленно отправиться на поиски Корака. Он считал все ее рассказы бредом и решил, в крайнем случае, взять ее к себе силой, но не оставлять в этой дикой местности во власти болезненных галлюцинаций. Но, как умный человек, он хотел сначала успокоить ее, а потом настоять на своем. Он согласился идти искать Корака и направился с ней, как она хотела, к югу, хотя путь к его жилищу лежал на восток.

Мало-помалу он незаметно сворачивал к востоку. Девочка доверчиво шла за ним, не замечая его хитрости. Сначала она доверяла ему только по инстинкту: она чувствовала, что этот большой Тармангани не хочет ее обидеть. Но, когда прошло несколько дней, и она увидела, что доброта и внимательность его к ней не уменьшаются, она стала сравнивать его с Кораком и привязалась к нему. Впрочем, верность ее Кораку ни на минуту не ослабевала.

Четыре дня были они в пути и на пятый день пришли к большой поляне. Вдали девочка увидела возделанные поля и несколько строений. Она остановилась и с удивлением озиралась по сторонам, как бы собираясь бежать назад.

— Где мы? — спросила она.

— Мы не нашли Корака, — ответил незнакомец, — а так как путь наш лежал мимо моего дуара, я решил зайти сюда отдохнуть. Ты останешься пока здесь с моей женой, а за это время мои люди разыщут твою обезьяну, или она разыщет тебя. Тебе будет хорошо у меня, малютка; никто тебя не обидит, и ты будешь вполне счастлива.

— Я боюсь, бвана, — сказала девочка, — в твоём дуаре меня будут бить, как в дуаре у шейха, моего отца. Позволь мне вернуться в джунгли. Там Корак найдет меня. Ему не придет в голову искать меня в дуаре белого человека.

— Никто не будет бить тебя, дитя, — ответил белый человек. — Разве я тебя бил? А там все — мое. С тобой будут хорошо обращаться. У нас никого не бьют. Жена моя будет очень рада тебе. Я пошлю своих людей в джунгли, и они отыщут Корака.

Девушка покачала головой.

— Им не привести его к тебе. Он убьет их, потому что люди всегда старались убить его. Я боюсь. Отпусти меня, бвана.

— Ты не знаешь дороги в родные края, ты заблудишься. Львы и леопарды растерзают тебя в первую же ночь, и Корак уже никогда не найдет тебя. Лучше останься у нас. Разве я не спас тебя от скверного человека? Ты у меня в долгу. Так останься же у нас хоть на несколько дней. Ведь ты — маленькая слабая девочка, и было бы очень жестоко оставлять тебя одну в джунглях.

Мериэм засмеялась.

— Джунгли — это мои отец и мать, — сказала она. — Они были добрее ко мне, чем люди. Я не боюсь джунглей. Я не боюсь ни льва, ни леопарда. Когда лев прыгнет на меня, тогда я испугаюсь. Но глупо бояться льва раньше, чем он прыгнет на тебя. Я не боюсь льва. Он большой и шумный. Я услышу и увижу его, я почувствую его запах и успею убежать на дерево. Я не боюсь джунглей, я люблю их. Я лучше хотела бы умереть, чем покинуть их навсегда. Но твой дуар так близко к джунглям. Ты был добр ко мне. Я пойду с тобой и останусь у тебя, пока мой Корак не придет ко мне.

— Отлично, — сказал незнакомец, и они пошли по цветущей степи к благоустроенной африканской ферме.

Бесстрашно поглаживая маленькой ручкой огромных овчарок, выбежавших им навстречу, Мериэм подошла к большому дому. На пороге их встретила женщина в белом платье. Девочка испугалась ее больше, чем могла испугаться зверя. Она остановилась в колебании и вопросительно взглянула на своего нового друга.

— Это моя жена, — сказал он, — она очень рада, что ты пришла.

Он поцеловал жену и, повернувшись к девочке, представил ее жене.

— Это Мериэм, моя дорогая, — сказал он по-арабски и начал рассказывать, как он нашел ее.

Жена его была очень красива. Мериэм видела, что лицо у нее доброе и нежное. Мериэм скоро перестала ее бояться. Когда Бвана

кончил свой рассказ, белая женщина поцеловала Мериэм и назвала ее «милой, бедненькой малюткой»; что-то странно защемило сердечко девочки. Она спрятала лицо в груди своего нового друга. Девочка никогда не знала материнской ласки, и что-то совсем неожиданное и новое пробудил в ней добрый голос жены белого человека. Она вдруг заплакала; слезы, первые слезы в ее жизни, утешили и облегчили ее.

Так Мериэм, маленькая дикарка Мериэм, попала из диких джунглей в культурный, приветливый дом. «Бвана» и «Моя Дорогая» (так называла она своих новых друзей) относились к ней, как отец и мать. Страхи ее совершенно прошли, и она платила им преданностью и любовью. Она была теперь согласна жить у них, пока они не найдут Корака или пока Корак не найдет ее. Корака она все же любила больше всех.

XV

ПОХОД ПАВИАНОВ

Израненный, усталый и печальный вернулся Корак обратно в джунгли и пошел по следам павианов. Он не нашел их ни там, где видел их в последний раз, ни там, где они всегда обитали. Но, в конце концов, он набрел на их свежие следы и помчался за ними вдогонку. Вскоре он настиг их. Они медленно двигались к югу. Это было одно из их обычных переселений, цель которых могли объяснить только сами павианы. При крике часового, который первый заметил белого воина, бегущего к ним по ветру, все стадо остановилось. Павианы начали что-то бормотать и угрожающе зарычали. Самцы насторожились и приготовились к бою. Матери криками сзывали детенышей и вместе с ними прятались за спинами самцов, своих повелителей и кормильцев.

Корак громко окликнул царя павианов, который медленно и осторожно выступил вперед, услышав знакомый голос. Он старательно нюхал воздух, так как не совсем доверял своим глазам и ушам. Корак стоял неподвижно. Павианы — нервные создания: их очень легко разозлить или напугать, и они могут так же легко броситься в атаку, как в паническое бегство.

Царь павианов приблизился к Кораку. Он обошел его со всех сторон, ворча, внюхиваясь, вглядываясь. Корак заговорил первый.

— Я — Корак, — сказал он. — Я отворил клетку, в которой ты был заперт. Я спас тебя от Тармангани. Я — Корак, Убийца. Я — твой друг.

— Хух! — прорычал царь. — Да, ты — Корак. Мои уши сказали мне, что ты — Корак; мои глаза сказали мне, что ты — Корак; теперь мой нос говорит мне, что ты — Корак. Мой нос никогда не ошибается. — Я — твой друг. Идем с нами, мы будем охотиться вместе.

— Кораку теперь не до охоты, — ответил юноша. — Гомангани похитили его Мериэм. Они увели ее к себе в деревню. Корак один не сумел освободить ее. Корак освободил тебя. Собери же свой народ и помоги Кораку освободить Мериэм.

— Гомангани бросают много острых палок. Они проколют ими тела моих подданных. Они убьют нас. Гомангани — злое племя. Они убьют нас, если мы войдем к ним в деревню!

— У Тармангани есть палки, которые делают много шума и убивают издали, — ответил Корака. — У них были эти палки, когда Корака освободил тебя из западни. Если бы Корака убежал тогда, ты до сих пор был бы пленником Тармангани.

Павиан опустил голову. Вокруг него и белой обезьяны широким кругом толпились самцы его племени. Они сверкали глазами, толкались, глазели на своего царя и на странное существо, которое называло себя Мангани, но было так похоже на ненавистных им Тармангани. Царь взглянул на старейших самцов, как бы спрашивая у них совета.

— Нас слишком мало, — буркнул один.

— Нужно позвать павианов, живущих в стране холмов, — советовал второй. — Их больше, чем листьев на деревьях. Они тоже ненавидят Гомангани. Они очень дики и любят сражаться. Мы попросим их присоединиться к нам. Тогда мы сможем убить всех Гомангани, живущих в джунглях.

Он встал и свирепо завыл, ошетилив свою жесткую шерсть.

Корака не мог уговорить их. Они охотно помогут ему; но они сделают это по-своему. Им непременно надо заключить союз со страной холмов. Кораку пришлось уступить; единственное, чего ему удалось добиться от павианов, — это чтобы они постарались выйти в поход поскорее; хорошо еще, что царь согласился собственной персоной немедленно отправиться к холмам в сопровождении дюжины сильнейших самцов и Корака!

Втянувшись в интересную авантюру, павианы преисполнились энтузиазма. Делегация немедленно отправилась в путь. Они шли вначале очень быстро. Но, выйдя из леса на открытую поляну, они поплелись совсем медленно. За каждым кустом им чудился лев или леопард. Павианы, когда они идут стадом, ничего не боятся; но, когда их немного, они очень трусливы.

Двое суток отряд шел по дикой стране, сначала по джунглям, потом по открытой равнине, по направлению к горам, заросшим лесами. Корака никогда еще не бывал в этих местах. Это была приятная перемена обстановки; джунгли успели уже наскучить ему. Впрочем, у него не было времени наслаждаться природой. Меризм, его Меризм была в опасности! Пока он не увидит ее, он не может думать ни о чем другом.

Достигнув леса, покрывавшего склоны гор, павианы пошли еще медленнее. Изредка они издавали жалобные, призывные звуки. Потом тихо шли, прислушиваясь. Наконец, в один прекрасный день издалека донеслись ответные крики.

Павианы, продолжая кричать, пошли по направлению голосов. Так добрались они до своих сородичей, которые в огромном числе шли им навстречу. Корака был поражен зрелищем, которое открылось его глазам. Перед ним была сплошная стена из павианов: на каждой ветке дерева цеплялось по несколько этих животных. Вся эта стена, такой же высоты, как деревья, надвигалась на них с протяжными, жалобными криками. За первой стеной, насколько глаз мог видеть сквозь листву и гущу павианьих тел, вздымалась вторая, такая же; это были младшие павианы, продвигавшиеся вплотную за старшими. Их были тысячи и тысячи. Что стало бы с маленькой делегацией, если бы хоть один из этой массы рассердился или испугался?

Но ничего неприятного не случилось. Оба царя встретились и, согласно обычаю, принялись старательно обнюхивать друг друга; очевидно, результаты исследования их удовлетворили; они поочередно почесали друг другу спину, а затем заговорили. Друг Корака объяснил цель их прибытия. Корака, до тех пор прятавшийся за кустом, теперь показался монарху и народу. Его вид вызвал необычайное удивление и возбуждение среди павианов. С минуту он боялся, что его вот-вот разорвут на части; боялся он только за Мериэм: если он умрет, никто не придет к ней на помощь.

Тем временем цари успокоили возбужденный народ, и Кораку было разрешено приблизиться. Павианы осторожно подбегали к нему и обнюхивали его со всех сторон. Когда он заговорил с ними на их родном языке, они были чрезвычайно удивлены и польщены. Он рассказал им о Мериэм, о своей жизни в джунглях; он сказал им, что всегда был другом обезьян, от маленьких Ману до Мангани, больших обезьян.

— Гомангани, которые отняли у меня Мериэм, — ваши враги, — говорил он. — Они убивают вас. Павианы, живущие в долине, слишком малочисленны и не могут бороться с ними. Они говорили мне, что вас очень много и что вы все — удивительные храбрецы. Вас много, как травинки в степи, как листьев в лесу. Даже Тантор-слон боится вас — так вы отважны! Мне говорили, что вы будете рады

пойти с нами на деревню Гомангани, чтобы наказать этот скверный народ. А я, Корак, Убийца, тем временем освобожу свою Мериэм.

Царь выставил грудь вперед и выпрямился на своих неуклюжих ногах. Его подданные поступили так же. Они были весьма польщены речью этого странного Тармангани, который называет себя Мангани и говорит на обезьяньем языке.

— Да, — сказал один из самцов, — мы, жители холмов, могучие бойцы! Тантор боится нас. Нума боится нас. Шита боится нас. Гомангани, живущие на холмах, дрожат, когда мы проходим, и рады, если мы их не трогаем. Я готов идти с тобой в деревню Гомангани один. Я — старший сын Царя. Я один убью всех Гомангани, живущих на равнине.

И он выпятил свою волосатую грудь колесом и стал горделиво поглядывать по сторонам.

— Я — Губ, — закричал другой. — У меня длинные клыки. У меня острые клыки. У меня крепкие клыки. Они впивались в мягкое мясо не одного Гомангани. Я один убил сестру Шиты. Губ пойдет с тобой на равнины и убьет так много Гомангани, чтобы некому было считать мертвецов.

И он, приосанившись, с гордостью посмотрел на самок и на молодежь.

Корак вопросительно взглянул на царя.

— Твои бойцы очень храбры, — сказал он, — но царь храбрее всех!

Косматый царь отвечал громовым ревом, который раскатами разнесся по лесу. Маленькие павианята попрыгали за волосатые спины самок. Возбужденные воины запрыгали на ветвях, присоединяя свои голоса к голосу монарха. Лес задрожал от их воинственного рева.

Корак подошел к царю вплотную и прокричал ему в ухо: «Идем!». И они двинулись через лес и горы к равнине, где находилась деревня Ковуду, ненавистного Гомангани. Это был фантастический поход небывалого войска, разъяренного ненавистью и жадной крови.

Они достигли деревни на второй день. Было уже после полудня. Экваториальное солнце невыносимо палило, и в деревне царило безмолвие. Страшное войско медленно и бесшумно подвигалось вперед. Можно было уловить только приближающийся шелест листвы, как бы от дуновения нарастающего ветерка.

Корак и оба царя шли впереди всех. Около самой деревни они остановились, чтобы подождать остальных. Теперь царила полная тишина. Корак бесшумно вскарабкался на дерево, которое склонялось над изгородью. Он огляделся вокруг. Наконец-то настало время действовать. Павианы обступили деревню. Он всю дорогу старался им втолковать, что они не должны трогать белую самку, находящуюся в деревне. Всех же остальных Гомангани он отдавал им на растерзание. И, подняв голову к небу, он издал протяжный вой. Это был сигнал.

Три тысячи косматых чудовищ с диким ревом ворвались в деревню Гомангани. Перепуганные воины выскакивали из хижин. Матери с детьми на руках кинулись к воротам. Ковуду собрал своих воинов вокруг себя и бросился с ними на неожиданных врагов. Копья тучей полетели в ревущее стадо зверей.

Корак руководил нападением. Негры были поражены ужасом, увидев белого юношу во главе тысяч бешеных павианов. Им не пришлось долго сопротивляться. У них не хватало времени доставать из колчанов стрелы. Со всех сторон деревню окружали павианы; они терзали несчастных негров клыками и когтями, и самым диким, самым кровожадным, самым свирепым из них был Корак, Убийца.

Черные воины в паническом ужасе бросились к лесу; у ворот деревни Корак остановился; предоставив своим союзникам преследовать бегущих, он направился к хижине, где была заключена Мериэм. Хижина оказалась пустой. Корак с отчаянием бросился по деревне, обошел одну за другой все хижины — Мериэм нигде не было. Где же она? Он был уверен, что бегущие негры не увели ее при бегстве с собой, — в этом случае он увидел бы ее.

Одно только предположение оставалось вероятным: они убили и съели ее. Волна кровавой ярости ударила ему в голову. До него доносился вой павианов и крики обреченных жертв; он бросился с диким рычаньем туда. Когда он пришел на поле битвы, павианы уже начинали уставать; черные, сбившись в кучу, с отчаянием отражали натиск немногих обезьян, которые все еще продолжали кидаться на них.

Корак с дерева прыгнул в самую гущу воинов Ковуду. Бешенство ослепляло его. Как раненая львица, он бросался то туда, то сюда, нанося своим кулаком сокрушительные удары.

Снова и снова впивались его зубы в тела врагов. Он налетал на одного и, увертываясь от ответного удара, сшибал с ног второго. Его союзником был тот суеверный ужас, который при одном его виде возникал в сердцах чернокожих: не человеком считали они этого белого воина, рычащего, как дикий зверь, этого повелителя свирепых павианов. Он был духом лесов — страшным богом зла, который пришел покарать их за неповиновение. И лишь немногие негры решались сопротивляться и поднимать руку на божество.

Те, которые могли еще бежать, бежали без оглядки. Весь в крови, Корака остановился, прерывисто дыша. Он жаждал новых жертв. Павианы толпились вокруг него. Пресытившись кровью и устав от битвы, они легли на землю.

Далеко отсюда Ковуду собирал своих рассеянных соплеменников и подсчитывал потери. Народ его был в панике. Никто не хотел больше оставаться в этой стране. Они не соглашались вернуться в деревню даже для того, чтобы захватить свое имущество. Они бежали все дальше и дальше...

Так Корака изгнал единственное племя, которое могло указать ему, где искать Мериэм. Он уничтожил этим последнюю возможную связь между собой и людьми доброго Бваны, которые были посланы к этой деревне, чтобы отыскать его в роще джунглей.

А в это время Мериэм находилась за сто миль от него.

XVI

ВСТРЕЧА У ЛЬВИНОЙ ЗАПАДНИ

Быстро летели дни в доме, где поселилась Мериэм. Первые дни она все время рвалась в джунгли на поиски своего Корака. Бвана — так она продолжала называть своего благодетеля — послал отряд верных людей в деревню Ковуду, чтобы узнать у старого дикаря, откуда он достал эту девочку. Бвана поручил им кроме того выведать у негров, не слышали ли они чего-нибудь про человека-обезьяну, которого зовут Корак. Если бы оказалась маленькая надежда, что такая обезьяна действительно существует, он велел во что бы то ни стало разыскать ее. Бвана был почти убежден, что Корак — плод болезненной фантазии девушки. Он думал, что, испытав на себе жестокое обращение негров, пережив столько мук в плену у шведов, она потеряла рассудок. Но со временем, когда он лучше присмотрелся к ней в обычных условиях тихой жизни на африканской ферме, он вынужден был констатировать, что девушка вполне нормальна во всех отношениях; и он часто подолгу задумывался над разгадкой ее странного рассказа.

Жена белого, которую Мериэм окрестила «Моя Дорогая» (она слышала, что так называл ее Бвана), очень заботливо относилась к одинокому и бесприютному найденышу. Мало-помалу она прониклась горячей любовью к девочке за ее живой, добрый и открытый нрав. И Мериэм отвечала ей такой же привязанностью и глубоко уважала ее.

Через месяц, когда вернулся отряд, посланный на поиски Корака, Мериэм была уже не дикой, полуголой Тармангани, а изящно одетой европейской девушкой. Она сделала большие успехи в английском языке: Бвана и Моя Дорогая отказывались говорить с ней по-арабски, с тех пор как она начала учиться по-английски.

Отряд, посетивший деревню Ковуду, нашел ее совершенно разрушенной и покинутой всеми жителями. Люди на несколько дней разбили лагерь в окрестностях деревни и систематически обыскивали джунгли, но никаких следов Корака не нашли; им не встречались даже большие обезьяны, о которых говорила Мериэм. Эти известия повергли девушку в отчаяние; она решила сама отправиться на поиски Корака, но Бвана уговорил ее подождать несколько недель. Он сам пойдет искать Корака, когда найдет свободное время. Но проходили

дни и месяцы, ничто не изменялось, и Мериэм продолжала тосковать по Кораку.

Мериэм было теперь шестнадцать лет, но ей можно было дать девятнадцать. Она была очень красива: густые, черные волосы окаймляли смуглое лицо, дышавшее здоровьем и невинностью. Тоска по Кораку разрывала ей сердце, но она старалась скрыть свое горе.

Теперь она превосходно говорила по-английски и умела читать и писать. Однажды Моя Дорогая в шутку заговорила с ней по-французски; к величайшему ее удивлению, Мериэм ответила ей тоже по-французски. Правда, говорила она медленно, запинаясь, но чрезвычайно правильно, как говорят люди, с детства знающие французский язык. Они стали говорить по-французски каждый день, и Моя Дорогая удивлялась тем непостижимо быстрым успехам, которые делала девушка. Стараясь припомнить слова, которые заданы были ей на урок, она, к своему собственному изумлению, вспоминала совсем другие французские слова, которых никогда не учила. Ее учительница, англичанка, чувствовала, что произношение Мериэм лучше ее собственного. Впрочем, учиться читать и писать по-французски девушке было очень трудно.

— Ты, конечно, слышала французский язык в дуаре у твоего отца? — спрашивала Моя Дорогая. Мериэм покачала головой.

— Возможно! — отвечала она, — хотя мне помнится, что я никогда не видела французов в дуаре. Отец ненавидел французов и враждовал с ними. Я никогда не слыхала этих слов, но они почему-то кажутся мне очень знакомыми. Я не могу понять, почему они кажутся мне такими знакомыми...

— Я тоже не понимаю, — сказала Моя Дорогая.

Вскоре после этого разговора в дом белого человека прибыл гонец с каким-то письмом. Когда Мериэм узнала содержание письма, она пришла в большое возбуждение. К ним едут гости! Несколько английских дам и молодых людей из аристократического общества приняли приглашение, которое послала им Моя Дорогая, и приедут на месяц, чтобы поохотиться и побродить по джунглям. Мериэм ждала их с большим нетерпением. Каковы они? Будут ли они обходиться с ней так же мягко и ласково, как Бвана и Моя Дорогая, или они такие же бессердечные, как все прочие белые? Моя Дорогая сказала ей, что все

они очень славные, и что Мериэм, несомненно, полюбит их. Они такие деликатные, воспитанные!

К удивлению Моей Дорогой, Мериэм, ожидая посторонних людей, не обнаружила никакой застенчивости; как-то даже не верилось, что она дикарка из джунглей.

Едва она уверилась, что незнакомые люди не укусят ее, она стала ожидать их с любопытством, предвкушая новые, неизведанные удовольствия. Казалось, она ничем не отличалась от всякой другой молоденькой и хорошенькой барышни, которая ожидает гостей.

Наконец гости приехали — трое мужчин и две женщины — жены двух старших мужчин. Младший из них был мистер Морисон Бэйнс, сын британского лорда, очень богатый молодой человек. Он успел уже изведать все развлечения, которые могли дать ему европейские столицы, и теперь был рад случаю побывать на другом континенте и испытать новые приключения и новые наслаждения.

На все не европейское он смотрел, как на совершенно не заслуживающее внимания. Но он был не прочь насладиться новизной африканской жизни и извлечь из новых незнакомых людей максимум возможных удовольствий. Со всеми он был учтив и любезен — разве что чуть-чуть высокомерен по отношению к тем, кого он считал ниже себя; надо, впрочем, оговориться, что он был на равной ноге с весьма немногими.

Он был прекрасно сложен, недурен собой, и у него было достаточно здравого смысла: он понимал, что если он считает себя вправе взирать на прочих людей свысока, то и прочие люди могут чувствовать себя вправе смотреть свысока на него; поэтому, он старался прослыть демократом и славным малым. Он и вправду был славным малым. Конечно, его эгоизм бросался в глаза, но никогда не становился обузой для его друзей и знакомых. Таким, по крайней мере, был мистер Морисон Бэйнс в Европе; каким он мог бы оказаться в центральной Африке, предсказать было трудно.

Вначале, в присутствии новых людей, Мериэм робела и смущалась. Ее благодетели сочли благоразумным не рассказывать никому о ее необычном прошлом, и все считали ее их воспитанницей, не расспрашивая о ее происхождении. Всем она показалась очень милой, простой, веселой; гости постоянно удивлялись тому, как сильно она любит джунгли и как хорошо их знает.

За этот последний год, живя у Бваны и Моей Дорогой, она часто каталась верхом в окрестностях фермы; она знала, в каких камышовых зарослях любят прятаться буйволы, где устраивают свои логовища львы, куда ходят звери на водопой. Всякого зверя умела она выследить, как бы он ни прятался. Но особенно удивляло европейских гостей ее умение чувствовать присутствие хищника там, где они сами ничего не могли заметить.

Морисон Бэйнс нашел Мериэм прелестной и очаровательной девушкой. Он с самого начала был восхищен ею. Он и не надеялся завести столь приятное знакомство в африканском имении своих лондонских друзей. Молодым людям приходилось часто бывать вместе, так как они были единственные холостые люди во всем этом маленьком обществе. Мериэм, не привыкшая к ухаживанию таких ловких кавалеров, как Бэйнс, была очарована им. Его рассказы об огромных городах, которых она никогда не видела, удивляли и восхищали ее. Во всех своих рассказах Морисон всегда выставлял себя на первое место, и девушка считала его героем.

Постепенно образ Корака стал тускнеть у нее в душе. Он не был уже для нее непрестанно существующей действительностью, он превратился в воспоминание.

Со времени приезда гостей Мериэм никогда не сопровождала мужчин на охоте. Убийство как спорт никогда не привлекало ее. Выслеживание зверей было для нее интересной забавой, но к убийству ради убийства она всегда питала отвращение. Когда Бвана охотился ради мяса — она была счастлива, если он брал ее с собой. Но с прибытием лондонских гостей охота превратилась в жестокое развлечение. Охотились ради шкур и сильных ощущений, а не ради пищи. Когда мужчины уезжали на охоту, Мериэм оставалась дома с Моей Дорогой, или скакала на любимом пони по окрестным степям и лесам; во время этих прогулок ей казалось, что она живет такой же дикой и привольной жизнью, как жила в джунглях. В такие минуты перед ней невольно вставал образ Корака, друга ее детства.

Однажды, утомленная долгой скачкой по лесу, она привязала пони к дереву, улеглась на широкой, удобной ветви и заснула. Ей приснился Корак; это видение мало-помалу расплывалось, и полуголый Тармангани превращался в англичанина, одетого в хаки и сидящего на охотничьем скакуне.

Ее разбудило испуганное блеяние козленка. Мериэм вскочила на ноги. Мы с вами, если бы даже и расслышали этот слабый жалобный звук, не могли бы понять его значение; Мериэм сразу поняла, что козленок почувствовал приближение хищника.

Для Корака любимой забавой и спортом было похищать добычу перед самым носом у Нумы; Мериэм тоже не раз случалось вырывать лакомые куски почти из самой пасти царя зверей. Теперь, услышав блеяние козленка, она вздумала повторить эту игру в прятки со смертью.

Она быстро скинула с себя амазонку, ботинки и чулки, чтобы бесшумнее подойти к зверю. Она хотела сбросить и свои верховые панталоны, но вспомнила наставления Моей Дорогой, что нехорошо ходить совсем голой.

За поясом у нее был заткнут охотничий нож. Карабин ее висел в своем футляре на седле пони, который был привязан к дереву. Револьвер она оставила дома.

Мериэм пошла на голос козленка. Она знала, что он находится у пруда, где обыкновенно пьют львы. Никто никогда не видал здесь хищников, но Мериэм знала, что козленок напуган либо львом, либо пантерой.

Скоро она узнает это наверняка, потому что она быстро приближается к бедному животному. Но почему он не бежит от опасности? Почему он стоит неподвижно и блеет на одном и том же месте? Подбежав к козленку, она увидела, что несчастный крепко привязан к колу веревкой, а рядом вырыта яма, в которую налита вода.

Мериэм взобралась на ближайшее дерево, спряталась в густой листве и напряженно вглядывалась в окружающую просеку: где же охотник, привязавший козленка? Это — не Бвана, нет! Бвана так не охотится. Он никому не позволяет мучить беззащитных животных, делать их приманкой для тигров и львов, а его слово — закон для тех, кто охотится в его многомильных владениях.

— Должно быть, козленка привязали какие-нибудь захожие дикари, не знающие здешних порядков, — говорила себе Мериэм. — Но куда же они девались? Где они? Как она ни всматривалась, ее зоркие глаза ничего не могли разглядеть.

И где же Нума? Почему он так медлит, почему не бросается на этот лакомый кусок, на эту бедненькую беззащитную тварь? Он

несомненно здесь, поблизости, иначе козленок не блял бы так жалобно, как будто чувствуя надвигающуюся смерть. Ах, вот он где! Он притаился в кустарнике, справа, в нескольких ярдах от нее. Ветер дует прямо на козленка, так что козленок чует страшный запах свирепого зверя; а Мериэм — в стороне: этот запах до нее не доносится.

Перебраться по деревьям на противоположную сторону просеки, поближе к козленку, подбежать к нему и перерезать веревку, которой он привязан к колу, — на это потребуется не больше минуты. Конечно, в эту самую минуту Нума может прыгнуть на козленка, и ей едва ли удастся ускользнуть от него на ветви высокого дерева, но все же козленка необходимо спасти во что бы то ни стало! Опасности она не боится: ей случалось прежде не раз выходить с честью из более серьезных переделок.

Если она медлила, то не потому, что боялась Нумы, а потому, что боялась невидимых охотников. Если это — чернокожие, то легко может случиться, что те копья, которые они держат наготове для Нумы, с таким же успехом полетят в того, кто собирается испортить им охоту.

Но вот козленок снова отчаянно затрепетал, стараясь порвать веревку. Его жалобное бляние отозвалось в сердце девушки острой болью. Позабыв всякие страхи, она начала перебираться по ветвям на другую сторону просеки, стараясь двигаться так, чтобы Нума не заметил ее. Наконец, она добралась до деревьев на той стороне. Здесь она остановилась на мгновение и бросила взгляд в сторону льва. Она увидела, что мощный хищник как раз в эту минуту поднимается из своей засады; он выпрямился во весь рост и глухо зарычал: это значило, что он готов.

Мериэм выхватила из-за пояса нож и, спрыгнув на землю, быстро подбежала к козленку. Нума увидел ее. Он нервно забил хвостом по своим красно-бурым бокам и издал злое рычание. Но на минуту он не тронулся с места, как будто изумленный и озадаченный внезапным появлением странного существа, выпрыгнувшего из джунглей.

Были и другие глаза, которые с неменьшим изумлением смотрели на бесстрашную девушку, чем желто-зеленые глаза хищника: это были глаза белого человека, притаившегося в терновнике бома. Он даже

привстал и вытянул голову, увидев, как Мериэм проворно перебралась по ветвям через просеку и подскочила затем к козленку. Белый человек заметил, что Нума на мгновение задержал свой прыжок. Он поднял свой карабин и прицелился зверю прямо в грудь. В эту минуту девушка наклонилась над козленком, в ее руках сверкнул острый нож, и маленький пленник свободен! С радостным блеянием кинулся он в чащу леса. Девушка повернулась, чтобы бежать к тому дереву, откуда она так неожиданно спрыгнула, изумив одновременно и льва, и козленка, и человека.

Повернувшись, она обратилась лицом к охотнику; он взглянул, и глаза его чуть не выскочили из орбит. Он издал приглушенный крик. Она! Теперь наступил момент вспомнить о льве, разъяренном и раздосадованном, который вот-вот сделает свой страшный прыжок.

Карабин белого человека был направлен прямо в грудь зверя; ему оставалось нажать курок. Но он колебался. Глаза его перебежали с девушки на льва и обратно. Почему он медлил? Неужели потому, что он не хотел спасти девушку, которая испортила ему охоту? Или, может быть, он боялся, что выстрел привлечет к нему ее внимание, и она увидит его? Это предположение казалось правдоподобным. Маленькое движение пальца могло спасти девушку от когтей разъяренного хищника, или, по крайней мере, замедлить страшный прыжок, но он все-таки не нажал на курок.

Глазами хищной птицы следил человек, как девушка бежала к деревьям, спасая свою жизнь. Все описываемое — с того мгновения, как лев приподнялся для прыжка — произошло в какие-нибудь две секунды. Лев бросился за девушкой; дуло карабина следовало за ним: его широкая грудь оставалась непрерывно на прицеле. Одну минуту казалось, что девушке никак не спастись, тогда палец охотника сильнее прижался к собачке. Но в то же мгновение девушка сделала ловкий прыжок вверх, к свесившейся ветке дерева, и ухватилась за нее. Лев прыгнул за ней, но гибкая Мериэм скользнула в листву и очутилась на недостижимой высоте; промедли она еще полсекунды, она была бы растерзана львом.

У белого человека вырвался вздох облегчения. Он увидел, как девушка, очутившись в безопасности, сделала забавную гримасу и принялась дразнить разозленного льва, ревавшего от досады; потом она с веселым смехом умчалась в лес.

Лев с глухим ворчаньем бродил около часа вокруг ямы с водой; сотню раз охотник мог уложить наповал свою жертву. Почему же он не спустил курка? Боялся ли, что его выстрел привлечет внимание девушки и что она может вернуться?

Наконец Нума, все еще злобно рыча, величественно направился в джунгли. Охотник вылез из своей засады и через час добрался до маленькой охотничьей стоянки, расположенной в чаще леса. Там его встретили несколько чернокожих слуг, которые, видимо, не были очень обрадованы его возвращению. Белый охотник был широкоплечий, сильный гигант; его загорелое лицо с хищными чертами украшала большая русая борода, по крайней мере, когда он входил к себе в палатку; когда же он вышел из нее час спустя, его лицо было гладко выбрито.

Чернокожие смотрели на него с изумлением.

— Узнаете вы меня? — спросил он.

— Даже гиена, которая тебя породила, и та не узнала бы тебя теперь, бвана, — ответил один из чернокожих.

Бритый человек замахнулся на дерзкого негра кулаком, но негр, очевидно, привык к этому жесту и ловко ускользнул от удара.

XVII

ВЫСОКОРОДНЫЙ ДОН ЖУАН

Мериэм медленно возвращалась к тому дереву, на котором она оставила свою амазонку, сапоги и чулки. Она напевала веселую песенку; но, когда она приблизилась к дереву, песенка сразу замерла у нее на устах: она увидела на ветвях этого дерева несколько павианов, которые завладели принадлежностями ее туалета и весело забавлялись, примеряя их на себя.

Заметив приближающуюся девушку, они не выказали ни малейшего испуга; напротив того, они обнажили клыки и грозно зарычали. Им ли бояться слабенькой, жалкой самки Тармангани?

За лесом, по открытой равнине, возвращались с охоты несколько всадников. Они ехали, разбившись на небольшие группы, так как надеялись на обратном пути выследить на поляне бродячего льва. Мистер Морисон Бэйнс держался ближе к лесу. Всмотриваясь в волнистую равнину, покрытую мелким кустарником, он заметил на самой опушке леса какое-то живое существо.

Он направил туда коня. Его непривычный глаз долго не мог разглядеть, что это такое. Но подъехав ближе, он увидел, что это самая обыкновенная лошадь. Он уже хотел повернуть, когда вдруг ему бросилось в глаза, что лошадь как будто оседлана. Он подъехал еще ближе. Да, действительно, лошадь — под седлом.

Вглядевшись, он узнал любимого коня Мериэм. Он почувствовал приятное возбуждение, предвкушая встречу с прелестной девушкой.

Он подскакал галопом к лошади. Мериэм должна быть в лесу, поблизости. Ему стало жутко при мысли, что беззащитная девушка бродит одна по джунглям; джунгли казались ему кишацими кровожадными зверями и преисполненными ужаса. Он соскочил с коня и вошел в лес. Он был уверен, что девушка тут, в двух шагах, и предполагал произвести большой эффект своим неожиданным появлением.

Он прошел несколько шагов, когда его остановил шум, доносившийся с верхушки ближайшего дерева. Подняв голову, он увидел нескольких павианов, которые дико рычали. Подойдя ближе, он разглядел, что в руках у одного из них — женская амазонка, а у других

— сапоги и чулки. Сердце его замерло при виде этой сцены. Как же иначе это объяснить? Павианы убили Мериэм и сняли с нее одежду! Он содрогнулся при этой мысли.

Он все-таки решил крикнуть, позвать ее, но в этот момент, взглянув на соседнее дерево, он заметил в листве ее, Мериэм; она цеплялась за ветви с ловкостью обезьяны. Один из павианов приближался к ней с угрожающим рычаньем; Морисон поднял карабин и прицелился, чтобы выстрелить в отвратительного зверя, но вдруг он услышал, что девушка заговорила.

Морисон едва не выронил ружья от удивления: из уст прелестной Мериэм вырывались странные, глухие, бормочущие звуки, похожие на те, которые издавали павианы. Обезьяны перестали ворчать и стали слушать. Они, очевидно, были удивлены не меньше мистера Морисона Бэйнса. Они медленно приблизились к девушке; она не выказывала ни малейшего страха. Они так плотно окружили ее, что Бэйнс не мог стрелять из боязни попасть в нее. Да он и забыл совсем о своем ружье: он застыл на месте, сгорая от любопытства.

Девушка разговаривала с павианами! Они дружелюбно отвечали ей! Затем они начали возвращать ей одну за другой все принадлежности туалета; пока она одевалась, они, обступив ее, весело болтали, а девушка смеялась и отвечала. Мистер Морисон Бэйнс, сидя внизу под деревом, тарасил глаза от удивления. Затем он встал и вернулся к своей лошади.

Когда через несколько минут Мериэм вышла из лесу, она нашла его возле своего коня.

Он смотрел на нее с невыразимым удивлением и даже с некоторым страхом.

— Я увидел вашу лошадь, — сказал он, запинаясь, — и решил подождать вас здесь, чтобы проводить домой. Вы не сердитесь?

— Конечно, нет, — ответила она, — напротив, я очень рада!

Они ехали рядом. Морисон несколько раз бросал взгляд на строгий, красивый профиль девушки и не мог понять, был ли это фантастический сон, или он видел в действительности, как эта милая женственная барышня минутоу назад так странно, даже неприлично, забавлялась с отвратительными павианами и беседовала с ними так же легко и непринужденно, как беседовала с ним.

Все это было невероятно, непостижимо! Однако он видел все это своими собственными глазами!

И, когда он глядел на нее, другая навязчивая мысль кружилась у него в мозгу: девушка так мила, так притягательно красива; но, увы, он ничего не знает о ней, ни о ее происхождении. Ее окружает какая-то тайна...

Что же это за необыкновенная девушка, которая лазает по деревьям и беседует с павианами в джунглях?.. Непостижимо...

Морисон снова нахмурил брови. Мериэм взглянула на него.

— Вам жарко, — сказала она. — Это странно. Сейчас стало довольно прохладно, солнце уже садится. Почему же вы так разгорячены?

Ему не хотелось говорить ей, что он видел ее с павианами; но вдруг, неожиданно для самого себя, он заговорил.

— Я разгорячен от волнения! — сказал он. — Я проезжал мимо опушки и заметил вашу лошадь. Я пошел в лес искать вас и хотел удивить неожиданным появлением. Но мне пришлось самому порядочно удивиться: вы сидели на дереве... с павианами...

— Ну, да, так что же? — она сказала это равнодушно, как будто барышня, интимно беседующая в джунглях с дикими зверями, была самым обыкновенным явлением.

— Боже, как это было ужасно! — воскликнул Морисон.

— Ужасно? — повторила Мериэм, с удивлением поднимая брови. — Что ж тут ужасного? Это мои друзья. Разве это ужасно, когда разговаривают с друзьями?

— И вы действительно говорили с павианами? Они понимали вас, а вы — их?

— Конечно!

— Но ведь это — отвратительные животные, самые мерзкие, самые низкие животные...

— Они совсем не мерзкие! — ответила Мериэм. — Мои друзья не могут быть мерзкими. Я жила среди них много лет перед тем, как Бвана нашел меня и взял сюда. Их язык — мой родной язык. Неужели я должна перестать разговаривать с ними только потому, что мне пришлось на время поселиться среди людей?

— На время? — вскричал Морисон, — не хотите же вы этим сказать, что собираетесь снова вернуться к ним? Ну, знаете, мы уже

договорились... до нелепости! Нет, вы просто мистифицируете меня, мисс Мериэм! Вы когда-нибудь хорошо обошлись с этими павианами, они вас узнали теперь и не тронули; но чтобы вы когда-нибудь среди них жили... нет, нет, это слишком нелепо!

— Тем не менее, это так! — настаивала девушка. Она видела, что при одной мысли об этом он испытывает неподдельный ужас, сквозящий во всем его тоне и обращении, и забавлялась его растерянностью. — Да, я жила среди больших обезьян и ходила почти нагая... Я спала на деревьях, в листве. С Кораком и Акутом я охотилась за антилопами и кабанами и ела сырое мясо. Я любила с высокой ветви делать гримасы Нуме-льву и швырять в него ветками; он так рычал от злобы, что вся земля кругом дрожала. Корака устроил мне шалаш на ветвях огромного дерева и приносил мне плоды и мясо... Он защищал и кормил меня; он был очень добр ко мне... До тех пор, как я попала к Бване и Моей Дорогой, никто, никто не был так добр ко мне...

Голос ее задрожал. Она совершенно забыла, что собиралась подразнить мистера Морисона. Она вспомнила о Кораке... Она так давно не вспоминала о нем...

Некоторое время они ехали молча, погруженные в собственные мысли.

Перед девушкой вставал образ прекрасного юноши, с леопардовой шкурой на плече. Вот он возвращается с охоты, прыгая по ветвям деревьев с еще теплой добычей за плечом; за ним виднеется грузная фигура огромной человекообразной обезьяны; Мериэм смеется и радостно прыгает на гибких ветвях, приветствуя их возвращение. О, как сладко вспоминать это! А вот перед ней встает и другая картина — длинные, темные ночи — жуткие ночи джунглей... Так холодно, сыро и неуютно во время дождей. Словно из какого-то адского подземелья доносится снизу рычание невидимых хищников; там пантеры, львы, опасные гады, змеи... Ужасные ночи... Но они с лихвой искупались ясными, солнечными днями, дикой свободой джунглей и, больше всего, — дружбой Корака.

Морисон думал о другом, мысли прыгали и путались у него в голове. Чем глубже он разбирался в своих чувствах, тем очевиднее становилось для него, что он действительно влюбился в эту девушку, о которой ничего не знал до этой поры, и даже был готов подарить ей

свое благородное имя. Он не может жениться на ней, как не может жениться на какой-нибудь павианихе. Для нее будет достаточно его любви, имя же свое он предоставит другой женщине — из своего круга.

Девушка, которая, по ее же словам, жила полуголая среди обезьян, не может иметь очень точных представлений о добродетели. Если он сделает ее своей любовницей, и это будет для нее слишком много. Чем больше мистер Морисон Бэйнс думал об этом, тем более он убеждался, что это самый благородный поступок. Как счастлива будет она там, среди лондонской роскоши. Она вдоволь будет пользоваться его любовью и его текущим счетом в банке. Но был один щекотливый пункт, который он хотел выяснить, прежде чем приступить к выполнению своей блестящей программы.

— Кто же были такие Корака и Акут? — спросил он.

— Акут был Мангани, — ответила Мериэм, — а Корака — Тармангани.

— А позвольте узнать, что это значит: Мангани и Тармангани?

Девушка рассмеялась.

— Вот вы — Тармангани, — объяснила она, — а Мангани — это... те, кто покрыты шерстью. Вы их зовете обезьянами.

— Значит, Корака был белый человек?

— Да.

— И он был вашим... ж... вашим... эээ...? Он запнулся и покраснел. Девушка смотрела на него такими светлыми, невинными глазами, что ему стало вдруг стыдно.

— Моим чем? — спросила она простодушно, не догадываясь, на что намекает мистер Морисон.

— Вашим... эээ... братом? — пробормотал тот.

— Нет, Корака не был моим братом, — ответила она.

— Вашим супругом, в таком случае? Мериэм звонко расхохоталась; она была очень далека от мысли, что подобный вопрос оскорбителен.

— Супругом! — вскричала она. — Как по вашему, сколько мне лет? Я слишком молода, чтобы быть замужем. Я никогда и не думала о таких вещах. — Корака был... — на этот раз она замялась, так как никогда раньше не пробовала разобраться, кем ей приходился Корака. — Ну, да, Корака был... ну, просто Корака! — и она снова

залилась веселым смехом — над удивительной ясностью своего определения...

Он смотрел на нее и слушал ее; она говорила, казалось, так искренне, но Морисон все-таки никак не мог проникнуть в тайны ее девичьей души. В то же время ему хотелось, чтобы его предположения относительно неустойчивости ее добродетели оказались правдой, иначе ему придется оставить свои планы. Почтенный мистер Морисон Бэйнс до известной степени не был лишен чувства совестливости.

* * *

Вскоре после того, однажды вечером, они вдвоем сидели на веранде. Они только что кончили партию тенниса. Выиграл Морисон. Он действительно был очень хорошим спортсменом. Он рассказывал Мериэм о Лондоне и Париже, о театрах, балах и банкетах, о прелестных женщинах и удивительных платьях, об их развлечениях, об их богатстве и блеске. Мистер Морисон был большой мастер по части увлекательной хвастливой болтовни. Его эгоизм сквозил в ней на каждом шагу, но он не был ни назойлив, ни утомителен...

Мериэм была очарована. Его рассказы казались молодой девушке волшебными сказками. Сам Морисон представлялся ей великим и удивительным человеком. Завороженная, она молчала. Замолчал и он и вдруг нагнулся к самому ее уху.

— Мериэм... — прошептал он. — Моя маленькая Мериэм! Могу ли я надеяться... что вы позволите мне называть вас «маленькой Мериэм»?

Девушка взглянула на него широко раскрытыми глазами. Но он уже стоял в тени, и она ничего не увидела. Она дрожала, но не отворачивалась от него. Он обвил руку вокруг ее талии и прижал ее к себе крепче.

— Я люблю вас! — шептал он.

Она молчала. Она не знала, что сказать. Она ничего не знала о любви. Она никогда не думала о ней. Но ей казалось, что это очень хорошо, когда любят. Так мало в своей жизни видела она доброты и сочувствия.

— Скажите же, скажите! — бормотал он. — Скажите, что вы тоже любите меня?

Их губы сблизились. Вдруг она ясно представила себе Корака и вспомнила его поцелуй. И тут она впервые догадалась, что значит любовь. Она осторожно выскользнула из его рук.

— Я не знаю, я не уверена в этом. Нужно подождать. Я еще молода для замужества. Я боюсь, что Париж и Лондон испугают меня.

Мериэм поднялась. Образ Корака вновь встал в ее воображении.

— Спокойной ночи! — сказала она. — Мне жаль будет покинуть эту страну, — и она показала на звездное небо, на огромную луну, на темные заросли джунглей. — О, как я люблю ее!

— Лондон вы полюбили бы еще больше! — искренне сказал он. — И Лондон полюбил бы вас. Вы были бы знаменитейшей красавицей в любой европейской столице. Мир был бы у ваших ног, Мериэм.

— Спокойной ночи! — повторила она и вышла. Морисон вынул папироску из портсигара, закурил и, улыбаясь, выпустил струйку дыма, и струйка, синяя, полетела к луне и растаяла в ее свете.

XVIII

ТРИ ХИЩНИКА И ДЕВУШКА

На следующий день Мериэм и Бвана увидели с веранды скачущего к ним по степи всадника. Бвана был озадачен. Он знал не только каждого белого, но каждого негра на много миль кругом. Если бы хоть один белый появился за сто миль от имения, Бвана узнал бы о нем. Ему непременно донесли бы, со всеми подробностями, где охотится белый, много ли он убивает и не убивает ли при помощи запретных средств? (Бвана не позволял охотиться с помощью синильной кислоты или стрихнина). Ему донесли бы также, как обращается этот новопришелец со своими людьми.

Многих европейцев прогонял Бвана назад на берег моря. Все начальники отрядов и караванов боялись Бваны, и поэтому всякий белый, охотящийся за львами с помощью отравленных приманок, оставался без людей — никто не шел к нему. Зато все добросовестные охотники и все туземцы любили и уважали Бвану. Его слово было законом в здешнем краю.

Но об этом всаднике Бвана не был предупрежден. Он напрасно ломал себе голову, кто бы это мог быть? Но с обычным своим радушием он вышел на крыльцо и приветствовал гостя раньше, чем тот сошел с лошади. Это был бритый, хорошо сложенный блондин лет тридцати. Судя по акценту, он был родом из Швеции. Лицо его показалось Бване знакомым — он где-то встречался с этим шведом, и ему было неловко признаться, что он позабыл его имя. Гость держался грубовато, но простодушно, и понравился хозяину. Бвана был рад всяким людям, прибывающим в эту страну, и не задавал им никаких вопросов, лишь бы они вели себя хорошо.

— Странно, что вы добрались до меня без предупреждения! — промолвил он гостю, — туземцы всегда сообщают мне о приближении белых людей.

Он ввел его в дом и сказал слуге, куда отвести лошадь.

— Это случилось, должно быть, оттого, что я ехал с юга, — ответил незнакомец. — Я не встретил ни одной деревни на своем пути.

— Да, к югу от нас нет ни одной деревни с тех пор, как Ковуду покинул наш край.

Бвана был удивлен, как этот человек мог один приехать к ним с юга. К югу от них простирались пустынные тысячемильные джунгли.

— Я поехал туда с севера, — начал объяснять незнакомец, как бы догадываясь о мысли хозяина, — я намеревался там поохотиться. Но мой проводник, единственный человек из всего моего отряда, знакомый с этой страной, заболел и умер. Мы вынуждены были повернуть назад. Больше месяца мы жили только тем, что нам удавалось подстрелить. Мы не знали, что здесь живут белые люди. Сегодня утром я увидел дымок над вашей крышей и поскакал к вам. О, конечно, я слышал о вас, вас знает вся центральная Африка, я был очень рад, если бы вы разрешили мне остаться у вас недели на две отдохнуть и поохотиться.

— Конечно, конечно! — ответил Бвана. — Ставьте ваш лагерь рядом с лагерем моих молодцов, а сами живите у меня.

Бвана познакомил вновь прибывшего с Мериэм и Моей Дорогой. Приезжий назвал себя Ганс оном. При виде дам он проявил довольно странное смущение и как бы растерялся. Бвана заметил это, но объяснил это тем, что Гансону, вероятно, не приходилось встречаться с культурными женщинами. Хозяин поспешил увести его, чтобы угостить виски с содовой.

— Это очень странно, — сказала Мериэм Моей Дорогой, когда мужчины ушли. — Я как будто где-то видела его лицо. Это очень странно. Этого, конечно, не может быть.

Она замолчала и уже больше не возвращалась к этой теме.

Гансон не пожелал перенести свой лагерь поближе к дому, как ему советовал Бвана. Он говорил, что его слуги — народ задорный, сварливый, вечно ссорятся, и что лучше их держать подальше от дома. Сам он все время избегал встречаться с дамами, навлекая на себя общие насмешки над своей застенчивостью. Зато он часто сопровождал мужчин на охоту и выказал себя отличным охотником. Вечера он проводил большей частью с приказчиком Бваны. В общении с этим малообразованным человеком он находил больше интереса, и у него оказалось с ним больше общего, чем с просвещенными гостями Бваны. Гансон надолго уходил из дома и бродил по окрестностям. Нередко он захаживал в сад, который был гордостью и радостью Моей Дорогой и Мериэм: в саду было множество Цветов. Если он встречал в саду дам, он смущался, краснел и говорил в замешательстве, что он

приходит сюда только для того, чтобы посмотреть на цветы северной Европы, которые Моя Дорогая так удачно взрастила на африканской почве.

Но неизвестно, кто привлекал его: запах цветов или черноволосая смуглянка Мериэм?

Гансон пробыл здесь три недели. Он уверял, что его молодцам надо отдохнуть и собраться с силами после ужасного путешествия по непроходимым джунглям юга.

Сам он, по его словам, тоже отдыхал и предавался беззаботной лени. В действительности, это было не совсем так: Гансон вовсе не был так свободен и беззаботен, как казался. Не привлекая постороннего внимания, он разделил свой отряд на две части и во главе каждой поставил верных, преданных ему людей. Их он посвятил в задуманный им план и обнадежил их, что они получат хорошее вознаграждение в случае удачи. Одну часть отряда он отправил на север к месту пересечения всех караванных путей, идущих в Сахару с юга. Другую часть послал на запад и велел им разбить лагерь у большой реки, за которой начинались земли Великого Бваны.

Бване Гансон сообщил только о людях, посланных на север, о посланных же на запад умолчал. В другой раз, как бы случайно, к слову он сказал ему, что часть его подчиненных разбежалась. Сказал он это потому, что несколько охотников Бваны отправились в его северный лагерь, и он боялся, что они будут удивлены, не найдя там многих людей из его отряда.

* * *

Однажды, в жаркую ночь, Мериэм, которой не спалось, вышла побродить по саду. Морисон перед этим опять говорил ей нежные слова, и это так взволновало ее, что она не могла заснуть.

В саду за большим пышно цветущим кустом лежал Гансон. Он смотрел на звезды и чего-то ждал. Чего? Или вернее, кого? Он слышал приближающиеся шаги девушки и чуть-чуть приподнялся на локте. За десять шагов отсюда стояла его лошадь. Она была привязана к одному из столбов забора.

Мериэм медленно приближалась к кусту, за которым притаился Гансон. Гансон вынул из кармана шелковый ярко-красный платок и бесшумно встал на колени. Внизу, в конюшне, заржала лошадь.

Откуда-то издалека, из глубины джунглей, доносилось рычание льва. Гансон, все еще не разгибая спины, встал на ноги, готовый выпрямиться каждую минуту.

Снова заржала лошадь — на этот раз ближе. Слышно было, как она, проходя мимо изгороди, задевает кустарник. Гансон с удивлением раздумывал, откуда могла взяться эта лошадь? Ведь она только что перед этим ржала в конюшне. Он повернул голову и взглянул на животное. То, что он увидел, заставило его снова юркнуть в кусты и прижаться к земле, он увидел, что идет мужчина и ведет под уздцы двух оседланных коней.

Через минуту к Мериэм подошел Морисон Бэйнс. Мериэм взглянула на него с изумлением. Мистер Морисон улыбнулся — довольно принужденно и робко.

— Я не мог заснуть, — сказал он, — и хотел немного покататься верхом. Но зашел в сад и увидел вас. Мне пришло в голову, что, может быть, и вы не прочь предпринять вечернюю прогулку. Это очень приятная вещь, уверяю вас! Поедемте!

Мериэм засмеялась. Эта затея была ей по душе.

— Что ж, едем! — сказала она. Гансон негромко выругался. Молодые люди повели коней к воротам и лишь тогда заметили лошадь Гансона.

— Это лошадь того купца! — сказал Бэйнс.

— Должно быть, он приехал поговорить с приказчиком Бваны, — сказала Мериэм.

— Немножко поздновато, не так ли? — сказал Морисон. — Признаюсь, на его месте я не решился бы в такую позднюю пору пробираться через джунгли к лагерю.

Словно подтверждая его слова, лев снова зарычал в далеких джунглях. Мистер Морисон вздрогнул и посмотрел на девушку, как подействовал на нее этот зловещий звук. Но, казалось, она даже не слышала рычанья.

Через минуту молодые люди сели на коней и быстро поехали по равнине, залитой лунным сиянием.

Мериэм вдруг повернула своего коня прямо в джунгли. Опять раздалось рычанье голодного льва.

— Не лучше ли нам поехать в другую сторону, подальше от этого зверя? — предложил смущенный Морисон. — Вы, кажется, не

слышите, как он рычит?

— Слышу, — сказала, смеясь, Мериэм. — Поедемте скорее в лес и подразним его.

Морисон натянуто улыбнулся. Ему вовсе не хотелось ехать к голодному льву, но он боялся, что Мериэм сочтет его за труса, и потому согласился. Правда, у него было с собой ружье, но свет луны мешал ему взять верный прицел. Морисону было очень не по себе. И только когда лев перестал рычать, к Морисону понемногу вернулось мужество. Они ехали по ветру, прямо в джунгли. Лев залег в небольшой ложине, направо от всадников. Это был старый лев. Две ночи он ничего не ел, потому что уже не мог охотиться так успешно, как прежде: его прыжок не был таким быстрым, ловким и мощным, как в былое время, когда он нагонял ужас на обитателей джунглей. Две ночи и два дня был пуст его желудок; много ночей и дней он питался одной падалью. Впрочем, даже старый и немощный, лев остается грозой для обитателей джунглей.

Он чуял этой ночью опасный запах, но голод заставил его забыть об опасности. Пусть хоть двадцать вооруженных людей, только бы отыскать хоть какую-нибудь еду. Лев долго кружил по лесу и, наконец, залег против ветра, чтобы самому остаться необнаруженным и в то же время иметь возможность наблюдать за намеченными жертвами. Нума был истощен от голода, но он рассчитывал на свою опытность и хитрость.

Тот же ветер понес запах Нумы и запах людей далеко в джунгли. Какой-то другой зверь, сидевший в чаще леса, поднял голову, внюхался в этот запах, насторожился и прислушался.

— Скорее! — сказала Мериэм. — Ночью в лесу удивительно красиво. Лес здесь не густой, проехать можно. Льва вы не бойтесь, — добавила она, заметив нерешительность своего спутника. — Бвана говорит, что уже два года, как лев-людоед ушел из наших мест. Здесь львы сытые, им и без нас достаточно дичи.

— Я не боюсь львов, — сказал Морисон. — Я только думаю, что ужасно неудобно ездить верхом в лесной чаще. Кустарник, цепкие ветки, лианы путаются под ногами. Вы понимаете сами, какая эта езда!

— Ну, пойдемте пешком, — сказала Мериэм и приподнялась в седле, чтобы спрыгнуть.

— Нет, нет! — воскликнул Морисон, испуганный ее решительностью. — Уж лучше поедем! — и он направил свою лошадь в лес.

За ним ехала Мериэм, а впереди, за кустами, ожидая удобного случая, чтобы прыгнуть на них, притаился Нума-лев.

На поляне показался одинокий всадник. Он пробормотал проклятие, когда увидел, что молодые люди скрылись из виду. Это был Гансон. Он следовал за Мериэм и Морисоном от самого дома. Эта дорога вела в лагерь Гансона, а потому если бы они заметили его, у него нашлось бы хорошее оправдание: он едет к себе в лагерь. Но они ни разу не оглянулись: они не подозревали о его присутствии.

Гансон помчался за Морисоном и Мериэм в лес. Пусть они заметят его, все равно. Ему необходимо было наблюдать за ними и в то же время побывать сегодня же ночью в лагере.

Морисона он считал своим соперником и боялся, что этой ночью в лесу он овладеет доверчивой девушкой. Кроме того, Гансон боялся, что чернокожие Великого Бваны заведут сношения с его подчиненными, и тогда обнаружится, что он, Гансон, солгал. Ведь все это время он распускал ложные слухи, будто добрая половина его молодцов разбежалась. Если же его люди познакомятся с неграми Бваны, ложь непременно откроется. А этого он не мог допустить. Поэтому надо было торопиться побывать у себя в лагере.

Была еще причина, заставлявшая его мчаться за девушкой. Однажды, когда Гансона не было в лагере, а его люди сидели у костра, вдруг выпрыгнул из-за кустов огромный лев и схватил одного из негров. Только благодаря смелости и находчивости товарищей несчастный был спасен; воины прогнали льва горящими головнями, копьями и ружейными пулями. Об этом случае Гансон не сказал никому в доме у Великого Бваны.

Итак, Гансон знал, что в их округе появился страшный хищник, решающийся нападать на людей. Он слышал рев голодного зверя и не сомневался, что лев, которому так хочется крови, подстерегает Мериэм и Бэйнса. Он обозвал англичанина идиотом и пришпорил лошадь.

Мериэм и Бэйнс выехали на маленькую полянку. В пятидесяти шагах от них за кустами залег Нума. Его желто-зеленые глаза напряженно следили за всадниками, а кончик рыжего хвоста судорожно вздрагивал. Хищник измерял расстояние между собой и

людьми. Прыгать сейчас или подождать немного? Быть может, люди еще ближе подъедут к нему? Голод толкал его вперед, а осторожность заставляла ждать. Из-за поспешного или необдуманного прыжка можно лишиться вкусного обеда. Если бы прошлой ночью он был терпеливее и подождал бы, пока черные люди заснут, ему не пришлось бы голодать еще двадцать четыре часа.

Другой зверь, почуявший запах льва и приближающихся людей, сидел на суку, в нескольких шагах от льва. Под ним колыхалось серое, громадное тело слона. Зверь заворчал и спрыгнул с дерева на широкую спину слона. Он шепнул ему что-то на ухо, и слон Тантор стал раскачивать хобот по ветру, стараясь уловить этот запах, о котором ему только что шепнули на ухо.

Ему шепнули на ухо не только об этом, а еще другое какое-то слово. Какое слово? Может быть, распоряжение, приказ? Услышав это слово, огромное животное двинулось неуклюжей, но неслышной походкой, по направлению ко льву, а на спине у него сидел Тармангани.

С каждой минутой запах льва становился сильнее. Нума терял терпение. Почему человеческое мясо так долго не подходит к нему? Сколько времени ему еще ждать? Он сердито бил себя хвостом по тощим бокам и ворчал от досады.

Не подозревая об угрожающей опасности, девушка и молодой человек ехали по лужайке и мирно беседовали.

Их лошади шли рядом. Мистер Морисон Бэйнс взял Мериэм за руку и, крепко сжимая ее, пламенно изливался в любовных признаниях.

— Поедем со мной в Лондон! — твердил он. — Сейчас, тайком, никому не говоря ни слова! Я найму сафари, они проводят нас к морю. Мы сядем на пароход и отправимся в Англию! А здесь только через день или два догадаются, что мы убежали.

— Зачем же нам бежать? — спросила девушка. — Бвана и Моя Дорогая разрешат нам повенчаться и здесь.

— В данную минуту я венчаться не могу, — объяснил мистер Бэйнс. — Мне нужно выполнить еще кое-какие формальности. О них не стоит говорить, вы все равно не поймете. Мы повенчаемся потом... в свое время. А теперь... сейчас... я не могу больше ждать! Нам надо поехать в Лондон. Там все устроится! Если вы любите меня, вы

согласитесь поехать со мною. И почему вы говорите о венчании? Ведь вы жили в среде обезьян... Разве обезьяны хлопчут о каких-то бракосочетаниях, венчаниях? Они любят — это главное. Мы тоже любим друг друга, и больше ничего нам не нужно. Если бы вы и теперь жили среди обезьян, вы просто сошлись бы с самцом, как всякая обезьянья самка. Это закон природы, и никакому закону, созданному умом человеческим, не устоять против закона, созданного природой. И какое нам дело, что подумают о нас другие люди, если мы любим друг друга. Я готов отдать вам всю свою жизнь, а вы не хотите принести мне такую малую жертву!

— Вы любите меня? — спросила девушка. — И вы женитесь на мне, когда мы приедем в Лондон?

— Да, да, клянусь! — воскликнул он.

— Хорошо, я поеду с вами, — прошептала она, — хотя я и не понимаю, зачем это нужно.

Она склонилась к нему на плечо, он обнял ее, и их губы слились в поцелуе.

В эту самую минуту из чащи леса высунулась огромная голова слона. Мистер Морисон и Мериэм слышали только друг друга, видели только друг друга, и потому ничего не заметили. Но Нума заметил все. Точно также и тот человек, который сидел на объемистой голове Тантора, не мог не увидеть, что какой-то мужчина крепко обнимает какую-то девушку.

Сидевший на голове у Тантора был Корака. Но девушка была так изящна, на ней было такое нарядное платье, что он не узнал своей Мериэм. Он увидел только самца-Тармангани и его самку.

В эту минуту лев прыгнул...

Он боялся, как бы Тантор не спугнул его добычи, и потому поторопился прыгнуть из своего укромного места возможно скорее. Он страшно рычал. Земля дрожала от его могучего рыка. Лошади остановились, как вкопанные. Мистер Морисон Бэйнс похолодел, побледнел: он ужасно испугался. Яркое сияние полной луны озарило льва. Мускулы мистера Морисона уже не повиновались ему: они подчинились другой, более могучей силе — закону природы, который говорит о самосохранении... Эта сила заставила его пришпорить коня и умчаться во весь опор — прочь из леса, на поляну, подальше от всякой опасности.

Конь Мериэм, увидя ускакавшую лошадь Морисона, пустился вслед за нею. Но девушка осталась спокойна, так же, как и полуголый дикарь, который, сидя на слоне, с улыбкой созерцал интересное зрелище.

Корак знал, что лев голоден. Он полагал, что лев имеет полное право охотиться. Кораку не было дела до каких-то двух Тармангани. Но один из Тармангани оказался самкой, и Корак почувствовал инстинктивное стремление взять эту самку под свое покровительство. Откуда появилось в нем это чувство, он и сам не мог бы объяснить. Ко всем Тармангани он относился враждебно, и тем не менее, несмотря на то, что он долгое время жил как дикий зверь, унаследованные им человеческие чувства нередко проявлялись в нем и брали верх над звериными инстинктами.

Он поднял тяжелое копьё и кинул в бегущего Нуму. Конь девушки добежал как раз до противоположного края лужайки. Здесь быстроногому и подвижному льву уже нетрудно было напасть на него. Но разъяренный Нума предпочел напасть не на коня, а на девушку. На нее-то он и кинулся теперь.

Но девушка, в ту самую минуту, как Нума вскочил на круп обезумевшего от страха коня, схватилась за ветку дерева и ловко вспрыгнула на самый верхний сучок. Видя такую ловкость, Корак невольно вскрикнул от удивления.

Его копьё попало Нуме в плечо; зверь соскочил с крупа лошади. Лошадь встала на дыбы и дико ржала. Освободившись от двойного груза, — от девушки и от льва, — она понеслась, как безумная. Нума извивался и корчился, стараясь стряхнуть с себя копьё, но это ему не удавалось. Тогда он пустился в погоню за лошадей.

Корак увел Тантора в чашу леса. Он не хотел, чтобы его увидели.

Когда Гансон дошел до опушки леса, до него донеслось страшное рычание льва. Он понял, что лев набросился на добычу. Через минуту он увидел мистера Морисона. Тот скакал, сломя голову, думая лишь о том, как ему спастись. Всею грудью он прижался к шее лошади, обхватил ее обеими руками и все глубже вонзал в нее шпоры.

Через несколько мгновений его догнала другая лошадь — без седока.

Гансон догадался о том, что случилось, и стон вырвался у него из груди. С проклятием помчался он вперед, надеясь прогнать льва от его

злополучной жертвы. Он снял с плеча винтовку и держал ее наготове. И тут он увидел, что лев скачет за лошадью девушки. Этого Гансон понять не мог. Он знал, что, если Нуме удалось растерзать девушку, он никого другого преследовать уже не станет.

Он приблизился к зверю и, прицелившись, выстрелил. Лев остановился, посмотрел в его сторону, открыл пасть и повалился замертво. Гансон поскакал в лес и стал громко звать девушку.

— Я здесь, — услышал он откуда-то сверху. — Вы попали в него?

— Попал! — ответил Гансон. — Но где же вы? Счастливы вы, однако, отделались! Вы были на волосок от гибели. Надеюсь, это научит вас не кататься в джунглях по ночам.

Они вернулись вдвоем на поляну. Вскоре к ним приблизился очень медленным шагом мистер Морисон. Он объяснил, что его лошадь взбесилась и понесла, и что ему стоило немалого труда сдержать ее на месте. Гансон улыбнулся: он только что видел, как отчаянно вонзал в нее шпоры испуганный Бэйнс. Но Гансон ничего не сказал. Он посадил Мериэм у себя за спиной, и все трое молча поехали по направлению к дому.

XIX

ЗАПАДНЯ

Когда белые люди уехали, Корак выбежал из джунглей на поляну и вытащил свое копье из тела убитого льва. Он все еще улыбался. То, что он видел, было ему по душе. Одно только смущало его — как это белая девушка умудрилась с такой изумительной ловкостью вскочить на дерево — прямо со спины своей лошади! Так умеют прыгать только обезьяны, так умела прыгать только Мериэм! Он вздохнул. Мериэм погибла. Мериэм умерла. Бедная малютка Мериэм!

Ему было любопытно узнать, была ли эта человеческая самка и в других отношениях похожа на Мериэм. Ему страшно захотелось увидеть эту незнакомую девушку снова. Он посмотрел вслед трем фигурам, удалявшимся прочь. Куда они едут? Где эти люди живут? Не пойти ли за ними?

Но он не сдвинулся с места, он стоял и смотрел, пока они не скрылись из виду. Увидев цивилизованную европейскую девушку и щеголя-англичанина, одетого в хаки, он смутно вспомнил о чем-то забытом, давно не просыпавшемся в душе.

Когда-то и он сам мечтал вернуться к культурному образу жизни. Но когда умерла Мериэм, его покинули всякие надежды и желания. Теперь ему хотелось одного: жить в одиночестве, возможно дальше от людского общества.

Он вздохнул и медленно скрылся в джунглях.

Бвана встретил вернувшихся гостей на веранде своего дома.

Сквозь сон он услышал выстрел из ружья. Это стрелял Гансон. Бвана стал думать, что бы мог означать этот выстрел? Ему пришло в голову, уж не попал ли в какую беду один из его гостей? Встревоженный этой мыслью, он встал и отправился к своему приказчику, и там ему сообщили, что вечером здесь был Гансон, и что он уже несколько часов, как уехал. Вернувшись к себе, Бвана заметил, что ворота конюшни распахнуты настежь. Он вошел в конюшню и увидел, что нет ни лошади Мериэм, ни той лошади, которой чаще всего пользовался мистер Морисон Бэйнс. Тогда Бване пришло в голову, что стрелял давеча Морисон; Бвана снова разбудил приказчика

и хотел отправиться на поиски, но взглянул на поляну и увидел, что охотники уже едут домой.

Мистер Морисон начал было рассказывать о происшествии, но к его рассказу Бвана отнесся холодно. Мериэм молчала. Она видела, что Бвана сердит на нее. До сих пор он никогда на нее не сердился, и потому его гнев мучительно терзал ее сердце.

— Ступай к себе в комнату, Мериэм! — сказал он. — А вы, Бэйнс, зайдите на минуточку ко мне в кабинет. Я хочу сказать вам два слова.

Молодые люди повиновались. Даже в самых ласковых словах было у Бваны что-то такое, что заставляло людей повиноваться ему. Затем Бвана обратился к Гансону.

— А вы, Гансон, каким образом очутились с ними?

— Я сидел в саду, — ответил тот. — После того, как я расстался с приказчиком, я пошел и лег на траву полежать. У меня такая привычка. Немного полежал и нечаянно заснул. Слышу, разговаривают двое: Бэйнс и ваша барышня. О чем шел у них разговор, я не слышал, но потом Бэйнс уходит в конюшню, выводит двух лошадей и уезжает вдвоем с мисс Мериэм. Я, конечно, не вмешивался, не мое это дело, но я подумал: «Мало ли что может случиться, особенно с барышней», — и поехал тихонько сзади. И хорошо сделал, потому что Бэйнс, как только увидел льва, пустился бежать без оглядки и оставил девушку одну. Слава богу, я не промахнулся и с первого же выстрела угодил зверю под лопатку.

Гансон замолчал.

Бвана тоже не сказал ни слова.

После этой паузы Гансон закашлялся в видимом замешательстве. Казалось, он хочет сказать что-то такое, о чем ему и самому неприятно говорить.

— В чем дело, Гансон? — спросил у него Бвана. — Вы хотите что-то сказать?

— Дело вот в чем... — промолвил, запинаясь, Гансон. — Я часто бываю у вас в саду, и мне не раз попадалась на глаза эта пара — барышня и молодой человек. И простите меня, пожалуйста, но, насколько я понимаю, мистер Бэйнс не доведет до добра вашу барышню. Похоже на то, что он затевает бежать с ней отсюда.

Говоря это, Гансон и не подозревал, что он говорит чистейшую правду. У него были свои затаенные цели: он хотел сейчас

воспользоваться мистером Бэйнсом, а потом отвязаться от него.

— Вот что я хотел бы предложить, — продолжал Гансон, — я собираюсь уезжать на днях. Не посоветуете ли вы мистеру Бэйнсу сделать вам одолжение и поехать вместе со мной на север — до большого караванного пути?

Бвана задумался.

— Видите ли, Гансон, — промолвил он, — мистер Бэйнс — мой гость, и я не могу выгонять его из дому. Кроме того, я не думаю, что ваши догадки об его отношениях к мисс Мериэм справедливы. Но мне вспоминается, что он сам говорил о своем желании возможно скорее вернуться домой. Может быть, он и примет ваше предложение поехать на север — вы, кажется, сказали, что завтра же собираетесь в путь? Приходите ко мне завтра утром, а пока до свидания. Благодарю вас за то, что вы не оставили Мериэм без защиты.

Гансон злорадно улыбнулся, но скрыл свою улыбку от Бваны. Повернувшись, он взял ружье и ушел.

А Бвана направился к себе в кабинет, где его ждал мистер Морисон. Мистер Морисон, видимо, был очень взволнован. Он шагал по кабинету из угла в угол.

— Бэйнс! — сказал без дальних околичностей Бвана. — Гансон завтра уезжает на север. Вы ему очень понравились. Он просил меня сообщить вам, что он с удовольствием возьмет вас с собой. Спокойной ночи, Бэйнс.

По распоряжению Бваны, Мериэм не выходила из комнаты, куда мистер Морисон собирался к отъезду. Гансон явился за ним рано утром. Впрочем, Гансон и не уходил никуда; он остался ночевать у приказчика, чтобы тронуться в путь на рассвете.

Прощание гостя с хозяином не отличалось особой сердечностью. Проводив Бэйнса, Бвана вздохнул с облегчением. Не легко было ему указать мистеру Морисону на дверь, но он не раскаивался в своем поступке. Он и сам видел, как увивается мистер Морисон за Мериэм. Зная, как чванится молодой человек своим аристократическим происхождением, Бвана понял, что тот и не подумает предложить свое дворянское имя этой безымянной арабской девушке. Бвана не сомневался, что при всей белизне своей кожи Мериэм арабская девушка.

Обо всем этом эпизоде Бвана не сказал ни слова самой Мериэм. С его стороны это была большая ошибка. Мериэм, хотя и чувствовала, сколько добра сделали ей Бвана и Моя Дорогая, все же была и горда, и обидчива. Ее оскорбило, что Бвана, изгнав мистера Морисона, не пожелал даже выслушать ее объяснений. Кроме того, такой крутой поступок с молодым человеком сделал последнего в ее глазах чуть ли не мучеником и пробудил в Мериэм особую симпатию к нему.

Гансон и Бэйнс тронулись в путь. Бэйнс хранил угрюмое молчание. Гансон попробовал сразу завести такой разговор, который помог бы ему перейти к намеченному плану. Он ехал рядом со своим спутником, немного сзади, и когда заметил, сколько тоски и уныния на его аристократическом лице, не мог удержаться от самой веселой усмешки.

— С вами поступили там не слишком-то вежливо! — рискнул он сказать, кивнув головой в сторону дома, откуда они только что уехали.

Бэйнс молчал.

— Очень он высоко ценит эту девочку, — продолжал Гансон. — Он не хочет никому отдавать ее замуж... Не желает расставаться с нею. Но, по-моему, он поступил неразумно, предложив вам уехать из дому. Надо же ей выйти за кого-нибудь замуж, а лучшего жениха, чем вы, не придумаешь. Вы такой джентльмен!

Бэйнса подмывало заметить Гансону, что тот вмешивается не в свое дело; но ему польстила последняя фраза Гансона. Этот «купец» стал казаться ему человеком весьма рассудительным.

— Да, он порядочный грубиян и нахал! — проворчал Морисон. — Но я проучу его. Он, может быть, и важная персона тут, в глуши, в центральной Африке, но в Лондоне мое положение гораздо выше, и он сам убедится в этом, когда приедет туда.

— Будь я на вашем месте, — сказал Гансон, — я бы никому не позволял вмешиваться в мои отношения к женщинам. Говоря между нами, я и сам его не очень долюбиваю, и если я могу вам помочь, пожалуйста, располагайте мной.

— Благодарю вас, Гансон, — сказал Бэйнс, слегка оживившись, — но что может предпринять человек в этой проклятой дыре?

Гансон хитро ухмыльнулся.

— Я сделал бы вот что: я бы взял эту девицу с собой. Если она вас любит, она пойдет за вами с удовольствием.

— Это невозможно! — отозвался Бэйнс. — Вся эта гнусная местность у него в руках, — на целые мили кругом. Он поймает нас через два-три часа.

— Ну, нет, не поймает! — возразил Гансон. — Если я возьмусь за это дело, он никогда никого не поймает! Я уже десять лет занимаюсь тут торговлей и охотой, и знаю эту местность не хуже, чем он. Если вы хотите увезти эту девушку, я помогу вам, и ручаюсь, что никто не настигнет нас до самого моря. Мы сделаем так: вы напишете ей записочку, а я пошлю с этой записочкой моего человека. Назначьте ей свидание, скажите, что вам хочется попрощаться с нею, и я уверен, что она придет. А пока мы передвинем нашу стоянку немного на север. Вы можете условиться с нею, чтобы она была готова в одну из ближайших ночей. Скажите ей, что я встречу ее в определенном пункте и отвезу ее на нашу стоянку, где вы будете ее ожидать. Это самый хороший план, так как я знаю местность лучше, чем вы, и скорее проеду такое большое расстояние. Вы будете медленно двигаться с нашими сафари на север, а я с барышней догоню вас в дороге.

Бэйнс спросил:

— А если она не согласится поехать?

— Тогда снова назначьте ей свидание, но сами на это свидание не ходите, а Пошлите меня. Уж будьте покойны, я вам ее доставлю. Если мы и обманем ее, она потом об этом не пожалеет, особенно после того, как поживет с вами два месяца, покуда мы доберемся до моря.

Бэйнс хотел было притвориться, что этот безнравственный план возмущает его, но прикусил язык. Ведь он и сам имел такие же намерения по отношению к девушке.

Конечно, грубый торговец изобразил это слишком неприглядными красками. В его устах это дело принимает характер какого-то насилия. Но лондонский аристократ сообразил, что, если он воспользуется услугами Гансона, ему почти наверное обеспечен успех.

Он молча кивнул головой в знак согласия.

Всю остальную дорогу ни Гансон, ни Бэйнс не сказали почти ни слова. Каждый был погружен в свои думы, при чем и тот и другой думали друг о друге в высшей степени нелестные вещи.

Пробираясь сквозь густую растительность леса, они не принимали никаких мер предосторожности, и скоро треск сучьев под копытами их лошадей привлек внимание третьего путника.

Это был Корак.

Корак решил прийти на то самое место, где он видел белую девушку, которая с такой поразительной ловкостью взобралась на вершину дерева. Его влекла к ней какая-то неотразимая сила. Он хотел увидеть ее при свете дня, увидеть черты ее лица, узнать, какого цвета ее волосы, ее глаза. Ему казалось, что она непременно должна быть похожа на погибшую Мериэм, хотя он и знал, что это пустая мечта. В ту минуту, когда она мелькнула перед ним при лунном свете, она показалась ему такого же роста, как его бывшая подруга, но формы ее тела были более округлы и женственны.

Услышав лошадиный топот, он украдкой пробрался сквозь листву, чтобы ближе увидеть, кто едет.

В молодом человеке он сразу признал того самого, кто обнимался с девушкой при лунном сиянии. Другого он не узнал, хотя и в его позе и во всем его облике было что-то удивительно знакомое.

Корак решил, что стоит ему следовать за этим молодым англичанином, и он непременно отыщет загадочную белую девушку, так взволновавшую его воображение. Поэтому, незамечаемый никем, он проводил Гансона и Морисона до самой стоянки. Здесь мистер Морисон написал небольшую записочку, а Гансон вручил ее одному из своих подчиненных; тот немедленно помчался с нею на юг.

Корак не отходил от стоянки, он внимательно следил за англичанином. Он надеялся, что когда оба всадника доедут до этой стоянки, девушка окажется именно тут. Но он увидел, что его надежда не сбылась, и почувствовал большое огорчение.

Бейнс, не находя себе места, шагал взад и вперед под деревьями. Гансон лежал в гамаке и курил. Они говорили мало. Корак растянулся на ветке прямо над ними, прячась в густой листве. Время шло к вечеру. Кораку захотелось пить и есть. Он сообразил, что белые люди не покинут до утра своей стоянки, и поэтому решил на время уйти отсюда. Он пошел на юг, полагая, что по этой дороге легче всего встретить девушку.

* * *

Мериэм гуляла неподалеку от дома Бваны, в озаренном луной саду. Она все еще была оскорблена несправедливым, как ей казалось, обращением Бваны с мистером Морисоном Бэйнсом. Ей так и не

объяснили, за что он был изгнан из дома, ибо, щадя ее, и Бвана, и Моя Дорогая скрывали от нее истинный смысл того предложения, которое сделал ей Бэйнс.

Они знали то, чего Мериэм не знала; они знали, что он не имеет намерения жениться на ней. Если бы он хотел жениться, он, несомненно, обратился бы раньше всего к самому Бване, так как не мог сомневаться, что ответ будет положительным, конечно, в том случае, если сама Мериэм чувствует расположение к Морисону.

Мериэм любила их обоих, и Бвану, и Мою Дорогую, и была благодарна им за все, что они для нее сделали, но она была дикарка, и в ее маленьком сердце глубоко затаилась любовь к свободе; недаром она прожила столько лет привольной жизнью джунглей.

Теперь, впервые за все то время, что она жила в этом доме, она почувствовала себя пленницей.

Она шагала по саду вдоль изгороди, как тигрица шагает по клетке. Вдруг она остановилась, прислушиваясь. Что такое она услышала? Топот босых человеческих ног неподалеку от сада. Она вся превратилась в слух. Но звук не повторился. Тогда она снова стала шагать взад и вперед вдоль изгороди. Она доходила до одного конца сада, потом поворачивала и, не останавливаясь, шла до другого конца.

Внезапно она заметила возле кустов белый конверт, которого не было здесь за минуту до этого, когда она проходила по той же тропинке.

Она сразу остановилась и прислушалась. В этот миг она более, чем когда-либо, была похожа на тигрицу: вся настороже, вся наготове.

За кустами притаился голый гонец и глядел на нее сквозь листву. Он увидел, что она подошла к конверту.

Значит, письмо дошло. Негр спокойно встал и, прячась в густой тени кустов, исчез в чаще.

Тонкий слух Мериэм ловил каждое его движение. Она и не пыталась рассмотреть, кто он такой. Она сразу догадалась, что это посланный мистера Морисона. Она нагнулась и подняла конверт. При ярком сиянии луны она без труда прочитала бывшую в конверте записку.

— «Я не могу уехать, не повидавшись с вами», — писал ей Бэйнс. — «Завтра утром приходите на просеку попрощаться. Приходите одна».

В записке было еще несколько слов, от которых щеки у нее покраснели, а сердце забилось сильнее.

XX

В РУКАХ У НЕГОДЯЕВ

Было еще темно, когда мистер Морисон Бэйнс выехал к месту свидания.

Он потребовал, чтобы ему дали проводника. По его словам, он боялся, что ему одному не отыскать небольшой просеки среди необъятных джунглей.

В действительности, причина была другая: ему просто было страшно пробираться одному в предрассветном мраке по джунглям. Вдвоем не так страшно. Ему дали в проводники одного из чернокожих, который и побежал впереди.

А сзади, по веткам деревьев, мчался вслед за мистером Морисоном Корака, которого разбудила утренняя суматоха в лагере.

Морисон добрался до просеки лишь в десятом часу утра. Мериэм еще не пришла. Чернокожий лег на землю отдохнуть. Бэйнс небрежно развалился в седле. Корака с большим комфортом растянулся на одной из верхних веток ближайшего дерева. Оттуда он отлично видел все, а его не видел никто.

Прошел час. Бэйнс начал нервничать. Корака догадался, что молодой человек явился сюда на свидание. Не трудно было угадать, кого он ждет. Корака был очень доволен, что скоро он снова увидит гибкую фигуру милой девушки, напоминавшей ему Мериэм.

Вдруг до его ушей донесся конский топот. Это была она. Бэйнс лишь тогда заметил ее приближение, когда она появилась у другого конца поляны. Он пришпорил коня и помчался ей навстречу.

Корака испытующе вглядывался в нее, мысленно проклиная ее широкополую шляпу, не позволявшую рассмотреть черты ее лица. Корака увидел, что лицо мужчины на мгновение юркнуло под ту же широкополую шляпу. Он ясно представил себе, как их губы слились в поцелуе, и на миг в душе у него так ясно возникло одно воспоминание, одновременно и горькое, и сладостное, что он закрыл глаза, как бы стараясь скрыть нахлынувшие на него тревожные чувства.

Когда он снова поднял глаза, он увидел, что молодые люди уже не целуются, а о чем-то очень горячо разговаривают. Молодой человек, по-видимому, убеждал ее в чем-то, а она колебалась.

Многие ее жесты напомнили Кораку Мериэм. Мериэм так вскидывала голову — подбородком вперед, так же качала головой: направо, налево.

Кончив разговор, мужчина крепко сжал девушку в объятиях и долго целовал на прощание. Потом она повернула коня и поехала по той же дороге, по которой приехала сюда. Мужчина смотрел ей вслед. Доехав до опушки, она оглянулась и помахала ему на прощание рукой.

— До вечера! — крикнула она ему, откинув голову назад, и тут, впервые за все это время, Корак увидел ее лицо.

Корак задрожал как лист. На мгновение он закрыл глаза, и когда открыл их, ее уже не было, только потревоженная листва на опушке все еще продолжала колыхаться.

Неужели это правда? Это невозможно! Этого не может быть! И все же он видел собственными глазами свою Мериэм.

Она выросла, пополнела. Она очень изменилась, но это была она, она! Она стала красивее, но это его прежняя, его маленькая Мериэм! Она жива! Она не умерла! Он видел ее, видел свою Мериэм! Но она в объятиях другого мужчины!

И теперь этот мужчина тут, внизу, и его так легко убить!

Корак-Убийца нежно погладил свое любимое тяжелое копьё. Он вынул из-за пояса охотничий нож.

Человек, сидевший на коне, кликнул своего сонливого проводника, поправил уздечку и двинулся обратно на север.

Неподвижно сидел Корак-Убийца, один среди молчаливого леса. Руки у него опустились, оружие и кровавые замыслы были забыты. Корак задумался. Он заметил ту неуловимую перемену, которая произошла с Мериэм. Когда в последний раз он видел ее, это была маленькая полуголая Мангани, неуклюжая дикарка. Тогда она не казалась ему неуклюжей. Но теперь, когда он увидел, как она грациозна, он понял, что тогда ей действительно не хватало изящества. А он как был дикарь, так и остался.

И все же он любил ее по-прежнему. Ревность обожгла его душу, когда он увидел ее в объятиях этого английского франта. Любил ли ее англичанин? Впрочем, можно ли не любить ее? И она тоже несомненно любила его, иначе зачем бы она стала так страстно целоваться с ним!

Мериэм любила другого!

Ему снова захотелось пойти и убить этого человека.

Но нет, ведь она любит его. Разве можно убить человека, которого любит Мериэм!

Потом ему захотелось догнать девушку и заговорить с нею. Он приподнялся, чтобы пуститься вдогонку, но тотчас же остановился: он вспомнил, что он голый, и ему стало стыдно.

Он, сын британского лорда, довел себя до такого состояния, что ему стыдно показаться на глаза любимой женщине!

В течение нескольких лет ему никак не удавалось возвратиться к родным, а потом он уже сам не захотел возвратиться — из гордости!

Мальчиком он бежал в этот лес, просто потому, что, как всякий мальчик, он страстно любил приключения, опасности, дикую жизнь. Но потом он нечаянно оказался причастным к убийству одного американца-преступника, и это убийство нагнало такой ужас на его детский ум, что он бежал в джунгли. Та жестокость, с которой постоянно встречали его белые и черные люди, еще сильнее отдала его от человеческого общества и заставила побрататься со зверями. По своей собственной воле он сделался зверем. Зверем он жил, зверем он и умрет!

Теперь уже поздно сожалеть об этом. Мериэм не умерла, как он думал ранее, но между ним и ею разверзлась такая пропасть, какой не могла бы создать и сама смерть: Мериэм стала культурной, образованной женщиной. Она любит человека своего круга. Корака понимал, что иначе и быть не может. Она не для него, не для голой, дикой обезьяны. Да, она не для него, но он все-таки будет принадлежать ей до могилы, он постарается сделать все, что в его силах, чтобы она была счастлива. Он пойдет за этим молодым англичанином — и раньше всего посмотрит, не замышляет ли тот чего-нибудь худого по отношению к ней. Если окажется, что этот человек действительно желает ей добра, Корака подавит в себе ревность и будет всячески помогать ему. Но горе этому человеку, если он хочет обидеть Мериэм!

Кораку не стоило большого труда догнать молодого англичанина. Он догнал Бэйнса в ту самую минуту, когда Бэйнс въезжал в лагерь Гансона. Гансон вышел навстречу своему гостю. Корака бесшумно скользнул на вершину ближайшего дерева и притаился в листве. Там он пролежал до вечера. Англичанин никуда не уезжал. Неужели

Мериэм придет в лагерь? Прошло еще немного времени, и из лагеря выехал Гансон, в сопровождении одного из своих чернокожих. Корака не обратил на это почти никакого внимания. Его в этом лагере интересовал лишь один человек: молодой англичанин.

Стемнело, а молодой человек все еще оставался в лагере. Поужинав, он принялся курить и выкурил бездну папирос. Приказав слуге подбросить дров в костер, он стал расхаживать взад и вперед перед палаткой. Из леса донеслось глухое рычание льва. Молодой человек ушел в палатку, через несколько минут вернулся с ружьем и снова приказал сильнее разжечь костер. Корака понял, что англичанин нервничает и боится, и губы у Корака сложились в презрительную усмешку.

Вот кто вытеснил его из сердца Мериэм! Этот трусишка, который весь задрожал, когда услышал, как рычит лев. Разве может такой человек защищать Мериэм от тех бесчисленных опасностей, которые угрожают ей в джунглях? Впрочем, этому человеку не придется ее защищать. Они оба будут жить в безопасности, среди культурной европейской обстановки. Разве европейцу нужна смелость? Разве ему приходится защищать свою подругу?

Снова усмешка презрения заиграла на губах у Корака.

Гансон со своим негритенком приехал на ту же лужайку, куда сегодня утром приезжал Бэйнс. Было уже темно. Гансон оставил слугу на лужайке, а сам подъехал к опушке леса, ведя на поводу коня слуги. Там он остановился и стал ждать. В десятом часу вечера он увидел одинокую фигуру, скачущую к нему верхом от дома Бваны. Это была Мериэм.

Мериэм была сильно взволнована. Щеки у нее пылали. Когда она увидела, что сидящий на коне не Морисон, она отпрянула назад в изумлении.

Гансон поторопился объяснить ей, в чем дело:

— Мистеру Бэйнсу лошадь отдала ногу. Поэтому он сам не мог приехать и поручил мне встретить вас и проводить в лагерь.

Девушка не могла заметить в ночной темноте, что на лице у говорящего играла злая улыбка.

— Не будем медлить, — продолжал Гансон, — надо торопиться, если мы не хотим быть настигнутыми.

— А он сильно повредил себе ногу? — тревожно спросила девушка.

— Нет, пустяки, небольшое растяжение связок. Боль в ноге не помешала бы ему держаться на лошади, но мы оба решили, что будет лучше, если он в эту ночь отдохнет и полежит спокойно. Ведь предстоит неблизкий путь.

— Это правда! — согласилась девушка. — Пусть отдохнет перед дальней дорогой.

Гансон повернул обратно в джунгли. Девушка следовала за ним. Они проехали на север не больше мили, а потом Гансон круто переменял направление и поехал на запад. Мериэм не обратила внимания на эту перемену маршрута. Она не знала в точности, где находится лагерь Гансона. Ей и в голову не могло прийти, что Гансон везет ее совсем в другое место.

Всю ночь они пробирались на запад. Когда рассвело, Гансон остановился, чтобы сделать краткий привал для завтрака. У него было припасено много провизии в двух мешках, привязанных к седлу. Подкрепившись едой, путники снова пустились в дорогу и в течение нескольких часов не сходили с коней. Наконец, после полудня, в самый зной, Гансон остановил коня и предложил девушке лечь отдохнуть.

— Здесь мы немного поспим, а наши кони пусть попасутся! — сказал он.

— Я не думала, что ваша стоянка находится так далеко, — заметила девушка.

— Я приказал своим людям, чтобы они отправились в дорогу на рассвете! — объяснил ей Гансон. — Я хотел отойти от вашего дома по возможности дальше. Нам ведь нетрудно будет догнать тяжело нагруженных сафари. Завтра утром мы догоним их.

Но они скакали добрую половину ночи и весь следующий день, а никаких сафари не видали. Мериэм, с детства изучившая джунгли, знала наверное, что по тем тропинкам, по которым они пробирались теперь, уже давно никто не проходил. И, в конце концов, в ее душу начало закрадываться подозрение.

И спутник стал мало-помалу относиться к ней как-то иначе. Несколько раз она замечала, как он пожирает ее жадными глазами. К ней снова вернулось подозрение, что где-то когда-то она уже видела этого человека. В джунглях ему ни разу не случилось побриться; русая

щетина стала покрывать его подбородок, его щеки и шею. Чем больше девушка вглядывалась в эту начинавшую пробиваться бороду, тем сильнее росла в ней уверенность, что этого человека она уже видела прежде.

Она долго не решалась сказать своему спутнику, что она не совсем доверяет ему. Но, наконец, не выдержала. На второй день она остановила коня и высказала все свои сомнения. Гансон принялся уверять ее, что стоянка находится всего за несколько миль отсюда.

— По моим расчетам мы должны были настигнуть их еще вчера, — сказал Гансон. — Но я ошибся, они идут быстрее, чем я думал.

— Они вовсе тут и не проходили, — сказала Мериэм. — Все следы по дороге стертые. Этим следам никак не меньше трех недель.

Гансон засмеялся.

— Что же из этого? — вскричал он. — Жаль, что вы мне этого раньше не сказали. Я сразу объяснил бы вам, что мы идем по другой дороге, но сегодня... сегодня мы вступим на их дорогу, по которой идут они.

Теперь, наконец, Мериэм поняла, что этот человек лжет. Какой идиоткой он считает ее, если думает, что она способна поверить подобному вздору!

Но она не показала и виду, что разгадала его, а сама решила при первой же возможности бежать от своего похитителя. Украдкой она всматривалась в его лицо, и ее мучила мысль: где же видела она этого человека, когда, при каких условиях, встречались они прежде, задолго до того, как они встретились на ферме у Бваны? Она перебирала в уме тех немногих белых людей, которых до сих пор ей доводилось знать. Белые люди приходили в дуар ее отца, когда она была маленькой девочкой. Их было мало, но она помнит их всех.

Наконец около полудня они вышли на берег какой-то широкой и тихой реки. На другом берегу реки Мериэм увидела лагерь, окруженный высокой стеной терновника.

— Ну, вот мы и приехали! — крикнул Гансон. Он достал револьвер и выстрелил несколько раз в воздух. Немедленно весь лагерь встрепенулся. Черные люди прибежали к реке. Гансон окликнул их и распорядился, чтобы черные подъехали в лодке и перевезли их на тот берег. Чуть только Мериэм вступила в лагерь, она тотчас же спросила о

Бэйнсе. Ее страхи на минуту улеглись, так как она увидела, что лагерь, который она считала выдумкой, существует на самом деле.

Гансон указал ей палатку, стоявшую посредине площадки, окруженной терновником.

— Там! — сказал он и повел Мериэм к палатке. Перед тем, как войти в палатку, он приподнял одно из полотнищ и пропустил девушку вперед.

Она вбежала туда — там никого не было! Она повернулась к Гансону. Широкая улыбка озарила лицо негодяя.

— Где мистер Бэйнс? — спросила она.

— Его нет! — ответил Гансон. — По крайней мере, я не вижу его. Но зато здесь я, а я, черт возьми, почище этого ничтожного труса. Вам он больше не нужен: вы теперь имеете меня.

И с громким хохотом он схватил ее за руку. Мериэм сопротивлялась, но Гансон охватил ее железными руками и медленно понес к груде одеял, лежавших в углу палатки. Его лицо придвинулось к ней близко-близко. Глаза сузились от страсти и похоти. Мериэм изо всей силы вырывалась и билась, и вдруг она вспомнила точно такую же сцену, в которой он играл точно такую же роль, и только теперь она поняла, кого напоминает ей Гансон. Гансон — это швед Мальбин, он однажды пытался взять ее силой. Тогда он пристрелил своего спутника, который хотел помешать ему; тогда ее спас подоспевший на помощь Бвана, — да, да, это он! Это Мальбин! Она не узнала его, потому что он сбрил себе бороду, но теперь борода появилась опять, и она видит: это он, это Мальбин.

Но теперь уже Бвана не явится к ней на помощь.

XXI

ЛЮБОВЬ ПЕРЕРОЖДАЕТ

Негритенок, которого Мальбин оставил на лужайке, просидел у дерева не более часа, как вдруг услышал у себя за спиной фыркание льва. Испуганный мальчик взобрался на дерево. Лев вышел на лужайку и направился к трупу антилопы. Труп этот негритенок заметил только сейчас.

Зверь пожирал антилопу до рассвета. Негритенок боялся заснуть. Он удивлялся, куда делся его хозяин с обеими лошадьми? Он уже год

был у Мальбина и хорошо знал жестокий характер шведа. И понял, что Мальбин бросил его на произвол судьбы. Как и все остальные слуги Мальбина, мальчик ненавидел своего хозяина. Только страх заставлял его подчиняться. Уверенность, что хозяин бежал, еще больше разжигала ненависть слуги.

На рассвете лев ушел в джунгли. Негритенок слез с дерева и направился к лагерю. Тысячи планов ужаснейшей мести копошились у него в мозгу; но он знал, что никогда не осмелится осуществить их: ведь хозяин принадлежит к высшей расе.

Пройдя не больше мили, негритенок увидел следы двух лошадей; следы пересекали его дорогу. Мальчик лукаво улыбнулся и хлопнул себя по бедру.

Негры — как и все остальное человечество — ужасные сплетники. Мальчик много слышал о прошлом своего хозяина от своих старших товарищей. Он знал также кое-что о заговоре Мальбина и Бэйнса; он знал, что часть отряда Мальбина находится на западе, и сообразил, что его хозяин увез ту женщину в западный лагерь, а своего союзника оставил в нескольких милях от дома Великого Бваны: Бвана догонит его и расправится с ним.

Плохо спалось Морисону в лагере у шведа. Его мучили сомнения и страхи. Он заснул только к утру, окончательно разбитый и угнетенный. Его разбудил начальник отряда и сказал, что они должны немедленно идти на север. Бэйнс съезжился. Он заявил, что хотел бы подождать Гансона и Мериэм. Начальник уверял его, что медлить невозможно, так как им грозит серьезная опасность. Он достаточно знал планы своего хозяина и понимал, что ему нужно держаться подальше от владений Великого Бваны. Бэйнс встревожился.

Что, если Гансон попался к Великому Бване? Что, если Бвана обо всем догадался? Он жестоко накажет его за незаконный поступок! Он слышал о могуществе Бваны, ему говорили, что он карает смертью белых, посягающих на честь туземных женщин.

Бэйнс содрогнулся и нервно воскликнул:

— Мы должны убраться отсюда немедленно! Знаете ли вы дорогу на север? Едем, не теряя минуты!

И они немедленно выступили в путь.

В полдень усталый, покрытый потом негритенок догнал отряд. Товарищи радостно встретили его. Он рассказал им все свои

предположения о поведении их хозяина.

Бэйнс последний узнал обо всем случившемся. Когда он понял, что его обманули, что Гансон выкрал Мериэм для себя, он вскипел от бешенства.

Ему не приходило в голову, что Гансон сделал с ней только то, что он собирался сделать. Его обыграли в игре, которую он сам же затеял. Он потерял добычу, которую считал уже своей!

— Куда убежал твой хозяин? Ты знаешь? — спросил он у негритенка.

— Знаю, господин! — ответил тот. — Он уехал в другой лагерь к большой реке, которая бежит к закату.

— Можешь ли ты показать мне дорогу? — спросил Морисон.

Мальчик охотно согласился. Он думал этим отомстить своему ненавистному господину. Кроме того, он избегнет наказания Великого Бваны, который раньше всего погонится за северным отрядом.

— Можем ли мы с тобой вдвоем добраться до того второго лагеря? — снова спросил Морисон.

— Да, господин.

Бэйнс подошел к начальнику отряда. Он понял, почему этот отряд был поставлен у самой границы владений Великого Бваны; пока тот погонится за северным отрядом, западный успеет добраться до западного берега моря. Что ж! Он по-своему использует планы этого мерзавца. Он не попадет в руки к Великому Бване!

— Ступайте на север! — сказал Бэйнс начальнику отряда. — Я же вернусь в дом и попробую отвлечь Великого Бвану на запад.

Негр заворчал, но согласился. Ему не хотелось подчиняться человеку, который так позорно трусил всю ночь. Но попасть в руки могучих воинов Великого Бваны, с которыми давно уже враждовало его племя, ему хотелось еще меньше. Радовало его только то, что теперь у него был хороший способ покинуть своего хозяина. Он знал такой путь на север, о котором белые не имели понятия. Там Великий Бвана никогда не отыщет его.

И он повел своих людей на север. А мистер Морисон Бэйнс, в сопровождении негритенка, пошел в джунгли, на юго-запад.

Корак некоторое время следил за Морисоном. Но заметив, что они идут не туда, и что им не встретиться с Мериэм, он покинул их и

пошел к тому месту, где в последний раз он видел любимую девушку в объятиях другого мужчины.

Он был счастлив, что она осталась жива, и сначала даже не ревновал ее. Но потом явилась и ревность, мрачная, кровожадная ревность. О, бедный мистер Морисон Бэйнс, если бы он знал, что здесь, в ветвях, у него за спиной, сейчас сидело таинственное дикое существо, которое так ненавидит его, он, наверное, умер бы со страха.

Корак тоскливо ждал Мериэм, но Мериэм не пришла!

Вместо нее на поляне появился высокий широкоплечий мужчина, одетый в хаки, а за ним — отряд черных воинов. Лицо его было сурово. Тоска была написана у него в глазах — такая глубокая тоска, что даже ярость не могла изгладить ее. Человек всматривался в землю. Затем он сделал знак своим людям: он узнал все, что хотел. Надо идти дальше, к северу. Неподвижно лежал Корак, как каменное изваяние. Горе разрывало ему сердце. Он ушел, опустив голову, не смотря по сторонам, как старик, которого придавила беда.

Бэйнс ехал по зарослям за негритенком. Когда ветки деревьев спускались слишком низко, Бэйнсу приходилось слезать с лошади и брести пешком. Негритенок вел его кратчайшим путем, но лошадь этим путем идти не могла. И на другой день англичанину пришлось расстаться со своей лошадью.

Чем больше думал Морисон о судьбе Мериэм, чем больше разбирал его гнев, тем яснее он понимал, что сам был всему виною и что ему никогда не заслужить ее расположения.

Теперь только понял он, как любил ее. Он сравнивал ее с другими женщинами — богатыми и знатными — и видел, что от этого сравнения она только выигрывает. И он возненавидел не только Гансона, но и себя, — он почувствовал себя омерзительным. Жажда мести и любви крепла в его душе.

Избалованный, привыкший к роскоши, он всю жизнь относился ко всему легкомысленно и теперь впервые испытывал настоящее горе и настоящее унижение.

Месть и сознание своей вины вели его по джунглям. «Слишком поздно! Слишком поздно! Опоздаю!» — было главной его мыслью. И мысль эта властно толкала его вперед.

Он остановился, когда уже совсем стемнело. Негритенок падал от усталости, но он пригрозил мальчику, что убьет его, если тот

остановится. Негритенок не понимал, что стало с этим странным белым человеком, который еще прошлой ночью так боялся темноты. Мальчик хотел удрать, но Бэйнс догадался о его замыслах и не отходил от него ни днем, ни ночью.

То, что благородный мистер Морисон не боялся лечь и заснуть ночью в джунглях, было важнейшим признаком происшедшей в нем перемены. Кроме того, он шел рядом с негром, а это был демократизм, который прежде ему никогда и не снился.

Наутро он проснулся больной, усталый, продрогший, но решение его идти отомстить Гансону и спасти девушку было непоколебимо. Даже не подкрепившись едой, они снова пустились в путь. После усиленных просьб негритенка, Морисон остановился у ручья, и они наскоро перекусили. Затем они снова стали пробираться сквозь чащу деревьев, лиан и кустов.

В это самое время Корак медленно шел на запад вместе со своим слоном, Тантором, которого он встретил в джунглях. Одинокий и опечаленный юноша был рад зверю. Слон нежно обвил его хоботом, и через минуту Корак очутился на могучей спине, где не раз он, бывало, дремал в полуденную пору.

А далеко на севере в это время великий Бвана и его черные воины мчались за убегающим отрядом. Каждый шаг удалял их от девушки, которую они хотели спасти, но они не знали об этом.

А в большом доме грустно ждала их женщина, которая любила Мериэм как свою дочь и надеялась, что ее муж привезет ее обратно.

XXII

БЕГСТВО

Когда Мальбин мускулистыми руками сжал руки борющейся Мериэм, она потеряла всякую надежду. Она ни разу не крикнула, потому что ей неоткуда было ждать помощи, а джунгли научили ее не кричать попусту.

Но случайно, во время борьбы, ее рука дотронулась до револьвера, который торчал у Мальбина из-за пояса. Он медленно увлекал ее на грудь одеял, а она в это время вытаскивала револьвер у него из-за пояса.

Едва Мальбин довелок ее до края неубранной постели, она внезапно толкнула его, и он упал. Она нажала курок.

Но револьвер дал осечку. Мальбин встал. Она бросилась бежать, но у дверей его тяжелая рука снова опустилась к ней на плечо. С бешенством раненой львицы она повернулась и выстрелила ему в лицо.

Он застонал от боли и гнева, покачнулся, выпустил ее и упал без чувств на землю. Не обернувшись к нему, Мериэм пустилась бежать. Негры думали погнаться за нею, но испугались ее револьвера. Она бежала на юг, в джунгли.

Подчиняясь инстинктам маленькой Мангани, она сразу же влезла на дерево. Там она сбросила с себя амазонку, чулки, башмаки, она знала, что все это больше не понадобится ей. Шаровары для верховой езды будут защищать ее от холода; они не очень стеснительны, но все остальное ей совершенно не нужно.

Она стала думать о том, как трудно ей будет без оружия. Зачем она не сняла с Мальбина его патронташ? Если бы у нее были заряды, она могла бы защищать себя на пути к Бване и Моей Дорогой, которых она так безмерно любила.

Подумав немного, она решила вернуться в палатку и захватить револьверные пули.

Конечно, ее могут схватить, но ведь без оружия она все равно погибнет. Как она защитит себя в джунглях? Откуда добудет пищу? И она снова направилась к лагерю, из которого только что убежала.

Мериэм была уверена, что Мальбин убит наповал, такую рану она нанесла ему. Она надеялась, что, когда стемнеет, ей удастся проскользнуть в лагерь и выкрасть его патронташ. Но едва она устроилась поудобнее на дереве, недалеко от стоянки, как увидела Мальбина: он вышел из палатки, вытирая кровь с лица.

Он жив!

С бранью накинулся он на своих подчиненных, засыпая их градом вопросов, и немедленно весь лагерь побежал искать беглянку.

Когда Мериэм убедилась, что возле палатки никого не осталось, она слезла с дерева и через лужайку побежала к лагерю.

Озираясь, она проникла в палатку; патронташа там не было, но в углу лежала шкатулка, в которой Мальбин держал все свои вещи, назначенные к пересылке в западный лагерь.

Мериэм схватила шкатулку, предполагая, что там находятся патроны. Быстро сорвала она парусину, которой была обшита шкатулка, и подняла крышку. В шкатулке оказались самые различные вещи. Какие-то письма, бумаги, газетные вырезки. Среди этого хлама Мериэм увидела фотографию маленькой девочки, а к фотографии была приклеена вырезка из парижской газеты, такая пожелтевшая и истертая, что ее невозможно было прочесть. Эта же фотография была воспроизведена на другом газетном лоскутке.

Находка заинтересовала девушку. Где она видела это лицо?

И вдруг она поняла, что это ее собственный портрет. Здесь была изображена она, малютка Мериэм! Но как попала карточка к этому человеку? Зачем ее напечатали в газете? О чем говорится на этом истертом клочке бумаги?

Мериэм была озадачена. Тут скрывалась какая-то тайна. Долго разглядывала она эту выцветшую фотографию. Но потом вспомнила, зачем пришла сюда и снова принялась рыться в шкатулке. На этот раз ее поиски увенчались успехом: на дне шкатулки оказалась коробка с патронами. Да, это патроны от револьвера, который лежал у нее в кармане, и, пересыпав их в карман шаровар, она снова принялась разглядывать свою фотографию, но тщетно старалась разгадать тайну портрета.

До нее донеслись голоса. Она насторожилась; голоса приближались. Мериэм ясно услышала злобную ругань шведа.

Мальбин идет сюда. Мериэм выглянула из палатки. Увы, слишком поздно! Она окружена.

Белый и три негра торопливо шли к палатке. Она спрятала карточку у себя на груди и быстро зарядила револьвер. Затем вернулась в глубину палатки и направила дуло револьвера в ту сторону, откуда каждую минуту могли войти ее преследователи. Мальбин остановился у входа и грубым голосом отдавал приказания. Он долго не входил; девушка успела обдумать план бегства. Она нагнулась, приподняла нижний конец парусины и, озираясь, поползла на животе из палатки.

И как раз в ту минуту, когда в палатку вошел Мальбин, Мериэм уже успела уползти. Низко нагнувшись, она подбежала к ближайшей хижине, остановилась и оглянулась. Никого не было видно.

Из палатки Мальбина слышались проклятия. Швед заметил, что кто-то рылся у него в шкатулке. Он созвал своих людей. Мериэм побежала в самый конец стоянки, к большому дереву. Ее охватила радость. Теперь ей удастся ускользнуть. Она быстро вскарабкалась на дерево и увидела оттуда, как Мальбин двинул отряд негров в джунгли. На этот раз он оставил в лагере на страже троих молодцов, а сам направился к югу.

Едва он скрылся из виду, девушка скользнула за терновую изгородь и побежала к реке. Здесь стояли пироги, на которых отряд перебирался сюда с того берега. Не легко было девушке справиться с неуклюжей и громоздкой лодкой, но ничего другого не оставалось: она должна была переплыть реку. Но сейчас сделать это было невозможно. Место, где стояли пироги, было видно из лагеря. Переплывать сейчас значило быть пойманной. Нужно было ждать наступления ночной темноты.

Около часу Мериэм лежала в укромном месте, взволнованно наблюдая за часовыми. Один из них сидел так, что должен был неминуемо заметить ее, если она попытается спустить на воду лодку.

Вдруг из чащи леса показался Мальбин. Он вспотел и тяжело дышал. Подбежав к реке, он пересчитал пироги. Ясно было, что он угадал тайные замыслы девушки. Она хочет перебраться через реку. Иначе ей никак не вернуться к своим покровителям. Облегченный вздох вырвался из его груди, когда он убедился, что все пироги на месте. Оглянувшись, он заговорил с начальником отряда, который, в сопровождении нескольких негров, следовал за ним. По приказанию

Мальбина, все пироги, кроме одной, были спущены на воду. Мальбин позвал стражу, оставленную в деревне, затем все они сели в пироги и поплыли вверх по течению.

Мериэм следила за ними, пока они не скрылись за изгибом реки. Их нет! Какая радость! Они оставили ей пирогу, в которой лежит весло! Она не верила своему счастью. Теперь ей нечего медлить. Она прыгнула на землю. Между ней и пирогой было не больше десяти шагов.

За изгибом реки Мальбин причалил к берегу. Он оставил своих негров в лодках, а сам высадился на берег вместе с начальником своего отряда и принялся искать места, откуда ему было бы удобнее следить за оставленной пирогой. Мальбин заранее улыбался. Он был уверен в успехе. Рано или поздно девушке непременно придется переехать реку. Может быть, она не скоро додумается до этого. Что ж? Они подождут. Они готовы ждать хоть день, хоть два.

Увы, он не ожидал, что она так скоро пустится в путь. Когда он вышел на место, откуда видна была оставленная пирога, он заревел от ярости. Девушка была уже на середине реки.

Он кинулся к своим лодкам. Начальник отряда бежал за ним. Мальбин заставил своих гребцов работать изо всех сил. Пироги помчались вниз по течению. Расстояние между ними и девушкой становилось все меньше и меньше. Она увидела их, когда была уже недалеко от берега. Надо удвоить усилия. О, если бы ей удалось причалить хоть на две минуты раньше! Скорее туда, к деревьям! Там ее не поймут! Она была уже совсем недалеко от берега.

Увидев, что добыча снова ускользает из рук, Мальбин стал кулаками и бранью подгонять своих черных гребцов. Между его передней лодкой, где сидел он сам, и девушкой оставалось не больше тридцати сажен. Сейчас он догонит ее. Но она неслась как стрела и достигла спасительного берега, осененного ветвями деревьев.

Мальбин закричал не помня себя.

— Стой!

Бессильная злоба сводила его с ума. Он поднял ружье и прицелился в гибкую фигуру, исчезающую в чаще деревьев.

Мальбин был превосходный стрелок. Ему не приходилось делать промаха на таком близком расстоянии. Не промахнулся бы он и теперь, если бы его лодка не наткнулась на ствол упавшего в воду дерева, как

раз в ту секунду, когда он спускал курок. Этому дереву Мериэм была обязана жизнью. Пуля пролетела над самой ее головой и исчезла в густой листве.

Мериэм обрадовалась, увидев, что на небольшой полянке, которую ей надо было пересечь, когда-то стояла негритянская деревушка. Там и здесь еще торчали остатки разрушенных хижин. Растительность джунглей со всех сторон наступала на полянку. Улицы деревушки уже успели порости молодым лесом. Здесь было пустынно и тихо.

Удобнее всего бежать ей мимо хижин. Ей казалось, что в хижинах никто не живет. Она не видела острых глаз, которые следили за ней с каждого покривившегося на бок крыльца, из каждого покосившегося овина. Не подозревая опасности, она выбежала на улицу деревушки. Это был ближайший путь в джунгли.

На расстоянии мили к востоку, по следам, которые оставил Мальбин, когда вез Мериэм к себе в лагерь, тащился грязный, угрюмый, усталый человек в разорванном хаки. Он остановился, услышав выстрел Мальбина. Негритенок, который шел впереди, остановился тоже.

— Мы сейчас придем, господин! — сказал он почтительным тоном.

Белый утвердительно кивнул головой и приказал идти дальше. Это был изысканный и изнеженный Морисон Бэйнс. Лицо и руки его были расцарапаны и покрыты кровью. Его одежда была изодрана в клочья. Но в отрепьях, в крови и грязи Бэйнс преобразился. И этот новый Бэйнс был лучше прежнего — тщеславного фата.

У каждого человека, плохого и хорошего, таятся под спудом благородство и мужество. Бэйнс поступил скверно с любимой девушкой, но раскаяние преобразило его: он был теперь мужественнее и благороднее, чем прежде.

Негр и Морисон шли по направлению выстрела. Негр был безоружен. Бэйнс сам нес свое ружье, хотя оно утомляло его, он не доверял негру. Но теперь он не побоялся дать оружие своему чернокожему спутнику. Он знал, как негр ненавидел Мальбина, и, радуясь этой ненависти, он предчувствовал кровавую схватку. Ведь он и шел для того, чтобы отомстить. Ему самому ружье не нужно: он прекрасно стрелял из револьвера.

Вдруг неподалеку от них раздались выстрелы. Пули пролетели над их головами. Вслед за выстрелами прогремел свирепый рев. Затем все смолкло.

Бэйнс торопился. Он бежал из последних сил. Но джунгли казались ему теперь совершенно непроходимыми. На каждом шагу он спотыкался и падал. Негр дважды сбивался с пути, и им долго приходилось искать дорогу. Наконец они вышли на поляну, где находилась полуразрушенная деревня.

На заросшей молодым леском деревенской улице лежал еще теплый труп негра; он был убит пулей навывлет. Кругом ни души. Они остановились, прислушиваясь.

Что это? Голоса и всплески весел?..

Бэйнс побежал на берег, к кустарнику, через деревню. Негритенок бежал рядом с ним. Пройдя через кустарник, они вышли к реке и увидели пироги Мальбина, причаливающие к противоположному берегу. Негр узнал своих товарищей.

— Как нам перебраться на тот берег? — спросил Бэйнс.

Негр покачал головой. Пирог на этом берегу не было. Крокодилы разорвут на части всякого, кто вздумал бы пуститься вплавь по реке. Вдруг он увидел пирогу, на которой убежала Мериэм. Он дернул Бэйнса за руку и показал ему пирогу. Бэйнс едва удержался от радостного крика. Под прикрытием ветвей они быстро пробрались в пирогу. Негр схватил весло, и Бэйнс оттолкнулся от дерева. Через минуту они уже мчались к лагерю шведа — на противоположный берег. Бэйнс, сидя на корме, следил, как люди Мальбина вытаскивают лодки на берег.

Вот и Мальбин выпрыгнул из передней пироги, вот он оглядывается и видит пирогу Бэйнса. С удивлением показывает он на нее своим подчиненным.

Мальбин остановился. Ему нечего бояться. В этой одинокой пироге всего два человека. Но кто они такие? Кто этот белый? Неужели это Бэйнс? Мальбину казалось невероятным, чтобы мистер Морисон Бэйнс мог пойти за ним в джунгли; тем не менее, это было так. Мальбин узнал его — грязного, оборванного — и понял, что заставило этого щеголя идти по его следам через дикие заросли джунглей.

Бэйнс пришел отомстить. Это казалось невероятным, но другого объяснения Мальбин придумать не мог. Он пожал плечами. В течение

всей своей жизни ему мало приходилось считаться с другими людьми. Швед крепко сжал винтовку и ждал.

Вот они совсем уже близко.

— Чего вам надо? — заорал Мальбин, угрожающе поднимая винтовку?

Мистер Морисон Бэйнс встал.

— Ах ты, мерзавец! — закричал он.

Он выстрелил из револьвера. Мальбин тоже выстрелил. Еще секунда, и Мальбин выронил винтовку, схватился за грудь и упал навзничь. Бэйнс вздрогнул. Он судорожно закинул голову. Несколько мгновений он держался на ногах, затем медленно опустился на дно лодки.

Черный гребец не знал, что делать? Если Мальбин действительно убит, негритенок может без опаски присоединиться к своим товарищам; но если швед только ранен — разумнее возможно скорее обратиться на тот берег. Негр медлил, держа пирогу на середине реки. Он уважал своего нового хозяина и был огорчен его смертью. Но Бэйнс зашевелился и попытался повернуться на другой бок. Он был еще жив. Чернокожий поднял его и посадил. Негр стоял перед Бэйнсом с веслом в руке и старался узнать, куда тот ранен. Но снова раздался выстрел, и негритенок с простреленной головой упал за борт, все еще держа весло в руке.

Бэйнс взглянул на берег. Он увидел Мальбина, который приподнявшись на локтях, целился в него. Англичанин соскользнул на дно пироги. Пуля прожужжала над ним. Мальбин, тяжело раненный, не мог целиться так метко, как раньше.

Бэйнс с усилием лег на живот и, держа револьвер, приподнялся над бортом.

Мальбин сразу заметил его и еще раз выстрелил. Но Бэйнс и не пробовал прятаться. Он старательно целился в шведа, зная, что тому нелегко попасть. Он нажал курок. Раздался выстрел, и в гигантское тело Мальбина вонзилась еще одна пуля.

Но Мальбин не был убит. Он снова прицелился, и опять щелкнул выстрел. Пуля раздробила обшивку пироги около самого лица Бэйнса, но тот продолжал стрелять. Мальбин ответил ему с берега, лежа в луже собственной крови. Пирогу уносило течением. И два раненых человека продолжали этот необычайный поединок до тех пор, пока

извилистая африканская река не скрыла мистера Морисона Бэйнса из виду.

XXIII

МЕЖДУ КРОКОДИЛОМ И ЛЬВОМ

Когда Мериэм пробежала по деревне половину улицы, из темных хижин выскочили негры и погнались за ней. Мериэм ускорила шаг, надеясь спастись, но сильные руки схватили ее, и она упала. Она стала умолять негров отпустить ее, но слова замерли у нее на устах... Мериэм увидела высокого, сурового старика, который, сверкая глазами, глядел на нее из-под белых складок бурнуса. Мериэм вздрогнула от удивления и ужаса. Это был шейх!

Она затрепетала перед этим страшным стариком, как трепещет убийца перед судьей, который сейчас прочтет ему смертный приговор. Она не сомневалась, что шейх узнал ее. Годы не настолько изменили ее, чтобы человек, знающий ее с детства, мог не узнать ее.

— Ты вернулась на родину? — насмешливо проговорил шейх. — Ты просишь, чтобы мы накормили и приютили тебя?

— Отпустите меня! — вскричала девушка. — Мне ничего не надо, только отпустите меня к Великому Бване.

— Отпустить тебя? К Великому Бване? — зарычал шейх и из уст его полился целый поток сквернословия по адресу белого человека, которого ненавидели и боялись все преступные люди джунглей.

— Ты хочешь вернуться к Великому Бване? Так вот у кого ты скрывалась с тех пор, как бежала от меня! Так вот кто гонится за тобой по пятам через реку — Великий Бвана, да?

— Через реку переплывает швед, которого ты прогнал из своей страны, когда он и Мбида замышляли похитить меня! — ответила девушка.

Глаза шейха загорелись гневом. Он оставил Мериэм и помчался со своими неграми на берег, чтобы устроить засаду в прибрежных кустах, убить Мальбина и истребить весь его отряд. Но было уже поздно. Мальбин давно высадился на берег, ползком пробрался через лес к деревне и в эту минуту, не смея верить своим глазам, смотрел на разыгрывающуюся перед ним сцену. Шейха он узнал сразу. Мальбин боялся больше всего на свете двух людей: Великого Бваны и шейха. Одного взгляда на высокую, знакомую фигуру было достаточно, чтобы Мальбин, гонимый страхом, поспешно вернулся со своими людьми к

реке. Шейх достиг берега, когда лодки Мальбина были уже далеко. После залпа стрел с берега и нескольких ответных выстрелов с лодок, араб приказал своим людям прекратить стрельбу, захватил пленницу и двинулся на юг. Одна из пуль Мальбина попала в негра, который с несколькими воинами был оставлен шейхом в деревне сторожить Мериэм. Товарищи не стали заботиться о раненом, присвоили себе его оружие и платье и оставили его на том месте, где он нашел свой конец. На него-то и наткнулся Бэйнс, когда вошел в деревню.

* * *

Шейх со своим отрядом ехал вдоль реки к югу. Один из негров отъехал в сторону напиться воды и увидел Мериэм, которая изо всех сил старалась оттолкнуть свою лодку от противоположного берега. Негр обратил внимание шейха на это странное зрелище: белая женщина, одна, без спутников, в глубине Африки! Шейх спрятался тогда со своими людьми в покинутой деревне, чтобы поймать таинственную незнакомку, когда она выйдет на берег. Мечты о богатом выкупе никогда не покидали шейха. Уже не раз случалось ему таким путем набивать свои карманы. Это была легкая нажива, но шейх лишился ее с тех пор, как Великий Бвана сократил его прежние владения.

Когда же белая женщина попала в расставленную ей ловушку, и шейх узнал в ней ту самую девочку, которую он столько лет терзал и тиранил, он почувствовал глубокое удовлетворение. Немного времени потребовалось шейху для того, чтобы установить прежние «отеческие» отношения к девушке: при первом удобном случае он ударил ее по лицу. Он заставил несчастную пройти всю дорогу пешком в то время, как мог дать ей лошадь одного из своих воинов, или посадить ее к себе на седло.

Он упивался ее страданиями, и во всем отряде не нашлось ни одного человека, который с сочувствием отнесся бы к ней. А, может, кто и сочувствовал ей, но из страха перед шейхом не решался проявить свою жалость.

Двухдневное путешествие вернуло Мериэм в родную деревню, где протекало ее горькое детство. Первое, что бросилось в глаза девушке, когда ее ввели за ограду, было беззубое отвратительное лицо Мабуну, ее бывшей няньки.

Быстро промелькнувшим сновидением показались Мериэм долгие годы, проведенные ею вдали от этой ограды, без Мабуну и шейха. Только новое платье да окрепшее девичье тело заставляли Мериэм верить, что эти годы были не сном, а явью.

Жители деревушки, казалось, были обрадованы появлением странно одетой белой девушки, которую многие из них знали еще ребенком. Мабуну притворялась, что очень рада возвращению Мериэм, и, обнажая беззубые десны, строила отвратительные гримасы, которые должны были служить выражением радости. Но Мериэм не могла без содрогания вспомнить те пытки, которым подвергала ее старая ведьма в былые годы.

Среди арабов, появившихся в деревне за время отсутствия Мериэм, был Абдул Камак, высокий, красивый молодой человек лет двадцати. Он глядел во все глаза на Мериэм с нескрываемым восхищением и ушел, злобно ругаясь, когда шейх велел ему убираться вон.

Мало-помалу арабы свыклись с Мериэм и оставили ее в покое. Как и раньше, ей было разрешено свободно ходить по деревне. Частокол был высокий и крепкий, у ворот день и ночь стояли часовые, и шейх не боялся, что она убежит.

Мериэм не любила жестоких арабов и развратных грязных негров. Она была совсем одинока и, как прежде, в далекие дни своего безрадостного детства, уходила на окраину деревни, в темный уголок, где в былые годы так часто играла с милой Джикой под тенью развесистого дерева; дерево срубили, и Мериэм угадала причину: ведь с этого дерева спрыгнул Корака в тот памятный день, когда шейх был избит до полусмерти; благодаря этому дереву Мериэм была спасена от мучительно тяжелой жизни, которая так долго была ее уделом, что она даже и представить себе не могла, что такое радость и счастье.

Мелкий кустарник рос около частокола; под его тенью любила мечтать Мериэм. Огонек счастья вспыхивал в ее сердце и согревал своим светом ее тоскующую душу, когда она вспоминала первую встречу с Кораком, а потом долгие годы их жизни в лесу, где Корака окружил ее нежными заботами и мужественно охранял от всех напастей с самоотвержением и чистой любовью старшего брата. С каждым днем он становился ближе и дороже ее сердцу, и она с удивлением и негодованием вспоминала о тех месяцах, когда его образ почти изгладился из ее памяти.

Но вот перед мысленным взором девушки вставал облик Морисона, и в ее душе наступало смятение. Любила ли она изящного молодого англичанина? Она думала о блеске и роскоши Лондона, который такими яркими красками описывал ей Морисон.

Она старалась представить себя уважаемой и любимой среди блестящего общества великой столицы. Картины, которые рисовало ей ее воображение, были нарисованы для нее Морисоном. Это были великолепные, соблазнительные картины, но они быстро тускнели и меркли, когда в ее памяти вставал могучий образ смуглого полунагого гиганта, молодого повелителя джунглей. Мериэм тяжело вздохнула и приложила руку к стучащему сердцу.

Ее рука почувствовала под тонким платьем края фотографической карточки, которую она спрятала у себя на груди, когда бежала из палатки Мальбина. Тогда она не успела как следует рассмотреть ее. Мериэм вытащила карточку и стала вглядываться в лицо маленькой девочки. О, конечно, это ее лицо! Из-под большого кружевного воротника спускался на тонкой цепочке золотой медальон. Мериэм нахмурила брови. Какие-то мучительно-неуловимые воспоминания проснулись в ее душе. Разве может быть эта одетая по-европейски девочка дочерью арабского шейха? Соблазнительная надежда зажглась в ее сердце. Она не могла не верить свидетельствам своей памяти. Она помнит этот медальон, это ее медальон. Какая же тайна погребена в ее прошлом?

Мериэм долго сидела, разглядывая карточку, и вдруг почувствовала, что она не одна, что кто-то стоит близко, кто-то неслышными шагами подкрался к ней. С быстротою молнии девушка спрятала карточку у себя на груди. Тяжелая рука опустилась ей на плечо. Мериэм была уверена, что это шейх, и с ужасом ожидала удара.

Но удара не последовало. Мериэм нерешительно подняла голову и увидела темные глаза Камака, молодого араба.

— Я видел карточку, которую ты сейчас спрятала, — сказал он. — На карточке изображена ты, когда ты была совсем маленькой. Дай мне взглянуть на нее еще раз.

Мериэм испуганно отодвинулась от араба.

— Я отдам ее тебе, — сказал он. — Я знаю, что ты не любишь шейха, своего отца. Я тоже не питаю к нему нежности. Не бойся, я не выдам тебя. Позволь мне посмотреть на твою карточку.

Одинокая среди бессердечных врагов, Мериэм ухватилась за соломинку, которую ей протягивал Абдул Камак. Может быть, в нем она найдет друга, в котором так нуждается! Все равно, он уже видел карточку и, если захочет, может рассказать о ней шейху. Тогда все пропало — шейх отнимет у Мериэм ее драгоценность. И Мериэм решила уступить просьбе молодого араба, положила на его благородство и протянула ему карточку.

Абдул Камак внимательно рассматривал фотографию. Он сравнивал лицо, изображенное на карточке, с лицом девушки. Он медленно покачал головой.

— Да, — сказал он, — это ты. Но как случилось, что дочь шейха одета в одежды неверных?

— Я не знаю, — ответила Мериэм. — Я никогда не видела этой карточки. Я нашла ее только несколько дней назад, в палатке у шведа, у Мальбина.

Абдул Камак удивленно поднял брови. Он повертел карточку в руках и его взгляд упал на газетную вырезку, приклеенную с другой стороны. Араб кое-как разбирал французские буквы. Он провел шесть месяцев в Париже с несколькими товарищами на выставке и немного усвоил язык и приобрел пороки своих победителей. Теперь он применял к делу приобретенные познания. Медленно, с трудом, он прочел газетные строки. Лукавый огонек зажегся в его глазах.

— Ты читала это? — спросил он.

— Это по-французски, — сказала Мериэм, — я плохо знаю этот язык.

Абдул Камак молча смотрел на девушку. Она была прекрасна. Как и во многих других мужчинах, она зажгла в нем неодолимую страсть. Он опустил перед ней на колени.

Счастливая мысль пришла в голову Абдулу Камаку. Он не расскажет Мериэм, что написано в газете рядом с фотографическим снимком. Надо, чтобы она ничего не знала о своем происхождении. Иначе, для него все погибло.

— Мериэм! — прошептал араб. — Когда я увидел тебя впервые, мое сердце сказало мне, что я навсегда останусь твоим рабом. Я помогу тебе. Ты ненавидишь шейха, я тоже ненавижу его. Позволь мне спасти тебя. Беги со мной, и мы вернемся в великую пустыню, где правит мой отец, такой же могучий шейх. Ты согласна?

Мериэм молчала. Ей было очень тяжело обидеть единственного человека, который предлагал ей покровительство и дружбу, но она не хотела его любви. Ободренный ее молчанием, молодой человек обнял ее и привлек к себе. Но Мериэм с силой оттолкнула его и освободилась из его объятий.

— Я не люблю тебя! — вскричала она. — Не заставляй меня ненавидеть. Ты один был добр ко мне, и я не хочу быть злой, но я не люблю тебя.

Абдул Камак вскочил.

— Ты полюбишь меня! — сказал он. — Хочешь, или не хочешь, а я увезу тебя. Если ты выдашь меня шейху, я расскажу ему о твоей карточке. Я ненавижу шейха, и...

— Ненавидишь шейха? — раздался грозный голос. Араб и Мериэм обернулись. В двух шагах от них стоял шейх. Абдул быстро засунул фотографическую карточку себе под бурнус.

— Да! — сказал он. — Я ненавижу шейха! И с этими словами он нанес страшный удар старику, повалил его на землю и бросился через деревню к высокому толстому дереву, к которому была привязана его оседланная лошадь.

Вскочив на коня, Абдул Камак помчался к воротам. Шейх быстро оправился от полученного удара, вскочил на ноги и стал громко сзывать своих воинов. Чернокожие бросились навстречу скачущему во весь опор всаднику, но Абдул Камак раздавал удары направо и налево прикладом своего длинного ружья, и черные воины не могли подойти к нему. Он быстро приближался к воротам. Тут неизбежно должны были его остановить! Часовые торопливо запирали широкие двери. Беглец взвел курок. Лошадь мчалась бешеным галопом. Два раза выстрелил сын пустыни, и часовые упали. С торжествующим громким криком, высоко над головой размахивая винтовкой, Абдул Камак проскакал через ворота, и джунгли поглотили его.

Шейх был взбешен. Пена ярости показалась у него на губах, и он приказал во что бы то ни стало изловить беглеца. Воины бросились исполнять приказание, а шейх быстрыми шагами подошел к Мериэм.

— Карточка! — зарычал он. — О какой карточке говорил этот негодяй? Где она? Дай ее сюда!

— Абдул Камак унес ее! — печально сказала Мериэм.

— Какая это карточка? — спросил шейх. Он грубо схватил девушку за волосы, поставил на ноги и стал дико трясти. — Кто изображен на карточке? Говори!

— Там изображена я! — сказала Мериэм. — Маленькая девочка, лет шести. Я украла карточку у шведа, у Мальбина. А на другой стороне наклеена вырезка из старой газеты.

Шейх побледнел от гнева.

— Что написано в газете? — прохрипел он сдавленным от бешенства голосом, так что Мериэм с трудом поняла вопрос.

— Я не знаю. Я не понимаю по-французски. Эти слова успокоительно подействовали на шейха. Он даже улыбнулся и перестал трясти Мериэм. Шейх приказал Мериэм никому не говорить о фотографической карточке. Чтобы никто не слышал о ней, кроме шейха и Мабуну.

А в это время по дороге торговых караванов мчался к северу на вспененном коне Абдул Камак.

* * *

Морисон потерял из виду раненого шведа. Пирогу англичанина уже не могла настигнуть пуля, и он устало растянулся на дне лодки. Много часов пролежал он в полном оцепенении.

Морисон очнулся ночью. Он лежал неподвижно и, глядя на звезды, старался понять, где он находится. Почему качается его жесткая кровать? Почему так часто меняются очертания звезд? Сначала ему пришло в голову, что он грезит во сне, но когда он пошевелинулся, чтобы стряхнуть с себя сон, острая боль заставила его вспомнить все. Он плывет по великой африканской реке, в туземной пироге, раненый, одинокий и беспомощный.

Морисон с трудом приподнялся и сел. Он осторожно нащупал рану: кровь остановилась, и ему было почти не больно. Может быть, рана легкая, может быть, задеты только мускулы? Но что, если рана будет заживать медленно? Тогда он умрет с голоду. Разве может он, раненый, добывать себе пищу?

Он стал думать о Мериэм. Морисон знал, что Мериэм была в руках у шведа, но какая судьба постигла ее потом? Если даже Гансон и умер, разве это спасет Мериэм? Она во власти негодяев, жестоких дикарей, и ей не будет пощады. Бэйнс закрыл лицо руками, а совесть говорила

ему, что он один виноват в ее несчастной судьбе. Его необузданная страсть отдала невинную чистую девушку в лапы развратного шведа и его воинов. Он слишком поздно понял, что всего дороже для него в жизни первая любовь, загоревшаяся у него в груди, любовь к девушке, которую он погубил.

Он должен искупить свое преступление. Он должен спасти Мериэм и, если нужно, пожертвовать для нее своей жизнью! Морисон стал искать в лодке весла: его решение придало ему сил, и он забыл о своей ране. Но весла не было. Он взглянул на берег. Во мраке безлунной ночи он смутно различал очертания леса. Джунгли больше не пугали его. Но он даже не удивился своему бесстрашию, потому что не думал о себе и был всецело поглощен мыслями о том, как спасти Мериэм.

Он опустился на колени и, перегнувшись через борт, стал грести раскрытой ладонью. Боль мучила его, он слабел с каждой минутой, но все-таки с невероятной настойчивостью греб несколько часов. Ближе и ближе подплывала пирога к берегу. Морисон услышал рычание льва. Он положил рядом с собой винтовку и продолжал безбоязненно грести.

Изнеможенному Морисону казалось, что целая вечность прошла, пока, наконец, нос пироги не уткнулся в кусты у берега. Морисон схватился за гибкую длинную ветку. Опять раздалось рычание льва. Лев подполз ближе; что, если грозный хищник бросится на Морисона, чуть только нога англичанина вступит на землю?

Морисон попробовал, надежна ли ветка. Да, она выдержит дюжину таких, как он! Англичанин спустил ветку, наклонился, нашел на дне пироги винтовку и вскинул ее на плечо. Потом схватился за сук и стал медленно, испытывая мучительную боль, подниматься на мускулах. Он висел над пирогой. Пирога выскользнула у него из-под ноги, и, тихо покачиваясь, поплыла вниз по течению. Скоро ночная тьма покрыла пирогу своей непроницаемой пеленой.

Все пропало; отступление невозможно. Или взобраться выше на дерево, или рухнуть в воду — другого выбора нет. Он сделал попытку перекинуть ногу через сук, за который держался, но последние силы оставили его, и нога не слушалась. Он не мог шевельнуться. Несколько минут он висел неподвижно. Он ясно сознавал, что если он не вскарабкается выше, гибель для него неизбежна.

Лев зарычал совсем близко. Бэйнс глянул вверх. В двух шагах от себя он увидел две сверкающие фосфорические точки. Лев стоял у воды, глядя на Морисона и ожидая его. — Что же, — подумал англичанин, — пускай подождет. Львы не умеют лазить по деревьям, и если я взберусь на дерево, он не достанет меня.

Его ноги почти касались воды. Он не подозревал, что висит так низко, потому что густая тьма скрывала от него поверхность реки. Внезапно раздался плеск воды, и около ног Морисон услышал страшное лязганье зубов крокодила.

— Боже! — вскричал Бэйнс. — Эта гадина хватает меня за ногу!

Он напряг все свои силы, чтобы сесть на сук, на котором висел, но тщетно. Его ноги не повиновались ему. Надежды не было. Он чувствовал, что его усталые, затекшие пальцы скользят и готовы разжаться. Он падает в воду, в черную пасть смерти, которая уже раскрыта, чтобы поглотить его.

И вдруг листья зашуршали у него над головой. Ветка, в которую судорожно вцепились пальцы Морисона, опустилась под удвоенной тяжестью. Морисон еще держался: смерть наверху и смерть внизу, но добровольно он ей не отдастся.

Что-то мягкое и теплое прикоснулось к его руке, а потом кто-то сильной рукой поднял его слабеющее тело в черную чашу ветвей.

XXIV

МЕСТЬ ТАНТОРА

Порою развалившись на широкой спине у Тантора, порою блуждая пешком по джунглям, Корак медленно продвигался к юго-западу. Он делал одну — две мили в день, потому что времени у него было достаточно. Куда ему было торопиться? Быть может, он двигался бы более поспешно, если бы его не удерживало сознание, что с каждой милей он дальше и дальше уходит от Мериэм — от чужой, но милой Мериэм.

Он напал на след отряда шейха как раз тогда, когда шейх, идя вниз по течению реки, вез в свою деревню пленную Мериэм. Корак отлично знал, кого он встретил, потому что ему были известны все обитатели обширных джунглей. Но ему не было никакого дела до старого шейха, и он не стал преследовать араба. Чем дальше от людей, тем лучше. Корак был бы рад никогда в жизни не видеть людей. Люди всегда приносили ему скорбь и страдание.

Река была богата рыбой. Он целый день провел на берегу, ловил рыбу и ел ее сырою. Когда наступила ночь, он взобрался повыше на дерево и скоро заснул. Нума своим ревом разбудил его. Корак собирался прикрикнуть на беспокойного соседа, когда новый шум привлек его внимание. Он прислушался. Кто шуршит листьями и трясет ветку? Вдруг Корак услышал лязг челюстей крокодила, а потом тихие, но отчетливые слова: «Боже! Эта гадина хватает меня!». Это был знакомый голос.

Корак посмотрел вниз. В темноте он разглядел фигуру человека, ухватившегося за ветку. Корак проворно и неслышно спустился, и его нога коснулась руки человека. Он наклонился, схватил висящее тело и втащил его на верхние ветки. Человек слабо барахтался, стараясь сопротивляться, но Корак обращал на него меньше внимания, чем Тантор на муравья. Он посадил англичанина на толстую ветку и прислонил его спиной к широкому стволу. Взбешенный Нума, у которого перехватили добычу, ревел внизу. Корак весело издевался над ним, называя его на языке больших обезьян «Зеленоглазым пожирателем падали» и «Братом Данго», т. е. гиены. Это были самые оскорбительные прозвища для гордого льва!

Морисон, прислушиваясь к нечленораздельным крикам, был уверен, что он попал в лапы гориллы. Он нащупал револьвер и старался незаметно вытащить его из кобуры, когда внезапно у него над ухом раздался голос:

— Кто вы такой?

Эти слова были произнесены на чистейшем английском языке.

Бэйнс от удивления чуть не свалился с ветки.

— Боже мой! — вскричал Бэйнс. — Вы — человек?

— А вы думали кто?

— Я думал, вы — горилла! — искренне ответил Бэйнс. Корака засмеялся.

— Но вы-то кто же? — повторил он свой вопрос.

— Я англичанин, зовут меня Бэйнс; но, черт возьми, с кем же, наконец, я имею дело? — спросил Морисон.

— Я — Убийца, — сказал Корака. Он перевел на английский язык имя, которое дал ему Акут.

Наступило долгое молчание. Англичанин старался разглядеть лицо необыкновенного человека, но тьма мешала ему. Наконец Корака тихо произнес:

— Вы... тот человек... который целовал девушку на большой поляне, на востоке?... я видел... лев едва не растерзал вас тогда...

— Да, это я! — сказал Бэйнс.

— Как вы сюда попали?

— Девушку похитили... Я хочу освободить ее.

— Похитили! — Это слово вырвалось из груди у Корака, как вырывается пуля из ружья. — Кто?

— Промышленник... швед... Гансон.

— Где он?

Бэйнс рассказал Кораку все, что он успел выведать в лагере Гансона. Забрезжил бледный рассвет. Корака поудобнее устроил англичанина на дереве, принес ему плодов и воды и, попрощавшись с ним, объявил, что уходит.

— Я иду в лагерь шведа, — сказал он. — Я принесу девушку сюда.

— Я пойду с вами, — сказал Бэйнс. — Мой долг и мое право спасти эту девушку, потому что она скоро будет моей женой.

Корака нахмурился.

— Вы ранены. Вы не можете так быстро идти. Я один дойду скорее.

— Что ж, идите! — ответил Бэйнс. — Но и я пойду за вами. Это мой долг и мое право.

— Как хотите! — сказал Корака, пожимая плечами.

Если англичанин желает идти на смерть, пусть идет, Кораку все равно. О, с каким наслаждением Корака растерзал бы его! Но Бэйнс — друг Мериэм, и Корака должен защищать того, кого любит Мериэм. Он добросовестно уговаривал Бэйенса не рисковать своей жизнью. Англичанин упрям — что же может поделать Корака?

Корака помчался на север. А за ним — раненый, изнеможенный, усталый — медленно плелся Бэйнс. Когда Корака уже достиг реки, на берегу которой раскинулся лагерь Мальбина, Бэйнс не прошел и двух миль. Солнце опустилось совсем низко, наступал вечер, а Бэйнс плелся все еще по лесу. Вдруг послышался конский топот. Бэйнс спрятался за кустами, и через минуту мимо него промчался на скакуне араб в белом, развевающимся по ветру бурнусе. Бэйнс не окликнул всадника. Он много слышал о жестокости арабов, которые проникли на юг; он знал, что змея или пантера более доступны жалости, чем эти свирепые выходцы из северной Африки.

Выждав, когда Абдул Камака скроется за деревьями, Бэйнс продолжал свое утомительное путешествие. Через полчаса он опять услышал конский топот. Англичанин хотел спрятаться, но он переходил открытую лужайку, и спрятаться было некуда. Он тихонько побежал, пересиливая мучительную боль.

Не успел он достичь спасительных деревьев, как на лужайку вихрем вылетела толпа всадников в белых бурнусах.

Увидя Бэйенса, они окликнули его по-арабски. Он ничего не ответил, потому что не знал их языка. Разъяренные воины окружили его и стали осыпать вопросами. Бэйнс пробовал говорить по-английски, но они не понимали его. Наконец выведенный из терпения начальник отряда приказал своим воинам схватить англичанина. Арабы обезоружили Бэйенса и посадили на лошадь. Двое воинов повезли англичанина к югу, а остальные арабы продолжали прерванную погоню за Абдулом Камаком.

* * *

Корак подошел к реке. На другом берегу виднелся лагерь Мальбина. Корак не знал, на что решиться. Он ясно видел людей, снующих между хижинами. Значит, Гансон еще в лагере. Корак не подозревал о судьбе, постигшей похитителя Мериэм.

Но как перебраться на другой берег? Плыть через реку среди зубастых чудовищ — безумие. С минуту Корак мучительно напрягал свой ум, потом повернулся и с резким свистом исчез среди деревьев. Он прислушался и снова засвистел. Но никто не являлся на его зов, и Корак углубился в джунгли.

Наконец, до его слуха донесся желанный ответ. Слон трубил далеко в лесу, и через несколько минут Корак встретил Тантора, который высоко поднял свой длинный хобот и шевелил большими ушами.

— Скорее, Тантор! — вскричал Корак, и слон обнял его могучим хоботом и посадил себе на голову. — Торопись!

Толстокожий зверь зашагал по лесу, управляемый легкими толчками голых пяток.

Корак погонял своего могучего коня на северо-запад, и слон скоро привез его к реке, к тому месту, где слоны переходили ее вброд. Не останавливаясь, юноша направил зверя в воду, и с высоко поднятым хоботом Тантор медленно переправил его на другой берег. Какой-то неосторожный крокодил попытался напасть на слона, но Тантор погрузил в воду мощный хобот, выловил земноводного гада, поднял и отшвырнул на сто футов от себя. Таким образом, Корак благополучно миновал бушующую реку.

Тантор шел к югу, неслышной, быстрой и тяжелой поступью, для которой не существовало никаких препятствий, кроме огромных деревьев первобытного леса. Иногда Кораку приходилось покидать удобную, широкую голову доброго друга и идти воздушным путем, по деревьям, потому что тяжелые ветки ударяли его по лицу, но, наконец, путники достигли поляны, на которой раскинул свой лагерь ненавистный Кораку швед. Корак и тут не остановил слона. Ворота были расположены на восточной стороне лагеря и выходили к реке. Тантор и Корак подошли к лагерю с севера. Входа не было. Но зачем Тантору и Кораку ворота?

По единому слову юноши Тантор поднял свой нежный хобот вверх, чтобы не оцарапать его о колючий кустарник, и грудью пошел на деревню. Он без малейшего усилия прошел сквозь ограду. Чернокожие

мирно отдыхали у дверей своих хижин; с громкими воплями помчались они к воротам. Тантор погнался за ними. Он ненавидел людей и думал, что Корак идет убивать этих гадких двуногих.

Но Корак остановил слона и направил его к высокой полотняной палатке, которая возвышалась в центре лагеря. Там он найдет Мериэм и ее похитителя!

Мальбин лежал у входа в палатку, в гамаке, под сенью небольшого навеса. Раны мучили его и не давали ему заснуть. Он сильно ослабел от потери крови. Услышав испуганные крики людей и увидев бегущих воинов, он приподнялся на своем ложе, чтобы посмотреть, в чем дело. В эту минуту из-за угла палатки показалась огромная голова Тантора. Слуга Мальбина, не чувствовавший никакой привязанности к своему господину, при виде ужасного зверя вскочил и убежал прочь. Мальбин остался один, больной и беспомощный.

Слон остановился в двух шагах от раненого шведа. Мальбин застонал. Спасения нет, он прикован к постели! Швед лежал неподвижно, глядя широко открытыми от ужаса глазами в маленькие, налитые кровью глазки могучего зверя, и ожидал неминуемой смерти.

И вдруг к величайшему изумлению Мальбина с головы слона спрыгнул человек. Мальбин сразу узнал в этом необыкновенном человеке вождя павианов и больших обезьян, белого повелителя джунглей, который направил на него и Йенсена целое стадо волосатых чудовищ. Мальбин съезжился от страха.

— Где девушка? — сказал по-английский Корак.

— Какая девушка? — спросил Мальбин. — Девушки я никакой не знаю, тут только жены моих молодцов. Быть может, ты ищешь одну из них?

— Это белая девушка! — сказал Корак. — Не лги: я знаю, что ты обманул ее и заставил бежать из дому. Она у тебя. Где она?

— Это не я! — вскричал Мальбин. — Во всем виноват англичанин... Он научил меня украсть эту девушку. Он хотел увезти ее в Лондон. Она сама хотела ехать с ним. Его зовут Бэйнс. Ступай к нему, и ты узнаешь, куда он девал твою девушку.

— Я только что видел его, — сказал Корак, и бешенство послышалось в его голосе. — Девушки у него нет, он сказал мне, что она у тебя. Куда ты девал ее, говори, негодяй!

Мальбин затрепетал.

— Не тронь меня, и я расскажу тебе все! — воскликнул он. — Девушка была здесь, у меня, но это не я подговорил ее покинуть друзей, а Бэйнс. Он обещал девушке жениться на ней. Англичанин не знает, кто она, а я знаю. Я знаю, что много золота достанется тому молодцу, который вернет ее на родину. Я и хотел сделать это — ради золота, только ради золота, больше ничего мне не надо. Но девушка бежала и переправилась через реку в пироге. Я погнался за нею, а на том берегу очутился этот дьявол шейх. Он поймал девушку, а меня прогнал. Потом явился Бэйнс. Он был взбешен, как черт, потому что у него отняли девушку, он чуть не убил меня. — «Иди к шейху и отними у него девушку!» — Она много лет жила у шейха, и люди считали ее его дочерью.

— Разве она не дочь шейха? — спросил Корака.

— Нет, — ответил Мальбин.

— Кто же она? — спросил Корака.

Мальбин понял, что может извлечь пользу из своих драгоценных сведений. Он был уверен, что проклятый дикарь сейчас кинется на него и убьет. И он решил купить себе пощаду.

— Если ты поклянешься, что не тронешь меня и отдашь мне половину выкупа, — сказал Мальбин, — я скажу тебе, кто эта девушка. Если же ты убьешь меня, ты никогда не узнаешь тайны, потому что эта тайна известна только мне и шейху, а шейх скорее умрет, чем выдаст ее тебе. Девушка ничего не знает о своих родителях.

— Если ты говоришь правду, я не трону тебя! — сказал Корака. — Я пойду в деревню к шейху. Но если девушки там не окажется, я вернусь и убью тебя. А прочие рассказы оставь про себя. Потом когда-нибудь, если девушка пожелает узнать свое прошлое, мы придем вместе с ней и заплатим тебе!

И Корака посмотрел на Мальбина такими глазами, что тот был рад провалиться сквозь землю. А тут еще этот проклятый слон следит за каждым малейшим движением шведа. Убирались бы они оба скорее — и этот мальчишка, и слон!

Кораку нужно было убедиться, не спрятана ли Мериэм в палатке у Мальбина. Он пошел туда. Но слон остался. Не спуская своих крошечных глазок с лежащего в гамаке Мальбина, он сделал шаг вперед и занес над него своим хоботом. Хобот извивался как змея. Мальбин в ужасе прижался к гамаку.

Слон стал шарить и обнюхивать Мальбина и, наконец, издал негромкий рокочущий звук. Глазки у него заблестели. Наконец-то он узнал того двуногого, который много лет тому назад убил его жену, его слоницу. Танторы злопамятны. Танторы мстительны. Мальбин угадал кровавые намерения огромного зверя и громко закричал:

— Помогите! Спасите! Этот дьявол убьет меня!

Корак бросился из палатки шведа. Когда он подбежал к гамаку, слон уже схватил своим хоботом несчастную жертву и поднял ее у себя над головой, вместе с гамаком и навесом.

Корак потребовал, чтобы слон сейчас же положил человека на землю, не причиняя ему никакого вреда, но разъяренный Тантор даже слушать его не хотел. Корак с таким же успехом мог бы приказывать водопаду, чтобы тот повернул свое течение вспять. Тантор носился по лужайке как кошка. Он швырнул несчастную жертву на землю и тотчас же, с кошачьей быстротой, опустился перед шведом на колени и принялся колоть его своими страшными клыками в припадке безумного гнева.

Наконец, убедившись, что его враг не обнаруживает никаких признаков жизни, он снова поднял его ввысь и кинул через ограду тот окровавленный, бесформенный комок, который только что был Свэном Мальбином.

Корак с огорчением наблюдал эту ужасную сцену.

Ему не было жаль негодяя; он и сам ненавидел его. Но швед хранил какую-то важную тайну, и теперь этой тайны уже никогда не узнать!

Безбоязненно подошел Корак к слону и заговорил с ним так нежно, как будто ничего не случилось. Слон, покорный как овечка, поднял своего друга ввысь и ласково посадил к себе на голову.

Негры Мальбина попрятались, кто куда, в укромных местах. Они с ужасом и в то же время с удовольствием видели, как разъяренный слон убивает их злого хозяина.

С широко раскрытыми от страха глазами наблюдали они, как страшный белый воин сел верхом на разъяренного зверя и уехал в джунгли по той же дороге, по какой недавно приехал сюда.

XXV

«СЖЕЧЬ ЕГО НА КОСТРЕ!»

Шейх грозно взглянул на пленника, которого привели к нему с севера. Он послал отряд за Абдулом Камаком и сердился, что вместо последнего ему прислали раненого, никому ненужного англичанина. Почему они не прикончили его там, где нашли? Очевидно, это бедный промышленник, заблудившийся в джунглях. Какая от него польза? Шейх грозно набросился на него.

— Кто ты такой? — спросил он по-французски.

— Я — мистер Морисон Бэйнс из Лондона, сын британского лорда, — ответил пленник.

Этот громкий титул внушал кое-какие надежды. Старый пройдоха стал подумывать о выкупе. Его отношение к пленнику изменилось. Но он продолжал свой допрос в прежнем тоне.

— Что ты хотел украсть в моей стране? — заревел он.

— Я не знал, что Африка принадлежит тебе, — ответил Морисон. — Я ищу девушку, которую похитили из дома моего друга. Похититель ранил меня. Я лежал в пироге. Течение понесло меня вниз по реке. Твои люди схватили меня, когда я возвращался в лагерь похитителя.

— Ты искал девушку? — переспросил шейх. — Не ее ли? — и он показал на кусты, растущие у изгороди.

Морисон широко раскрытыми глазами взглянул на указанное место. Там, спиной к нему, на земле, скрестив ноги, сидела Мериэм.

— Мериэм! — крикнул он и ринулся к ней. Но один из сторожей схватил его за руку. Девушка, услышав свое имя, поднялась и оглянулась.

— Морисон! — вскричала она.

— Молчи и не суйся, куда тебя не просят! — рявкнул девушке шейх. — Значит, это ты, христианская собака, украл у меня дочь! — сказал он Бэйнсу.

— Твою дочь? — воскликнул Бэйнс. — Разве она твоя дочь?

— Да, моя дочь, — кричал шейх, — и я не отдам ее неверному. Ты заслужил смерть, англичанин, но если ты заплатишь мне выкуп, я подарю тебе жизнь.

Бэйнс все еще стоял с широко раскрытыми глазами. Как она очутилась в лагере у араба? Ведь она была у Гансона. Что произошло? Отнял ли ее араб силой, или она по собственной воле отдала себя в руки человеку, называвшему ее своей дочерью? Много бы он дал, чтобы поговорить с нею. Но если она здесь у себя дома, то такие разговоры могут повредить ей. Араб может догадаться, что он хочет увести ее с собой к ее друзьям-англичанам. Морисону теперь уже не приходило в голову отправиться с девушкой в Лондон.

— Ну? — спросил шейх.

— Это не она! — воскликнул Бэйнс. — Извини меня, я думал совсем о другой. Что ж, я согласен платить. Сколько ты хочешь с меня?

Сумма, которую назвал шейх, была не так уж велика. Морисон утвердительно кивнул головой и согласился заплатить. Он так же легко согласился бы, если бы названная сумма превышала его средства, так как не имел ни малейшего намерения платить деньги. Ему просто надо было выиграть время. Пока шейх будет ждать выкупа, он попытается освободить Мериэм, если она того захочет. Но нелепо предполагать, что эта красивая девушка предпочтет остаться в грязной деревушке у грубого араба и не захочет вернуться к удобствам и роскоши гостеприимного африканского дома, откуда Морисон вырвал ее. Бэйнс погрузился в мрачные размышления об этом своем некрасивом поступке.

Его размышления были прерваны шейхом: последний приказал Морисону написать письмо английскому консулу в Алжире. Старый плут, очевидно, не в первый раз выманивал деньги у зажиточных англичан, взятых в плен, потому что он продиктовал письмо, не задумываясь, в твердых и ясных выражениях. Бэйнс не хотел адресовать письмо консулу в Алжир. Он сказал, что таким путем деньги придут не раньше, чем через год, и предложил другой план — послать кого-нибудь в ближайший береговой городок и по телеграфу распорядиться сообщить о присылке денег. Но шейх и слушать не хотел. Шейх был осторожен. Лучше действовать испытанным путем. Ему некуда торопиться. Он подождет год, если понадобится — и два года. Но это вздор! Ждать придется не больше шести месяцев! Затем он повернулся к одному из своих арабов и дал ему указания, как обращаться с пленником.

Бэйнс не понимал по-арабски, но, наблюдая за жестами шейха, догадался, что речь шла о нем. Араб поклонился своему господину и велел Бэйнсу следовать за ним. Англичанин взглянул на шейха, подтверждает ли тот приказание своего подчиненного. Шейх утвердительно кивнул головой. Морисон встал и побрел за арабом к туземной хижине, недалеко от крайней палатки, сшитой из козьих шкур. Они вошли. Там было темно и сыро. Араб позвал двух негров, сидевших на крылечке своих лачуг, и с их помощью связал Бэйнсу руки и ноги. Бэйнс запротестовал, но ни араб, ни негры не понимали по-английски. Они связали Бэйенса и ушли.

Бэйнс был в отчаянии. Что же это такое? Неужели ему придется лежать здесь много месяцев, пока его друзья не пришлют денег? О, если бы они прислали скорее! Он согласен заплатить сколько угодно, лишь бы вырваться из этой проклятой дыры. А он еще собирался телеграфировать своему поверенному не высылать денег, а вместо того дать знать британским властям западной Африки, чтобы те послали сюда экспедицию для освобождения Бэйенса!

Его аристократический нос страдал от ужасного смрада, наполнявшего хижину. Гнилая солома, на которую он был брошен, пахла человеческим потом и гниющими объедками. Но худшее было впереди. Он лежал в самой неудобной позе. Голова, руки и ноги у него затекали. Как ни менял он позу, он не мог спастись от этой боли, потому что руки были связаны у него за спиной.

Он рвал свои путы, пока не выбился из сил. Ему удалось ослабить узел, и он надеялся освободить одну руку. Наступила ночь. Ему не приносили ни пить, ни есть. Неужели они думают, что он может прожить год без пищи? Укусы насекомых стали менее мучительны, хотя насекомые кусали его так же часто. Кто знает, быть может, со временем он привыкнет и перестанет так мучиться. Медленно распутывал он свои веревки. Вдруг появились крысы. Насекомые были гадки, но крысы были просто ужасны. Они начали бегать по всему его телу, визжали и дрались. Морисон застонал и попробовал сесть. Он подобрал ноги под себя и встал на колени, затем нечеловеческим усилием поднялся на ноги. Так он стоял и покачивался, весь покрытый холодным потом.

— Боже, — прошептал он, — чем я заслужил?..

И замолк. Он вспомнил девушку, которая находилась здесь же, в этой же проклятой деревне. Нет! Он заслужил свои муки!

Он стиснул зубы и решил молча терпеть и не жаловаться. Вдруг из соседней палатки донеслись до него гневные голоса. Один из голосов был как будто женский. Может быть, это голос Мериэм? Говорила, по-видимому, по-арабски. Морисон не понял ни слова, но интонации голоса были знакомые. Это она!

Он ломал себе голову, как привлечь ее внимание? Ведь если она развяжет его веревки, они убегут! Но согласится ли она бежать с ним? Если она любимая дочь могущественного шейха — зачем же ей убегать? Как узнать все это? А все это так необходимо знать!

В доме Великого Бваны он не раз слышал, как Мериэм под аккомпанемент Моей Дорогой пела английскую песенку: «Ой, тучи, ой, черные тучи!». Возвысив голос, Бэйнс запел эту песню. Из палатки тотчас же донесся взволнованный голос Мериэм.

— Прощайте, Морисон! — кричала она. — Если небо смилуется надо мной, то завтра меня не будет в живых! А если я останусь в живых, то мне предстоит участь хуже всякой смерти!

Затем послышался гневный мужской голос и шум борьбы. Бэйнс похолодел от ужаса. Он судорожно рванулся изо всех сил, стараясь освободиться. Усилие его не пропало даром: веревки поддались. Через минуту одна рука была свободна. Затем он освободил и вторую. Нагнувшись, он развязал ноги и вышел из хижины. Громадный негр загородил ему дорогу.

* * *

Когда Тантор высадил Корака на берег реки возле деревушки шейха, человек-обезьяна покинул своего огромного товарища и по вершинам деревьев помчался туда, где, как сказал ему швед, находилась Мериэм. Было уже темно, когда он добрался до изгороди. Теперь изгородь сделалась выше и крепче, и уже не было дерева, склонявшего свои ветви над нею. Впрочем, Корак с легкостью мог пролезть там, где обыкновенный человек принужден был бы отступить. Он закинул петлю веревки на заостренный столб и через секунду был уже наверху. Никого не было видно. Корак бесшумно соскользнул на землю и очутился по ту сторону изгороди.

Он приступил к тайным поискам в деревне. Прислушиваясь, прокрался он к палаткам арабов и как тень среди теней беззвучно двигался вдоль темных хижин. В воздухе стоял запах табачного дыма. Коракак понял, что арабы курят перед своими палатками. Но его заслоняли палатки, и арабы не видели его. Вдруг он услышал смех, а с другой стороны деревни донеслась знакомая мелодия: «Ой, тучи, ой, черные тучи!». Коракак остановился в замешательстве. Кто бы это мог петь? Голос был мужской. Он похож на голос молодого англичанина, оставленного Коракаком на берегу реки. Затем раздался скорбный женский голос — это был голос Мериэм. Коракак стремительно помчался на звук голосов.

После ужина Мериэм легла на свою койку в женском отделении богатой палатки шейха; этот угол был занавешен драгоценными персидскими коврами. Здесь помещались только Мериэм и Мабуну, так как жен у шейха не было. Мериэм вспомнила свое невеселое детство: тогда, как и теперь, в женском отделении палатки спали только она да Мабуну.

Вдруг шейх раздвинул ковры и вошел к ним. Его белая фигура ясно выделялась в полумраке палатки.

— Мериэм! — крикнул он, — ступай сюда! Девушка встала и вышла из палатки. Освещенный костром у входа, на ковре, сидел Али бен Кадин, брат шейха, и курил. Шейх стоял перед ним. У шейха и Али бен Кадина был общий отец, но мать Али бен Кадина была рабыней-негритянкой с западного берега. Али бен Кадин был стар, безобразен и черен. Его нос и часть его щеки были изъедены дурной болезнью. Он улыбнулся, увидев Мериэм. Шейх ткнул пальцем на Али бен Кадина.

— Я становлюсь стар, — сказал он. — Немного осталось мне жить. И я отдаю тебя Али бен Кадину, моему брату.

Али бен Кадин встал и подошел к ней. Мериэм в ужасе отпрянула от него. Он схватил ее за руку.

— Идем! — приказал он и потащил ее к себе в палатку. Оставшись один, шейх захихикал.

— Когда через несколько месяцев я отошлю ее на север, — прошептал он, — они поймут, как дорого им обошлось убийство сына моей милой сестры, Амора бен Хатура!

Мериэм молила Али бен Кадина о пощаде, но напрасно. Сначала безобразный черный старик говорил ей нежные слова, но увидев, что он внушает ей такое отвращение, он расสวิрепел и набросился на нее, обхватив ее обеими руками. Дважды ей удавалось ускользнуть от него.

Вдруг она услышала знакомую песню, которую пел Морисон. Едва она успела ответить, как Али бен Кадин снова схватил ее. На этот раз он оттащил ее в самый дальний конец палатки. Там сидели три негритянки с полнейшим равнодушием следившие за трагедией, которая разыгрывалась перед ними...

* * *

Когда Морисон увидел огромного негра, который загораживал ему путь, он пришел в бешенство и превратился в дикого зверя.

С воплем наскочил он на негра и повалил его наземь.

Лежа на земле, они стали барахтаться и наносить друг другу удары.

Бэйнс зажал негру рот так, что тот не мог позвать на помощь. Но в конце концов негру удалось вытащить свой нож, и через секунду Бэйнс почувствовал острую боль в плече. Нож вонзился в него снова и снова. Белый одной рукой держал негра за глотку, а другой шарил по земле, ища, чем бы ударить врага.

Вдруг ему попался под руку камень. Он со страшной силой опустил его на голову противнику. Оглушенный негр выронил нож. Бэйнс ударил его еще и еще. Затем вскочил на ноги и побежал к палатке, откуда доносился жалобный голос Мериэм.

Но Морисон вошел туда не первый.

Полуголый, в леопардовой шкуре Корак, Убийца, притаился в тени за палаткой Али бен Кадина, и когда старый мулат приволок Мериэм в заднее отделение, острый нож прорезал полотно палатки, и перед взорами ее обитателей предстала высокая могучая фигура Корака.

Мериэм узнала его сразу, едва он вошел. Сердце ее забило от гордости и восторга. Как долго она тосковала по нему.

— Корак! — вскричала она.

— Мериэм!

И, не сказав больше ни слова, он набросился на изумленного Али бен Кадина. Негритянки с криками вскочили с постелей и пустились бежать. Мериэм старалась удержать их, но им удалось пролезть в

отверстие, прорезанное Кораком, и они с криками побежали по деревне.

Пальцы Корака сжали мулату горло. Нож вонзился в сердце старого сладострастника, и Али бен Кадин упал на землю. Корака обернулся к Мериэм. В эту минуту в палатку вошел человек, истекающий кровью.

— Морисон! — вскричала девушка.

Корак взглянул на вошедшего. Ему хотелось обнять Мериэм. Он забыл обо всем, что произошло с тех пор, как он видел ее в последний раз. Но, увидев молодого англичанина, он сразу вспомнил ту сцену, которая произошла на лужайке. Сердце человека-обезьяны наполнилось горем.

Переполох, поднятый негрityнками, разрастался. Мужчины бежали к палатке Али бен Кадина. Нельзя было терять ни минуты.

— Живо! — крикнул Корак Бэйнсу, который не успел еще понять, кто такой этот полуголый юноша: враг или друг. — Тащите ее к изгороди. Вот вам моя веревка. Она поможет вам перелезть через изгородь.

— А ты, Корак? — вскричала Мериэм.

— Я останусь, — ответил человек-обезьяна, — у меня есть дело к шейху!

Мериэм пробовала протестовать, но он схватил их обоих за плечи и толкнул в отверстие, которое проделал в палатке.

— Бегите, — прошептал он и обернулся, чтобы встретить врагов, которые вбежали в палатку спереди, через обычный вход.

Человек-обезьяна сражался на славу, как ему еще никогда и нигде не приходилось сражаться. Но неравенство сил было слишком велико, и победа не могла ему достаться. Он добился только того, чего и хотел — англичанин и Мериэм успели пролезть через изгородь. А здесь враги осилили его и через несколько минут, связав, перенесли в палатку шейха.

Старик долго смотрел на него, не говоря ни слова. Он старался выдумать пытку, которая могла бы удовлетворить его гнев. Проклятый мальчишка! Второй раз уже похищает он Мериэм! Убийство Али бен Кадина не слишком раздражало старика. Он сам терпеть не мог омерзительного сына рабыни. Но удар, который когда-то нанес ему этот полуголый юноша, распалял его гнев.

Он сидел, глядя на Корака и придумывая для него страшную пытку. Вдруг за изгородью раздался рев слона, похожий на звук трубы. Легкая усмешка искривила губы Корака. Он чуть-чуть повернул голову и с уст его сорвался низкий, странный зов. Один из негров, стороживших его, заткнул ему рот рукоятью копья. Но никто не понял значения крика.

Когда голос Корака долетел до джунглей, Тантор насторожился. Он подошел к изгороди, перекинул через нее хобот и принялся втягивать воздух. Затем он уперся в изгородь головой и с силой нажал. Но бревна были крепкие и слабо поддавались напору слона.

Шейх, наконец, встал и, ткнув пальцем в связанного пленника, обратился к своим подчиненным.

— Сжечь его на костре! — приказал он. Стража потащила Корака на середину деревни. Там стоял столб. К этому столбу привязывали рабов, приговоренных к наказанию плетью. Часто их засекали до смерти.

К этому столбу привязали Корака. Затем со всех сторон его обложили хворостом. Шейх вскоре явился посмотреть на мучения своей жертвы. Корака был совершенно спокоен. Он не пробовал сопротивляться, даже когда его мучители принесли горящую головню и пламя затрещало по сухим веткам.

Он только снова закричал также, как там, в палатке шейха, и снова из-за изгороди донесся рев слона.

Старый Тантор тщетно старался разбить изгородь. Призывный голос Корака и запах людей, его врагов, наполняли слона гневом. Он отошел назад шагов на десять, поднял хобот, гневно затрубил, опустил голову и, подобно гигантскому тарану, ринулся на изгородь.

Изгородь затрещала и рухнула. Через пробитую брешь вбежал разъяренный слон. Треск ломаемой изгороди слышали все, но один Корака понимал, что означает этот шум.

Пламя уже подбиралось к Кораку, когда один из негров услышал грузный топот чьих-то ног, обернулся и увидел колоссальное чудовище, бегущее к костру.

Негр вскрикнул и бросился бежать. Слон мгновенно расшвырял арабов и негров и подошел к костру, где лежал его любимый друг.

Шейх, сделав несколько торопливых распоряжений, побежал в палатку за ружьем. Тантор хоботом обхватил столб, к которому был привязан Корака, и вырвал его из земли. Слон при этом обжег

чувствительную кожу хобота. Это вдруг привело его в такую ярость, что он заревел и бросился истреблять всех.

Подняв столб вместе с Кораком у себя над головой, зверь повернулся и побежал к брешу, которая была пробита в изгороди. Шейх вышел с ружьем из своей палатки как раз в тот момент, когда взбешенное чудовище пробегало мимо. Араб поднял ружье и выстрелил, но промахнулся... Слон повернулся и раздавил шейха ногами с такой же легкостью, как мы раздавливаем муравья, случайно попавшего нам под ноги...

И высоко подняв свою драгоценную ношу, Тантор вступил под сень джунглей.

XXVI

ОПАСНЫЙ ДРУГ

Мериэм, ошеломленная встречей с Кораком, которого она давно уже считала мертвым, шла вслед за Бэйнсом. Они бесшумно прокрались среди палаток и, невредимые, добрались до изгороди. Следуя совету Корака, англичанин закинул петлю на один из острых кольев забора. Он с трудом влез на забор и протянул руку Мериэм.

— Лезьте! — шептал он. — Мы должны спешить! Но Мэриэм пришла в себя, словно ее разбудили. Там ее Корака один сражается с ее врагом. Ее место — рядом с ним. Она должна помочь ему. Девушка взглянула на Бэйнса.

— Ступайте! — сказала она. — Идите к Бване и приведите его к нам на помощь. Я должна остаться здесь. Вам нечего тут делать. Спешите к Бване и приведите его, если у вас хватит силы дойти.

Морисон Бэйнс молча спустился сверху к ней на землю.

— Я только ради вас оставил его там, — сказал он, кивнув головой в сторону палаток. — Я знаю, что он дольше задержит их, чем я, и даст вам возможность убежать. Но теперь я вижу, что там должен был остаться я. Вы называли его Кораком, я знаю, кто он такой. Он ваш друг. Я дурно поступил с вами... Нет, прошу вас, не перебивайте меня. Я скажу вам всю правду, вы должны знать, какой я негодный человек. Я хотел увезти вас в Лондон, но я и не думал жениться на вас. О, презирайте меня, я заслужил ваше презрение; но я не знал, что такое истинная любовь. Узнав любовь, я узнал и многое другое; каким негодяем и трусом я был всю свою жизнь. Я смотрел свысока на людей, в жилах которых текла простая кровь. Я думал, что вы мне не ровня и не можете носить мое имя. С тех пор, как Гансон обманул меня и увез вас к себе — я живу, как в аду. Но зато, хотя и слишком поздно, я стал человеком. Теперь я приношу вам мою чистейшую любовь и буду несказанно счастлив, если вы согласитесь носить мое имя.

Мериэм молчала. Она глубоко задумалась. Первый ее вопрос, казалось, не относился к делу.

— Как вы попали в эту деревню? — спросила она.

Он рассказал ей все, что произошло с ним с тех пор, как он узнал от негра о подлой проделке Гансона.

— Вы говорите, что вы трус, — сказала она. — А разве трус может поступить так, как поступили вы, чтобы спасти меня? Вы имели храбрость все рассказать мне, это тоже показывает, что вы не трус. Я бы не могла любить труса.

— Значит ли это, что вы любите меня? — удивленно спросил он и сделал шаг вперед, как бы собираясь ее обнять. Но она протянула руку и слегка отстранила его, как бы желая сказать, что пока еще не любит его. Она сама еще не могла разобраться в своих чувствах, но, без сомнения, думала, что любит его. Ей и в голову не приходило, что любовь к этому англичанину противоречит ее любви к Кораку. Корака она любила, ей казалось, только как брата.

Между тем суматоха в деревне усиливалась.

— Его убили, — прошептала Мериэм.

Эти слова напомнили Бэйнсу, для чего они вернулись в деревню.

— Оставайтесь здесь, — сказал он, — я пойду и посмотрю. Если он убит, мы ничем ему не поможем. Если же он жив, я сделаю все возможное, чтобы освободить его.

— Мы пойдем вместе! — ответила Мериэм. — Идемте!

И она повела его обратно к той палатке, где они оставили Корака. Им часто приходилось ложиться на землю в тени палаток, чтобы не быть замеченными. Вся деревня была на ногах. Люди сновали повсюду. Вернуться к палатке Али бен Кадина было труднее, чем убежать из нее. Долго пришлось им идти. Осторожно подкрались они к отверстию, проделанному Кораком в задней стене. Мериэм заглянула в палатку — задняя комната была пуста. Они вошли и тихо раздвинули занавеску, разделявшую палатку на два помещения. В переднем помещении тоже никого не было. Мериэм подошла к двери и открыла ее. Крик ужаса сорвался с ее уст. Бэйнс взглянул через ее плечо и тоже вскрикнул, но он вскрикнул от гнева.

В ста шагах от себя они увидели Корака, привязанного к столбу. Под ним пылал костер. Англичанин оттолкнул Мериэм и пустился бежать к человеку, который был подвергнут этой мучительной казни. Он не раздумывал, может ли он один справиться с целой сотней негров и арабов. В эту минуту Тантор разбил изгородь и подбежал к костру. При виде взбешенного зверя толпа бросилась бежать, увлекая Бэйнса и

Мериэм за собой. Слон схватил Корака и скрылся, но суматоха в деревне продолжалась.

Мужчины, женщины, дети суетились, стараясь укрыться от опасности. Встревоженные лошади, ослы и верблюды, испуганные яростным ревом слона, бились в своих путах. Те из них, кому удалось разорвать веревки, бешеным галопом носились взад и вперед по деревне.

В голове у Бэйнса мелькнула мгновенная мысль.

— Лошадей! — вскричал он. — О, если бы нам удалось достать пару лошадей.

Мериэм повела его в дальний угол деревни.

— Отвяжите двух лошадей, — сказала она, — и ведите их на задворки... туда, где темнее... Я пойду, принесу седла и поводья. Я знаю, где они лежат.

И она ушла раньше, чем он успел остановить ее.

Бэйнс отвязал пару встревоженных лошадей и отвел их в условленное место. С нетерпением ждал он Мериэм. Минуты казались ему часами. Наконец он увидел ее; она шла, склоняясь под тяжестью седел. Быстро оседлали они лошадей. На площади все еще пылал костер. Вокруг костра толпились негры и арабы, которые уже начали приходить в себя. Двое или трое из них, собрав своих пленников, гнали их туда, где Бэйнс и Мериэм седлали лошадей.

Девушка вскочила в седло.

— Торопитесь, — прошептала она. — Нам нельзя терять ни минуты. Слон сломал изгородь! Правьте туда!

Увидев, что Бэйнс уже перекинул ногу через седло, она отпустила поводья. Лошадь рванулась вперед. Ближе всего им было ехать по главной улице, и Мериэм выбрала этот путь. Она мчалась галопом. Бэйнс не отставал от нее.

Их побег был такой неожиданностью, что беглецы проскакали половину деревни раньше, чем удивленные арабы поняли, что случилось.

Узнав их, арабы закричали и открыли пальбу. Под треск выстрелов Бэйнс и Мериэм проскочили сквозь брешь в изгороди и помчались по хорошо утоптанной дороге на север.

* * *

А Корака?

Тантор все глубже и глубже нес его в джунгли, пока вопли перепуганных арабов не замерли вдали. Тогда слон осторожно опустил своего седока на землю.

Корак старался освободиться от веревок, но даже его сильные руки не могли справиться с узлами, которыми он был привязан к столбу. Слон сторожил его, и ни один лесной зверь не решился приблизиться к нему.

Наступил рассвет, а Корак все еще лежал связанный. Он думал, что ему придется умереть от голода и жажды. Тантор, конечно, не мог развязать его.

Всю ночь, пока Корак мучился со своими узлами Бэйнс и Мериэм скакали на север по берегу реки. Девушка уверяла Бэйенса, что Корак в полной безопасности: с Тантором ему нечего бояться. Ей не приходило в голову, что он не сможет разорвать своих веревок.

Арабы ранили Бэйенса, и Мериэм спешила доставить его к Бване, где за ним будут заботливо ухаживать.

Она говорила: — Я позову Бвану на поиски Корака. Мы найдем его, и он будет жить с нами.

Они мчались всю ночь, а на утро встретили отряд, спешно двигавшийся к югу. Это был Бвана со своими черными воинами. Увидев Бэйенса, Бвана нахмурил брови. Но он сдержал свой гнев и молча выслушал рассказ Мериэм. Он, казалось, забыл про Бэйенса. Его мысли были заняты другим.

— Ты нашла Корака? — спросил он. — Ты видела его?

— Да, — ответила Мериэм, — я видела его также ясно, как тебя, Бвана! Помоги мне отыскать его снова.

— А вы его видели? — спросил он у Морисона.

— Да, сэр, — ответил Бэйнс, — я тоже хорошо его разглядел.

— А каков он собой? — продолжал Бвана, — сколько ему может быть лет?

— Он англичанин моих лет, — отвечал Бэйнс, — может быть, немного старше. Это сильный, хорошо сложенный, загорелый мужчина.

— Вы не заметили, какого цвета его глаза и волосы? Бвана говорил торопливо и возбужденно.

— У Корака черные волосы и серые глаза, — промолвила Мериэм.

Бвана обратился к начальнику своего отряда.

— Отведи мисс Мериэм и мистера Бэйнса домой! — сказал он. — Я иду в джунгли.

— Возьми меня с собой, Бвана, — вскричала Мериэм. — Я пойду с тобой искать Корака.

— Ты останешься с человеком, которого ты любишь! — грустно, но твердо сказал Бвана.

Он велел начальнику отряда отвести их домой. Мериэм медленно села на свою усталую арабскую лошадь, которая везла ее из деревни шейха. Бэйнс впал в бессознательное состояние и начал бредить; его уложили на носилки, и маленький отряд медленно потянулся на север, вдоль реки.

Бвана стоял и смотрел им вслед, пока они не скрылись из виду. Мериэм ни разу не оглянулась. Она ехала с низко опущенной головой.

Бвана вздохнул. Он любил маленькую арабскую девочку, как родную дочь. Он хорошо сознавал, что Морисон искупил свою вину, но ему все-таки казалось, что англичанин недостойн руки Мериэм. Бвана медленно побрел к ближайшему дереву. Он подпрыгнул, ухватился за сук и скрылся в густой листве. Как кошка, он взобрался на вершину и стал освобождаться от стесняющей его движение одежды. Он вынул из небольшого мешочка лоскуток замши, аккуратно сложенную веревку и острый нож. Замшей он обвязал поясицу, веревку перекинул через плечо, а нож заткнул за пояс.

Он был готов. Еще мгновение, и у него засверкали глаза. Он прыгнул на соседнее дерево и направился воздушным путем к юго-востоку, дальше и дальше уходя от реки. Он шел быстро и лишь изредка останавливался и издавал пронзительный крик, прислушивался и продолжал свой путь.

Спустя долгое время донесся слабый ответный зов обезьяны. Она откликнулась где-то очень далеко. У Бваны забилось сердце. Он снова пронзительно крикнул и пошел по тому направлению, откуда до него донесся отклик обезьяньего самца.

* * *

Корак был в отчаянии. Помощи ждать неоткуда; он умрет, если сам не поможет себе. Он попросил Тантора на причудливом языке,

который был понятен могучему зверю, поднять его и нести к северовостоку. Недавно там проходили белые и черные люди.

Корак прикажет Тантору схватить чернокожего, а чернокожему велит развязать его путы. Надо попытаться — это все-таки лучше, чем лежать на земле и покорно ожидать наступления смерти. Тантор нес его на своей широкой спине через лес, а Корак громко кричал, надеясь привлечь внимание Акута, который нередко охотился со своим племенем в окрестных дебрях. Быть может, думал Корак, Акуту удастся освободить его от веревок; и Акут услышал его зов и помчался на помощь к нему.

Но услышал его не только Акут...

* * *

Мериэм долго ехала с поникшей головой. Странные мысли волновали ее душу. Вдруг она подозвала к себе начальника отряда.

— Я хочу вернуться к Великому Бване, — решительно сказала она.

Негр отрицательно покачал головой. — Нельзя! — сказал он твердо. — Бвана велел мне отвезти вас домой, и я отвезу вас домой.

— Вы отказываетесь исполнить мою просьбу? — спросила девушка.

— Да, — сказал негр, повернул коня и поехал сзади Мериэм, чтобы ни на минуту не упускать ее из виду. Мериэм лукаво улыбнулась. Ее конь ступал шагом. Она проезжала под сенью густых, наклоняющихся почти до самой земли веток. И вдруг девушка исчезла. Широко раскрытыми глазами негр смотрел на ее лошадь, на ее пустое седло. Он бросился к дереву. Но Мериэм на дереве уже не было. Он стал звать Мериэм — никакого ответа. Лишь откуда-то сверху донесся смех. Негр послал воинов в джунгли, на поиски Мериэм, но поиски не привели ни к чему. Бэйнс метался и бредил. Его нужно скорее доставить домой. Начальник отряда приказал продолжать прерванный путь.

На восток от деревни шейха, в глубине леса, часто собирались слоны. Туда-то и направлялась теперь Мериэм. Во что бы то ни стало нужно найти Корака и увести его с собой. Эта мысль окрыляла ее. Она должна это сделать. Что если с Кораком случилось несчастье? — думала она, и сердце у нее замирало. Что если Кораку нужна ее помощь? Она без отдыха прыгала с дерева на дерево. Ее путь длился

много часов. И вдруг она услышала знакомый крик. Обезьяны обычно сзывают этим криком своих соплеменников на помощь.

Мериэм не ответила на зов Корака, но ускорила шаг. Она летела как птица. Ее ноздри уловили запах Тантора, и она облегченно вздохнула. Корака близко! Она не отвечала на его крик, так как хотела явиться к нему сюрпризом, неожиданно. И, наконец, увидела Тантора, который медленно шагал по лужайке, придерживая гибким хоботом лежащего на его голове Корака.

— Корака! — вскричала Мериэм, спрятавшись среди густой листвы.

Слон положил свою ношу на траву и угрожающе затрубил, готовясь защищать своего друга. Юноша узнал голос Мериэм, и сердце его забилось от волнения.

— Мериэм!

Девушка спрыгнула на землю и побежала к Кораку. Но Тантор нагнул свою могучую голову и двинулся навстречу Мериэм.

— Спасайся! Спасайся! — закричал Корака. — Он убьет тебя!

Мериэм остановилась.

— Тантор! — сказала она огромному зверю. — Разве ты не помнишь меня? Я — малютка Мериэм, которую ты часто возил на своей широкой спине!

Но зверь затрубил еще громче, потрясая смертоносными клыками. Тогда Корака попытался смирить его гнев. Он приказав слону уйти, но тщетно: Тантор не желал покидать своего друга. Он считал всех людей, кроме Корака, своими врагами. Он был уверен, что Мериэм пришла убить Корака, и решил защищать юношу. Целый час Мериэм и Корака старались обмануть бдительность зверя, но все напрасно; Тантор не подпускал Мериэм к беспомощному юноше.

В голове у Корака созрел план действий.

— Притворись, что уходишь, — закричал он девушке. — Иди по ветру так, чтобы Тантор потерял твой запах. Через несколько минут я под каким-нибудь предлогом ушлю Тантора. Тогда ты придешь и перережешь веревки. У тебя есть нож?

— Есть! — ответила девушка. — Я уйду; быть может, нам удастся обмануть его. Да только вряд ли! Тантора не так-то легко провести!

Корака улыбнулся. Он знал, что Мериэм права. Девушка скрылась в чаще. Тантор насторожился и поднял хобот, чтобы поймать ее запах. Корака приказал слону продолжать путешествие. Слон помедлил с

минуту, потом поднял юношу себе на голову и двинулся в путь. И вдруг Корак услышал крик обезьяны.

— Акут! — мелькнуло у него в голове. — Вот это чудесно! Тантор знает Акута и позволит ему подойти.

Корак крикнул в ответ, но велел слону продолжать путь. Он хотел сначала выполнить задуманный план. Слон вышел на поляну, и Корак почуял запах воды. Великолепный предлог! Корак приказал Тантору спустить его на землю и принести в хоботе воды. Тантор положил юношу на траву в середине лужайки и остановился. Он напряженно прислушивался. У него шевелились уши, а хобот жадно втягивал воздух. Все было спокойно и тихо. Тантор направился к ручью, который находился в трехстах шагах от лужайки. Корак весело улыbnулся. Как ловко он обманул своего неуклюжего друга; Но напрасно он радовался. Даже Корак, столь хорошо изучивший натуру Тантора, и тот не подозревал, каким лукавством, какой хитростью обладает его товарищ-тугодум. Тантор, грузно переваливаясь, скрылся в лесу. Когда густая листва скрыла его от Корака, он остановился. Лучше подождать одну минуту и убедиться, что Корак в безопасности, а воду можно принести потом. Ну вот, и в самом деле хорошо, что он не ушел! Вот она, эта негодная самка! Она спрыгнула с дерева и быстро бежит к юноше! Тантор ждал. Он решил допустить девушку совсем близко к Кораку, чтобы потом ей некуда было скрыться. Теперь-то она не уйдет! Маленькие глазки слона сверкали. Хвост шевелился. Ему страстно хотелось громко затрубить и поведать миру о своем неистовом бешенстве. Меризм наклонилась над Кораком. Тантор увидел, как блеснуло у нее в руке длинное лезвие ножа. Слон, свирепо трубя, выскочил из-за деревьев и бросился на беззащитную девушку.

XXVII

РАДОСТНАЯ ВСТРЕЧА

— Стой! — кричал Корака своему огромному другу.

Напрасно! Мериэм со всех ног бежала к ближайшему дереву. Но грузный Тантор догонял ее.

С того места, где лежал Корака, все было видно. Холодный пот выступил у него на спине. Сердце его замерло. Мериэм, конечно, успеет добежать до деревьев, но, несмотря на всю ее ловкость, слон стащит ее вниз своим хоботом. Корака ясно представил себе эту ужасную картину. Тантор проткнет ее свирепыми клыками или раздавит тяжелой ногой.

Слон настигает ее! Корака хочет закрыть глаза, но не может. У него пересохло в горле. Всю жизнь прожил он в лесу, среди лютых зверей, но никогда еще не испытывал такого безумного страха. Да он и не знал никогда, что такое страх. А теперь! Вот, еще минута, и зверь растерзает ее. Страшное мертвенное оцепенение ужаса охватило Корака.

Но что это? Корака широко раскрыл глаза от изумления. Странное существо прыгнуло с дерева и встало между девушкой и разъяренным слоном. Это был белый человек, без одежды, огромного роста. Через плечо у него была перекинута веревка. К веревке был привязан охотничий нож. Никакого другого оружия у белого человека не было. С голыми руками стоял он перед взбешенным Тантором. Краткое приказание сорвалось с его уст — и чудовище остановилось, как вкопанное. Мериэм вскочила на дерево. Она была спасена. Корака облегченно вздохнул, но не мог прийти в себя от удивления. Он пристально вглядывался в лицо избавителя девушки и мало-помалу начинал понимать, в чем дело. Нет, не может быть! Слишком уж это невероятно!

Тантор, все еще свирепо рыча, стоял, перебирая ногами, перед высоким белым человеком. Тот подошел к нему и, стоя под самым его хоботом, сказал ему несколько повелительных слов. Зверь понял человека. Гневные огоньки потухли у него в глазах. Незнакомец направился к Кораку. Слон, как дрессированный, покорно и понуро шел за ним.

Мериэм, удивленная, следила за ними с дерева. Вдруг незнакомец обернулся к ней, как будто он только что вспомнил ее.

— Мериэм, иди сюда! — крикнул он.

— Бвана! — воскликнула девушка. Быстро спрыгнула она с дерева и подбежала к нему. Тантор вопросительно смотрел на Великого Бвану, но, успокоенный его ответом, не возобновил нападения на девушку.

Они вместе подошли к Кораку. В его удивленных, широко раскрытых глазах заблестала пламенная радость и в то же время мольба о прощении.

— Джек! — вскричал Бвана, склоняясь над человеком-обезьяной.

— Отец! — вырвалось из уст Корака. И он засмеялся от радости. — Как хорошо, что ты пришел сюда. Никто, кроме тебя, во всех джунглях не мог бы остановить Тантора.

В один миг веревки, связывающие Корака, были разрезаны. Юноша вскочил на ноги и обнял отца.

Тарзан строго обратился к Мериэм.

— Я, кажется, велел тебе вернуться домой! Корак удивленно смотрел на них. Ему хотелось обнять девушку. Но он вспомнил другого, молодого англичанина, вспомнил, что сам он всего только дикий неуклюжий человек-обезьяна, — и удержался.

Мериэм виновато взглянула в глаза Бваны и тихо сказала:

— Ты приказал мне идти к человеку, которого я люблю! И она взглянула на Корака. Глаза ее наполнились удивительным светом, светом, который был предназначен для него одного, и который видел он один.

Корак бросился к ней с протянутыми руками. Но вдруг опустился перед нею на колени, нежно прижал ее руку к губам и благоговейно поцеловал эту руку.

* * *

Шум, поднятый Тантором, взбудоражил всех обитателей джунглей. Из листвы вынырнула голова большой обезьяны. Обезьяна с минуту пристально смотрела на них, затем из ее глотки вырвался радостный крик. Она соскочила на землю и, в сопровождении дюжины своих соплеменников, подбежала к людям, крича на первобытном обезьяньем языке:

— Тарзан вернулся! Тарзан, владыка джунглей! Это был Акут. Он прыгал и восторженно кувыркался вокруг них. Обыкновенные люди подумали бы, что он полон самого ужасного гнева, но люди-обезьяны понимали, что это были знаки великого почтения и преданности. Подданные подражали ему. Каждый старался прыгнуть выше всех остальных и издать звук, какого никто не мог бы повторить.

Корак любовно положил руку своему отцу на плечо.

— На свете есть только один Тарзан, — сказал он, — второго быть не может.

Через два дня они выехали из леса. За широкой поляной виднелся дымок, вьющийся над трубой большого дома.

Тарзан, обезьяний царь, вытащил из-под дерева свой европейский костюм и переделался. Корак отказался идти дальше, пока ему не принесут одежду. Он не хотел, чтобы мать увидела его не одетым. Мериэм осталась с ним, боясь, как бы он не передумал и не убежал опять в джунгли. Тарзану пришлось одному идти домой.

Моя Дорогая встретила его у ворот. Она была печальна — он вернулся один, без Мериэм.

— Где она? — спросила она дрожащим голосом. — Мувири сообщил мне, что она не послушалась тебя и побежала за тобой в джунгли. Ах, Джон, неужели я и ее потеряю? Этого удара я не перенесу.

И леди Грейсток заплакала, опустив голову на грудь того, кто не раз уже утешал ее в ее страдальческой жизни.

Лорд Грейсток поднял ее голову и посмотрел ей в глаза счастливыми веселыми глазами.

— Что случилось, Джон? — вскричала она, увидев его взор. — Ты вернулся с доброй вестью? Не томи меня, расскажи мне все поскорее.

— Я не скажу ни слова, пока ты не пригодишься выслушать самую приятную новость, какую тебе когда-либо приходилось слышать, — сказал он.

— От радости не умирают, — вскричала она. — Ты нашел... ее?

Ей не хотелось возбуждать в своем сердце напрасную мечту...

— Да, Джэн, — сказал он сдавленным от волнения голосом, — я нашел ее, и, кроме того, — его.

— Где он? Где они? — вскричала она.

— В джунглях, неподалеку отсюда. Он не хотел прийти к тебе полуголым, в одной леопардовой шкуре. Он послал меня сюда за одеждой.

Она всплеснула руками и бросилась к дому.

— Подожди! — закричала она. — Я сохранила все его костюмы. Я сейчас принесу тебе их.

Тарзан расхохотался.

— Оставь эти костюмчики в шкафу, — сказал он. — Лишь мой костюм будет ему впору. Он вырос, твой маленький мальчик, Джэн!

И через час Корака вернулся домой к матери, образ которой никогда не погасал в его сыновнем сердце. Глаза ее были полны любви и прощения.

Затем она взглянула на Мериэм, и лицо ее омрачилось.

— Милая моя девочка, — сказала она. — Тебя ждет большое горе. Мистер Бэйнс скончался.

В глазах у Мериэм засветилась печаль. Но это было не та печаль, которую чувствует женщина, когда теряет любимого.

— Мне жаль его, — сказала она просто. — Он хотел причинить мне много зла, но перед смертью искупил свою вину. Я думала одно время, что люблю его. Сначала он мне нравился, потому что я никогда не видала таких людей. Потом я стала уважать его за смелость. Он не побоялся признаться в своем нехорошем отношении ко мне. Он бесстрашно смотрел в глаза смерти. Но я не любила его. Я никого не любила, пока не узнала, что Корака жив.

И она улыбнулась тому, кто до сих пор носил имя Убийцы.

Леди Грейсток взглянула в глаза своему сыну — сыну, который был наследником лорда Грейстока. Но она не думала о различии их общественного положения. Она только хотела узнать, любит ли Джек эту сиротку. Его взгляд рассказал ей все. Она обняла их обоих и поцеловала каждого несколько раз.

— Наконец-то, — воскликнула она, — у меня в самом деле будет дочь!

* * *

Ближайшая миссия была далеко, но там они оставались недолго; тотчас же после венчания, они отправились к морю, сели на пароход и поехали в Англию. Эти дни были полны для Мериэм самых

необычайных чудес. Ей никогда и не снилось, сколько волшебных изумительных чар таит в себе жизнь культурных людей. Океанский пароход со всем своим комфортом внушал ей благоговение. Суতোлка, грохот английских железнодорожных вокзалов ошеломили ее.

По приезде в Лондон, когда Грейстоки пробыли у себя дома около недели, Грейсток-Тарзан неожиданно получил письмо из Парижа от своего старинного друга д'Арно.

В этом письме д'Арно рекомендовал Тарзану своего друга, французского генерала Армана Жако.

Лорд Грейсток много слышал о генерале Жако, и в этом не было ничего удивительного, так как каждый, кто знает историю современной Франции, не может не знать генерала Жако. Подлинное имя генерала — принц де Кадренэ. Но будучи республиканцем, принц навсегда отрекся от этого громкого имени, которое его предки носили со славою в течение многих столетий.

— Принцам не место в республике! — обычно говаривал он.

У генерала были седые усы и горбатый ястребиный нос. Лорд Грейсток принял его у себя в кабинете, и после первых же слов, и гость, и хозяин почувствовали искреннюю симпатию друг к другу.

— Я приехал к вам вот по какому поводу, — объяснил генерал Жако. — Наш дорогой адмирал д'Арно утверждает, что в мире нет другого человека, который знал бы центральную Африку так основательно, как ее знаете вы. Вы спросите: зачем мне понадобилась центральная Африка? Позвольте рассказать вам по порядку. Дело в том, что лет пятнадцать назад я служил в иностранном легионе в Алжире, и там у меня похитили мою единственную малолетнюю дочь. Кто похитил? Вероятно, арабы. Мы приняли все меры, чтобы вернуть ее, но напрасно. Она словно в воду канула. Мы поместили ее фотографию во всех больших газетах всего мира, но не нашлось ни одного человека, который мог бы указать нам ее след... И, вот, неделю тому назад является ко мне в Париже какой-то араб, который именует себя Абдулом Камаком, и заявляет, что он отыскал мою дочь и может указать мне ее местопребывание. Я привел этого араба к адмиралу д'Арно, который в свое время немало путешествовал по Африке. Выслушав араба, адмирал пришел к заключению, что то место, где скрывали мою дочь, находится неподалеку от вашей африканской усадьбы. Адмирал посоветовал мне, не теряя времени, повидаться с

вами и спросить у вас, не знали ли вы где-нибудь по соседству маленькой белой девочки?

— А какие у араба доказательства, что та девочка — действительно ваша дочь? — спросил лорд Грейсток.

— Никаких, — ответил Жако. — Вот почему я и решил перед тем, как организовать экспедицию, посоветоваться с вами. У этого субъекта только и есть, что фотография моей погибшей дочери, вырезанная из старой газеты. К этой фотографии приложено описание примет моей девочки и тут же объявлено, какую награду получит тот, кто найдет ее или укажет ее местопребывание. Я боюсь, что араб нашел где-то старую газету, увидел в ней наше объявление, соблазнился обещанной суммой и теперь желает всучить нам первую попавшуюся белую девушку. Очевидно, он строит свои расчеты на том, что по прошествии стольких лет мы будем не в состоянии узнать, наша это дочь или не наша.

— А этот фотографический снимок при вас? — спросил лорд Грейсток.

Генерал вынул из кармана конверт, в котором хранилась пожелтевшая газетная вырезка. Слезы заблестели у него на глазах, когда взор его упал на изображение его маленькой исчезнувшей дочери.

Недолго разглядывал лорд Грейсток фотографию девочки. Странное выражение появилось у него на лице. Он нажал кнопку звонка. Появился лакей.

— Спросите у жены моего сына, не будет ли она так добра пожаловать ко мне в кабинет?

Ни гость, ни хозяин не сказали ни слова. Жако, как человек благовоспитанный, даже и виду не показал, что странное поведение лорда уязвило его. Он решил, что чуть только появится приглашенная дама, он, после первых же приветствий, откланяется.

Через минуту в комнату вошла Мериэм.

Лорд Грейсток и генерал Жако встали. Англичанин молчал. Он даже не представил старика жене Джека. Он хотел заметить, какое впечатление произведет на француза лицо Мериэм.

Дело в том, что у лорда Грейстока, чуть он увидел в газете фотографию Жанны Жако, возникло в уме некоторое невероятное предположение.

Генерал Жако окинул беглым взглядом лицо Мериэм и тотчас же, сдерживая волнения, обратился к лорду Грейстоку.

— Вы давно знали это?

— Нет! Мне это пришло в голову всего минуту тому назад, когда я увидел фотографию!

— Это она! — воскликнул Жако, — но она не узнает меня. И немудрено! Она не может узнать... И, обратившись к Мериэм, он сказал:

— Милое дитя, я твой...

Она не дала ему договорить. Она бросилась к нему с распростертыми объятиями.

— Я знаю, я знаю... — закричала она. — Теперь я помню, я вспомнила все!

Грейсток пригласил в кабинет свою жену и Джека; и все были вне себя от радости, что Мериэм нашла своих родителей.

— Вот видишь, — сказала Мериэм мужу, — ты думал, что ты женишься на какой-то арабской девчонке без роду и племени, а теперь тебе не придется краснеть за меня. Это хорошо? Неправда ли?

— Ты для меня все самое лучшее в жизни! — ответил Корак. — Я женился на моей малютке Мериэм, и для меня безразлично: Тармангани ли она, или арабка без роду и племени.

— Важно не то, что она принцесса, — сказал генерал Жако. — А то, что она — героиня.

Примечания

1

Magnifique — великолепный! (*франц.*)

2

Sapristi! — черт возьми! (*франц.*)

3

Mon Dieu! — Боже мой! (*франц.*)

4

Douar — мусульманское селение в Сев. Африке (*франц.*)

5

бвана — по-туземному господин.

6

сафари — носильщики.

7

Эль-Адреа — лев.